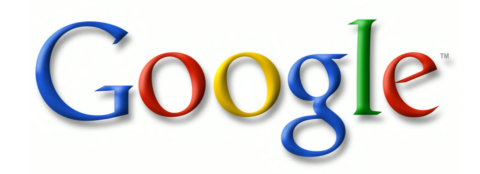
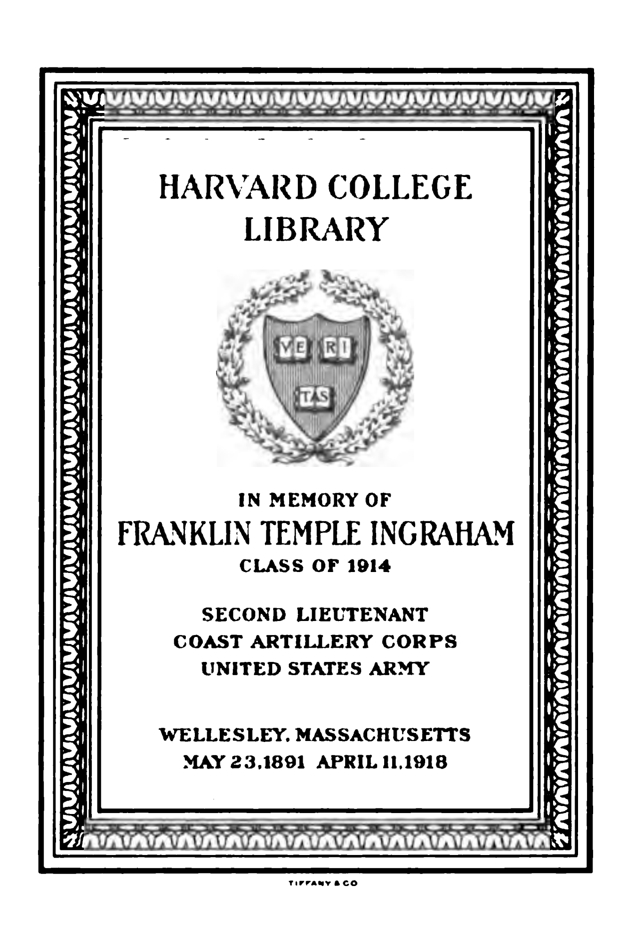

HARVARD COLLEGE
LIBRARY
VE RI TAS
IN MEMORY OF
FRANKLIN TEMPLE INGRAHAM
CLASS OF 1914
SECOND LIEUTENANT
COAST ARTILLERY CORPS
UNITED STATES ARMY
WELLESLEY, MASSACHUSETTS
MAY 23, 1891 APRIL 11, 1918
TIFFANY & CO

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ
ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ
МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1881 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1898

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ

ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ

МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1881 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1898

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ вал., соб. д., 2 ст. Моск. уѣзда

~~Единая~~

Монархія рѣшаетъ единовластіе.

~~Единая~~ Верховная власть имѣетъ все-
щую весь народъ, власть надъ всѣми
вѣтвями въ землѣ, ~~[illegible]~~
не только не въ раздорѣ со свободою, но
вполнѣ утверждаетъ ~~ее~~ и обезпечиваетъ ее.
~~Въ~~ Государствѣ, ~~въ~~ а не иной власти ~~[illegible]~~
свободное общеніе не существуетъ безъ
большаго или меньшаго сосредоточенія
власти, ~~[illegible]~~ которое образованія
государства и состоитъ въ собраніи
власти. Земля собираетъ покоренныхъ
~~и угнетенныхъ~~
~~неравенныхъ~~ владѣнія, отбирая власть
у многихъ лицъ, родовъ и общинъ,
и государство не устанавливаетъ иного
не признаетъ Ранѣе многовластія.

1881 ГОДЪ.

Указатель статей[1]).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы [2]).

Обозрѣніе событій истекшаго года. 1—А.

Мнимый голодъ и происшедшая отсюда паника. 8.

У гроба Императора Александра II. О власти. 64.

Призывъ ко власти. 65—Б, стр. 125.

Зло растетъ отъ нашего мнѣнія о собственномъ безсиліи. 66—А.

О храмѣ на мѣстѣ событія 1-го марта и о всенародномъ памятникѣ Царю-Освободителю въ Москвѣ. 69—А.

Постомъ и молитвою искупимъ нашу вину по отношенію къ воспитанію настоящаго поколѣнія. 69—Б.

На Руси не можетъ быть иныхъ партій кромѣ той, которая за одно съ русскимъ народомъ. 72—А.

День погребенія императора Александра II. Мученическая кончина Его будетъ Ему оправданіемъ и прославленіемъ и скрѣпитъ узы соединяющія народъ съ Царемъ. 74.

Что значитъ слово *реакція?* Государственная власть. Наши либералы. 79—А.

Все что противорѣчитъ основному строю русскаго государства должно быть устранено изъ него самымъ рѣшительнымъ образомъ. 99—А.

Злоба враговъ редактора *Московскихъ Вѣдомостей* относится къ тѣмъ началамъ которыя для *русской партіи* въ Россіи обязательны и священны. 100.

Единственный царскій путь. 114—Б.

Высочайшій манифестъ 29 апрѣля. 118—А.

Конституція и представительство. 119.

Циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ: начала, въ духѣ которыхъ должно дѣйствовать правительство. 125.

Свобода и власть. 126.

Бѣдственное состояніе въ которомъ Россія досталась Императору Александру III. 138.

По поводу пріѣзда Императора Александра III въ Москву. 196.

Земля и государство. 197.

Администрація.

Истинныя задачи коммиссіи для пересмотра учрежденій губернскаго и уѣзднаго управленія. Самоуправленіе въ Англіи и въ Россіи. 305.

Упраздненіе намѣстничества на Кавказѣ и въ царствѣ Польскомъ. 337—А.

Военное дѣло.

Кодексъ законовъ для сухопутной войны выработанный Институтомъ Международнаго Права, разборъ его графомъ Мольтке и отвѣтъ на него профессора Блунчли. 36.

Майскій парадъ. 118—А.

Выходъ въ отставку графа Д. А. Милютина. 144.

Отвѣтъ *Голосу* по поводу всеподданнѣйшаго доклада Н. И. Пирогова. 146—В.

По поводу статьи Захарова „о стоимости патронныхъ гильзъ.“ 189.

Слухи о военной реформѣ. 214. 225.

Перемѣны по военному вѣдомству. 244.

Измѣненіе системы нашихъ мѣстныхъ войскъ. 247.

Измѣненіе сроковъ военной службы. 252.

Австрійское интендантство и интендантскія школы. 254.

Измѣненіе военно-окружной системы. 278. 281.

Къ вопросу о децентрализаціи власти въ военной системѣ. 291.

Расквартированіе войскъ въ Германіи и у насъ. 295.

Мнѣніе коммиссіи занимавшейся измѣненіемъ военно-окружной системы. 298—А.

Вопросъ о замѣнѣ военно-окружной системы корпусною. 312.

Желательность учрежденія унтеръ-офицерскихъ школъ. 315—А.

Приказъ по военному вѣдомству о чинопроизводствѣ. 335—Б.

Сокращеніе войсковой переписки и военныхъ канцелярій. 349.

Вопросъ объ упраздненіи нѣкоторыхъ коммиссій при Военномъ Министерствѣ. Коммиссіи въ Германіи. 360.

---

[1]) Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первую, вторую или третью статью въ данномъ нумерѣ; нумеръ страницы указываетъ на часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы касающіеся Россіи затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

Еврейскій вопросъ.

Уличные безпорядки въ Кіевѣ. 121—А.

Крестьянское дѣло.

Причина обѣдненія крестьянъ заключается не въ маломъ надѣлѣ а въ недостаткахъ эксплуатаціи земли. 15—Б.
Предполагающееся пониженіе выкупныхъ платежей и правильная организація переселеній. 111—Б. 113.
Объ общинномъ землевладѣніи. 114—А.
Переселенческій вопросъ. 116. 135—Б.
Совѣщаніе изъ Министровъ о пониженіи выкупныхъ платежей. 142.
Наши переселенцы на Амуръ. 162.
Наши переселенцы. 188. 191.
Мнимая малоземельность русскихъ крестьянъ. 320.
Объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ крестьянами. 322.
Неопредѣленность оснований обязательнаго выкупа. 328.
Обязательный выкупъ и необходимость оставить за помѣстнымъ дворянствомъ права на добавочные платежи. 338.
Выкупные платежи и обязательный выкупъ надѣловъ. 345.

Литература, наука и искусство.

Характеристика внутренняго міра Достоевскаго (по поводу его кончины.) 33.
Смерть Н. Г. Рубинштейна и значеніе его для русскаго искусства. 85.

Морское дѣло.

Необходимость развитія русскаго торговаго флота. 22, стр. 45.

Нигилизмъ и крамола.

Событіе 1-го марта. 61. 62.
Крамола вызвавшая событіе 1-го марта. 63.
Связь „Исполнительнаго комитета“ съ „польской справой.“ 65—А.
Раскрытіе обстоятельствъ сопровождавшихъ событіе 1-го марта. 65—Б.
По поводу осмотра лавки на Малой Садовой. 66—Б. 76.
По поводу отзывовъ иностранной печати о событіи 1-го марта. 67.
По поводу назначенія генералъ-маіора Баранова Петербургскимъ градоначальникомъ и черезчуръ формальнаго исполненія своихъ обязанностей всѣми членами администраціи. 71.
Польскіе органы о событіи 1-го марта. 78—Б.
Организація особаго муниципальнаго совѣта при С.-Петербургскомъ градоначальникѣ. 80—А.
Откуда берутся деньги у нашихъ революціонеровъ. 81.
Невыдержанность лицъ законнаго правительства и дисциплина подпольнаго. 86.
Тягостное впечатлѣніе отъ того способа которымъ производится судъ надъ цареубійцами. 88.
Смущеніе общественной совѣсти при участіи въ процедурѣ суда. Ожиданіе рѣчи Н. В. Муравьева. 90.
Прятавшаяся по подпольямъ революціонная пропаганда открыто выходитъ на улицу. 92.
Указаніе на то что пишется въ подлежащихъ цензурѣ органахъ о событіи 1-го марта. 95.
Мысли по поводу того что говорилось въ залѣ засѣданія Правительствующаго Сената во время суда надъ цареубійцами. 99—Б.
Обманъ революціоннаго движенія идетъ не съ низу, не изъ народа; онъ идетъ изъ преддверій власти, изъ бюрократическихъ сферъ. 104.
Истинное зло Россіи заключается въ той гнилой части ея интеллигенціи которая чуждается своего народа. 105.
Статья Тэна „Физіологія якобинца.“ 124.
Раскрытія произведенныя въ Петербургѣ градоначальникомъ Барановымъ. Что такое крамола? 130.
Дѣло г. Булюбаша. 139—Б.
Вопросъ о выдачѣ политическаго преступника Гартманна. 218.
Перемѣна фронта крамолы. 229.

Печать.

По поводу обвиненія редактора *Московскихъ Вѣдомостей* въ его сношеніяхъ съ высокопоставленными лицами и объ арендной недоимкѣ. 60.
Паника газеты *Порядокъ* по поводу статей *Московскихъ Вѣдомостей* и *Руси*. 97—Б.
Исторія аренды *Московскихъ Вѣдомостей* и университетской типографіи. 109—Б.
Приказъ по печати не разглашать происходящаго въ университетахъ. 111—А.
Интрига прессы воспользовавшаяся временными экономическими затрудненіями. 137.
Бездѣйствіе администраціи противъ клеветы и диффамацій въ печати. 236.
Дѣло издателя *Московскихъ Вѣдомостей* съ ректоромъ Московскаго Университета. 308—Б. 313—Б.
Дѣло вражды завладѣвшее русскимъ словомъ. 362—Б.

Польскій вопросъ.

По поводу статьи въ *Allgemeine Norddeutshe Zeitung* оправдывающей поляковъ. 72—Б.
По поводу письма полученнаго отъ маркиза Вѣлепольскаго. 77.
Нѣмецкія газеты о соотношеніи между польской справой и русскимъ нигилизмомъ. 79—Б.
Полемика органа кн. Бисмарка съ польскими органами. 80—Б.
По поводу письма Литвина изъ Парижа подъ заглавіемъ „Литва и Польша.“ 208.

Пути сообщенія.

Необходимость выкупа желѣзныхъ дорогъ въ казну. 174.
Либаво-Роменская желѣзная дорога. 219. 224—Б. 237. 245.
Вопросъ о переходѣ русскихъ государственныхъ путей сообщенія во власть чужеземцевъ. 233.
Продажа акцій Либаво-Роменской желѣзной дороги. 249. 253.

Сельское хозяйство.

Общество улучшенія народнаго труда 154. 155.
Наша земледѣльческая статистика. 167.

Прочность земельной регистраціи. 169.
По поводу брошюры „Обезпеченіе урожаевъ." 170.

Сословія.

Открытіе въ Москвѣ дворянскихъ выборовъ и рѣчь кн. В. А. Долгорукова. 13—А.
Идея представляемая нашимъ дворянствомъ. 18.

Судебное дѣло.

Дѣло экономіи графа Бобринскаго съ крестьянами села Люторичъ. 29. 46—Б.
Законодательная работа для новаго уголовнаго кодекса. 131.
Наши судебныя инстанціи. 172.
Недостатки нашего устава гражданскаго судопроизводства. 176. 181. 182.
Дѣло Билибина убившаго женщину. 193.
Дѣло объ убійствѣ дѣда внукомъ. 292.
Новый законъ о наказаніяхъ для несовершеннолѣтнихъ. 334.
Дѣло бывшаго Минскаго губернатора Токарева, генерала Лашкарева и др. 362—А.

Учебное дѣло.

Не нужно *ломки*, нужно *крушеніе* гимназическаго устава. 9.
Привѣтствіе университету 12 января. 11—Б.
Обличеніе газеты *Голосъ* по поводу ея нападокъ на Ученый Комитетъ за журналъ *Народная Школа*. 27.
Клевета газеты *Голосъ* на Министерство Народнаго Просвѣщенія. 35 41.
Объ университетской молодежи. (по поводу безпорядковъ въ С-Петербургскомъ Университетѣ). 45—А. 48—Б.
Съѣздъ попечителей учебныхъ округовъ и ихъ занятія. 48—А.
Университетская молодежь не виновата производя безпорядки: она возбуждается къ тому *сверху*. 93.
Студенты дурны потому что нѣтъ внутренней правды въ отношеніяхъ университетской власти къ молодежи. 97—А.
О необходимости измѣненія университетскихъ экзаменовъ. 109—А.
Шагъ впередъ. 166.
Мысль объ основаніи Кавказскаго университета. 272.
Военныя гимназіи. 355.

Финансовые вопросы.

1. Питейное дѣло.

Соляная монополія и кабацкое разореніе. 205.
Коммиссія о правильной постановкѣ питейной торговли 209.
Необходимость сокращенія кабаковъ. 228.
Коммиссія для обсужденія вопроса объ уменьшеніи пьянства въ Россіи. 231.
Мірскіе кабаки. 259.
Двѣ записки предложенныя экспертамъ. 261.
Неудовлетворительность выработки коммиссіей питейнаго вопроса. 263.
Совѣщаніе при Министерствѣ Финансовъ. 266.
Проектъ измѣненія питейнаго устава ведущій не къ ослабленію, а къ увеличенію пьянства. 267.
Труды совѣщанія при Министерствѣ Финансовъ. 271.
Вредъ общественныхъ кабаковъ. 274.
Необходимость замѣны неправильнаго употребленія питей правильнымъ. 277.
Вредъ замѣны кабаковъ трактирами. 280.
Доклады „свѣдущихъ людей". 286.
Необходимость казенной питейной монополіи. 288.
Документы доставленные г. Тихомировымъ на „совѣщаніе" экспертовъ по питейному вопросу. 289.
Правильно поставленная продажа вина не ущербъ, а выгода казнѣ. 293.
Казенная винная монополія при продажѣ только на выносъ и при отсутствіи раздробительной продажи есть единственное средство рѣшенія питейнаго вопроса. 296. 299—Б.
По поводу брошюры А. Н. Аксакова. 300. 303.
Статья Мандельштамма о казенной винной монополіи. 307.
О казенной винной монополіи (отвѣтъ г. Кошелеву). 310.

2. Пошлина.

Новая система взиманія акциза съ сахара 101.
Повышеніе пошлины на джуту. 146—А.
Нашъ таможенный тарифъ. 212.
Необходимость пересмотра таможеннаго тарифа. 223.

3. Торговля и промышленность.

Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1879 г. 20.
Неравенство въ размѣрахъ провозной платы за наши и заграничные товары. 22.
Повсемѣстное пониженіе цѣнъ на хлѣбъ и одновременное съ этимъ сокращеніе фабричной дѣятельности. Необходимость исправленія таможеннаго тарифа. 37.

4. Финансы.

Государственная роспись на 1881 годъ. Дефицитъ истекшаго года есть недочетъ желѣзнодорожнаго хозяйства. 4.
Порядокъ ликвидаціи счетовъ по заимствованіямъ Государственнаго Казначейства изъ Государственнаго Банка и по временнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ. 10.
Пониженіе нашего курса въ связи съ кіевскими и одесскими безпорядками. 134.
Краткосрочный пятидесятимилліонный заемъ. 152. 159.
Введеніе ипотечной системы. 156. 160.
Слухи о преобразованіи нашего Государственнаго банка. 180. 183.
Слухъ о сокращеніи государственнаго бюджета. 200.
Отставка Е. И. Ламанскаго и толки этимъ возбужденные. 216.
Небывалый урожай въ Россіи и подъемъ денежнаго курса. 223.
Новый внутренній заемъ. 270.
Вредъ отъ купоннаго денежнаго обращенія. 314. 326.
Вредъ причиненный доктриной объ избыткѣ у насъ кредитныхъ билетовъ. 333.
Главныя причины нашихъ дефицитовъ. 336.
Статья Геллера „по вопросу о денежномъ обращеніи". 342.

Новыя у насъ бюджетныя соображенія и расплата одного казеннаго кармана съ другимъ. 352.
Желательность сокращенія сверхсмѣтныхъ кредитовъ. 356.
Мнимый долгъ Государственнаго Казначейства Государственному Банку. 361.

Русскія владѣнія въ Азіи.

Осада Скобелевымъ Геокъ-Тепе. 14.
Взятіе Геокъ-Тепе. 15—А.
Необходимость взятія Мерва и проектъ Англіи. 30.
Покорность Текинцевъ и предполагаемое движеніе впередъ. 38.
По поводу письма маіора Бэтлера о Мервѣ. 44.
Занятіе русскими Атрека и крики англійскихъ газетъ. 184.
Статья генерала Стебницкаго „Русско-Турецкая граница въ Малой Азіи". 343.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы.

По вопросу о международной выдачѣ заговорщиковъ. 73. 87.
О правѣ убѣжища. 83. 84. 98.
Дипломатическіе переговоры съ цѣлію принятія международныхъ мѣръ противъ интернаціоналки. Рѣчь сэра Гаркорта. 121—Б.
Митингъ международныхъ революціонеровъ въ Лондонѣ. 198.
Международная обязанность выдачи преступниковъ. 201.
Къ вопросу о выдачѣ преступниковъ. 235.

Восточный вопросъ.

Затрудненія на Балканскомъ полуостровѣ и отношеніе къ намъ великихъ державъ 3.
Греко-турецкая распря. Мысль у державъ о третейскомъ судѣ. 6.
Коалиція Англіи и Франціи по Греческому вопросу и роль въ этомъ дѣлѣ Германіи. 28.
Рѣчь Бисмарка о Греко-Турецкихъ дѣлахъ. 43.
Объ измѣненіи французской политики относительно Греціи. 45—Б.
Ожиданія столкновенія между Турціей и Греціей. 50.
Переговоры между Турціей и Греціей. Фальшивость дипломатіи. 55.
Просьба Греціи къ державамъ о гарантированіи уступаемой ей границы съ Турціей. Германія, безстрастная зрительница европейскихъ затрудненій, поощряетъ Францію къ предпріятіямъ въ Африкѣ. 94.
Препирательство Греціи съ Турціей объ автономіи Эпира. 106
Анархія въ Болгаріи и намѣреніе князя Александра отказаться отъ престола. 117.
Письмо князя Болгарскаго къ министру Эрнроту и тревога Англіи. 133.
Замѣшательства въ Болгаріи. 148.
Болгарскій кризисъ и участіе Англіи въ Болгаріи. 163—А.
Притязанія Австріи и обязанности князя Болгарскаго. 168.
Единогласное врученіе власти Болгарами князю Александру. 187—А.
Пожеланія князю Болгарскому въ пріѣздъ его въ Москву. 187—Б.
Негодованіе Австріи на князя Болгарскаго. 195.
Клеветы петербургской печати на князя Александра. 215.
Англійская печать объ интересахъ Англіи на Востокѣ. 264.
Слухи о свиданіи короля Италіянскаго и императора Австрійскаго и мечты Австріи о гегемоніи на Востокѣ. 285.
Гоненія Австріи на Сербскаго митрополита Михаила. 298.
Введеніе австрійской воеввой повинности въ Босніи и Герцеговинѣ. 301 — А. 327.
Распря Австро-Венгріи съ Румыніей по вопросу о нижнемъ теченіи Дуная. 335—А. 351.

Ватиканъ.

Намъ не слѣдуетъ имѣть папскаго нунція въ Петербургѣ. 107.
Усиливающаяся притязательность Римской куріи. 329.
Подвимаемый Бисмаркомъ вопросъ о свѣтской власти папы. 344
Параллель между отношеніями къ папѣ Германіи и Россіи. 350.
Сношенія Бисмарка съ папой для прекращенія культурной борьбы. 354.

Австро-Венгрія.

Уличные безпорядки въ Прагѣ и возбужденная ими политическая агитація. 190.
Открытіе въ Вѣнѣ соціалистической типографіи. 221—Б.
Недружелюбное отношеніе Австріи къ Россіи и придирки ея къ Румыніи. 239.
Интрига Венгріи противъ Россіи. 260.
Перемѣна министра внутреннихъ дѣлъ въ Венгріи. 282.
Толки австрійской печати о свиданіяхъ въ Данцигѣ и въ Вѣнѣ. 299.
Назначеніе графа Кальноки министромъ иностранныхъ дѣлъ и любезный къ Россіи тонъ австрійской печати. 319.
По поводу пожара въ вѣнскомъ Рингъ-театрѣ. 337—Б.

Англія.

По поводу статьи N. D. *A. Zeitung* о военномъ могуществѣ Англіи. 46—А.
Поземельный вопросъ въ Ирландіи. Ирландскій билль. 110.
Побѣда Гладстона по ирландской реформѣ. 221—А.
Рѣшительныя мѣры англійскаго правительства противъ крамолы въ Ирландіи. 284.

Америка.

Покушеніе на жизнь президента Соединенныхъ Штатовъ Гарфильда. 173. 177.
Смерть президента Соединенныхъ Штатовъ Гарфильда и „коррупціонисты". 251.

Германія.

Законопроектъ кн. Бисмарка о страхованіи фабричныхъ отъ увѣчья. Жалобы города Кенигсберга на объдненіе. 11—А.

Открытіе прусскаго Народно-хозяйственнаго Совѣта. 21. 25. 56.
Рѣчь кн. Бисмарка въ прусскомъ ландтагѣ и его мысли объ измѣненіи финансовой системы. 32.
Законопроектъ о разграниченіи компетенціи между органами администраціи и земскаго представительства. 49.
Рѣчь кн. Бисмарка о берлинскомъ городскомъ управленіи. 59.
Мечтанія берлинской печати о тройственномъ союзѣ. 91.
Угроза кн. Бисмарка парламенту перенесеніемъ центра правительства изъ Берлина въ Кассель. 112.
Парламентскія затрудненія для кн. Бисмарка. 120.
Монополія изготовленія пороха и динамита. 135—А.
Законопроектъ кн. Бисмарка о страхованіи рабочихъ. 145. 158. 210.
Борьба кн. Бисмарка противъ парламентской системы. 153. 163—Б. 302. 316. 321—А.
Столкновеніе кн. Бисмарка съ дворомъ. „Культурная борьба“ и „шествіе въ Каноссу“. 232.
Рѣчь генерала Мольтке въ Килѣ и поученіе которое изъ нея можно извлечь для Россіи. 265.
Толки о таинственномъ посѣщеніи кн. Бисмарка Гамбеттой. 279.
Тронная рѣчь Императора Германіи и непоколебимость кн. Бисмарка: 309.
Посланіе императора Вильгельма къ рейхстагу. 313—А.
Мѣры противъ соціальной пропаганды. 321—Б.
Политика кн. Бисмарка въ борьбѣ съ революціонерами. 328—Б.
Борьба кн Бисмарка съ парламентомъ по поводу постояннаго Народно-хозяйственнаго Совѣта. 331.
Тревога въ Берлинѣ по случаю назначенія въ Россію графа Шадорди. 341.
Нѣмецкая пресса о благодѣяніяхъ оказанныхъ Германіей Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ. 348.

Италія.

Борьба партій и непрочность министерства Каироли. 132.
Бѣдственное экономическое состояніе Италіи. 147.

Средняя Азія.

Тревога Англіи по поводу побѣдъ генерала Скобелева. 16. 24.
Соображенія Англіи на счетъ Афганистана. 31.
Отчетъ требуемый у Россіи Англіей. 39. 40. 42.
Заботы Германіи объ интересахъ Англіи въ Средней Азіи. 141.
Недоброжелательство правительства Англіи къ Россіи. 204.
Англійская печать объ изолированномъ положеніи Россіи. 257.
Прорицанія газеты *Times* съ цѣлію встревожить Россію. 275.

Турція.

Судъ надъ убійцами Абдулъ-Азиса. 175.
Агитація въ пользу неуплаты Турціей долга Россіи. 330.
Сближеніе Турціи съ Германіей. 340.

Франція.

Избраніе Гамбетты въ президенты палаты депутатовъ. 13—Б.
Обзоръ содержанія „Желтой Книги“. 23.
Честолюбивые замыслы Гамбетты. 57.
Рѣчь Рошфора передъ судомъ. 78—А.
Дѣло Франціи въ Тунисѣ. 106.
Будущая роль Гамбетты и новый законъ депутатскихъ выборовъ. 118—Б.
Занятіе Франціей Туниса. 123.
Къ избирательной реформѣ. Побѣда Гамбетты. 127.
Возвышеніе Гамбетты. 139—А. 301—Б.
Новая избирательная система. 149.
Ударъ нанесенный Гамбеттѣ сенатомъ и палатой депутатовъ. 161.
Успѣхи въ Тунисѣ. 186. 194.
Анархія во Франціи. 203.
Предстоящіе выборы во Франціи и ея безвластіе. 211.
Рѣчи Гамбетты и пробужденіе власти. 222.
Порядокъ выборовъ и Гамбетта. 224—А.
Египетскій вопросъ во Франціи. 243.
Двѣ парализующія другъ друга палаты. 258.
Четырехдневныя пренія палаты о Тунисской экспедиціи. 308.
Кабинетъ Гамбетты. 315—Б.
Пересмотръ конституціи съ цѣлію ограниченія сената. 323.
Недовольство министерствомъ Гамбетты. 347.
Финансовое предпріятіе въ Парижѣ: *Union générale*. 357.

Общее обозрѣніе.

Политика Англіи, Германіи Австро-Венгріи и Франціи. 1—Б.
Толки французской и нѣмецкой печати о нашей будущей политикѣ. 70.
Парламентаризмъ въ Англіи и Германіи. 147.
Столкновеніе между французами и италіянцами въ Марсели. 165.
Свиданіе въ Гаштейнѣ императоровъ Германскаго и Австрійскаго. Нѣмецкая печать. 207.
Обзоръ взаимныхъ отношеній европейскихъ державъ. 230.
Свиданіе императоровъ Всероссійскаго и Германскаго въ Данцигѣ. Осенніе маневры нѣмецкой арміи. 238.
Нѣмецкая печать о свиданіи въ Данцигѣ. 242.
Пріѣздъ италіанской королевской четы въ Вѣну и сочувствіе Германіи этому событію. 287.
Перемѣны министровъ иностранныхъ дѣлъ во всей Европѣ и непоколебимая прочность кн. Бисмарка. 306.

1881 ГОДЪ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

А.

Истекшій годъ былъ годомъ кризиса и перехода... Перехода къ чему? Въ исторіи бываютъ переходы лишь къ тому что неизбѣжно, къ тому что̀ должно быть, стало-быть къ лучшему... Но прямымъ путемъ или чрезъ косогоры и буераки? Пока мы еще не совсѣмъ на пути, но надѣемся вскорѣ выйти и чаемъ всего лучшаго.

Истекшій годъ былъ годомъ юбилея и траура. Мы праздновали совершившееся двадцатипятилѣтіе славнаго царствованія и оплакивали кончину Императрицы Которой суждено было только дожить до своего юбилейнаго года.

Истекшій годъ былъ годъ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ и учрежденія „диктатуры," быстро покончившей съ затрудненіями и успокоившей всѣхъ, — годъ призыва новыхъ людей къ государственному дѣлу, перехода власти изъ рукъ въ руки, многихъ паденій и многихъ возвышеній, — годъ неурожая и дороговизны хлѣба, отмѣны соляного налога и многообѣщающихъ начинаній, — годъ либеральнаго словоизверженія и реакціонныхъ попытокъ къ пониженію уровня русскаго образованія, — годъ который не досказалъ своего слова и передаетъ теперь своему преемнику неизвѣстное наслѣдіе...

Въ международной сферѣ господствовало въ минувшемъ году полное затишье. Перемѣна правительства въ Англіи создала новую политическую констелляцію въ Европѣ, и мы очутились на востокѣ рука объ руку съ нашимъ отъявленнымъ противникомъ. Общія заботы были направлены къ тому чтобы поддержать европейскій концертъ, и этимъ средствомъ привести въ исполненіе неисполненныя части Берлинскаго трактата. Предстояло рѣшить два главные вопроса: удовлетворить Черногорію и заставить Турцію поступиться въ пользу Греціи присужденными ей частями Эпира и Ѳессаліи. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, въ Берлинѣ собралась конференція для обсужденія какое развитіе дать протоколу конгресса 1879 относительно греческихъ притязаній. Черногорскій вопросъ былъ уже рѣшенъ на конгрессѣ; но что касается Греціи, оставалось еще опредѣлить въ чемъ должно было состоять исправленіе границы постановленное конгрессомъ. Составленный въ Парижѣ проектъ новой турецко-греческой границы, вслѣдствіе энергической поддержки Англіи, былъ принятъ и прочими державами. Но Турція, не участвовавшая на конференціи, не считала себя обязанною подчиниться ея рѣшеніямъ. Соглашаясь отчасти удовлетворить требованіямъ Черногоріи, она указывала на то что относительно Греціи конгрессъ постановилъ только исправленіе границы, а не присоединеніе такой значительной территоріи какой Греція требуетъ. Такимъ образомъ, исполненіе рѣшенія затягивалось, и понадобилась пресловутая европейская морская демонстрація, которая кое-какъ добилась уступки Дульциньйо въ пользу Черногоріи; греческій же вопросъ грозитъ новыми потрясеніями на Востокѣ и заботитъ дипломатовъ.

Б.

Въ числѣ событій минувшаго года въ нашемъ отечествѣ прежде всѣхъ выдается злодѣяніе 5 февраля: стало ясно что чрезвычайныя мѣры для борьбы съ крамолой которыя дотолѣ принимались правительствомъ были недостаточны. Необходима

была твердая и ничѣмъ не стѣсненная власть. 12 февраля послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи Верховной Распорядительной Коммиссіи для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Во главѣ этой Коммиссіи былъ поставленъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Ему предоставлено было верховное направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи. Самый фактъ учрежденія органа чрезвычайной власти подѣйствовалъ на общество успокоительно. Возникъ вопросъ о соединеніи всѣхъ отраслей полицейской власти, и въ началѣ марта Третье Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи и жандармскій корпусъ были подчинены начальнику Верховной Распорядительной Коммиссіи. Вскорѣ Третье Отдѣленіе было вовсе упразднено, а 6 августа послѣдовалъ Высочайшій Указъ, коимъ была закрыта Верховная Распорядительная Коммиссія, и дѣла ея были переданы въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, при которомъ учрежденъ особый департаментъ Государственной Полиціи въ замѣнъ Третьяго Отдѣленія. Завѣдываніе корпусомъ жандармовъ возложено на министра Внутреннихъ Дѣлъ. Отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отдѣлены Департаменты Почтъ и Телеграфовъ, изъ коихъ, попрежнему, образовано особое министерство, и во главѣ его поставленъ бывшій министръ Внутреннихъ Дѣлъ статсъ-секретарь Маковъ. Министромъ же Внутреннихъ Дѣлъ назначенъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

Въ ряду перемѣнъ въ правительственныхъ сферахъ слѣдуетъ упомянуть объ увольненіи 26 апрѣля министра Народнаго Нросвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстаго и о назначеніи на должность управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія статсъ-секретаря А. А. Сабурова, а на оберъ-прокурорскій постъ члена Государственнаго Совѣта К. П. Побѣдоносцева; затѣмъ объ увольненіи министра финансовъ генералъ-адъютанта С. А. Грейга и о назначеніи на его мѣсто дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. А. Абазы.

Въ ряду имѣющихъ важное значеніе дѣйствій правительства должно упомянуть о назначеніи сенаторской ревизіи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и объ учрежденіи, послѣ новаго назначенія главнаго начальника по дѣламъ печати гофмейстера Н. С. Абазы, особаго совѣщанія для пересмотра существующихъ законовъ о печати.

Въ экономической жизни страны, самымъ крупнымъ фактомъ въ минувшемъ году былъ необыкновенный подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Хлѣбъ началъ дорожать еще съ осени 1879 года подъ вліяніемъ усиленнаго отпуска его за границу, и затѣмъ въ теченіе всего прошлаго года, до наступленія зимы, цѣны на него шли все въ гору, причиняя не малыя затрудненія для людей недостаточныхъ классовъ и возбуждая еще бо̀льшую тревогу за будущее. Эта тревога усилась толками о крайней недостаточности урожая и объ отсутствіи хлѣбныхъ запасовъ которыми могло бы быть обезпечено народное продовольствіе. Продовольственный вопросъ повсемѣстно выступилъ на передній пладъ. Этимъ вопросомъ были озабочены какъ городскія и земскія, такъ и высшія власти. Пріисканіе мѣръ къ къ удешевленію хлѣба, ассигнованіе суммъ на покупку его для облегченія затрудненій нуждающагося класса, таковы были задачи приковавшія къ себѣ общее вниманіе. Въ Петербургѣ, подъ конецъ года, учреждена была особая продовольственная коммиссія изъ нѣсколькихъ министровъ. Къ какимъ заключеніямъ пришла она, пока еще неизвѣстно. Но послѣдніе мѣсяцы минувшаго года ознаменовались нѣсколькими фактами показавшими что въ опасеніяхъ вызванныхъ дороговизной хлѣба было слишкомъ много преувеличеннаго. Съ наступленіемъ зимы, почти повсемѣстно начался подвозъ хлѣба на рынки, и цѣны на него стали понижаться съ недѣли на недѣлю. Подрядчики на поставку хлѣба въ казну, недавно еще отказывавшіеся отъ исполненія заключенныхъ съ нею контрактовъ, стали охотно брать на себя подряды на будущее время по довольно сходнымъ цѣнамъ. Размѣры продовольственнаго вопроса сами собою сузились. Урожай оказался на дѣлѣ далеко не такъ плохимъ какъ воображали. Серіозно пострадали отъ неурожая лишь нѣкоторыя мѣстности Поволжья и Новороссіи. Но и въ Поволжьи, какъ видно изъ отзыва ревизующаго Саратовскую губернію сенатора, недостатокъ продовольственныхъ средствъ оказался вовсе не общимъ и не повсемѣстнымъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, недостаточно обильный урожай какъ 1875, такъ особенно минувшаго года и необычный подъемъ

цѣнъ на хлѣбъ тяжело отозвались почти на всей обрабатывающей промышленности. Увеличенные расходы на продовольствіе повели за собой сокращеніе расходовъ на удовлетвореніе другихъ, не столь насущныхъ потребностей, вслѣдствіе чего спросъ на фабричные и заводскіе продукты уменьшился. Многіе фабрики и заводы оказались вынужденными значительно уменьшить свое производство и распустить часть рабочихъ; между тѣмъ сокращеніе оборотовъ по торговлѣ русскими продуктами, какъ по внутреннему, такъ и по внѣшнему сбыту, не сопровождалось такимъ же сокращеніемъ оборотовъ по торговлѣ иностранными товарами. Напротивъ, привозъ изъ-за границы въ минувшемъ году не уменьшился, но еще увеличился противъ прошедшаго года.

Отъ новаго министра Финансовъ ожидается измѣненіе всей господствовавшей донынѣ финансовой и экономической политики. Какое приметъ она направленіе неизвѣстно, но отмѣна соляного налога, которымъ на первыхъ же порахъ ознаменовалась состоявшаяся перемѣна въ финансовомъ управленіи, позволяетъ разсчитывать на дальнѣйшіе шаги къ постановкѣ русскаго народнаго хозяйства въ болѣе благопріятныя чѣмъ прежде условія. Отмѣна соляного акциза и установленные въ связи съ этою мѣрой добавочные сборы съ торговыхъ свидѣтельствъ и повышеніе на $10^0/_0$ таможенныхъ пошлинъ были самыми крупными актами минувшаго года. Важное значеніе этой мѣры уже достаточно оцѣнено публикой, хотя результаты окажутся лишь въ будущемъ. Но упоминая о благодѣяніи оказанномъ отмѣной соляного налога, нельзя забыть и [illegible] другой льготѣ дарованной народу въ [illegible] минувшемъ году по случаю праздно[illegible] ся двадцатипятилѣтняго юбиле[illegible]вшагося [illegible] ванія Государя Император[illegible]ля царство[illegible] датныхъ недоимокъ бы[illegible]. Половина по[illegible]а сложена.

Какъ въ предше[illegible]шемъ, такъ и въ минувшемъ году, [illegible]ь первомъ полугодіи дѣлались попы[illegible]тки сокращенія бумажноденежнаго [illegible] обращенія, а во второмъ полугодіи о[illegible]стоятельства вынуждали выпускать об[illegible]ратно изъятые кредитные билеты. Какъ и въ предшедшіе годы, въ маѣ мѣсяцѣ былъ заключенъ государственный заемъ, полувнѣшній, полувнутренній, на сумму 150 милл. рублей; но реализація его сопровождалась не совсѣмъ выгодными для Россія послѣдствіями. Въ займѣ приняли большое участіе германскіе банкиры, но взятыя ими облигаціи займа туго шли у нихъ съ рукъ вслѣдствіе возникшаго въ Германіи денежнаго кризиса. При зависимости нашего денежнаго рынка отъ германскаго, затрудненія возникшія у нашихъ сосѣдей не замедлили отразиться на насъ. Вмѣсто того чтобъ отправлять золото въ Россію по заключенному ею займу, предъявлено было сильное требованіе на русское золото для удовлетворенія оказавшейся въ немъ нужды въ Германіи. Неизвѣстно въ связи или не въ связи съ этимъ обстоятельствомъ находится принятое въ послѣднее время нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ рѣшеніе сократить размѣръ государственныхъ суммъ остававшихся обыкновенно въ рукахъ иностранныхъ банкировъ.

Вышеупомянутый стопятидесятимилліонный заемъ былъ займомъ желѣзнодорожнымъ, но назначался не на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, а лишь на сведеніе счетовъ по прежнимъ расходамъ изъ желѣзнодорожнаго фонда. Въ дѣлѣ расширенія желѣзнодорожной сѣти въ минувшемъ году господствовало полное затишье, новыхъ дорогъ не строилось, и длина [illegible] ти увеличилась лишь открытіемъ [illegible]женія небольшихъ участковъ [illegible]я двишихся желѣзнодорожныхъ [illegible]страиваванымъ фактомъ былъ то[illegible]ътвей. Крупуказъ объ изыскані[illegible]лько Высочайшій ленному сооруж[illegible] средствъ къ немедСибирской [illegible]нію восточнаго участка ной уже [illegible]лѣзной дороги, утвержденнетер[illegible]пять лѣтъ тому и давно всѣми эт[illegible]лѣливо ожидаемой. Но исполненіе [illegible]го указа имѣетъ состояться еще въ будущемъ. Въ минувшемъ же году управленіе путей сообщенія сосредоточивало свое вниманіе главнымъ образомъ на улучшеніи существующей желѣзнодорожной сѣти. Множество вопіющихъ недостатковъ въ постановкѣ у насъ желѣзнодорожнаго дѣла было выяснено, между прочимъ, при разслѣдованіи его на мѣстахъ состоящею подъ предсѣдательствомъ графа Баранова особою желѣзнодорожною коммиссіей и ея подкоммиссіями; продовольственный вопросъ побудилъ обратить на это дѣло еще большее вниманіе и выяснилъ между прочимъ крайнее несоотвѣтствіе независимой тарифной политики желѣзнодорожныхъ управленій съ общими государственными интересами. Но къ практическимъ резуль-

татамъ законченное въ минувшемъ году желѣзнодорожное изслѣдованіе пока еще не привело. Этихъ результатовъ должно, однако, ожидать въ непродолжительномъ будущемъ, а за минувшимъ годомъ остается заслуга подготовки предстоящаго рѣшенія вопроса.

Въ началѣ года были очень запутаны наши отношенія съ Китаемъ. Китайское правительство не только отвергло договоръ о Кульджѣ подписанный въ 1879 году въ Ливадіи, но предало своего посла Чонгъ-Хоу суду который и приговорилъ его къ смертной казни. Газеты наполнялись извѣстіями о военныхъ приготовленіяхъ Китая къ войнѣ съ Россіей и о закупкѣ имъ оружія и патроновъ въ Америкѣ и броненосныхъ судовъ въ Англіи. Но въ теченіе года, Китайское правительство одумалось и вступило въ новые переговоры по вопросу о Кульджѣ. Миссія эта была возложена на маркиза Цзенга, прибытіе котораго въ Петербургъ замедлялось, однако, вслѣдствіе колебаній Пекинскаго правительства. Между тѣмъ во время этихъ колебаній, главнымъ образомъ въ іюнѣ, русское военное и морское министерство успѣли развернуть военныя ... какъ на сухопутной, такъ и на морсилы ...чицахъ Небесной Имперіи. Сильской гр... подъ командою адмирала Леная эскадр... ...шаяся въ Тихомъ Океанѣ совскаго собра... прекратила колебанія у береговъ Китая ... такъ что маркизъ китайскихъ властей, ...тербургъ 18 іюЦзенгъ, прибывшій въ Пе... Государемъ ля и 10 августа принятый ... бывше-Императоромъ могъ сообщить что ... помy послу при нашемъ Дворѣ дарован... милованіе. Вмѣстѣ съ этимъ отъ русска... повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пекинѣ получено извѣстіе что всѣ прошлогоднія претензіи русскихъ подданныхъ къ китайскимъ получили должное удовлетвореніе. Дальнѣйшій ходъ переговоровъ не представлялъ уже никакихъ затрудненій, кромѣ проволочки въ сношеніяхъ обусловленной китайскимъ этикетомъ. Переговоры теперь окончены, затрудненія улажены. Остается ждать что Пекинское правительство, на окончательное разсмотрѣніе котораго поступилъ проектъ трактата, не повторитъ прошлогодней ошибки.

Еще въ 1879 году начались рѣшительныя дѣйствія противъ Ахалъ-Текинцевъ, но обстоятельства сложились такъ что въ 1880 году дѣйствія эти пришлось начинать вновь. Зима и ранняя весна прошли въ приготовленіяхъ къ экспедиціи, въ сосредоточеніи въ Закаспійскомъ краѣ войскъ и военнаго матеріала; затѣмъ, въ маѣ, начались военныя дѣйствія цѣлымъ рядомъ рекогносцировокъ и движеніемъ нашего передоваго отряда къ Беурмѣ и Бами auламъ расположеннымъ на самой окраинѣ оазиса. Въ іюнѣ занятъ и обращенъ въ опорный и складочный пунктъ аулъ Бами, откуда, затѣмъ, генералъ Скобелевъ предпринялъ нѣсколько усиленныхъ рекогносцировокъ вглубь Текинскихъ владѣній съ цѣлью выяснить намѣренія противника и въ то же время ослабить его силы, истребивъ продовольственные запасы какъ оставшіеся отъ прошлаго года, такъ и стоявшіе еще на корню. Къ началу осени дѣйствія, какъ было возвѣщено офиціально, прекратились, и все вниманіе сосредоточено на доставленіи отряду средствъ провести зиму въ степяхъ. Въ числѣ мѣръ долженствовавшихъ способствовать этому, первое мѣсто заняла Закаспійская желѣзная дорога. Работы по проложенію этого пути начавшіяся въ концѣ лѣта не окончены еще и теперь, хотя дорога уже не мало содѣйствовала снабженію экспедиціоннаго отряда всѣмъ необходимымъ и вмѣстѣ съ прочими средствами доставила ему возможность перезимовать въ степи, среди воинственнаго населенія, что до сихъ поръ считалось почти невозможнымъ.

Но вотъ, изъ англійскихъ газетъ узнали мы о возобновленіи военныхъ дѣйствій отряда. Отрывочныя извѣстія не даютъ яснаго понятія о ходѣ дѣлъ, но достаточно свидѣтельствуютъ что отрядъ нашъ встрѣтилъ въ противникѣ силу сопротивленія гораздо бо́льшую чѣмъ предполагалось. Это ... подтверждаетъ и сообщаемая нами сегодня о... ...иціальная депеша самого начальника отряда.

В.

Политика лорда Бекон...фильда со всѣми ...лала Англіи ея ненужными затѣями над... ...ій премьслишкомъ много хлопотъ. Бывш... ...утренеръ не сдѣлалъ почти ничего для в... няго законодательства, и слѣдуя тра...иціонной политикѣ Великобританіи въ отшеніи къ Россіи поднялъ вопросъ о „научной границѣ“ въ Средней Азіи, и всѣми мѣрами тормозилъ исполненіе Берлинскаго трактата. Между тѣмъ, послѣдніе неуро-

жайные годы въ Ирландіи поставили тамошнихъ безземельныхъ крестьянъ-арендаторовъ въ безвыходное положеніе. Аграрный вопросъ вставалъ во всей своей силѣ, и ирландскіе гомрулеры и сепаратисты воспользовались этимъ въ интересахъ своихъ агитацій. Г. Гладстонъ, ставъ во главѣ правительства, хотѣлъ принять немедленно какія-нибудь мѣры относительно Ирландіи и выступилъ съ биллемъ о вознагражденіи арендаторовъ. Палата лордовъ не утвердила билля. Этимъ воспользовалась агитація и, возбуждая озлобленныхъ фермеровъ, довела Ирландію до состоянія анархіи, противъ которой правительство намѣрено принять въ настоящее время энергическія мѣры. Тяжелъ былъ для Англіи минувшій годъ; но иначе и быть не могло; этотъ годъ былъ переходнымъ періодомъ отъ одной политики къ другой, и новое правительство должно было расплачиваться за грѣхи стараго. Наступающая сессія будетъ по преимуществу ирландскою. Правительство испроситъ у парламента экстренныхъ полномочій для водворенія порядка въ этой странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложитъ законодательныя мѣры къ устраненію главнаго источника зла, ненормальныхъ аграрныхъ отношеній.

Въ теченіи года нѣсколько разъ возобновлялись слухи объ ослабленіи узъ дружбы между Германіей и Австріей, но въ каждомъ, сколько-нибудь важномъ, случаѣ оказывалось что обѣ имперіи готовы дѣйствовать согласно. Послѣдствіемъ этого тѣснаго союза является оппозиція австрійскихъ Нѣмцевъ министерству графа Таафе, какъ извѣстно, расположенному къ славянскимъ элементамъ Австро-Венгріи и ищущему соглашенія съ этою частью населенія, съ которою теперь необходимо считаться. Но если монархія Габсбурговъ поневолѣ склоняется къ Славянамъ въ своихъ предѣлахъ, то она ревниво слѣдитъ за своими интересами въ сопредѣльныхъ славянскихъ земляхъ. Потерпѣвъ на первыхъ порахъ пораженіе въ Дунайской коммиссіи, Австрія не теряетъ надежды въ концѣ концовъ провести свой предварительный проектъ, устроить желѣзнодорожныя дѣла съ Сербіей и Болгаріей, контролировать гавани Черногоріи включая и Дульциньйо, и окончательно упрочить за собою Боснію и Герцеговину.

Германія усилила свои вооруженія. Въ началѣ года, при самомъ открытіи рейхстага, былъ представленъ проектъ дополненій и измѣненій въ имперскомъ военномъ законѣ, срокъ котораго оканчивается въ наступающемъ году. Германское правительство заблаговременно позаботилось, съ одной стороны, о продолженіи дѣйствія этого закона еще на семь лѣтъ, а съ другой, о развитіи своихъ вооруженій сформированіемъ нѣсколькихъ новыхъ полковъ и батарей. Вмѣстѣ съ этимъ, названный проектъ вводитъ несуществовавшій до того призывъ къ учебнымъ занятіямъ всѣхъ лицъ зачисленныхъ въ запасный или рекрутскій резервъ, то-есть освобожденныхъ отъ вступленія въ мирное время въ ряды арміи по жребію или инымъ законнымъ причинамъ. Въ заключеніе измѣненъ срокъ и порядокъ перечисленія изъ резерва въ ландверъ и изъ послѣдняго въ ландштурмъ. Въ силу этого законопроекта, утвержденнаго рейхстагомъ съ небольшими лишь перемѣнами, составъ германской арміи по штатамъ военнаго времени увеличился слишкомъ на сто восемьдесятъ тысячъ солдатъ съ соотвѣтствующимъ числомъ орудій. Причины вызвавшія столь рѣшительный шагъ объяснены въ официальной запискѣ приложенной къ законопроекту, въ коей прямо сказано что Германія вынуждена быть готовою повернуть фронтъ одновременно и къ западу и къ востоку, и что въ послѣднее время военныя силы какъ Франціи такъ и Россіи значительно развились сравнительно съ тѣмъ что̀ было семь лѣтъ тому назадъ.

Забота быть въ состояніи повернуть фронтъ одновременно и къ западу и къ востоку замѣтно проглядываетъ и въ бюджетѣ германскомъ на 1880 годъ, назначившемъ большія суммы на усиленіе крѣпостей какъ на границахъ съ Франціей такъ и съ Россіей; не забыта и сѣверная морская граница, при чемъ вниманіе преимущественно обращено опять на восточную, близкую къ намъ, часть побережья.

Значительные военные расходы, годъ отъ году возрастающіе, заставили Германію искать новыхъ источниковъ для покрытія ихъ и между прочимъ въ самой военной системѣ, результатомъ чего явился проектъ закона о военномъ налогѣ, окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе котораго должно послѣдовать только въ наступающемъ году.

Прошлый годъ не обошелся безъ тревогъ и для Германскаго правительства, озабоченнаго поддержаніемъ духа который

привелъ Германію къ единству. Паденіе этого духа дало себя замѣтно почувствовать въ развивающемся партикуляризмѣ, оказавшемъ свое вліяніе на исходъ преній рейхстага по вопросамъ о колоніальной политикѣ имперскаго канцлера и относительно включенія части Гамбургской территоріи въ Германскую таможенную черту. Противъ этого включенія, вызываемаго желаніемъ объединить Германію въ торговомъ и промышленномъ смыслѣ, поднята была сильная агитація, которая продолжается и до сихъ поръ.

Партикуляристскія стремленія Гамбурга послужили поводомъ къ скопленію тамъ значительнаго числа изгнанныхъ изъ Берлина соціалистовъ, что побудило имперское правительство распространить и на Гамбургъ малое осадное положеніе дѣйствующее въ Берлинѣ.

Франція, между тѣмъ, въ самомъ началѣ года избравъ г. Гамбетту вновь президентомъ палаты депутатовъ, продолжала скользить по наклонной плоскости республиканскаго радикализма. Предложеніе Луи Блана о полной амнистіи политическимъ преступникамъ было отвергнуто палатой, но ею же дано было понять что значительное число коммунаровъ будетъ помиловано. Съ своей стороны крайняя лѣвая не теряла времени и, по инціативѣ Распайля, такъ налегала на правительство съ настойчивымъ требованіемъ безусловной амнистіи, а кабинетъ такъ слабо сопротивлялся что легко было предвидѣть въ концѣ концовъ полную уступку, тѣмъ болѣе что важный вопросъ о духовныхъ конгрегаціхъ еще въ концѣ марта окончательно обнаружилъ слабость правительства. Здѣсь г. де-Фрейсине уступилъ сразу, согласясь включить въ предложенный г. Жюлемъ Ферри законопроектъ объ учебномъ дѣлѣ параграфъ направленный противъ „неразрѣшенныхъ“ конгрегацій и духовныхъ орденовъ, которые были терпимы во время имперіи и основали много учебныхъ заведеній. Несмотря на отклоненіе этого параграфа въ сенатѣ, Министерство достигло своей цѣли изданіемъ пресловутыхъ декретовъ 29 марта на основаніи старинныхъ, давно уже не примѣнявшихся законовъ; приговоръ надъ конгрегаціями былъ произнесенъ, и 29 (17) іюня началось изгнаніе іезуитовъ.

Затѣмъ явились предложенія объ амнистіи несравненно болѣе широкой нежели отвергнутая въ февралѣ, и несмотря на противодѣйствіе сената, дѣло радикаловъ и въ томъ числѣ коммунниковъ было выиграно: 8 мая (26 апрѣля) полная амнистія дарована была 83 мятежникамъ сосланнымъ въ Новую Каледонію, и возвращеніе Рошфора въ Парижъ открыло рядъ тріумфовъ, коими встрѣчали „несговорчивые“ прибывшихъ въ послѣдствіи коммунниковъ, съ Луизою Мишель включительно. Г. де-Фрейсине, желавшій ограничиться игнаніемъ однихъ іезуитовъ, и навлекшій на себя личное неудовольствіе г. Гамбетты, не могъ удержаться на вершинѣ власти; кабинетъ его палъ въ сентябрѣ и замѣнился министерствомъ г. Жюля Ферри, который служитъ покорнымъ орудіемъ въ рукахъ безотвѣтственнаго тайнаго диктатора. Между тѣмъ, „несговорчивые“ съ коммунарами во главѣ объявили этому диктатору непримиримую войну, открывъ ее на аванпостахъ различными болѣе или менѣе крупными скандалами.

№ 3.

Москва, 2-го января.

Въ день пріема въ Новый годъ, императоръ Вильгельмъ, бесѣдуя съ нѣкоторыми изъ членовъ дипломатическаго корпуса, высказалъ свой взглядъ на положеніе Греческаго вопроса и послѣ тщательнаго сопоставленія сообщеній различныхъ референтовъ о словахъ его величества (о коихъ правительственные органы умолчали вовсе), берлинскія газеты передаютъ сказанное Германскимъ императоромъ въ слѣдующей редакціи: „Греческія дѣла, повидимому, принимаютъ весьма воинственный оборотъ; очень жалѣю объ этомъ, потому что Греція не можетъ разчитывать на помощь ни съ чьей стороны, а при войнѣ собственными силами она рискуетъ потерять все, выиграетъ же очень мало.“ Эти слова императора резюмируютъ, по мнѣнію берлинскихъ газетъ, точку зрѣнія Германіи на теперешнее положеніе восточныхъ затрудненій, и газеты эти подаютъ съ своей стороны „благой совѣтъ“ Греціи чтобъ она послѣдовала внушенію сдѣланному ей въ новѣйшей французской нотѣ, и приняла предложеніе о третейскомъ судѣ. Но вчерашняя телеграмма изъ Аѳинъ сообщаетъ что Греческое правительство

вновь отклонило это предложеніе, и что греческія газеты одобряютъ эту рѣшимость правительства. Стало-быть дѣло серіозно клонится къ войнѣ между Турціей и Греціей, какъ предусматривалъ двѣ недѣли тому назадъ императоръ Вильгельмъ; но нужно думать что эта война будетъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, единоборствомъ коего исходъ рѣшитъ жребій оружія. Если успѣхъ будетъ благопріятствовать Греціи, то предлогъ къ постороннему вмѣшательству едва ли и представится, ибо побѣда Греціи поведетъ лишь къ осуществленію права признаннаго за нею Европой. Но что если Греція не сумѣетъ справиться съ предпринимаемымъ ею дѣломъ? Останется ли Европа хладнокровною зрительницей борьбы и въ томъ случаѣ если Турки, сокрушивъ слабосильнаго противника, захотятъ воспользоваться плодами своихъ побѣдъ? Будутъ ли они довольствоваться сохраненіемъ *statu quo*, или же потребуютъ уступокъ отъ побѣжденнаго? Допуститъ ли Европа и тогда чтобы дѣло рѣшилось жребіемъ войны? Германія, повидимому, грозитъ Греціи что въ случаѣ пораженія она будетъ предоставлена своей собственной участи. Но угроза ли это только дабы предотвратить войну, или же таково дѣйствительно намѣреніе Германіи, и раздѣляютъ ли это намѣреніе прочіе державы? Вотъ вопросы коими нельзя не задаться въ виду готовящихся событій, и этимъ много омрачаются миролюбивыя надежды которыми привѣтствовано было начало Новаго Года въ различныхъ офиціональныхъ манифестаціяхъ,—въ англійской тронной рѣчи, въ отвѣтныхъ рескриптахъ императора Вильгельма на поданные ему поздравительные адресы, наконецъ въ соображеніяхъ, коими у насъ министръ финансовъ сопровождаетъ обнародованную вчера государственную роспись доходовъ и расходовъ на 1881 годъ.

Несомнѣнно лишь то что всѣ европейскія державы одинаково заинтересованы въ томъ чтобы не допускать новаго кризиса на Востокѣ, къ которому никто не приготовленъ. Англійскій кабинетъ засвидѣтельствовалъ о своемъ отступленіи на второй планъ въ тронной рѣчи, въ которой прямо сказано что первенствующая роль по Греческому вопросу уступлена имъ Франціи, а Франція устами г. Бартелеми Сентъ-Илера старается убѣдить Грецію что постановленіе Берлинской конференціи „не имѣло обязательной силы". Однако что же такое ни для кого необязательное постановленіе? Если же утверждать что Берлинская конференція не была вообще компетентна дѣлать такое постановленіе, то не говоря ужь о томъ какъ страненъ подобный аргументъ со стороны одного изъ участниковъ конференціи, можно ли выставлять его въ видѣ возраженія Грекамъ, которые не требуютъ чтобъ Европа объявила войну Турціи, а намѣреваются сами принудить ее къ уступкѣ того что въ случаѣ успѣха будетъ принадлежать имъ, если не въ силу европейскаго постановленія, то по праву войны?

Впрочемъ, никто не знаетъ каковы конечныя намѣренія Франціи по этому дѣлу и какъ далеко пойдетъ она рука объ руку съ Германіей и Австріей по пути „консервативной политики" относительно Востока. Въ Германіи много толкуютъ объ этой консервативной политикѣ; но въ чемъ собственно заключается охранительный принципъ по отношенію къ Турціи, большею частью умалчивается. На этихъ дняхъ мы прочли по этому предмету нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія въ одной вѣнской корреспонденціи помѣщенной въ берлинской газетѣ, причемъ корреспондентъ увѣряетъ что разъясненія эти даны ему изъ сферъ вполнѣ компетентныхъ. Онъ сознается что перемѣна происшедшая во взглядахъ князя Бисмарка на Турцію, послѣ его заявленія о томъ что судьба ея отнюдь не затрогиваетъ интересовъ Германіи, была не совсѣмъ понятна. Турція нынѣ обладаетъ гораздо меньшею живучестью нежели до послѣдней войны. Почему именно теперь Берлинъ сталъ средоточіемъ политики направленной къ огражденію ея отъ окончательной катастрофы? По объясненію корреспондента, Турція нужна австро-германской политикѣ не сама по себѣ, а для того чтобы съ ея помощью оградить отъ расхищенія ту долю ея наслѣдства которую намѣтила себѣ Австрія, или, вѣрнѣе, прибавимъ мы, которую намѣтила Германія для Австріи. Турецкія силы весьма де еще достаточны для того чтобы „сдержать напоръ славянскихъ и греческихъ элементовъ," коими вздумала бы воспользоваться „для цѣлей революціонерныхъ" чья-либо посторонняя рука. Занимая Адріанополь, Турція можетъ, смотря по надобности, обратить свой фронтъ

во всѣ стороны, откуда ей грозила бы опаспость изнутри, а пока существуетъ Австрія, русскія войска въ другой разъ уже не перейдутъ де Балканъ, и съ этой стороны Турція обезпечена де отъ новыхъ ударовъ. Но этимъ де Восточный вопросъ еще не разрѣшается, а только задерживается, и „охранительная" политика совсѣмъ не простирается до того чтобы довольствоваться такимъ положеніемъ и не желать ничего болѣе рѣшительнаго и окончательнаго. Все дѣло де въ томъ чтобы поддержать это положеніе вещей до того момента когда политическая физіономія Европы приметъ болѣе опредѣленный видъ нежели въ настоящее время. Нѣтъ, продолжаетъ корреспондентъ, никакой возможности строить какіе-либо прочные разчеты сообразуясь съ политикой Англіи и Франціи: въ Англіи кабинетъ виговъ легко можетъ пасть, и тогда кореннымъ образомъ измѣнится ея образъ дѣйствій относительно Востока; во Франціи же предстоятъ въ этомъ году общіе выборы, и если измѣнена будетъ система выборовъ (по департаментамъ), то не можетъ де подлежать сомнѣнію что правительство г. Греви не переживетъ этого года, и г. Гамбетта станетъ официальнымъ руководителемъ судебъ Франціи и ея внѣшней политики, а что его внѣшняя политика будетъ совсѣмъ иная нежели теперешняя, въ этомъ тоже никто уже не сомнѣвается. Вотъ почему Германія съ Австріей и рѣшили всячески противодѣйствовать какимъ-либо кореннымъ перемѣнамъ на Востокѣ и охранять существующее положеніе дѣлъ до той поры какъ въ Англіи и Франціи минетъ теперешнее переходное положеніе.

О Россіи корреспондентъ не упоминаетъ вовсе; но изъ другихъ источниковъ, преимущественно изъ сообщеній англійскихъ газетъ мы узнаемъ что рѣчь идетъ о „возстановленіи тройнаго союза." Этотъ „тревожный" слухъ первый пустилъ въ ходъ букурештскій корреспондентъ *Times*, который не доволенъ тѣмъ что Россія не оказала Англіи поддержки въ ея борьбѣ противъ притязаній Австріи на нижнемъ Дунаѣ. Не довольствуясь тѣмъ что австрійскій проектъ о предоставленіи ей президентства въ Дунайской коммиссіи провалился, Англія добивалась того чтобъ Австрія вовсе не участвовала въ этой коммиссіи, такъ какъ ей не принадлежитъ ни одна пядь земли на томъ пространствѣ дунайскаго побережья (отъ Галаца до Желѣзныхъ Воротъ), которое подчинено надзору упомянутой коммиссіи. Но Россія не поддержала возраженій представителя Англіи въ Букурештѣ, изъ чего усматривается де подтвержденіе слуха о совершившемся недавно сближеніи между Россіей и Австріей.

Не знаемъ на сколько слухи эти вѣрны. Но нельзя не указать что австро-германская печать отнюдь не сбавила своего непріязненнаго тона противъ Россіи, несмотря на эти слухи. Помимо таможеннаго вопроса, по поводу котораго такъ кипятится берлинская печать, мы встрѣчаемъ въ газетахъ и по дѣламъ Востока такого рода выходки противъ Россіи, которыя плохо гармонируютъ съ приведеннымъ слухомъ. Такъ въ берлинской *Національной Газетѣ* появилась на дняхъ корреспонденція изъ Филиппополя, въ которой доказывается что Восточная Румелія „совсѣмъ не автономная турецкая провинція, какою хотѣлъ ее сдѣлать Берлинскій трактатъ, а совершенно русская провинція". Для устраненія этого зла и для огражденія „законныхъ" интересовъ Австро-Германскаго союза на Востокѣ, корреспондентъ находитъ совершенно неотложнымъ занятіе Балканъ турецкими войсками. Въ противномъ случаѣ, управленіе страной окончательно де укрѣпится въ рукахъ панславистовъ.

№ 4.

Москва, 3-го января.

Первое что бросается въ глаза въ опубликованной государственной росписи доходовъ и расходовъ на новый 1881 годъ есть, конечно, пятидесятимилліонный дефицитъ съ которымъ эта роспись сведена. Съ дефицитомъ такого размѣра не сводилась еще ни одна роспись. съ тѣхъ поръ какъ началось опубликованіе русскихъ государственныхъ бюджетовъ. Хотя изъ восемнадцати бюджетовъ, съ 1863 по 1880 годъ, только въ восьми предполагалось превышеніе доходовъ надъ расходами (на суммы отъ 8.522 руб. до 3.255.780 р.), а десять сводились съ дефицитами, но только однажды, въ 1864 году, бюджетный дефицитъ доходилъ до 46½ милліоновъ рублей, и три раза (въ 1865, 1866 и 1878 годахъ) превышалъ двадцать

миллiоновъ; всѣ остальные шесть бюджетныхъ дефицитовъ колебались въ предѣлахъ отъ $4^1/_2$ до 16 миллiоновъ. И вотъ мы вступаемъ въ новый годъ съ дефицитомъ въ 50 миллiоновъ! Можно подумать что финансовое положенiе Россiи никогда еще не было такъ дурно какъ именно въ настоящее время.

Но было бы большою ошибкой судить по бюджетамъ о нашемъ дѣйствительномъ финансовомъ положенiи. Рядъ контрольныхъ отчетовъ показалъ какъ мало можно основываться при его оцѣнкѣ на бюджетныхъ предположенiяхъ. Эти предположенiя постоянно, и притомъ въ поразительныхъ размѣрахъ, обманывались при дѣйствительномъ исполненiи росписей, какъ по смѣтамъ доходовъ, такъ и по смѣтамъ расходовъ. Дѣйствительные расходы всегда не на миллiоны, а на десятки миллiоновъ превышали бюджетныя назначенiя, такъ что скромная цифра четырехъ миллiоновъ ежегодно вносимая въ бюджетъ на покрытiе непредвиденныхъ расходовъ могла вызывать только улыбку. Точно также дѣлались постоянно огромныя ошибки въ исчисленiяхъ ожидаемыхъ доходовъ что̀ лишало почти всякаго значенiя вносимую ежегодно въ бюджетъ сумму (отъ одного до четырехъ миллiоновъ рублей) на недоборъ въ податяхъ. Только четыре раза, съ тѣхъ поръ какъ началось опубликованiе контрольныхъ отчетовъ, ошибки въ исчисленiи доходовъ были менѣе десяти миллiоновъ*); въ остальныя же десять лѣтъ дѣйствительные доходы на 20, на 30 и болѣе миллiоновъ превышали тѣ суммы какiя ожидались по смѣтѣ. Въ послѣднiе годы эти ошибки въ смѣтахъ были особенно поразительны. Въ 1879 году доходовъ поступило на $42^1/_2$ миллiоновъ, въ 1878 г. на $67^3/_4$ миллiоновъ болѣе чѣмъ ожидалось. Странно было бы при такомъ постоянномъ несоотвѣтствiи росписей съ ихъ исполненiемъ придавать большое значенiе какъ бюджетному равновѣсiю, такъ и цифрамъ бюджетныхъ дефицитовъ. Бюджетное равновѣсiе, какъ показалъ примѣръ 1877 года, легко можетъ обратиться въ 86 миллiонный дефицитъ; относительно умѣренный дефицитъ можетъ на дѣлѣ возрасти втрое и дойти до огромной цифры 60 миллiоновъ, какъ было въ 1866 году. Наоборотъ, 27 миллiонный дефицитъ по бюджету можетъ оказаться превышенiемъ доходовъ надъ расходами на такую же цифру какъ это случилось въ 1878 году. Въ виду всего этого, какiя заключенiя о дѣйствительномъ финансовомъ положенiи страны можно дѣлать изъ того что въ приходорасходной росписи оказывается на бумагѣ дефицитъ въ 50 миллiоновъ?

Не представляя положительныхъ данныхъ для сужденiя о государственныхъ финансахъ, бюджеты тѣмъ не менѣе имѣютъ серiозное значенiе служа нагляднымъ выраженiемъ образа мыслей финансоваго управленiя о существующемъ положенiи дѣлъ и о мѣрахъ какiя этимъ положенiемъ требуются, и давая нѣкоторую возможность судить о той финансовой политикѣ которую предполагается усвоить. Съ этой точки зрѣнiя, бюджетъ на наступившiй годъ отличается особымъ интересомъ. И по исчисленiямъ приходо-расходной смѣты, и по отношенiю къ бюджетному равновѣсiю, новая государственная роспись и сопровождающiй ее всеподданнѣйшiй докладъ такъ не похожи на прежнiе что эта разница невольно останавливаетъ на себѣ вниманiе. Сразу чувствуется присутствiе иной чѣмъ прежде руки дающей направленiе финансовымъ дѣламъ, появленiе на свѣтъ иной чѣмъ прежде финансовой политики.

Видно прежде всего стремленiе дать бюджету серiозное значенiе. Обыкновенно составители бюджетовъ стремились во что̀ бы то ни стало къ установленiю возможно болѣе полнаго равновѣсiя между доходами и расходами. Пусть это равновѣсiе на дѣлѣ не осуществится, но считалось какъ бы необходимымъ чтобъ оно было по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Боязнь бумажнаго дефицита была, можно сказать, сильнѣе боязни дефицитовъ дѣйствительныхъ. Ради бумажнаго бюджетнаго равновѣсiя, расходныя смѣты сокращались и урѣзывались, несмотря на увѣренность что это урѣзанiе на дѣлѣ ни къ чему не поведетъ, что урѣзанные расходы все-таки будутъ сдѣланы помимо бюджета, по сверхсмѣтнымъ ассигнованiямъ. Въ виду повышенiя цѣнъ на многiе предметы закупаемые казной, расходы на ихъ прiобрѣтенiе исчислялись по прежнимъ цѣнамъ, по которымъ заготовка этихъ предметовъ невозможна. Расходы зависящiе отъ высоты вексельнаго курса, каковы платежи по многимъ государствен-

*) Въ 1866, 1868 и 1877 годахъ, когда доходовъ было получено менѣе чѣмъ ожидалось по бюджету, и въ 1876 году, когда доходовъ поступило только на $2^1/_2$ миллiона болѣе чѣмъ было предположено.

нымъ долгамъ и другія заграничныя издержки, исчислялись не по дѣйствительно существующему курсу, а по мнимому, предположенному только для росписи; такимъ курсомъ принимались въ послѣдніе годы 26 пенсовъ за рубль, хотя во все время пока составители бюджетовъ руководствовались имъ, вексельный курсъ на дѣлѣ стоялъ въ среднемъ выводѣ на 25 пенсахъ. Новый бюджетъ не заботится о достиженіи бумажнаго равновѣсія. Составители его не остановились предъ увеличеніемъ, напримѣръ, въ полтора раза издержекъ на провіантъ и приварокъ для войскъ и не смутились тѣмъ какъ отзовется на бюджетномъ равновѣсіи подъемъ расхода по одной этой статьѣ болѣе чѣмъ на $18^1/_2$ милліоновъ рублей. Равнымъ образомъ, они не остановились предъ повышеніемъ расходной смѣты на $5^1/_2$ милліоновъ рублей вслѣдствіе исчисленія заграничныхъ платежей по дѣйствительному, а не по мнимому курсу. Такой способъ исчисленія расходовъ въ ихъ дѣйствительномъ, а не въ завѣдомо предуменьшенномъ размѣрѣ, конечно, значительно поднялъ цифру бюджетнаго дефицита; если бы такимъ же способомъ опредѣлялась смѣта расходовъ, напримѣръ въ 1879 году, то и въ томъ году не было бы достигнуто бюджетнаго равновѣсія, а былъ бы бюджетный дефицитъ болѣе чѣмъ въ 13 милліоновъ, хотя на дѣлѣ и оказалось бы потомъ превышеніе доходовъ надъ расходами въ двадцать милліоновъ. Но за то принятый нынѣ способъ исчисленія расходовъ гарантируетъ отъ чрезмѣрнаго возрастанія сверхсмѣтныхъ ассигновокъ и позволяетъ надѣяться что если непредвидѣнные расходы и не останутся въ предѣлахъ назначаемыхъ по бюджету четырехъ милліоновъ, то во всякомъ случаѣ не дойдутъ до тѣхъ непомѣрныхъ цифръ съ какими приходилось имѣть дѣло при исполненіи прежнихъ бюджетовъ.

Исчисленіе расходовъ въ дѣйствительномъ, а не мнимомъ размѣрѣ, возросшіе платежи по государственнымъ долгамъ вслѣдствіе новыхъ займовъ, предвидимое увеличеніе приплатъ по желѣзно-дорожнымъ гарантіямъ и увеличеніе на два милліона бюджетной статьи на недоборъ податей, вотъ главныя причины того что смѣта расходовъ на наступающій годъ превысила прошлогоднюю на 51 милліонъ. Это превышеніе и составляетъ приблизительно ожидаемый по бюджету дефицитъ, такъ какъ итогъ доходовъ предположенъ почти такой же какъ и по прошлогодней росписи. Этого дефицита не было бы если бы можно было разчитывать на то возрастаніе доходовъ съ какимъ имѣли дѣло составители прежнихъ бюджетовъ; но теперь должно было принять во вниманіе экономическія послѣдствія прошлогодняго неурожая, которыя не могутъ не отразиться въ извѣстной степени на поступленіи доходовъ. Такъ ли велико будетъ вліяніе прошлогодняго неурожая на размѣры поступленія доходовъ какъ предполагается, объ этомъ судить трудно. Бюджетъ предполагаетъ недоборы противъ прошлаго года и по питейному доходу, и по табачному акцизу, и по прямымъ податямъ. Но, главнымъ образомъ, сократился противъ прошлогодняго бюджетнаго назначенія доходъ зависящій отъ хода желѣзнодорожнаго хозяйства: недочетъ противъ прошлаго года въ поступленіяхъ отъ желѣзныхъ дорогъ ожидается болѣе чѣмъ въ $7^1/_2$ милліоновъ рублей. Предполагаемое сокращеніе доходовъ по тѣмъ статьямъ на которыхъ можетъ отразиться прошлогодній неурожай уравновѣшивается, впрочемъ, ожидаемымъ увеличеніемъ дохода по другимъ статьямъ, не зависящимъ или мало зависящимъ отъ его вліянія, такъ что исчисленный общій итогъ ожидаемыхъ доходовъ равенъ прошлогоднему и даже больше прошлогодняго. Отмѣна солянаго налога не повела за собою никакого сокращенія доходовъ; напротивъ, отъ замѣнившихъ этотъ налогъ сборовъ ожидаются суммы бо́льшія тѣхъ которыхъ казна лишилась вслѣдствіе отмѣны солянаго акциза. Отъ этихъ замѣнительныхъ налоговъ, именно отъ увеличенія на 10% таможенныхъ пошлинъ, казна выиграла бы еще болѣе если бы сборъ дополнительной пошлины начался въ каждой таможнѣ со времени полученія указа объ установленной надбавкѣ, а не съ заранѣе опредѣленнаго срока, 1 января. Въ промежутокъ до этого срока, естественно, шелъ усиленный привозъ товаровъ, во избѣжаніе уплаты повышенныхъ пошлинъ. Повторилось то же что̀ было въ 1876 году при установленіи золотыхъ пошлинъ, съ тѣмъ же результатомъ для будущаго года какой тогда получился для 1877 года. Таможенный доходъ прошлаго года возросъ въ ущербъ наступившему, и въ ущербъ казнѣ, которая, къ выгодѣ нѣсколькихъ провозителей товаровъ, должна довольство-

ваться поступленіемъ пониженныхъ пошлинъ взамѣнъ повышенныхъ. Если бы взамѣнъ этого порядка былъ примѣненъ тотъ какой практиковался при введеніи въ дѣйствіе тарифа 1857 года, доходъ казны былъ бы больше, и бюджетный дефицитъ не достигъ бы цифры 50 милліоновъ.

Къ чести финансоваго управленія должно однако сказать что оно въ своемъ бюджетѣ нисколько не смутилось предъ этою цифрой. Не боясь бумажнаго дефицита, оно не приходитъ въ ужасъ и отъ дефицита дѣйствительнаго если таковой окажется. При составленіи бюджета на 1879 годъ, когда были всѣ данныя ожидать сильнаго возрастанія доходовъ, когда на этомъ возрастаніи доходовъ преимущественно основывались всѣ бюджетные разчеты, боязнь дефицита побудила ввести цѣлый рядъ налоговъ, изъ которыхъ потомъ въ теченіе года не понадобилось на расходы ни одной копѣйки. При составленіи нынѣшняго бюджета, при неимѣніи основаній разчитывать на увеличеніе доходовъ, дефицитъ не вызываетъ ни одного новаго налога. Финансовое управленіе совершенно основательно видитъ въ этомъ дефицитѣ не хроническое, а случайное явленіе, вліяніе неурожая, которое продлится лишь нѣсколько мѣсяцевъ до новой жатвы. Случайный дефицитъ, хотя бы и въ пятьдесятъ милліоновъ, не можетъ разстроить государственнаго хозяйства. Но налоги которые могли бы быть введены для устраненія этого дефицита легли бы на страну постояннымъ гнетомъ, который могъ бы серіозно задержать ея экономическое развитіе и тѣмъ замедлить будущій естественный ростъ государственныхъ доходовъ.

Не вводя новыхъ налоговъ для покрытія дефицита, финансовое управленіе находитъ въ то же время возможнымъ обойтись и безъ государственнаго займа. У государственнаго казначейства числится долгъ за желѣзнодорожнымъ фондомъ на сумму до 138 милліоновъ рублей. Изъ желѣзнодорожнаго фонда и предполагается взять, въ счетъ означеннаго долга, сумму нужную для покрытія предполагаемаго дефицита. Нельзя не замѣтить впрочемъ что этотъ переводъ денегъ изъ одного казеннаго кармана въ другой, тоже казенный, въ сущности, одна только фикція, унаслѣдованная новымъ финансовымъ управленіемъ отъ прежнихъ. Какъ видно, безъ займа мы не обойдемся. Хотя этотъ заемъ будетъ называться не государственнымъ, а желѣзнодорожнымъ, казнѣ отъ этого легче не будетъ; не желѣзныя дороги, а казна платитъ проценты по такъ-называемымъ желѣзнодорожнымъ займамъ. И потребуется заемъ въ размѣрѣ, вѣроятно, большемъ пятидесяти милліоновъ. Одновременно съ утвержденіемъ росписи, состоялся, какъ извѣстно, указъ возложившій на Государственное Казначейство ежегодныя крупныя уплаты Государственному Банку для доставленія ему средствъ къ сокращенію бумажно-денежнаго обращенія. Въ силу этого указа, въ текущемъ 1881 году должны быть уплачены Банку 50 милліоновъ, сверхъ суммы потребной для уменьшенія до четырехсотъ милліоновъ долга Банку по произведеннымъ имъ за счетъ казны расходамъ. Въ бюджетъ никакихъ расходовъ по этой статьѣ не внесено, а между тѣмъ исполненіе ихъ обязательно.

Обойдясь безъ новыхъ налоговъ для покрытія дефицита, какъ заявлено министромъ Финансовъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, онъ разчитываетъ ввести ихъ для покрытія той убыли въ государственныхъ доходахъ которая окажется вслѣдствіе предстоящаго преобразованія подушной подати. Помимо этой, въ еще болѣе близкомъ будущемъ, какъ заявлено въ томъ же отчетѣ, предстоятъ еще двѣ мѣры: преобразованіе свекло-сахарнаго акциза и возстановленіе подати съ золотопромышленности. Но доходы по этимъ двумъ статьямъ будутъ внесены лишь въ смѣты будущаго 1882.

Серіозное вниманіе финансоваго управленія, какъ видно изъ того же всеподданнѣйшаго отчета, обращено на сокращеніе расходовъ, на необходимость строгой бережливости по всѣмъ отраслямъ управленія. Въ особенности министромъ Финансовъ выражено убѣжденіе въ неотложной необходимости принятія такихъ „мѣръ которыя могли бы содѣйствовать сокращенію средствъ расходуемыхъ нынѣ страною для содержанія ея военныхъ силъ.“

Сокращеніе расходовъ по этой части несомнѣнно желательно, конечно безъ ослабленія государства. Но едва ли не въ большей еще степени желательно сокращеніе государственныхъ расходовъ по существующей желѣзнодорожной сѣти. Вѣдь весь нынѣшній бюджетный дефицитъ есть не что иное какъ именно недочетъ желѣзнодорожнаго хозяйства.

Вотъ главныя относящіяся сюда бюджетныя цифры:

Платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ	51.924.727 р.
Пособія обществамъ желѣзныхъ дорогъ по гарантіи чистаго дохода.	13.000.000 „
Итого . . .	64.924.727 р.

Поступленій же на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ ожидается отъ нихъ всего 11.435.207 руб.

Такимъ образомъ, на казну, по недочетамъ хозяйства желѣзныхъ дорогъ, падетъ расходъ почти въ $53^1/_2$ милліона рублей,—цифра на которой нельзя не остановиться въ бюджетѣ сводимомъ при 50-милліонномъ дефицитѣ.

№ 6.

Москва, 6-го января.

Слѣдя за смѣняющими одно другое извѣстіями объ усиліяхъ европейской дипломатіи „уладить" греко-турецкую распрю, невольно припоминается какъ четыре года тому назадъ та же самая дипломатія „выбивалась изъ силъ" чтобы не допустить разгорѣться пожару на Балканскомъ полуостровѣ. И какъ тогда *des Bischen Herzogovina* превозмогла дипломатію, и вопреки нотѣ Андраши, Константинопольской конференціи и Берлинскому меморандуму искра разгорѣлась въ большой пожаръ, такъ и теперь всѣ старанія грозятъ оказаться тщетными. Телеграфныя извѣстія, опережая сообщенія о дипломатическихъ мѣропріятіяхъ „клонящихся къ сохраненію мира," все настойчивѣе утверждаютъ что „война становится все болѣе и болѣе вѣроятною." Опытъ прошедшаго заставляетъ по неволѣ относиться весьма скептически къ *показной* сторонѣ дипломатическихъ стараній, очевидно прикрывающихъ совсѣмъ иные, быть-можетъ противоположные разчеты.

Вѣнскія газеты отъ 12 января приводятъ текстъ „энергической" циркулярной ноты г. Бартелеми Сентъ-Илера отъ 24 декабря, перепечатанной и въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*. Французскій министръ предвидитъ ужасныя послѣдствія отъ греко-турецкой войны. „При теперешнемъ положеніи дѣлъ въ этой части Европы," сказано въ циркулярѣ, „начиная отъ Восточной Румеліи до границъ Босніи, и отъ Добруджи до Эпира „и Албаніи, нельзя не предвидѣть что борьба не удержится у греко-турецкой границы. Было бы опаснымъ заблужденіемъ „думать что пожаръ, раздуваемый непримиримыми страстями и безграничными честолюбіями, не распространится вскорѣ „на весь Балканскій полуостровъ, а если „такое движеніе настанетъ, Европа будетъ „обязана попытаться прекратить пожаръ, „что вовлечетъ ее самою въ борьбу. Война, со всѣми ужасами, разъ начавшись, „охватитъ весь европейскій материкъ." Французскій министръ требуетъ чтобъ Европа напомнила Греціи какія обязательства она несетъ предъ нею, и побудила бы ее не кидаться съ легкимъ сердцемъ въ войну, „которая можетъ повергнуть въ бездну весь цивилизованный міръ."

Эти мрачныя предсказанія не настолько, однако, напугали Европу чтобы побудить ее принять французское предложеніе, которое заключалось въ томъ чтобы коллективно предложить Греціи принять третейскій судъ. По правдѣ сказать, не легко и понять какимъ образомъ третейскій судъ могъ бы предотвратить тѣ ужасы которые предвидитъ французскій министръ. Возможно ли разчитывать чтобы въ данномъ случаѣ дѣло могло уладиться третейскимъ судомъ? Исторія европейской дипломатіи въ настоящемъ столѣтіи представляетъ, правда, нѣсколько примѣровъ успѣшнаго устраненія международныхъ столкновеній посредствомъ третейскаго разбирательства. Послѣднее изъ нихъ было въ 1872 году по дѣлу *Алабамы* между Великобританіей и Соединенными Штатами, которое было разрѣшено особеннымъ трибуналомъ собраннымъ въ Женевѣ. Но всѣ эти случаи существенно разнятся отъ настоящаго, вопервыхъ тѣмъ что разбирательства эти никогда не простирались на вопросы первостепенной важности, на такія столкновенія взаимныхъ интересовъ что подвергается вопросу самое существованіе того или другаго народа или государства, а вовторыхъ, самое предложеніе о третейскомъ разбирательствѣ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, за исключеніемъ одного (въ 1844 году, когда Англія и Франція навязали третейскій судъ Испаніи и Марокко приготовившихся къ войнѣ), исходило отъ самихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Совсѣмъ иное теперь. Ни Турція, ни Греція не имѣютъ желанія безусловно подчиниться будущему вердикту, а напротивъ оговариваются напередъ что примутъ лишь тотъ приговоръ который будетъ соотвѣтствовать ихъ теперешнимъ притязаніямъ. А такъ какъ одна сторона по крайней мѣрѣ останется недовольною, то и послѣ суда будетъ предстоять одно изъ двухъ: или принудить недовольную сторону къ исполненію рѣшенія общими силами Европы (и опытъ уже показалъ насколько подобное предпріятіе исполнимо), или же предоставить заинтересованнымъ сторонамъ вѣдаться между собою самимъ, ограничившись „теоретическимъ вердиктомъ." Но теоретическій вердиктъ имѣется уже теперь въ постановленіи Берлинской конференціи, и одна сторона, Греція, вполнѣ имъ довольна. Стало-быть второй приговоръ можетъ повести лишь къ тому что указанное постановленіе будетъ измѣнено къ невыгодѣ Греціи, и вмѣсто одной недовольной стороны, обѣ стороны будутъ недовольны. Уменьшатся ли отъ этого шансы вооруженнаго столкновенія между Турціей и Греціей, и предотвратится ли та опасность которую въ такихъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ?

Турція, впрочемъ, имѣетъ полное основаніе не уклоняться отъ предложенія о третейскомъ судѣ, ибо изъ самыхъ пререканій по этому вопросу ясно видно что дѣло клонится къ ея выгодѣ. Одновременно съ циркуляромъ 24 декабря, г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, какъ извѣщаетъ телеграфъ изъ Парижа, отправилъ къ графу де-Муи (французскому представителю въ Аѳинахъ) депешу съ приглашеніемъ объявить Греческому правительству что Берлинская конференція „не создала никакого права" для Греціи. Этимъ ясно дано понять послѣдней (и въ то же время Турціи) что третейскій судъ можетъ только уменьшить то что̀ Греціи присуждено Берлинскою конференціей, такъ какъ притязанія Греціи далѣе этого не простираются и стало-быть больше ей ни въ какомъ случаѣ присуждено не будетъ.

Парижскій корреспондентъ *Times*, въ свою очередь, подтверждаетъ что Турція воспротивилась первоначально третейскому суду „лишь вслѣдствіе недоразумѣнія". Ее умѣли де убѣдить въ томъ что Европѣ незачѣмъ было бы принимать на себя дѣло третейскаго суда, еслибъ она имѣла въ виду лишь подтвердить рѣшеніе Берлинской конференціи, которая была въ сущности ничѣмъ инымъ какъ третейскимъ же судомъ. Значитъ, дѣло идетъ объ измѣненіи перваго рѣшенія, а это измѣненіе, какъ слѣдуетъ де съ достовѣрностью предположить, будетъ заключаться въ томъ что граница уступаемой Греціи турецкой территоріи будетъ проведена ниже Мецова и Янины, о чемъ Турки и хлопочутъ.

Итакъ, все дѣло сводится къ тому чтобы благовидно отмѣнить постановленіе Берлинской конференціи. Объ этомъ съ особеннымъ усердіемъ хлопочетъ нынѣ Франція, та самая Франція, которая такъ крикливо заявляла о своемъ „особомъ" покровительствѣ Греціи и представитель которой на конференціи болѣе всѣхъ другихъ настаивалъ на отводѣ Греціи того что̀ ей присуждено. Неизвѣстно въ силу какихъ соображеній образъ дѣйствій Франціи по отношенію къ Греціи такъ радикально измѣнился. Можно предположить что за всѣмъ этимъ скрывается какая-либо потаенная игра, быть-можетъ направленная къ цѣлямъ не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ рвеніемъ о сохраненіи всеобщаго мира, о коемъ съ такимъ преувеличеннымъ паѳосомъ распространяется оффиціальный французскій циркуляръ. Но, во всякомъ случаѣ, Греція наполовину проиграла бы свое дѣло еслибъ она подчинялась увѣщаніямъ о *новомъ* третейскомъ судѣ который ни въ какомъ случаѣ не можетъ ей дать больше нежели первый состоявшійся по ея дѣлу приговоръ, а долженъ, въ силу приведенныхъ соображеній, окончиться къ ея невыгодѣ. Лучше ужъ просто поладить ей съ Турціей...

Вотъ почему нельзя не признать что съ точки зрѣнія греческихъ интересовъ ничего не можетъ быть логичнѣе и юридически-правильнѣе того отвѣта который согласно сообщенію италіянской газеты *Diritto*, далъ г. Кумундуросъ на предложеніе о третейскомъ судѣ.

„Теперешнее положеніе вещей въ Европѣ," такъ доказываетъ греческій министръ, „есть послѣдствіе дѣйствій европейскихъ державъ въ Берлинѣ. Онѣ побудили Грецію заявить о своихъ притязаніяхъ и готовиться къ осуществленію оныхъ, ибо онѣ согласились на новый порядокъ установившійся на Востокѣ и одобрили стремленіе подвластныхъ Турціи племенъ къ

независимости отъ ея власти. Берлинскій трактатъ не только призналъ въ принципѣ необходимость измѣненія греко-турецкой границы, но намѣтилъ въ общихъ чертахъ самое направленіе оной. Греческое правительство, стремясь нынѣ къ осуществленію этой границы, является лишь вѣрнымъ исполнителемъ воли Европы; оно требуетъ лишь того что̀ Европа, и Франція въ особенности, признали за нею какъ ея право. Греція воздержалась отъ участія въ послѣдней войнѣ, полагаясь на обѣщанія Европы; но Дульцинское дѣло показало ей что осуществленіе признаннаго за нею права не можетъ совершиться помимо ея собственныхъ усилій, и она приступила къ военнымъ приготовленіямъ. Отступиться отъ постановленіи Берлинской конференціи Греческое правительство не можетъ, въ виду настроенія своего народа. Третейскій же судъ оно не можетъ принять, ибо одно изъ двухъ: либо результатъ такого суда будетъ повтореніемъ заключеній конференціи, — и тогда онъ не нуженъ; либо заключенія Берлинской конференціи будутъ измѣнены къ невыгодѣ Греціи, — и тогда она не приметъ ихъ. Вотъ почему для Греціи, по словамъ г. Кумундуроса, представляется печальною, но неизбѣжною необходимостью прибѣгнуть къ оружію.

Что̀ сказать противъ этого? Можно только пожалѣть что Греція слишкомъ довѣрилась фантастической Европѣ и отшатнулась, во время борьбы, отъ единовѣрной Россіи которой обязана своею независимостью...

№ 8.

Москва, 7-го января.

Три мѣсяца тому назадъ Россія была напугана призракомъ будто бы угрожавшаго ей голода. Цѣны на хлѣбъ, начиная съ конца августа, росли съ неимовѣрною быстротой, газеты ежедневно наполнялись извѣстіями со всѣхъ концовъ страны о безпрерывно возвышающихся цѣнахъ на всѣ роды хлѣбныхъ продуктовъ, нѣкоторыя губерніи объявлены голодающими въ буквальномъ смыслѣ слова, такъ что для нихъ требовалась помощь въ такомъ размѣрѣ чтобы было возможно не только засѣять ихъ поля, но и прокормить все населеніе поголовно, то-есть дѣло принимало такой оборотъ что изъ всего посѣва въ этихъ губерніяхъ не собрано не только ничего на прокормленіе, но даже и сѣмянъ, какъ будто земля ровно ничего не дала. Къ довершенію всего, въ нѣкоторыхъ газетахъ появились извѣстія даже о случаяхъ смерти отъ голода. Слухи росли одинъ другаго мрачнѣе, и предъ испуганнымъ обществомъ уже рисовалась грозная картина наступающаго бѣдствія со всѣми его послѣдствіями; поднимался вопросъ о томъ какъ переживетъ Россія наступающій годъ, вспоминали описанія ужасовъ голода въ Индіи съ милліонами умершихъ, говорили что этимъ однимъ дѣло еще не ограничится и что намъ впереди предстоитъ тѣсно связанный съ вопросомъ о неурожаѣ финансовый кризисъ. Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ былъ въ это время въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Нижегородской губерніи (въ ней былъ хорошій урожай) и могъ лично наблюдать быстрый ростъ цѣнъ, съ каждымъ базаромъ поднимавшихся на 10, 15 и болѣе копѣекъ, и видѣлъ какое дѣйствіе производило это на жителей. Цѣна на ржаную муку была 85—90 коп. за пудъ и въ короткое время она поднимается до 2 руб. и 2 руб. 10 коп. Конечно, для бюджета достаточнаго человѣка средняго класса это не такъ замѣтно и тяжело, но мѣщанина уѣзднаго города, главную пищу котораго составляетъ хлѣбъ, подобное вздорожаніе его болѣе чѣмъ вдвое задѣваетъ за живое. Переполохъ былъ общій: гласные земствъ созываются на экстренныя собранія, которыя, не зная размѣра бѣдствія и не имѣя данныхъ для вѣрнаго сужденія о немъ, обращаются къ правительству съ требованіями громадныхъ ссудъ; печать, занявшись нѣсколько времени почти исключительно этимъ вопросомъ, предлагаетъ правительству всевозможныя мѣры къ уврачеванію бѣдствія, начиная съ полнаго запрета вывоза хлѣба за границу до наложенія только извѣстной пошлины на вывозъ и пониженія тарифовъ желѣзныхъ дорогъ на хлѣбъ идущій въ голодающія мѣстности; правительство взываетъ къ думамъ, приглашаетъ на совѣщанія крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ, разсылаетъ къ губернаторамъ требованія о присылкѣ свѣдѣній о количествѣ хлѣба и достаточности или недостаткѣ его для мѣстныхъ потребителей, но губернаторы и сами ничего не знаютъ, да по правдѣ сказать никто ни-

чего и не можетъ знать, по той простой причинѣ что знать не откуда, данныхъ для этого ни у кого не имѣется. Составлена продовольственная коммисія изъ четырехъ министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ и Путей Сообщенія, которая еженедѣльно имѣетъ совѣщанія и, говорятъ, скоро опубликуетъ свои протоколы которые, по всему вѣроятію, будутъ имѣть большой интересъ.

Но проходитъ нѣсколько времени, и оказывается что никакихъ крайнихъ мѣръ не потребовалось. Призракъ постепенно исчезаетъ, отовсюду получаются свѣдѣнія что цѣна на хлѣбъ понижается и съ 2 руб. 10 коп. дошла до 1 руб. 35 коп.; благодаря установившемуся пути, начался подвозъ хлѣба на рынки, запасы его оказываются совершенно достаточными, и теперь ждутъ еще большаго пониженія цѣнъ. Изъ губерній Саратовской, Самарской и Симбирской, гдѣ мнился голодъ и гдѣ населеніе поголовно собирались кормить на казенный счетъ, идутъ извѣстія много утѣшительнѣе прежнихъ. Одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ заявилъ что въ Симбирской губерніи, въ уѣздахъ Симбирскомъ, Сызранскомъ и Сенгилеевскомъ, „считавшихся голодающими, полнаго неурожая, а тѣмъ паче голода не было, да и нѣтъ вовсе.“ О Саратовской губерніи есть свѣдѣнія отъ лица компетентнаго, ревизующаго губернію сенатора Шамшина, который также свидѣтельствуетъ что „общаго недостатка въ хлѣбѣ нѣтъ, что рядомъ съ дѣйствительно голодающими селами одной волости всегда можно встрѣтить деревню или село съ довольно значительнымъ запасомъ стараго хлѣба.“ Вмѣсто умирающихъ съ голоду, ищущихъ и не находящихъ заработка, оказывается не желающіе наниматься ни на какую работу и пьянствующіе люди (очень можетъ быть что на казенныя ссуды).

Теперь уже мало кто вѣритъ въ прежнюю мрачную картину и, не отрицая мѣстныхъ неурожаевъ, каждый спрашиваетъ себя: откуда же произошла всеобщая паника? Кто въ этомъ виноватъ? За что общество два мѣсяца назадъ находилось подъ давленіемъ этого кошемара, и за что бѣдняки переплачивали столько лишняго, а торговцы хлѣбомъ брали съ нихъ сверхъ нормальныхъ цѣнъ, которыя быстро поднялись и потомъ также быстро понизились, и все это безо всякаго разумнаго основанія. Въ результатѣ: торговцы нажились, а общество вынесло на своихъ плечахъ какой-то неожиданно свалившійся на него налогъ. Но всего досаднѣе то что мы нисколько не застрахованы отъ подобнаго налога ни въ будущемъ, ни въ слѣдующихъ годахъ. Такое состояніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока мы не перестанемъ ходить ощупью, въ потьмахъ, а на свѣтъ мы выйдемъ только когда будемъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія объ урожаяхъ и запасахъ хлѣба внутри страны, то-есть когда устроимъ надлежащимъ образомъ собираніе сельско-хозяйственныхъ статистическихъ данныхъ. Возможенъ ли, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ фактъ подобный случившемуся у насъ въ недавнее время? Тамъ всякій мальчикъ знакомый съ первыми четырьмя правилами ариѳметики можетъ удовлетворительно рѣшить задачу: есть ли въ странѣ въ данное время недостатокъ или излишекъ хлѣба? Тамъ статистика во всякое время дастъ вамъ всѣ данныя къ рѣшенію этой задачи; она скажетъ сколько десятинъ засѣяно подъ хлѣбъ, и даже подъ какой именно сортъ его; сколько четвериковъ собрано и сколько отпущено за границу, слѣдовательно остается столько-то на прокормленіе населенія состоящаго изъ столькихъ-то милліоновъ душъ, нужно столько-то, и рѣшеніе задачи готово. Намъ могутъ возразить что и въ Россіи собираются статистическія данныя по сельскому хозяйству; дѣйствительно собираются, и для этого имѣется при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Центральный Статистическій Комитетъ съ подчиненными ему статистическими комитетами въ губерніяхъ. Послѣдніе получаютъ изъ Центральнаго Комитета заготовленныя формы въ которыхъ находятся рубрики сколько посѣяно, собрано и остается за мѣстною потребностію или недостаетъ (въ четвертяхъ). Бланки разсылаются по всѣмъ волостямъ, гдѣ волостные писаря вписываютъ цифры въ надлежащія графы и передаютъ становымъ приставамъ; тѣ передаютъ ихъ слѣдующей инстанціи — исправнику, а послѣдній доставляетъ ихъ губернскому статистическому комитету. Отсюда эти свѣдѣнія попадаютъ въ губернаторскіе отчеты препровождаемые въ двухъ экземплярахъ министру Внутреннихъ Дѣлъ и Центральному Статистическому Комитету. Кромѣ того, три раза въ годъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ дѣлаетъ запросы губернато-

рамъ: въ октябрѣ о всходѣ озимыхъ хлѣбовъ, весной — яровыхъ и лѣтомъ о положеніи травъ и хлѣбовъ. На эти запросы отвѣты даются не въ цифрахъ, что было бы невозможно, а только приблизительные: хорошій всходъ, посредственный, ниже посредственнаго. Отвѣты публикуются во всеобщее свѣдѣніе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

Со внѣшней, формальной стороны все обстоитъ благополучно: есть центральное статистическое учрежденіе и подчиненныя ему губернскія, свѣдѣнія собираются изъ каждой волости — чего же больше? А между тѣмъ, врядъ ли кто удовлетворенъ нашею офиціальною статистикой, врядъ ли довольно ею само правительство; въ негодности и безполезности этой статистики, вѣроятно, ему недавно пришлось убѣдиться горькимъ опытомъ. Никого не можетъ удовлетворить сообщеніе что въ такой-то губерніи урожай былъ посредственный, хорошій или плохой. Такія неопредѣленныя выраженія ровно ничего не поясняютъ. Сравнительно съ чѣмъ *посредственный*, *плохой* или *хорошій? Посредственный* (положимъ дѣло идетъ о средней полосѣ Россіи), если сравнивать его съ обильными урожаями удачныхъ годовъ въ Самарской губерніи, окажется плохимъ, а если сравнивать съ худшими мѣстами, напримѣръ, Смоленской губерніи, можетъ оказаться хорошимъ. Дѣло въ томъ что подобные эпитеты очень относительны, а мѣрки, единицы для сравненія не дано.

Но оставимъ эту статистику въ покоѣ и обратимся къ цифровой. Послѣдняя выражается, конечно, опредѣленнѣе, но за то тутъ другая бѣда: ея цифры фантастичны и имъ никто не вѣритъ. Впрочемъ, иначе и быть не можетъ: эта статистика составляется волостными писарями выставляющими изъ году въ годъ большею частію однѣ и тѣ же цифры; ихъ никто не провѣряетъ, а сами они не на столько развиты чтобы понять важность совершаемаго имъ дѣла; имъ лишь бы съ рукъ сбыть эту казенную обузу. Какъ образецъ того что за свѣдѣнія заключаются въ офиціальной статистикѣ, укажемъ на *Сборникъ свѣдѣній по Департаменту Земледѣлія и Сельской Промышленности*, изданіе 1880 года, выпускъ II, гдѣ на страницѣ 52 говорится что въ 1851 году въ Архангельской губерніи имѣлось 1.000 свиней, а въ 1856 году нѣтъ ни одной; въ 1861 году снова появляется 1.000, а въ 1866 году опять всѣ до единой исчезаютъ и отсутствіе ихъ продолжается до 1876 года, когда опять появляется завѣтная тысяча свиней.

Существованіе подобной статистики равнозначительно ея отсутствію, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи хуже послѣдняго, такъ какъ стóитъ денегъ, труда и времени, и въ концѣ концовъ только вводитъ въ заблужденіе своими невѣрными цифрами. На это стóитъ обратить самое серіозное вниманіе; надо что-нибудь предпринять для устраненія указаннаго недостатка. Или, можетъ быть, мы будемъ ждать другаго октября и другой паники?

№ 9.

Москва, 8-го января.

Все яснѣе, все опредѣленнѣе высказываются наши фельетонные педагоги о томъ идеалѣ къ которому, по ихъ мнѣнію, необходимо привести наши среднеобразовательныя заведенія. Мы уже знаемъ какъ желаютъ они, „безо всякой впрочемъ ломки,“ уничтожить *учебную* програму нашихъ гимназій чтобы нашимъ дѣтямъ такъ же „легко“ было учиться какъ нѣкогда Митрофану Простакову. Теперь они уже идутъ дальше и съ яростью накидываются на *воспитательную* дѣятельность школы, громко требуя уничтоженія всякой дисциплины.

Первымъ ополчился противъ гимназической педагогіи *Вѣстникъ Европы*, который въ своей январской книжкѣ торжественно провозглашаетъ „полное крушеніе существующей системы народнаго просвѣщенія.“ Но такъ какъ нигдѣ не видать признаковъ этого „крушенія,“ то органъ г. Стасюлевича съ едва скрываемою досадой совѣтуетъ правительству какъ можно скорѣе „сокрушить“ нашу школу. „Мы, правда,“ говоритъ онъ, „еще не знаемъ „достовѣрно, насколько выразилось это „всѣми сознанное и всѣми желанное крушеніе въ офиціальныхъ общихъ мѣрахъ „по Министерству Народнаго Просвѣщенія; *Собраніе узаконеній*, *Правительственный Вѣстникъ* и самый *Журналъ „Министерства* сообщали объ этомъ очень „мало свѣдѣній; но эта часть государственнаго управленія такъ важна, такъ

„тѣсно связана съ общимъ ходомъ внутреннихъ дѣлъ въ Россіи, ея нужды и „требованія такъ неотложны, что, надо „думать, колебанія въ дѣлѣ такой громадной важности уже не будутъ продолжительны, и крушеніе системы останется „не однимъ фактомъ общественнаго сознанія и общей радости, но и выразится на „практикѣ такъ же ясно какъ сказалось „оно въ сознаніи всего русскаго общества. „Мы сами нѣсколько разъ повторяли что „въ школьномъ дѣлѣ надобно всего болѣе „остерегаться *ломки*, но благоразумное „отрицаніе ломки не можетъ быть принимаемо въ смыслѣ отказа отъ дѣятельности.“ (!!)

Итакъ не нужно „ломки,“ нужно, „крушеніе!“

Послѣ этой общей тирады, *Вѣстникъ Европы* переходитъ къ частностямъ и даетъ министерству весьма опредѣленныя указанія какъ слѣдуетъ осуществить на дѣлѣ желаемое имъ „полное крушеніе“ нашего гимназическаго образованія. Оказывается что прежде всего слѣдуетъ отмѣнить всѣ *Правила для учениковъ гимназій*, такъ какъ въ нихъ заключается причина неслыханнаго, возмутительнаго развращенія нашего учащагося юношества. „Эти *Правила*,“ восклицаетъ *Вѣстникъ Европы*, брали мальчика съ десятилѣтняго возраста, брали ребенка и сразу ставили его въ условія *чуждыя и антипатичныя его нѣжному и правдивому возрасту*, сразу опутывали его сѣтями офиціальной фальши.“

Боже мой, думаетъ читатель содрагаясь отъ ужаса, что же это за чудовищныя правила, „чуждыя и антипатичныя нѣжному возрасту ребенка?“ На этотъ вопросъ *Вѣстникъ Европы* отвѣчаетъ вовсе не гадательно, „а съ ясными доказательствами въ рукахъ.“ „Въ первомъ же параграфѣ, съ первыхъ же строкъ, мальчикамъ вмѣнялось въ обязанность,“ говоритъ онъ:

„постоянно имѣть въ виду цѣль ученія вообще и гимназическаго въ особенности, выраженную въ словахъ молитвы предъ ученіемъ, — „возрасти Создателю нашему во славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу.“ Проникаясь все болѣе и болѣе духомъ Христова ученія (говорится далѣе въ Правилахъ), они должны всѣми силами своей души стремиться къ совершенствованію во всѣхъ отношеніяхъ, по слову Спасителя: „Будите совершени, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“ *).

Что же тутъ такого ужаснаго? спрашиваетъ въ недоумѣніи читатель. А какъ же? отвѣчаетъ *Вѣстникъ Европы*,

„отъ ученика требовалось чтобъ онъ шелъ въ школу съ цѣлью которая едва ли была по силамъ самимъ составителямъ этихъ правилъ,—съ цѣлью „быть совершеннымъ, яко же Отецъ нашъ небесный!“ Это ли не фальшь?

Редакція *Вѣстника Европы* и знать не хочетъ что эта, по ея мнѣнію, „фальшь“ не измышлена составителями гимназическихъ правилъ, а поставлена Іисусомъ Христомъ въ обязанность каждому христіанину: никакою заслугою не кичиться, ни на какомъ совершенствѣ самодовольно не засыпать, а вѣчно стремиться къ высшему совершенству...

Наглое глумленіе не ограничивается приведеннымъ мѣстомъ; послушайте дальше чѣмъ возмущается совѣсть либеральнаго фельетониста:

„По тѣмъ же *Правиламъ*, говоритъ онъ, „ученики обязаны въ воскресные и праздничные дни, а также и вечеромъ наканунѣ этихъ дней посѣщать общественное „богослуженіе,“ правила предписывали имъ даже самое благоговѣніе съ какимъ должно вести себя въ церкви, запрещая имъ даже (!!) „переходить съ мѣста на мѣсто, „разговаривать между собой и вообще дѣлать что-либо такое что могло бы мѣшать „сосредоточенному молитвенному настроенію какъ товарищей, такъ и другихъ прихожанъ церкви.“

Все это представляется петербургскому педагогу возмутительнымъ „залѣзаніемъ въ чистую душу мальчика, отъ природы открытую всему живому и доброму.“ Въ особенности же его приводитъ въ ярость правило о посѣщеніи общественнаго богослуженія: „Мы не говоримъ уже о томъ,“ пишетъ онъ, „что значительное большинство гимназистовъ не живетъ въ стѣнахъ гимназій, что проживая въ болѣе или менѣе отдаленномъ разстояніи отъ учебнаго заведенія, оно поставлено въ необходимость отправляться въ *гимназію* (объ этомъ въ *правилахъ* нѣтъ ни единаго слова) даже и въ праздничный день отдыха, и не только въ праздничные дни, но также вечеромъ

*) Мы всюду возстановляемъ подлинный текстъ *Правилъ*, намѣренно искаженныхъ редакціей петербургскаго журнала.

наканунѣ этихъ дней!"—Мы охотно соглашаемся что для сотрудника *Вѣстника Европы* посѣщеніе церкви можетъ быть дѣломъ „чуждымъ и антипатичнымъ." Но неужели онъ полагаетъ что это посѣщеніе должно быть также „чуждо и антипатично для нѣжнаго и правдиваго возраста рускаго ребенка?" Много написано было вздору въ послѣднее время въ нашей печати съ цѣлью сколько возможно изгадить и исковеркать нашу школу, но, признаемся, мы еще ни разу не встрѣчали такого нахальнаго цинизма, такого безшабашнаго отношенія къ здравому смыслу и народному чувству какъ въ этой статьѣ. Тутъ такъ и выглянулъ нахально нашъ исконный врагъ, который продолжаетъ морочить нашу безпомощную интеллигенцію...

Мы только удивляемся почему органъ г. Стасюлевича останавливается въ этомъ вопросѣ на полдорогѣ. Если гимназисты „въ праздничный день отдыха" не будутъ посѣщать гимназической церкви, то слѣдовало бы „въ видахъ экономіи" отмѣнить и самую эту церковь, да кстати, для болѣе „полнаго крушенія," изгнать изъ гимназій и преподаваніе Закона Божія. Тогда останется только стащить баграми иконы со стѣнъ классныхъ комнатъ, какъ это распорядился сдѣлать французскій министръ народнаго просвѣщенія Ферри, котораго восторженно восхваляетъ газета *Голосъ*, ставя въ образецъ министру народнаго просвѣщенія въ Россіи. Итакъ, мы теперь ясно понимаемъ какія *родственныя и симпатическія* нѣжному возрасту условія воспитанія должны окружать рускаго ребенка въ русскихъ гимназіяхъ, организованныхъ по рецепту друзей г. Стасюлевича.

Вѣстникъ Европы, требуя отмѣны правилъ относительно религіозныхъ обязанностей учениковъ, настаиваетъ также и на отмѣнѣ правилъ объ ученіи, о соблюденіи порядка и приличія внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, объ отношеніяхъ къ начальникамъ и наставникамъ, всѣхъ правилъ которыми держится вообще жизнь школы. Полная анархія, вотъ тотъ идеалъ къ которому эти господа хотятъ привести какъ наше государство, такъ и нашу школу. Просто не вѣришь своимъ глазамъ, когда видишь предъ собой такую вопіющую безсмыслицу, напечатанную на страницахъ русскаго журнала. Прочтите, напримѣръ, слѣдующую тираду, въ которой авторъ нападаетъ на педагогическіе ужасы какими ему представляются правила относительно ученія: „Правила не упускаютъ," съ негодованіемъ восклицаетъ онъ,—

„воспретить самовольный выходъ ученика изъ класса во время урока и предоставить испрашивать на то дозволеніе преподавателя лишь въ случаѣ крайней необходимости;" они заботливо предписываютъ ученикамъ „предъ началомъ каждаго „урока, до прихода преподавателя, при„водить въ порядокъ и приготовлять тѣ „книги, тетради и прочія учебныя и пись„менныя принадлежности кои имъ понадо„бятся." Каждый ученикъ непремѣнно долженъ занимать въ классѣ заранѣе назначенное ему мѣсто и не долженъ перемѣнять его самовольно, не испросивъ на то дозволенія класснаго наставника. Не забыто и установленіе обязательной позы для учениковъ: „Во время уроковъ уче„ники обязаны сидѣть прямо, хотя бы и „прислонясь къ спинкѣ скамьи, но не об„локачиваясь и не разваливаясь, и отнюдь „не должны ни разговаривать, ни шеп„таться между собой" и пр. и пр. Тутъ предусмотрѣны и регламентированы жесты, нескромные вопросы учителю, все до послѣднихъ мелочей. Каждый ученикъ пріобрѣтаетъ отъ гимназіи или прогимназіи тетрадь, въ которую онъ обязанъ записывать „со всею точностью" то что̀ задано преподавателемъ къ слѣдующему уроку, и ежедневно представлять эту тетрадь родителямъ или родственникамъ на попеченіи коихъ онъ находится. Но всего оригинальнѣе заключительный параграфъ *Правилъ относительно ученія*, вмѣняющій ученику въ обязанность „вполнѣ добросовѣстно при„готовляться къ каждому уроку, и употреб„лять на каждый урокъ и на каждую пись„менную работу столько времени и столь„ко труда, сколько необходимо для вполнѣ „отчетливаго и возможно лучшаго усвоенія „преподаннаго или заданнаго, или для воз„можно лучшаго исполненія каждой пись„менной работы." Развѣ все это не сдѣлано для того чтобъ обратить мальчика въ манекена,—и такъ какъ подобное превращеніе всегда оказывается на дѣлѣ невозможнымъ, то развѣ такой манекенъ, почувствовавъ первое свободное дыханіе, не попадетъ на естественную, хотя и печальную для него мысль что настоящая свобода состоитъ въ томъ чтобы жить и дѣйствовать безо всякихъ правилъ? Онъ уже знаетъ что̀ нужно разумѣть вообще подъ

правилами, и не иначе ихъ представляетъ какъ только одною модификаціей тѣхъ „правилъ“ въ которыхъ держали его нѣсколько лѣтъ.“

Что̀ это такое? Бредъ сумашедшаго, безсмысленный лепетъ ребенка, или нахальная насмѣшка надъ русскою публикой? Стоитъ только хоть слегка вникнуть въ смыслъ фразы чтобы сразу увидѣть всю вопіющую нелѣпость ея. А смыслъ ея очевидно вотъ какой: „Если наши дѣти будутъ жить въ школѣ безо всякихъ правилъ, то они по выходѣ изъ нея строго будутъ соблюдать всевозможныя правила и законы, если же они уже въ школѣ привыкнутъ подчиняться правиламъ, то въ жизни они не будутъ признавать никакихъ правилъ.“ Но въ разбираемой нами статьѣ есть мѣста еще болѣе нахальныя. Мы сожалѣемъ что мѣсто не позволяетъ намъ полной перепечатки этой замѣчательной статьи, и мы по необходимости должны ограничиться лишь нѣкоторыми выдержками.

Вотъ, напримѣръ, еще тирада о нѣкоторыхъ другихъ „ужасныхъ“ правилахъ:

Доводя регламентацію нравственныхъ побужденій до послѣдняго абсурда, *Правила* требуютъ чтобъ ученики „относились „къ своимъ наставникамъ и начальникамъ „съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью, „ибо лишь при томъ условіи могутъ по„лучать отъ нихъ и помощь, и добрый „совѣтъ, и полезное наставленіе.“ *Правила*, сами основанныя на глубокой фальши (?!), предписываютъ ученикамъ „быть „вполнѣ правдивыми вообще и особенно въ „отношеніи къ своимъ начальникамъ и на„ставникамъ, избѣгая всякаго лицемѣрія, „притворства, лжи и обмана.“ Виртуозность въ регламентаціи чувства рѣдко доводилась до такого высоко-художественнаго совершенства даже и въ прошломъ нашего отечества, столь обильнаго педагогическими опытами и столь бѣднаго образованіемъ. Разумѣется, по тѣмъ же *Правиламъ*, ученики „обязаны быть и между со„бою не только вѣжливы, но еще и добро„желательны и дружелюбны. Имъ строго „воспрещаются ссоры, брань и драки между „собой; но еще строже преслѣдуется зло„употребленіе силой противъ слабѣйшихъ „и въ особенности противъ новичковъ.“ Ученики должны дорожить не только своею честью, не только честью своего заведенія, но и „въ отдѣльности честью своего класса.“

Все это, какъ вы видите, „послѣдній абсурдъ!“

Въ особенности же одно правило возмутило нашего фельетоннаго педагога до глубины его либеральной души. Правило это находится въ § 27 и гласитъ такъ: „Строжайше преслѣдуется: употребленіе „учениками въ разговорѣ между собою ка„кихъ-либо неприличныхъ словъ и выра„женій, всякаго рода неблагопристойные „разговоры и разказы и всякое сообщеніе „или дѣйствіе противное нравственной чис„тотѣ и клонящееся къ соблазну для то„варищей, равно какъ и всякое подстре„кательство товарищей къ какому-либо дур„ному проступку, а тѣмъ болѣе къ какимъ„либо безпорядкамъ сообща. Ученики са„ми не должны терпѣть въ своей средѣ „столь вредныхъ товарищей и должны со„общать о нихъ своему классному настав„нику.“ По поводу этого правила, выписаннаго какъ и другія въ искаженномъ видѣ, педагогъ *Вѣстника Европы* ставитъ такой язвительный вопросъ: „Что скажетъ педагогія о системѣ воспитанія нравственнаго чувства, основанной на сообщеніи?“ Изъ этого слѣдуетъ что еслибъ у насъ существовали такія гимназіи о какихъ мечтаетъ *Вѣстникъ Европы*, то родители могли бы быть вполнѣ покойны за нравственность своихъ дѣтей, которые принуждены были бы выслушивать непристойные разказы какого-нибудь негодяя-товарища, не имѣя возможности избавить себя отъ этой отвратительной заразы!

Авторъ нашей статьи до такой степени знакомъ съ самыми существенными требованіями практической педагогіи что предполагаетъ возможность школьнаго воспитанія безо всякой дисциплины. Въ школахъ всего міра существуютъ, какъ всякому извѣстно, твердо установленныя, точныя и подробныя правила для учениковъ, дабы эти послѣдніе ясно сознавали въ чемъ заключаются ихъ обязанности. На ряду съ этими обязанностями всюду дѣйствуютъ опредѣленныя правила взысканій, для того чтобъ ученики понимали чему они могутъ подвергнуться въ случаѣ неисполненія своихъ обязанностей. Авторъ статьи *Вѣстника Европы* дѣлаетъ видъ будто такія правила въ настоящее время существуютъ у насъ только въ Россіи, и будто они „выписаны изъ какой-нибудь старой престарой, сухой и бездушной нѣмецкой педагогической книжки, помимо всякаго соот-

ношенія и связи съ русскою жизнью, съ характерными національными способностями русскаго юношества. Эти правила выше всего что́ когда-либо производила педагогическая регламентація и, сколько намъ извѣстно, они *формально* еще не замѣнены другими... Можно себѣ представить, какое подавляющее впечатлѣніе должно производить чтеніе этихъ правилъ на нѣжный организмъ ребенка!“ Читатель ждетъ послѣ этого ужасовъ и, къ своему изумленію, узнаетъ что „помимо всякаго соотношенія и связи съ русскою жизнью, съ характерными національными особенностями русскаго юношества“ стоятъ слѣдующія правила о взысканіяхъ: (Приводимъ подлинный текстъ тѣхъ самыхъ правилъ, на которыя съ яростью и благороднымъ негодованіемъ нападаетъ педагогъ *Вѣстника Европы*, съ намѣреніемъ предварительно исказившій редакцію этихъ правилъ).

„§ 1. Взысканія имѣютъ цѣлію главнѣйше нравственное исправленіе учениковъ. Назначеніе взысканій совершенно зависитъ отъ педагогическихъ соображеній начальника учебнаго заведенія и прочихъ наставниковъ юношества обучающагося въ томъ заведеніи.

„§ 2. Ученикъ подвергается взысканію только въ томъ случаѣ если въ его виновности не можетъ быть никакого сомнѣнія; но для признанія кого-либо виновнымъ, отнюдь не слѣдуетъ вынуждать наказаніями или угрозами собственное признаніе обвиняемаго.

„§ 3. Взысканіе, по самымъ свойствамъ своимъ, должно по возможности соотвѣтствовать свойствамъ самого проступка и быть какъ бы естественнымъ его послѣдствіемъ. Такъ, лѣность наказывается принудительною работой, излишняя болтливость или неуживчивость—удаленіемъ отъ товарищей, высокомѣріе — униженіемъ, ложь — недовѣріемъ, необузданность, грубое непокорство или проявленіе злости—заключеніемъ въ карцеръ на хлѣбъ и на воду и даже удаленіемъ изъ учебнаго заведенія въ болѣе или менѣе тяжкомъ его видѣ и т. д.

„§ 8. Такъ какъ взысканія въ школѣ назначаются главнѣйше для исправленія учениковъ и слѣдовательно изъ любви къ нимъ, то исполненіе всякаго взысканія, даже и самаго строгаго, должно быть чуждо всякой насмѣшки надъ виновнымъ, не должно сопровождаться обнаруженіемъ гнѣва или презрѣнія къ виновному и не должно лишать его надежды что своимъ совершеннымъ исправленіемъ онъ можетъ еще загладить свою вину и возвратить себѣ доброе мнѣніе и довѣріе своихъ наставниковъ. *Точно также несовмѣстно съ характеромъ взысканій въ школѣ слѣпое исполненіе буквы закона, соединенное съ безучастіемъ къ лицу провинившагося.*“

Какъ же петербургскій педагогъ отзывается объ этихъ разумныхъ и гуманныхъ правилахъ воспитанія? Послушайте:

На этой педагогической риторикѣ съ примѣсью іезуитскаго (!) „униженія“ за „высокомѣріе“ построена вся система взысканій, примѣнявшаяся въ нашихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ съ 1874 года. Мы охотно вѣримъ что въ этотъ долгій промежутокъ времени изъ каждаго десятка директоровъ случайно могъ выпасть на долю той или другой гимназіи или прогимназіи одинъ, который руководствовался болѣе простыми, искренними и здоровыми (?) побужденіями въ своей педагогической практикѣ. Но и для него эти правила были тѣмъ не менѣе обязательны, и онъ могъ горько поплатиться, какъ и поплатились нѣкоторые (?), за самостоятельное къ нимъ отношеніе!“

Скажите, можно ли наглѣе дурачить добрыхъ людей?

Мы видѣли выше какимъ должно быть религіозно-нравственное воспитаніе въ гимназіяхъ организованныхъ по системѣ этихъ педагоговъ. Теперь мы можемъ съ полною ясностью представить себѣ и ту дисциплину которая должна царствовать въ подобномъ заведеніи. Ученики будутъ по примѣру нашихъ гимназистовъ 50-тыхъ годовъ заниматься въ классѣ всѣмъ чѣмъ угодно кромѣ ученія, долженствующаго сократиться до полнаго ничтожества; они будутъ расти въ самой необузданной безнравственности, безъ всякаго надзора и взысканія; они будутъ съ неимовѣрною легкостью и безъ всякаго труда переходить изъ класса въ классъ, поступать ничего не зная въ университетъ, гдѣ блистательно кончатъ курсъ и пойдутъ доводить русскую науку и Россію до „полнаго крушенія.“

Итакъ, педагоги *Вѣстника Европы* видятъ „возмутительныя условія, противныя русскому національному характеру,“ въ самыхъ элементарныхъ требованіяхъ здраваго смысла и нравственности...

Вотъ до чего мы дожили: гимназіямъ на-

шимъ вмѣняется въ преступленіе то что онѣ стараются дать своимъ питомцамъ серіозное и дѣльное образованіе, что они заботятся объ ихъ религіозномъ и нравственномъ воспитаніи, то наконецъ что они вселяютъ въ нихъ любовь ко всему честному и прямому и ненависть ко всему фальшивому и двуличному, что̀, увы! тотчасъ же встрѣчаетъ ихъ при переходѣ со школьной скамьи на академическую, и чему яркимъ примѣромъ служитъ недавняя исторія въ здѣшнемъ университетѣ...

№ 10.

Москва, 9-го января.

Одновременно съ утвержденіемъ государственной росписи доходовъ и расходовъ на текущій годъ, 1 января состоялся Именной Высочайшій указъ министру Финансовъ установляющій, согласно его представленію, порядокъ ликвидаціи счетовъ по заимствованіямъ сдѣланнымъ въ послѣднюю войну Государственнымъ Казначействомъ изъ Государственнаго Банка и по вызваннымъ этими заимствованіями временнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ.

Указъ изданъ съ двоякою цѣлію: вопервыхъ, имѣется въ виду установить болѣе правильныя отношенія Государственнаго Казначейства къ Государственному Банку; вовторыхъ—способствовать постепенному упроченію денежной единицы. Первая цѣль имѣетъ быть достигнута уплатой Банку въ теченіе восьми лѣтъ всѣхъ заимствованныхъ у него суммъ. Второй цѣли предполагается достигнуть уничтоженіемъ кредитныхъ билетовъ которые будутъ накопляться въ кассахъ Банка. Отношеніе указа къ этимъ двумъ цѣлямъ не одинаковое; первой цѣли отдается несомнѣнное преимущество. Всѣ суммы числящіяся по счетамъ Банка за Государственнымъ Казначействомъ должны быть непремѣнно уплачены. Но количество выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ должно быть сокращаемо лишь по мѣрѣ возможности, по соображенію съ потребностью въ денежномъ отношеніи. Въ теченіе восьми лѣтъ, если не случится какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ, весь долгъ казны Банку будетъ уплаченъ сполна. Но это отнюдь не значитъ чтобъ одновременно съ тѣмъ былъ погашенъ и весь временный выпускъ кредитныхъ билетовъ. Изъятіе временно выпущенныхъ бумажныхъ денегъ узаконено, но узаконено условно и поставлено въ зависимость отъ потребностей денежнаго обращенія. Если окажутся стѣсненія денежнаго рынка могущія вызвать промышленныя и торговыя затрудненія, предписанная указомъ мѣра изъятія кредитныхъ билетовъ перестаетъ быть обязательною.

Нельзя не поблагодарить новое финансовое управленіе за предусмотрительную осторожность съ которою оно приступаетъ къ сокращенію размѣровъ нашего бумажноденежнаго обращенія. До какихъ предѣловъ можно идти въ дѣлѣ этого сокращенія безъ положительнаго вреда для народнаго хозяйства, теоретически, a priori, рѣшить нельзя. До временныхъ выпусковъ, всѣ денежныя сдѣлки въ странѣ исполнялись, правда, посредствомъ того количества денегъ которое обращалось до войны; временные выпуски рѣшено было сдѣлась не ради какихъ-либо нуждъ народнаго хозяйства, а въ силу чрезвычайныхъ военныхъ обстоятельствъ. Можетъ, поэтому, казаться что эти временные выпуски нисколько нуждами народнаго хозяйства не требовались; что они насильственно навязаны странѣ и всѣмъ своимъ итогомъ составляютъ вредный для нея излишекъ; что необходимо освободить ее отъ всего этого излишка, если не разомъ, во избѣжаніе внезапнаго потрясенія всего хода экономическихъ дѣлъ, то постепенно, въ нѣсколько сроковъ. Но все это можетъ казаться лишь до тѣхъ поръ пока не принята во вниманіе разница въ ходѣ экономическихъ дѣлъ *до* и *послѣ* выпусковъ. Пока ихъ не было, страна переживала тяжелый кризисъ; были сдѣланы выпуски бумажныхъ денегъ, и этого кризиса какъ не бывало. Не имѣлось, правда, въ виду устранять кризисъ посредствомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, но полезное дѣйствіе расширеннаго денежнаго обращенія нисколько этимъ не ослабляется. Трудно не видѣть изъ этого что расширеніе денежнаго обращенія требовалось именно нуждами народнаго хозяйства, что выпуски кредитныхъ билетовъ были нужны странѣ независимо отъ военныхъ потребностей. Лишить ее этихъ выпусковъ значило бы создать для нея вновь тѣ промышленныя и торговыя затрудненія отъ

которыхъ она такъ страдала въ 1875—76 годахъ, повергнуть ее вновь въ то положеніе кризиса, отъ котораго она такъ счастливо избавилась. Признавая все это, нельзя, однако, сказать утвердительно, весь ли итогъ временно выпущенныхъ бумажныхъ денегъ былъ необходимъ странѣ для улучшенія ея экономическаго положенія, или же только нѣкоторая часть сдѣланнаго выпуска произвела полезное дѣйствіе, а остальная затѣмъ часть была напраснымъ для народнаго хозяйства придаткомъ. Бумажныя деньги выпускались внѣ всякихъ соображеній о хозяйственныхъ нуждахъ страны; размѣры выпусковъ опредѣлялись единственно потребностями военными. Добрымъ результатомъ узаконенныхъ нынѣ мѣръ должно быть именно опредѣленіе, не теоретическимъ, а практическимъ путемъ, какая доля расширенія денежнаго обращенія должна остаться въ силѣ, какъ соотвѣтствующая требованіямъ оборотовъ народнаго хозяйства, и какая должна быть устранена какъ пассивъ пережитой временной политической невзгоды. По уплатѣ казной Банку всѣхъ заимствованныхъ у него въ военное время суммъ, по предоставленіи Банку возможности изъять всѣ временно-выпущенные кредитные билеты, въ обращеніи не останется ни одного рубля выпущеннаго для цѣлей посторонних хозяйственнымъ нуждамъ народа. И если при этомъ размѣры денежнаго обращенія не сократятся до предѣловъ въ которыхъ оно держалось до войны, излишекъ противъ прежней нормы покажетъ въ какой именно мѣрѣ выпуски кредитныхъ билетовъ требовались естественнымъ ходомъ дѣлъ помимо случайныхъ военныхъ нуждъ. И нужно будетъ помириться съ этимъ излишкомъ; необходимо будетъ признать экономическую законность совершившагося расширенія въ денежномъ обращеніи и преклониться предъ фактомъ.

Въ сущности, постановленныя указомъ 1 января финансовыя мѣры не представляютъ собою чего-либо новаго. Эти мѣры уже практиковались начиная съ осени 1878 года почти безостановочно. Государственное Казначейство постоянно уплачивало долгъ числящійся за нимъ по счетамъ Государственнаго Банка, а Банкъ постоянно сокращалъ количество выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, по мѣрѣ возможности и сообразуясь съ потребностями въ денежномъ обращеніи. И въ этомъ отношеніи достигнуты уже не малые результаты. Стóитъ сравнить осенніе балансы Государственнаго Банка за 1878 годъ съ нынѣшними, чтобъ увидать какъ значительно сократились цифры и текущаго долга Государственнаго Казначейства, и временнаго выпуска бумажныхъ денегъ. Это сокращеніе было бы не больше, а меньше еслибы въ истекшіе два года уже дѣйствовалъ изданный нынѣ указъ. Но въ примѣненіи сказанныхъ мѣръ въ истекшіе два года не было неуклонной послѣдовательности; онѣ носили характеръ случайный, и отъ нихъ безпрестанно дѣлались отступленія. Вслѣдъ за уплатами казной текущаго долга Банку, дѣлались новыя заимствованія, вслѣдъ за изъятіями кредитныхъ билетовъ, дѣлались новые ихъ выпуски. При постоянныхъ колебаніяхъ въ этомъ отношеніи то въ ту, то въ другую сторону, не каждый разъ можно было опредѣлить по какимъ соображеніямъ измѣняются размѣры денежнаго обращенія, по уваженію ли къ народно-хозяйственнымъ нуждамъ, или по бюджетнымъ надобностямъ. Узаконяя практиковавшіяся въ два послѣдніе года мѣры, новый указъ подчиняетъ ихъ строгому порядку. Заимствованія изъ Государственнаго Банка на бюджетныя надобности отнынѣ прекращаются, чѣмъ устраняется и всякая надобность въ дальнѣйшихъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ не вызываемыхъ ходомъ экономической жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры къ тому чтобы поставить Банкъ въ возможность производить какъ платежи по распоряженію Государственнаго Казначейства, такъ и ссуды по коммерческимъ операціямъ, не прибѣгая къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Изъ числа суммъ вносимыхъ въ Банкъ казенными учрежденіями, только 50 милліоновъ ежегодно будутъ зачитываться въ уплату числящагося за Государственнымъ Казначействомъ долга; остальныя вносимыя въ Банкъ суммы будутъ свободными наличными средствами для производства Банкомъ платежей за счетъ казны. Затѣмъ означенные 50 милліоновъ, особенно если они будутъ уплачиваемы Банку предъ наступленіемъ осени, когда у насъ постоянно обнаруживается особенное оживленіе торговыхъ оборотовъ, будутъ спеціальнымъ средствомъ для удовлетворенія экстренныхъ коммерческихъ нуждъ.

Строгое исполненіе предписанныхъ но-

вымъ указомъ мѣръ обойдется казнѣ не дороже чѣмъ обходились онѣ и въ минувшіе два года. Безпроцентный долгъ казны будетъ замѣняться процентнымъ тѣмъ же порядкомъ какъ и до сихъ поръ. Сомнительно чтобы сколько нибудь значительная часть тѣхъ 400 милліоновъ которые казна должна будетъ уплатить Банку въ теченіе восьми лѣтъ, могла быть покрыта изъ обыкновенныхъ бюджетныхъ средствъ, какъ бы ни были велики тѣ сокращенія въ государственныхъ расходахъ на которыя разчитываетъ новое финансовое управленіе. Суммы для уплаты Банку должны быть добыты займами. Ликвидація счетовъ съ нимъ поведетъ къ увеличенію процентнаго государственнаго долга въ предстоящій восьмилѣтній періодъ на 400—500 милліоновъ рублей, и къ подъему бюджета государственныхъ расходовъ на всю сумму процентовъ по этому новому долгу. Но не весь итогъ этихъ процентовъ будетъ дѣйствительнымъ отягощеніемъ бюджета. Такимъ отягощеніемъ будутъ лишь проценты съ суммы долга соотвѣтственной тому количеству кредитныхъ билетовъ которое будетъ изъято изъ обращенія. Проценты по другой части долга, которая послужитъ единственно усиленіемъ средствъ Государственнаго Банка для оказанія услугъ торговлѣ и промышленности, будетъ не дѣйствительнымъ, а оборотнымъ расходомъ, который будетъ возмѣщаться процентами получаемыми Банкомъ по его ссуднымъ операціямъ, такъ что убыль въ одномъ казенномъ карманѣ будетъ сопровождаться прибылью въ другомъ тоже казенномъ карманѣ. Во всякомъ случаѣ, на отягощеніе бюджета вслѣдствіе установленныхъ указомъ 1 января мѣръ не будетъ особенныхъ причинъ сѣтовать, если этими мѣрами будетъ достигнуто устраненіе дѣйствительнаго, а не мнимаго излишка денежныхъ знаковъ противъ имѣющейся въ нихъ потребности, излишка который могъ бы служить препятствіемъ къ столь желаемому упроченію денежной единицы—цѣль, которой нельзя не имѣть въ виду, хотя однѣ указанныя мѣры и не могутъ привести къ ней. Но оказались бы несомнѣнно серіозные поводы къ сѣтованіямъ еслибы цѣною значительнаго новаго отягощенія податныхъ силъ народа было куплено не изъятіе дѣйствительнаго излишка бумажныхъ денегъ, а обезденеженье страны, такое сжатіе размѣровъ денежнаго обращенія при которомъ были бы затруднены всякія денежныя сдѣлки, всякіе платежи и полученія. Тотъ или иной, благопріятный или неблагопріятный исходъ дѣла будетъ зависѣть отъ того какъ отнесется управленіе Государственнаго Банка къ исполненію возложенной на него задачи сокращать количество кредитныхъ билетовъ „безъ внезапнаго стѣсненія денежнаго рынка и происходящихъ отъ сего промышленныхъ и торговыхъ затрудненіе,“ лишь „по мѣрѣ возможности“ и „по соображенію съ потребностями денежнаго обращенія.“ Напримѣръ, подъемъ учетнаго и ссуднаго процентовъ, которые у насъ и такъ много выше чѣмъ за границей и сильно затрудняютъ для нашей торговли и промышленности конкурренцію съ иностранцами, былъ бы, полагаемъ, прямымъ противорѣчіемъ приведеннымъ правиламъ, которыя указомъ 1 января преподаны въ руководство Банку. Такимъ же противорѣчіемъ этимъ правиламъ были бы, полагаемъ, и вообще всякія ограниченія размѣровъ правильныхъ ссудныхъ операцій Банка. Необходимости прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, при воспрещеніи дальнѣйшихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ для какихъ бы то ни было надобностей, Банкъ можетъ избѣжать, какъ мы полагаемъ, если постановитъ себѣ за правило уничтожать накопляющіеся въ его кассахъ кредитные билеты не въ весенніе мѣсяцы, когда въ денежныхъ торговыхъ оборотахъ обыкновенно наступаетъ затишье, а по заключеніи осенняго торговаго сезона, когда имѣется возможность точнѣе опредѣлять соразмѣрность между количествомъ денежныхъ знаковъ и существующею въ нихъ потребностью.

№ 11.

Москва, 10-го января.

А.

На дняхъ, германскому Союзному Совѣту представленъ законопроектъ объ обязательномъ страхованіи отъ увѣчій рабочихъ на горныхъ заводахъ и фабрикахъ работающихъ машинами. Законопроектъ этотъ, весьма впрочемъ объемистый, составляетъ первый пробный шагъ имперскаго канцлера въ дѣлѣ улучшенія быта рабочихъ. О своихъ планахъ въ этомъ отношеніи князь Бисмаркъ заявлялъ неоднократно въ послѣдніе годы; о нихъ онъ

упоминалъ даже при обсуженіи рейхстагомъ полтора года тому назадъ таможеннаго тарифа. Отчасти ради осуществленія этихъ плановъ имперскій канцлеръ, постоянно жалующійся на обремененіе работой и на крайнее утомленіе, принялъ на себя непосредственное завѣдываніе министерствомъ торговли и промышленности. Все лѣто и осень проведенные во Фридрихсру князь Бисмаркъ посвятилъ своимъ такъназываемымъ соціальнымъ реформамъ, которыя должны составить необходимое дополненіе къ проводимымъ имъ измѣненіямъ таможеннаго тарифа и системы налоговъ. Первоначально князь Бисмаркъ замышлялъ введеніе общаго страхованія всѣхъ безъ изъятія рабочихъ, на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ и ото всѣхъ случайностей, имѣя въ виду устранить этимъ необходимость какихъ бы то ни было рабочихъ кассъ, которыя стали бы дѣйствительно излишними со введеніемъ болѣе дешеваго страхованія въ государственномъ учрежденіи, не имѣющемъ надобности взимать высокую страховую премію. Обстоятельства показали что постановка дѣла на столь широкихъ началахъ встрѣчается съ громадными затрудненіями и можетъ быть исполнена только постепенно. Настоящій проектъ ограничивается поэтому страхованіемъ отъ увѣчій только рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ и притомъ рабочихъ получающихъ не свыше двухъ тысячъ марокъ, хотя всѣмъ вообще рабочимъ предлагаются услуги вновь создаваемаго въ Берлинѣ государственнаго страховаго учрежденія. Страховая премія вносится хозяевами учрежденій, по четвертямъ года, сполна за все число рабочихъ которое должно находиться въ ихъ заведеніяхъ, причемъ рабочіе раздѣляются на двѣ группы: на получающихъ меньше 750 марокъ въ годъ и на получающихъ отъ 750 до 2.000 марокъ при взносѣ преміи за первыхъ, хозяевамъ фабрикъ должно быть оказываемо содѣйствіе со стороны такъ-называемаго фонда бѣдныхъ того округа гдѣ фабрика находится; второй разрядъ рабочихъ половину выплачиваетъ изъ своихъ средствъ. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ государственнаго страхованія отъ увѣчій, рабочіе теряютъ право страховать себя на этотъ случай въ частныхъ рабочихъ страховыхъ кассахъ. Пособіе изъ государственной страховой кассы выдается въ случаѣ болѣзни рабочаго происходящей отъ увѣчья и длящейся болѣе четырехъ недѣль, и разчитывается такимъ образомъ что страховая касса выдаетъ сумму необходимую на лѣченіе и извѣстный процентъ заработной платы получаемой рабочимъ. Въ случаѣ смерти отъ несчастнаго случая на фабрикѣ, семья убитаго или его родители коимъ онъ доставлялъ средства къ жизни получаютъ изъ кассы отъ 20 до 50% заработной платы. Рабочій сдѣлавшійся неспособнымъ къ труду вслѣдствіе увѣчья получаетъ ежегодную пожизненную пенсію, смотря по состоянію здоровья, но не свыше 60% получаемаго имъ на фабрикѣ содержанія.

Законопроектъ не устанавливаетъ размѣра страховой преміи, который будетъ опредѣляемъ Союзнымъ Совѣтомъ и измѣняемъ каждыя пять лѣтъ, причемъ должна быть принята во вниманіе степень опасности того или другаго рода промысла и обязанностей извѣстной группы рабочихъ на фабрикѣ. Желѣзнодорожные и пароходные рабочіе не подлежатъ однако страхованію, такъ какъ въ силу изданнаго въ началѣ семидесятыхъ годовъ закона, желѣзнодорожныя компаніи обязаны вознаграждать ихъ за увѣчья въ размѣрѣ гораздо большемъ нежели можетъ доставить страховое учрежденіе. Съ тѣхъ поръ бо́льшая часть желѣзныхъ дорогъ перешли въ руки государства, которое приняло вмѣстѣ съ этимъ и всѣ обязанности частныхъ обществъ предъ рабочими и служащими.

Несмотря на довольно тщательную разработку законопроекта въ подробностяхъ, бо́льшая часть германской печати выражаетъ сомнѣніе что онъ осуществится въ настоящемъ своемъ видѣ; напротивъ, надо де ожидать что онъ подвергнется значительнымъ измѣненіямъ какъ въ Союзномъ Совѣтѣ, такъ и въ только что учрежденномъ политико-экономическомъ Совѣтѣ который соберется на дняхъ въ Берлинѣ и на разсмотрѣніе коего, какъ спеціальнаго учрежденія будетъ внесено обсужденіе техническихъ подробностей проекта.

Впрочемъ, новоучрежденному политико-экономическому совѣту, имѣющему только совѣщательный характеръ, предстоитъ съ самаго начала его занятій разсмотрѣть не мало вопросовъ вызываемыхъ возникающими промышленными и торговыми затрудненіями Германіи, которыя всего болѣе отзываются на положеніи того же рабочаго населенія объ улучшеніи быта ко-

тораго, въ предѣлахъ практической возможности, хлопочетъ теперь имперскій канцлеръ. Дѣйствительно, цѣны на хлѣбъ поднялись въ Германіи въ такой мѣрѣ что на всемъ сѣверѣ ея рожь стоитъ въ цѣнѣ выше пшеницы; рядомъ съ этимъ, въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, имѣвшихъ и въ этомъ году, какъ въ прошломъ, весьма посредственный, въ общемъ даже недостаточный урожай, фабрики и промысловыя конторы должны были сократить свои дѣла, отчего тысячи рабочихъ остались безо всякихъ средствъ. Съ особенною силой упадокъ дѣлъ выразился въ приморскихъ городахъ Восточной Пруссіи и главнымъ образомъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ массы рабочихъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ неоднократно уже осаждали городскую ратушу требуя работы. Дума обсуждаетъ мѣры которыя необходимо принять для пособія нуждающимся, причемъ въ первое же засѣданіе этого года оберъ-бургомистръ, замѣтивъ что причиною упадка торговли и промышленности Кенигсберга былъ отчасти новый таможенный уставъ, не стѣснился свалить главную вину бѣдствій города на „восточнаго сосѣда,“ принявшаго де такія мѣры вслѣдствіе коихъ торговое движеніе направляется теперь, мимо Кенигсберга, въ русскіе балтійскіе порты, значеніе коихъ быстро развивается. Въ Кенигсбергѣ, а пожалуй и въ Берлинѣ, какъ видно, считаютъ своею привилегіей держать въ рукахъ значительную часть русскаго отпуска и весьма негодуютъ на перемѣну въ положеніи дѣлъ обусловленную впрочемъ не какими-либо мѣрами „восточнаго сосѣда,“ а затрудненіями кои создалъ для транзитной торговли прусскихъ балтійскихъ портовъ германскій таможенный уставъ, вошедшій въ силу съ января прошлаго года. Понятно почему именно Кенигсбергское купечество обращалось къ князю Бисмарку съ ходатайствомъ предложить Россіи отсрочить на десять дней введеніе десятипроцентнаго повышенія тарифа. Прямой отказъ заставляетъ теперь Германію искать иного выхода изъ затрудненій: проектируется устройство отдѣленій нѣмецкихъ фабрикъ въ пограничныхъ частяхъ Россіи съ тѣмъ чтобы сбыть туда часть остающагося безъ дѣла рабочаго люда, и сверхъ того пересмотръ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, въ видахъ представленія льготъ товару идущему въ Россію или оттуда транзитомъ къ германскимъ портамъ. Измѣненія въ тарифахъ могутъ быть таковы что часть грузовъ, и можетъ-быть значительная, идущихъ теперь къ Либавѣ и Ригѣ, попрежнему предпочтетъ направленіе на Кенигсбергъ. Во всякомъ случаѣ измѣненіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ парализуетъ невыгоды возвышенія русскихъ ввозныхъ пошлинъ. Такая уступка со стороны князя Бисмарка тѣмъ вѣроятнѣе что иначе, уступая силѣ вещей, онъ принужденъ былъ бы согласиться на пониженіе таможенной пошлины по крайней мѣрѣ на русскій хлѣбъ, что̀ значило бы исполнить требованіе фритредеровъ, а этого-то именно и не хочетъ имперскій канцлеръ.

Б.

Послѣ завтра, 12 января, праздникъ Московскаго Университета, съ которымъ соединяется столько преданій дорогихъ для русскаго образованія. Праздникъ такъ праздникъ! Въ праздникъ всякія заботы отлагаются, злоба дня стихаетъ и враждующія стороны слагаютъ оружіе. Во всякомъ дѣлѣ есть трудъ и борьба; но благо тому у котораго есть хотя одно мгновеніе праздничнаго отдыха, одно мгновеніе благодатнаго мира собирающаго во едино всѣхъ и все. Старѣйшій изъ русскихъ университетовъ заслужилъ себѣ праздникъ правдивый и честный, онъ заслужилъ себѣ мгновеніе свѣтлаго, всезамиряющаго отдыха. Какія бы ни были неудовольствія и какія бы заботы ни тревожили, ни волновали насъ, дѣтей нашей almae matris, все должно на эту минуту стихнуть, — и да будетъ стыдно тому кто явится на праздникъ не отложивъ попеченій о завтрашнемъ и не оставивъ злобы вчерашняго дня. Никто не имѣетъ права ни изъ какихъ видовъ, ни въ какомъ смыслѣ смущать торжество нашего Университета и лишать его праздника. Говоримъ это потому что въ послѣднее время университетское торжество, къ сожалѣнію, не рѣдко злоупотреблялось для разныхъ заявленій тенденціознаго свойства. Возстановимъ же честь этого праздника, возвратимъ ему чистоту и его свѣтлый характеръ, встрѣтимъ и проводимъ нынѣшнее торжество нашего Университета съ убѣжденіемъ и увѣренностію что дѣло добра и правды которому онъ призванъ служить восторжествуетъ, что облака на нашемъ небѣ разсѣются, жучки и песьи мухи исчезнутъ... Для на-

шихъ университетовъ должна наступить пора лучшей и высшей жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Дай Богъ только чтобы наше учащееся юношество выдержало съ честью испытаніе кризиса, чтобъ оно сумѣло разобраться въ обстоятельствахъ, чтобъ оно показало себя выше обмановъ и интригъ, чтобы лучшіе люди въ немъ доказали свою способность критически и собственнымъ умомъ добираться до истины, чтобы вмѣстѣ съ собою наше университетское юношество сберегло будущность русской науки и Русской земли...

№ 13.

Москва, 12-го января.

А.

Дворянская организація еще продолжаетъ свое существованіе, но она видимо ослабѣла и какъ бы потерялась среди новаго окружающаго ее строя. Дворянство какъ будто не чувствуетъ почвы подъ собою, какъ будто не находитъ себѣ мѣста среди новыхъ формацій, какъ будто не видитъ зачѣмъ оно еще существуетъ и къ чему оно можетъ еще служить. Недавно, всего двадцать лѣтъ тому назадъ, оно было всѣмъ въ государствѣ, оно было главною, коренною, могущественною силой; на немъ лежала отвѣтственность за все; оно было утвержденіемъ существовавшаго порядка и обезпеченіемъ внутренняго мира. Изъ него исходили и на него опирались и административныя, и полицейскія, и судебныя власти; дворянство было управляющимъ сословіемъ въ полномъ и самомъ реальномъ значеніи этого слова. Но съ паденіемъ крѣпостнаго права и почти съ каждою изъ дальнѣйшихъ реформъ, оно все болѣе и болѣе теряло это реальное значеніе; оно какъ бы пережило само себя, и остается только какъ воспоминаніе, какъ преданіе, какъ отголосокъ минувшихъ дней, какъ superstitio. Такъ ли это? Не таится ли, однако, въ дворянствѣ нѣкоторая внутренняя сила, способная при новыхъ обстоятельствахъ сослужить новую службу? Если же въ дворянствѣ есть еще надобность для государства, то съ измѣненіемъ всего вс кругъ не требуется ли какихъ-либо измѣненій и въ самой организаціи дворянства? Вотъ вопросы которые невольно приходятъ на мысль когда, разъ въ три года, открываются дворянскіе выборы.

Сегодня, 12 января, открылись дворянскіе выборы въ Москвѣ. На этотъ разъ они были открыты высшимъ представителемъ государственной власти въ Москвѣ, генералъ-губернаторомъ. Казалось своевременнымъ ободрить дворянство, поднять его духъ, напомнить ему о прошломъ и оживить его вѣру въ свое призваніе. Таковъ смыслъ рѣчи сказанной, при открытіи выборовъ, княземъ В. А. Долгоруковымъ. Вотъ ея текстъ:

„Мм. Гг.

„Почтенное сословіе ваше собралось для выбора на должности замѣщаемыя по закону отъ дворянства.

„Московское дворянство, преданія котораго неразрывно связаны съ историческою жизнію Москвы, служитъ достойнымъ выразителемъ того участія которое древнепрестольная столица принимала въ судьбахъ нашего отечества. Отъ вашихъ предковъ, господа, вы наслѣдовали завѣтныя чувства приверженности къ престолу и любви къ отечеству. На полѣ ратномъ, на чредѣ государственнаго и общественнаго служенія, Московское дворянство оставалось неизмѣнно вѣрнымъ своему нравственному долгу поддерживать честь и достоинство родной земли, содѣйствовать ея благосостоянію, хранить нерушимо основы ея внутренняго строенія. Въ памяти Московскаго дворянства остаются навсегда запечатлѣнными слова русскихъ Вѣнценосцевъ, многократно обращенныя къ нему въ знакъ милостиваго вниманія къ его вѣковымъ доблестнымъ заслугамъ.

„Въ нынѣшнее царствованіе, обильное мудрыми преобразованіями, Московское дворянство оказало себя, какъ и всегда, на высотѣ своего призванія, сочувственно и самоотверженно отвѣтствуя на призывы царскіе какъ въ дѣяніяхъ мира, такъ и въ подвигахъ военныхъ. Довѣріемъ и милостію Монарха предъ вами открылось широкое поприще общественной дѣятельности, гдѣ ваше просвѣщенное участіе, проникнутое сознаніемъ долга и отчизнолюбіемъ, принесло и продолжаетъ приносить несомнѣнную пользу въ осуществленіи мудрыхъ начинаній указанныхъ верховною властію.

„Въ послѣднюю освободительную войну Московское дворянство, вѣрное завѣту

предковъ, когда многіе изъ среды его мужественно сражались подъ побѣдоносными русскими знаменами, отличило себя щедрыми пожертвованіями, за которыя удостоилось Монаршей признательности, высказанной въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ.

„Когда затѣмъ преступная рука набрасывала не разъ мрачную пелену смущенія на благомыслящее русское общество, среди мрака этого, Московское дворянство, неизмѣнно преданное кореннымъ уставамъ на которыхъ зиждется могущество Россіи, обнаруживало себя въ полномъ величіи присущихъ всему русскому дворянству вѣрноподанническихъ чувствъ.

„Совершившееся двадцатипятилѣтіе славнаго царствованія Государя Императора дало случай Московскому дворянству вновь проявить эти чувства и ознаменовать этотъ великій день добрымъ дѣломъ учрежденія стипендій въ Петровско-Александровскомъ пансіонѣ-пріютѣ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ 8 марта 1880 года Его Величеству благоугодно было выразить о всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ что они „явили „самыя теплыя, искреннія и наглядныя до„казательства одушевляющей ихъ вѣрно„подданической преданности, ознамено„вавъ день 19 февраля 1880 года щедры„ми пожертвованіями на благотворительи общеполезныя цѣли.“

„Вамъ, господа, какъ сословію передовому, предлежитъ оказывать разумное и плодотворное воздѣйствіе на теченіе дѣлъ, къ участію въ которыхъ вы призваны, и въ числѣ ихъ столь важнаго дѣла какъ народное образованіе. Предстоящіе выборы, въ которыхъ выразится ваша справедливая оцѣнка достоинства и заслугъ тѣхъ лицъ, на которыхъ падетъ вашъ безпристрастный выборъ, еще разъ докажутъ что исполненіе обязанностей, соединенныхъ съ правами вашего сословія, предоставлено вами лицамъ способнымъ оправдать высокое довѣріе Государя Императора къ вашему сословію.

„Объявляю Московское губернское дворянское собраніе открытымъ и приглашаю васъ, мм. гг., къ принятію установленной присяги.“

На это ободряющее слово губернскій предводитель, графъ А. В. Бобринскій, отвѣчалъ изъявленіемъ благодарности отъ лица Московскаго дворянства, и засвидѣтельствовалъ о его безпредѣльной преданности Престолу и Отечеству и о неизмѣнной готовности и впредь служить имъ какъ служили предки.

Присяга принесена была дворянами, по обычаю, въ Чудовомъ монастырѣ. Здѣсь преосвященный Амвросій, въ свою очередь, напомнилъ имъ о долгѣ ихъ призванія. Дворянство, говорилъ преосвященный, было всегда впереди при борьбѣ со внѣшними врагами отечества; оно призвано также отстаивать вѣчныя начала, на которыхъ зиждется христіанское общество, въ борьбѣ съ духомъ времени.

Борьба нравственнаго свойства есть борьба съ собою. Ея торжество не противника поразить, а раскрыть, возвысить и очистить то что̀ намъ дорого и свято.

B.

Французскія палаты, собравшіяся, по уставу, 9 января, возобновили свои дѣйствительныя засѣданія лишь 21 января, и въ этотъ день вновь избраны президентами, въ сенатѣ г. Леонъ Сэ, а въ палатѣ депутатовъ г. Гамбетта. Въ ожиданіи исхода городскихъ выборовъ была отсрочена сессія законодательныхъ палатъ, и г. Гамбетта не даромъ торжествовалъ побѣду въ рѣчи произнесенной имъ 21 января послѣ избранія его президентомъ палаты депутатовъ, и въ другой, произнесенной имъ въ тотъ же день на банкетѣ виноторговцевъ, указывая на муниципальные выборы какъ на важнѣйшее событіе и предзнаменованіе для себя.

Но внутреннія событія во Франціи обращаютъ на себя всеобщее вниманіе не столько сами по себѣ сколько по тому значенію какое имѣетъ для будущей политики Европы окончательный исходъ теперешней внутренней борьбы во Франціи. Роль Франціи въ европейскихъ дѣлахъ пока еще очень незначительна. Ея двусмысленный образъ дѣйствій лучше всего доказываетъ что только увѣренное въ себѣ правительство можетъ дѣйствовать послѣдовательно и отстаивать твердо интересы своей страны въ международной политикѣ.

9 января происходили выборы муниципальныхъ совѣтовъ въ 36.000 общинахъ на которыя раздѣлена вся Франція. Выборы эти чрезвычайно интересовали всѣ партіи; исходъ ихъ былъ пробой силъ и долженъ былъ показать на чьей сторонѣ наибольшіе шансы побѣды при всеобщемъ голосованіи предстоящемъ къ концу лѣта

для возобновленія состава законодательнаго собранія. Главная борьба шла между такъ-называемою партіей „оппортунистовъ“ и революціонною партіей соціалистовъ всѣхъ оттѣнковъ которая въ послѣднее время оглашала Францію неистовымъ крикомъ и потому казалась великою силой. Бывшіе коноводы парижской коммуны не только успѣли всѣ поголовно вернуться во Францію, но и выступить въ первый разъ ко дню этихъ выборовъ полноправными гражданами, въ силу закона объ амнистіи принятаго лѣтомъ прошлаго года, коимъ бывшіе мятежники не только прощены, но и возстановлены во всѣхъ своихъ политическихъ правахъ. Разнузданная печать этой партіи „непримиримыхъ“ выражалась такимъ побѣдоноснымъ тономъ что полное торжество „соціальной революціи“ и принциповъ коммуны, казалось, не могло подлежать сомнѣнію. Но даже и тѣ кто понималъ всю намѣренную преувеличенность этихъ революціонныхъ возгласовъ и зналъ настоящую цѣну этого самохвальства, усматривая зловѣщіе признаки въ возраставшей съ каждымъ днемъ агитаціи, и правительство видимо робѣло предъ напоромъ революціонной черни замѣтно поднявшей голову, особенно въ Парижѣ.

Но исходъ выборовъ успокоилъ общество: онъ еще разъ показалъ что элементы разрушенія, даже во Франціи, сами по себѣ не составляютъ дѣйствительной силы, а служатъ лишь орудіемъ въ чужихъ рукахъ, будучи подчинены, сознательно или невѣдомо для нихъ самихъ, постороннему вліянію. Партія „несговорчивыхъ“ потерпѣла повсемѣстно пораженіе и, что̀ всего замѣчательнѣе, имѣла рѣшительный неуспѣхъ въ самомъ Парижѣ, гдѣ, казалось, все имъ благопріятствовало и гдѣ было выставлено болѣе 50 кандидатовъ изъ бывшихъ вожаковъ коммуны. Изъ этихъ кандидатовъ не прошелъ ни одинъ, что въ особенности замѣчательно въ виду того что парижское населеніе принимало на этотъ разъ весьма ревностное участіе въ выборахъ. Составъ парижскаго муниципальнаго совѣта остался вообще прежній, и хотя городское управленіе французской столицы издавна отличалось радикализмомъ, оно все-таки далеко отстало отъ яростныхъ коммуниковъ новѣйшаго типа, и еще не задолго до послѣднихъ выборовъ отвергло огромнымъ большинствомъ предложеніе чтобы на одной изъ парижскихъ площадей былъ воздвигнутъ памятникъ „павшимъ героямъ коммуны.“

Но независимо отъ того что выборы 9 января доказали относительную слабость той партіи которая, казалось, увлекала Францію на край гибели, торжество г. Гамбетты при возобновленіи состава муниципальныхъ совѣтовъ имѣетъ еще другое, болѣе прямое и практическое значеніе для предстоящихъ во Франціи перемѣнъ, ибо составъ французской верхней палаты находится въ прямой зависимости отъ состава муниципалитетовъ. Французскій сенатъ состоитъ, какъ извѣстно, частью изъ пожизненныхъ, частью же изъ выборныхъ членовъ, выбывающихъ чрезъ каждые три года въ числѣ 75. Въ этомъ году предстоитъ такое частичное возобновленіе состава сената, и такъ какъ вновь избраннымъ 480,000 муниципальнымъ совѣтникамъ принадлежитъ преобладающій голосъ въ избирательныхъ коллегіяхъ (изъ членовъ муниципальныхъ, генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ и депутатовъ нижней палаты каждаго департамента) призываемыхъ для избранія сенаторовъ, то партія г. Гамбетты можетъ теперь разчитывать на значительное ослабленіе той оппозиціи которую она до сихъ поръ встрѣчала въ сенатѣ не только со стороны монархическихъ группъ, но и той республиканской фракціи сенаторовъ, во главѣ которой стоитъ непримиримый врагъ г. Гамбетты, г. Жюль Симонъ.

Такимъ образомъ г. Гамбетта подвинулся еще на одинъ и очень рѣшительный шагъ къ своему будущему президентству, и власть его надъ Франціей, которая и теперь принадлежитъ ему въ большей мѣрѣ нежели официальнымъ правителямъ страны, значительно укрѣпилась. Трудно сказать въ какомъ направленіи будетъ онъ пользоваться своею властью для внутренняго управленія и насколько онъ сумѣетъ отдѣлаться отъ традицій той революціонной среды, которой онъ самъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Не даромъ ему присвоена кличка „оппортуниста.“ Но что касается внѣшней политики будущаго главы Франціи, то въ этомъ отношеніи физіономія его достаточно выяснилась, и едва ли можно сомнѣваться что успѣхъ г. Гамбетты, его возрастающая популярность, есть главнымъ образомъ результатъ укоренившагося въ его послѣдователяхъ сознанія что онъ олицетворяетъ собою завѣтную идею огром-

наго большинства Французскаго народа — идею разчета съ Германіей. Въ Германіи, по крайней мѣрѣ, никто не сомнѣвается что президентство Гамбетты знаменуетъ открытую вражду противъ Германіи и попытку отплатить ей за понесенные Франціей удары.

Но пока отношенія Франціи къ Европѣ вообще и къ ея заклятому противнику въ особенности, отличаются большою неясностью и нельзя сказать чтобы дипломатическія дѣйствія Франціи, коими ознаменовалось со времени Берлинскаго конгресса ея „появленіе на поприщѣ международной политики“ было вообще удачно. Франціи принадлежитъ, по крайней мѣрѣ на словахъ первенствующая роль въ Греческомъ вопросѣ. Она первая заступилась за интересы Греціи на Берлинскомъ конгрессѣ; она же больше всѣхъ орудовала при созваніи Берлинской конференціи которая, собственно говоря, создала „Греческій вопросъ“ принявшій теперь характеръ остраго кризиса, ибо Греція ничего инаго не требуетъ какъ приведенія въ исполненіе того что̀ этою конференціей единогласно постановлено. Очень странное впечатлѣніе произвела по этому извѣстная циркулярная депеша французскаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 24 декабря прошедшаго года, въ которой г. Бартелеми-Сентъ-Илеръ, вопервыхъ, категорически отрицаетъ чтобы постановленіе Берлинской конференціи было для кого бы то ни было обязательно, а вовторыхъ, утверждаетъ что война между Греціей и Турціей немедленно должна вызвать всеобщій пожаръ и „увлечь Европу на край гибели.“

Въ самой Франціи циркуляръ г. Бартелеми-Сентъ-Илера породилъ большое недоумѣніе и рѣзкія порицанія со стороны органовъ партіи г. Гамбетты, который, какъ всѣмъ извѣстно, былъ недоволенъ назначеніемъ „стараго теоретика“ преемникомъ г. Фрейсине. По слухамъ, которые настойчиво поддерживаются берлинскою печатью, г. Гамбетта смотритъ на Греческій вопросъ и на возможныя послѣдствія его съ точки зрѣнія діаметрально-противоположной той которая обозначена въ циркулярѣ 24 декабря.

Въ виду этого, получаетъ особенный интересъ, внесенный третьяго дня во французскую палату депутатовъ, запросъ объ иностранной политикѣ, г. Пру. Запрощикъ одинъ изъ приближенныхъ г. Гамбетты, и пренія предстоящія по поводу этого запроса на будущей недѣлѣ въ среду должны, какъ думаютъ многіе, бросить свѣтъ и на политику французскаго кабинета, и на отношенія самаго г. Гамбетты къ Греческому вопросу. Если запросъ имѣетъ цѣлью, какъ указываютъ органы г. Гамбетты, пошатнуть положеніе не подчиняющагося его вліянію г. Бартелеми-Сентъ-Илера и замѣнить его однимъ изъ приверженцевъ „Бурбонскаго дворца,“ то съ другой стороны, какъ сообщаютъ изъ Парижа, противники г. Гамбетты имѣютъ въ виду воспользоваться этимъ запросомъ дабы вызвать г. Гамбетту на объясненія о томъ какъ относится онъ самъ къ дѣлу Греціи.

Впрочемъ, по другимъ слухамъ, въ самые послѣдніе дни состоялось между г. Гамбеттой и правительствомъ соглашеніе, такъ что партія президента палаты не будетъ публично критиковать дѣйствій правительства по дѣламъ Греціи и не доведетъ до кабинетнаго кризиса. Г. Гамбетта, имѣя теперь всѣ шансы достигнуть власти къ концу года, не имѣетъ повода торопить событія.

№ 14.

Москва, 13-го января.

Осада Геокъ-Тепе вступила въ свою послѣднюю фазу. Осадныя работы находятся всего въ 17 саж. отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Близится развязка; а вмѣстѣ съ этимъ уже появляются слухи будто англійское посольство въ Петербургѣ получило на дняхъ изъ Лондона телеграмму предлагающую лорду Дэфферину войти въ переписку съ нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ по вопросу о томъ насколько Россія намѣрена расширить свои границы въ Средней Азіи окончивъ войну съ Ахалъ-Текинцами. Рѣчь идетъ здѣсь, очевидно, о томъ намѣрена или нѣтъ Россія занять и удержать за собою Мервъ, населеніе котораго принимаетъ столь дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ насъ и составляетъ одборную часть защитниковъ Геокъ-Тепе.

Въ Лондонѣ очевидно понимаютъ что Россія не можетъ ограничиться однимъ только „урокомъ“ Текинцамъ, во избѣжаніе повторенія такихъ же дорого сто̀ящихъ и людьми и средствами экспедицій; въ

Лондонѣ понимаютъ что Россія для поддержанія своего значенія въ Средней Азіи должна разъ навсегда положить конецъ тѣмъ набѣгамъ этого хищнаго племени которые обратили почти въ пустыню часть сѣвернаго Афганистана и Персіи, гдѣ даже земледѣлецъ выходитъ на пашню съ ружьемъ и при малѣйшей пыли показавшейся на горизонтѣ спѣшитъ укрыться въ башню нарочно устроенную на полѣ чтобы служить убѣжищемъ отъ хищниковъ. Такими башнями, по свидѣтельству нашего полковника Гродекова, проѣхавшаго въ 1878 году чрезъ весь сѣверный Афганистанъ и Персію усѣяны всѣ поля въ мѣстностяхъ подверженныхъ нападеніямъ Ахалъ-Текинцевъ. *) Тотъ же полковникъ Гродековъ свидѣтельствуетъ что населеніе упомянутыхъ странъ, отчаившееся въ помощи своихъ правительствъ, безсильныхъ справиться съ Текинцами, возлагаетъ упованіе только на Россію. „Въ Персіи и отчасти въ Гератской области, говоритъ г. Гродековъ, существуютъ спеціальныя молитвы объ избавленіи народа отъ набѣговъ Туркменъ. Населеніе во многихъ мѣстностяхъ умоляло меня довести до свѣдѣнія Бѣлаго Царя ихъ благодарность за освобожденіе отъ хивинскаго рабства и просьбу о сокрушеніи Туркменъ. Жители прямо высказывали что единственная надежда на избавленіе отъ Туркменъ, это на Русскаго Царя.“

При такихъ условіяхъ остановиться на полдорогѣ нельзя; нельзя уже и потому что съ народомъ который держится пословицы: „если врагъ нападаетъ на кибитку твоего отца, то ты пристань къ нему и грабь вмѣстѣ,“—никакія сдѣлки и условія невозможны. Еще важнѣе по своимъ послѣдствіямъ могла бы стать неудача въ этомъ второмъ нашемъ походѣ въ землю Текинцевъ. Понятно, поэтому, что настоящая экспедиція обставлена съ особою предусмотрительностію, которой научилъ насъ не только собственный прошлогодній опытъ, но и опытъ Англичанъ въ Афганистанѣ прошлою зимой. Вотъ почему настоящая экспедиція шла и идетъ можетъ-быть медленными, но за то вѣрными шагами. Приготовленія къ дѣйствіямъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, заняли всю весну, лѣто и часть осени. „Задача эта, говоритъ *Русскій Инвалидъ*, представляла чрезвычайныя затрудненія; нужно было издалека собрать до *двадцати тысячъ* верблюдовъ, устроить правильную перевозку моремъ, пристани въ Михайловскомъ заливѣ, откуда начато теперь проложеніе желѣзной дороги по Кизылъ-Арвату на протяженіи слишкомъ 200 верстъ. Надлежало, наконецъ, разработать дорогу ведущую отъ Чакишляра къ Бами, въ оазисъ, на протяженіи слишкомъ 300 верстъ. Затѣмъ нужно было перевезти все необходимое для дѣйствующаго отряда, изучить мѣстность на протяженіи слишкомъ 120 верстъ между занятымъ еще въ іюнѣ городомъ Бами и Геокъ-Тепе, гдѣ сосредоточились главныя силы какъ Ахалъ-Текинцевъ, такъ и помогающихъ имъ Мервъ-Текинцевъ. Къ началу декабря все это было исполнено, и наши войска успѣли занять, укрѣпить и снабдить запасами селенія Арчманъ, Дурунъ, Келятъ и Эгманъ-Батыръ-Кала (Самурское укрѣпленіе) лежащія на пути отъ Бами къ Геокъ или правильнѣе къ Денгиль-Тепе. Такъ образовался рядъ прочно заложенныхъ пунктовъ. Явилась возможность безъ особаго риска приступить къ дѣйствіямъ противъ главнаго гнѣзда Текинцевъ. Въ прошлую экспедицію, значительную долю неудачи приписывали незнакомству съ планомъ Геокъ-Тепе и съ окружающею мѣстностью. Генералъ Скобелевъ еще лѣтомъ сумѣлъ пополнить недостатокъ нашихъ плановъ и картъ. Геокъ-Тепе снятъ; но этимъ дѣло не ограничилось. 4 декабря генералъ Скобелевъ съ небольшимъ отрядомъ произвелъ новую рекогносцировку Геокъ-Тепе; 12 декабря произведена третья рекогносцировка обратившаяся въ крупное дѣло, такъ какъ Текинцы скопищемъ до 20 тысячъ встрѣтили нашъ отрядъ въ шести верстахъ... Но цѣль была достигнута: позиція, расположеніе и средства противника были высмотрѣны. Представлялась возможность нанести первый ударъ и обложить Геокъ-Тепе. Къ югу отъ этого гнѣзда хищниковъ расположенъ, верстахъ въ двухъ, укрѣпленный аулъ Янги-Кала. Непріятель ждалъ нападенія именно отсюда и въ ожиданіи нашихъ дѣйствій сильно укрѣпилъ южную сторону аула устроивъ завалы и затопивъ мѣстность отводомъ воды изъ прилегающаго ручья или арыка Секазъ. Штурмъ былъ произведенъ двумя колонами изъ которыхъ одна, подъ начальствомъ извѣстнаго полковника Куропаткина, обо-

*) *Чрезъ Афганистанъ*. Путевыя записки полковника Гродекова. Спб. 1880 г.

шла аулъ съ сѣвера. Рѣшительная атака во флангъ заставила противника бѣжать подъ огнемъ артиллеріи главныхъ силъ и подъ ударами лихой кавалерійской атаки. Здѣсь будетъ кстати напомнить что полковникъ Курапоткинъ, такъ много содѣйствовавшій занятію Янги-Кала, за нѣсколько дней передъ этимъ совершилъ другой въ своемъ родѣ безпримѣрный подвигъ, пройдя въ теченіе 18 дней 400 верстъ по песчаной степи отъ низовій Аму-Дарьи къ Кизылъ-Арвату по тому пути по какому въ 1873 направлялся на Хиву отрядъ Маркозова. По этому пути отъ Измухшира, на Шахъ Сенемъ и Ортакуя, въ концѣ Хивинскаго похода Скобелевъ проскакалъ одинъ въ сопровожденіи казака и двухъ Туркменъ.

Занявъ прочно Янги-Кала, нашъ отрядъ успѣлъ въ то же время подвинуться до дороги ведущей изъ Геокъ-Тепе къ югу-востоку въ Асхабадъ, т.-е. занять путь отступленія противника которымъ онъ было пытался воспользоваться въ прошлую экспедицію чтобъ избѣжать необходимости сдачи. Занятіе нами пути отступленія естественно заставило Текинцевъ попытаться, пользуясь десятерным превосходствомъ въ силахъ, сбить нашъ отрядъ. Текинцы произвели три нападенія кончившіяся для нихъ вполнѣ неудачно. Послѣднее изъ нихъ было предпринято въ ночь на 21 декабря. Этотъ день должно признать за конецъ боевъ обыкновенно сопровождающихъ обложеніе крѣпости, охваченной теперь нашими силами са запада, юга и востока.

Занявъ позицію въ самомъ близкомъ разстояніи отъ укрѣпленій, нашъ отрядъ, пользуясь многочисленною артиллеріей и нравственнымъ превосходствомъ, могъ бы попытаться принудить противника къ сдачѣ бомбардировкой, или же засыпавъ городъ снарядами взять его штурмомъ. Но это значило бы допустить въ планъ дѣйствій нѣкоторую долю риска, тѣмъ болѣе что положеніе укрѣпленій Геокъ-Тепе и самаго гарнизона нынѣ уже далеко не то что въ прошломъ году. Тогда за укрѣпленіями укрывались не только воины, но и ихъ семейства, тогда городъ былъ переполненъ стадами и лошадьми укрывшейся въ немъ непріятельской конницы. Теперь Текинцы успѣли вывести отсюда и семейства, и кавалерію. Теперь бомбардированіе уже не могло дать тѣхъ поразительныхъ результатовъ какъ въ прошлую экспедицію, когда отъ выстрѣловъ нашей немногочисленной артиллеріи въ городѣ, какъ выразился нашъ корреспондентъ, „стонъ стоялъ.“

Открытый штурмъ сильныхъ укрѣпленій, занятыхъ многочисленнымъ гарнизономъ, повелъ бы, какъ показалъ опытъ къ тяжкимъ потерямъ, тѣмъ болѣе что противникъ успѣлъ значительно развить свои укрѣпленія настроивъ передовыхъ заваловъ и даже обнеся всю оборонительную линію гласисомъ, какъ видно изъ послѣднихъ депешъ генерала Скобелева.

Оставалось прибѣгнуть къ постепенной правильной осадѣ, сулящей хотя медленный, но вѣрный и менѣе дорогою цѣной покупаемый успѣхъ. Осада представлялась тѣмъ болѣе удобною что отсутствіе у противника артиллеріи давало возможность начать первыя работы весьма близко отъ укрѣпленій. Дѣйствительно, на разсвѣтѣ 23 декабря заложена первая параллель всего въ 800 шагахъ отъ крѣпости, то-есть на разстояніи которое рекомендовалось въ то время когда не было нарѣзной артиллеріи. Заложеніе не обошлось безъ горячаго дѣла. Слѣдующіе дни пошли на укрѣпленіе и усиленіе параллели и выходящихъ изъ нея подступовъ. Въ ночь съ 26 на 27 выведена уже вторая параллель въ 400 шагахъ отъ крѣпостной стѣны, слѣдовательно какъ разъ опять на дистанціи считавшейся въ прежнее время нормальною. 28 декабря назначенъ былъ выходъ изъ второй параллели подступами. Атака Текинцевъ, произведенная въ большихъ силахъ, замедлила было ходъ работъ, но все-таки онѣ были окончены къ утру 29 декабря, и затѣмъ начата усиленная бомбардировка крѣпости и ея восточныхъ передовыхъ укрѣпленій, продолжавшаяся до трехъ часовъ пополудни, послѣ чего предпринятъ былъ штурмъ передовыхъ укрѣпленій восточнаго фронта окончившійся ихъ занятіемъ.

Несмотря на построенныя нашими войсками укрѣпленія, гарнизонъ Геокъ-Тепе повторяетъ свою прошлую тактику: производитъ вылазки въ большихъ размѣрахъ успѣвая сосредоточивать до тридцати тысячъ человѣкъ и атакуя не только работы съ фронта и фланговъ, но и лагерь расположенный къ тылу. Этому особенно содѣйствуетъ то обстоятельство что крѣпость не обложена съ сѣвера, такъ какъ обло-

женіе это заставило бы слишкомъ растянуть наши силы и потому можетъ-быть только способствовало бы успѣху предпріимчиваго противника. Сверхъ того, осадныя работы зимой и траншейная служба и теперь уже, по свидѣтельству генерала Скобелева, весьма трудная, сдѣлалась бы можетъ-быть не подъ силу отряду.

А между тѣмъ траншейныя работы предприняты были, какъ видно, въ широкихъ размѣрахъ и по заранѣе составленному плану: фланги нашей линіи прикрыты прочными редутами; въ параллеляхъ возведены осадныя батареи; лагерь также укрѣпленъ, несмотря на то что въ теченіе осады, по мѣрѣ успѣха, удалось продвинуть его до первой параллели.

Наступалъ рѣшительный фазисъ осады. „Въ ночь съ 3 на 4 января, послѣ достаточнаго укрѣпленія собственныхъ позицій и лагеря, сказано въ офиціальной депешѣ, заняты съ боя позиціи въ двадцати саженяхъ отъ непріятельской стѣны.“ Всѣ настойчивыя попытки выбить осаждающаго изъ этихъ позицій оказались тщетными, а четвертаго числа вылазка непріятеля предпринятая было по всему фронту нашихъ работъ была отброшена и преслѣдуема „за крѣпостные валы“, послѣ чего „возобновлено фортификаціонное наступленіе *тихою* сапой съ цѣлью вѣнчанія гласиса.“ Работа тихою сапой предпринимается уже тогда когда приходится работать подъ сильнымъ огнемъ лишающемъ возможности вести подступы закладывая извѣстный зигзагъ на всемъ его протяженіи разомъ. Работа тихою сапой производится уже исключительно саперными войсками и подвигается впередъ всегда медленно. Выборъ этого средства обусловленъ подъ Геокъ-Тепе всего болѣе благороднымъ желаніемъ сберечь людей.

Съ развитіемъ работъ на гласисѣ остается, по общепринятымъ понятіямъ, пробить брешь въ стѣнахъ и атаковать его постепенною фортификаціонною атакой или открытою силой. Противъ Геокъ-Тепе, впрочемъ, едва ли преслѣдуется именно эта цѣль. Разбить толстыя, хотя бы и глиняныя стѣны полевою, а тѣмъ болѣе горною артиллеріей очень трудно, а открытый штурмъ при малочисленности осаждающихъ не обѣщаетъ вѣрнаго успѣха. Но остается еще надежное средство: съ близкаго разстоянія громить и стѣны, сгоняя съ нихъ обороняющагося, и внутренность укрѣпленія, не оставляя въ немъ ни пяди земли куда не падали бы наши снаряды. Если до сихъ поръ, за исключеніемъ лишь одного дня штурма передовыхъ верковъ, бомбардированіе не было предпринято, то это объясняется необходимостью беречь снаряды до послѣдней рѣшительной минуты, когда дѣйствіе каждаго изъ нихъ можетъ быть особенно сильно. Еслибы до нашихъ складовъ отъ Геокъ-Тепе было не 400—500 верстъ, какъ теперь, то бомбардированіе началось бы вѣроятно одновременно съ заложеніемъ первой параллели. Теперь же беречь снаряды, хотя ихъ и три комплекта, необходимо, если осаждающій рѣшился въ послѣдній моментъ дѣйствій огнемъ заставить противника подчиниться безусловно своей волѣ. Но для этого необходимо чтобы въ осажденной крѣпости „воздухъ кровью напоили“, изрѣшетили все гдѣ можетъ только укрыться врагъ и чтобы землю „намостили“ свинцомъ и чугуномъ. Такой разгромъ Геокъ-Тепе, къ которому очевидно клонится дѣло, долженъ произвести сильное впечатлѣніе и убѣдить Текинцевъ что никакое ихъ скопище не можетъ противустоять нашимъ войскамъ и никакая стѣна не укроетъ и не защититъ ихъ отъ войскъ способныхъ въ восемнадцать дней пройти четыреста верстъ по степи зимой.

№ 15.

Москва, 14-го января.

А.

Славное дѣло, по обстоятельствамъ равносильное блистательной побѣдѣ въ великой войнѣ. Гнѣздо хищническаго народа, до котораго такъ трудно было добираться, наконецъ разорено. Наши войска взяли штурмомъ укрѣпленныя позиціи обороняемыя вдесятеро сильнѣйшимъ и хорошо вооруженнымъ противникомъ. Горсть нашихъ войскъ боролась не съ войскомъ, но съ цѣлымъ народомъ. Въ минуту развязки численность побѣдителя была ничтожна сравнительно съ силами побѣжденнаго. За то ни одного шага не было сдѣлано на рискъ, вездѣ вѣрное предпочтено случайному, вездѣ видна забота беречь людей и съ возможно меньшими потерями достигать наибольшихъ результатовъ. Честь и слава полководцу!

Крѣпость не могла быть вполнѣ обложена. Штурмъ былъ неизбѣженъ, и жестокій девятичасовой рукопашный бой не могъ, конечно, обойтись безъ чувствительныхъ потерь, но можно сказать съ увѣренностью что напрасныхъ жертвъ не было и что противнику нанесенъ ударъ рѣшительный...

В.

Статья г. К. Л. „Краткое сравненіе хозяйства крестьянъ Тамбовскаго и Нассаускаго“ (см. *Моск. Вѣд.* № 11) не должна была бы пройти незамѣченною ни при какихъ обстоятельствахъ. Но въ виду общаго вниманія какое въ послѣднее время было обращено на продовольственный вопросъ, а также на вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія, статья эта получаетъ особый интересъ.

Толки объ обѣдненіи крестьянъ идутъ, не прекращаясь, вотъ уже нѣсколько лѣтъ къ ряду. Господствующая въ этихъ толкахъ общая мысль та что быть крестьянъ представляетъ мало утѣшительнаго, главнымъ образомъ вслѣдствіе того что крестьянскіе земельные надѣлы слишкомъ малы. Будь у крестьянъ больше земли, и они стали бы благоденствовать. Во многихъ частныхъ случахъ эта мысль оказывается вѣрною. Малоземелье въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть одна изъ главныхъ причинъ затруднительнаго положенія крестьянскихъ хозяйствъ. Крестьяне получившіе даровые надѣлы живутъ, за немногими исключеніями, вообще много хуже крестьянъ получившихъ надѣлы въ полномъ размѣрѣ, хотя они и не несутъ на себѣ тягости выкупныхъ платежей. Но въ общей массѣ крестьяне получившіе даровой надѣлъ составляютъ лишь небольшой процентъ, и не ихъ исключительное положеніе имѣется въ виду когда идетъ рѣчь о недостаточности размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія вообще. Эти размѣры не одинаковы въ разныхъ мѣстностяхъ, не одинаковы и въ одной и той же мѣстности, даже въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ. Въ иныхъ случаяхъ, нельзя не признать что расширеніе и округленіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ могло бы значительно способствовать улучшенію ихъ быта. Но говоря вообще, въ малоземельѣ ли лежитъ главная причина неудовлетворительности крестьянскихъ хозяйствъ? Вышеупомянутая статья г. К. Л. представляетъ рядъ интересныхъ данныхъ для сужденій по этому вопросу, и эти данныя имѣютъ тѣмъ большее значеніе что авторъ не задается никакими мыслями, но просто сравниваетъ, условія и результаты двухъ крестьянскихъ хозяйствъ, одного въ Россіи, въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, другаго въ Нассау, въ Германіи, и сравниваетъ на основаніи документовъ заслуживающихъ полнаго довѣрія.

Взятое для сравненія хозяйство русской крестьянской семьи ведется на 12 десятинахъ земли. Итогъ всѣхъ получаемыхъ семьей съ этого пространства продуктовъ составляетъ валовой доходъ оцѣниваемый въ 242 р 10 к. Этой суммы оказывается недостаточно на покрытіе всѣхъ расходовъ семьи по собственному продовольствію, на разныя домашнія надобности и на уплату разныхъ податей и повинностей. По самому экономному разчету, годовой бюджетъ означеннаго крестьянскаго хозяйства сводится съ дефицитомъ въ 25 руб. 65 коп. Чтобы свести концы съ концами, семья должна, сверхъ своихъ 12 десятинъ, арендовать еще нѣсколько десятинъ, и кромѣ того наниматься на работы у сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Почему это такъ? Потому ли что двѣнадцати десятинъ вообще недостаточно для обезпеченія быта крестьянской семьи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ описаніе хозяйства германской крестьянской семьи въ Нассау. Это хозяйство ведется не на 12 десятинахъ, а всего на 10 гектарахъ, то-есть на девяти съ небольшимъ десятинахъ. Но валоваго дохода съ этихъ девяти десятинъ получается не 242 рубля, а 2.420 рублей. За покрытіемъ всѣхъ расходовъ, и хозяйственныхъ, и по собственному содержанію, и по уплатѣ податей и повинностей, годовой бюджетъ семьи даетъ избытокъ дохода надъ расходомъ въ 456 р. 72 коп. Чистый доходъ отъ хозяйства нассаускаго крестьянина на девяти десятинахъ оказывается, такимъ образомъ, далеко превышающимъ весь валовой доходъ хозяйства борисоглѣбскаго крестьянина на 12 десятинахъ. При такомъ положеніи дѣла, понятно что нассаускій крестьянинъ, владѣя девятью десятинами, не имѣетъ надобности ни принанимать чужую землю, ни тѣмъ менѣе наниматься въ работники. Онъ напротивъ самъ держитъ постояннаго работника, нанимая кромѣ того поденщиковъ во время спѣшныхъ работъ, что еже-

годно входитъ въ бюджетъ его хозяйственныхъ расходовъ.

Итакъ, съ одной стороны, девять десятинъ превосходно обезпечиваютъ быть крестьянской семьи и даютъ ей возможность дѣлать ежегодно значительныя сбереженія. Съ другой стороны, двѣнадцать десятинъ не обезпечиваютъ существованія крестьянской семьи, которая бьется на нихъ какъ рыба объ ледъ. Въ размѣрахъ ли землевладѣнія слѣдуетъ искать тутъ объясненія такой невыгодной для русскаго крестьянина разницы?

Въ данномъ сравненіи, значеніе невыгодной разницы усиливается еще тѣмъ что у борисоглѣбской крестьянской семьи не только больше земли, но и самая земля гораздо лучше: однако выходитъ такъ что въ ея рукахъ 12 десятинъ хорошаго чернозема безъ сравненія менѣе производительны чѣмъ 9 съ небольшимъ десятинъ обыкновеннаго суглинка на которыхъ хозяйничаетъ нассаускій крестьянинъ.

Не количество и даже не качество земли играютъ главную роль въ указанныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ дающихъ столь различные результаты, а способы эксплуатаціи земли, несравненно бо́льшая интенсивность германскаго крестьянскаго хозяйства сравнительно съ русскимъ. У приведеннаго въ примѣрѣ нассаускаго крестьянина гораздо болѣе и умѣнья, и средствъ хорошо вести свое хозяйство. Этотъ нассаускій крестьянинъ не ведетъ многопольнаго хозяйства; онъ хозяйничаетъ по той же трехпольной системѣ какая господствуетъ у насъ; но у него такой живой и мертвый хозяйственный инвентарь о какомъ русскій крестьянинъ едва ли даже мечтаетъ. Онъ держитъ большое количество скота, притомъ скота хорошаго, и потому располагаетъ большимъ количествомъ удобренія, которое, кромѣ того, прикупаетъ со стороны. Благодаря этому, онъ удобряетъ свои поля два раза въ теченіе трехгодичнаго сѣвооборота, и потому получаетъ съ нихъ хорошіе урожаи. Чтобъ имѣть возможность прокармливать содержимый имъ скотъ, онъ часть своей земли отводитъ подъ травосѣяніе. Паровое поле у него не гуляетъ, а почти все засѣвается разными хозяйственными растеніями. У него и хорошая рабочая лошадь, и хорошія земледѣльческія орудія, а потому и земля обрабатывается у него несравненно лучше чѣмъ у русскаго крестьянина съ его грошовымъ инвентаремъ и лошадью едва передвигающею ноги.

Принимая все это во вниманіе, трудно не признать что самая слабая сторона нашего крестьянскаго хозяйства заключается не въ недостаточности размѣровъ земельнаго надѣла, а въ неимѣніи средствъ извлекать изъ этого надѣла то что̀ онъ можетъ дать. Въ иныхъ случаяхъ можетъ быть очень полезно увеличить и округлить крестьянскіе земельные участки; но въ этомъ нѣтъ необходимости по отношенію къ огромному большинству крестьянъ. Для улучшенія ихъ хозяйствъ требуется иное. Поставить въ лучшія условія ихъ скотоводство, дать имъ возможность улучшить свой инвентарь, научить ихъ болѣе правильному веденію хозяйства, вотъ что̀ было бы благодѣяніемъ для всего крестьянскаго населенія и повело бы къ его обогащенію, а стало быть и къ обогащенію всего государства. Вотъ сторона дѣла на которую преимущественно должно быть обращено вниманіе и которая должна стоять впереди заботъ о разныхъ средствахъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія. Съ этимъ дѣломъ связана вся экономическая будущность страны. Бо̀льшая часть всей обрабатываемой почвы принадлежитъ крестьянамъ, и лишь много меньшая часть находится въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ. Производительность почвы, степень ея доходности, стало-быть богатство и бѣдность страны, самое обезпеченіе народнаго продовольствія, находятся такимъ образомъ въ прямой зависимости отъ того какъ идетъ крестьянское хозяйство. Крупныя и среднія хозяйства имѣютъ тутъ лишь второстепенное значеніе. А между тѣмъ всего хуже идетъ у насъ именно крестьянское хозяйство. Это было заявлено, между прочимъ, еще въ докладѣ извѣстной сельско-хозяйственной коммиссіи 1873 года. Можно усомниться въ вѣрности приведенныхъ въ этомъ докладѣ цифръ, по которымъ выходитъ что у крестьянъ десятина даетъ вообще почти вдвое меньшее количество ржи и овса чѣмъ снимается ихъ съ той же десятины другими землевладѣльцами. Но полагая даже что такая разница чрезмѣрно преувеличена, все-таки нельзя отрицать что доставшіяся крестьянамъ земли воздѣлываются хуже прочихъ, что эти земли, при существующихъ условіяхъ, наименѣе производительны. И производительность ихъ годъ отъ

году не только не возрастаетъ, а напротивъ уменьшается. Неудобряемыя земли годъ отъ году истощаются. Если дѣло будетъ идти такъ и впредь, можно опасаться въ будущемъ серіозной, трудно поправимой бѣды, можно опасаться что земледѣліе перестанетъ наконецъ обезпечивать у насъ общее народное продовольствіе.

Въ своей статьѣ, г. К. Л. предлагаетъ между прочимъ устраивать въ видахъ улучшенія крестьянскаго хозяйства небольшіе образцовые хутора съ 10 или 12 десятинами земли, то-есть въ размѣрахъ подходящихъ къ размѣрамъ крестьянскаго землевладѣнія. Присматриваясь къ способамъ и результатамъ веденія хозяйства на такихъ хуторахъ, крестьяне, конечно, могли бы обучиться многимъ полезнымъ сельскохозяйственнымъ пріемамъ пригоднымъ въ мелкихъ хозяйствахъ. Но вотъ вопросъ, можетъ ли быть у крестьянъ достаточное побужденіе, даже просто возможность прилагать къ дѣлу эти сельскохозяйственные пріемы, при господствующей системѣ частыхъ передѣловъ земли? Не требуется ли прежде всего принять мѣры противъ этихъ передѣловъ, побуждающихъ крестьянина воздерживаться отъ удобренія и улучшенія обрабатываемаго имъ участка земли, такъ какъ этотъ участокъ, при первомъ передѣлѣ, уйдетъ отъ него, и все что въ него вложено пропадетъ даромъ. Не въ этихъ ли передѣлахъ коренится причина печальнаго застоя въ крестьянскомъ хозяйствѣ и ничтожной производительности крестьянскихъ земель? Вѣдь такого застоя не замѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ господствуетъ не общинное, а участковое владѣніе землей, какъ это было замѣчено, между прочимъ, и въ докладѣ сельскохозяйственной коммиссіи 1873 года. Не слѣдуетъ ли пріискать способъ къ устраненію вреда причиняемаго общиннымъ землевладѣніемъ, хотя бы не нарушая принципа общинной земельной собственности?

Затѣмъ, одно изъ самыхъ важныхъ условій для улучшенія крестьянскаго хозяйства заключается въ принятіи мѣръ къ подъему крестьянскаго скотоводства. Количество скота у крестьянъ, по общимъ отзывамъ, не увеличивается, а даже уменьшается, частію отъ падежей, частію отъ продажи скота и добровольно самими крестьянами, и недобровольно при взысканіяхъ падающихъ на нихъ по круговой порукѣ за недоимщиковъ. Необходимо устранить по возможности эти причины вредящія крестьянскому скотоводству, безъ успѣховъ коего невозможны и успѣхи земледѣлія. Къ сожалѣнію, вопросъ о мѣрахъ противъ падежей, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, казалось, былъ близокъ къ рѣшенію, вслѣдъ за тѣмъ какъ-то совсѣмъ заглохъ. Не менѣе чѣмъ мѣрами по этой части могло бы быть сдѣлано для успѣховъ крестьянскаго скотоводства отмѣной или по крайней мѣрѣ ограниченіемъ финансовой круговой поруки, которая лишаетъ крестьянъ увѣренности въ томъ что ихъ скотъ не будетъ проданъ за недоимки сосѣдей,—обстоятельство мало поощряющее крестьянъ увеличивать количество и улучшать качество своего скота.

Вопросъ объ отмѣнѣ круговой поруки самъ собою ставится на очередь возвѣщенною отмѣной подушныхъ податей, и нельзя не пожелать чтобъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ какъ того требуютъ существенные интересы крестьянскаго хозяйства, которые слишкомъ долго приносились въ жертву фискальнымъ удобствамъ.

№ 16.

Москва, 15-го января.

Мы радуемся взятію Туркменской крѣпости какъ одной изъ блистательнѣйшихъ побѣдъ, и радоваться есть чему. Это, дѣйствительно, славное дѣло, и по доблести, и по искусству, и по значенію для Россіи. Мы нанесли ударъ самому воинственному, непокорному племени Средней Азіи, и русско владычество въ ней будетъ окончательно обезпечено съ его окончательнымъ усмиреніемъ.

Но конченъ ли тяжелый походъ, вотъ вопросъ который естественно занимаетъ теперь всѣхъ. Сломленъ ли врагъ окончательно? Отвѣтъ, тотъ или другой, зависитъ прежде всего отъ цѣли предпринятаго похода.

Доколѣ не истощены до конца силы этого хищническаго племени, война не можетъ считаться оконченною. Она можетъ пріостановиться на время, можетъ принять иной характеръ, что еще недавно трижды подъ рядъ испытали Англичане въ Афганистанѣ. Раздавленный, казалось, противникъ успѣвалъ въ теченіе нѣкотораго вре-

мени оправиться, вновь собраться съ силами и снова начать борьбу.

Подъ Геокъ-и Денгиль-Тепе, въ кровопролитномъ бою, врагъ раздавленъ, ошеломленъ, разсѣянъ, но не уничтоженъ. Геокъ- и Денгиль-Тепе, взятые нашими войсками, лежатъ далеко не на рубежѣ территоріи Текинцевъ. Они почти въ центрѣ ея. Еще далеко на юго-западъ тянется у подножія Копетъ-Дага узкая полоса текинскаго оазиса, а далѣе, прямо на востокъ, за трудно проходимою, почти безводною степью лежитъ обильная, плодородная земля Мервъ-Текинцевъ, принимавшихъ пока лишь нѣкоторое, хотя и весьма дѣятельное, участіе въ борьбѣ съ нами.

Съ самаго начала экспедиціи, еще въ 1879 году, всѣ хорошо поняли что русскія войска не могутъ остановиться тамъ гдѣ вздумается, что сила вещей заставитъ ихъ добраться до крайняго предѣла текинскихъ владѣній и быть-можетъ занять Мервъ. Англійская дипломатія тогда же тревожно заговорила объ этомъ, называя Мервъ ключомъ къ Герату, лежащему де въ сферѣ англійскихъ интересовъ. Англія даже грозила при первомъ нашемъ шагѣ къ Мерву занять своими войсками Гератъ и взять чрезъ то Персію въ свою опеку. Въ самомъ началѣ прошлой нашей экспедиціи англійская дипломатія въ Персіи старалась воспрепятствовать успѣху нашего похода. Изъ Англіи чрезъ тотъ же Гератъ шла Текинцамъ дѣятельная помощь порохомъ и оружіемъ. Не мало теперешнихъ нашихъ враговъ успѣли тогда вооружиться скорострѣльными ружьями англійской работы.

И въ настоящую экспедицію Англичане не остались равнодушны къ нашимъ успѣхамъ. Ихъ корреспонденты, разсѣянные въ нѣсколькихъ ближайшихъ къ мѣсту дѣйствія пунктахъ сѣверной Персіи, съ замѣчательною подробностью освѣдомлялись о нашихъ движеніяхъ и о планахъ нашего противника. И англійская дипломатія, повидимому измѣнившая свои отношенія къ намъ, все-таки продолжаетъ безпокоиться о нашихъ успѣхахъ, и вступая съ нами въ переговоры о взаимномъ положеніи въ Средней Азіи, желаетъ знать насколько Россія намѣрена расширить свои границы окончивъ войну съ Ахалъ-Текинцами. Опять рѣчь идетъ здѣсь очевидно о томъ намѣрена ли Россія занять и удержать за собою Мервъ, служащій, по распространеннымъ въ Англіи понятіямъ, ключомъ къ Герату.

Естественно что ходъ переговоровъ, сущность условій, политика которую приметъ Англія въ Афганистанѣ, все это будетъ поставлено въ зависимость отъ того остановятся ли наши войска на рубежѣ отдѣляющемъ Мервъ отъ земель Ахалъ-Текинцевъ. Весьма вѣроятно что въ Лондонѣ, попрежнему, желаютъ чтобы наши войска не шли далѣе. Но справедливо ли такое желаніе, не есть ли оно результатъ ошибокъ, остатокъ той ревнивой и недоброкачественной политики которой еще такъ недавно держалась относительно насъ Англія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ вышедшей лѣтомъ интересной брошюрѣ полковника Гродекова *Чрезъ Афганистанъ*. „Я шелъ, пишетъ онъ, по дорогѣ изъ Мерва въ Гератъ. Для передвиженія сколько-нибудь значительнаго отряда этотъ путь невозможенъ, а отсюда я позволяю себѣ вопреки мнѣніямъ Раулинсона и другихъ авторитетовъ высказать что *Мервъ не есть ключъ къ Герату*. Еслибъ Англичане заняли Гератъ, то занятіе нами Мерва нисколько не уравновѣситъ наше положеніе съ англійскимъ,“ а слѣдовательно и обратно. „Правда, говоритъ нѣсколько ниже г. Гродековъ, есть другой путь на Серахсъ, персидскую крѣпостцу на рѣкѣ Гери-Руди, приводящій также къ Герату, но на этомъ пути являются три безводные перехода каждый въ 60 верстъ, чего не въ силахъ подъ рядъ преодолѣть сколько-нибудь значительный отрядъ. Такимъ образомъ и съ этой стороны Мервъ не есть ключъ къ Герату.“

Итакъ занятіе Мерва русскими войсками не можетъ имѣть непосредственнаго и притомъ неблагопріятнаго дѣйствія на положеніе Англичанъ въ Афганистанѣ. Прекращеніе набѣговъ Туркменъ на сѣверную часть Гератской области и Персію, способствуя мирному развитію этихъ странъ, можетъ быть развѣ благопріятно для англійской торговли.

Въ интересахъ Англіи было бы скорѣе добиваться занятія Русскими Мерва нежели противодѣйствовать тому. Сѣверный афганскій Туркестанъ, вотъ та естественная полоса относительно которой можетъ послѣдовать какое-либо соглашеніе между Англіей и Россіей.

№ 17.

Москва, 16-го января.

Многіе органы европейской печати удивляются что страна столь ничтожная какъ Греція, съ населеніемъ въ полтора милліона, осмѣливается быть непослушною волѣ Европы и упорствовать въ своихъ приготовленіяхъ къ войнѣ съ Турціей въ то время когда ей со всѣхъ сторонъ внушается что она должна сидѣть смирно, такъ какъ Европа этой войны не желаетъ. Не знаемъ на сколько искренно это удивленіе туркофильскихъ по преимуществу газетъ; но что усилія европейской дипломатіи не искренни и прикрываютъ совсѣмъ иные, быть-можетъ противоположные замыслы, это ясно всякому хотя бы и не посвященному въ то что̀ совершается за кулисами, но внимательно слѣдящему за тѣмъ что̀ разыгрывается на сценѣ. Возьмемъ хотя бы послѣднія „дѣйствія" французскаго правительства по дѣлу Греціи. Кто станетъ утверждать что заявленія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ выражаютъ серіозный и прямодушный взглядъ на дѣло? Неужели кто-нибудь можетъ согласиться съ тѣмъ что постановленіе берлинской конференціи было только „актомъ посредничества" между спорными сторонами, и что оно никакихъ правъ для Греціи не создало, изъ чего де слѣдуетъ что теперь нужно новое посредничество? Подъ посредничествомъ всякій привыкъ помышлять совсѣмъ иное: посредникъ старается только сблизить двухъ противниковъ, уравнять для нихъ путь къ соглашенію, оставляя *за ними* всю свободу рѣшенія; посредничество можетъ быть удачно или неудачно, но въ обоихъ случаяхъ не посреднику принадлежитъ рѣшительное слово, или же онъ перестанетъ быть посредникомъ, и навязывая свой способъ разрѣшенія спора перейдетъ, если имѣетъ къ тому власть или силу, изъ роли посредника въ роль третейскаго судьи. Только въ этомъ случаѣ онъ самъ произноситъ приговоръ. Спорящія стороны (или одна изъ нихъ) могутъ оспаривать справедливость этого приговора, или просто уклониться отъ исполненія его, но слыханное ли дѣло чтобы самъ судья сталъ оспаривать силу своего приговора и настаивать предъ тѣмъ изъ противниковъ который этотъ приговоръ принялъ что сущность спора отнюдь не измѣнилась послѣ рѣшенія, и что слѣдуетъ начать дѣло сызнова и при этомъ опять принять посредничество того же самоотрекающагося судьи? Чтобы шаткіе аргументы французскаго министра получили въ глазахъ Грековъ значеніе авторитетнаго внушенія, надо убѣдить ихъ что „Европа" въ самомъ дѣлѣ намѣрена во что̀ бы то ни стало предотвратить столкновеніе. Но кто можетъ убѣдить въ этомъ Грецію? Турція первая показала что она не вѣритъ въ существованіе воли Европы, хотя эта воля и облечена въ формальный актъ Берлинской конференціи. Турція отказалась подчиниться этому акту; можно ли ожидать чтобы Греки были болѣе наивны и повѣрили въ единодушіе Европы, когда глашатаемъ ея новаго взгляда становится г. Бартелеми-Сентъ-Илеръ, прибѣгающій къ очевиднымъ натяжкамъ, которыя имѣли лишь то послѣдствіе что Турція укрѣпилась въ своемъ упрямствѣ и самоувѣренности? Французская официозная печать замѣчаетъ что г. Бартелеми-Сентъ-Илеръ не повиненъ въ томъ что его „конфиденціальный" циркуляръ отъ 24 декабря сдѣлался достояніемъ публики, такъ какъ онъ былъ оглашенъ вѣнскою печатью противъ воли и безъ вѣдома Французскаго правительства. Но эта нескромность вѣнской печати и глумленія берлинскихъ и вѣнскихъ газетъ надъ французскимъ министромъ не служатъ ли указаніемъ на то что далеко не всѣ въ Европѣ желаютъ во что̀ бы то ни стало предотвратить греко-турецкую войну?

Иной вопросъ, знаменуетъ ли собою это потаенное противодѣйствіе новѣйшимъ миролюбивымъ усиліямъ Франціи дружелюбное расположеніе къ Греціи или наоборотъ? Снова поневолѣ вспоминается что и смуты въ Босніи и Герцеговинѣ, которыя повели къ громаднымъ событіямъ и которыя Европа столь же тщетно усиливалась замять, были искусственно вызваны рукою отнюдь несочувственною послѣдовавшему за ними славянскому движенію...

Какъ бы то ни было, но въ виду того что до сихъ поръ не удалось повидимому сбить Грецію съ того положенія на которомъ она стоитъ твердо, признавая постановленіе Европы источникомъ права для себя и что военная развязка становится вѣроятною,—интересно взглянуть на тѣ средства какими располагаетъ Греція для борьбы. Какъ ни ослабѣла Турція послѣ выдержанной ею страшной войны, она

имѣетъ много преимуществъ предъ Греціей. У Турціи и войска больше, и ея войско гораздо болѣе чѣмъ греческое пріучено къ боевому дѣлу; Оттоманская имперія обладаетъ еще значительнымъ флотомъ, который можетъ причинить огромный вредъ греческому побережью, открытому для нападенія съ трехъ сторонъ. Наконецъ Турція обладаетъ многими опытными генералами. Военные рессурсы Греціи, напротивъ, весьма скудны; греческая армія никогда еще не участвовала въ регулярной войнѣ, и неизвѣстно найдутся ли у нея генералы на высотѣ задачи. Военнаго флота Греція почти не имѣетъ, да и напасть на Константинополь съ моря для нея было бы очень трудно, такъ какъ Дарданеллы могутъ быть заграждены торпедами. Тѣмъ не менѣе, шансы Греціи не представляются безнадежными. Греческая армія уже теперь имѣетъ подъ ружьемъ 70.000 человѣкъ, и корреспонденты отзываются съ похвалой о военной выправкѣ греческихъ солдатъ; слабѣе кавалерія, но артиллерія, по отзывамъ компетентныхъ людей, очень хороша: она состоитъ изъ 25 батарей для коихъ всѣ пушки новѣйшей конструкціи поставлены Круппомъ.

Еще важнѣе преимущества Греціи въ стратегическомъ отношеніи. Не говоря о томъ что мѣстности предполагаемаго театра войны населены по большей части единоплеменниками и единовѣрцами Грековъ, они имѣютъ значительную выгоду въ положеніи острова Корфу. Сѣверовосточная оконечность этого острова отдѣлена весьма узкимъ проливомъ (всего въ два километра) отъ Эпирскаго берега, и греческій корпусъ, которому удалось бы съ этой стороны проникнуть на турецкую территорію, очутился бы въ тылу турецкой арміи и ея главной оборонительной позиціи у Арты и при Ларисѣ. На островѣ Корфу идутъ теперь весьма дѣятельныя военныя приготовленія и тамъ сосредоточены значительныя силы, которыя, какъ Греки надѣются, получать во время войны подкрѣпленія волонтерами съ острововъ Архипелага и изъ Италіи.

Недоброжелательные ко Греціи органы европейской печати уже теперь обратили вниманіе на важное стратегическое значеніе острова Корфу, и стараются доказать что Греція не имѣетъ права пользоваться имъ какъ опорнымъ пунктомъ для военныхъ операцій противъ Турціи, такъ какъ Іонійскіе острова, поставленные въ 1815 году подъ протекторатъ Англіи, ею уступлены Греціи въ 1863 году (при воцареніи короля Георгія) подъ тѣмъ условіемъ чтобы всѣ укрѣпленія на островѣ Корфу были срыты. Но представитель Греціи уже тогда отказался подписать составленный по этому предмету Лондонскій протоколъ, отъ 14 ноября 1863, а 25 января 1864 составленъ былъ новый протоколъ, въ послѣдствіи принятый Греціей, въ коемъ ничего уже не сказано о срытіи крѣпостей, а упомянуто только что острова Корфу и Наксосъ становятся нейтральными. Можно ли однако примѣнять условія нейтралитета къ данному случаю когда нейтральная территорія принадлежитъ воюющей сторонѣ? Да и кто возьмется принудить Грецію соблюдать нейтралитетъ острова Корфу?

№ 18.

Москва, 17-го января.

Завтра послѣдній день Московскихъ дворянскихъ выборовъ. Мы сопровождали ихъ открытіе вопросомъ,—вопросъ носился въ воздухѣ; теперь, предъ ихъ закрытіемъ, скажемъ отвѣтное слово по своему разумѣнію.

Послѣ отмѣны крѣпостнаго права много было толковъ о нашемъ дворянствѣ. Одни находили что дворянство подлежитъ упраздненію; другіе полагали, напротивъ, что оно должно быть усилено, что утраченное право должно быть возмѣщено другими, которыя возвратили бы помѣстному дворянству въ иной формѣ прежнее значеніе и вліяніе. И тѣ и другіе находили что дворянство утратило почву подъ собой, и одни видѣли въ томъ успѣхъ, другіе—ущербъ и опасность. Въ то время когда обдумывались у насъ земскія учрежденія возникалъ вопросъ о томъ не можетъ ли дворянская организація слиться съ новосоздаваемою земскою. Казалось возможнымъ ввести въ существующую дворянскую организацію новые элементы и дать ей земское значеніе. Мы было высказывались въ пользу такого соединенія, но предположеніе это не состоялось, и мы не знаемъ жалѣть ли объ этомъ? Дворянская организація осталась въ отдѣльности, рядомъ съ новообразованною земскою. Между ими, однако, установлена связь не лишенная значенія: предсѣдате-

лями земскихъ собраній положено быть предводителямъ дворянства. Въ послѣднее время раздавались голоса требовавшіе, будто бы въ интересѣ земскихъ учрежденій, чтобы предсѣдателями земскихъ собраній были лица ими самими избираемыя, а не предводители дворянства. Мы не видимъ какое существенное неудобство для земскихъ собраній въ томъ что предсѣдательство въ нихъ принадлежитъ дворянскимъ предводителямъ; но нельзя не видѣть значительнаго удобства въ томъ что предсѣдатель земскаго собранія не зависитъ отъ его большинства и можетъ безпристрастно относиться ко всѣмъ его партіямъ.

Жалѣть ли о томъ что дворянство перестало быть въ государствѣ тою громадною силой какою было оно при крѣпостномъ правѣ? Это право было, какъ свидѣтельствуетъ исторія, государственною необходимостію, чрезъ которую перешли всѣ народы; на немъ не могла остановиться исторія, и оно подлежало рано или поздно отмѣнѣ. Но исчерпывается ли этимъ правомъ все значеніе дворянства, какъ оно у насъ сложилось? Во владѣніи ли народными массами на правѣ частной собственности заключалось все призваніе дворянства? Въ этомъ ли его сущность, и теряется ли смыслъ его и всякая въ немъ надобность съ паденіемъ крѣпостнаго права? Конечно, нѣтъ. Эта историческая необходимость была ему навязана какъ временное назначеніе; его положеніе измѣнилось, но надобность въ немъ не миновала, и оно остается существенною функціей въ нашей народной жизни. Было бы во всякомъ случаѣ легкомысленно не принимать въ разчетъ силу которая проходитъ черезъ всю исторію нашего государства, и полагать что можно отбросить ее безъ существеннаго ущерба для цѣлаго.

Чѣмъ менѣе осталось въ дворянской организаціи привилегій стѣснительныхъ для свободы другихъ сословій, тѣмъ вѣрнѣе и прочнѣе положеніе дворянства. Съ утратой внѣшняго могущества оно становится болѣе внутреннею стихіей въ народѣ. Сила которая отъ него отошла не была его существомъ, и освободившись отъ ней оно стало болѣе собою. Если попытаться покончить съ нимъ, то принципъ который оно представляетъ возвратится въ другомъ видѣ и оживетъ въ другомъ тѣлѣ.

Но зачѣмъ была бы нужна такая попытка? И почему сталъ бы кто-нибудь желать другаго тѣла для той идеи которую представляетъ наше дворянство? Дворянская организація, какою создала ее русская исторія и какъ оставили ее реформы послѣдняго двадцатилѣтія, не заключаетъ въ себѣ ничего что̀ въ какомъ бы то ни было уважительномъ интересѣ могло бы казаться подлежащимъ упраздненію. Она не имѣетъ ничего общаго съ кастами и аристократическими классами другихъ странъ. Русское дворянство вынесло изо всей нашей исторіи характеръ чисто служилаго сословія, отнюдь не замкнутаго, а напротивъ открытаго для всѣхъ кто служитъ государству. Служба государству, изъ которой оно произошло и откуда непрерывно пополняется, опредѣляетъ его значеніе. Дворянское общество есть общество по преимуществу политическое. Въ этомъ государственномъ, въ этомъ служиломъ характерѣ дворянства, заключается вся его особенность и его благородство. И пока оно остается вѣрнымъ этому своему характеру, пока живетъ въ немъ государственный духъ, оно стоитъ на высотѣ своего призванія. Оно отзывается на все что̀ касается цѣлости, чести, сохранности государства, и на все что̀ способствуетъ его возвышенію, благоустройству и процвѣтанію. Благо странѣ въ которой исторически выработалась такая общественная организація! Прежде дворянство было крѣпостнымъ слугою государству и само держало въ крѣпости у себя народныя массы. Теперь дворянство свободно. Государство уже не нуждается въ обязательной службѣ; но оно не можетъ не нуждаться въ свободной поддержкѣ организованнаго общества которое всею своею исторіей связано съ нимъ по духу и которое отъ него только беретъ свое значеніе и весь интересъ своего существованія. Говорятъ, дворянство должно быть элементомъ по преимуществу консервативнымъ въ государствѣ; но консервативность и либеральность плохіе термины для того чтобъ опредѣлить характеръ историческихъ формацій. Эти отвлеченности, истертыя, тупыя, незрячія, ничего не разъясняютъ, а напротивъ сбиваютъ людей съ толку. Русское дворянство не есть отвлеченная формула, ни консервативная, ни либеральная; оно живая принадлежность Русскаго народа, то сословіе его которое находится въ тѣснѣйшей связи съ его государственною жизнью. Въ дворянствѣ отпечатлѣлась вся исторія Русскаго государства отъ

начала до сего дня, всѣ ея имена и всѣ преданія. Прежде всего и съ особенною силою отзывается въ русскомъ дворянствѣ, то что̀ полезно и что̀ вредно Русскому государству. Каждое изъ прочихъ сословій составляющихъ народную организацію представляетъ собою какой-либо частный интересъ; дворянство же тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ своему призванію чѣмъ менѣе имѣетъ своего отдѣльнаго, чѣмъ менѣе представляетъ какой-либо частный интересъ. Отдѣльныя лица или отдѣльныя группы въ немъ могутъ руководиться какими угодно воззрѣніями и интересами, но оно само не можетъ представлять собою ничего иного какъ мѣстное выраженіе великаго цѣлаго. Вотъ почему функція дворянства не ограничивается только веденіемъ своихъ дѣлъ, которыя очень немногосложны и вовсе не требуютъ особой организаціи. Оно служитъ дѣятельнымъ органомъ мѣстнаго управленія и живою связью между государственною администраціей и общественными учрежденіями. Представляя собою дорогой принципъ самоличнаго участія и полнаго равенства въ пользованіи правами своего сословія, оно выбираетъ изъ своей среды дѣятелей которые не только вѣдаютъ его дѣла, но и призваны къ участію почти во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ дѣлахъ, — къ участію которое можетъ быть только полезно, — къ дѣятельности направляющей, помогающей, контролирующей. Предводители дворянства несутъ на себѣ многія и тяжелыя обязанности, представляя собой съ тѣмъ вмѣстѣ принципъ безмездпаго служенія общему дѣлу изъ одной чести. Эти органы мѣстнаго управленія, выставляемые дворянствомъ, незамѣнимы. Мы привыкли смотрѣть по сторонамъ, судить о своихъ дѣлахъ съ чужой точки зрѣнія и прилаживать свои дѣла къ иноземнымъ, не имѣющимъ съ ними ничего общаго, и потому недостаточно цѣнимъ то что̀ выработала намъ своя исторія.

№ 20.

Москва, 19-го января.

Предъ нами лежитъ вышедшій на дняхъ въ свѣтъ объемистый томъ *Обзора Внѣшней Торговли* Россіи за 1879 годъ. Интересъ этого статистическаго сборника, безъ сомнѣнія, нѣсколько ослабляется запоздалостью сообщаемыхъ въ немъ цифръ и свѣдѣній. Въ 1881 году какъ-то странно толковать о томъ какъ шла торговля не въ прошломъ 1880, а въ запрошломъ 1879 году. Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ, конечно, придалъ бы своимъ ежегоднымъ торговымъ *Обзорамъ* гораздо болѣе интереса еслибъ издавалъ ихъ своевременнѣе, а ускорить ихъ изданіе на нѣсколько мѣсяцевъ очень возможно. Хлопотъ по составленію *Обзоровъ*, полагаемъ не больше, меньше чѣмъ по составленію отчетовъ Государственнаго Контроля, и однако послѣдніе не заставляютъ ожидать своего появленія въ свѣтъ такъ долго какъ первые. Будучи опубликованъ нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, изданный нынѣ *Обзоръ Внѣшней Торговли* за 1879, конечно, въ большей мѣрѣ обратилъ бы на себя общее вниманіе чѣмъ появляясь нынѣ. Но и при нѣкоторой запоздалости изданія, масса интересныхъ цифровыхъ данныхъ входящихъ въ *Обзоръ* все-таки не теряетъ своего значенія, и на нѣкоторыхъ нельзя не остановиться.

Изъ отрывочныхъ свѣдѣній, офиціальныхъ и неофиціальныхъ, какія можно было имѣть до сихъ поръ о ходѣ внѣшней торговли въ 1879 году, давно уже составилось мнѣніе что означенный годъ принадлежалъ къ числу наиболѣе благопріятныхъ, несмотря на то что въ первые его мѣсяцы паника вызванная Ветлянскою чумой причинила не малую заминку въ торговыхъ оборотахъ. Вышедшій нынѣ томъ *Обзора Внѣшней Торговли* подтверждаетъ это мнѣніе. Общая стоимость нашего отпуска въ 1879 году значительно поднялась даже противъ небывало высокой цифры до какой дошелъ онъ въ 1878; вѣсы торговаго баланса, значительно склонившіеся въ 1878 году въ нашу пользу, въ 1879 году склонились въ ту же сторону еще въ большей степени. Всѣхъ товаровъ по всѣмъ границамъ, со включеніемъ оборотовъ по торговлѣ съ Финляндіей, было привезено на сумму 587.713.000, а отпускъ русскихъ товаровъ въ то же время выразился цифрой 627.768.000 рублей. Разница въ нашу пользу, при такомъ балансѣ, равняется сорока милліонамъ. По одной Европейской торговлѣ, оставляя въ сторонѣ Азіятскую, а также Финляндскую, разница еще больше; отпускъ оказался тутъ больше привоза на 58 милліоновъ рублей слишкомъ. Правда, значеніе

этой цифры много ослабляется, вопервыхъ, недостаточною увѣренностью въ точности дѣлаемыхъ таможнями оцѣнокъ отпускныхъ и привозныхъ товаровъ; вовторыхъ, значительнымъ развитіемъ контрабанды, которая, особенно по Прусской границѣ, ведется почти какъ правильный широко организованный промыселъ. До какихъ размѣровъ доходитъ контрабанда, конечно, судить трудно, но если ея обороты дѣйствительно таковы какъ говорилъ о нихъ князь Бисмаркъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то не мудрено если они обратятъ въ нуль, и даже въ отрицательную величину, весь значащійся по офиціальнымъ цифрамъ перевѣсъ отпуска надъ привозомъ. Однако и въ такомъ случаѣ все же нельзя не признать что торговый балансъ въ 1879 году былъ выгоднѣе для Россіи чѣмъ въ прежнее время, когда привозъ, даже не принимая въ разчетъ контрабанды, обычно превышалъ стоимость отпуска на многіе милліоны.

Отмѣчая исключительную благопріятность торговаго баланса въ 1879 году, нельзя, впрочемъ, не сдѣлать нѣкоторыхъ оговорокъ. Мало того что крупная цифра какою выражается, по даннымъ *Обзора*, перевѣсъ отпуска надъ привозомъ можетъ на дѣлѣ сильно сократиться по вышеуказаннымъ причинамъ; еслибы даже этотъ перевѣсъ и дѣйствительно былъ такъ великъ какъ значится въ *Обзорѣ*, едва ли имъ можно удовлетвориться при существующихъ экономическихъ и финансовыхъ отношеніяхъ Россіи къ заграничному міру. Какъ не велика цифра этого перевѣса, она еще далеко не такъ велика чтобы возмѣстить собою массу недочетовъ по другимъ статьямъ нашихъ ежегодныхъ международныхъ разчетовъ. Если Россія и не задолжала въ 1879 году за привезенные изъ-за границы товары, то тѣмъ не менѣе избытокъ ея отпуска не былъ достаточенъ для покрытія всѣхъ ея платежей иностранцамъ Вовторыхъ, выгодность торговаго баланса 1879 года была фактомъ случайнымъ, зависящимъ отъ необычно большаго отпуска хлѣба по необычно высокимъ цѣнамъ. Ни на то, ни на другое постоянно разчитывать нельзя. Поэтому, радуясь благопріятнымъ результатамъ внѣшней торговли въ 1879 году, нельзя дѣлать на ихъ основаніи заключенія объ удовлетворительности хода ея вообще. Одна ласточка весны не дѣлаетъ. Торговые балансы 1877—1879 годовъ были выгодны, но это нисколько не устраняетъ необходимости озаботиться измѣненіемъ условій нашей внѣшней торговли такимъ образомъ чтобы перевѣсъ отпуска надъ привозомъ былъ у насъ не одною счастливою случайностію. Помимо мѣръ которыя могли бы содѣйствовать расширенію нашего отпуска и внесенію въ него бо́льшаго чѣмъ нынѣ разнообразія, требуется пересмотръ таможеннаго тарифа для ограниченія размѣровъ привоза.

Съ Новаго Года наши таможенныя пошлины повышены на десять процентовъ. Это повышеніе пошлинъ нигдѣ не вызвало никакихъ особыхъ толковъ и неудовольствія, кромѣ Германіи За то въ этой странѣ противъ Россіи разразилась просто буря негодованія. Это, впрочемъ, и не удивительно если взять во вниманіе что ни одно государство не заинтересовано до такой степени въ ходѣ всей русской внѣшней и особенно привозной торговли какъ именно Германія. Роль которую играетъ она въ нашей внѣшней торговлѣ совсѣмъ иная чѣмъ роль другихъ европейскихъ государствъ; балансъ нашей торговли съ Германіей отличается совсѣмъ инымъ характеромъ чѣмъ балансы по торговымъ оборотамъ съ другими странами.

Нашъ общій торговый балансъ въ 1879 по Европейской торговлѣ былъ выгоденъ; но эта выгодность распредѣляется по торговымъ оборотамъ съ разными государствами очень не равновѣрно. Европа распадается для насъ въ этомъ отношеніи на двѣ части, на Германію и на прочія страны. Эти прочія страны были для насъ преимущественно рынками сбыта нашихъ продуктовъ. Онѣ взяли нашихъ товаровъ почти на 425 милліоновъ, и привезли своихъ лишь на 240—245 милліоновъ рублей. Германія наоборотъ. Она взяла русскихъ товаровъ всего на 181½ милліоновъ, а бросила на наши рынки въ полтора раза больше, на сумму почти 267 милліоновъ рублей.

Германія одна ввозитъ къ намъ разныхъ товаровъ болѣе чѣмъ всѣ другія европейскія государства вмѣстѣ взятыя. Она доставляетъ намъ не только свои собственные продукты, но играетъ роль поставщика для Россіи и всякаго рода иноземныхъ товаровъ. Чрезъ нее идутъ къ намъ и чай, и хлопокъ, и иные всевозможные продукты. Она привыкла къ господству

почти во всѣхъ отрасляхъ нашей привозной троговли, и считаетъ себя въ ней какъ бы хозяиномъ. Естественно что всякое измѣненіе условій въ этой торговлѣ никѣмъ не можетъ такъ близко приниматься къ сердцу какъ Германіей. Всякое повышеніе нашихъ пошлинъ считается тамъ какъ бы прямымъ посягновеніемъ на германскіе интересы. Этого, полагаемъ, не было бы еслибы русская внѣшняя торговля приняла иной чѣмъ нынѣ характеръ, еслибы она мало-по-малу излѣчилась отъ той пассивности которою понынѣ отличается, еслибы по крайней мѣрѣ было въ ней устранено невыгодное посредничество третьихъ рукъ и установилась бы прямая выписка товаровъ изъ странъ гдѣ они производятся. Зачѣмъ намъ выписывать чай изъ Германіи, когда мы можемъ привозить его и сухимъ путемъ и моремъ прямо изъ Китая? Зачѣмъ намъ привозить хлопокъ изъ Германіи и Англіи, которыя ихъ не производятъ, когда мы можемъ получить его прямо изъ Америки и Остъ-Индіи? Почему Германія должна быть поставщикомъ для насъ даже мѣховъ, шелка, рису и т. д., и пользоваться при сбытѣ ихъ въ Россію тѣмъ барышомъ какой обычно достается поставщику сверхъ выгодъ какія долженъ получить производитель?

Нельзя, впрочемъ, сказать чтобы со стороны русскихъ людей выписывающихъ иностранные товары не дѣлалось попытокъ установить прямыя сношенія со странами гдѣ эти товары производятся, минуя накладное посредничество третьихъ рукъ. Эти попытки дѣлались и дѣлаются по торговлѣ чаемъ до сихъ поръ, однако морской привозъ чая прямо изъ Китая остается крайне ограниченнымъ, поставщиками чая для Россіи попрежнему остаются Германія и Англія. Но по выпискѣ хлопка, судя по свѣдѣніямъ сообщаемымъ въ *Обзорахъ Внѣшней Торговли*, дѣло идетъ много успѣшнѣе. Въ 1879 году, напримѣръ, болѣе половины всего привезеннаго въ Россію хлопка шло прямо изъ Америки. Германія и Англія не перестаютъ, правда, быть поставщиками этого необходимаго для нашихъ мануфактуръ сырья: изъ Германіи было привезено его на $11^1/_2$ милліоновъ, изъ Англіи на 7 милліоновъ. Но въ то же время прямо изъ Америки привезено было хлопка на $35^1/_2$ милліоновъ рублей.

Какъ видно изъ *Обзора Внѣшней Торговли*, не Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, а главнымъ образомъ Южная Америка снабжаетъ насъ хлопкомъ. Благодаря этому, она заняла теперь первое послѣ Германіи и Англіи мѣсто въ ряду странъ отпускающихъ въ Россію наибольшее количество товаровъ. Такую роль стала она играть относительно недавно. До 1869 года хлопка изъ Южной Америки не привозилось; въ пятилѣтіе 1869—1873, его стали привозить оттуда, но въ небольшомъ количествѣ, отъ 25 до 170 тысячъ пудовъ въ годъ. Съ 1874 года начался привозъ хлопка изъ Южной Америки уже въ большихъ размѣрахъ, а съ 1878 года Южная Америка стала нашимъ главнымъ хлопковымъ рынкомъ. Такъ, въ 1878 году, весь привозъ хлопка въ Россію составлялъ 6.316.000 пудовъ, и въ это число Южная Америка доставила 3.298.000 пудовъ; въ 1879 году хлопка было привезено 5.720.000 пудовъ, и въ томъ числѣ изъ Южной Америки 3.253.000 пудовъ. Спрашивается, однако, прямымъ ли путемъ производится выписка хлопка изъ Южной Америки, или все-таки чрезъ посредство третьихъ рукъ?

№ 21.

Москва, 20-го января.

На дняхъ послѣдовало въ Берлинѣ открытіе Прусскаго Народно-Хозяйственнаго Совѣта (Volkswirthschaftsrath), учрежденнаго для предварительнаго обсужденія законопроектовъ касающихся торговли, промышленности, сельскаго и лѣснаго хозяйствъ. Совѣтъ этотъ организованъ на основаніи королевскаго декрета отъ 17 ноября прошлаго года, и состоитъ частію изъ назначенныхъ правительствомъ, частію изъ выборныхъ лицъ отъ органовъ торговыхъ, промышленныхъ и хозяйственныхъ корпорацій. Выборы эти подлежатъ однако утвержденію правительства которое можетъ устранить того или другаго изъ числа предложенныхъ ему кандидатовъ.

Необходимость въ такомъ учрежденіи не только для Пруссіи, но и для всей Германіи сознавалась уже давно правительствомъ, но до послѣдняго времени встрѣчались серіозныя препятствія къ осуществленію этой мысли. Правительство имѣло,

конечно, возможность и средства устранить эти препятствія, но имперскій канцлеръ видимо избѣгалъ лишнихъ поводовъ къ пререканіямъ въ парламентѣ. Дѣйствительно, и теперь когда мысль о хозяйственномъ совѣтѣ достаточно созрѣла и популяризовалась въ Германіи, въ парламентскихъ кругахъ и въ подручной имъ печати громко заговорили что такое учрежденіе, представляющее въ своихъ рѣшеніяхъ вотумъ многочисленнаго сельско-хозяйственнаго, торговаго и промышленнаго сословій, противопоставленное парламенту, есть прямое нарушеніе правъ народнаго представительства, противорѣчитъ конституціи и можетъ поставить, при случаѣ, правительство если не въ безвыходное, то въ весьма затруднительное положеніе. „Что будетъ дѣлать правительство, спрашивали сторонники шаблоннаго парламентаризма, что будетъ дѣлать оно въ томъ случаѣ если взгляды политико-экономическаго совѣта разойдутся съ требованіями парламента? Къ какому органу или къ какимъ средствамъ прибѣгнетъ правительство чтобы выйти изъ затрудненія, и кто, наконецъ, долженъ будетъ уступить, хозяйственный совѣтъ ли, представляющій де исключительно лишь интересы производителей, или парламентъ, выразитель законныхъ взглядовъ и потребностей всей страны, представитель интересовъ всего населенія.“ И этимъ дѣло не ограничилось. Противники вновь созданнаго учрежденія пытались даже привлечь на свою сторону партикуляризмъ, указывая что Хозяйственный Совѣтъ какъ спеціальное и притомъ исключительно прусское учрежденіе неизбѣжно долженъ и будетъ оказывать своими предварительными рѣшеніями давленіе на Союзный Совѣтъ и тѣмъ вліять на его резолюціи въ смыслѣ не выгодномъ для остальныхъ государствъ входящихъ въ составъ имперіи.

Сила вещей была однако на сторонѣ князя Бисмарка, и онъ имѣлъ теперь полную возможность, не рискуя серіозно ничѣмъ, оставить вопли парламентаристовъ не только безъ послѣдствій, но и безъ вниманія. Промышленныя и торговыя затрудненія, застой въ хозяйствѣ, дали почувствовать странѣ недостатки законодательства кабинетнаго, разрабатываемаго безъ содѣйствія тѣхъ лицъ коихъ оно по преимуществу касается. Недостатки шаблоннаго парламентаризма въ законодательствѣ обнаруживались съ поразительною ясностью, доказавъ что парламентъ вовсе даже не служитъ выраженіемъ настоящаго мнѣнія и нуждъ страны, не есть представитель большинства его населенія и потому рѣдко можетъ быть компетентенъ въ рѣшеніи сложныхъ практическихъ вопросовъ. Въ рѣчи сказанной при открытіи Хозяйственнаго Совѣта, князь Бисмаркъ съ особенною силой указалъ на это обстоятельство, послужившее одною изъ главнѣйшихъ причинъ учрежденія Совѣта. И прежде не разъ канцлеръ свидѣтельствовалъ что въ парламентахъ дѣла рѣшаются обыкновенно не по существу, а подъ вліяніемъ совершенно постороннихъ дѣлу соображеній и стремленій; что самые серіозные и важные законопроекты становятся только предлогомъ борьбы партій, игрушкою случайнаго большинства, на которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ опираться правительство, несущее на себѣ отвѣтственность за благо страны и призванное заботиться объ удовлетвореніи ея дѣйствительныхъ нуждъ. Въ рѣчи къ Хозяйственному Совѣту, имперскій канцлеръ только прямѣе и откровеннѣе объясняетъ причины этого явленія. „Вовсе не случайно, сказалъ онъ, а прямо вслѣдствіе обремененія занятіями и по самому свойству ихъ, представители сельскаго хозяйства, особенно торговли и промышленности, принимаютъ далеко меньшее участіе въ парламентскихъ занятіяхъ нежели представители прочихъ отраслей дѣятельности, а потому постоянно являются въ палатѣ какъ меньшинство, хотя они-то и составляютъ дѣйствительное большинство населенія.“ Съ другой стороны, правительство даже достаточно сильное, могущее идти наперекоръ партіямъ, не можетъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ брать на себя слишкомъ много. „Въ правительственныхъ сферахъ, продолжаетъ имперскій канцлеръ, тамъ гдѣ идетъ предварительная разработка представляемыхъ парламенту законопроектовъ, по самой природѣ вещей, преобладаютъ элементы чиновничій и ученый,“ чуждые близкаго и практическаго знакомства съ дѣломъ; вотъ почему „при обсужденіи печальнаго упадка промышленной жизни, продолжавшагося столько лѣтъ, и при переговорахъ относительно реформъ къ коимъ стремятся союзныя правительства, возникли глубокія и существенныя разногласія о причинахъ этого упадка промышленности

и сельскаго хозяйства; столь же разнообразнымъ толкованіямъ подвергается теперь и постепенное возвращеніе къ болѣе правильнымъ экономическимъ отношеніямъ." Но пока не выяснены причины того или другаго явленія, нельзя ожидать и принятія правильныхъ мѣръ чтобы направить событія въ ту или другую сторону. „Поэтому, и для правительствъ, и для самаго парламента является дѣйствительная необходимость дать наконецъ возможность высказаться тѣмъ кто прежде и болѣе всѣхъ долженъ почувствовать дѣйствіе вновь проектируемаго закона."

Такова была, по толкованію князя Бисмарка, послѣдняя причина заставившая правительство немедленно учредить Хозяйственный Совѣтъ, которому предстоитъ де въ послѣдствіи изъ учрежденія прусскаго стать общеимперскимъ. Если это не сдѣлано съ самаго начала, то лишь по той причинѣ что правительство желало, съ одной стороны, выиграть время, съ другой, воспользоваться указаніями опыта.

Любопытно что имперскій канцлеръ, лишь недавно взявшій на себя непосредственное управленіе министерствомъ торговли и промышленности, весьма скоро убѣдился въ недостаточности для законодательныхъ работъ простаго спроса такъ называемыхъ компетентныхъ лицъ, мнѣній торговыхъ палатъ, уже давно существующихъ въ Германіи, и другихъ мѣстныхъ экономическихъ и сельскохозяйственныхъ органовъ и корпорацій. Дѣйствительно, при предварительной разработкѣ законопроектовъ, въ Пруссіи и въ Германіи, почти всегда требовались мнѣнія этихъ учрежденій, которыя никогда и не затруднялись предлагаемыми имъ вопросами, но отвѣты ихъ по большей части бывали столь противорѣчивы что правительство затруднялось даже сдѣлать общій выводъ изъ полученныхъ имъ замѣчаній.

У насъ въ послѣдніе годы вошло въ обычай, при разработкѣ законопроектовъ, приглашать на совѣщаніе представителей той или другой отрасли промышленности и торговли, или спрашивать мнѣнія биржевыхъ комитетовъ или иныхъ учрежденій. Сверхъ неудобствъ замѣченныхъ въ Германіи, такой спросъ у насъ оказывается еще и совершенно случайнымъ. Вотъ почему можетъ-быть и вопросъ о соляномъ налогѣ тянулся чуть не двадцать лѣтъ, вотъ почему такіе вопросы какъ о желѣзнодорожномъ и таможенномъ тарифахъ, о разныхъ мѣрахъ для развитія сельскаго хозяйства, не получаютъ скораго и желаемаго рѣшенія, чуть не десятки лѣтъ обременяя центральныя канцеляріи массою работы по собиранію разнаго рода предварительныхъ, особенно статистическихъ данныхъ. У всѣхъ на глазахъ, какую пользу могло бы принести и у насъ учрежденіе подобное новосозданному прусскому Народно-Хозяйственному Совѣту.

№ 22.

Москва, 21-го января.

Отличительную и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно слабую сторону нашей заграничной торговли составляетъ чрезвычайная громоздкость нашихъ отпускныхъ товаровъ. Несмотря на то что и въ ряду привозныхъ товаровъ, сырые полуобработанные матеріалы преобладаютъ надъ готовыми предметами потребленія, весь итогъ привоза по вѣсу въ два съ половиной раза менѣе вѣса отпускныхъ продуктовъ, хотя по цѣнности привозъ и отпускъ почти уравновѣшиваютъ другъ друга. Такъ въ 1879 году, какъ значится въ вышедшемъ недавно томѣ *Обзора Внѣшней Торговли Россіи*, вѣсъ всѣхъ привезенныхъ по Европейской границѣ товаровъ опредѣлился цифрой менѣе 203½ милліоновъ пудовъ, а вѣсъ всѣхъ вывезенныхъ за ту же границу продуктовъ простирался почти до 517 милліоновъ пудовъ.

Это вѣсовое отношеніе привоза къ отпуску имѣетъ огромное экономическое значеніе. Имъ создается независимое отъ чьейлибо воли поощреніе привоза иностранныхъ товаровъ, ибо въ ихъ пользу силою самихъ вещей устанавливается крупная премія въ цѣнѣ провоза. Эту премію привозимые въ Россію товары получаютъ съ двухъ сторонъ, и отъ Русскихъ, и отъ заграничныхъ путей сообщенія. О неравенствѣ провозной платы какую взимаютъ русскія желѣзныя дороги съ иностранныхъ и русскихъ товаровъ было не мало писано и говорено. Это неравенство, безъ сомнѣнія, крайне невыгодно для русскихъ интересовъ. Было бы однако несправедливо произносить слишкомъ строгій приговоръ надъ желѣзными дорогами за допущеніе ими такого неравенства. Ихъ под-

вижной составъ, говоря вообще, не имѣетъ недостатка въ грузахъ назначаемыхъ къ доставкѣ въ разные пункты морской и сухопутной границы. Но при обратномъ движеніи отъ пограничныхъ пунктовъ, тотъ же самый подвижной составъ долженъ довольствоваться въ $2^1/_2$ раза меньшимъ количествомъ грузовъ; изъ пяти вагоновъ, три должны возвращаться порожнякомъ. Невыгоды отъ пробѣга порожнихъ вагоновъ, естественно, наши дороги возмѣщаютъ повышеніемъ платы за провозъ русскихъ товаровъ, въ которую такимъ образомъ входитъ частію стоимость провоза въ два конца. Наоборотъ иностранные товары находятся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ спросу и предложенію средствъ перевозки. Этихъ средствъ оказывается въ наличности въ $2^1/_2$ раза больше чѣмъ нужно. Не товары ждутъ не не дождутся вагоновъ, а вагоны разныхъ дорогъ на перебой другъ передъ другомъ гонятся за товарами, готовые на всякія уступки и скидки чтобы только не остаться совсѣмъ безъ груза. Понятно въ какой степени такой ходъ дѣла долженъ понижать желѣзнодорожные тарифы по движенію отъ сухопутной и морскихъ границъ внутрь страны. Но понятно также какимъ сильнымъ поощреніемъ привоза являются эти пониженные тарифы, и къ какому подрыву внутренняго производства ведетъ это поощряемое наводненіе русскихъ рынковъ иностранными продуктами. Все это естественный результатъ существующаго положенія вещей, но отсюда, конечно, вовсе не слѣдуетъ чтобы съ нимъ должно было мириться. Какъ необходимо топливо для огражденія людей отъ мороза, такъ точно необходимы мѣры для огражденія русской производительности отъ вліянія естественнаго неравенства въ размѣрахъ провозной платы для своихъ и чужихъ продуктовъ. Вредъ этого неравенства можетъ быть устраненъ, даже безъ измѣненія существующаго порядка установленія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, однимъ пересмотромъ таможеннаго тарифа. Но при этомъ пересмотрѣ, помимо другихъ соображеній по которымъ опредѣляется размѣръ пошлины по каждой привозной статьѣ, на первомъ планѣ должно стоять уравновѣшеніе пошлиной тѣхъ естественныхъ премій какія даетъ у насъ всѣмъ вообще иностраннымъ товарамъ вѣсовое отношеніе нашего привоза къ нашему отпуску.

Эти премія товарамъ идущимъ въ Россію, въ ущербъ товарамъ идущимъ изъ Россіи, даются, какъ выше сказано, не русскими только, но и заграничными путями сообщенія. Такъ, напримѣръ, въ 1879 году чрезъ нашу сухопутную границу было привезено къ намъ товаровъ всего $53^2/_3$ милліоновъ пудовъ, а вывезено нашихъ товаровъ чрезъ ту же границу 124 милліона пудовъ. Заграничныя желѣзныя дороги имѣли такимъ образомъ массу грузовъ отъ русской границы, но ихъ вагоны должны были идти за этими грузами на половину и даже болѣе чѣмъ на половину порожнякомъ, что естественно должно было вести къ установленію разницы въ провозныхъ тарифахъ въ ту и другую сторону, разницы накладной для русскихъ и выгодной для иностранныхъ товаровъ. По морской границѣ дѣло стоитъ еще въ худшемъ положеніи, отношеніе привоза къ отпуску еще болѣе невыгодное: привозу 150 милліоновъ (149.773.858 пуд.) соотвѣтствуетъ тутъ отпускъ почти 400 милліоновъ пудовъ (392.994.017 пуд.). Изъ восьми кораблей приходящихъ за нашими товарами, пять должны приходить порожнякомъ, съ однимъ балластомъ. Отправители русскихъ товаровъ должны такимъ образомъ платить этимъ кораблямъ не за одинъ, а за два рейса. Между тѣмъ эти идущіе къ русскимъ портамъ корабли везутъ къ намъ иностранные товары чуть не даромъ, сбивая своею взаимною конкурренціей провозную таксу на нихъ до послѣдней крайности. На это обстоятельство должно быть обращено, при ожидаемомъ пересмотрѣ таможеннаго тарифа, самое серіозное вниманіе. Происходящія отсюда для Россіи невыгоды могутъ быть парализованы только извѣстнымъ размѣромъ таможенныхъ пошлинъ и ничѣмъ болѣе. Противъ разныхъ неравенствъ и несообразностей въ Русскихъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ еще могутъ быть приняты иныя мѣры кромѣ таможенныхъ: русскія желѣзныя дороги можно заставить измѣнить ихъ тарифы, согласовавъ оные съ государственными видами. Но ничего подобнаго на внѣшнихъ путяхъ сообщенія сдѣлать нельзя; противъ существующихъ на нихъ невыгодныхъ для Россіи условій можно бороться только при помощи таможеннаго тарифа.

Изъ внѣшнихъ путей сообщенія, наибольшее значеніе для Россіи имѣютъ ко-

нечно, моря. Изъ общей массы 720 милліоновъ пудовъ привезенныхъ къ намъ и вывезенныхъ отъ насъ въ 1879 году товаровъ, сухимъ путемъ прошли только 177 $^{1}/_{2}$ милліоновъ пудовъ, а 542 $^{3}/_{4}$ милліоновъ пудовъ были провезены моремъ. Условія морской перевозки обращаютъ на себя поэтому особенное вниманіе; на нихъ нельзя не остановиться.

Море, внѣ узкой прибрежной полосы, не принадлежитъ никому. Морскіе пути суть общее достояніе. Извлекать изъ нихъ выгоды можетъ каждый. Это самое обширное поле всемірной конкурренціи. И каждое государство стремится захватить возможно бо́льшую долю выгодъ даваемыхъ морскими сообщеніями, каждое заботится о возможно большемъ развитіи своего торговаго флота, ибо даваемыя имъ выгоды по перевозкѣ товаровъ часто далеко превышаютъ прямыя торговыя выгоды отъ ихъ международнаго обмѣна. Какъ же велики выгоды извлекаемыя Россіей изъ морскихъ сообщеній, какую роль играетъ на нихъ русскій торговый флотъ? Торговые флоты другихъ государствъ не довольствуются размѣрами собственной внѣшней торговли, а наживаютъ еще не малые капиталы на перевозкѣ товаровъ между другими странами. О такомъ развитіи русскаго торговаго флота пока еще рано и мечтать. Пока было бы довольно еслибъ онъ находился въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи хотя съ размѣрами собственно русской внѣшней торговли. Находится ли онъ въ такомъ соотвѣтствіи съ ними?

Грустное впечатлѣніе производятъ въ этомъ отношеніи сообщаемыя въ *Обзорахъ Внѣшней Торговли* свѣдѣнія. Вотъ, напримѣръ, Черное и Азовское моря. Для развитія на нихъ русскаго торговаго флота принесены въ послѣднюю четверть вѣка не малыя пожертвованія. А какіе мы видимъ результаты? Всего въ приходѣ къ Черноморскимъ и Азовскимъ портамъ было въ 1879 году 4.813 кораблей въ 1.550.240 ластовъ, и изъ нихъ русскихъ было только 515 съ 296.121 ластовъ. По числу судовъ русскій торговый флотъ въ этихъ моряхъ далеко уступалъ не только англійскому, но и греческому, и даже австрійскому. Торговое же значеніе этого русскаго торговаго флота не соотвѣтствуетъ даже его численности. По особымъ условіямъ въ какихъ онъ находится, на долю русскихъ судовъ приходится гораздо высшій процентъ прихода и отхода съ балластомъ чѣмъ на долю судовъ плавающихъ подъ другими флагами. Что же касается роли русскаго флота у Кавказскихъ береговъ, то тамъ она еще незавиднѣе. Первенство принадлежитъ тутъ турецкому флоту, затѣмъ австрійскому, затѣмъ французскому..

Въ Балтійскомъ морѣ дѣло русскаго флота стоитъ еще хуже чѣмъ въ Черномъ. Въ русскихъ балтійскихъ портахъ, изъ десяти приходящихъ и отходящихъ кораблей, вы только на одномъ видите русскій флагъ (такъ въ 1879 году изъ 8.378 пришедшихъ судовъ, подъ русскимъ флагомъ было 836); но по вмѣстимости судовъ, участіе русскаго флота въ нашей балтійской внѣшней торговлѣ было болѣе чѣмъ въ 12 разъ менѣе сравнительно съ иностранными флотами. Львиную долю выгодъ по перевозкѣ товаровъ въ наши порты и изъ нашихъ портовъ брала, конечно, Англія; съ нею соперничали Германія, затѣмъ Швеція и Норвегія, затѣмъ маленькая Данія. Русскій же флотъ принималъ въ нашей балтійской торговлѣ даже меньшее участіе чѣмъ датскій. Да еще можно ли въ строгомъ смыслѣ назвать этотъ флотъ русскимъ, хотя составляющія его суда и плаваютъ подъ русскимъ флагомъ?

Можно было бы надѣяться что русскій флагъ преобладаетъ по крайней мѣрѣ въ Бѣломъ Морѣ, гдѣ имѣются выгодныя сподручныя условія для развитія русскаго кораблестроенія и свыкшееся съ моремъ русское населеніе. Но нѣтъ! По числу судовъ въ бѣломорскихъ портахъ преимущество, пожалуй, остается за русскимъ флагомъ: но по вмѣстимости, по важности участія во внѣшней торговлѣ, первое мѣсто принадлежитъ тутъ шведскому и норвежскому флоту, съ количествомъ ластовъ втрое большимъ нашего, затѣмъ англійскому и германскому, тоже поднявшими каждый вдвое бо́льшіе грузы.

Въ общей сложности, наша внѣшняя отпускная и привозная торговля привлекла въ русскіе порты въ 1879 году болѣе 14.000 судовъ съ громадною вмѣстимостію свыше 3.150.000 ластовъ. Но въ этомъ счету на долю русскаго флота, включая въ него и финляндскій, приходится едва десятая часть. Болѣе девяти десятыхъ всѣхъ выгодъ отъ перевозки 150 милліоновъ пудовъ иностранныхъ и 393 милліоновъ пудовъ русскихъ грузовъ (всего на сумму болѣе 768 $^{1}/_{2}$ мил-

ліоновъ рублей) достались чужеземнымъ флотамъ.

Между тѣмъ нельзя сказать чтобъ у насъ не было условій для болѣе широкаго развитія собственнаго торговаго флота. У насъ есть и матеріалы для кораблестроенія, найдутся и люди для судовыхъ экипажей. Если ихъ мало теперь, то потому что нѣтъ на нихъ спроса. Явится спросъ, будетъ и предложеніе услугъ. Мореходный промыселъ есть одинъ изъ самыхъ выгодныхъ промысловъ, и даваемыя имъ выгоды не замедлили бы создать многочисленный контингентъ моряковъ, подобно тому какъ появился классъ фабричныхъ съ появленіемъ фабрикъ. Крупные заработки русскаго флота на фрахтахъ измѣнили бы въ нашу пользу нашъ международный разсчетный балансъ. Широкое развитіе русскаго торговаго флота вывело бы нашу торговлю изъ той пассивности которая составляетъ самую слабую, самую невыгодную ея сторону.

Но какими мѣрами всего успѣшнѣе можно было бы содѣйствовать столь желательному развитію у насъ своего торговаго флота? Субсидіями, привилегіями? Опытъ сдѣланный на Черномъ Морѣ показалъ что это средство не даетъ желаемыхъ результатовъ, что оно частію обращается даже во вредъ той цѣли которая имѣется въ виду.

Невольно припоминается средство испытанное въ Англіи, поднявшее ея флотъ на небывалую до того высоту, помогшее ей отнять у Голландцевъ принадлежавшее имъ прежде господство на моряхъ. Мы разумѣемъ изданный въ Англіи въ октябрѣ 1651 года Навигаціонный Актъ, въ силу котораго на иностранныхъ корабляхъ могли быть ввозимы въ Англію только товары тѣхъ государствъ которымъ эти корабли принадлежали, чѣмъ была расширена сфера дѣятельности собственно англійскаго флота, съ устраненіемъ изъ ея торговли посредничества третьихъ лицъ и ихъ судовъ. Можетъ-быть было бы неудобно примѣнить въ настоящее время подобный актъ во всей его силѣ къ русской морской торговлѣ. Но приблизительно такое же и можетъ-быть еще лучшее дѣйствіе произвело бы установленіе разницы въ размѣрѣ пошлинъ взимаемыхъ съ товаровъ привозимыхъ въ русскіе порты на русскихъ и иностранныхъ судахъ. Установленіе такой разницы обезпечило бы русскимъ кораблямъ отвозящимъ русскіе продукты полученіе товаровъ въ обратные рейсы, а обезпеченные ими русскіе мореходцы имѣли бы возможность понижать фрахты для русскихъ грузовъ, не имѣя уже необходимости взимать съ нихъ провозную плату въ оба конца Почему не дать русскому флоту такой привилегіи? Она не создала бы никакой монополіи въ пользу немногихъ предпринимателей, она распространялась бы одинаково на всѣхъ русскихъ арматоровъ. Въ отместку за нашъ навигаціонный актъ другія страны могли бы отвѣтить намъ тѣмъ же? Пусть. Это намъ не опасно. Пока остается въ силѣ существующее вѣсовое отношеніе между нашимъ привозомъ и вывозомъ, русскому флоту будетъ слишкомъ достаточно дѣла по оборотамъ собственной внѣшней торговли, безъ участія въ торговыхъ оборотахъ между другими странами.

№ 23.

Москва, 22-го января.

27 января была роздана членамъ французскаго законодательнаго собранія *Желтая Книга*, содержащая въ себѣ дипломатическую переписку по Греческому вопросу, начиная отъ 16 апрѣля 1880 до 17 января настоящаго года. Сборникъ этотъ даетъ такимъ образомъ возможность обозрѣть весь историческій ходъ этого вопроса угрожающаго нынѣ европейскому миру. Считаемъ нелишнимъ краткій обзоръ содержанія французской *Желтой Книги*.

Первый документъ содержащійся въ сборникѣ есть циркуляръ г. де-Фрейсине, отъ 16 апрѣля, ко французскимъ представителямъ, въ коемъ онъ сообщаетъ что державы, по предложенію Англіи, согласились между собою назначить спеціальную коммиссію дабы выработать новую греко-турецкую границу, соотвѣтственно постановленію заключающемуся въ 13-мъ протоколѣ Берлинскаго конгресса. Коммиссія должна совершить свою работу по примѣру подобныхъ коммиссій дѣйствовавшихъ на основаніи Берлинскаго трактата въ Болгаріи и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ границы турецкихъ владѣній подверглись измѣненію послѣ войны. Коммиссія должна де постановить свое рѣшеніе по большинству голосовъ, и это рѣшеніе будетъ затѣмъ предложено къ принятію отъ имени державъ какъ Турціи, такъ и Греціи. Въ цир-

кулярѣ прибавлено что остается устранить лишь одно затрудненіе, а именно предстоитъ согласиться съ Портой о порядкѣ условіяхъ при коихъ международная коммисія должна производить свою работу на Турецкой территоріи.

Вотъ какъ просто и рѣшительно вопросъ о греко-турецкой границѣ поставленъ былъ на первыхъ порахъ! И какой поразительный контрастъ съ неясностью и путаницей теперешняго положенія! Въ апрѣлѣ прошедшаго года никакихъ разнорѣчій о самомъ принципѣ не было: всѣ державы смотрѣли на дѣло такимъ образомъ что греко-турецкая граница, подобно новымъ границамъ Болгаріи, Сербіи, Румыніи и Черногоріи, есть дѣло рѣшенное Берлинскимъ конгрессомъ, и что остается технически разработать и привести въ исполненіе вопросъ въ принципѣ установленный. Еще въ маѣ дѣло продолжало стоять на той же почвѣ: 11 мая, какъ видно также изъ *Желтой Книги*, лордъ Гранвилль предложилъ державамъ послать Портѣ коллективную ноту съ требованіемъ немедленнаго исполненія 13-го протокола Берлинскаго конгресса. Но сомнѣніе тогда уже возникло, ибо лордъ Гранвилль въ той же нотѣ предложилъ, въ случаѣ отказа Порты, собрать конференцію изъ пословъ великихъ державъ въ Парижѣ или Берлинѣ. Предложеніе о соммаціи адресованной Портѣ, какъ извѣстно, не состоялось. Тѣмъ не менѣе державы, повидимому, въ это время уже убѣдились что дѣло не такъ просто и что приходится спорить о самомъ принципѣ, для чего и порѣшена была конференція. Германія, прежде всего, позаботилась о томъ чтобы ей отведено было на конференціи первенствующее мѣсто; хотя и изъ дальнѣйшихъ ея дѣйствій видно что она напередъ отказывалась отъ всякаго активнаго участія на случай еслибы дѣло дошло до принудительныхъ мѣръ противъ Турціи. Германія согласилась на конференцію подъ тѣмъ условіемъ чтобъ она происходила въ Берлинѣ, подъ ея предсѣдательствомъ. Сверхъ того, Германія настаивала на томъ чтобы Турція была допущена къ участію въ конференціи съ тѣмъ условіемъ что она признаетъ постановленія конференціи для себя обязательными. Предложеніе это характеризуется тѣми возраженіями которыя были сдѣланы противъ онаго: изъ нихъ видно что Греція, по мнѣнію Германіи, должна была быть вовсе устранена отъ участія въ конференціи. Англія возразила что, по ея мнѣнію, ни Турція, ни Греція не должны быть допущены къ участію въ конференціи, такъ какъ по самому свойству обсуждаемаго предмета имъ трудно прійти къ соглашенію. Франція, съ своей стороны, возразила что если допустить Турцію къ участію въ конференціи, то нѣтъ повода устранить Грецію. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, разрѣшенъ согласно мнѣнію Англіи. Въ циркулярѣ отъ 3 іюня, г. Фрейсине извѣстилъ французскихъ представителей что конференція рѣшена, а 12 іюня французскій посолъ въ Берлинѣ донесъ что, согласно взаимному соглашенію, ему предоставлено внести на конференцію предложеніе о необходимости исправленія греческой границы. Въ циркулярѣ отъ 15 іюня Порта изложила свой протестъ противъ собранія конференціи, которая между тѣмъ собралась въ Берлинѣ и окончила свое дѣло довольно скоро и весьма рѣшительно. Въ циркулярѣ отъ 25 іюня Фрейсине сообщаетъ что пограничная линія, предложенная Франціей, единогласно принята конференціей.

Затѣмъ, какъ извѣстно, началась знаменитая демонстрація флотовъ противъ Турціи. Такъ какъ демонстрація рѣшена была послѣ Берлинской конференціи, то естественно было ожидать что „принужденіе“ противъ Порты будетъ имѣть мѣсто какъ поповоду Черногорской такъ и по поводу Греческой границы. Въ томъ и другомъ случаѣ Порта отказывалась подчиниться единодушному рѣшенію Европы, и на первыхъ порахъ, когда демонстрація еще считалась серіознымъ дѣломъ, не только Греки, но и всѣ думали что покончивъ свою миссію въ Адріатическомъ морѣ, соединенный флотъ отправится „принуждать“ Порту и въ Архипелагѣ. Во французской *Желтой Книгѣ* эпизодъ демонстраціи обойденъ скромнымъ молчаніемъ, по крайней мѣрѣ о ней нѣтъ рѣчи въ сообщаемыхъ извлеченіяхъ.

Но Греки почерпнули для себя достаточное поученіе изъ „коллективнаго дѣйствія“ въ Адріатикѣ, и обманувшись въ своихъ надеждахъ, принялись дѣятельно вооружаться дабы самимъ добиться того что державы отказались для нихъ сдѣлать. Съ этого-то времени начинается новый рядъ „энергическихъ“ заявленій Французскаго правительства по поводу Греціи; но вся энергія теперь уже направлена къ тому

чтобъ удержать Грецію отъ самостоятельныхъ дѣйствій. Въ нотѣ отъ 13 ноября ко французскому посланнику въ Аѳинахъ, г. Бартелеми Сентъ-Илеръ старается убѣдить Греческое правительство что оно должно избѣгать и тѣни аггрессивной политики противъ Турціи, въ виду того что Европа желаетъ сохраненія мира; что оно лишитъ себя всякихъ правъ на поддержку державъ наиболѣе ему сочувствующихъ если безразсудно кинется въ войну.

Затѣмъ въ циркулярѣ отъ 20 декабря г. Бартелеми Сентъ-Илеръ поручаетъ представителямъ Франціи предложить учрежденіе третейскаго суда. Германія уже 21 декабря изъявила согласіе, но съ тѣмъ что она „ни въ какомъ случаѣ не приметъ участія въ матеріяльной экзекуціи будущаго рѣшенія.“ Россія согласилась на третейскій судъ подъ условіемъ если прочія державы согласятся и если Греція и Турція обяжутся подчиниться будущему приговору. Италія приняла предложеніе безо всякихъ оговорокъ. Австрія согласилась въ принципѣ, но съ двумя условіями: 1) если обѣ стороны обяжутся подчиниться рѣшенію и 2) чтобъ она ни въ какомъ случаѣ не была обязана участвовать въ принудительномъ исполненіи рѣшенія. Условія поставленныя Германіей и Австріей не только напередъ обезсиливали будущій приговоръ третейскаго суда, но должны были убѣдить, съ одной стороны, Турцію что она ни въ какомъ случаѣ не подвергнется коллективному принужденію Европы, а Греки съ другой стороны не могли не вывести заключенія что отъ третейскаго суда они могутъ только потерять, ибо въ теоретическомъ отношеніи рѣшеніе это могло только уменьшить (но ни въ какомъ случаѣ увеличить) ихъ притязанія къ Турціи; въ практическомъ же отношеніи какую пользу могли они ожидать отъ рѣшенія о коемъ напередъ заявляется что принужденія къ исполненію его не будетъ?

Неосуществимость третейскаго суда была сознана съ самаго начала, и уже 22 декабря г. Сенъ-Вальс доноситъ что, по мнѣнію германскаго посла въ Константинополѣ, графа Гатцфельдта, нельзя ожидать никакихъ плодотворныхъ послѣдствій отъ третейскаго суда. Тѣмъ не менѣе, г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла, продолжалъ настаивать на своемъ проектѣ и между прочимъ разослалъ свой знаменитый циркуляръ отъ 24 декабря, въ которомъ убѣждалъ Грековъ что Берлинская конференція не создала для нихъ никакихъ правъ. Легко понять какое назиданіе должна была извлечь для себя изъ этого Турція; если Берлинскою конференціей, противъ которой она формально протестовала, не создано для Грековъ никакихъ правъ, то выгодно ли Турціи добровольно согласиться на новый вердиктъ, который быть-можетъ и сбавитъ кое-что изъ того что̀ прежде присуждено было Греціи, но на этотъ разъ сталъ бы, по крайней мѣрѣ въ теоріи, источникомъ права для Греціи которое нынѣ отвергается? И вотъ *Желтая Книга* заканчивается донесеніемъ французскаго посла въ Константинополѣ, отъ 17 января сего года, извѣщающимъ что Турція отклонила предложеніе о третейскомъ судѣ.

Съ своей стороны, Порта предложила конференцію пословъ въ Константинополѣ. И это предложеніе, о судьбѣ котораго въ *Желтой Книгѣ* еще нѣтъ указаній, повидимому, не принято, но судя по позднѣйшимъ газетнымъ извѣстіямъ, державы согласились каждая въ отдѣльности, уговаривать Порту къ уступчивости, и опредѣливъ такимъ образомъ крайній предѣлъ тѣхъ уступокъ которыя могутъ быть сдѣланы Греціи, коллективно рекомендовать послѣдней принятіе оныхъ.

Но изъ того что державы будутъ представлять Портѣ свои совѣты отдѣльно видно что „крайній предѣлъ“ съ точностію формулованный Берлинскою конференціей не принятъ въ основаніи этихъ переговоровъ, и что мнѣнія на этотъ счетъ расходятся. Кто же приведетъ ихъ къ соглашенію? И приметъ ли одна держава за крайній предѣлъ то что̀ будетъ признано таковымъ другою?

Въ виду всего этого очень трудно принять на вѣру офиціальныя увѣренія о „непремѣнномъ“ желаніи *всей* Европы предотвратить войну между Греціей и Турціей.

№ 24.

Москва, 23-го января.

Блестящая побѣда русскаго оружія въ Средней Азіи вызвала, какъ и слѣдовало ожидать, массу самыхъ разнообразныхъ толковъ въ западной Европѣ. На первомъ планѣ по этому предмету слѣдуетъ поста-

вить разговоръ происходившій 28 января въ англійскомъ парламентѣ. Членъ консервативной партіи, г. Бартлемъ, обратился съ запросомъ къ статсъ-секретарю по дѣламъ Индіи, маркизу Гартингтону, который отвѣтилъ, какъ было сообщено по телеграфу, что рѣшеніе Британскаго кабинета занимать Кандагаръ лишь временно было принято, при существованіи уже увѣренности въ конечномъ успѣхѣ русскаго похода въ страну Туркменъ, и что недавняя побѣда генерала Скобелева ни въ чемъ не ослабила указаннаго рѣшенія. Но маркизъ Гартингтонъ не указалъ точнѣе когда именно правительство предполагаетъ прекратить временное занятіе Кандагара, о предстоящемъ очищеніи котораго возвѣщено было въ тронной рѣчи, при открытіи парламента. Сверхъ того, въ англійской *Синей Книгѣ*, розданной послѣ открытія парламента, обнародовано письмо того же маркиза Гартингтона къ индійскому вице-королю, отъ 11 ноября прошедшаго года, въ коемъ весьма настойчиво доказывается что Англія не имѣетъ надобности расширять границы своихъ владѣній насчетъ Афганистана, вопервыхъ, потому что это сопряжено для Англіи съ огромными издержками и большими затрудненіями, доказанными опытомъ послѣдняго времени, а вовторыхъ, потому что постепенное и обусловливаемое силою вещей расширеніе русскаго владычества въ Средней Азіи отнюдь не представляетъ такой опасности для Англіи какъ думали прежде. Почему же, спрашиваютъ многіе, возвращеніе Кандагара Афганцамъ отсрочено на неопредѣленное время? Очевидно потому,—таковъ отвѣтъ,—что побѣда генерала Скобелева все-таки расшевелила застарѣлую недовѣрчивость Англичанъ къ Россіи и породила нѣкоторую тревогу касательно дальнѣйшаго направленія русскаго похода.

Такое толкованіе отчасти находитъ себѣ подтвержденіе въ манифестаціяхъ англійской печати по поводу штурма Геокъ-Тепе. Мы беремъ газету наиболѣе дружественно расположенную къ Россіи и въ то же время наиболѣе приближенную къ теперешнему кабинету—*Daily News*. Въ самый день полученія извѣстія о побѣдѣ генерала Скобелева, петербургскій корреспондентъ названной газеты поспѣшилъ „успокоить“ англійскую публику что, по свѣдѣніямъ имъ собраннымъ, Русское правительство еще за два мѣсяца до того увѣрило Англійскій кабинетъ что оно отнюдь не намѣрено занять навсегда текинскую крѣпость Геокъ-Тепе, и что какъ только она будетъ взята и Текинцы будутъ побѣждены, русскія войска не только не будутъ двигаться на Мервъ, но напротивъ возвратятся къ берегамъ Каспія, и желѣзная дорога проложенная въ закаспійской степи будетъ упразднена. Корреспондентъ намекаетъ при этомъ что лишь при этомъ условіи Англійское правительство сочтетъ возможнымъ исполнить объявленное имъ намѣреніе очистить Кандагаръ. Редакція *Daily News* сопровождаетъ указанную корреспонденцію передовою статьей, которая высказывается гораздо болѣе скептически нежели ея петербургскій агентъ. *Daily News* думаетъ что блистательной побѣды при Геокъ-Тепе „болѣе нежели достаточно для чести русскаго оружія дабы смыть пятно прежней неудачи,“ и что теперь можно было бы придти къ какому-либо соглашенію съ Туркменами и не продолжать далѣе походъ. Однако, основываясь на сообщеніяхъ другаго своего корреспондента, близко наблюдающаго за русскими войсками съ персидской границы, *Daily News* полагаетъ что походъ едвали прекратится взятіемъ Геокъ-Тепе и предвидитъ не только взятіе Асхабада, но и дальнѣйшій походъ на Мервъ, „этой Мекки самаго воинственнаго изъ Туркменскихъ племенъ.“ Англійская газета утѣшаетъ себя лишь тѣмъ что походъ на Мервъ будетъ сопряженъ съ огромными трудностями, и хотя она думаетъ что и обладаніе Мервомъ не будетъ представлять прямой опасности для индійскихъ владѣній Англіи, однако выражаетъ надежду что „падшее Геокъ-Тепе послужитъ предѣломъ ея слишкомъ дорогихъ предпріятій въ центральной Азіи.“

Итакъ, въ совѣтахъ и благожеланіяхъ уже теперь нѣтъ недостатка. Иные думаютъ что въ заявленіи англійскаго министра относительно Кандагара заключается и скрытая угроза; временное занятіе Кандагара не прекратится де пока Россія не остановится въ своемъ походѣ на Туркменъ, или пока она не вернется назадъ довольствуясь „моральнымъ эффектомъ“ своей побѣды надъ разбойничьимъ племенемъ. Удивительная угроза! Англія находитъ, на основаніи горькаго опыта своего недавнаго вторженія въ Афгани-

станъ, что для нея далеко не безопасно и отнюдь не выгодно оставить за собою навсегда Кандагаръ; это было рѣшено, по заявленію англійскаго министра, когда уже предвидѣлась вѣроятность успѣха русскаго похода противъ Текинцевъ. Значитъ Кандагаръ ненуженъ Англіи и дальнѣйшее владѣніе имъ даже сопряжено для нея съ опасностями. Но развѣ Россія вмѣшивалась въ это дѣло? Развѣ съ ея стороны были какіе-либо протесты или увѣщанія но поводу англійскаго похода въ Афганистанъ? Развѣ и она въ свою очередь ставила Англіи какія-либо требованія? Въ Англіи признаютъ что походъ на Мервъ будетъ сопряженъ для Россіи съ огромными жертвами и большимъ рискомъ, а съ другой стороны увѣряютъ что и по занятіи Мерва никакая опасность не будетъ угрожать англійскимъ владѣніямъ со стороны Россіи. Въ этомъ мы и сами убѣждены. Но пусть же и Россіи предоставятъ самой обсудить выгодно ли для нея продолжать свой походъ и руководствоваться въ этомъ отношеніи своими интересами, а не соображеніями о томъ насколько трусливые люди въ Англіи, вопреки мнѣнію всѣхъ авторитетовъ на которыхъ ссылается маркизъ Гартингтомъ въ упомянутомъ письмѣ, будутъ тревожиться приближеніемъ Россіи къ предѣламъ англо-индійскихъ владѣній.

Въ Берлинѣ особенно зорко слѣдятъ за всѣми признаками пробужденія англійской недовѣрчивости къ Россіи. Тамошнія газеты не скрывали своего злорадства по поводу извѣстій объ отчаянномъ сопротивленіи оказанномъ Текинцами до паденія Геокъ-Тепе и поговаривали о „новой Плевнѣ“ встрѣченной де Россіей среди азіятскихъ степей. Но когда пала текинская крѣпость, то берлинскія газеты стали высказывать, съ одной стороны, что для поддержанія своего обаянія въ Средней Азіи Россія должна нанести рѣшительный ударъ туркменскимъ хищникамъ, не ограничиваясь успѣхомъ при Геокъ-Тепе, а съ другой—что Англія не можетъ взирать равнодушно на успѣхи Россіи, возрастаніе которыхъ тѣмъ болѣе де вѣроятно что въ недавнее время ей развязаны руки вслѣдствіе мирнаго исхода столкновенія съ Китаемъ. По поводу этого послѣдняго обстоятельства также не обошлось безъ ядовитыхъ намековъ: берлинская печать провѣдала уже о содержаніи новаго трактата съ Китаемъ заключеннаго въ Петербургѣ, по которому Россія уступила будто бы Китаю обратно почти всю Кульджу, за исключеніемъ небольшаго клочка, составляющаго лишь двадцатую часть всей провинціи. „И тутъ,“ замѣчаетъ берлинская *Національная Газета*, „Россіи, согласно старинному изреченію, досталась голая степь, а другому народу хорошая земля.“

Не знаемъ откуда берлинскія газеты почерпнули свѣдѣнія о содержаніи новаго русско-китайскаго трактата; но онѣ видимо не совсѣмъ довольны даже и тѣмъ что миръ съ Китаемъ купленъ Россіей будто бы цѣною великой уступчивости; онѣ полагаютъ что дѣло окончилось бы иначе еслибы торіи управляли дѣлами Англіи. Мирная партія въ совѣтахъ Китайской имперіи получила де перевѣсъ лишь послѣ того какъ извѣстный полковникъ Гордонъ былъ поспѣшно командированъ въ Пекинъ и когда ему удалось убѣдить мандариновъ что война съ Россіей можетъ быть гибельною для Китая. Съ другой стороны, и въ Петербургѣ сочли де за лучшее миролюбиво покончить съ Китаемъ въ виду похода въ Среднюю Азію и осложненій Греческаго вопроса.

Изъ разсужденій берлинскихъ газетъ весьма ясно проглядываетъ недовольство тѣмъ что Россія не въ той мѣрѣ отвлечена отъ „осложненій Греческаго вопроса“ и вообще отъ дѣлъ Балканскаго полуострова какъ ожидалось.

№ 25.

Москва, 24-го января.

Замѣтивъ у себя продолжавшійся нѣсколько лѣтъ упадокъ сельскаго хозяйства и промышленности, сосѣдняя намъ Германія рѣшила предпринять цѣлый рядъ реформъ долженствующихъ измѣнить существующія условія народнаго хозяйства и высоко поднять его уровень. Преобразованіе условій народнаго хозяйства у насъ еще нужнѣе чѣмъ въ Германіи. Наше сельское хозяйство и промышленность находятся въ несравненно большемъ упадкѣ чѣмъ у нашихъ сосѣдей, и задача поднять ихъ у насъ гораздо сложнѣе.

Преобразованія въ народномъ хозяйствѣ оказались въ Германіи дѣломъ столь важнымъ что германскій канцлеръ, какъ ни

занятъ онъ спеціально политическими вопросами, рѣшился посвятить ему свой трудъ и время, принявъ на себя непосредственное управленіе министерствомъ торговли и промышленности. Мало наклонный слѣдовать чужимъ совѣтамъ въ дѣлахъ политическихъ, князь Бисмаркъ смотритъ, однако, совершенно иначе на дѣла народно-хозяйственныя. Въ этихъ дѣлахъ онъ отнюдь не выказываетъ той самонадѣянности въ которой его упрекали. Напротивъ, онъ держится мнѣнія что въ хозяйственныхъ дѣлахъ правительство не должно слишкомъ много брать на себя, что оставляя за собою иниціативу и рѣшеніе вопросовъ, оно должно внимательно выслушивать тѣхъ кто прежде и болѣе всѣхъ должны почувствовать на себѣ дѣйствіе проектируемыхъ реформъ. Въ обсужденіи этихъ реформъ, онъ мало полагается на чиновничій и ученый элементы, зная общій и существенный ихъ недостатокъ заключающійся въ отсутствіи близкаго практическаго знакомства съ нуждами страны и ея хозяйственными условіями и убѣдившись какимъ вредомъ это незнакомство отзывается на ходѣ хозяйственныхъ дѣлъ. Не болѣе полагается онъ на парламентъ, зная по опыту какъ слабо бываютъ представлены въ немъ интересы сельскаго хозяйства, торговли и промышленности, какое преобладающее вліяніе имѣютъ тамъ интересы иныхъ категорій, и какое значеніе имѣетъ въ парламентскихъ рѣшеніяхъ простая случайность составленія большинства то въ ту, то въ другую сторону, случайность, которая не должна имѣть мѣста въ обсужденіи важныхъ народно-хозяйственныхъ вопросовъ. Не счелъ онъ также возможнымъ удовольствоваться практиковавшеюся доселѣ при подготовительныхъ законодательныхъ работахъ по экономическимъ вопросамъ системой спроса экспертовъ, торговыхъ палатъ и разныхъ мѣстныхъ экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ органовъ и корпорацій. Выборъ экспертовъ приглашаемыхъ къ обсужденію экономическихъ дѣлъ постоянно носитъ на себѣ или характеръ случайности, или намѣреннаго предпочтенія лицъ съ извѣстными мнѣніями; а отзывы мѣстныхъ экономическихъ корпорацій отличаются обыкновенно такою противорѣчивостью что въ массѣ различныхъ мнѣній трудно опознаться, трудно рѣшить какое изъ нихъ заслуживаетъ бо́льшаго вниманія какъ болѣе согласное съ общими интересами страны. Въ помощь правительству при разработкѣ законодательныхъ вопросовъ по части народнаго хозяйства, создается въ Пруссіи, по мысли князя Бисмарка, новое центральное учрежденіе, долженствующее вскорѣ распространить свою дѣятельность на всю Германію,—Народно-Хозяйственный Совѣтъ (Volkswirthschaftsrath), частію изъ выборныхъ, частію изъ назначенныхъ правительствомъ лицъ. По своему составу, этотъ Совѣтъ долженъ быть представителемъ всѣхъ важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ, промышленныхъ и торговыхъ интересовъ всей страны. Отъ такого учрежденія позволительно ожидать наиболѣе правильнаго и полнаго разъясненія причинъ упадка разныхъ отраслей хозяйства, а равно и практическаго указанія условій при которыхъ эти отрасли стали бы преуспѣвать. При обсужденіи въ такомъ учрежденіи экономическихъ вопросовъ, всего лучше можетъ опредѣлиться удѣльный вѣсъ разнорѣчивыхъ по нимъ мнѣній, да и самыя эти разнорѣчія будутъ сглаживаться, такъ какъ люди призванные въ центральный Совѣтъ, оставаясь представителями дѣйствительныхъ нуждъ страны, будутъ самымъ своимъ положеніемъ выведены изъ узкой сферы частныхъ и мѣстныхъ интересовъ.

Менѣе ли чѣмъ въ Германіи нужно у насъ въ Россіи учрежденіе подобное новооткрытому въ Берлинѣ Народно-Хозяйственному Совѣту? Онъ призванъ къ жизни, потому что условія при которыхъ донынѣ происходила въ Германіи разработка законодательныхъ вопросовъ по экономической части оказались недостаточными, несостоятельными. Можемъ-ли мы сказать что условія обсужденія ихъ у насъ таковы что ими можно удовлетвориться? Если германскій ученый и чиновничій міръ, который все-таки менѣе чѣмъ нашъ отрѣшенъ отъ народа и знакомъ съ хозяйственными дѣлами по крайней мѣрѣ изъ серіозныхъ статистическихъ изслѣдованій, признается мало компетентнымъ въ рѣшеніи сложныхъ практическихъ вопросовъ, какъ мало знакомый съ практическимъ ихъ значеніемъ, то можно ли въ большей степени полагаться на нашихъ чиновниковъ, на нашихъ ученыхъ, не обладающихъ даже сколько-нибудь солидными статистическими свѣдѣніями? Какихъ промаховъ, могутъ надѣлать они при самонадѣянномъ рѣшеніи важныхъ и сложныхъ народно-хозяйственныхъ во-

просовъ показываетъ, между прочимъ, недавній примѣръ акцизно-сахарнаго вопроса. Это былъ вопросъ простой и несложный, казалось-бы, всего легче поддающійся ихъ рѣшенію. Нужно было измѣнить нормы выхода сахара при существующихъ на сахарныхъ заводахъ сокодобывателяхъ, съ цѣлію увеличенія казеннаго дохода. Цѣлая коммиссія занималась обсужденіемъ новыхъ нормъ и наконецъ, послѣ тщательныхъ соображеній и разчетовъ, выработала ихъ. Новыя повышенныя нормы были введены въ дѣйствіе. Какой-же получился результатъ? Вмѣсто того чтобъ увеличиться, казенный доходъ съ сахароваренія уменьшился. Бо́льшая часть сахарныхъ заводовъ, подъ вліяніемъ нововведенныхъ нормъ, тотчасъ же совершенно переустроились; на эту переустройку и на выписку новыхъ машинъ изъ-за границы свеклосахарною промышленностью затрачено разомъ нѣсколько милліоновъ рублей. Но выбитые правительственною ошибкой изъ прежней колеи, сахарозаводчики находятся нынѣ подъ страхомъ скоро быть выбитыми и изъ новой, подъ страхомъ что всѣ разчеты съ какими были сдѣланы вызванные новыми нормами расходы будутъ обмануты, что всѣ эти ихъ расходы окажутся сдѣланными напрасно, что имъ придется поплатиться за ошибку чиновниковъ и такъ-называемыхъ спеціалистовъ. Подъ впечатлѣніемъ результатовъ этой ошибки предполагается перемѣна всей системы взиманія акциза съ сахара, перемѣна, которая, почемъ знать?—можетъ-быть окажется еще большею ошибкой чѣмъ недавно изданныя нормы, и если не подорветъ нашей свеклосахарной промышленности, то, пожалуй, остановитъ тѣ постоянные и дѣйствительно замѣчательные успѣхи которыми отличалась она въ послѣдніе годы. Люди оказавшіеся мало надежными даже въ такомъ простомъ дѣлѣ какъ опредѣленіе заводскихъ нормъ сахародобыванія могутъ ли быть признаны достаточно компетентными въ рѣшеніи важныхъ и крайне сложныхъ вопросовъ нашего народно-хозяйственнаго быта вообще? Бюрократія при разработкѣ законопроектовъ экономическаго характера, подобно тому какъ это было и въ Германіи, приглашаетъ у насъ иногда на совѣщанія представителей тѣхъ отраслей промышленности и торговли которыя ими затрогиваются. Но можно ли относиться безъ нѣкоторой подозрительности ко мнѣніямъ и заявленіямъ людей непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ? Не бываетъ ли зачастую результатомъ такихъ совѣщаній не разъясненіе, а затемнѣніе дѣла? Къ чему повели, напримѣръ, происходившія въ прошломъ году совѣщанія по вопросамъ о лучшей постановкѣ въ Россіи металлическаго и машиннаго производства? Кромѣ созыва экспертовъ, иногда у насъ спрашиваются также мнѣнія сельско-хозяйственныхъ обществъ, биржевыхъ комитетовъ, мануфактурныхъ совѣтовъ, земскихъ и иныхъ учрежденій. Но если практическіе результаты такихъ запросовъ оказываются весьма неудовлетворительными въ Германіи, гдѣ имѣется на лицо цѣлая раскинутая по всей странѣ сѣть корпоративныхъ учрежденій въ разныхъ областяхъ народнаго хозяйства и гдѣ эти учрежденія крѣпко организовались и достигли широкаго развитія, то какихъ результатовъ можно ожидать у насъ, гдѣ подобныя учрежденія существуютъ такъ-сказать въ зародышѣ, коегдѣ и въ маломъ числѣ?

А между тѣмъ задачи народнаго хозяйства настоятельно требующія рѣшенія у насъ, повторяемъ, гораздо сложнѣе и важнѣе тѣхъ съ которыми имѣетъ нынѣ дѣло Германія. Отъ правильности ихъ рѣшенія зависитъ вся экономическая будущность Россіи. За каждую ошибку, за всякую несоотвѣтственность рѣшенія дѣйствительнымъ нуждамъ и условіямъ страны, ей придется долго и дорого платиться, и не всякая ошибка можетъ оказаться поправимою.

Вопросовъ, которые могутъ быть разъяснены и получить надлежащее направленіе при участіи въ ихъ разработкѣ учрежденія подобнаго берлинскому Народно-Хозяйственному Совѣту такъ много что трудно было бы перечислить даже главнѣйшія. Такое учрежденіе оказалось бы на высотѣ задачи и по вопросамъ о наилучшемъ пріуроченіи существующей желѣзнодорожной сѣти и желѣзнодорожныхъ тарифовъ къ народно-хозяйственнымъ интересамъ, и по вопросамъ о дальнѣйшемъ развитіи этой сѣти постройкой новыхъ линій. Выборъ этихъ линій былъ у насъ большею частію дѣломъ случая. Изъ ряда проектируемыхъ линій, выбирались къ немедленной постройкѣ не тѣ которыя всѣхъ нужнѣе, а какія придется. Въ народно-хозяйственномъ совѣтѣ лучше, правильнѣе, безпристрастнѣе чѣмъ въ какомъ бы то ни было

бюрократическомъ учрежденіи или коммиссіи долженъ опредѣляться удѣльный вѣсъ разныхъ желѣзнодорожныхъ проектовъ; въ немъ лучше чѣмъ гдѣ-либо подвергнутся обличенію попытки давать узкимъ мѣстнымъ стремленіямъ обликъ общегосударственныхъ интересовъ, попытки которыя такъ вредно отзывались, напримѣръ, на вопросѣ о Сибирской дорогѣ, которыя испортили направленіе многихъ линій, напримѣръ Либавской и Одесской.

Въ дѣлѣ преобразованія финансовой системы, отъ сказаннаго учрежденія можно ожидать наиболѣе дѣльныхъ указаній на относительныя выгоды и невыгоды прежнихъ и новыхъ налоговъ, на тѣ послѣдствія какими должны отозваться въ ходѣ народнаго хозяйства проектируемыя перемѣны. То же самое слѣдуетъ сказать о всѣхъ уставахъ и положеніяхъ регламентирующихъ народно-хозяйственную жизнь. По всѣмъ вопросамъ касающимся сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, мнѣнія получающія господство и въ публикѣ, и въ административныхъ сферахъ образуются большею частію случайно, на основаніи одностороннихъ свѣдѣній и соображеній, а иной разъ просто въ силу совершенно постороннихъ дѣлу стремленій. Въ народно-хозяйственномъ совѣтѣ эти вопросы будутъ взвѣшиваться со всѣхъ практическихъ сторонъ людьми близко стоящими къ дѣлу и способными провѣрять другъ друга и устранять всякую затемняющую ихъ фальшь. Принимая рѣшенія по разъясненнымъ и разработаннымъ такимъ образомъ вопросамъ, государственная власть будетъ дѣйствовать вполнѣ сознательно, а не на угадъ, будетъ бороться съ дѣйствительными, а не мнимыми причинами упадка сельскаго хозяйства и слабаго развитія промышленной жизни. Вотъ, напримѣръ, таможенно-тарифный вопросъ. Въ какомъ направленіи долженъ быть онъ рѣшенъ для наилучшаго удовлетворенія всѣхъ многоразличныхъ хозяйственныхъ интересовъ которые тѣсно съ нимъ связаны? Мнѣніями ли теоретиковъ или интригами партій должно руководствоваться въ этомъ дѣлѣ, отъ котораго на практикѣ зависитъ жизнь и смерть множества отраслей народнаго хозяйства, обогащеніе и обнищаніе цѣлыхъ классовъ населенія? Приведетъ ли къ правильному рѣшенію поочередный опросъ представителей каждой изъ этихъ отраслей отдѣльно, опросъ, при которомъ получатся лишь своекорыстные отвѣты, ибо каждый будетъ думать только о себѣ и своей пользѣ, не заботясь о томъ что его польза будетъ вредомъ для другихъ? Трудность найти среднія рѣшенія есть одна изъ причинъ задерживающихъ у насъ пересмотръ таможеннаго тарифа. Нѣтъ органа на компетентность и безпристрастіе котораго правительство могло-бы положиться въ этомъ дѣлѣ.

№ 27.

Москва, 26-го января.

Для нашихъ публицистовъ міръ распадается на двѣ части: либераловъ и консерваторовъ. Себя причисляютъ они къ либераламъ и любятъ говорить вздоръ, но не любятъ когда ихъ въ этомъ уличаютъ, въ особенности если ихъ уличаютъ такъ что имъ и возражать невозможно. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно поступаютъ по испытанному не въ однихъ только интеллигентныхъ слояхъ практическому способу: они не возражаютъ, а ругаются. Для этой цѣли, у нихъ кромѣ общеупотребительныхъ ругательныхъ словъ есть еще и свой особый списокъ либеральныхъ крѣпкихъ словцовъ, къ которому они всегда и прибѣгаютъ чтобъ огорошить противника если его нельзя опровергнуть.

По ихъ понятіямъ, напр. нарушать законы можетъ только „гнусный консерваторъ,“ котораго нужно за это всячески изобличать; если нарушителемъ законовъ окажется „либералъ,“ то объ этомъ слѣдуетъ молчать, а если кто не смолчитъ, то „ему возражать не стоитъ,“ достаточно его обругать „шпіономъ и доносщикомъ.“

Или вотъ если „либералъ“ скажетъ нелѣпую, но на первый взглядъ эффектную фразу, то „всякій порядочный человѣкъ“ долженъ благоговѣть предъ этою фразой; раскрывать же ея нелѣпость онъ не смѣетъ, иначе его тотчасъ же обзовутъ „инсинуаторомъ;“ точно также если „либералъ“ скажетъ въ одномъ мѣстѣ одно, а въ другомъ совершенно иное, или если онъ въ одномъ мѣстѣ выразится туманно, а въ другомъ уже ясно, то этихъ мѣстъ сопоставлять нельзя, ибо это будетъ „подтасовкой, выдергиваніемъ словъ и передержкой,“ и за это можно получить эффектный эпитетъ „шуллера,“ который конечно про-

изведетъ на публику такое сильное впечатлѣніе что она и забудетъ справиться о томъ почему же либералъ ни единымъ словомъ не опровергъ взведенныхъ на него обвиненій.

Особенно крѣпко ругаются эти своего рода либералы если кто-нибудь осмѣлится показать въ истинномъ свѣтѣ ихъ нелѣпыя нравственныя мнѣнія; для этого случая у нихъ существуетъ цѣлый арсеналъ эффектныхъ словъ, какъ-то: „іезуитъ, обскурантъ, Тартюфъ, ретроградъ воняющій деревяннымъ масломъ, крѣпостникъ, баронъ, ханжа“ и т. п. И эти слова пускаются въ ходъ все съ тою же цѣлью: огорошить противника и этимъ разгромить его обвиненія, не опровергнувъ ихъ ни единымъ словомъ.

Такъ точно поступилъ между прочимъ и г. Стасюлевичъ. Въ № 9 нашей газеты мы наглядно показали, на основаніи одной статьи *Вѣстника Европы*, каковы нравственные идеалы нашихъ журнальныхъ педагоговъ. На нашу статью отвѣтилъ ежедневный органъ г. Стасюлевича *Порядокъ*. (№ 11). Но *какъ* онъ отвѣтилъ? По выше указанному шаблону. Не опровергая фактически *ни одного слова* нашей статьи, онъ разразился противъ насъ пригодными для этого случая словцами. Мы тутъ встрѣчаемъ и „іезуита,“ и „подтасовку,“ и „выдергиваніе,“ и наконецъ даже „Тартюфа;“ и все это замѣтьте по всѣмъ правиламъ либеральной полемики, совершенно голословно, ибо отвѣчать не нужно, восклицаетъ *Порядокъ*, „такъ какъ для каждаго порядочнаго человѣка тутъ двухъ отвѣтовъ не можетъ быть.“ Единственный „фактъ“ который онъ приводитъ заключается въ томъ что какія-то *наши* слова можно будто бы *при бѣгломъ чтеніи* принять за слова *Вѣстника Европы*. Между тѣмъ всякій кто прочтетъ нашу статью совершенно ясно увидитъ какія слова принадлежатъ намъ, а какія *Вѣстнику Европы*, а если кто сличитъ нашу статью со статьей журнала г. Стасюлевича, тотъ еще яснѣе увидитъ что не мы „навязываемъ этой статьѣ невѣроятныя мысли,“ а что эти по истинѣ невѣроятныя мысли дѣйствительно въ ней находятся. Единственное отступленіе отъ подлиннаго текста *Вѣстника Европы* которое мы сочли необходимымъ сдѣлать и которое мы оговорили въ своей статьѣ заключалось въ томъ что мы возстановили истинную редакцію тѣхъ гимназическихъ правилъ которыя честный петербургскій журналъ для своихъ цѣлей немилосердно изуродовалъ. Тутъ слѣдовательно, если и была „подтасовка и искусное вырываніе фразъ,“ то она была во всякомъ случаѣ не на нашей сторонѣ.

А вотъ еще интересный случай: Въ № 10 *Голоса* была помѣщена передовая статья которая съ какою-то бѣшеною яростью нападала на Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, требуя немедленнаго смѣщенія членовъ этого Комитета, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ что они доказали свое „прямое невѣжество научное и педагогическое.“ Петербургская газета заявляла при этомъ что ей „доставленъ богатый матеріалъ для характеристики Ученаго Комитета,“ которымъ она однако почему-то не заблагоразсудила подѣлиться со своими читателями, надѣясь на ихъ слѣпую вѣру въ ея честность и добросовѣстность; она по этому просто заявила что „*многія высказываемыя Комитетомъ мнѣнія которыя должны принять въ руководство авторы прямо противорѣчатъ какъ наукѣ, такъ и педагогическимъ требованіямъ*.“

Мы своевременно въ № 14 нашей газеты обратили вниманіе читателей на эту выходку „либеральнаго органа“ отважившагося на совершенно голословное обвиненіе и назвали эту выходку настоящимъ ея именемъ.

Голосъ сообразилъ что дѣйствительно основательность его обвиненій должна казаться весьма подозрительною если они не будутъ подкрѣплены какимъ-нибудь „характеристическимъ документомъ,“ наглядно свидѣтельствующимъ о „научномъ и педагогическомъ невѣжествѣ Ученаго Комитета.“ И вотъ онъ съ этою цѣлью торжественно обнародовалъ въ своемъ № 20 требуемый „документъ,“ заранѣе празднуя свою побѣду и обращаясь къ намъ со слѣдующими словами:

„*Московскія Вѣдомости* дѣлаютъ упрекъ редакціи *Голоса* въ томъ что она, сообщивъ недавно неприглядные факты (?!) этого Комитета въ дѣлѣ разсмотрѣнія и одобренія учебниковъ, не подтвердила „своихъ обвиненій надлежащими свидѣтельствами.“ На этотъ разъ московская газета едва ли можетъ пожаловаться на недостатокъ „свидѣтельствъ.“ Приводимыя нами свидѣтельства грубаго давленія Ученаго Комитета на педагогическую литературу до того „надлежащи“ и краснорѣчивы что устраняютъ всякое недоразумѣніе.“

Мы конечно поинтересовались ознакомиться съ этимъ „краснорѣчивымъ“ документомъ, на который такъ побѣдоносно ссылается *Голосъ* и изъ котораго онъ, къ сожалѣнію, приводитъ лишь нѣсколько скудныхъ и несвязныхъ отрывковъ. Но и эти отрывки оказались дѣйствительно въ высшей степени „любопытными и краснорѣчивыми,“ такъ какъ они самымъ нагляднымъ образомъ обнаружили всю фальшь такъ называющей себя „либеральной прессы.“

Дѣло вотъ въ чемъ: лѣтъ тринадцать тому назадъ въ Петербургѣ былъ основанъ журналъ *Народная Школа*, который благодаря редактору своему покойному Мѣдникову, быстро выдвинулся изъ ряда прочихъ періодическихъ изданій посвященныхъ дѣлу нашего народнаго обученія. Ученый Комитетъ счелъ поэтому своимъ долгомъ рекомендовать начальнымъ школамъ выписку этого журнала. Но вотъ мспустя нѣсколько лѣтъ редакторъ Мѣдниковъ умираетъ, и *Народная Школа* переходитъ въ руки „либеральныхъ“ педагоговъ, гг. Пятковскаго и Евтушевскаго. Характеръ журнала долженъ былъ, конечно, вслѣдствіе этого перехода измѣниться, и онъ измѣнился къ худшему. Новымъ редакторамъ было не до народнаго обученія; они устремили свое оружіе противъ Министерства Народнаго Просвѣщенія вообще и противъ Ученаго Комитета въ особенности, печатали на своихъ страницахъ возмутительныя клеветы противъ учебной администраціи народныхъ школъ, старались вселить въ народныхъ учителяхъ непримиримую и слѣпую ненависть ко всѣмъ органамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и такимъ образомъ не содѣйствовали, а препятствовали успѣшному развитію нашего народнаго образованія. На страницахъ этого журнала стали появляться корреспонденціи въ которыхъ хлесткими либеральными фразами обличалось мѣстное учебное начальство во всевозможныхъ и даже совершенно невозможныхъ преступленіяхъ, и все это съ тою единственною цѣлью чтобы народный учитель, лишенный въ своемъ захолустьѣ самыхъ элементарныхъ средствъ критической оцѣнки такихъ корреспонденцій, сдѣлался жертвой петербургскаго либеральнаго обмана, вообразилъ бы себя мученикомъ какого-то слѣпаго невѣжественнаго деспотизма и показалъ бы своимъ ученикамъ наглядный примѣръ возмущенія противъ всякихъ начальствъ, властей, законовъ „и прочаго вздора.“

Что же сдѣлалъ Ученый Комитетъ въ виду такого направленія *Народной Школы?* Онъ позаботился прекратить изданіе этого журнала? Нѣтъ. Такъ, онъ по крайней мѣрѣ лишилъ его прежняго своего довѣрія и пересталъ *рекомендовать* его народнымъ учителямъ для чтенія и выписки на скудныя училищныя средства въ свои школьныя библіотеки? Нѣтъ. Такъ что же наконецъ онъ сдѣлалъ? Неужели онъ нарушилъ свою прямую обязанность и не принялъ никакихъ мѣръ для огражденія русскихъ народныхъ школъ отъ отвратительной язвы лжи? Нѣтъ, онъ принялъ мѣры, но нашелъ нужнымъ дойти въ нихъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ утонченной гуманности и либеральности.

Онъ обратился къ редакторамъ *Народной Школы* съ заявленіемъ что они могутъ попрежнему свободно печатать всякія корреспонденціи какія имъ вздумается, и что Ученый Комитетъ ихъ за это не станетъ лишать своего одобренія и своей рекомендаціи, съ тѣмъ однако условіемъ чтобы редакція согласилась смотрѣть на свои корреспонденціи не какъ на простой наборъ хлесткихъ обличительныхъ фразъ, а какъ на драгоцѣнный матеріалъ способный содѣйствовать полному и безпристрастному уясненію истиннаго положенія народной школы и устраненію всѣхъ злоупотребленій мѣшающихъ успѣшному развитію нашего начальнаго образованія.

Вотъ подлинныя слова этого заявленія, въ томъ видѣ какъ ихъ передаетъ *Голосъ*:

„Нѣкоторыя изъ корреспонденцій обличительнаго содержанія набрасываютъ неблаговидную тѣнь на дѣйствія училищнаго начальства, причемъ частные факты нерѣдко обобщаются и даютъ поводъ къ незаслуженнымъ нареканіямъ на цѣлое вѣдомство... По мнѣнію членовъ особаго отдѣла, было бы цѣлесообразно свѣдѣніе объ упущеніяхъ и тѣмъ болѣе о злоупотребленіяхъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ учебнаго вѣдомства по отношенію къ народной школѣ, а равно и объ упущеніяхъ училищныхъ совѣтовъ и даже самихъ земствъ, получаемыя редакціей журнала, предварительно сообщать Министерству, *конечно безъ указанія корреспондентовъ* и въ томъ случаѣ если сообщаемые факты по своей важности заслуживаютъ внима-

нія, и печатать ихъ цѣликомъ или въ извлеченіи уже послѣ провѣрки ихъ, или съ надлежащимъ опроверженіемъ, или съ указаніемъ на мѣры которыя были приняты вслѣдствіе вѣрно сообщеныхъ фактовъ."

Ученый Комитетъ предлагалъ слѣдовательно редакціи *Народной Школы* мѣру какой не могъ бы не принять всякій органъ искренно и истинно принимающій къ сердцу улучшеніе нашихъ народныхъ училищъ. *Народная Школа* могла, благодаря этой мѣрѣ, пріобрѣсти значительное вліяніе на успѣшный ходъ нашего народнаго образованія. Сообщенія ея корреспондентовъ немедленно вызывали бы подробное разслѣдованіе неудобствъ или злоупотребленій, устраненіе которыхъ *Народная Школа* съ полнымъ правомъ могла бы въ значительной степени приписывать своей публицистической дѣятельности. Она могла бы такимъ образомъ давать своимъ читателямъ *правдивую* картину объ *истинномъ* положеніи нашего начальнаго образованія, а правительству полезныя указанія къ улучшенію этого образованія. Такъ какъ каждую корреспонденцію тутъ же сопровождали бы указанія на результаты вызваннаго корреспонденціей разслѣдованія, то публика получила бы полную возможность слѣдить за дѣйствіями учебнаго начальства и дѣлать имъ справедливую оцѣнку. Замѣтьте при этомъ что корреспонденты газеты могли свободно вступать въ полемику съ Министерствомъ еслибы какой-нибудь сообщенный ими фактъ дѣйствительнаго злоупотребленія не былъ по достоинству оцѣненъ Министерствомъ; они могли бы этимъ вызывать еще болѣе тщательное разслѣдованіе обличенныхъ ими злоупотребленій, и ото всего этого дѣло истины и правды могло бы выиграть, тѣмъ болѣе что Министерство отнюдь не требовало сообщенія ему именъ корреспондентовъ, дабы не оказывать и тѣни какого-нибудь давленія на нихъ. Вѣдь гг. Пятковскій и Евтушевскій печатали на страницахъ своего журнала различныя корреспонденціи, конечно не ради же скандала, а съ похвальною цѣлію показать наше народное образованіе въ *истинномъ* его свѣтѣ и содѣйствовать немедленному устраненію злоупотребленій...

Такъ повидимому поняла это дѣло редакція *Народной Школы*, которая вполнѣ согласилась съ доводами Министерства и формальнымъ образомъ обѣщала принять предложенную Ученымъ Комитетомъ мѣру. Правда, она отнеслась весьма „либерально" къ своему обѣщанію, то-есть она его не исполнила. Зная очень хорошо что въ ея корреспонденціяхъ нѣтъ ничего кромѣ самаго дешеваго либеральнаго вранья, ей совѣстно было посылать эти нахальные листки въ видѣ „драгоцѣннаго матеріала" въ Министерство и затѣмъ изобличать своихъ собственныхъ „корреспондентовъ" въ наглом обманѣ. Но за то она теперь съ яростію накинулась на Ученый Комитетъ обвиняя его въ „грубомъ и деспотическомъ давленіи на педагогическую литературу." Въ этомъ безсовѣстномъ обвиненіи она, какъ и слѣдовало ожидать, нашла себѣ сообщника въ *Голосѣ*. Либеральная газета напечатала приведенный выше отрывокъ изъ обнародованнаго ею „любопытнаго документа," въ которомъ, какъ мы видѣли, Ученый Комитетъ отнесся къ *Народной Школѣ* съ такою снисходительностью и либеральностью, и присоединилъ къ этому отрывку слѣдующія невѣроятныя размышленія, которыя могутъ служить образцомъ либеральнаго вранья:

„Приведенное мѣсто возбуждаетъ тяжелыя мысли. Оно показываетъ какъ учрежденіе которому всего ближе должно лежать къ сердцу дѣло народнаго образованія и освобожденіе этого образованія по возможности ото всѣхъ препятствій его окружающихъ, всего меньше думало именно объ интересахъ народнаго образованія, а считало себя поставленнымъ на стражѣ того чтобы не проникло въ печать (!) чего-нибудь неодобрительнаго о дѣйствіяхъ вѣдомства имъ въ данномъ случаѣ представляемаго. Редакторы педагогическаго журнала, разумѣется (!), не согласились дѣлиться получаемыми ими корреспонденціями съ правительственными мѣстами, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны были почти совсѣмъ закрыть въ своемъ журналѣ отдѣлъ имѣвшій особенный интересъ для общества" (!!).

Это ли не безсовѣстное издѣвательство надъ здравымъ смысломъ русской публики? Петербургская газета воображаетъ себѣ что ея читатели идіоты которые, читая какую-нибудь статью, тотчасъ забываютъ о содержаніи первой строчки какъ скоро переходятъ къ чтенію второй. Какъ же можно рядомъ въ одномъ и томъ же столбцѣ печатать „документъ" въ кото-

ромъ Ученый Комитетъ приглашаетъ редакцію *Народной Школы* „печатать цѣликомъ свѣдѣнія объ упущеніяхъ и тѣмъ болѣе злоупотребленіяхъ со стороны лицъ учебнаго вѣдомства,“ и „тяжелыя мысли“ о томъ будто „Ученый Комитетъ считалъ себя поставленнымъ на стражѣ того чтобы не проникло въ печать чего-нибудь неодобрительнаго о дѣйствіяхъ вѣдомства имъ въ данномъ случаѣ представляемаго.“ Но наивность или безсовѣстность либеральной газеты переходитъ уже всякіе предѣлы когда она пріискиваетъ благовидный предлогъ который могъ бы объяснить почему „редакторы педагогическаго журнала, разумѣется, не согласились дѣлиться получаемыми ими корреспонденціями съ правительственными мѣстами.“ Они, видите ли, сдѣлали это будто бы потому что „авторы корреспонденцій, хотя и неуказанные, были бы, конечно, уволены отъ должности (?) прежде появленія официальныхъ опроверженій ихъ писемъ въ печати!!“ Нелѣпость этого предлога совершенно очевидна. Одно изъ двухъ: или Министерство *не могло* узнать авторовъ корреспонденцій, или оно *могло* узнать ихъ. Въ первомъ случаѣ опасенія гг. редакторовъ были очевидно совершенно неосновательны. А во второмъ случаѣ они не могли бы сохранить анонимность своихъ корреспондентовъ еслибы даже напечатали ихъ „обличительныя письма“ безъ предварительнаго ихъ сообщенія Министерству. Неужели редакторы *Народной Школы* серіозно думали что *до* напечатанія „корреспонденціи“ Министерство узнаетъ автора, а *послѣ* напечатанія не узнаетъ? Такой наивности предположить въ гг. Пятковскомъ и Евтушевскомъ нельзя, а слѣдовательно нужно искать другой причины того страннаго явленія что они отказались исполнить обѣщаніе данное ими Ученому Комитету. Мы уже указали на эту причину. Это столь распространенный между нашими „либералами“ страхъ предъ правдой. Врать, клеветать, обманывать, съ бѣшенствомъ набрасываться на всѣхъ кто не пасуетъ предъ ихъ наглою хлестаковщиной, это они любятъ, въ этомъ они мастера. Это ежедневно практикуется, напримѣръ, московскою газетой которая находится на службѣ у нѣкоторыхъ московскихъ профессоровъ. Но серіозно трудиться надъ разъясненіемъ дѣйствительной правды, этого они страшатся пуще огня. Предложите этимъ господамъ открыть гласный путь къ описанію правды, и они тотчасъ обратятся въ позорное, трусливое бѣгство хотя не преминутъ въ бѣшеномъ припадкѣ правдобоязни васъ же забросать хоть и голословною, но все-таки трескучею бранью. А если вы ихъ упрекнете въ этой голословности, то они вамъ представятъ „фактъ,“ все равно какой, хотя бы и прямо опровергающій ихъ собственную руготню. Такъ поступила въ данномъ случаѣ *Народная Школа*, такъ поступилъ и *Голосъ*. Петербургскій органъ русской либеральщины громко провозгласилъ что онъ *документально* докажетъ свое прежнее голословное обвиненіе Ученаго Комитета въ „прямомъ научномъ и педагогическомъ невѣжествѣ и въ грубомъ давленіи на педагогическую литературу,“ а между тѣмъ привелъ только документъ въ которомъ обнаружилась чрезмѣрная снисходительность Ученаго Комитета, приглашавшаго провинціальныхъ Хлестаковыхъ обличать безо всякаго зазрѣнія совѣсти существующія и не существующія злоупотребленія учебнаго начальства и обѣщавшаго даже *рекомендовать* чтеніе этой чепухи народнымъ учителямъ и принимать мѣры къ устраненію вѣрно сообщенныхъ злоупотребленій.

Но *Голосъ*, какъ истый либералъ, даже и не замѣчаетъ что приведенный имъ документъ служитъ не къ подтвержденію, а къ опроверженію его обвиненій. Онъ все съ тою же беззастѣнчивою хлесткостью побѣдоносно восклицаетъ: „Приводимыя нами свидѣтельства грубаго давленія Ученаго Комитета на педагогическую литературу до того *надлежащи* и краснорѣчивы что устраняютъ всякое недоразумѣніе.“

Мы сейчасъ коснулись къ слову *Русскихъ Вѣдомостей*. Во вчерашней выходкѣ этой газеты есть намекъ, ускользнувшій сначала отъ нашего вниманія, но который мы не можемъ оставить безъ замѣчанія. Упрекая насъ постоянно въ *инсинуціяхъ*, хотя мы всегда прямо высказываемъ то что̀ думаемъ, помянутая газета инсинуируетъ въ окольныхъ выраженіяхъ о какомъ-то доносѣ куда-то посланномъ, при участіи какой-то редакціи, съ явнымъ намекомъ на насъ. Мы не имѣемъ никакой надобности и считаемъ лишнимъ возражать этой газетѣ и изобличать ее во лжи. Чѣмъ хуже она о насъ думаетъ, тѣмъ лучше. Но мы считаемъ долж-

нымъ оговориться для публики. Мы знаемъ лично многихъ правительственныхъ лицъ и со многими находились и находимся въ сношеніяхъ; но никогда никому не говорили и не писали того чего не заявляли гласно въ печати. Что мы говорили то мы печатали, и что печатали то мы говорили. И въ печати, и не въ печати мы доносили правительственнымъ лицамъ лишь на ихъ собственныя дѣйствія которыя казались намъ ошибочными или неправильными. За то сколько разъ, и еще недавно, наша такъ-называемая *либеральная пресса* прямо выставляла насъ какъ органъ неблагонадежный и вредный, подрывающій довѣріе къ правительству, волнующій общество и подлежащій стѣсненіямъ и запрещенію... Нѣтъ, не отъ насъ, а именно на насъ были доносы, не фиктивные, но въ точномъ смыслѣ *доносы*, о чемъ, мы полагаемъ, не безызвѣстно нѣкоторымъ лицамъ близкимъ къ упомянутой газетѣ.

№ 28.

Москва, 26-го января.

Германская печать, которая при всѣхъ своихъ оппозиціонныхъ выходкахъ противъ внутренней политики князя Бисмарка никогда не позволяетъ себѣ критиковать его дѣйствія по иностранной политикѣ, всегда одобряла и то что князь Бисмаркъ не считаетъ нужнымъ отдавать парламенту офиціальный отчетъ въ ходѣ дипломатическихъ переговоровъ Германіи, и никакихъ сборниковъ дипломатическихъ актовъ не представляетъ. Тѣмъ не менѣе нѣмецкія газеты всегда съ особенною тщательностью просматриваютъ *Книги* всѣхъ цвѣтовъ радуги представляемыя иностраннымъ парламентамъ, разыскивая въ нихъ „достовѣрныхъ“ свѣдѣній о дѣйствіяхъ Германіи по общеевропейскимъ дѣламъ. Такъ было и по случаю изданія послѣдней французской *Желтой Книги*, въ которой нашлось нѣсколько весьма интересныхъ указаній на политику Германіи по Греческому вопросу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на ея отношенія ко Франціи. По этому поводу вновь всплыло на поверхность воспоминаніе о знаменитой рѣчи г. Гамбетты, произнесенной имъ 10 августа въ Шербургѣ, о которой Нѣмцы забыть не могутъ. Рѣчь эта получаетъ де, по словамъ нѣмецкихъ газетъ, совершенно новое освѣщеніе въ виду данныхъ содержащихся во французскомъ дипломатическомъ сборникѣ, изъ коихъ явствуетъ что въ августѣ прошедшаго года Англія подстрекала Францію воспользоваться дѣлами Греціи для активнаго политическаго шага, и что это подстрекательство окончилось неудачей, помимо воли г. Гамбетты. Указанія эти дѣйствительно не лишены интереса, хотя несовсѣмъ ясно какую роль игралъ въ этомъ дѣлѣ г. Гамбетта, которому напуганное воображеніе нѣмецкихъ публицистовъ старается во что бы то ни стало придать роль „заговорщика“ противъ мира и спокойствія Европы.

4 августа, какъ видно изъ *Желтой Книги*, французскій повѣренный въ дѣлахъ при Аѳинскомъ дворѣ доноситъ что Англія не считаетъ болѣе нужнымъ удерживать Грецію отъ военныхъ приготовленій, которыя она считаетъ благовременными. Въ тотъ же день г. Фрейсине, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, сообщаетъ г. Шальмель-Лакуру, французскому послу въ Лондонѣ, что къ нему явился англійскій повѣренный въ дѣлахъ г. Адамъ, и очень настаивалъ на томъ чтобы Франція приняла такую же иниціативу по дѣламъ Греціи какую Англія приняла по дѣламъ Черногоріи, и предложила бы Европѣ начать принудительно дѣйствовать противъ Турціи. Но Фрейсине, какъ явствуетъ изъ его отвѣтовъ на англійское предложеніе, энергически и рѣзко высказался противъ этого предложенія. Въ эти-то дни Гамбетта посѣтилъ Шербургъ и произнесъ тамъ свою знаменитую рѣчь. На другой день послѣ произнесенія оной, Гамбетта посѣтилъ прибывшій въ Шербургъ англійскій военный корабль, и здѣсь англійскій лордъ адмиралтейства г. Шоу-Лефевръ привѣтствовалъ его рѣчью, которая согласно изложенію оной появившемуся въ газетѣ *Times*, была прямымъ отраженіемъ его собственной рѣчи. Все это приводитъ нѣмецкія газеты къ убѣжденію что въ началѣ августа коалиція съ цѣлью дѣятельнаго вмѣшательства въ пользу Греціи была готова, если не между Англіей и Франціей, то между г. Гладстономъ и г. Гамбеттой. Чья рука разстроила эту коалицію и по чьей винѣ провалился планъ принудительныхъ дѣйствій противъ Турціи, этого изъ *Желтой Книги* не видно. Но

что планъ этотъ провалился видно изъ того что въ циркулярной нотѣ лорда Гранвилля, отъ 21 августа, предлагается державамъ обратиться къ Портѣ съ коллективною нотой настаивающею на томъ что нѣтъ повода пересматривать, какъ того домогается Турція, постановленія о греко-турецкой границѣ, и требующей чтобы Порта подчинилась этимъ постановленіямъ; о принудительныхъ же мѣрахъ противъ Турціи въ циркулярѣ лорда Гранвилля уже уже нѣтъ рѣчи. Нѣмецкія газеты указываютъ что какъ разъ въ это самое время султанъ обнаружилъ „особенное довѣріе“ къ Германіи, сказавшееся въ призваніи въ Константинополь цѣлой массы нѣмецкихъ офицеровъ и чиновниковъ. Нѣмецкому читателю дается такимъ образомъ возможность догадаться кому Турція обязана своимъ спасеніемъ отъ упомянутой коалиціи. Турецкія газеты и туркофильскіе органы австро-германской печати давно уже впрочемъ проводятъ ту мысль что Турція обязана Германіи тѣмъ что демонстрація флотовъ въ Адріанополѣ не имѣла для нея никакихъ трагическихъ послѣдствій, и что она не подверглась никакому принужденію по поводу Греціи. Позволительно лишь спросить, въ самомъ ли дѣлѣ европейскій миръ былъ спасенъ благодаря избавленію Турціи отъ указанныхъ непріятностей или, наоборотъ, Турція никогда не рѣшилась бы такъ открыто воспротивиться велѣніямъ Европы, еслибъ она не была напередъ увѣрена что коллективнаго принужденія противъ нея не будетъ?

Спустя недѣли три послѣ указанныхъ переговоровъ, въ августѣ, г. Фрейсине вышелъ въ отставку, и нѣмецкія газеты повторяютъ что онъ былъ свергнутъ г. Гамбеттой, который былъ де имъ недоволенъ за то что тотъ разстроилъ его планы активной политики по дѣламъ Греціи. Но если такова была причина паденія г. Фрейсине, которое свидѣтельствуетъ о силѣ президента французскаго законодательнаго собранія, то что же выигралъ г. Гамбетта отъ замѣны г. Фрейсине г. Бартелеми Сентъ-Илеромъ? Послѣдній, какъ извѣстно, не только во всемъ продолжалъ политику своего предшественника, но пошелъ еще дальше по пути „умѣренности.“ Стало-быть, одно изъ двухъ: либо дальнѣйшая политика Французскаго кабинета по дѣламъ Востока не совсѣмъ противорѣчила видамъ г. Гамбетты, либо замѣна одного министра иностранныхъ дѣлъ другимъ вовсе не было его дѣломъ.

Германія, между тѣмъ, не переставала относиться съ большою недовѣрчивостью ко всѣмъ предложеніемъ Франціи по греческимъ дѣламъ. Такими опасеніями встрѣчено было первоначально самое предложеніе г. Бартелеми Сентъ-Илера о третейскомъ судѣ. Г. Сенъ-Валье донесъ 22 декабря о разговорѣ который онъ имѣлъ по этому предмету съ представителями германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и съ германскимъ посломъ въ Константинополѣ графомъ Гацфельдомъ, прибывшимъ изъ турецкой столицы въ Берлинъ и посѣтившемъ, до разговора съ г. Сенъ-Валье, князя Бисмарка во Фридрихсру. На это донесеніе, г, Бартелеми Сентъ-Илеръ отвѣчалъ г. Сенъ-Валье отъ 31 декабря, благодаря его за то что тотъ сумѣлъ „разсѣять послѣдній остатокъ опасеній остававшійся въ умѣ Германскаго правительства.“ „Мы никогда не имѣли въ виду,“ замѣчаетъ французскій министръ въ томъ же письмѣ, „вновь поставить на „очередь Восточный вопросъ дабы вмѣ„шаться въ оный болѣе настойчивымъ об„разомъ и увлечь за собою одну или нѣ„сколько европейскихъ державъ. Еще ме„нѣе наша цѣль заключалась въ томъ „чтобы заставить державы идти далѣе чѣмъ „онѣ сами желаютъ и побудить ихъ къ „употребленію принудительныхъ мѣръ. Я „смѣю утверждать что идея третейскаго „суда внушена намъ совсѣмъ иными, скажу „болѣе, противоположными соображеніями. „Я разчитываю спеціально на поддержку „Берлинскаго кабинета, съ которымъ мы „по этому вопросу всегда дѣйствовали въ „соглашеніи и помощь котораго такъ намъ „необходима для совокупнаго успѣха.“

Мы знаемъ однако что предложеніе о третейскомъ судѣ, несмотря на всѣ заискивающія увѣренія г. Бартелеми-Сентъ-Илера, все-таки не состоится. Для „предотвращенія вооруженнаго столкновенія между Турціей и Греціей“ въ концѣ концовъ принять тотъ образъ дѣйствій который впервые предложилъ графъ Гацфельдтъ во время упомянутаго выше разговора съ г. Сенъ-Валье. Каждый изъ пословъ въ Константинополѣ „старается путемъ дружественныхъ и конфиденціальныхъ переговоровъ съ Портой“ уговорить послѣднюю къ возможно большей уступчивости относительно

Греціи. Эти-то конфиденціальныя увѣщанія и происходятъ въ настоящее время. Но, вопреки всему этому, вѣроятность войны возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и на дняхъ еще греческій министръ Кумундуросъ говорилъ въ Аѳинской палатѣ тономъ дающимъ основаніе заключать что война есть дѣло рѣшеное.

Франція не желаетъ предстоящей войны. Едва ли и Англія желала этой войны, когда она предлагала сообща принудить Турцію къ уступкѣ Эпира и Ѳессаліи, ибо это былъ самый дѣйствительный способъ предотвратить войну; а теперь Англія совсѣмъ отступила на второй планъ и слишкомъ занята своими собственными дѣлами чтобы новое осложненіе на Балканскомъ полуостровѣ могло входить въ ея виды. Всѣ согласны и съ тѣмъ что Россія съ самаго возникновенія Греческаго вопроса ограничивалась пассивною ролью. Тѣмъ не менѣе война между Турціей и Греціей считается неминуемою.

Кому же нужна эта война? Вопросъ этотъ рождается поневолѣ, ибо трудно допустить что Европа не сумѣла бы предотвратить войну, еслибъ она въ самомъ дѣлѣ была для всѣхъ нежелательна.

№ 29.

Москва, 28-го января.

Вчера мы напечатали доставленное намъ отъ управленія имѣніями графа А. В. Бобринскаго въ Епифанскомъ уѣздѣ разъясненіе дѣла крестьянъ села Люторичь, подавшаго поводъ ко многимъ толкамъ и крикамъ.

Обстоятельства этого дѣла сами по себѣ очень просты. Въ 1877 году эти крестьяне, задолжавшіе конторѣ Епифанскихъ имѣній графа Бобринскаго, выдали его управляющему, г. Фишеру, три заемныя письма, всего на 5.198 руб. 39 копѣекъ, по которымъ обязались уплатить въ три срока, въ октябрѣ и декабрѣ того же 1877 года. Уплаты въ срокъ не послѣдовало; г. Фишеръ предъявилъ заемныя письма ко взысканію въ Тульскій окружный судъ и получилъ исполнительный листъ. До взысканія по этому листу дѣло, однако, дошло не скоро. Сперва крестьяне, не отрицавшіе долга, хотѣли, вмѣсто уплаты деньгами, отработать должную сумму и въ этомъ смыслѣ заключили осенью 1878 года съ конторой графа Бобринскаго договоръ. Но договоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе и былъ уничтоженъ весной 1879 года еще до начала работъ. Тогда г. Фишеръ приступилъ ко взысканію по заемнымъ письмамъ и далъ ходъ исполнительному листу выданному Тульскимъ окружнымъ судомъ. 22 апрѣля 1879 года прибылъ въ село Люторичи судебный приставъ вмѣстѣ съ исправникомъ для описи крестьянскаго имущества, но крестьяне объявили что къ описи своего имущества не допустятъ, говоря что взыскиваемыя съ нихъ деньги уже уплачены. Въ виду сопротивленія крестьянъ, взысканіе съ нихъ, съ согласія г. Фишера, было временно пріостановлено. Вновь къ нему было приступлено 3 мая. На этотъ разъ въ село Люторичи прибыли, кромѣ судебнаго пристава, исправникъ, становой приставъ, 5 урядниковъ, 15 сотскихъ и 30 десятскихъ. Люторскіе крестьяне вновь отказались допустить прибывшихъ къ описи. Произошла буйная сцена, причемъ былъ избитъ волостной старшина и сами полицейскія власти не считали себя въ полной безопасности. Опись опять пришлось отложить. Затѣмъ, 5 мая, въ село прибыла военная команда, предъ которою крестьяне должны были смириться. При этомъ 34 человѣка были арестованы, а затѣмъ преданы суду за сопротивленіе властямъ.

Судились они только за это сопротивленіе. До гражданскаго иска, послужившаго поводомъ къ сопротивленію, суду не было дѣла. Но защитѣ требовалось пріискать обстоятельства для смягченія вины подсудимыхъ. Такія обстоятельства защита могла бы найти въ толкахъ распространяемыхъ въ народѣ о предстоящемъ будто бы передѣлѣ земель, — толкахъ которые были въ особенномъ ходу именно около того времени когда въ селѣ Люторичахъ разыгралось описанное выше печальное происшествіе. Защита могла найти смягчающія обстоятельства также во вредномъ вліяніи на крестьянъ извѣстнаго рода адвокатовъ, смущающихъ темный людъ обѣщаніями за договоренную плату выиграть дѣло въ ихъ пользу. Но защита оставила все это въ сторонѣ и принялась искать смягчающія обстоятельства въ образѣ дѣйствій помѣщика и его управляющаго по отношенію къ крестьянамъ. Она поставила себѣ задачей показать что крестьяне въ самомъ дѣлѣ могли считать себя не обязанными уплачивать по производившемуся

взысканію, такъ какъ къ сопротивленію властямъ они де были побуждены отчаяніемъ до котораго довели ихъ притѣсненія конторы графа Бобринскаго. Эти крестьяне были де доведены помѣщичьею эксплуатаціей до того безвыходнаго положенія при которомъ теряется „вѣра въ возможность просвѣта жизни, чутье правды и неправды, вѣра въ законъ и заступничество передъ нимъ,“ до положенія подобнаго тому „при которомъ мутится разумъ цѣлыхъ народовъ.“ У нихъ де нищенскій надѣлъ, и безъ найма земли имъ обойтись нельзя, а нанять ее можно только у графа Бобринскаго, имѣнія коего захватываютъ почти треть Епифанскаго уѣзда: земель де иныхъ владѣльцевъ въ близкомъ сосѣдствѣ нѣтъ. Наемъ земель графа Бобринскаго имѣетъ де поэтому характеръ вынужденныхъ сдѣлокъ. Крестьяне вынуждены будто бы принимать предписываемыя имъ условія, заключать съ конторой чудовищные договоры, обязываться уплатой самыхъ ростовщическихъ неустоекъ. Пріемы помѣщичьяго хозяйства ставятъ де ихъ въ положеніе постоянныхъ неоплатныхъ должниковъ, въ положеніе кабалы. Съ нихъ молъ безпощадно, посредствомъ продажи послѣдняго имущества, взыскиваются неустойки въ неслыханныхъ размѣрахъ, до ста и болѣе процентовъ съ договорныхъ суммъ, въ „книги экономіи ежегодно вносятся тысячи рублей неустоекъ собранныя изъ нищенскихъ копѣекъ,“ а новые долги все образуются. Этого мало, по однимъ и тѣмъ же обязательствамъ съ нихъ де иногда взыскиваются деньги по два раза; вотъ, вотъ, кричалъ адвокатъ, до какой недобросовѣстности доходитъ безчеловѣчная эксплуатація! Давалось понять что долгъ Люторскихъ крестьянъ составился именно изъ неустоекъ, что часть его взыскивалась вдвойнѣ. Вызванный защитою свидѣтель показывалъ что, какъ ему „кажется,“ хозяйственная система усвоенная конторой графа Бобринскаго состоитъ въ томъ чтобы держать крестьянъ въ постоянномъ неоплатномъ долгу, и что именно этою системой были вызваны происшедшие безпорядки. Въ подтвержденіе дѣлаются ссылки на многочисленныя рѣшенія мироваго судьи за длинный рядъ лѣтъ, по искамъ конторы съ крестьянъ, рѣшенія по которымъ выдавались между прочимъ исполнительные листы на взысканіе огромныхъ неустоекъ. Въ примѣръ особенно притѣснительныхъ дѣйствій конторы, ея крайней жестокости при взысканіи долговъ и неустоекъ, приведена между прочимъ ея сдѣлка съ деревней Михайловкой, которая продала управляющему, г. Фишеру, все свое имущество.

Все это говорилось, говорилось, говорилось на судѣ съ драматическими эфектами,—а отвѣта и возраженія на это не было и не могло быть, потому что судились крестьяне, а не графъ Бобринскій и не управитель его.

Теперь, изъ объясненій управленія Епифанскими имѣніями графа Бобринскаго видно насколько нарисованная на судѣ картина отношеній его къ крестьянамъ согласна съ дѣйствительностью. Люторскіе крестьяне, какъ явствуетъ изъ этого объясненія, вовсе не были въ необходимости нанимать непремѣнно земли графа Бобринскаго: всего въ двухъ верстахъ отъ своей усадьбы могли нанимать они земли другихъ владѣльцевъ, но предпочитали наемъ графскихъ, именно потому что онѣ сдавались въ аренду по цѣнамъ болѣе льготнымъ, болѣе умѣреннымъ чѣмъ другія въ окружной мѣстности. Неустойки дѣйствительно вносились въ договоры съ крестьянами, но не съ тѣмъ чтобы взыскиваться, а единственно какъ побудительная мѣра къ исполненію договоровъ. Будто бы неоплатные долги лежащіе на крестьянахъ ограничиваются цифрой 11.296 р. 56 к. на всѣ 5.700 душъ въ 19 селеніяхъ расположенныхъ въ районѣ Епифанскихъ имѣній графа Бобринскаго, и если исключить изъ этой суммы долги собственно Люторскихъ крестьянъ, то на все остальное пятитысячное населеніе останется съ небольшимъ пять тысячъ долга—цифра слишкомъ далекая отъ той которая могла бы ставить крестьянъ въ безвыходное кабальное положеніе. Разорительныхъ продажъ крестьянскаго имущества по взысканіямъ (не неустоекъ которыя вовсе не взыскивались, а даже дѣйствительныхъ долговъ) тоже на дѣлѣ не оказывается. Офиціально выданныя судебнымъ приставомъ Кедровымъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ взысканіяхъ произведенныхъ во всѣхъ имѣніяхъ графа Бобринскаго въ Епифанскомъ уѣздѣ, начиная съ 1875 по 1879, показываютъ что за все это время взыскано всего 3.100 рублей 16 копѣекъ, что къ продажамъ почти вовсе не приходилось прибѣгать, и что суммы значившіяся въ исполнительныхъ листахъ не взыскивались полностію. Про-

дажа деревней Михайловкой своего имущества г. Фишеру, какъ явствуетъ изъ „Заявленія“ крестьянъ этой деревни, была мѣрой не только не разорительною для этихъ крестьянъ, но напротивъ спасавшею ихъ отъ разоренія. Еслибы г. Фишеръ не взялъ, по просьбѣ крестьянъ, ихъ имущества за долгъ на нихъ числившійся, то они безвозвратно лишились бы своего имущества, оно пошло бы на удовлетвореніе другаго ихъ кредитора съ которымъ шутки плохи. Купивъ у нихъ имущество, г. Фишеръ не допустилъ ихъ до разоренія, далъ имъ возможность оправиться и расплатиться. Самый долгъ Лютарскихъ крестьянъ сложился вовсе не изъ неустоекъ: неустоечныхъ суммъ не вошло въ него ни копѣйки. Сказать что этотъ долгъ былъ результатомъ притѣсненій значило бы счесть притѣсненіями и полученіе оброка слѣдующаго по Положенію, и полученіе денегъ за отданную въ наймы землю, и полученіе денегъ за данныя въ займы пшеницу и овесъ, и полученіе обратно данныхъ въ ссуду денегъ. Двойнаго полученія денегъ по одному и тому же обязательству, какъ разъяснено управленіемъ, тоже никогда не было. Сомнѣнія въ томъ что они дѣйствительно должны конторѣ взыскиваемую съ нихъ сумму у Лютарскихъ крестьянъ не было ни тогда когда они выдавали заемныя письма, ни тогда когда они взамѣнъ денежной уплаты по нимъ составляли договоръ объ уплатѣ долга работой. Это сомнѣніе было заявлено только при взысканіи долга судебнымъ приставомъ, въ то время когда Лютарскіе крестьяне (по всему вѣроятію подстрекаемые добрыми людьми со стороны) стали требовать увеличенія земельнаго надѣла и предъявлять претензіи на владѣніе мельницей и питейнымъ заведеніемъ составляющими и по уставной грамотѣ, и по выкупной сдѣлкѣ собственность графа Бобринскаго.

Во всемъ этомъ защитникъ Лютарскихъ крестьянъ на судѣ, вѣроятно, могъ бы удостовѣриться самъ ранѣе произнесенія своей рѣчи, еслибы въ данномъ случаѣ онъ былъ заинтересованъ раскрытіемъ истины. Но онъ былъ заинтересованъ совсѣмъ другимъ. Его задача была выставить все что̀ могло бы уменьшить вину подсудимыхъ, сказать все что̀ могло бы вызвать къ нимъ состраданіе, чтобы заключить свою рѣчь патетическимъ возгласомъ: „Люди они, человѣки!“ И онъ достигъ своей цѣли. Этотъ возгласъ и послѣдовавшее затѣмъ паденіе на колѣни всѣхъ подсудимыхъ произвело желаемое впечатлѣніе. Не хорошо, безъ сомнѣнія, когда истина нарушается въ какомъ бы то ни было интересѣ, особенно если при томъ возводятся незаслуженныя нареканія на третьихъ лицъ, не имѣющихъ возможности тутъ же опровергнуть сказанную о нихъ ложь. Но искаженіе истины со стороны защиты находитъ себѣ все-таки нѣкоторое извиненіе въ цѣли съ которою оно дѣлается, хотя цѣль не оправдываетъ средства. Притомъ адвокаты, говоря словами защиты, тоже люди, тоже человѣки. Защитить во что̀ бы ни стало своего кліента даже при всемъ убѣжденіи въ его виновности, добиться его оправданія, хотя бы для этого пришлось черное выставить бѣлымъ, а бѣлое чернымъ, это такъ лестно для адвокатскаго самолюбія что иной разъ, по человѣческой слабости, можетъ-быть и трудно удержаться отъ соблазна.

Но у печати поспѣшившей воспользоваться Лютарскимъ дѣломъ, поднявшей по поводу его невообразимый шумъ и гамъ и нагло набросившейся съ непозволительными ругательствами на графа Бобринскаго и его управляющаго, нѣтъ никакихъ извиненій. Если защита не остановилась прибѣгнуть ко лжи ради оправданія подсудимыхъ, то ради какихъ цѣлей данъ этой лжи широкій ходъ печатью? Люди пишущіе въ газетахъ не могутъ не знать въ какой мѣрѣ можно полагаться на все то что̀ говорится въ адвокатскихъ рѣчахъ и въ одностороннихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Имъ не могло не придти въ голову что въ томъ что̀ говорилось въ Лютарскомъ процессѣ о системѣ управленія имѣніями графа Бобринскаго должны быть, по меньшей мѣрѣ, преувеличенія, что тутъ что-нибудь да не такъ. Но они прикинулись вѣрящими во все сказанное на судѣ какъ въ непреложную истину. Они провозгласили всѣ взведенныя на экономію графа Бобринскаго обвиненія фактами, доказанными на судѣ, какъ будто бы по этимъ обвиненіямъ было произведено слѣдствіе, какъ будто въ самомъ дѣлѣ былъ судъ надъ графомъ Бобринскимъ. Они обрадовались этимъ обвиненіямъ чтобы на основаніи ихъ забросать грязью все русское помѣщичье сословіе, всѣ послѣреформенныя отношенія между крестьянами и ихъ бывшими владѣльцами, хотя и должны были понимать что еслибы даже все говоренное

о хозяйствѣ графа Бобринскаго было правдой, то и въ такомъ случаѣ все русское дворянство не могло быть отвѣтственнымъ за частную случайность. И вотъ эти люди-человѣки нашей печати выдаютъ свои сужденія за „общественное мнѣніе!“ И еще требуется чтобы всѣ, и правительство и законодательство, прислушивались къ этому общественному мнѣнію и руководились имъ! Требуется чтобы каждый на кого оно, то-есть любой писака, обрушится съ негодованіемъ спѣшилъ оправдаться предъ нимъ, чтобы до тѣхъ поръ пока онъ не оправдается, всѣ сторонились отъ него...

Къ чести графа Бобринскаго должно сказать что онъ сохранилъ полное и достойное спокойствіе посреди этого гама. Онъ не только самъ не находилъ нужнымъ отвѣчать на лай газетъ, но просилъ чтобъ этого не дѣлали за него и другіе пока не кончатся выборы Московскаго дворянства, котораго онъ былъ предводителемъ.

Но знаменательнымъ и истинно утѣшительнымъ явленіемъ слѣдуетъ признать то достоинство которое обнаружено было, посреди этой агитаціи, самимъ Московскимъ дворянствомъ. Лучшіе представители общества доказали какъ мало эти газетные толки заслуживаютъ названія общественнаго мнѣнія. Ни съ чьей стороны на выборахъ не было ни малѣйшаго намека на эти толки. Графъ Бобринскій былъ выбранъ вновь блистательнымъ большинствомъ, и ни одного слова не потребовалось отъ него для разъясненія нареканій возведенныхъ на него мнимымъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, каково было бы положеніе общества еслибы честнымъ людямъ приходилось нервно и трепетно спѣшить оправданіемъ предъ всякою фальшивою агитаціей которая прокатится по типографскимъ станкамъ, предъ всякимъ нареканіемъ пущеннымъ въ ходъ безотвѣтственными фабрикантами такъ-называемаго общественнаго мнѣнія?

№ 30.

Москва, 29-го января.

„Пораженіе Текинцевъ полное,“ сказано въ первомъ извѣстіи о взятіи Геокъ-Тепе. Но только теперь, по прочтеніи подробной реляціи о штурмѣ и донесеній о дальнѣйшихъ движеніяхъ нашихъ войскъ, можно вполнѣ оцѣнить всю важность побѣды 12 января. Это былъ полный разгромъ текинской силы. Едва ли не треть защитниковъ Геокъ-Тепе пали при оборонѣ и во время горячаго пятнадцативерстнаго преслѣдованія по пятамъ. Сокрушительная осада и штурмъ должны были произвести потрясающее впечатлѣніе на противника: онъ разсѣялся, и бѣглецы навели ужасъ на населеніе тѣхъ ауловъ гдѣ еще не видали русской силы. Побѣдителю остается пользоваться плодами побѣды. И тутъ уже сдѣлано все возможное. По 16 января главныя силы отряда занимали Геокъ-Тепе; приводились въ извѣстность потери, пополнялась и исправлялась матеріальная часть, а 18 января уже прочно и безъ боя занятъ Асхабадъ, а кавалерія успѣла продвинуться еще далѣе, до Аннау, между тѣмъ какъ до сихъ поръ каждый аулъ на пути отъ Бами до Геокъ-Тепе приходилось занимать послѣ болѣе или менѣе горячаго дѣла съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ. Асхабадъ лежитъ приблизительно въ 40 верстахъ отъ Геокъ-Тепе, по прямому пути на юго-востокъ, а Аннау еще въ 15 верстахъ за Асхабадомъ. Быстрое занятіе обоихъ этихъ пунктовъ очень важно въ стратегическомъ отношеніи. Асхабадъ есть послѣдній большой аулъ въ землѣ Ахалъ-Текинцевъ и центръ одного изъ текинскихъ родовъ; въ немъ считалось въ послѣднее время до двухъ тысячъ кибитокъ, что̀ составляетъ, по разсчету полковника Куропаткина, около десяти тысячъ жителей. Аннау—небольшой аулъ, но важенъ тѣмъ что отсюда отходятъ нѣсколько путей какъ прямо къ востоку, такъ и на югъ, въ горы Кюренъдага, и далѣе въ персидскія владѣнія.

Быстрое движеніе впередъ и занятіе названныхъ пунктовъ требовались, вопервыхъ, чтобъ усилить впечатлѣніе произведенное на Текинцевъ только-что одержанною побѣдой; вовторыхъ, чтобы воспрепятствовать разсѣяннымъ защитникамъ Геокъ-Тепе вновь собраться и приготовиться къ сопротивленію. Также важно было немедленно овладѣть путями ведущими въ горы. Еслибы Текинцы успѣли занять горныя трущобы то пришлось бы употребить не мало усилій для вытѣсненія ихъ оттуда и для обезпеченія путей ведущихъ въ Персію, оттуда, въ случаѣ надобности, могутъ быть доставлены, какъ

и прошлою осенью, запасы для отряда при дальнѣйшемъ его движенiи.

Обстоятельства подтвердили вѣрность этихъ соображенiй. Уже 18 января, немедленно по занятiи Асхабада, въ отрядъ стали являться депутацiи отъ Текинскаго населенiя съ изъявленiемъ покорности, а затѣмъ, изъ донесенiя отъ 20 января, извѣстно что жители Аннау поднесли генералу Скобелеву адресъ съ просьбой „о принятiи ихъ подъ покровительство Бѣлаго Царя.“ Вмѣстѣ съ этимъ положительно выяснилось что хотя часть, весьма небольшая, текинскихъ воиновъ успѣла бѣжать въ Персiю, но главныя массы направились къ сѣверовостоку „въ пески,“ вѣроятно по дорогамъ къ Мерву. Такимъ образомъ горные пути свободны; остается перехватить только бѣжавшихъ „въ пески,“ куда двинуты уже двѣ колонны, одна подъ командой славнаго командира Туркестанской стрѣлковой бригады Куропаткина, а другая подъ начальствомъ подполковника Гайдарова, штурмовавшаго юго-западную часть Геокъ-Тепе.

Дѣйствiемъ этихъ колоннъ опредѣлятся дальнѣйшiя предпрiятiя отряда, который долженъ былъ остановиться у Асхабада и Аннау для устройства своихъ сообщенiй и для собранiя точныхъ свѣдѣнiй о дорогахъ, такъ какъ имѣющiеся въ распоряженiи карты и планы составлены почти исключительно на основанiи такъ-называемыхъ разспросныхъ свѣдѣнiй.

Очевидно что не Асхабадомъ и поселенiями лежащими къ юговостоку отъ него ограничатся дѣйствiя экспедицiоннаго отряда: цѣлью его должно быть занятiе Мервскаго оазиса, длинной и узкой полосы по рѣкѣ Мургабъ. Полковникъ Гродековъ (теперь генералъ-майоръ), въ своей книгѣ *Чрезъ Афганистанъ*, считаетъ длину этой полосы во 120, а ширину только въ 12 верстъ. „То мѣсто на картахъ, говоритъ онъ, гдѣ подписано Мервъ, въ натурѣ имѣетъ всего два дома, мечеть и школу, и нѣсколько разбросанныхъ на большомъ разстоянiи одинъ отъ другаго дворовъ, окруженныхъ глиняными заборами,“ хотя Мервъ еще въ 1784 году, когда имъ владѣли Персiяне, былъ цвѣтущимъ, богатымъ городомъ, откуда, равно какъ и изъ принадлежащаго имъ города Серахса, Персiяне „грозно“ держали въ повиновенiи Туркменъ. Мервскiй оазисъ отличается необыкновеннымъ плодородiемъ, рѣка Мургабъ изобилiемъ воды.“ Всѣ бывавшiе въ Мервскомъ оазисѣ, продолжаетъ г. Гродековъ, отзываются о немъ съ восхищенiемъ. Они говорятъ что если Русскiе завоюютъ Мервъ, то масса народа изъ Персiи перейдетъ сюда на житье.“ Только съ занятiемъ Мервскаго оазиса представится возможность дѣйствительно держать въ рукахъ Текинское племя, тѣмъ болѣе что населенiе Мерва многочисленнѣе Ахалъ-Текинцевъ. Послѣднихъ насчитываютъ всего сорокъ тысячъ кибитокъ, а первое состоитъ изъ 48 тысячъ кибитокъ или изъ 250 тысячъ человѣкъ. Мервъ-Текинцы теперь не готовились къ оборонѣ, а въ зимнее время неудобно дѣлать такiя приготовленiя, хотя жители Мерва занятые возведенiемъ и исправленiемъ своихъ плотинъ отличаются большимъ искусствомъ въ земляныхъ работахъ. Любопытно что генералъ Гродековъ, проѣхавшiй мѣстами подверженными нападенiямъ Мервъ-Текинцевъ, считаетъ необходимымъ въ случаѣ покоренiя Мерва „независимо отъ денежной контрибуцiи отобрать у Текинцевъ лучшихъ жеребцовъ и кобылъ,“ такъ какъ они „будутъ разбойниками до тѣхъ поръ пока у нихъ такая прекрасная порода лошадей, пока Туркменъ и его лошадь дополняютъ другъ друга.“ Высокое положенiе которое занимаетъ теперь въ экспедицiонномъ отрядѣ генералъ Гродековъ даетъ основанiе думать что высказанная имъ мысль будетъ принята во вниманiе относительно не только Мервъ-Текинцевъ, но и всего Текинскаго племени.

Движенiе къ Мерву и занятiе этой территорiи представляетъ не малыя трудности, но успѣхи генерала Скобелева увѣрили даже Англичанъ въ неизбѣжности нашего окончательнаго успѣха. Рѣчь между Англичанами идетъ уже не о томъ, какъ прежде, чтобы задержать наше поступательное движенiе въ Средней Азiи, а чтобы проложить туда рельсовый путь. Англiйское посольство въ Петербургѣ, по слухамъ, уже выразило „полное желанiе осуществить эту мысль въ возможно скоромъ времени,“ хотя проектируемая теперь въ Лондонѣ сѣть будетъ, говорятъ, сообщена въ Петербургъ только „по окончанiи экспедицiи въ Ахалъ-Теке.“

№ 31.

Москва, 30-го января.

Нѣсколько времени тому назадъ распространился слухъ что англійскій посолъ при нашемъ дворѣ имѣетъ порученіе разузнать о цѣляхъ Ахалтекинской экспедиціи въ виду намѣреній Британскаго правительства войти въ соглашеніе съ Русскимъ кабинетомъ чтобы Россія не подвигалась въ Средней Азіи далѣе извѣстнаго пункта. Въ петербургской печати появилось извѣстіе будто бы британскій посолъ, дѣйствительно, освѣдомлялся о предѣлахъ до которыхъ Россія намѣрена продолжать свое движеніе. Отвергая это извѣстіе какъ не имѣющее никакого основанія и принимая къ свѣдѣнію что многія газеты придаютъ ему вѣру и возвращаются къ этому вопросу, *Agence Générale Russe* отъ 18 января, во избѣжаніе всякихъ другихъ ложныхъ слуховъ въ этомъ родѣ, нашла нужнымъ объяснить цѣль экспедиціи. „Цѣль эта," говоритъ офиціозная газета, „та же самая что имѣлась въ виду при всѣхъ походахъ которые мы предпринимали одинъ за другимъ въ теченіи почти двухъ вѣковъ, а именно: вопервыхъ открыть путь для нашей торговли съ Хивою и вовторыхъ обезпечить этотъ путь. Такимъ образомъ мы были принуждены овладѣть Красноводскомъ, затѣмъ Чикишляромъ и наконецъ обезпечить спокойствіе въ ханствахъ. Когда, вслѣдствіе сдѣланныхъ нами успѣховъ, торговля наша достигла значительной степени развитія, многочисленные караваны шедшіе по торговому пути обратили на себя вниманіе живущихъ разбоями Текинцевъ. Они стали производить частые набѣги на подчиненныя намъ территоріи, которымъ мы обязаны были оказывать покровительство, равно какъ и на наши караваны, что и понудило Россію образумить это разбойничье племя. Съ этою цѣлью было предпринято нѣсколько экспедицій которыя приходилось повторять потому что жители степи, Текинцы, пораженные на одномъ пунктѣ сбирались съ силою въ другомъ и вскорѣ возобновляли свои грабежи, а это препятствовало нашимъ торговымъ сношеніямъ съ Хивою и развитію другихъ среднеазіятскихъ рынковъ. Возгордившись своимъ относительнымъ успѣхомъ въ прошломъ году, они стали еще смѣлѣе. Вслѣдствіе этого и было рѣшено напасть на нихъ въ ихъ собственныхъ предѣлахъ и нанесть имъ рѣшительный ударъ... Эта цѣль достигнута блестящимъ успѣхомъ генерала Скобелева. Теперь вопросъ въ томъ какъ обезпечить войска Россіи въ этихъ мѣстахъ. Къ какимъ бы рѣшеніямъ ни пришло правительство, изъ предыдущаго видно что они ни въ какомъ случаѣ не могли бы послужить основаніемъ для вмѣшательства какой-либо иностранной державы."

Эти строки офиціознаго листка служать отвѣтомъ на статьи нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ, которыя худо скрывая свою недружелюбную подозрительность подаютъ намъ совѣты не увлекаться ненужными пріобрѣтеніями которыя лягутъ де только тяжелымъ бременемъ на бюджетъ, между тѣмъ какъ ихъ значеніе въ будущемъ (!) сомнительно. Въ такомъ духѣ разсуждала недавно лондонская *Times*. Органъ Сити убѣдится можетъ-быть что не у одной Англіи, а также и у насъ есть свои торговые интересы, которые Русское правительство считаетъ долгомъ ограждать. Извѣстіе о взятіи Геокъ-Тепе не могло быть особенно пріятнымъ для Англичанъ, а въ виду рѣшенія правительства г. Гладстона въ скоромъ времени очистить Кандагаръ должно было произвести нѣкоторую тревогу и озаботить противниковъ современной политики Британскаго правительства.

При самомъ открытіи нынѣшней парламентской сессіи, графъ Биконсфильдъ, критикуя дѣйствія министерства, сказалъ между прочимъ что г. Гладстонъ вопреки всѣмъ англійскимъ традиціямъ опрокинулъ политику прежняго правительства, и, надобно сознаться, что въ отношеніи къ Афганистану эти слова вполнѣ справедливы. Г. Гладстонъ, оставаясь самимъ собою, иначе и не могъ поступить. Онъ никогда не одобрялъ афганской политики графа Биконсфильда, считалъ всѣ затѣи бывшаго премьера въ Средней Азіи не только безполезными, но вредными, и ставъ во главѣ министерства рѣшился покончить съ ними во что бы то ни стало. И вотъ теперь англійскіе руссофобы снова начинаютъ бить тревогу. Калькутскій корреспондентъ газеты *Times*, въ своей депешѣ отъ 30 января, высказалъ весьма мрачный взглядъ на возможныя послѣдствія очищенія Кандагара. „Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что правительство вопреки почти единодушному мнѣнію какъ военныхъ такъ и

политическихъ экспертовъ, намѣрено съ наступленіемъ весны удалить изъ Кандагара, а можетъ-быть и изъ Пишина всѣ британскія войска. Здѣсь убѣждены что Индійское правительство стоитъ за удержаніе Пишина, основываясь на томъ что онъ находился подъ нашимъ покровительствомъ въ теченія двухъ лѣтъ, и что еслибы мы очистили его, то населеніе стало бы терпѣть отъ Какаровъ и другихъ племенъ. Но болѣе чѣмъ сомнительно чтобы Британское правительство согласилось удержать даже и этотъ послѣдній плодъ нашей двухлѣтней войны. Достаточно ли силенъ Абдуррахманъ чтобы занять и удержать за собою Кандагаръ послѣ нашего удаленія, это вопросъ. Власть его до сихъ поръ еще далеко не упрочена даже и въ сѣверномъ Афганистанѣ, а дуранскіе вожди въ южномъ Афганистанѣ считаются сторонниками Эюбъ-хана и имя Абдуррахмана тамъ не популярно. Очень возможно что между этими двумя соперниками, до нѣкоторой степени утвердившимися на двухъ важныхъ пунктахъ, въ Кабулѣ и Гератѣ, возникнетъ распря за Кандагаръ. Весьма сомнительно чтобы Британское правительство, отозвавъ разъ свои войска, могло сдѣлать что-нибудь для умиротворенія страны.“ Такъ разсуждаетъ корреспондентъ, и разсужденія его клонились къ слѣдующему: „Теперь, продолжаетъ онъ, когда послѣ паденія Геокъ-Тепе, дорога на Мервъ практически открыта, вліяніе Россіи займетъ мѣсто нашего, и весьма вѣроятно что будущимъ лѣтомъ мы очутимся безпомощными зрителями анархіи въ Афганистанѣ, причемъ обѣ спорящія стороны будутъ искать помощи не у насъ, а у нашего великаго соперника.“

Тотъ же корреспондентъ приводитъ текстъ меморандума составленнаго по Кандагарскому вопросу лордомъ Непиромъ Магдальскимъ. На вопросъ какъ поступить съ Кандагаромъ, лордъ Непиръ указываетъ четыре возможныя рѣшенія: 1) предоставить его кому онъ достанется; 2) продолжать его занятіе для поддержки въ немъ какого-нибудь туземнаго правителя; 3) передать его Абдуррахману; 4) присоединить къ Индіи округъ или извѣстную часть его съ городомъ и крѣпостью основываясь на военныхъ и политическихъ соображеніяхъ. Въ первомъ случаѣ, по мнѣнію лорда Непира, возникла бы неизбѣжно распря и Кандагаръ могъ бы достаться Эюбу, который сталъ бы похваляться что прогналъ Англичанъ своею побѣдой надъ генераломъ Боррозомъ, въ чемъ де и былъ бы отчасти правъ. Второй способъ, какъ показалъ уже опытъ, не ведетъ ни къ чему. Передача округа Абдуррахману вызвала бы неудовольствіе и могла бы повести даже къ низложенію эмира. Итакъ для безопасности Индіи и благополучія самого Кандагара остается только его присоединеніе. Что касается издержекъ, то ихъ де не миновать, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія что потребуются новыя экспедиціи, стоимость коихъ не будетъ возмѣщена доходами съ округа. Къ тому же половину издержекъ на занятіе могла бы взять на себя сама Англія.

Если Русскіе составляютъ реальную силу въ Средней Азіи, если они завладѣли Бухарой, Самаркандомъ и Ташкентомъ, и намѣрены занять Мервъ, изъ чего де они и не дѣлаютъ тайны; если у нихъ будетъ удобный путь на Гератъ, то несомнѣнно де что въ случаѣ робости, апатичности и уступчивости Англичанъ, они вскорѣ будутъ обладать неприступною крѣпостью командующею путемъ въ Индію, причемъ дальнѣйшее движеніе ихъ очень облегчится, какъ это доказалъ Эюбъ-ханъ своимъ быстрымъ походомъ на Кандагаръ. Лордъ Непиръ указываетъ далѣе на опасность, еслибы соглашеніе между Русскими и эмиромъ Ширъ-Али созрѣло вполнѣ. Что касается трудностей похода по неудобной и гористой мѣстности, то при существованіи опорнаго пункта искусство можетъ, по его мнѣнію, преодолѣть всѣ препятствія. Онъ совѣтуетъ поэтому присоединить Кандагаръ и укрѣпить какъ его, такъ и всю комуникаціонную линію.

Таковы старыя погудки на новый ладъ людей принадлежащихъ къ той партіи въ Англіи которая никакъ не можетъ отрѣшиться отъ традиціонной подозрительности къ Россіи и которую вѣчно преслѣдуетъ кошмаръ русскаго похода въ Индію. Но настоящее правительство Великобританіи не раздѣляетъ этихъ страховъ, и наши отношенія дружелюбнѣе чѣмъ когда-нибудь. Рѣчь у Англичанъ идетъ теперь не о томъ чтобы загораживаться отъ насъ крѣпостями и совершенствовать „научную границу,“ а о сближеніи посредствомъ дорогъ и о взаимной торговлѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна рѣчь произнесенная въ британской палатѣ лордовъ 28 января

герцогомъ Аргайлемъ, съ содержаніемъ которой мы уже познакомили нашихъ читателей. Онъ доказывалъ что въ интересахъ торговли и цивилизаціи надо радоваться успѣхамъ Русскихъ и желать чтобъ они вполнѣ усмирили разбойничье племя Туркменъ. „Нѣкоторые говорятъ,“ сказалъ онъ между прочимъ, „что опасно не нападеніе Русскихъ на Индію, а русскія интриги. Но отъ интригъ не спасетъ никакой гарнизонъ. Если Англія возстановитъ противъ себя Афганцевъ присоединеніемъ части ихъ территоріи, то этимъ только усилитъ русское вліяніе. Она должна показать Афганцамъ что желаетъ ихъ независимости подъ властью сильнаго правителя.“

№ 32.

Москва, 31-го января.

4 февраля князь Бисмаркъ произнесъ рѣчь въ Прусскомъ ландтагѣ, и хотя рѣчь эта была посвящена вопросу имѣющему весьма ограниченный интересъ, но такова сила и авторитетъ этого государственнаго человѣка что и на этотъ разъ его публичное слово стало выдающимся событіемъ дня не только въ Пруссіи, но и въ Европѣ. Князь Бисмаркъ лишь мимоходомъ, какъ бы обмолвкой, коснулся высшей политики; но и этого было достаточно чтобы дать надолго пищу газетнымъ коментаторамъ и внести большое оживленіе въ скучные толки берлинской печати о финансовыхъ вопросахъ, поглотившихъ всю нынѣшнюю сессію Прусскаго ландтага.

Въ прошедшую пятницу предстояло въ ландтагѣ первое чтеніе законопроекта о наилучшемъ употребленіи ожидаемыхъ приращеній въ государственныхъ доходахъ отъ увеличенія сборовъ вслѣдствіе таможенной реформы. Излишки предполагается употребить на отмѣну низшихъ четырехъ разрядовъ класснаго (подоходнаго) налога существующаго въ Пруссіи, а также на то чтобъ избавить общинное (земское) управленіе отъ лежащихъ на нихъ чрезмѣрныхъ тягостей чрезъ принятіе на счетъ государственной казны нѣкоторыхъ расходовъ, покрывавшихся до сихъ поръ изъ земскихъ налоговъ, напримѣръ, содержаніе полиціи. Предлагаемое преобразованіе есть начало осуществленія основной идеи всего финансоваго проекта князя Бисмарка, которая заключается въ томъ что прямые налоги должны быть по возможности замѣнены косвенными. Главнымъ оппонентомъ выступилъ и на этотъ разъ вожакъ прогрессистовъ, г. Рихтеръ, ученый экономистъ изъ школы фритредеровъ, поставившей себѣ задачей опровергать въ принципѣ и въ подробностяхъ всѣ новѣйшіе экономическіе замыслы князя Бисмарка. Г. Рихтеръ — одинъ изъ немногихъ нѣмецкихъ депутатовъ имѣющихъ смѣлость свободно и рѣзко критиковать князя Бисмарка. Эта смѣлая критика всегда такъ раздражительно дѣйствуетъ на имперскаго канцлера что онъ, по собственному сознанію, потому такъ рѣдко сталъ являться въ засѣданія ландтага и рейхстага чтобы не слыхать „дерзостей“ высказываемыхъ ему въ глаза г. Рихтеромъ. На этотъ разъ тоже не обошлось безъ дерзостей со стороны этого *enfant terrible* прогрессистской партіи. Но князь Бисмаркъ не только выслушалъ рѣчь г. Рихтера безъ видимыхъ признаковъ раздраженія, но и отвѣтилъ ему въ весьма длинной рѣчи, ограничиваясь лишь нѣкоторыми саркастическими выходками противъ нападокъ своего противника. Вообще поклонники князя Бисмарка весьма довольны его бодрымъ видомъ и здоровьемъ, замѣтно поправившимся послѣ его продолжительнаго пребыванія въ Фридрихсру. Самъ князь Бисмаркъ засвидѣтельствовалъ предъ ландтагомъ что онъ чувствуетъ себя гораздо болѣе крѣпкимъ и что онъ оставилъ всякую мысль объ отставкѣ. „Два, три года тому назадъ,“ сказалъ онъ, „я имѣлъ намѣреніе удалиться отъ дѣлъ, частью вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, частью потому что не находилъ необходимой поддержки, но теперь я отъ этой мысли отказался. Объ этомъ я заявляю. Этому рѣшенію много способствовало то что я увидѣлъ кто именно обрадуется моему удаленію. Я убѣдился что моя служба еще можетъ пригодиться отечеству, и я рѣшился продолжать ее до послѣдняго остатка моихъ силъ и умереть въ борьбѣ съ моими противниками, такъ какъ борьба эта вѣроятно при жизни моей не прекратится.“ Князь Бисмаркъ разчитываетъ остаться у дѣлъ по крайней мѣрѣ еще лѣтъ десять. На такой періодъ онъ предполагаетъ растянуть осуществленіе своихъ финансовыхъ реформъ, о чемъ онъ заявилъ дня за два до указаннаго засѣданія палаты на пар-

ламентскомъ вечерѣ у себя на дому. Въ ландтагѣ же онъ прибавилъ что „война еще надолго, слава Богу, не предвидится,“ а потому онъ надѣется что будетъ достаточно досуга для борьбы со внутреннею оппозиціей за осуществленіе его экономическихъ проектовъ.

Приведенными замѣчаніями ограничивается все что̀ было въ послѣдней рѣчи князя Бисмарка общеинтереснаго. Онъ намѣренъ служить до конца своихъ дней, твердо убѣжденный повидимому что лишь собственная его воля, а не внѣшнія событія какого бы то ни было свойства, можетъ положить конецъ его служебной дѣятельности, и онъ предвидитъ долгій періодъ мира. На чемъ основана послѣдняя увѣренность, князь Бисмаркъ не объяснилъ. Подъ словомъ „война“ всѣ въ Германіи разумѣютъ прежде всего войну съ Франціей. Офиціозный органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, дополнилъ его замѣчанія въ ландтагѣ на счетъ войны въ двухъ замѣткахъ, коихъ содержаніе было намъ передано по телеграфу. Названная газета привѣтствуетъ побѣду одержанную во французскомъ законодательномъ собраніи мирною политикой правительства надъ воинственными замыслами г. Гамбетты, такъ какъ запросъ г. Пру окончился одобреніемъ выраженнымъ Французскою палатой образу дѣйствій г. Бартелеми-Сентъ-Илера. Берлинская офиціозная газета при этомъ прямо обличаетъ г. Гамбетту въ томъ что онъ питаетъ воинственные замыслы. Но развѣ положеніе г. Гамбетты, его вліяніе въ странѣ и его виды на президентство республики пошатнулись вслѣдствіе того что запросъ г. Пру окончился ничѣмъ? Этого никто во Франціи пока не утверждаетъ, и на г. Гамбетту попрежнему смотрятъ какъ на человѣка ближайшаго будущаго. Стало-быть и вопросъ о войнѣ или мирѣ между Германіей и Франціей далеко не можетъ считаться надолго обезпеченнымъ въ смыслѣ мира. Берлинскій правительственный органъ, напротивъ, самъ значительно содѣйствуетъ укрѣпленію того убѣжденія что вступленіе въ управленіе Франціей г. Гамбетты будетъ знаменовать войну съ Германіей, какъ выдающуюся черту программы новаго правительства. А при такихъ условіяхъ едва ли брошенное княземъ Бисмаркомъ мимоходомъ „мирное“ замѣчаніе можетъ имѣть то значеніе которое старались оному придать на первыхъ порахъ берлинскія газеты.

Замѣчательно еще и то что *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* сама ставитъ вопросъ о войнѣ между Франціей и Германіей въ тѣсную зависимость отъ вопроса о войнѣ между Греціей и Турціей. Эта связь далеко не для всѣхъ такъ очевидна какъ думаетъ повидимому берлинская газета. Она, правда, говоритъ что „игра съ огнемъ Греческаго вопроса“ была бы въ рукахъ Французскаго правительства косвеннымъ вызовомъ Германіи. Но если Германія сама лишена всякихъ воинственныхъ тенденцій, то весьма трудно придумать какъ могъ бы г. Гамбетта и его единомышленники добраться до Германіи такимъ окольнымъ путемъ. Германія такъ категорически и неоднократно заявляла о неимѣніи никакихъ своихъ интересовъ на Востокѣ, а съ другой стороны и Франція никогда не присвоивала себѣ прямыхъ выгодъ отъ успѣха Греціи. Гдѣ же тотъ пунктъ на которомъ могло бы произойти прямое столкновеніе между Германіей и Франціей на почвѣ греко-турецкаго вопроса? Въ Европѣ, утверждаетъ берлинская газета, нѣтъ кабинета который не желалъ бы, во что̀ бы то ни стало, предотвратить войну между Греціей и Турціей. Пусть такъ. Но, вопервыхъ, наилучшимъ способомъ для этого было бы, по всей вѣроятности, энергическое настояніе Европы на точномъ исполненіи того что̀ она сама по этому дѣлу постановила; предстоящая война всетаки касается прежде всего воюющихъ сторонъ и страшна для Европы не сама по себѣ, а по тѣмъ осложненіямъ которыя можетъ повлечь за собою всякая война въ которой участвуетъ Турція. Если Европа не можетъ навязать спорящимъ своего рѣшенія, то она могла бы, кажется, принять мѣры чтобы локализовать войну...

№ 33.

Москва, 1-го февраля.

Достоевскому воздается честь не просто какъ писателю, не просто какъ литературному таланту. Въ немъ особенно цѣнно, особенно дорого то духовное направленіе которое въ немъ выработалось его жизнію. Онъ принадлежалъ къ числу из-

бранныхъ душъ которыя неутомимо ищутъ правды, ищутъ Бога. Вотъ въ чемъ, въ этомъ исканіи Бога, истинный прогрессъ и человѣка, и человѣчества! Какъ бы въ этомъ исканіи ни заблуждался человѣкъ, оно спасетъ его, оно выведетъ его на путь, если только исканіе правды само правдиво и идетъ изъ глубины души. Въ комъ живетъ это животворящее духовное начало, тотъ выдержитъ всякое испытаніе, тотъ не изнеможетъ ни въ какой борьбѣ. Много тяжкаго перенесъ Достоевскій въ своей жизни. Буря застигла его на самомъ разцвѣтѣ его жизни. Въ своихъ молодыхъ великодушныхъ, но еще неопредѣленныхъ порывахъ къ добру и правдѣ, онъ оступился, подпалъ подъ ударъ суроваго закона—и очутился на каторгѣ. Не будь въ немъ Бога, онъ бы озлобился, ожесточился бы и упалъ бы безповоротно съ высоты своихъ мечтаній. Но для него страшное бѣдствіе стало путемъ истиннаго, глубокаго совершенствованія; оно зародило въ немъ духовнаго человѣка. Быть-можетъ онъ не вышелъ бы тѣмъ чѣмъ онъ сталъ въ своей дѣятельности, еслибъ Богъ не судилъ ему этого испытанія. Талантъ его не получилъ бы такого развитія, и не выработался бы въ немъ тотъ духовный строй который характеризуетъ его по преимуществу, въ которомъ заключается его главное достоинство какъ писателя. Изъ неопредѣленныхъ и смутныхъ исканій, онъ мало-по-малу вышелъ на тотъ узкій и единственный путь который ведетъ къ истинѣ. Онъ обратился на самого себя, онъ вступилъ въ борьбу съ самимъ собою, въ борьбу упорную, неутомимую; въ себѣ самомъ, а не въ другихъ казнилъ онъ безпощадно все дурное и порочное человѣческой природы, и чѣмъ болѣе онъ очищался и овладѣвалъ собою, тѣмъ глубже становился онъ сыномъ своего народа, и христіаниномъ вѣрующимъ въ простотѣ сердца. Въ русскомъ народномъ чувствѣ обрѣлъ онъ Христа, и все что̀ было въ немъ идеальнаго, стремящагося, всѣ его исканія сосредоточились здѣсь. Въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ онъ могъ ошибаться, и не столько отдѣльными мыслями производилъ онъ доброе дѣйствіе на умы сколько общимъ строемъ своей души, общимъ направленіемъ своихъ помысловъ. Въ немъ мы видимъ русскій умъ который свои идеалы ищетъ и находитъ не въ пустотѣ, не въ отвлеченностяхъ, не на чужбинѣ, а въ живой душѣ своего народа. Наши идеалисты и реалисты относились къ своей народности по большей части отрицательно. Заслуга Достоевскаго какъ писателя именно въ томъ состоитъ что онъ со всею искренностію и со всею силою своего дара почувствовалъ и обрѣлъ высшую правду въ своемъ народномъ чувствѣ, и прежде всего духъ милосердія, самое христіанское въ христіанствѣ начало, которое, мы чувствуемъ, живетъ во глубинѣ нашей народности и въ которомъ таится ея истинная сила. Въ своихъ произведеніяхъ Достоевскій часто изображаетъ нравственно больныхъ, прокаженныхъ людей. Никакого безобразія онъ не отвращался, никакого ужаса не пугался, никакой наготой не смущался. Его анализъ простирался до мельчайшихъ подробностей нравственныхъ недуговъ, и надо удивляться тому спокойствію, той казалось бы безпощадной тонкости съ какою работалъ его анатомическій ножъ. Не то ли это что̀ называется обличеніемъ? Нѣтъ. Не то ли что̀ называется реализмомъ въ искусствѣ? Нѣтъ. Былъ ли это безстрастный наблюдатель въ интересѣ какой-нибудь науки или искусства? Или, наконецъ, не походилъ ли онъ на врача который добросовѣстно относится къ своимъ больнымъ, но видитъ въ нихъ не болѣе какъ патологическіе случаи? Нѣтъ, если онъ походилъ на кого то развѣ на беззавѣтно преданную, Богу обрекшую себя, безконечно проникнутую чувствомъ своего служенія сестру милосердія, которая не гнушается никакою язвой, не брезгаетъ никакимъ гноемъ, и вся озабочена только тѣмъ чтобъ облегчить страданія болящаго. Онъ въ своихъ анализахъ ищетъ правды, и идетъ все глубже и глубже, идетъ до конца, ничѣмъ не смущаясь, пока подъ этою гадостію, подъ этою мерзостію, не почуется, не послышится сама эта больная, трепещущая, забывшая себя, заглохшая душа человѣческая. И намъ становится понятна эта кропотливость анализа, и въ этихъ подробностяхъ возбуждавшихъ въ насъ гадливое чувство, мы усматриваемъ дѣло любви которая ищетъ Бога въ человѣкѣ и не отчаивается найти человѣка въ одичаломъ и погибшемъ существѣ. Умъ обнаруживается въ высотѣ и широтѣ соображеній; любовь же испытывается и даетъ чувствовать свою благодать въ тѣснотѣ подробностей...

Мы знали человѣка, — старѣйшіе изъ нынѣшнихъ воспитанниковъ Лицея еще помнятъ его, — человѣка который ежедневнымъ примѣромъ училъ насъ на дѣлѣ самоотверженію и любви. Въ стѣнахъ Лицея, мы соединили имя Павла въ одной общей заупокойной молитвѣ съ именемъ новопреставленнаго Ѳеодора. Покойный устроитель Лицея, въ своей дѣятельности посвященной этому заведенію, не считалъ для себя ничего слишкомъ мелкимъ или слишкомъ низкимъ; не было подробности въ жизни Лицея, или его воспитанниковъ, въ которую онъ не входилъ бы всею душою своей, забывая о себѣ, не зная отдыха въ своемъ трудѣ, неутомимый въ своемъ терпѣніи...

По слову апостола, нѣтъ ничего больше любви. Всякое достоинство, всякая заслуга напрасны безъ любви. Безполезны для души человѣка и разумъ, и всякое знаніе, и всякая добродѣтель, если они не соединяются съ любовію. А любовь ходитъ только тѣсными путями и не знаетъ ни страха, ни гадливости, и ничего не считаетъ слишкомъ мелкимъ или слишкомъ низкимъ для себя.

№ 35.

Москва, 3-го февраля.

До сихъ поръ на свѣтѣ были только два рода клеветы: клевета голословная и клевета подкрѣпленная подложными или искаженными документами.

Но въ послѣднее время представители русской либеральщины изобрѣли новый, третій родъ клеветы: клевету подкрѣпленную опровергающими ее подлинными документами, *клевету* такъ сказать *самообличительную*. Намъ неоднократно уже приходилось указывать читателямъ на этотъ небывалый доселѣ родъ клеветы, который отличается если не здравымъ смысломъ, то по крайней мѣрѣ совершенно оригинальною нахальностью.

Такъ напримѣръ, мы видѣли что *Русскія Вѣдомости*, взводя завѣдомо ложное обвиненіе въ недавнихъ университетскихъ безпорядкахъ на первый курсъ медицинскаго факультета, въ доказательство своей клеветы обнародовали письмо профессора Зернова, торжественно заявившаго что этотъ самый первый курсъ въ названныхъ безпорядкахъ совершенно невиновенъ, а напротивъ дѣлалъ все что было въ его силахъ для предотвращенія какихъ бы то ни было нарушеній порядка.

Другой примѣръ новомодной клеветы представила намъ извѣстная статья *Вѣстника Европы*, въ которой русскія гимназіи наглымъ образомъ обвинялись въ какомъ-то чудовищномъ развращеніи нашихъ дѣтей и тутъ же, для доказательства этого развращенія, приводились гимназическія правила предписывающія ученикамъ прилично вести себя въ церкви и въ классѣ, добросовѣстно приготовлять свои уроки, довѣрчиво относиться къ своимъ наставникамъ, а между собою не ссориться и не драться.

Само собою разумѣется что и *Голосъ*, этотъ ветеранъ либеральнаго вранья, не могъ отказаться отъ новоизобрѣтеннаго орудія клеветы, и мы дѣйствительно на дняхъ видѣли какъ онъ съ запальчивостью обвинялъ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ „грубомъ давленіи на педагогическую литературу“ и подкрѣплялъ это обвиненіе „надлежащимъ, краснорѣчивымъ и интереснымъ документомъ,“ который до очевидности доказывалъ что названный Комитетъ *рекомендовалъ* народнымъ учителямъ выписывать и читать петербургскій журналъ служившій спеціальнымъ органомъ клеветы противъ Министерства Народнаго Просвѣщенія вообще и Ученаго Комитета въ особенности.

Въ №№ 19 и 23 той же газеты мы находимъ статьи представляющія новый разительный примѣръ той же невѣроятной *наивности*. Статья № 23 начинается слѣдующими словами:

„*Московскія Вѣдомости* обвиняютъ насъ въ сообщеніи завѣдомо ложныхъ извѣстій о дѣятеляхъ вѣдомства Народнаго Просвѣщенія, призванныхъ на службу графомъ Толстымъ. Свое обвиненіе газета г. Каткова основываетъ на отсутствіи будто бы у насъ „надлежащихъ свидѣтельствъ.“ Надняхъ мы сообщили одно изъ такихъ свидѣтельствъ, вполнѣ (!) подтверждающее (!?) нашъ взглядъ на Ученый Комитетъ Министерства; теперь сообщаемъ второй документъ, касающійся Департамента Министерства.“

Пріемы самоубійственной клеветы въ данномъ случаѣ слѣдовательно совершенно тождественны съ тѣми которые мы уже встрѣчали въ прежде указанныхъ нами при-

мѣрахъ новомодной полемики. Сперва провозглашается съ трубными звуками и барабаннымъ боемъ что вотъ, молъ, мы какіе честные люди и какъ насъ несправедливо обижаютъ. Вотъ вамъ „краснорѣчивый документъ,“ блистательно доказывающій безупречную чистоту нашихъ намѣреній и полную справедливость нашихъ прежнихъ увѣреній. Затѣмъ печатается документъ до очевидности доказывающій какъ разъ совершенно противоположное. Тѣмъ не менѣе за документомъ слѣдуетъ обычная формула: такъ вотъ какіе мы честные люди, и вотъ какъ насъ несправедливо обижаютъ! Наивная грубость такихъ полемическихъ пріемовъ можетъ сравниться только съ громкими рекламами рыночнаго шарлатана, безсовѣстно эксплуатирующаго легковѣріе толпы зѣвакъ. Что редакція *Голоса* дѣйствительно представляетъ себѣ своихъ читателей въ видѣ толпы легковѣрныхъ зѣвакъ, которые повѣрятъ рѣшительно всему, даже если ихъ станутъ увѣрять что дважды два пять, въ этомъ насъ убѣждаетъ тотъ документъ который петербургская газета печатаетъ вслѣдъ за приведеннымъ выше громкимъ вступленіемъ.

Этотъ „документъ“ не что иное какъ письмо директора Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, М. Е. Брадке, адресованное на имя Д. С. Михайлова управляющаго петербургскимъ учебнымъ округомъ. Въ этомъ письмѣ, г. Брадке напоминаетъ о государственныхъ заслугахъ бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія графа Д. А. Толстаго, водворившаго въ Россіи серіозную и правильную европейскую школу, и затѣмъ сообщаетъ что бывшіе подчиненные графа пожелали увѣковѣчить его управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учрежденіемъ при Академіи Наукъ „постоянной преміи за лучшія по конкурсу оригинальныя научныя сочиненія русскихъ подданныхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ имѣющихъ представителей въ Академіи.“ „Мысль объ этомъ,“ пишетъ г. Брадке, „родилась тотчасъ по оставленіи графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Министерства, въ кругу нѣкоторыхъ его подчиненныхъ, къ которому присоединился и *управляющій нынѣ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія статсъ-секретарь Сабуровъ* вслѣдъ за вступленіемъ его превосходительства въ настоящую должность; но осуществленіе ея было, къ сожалѣнію, остановлено наступленіемъ каникулярнаго времени, въ теченіе котораго бо́льшая часть педагоговъ оставляютъ мѣстожительство.“

Письмо г. Брадке оканчивается слѣдующими словами:

„Въ случаѣ еслибъ эта мысль встрѣтила въ васъ сочувствіе, я покорнѣйше просилъ бы васъ принять на себя трудъ собиранія *добровольныхъ* для составленія капитала приношеній между служащими Петербургскаго учебнаго округа и за симъ собранныя деньги прислать при частномъ письмѣ на мое имя въ Петербургъ. *Само собою разумѣется что на это дѣло должно смотрѣть какъ на совершенно частное, что всякое приношеніе, какъ бы мало оно ни было, будетъ принято съ благодарностью, и что при собираніи приношеній не только нежелательно прибѣгать къ какимъ-либо мѣрамъ могущимъ имѣть видъ какого бы то ни было начальственнаго принужденія, но и придавать такому собиранію что-либо похожее на офиціальный характеръ. Полагаю что только при соблюденіи этого условія осуществленіе изложенной выше мысли могло бы быть пріятно графу Дмитрію Андреевичу Толстому.*

„Примите и пр.

М. Брадке.“

Какимъ же однако способомъ *Голосъ* ухитряется выставить подобное письмо въ видѣ „надлежащаго свидѣтельства“ о какихъ-то невозможныхъ возмутительныхъ поступкахъ „дѣятелей вѣдомства народнаго просвѣщенія, призванныхъ на службу графомъ Толстымъ?“ А это дѣлается весьма просто. Прежде всего, конецъ письма г. Брадке *хотя и печатается, но вполнѣ „игнорируется,“* въ надеждѣ на то что читатели проглядятъ его. А вовторыхъ всему этому дѣлу придается такой видъ, какъ будто центральное управленіе Министерства *обязало* всѣхъ учителей путемъ *вымогательства* и *поборовъ* участвовать въ подпискѣ не на академическую премію, а на *подарокъ (!) графу Толстому!* Исказивъ все это дѣло такимъ безсовѣстнымъ враньемъ, *Голосъ* воображаетъ себѣ что можетъ уже безнаказанно разразиться предъ своими читателями цѣлымъ потокомъ хлесткихъ фразъ, долженствующихъ изобразить глубокое негодованіе возмущенной совѣсти честнаго либерала. „Графъ Толстой,“ восклицаетъ газетный шарлатанъ,

„уже не министръ Народнаго Просвѣщенія; но снова крики негодованія, снова вопли по поводу *поборовъ* его именемъ... Легко понять до какой степени все это неблаговидно. Долженъ же быть какой-нибудь мотивъ подобныхъ поступковъ? Зачѣмъ это дѣлается и чего предположено этимъ достигнуть? Въ Петербургѣ высказываютъ по этому поводу различныя предположенія. Говорятъ, напримѣръ, что этимъ путемъ думаютъ добиться какого-то suffrage universel противъ графа Толстаго, хотятъ сдѣлать его имя, связанное съ подобными *поборами*, вполнѣ ненавистнымъ. Другіе говорятъ напротивъ, будто эти подписки, такъ всѣхъ возмущающія (?), разчитаны на то чтобы поколебать, если не подорвать, довѣріе къ статсъ-секретарю Сабурову и уронить его въ глазахъ публики. Иные объясняютъ все это такими хитрыми и злыми цѣлями что мы не желаемъ даже повторять ихъ (!?). Какъ бы то ни было, раздраженіе доходитъ до того что начинаютъ уже искать объясненій этой невозможной настойчивости (!?) въ національности лица, скрѣпившаго предложеніе о подпискѣ своею подписью (!)... Графъ Толстой, человѣкъ очень богатый, носящій одну изъ лучшихъ русскихъ фамилій, вѣроятно первый будетъ благодаренъ за отмѣну такой добровольной подписки которая даетъ поводъ вспоминать его имя при обстоятельствахъ крайне некрасивыхъ (?). Если онъ дорожитъ своею честью, если онъ любитъ то дѣло которому онъ, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, служилъ въ продолженіе 14 лѣтъ, *онъ долженъ публично отречься отъ пріема подарка (!!!) купленнаго на трудовыя деньги бѣдныхъ учителей!*"

Не правда ли? Нужно имѣть окончательно „либеральную" совѣсть чтобы разыграть предъ публикой съ серіознымъ видомъ такую до нахальности грубую комедію!

Газета, разлетѣвшись разъ по гладкому полю безшабашной болтовни, не знаетъ уже удержу и начинаетъ даже завираться и нести очевидную безсмыслицу, противорѣча самой себѣ даже въ предѣлахъ одного и того же предложенія. Прочтите, напримѣръ, слѣдующее мѣсто:

„Пора положить этому конецъ. Мы понимаемъ что положеніе А. А. Сабурова въ данномъ случаѣ крайне деликатно (?), и не отъ него ждемъ мѣръ противодѣйствія. *Было бы вмѣстѣ съ тѣмъ очень печально, еслибъ эти мѣры вообще исходили отъ администраціи, отъ власти. Мы надѣемся что въ самомъ обществѣ найдутся люди* настолько независимые и прямые что разъяснятъ кому слѣдуетъ неприличіе подобнаго циркулярнаго предложенія *и посовѣтуютъ издать другой циркуляръ въ отмѣну перваго*" (!!).

Итакъ, подпискѣ должна противодѣйствовать *не администрація, не власть*, а административный *циркуляръ* этой власти!! Помилуйте, господа, вы бы хоть постыдились предъ здравымъ смысломъ наборщиковъ и корректоровъ вашихъ типографій! Развѣ можно печатать такую галиматью?

Куріознѣе всего однако то обстоятельство что *Голосъ* ссылается на какое-то якобы присланное ему письмо какого-то учителя, который возмущается тѣмъ что „значительная часть преподавателей подписывается въ честь графа Толстаго," но объясняетъ это только „привычною имъ робостью." Робостью? Но передъ кѣмъ? Передъ графомъ Толстымъ? Но вѣдь онъ уже теперь безсиленъ; вѣдь вся такъ-называемая его система, по увѣренію самихъ же этихъ „либераловъ," уже потерпѣла полное крушеніе и на ея развалинахъ расцвѣла „новая либеральная эра педагогіи," какъ разъ противоположная всему направленію графа Толстаго. Такъ откуда же можетъ явиться робость передъ этимъ сокрушеннымъ направленіемъ? Не нужно ли наоборотъ обладать значительною степенью *мужества* чтобъ идти противъ теперешняго теченія, рискуя своимъ сочувствіемъ къ прошлому навлечь на себя немилость настоящаго? Учителя въ гимназіяхъ подписываются „во славу графа Толстаго," какъ говоритъ *Голосъ*; что же? думаютъ ли они добиться этимъ какихъ-нибудь выгодъ? И отъ кого? Отъ новаго министра? Но вѣдь сами же эти газеты увѣряютъ всѣхъ и каждаго что новое министерство вполнѣ солидарно съ ихъ стремленіями, которыя формулированы г. Модестовымъ, такъ что теперь выгодно не славить, а ругать бывшаго министра.

Неужели *Голосъ* хочетъ увѣрить своихъ читателей что учителя изъ *робости* предъ начальствомъ *противодѣйствуютъ* желаніямъ и стремленіямъ этого начальства? Это было бы уже верхомъ нелѣпости.

Цѣль *Голоса* во всемъ этомъ дѣлѣ совершенно ясна и очевидна: помѣшать во

что бы то ни стало учрежденію академической преміи графа Д. А. Толстаго. Чтобы достигнуть этой цѣли пускаются въ ходъ самыя низкія средства: учителя подписываются добровольно—это называется „вымогательствомъ;“ они подписываются на академическую премію — вмѣсто этого говорится о подпискѣ на „подарокъ“ графу Толстому; подписка имѣетъ совершенно *частный* характеръ — она выставляется въ видѣ „официіальныхъ поборовъ;“ учителя выказываютъ гражданское мужество выражая сочувствіе вышедшему въ отставку министру, ихъ называютъ за это трусами; а поэтому требуется немедленное прекращеніе подписки какимъ бы то ни было средствомъ, или общественнымъ „разъясненіемъ кому слѣдуетъ“ и административнымъ циркуляромъ, или же наконецъ публичнымъ отреченіемъ самого графа Толстаго!

Интересно было бы знать на чью „робость“ редакція *Голоса* при этомъ всего болѣе разчитываетъ. Неужели она думаетъ своею вздорною статьей запугать учителей и общество и предполагаетъ что кто-нибудь попадется въ ея грубую ловушку?

Публика теперь ясно видитъ, на что̀ способна та шайка людей которая прикрывается громкимъ именемъ „либерализма.“ По свойству употребляемыхъ ими средствъ можно судить и о свойствѣ той цѣли къ которой они стремятся. Какъ есть люди которые сбываютъ въ Россіи поддѣльные денежные знаки, такъ и эти господа употребляютъ всѣ усилія чтобы наполнить наше отечество подложными школами, которыя по одному лишь своему наружному виду походили бы нѣсколько на учебно-воспитательныя заведенія, а на самомъ дѣлѣ были бы произведеніями и производителями лжи и обмана.

Теперь мы можемъ по достоинству оцѣнить и клевету которую такъ усиленно распространяютъ наши „либералы,“ увѣряя что статсъ-секретарь Сабуровъ съ ними солидаренъ. Подобное увѣреніе такъ же смѣшно и нелѣпо, какъ и увѣрять будто какой-нибудь министръ Финансовъ можетъ быть солидаренъ съ фальшивыми монетчиками.

№ 36.

Москва, 4-го февраля.

Въ то время какъ князь Бисмаркъ, прервавъ свое продолжительное молчаніе, „утѣшилъ“ политическій міръ обѣщаніемъ, или по крайней мѣрѣ предсказаніемъ, продолжительнаго мира, генералъ-фельдмаршалъ графъ Мольтке, этотъ „великій молчальникъ,“ также высказался публично, но не о мирѣ, а о войнѣ. Огромный авторитетъ графа Мольтке по вопросамъ касающимся войны привлекъ и на этотъ разъ всеобщее вниманіе къ предмету коего коснулся, и тѣмъ болѣе что рѣчь идетъ о вопросѣ который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ предметомъ официіальныхъ международныхъ обсужденій на Брюссельской конференціи 1874 года. Поводомъ къ возобновленію толковъ по этому предмету послужило слѣдующее:

Такъ-называемый *Институтъ Международнаго Права*, ученое общество изъ специіалистовъ разныхъ національностей, выработало небольшой „кодексъ законовъ для сухопутной войны,“ который былъ приложенъ къ издаваемому институтомъ журналу *Revue du droit international* и разослало оный на обсужденіе ко всѣмъ правительствамъ цивилизованныхъ странъ Европы и Америки. И вотъ въ февральской книжкѣ названнаго журнала появился разборъ „кодекса“ изложенный графомъ Мольтке въ формѣ письма на имя вице-президента института, гейдельбергскаго профессора международнаго права Dr. Блунчли.

Разборъ знаменитаго полководца, изложенный со свойственною ему сжатостью и ясностью, клонится не въ пользу проектированной кодификаціи общеобязательныхъ правилъ войны, причемъ графъ Мольтке мимоходомъ высказалъ нѣсколько замѣчаній о войнѣ вообще, равно какъ о послѣдней франко-германской войнѣ, придавшихъ еще большій интересъ его разбору.

Графъ Мольтке отдаетъ полную справедливость стараніямъ смягчить страданія причиненныя войной. „Вѣчный миръ,“ говоритъ онъ, „есть мечта и притомъ даже не обаятельная мечта. Война есть одинъ изъ элементовъ Богомъ установленнаго порядка. Благороднѣйшія свойства человѣческой души развиваются подъ вліяніемъ войны: отвага и самоотверженіе, пре-

данность долгу и духъ самопожертвованія. Солдатъ отдаетъ свою жизнь для блага общаго. Безъ войны міръ предался бы гніенію и погрязъ бы въ матеріализмѣ.“

Но какъ ни желательно, въ виду неизбѣжности войны, смягчать способы веденія оной, германскій полководецъ думаетъ что результатъ этотъ можетъ быть достигнутъ исключительно лишь путемъ смягченія нравовъ, а отнюдь не формальнымъ установленіемъ кодекса военныхъ правилъ. Нѣтъ и не можетъ быть трибунала который имѣлъ былъ власть возложить на воюющихъ принудительное исполненіе этихъ правилъ, и нельзя ожидать чтобы государство не участвующее въ войнѣ обнажило мечъ для того только чтобы принудить къ этому воюющихъ или наказать нарушителя оныхъ. Все въ этомъ дѣлѣ зависитъ отъ личности полководца, отъ его чувства чести и добровольнаго подчиненія идеямъ и требованіямъ человѣколюбія. И въ этомъ отношеніи историческій прогрессъ уже многое сдѣлалъ, для чего стóитъ де лишь сравнить ужасы Тридцатилѣтней Войны съ войнами нашего времени. Графъ Мольтке, повидимому, забылъ при этомъ о событіяхъ въ Турціи и о недавнемъ опытѣ ею показанномъ не только во время внутреннихъ смутъ предшествовавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ послѣдней Восточной войнѣ, при коихъ турецкія войска творили ужасы во очію напоминавшіе оцѣпенѣвшему міру времена Аттилы и Чингисхана, но и въ послѣдовавшей затѣмъ регулярной войнѣ были констатированы факты такихъ жестокостей и звѣрства, какимъ едва ли найдутся примѣры въ исторіи Тридцатилѣтней Войны. А Турція вѣдь еще не вычеркнута изъ списка европейскихъ государствъ, и если перспектива продолжительнаго мира, предсказаннаго княземъ Бисмаркомъ, возбуждаетъ скептическія сомнѣнія, то именно по поводу Турціи, которую Германія въ особенности считаетъ еще весьма серіозною боевою силой, находя что слѣдуетъ оберегать ея живучесть даже искусственно.

Оставивъ безъ вниманія Турцію и ея военные обычаи, такъ мало совпадающіе съ указаніями на наступившее будто бы повсемѣстно смягченіе военныхъ нравовъ, графъ Мольтке замѣчаетъ далѣе что современныя правительства имѣютъ два могущественныя средства къ тому чтобы бороться противъ существующихъ во всякой военной силѣ элементовъ грубости и насилія: это, вопервыхъ, строгая дисциплина, къ которой солдатъ пріучается въ мирное время, а вовторыхъ, тщательная забота о продовольствіи арміи въ походѣ. Коль скоро, замѣчаетъ графъ Мольтке, продовольствіе недостаточно обезпечено, не можетъ быть поддержана и самая дисциплина. Солдатъ выносящій столько лишеній и не получающій отъ своего начальства всего необходимаго, не можетъ до не удовлетворять себя тѣмъ чтò попадается ему подъ руку. Никто не имѣетъ права требовать отъ солдата сверхчеловѣческаго самоотреченія.

„Величайшее благодѣяніе во время войны,“ продолжаетъ графъ Мольтке, „заключается въ томъ чтобъ окончить ее какъ можно скорѣе. Для достиженія этой цѣли должны быть дозволены всѣ средства за исключеніемъ тѣхъ кои подлежатъ положительному порицанію. Я никоимъ образомъ не могу согласиться съ с.-петербургскою декларацiей которая ставитъ единственною правомѣрною цѣлью военныхъ операцій ослабленіе военныхъ силъ непріятеля. Нѣтъ, по моему, слѣдуетъ направить усилія противъ всѣхъ рессурсовъ враждебнаго правительства, противъ его финансовъ, желѣзныхъ дорогъ, запасовъ, даже противъ его политическаго вѣса. Съ такою энергіей, хотя и съ меньшею жестокостью нежели всѣ войны до тѣхъ поръ, была ведена послѣдняя война съ Франціей. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ судьба кампаніи была рѣшена, и военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ лишь тогда приняли ожесточенный характеръ когда, къ несчастію страны, революціонное правительство затянуло войну еще на четыре мѣсяца.“

Графъ Мольтке коснулся еще вопроса о „вольныхъ стрѣлкахъ;“ онъ не допускаетъ чтобы возможно было вперить солдатамъ что они должны смотрѣть на добровольныхъ защитниковъ отечества, по собственному побужденію взявшихся за оружіе, какъ на членовъ регулярной непріятельской силы какъ того требуетъ „кодексъ.“

„Вообще я думаю,“ заключаетъ онъ свое письмо, „что на войнѣ гдѣ все подлежитъ индивидуальному обсужденію могутъ имѣть практическое примѣненіе лишь тѣ правила которыя относятся къ личности командующаго военною силой, и сверхъ

того, то что говорится въ кодексѣ о раненыхъ, больныхъ, врачахъ и санитарныхъ матеріалахъ." Онъ желаетъ чтобъ эта часть правилъ, выработанная Институтомъ, получила въ скоромъ времени всеобщую санкцію.

Нельзя сказать чтобы разборъ графа Мольтке заключалъ въ себѣ что-либо новое въ сравненіи съ тѣмъ что было высказано противъ кодификаціи правилъ войны во время обсужденія этого вопроса въ 1874 году на Брюссельской конференціи. Ново лишь то что графъ Мольтке высказался такъ категорически и публично противъ тогдашней петербургской деклараціи. Важное значеніе можно придать лишь тому что германскій полководецъ вновь настойчиво повторяетъ то мнѣніе коего держится Германія касательно добровольныхъ участниковъ народной самообороны, и несмотря на рѣзкое всеобщее осужденіе коему подвергся нѣмецкій образъ дѣйствій противъ французскихъ „вольныхъ стрѣлковъ," рѣшительно отвергаетъ попытку поставить подъ защиту народнаго права людей ополчившихся по собственному побужденію на защиту роднаго края.

Профессоръ Блунчли напечаталъ въ нѣмецкомъ журналѣ *Gegenwart* свой отвѣтъ графу Мольтке. При всемъ почтеніи къ знаменитому полководцу, гейдельбергскій профессоръ настаиваетъ на своемъ мнѣніи что кодификація правилъ войны и всеобщее признаніе оныхъ можетъ принести огромную пользу, несмотря на то что не имѣется трибунала для принудительнаго примѣненія этихъ правилъ, ибо цивилизованное государство едва ли де рѣшится отступить отъ нихъ при убѣжденіи что они составляютъ всѣми принятыя и одобренныя нормы публичнаго права. Но ученый юристъ лучше бы ужь уступилъ въ этомъ вопросѣ ученому стратегу, но постарался бы отстоять живой вопросъ о добровольцахъ, между тѣмъ какъ именно по этому-то вопросу онъ и не рѣшается высказать свое несогласіе съ графомъ Мольтке и несогласіе его съ мнѣніемъ графа Мольтке о добровольцахъ нѣсколько сквозитъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Я убѣжденъ что безобразное правило, унаслѣдованное нами отъ старыхъ временъ, будто бы во время войны умолкаютъ всякіе законы и что противъ непріятельскаго народа все дозволено, безполезнымъ образомъ усиливаетъ страданія и ужасы войны безо всякой выгоды для энергическаго и быстраго веденія оной, что и я считаю благодѣяніемъ."

Какъ ни смотрѣть на эту полемику съ теоретической точки зрѣнія, не трудно предвидѣть чье мнѣніе одержитъ верхъ на практикѣ. Во всякомъ случаѣ, теперь еще яснѣе нежели семь лѣтъ тому назадъ обнаруживается какъ мало шансовъ на успѣхъ имѣла попытка установить общеобязательные законы войны.

№ 37.

Москва, 5-го февраля.

Съ разныхъ сторонъ не перестаютъ приходить одно за другимъ извѣстія о постоянномъ повсемѣстномъ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ чуть не со дня на день. На чемъ остановится это пониженіе и въ какой степени цѣны приблизятся къ нормальному уровню прежнихъ лѣтъ, это никому неизвѣстно. Но объ общемъ недостаткѣ хлѣба въ Россіи какъ о причинѣ его дороговизны нѣтъ болѣе и помина. Тѣ самыя газеты которыя еще недавно запугивали публику этимъ неминуемымъ ужаснымъ подъемомъ цѣнъ уже высказываютъ теперь увѣренность что къ веснѣ слѣдуетъ ожидать не подъема, а паденія цѣнъ. Ни у кого болѣе нѣтъ сомнѣній что повсемѣстная хлѣбная дороговизна была результатомъ спекуляціи завладѣвшей хлѣбными запасами прежнихъ лѣтъ и воспользовавшейся случайными обстоятельствами которыя мѣшали поступленію на рынки хлѣбовъ новаго урожая. Эта спекуляція держалась пока неблагопріятныя климатическія условія мѣшали молотьбѣ и пока бездорожье ставило непреодолимыя препятствія хлѣбнымъ подвозамъ, отсутствіе коихъ казалось подтвержденіемъ грозящаго странѣ общаго бѣдствія. Спекуляція должна была пасть какъ только устранились обстоятельства задерживавшія появленіе въ продажѣ хлѣбовъ новаго умолота. Тѣ самыя лица которыя еще не давно, имѣя свой необмолоченный хлѣбъ, были покупщиками его по высокимъ цѣнамъ являются теперь продавцами хлѣба по цѣнамъ все болѣе и болѣе понижаемымъ. И чѣмъ позднѣе начался подвозъ новаго хлѣба на рынки, тѣмъ позднѣе долженъ онъ кончиться,—обстоятельство, на которомъ преимущественно

основывается предположеніе объ умѣренности хлѣбныхъ цѣнъ въ предстоящіе весенніе мѣсяцы.

День ото дня улучшающіяся условія хлѣбныхъ рынковъ не поправляютъ однако того вреда какой былъ причиненъ недавнею дороговизной. Эта дороговизна побуждала большія массы людей ограничивать свои расходы, отказывать себѣ во многомъ. Кромѣ того, начавшійся подвозъ хлѣба, служа опроверженіемъ преувеличенныхъ мнѣній о размѣрахъ недочета минувшей жатвы, не даетъ однако основаній утверждать чтобъ эта жатва была особенно обильною, что минувшій годъ можетъ быть причисленъ къ числу урожайныхъ. Не говоря уже о губерніяхъ несомнѣнно пострадавшихъ отъ неурожая, причемъ для нѣкоторыхъ мѣстностей этотъ неурожай былъ тѣмъ тяжеле что онѣ много потерпѣли отъ неурожаевъ и въ предыдущіе годы, вообще въ Россіи урожай, судя по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, былъ только что посредственный. Въ помощи нуждаются не одно Поволжье и другія мѣстности не собравшія съ полей хлѣба въ количествѣ достаточномъ для обезпеченія народнаго продовольствія. Въ затруднительномъ положеніи оказываются также значительныя массы населенія привыкшаго находить средства къ жизни не въ земледѣліи, а въ промышленномъ трудѣ. Спросъ на этотъ трудъ находится у насъ въ прямой зависимости отъ результатовъ жатвы. Обиленъ урожай,—фабрики и заводы работаютъ день и ночь, увеличиваютъ производство, умножаютъ число рабочихъ. Недостаточенъ урожай,—сокращается сбытъ фабричныхъ продуктовъ, фабрики уменьшаютъ производство, распускаютъ часть рабочихъ или и совсѣмъ пріостанавливаются. Съ такимъ неблагопріятнымъ положеніемъ промышленности имѣемъ мы дѣло и въ настоящее время. Съ самаго начала осени начали приходить изъ разныхъ мѣстъ Россіи извѣстія то о закрытіи фабрикъ, то о сокращеніи на нихъ работъ въ половину противъ прежняго. Хлѣбъ теперь дешевѣетъ, но оставшимся безъ дѣла рабочимъ, привыкшимъ къ покупному хлѣбу, и подешевѣвшій хлѣбъ не по карману.

Параллельно съ сильнымъ сокращеніемъ спроса на продуктъ нашей промышленности замѣчается у насъ другой фактъ — оставшійся въ прежнихъ размѣрахъ спросъ на продукты иностранные. Привозъ ихъ изъ-за границы въ минувшемъ 1880 году, несмотря на недостаточный урожай, оказался не только не меньше, а еще больше чѣмъ въ 1879. Еслибы недочеты жатвы сопровождались равномѣрнымъ сокращеніемъ спроса какъ внутреннихъ такъ и иностранныхъ товаровъ, это было бы въ порядкѣ вещей. Но этого нѣтъ. Терпитъ одно внутреннее производство, а не иностранный сбытъ; остаются безъ дѣла только русскіе рабочіе. Не въ условіяхъ ли нашего таможеннаго тарифа слѣдуетъ искать объясненія этого страннаго и невыгоднаго явленія?

Недавно, въ № 22 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы имѣли случай указать на крупную премію какая естественнымъ путемъ установилась въ нашей внѣшней торговлѣ для привозныхъ товаровъ. И при морскомъ и при сухопутномъ провозѣ, и внѣ и внутри нашихъ границъ, иностранные товары пользуются большими скидками съ провозной платы. Это обстоятельство постоянно служитъ внутреннему производству большимъ препятствіемъ къ успѣшной конкурренціи его съ иностранцами. Но въ трудныя, критическія минуты, эти преміи въ цѣнахъ провоза должны становиться особенно невыгодными. Не этими ли преміями объясняется главнымъ образомъ тотъ фактъ что наши неурожаи такъ слабо отзываются на сбытѣ у насъ иностранныхъ товаровъ, сильно сокращая въ то же время внутренній сбытъ своихъ собственныхъ продуктовъ? Просматривая внимательно нашъ таможенный тарифъ, дѣйствительно, нельзя не придти къ убѣжденію что въ опредѣленіи размѣровъ обложенія пошлинами разныхъ привозныхъ товаровъ, у насъ мало или и совсѣмъ не принята во вниманіе необходимость уравновѣсить ими невыгоды русскаго производства происходящія отъ премій въ цѣнахъ провоза обычно достающихся иностранному производству.

Такъ, въ общей массѣ привозныхъ товаровъ, громадную роль играетъ цѣлая масса товаровъ пропускаемыхъ безпошлинно. Въ 1878 году, было ввезено въ Россію безпошлинно иностранныхъ товаровъ на сумму $142\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей; изъ 215 милліоновъ пудовъ привозныхъ товаровъ, прошли заплативъ пошлину только $70\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ, а $144\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ были пропущены безпошлинно. И это былъ не просто безпошлинный ввозъ, это былъ ввозъ премированный: каждый пудъ

этихъ провозныхъ товаровъ пользовался значительною премiей въ цѣнахъ провоза. Съ 1879 года началось у насъ, правда, какъ бы нѣкоторое стремленiе къ ограниченiю числа статей безпошлиннаго привоза. Сперва былъ исключенъ изъ этого числа хлопокъ; затѣмъ, съ наступленiемъ текущаго года, прекратился безпошлинный привозъ фабричныхъ машинъ. Но огромная масса товаровъ попрежнему пропускается безпошлинно, попрежнему продолжаетъ пользоваться большою провозною премiей. Какими экономическими соображенiями можетъ быть оправданъ такой порядокъ вещей, такая странная таможенная политика? У насъ допускается безпошлинный привозъ даже кирпича и плотничныхъ работъ (на сумму болѣе полутора миллiона рублей), которыя съ большою выгодой могли бы быть сдѣланы въ Россiи, и изготовленiе коихъ дало бы заработки не малому числу рабочихъ. Мы допускаемъ также безпошлинный, то-есть премированный ввозъ всякаго рода камней, извести и различныхъ глинъ употребляемыхъ въ строительномъ и фабричномъ дѣлѣ (всего на сумму болѣе трехъ миллiоновъ рублей), подрывая тѣмъ выгодность разработки собственныхъ мѣсторожденiй этихъ минеральныхъ богатствъ, отбивая самую охоту изслѣдовать эти мѣсторожденiя. А между тѣмъ поощренiе ихъ разработки составляетъ нашъ прямой интересъ: эта разработка придала бы цѣнность многимъ не приносящимъ дохода землямъ и въ то же время дала бы заработки многимъ тысячамъ народа. Точно также мало понятны соображенiя почему пропускаются къ намъ безпошлинно древесный, каменноугольный и нефтяной деготь, который, кажется, сумѣли бы изготовить и русскiе рабочiе, или напримѣръ бумажная масса и папье-маше, изготовляемыя можетъ-быть изъ русскаго же тряпья. Въ виду общей крупной провозной премiи выпадающей на долю всѣхъ привозныхъ товаровъ, едва ли представляется согласнымъ съ русскими интересами и безпошлинный пропускъ каменнаго угля десятками и сотнями миллiоновъ пудовъ, на миллiоны и десятки миллiоновъ рублей. Не подрываетъ ли этотъ привозный уголь нашу молодую каменноугольную промышленность, которая встрѣчаетъ главное препятствiе къ своему развитiю именно въ провозѣ угля, между тѣмъ какъ чужеземный уголь пользуется провозною премiей?

Точно также и въ ряду обложенныхъ пошлинами товаровъ имѣется цѣлая масса такихъ для которыхъ пошлина частiю доводится до крайняго minimum, частiю совсѣмъ до нуля, вслѣдствiе исключительной дешевизны провоза иностранныхъ товаровъ. Въ важномъ классѣ химическихъ продуктовъ, напримѣръ, среднiй размѣръ пошлины значительно ниже 30 копѣекъ съ пуда, цифра которая легко можетъ обратиться въ ничто благодаря скидкамъ съ провозной платы. Между тѣмъ бо́льшая часть этихъ химическихъ продуктовъ, а равно и красокъ, съ полнымъ успѣхомъ могли бы изготовляться въ Россiи, русскими рабочими, изъ русскихъ матерiаловъ. А какую массу заработковъ русскимъ рабочимъ дало бы развитiе химическаго производства! Вѣдь продуктовъ его ввозится въ Россiю ежегодно на 40 и болѣе миллiоновъ рублей. То же самое что о химическомъ, можно сказать и о многихъ другихъ производствахъ, напримѣръ о льняномъ, которое подрывается, между прочимъ, привозомъ изъ-за границы грубыхъ мѣшковъ изъ джуты. Трудность положенiя значительной части русскаго рабочаго населенiя является результатомъ недостатка заработковъ. Не въ исправленiи ли нашего таможеннаго тарифа заключается одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ увеличить эти заработки и расширить область приложенiя народнаго труда?

Обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство находятся въ тѣсной взаимной связи. Годы относительно выгодные для сельскаго хозяйства сопровождаются подъемомъ промышленности, и наоборотъ. Поэтому промышленность заинтересована въ таможенной охранѣ не только своихъ продуктовъ, но и продуктовъ сельскаго хозяйства. Самую слабую сторону сельскаго хозяйства составляетъ у насъ упадокъ скотоводства. Въ этомъ упадкѣ не безъ основанiя усматриваютъ одну изъ главныхъ причинъ ослабѣвающей производительности почвы и повторяющихся чаще чѣмъ прежде неурожаевъ, ставящихъ въ затрудненiе не только земледѣльцевъ, но и людей живущихъ промышленнымъ трудомъ. Одну изъ главныхъ экономическихъ задачъ настоящаго времени должно, поэтому, составлять принятiе мѣръ къ поощренiю скотоводства, къ тому чтобы сдѣлать его болѣе выгоднымъ. Многое могло бы быть сдѣлано въ этихъ видахъ, между прочимъ, измѣненiями таможенныхъ пошлинъ по нѣкоторымъ

статьямъ. Нашъ таможенный тарифъ по отношенію къ продуктамъ скотоводства очень устарѣлъ. Онъ составлялся въ то время когда упадка скотоводства у насъ еще не замѣчалось, когда продукты скотоводства были у насъ отпускными, а не привозными статьями. Но теперь, когда и сало, и кожи стали предметомъ привоза, а не отпуска, допущеніе ихъ въ Россію безпошлинно, то-есть съ провозною преміей, представляется ни съ чѣмъ несообразнымъ; этотъ безпошлинный привозъ идетъ положительно въ подрывъ выгодности русскаго скотоводства, отзываясь на немъ также какъ сильный привозъ иностранной шерсти, оплачиваемой слишкомъ низкою пошлиной (почти вдвое низшею противъ установленной два года тому назадъ пошлины съ хлопка), отозвался на судьбахъ русскаго овцеводства.

№ 38.

Москва, 6-го февраля.

Дѣла Закаспійской экспедиціи приняли почти неожиданный быстрый ходъ. Текинцы побѣждены вдвойнѣ и силою, и добромъ. Сила оружія сломила ихъ сопротивленіе; честный, прямой и великодушный образъ дѣйствій побѣдителя покорилъ ихъ нравственно. Можно предвидѣть добрыя послѣдствія этой двойной побѣды.

Еще 18 января, немедленно по занятіи нашими войсками Асхабада, въ отрядъ стали являться депутаціи отъ Текинскаго населенія съ изъявленіемъ покорности; затѣмъ, 20 января, жители Аннау поднесли генералу Скобелеву адресъ съ просьбою „о принятіи ихъ подъ покровительство Бѣлаго Царя;“ однако, вмѣстѣ съ этимъ, положительно выяснилось что бо́льшая часть уцѣлѣвшихъ защитниковъ Геокъ-Тепе и скрывавшихся тамъ семействъ бѣжали въ пески къ сѣверовостоку отъ Асхабада, по дорогамъ на Мервъ.

Могло казаться что побѣжденный только ищетъ выиграть время чтобы собраться съ силами. Но генералъ Скобелевъ, хорошо знакомый съ характеромъ азіатскихъ народовъ рѣшился показать Текинцамъ довѣріе. Приняты были энергическія мѣры вернуть бѣжавшихъ: въ пески направлены двѣ сильныя колонны полковниковъ Куропаткина и Гайдарова, а вмѣстѣ съ этимъ обнародовано воззваніе приглашающее Текинцевъ сложить оружіе. Дальнѣйшее наступленіе отряда было пріостановлено.

Успѣхъ этихъ мѣръ превзошелъ ожиданія. Не безъ страха и опасеній, повидимому, явились первыя партіи бѣглецовъ, и за ними „мало-по-малу“ начали возвращаться остальные. Къ 26 января число явившихся и сложившихъ оружіе достигало уже 7 тысячъ семействъ. Дальнѣйшій успѣхъ былъ въ рукахъ командующаго: все зависѣло отъ того какъ обойтись съ возвратившимися. Они нуждались во всемъ: во врачебной помощи, въ пристанищѣ, въ пищѣ, въ одеждѣ. Все это имъ было выдано изъ богатаго доставшагося побѣдителю запаса. Началось водвореніе на прежнія мѣста жительства. Это ободрило остальныхъ; возвращеніе пошло быстрѣе, и къ 31 января число покорившихся достигало уже 16 тысячъ семействъ, что̀ составляетъ, за исключеніемъ потерь во время военныхъ дѣйствій, почти половину всего числа жителей въ Ахалъ-Теке. „Населенію, сказано въ послѣдней депешѣ генерала Скобелева, отъ имени Государя Императора объявлено помилованіе.“ Старшины возвратившихся отвѣчали: „Текинцы воевать умѣютъ и доказали это, но лгать никогда не лгали и докажутъ свою вѣрность Бѣлому Царю.“

Отряды посланные въ пески также сдѣлали свое дѣло. Полковникъ Куропаткинъ съ 22 января по 1 февраля, какъ передано въ послѣдней только что полученной депешѣ отъ 4 февраля, обошелъ значительное пространство. Кавалеріей пройдено 380, пѣхотой 250 верстъ. Многочисленное населеніе группировавшееся у колодцевъ изъявило полную покорность, сдало оружіе и двинулось въ оазисъ. „По пути слѣдованія отряда направлено къ оазису до пятнадцати тысячъ душъ обоего пола.“

По мѣрѣ возвращенія Текинцевъ, устраивается временное народное управленіе, обязанное водворить бѣжавшихъ на прежнихъ мѣстахъ, принять мѣры для продовольствія и снабженія неимущихъ, а также и для обезпеченія будущаго урожая и оздоровленія мѣстности. Трудъ предстоитъ не малый; бѣжало съ приближеніемъ нашихъ войскъ почти все населеніе; наши летучія колонны прошлою весной и лѣтомъ испортили значительное число ирригаціонныхъ канавъ, а безъ искусственнаго орошенія здѣсь ничего не рас-

теть. Надо отдать справедливость энергіи и предусмотрительности вновь создаваемой въ краѣ администраціи; уже теперь какъ доноситъ генералъ Скобелевъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предпринимаются работы чтобы своевременнымъ орошеніемъ обезпечить прошлогоднія уцѣлѣвшія запашки. Надо ожидать что при такихъ мѣрахъ будетъ обезпеченъ урожай достаточный для продовольствія не только мѣстнаго населенія, но и дѣйствующаго отряда.

Операціонная линія этого отряда значительно сокращается: въ тылу будетъ уже не пустыня брошенная жителями, а населенная, покорная и надлежащимъ образомъ управляемая страна, въ одной изъ окраинъ которой не дальше какъ къ веснѣ будетъ проложенъ рельсовый путь. Но уже и теперь движеніе впередъ не представитъ тѣхъ трудностей на которыя очевидно разчитываютъ Мервъ-Текинцы, если вѣрить англійскимъ извѣстіямъ, рѣшившіеся оказать энергическое сопротивленіе нашимъ войскамъ. Такъ въ *Daily News* телеграфируютъ изъ Келата отъ 14 (2) февраля будто мервскіе вожди собирались на совѣщаніе и рѣшили сосредоточить всѣ силы такъ чтобы воспрепятствовать Русскимъ пройти въ Тадженедъ, куда прибылъ Макдумкули-ханъ съ 5.000 Текинцевъ, которые пытаются даже отвести рѣку Таджанъ-Дарью къ востоку, „чтобы прервать доступъ къ водѣ.“ Извѣстіе это кажется весьма правдоподобнымъ, такъ какъ депеша идетъ очевидно не изъ Белуджистанскаго Келата, а изъ пограничнаго персидскаго городка Келатъ-а-Надиръ, лежащаго всего въ 30 верстахъ отъ Текинскаго аула Караханъ, а Макдумкули-ханъ, одинъ изъ вождей принимавшихъ участіе въ оборонѣ Геокъ-Тепе, уже давно сообщаетъ разныя свѣдѣнія англійскимъ корреспондентамъ въ сѣверной Персіи. Но извѣстіе это послѣ телеграммъ изъ нашего дѣйствующаго отряда теряетъ бо́льшую часть своего значенія: выраженныя въ немъ намѣренія очевидно относятся къ тому времени когда ни Макдумкули-ханъ, ни кто другой не могъ предвидѣть того оборота который приняли дѣла въ Ахалъ-Теке. Оборона восточной части Ахалъ-Текинскаго оазиса, между горами Кюренъ-Дагъ и рѣкою Таджанъ-Дарья, такъ-называемаго Таджанеда, исключительно силами однихъ мервскихъ Туркменъ кажется дѣломъ почти невѣроятнымъ хотя тутъ, если вѣрить письму англійскаго полковника Бѣтлера въ *Globe*, и построены имъ еще въ 1878 году два довольно сильныя укрѣпленія. Оборона Тадженеда и отводъ Таджанъ-Дарьи къ востоку не могло бы остановить движеніе нашихъ колоннъ на Мервъ и по той причинѣ что имъ нѣтъ крайности двигаться къ аулу Артекъ и далѣе на путь ведущій изъ персидскаго города Серахса на Мервъ, тѣмъ болѣе что дорога эта, по свѣдѣніямъ собраннымъ генераломъ Гродековымъ, не проходима для значительнаго отряда по безводью.*)

Отводъ Таджанъ-Дарьи на востокъ къ Мерву дѣло не легкое. Таджанъ-Дарья не малая степная рѣчка; она вытекаетъ изъ высотъ почти въ самомъ центрѣ Афганистана и подъ именемъ Гери-рудъ течетъ по персидскимъ владѣніямъ, гдѣ у Серахса поворачиваетъ на сѣверъ и пересѣкаетъ Текинскій оазисъ, опять поворачивая на сѣверо-западъ. Отводъ такой рѣки требуетъ обширныхъ работъ и большаго числа рукъ. Не разчитывалъ ли Макдумкули-ханъ и другіе вожди Мервъ-Текинцевъ на бѣжавшее изъ-подъ Геокъ-Тепе ахалъ-текинское населеніе, которому еще такъ недавно не было, казалось, другаго выбора кромѣ отчаяннаго сопротивленія?

Обстоятельства перемѣнились...

№ 39.

Москва, 7-го февраля.

Въ прошедшій понедѣльникъ, 7 февраля, въ Британской палатѣ лордовъ возбужденъ былъ вопросъ о „тайныхъ сношеніяхъ Россіи съ Афганистаномъ,“ и этотъ парламентскій разговоръ вновь оживилъ старинную подозрительность Англичанъ противъ Россіи и далъ поводъ враждебнымъ къ ней органамъ разразиться потокомъ неистовыхъ на нее нападокъ. Искусственность этой внезапной „тревоги,“ по поводу факта ставшаго извѣстнымъ еще два года тому назадъ, бросается въ глаза, и несмотря на то что члены теперешняго кабинета старались „оправдать“ Россію, не трудно убѣдиться что истинною причиной всего этого парламентскаго инцидента было то о чемъ тщательно умал-

*) *Чрезъ Афганистанъ*, стр. 113.

чивали обѣ стороны во время преній, именно побѣда генерала Скобелева надъ Ахалъ-Текинцами. Кто не знаетъ что „оппозиція ея британскаго величества“ весьма часто оказываетъ „правительству ея величества“ существенную помощь когда оказывается надобность въ какомъ-либо шахматномъ ходѣ противъ „дружественной“ иностранной державы. „Нескромность“ оппозиціи является въ этихъ случаяхъ чрезвычайно удобною для ея противниковъ на скамьѣ министерства. На этотъ разъ „бѣлыя нитки“ были очень видны.

Лордъ Литтонъ, бывшій вице-король Индіи при кабинетѣ графа Беконсфильда, внесъ предложеніе о томъ чтобы правительство представило парламенту копіи переписки между бывшимъ афганскимъ эмиромъ Ширъ-Али и русскими властями въ Средней Азіи, которая была найдена во дворцѣ эмира въ Кабулѣ, при вступленіи туда англійскихъ войскъ послѣ убійства Каваньяри. Лордъ Гранвиль, теперешній министръ иностранныхъ дѣлъ, выразилъ согласіе на это отъ имени правительства. Но правительство не успѣло исполнить это обѣщаніе и было предупреждено газетою *Standard*, главнымъ органомъ торійской партіи, опубликовавшимъ указанные документы на другой же день послѣ преній въ палатѣ лордовъ. Изъ этихъ документовъ, числомъ двадцати, заключающихся въ письмахъ между Шеръ-Али, съ одной стороны, и генералами Кауфманомъ и Столѣтовымъ, съ другой, видно что въ 1878 году, когда отношенія между Россіей и Англіей за время предшествовавшее заключенію Берлинскаго трактата дошли до крайней степени напряженія, Ширъ-Али обратился къ Россіи ища у нея помощи противъ Англіи, и эта помощь была ему обѣщана чрезъ генерала Столѣтова, который прибылъ въ Кабулъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ генерала Кауфмана, и даже былъ заключенъ договоръ между нимъ и эмиромъ, въ силу коего эмиру обѣщана была матеріальная помощь Россіи противъ непріятельскаго нападенія, взамѣнъ чего эмиръ обязался подчиняться во всемъ руководству Россіи. Содержаніе этого договора передано впрочемъ не на основаніи подлиннаго текста, который не былъ найденъ въ числѣ документовъ въ Кабулѣ, а возстановлено на основаніи изустныхъ показаній бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ у Афганскаго эмира.

Лордъ Гранвиль не ограничился простымъ заявленіемъ о готовности правительства удовлетворить требованіе лорда Литтона, но прибавилъ къ этому нѣкоторыя весьма любопытныя свѣдѣнія объ объясненіяхъ которыя онъ имѣлъ по этому предмету съ русскимъ посломъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Другой членъ теперешняго кабинета, герцогъ Аргайль, прибавилъ отъ себя нѣсколько замѣчаній не менѣе любопытныхъ.

Лордъ Гранвиль напомнилъ прежде всего что слухъ о найденныхъ въ Кабулѣ документахъ былъ распространенъ торійскими газетами тотчасъ послѣ взятія Кабула, и что герцогъ Аргайль потребовалъ тогда отъ торійскаго кабинета представленія оныхъ парламенту. Но лордъ Беконсфильдъ заявилъ что не находитъ возможнымъ удовлетворить этому требованію, добавивъ что правительство приняло мѣры чтобъ о нихъ не было рѣчи и въ парламентскихъ преніяхъ, дабы не оказалось надобности представить эти документы относящіеся къ тому времени когда Россія готовилась къ войнѣ противъ Англіи. Затѣмъ лордъ Гранвиль упомянулъ и о другомъ фактѣ, еще болѣе характеристическомъ: 10 января сего года, то-есть лишь однимъ мѣсяцемъ раньше, тотъ же лордъ Литтонъ заявилъ о своемъ намѣреніи потребовать предъявленія документовъ; но нѣсколько дней спустя лордъ Литтонъ написалъ лорду Гранвилю что беретъ назадъ свое требованіе. „Требованіе лорда Литтона, прибавилъ лордъ Гранвиль, поставило тогда меня и лорда Гартингтона въ затруднительное положеніе, и послѣдовавшее затѣмъ отреченіе его отъ своего требованія значительно облегчило насъ.“ Очевидно стало-быть что подобнаго рода „требованія“ ставятся и берутся назадъ по предварительнымъ уговорамъ между оппозиціей и правительствомъ. Но по прошествіи одного только мѣсяца, то же лицо ставитъ то же самое требованіе, и правительство на этотъ разъ уже не чувствуетъ себя стѣсненнымъ и изъявляетъ готовность удовлетворить оное. Правда, между правительствомъ и оппозиціей идетъ довольно оживленная полемика о значеніи документовъ; лордъ Литтонъ обличаетъ Россію въ „коварныхъ замыслахъ“ противъ Англіи, лордъ Гранвиль и герцогъ Аргайль, напротивъ, оправдываютъ Россію. Но вся эта „полемика“ представляет-

ся чѣмъ-то искусственнымъ и поневолѣ думается что обѣ стороны, такъ удобно сговаривающіяся между собою когда спорить и когда нѣтъ, выступили на этотъ разъ въ публичное пререканіе для общей имъ обѣимъ цѣли... И это предположеніе становится болѣе нежели вѣроятнымъ если вспомнить что между первымъ запросомъ лорда Литтона который былъ взятъ назадъ, и вторымъ который вызвалъ публичное пререканіе, случилась блестящая побѣда русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Скобелева...

Изъ объясненій данныхъ лордомъ Гранвилемъ на запросъ лорда Литтона мы узнаемъ что лѣтомъ прошедшаго года онъ счелъ нужнымъ объясниться съ представителемъ Россіи по поводу сношеній Русскаго правительства съ Афганистаномъ. Князь Лобановъ-Ростовскій рѣшительно опровергъ слухъ будто въ войскахъ Эюбъ-хана находятся русскіе офицеры, и это опроверженіе вполнѣ подтвердилось свѣдѣніями собранными Англійскимъ правительствомъ. Но если оно имѣло возможность собрать объ этомъ свѣдѣнія, то не лучше ли было освѣдомиться ранѣе и не обращаться по этому поводу съ ненужными вопросами?.. Далѣе, мы узнаемъ что лордъ Гранвиль имѣлъ объясненія съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и по поводу писемъ найденныхъ въ Кабулѣ. Былъ сличенъ переводъ имѣвшійся въ рукахъ Англійскаго правительства съ переводомъ доставленнымъ генераломъ Кауфманомъ; нѣкоторыя выраженія оказались черезчуръ сильно переданными въ англійскомъ переводѣ; рѣчь шла де не о „союзѣ" съ Афганскимъ эмиромъ, а лишь о „дружбѣ" съ нимъ. Вообще же, по мнѣнію русскаго посла, вся эта переписка имѣла характеръ „простыхъ вѣжливостей" (*a complimentary character*), причемъ слѣдуетъ имѣть въ виду что въ 1878 году, къ которому относится переписка, Россія считала войну съ Англіей неминуемою. Лордъ Гранвиль замѣтилъ русскому послу что въ письмахъ и послѣ заключенія Берлинскаго трактата встрѣчаются „непріятныя" для Англіи мѣста. На это князь Лобановъ замѣтилъ что генералъ Столѣтовъ во время писанія этихъ писемъ еще не зналъ о заключеніи трактата, и что генералу Кауфману было предписано, послѣ заключенія Берлинскаго трактата, воздержаться отъ какихъ бы то ни было непріязненныхъ противъ Англіи шаговъ, и что Русское правительство не дозволило даже эмиру Ширъ-Али, бѣжавшему въ то время въ Россію, прибыть, какъ онъ желалъ, въ Петербургъ.

Не менѣе интересны были объясненія герцога Аргайля по поводу запроса лорда Литтона. Онъ указалъ на то что лордъ Литтонъ, назначенный въ 1876 году вице-королемъ въ Индію, имѣлъ до отправленія на свой постъ какія-то объясненія съ тогдашнимъ представителемъ Россіи въ Лондонѣ графомъ Шуваловымъ. Содержаніе этихъ переговоровъ, о коихъ, безъ сомнѣнія, было предувѣдомлено и тогдашнее правительство, теперешнему кабинету положительно неизвѣстно. Но есть де нѣкоторыя довольно вѣскія указанія на то что въ то время рѣчь шла о соглашеніи между Россіей и Англіей въ видахъ раздѣленія между ними Афганистана и прекращенія независимости послѣдняго. Но вскорѣ послѣ того, съ прибытіемъ лорда Литтона въ Индію, въ намѣреніяхъ Британскаго правительства произошла повидимому радикальная перемѣна, и лордъ Литтонъ, какъ достовѣрно извѣстно герцогу Аргайлю, сталъ дѣлать приготовленія къ походу противъ Афганистана и въ русскія владѣнія въ Средней Азіи. Изъ того что въ 1876 году, когда Англія находилась въ самыхъ мирныхъ отношеніяхъ къ Россіи и дѣйствовала совокупно съ нею для предотвращенія смутъ на Балканскомъ полуостровѣ, Англійское правительство тѣмъ не менѣе готовилось ко враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи въ Центральной Азіи, герцогъ Аргайль заключаетъ что тѣмъ болѣе Россія имѣла право въ 1878 году принимать мѣры враждебныя Англіи, съ которою разрывъ казался тогда неминуемымъ.

Нельзя не порадоваться что господствующая нынѣ партія, въ лицѣ герцога Аргайля, явилась столь краснорѣчивымъ защитникомъ Россіи предъ палатою лордовъ. Но было бы еще пріятнѣе еслибы дѣло обошлось безъ всякаго суда надъ Россіей. А этого легко было бы достигнуть еслибы разъ навсегда установлено было правило что Россія не имѣетъ никакого повода ни объяснять, ни оправдывать своихъ дѣйствій даже предъ дружественнымъ правительствомъ; подобно тому какъ и отъ Англіи никто не требуетъ объясненій въ томъ какого рода внушенія она дѣлаетъ не только разнымъ племенамъ Средней

Азіи, но и Турціи, и какую подмогу она обѣщаетъ и оказываетъ имъ, когда считаетъ это для себя полезнымъ.

№ 41.

Москва, 9-го февраля.

Въ послѣднее время намъ неоднократно приходилось уличать газету *Голосъ* въ клеветѣ направленной противъ различныхъ органовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Благодаря самообличительному свойству этой клеветы обнаруживать ее было очень легко. Намъ не приходилось тратить много времени и усилій на собираніе уликъ противъ петербургской газеты: она сама съ любезною предупредительностью сообщала намъ всѣ документы опровергавшіе самымъ рѣшительнымъ образомъ ея клевету и служившіе слѣдовательно матеріаломъ для разоблаченія низкихъ интригъ той журнальной клики которая именуетъ себя „русскою либеральною партіей."

Такъ напримѣръ, въ № 19 названной газеты была помѣщена эффектная статья о томъ будто бы директоръ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія предписалъ собрать посредствомъ „поборовъ и вымогательства трудовыя деньги учителей и купить на нихъ подарокъ графу Д. А. Толстому." Когда появилась эта очевидная клевета, мы не могли въ ту же минуту опровергнуть ее не имѣя подъ руками нужныхъ для этого офиціальныхъ документовъ. Но самъ *Голосъ* въ своемъ № 23 съ удивительною наивностью сообщилъ намъ требуемый документъ, который убѣдительно показалъ всей читающей публикѣ что „подарокъ," „вымогательство" и „поборы" принадлежатъ къ числу тѣхъ лживыхъ выдумокъ которыми такъ богата черезчуръ „либеральная" фантазія петербургскихъ публицистовъ. Съ помощью этого документа мы обнаружили всѣ эти выдумки въ № 35 нашей газеты и высказали при этомъ удивленіе по поводу той „наивности" съ которою газеты, именующія себя „либеральными," иногда печатаютъ документы опровергающіе самымъ рѣшительнымъ образомъ тотъ обманъ въ который онѣ хотятъ ввести своихъ читателей.

Каково же было наше удивленіе, когда въ отвѣтъ на эту замѣтку мы прочли въ № 37 *Голоса* слѣдующія слова:

„Г. Катковъ опять осерчалъ. Онъ недоволенъ *Русскими Вѣдомостями*, *Вѣстникомъ Европы*, но болѣе всего *Голосомъ*. Это и понятно: мы имѣли дерзость обнародовать документы, которые такъ желательно было скрыть (?)... Московской защитницѣ стараго режима (!) *очень не понравилось (!?)* опубликованіе нами документа объ обязательной подпискѣ на добровольныя пожертвованія въ честь графа Толстаго."

Какъ же это такъ? Мы очень благодаримъ г. Краевскаго за сообщеніе документа, а онъ увѣряетъ своихъ читателей что намъ сообщеніе это „очень не понравилось." Сообщайте намъ побольше такихъ документовъ; если они кому-нибудь не нравятся, то ужъ во всякомъ случаѣ не намъ; мы сами едва могли найти болѣе удачныя и неопровержимыя доказательства вашей клеветы...

Да вотъ хоть бы новый „документъ" сообщаемый *Голосомъ*, развѣ онъ можетъ намъ „не понравиться?" Петербургская газета клянется и божится что она не ратуетъ противъ графа Толстаго; „нѣтъ," говоритъ она,

„мы ратуемъ за принципъ, который такъ возмутительно попирается. Принципъ этотъ простъ и ясенъ; онъ прекрасно и точно выраженъ въ 663 ст. т. XIII Свода Законовъ: Всѣ такъ-называемыя приношенія *начальствующимъ* лицамъ отъ общества и сословій, какъ въ совокупности, такъ и отдѣльно, подъ какимъ бы то видомъ ни было въ изъявленіе благодарности, памятниками, выставленіемъ въ публичныхъ мѣстахъ портретовъ, адресами, вещами и денежными пожертвованіями *запрещаются*. Поймите же: *запрещаются*. Пора же наконецъ уважать законъ."

И мы въ свою очередь скажемъ: поймите же: *начальствующимъ*, а не *начальствовавшимъ* лицамъ! Какое же графъ Толстой начальствующее лицо, когда вотъ уже почти цѣлый годъ прошелъ съ того времени какъ онъ покинулъ свою должность среди дикой оргіи всей „либеральной прессы," торжественно заявлявшей что какъ онъ, такъ и какая-то *его* система обречены теперь на полнѣйшее бездѣйствіе.

„Да," говоритъ *Голосъ*, „но вѣдь? директоръ департамента остался тотъ же; всѣ попечители учебныхъ округовъ, кромѣ двухъ,—тѣ же; директоры гимназій—

сплошь тѣ же. Такъ нечего же глаза отводить „безсиліемъ“ графа Толстаго.“

Одно изъ двухъ: или директоръ департамента уже „безсиленъ,“ или онъ еще „силенъ.“ Въ первомъ случаѣ о „вымогательствѣ“ и рѣчи не можетъ быть, а во второмъ—еще менѣе того. Въ его письмѣ находится мѣсто на которое мы уже указывали въ прежней нашей статьѣ, но которое „либеральныя“ газеты упорно обходятъ молчаніемъ какъ для себя не вполнѣ удобное, хотя самъ же *Голосъ* его напечаталъ.

Вотъ это мѣсто, которое необходимо постоянно имѣть въ виду чтобы понять всю гнусность обнаруженной нами „либеральной“ клеветы.

„Само собою разумѣется что на это дѣло должно смотрѣть какъ на совершенно частное, что всякое приношеніе, какъ бы мало оно ни было, будетъ принято съ благодарностью, и что *при собираніи приношеній не только не желательно прибѣгать къ какимъ-либо мѣрамъ могущимъ имѣть видъ какого бы то ни было начальственнаго принужденія, но и придавать такому собиранію что-либо похожее на офиціальный характеръ. Полагаю что только при соблюденіи этого условія осуществленіе изложенной выше мысли могло бы быть пріятно графу Дмитрію Андреевичу Толстому.*“

Голосъ говоритъ что директоры гимназій смотрятъ на письмо М. Е. Брадке какъ на офиціальный циркуляръ, такъ какъ они „робѣютъ“ передъ центральною властью. Но въ такомъ случаѣ какъ же объяснить себѣ будто они, по увѣреніямъ того же *Голоса*, дѣйствуютъ какъ разъ наперекоръ этой страшной центральной власти, дѣлая именно то что̀ эта власть запрещаетъ? Какъ же директоры гимназій станутъ „вымогать деньги бѣдныхъ учителей“ когда циркулярное предписаніе грознаго директора департамента приказало имъ дѣйствовать совершенно наоборотъ?

А что касается попечителей, которые, по словамъ *Голоса*, „все тѣ же кромѣ двухъ,“ то неужели газета г. Краевскаго считаетъ ихъ такими завзятыми приверженцами бывшаго министра что они стали бы терпѣть въ своихъ округахъ „принудительные поборы“ въ честь графа Толстаго? Неужели такое вымогательство допустилъ бы въ Оренбургскомъ округѣ, напримѣръ, г. Даль, который назначенъ былъ на мѣсто попечителя еще графомъ Толстымъ и который вскорѣ по его удаленіи произнесъ „либеральнѣйшую“ въ извѣстномъ смыслѣ рѣчь, за которую удостоился громкихъ и лестныхъ отзывовъ со стороны петербургскихъ фельетонистовъ? А развѣ въ настоящее время не засѣдаютъ въ Петербургѣ и остальные товарищи г. Даля, трудясь надъ крушеніемъ той системы которую они пресеріозно, заодно съ журналистами, называютъ „системой графа Толстаго,“ или попросту „толстовщиной?“

Нѣтъ, пусть успокоится *Голосъ*. Никто не запугиваетъ и не принуждаетъ „бѣдныхъ учителей“ жертвовать трудовыя деньги въ пользу графа Толстаго; за то можно запугать тѣхъ кто и пожелалъ бы заявить свое сочувствіе министру, при которомъ наша школа впервые возвысилась до уровня общеевропейскаго образованія. Мы еще разъ повторяемъ: для того чтобы выразить въ настоящее время свое сочувствіе графу Толстому требуется гораздо больше гражданскаго мужества чѣмъ для того чтобы повторять безсмысленныя фразы либеральныхъ фельетонистовъ.

Въ концѣ своей статьи *Голосъ* прибѣгаетъ къ весьма характеристической уловкѣ чтобъ оправдать то неблаговидное средство къ которому онъ прибѣгъ дабы придать болѣе эффектный видъ своей клеветѣ. Средство это состояло въ томъ что онъ съ негодованіемъ говорилъ о принудительной подпискѣ на *подарокъ* графу Толстому, тогда какъ дѣло шло о добровольныхъ пожертвованіяхъ на учрежденіе *академической преміи* имени графа Толстаго. Мы уличили петербургскую газету въ этой лжи и съ любопытствомъ ожидали какъ она вывернется изъ этого „faux pas.“ Теперь оказывается что она вывернулась такъ какъ слѣдуетъ честной либералкѣ: уличенная во лжи она насъ же обвиняетъ въ „подтасовкѣ!“ Этого рода пріемъ впрочемъ для насъ не новость. Недавно еще, въ № 27 нашей газеты, мы писали что если россійскій „либералъ“ скажетъ въ одномъ мѣстѣ одно, а въ другомъ совершенно иное, то этихъ мѣстъ сопоставлять нельзя, ибо это будетъ „подтасовкой.“ Такъ точно поступаетъ теперь *Голосъ*. „Одинъ только примѣръ,“ говоритъ онъ, „какъ честно написана статья *Московскихъ Вѣдомостей*: „Учителя подписываются на академическую *премію* вмѣсто того говорится о *подаркѣ*.“ Въ этомъ случаѣ г. Катковъ позволилъ себѣ малень-

кую подтасовку: о *подаркѣ* мы говорили въ № 19 *Голоса*, отъ 19 января, а о *преміи* узнали только изъ документа помѣщеннаго въ № 23 *Голоса*, отъ 23 января, а не наоборотъ."

Какъ вамъ это нравится? *Голосъ* самъ сознается что 19 января, когда онъ возмущался *подаркомъ* готовящимся графу Толстому, онъ ни откуда ничего обь этомъ подаркѣ не зналъ! Онъ слѣдовательно самъ сочинилъ этотъ подарокъ и затѣмъ разыгралъ роль возмущеннаго до глубины души честнаго человѣка. Вотъ какова нравственность у нашихъ журналистовъ! А затѣмъ черезъ три дня онъ „узналъ" что о подаркѣ и рѣчи не было. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ конечно извинился предъ своими читателями въ своей „невольной ошибкѣ?" Помилуйте! Развѣ „либеральный" журналистъ станетъ церемониться со своими читателями? Сегодня онъ имъ солжетъ одно, завтра другое, послѣ завтра третье, лишь бы *хлестко* было,—а вотъ если кто его въ этомъ враньѣ уличитъ—тому бѣда! Тотъ и „шулеръ," и „іезуитъ," и „хитрый инсинуаторъ." Между тѣмъ вся Россія должна молчать и съ умиленіемъ слушать какъ эти господа съ притворнымъ паѳосомъ говорятъ свою „либеральную" чепуху. Правительство уже обязываетъ эту систематическую ложь принимать за общественное мнѣніе страны и сообразоваться съ таковымъ...

№ 42.

Москва, 10-го февраля.

Около 7 февраля, по свидѣтельству *Международнаго Телеграфнаго Агентства*, въ Петербургѣ, въ военныхъ кругахъ стали утверждать что дальнѣйшее движеніе Ахалъ-Текинскаго отряда „остановлено" и что „экспедиція должна считаться оконченною," причемъ Геокъ-Тепе, Асхабадъ обратятся въ передовые укрѣпленные пункты, Бами въ опорный средній, а Чекишляръ съ Красноводскомъ—въ резервные. Ожидали также что „полное умиротвореніе края наступитъ скоро." Около того же времени, даже нѣсколько раньше, распространились, и опять-таки изъ Петербурга, слухи о болѣзни генерала Скобелева и о предстоящемъ въ непродолжительномъ времени „возвращеніи" его изъ отряда.

Но, съ другой стороны, именно въ последнее время, и именно въ виду быстраго хода дѣла по умиротворенію Ахалъ-Текинскаго края, всѣ были вполнѣ увѣрены въ дальнѣйшемъ движеніи отряда, въ ожидающихъ его новыхъ успѣхахъ и въ неминуемости скораго занятія Мерва, который уже нѣсколько лѣтъ считается конечною цѣлью Закаспійской экспедиціи. Естественно что толки о томъ будто дѣйствія „остановлены" и о возвращеніи самого начальника экспедиціи должны были показаться неправдоподобными и загадочными.

Дѣйствительно, остановиться послѣ блестящаго успѣха, послѣ полнаго разгрома непріятельскихъ силъ, когда уже ничто не могло препятствовать дальнѣйшему наступленію, и остановиться такъ сказать въ виду главной цѣли дѣйствій, достиженіе коей считается необходимымъ для обезпеченія достигнутаго успѣха, не было казалось бы никакой уважительной причины. Остановить наступленіе, т.-е. прекратить военныя дѣйствія было бы конечно необходимо еслибы, съ одной стороны, силы и средства которыми мы располагаемъ оказались недостаточными для дальнѣйшихъ операцій или, съ другой стороны, еслибъ умиротвореніе только что занятаго края, то-есть обезпеченіе тыла дѣйствующихъ войскъ при дальнѣйшемъ ихъ движеніи, представляло бы особенныя трудности и еслибы на спокойствіе населенія только-что занятаго края долго еще нельзя было бы разчитывать.

Но мы знаемъ что немедленно за разгромомъ подъ Геокъ-Тепе Ахалъ-Текинцы изъявили полную покорность; они массами возвращаются на прежнія мѣста и „сдаютъ свое оружіе," гордо заявляя что „умѣя драться, лгать не умѣютъ и докажутъ это вѣрностью Бѣлому Царю." Правда, еще не все бѣжавшее съ приходомъ Русскихъ населеніе возвратилось, но число сложившихъ оружіе перевалило уже далеко за половину, и въ военныхъ кругахъ Петербурга, откуда идетъ извѣстіе о прекращеніи операцій, нисколько не сомнѣваются что „полное умиротвореніе края наступитъ скоро."

Не могутъ остановить наступленія нашего отряда и военныя приготовленія дѣлаемыя, по слухамъ, Мервъ-Текинцами. Силы ихъ недостаточны для этого. На пути отъ Аннау и Асхабада далѣе къ юго-востоку, въ такъ-называемый Таджанедъ, существуютъ гдѣ-то двѣ „крѣпости", по-

строенныя еще въ 1878 году англійскимъ майоромъ Бётлеромъ, но средства которыми располагаютъ мервскіе Текинцы для ихъ обороны вовсе невелики, такъ какъ уже по свѣдѣніямъ передаваемымъ въ *Daily News*, со словъ Макдумкули-хана, они состоятъ всего изъ пяти тысячъ воиновъ. Макдумкули-ханъ и другіе вожди разчитываютъ болѣе на отводъ теченія Таджанъ-Дарьи и на помощь „изъ Кандагара" нежели на свои силы, ослабленныя потерей нѣсколькихъ тысячъ лучшихъ, наиболѣе предпріимчивыхъ и отважныхъ бойцовъ, павшихъ при оборонѣ Геокъ-Тепе, куда они прибыли на помощь предъ самымъ началомъ осады. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что справиться теперь съ Мервъ-Текинцами было бы не только не труднѣе, но гораздо легче нежели съ Ахалъ-Текинцами. Эти не только разчитывали, но и дѣйствительно получили помощь извнѣ, отъ своихъ соплеменниковъ, тогда какъ послѣдніе ждутъ какой-то помощи только изъ далекаго Кандагара.

Любопытно бы знать отъ кого именно и какую помощь могутъ получить въ Кандагарѣ мервскіе Туркмены? Случается однако что союзникъ или помощникъ находятся иногда скорѣе всего тамъ гдѣ казалось бы найти его всего труднѣе. Не разчитываютъ ли Мервъ-Текинцы на матеріальную или по крайней мѣрѣ нравственную помощь со стороны Англичанъ? Въ самомъ дѣлѣ, имъ не разъ приходилось пользоваться такою помощью. Изъ Англіи чрезъ Гератъ они получали оружіе, англійскій офицеръ и притомъ въ чинахъ не малыхъ, почти свѣдома своего правительства, построилъ въ текинскихъ оазисахъ три крѣпости, научилъ какъ оборонять ихъ и теперь, по его собственному печатному заявленію въ *Globe*, „постоянно молитъ Бога чтобы на двухъ укрѣпленныхъ пунктахъ, лежащихъ къ востоку отъ Геокъ-Тепе, его друзья-Текинцы дѣйствовали такъ же храбро какъ и на земляныхъ валахъ Геокъ-Тепе." Съ самаго появленія Русскихъ въ Закаспійскомъ краѣ, съ постройки Красноводска и Чекишляра Текинцы не прекращали своихъ сношеній съ Англичанами, дошедшихъ въ послѣднее время до аккуратной переписки между текинскими вождями и англійскими корреспондентами поселившимися на сѣверной границѣ Персіи. Ото всѣхъ этихъ лицъ Мервъ-Текинцы не только могли, но и должны были узнать что Англія не безъ ревности и тревоги смотритъ на успѣхи наши въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ. Еще не далеко то время когда занятіе русскими войсками Мерва выставлялось Англіей за casus belli. Правда, это было при прежнемъ министерствѣ лорда Биконсфильда, правда что въ послѣднее время ни о чемъ подобномъ не было и рѣчи, а напротивъ, шли толки о рельсовыхъ путяхъ въ Индію, планъ коихъ былъ обѣщанъ изъ Лондона. Но при этомъ дѣлалась однако оговорка: „по окончаніи Ахалъ-Текинской экспедиціи," настоящій смыслъ которой начинаетъ раскрываться только теперь, послѣ какъ будто неожиданно возникшихъ въ парламентѣ и въ печати толковъ о тайныхъ замыслахъ Русскихъ въ Афганистанѣ будто бы обнаруживаемыхъ найденною въ Кабулѣ, давно впрочемъ извѣстною перепиской между покойнымъ эмиромъ Ширъ-Али и генералами Кауфманомъ и Столѣтовымъ. Надо замѣтить что парламентскимъ преніямъ о русскихъ документахъ найденныхъ въ Кабулѣ предшествовало открытое замѣчаніе многихъ англійскихъ газетъ будто успѣхи наши въ Ахалъ-Текинскомъ краѣ затрудняютъ англійскую политику въ Константинополѣ. Какъ разъ передъ тѣми же парламентскими дебатами появилось и письмо Бэтлера въ *Globe*, надѣлавшее не мало шума въ Англіи и вообще въ иностранной печати. Совокупность всѣхъ этихъ фактовъ невольно заставляетъ думать что Англія не на шутку тревожится нашими успѣхами и по прежнему не желаетъ видѣть русскія войска въ Мервѣ, который со временъ Раулинсона считается въ Англіи ключемъ къ Герату и стало-быть къ Афганистану. Можетъ-быть англійская дипломатія не оставила насъ и своими прямыми представленіями въ этомъ смыслѣ какъ то было и прежде. Что опасенія въ Англіи существуютъ и что они незначительны, это доказываетъ отчасти и тонъ какимъ говорила германская печать о найденныхъ въ Кабулѣ документахъ. Органъ имперскаго канцлера, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, передавая содержаніе документовъ, сопровождаетъ эту передачу коротенькою замѣткой на видномъ мѣстѣ, въ которой съ ѣдкою ироніей указываетъ что переписка русскихъ съ Ширъ-Али „не оставляетъ враждебнаго тона и послѣ Берлинскаго конгресса, что̀ объяснить вовсе нелегко." Нужно замѣтить что это писалось какъ разъ по отъѣздѣ г. Гошена изъ

Берлина и послѣ его бесѣды съ имперскимъ канцлеромъ, когда заговорили о сближенiи восточной политики Англiи съ политикой Германiи и Австрiи.

Но почему Англичане такъ ревниво заботятся о судьбѣ Мерва, что это за пунктъ или вѣрнѣе что это за страна которая будто бы въ виду самыхъ существенныхъ интересовъ Англiи не должна быть занимаема Русскими, а оставаться свободною, съ тѣмъ чтобы населенiе ея попрежнему имѣло возможность не давать житья сѣверо-западному Афганистану и сѣверо-восточному углу Персiи, заставляя въ этихъ странахъ даже земледѣльца выходить на пашню съ оружiемъ и строить на межахъ сторожевыя башни?

„Мервъ, говоритъ майоръ Бэтлеръ, это оплотъ Индiи; что бы ни говорили противъ этого, но если я могу содержать сотню тысячъ штыковъ на линiи между Каспiйскимъ моремъ и Мешхедомъ который Русскiе стараются теперь захватить и (?) 50.000 на линiи между Аму и Мургабомъ (долина низовьевъ котораго и есть Мервъ), то я дѣйствительно диктаторъ Индiи. Я докажу въ дальнѣйшихъ письмахъ, кончаетъ Бэтлеръ, что Россiя располагающая упомянутыми линiями можетъ во всякое время, съ полнымъ удобствомъ для себя, поставить обладателю Индiи такiя условiя какiя ей будетъ угодно въ тѣхъ видахъ чтобы провести любую политику въ Европѣ.“ Въ другомъ мѣстѣ своего письма Бэтлеръ доходитъ до того что утверждаетъ будто „только необладанiе Мервомъ помѣшало Россiи въ 1878 году двинуть въ Индiю сформированныя ею въ этихъ видахъ колонны.“

Обѣщанныя г. Бэтлеромъ доказательства его воззрѣнiй не появлялись и до сихъ поръ, но сужденiя такого знатока мѣстности не могли не произвести извѣстнаго впечатлѣнiя, хотя бы даже для всякаго Англичанина и было болѣе нежели очевидно какъ преувеличиваетъ г. Бэтлеръ значенiе обладанiя Мервомъ. Несомнѣнно что обладанiе полосой земли отъ Чекишляра и Красноводска до Мерва имѣетъ значенiе, и въ военномъ отношенiи усиливаетъ наше положенiе въ Азiи. Русскiе дѣйствительно какъ будто приближаются тѣмъ самымъ къ Герату и господствуютъ въ извѣстномъ смыслѣ надъ Мешхедомъ и всею сѣверною и восточной Персiей; но отсюда до диктатуры надъ Индiей, до навязыванiя Англiи той или другой политики въ Европѣ, еще слишкомъ далеко. Вэтлеръ, проѣхавшiй въ 1878 году всю Ахалъ-Текинскую область и составившiй „точный военный обзоръ ея,“ не можетъ конечно не знать какъ ошибочно мнѣнiе Раулинсона будто Мервъ самъ по себѣ есть ключъ къ Герату. Теперь уже несомнѣнно доказано что всѣ пути ведущiе изъ Мерва въ Гератъ непроходимы для значительныхъ военныхъ силъ: русскiй генералъ Гродековъ, проѣхавшiй чрезъ сѣверный Афганистанъ и Персiю также въ 1878 году, представилъ цѣлые маршруты въ доказательство послѣдняго мнѣнiя. Если обладанiе Текинскими землями и можетъ стать когда-либо грознымъ для Англичанъ, то лишь въ томъ случаѣ если на нашей сторонѣ будетъ Персiя чрезъ которую могли бы двинуться къ Герату русскiя войска. Мервъ въ этомъ случаѣ имѣетъ лишь отрицательное значенiе: его безпокойное населенiе можетъ затруднить такое движенiе своими нападенiями на путь сообщенiя, на фланги и тылъ. До тѣхъ поръ пока Мервъ не занятъ русскими войсками, обладанiе Ахалъ-Текинскимъ краемъ будетъ требовать постояннаго военнаго напряженiя: Мервъ-Текинцы своими набѣгами на вновь присоединенную территорiю будутъ постоянно безпокоить насъ и волновать родственное имъ населенiе. Уже теперь это почти очевидно, и вотъ можетъ-быть почему такъ опредѣленно „въ военныхъ кругахъ“ Петербурга говорятъ о будущихъ оборонительныхъ мѣрахъ въ Ахалъ-Текинскомъ краѣ. „Асхабадъ и Геокъ-Тепе обратятся де въ „передовые укрѣпленные пункты, Бами въ средний „опорный“ пунктъ, а Чекишляръ съ Красноводскомъ въ резервные.“ Не трудно разобрать куда повернутъ фронтъ этой новой оборонительной линiи. Если Асхабадъ и Геокъ-Тепе станутъ передовыми пунктами, то ясно что фронтъ нашъ повернутъ къ Мерву; если требуются опорный средний и резервные пункты, это значитъ что чрезъ нихъ должна пройти постоянная операцiонная линiя ведущая отъ фронта къ базису, къ Каспiйскому морю. Такимъ образомъ, настаивая на сохраненiи независимости Мерва, Англичане стремятся создать для себя въ воинственномъ населенiи этого оазиса естественныхъ постоянныхъ союзниковъ, а для насъ — постояннаго докучливаго врага, парализующаго всѣ выгоды обладанiя только что

пріобрѣтенною послѣ стольких трудовъ территоріей. Вотъ въ чемъ дѣло. Можемъ ли мы послѣ этого остановиться на полдорогѣ, не будетъ ли это то же самое что и остановка въ 1878 году предъ линіею Четалджи, въ виду Константинополя, стоившая намъ столько матеріальныхъ и нравственныхъ потерь?

№ 43.

Москва, 11-го февраля.

Послѣ мирныхъ заявленій князя Бисмарка въ Прусскомъ ландтагѣ, „увѣренность въ сохраненіи европейскаго мира“ выражена еще торжественнѣе въ тронной рѣчи которою 15 февраля открытъ былъ Германскій рейхстагъ. Касающійся иностранной политики параграфъ этой рѣчи подвергается, по обыкновенію, всевозможнымъ истолкованіямъ; но всѣ берлинскія газеты согласны въ томъ что онъ „поразителенъ“ по своему содержанію, поразителенъ потому, вопервыхъ, что никто не ожидалъ столь категорическихъ заявленій по иностранной политикѣ въ тронной рѣчи отличающейся крайнею сухостью тона по всѣмъ другимъ пунктамъ, а вовторыхъ, потому что заключающіяся въ ней указанія на отношенія Германіи къ „сосѣднимъ“ державамъ мало соотвѣтствовали толкамъ и сужденіямъ германской печати, которая далеко не отражала въ себѣ происшедшей въ этомъ отношеніи перемѣны и повидимому даже не подозрѣвала какой-либо перемѣны. Тѣмъ настойчивѣе берлинскія газеты распространяются объ этой „перемѣнѣ,“ хотя для подтвержденія оной и для указанія въ чемъ именно положеніе дѣлъ измѣнилось и теперь нѣтъ никакихъ осязательныхъ фактовъ. Лишенная прямыхъ сообщеній отъ своего правительства (которое рѣшительно отказывается давать парламенту отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по иностранной политикѣ), германская печать подхватываетъ всякій намекъ и каждый отрывочный фактъ чтобы сдѣлать какой-либо положительный выводъ, и прежде всего тотъ что Россія вновь стала въ такое отношеніе къ Германіи „которое напоминаетъ время Тройнаго Союза.“ Это, между прочимъ, подтверждается будто бы сопоставленіемъ прошлогодней рѣчи при открытіи рейхстага съ нынѣшнею. Въ прошедшемъ году тронная рѣчь, говоря о миролюбивыхъ намѣреніяхъ Германіи, выразилась такъ: „Съ непоколебимою твердостью, которую даетъ сознаніе своего собственнаго могущества, Германское правительство будетъ и впредь продолжать не только само стараться о сохраненіи мира, но и заручаться для этой цѣли содѣйствіемъ единомышленныхъ съ нимъ державъ.“ А вотъ что̀ сказано въ послѣдней рѣчи: „Германская имперія сохраняетъ, къ своему удовольствію, мирныя и благожелательныя отношенія ко всѣмъ иностраннымъ державамъ, въ особенности же наша политическая связь съ сосѣдними великими имперіями вполнѣ соотвѣтствуетъ той дружбѣ которая лично соединяетъ нашего императора съ монархами этихъ державъ.“ Изъ того что въ прошломъ году была обойдена совершеннымъ молчаніемъ дружественная связь съ сосѣдними имперіями, между тѣмъ какъ въ нынѣшнемъ упоминается о ней „въ особенности,“ и выводится заключеніе о происшедшей за послѣднее время отрадной перемѣнѣ.

Далѣе, относительно теперешней работы европейской политики по предмету греко-турецкой распри, въ тронной рѣчи сказано: „Между европейскими державами не только существуетъ полнѣйшее единомысліе въ желаніи сохранить миръ, но нѣтъ никакого принципіальнаго разногласія относительно важнѣйшихъ цѣлей переговоровъ которые теперь ведутся. Поэтому я уполномоченъ заявить, отъ имени его величества императора, увѣренность въ томъ что единодушію державъ удастся предупредить даже частичное нарушеніе европейскаго мира и во всякомъ случаѣ ограничить таковое нарушеніе настолько чтобъ оно ни въ чемъ не затронуло ни Германіи, ни ея сосѣдей.“

Диссонансъ послѣднихъ словъ съ общею гармоніей былъ однако всѣми замѣченъ и принятъ какъ признакъ не совсѣмъ безоблачнаго горизонта. „Частичное“ нарушеніе европейскаго мира все-таки входитъ въ разсчетъ; только приняты мѣры къ тому чтобы „локализовать“ предстоящую греко-турецкую войну. Опытъ прошедшаго, въ особенности опытъ столкновеній на Балканскомъ полуостровѣ, показалъ уже насколько старанія предупредить расширеніе разъ загорѣвшагося пожара вѣнчаются успѣхомъ. Тщетны были въ 1875 году

усилія Европы потушить огонь вспыхнувшій въ „крохотной“ Герцеговинѣ. Столь же напрасна была въ слѣдующемъ году работа всѣхъ усовершенствованныхъ дипломатическихъ помпъ когда пожаръ охватилъ Сербію; въ 1877 году пожарная команда вынуждена была совсѣмъ пріостановить свою работу и присутствовала сложа руки при всеобщемъ разрушительномъ дѣйствіи огня, предоставивъ себѣ вновь вступить въ дѣло и распорядиться по своему на обломкахъ и тлѣющихъ остаткахъ пожарища. Лучше ли пойдетъ теперешняя дипломатическая работа? Вотъ вопросъ возбуждаемый скептиками, и ихъ сомнѣній не разсѣяла даже „необычайная“ увѣренность тона съ которою разрѣшаетъ этотъ вопросъ германская тронная рѣчь.

Но пока воинственный шумъ въ Греціи противъ Турціи не стихаетъ, и въ Константинополѣ кипитъ дипломатическая работа. По существу своему работа все та же: Европа еще и еще разъ „старается склонить Турцію къ уступчивости.“ Разница заключается лишь въ томъ что Франція и Англія, сознавъ тщету своихъ прежнихъ усилій, отказались отъ водительства, которое онѣ поочередно принимали на себя въ этомъ дѣлѣ, и убѣдили Германію принять на себя эту роль. Недавняя миссія г. Гошена въ Берлинѣ имѣла именно эту цѣль, и князь Бисмаркъ, какъ сообщаютъ свѣдущіе корреспонденты газеты *Times*, согласился принять предложенную роль подъ тѣмъ условіемъ чтобы дѣйствіе державъ не было коллективнымъ. Каждая держава отъ себя дѣйствуетъ чрезъ своего представителя въ Константинополѣ, а графъ Гатцфельдтъ, германскій посолъ въ Турецкой столицѣ, не столько руководитъ этими отдѣльными дѣйствіями, сколько служитъ посредникомъ, съ одной стороны, между представителями державъ, а съ другой, между всѣми ими и правительствомъ султана, которое „питаетъ нынѣ наибольшее довѣріе къ Германіи и внимательно прислушивается къ ея совѣтамъ,“ чѣмъ лордъ Гранвиль и мотивировалъ свое предложеніе чтобы Германія взяла на себя первенствующую роль въ предстоящихъ переговорахъ.

Константинопольскій корреспондентъ *Times*, сообщающій указанный выше порядокъ вновь начатыхъ въ столицѣ Турціи совѣщаній, прибавляетъ къ этому что и здѣсь, какъ и по всѣмъ прочимъ вопросамъ европейской политики, между Германіей и Австріей существуетъ дѣйствительное и полное единодушіе въ дѣйствіяхъ. Эти указанія обрисовываютъ положеніе довольно ясно: державы „убѣждаютъ“ Турцію быть уступчивѣе относительно Греціи; но какъ далеко должны простираться уступки, объ этомъ каждая изъ державъ имѣетъ свое особое мнѣніе и подастъ свои особые совѣты Турціи, ибо еслибы мнѣнія на этотъ счетъ были единодушны (какъ можно было думать послѣ *единогласнаго* рѣшенія Берлинской конференціи), то незачѣмъ было бы подавать оные не совокупно. Только Германія и Австрія имѣютъ одно мнѣніе и, конечно, самое благопріятное для Турціи. Быть-можетъ Турція и склонится принять это послѣднее мнѣніе, хотя прошедшій опытъ достаточно убѣдилъ въ томъ что всѣ разчеты турецкой дипломатіи основываются на европейскомъ разногласіи, которое въ данномъ случаѣ вновь подтверждено предъ нею и стало-быть должно поощрить ее продолжать старую испытанную игру и противопоставить всѣмъ требованіямъ свое *non possumus*. Допустимъ, далѣе, что и прочія державы будутъ приведены „посредническими“ усиліями графа Гатцфельдта къ единодушію. Будетъ ли этимъ рѣшенъ вопросъ, и устранится ли опасность греко-турецкой войны? Для этого нужно чтобъ и Греція съ своей стороны, согласилась уступить часть своихъ требованій, кои она покамѣсть неизмѣнно и твердо формулуетъ на основаніи постановленій Берлинской конференціи. Но о томъ чтобы Греція изъявила готовность идти на сдѣлку до сихъ поръ ничего не слышно, и нигдѣ не заявляется о намѣреніи державъ повторить въ Аѳинахъ процедуру „коллективнаго“ дѣйствія въ разсыпную.

Вотъ почему указаніе на частичное, хотя и локализованное, нарушеніе европейскаго мира (то-есть, говоря просто, на предстоящую греко-турецкую войну), высказанное въ германской тронной рѣчи, принято многими въ самомъ Берлинѣ не только какъ пессимистическое предположеніе, а какъ весьма вѣроятное предсказаніе.

Одинъ изъ корреспондентовъ *Times* думаетъ даже что въ Берлинѣ не особенно и „пугаются“ этой войны. По крайней мѣрѣ, замѣчаетъ корреспондентъ, нельзя сказать чтобы въ Берлинѣ дѣлались Гре-

камъ очень дурныя предсказанія. Въ то время когда многіе указывали Греціи что съ ея стороны было бы безуміемъ кинуться на Турцію, располагающую будто бы стотысячною хорошо организованною арміей на греческой границѣ съ 40 тысячнымъ резервомъ позади оной, въ военной газетѣ служащей органомъ германскаго генеральнаго штаба появилась замѣтка о военныхъ силахъ Турціи, очевидно почерпнутыя изъ надежнаго источника, въ которой указывается на то что *все* количество войска коимъ располагаетъ Турція противъ Греціи простирается не болѣе какъ до 40.000 очень дурно экипированныхъ и очень плохо содержимыхъ солдатъ.

№ 44.

Москва, 12-го февраля.

Возвращаемся къ сужденіямъ Бэтлера о значеніи какое имѣетъ для Англіи занятіе Русскими Текинской территоріи. Въ только что полученномъ нумерѣ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, слывущей завѣдомымъ органомъ имперскаго канцлера, на обычномъ мѣстѣ передовой статьи, находимъ первый изъ цѣлаго ряда обѣщаемыхъ газетою очерковъ „Военнаго положенія Англіи." Очеркъ этотъ, очевидно, принадлежащій перу военнаго спеціалиста, близко знакомаго съ устройствомъ и послѣднею дизлокаціей британскихъ войскъ, служитъ весьма любопытнымъ и яркимъ комментаріемъ къ письму англійскаго майора.

Къ началу настоящаго года, дѣла какъ въ метрополіи такъ въ колоніяхъ Англіи сложились такъ что потребовалось напряженіе всѣхъ военныхъ силъ. Необходимо усилить гарнизоны въ Ирландіи, еще необходимѣе послать сильныя подкрѣпленія въ Африку, гдѣ борьба день ото дня принимаетъ все болѣе и болѣе обширные и грозные размѣры, и гдѣ число англійскихъ войскъ, особенно въ виду значительныхъ разстояній и трудности путей, почти ничтожно. А подкрѣпленій взять почти не откуда: англійская военная организація разчитана исключительно на оборону и такъ сложна что при затруднительныхъ положеніяхъ, въ случаѣ борьбы разомъ на многихъ пунктахъ, военная система можетъ дѣйствовать лишь при неимовѣрныхъ усиліяхъ. Въ данномъ случаѣ, усилить войска дѣйствующія въ Африкѣ становится особенно затруднительнымъ. Изъ Европы можетъ быть послана лишь весьма ничтожная сила. Приходится разчитывать на Индію. Но можно ли много взять теперь и оттуда? Въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій въ Африкѣ, туда посланы, правда, изъ Индіи „три тысячи солдатъ, но въ Индіи, если только Англія не желаетъ пожертвовать своимъ *престижемъ*, теперь болѣе чѣмъ когда-либо должна она занять прочную и вполнѣ надежную стратегическую позицію, для удержанія коей требуется не мало войскъ, въ виду анархической неурядицы въ Афганистанѣ, угрожающаго положенія значительной части населенія, и наконецъ вслѣдствіе глубокаго впечатлѣнія производимаго расширеніемъ сферы русскаго могущества въ Средней Азіи."

Между тѣмъ военныя средства Англичанъ въ Индіи вовсе не такъ велики, какъ предполагаютъ, и, прибавимъ, какъ хотѣлъ было увѣрить лордъ Беконсфильдъ привезя въ Европу нѣсколько тысячъ пресловутыхъ индійскихъ войскъ. Силы Англичанъ въ Индіи въ настоящую минуту состоятъ всего изъ 59 или 60 тысячъ европейскихъ солдатъ и изо 127 или 128 тысячъ туземныхъ, организованныхъ во 132 баталіона пѣхоты, 40 полковъ кавалеріи съ 58 полевыми и 28 крѣпостными батареями. Настоящаго резерва англо-индійскія войска не имѣютъ вовсе: есть только 190 тысячъ полицейскихъ организованныхъ, правда, почти по военному и потому могущихъ до нѣкоторой степени „съ пользою" замѣнить резервъ, но и то преимущественно посредствомъ пополненія убыли въ войскахъ; только въ самомъ крайнемъ случаѣ индійская полиція, состоящая почти исключительно изъ старыхъ солдатъ, можетъ быть организована въ боевыя части и двинута въ поле, хотя для такой организаціи потребовалось бы не мало времени и обширныя матеріальныя средства: обозъ и полное походное снаряженіе. И вотъ все что могутъ выставить Англичане въ Индіи, если не брать во вниманіе вспомогательные контингенты вассальныхъ владѣтелей, состоящіе почти исключительно изъ иррегулярныхъ войскъ, сила коихъ не поддается даже учету. Качество этой силы весьма сомнительно, за исключеніемъ развѣ восьми тысячъ Гайдерабадскихъ войскъ, предводимыхъ англійскими офицерами и

считаемыхъ поэтому „безусловно годными въ дѣло и надежными.“

При такихъ силахъ понятенъ тонъ безпокойства который слышался въ недавнихъ преніяхъ британскаго парламента относительно русской политики 1878 года въ Афганистанѣ. Въ Лондонѣ сознаютъ что Индійской имперіи нечѣмъ парализовать то, какъ выражается *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, „глубокое впечатлѣніе“ которое производитъ въ Средней Азіи расширеніе сферы русскаго могущества. Остается одно средство, дипломатія, которая и должна де во что̀ бы то ни стало задержать дальнѣйшее развитіе этого могущества и тѣмъ устранить неизбѣжность разрѣшенія неисполнимой задачи увеличенія военныхъ силъ въ Индіи. Каждый шагъ сдѣланный Русскими въ Азіи представляется поэтому Англичанамъ какъ прямое посягательство не только на ихъ Индійскія владѣнія, но и на свободу англійской политики въ Европѣ. Вотъ въ какомъ только смыслѣ становятся вполнѣ понятны и сужденія г. Бэтлера, и тотъ горячій слогъ коимъ они изложены, и тѣ очевидныя стратегическія преувеличенія и натяжки которыя мы отмѣтили на дняхъ. „Если я могу, говоритъ англійскій майоръ, содержать сотню тысячъ штыковъ на линіи между Каспійскимъ моремъ и Мешхедомъ и пятьдесятъ тысячъ между Аму и Мургабомъ (долина низовьевъ коего и есть Мервъ), то я дѣйствительно диктаторъ Индіи.“ Эти полтораста тысячъ штыковъ о которыхъ говоритъ Англичанинъ есть масса совершенно равносильная всѣмъ полевымъ войскамъ Индіи, обремененнымъ трудными и сложными внутренними и внѣшними задачами; за этими полутораста тысячами штыковъ майоръ Бэтлеръ предполагаетъ неистощимые и правильно организованные резервы, тогда какъ англійская сила для своего укомплектованія, въ случаѣ борьбы, не располагаетъ ничѣмъ кромѣ полицейской стражи которую нельзя взять даже на половину въ виду „угрожающаго положенія большей части населенія“ и неблагонадежности вассальныхъ владѣтелей. Если Россія не займетъ Мерва, разсуждаетъ Бэтлеръ, силы ея въ Азіи будутъ парализованы и предпріятія затруднены; ergo „Мервъ есть оплотъ Индіи“ и потому нужно противиться его занятію, иначе придется отказаться отъ возможности слѣдовать въ Европѣ такой политикѣ по отношенію къ Россіи какая заблагоразсудится, такъ какъ уже при одной дѣйствительной угрозѣ въ Азіи Россія поставила бы Англію въ столь затруднительное положеніе что могла бы „продиктовать обладателю Индіи условія какія ей будетъ угодно.“

Другими словами, занятіе Русскими Мерва заставляетъ Англію дѣйствительно считаться съ русскою политикой и потому отказаться отъ возможности проводить въ Европѣ „любую политику“ какъ это было до сихъ поръ.

А между тѣмъ, какъ нарочно, именно теперь оказывается что даже недавніе толки англійскихъ газетъ о сильномъ сопротивленіи которое будто бы организуется мервскими Текинцами противъ дальнѣйшаго движенія русскихъ войскъ, по англійскимъ же извѣстіямъ, болѣе нежели преувеличены. Говорили будто Текинцы готовятся къ сопротивленію въ Таджанедѣ, къ оборонѣ построенныхъ тамъ Бэтлеромъ крѣпостей, а на повѣрку выходитъ, какъ передаетъ *Daily News*, что „серіозное сопротивленіе въ Таджанедѣ невозможно вовсе,“ такъ что Текинцы ушли далѣе къ востоку въ Мервъ и думая укрѣплять послѣдній, просто бросили тѣ крѣпости которыя построилъ имъ Бэтлеръ. Не окажется ли въ послѣдствіи что мервскіе Текинцы, какъ и слѣдуетъ ожидать, ни къ какому сопротивленію теперь не были бы готовы, и что только наша остановка подняла ихъ нравственныя силы, что безъ этой остановки все дѣло было бы кончено въ нѣсколько недѣль похода, который ничто не могло остановить кромѣ нашей доброй воли и нашей обычной уступчивости предъ громкою настойчивостью чужой политики.

№ 45.

Москва, 13-го февраля.

А.

Дѣла подвигаются быстро и, Богъ дастъ, не замедлитъ открыться и рука которая ведетъ ихъ. Мы давно слѣдимъ за ней, мы изучили ея пріемы и узнаемъ ея проклятое присутствіе по движеніямъ ею производимымъ. Мы назовемъ ее когда наступитъ время, и думаемъ что время это наступитъ скоро.

Бѣдное русское юношество! Бѣдный русскій народъ у котораго такимъ возмутительно наглымъ обманомъ, на виду у всѣхъ, такъ безпощадно, такъ злодѣйски, отнимаются лучшія силы, губится его будущее! Можно ли винить нашу учащуюся молодежь за подкопы которые подъ нее дѣлаются? Можно ли винить ее за преступныя интриги которыя надъ нею, во вредъ ей, разыгрываются?

Мы словами Спасителя молимся Богу, да не введетъ Онъ насъ во искушеніе. А что̀ же мы дѣлаемъ съ этими молодыми людьми какъ не вводимъ ихъ безпрерывно въ искушеніе, злоупотребляя ими для недостойныхъ цѣлей...

Спросите, учится ли теперь эта учащаяся молодежь, направлены ли заботы и мысли этихъ медиковъ, этихъ юристовъ, математиковъ и филологовъ къ тому чтобы каждому по своей части быть сильнымъ, знающимъ и полезнымъ дѣятелемъ? Какими заботами ихъ занимаютъ, куда ихъ влекутъ? Ихъ обольщаютъ перспективой какого-то шутовскаго студенческаго парламента, имъ говорятъ о какой-то обязательной организаціи съ подчиненіемъ студентовъ студентамъ, съ верховною властію профессорскихъ коллегій, съ депутатскими собраніями и сходками на которыхъ будутъ дебатироваться вопросы о кухмистерской и другихъ матеріяхъ для вящаго отвлеченія учащихъ и учащихся отъ дѣла науки. Предполагалась дѣйствительная и правдивая реформа нашихъ университетовъ, клонившаяся главнымъ образомъ къ тому чтобы привести ихъ устройство въ уровень съ университетами классической страны науки, Германіи; предполагалась свобода преподаванія и ученія, при правильныхъ и чистыхъ отношеніяхъ учащихся къ учащимъ, предполагалась великая освободительная мѣра которая должна была завершить и упрочить дѣло нашего образованія. Министръ которому ввѣрено было это дѣло, къ сожалѣнію, задремалъ надъ нимъ, и оно выпало изъ его рукъ; реформа которая обдумывалась и подготовлялась въ продолженіе семи лѣтъ была брошена, и вмѣсто того возбужденъ вопросъ какъ бы уничтожить всякое серіозное ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и какую бы изобрѣсти организацію для того чтобъ окончательно дезорганизовать дѣло науки въ университетахъ? И вопросъ этотъ разрѣшается, и разрѣшается не безуспѣшно. Вотъ учебный годъ который представитъ бѣлую (еслибъ еще только бѣлую!) страницу въ исторіи русскаго образованія...

На актѣ Петербургскаго университета случился небывалый скандалъ. Молодой человѣкъ, сынъ бѣднаго священника, получившій золотую медаль при окончаніи курса въ Оренбургской гимназіи, учинилъ этотъ неслыханный скандалъ. Былъ ли онъ только орудіемъ или поступилъ самостоятельно? Онъ самъ подалъ на себя доносъ, самъ вызвалъ судъ надъ собой. Посмотримъ что̀ будетъ дальше и что раскроется, если только что-нибудь раскроется.

Но не удивительно ли что та самая молодежь, которая такъ недавно, на похоронахъ Достоевскаго, обнаружила столько нравственной зрѣлости и вела себя съ такимъ достоинствомъ, которая такъ прекрасно высказалась въ надгробной рѣчи студента Павловскаго,—не удивительно ли что молодежь эта все-таки могла допустить въ своей средѣ столь прискорбныя явленія? Не значитъ ли это что подъ нее подыскиваются? Или молодое чувство не въ силахъ овладѣть собою посреди неслыханной лжи теперешняго положенія...

Б.

Борьба политическихъ партій въ парламентахъ нерѣдко доходитъ въ своемъ ослѣпленіи до забвенія интересовъ своей націи. Только англійская политическая жизнь еще сохраняетъ дисциплину, при которой партія находящаяся въ оппозиціи нерѣдко оказываетъ правительству дѣятельную поддержку когда требуется произвести извѣстное впечатлѣніе въ интересахъ международной политики страны. Французскіе „несговорчивые“ не знаютъ этихъ соображеній. И вотъ, благодаря имъ мы узнаемъ о фактахъ, которые вообще характеризуютъ европейское „дѣйствіе“ по греко-турецкому вопросу и проливаютъ особенный свѣтъ на сбивчивую, противорѣчивую и малодушную политику Франціи. Г. Бартелеми-Сентъ-Илеръ, защищавшій недавно съ такимъ „успѣхомъ,“ какъ въ особенности старались доказать берлинскія газеты, свою политику предъ палатой депутатовъ, по поводу запроса г. Пру, энергически настаивалъ на томъ что его усилія отрезвить Грецію и воздержать ее отъ воинственныхъ увлеченій были лишь продолженіемъ политики его предшественни-

ковъ, гг. Ваддингтона и Фрейсине. Но противники правительства и г. Гамбетты постарались о томъ чтобъ огласить факты рѣзко обличающіе лицемѣріе этого заявленія. „Для болѣе внимательнаго наблюдателя и прежде было очевидно что выраженіе г. Бартелеми-Сентъ-Илера не болѣе какъ формальная отговорка, прикрывающая не совсѣмъ благовидное отступленіе теперешняго французскаго кабинета отъ неудачно затѣяннаго активнаго вмѣшательства Франціи въ дѣла Европы. Но это противорѣчіе касалось до сихъ поръ той роли безотвѣтственнаго и закулиснаго заправителя которую всѣ привыкли приписывать г. Гамбеттѣ. Поддержка, которая оказывалась Франціей Греціи, приписывалась ему. Говорили что г. Фрейсине, подобно своему преемнику, усмотрѣлъ опасность и попытался эманципировать себя отъ вліянія г. Гамбетты, но не устоялъ въ борьбѣ, и г. Бартелеми-Сентъ-Илеръ сумѣлъ отстоять свою независимость отъ бывшаго диктатора, и запросъ г. Пру, затѣянный сторонниками г. Гамбетты съ тою цѣлью чтобы свергнуть непокорнаго министра иностранныхъ дѣлъ, окончился торжествомъ послѣдняго и пораженіемъ г. Гамбетты, противъ котораго въ то же время поведена была энергическая атака и со стороны офиціозныхъ органовъ берлинской печати, прямо обвинявшихъ его въ воинственныхъ замыслахъ противъ Германіи.

Но вотъ, въ засѣданіи французской палаты депутатовъ 9 февраля, бонапартистскій депутатъ Паскаль-Дюпра потребовалъ отъ правительства объясненій по поводу противорѣчій въ его политикѣ по греческимъ дѣламъ; онъ замѣтилъ что правительство что-то въ этомъ дѣлѣ скрываетъ и уличалъ его въ повиновеніи тайнымъ замысламъ г. Гамбетты. Послѣдній воспользовался этимъ случаемъ чтобы рѣшительно отклонить отъ себя упрекъ въ скрытомъ вліяніи на иностранную политику правительства. Онъ заявляетъ что никогда не вмѣшивался въ дѣла посредствомъ совѣтовъ или давленія на какого-либо министра, и возлагаетъ всю отвѣтственность на нынѣшній и прежній кабинетъ. Министерство, сказалъ онъ, исключительно само руководило иностранною политикой; оно посылало представителя своего на конференцію въ Берлинъ; оно же направляло всю политику касательно Греціи. Ни въ дѣлѣ демонстраціи флотовъ, ни въ со-впавшей съ этою демонстраціей миссіи французскаго генерала Томассена въ Грецію, онъ, Гамбетта, никакого участія не принималъ. Заявленіе г. Гамбетты, сдѣланное публично предъ страной и подтвержденное молчаніемъ правительства, не могло не произвести впечатлѣнія и не измѣнить установившейся точки зрѣнія. Палата положила конецъ щекотливымъ преніямъ принявъ предложеніе о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ. Но возбужденный вопросъ не разъяснился, а еще болѣе запутался. Коль скоро явная и рѣзкая перемѣна въ дѣйствіяхъ Франціи по Греческому вопросу не есть послѣдствіе того что кабинету лишь теперь удалось избавиться отъ опеки г. Гамбетты, то гдѣ же причина этой перемѣны которая кидается каждому въ глаза? Какъ только этой причины нѣтъ въ самой Франціи, такъ слѣдуетъ искать ее внѣ; очевидно что руки князя Бисмарка замѣшаны въ этой игрѣ, и тутъ заговорило во Французахъ то чувство затаенной ненависти къ Германіи, предъ которымъ сглаживается всякое различіе партій, но которымъ каждая партія старается воспользоваться для своихъ цѣлей.

На другой день бонапартистскій депутатъ г. Ланглэ указалъ въ палатѣ на фактъ который ярко подтверждаетъ рѣзкую перемѣну происшедшую въ образѣ дѣйствій Франціи относительно Греціи. Благодаря разоблаченіямъ враждебныхъ правительству газетъ, стало извѣстно что Французское правительство еще недавно собиралось снабдить Грецію значительнымъ количествомъ боевыхъ запасовъ. Въ Гавръ прибыли тридцать вагоновъ нагруженныхъ ружьями и патронами которые предназначались къ отправкѣ въ Грецію. Ранѣе того другая партія ружей Шаспо уже была препровождена тѣмъ же путемъ въ Грецію. Отправителемъ объявился какой-то неизвѣстный банкиръ; но всѣ убѣждены въ томъ что это подставное лицо; во всякомъ случаѣ, достовѣрно то что ружья достались ему изъ складовъ французскаго военнаго министерства, и французскія газеты, огласившія это дѣло, высказываютъ убѣжденіе что „представленія Берлинскаго кабинета помѣшали Французскому правительству снабдить Грецію боевымъ матеріаломъ“. Бонапартисты Ланглэ и Ларошфуко-Бизаччіо требуютъ въ палатѣ депутатовъ назначенія парламентскаго слѣдствія по поводу ружей отправляемыхъ въ

Грецію. Предложеніе это отклонено; но телеграфъ сообщающій о преніяхъ по этому предмету не говоритъ чтобы президентъ кабинета, г. Жюль Ферри, присутствовавшій въ засѣданіи далъ какія-либо разъясненія по поводу этого разоблаченія или опровергъ газетныя сообщенія. Дѣло о ружьяхъ этимъ еще не кончилось, такъ какъ, по слухамъ переданнымъ черезъ парижскій телеграфъ, герцогъ де-Брогль намѣренъ былъ внести по этому предмету новый запросъ въ сегодняшнемъ засѣданіи Сената. Но и того что обнаружилось до сихъ поръ совершенно достаточно чтобы доказать какъ мало искренности и правды въ образѣ дѣйствій Франціи относительно Греціи, причемъ важнѣе всего указаніе на то что происшедшая перемѣна есть прямое послѣдствіе давленія со стороны Германіи. Берлинская печать, по крайней мѣрѣ, очень этимъ кичится, равно какъ и тѣмъ что первенствующая роль въ греко-турецкомъ дѣлѣ перешла окончательно изъ „неумѣлыхъ“ рукъ Франціи въ искусныя и твердыя руки князя Бисмарка. Султанъ также весьма доволенъ, по словамъ константинопольскаго корреспондента *Times*, тѣмъ что Германія выступила въ этомъ дѣлѣ на первый планъ, такъ какъ „Германія болѣе чѣмъ всякая другая держава выказала участіе къ Турціи.“

Основаніе для новаго соглашенія уже выработано, по словамъ вѣнскаго корреспондента той же газеты, частными переговорами между державами; они заключаются въ томъ что Турція сохранитъ за собою Мецово и Янину и должна уступить Греціи лишь ту часть территоріи граница которой пройдетъ сѣвернѣе Ларисcы.

Но что скажутъ на это Греки? Нашъ аѳинскій, очень свѣдущій, корреспондентъ, плохо вѣритъ чтобъ увѣщанія обращенныя къ ней Европой возымѣли дѣйствіе и удержали Грецію отъ войны, на которую она твердо рѣшилась. Да ей, по словамъ нашего корреспондента, едва ли и возможно теперь отступить, такъ какъ отреченіе Греческаго правительства отъ требованій заявленныхъ Греціей повлекло бы за собою волненіе всего населенія, которое порывается на войну.

№ 46.

Москва, 14-го февраля.

А.

Вторая статья *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* озаглавленная „Военное положеніе Англіи“ и появившаяся въ нумерѣ отъ 22 февраля, представляетъ едва ли не больщій интересъ чѣмъ первая, о которой мы говорили на дняхъ.

Въ настоящую минуту,—да и въ настоящую ли только? — военное могущество Англіи есть скорѣе призракъ чѣмъ дѣйствительность: таковъ смыслъ статей нѣмецкой офиціальной газеты, опять съ особымъ удареніемъ указывающей на тѣ затрудненія кои создаетъ для Англіи „расширеніе сферы русской власти въ Средней Азіи.“ Теперь, говоритъ статья, „когда британскія силы заняты на столь многихъ и столь отдаленныхъ театрахъ, весьма важно взвѣсить какую помощь можетъ оказать метрополія колоніямъ и послѣднія одна другой?“ Отвѣтомъ на этотъ вопросъ оканчивается статья: „Военно-политическое положеніе Британіи какъ колоніальнаго государства таково что ни одна изъ колоній не стоитъ на своихъ ногахъ. Войска расположенныя въ колоніяхъ въ мирное время такъ ничтожны (so minime) что военная охрана ими доставляемая есть *чисто номинальная*. Всѣ колоніи, безъ исключенія, требуютъ военной помощи метрополіи, которая только одна располагаетъ какъ нѣкоторою силой такъ и транспортными средствами. На метрополію, поэтому, нужно смотрѣть какъ на центральную оборонительную позицію, откуда въ случаѣ нужды могутъ быть двинуты подкрѣпленія во всѣ концы, во всѣ колоніи. Но если взвѣсить какъ велики уже однѣ чисто оборонительныя задачи тѣхъ шестидесяти тысячъ солдатъ которыми, и то въ самомъ благопріятномъ случаѣ, располагаетъ Британія для внѣшнихъ предпріятій; если мы сообразимъ какъ трудно распоряжаться и господствовать на различныхъ театрахъ войны разбросанныхъ по всему земному шару; если мы примемъ во вниманіе ослабляющее вліяніе громадности разстояній кои придется преодолѣть каждому эшелону; если, наконецъ, будемъ имѣть въ виду противниковъ съ коими Англіи придется бороться, намъ станетъ впол-

нѣ ясно *необычайно* неблагопріятное отношеніе въ которомъ находится организованная военная сила Англіи къ тѣмъ задачамъ кои открываются предъ нею."

Изо всѣхъ британскихъ колоній, самою сильною въ военномъ отношеніи представляется Индія, войска которой не рѣдко употреблялись для внѣшнихъ предпріятій и для поддержки прочихъ колоній. Но это возможно бывало лишь въ тѣхъ случаяхъ когда индійской военной силѣ не предстояло рѣшительно никакого дѣла дома, и когда помощь требовалась сравнительно ничтожнѣе. Такъ въ 1860 году индійскіе полки участвовали въ войнѣ съ Китаемъ за опіумъ, затѣмъ въ Персіи и наконецъ въ Абиссинскомъ походѣ. Въ 1878 году, явилась мысль привезти ихъ въ Европу, въ виду разрыва съ Россіей. Въ Бомбеѣ собрано было для этой цѣли 13 пароходовъ и 17 парусныхъ судовъ кои въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль доставили на островъ Мальту всего семь тысячъ солдатъ, и это при томъ условіи что ни посадкѣ, ни выгрузкѣ, ни самому переѣзду не представлялось никакихъ препятствій. То было время, теперь настало другое. Еще недавно, въ разгарѣ войны съ Афганистаномъ, англо-индійскія войска нуждались въ присылкѣ подкрѣпленій изъ Европы. „Уменьшеніе расположенныхъ въ Индіи англійскихъ войскъ, посылка ихъ на другой театръ войны теперь небезопасны въ виду большаго возбужденія вслѣдствіе расширенія сферы русскаго могущества въ Средней Азіи и того *впечатлѣнія* которое оставили извѣстія о сношеніяхъ русскихъ генераловъ съ эмиромъ Афганскимъ."

Нельзя сказать чтобъ Англичане сами не сознавали ничтожности своихъ военныхъ силъ и не видѣли гдѣ именно наиболѣе уязвимый пунктъ военнаго расположенія Англіи, гдѣ ея Ахиллесова пята. Не для одной только угрозы рѣшилось министерство Беконсфильда, вопреки конституціи, безъ вѣдома парламента, привезти въ Европу индійскихъ солдатъ. Смѣшно грозить слабою дивизіей, перевозка которой потребовала цѣлый мѣсяцъ. Другое дѣло если этою рискованною операціей желали показать активную силу Индійской имперіи, показать что она де располагаетъ не только достаточными средствами обороны, но еще можетъ выдѣлить часть войскъ въ помощь метрополіи, на европейскій театръ дѣйствій. Не потому ли, наконецъ, правительство Беконсфильда такъ старательно уклонялось отъ предъявленія парламенту захваченной въ Кабулѣ русской переписки, хотя она и могла бы отчасти послужить къ оправданію войны затѣянной въ Афганистанѣ, въ чемъ нуждалось министерство? Не опасалось ли оно что пренія объ этихъ документахъ могутъ зацѣпить щекотливый вопросъ о перевозкѣ въ Европу индійскихъ войскъ какъ разъ въ то время когда они могли понадобиться въ Индіи? Не разомъ рискнуло на представленіе этой переписки и министерство Гладстона. Это сдѣлано только когда для Англичанъ стало ясно что тѣ отъ кого по преимуществу нужно скрывать свою слабость начинаютъ ее разгадывать. Нельзя ли шумными преніями и призракомъ общественнаго движенія еще отвести нескромные взоры и сохранить за собою прежнее обаяніе силы? Но одних разговоровъ для этого мало; нужны дѣйствія, нужно остановить дальнѣйшее движеніе Русскихъ въ Азіи и въ то же время самимъ двинуться впередъ и занять Кандагаръ. „Вопросъ о занятіи этого пункта," замѣчаетъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, „пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Уже нѣсколько недѣль тому назадъ общественное мнѣніе въ Англіи было безповоротно на сторонѣ Непира высказавшаго, въ извѣстномъ меморандумѣ, что присоединеніе всего Кандагарскаго округа или по крайней мѣрѣ города съ крѣпостію и окрестностями, какъ по военнымъ такъ и по политическимъ соображеніямъ, должно стать основаніемъ политики относительно Индіи, и притомъ политики которая одна только и можетъ назваться правильною. Это настроеніе теперь значительно усилилось и вѣроятно правительство уступитъ ему."

Но если интересна статья берлинскаго офиціознаго органа, то не менѣе любопытны могутъ быть и побужденія вызвавшія ея появленіе именно въ настоящую минуту. Какая надобность берлинской газетѣ именно теперь, и такъ тщательно, въ цѣломъ рядѣ статей, раскрывать военную слабость Англіи? Еще недавно германская печать при всякомъ удобномъ случаѣ старалась сказать что-либо непріятное англійскому министерству и особенно самому Гладстону, доказывая невозможность той политики которой онъ держится. Это было время можетъ-быть болѣе удобное для статьи въ этомъ родѣ. А между тѣмъ она

появилась именно тогда когда германская печать торопится отмѣтить что Англія стремится сблизить свою политику съ германскою. Статья *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* появляется, наконецъ, какъ разъ въ слѣдъ за посѣщеніемъ Берлина англійскимъ посломъ въ Константинополѣ, г. Гошеномъ, сдѣлавшимъ отъ имени своего правительства чрезвычайно „лестныя" и благосклонно принятыя въ Берлинѣ предложенія относительно той роли которую Германія должна де взять на себя въ Константинополѣ въ интересахъ сохраненія Европейскаго мира. Посѣщеніемъ Берлина Гошеномъ, Англія сдѣлала шагъ на встрѣчу Австро-Германской политикѣ. Не предназначается ли статья *Сѣверо-Германской Газеты* къ тому чтобы перомъ военнаго авторитета раскрыть военную слабость Англіи и необходимость для послѣдней въ Европейскихъ дѣлахъ ближе примкнуть къ Германіи чтобы тѣмъ самымъ лучше обезпечить свои интересы и на Востокѣ, а можетъ-быть и въ Азіи?

Б.

Благодаря своеобразному адвокатскому пріему, дѣло о сопротивленіи властямъ оказанномъ крестьянами села Люторичи, какъ извѣстно, превратилось въ вопросъ о хозяйственныхъ порядкахъ существующихъ въ имѣніяхъ графа А. В. Бобринскаго. Эти порядки въ адвокатской рѣчи были изображены самыми мрачными красками. Наша печать, не дожидаясь никакихъ разъясненій, поспѣшила признать адвокатскія заявленія за доказанныя обвиненія чтобъ объявить ихъ вопіющими фактами нашего экономическаго быта, язвами государственнаго тѣла, отъ которыхъ „волосъ становится дыбомъ."

Но вотъ появилось отъ управленія имѣніями гр. А. В. Бобринскаго въ Епифанскомъ уѣздѣ разъясненіе тѣхъ сторонъ дѣла которыя могли казаться темными. Мнимое разоблаченіе разныхъ ужасовъ оказалось пуфомъ. Печать не замедлила заняться опубликованнымъ разъясненіемъ. По поводу его появился цѣлый рядъ передовыхъ статей, замѣтокъ и фельетоновъ, о немъ отозвались и *Молва*, и *Порядокъ*, и *Новое Время*, и *Московскій Телеграфъ*, и *Русскій Курьеръ*, и tutti quanti. Отзывы эти вообще такъ куріозны что на нѣкоторыхъ нельзя не остановиться.

Общій характеръ ихъ тотъ что объясненіямъ экономіи графа Бобринскаго не слѣдуетъ де придавать никакой вѣры. Почему? Потому, вопервыхъ, что это „объясненія заинтересованнаго въ дѣлѣ лица." Но вѣдь и адвокатъ былъ тоже заинтересованною въ дѣлѣ стороной. Притомъ есть существенная разница между свѣдѣніями сообщенными конторой графа Бобринскаго и адвокатскими заявленіями. Эти послѣднія дѣлались при обстоятельствахъ устранявшихъ всякую возможность ихъ провѣрки. Разъясненія экономіи даны при обстоятельствахъ допускающихъ полную возможность провѣрять каждую въ нихъ подробность.

Далѣе, разъясненіямъ конторы рекомендуется не вѣрить потому что въ нихъ де „нѣкоторыя весьма важныя обстоятельства обойдены молчаніемъ, другія искажены;" это де „мыльный пузырь вздутый для отвода глазъ," это де разъясненія голословныя."

Какъ голословныя? А заявленіе крестьянъ деревни Михайловки? А офиціальныя свѣдѣнія представленныя судебнымъ приставомъ Кедровымъ о всѣхъ взысканіяхъ какія производилъ онъ въ пользу графа А. В. Бобринскаго по исполнительнымъ листамъ съ 1875 по 1879 годъ?

Заявленіе крестьянъ деревни Михайловки трактуется въ печати какъ „мистификація," какъ „поддѣлка," какъ бумага написанная „по всей вѣроятности" послѣ угощенія крестьянъ въ кабакѣ. Ну, а какъ бы отнеслась печать къ заявленію Михайловскихъ крестьянъ, еслибы это заявленіе было не въ пользу, а противъ экономіи гр. Бобринскаго, и еслибъ это заявленіе было приведено не экономіей, а адвокатомъ крестьянъ?

Оригинально что означенное заявленіе Михайловскихъ крестьянъ объявляемое ничтожнымъ, въ то же время признается документомъ имѣющимъ значеніе какъ обвинительный документъ противъ той же экономіи. Это де „фальшивая сдѣлка купли-продажи." Какъ такъ? Вѣдь имущество Михайловскихъ крестьянъ было взято г. Фишеромъ за долгъ, точно также какъ оно могло бы быть взято тоже за долгъ другимъ кредиторомъ тѣхъ же крестьянъ. Въ чемъ же фальшь? Развѣ въ томъ что другимъ кредиторомъ это имущество было бы взято безвозвратно, а г. Фишеромъ взято условно, съ правомъ крестьянъ выкупить проданное?

Объ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ представленныхъ судебнымъ приставомъ Кедровымъ невозможно было отозваться также какъ о заявленіи крестьянъ деревни Михайловки. Но публикѣ дѣлается внушеніе что и этотъ документъ не имѣетъ значенія. Въ пользу гр. Бобринскаго, судебный приставъ взыскалъ въ пять лѣтъ всего 3.000 р. 16 к., причемъ почти вовсе не приходилось прибѣгать къ продажѣ имущества должниковъ. Этого оспаривать нельзя. Но, почемъ знать, *можетъ-быть* тотъ же приставъ, кромѣ взысканій съ крестьянъ въ пользу графа Бобринскаго, производилъ взысканія съ тѣхъ же крестьянъ въ пользу г. Фишера; *можетъ-быть*, кромѣ судебнаго пристава Кедрова, производили взысканія съ крестьянъ въ пользу экономіи другіе судебные пристава. Очень хороши эти „можетъ-быть" въ печати допускающей только сужденія провѣренныя тщательными изслѣдованіями, и еще лучше дѣлаемый изъ этихъ „можетъ-быть" выводъ: „*очевидно* (?) что кромѣ взысканій пристава Кедрова были и другія, о которыхъ умолчано!"

Еще куріозъ. По одному исполнительному листу судебный приставъ долженъ былъ взыскать или столько-то четвертей хлѣба натурой или деньгами по оцѣнкѣ 10 рублей за четверть. Эта оцѣнка выставляется ростовщичествомъ, хотя крестьянамъ предоставлялось уплатить хлѣбный долгъ натурой или деньгами по ихъ усмотрѣнію, какъ они сами найдутъ для себя удобнѣе и выгоднѣе.

Далѣе, значеніе документа офиціально выданнаго судебнымъ приставомъ Кедровымъ стараются умалить тѣмъ что въ него не вошли свѣдѣнія о взысканіяхъ какія производились съ крестьянъ ранѣе 1875 и позже 1879 года. Это выставляется предосудительнымъ умолчаніемъ. Выходитъ такъ что графъ А. В. Бобринскій долженъ оправдываться не только въ томъ что̀ дѣлалось въ его имѣніяхъ съ тѣхъ поръ какъ онъ ими владѣетъ, но въ томъ что̀ дѣлалось въ нихъ при прежнемъ владѣльцѣ. Дѣло идетъ о хозяйственныхъ порядкахъ которые, по словамъ защиты на судѣ, вызвали сопротивленіе крестьянъ властямъ весной 1879 года. Требуется, поэтому, чтобъ экономія сообщила о всѣхъ взысканіяхъ которыя она производила послѣ акта означеннаго сопротивленія, какъ будто послѣдовавшія событія могли быть причиною предшествовавшихъ!

Экономія графа Бобринскаго провинилась еще въ слѣдующемъ умолчаніи. На судебномъ слѣдствіи упоминалось что заочное рѣшеніе Тульскаго окружнаго суда по дѣлу о выданныхъ Люторскими крестьянами заемныхъ письмахъ не было объявлено крестьянамъ: „это обстоятельство въ объясненіи не опровергается и обходится полнымъ молчаніемъ." Было ли дѣйствительно объявлено крестьянамъ заочное рѣшеніе, это особый вопросъ. Должно полагать что было. Но положимъ что заочное рѣшеніе крестьянамъ сообщено не было. Какое до этого дѣло помѣщичьей экономіи, и почему бы она должна давать по этому пункту разъясненія. Развѣ помѣщичьи конторы служатъ органомъ сообщенія тяжущимся судебныхъ рѣшеній?

Въ общемъ результатѣ, на основаніи приведенныхъ „умолчаній," требуется чтобы разъясненію конторы гр. Бобринскаго не придавалось никакого значенія какъ опроверженію адвокатскихъ заявленій на судѣ. Но то же самое разъясненіе должно имѣть значеніе какъ „обвинительный актъ" противъ конторы графа Бобринскаго составленный самою этою конторой.

Превращеніе разъясненій конторы въ самообвинительный актъ, можно сказать, вѣнчаетъ собою рядъ куріозовъ какими сопровождалось обсужденіе этихъ разъясненій въ печати. Контора не нашла нужнымъ маскировать свои дѣйствительныя отношенія къ крестьянамъ и представила ихъ какъ они были въ дѣйствительности. Она заявила что земля Люторскихъ крестьянъ (50 десятинъ не входящихъ въ составъ надѣла) была дѣйствительно продана съ аукціоннаго торга (черезъ годъ послѣ оказаннаго ими сопротивленія властямъ) въ удовлетвореніе долговыхъ претензій какъ Бобринской экономіи, такъ и другихъ кредиторовъ; что въ составъ долга Люторскихъ крестьянъ вошелъ не только не уплаченный ими въ 1876 году оброкъ, но и пеня установленная закономъ за такую неуплату оброка; что не взыскавъ съ крестьянъ ни одной копѣйки изъ тѣхъ неустоекъ которыя писались въ договорахъ съ крестьянами и которыя вызвали противъ нея такую бурю, контора, однако, частію вознаградила себя за невыгоды проистекавшія отъ продолжительныхъ просрочекъ въ уплатѣ арендныхъ денегъ тѣмъ

что крестьяне (5.700 душъ въ 19 селеніяхъ) обработали въ теченіе пяти лѣтъ около 500 десятинъ не за деньги, а на условіяхъ близкихъ къ тѣмъ какія соблюдаются при такъ-называемой „помочи,“ которая въ нашемъ сельско-хозяйственномъ быту составляетъ обычное явленіе. И вотъ по поводу этихъ заявленій объ этихъ фактахъ ставится вопросъ: „ужъ если такъ сами говорятъ, то что̀ же было въ дѣйствительности?“ А кажется, вмѣсто того чтобы ставить такой вопросъ, слѣдовало бы просто, безъ всякихъ „можетъ-быть,“ изложить что̀ же именно было въ дѣйствительности.

Но у нашей печати оказалась „дѣвичья память.“ Она успѣла забыть въ чемъ состояла сущность тѣхъ „разоблаченій“ которыя такъ поразили ее въ Люторскомъ процессѣ. Рѣчь шла не о послабленіяхъ, не о поблажкахъ крестьянамъ, а о безчеловѣчной, ростовщической эксплуатаціи ихъ, о закабаленіи ихъ. „Помѣщичья экономія выжимаетъ сокъ изъ крестьянъ, грабитъ ихъ и стрижетъ какъ овецъ,“ вотъ какъ представлялась въ печати сущность будто бы сдѣланныхъ на судѣ разоблаченій. Оказывается ли на дѣлѣ что-нибудь подобное?

Этого вопроса, единственнаго существеннаго въ дѣлѣ рыцари нашей печати не касаются...

№ 48.

Москва, 16-го февраля.

А.

Если вѣрить *Новому времени*, то съѣхавшіеся въ Петербургъ попечители учебныхъ округовъ трудятся надъ рѣшеніемъ невѣроятныхъ задачъ; но не возможно допустить чтобы свѣдѣнія полученныя этою газетой были точны и достовѣрны.

Прежде всего самая цѣль Петербургскаго съѣзда отличается какимъ-то страннымъ и неожиданнымъ характеромъ. Собрались въ „чрезвычайную сессію“ члены совѣта министра Народнаго Просвѣщенія. Что̀ же, повидимому, должно быть предметомъ заботъ этого совѣта? Прямая его обязанность заключается, очевидно, въ томъ чтобъ обдумывать мѣры къ развитію и возвышенію просвѣщенія въ Россіи, а такъ какъ онъ въ данную минуту занимается спеціально гимназическимъ образованіемъ, то всякій ожидалъ бы отъ него серіозныхъ заботъ объ улучшеніи нашихъ гимназій въ томъ смыслѣ чтобы въ этихъ заведеніяхъ наши дѣти получали еще болѣе основательное, еще болѣе глубокое и прочное образованіе чѣмъ теперь. Нельзя не сознаться что напримѣръ въ Германіи гимназіи выпускаютъ молодыхъ людей лучше и серіознѣе приготовленныхъ къ университетской наукѣ нежели русскія гимназіи. Такъ о чемъ же нашему Министерству Народнаго Просвѣщенія и заботиться какъ не о томъ чтобы наши гимназіи давали результаты не хуже чѣмъ гимназіи въ Германіи? Вѣдь нужно же намъ наконецъ пріобрѣсти самостоятельность, а не быть вѣчно на помочахъ у нашихъ сосѣдей, что̀ возможно будетъ конечно лишь тогда какъ школьная подготовка къ научнымъ занятіямъ будетъ у насъ не менѣе высока и основательна.

Что̀ же оказывается по свѣдѣніямъ петербургскихъ газетъ? Члены совѣта министра Народнаго Просвѣщенія смотрятъ на дѣло просвѣщенія какъ на *зло*: всѣ ихъ усилія направлены не къ тому чтобы возвысить наше гимназическое образованіе, а чтобы понизить его. Мало того: не меньшимъ зломъ чѣмъ просвѣщеніе совѣтъ министра будто бы признаетъ и *трудолюбіе и привычку къ труду*, эти два необходимые фактора народнаго благосостоянія, развитые до высокой степени у нашихъ европейскихъ сосѣдей. У насъ совѣтъ министра Народнаго Просвѣщенія задался поэтому, если вѣрить газетамъ, совершенно несообразною съ его назначеніемъ мыслію: устроить такъ чтобы наши дѣти учились какъ можно хуже и научались какъ можно меньше, и чтобы самое ученіе развивало у нихъ не любовь и привычку къ труду, а легкомысленное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, праздность и самодовольное невѣжество. Вопросъ о томъ какъ отзовется подобная школьная подготовка на будущей научной и общественной дѣятельности теперешнихъ учениковъ, повидимому, вовсе не интересуетъ попечителей и членовъ совѣта; они, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, заняты лишь тихимъ крушеніемъ русскихъ гимназій...

Но что̀ за причина могла побудить ихъ къ такому дѣлу которое должно исполнить радостью развѣ враговъ нашего отечества?

Говорятъ, погоня за популярностью. Популярность, конечно, вещь пріятная и въ большинствѣ случаевъ очень легко достижимая; но неужели она всегда безусловно похвальна? Что̀ бы вы сказали еслибы военный министръ вдругъ вздумалъ, ради популярности, понизить уровень боевыхъ качествъ нашей арміи и такъ повернуть общую воинскую повинность чтобъ она сохранила только номинальное существованіе, а на самомъ дѣлѣ не имѣла значенія? Такая мѣра, конечно, понравилась бы и подлежащимъ жребію юношамъ и ихъ родителямъ, и военный министръ заслужилъ бы среди ихъ популярность,—но чѣмъ бы вышелъ онъ предъ своимъ отечествомъ? Точно также и въ дѣлѣ народнаго образованія: интересы государства не всегда совпадаютъ съ мнѣніями частныхъ лицъ. Россія не должна допускать чтобы средства ея военной обороны были хуже и слабѣе чѣмъ у сосѣднихъ государствъ; но точно также она не можетъ допустить чтобъ образовательный уровень ея гражданъ былъ ниже того же уровня въ сосѣднихъ государствахъ.

Мы поэтому рѣшительно отказываемся вѣрить слухамъ которые держатся въ публикѣ и усердно распространяются извѣстнаго сорта газетами, будто засѣдающій совѣтъ министра рѣшилъ не только сократить время потребное для прохожденія гимназическаго курса, но и принялъ мѣры къ тому чтобъ это прохожденіе было, по возможности, лишено пользы. Говорятъ, напримѣръ, будто исполняя мудрый совѣтъ г. Модестова, министерство „возвратило дѣтямъ лѣто,“ т.-е. увеличило лѣтнюю вакацію на цѣлый мѣсяцъ, и къ тому еще приняло строгія мѣры чтобъ они въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ не открывали ни одной учебной книги. Эта *либеральная* мѣра быть-можетъ усилитъ его теперешнюю популярность, но она вычеркнетъ цѣлый учебный годъ изъ восьмилѣтняго гимназическаго курса. Притомъ мы должны принять въ разчетъ что такъ какъ вслѣдствіе вышеозначенныхъ строгихъ мѣръ ученики самымъ основательнымъ образомъ будутъ ежегодно забывать лѣтомъ то чему ихъ учили въ теченіе учебнаго *года*, то нужно будетъ ежегодно посвящать первые два учебные мѣсяца на повтореніе прошлогодняго курса. Вслѣдствіе этого, нашъ восьмилѣтній гимназическій курсъ превратится въ *шестилѣтній*, и намъ ужъ конечно думать нельзя будетъ о томъ чтобы наши дѣти получали въ гимназіи такую же подготовку какую получаютъ ученики среднеучебныхъ заведеній въ другихъ странахъ.

И почему же это вдругъ теперь, въ 1881 году, оказалось что двухъ мѣсяцевъ лѣтняго отдыха для учениковъ слишкомъ мало? Неужели и эти два мѣсяца считаются однимъ изъ „коварныхъ инквизиторскихъ измышленій“ графа Толстаго? Но вѣдь и до его вступленія въ Министерство Народнаго Просвѣщенія русскіе гимназисты пользовались только двухмѣсячнымъ лѣтнимъ отдыхомъ, и никто никогда не находилъ его слишкомъ краткимъ.

Но можетъ-быть приняты будутъ мѣры чтобы по крайней мѣрѣ въ тѣ нѣсколько мѣсяцевъ которые оставлены за ученіемъ оно будетъ идти лучше, основательнѣе и серіознѣе нежели теперь, чтобъ ученики могли съ успѣхомъ наверстать то что̀ упустятъ во время лѣтнихъ баклушъ? Къ сожалѣнію, предполагаемыя мѣры будутъ имѣть совершенно противоположную цѣль, если судить по доходящимъ до насъ слухамъ и по тому циркуляру который былъ разосланъ попечителямъ 18 іюля прошлаго года. Въ этомъ циркулярѣ предписано учителямъ „обращать преимущественное вниманіе на учениковъ менѣе даровитыхъ и менѣе прилежныхъ и, занимаясь болѣе съ ними, тѣмъ самымъ облегчать имъ прохожденіе курса.“ Предписаніе это противорѣчитъ мнѣнію всѣхъ признанныхъ педагогическихъ авторитетовъ. Не слабѣйшіе ученики должны быть мѣриломъ требованій для учителя, а ученики среднихъ способностей. Спросите какого угодно учителя, и онъ вамъ скажетъ что если вы будете обращать главное вниманіе на учениковъ неспособныхъ и малоприлежныхъ, то вы весь классъ превратите въ тупицъ и лѣнтяевъ, такъ какъ вы систематически будете принижать способныхъ и прилежныхъ учениковъ до жалкаго уровня нѣсколькихъ ихъ товарищей негодныхъ для ученой школы, а слѣдовательно и для высшаго образованія. Молодые люди поступающіе въ университеты во всѣхъ странахъ бываютъ и должны быть *отборнымъ цвѣтомъ* молодежи; только у насъ, въ Россіи, наукой будутъ заниматься люди стоящіе ниже посредственности. Что̀ же выйдетъ изъ этой жалкой русской науки?

Но число педагогическихъ абсурдовъ, подлежащихъ будто бы серіозному обсуж-

денію совѣта министра Народнаго Просвѣщенія, не исчерпывается приведенными нами примѣрами. „Особенное вниманіе обращается," говоритъ *Новое Время*, „на программы III и IV классовъ,"—

„такъ какъ ученики этихъ классовъ вызываютъ особую заботу и попеченіе о себѣ по своему физическому состоянію. По своимъ лѣтамъ, они находятся въ періодѣ перехода отъ отрочества въ юношескій возрастъ, причемъ въ физической и нравственной сферѣ ихъ происходитъ переломъ, отражающійся временно на ихъ способностяхъ. *Въ виду этихъ причинъ предлагается по возможности относиться снисходительно къ ученикамъ IV класса, какъ во время самаю курса, такъ и на переводныхъ испытаніяхъ* "

Что ученики IV и V класса, дѣйствительно, вызываютъ особую заботу и попеченіе о себѣ по своему физическому и нравственному состоянію это давнымъ-давно извѣстно всѣмъ педагогамъ. Но если вы педагогу скажете что эта особая забота и попеченіе должны состоять въ возможно большей *снисходительности* къ ученикамъ какъ во время самаго курса, такъ и на переводныхъ испытаніяхъ, то педагогъ сочтетъ васъ за шутника. Періодъ перехода отъ отрочества въ юношескій возрастъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ. Этотъ періодъ часто имѣетъ самое пагубное вліяніе на всю будущую жизнь человѣка. Предотвратить это пагубное вліяніе могутъ только правильно организованныя условія той среды гдѣ находится мальчикъ въ тотъ моментъ когда въ немъ совершается роковой переломъ какъ физическій, такъ и нравственный. Если въ этотъ моментъ онъ будетъ окруженъ такими условіями которыя не дадутъ ему возможности уклониться отъ добросовѣстнаго и тщательнаго исполненія своихъ ученическихъ обязанностей, если онъ будетъ дѣлить время между серіозною работой и укрѣпляющимъ тѣло отдыхомъ, то переломъ совершится въ немъ почти незамѣтно и мальчикъ будетъ спасенъ. Но поставьте его въ это время въ такую среду которая будетъ содѣйствовать его *праздности*, дайте ему досугъ и возможность предаваться разнымъ физическимъ и нравственнымъ увлеченіямъ, не требуйте отъ него серіознаго исполненія своихъ обязанностей, смотрите на него сквозь пальцы,—и вы погубите мальчика можетъ-быть на цѣлую его жизнь. Вотъ что говоритъ здравая педагогія и вотъ что̀, по всему вѣроятію, сказали гг. попечители когда на ихъ рѣшеніе былъ предложенъ вышеприведенный проектъ о систематическомъ развращеніи учениковъ IV класса.

Куріознѣе всего сообщеніе будто само министерство для своего облегченія намѣрено отказаться отъ всякаго контроля за выпускными экзаменами. Гимназическіе учителя сами де будутъ предлагать воспитанникамъ свои темы, хотя бы эти темы сто разъ фигурировали въ классномъ матеріалѣ учебнаго года; всѣ мѣры предосторожности противъ злоупотребленій будутъ де отмѣнены, число часовъ для каждой работы будетъ произвольное, къ устнымъ испытаніямъ будутъ допускаемы всѣ ученики безъ исключенія дабы облегчить доступъ въ университетъ лѣнтяямъ и тупицамъ. На испытаніяхъ зрѣлости воцарится такимъ образомъ непроглядный хаосъ въ которомъ будетъ просторъ всякому темному дѣлу, а министерство будетъ сидѣть сложа руки и любоваться результатами своей „просвѣщенной и либеральной" дѣятельности.

Мы не станемъ перечислять остальныхъ проектовъ сообщаемыхъ *Новымъ Временемъ*. Несостоятельность ихъ такъ очевидна что о нихъ и говорить не стоитъ. Жаль только что считается возможнымъ пресеріозно приписывать такія странныя намѣренія членамъ совѣта министра. Они, правда, люди теоріи, а не практики; но неужели нужно обладать особыми спеціальными познаніями, неужели не достаточно имѣть обыкновенный запасъ здраваго смысла чтобъ ясно понять тотъ вредъ который, безо всякаго сомнѣнія, причинятъ русскому просвѣщенію вышеупомянутыя противо-воспитательныя мѣры?

Б.

Въ Петербургскомъ Университетѣ случился скандалъ поразительный, о которомъ сначала прошли лишь смутные слухи казавшіеся совершенно невѣроятными, но потомъ подтвержденные офиціально со всѣми подробностями. Что̀ же въ это время происходитъ въ нашей такъ-называемой либеральной печати? Она оставляетъ скандалъ, и всѣми жерлами своихъ орудій обращается противъ насъ. Въ насъ бросаетъ она всю грязь своихъ передовыхъ статей и фельетоновъ. Подыскиваются подъ каж-

дое наше слово, и изо всего стараются извлечь ядъ. Старая гетера петербургской печати, газета *Голосъ*, соединяетъ насъ съ Коганомъ Бернштейномъ и Подбѣльскимъ. Дѣлаются инсинуаціи что чуть ли не мы были виновниками петербургскаго скандала, и чуть ли не мы подсылали туда эмиссаровъ, какъ прежде дѣлались прозрачные намеки что мы производили смуты въ Московскомъ Университетѣ.

Лже-либеральныя петербургскія газеты вообще повадились говорить о какихъ-то эмиссарахъ пріѣзжающихъ изъ Москвы чтобы волновать университетскую молодежь въ Петербургѣ. *Голосъ* вспомнилъ даже „о московской исторіи." „Московская исторія," сказано въ этой газетѣ, „прошла здѣсь (то-есть въ Петербургѣ) безслѣдно. Ни одинъ студентъ, „*несмотря на всѣхъ „эмиссаровъ изъ Москвы*, не шелохнулся. „Тогда, очевидно, разчитали и разчитали „вѣрно что публичный скандалъ *замутитъ*, „оставитъ послѣ себя слѣдъ и слѣдъ очень „выгодный для мутителей. Такъ и случи„лось. Студенчество бывшее покойнымъ „во всѣ послѣдніе мѣсяцы взволновалось, „и волненія, какъ мы слышали, продол„жались всѣ эти дни."

Разбери кто можетъ весь этотъ гадкій наборъ словъ!

Кто же эти *мутители?* Кто же высылаетъ этихъ эмиссаровъ? Студенты ли Московскаго Университета, или наконецъ въ самомъ дѣлѣ мы, члены одного кружка съ Коганомъ Бернштейномъ и Подбѣльскимъ? Увы, въ Петербургѣ не нуждаются въ *мутителяхъ*. Откуда же какъ не изъ Петербурга идетъ всякая смута растлѣвающая умы и вносящая ложь въ русскую жизнь? Гдѣ какъ не въ Петербургѣ первоначально вырабатывается эта ложь?

Составитель куріозовъ въ № 44 *Московскихъ Вѣдомостей* привелъ сообщенное въ *St.-Petersburger Herold* извѣстіе будто къ послѣднему петербургскому скандалу были прикосновенны какія-то прибывшія изъ Москвы лица. Этого мало: московскіе эмиссары названы даже прямо *зачинщиками* безпорядковъ, и будто бы это обнаружено слѣдствіемъ. Но въ официальномъ протоколѣ ничего не упомянуто объ этомъ интересномъ обстоятельствѣ. Виновными оказались лишь нѣсколько студентовъ и вольнослушателей Петербургскаго Университета; главные виновники, если таковые были, не обнаружены. Составитель куріозовъ, приводя сообщенія петербургскихъ газетъ, упомянулъ о другомъ слухѣ будто, напротивъ, изъ Петербурга присылались какія-то письма обращенныя къ московской молодежи; но и этотъ слухъ, какъ намъ сообщаютъ за вѣрное, лишенъ основанія.

Петербургскія газеты похваляются что участниковъ скандала оказалась лишь ничтожная кучка. Наконецъ-то и петербургскія газеты, хотя косвенно, отдаютъ справедливость школѣ изъ которой вышли нынѣшніе студенты. Если несмотря на всю ложь положенія, на всѣ дурныя возбужденія, на всѣ интриги и обманы которые сыплются на учащуюся молодежь, она остается тверда и держится хорошо, обнаруживая и критическій смыслъ и силу отпора, если наконецъ она оказывается способною къ такимъ демонстраціямъ какихъ Петербургъ былъ свидѣтелемъ на похоронахъ Достоевскаго, то надобно благодарить Бога за тотъ, увы! краткій промежутокъ времени когда у насъ твердо держалась правильная и высокая образовательная школа, которую петербургскіе мутители хотѣли бы *сокрушить*... правда, безъ ломки.

№ 49.

Москва, 17-го февраля.

Берлинскій телеграфъ бываетъ очень щедръ на сообщеніе о мельчайшихъ событіяхъ внутренней политики Германіи; и это не потому чтобы Германское правительство, подъ прямымъ контролемъ котораго находится берлинское телеграфное агентство, отличалось особенною откровенностью, а лишь съ тою цѣлью дабы придать каждому случаю въ публичной жизни Германіи значеніе событія интереснаго для всей Европы, хотя для Европы далеко не всегда ясенъ смыслъ этихъ сообщеній.

Такъ и въ послѣдніе дни телеграфъ изъ Берлина передавалъ въ подробности судьбы отдѣльныхъ параграфовъ законопроекта о разграниченіи компетенціи между органами администраціи и земскаго представительства, новая организація котораго имѣетъ быть введена въ восточной по-

ловинѣ Пруссіи съ 1 апрѣля сего года. Законопроектъ этотъ нѣсколько разъ переходилъ изъ палаты представителей въ палату господъ и обратно, вслѣдствіе разногласія возникшаго между палатами по поводу трехъ параграфовъ 7, 127 и 142. По двумъ параграфамъ разногласіе было устранено; но относительно седьмаго каждая палата осталась при своемъ мнѣніи, хотя сами германскія газеты сознаются что вопросъ о томъ должно ли правительство утверждать въ должности всѣхъ выбранныхъ членовъ земскихъ совѣтовъ (по нашему управъ), или только предсѣдателей, о чемъ идетъ рѣчь въ пререканіяхъ о 7 параграфѣ, совсѣмъ не такъ важенъ чтобъ изъ-за него возникли столь важныя затрудненія какія оказались на дѣлѣ, такъ какъ дѣло окончилось выходомъ въ отставку прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Эйленбурга. Этотъ министерскій кризисъ произвелъ большой шумъ въ Германіи не потому чтобы важна была причина послужившая официальнымъ къ тому поводомъ, а совсѣмъ другое, о чемъ официозный телеграфъ, да и официозная печать Берлина умолчали. Князь Бисмаркъ съ рѣзкостью и рѣшительностью, которыя не соотвѣтствовали мелкости вопроса, заявилъ публично въ палатѣ господъ о своемъ несогласіи съ графомъ Эйленбургомъ. Послѣдній поспѣшилъ подать императору свое прошеніе объ отставкѣ. Но императоръ весьма дорожитъ графомъ Эйленбургомъ и отказался принять прошеніе; князь Бисмаркъ имѣлъ нѣсколько аудіенцій у императора Вильгельма, и въ самый день подачи этой просьбы императоръ самъ посѣтилъ князя Бисмарка, который отказался поѣхать во дворецъ „по нездоровью.“ Послѣ этого князь Бисмаркъ нѣсколько разъ заявлялъ въ ландтагѣ, но заявлялъ въ выраженіяхъ крайне сухихъ и формальныхъ, какъ признаютъ берлинскія газеты, что между имъ и графомъ Эйленбургомъ разногласія болѣе нѣтъ. Все это не измѣнило однако „твердой рѣшимости“ графа Эйленбурга, и онъ настаивалъ на своей отставкѣ, которая и принята, хотя преемникъ ему еще не назначенъ.

Все это породило много толковъ въ Германіи. За министерскимъ кризисомъ, какъ читаемъ въ берлинскихъ газетахъ, невидимо, но ощутительно для всѣхъ, разыгрался вновь „канцлерскій кризисъ,“ который, какъ и всѣ предыдущіе, окончился полнымъ торжествомъ князя Бисмарка. Разница на этотъ разъ лишь въ томъ что прежде князь Бисмаркъ, въ случаяхъ столкновенія съ личными желаніями и симпатіями императора, начиналъ съ того что самъ подавалъ въ отставку, и дѣло кончалось тѣмъ что выходилъ въ отставку кто-либо изъ неугодныхъ ему министровъ, въ этомъ же году князь Бисмаркъ, при первомъ своемъ дебютѣ въ ландтагѣ, категорически заявилъ что онъ намѣренъ „остаться на своемъ посту“ до конца своихъ дней, причемъ нельзя не отмѣтить что, въ первомъ стенографическомъ отчетѣ о рѣчи князя Бисмарка, это заявленіе не сопровождалось никакою оговоркой, и только въ послѣ появившемся официальномъ текстѣ къ приведеннымъ словамъ прибавлено: „если я не буду удаленъ по волѣ монарха.“

Берлинскія газеты изъ оппозиціонныхъ указываютъ, по поводу приведенныхъ фактовъ, на совершенно своеобразное и безпримѣрное въ исторіи положеніе которое создалъ себѣ князь Бисмаркъ въ монархическомъ государствѣ. Но открытыя нападки на „единодержавіе“ князя Бисмарка дозволилъ себѣ лишь неугомонный вожакъ прогрессистовъ г. Рихтеръ, вѣчный противникъ имперскаго канцлера, въ засѣданіи рейхстага 23 февраля. Прочія же фракціи либеральной партіи и ихъ органы стараются примирить общественное мнѣніе съ этимъ положеніемъ, которое и они признаютъ не нормальнымъ въ виду того что по дѣламъ внѣшней политики князь Бисмаркъ чуждъ тѣхъ ошибокъ и странностей кои ставятся ему въ вину по дѣламъ внутреннимъ. Но о томъ что̀ дѣлаетъ князь Бисмаркъ въ области иностранной политики органы печати, равно какъ и парламентскія партіи, имѣютъ весьма скудныя свѣдѣнія хотя и тутъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на нелады съ волею монарха, коихъ князь Бисмаркъ не только не скрылъ отъ публики, а напротивъ поспѣшилъ о нихъ заявить. Припомнимъ миссію генерала Мантейфеля въ Варшаву въ 1879 году, а затѣмъ поѣздку самого императора Вильгельма въ Александрово. Князь Бисмаркъ въ это время находился въ Киссингенѣ, и органъ его, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, заявила тогда что онъ „совершенно чуждъ“ переговоровъ коихъ результатомъ было свиданіе въ Александровѣ. Затѣмъ пронеслась

вѣсть о новомъ канцлерскомъ кризисѣ; графъ Штольбергъ-Вернигероде былъ посланъ къ имперскому канцлеру императоромъ; переговоры продолжались три недѣли, и лишь послѣ того князь Бисмаркъ поѣхалъ въ Вѣну и началась „новая эра" его внѣшней политики, относительно которой до сихъ поръ не сообщено ни одного официальнаго документа, но которая ознаменовалась генеральною атакой по всей линіи германской печати противъ Россіи.

Въ настоящее время нападки противъ Россіи пріутихли, и нѣмецкая печать утверждаетъ будто политика Россіи, по существующимъ нынѣ затрудненіямъ на Востокѣ, вполнѣ согласна съ австро-германскою политикой. Тѣмъ замѣтнѣе сталъ раздражительный тонъ германской печати противъ Франціи, но не теперешней офиціальной Франціи, а „Франціи будущаго," то-есть противъ г. Гамбетты, коего берлинскія газеты всѣхъ оттѣнковъ не перестаютъ уличать въ воинственныхъ замыслахъ противъ Германіи. Французскіе радикалы, равно какъ и клерикалы, дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи на руку Германіи и въ свою очередь всячески стараются „сорвать маску" съ бывшаго диктатора и доказать что онъ пользуется своимъ вліяніемъ на правительство для своихъ скрытыхъ цѣлей. Мы уже имѣли случай указать, на основаніи краткаго телеграфнаго извѣстія, на рѣчь которую произнесъ г. Гамбетта въ отвѣтъ на эти нападки, въ засѣданіи французскаго законадательнаго собранія 21 февраля. Г. Гамбетта рѣшительно отрекся отъ всякаго вмѣшательства въ политику теперешняго кабинета и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ что и шербургская его рѣчь, за которую его такъ много упрекаютъ, не была призывомъ къ войнѣ. Но полный текстъ его рѣчи въ палатѣ, нынѣ нами полученный, заключаетъ въ себѣ кое-что о чемъ телеграфъ умолчалъ и на что̀ въ Берлинѣ обратили зоркое вниманіе. Г. Гамбетта не только отрицалъ свое невидимое участіе въ теперешнемъ управленіи, но отрекся отъ всякой солидарности со внутреннею и *внѣшнею* политикой теперешняго правительства. „Я имѣю," сказалъ онъ, „свои взгляды на задачи нашей политики какъ внутри, такъ и внѣ; но для примѣненія ихъ я буду ждать когда страна призоветъ меня на иной постъ." Нѣмецкія газеты поражены тѣмъ что бывшій диктаторъ не только отрекся отъ той „политики мира" которая стоитъ первенствующимъ пунктомъ въ программѣ теперешняго кабинета, но съ такою смѣлостью и увѣренностью высказалъ ожиданіе что онъ будетъ призванъ на другой постъ, то-есть что онъ будетъ президентомъ республики. Несмотря на мирныя увѣренія г. Гамбетты въ этой самой рѣчи, нѣмецкія газеты болѣе чѣмъ когда-либо убѣждены теперь что избраніе его станетъ лозунгомъ къ войнѣ. И нужно прибавить что нѣмецкія газеты видимо смущаются предъ этою перспективой. Если изъ тона германской печати возможно выводить заключеніе о руководящемъ интересѣ политики Германіи, то нельзя не сказать что заботы ея направлены къ тому чтобы предотвратить эту войну. Въ этомъ отношеніи поразительна перемѣна происшедшая съ 1875 года: ни для кого теперь уже не тайна что война, о близости которой первая возвѣстила тогда одна офиціозная берлинская газета, входила тогда въ разчеты Германіи, и что война была предотвращена помимо ея воли. Теперь же, если вѣрить берлинской печати, Германія старается объ умиротвореніи даже греко-турецкой распри единственно въ тѣхъ видахъ чтобы пожаръ возгорѣвшійся на юго-востокѣ Европы не перекинулся какъ-нибудь на берега Рейна.

Но и теперь, какъ въ 1875 году, общественное мнѣніе Германіи обращаетъ свои взоры на князя Бисмарка, заранѣе одобряя его теперешнія „старанія о сохраненіи мира," какъ тогда поддерживались его воинственные замыслы. Этимъ и объясняется непоколибимость его положенія, имъ самимъ возвѣщенная.

№ 50.

Москва, 18-го февраля.

„Извѣстія полученныя въ послѣднее время изъ Константинополя до крайности противорѣчивы," замѣтила на дняхъ *Кельнская Газета*, которая по званію завѣдомаго туркофильскаго органа имѣетъ возможность знать нѣсколько болѣе другихъ. „Въ дипломатическихъ сферахъ, продолжаетъ берлинскій корреспондентъ этой газеты, обращается слухъ, *идущій однако не изъ турецкаго посольства*, что султанъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настроенъ

въ пользу мира и готовъ на всякую уступку", а между тѣмъ турецкія войска продолжаютъ массироваться на греческой границѣ. Въ одной Ѳессаліи въ послѣднее время стояло слишкомъ восемнадцать тысячъ турецкихъ солдатъ съ 75 орудіями. Массы войскъ собранныя въ Эпирѣ еще болѣе внушительны по составу. Арта, Воло, Ларисса и множество пунктовъ вдоль греческой границы укрѣплены или укрѣпляются, въ Янинѣ устроенъ большой складъ патроновъ, артиллерійскихъ снарядовъ и прочаго военнаго матеріала. Въ свою очередь и Греція развиваетъ свои вооруженія и организуетъ новыя части, готовясь если не къ наступленію, то къ рѣшительному отпору турецкому вторженію.

Несмотря на полное единомысліе державъ, которое на дняхъ подтверждаетъ и петербургская *Agence Générale Russe*, несмотря на то что „державы пошли на переговоры съ убѣжденіемъ что Порта согласится на уступки" могущія удовлетворить Грецію, увѣренности въ сохраненіи мира нѣтъ. Германская тронная рѣчь даже считаетъ разрывъ между Турціей и Греціей весьма вѣроятнымъ, замѣчая что въ Берлинѣ приняты мѣры локализовать войну которая не затронетъ ни Германіи, ни ея ближайшихъ сосѣдей. Эта неувѣренность дипломатіи становится весьма понятна если сообразить ходъ всѣхъ переговоровъ о греческой границѣ съ ходомъ вооруженій обѣихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. Уже во время русско-турецкой кампаніи, въ Греціи возникло движеніе въ пользу присоединенія Эпира и Ѳессаліи, принявшее такіе размѣры что Турція не рискнула обнажить свою границу. Немедленно по окончаніи войны, Греческое правительство предъявило Портѣ рядъ требованій по исправленію сѣверной границы королевства. Требованія эти были однако отвергнуты Портой и Греція двинула было свои войска въ предѣлы турецкіе. Вмѣшательство державъ и настойчивыя представленія въ Аѳинахъ предотвратили борьбу обѣщавшую Грекамъ нѣкоторый успѣхъ. Было указано что цѣли своей Греція можетъ добиться и мирнымъ путемъ, и что Европа приметъ во вниманіе ея справедливыя требованія. Греческія войска были остановлены и вмѣстѣ съ этимъ Европа приняла на себя нѣкоторыя нравственныя обязательства предъ Греціей, которыя отчасти и были исполнены постановленіемъ Берлинскаго конгресса рѣшившаго предоставить Грекамъ значительныя территоріи въ Эпирѣ и Ѳессаліи. Въ Берлинскомъ трактатѣ указано даже общее направленіе греческой границы, но съ тѣмъ чтобы вопросъ этотъ въ деталяхъ былъ разрѣшенъ по обоюдному соглашенію между Греціей и Турціей. Державы, не указывая болѣе точнаго исполненія ихъ рѣшенія, оставили за собою право вмѣшаться въ дѣло въ томъ случаѣ если стороны почему-либо будутъ не въ силахъ придти къ обоюдному соглашенію. Этимъ рѣшеніемъ Берлинскаго конгресса обусловленъ весь дальнѣйшій ходъ переговоровъ. Исполняя волю Европы Греція и Турція вступили въ переговоры. Делегаты ихъ съѣхались въ Превезѣ, но скоро убѣдились что вопросъ безъ посредничества не разрѣшимъ. Собралась конференція въ Константинополѣ уже съ участіемъ державъ предложившихъ свои услуги, но и это не привело ни къ чему. Конференція разошлась не постановивъ рѣшенія. Столкновеніе казалось неизбѣжнымъ, когда рѣшено было испробовать еще средство обѣщавшее успѣхъ. Европа рѣшилась прямо выразить свою „волю." Въ первыхъ числахъ іюня въ Берлинѣ собралась конференція пословъ и делегатовъ спеціалистовъ окончательно рѣшившая споръ. Греціи и Турціи была указана точная граница, которая при общемъ направленіи отъ запада къ востоку шла по теченію рѣки Каламье до ея истоковъ, перерѣзывала Загорскій округъ къ сѣверу отъ Янины, проходила далѣе сѣвернѣе Метцово и опредѣлялась далѣе вершинами холмовъ образующихъ границы бассейна рѣки Саламвріи. Конференція не постановила однако никакого способа проведенія этой границы на мѣстности и державы ограничились простымъ предъявленіемъ своей „воли" какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Константинополѣ. Но военное положеніе заинтересованныхъ сторонъ успѣло уже измѣниться. Греція попрежнему не была готова къ дѣйствіямъ, Турція, напротивъ, успѣла уже нѣсколько оправиться, привести въ порядокъ свои войска и точно оріентироваться относительно настоящаго положенія Европы. Въ Аѳинахъ встрѣтили рѣшеніе Берлинской конференціи съ полнымъ сочувствіемъ: рѣшеніе было слишкомъ выгодно для Греціи. Потерпѣвшая

сторона, Турки, взглянули на дѣло иначе, и Порта, протестовавшая еще во время самой конференціи, отвѣтила положительнымъ, хотя и мотивированнымъ отказомъ, ссылаясь на стратегическія и этнографическія несообразности въ рѣшеніи Берлинской конференціи. Начались опять переговоры, а вмѣстѣ съ ними и вооруженіе противниковъ; начались угрозы Европы Туркамъ. Однако, не смущаясь этими требованіями и угрозами, Порта предложила свою пограничную линію, существенно отличную отъ берлинской. Проходъ южнѣе Лариссы, Метцова и Янины линія предложенная Портой оставляла эти города во власти Турціи. Такое измѣненіе не было принято Греціей. Опять готова была вспыхнуть, казалось, открытая борьба, но дипломатіи вновь удалось предотвратить ее, вынудивъ Порту пообѣщать нѣкоторыя уступки, о которыхъ она и пригласила державы договориться теперь въ Константинополѣ.

Такимъ образомъ, настоящіе переговоры составляютъ четвертую по счету попытку уладить отношенія Греціи и Турціи и притомъ попытку начинающуюся при условіяхъ сравнительно менѣе благопріятныхъ чѣмъ прежде, такъ какъ силы заинтересованныхъ сторонъ и ихъ военныя приготовленія доведены теперь почти до крайняго предѣла развитія. Дѣйствительно, еще въ половинѣ ноября 1878 года, въ Греціи появился новый военный законъ вводившій въ странѣ всеобщую воинскую повинность. Законъ этотъ вошедшій въ силу однако только въ январѣ прошлаго года предоставилъ въ распоряженіе военнаго министерства несравненно болѣе многочисленный контингентъ, причемъ сила греческой дѣйствующей арміи и ея резервовъ опредѣлялась во 100 тысячъ человѣкъ, а національной гвардіи въ пятьдесятъ тысячъ. Только что началось приведеніе въ исполненіе этого закона какъ съ перемѣной министерства и вступленіемъ въ управленіе г. Трикупи появился новый законъ вотированный палатой въ апрѣлѣ прошлаго года и измѣнявшій законъ предыдущій. Въ силу этого новаго закона, съ объявленіемъ мобилизаціи, исполнительная власть получаетъ право увеличивать безгранично и числительную силу войскъ и организовать новыя части; такимъ образомъ все зависитъ отъ средствъ находящихся въ распоряженіи правительства. Пользуясь этимъ закономъ, Греческое правительство въ августѣ 1880 года, въ виду несогласія Порты на рѣшенія Берлинской конференціи, поспѣшило объявить мобилизацію арміи, опредѣливъ что численный составъ ея долженъ быть доведенъ до шестидесяти тысячъ. Наплывъ желающихъ поступить въ ряды войскъ былъ такъ великъ что уже къ концу ноября прошлаго года всѣ новыя части были сформированы и кромѣ того въ распоряженіи правительства осталось еще нѣкоторое число резервистовъ, что̀ дало правительству возможность въ декабрѣ еще усилить армію, доведя составъ ея до восьмидесяти тысячъ, и наконецъ въ половинѣ января— до 112 тысячъ. „Ясно, замѣчаетъ нашъ офиціальный *Военный Сборникъ*, что въ Греціи подъемъ національнаго духа оказался весьма великъ, что число желающихъ поступить подъ знамена настолько велико что всѣ разчеты о нормальномъ результатѣ военной системы опрокинуты; но такія нарушенія правильнаго хода развитія принятой системы всегда дурно отзываются на достоинствѣ войскъ. Изъ стотысячной арміи, серіозное боевое значеніе будутъ имѣть все-таки только тѣ тридцать пять тысячъ человѣкъ которые пробыли извѣстное время подъ знаменами. Новыя тактическія единицы съ ихъ крайне слабыми кадрами должны считаться наравнѣ съ милиціей, такъ какъ, „при современномъ состояніи военнаго искусства, какъ бы ни былъ великъ энтузіазмъ, онъ не можетъ замѣнить обученія, котораго именно и недостаетъ современной греческой арміи.“ Надо замѣтить что точно такія же сужденія высказываются и за границей. Австрійская и особенно германская печать въ послѣдніе мѣсяцы, рекомендуя Греціи уступчивость, настойчиво указывали на вѣроятность неблагопріятнаго исхода вооруженнаго столкновенія съ Турками. „Если Греція“, въ одинъ голосъ говорила берлинская печать, „если Греція вопреки внушеніямъ Европы ввяжется въ борьбу съ Турціей, ея армія навѣрное потерпитъ пораженіе, побѣдоносный противникъ появится подъ стѣнами греческой столицы и продиктуетъ миръ, если и не такой какъ захочетъ, то уже во всякомъ случаѣ на основаніи status quo ante. Греція будетъ разстроена и политически, и матеріально.“ Катастрофа будетъ тѣмъ полнѣе, добавляла туркофильская *Кельн-*

ская Газета, что въ высокомъ подъемѣ духа въ Греціи не только можно, но и слѣдуетъ де усумниться, такъ какъ страна наполнена военными дезертирами которыхъ тщетно ловятъ жандармы. Такого рода внушенія дѣлались въ Аѳинахъ и дипломатическими представителями, но не принося прямой пользы они только увеличивали надежду Турціи настоять на своемъ. Заносчивость турецкой октябрьской ноты поразила европейскую дипломатію. А между тѣмъ турецкая армія успѣла почти окончательно мобилизоваться. Всѣ 125 баталіоновъ низама доведены до восьмисотеннаго состава, а артиллерія до 474 орудій. Сверхъ этого, имѣются частью уже мобилизованные кадры 238 баталіоновъ редифа. Именно ради этихъ вооруженій Турція и тянула дѣло; съ этою же цѣлью она вступила въ переговоры и теперь, разчитывая къ веснѣ довести свою пѣхоту до 204 баталіоновъ, кавалерію до 180 эскадроновъ, а артиллерію до 96 батарей, то-есть почти до 600 орудій, которыя уже имѣются налицо.

Очень можетъ быть что султанъ дѣйствительно расположенъ къ миру,—этого требуетъ и финансовое, и политическое положеніе Турціи, — но къ миру съ оговоркой что уступка которой потребуютъ державы развѣ только для вида превзойдетъ октябрьскія предложенія Порты. Политическое созвѣздіе Европы въ настоящую минуту таково что Турція можетъ разчитывать даже на формальное одобреніе такой уступчивости. Однако согласится ли на такія условія Греція, можетъ ли она подчиниться такому рѣшенію? А если она не согласится, и такимъ образомъ потеряетъ свое право на охрану Европы—война становится неизбѣжною, и при томъ, какъ уже извѣстно, война локализованная, конецъ которой надолго прекратитъ и притязанія Греціи. Докучливый вопросъ о греческой границѣ рѣшится самъ собою. Отвѣтъ на тождественную ноту пословъ который теперь вырабатывается Портой и содержаніе котораго уже передаетъ берлинскій телеграфъ даетъ поводъ подозрѣвать именно такой исходъ дѣла: „слышно что отвѣтъ будетъ заключать *намекъ* на уступки свыше октябрьскихъ.“ Опять только *намекъ*, а между тѣмъ самые переговоры начались именно потому что Турція уже „намекнула“ на готовность уступить. Очевидно Порта старается уклониться сколько возможно отъ прямаго отвѣта, предоставляя честному маклеру и его представителю въ Константинополѣ довести до конца ту партію которая начата по окончаніи европейской демонстраціи предъ Дульцинььо.

№ 55.

Москва, 23-го февраля.

Настоящій характеръ константинопольскихъ переговоровъ выяснился. Обнаружилось, почти до очевидности, что Порта разыгрываетъ обычную, твердо разученную дипломатическую комедію, и что она въ дѣйствительности думаетъ вовсе не объ уступкахъ, а какъ бы выиграть время необходимое ей для довершенія ея военныхъ приготовленій.

Объяснилось все это скорѣе нежели ожидали. При самомъ началѣ переговоровъ, петербургская *Agence Générale Russe* съ важностью замѣтила что „державы пошли на переговоры съ убѣжденіемъ что Порта согласится на уступки“ могущія удовлетворить Грецію. Открылись переговоры. „Такъ какъ графъ Корти, передаетъ константинопольскій корреспондентъ офиціозной вѣнской *Политической Корреспонденціи*, повредилъ себѣ ногу, то послы всѣхъ державъ собрались въ домѣ италіянскаго посольства. Дипломаты сличили свои инструкціи. Онѣ оказались одинаковыми, если не по изложенію, то по содержанію. Рѣшено было представить Портѣ тождественную, хотя и не коллективную, ноту.“ Нота эта передана турецкому министру иностранныхъ дѣлъ 21 (9) февраля, причемъ послы, не сомнѣваясь въ скоромъ отвѣтѣ со стороны Турціи, по почину коей начались переговоры, отъ имени своихъ правительствъ высказали еще и на словахъ что державы увѣрены въ рѣшительномъ результатѣ переговоровъ. „Послы, прибавляетъ корреспондентъ, опасались только какого-либо случайнаго взрыва враждебныхъ дѣйствій вслѣдствіе поспѣшнаго шага Греціи. Они даже телеграфировали объ этомъ своимъ правительствамъ, прося оказать надлежащее давленіе въ Аѳинахъ.“ Надежды на скорый отвѣтъ Порты и ея миролюбіе не оправдались. Чрезъ десять дней пришлось побуждать Порту къ отвѣту посредствомъ ди-

пломатической демонстраціи. И вотъ, 3 или 4 марта, „на обычный пріемъ къ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ вмѣсто пословъ явились только посольскіе драгоманы чтобы выразить удивленіе по случаю молчанія Порты и рекомендовать ей поторопиться.“ Турецкій министръ отдѣлался давъ удовлетворительное „обѣщаніе.“ Но дѣло шло въ это время уже не о дѣйствительномъ успѣхѣ, а только о соблюденіи извѣстной вѣжливости со стороны Порты, такъ какъ именно въ это самое время англійской посолъ Гошенъ съ полною откровенностью извѣщалъ свое правительство что „изъ послѣднихъ переговоровъ съ Портой выяснилось ея намѣреніе протянуть дипломатическую кампанію до лѣта съ цѣлью привести въ нѣкоторый порядокъ военныя силы разстроенныя послѣднею войной; о дѣйствительныхъ же уступкахъ Грекамъ султанъ и его министры, по донесенію Гошена, и слышать не хотятъ, тѣмъ болѣе что, по свѣдѣніямъ *Пештскаго Ллойда*, турецкіе дипломаты съ проницательностью усмотрѣли и нѣкоторое различіе въ отвѣтныхъ тождественныхъ нотахъ державъ.“ Но Туркамъ необходимо время, и вотъ какъ проектируется ими дальнѣйшій спектакль: „по моимъ свѣдѣніямъ, пишетъ константинопольскій корреспондентъ *Temps* отъ 25 февраля, Оттоманское правительство первоначально предложитъ уступить въ Ѳессаліи пространство до Саламвріи, то-есть черту Берлинскаго конгресса. Что же касается уступокъ въ Эпирѣ, то онѣ во всякомъ случаѣ будутъ не важны. Державы не примутъ этихъ предложеній, и тогда Порта нѣсколько прибавитъ къ этой чертѣ, но вѣроятно опять въ незначительной мѣрѣ. А къ этому времени около ста тысячъ солдатъ уже будутъ сосредоточены на границѣ.“ Что свѣдѣнія корреспондента *Temps* вѣрны, это подтверждается съ одной стороны позднѣйшимъ донесеніемъ Гошена, а съ другой сообщеніемъ *Политической Корреспонденціи*, положительно утверждающей что на военномъ совѣтѣ въ *Звѣздномъ Кіоскѣ* окончательно рѣшено что Порта не можетъ предложить почти ничего свыше линіи указанной въ октябрьской нотѣ и во что̀ бы то ни стало должна удержать за собою Янину, Метцово, Превезу и Лариссу.

Но такой оборотъ дѣла уже заранѣе отвергнутъ дипломатіей. Сторонамъ останется разрѣшить свой споръ войной, „локализовать“ которую такъ предусмотрительно и съ такимъ успѣхомъ заранѣе поспѣшили въ Берлинѣ.

Какъ все это знакомо! Все это есть почти дословное повтореніе того что̀ происходило въ Константинополѣ въ 1866 г., съ тою лишь разницей, — правда, существенною, — что мѣсто могущественной Россіи заняла теперь маленькая Греція. Какъ и тогда, дѣло должно кончиться политическимъ афронтомъ европейской дипломатіи, и именно потому что Турки очень хорошо знаютъ что Европы никакой нѣтъ, что согласіе державъ только призракъ, что силу и принужденіе дипломатія, почему бы то ни было, употребить не можетъ, и даже заблаговременно объявила это послѣ комедіи подъ Дульциньйо.

Положеніе Турціи, при началѣ вопроса о греческой границѣ, представляло большую аналогію съ положеніемъ ея въ 1866 г. Оба раза Турція не была готова къ войнѣ. И Россія тогда, и Греція теперь, сдѣлавъ энергическій шагъ, могли быстро и безъ кровопролитія кончить дѣло. Турція была бы вынуждена уступить всѣмъ требованіямъ. Но на помощь Туркамъ какъ тогда, такъ и теперь, поспѣшила дипломатія. Прикрываясь миролюбивымъ предлогомъ предотвратить войну, дипломатія даетъ Турціи время окончательно приготовиться къ борьбѣ, добыть деньги, оружіе, патроны и организовать армію. Когда въ іюнѣ русскія войска перешли Дунай, Турція, годъ тому назадъ до истощенія силъ боровшаяся съ Черногоріей и Сербіей, была уже въ силахъ оказать серіозное сопротивленіе Россіи. Война приняла широкіе размѣры, и побѣда Россіи куплена очень дорогою цѣной. Греція находится еще въ худшемъ положеніи. Въ 1878 году, въ то время когда она уже двинула было свои войска въ турецкіе предѣлы, она была несомнѣнно сильнѣе Турокъ. Теперь Греція слабѣе, и перевѣсъ въ силахъ на сторонѣ Порты бу́детъ тѣмъ значительнѣе чѣмъ долѣе она будетъ готовиться къ борьбѣ. Уже и теперь европейскіе стратеги считаютъ успѣхъ Греціи въ ея единоборствѣ съ Турками болѣе нежели сомнительнымъ, и даже просто предсказываютъ что Греціи будетъ продиктованъ миръ подъ стѣнами Аѳинъ. А между тѣмъ Греція, очевидно, не можетъ отступить и отказаться отъ своихъ требованій,

которыя такъ долго поощрялись и поддерживались дипломатическими представленіями державъ, и въ Аѳинахъ, и въ Константинополѣ, и дважды въ Берлинѣ. Спрашивается, для чего дѣлались Грекамъ дипломатическіе посулы если не было, какъ оказывается, дѣйствительно серіознаго намѣренія исполнить ихъ; съ какою цѣлью эта страна поставлена въ положеніе, изъ котораго возможенъ только одинъ выходъ — война съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ? Если Грецiя должна получить свои пріобрѣтенія не даромъ, а цѣною крови, было бы справедливѣе, а можетъ-быть и выгоднѣе для той же дипломатіи не удерживать ее въ то время когда она готова была начать дѣйствія и когда эти дѣйствія сулили несомнѣнный успѣхъ. Друзья мира тщатся устранить войны. Но не противъ армій и военныхъ учрежденій слѣдовало бы ратовать имъ, а противъ тѣхъ пріемовъ и эволюцій дипломатіи которые, затягивая переговоры, неизбѣжно ведутъ къ войнѣ и притомъ кровопролитной и тяжкой.

Дипломаты, собравшись на переговоры съ Портой, торопились принять мѣры чтобы Турція такъ-называемымъ „рискованнымъ шагомъ“ не помѣшала ихъ дѣйствіямъ, а на дѣлѣ выходитъ что они только дали Туркамъ время вооружиться. Нельзя сказать чтобъ европейскимъ посламъ въ Константинополѣ не была извѣстна „лихорадка вооруженій,“ которою охвачено въ настоящую минуту турецкое военное министерство. „Правда, говоритъ *Политическая Корреспонденція*, у Турокъ нѣтъ теперь денегъ, но деньги у нихъ будутъ. Правда, кое-гдѣ остановлена перевозка турецкихъ войскъ на будущій театръ военныхъ дѣйствій по недостатку средствъ на продовольствіе и даже на уголь для пароходовъ, но все-таки военныя приготовленія ведутся энергически. Можно даже усомниться чтобы недостатокъ въ средствахъ былъ дѣйствительный. Турки сдѣлали обширные заказы въ Америкѣ; они ждутъ оттуда и патроновъ, и сухарей, и всевозможнаго провіанта. Турки дѣйствуютъ предусмотрительно: зная что Греки отважные моряки, султанъ приказалъ сдѣлать обширныя морскія приготовленія. Армія Турокъ будетъ доведена до 110 тысячъ.“ И противъ такой арміи, составленной большею частью изъ обстрѣленныхъ солдатъ, предводимой опытными генералами, должны будутъ бороться наскоро сформированные и едва обученные греческіе баталіоны. Если уже теперь „не только турецкіе генералы, но и военные агенты европейскихъ посольствъ въ Константинополѣ, признаютъ полное превосходство Турокъ, если уже теперь война считается настолько вѣроятною что нужно заблаговременно заботиться о ея локализаціи, то не лучше ли было бы, въ интересахъ болѣе скораго и болѣе прочнаго мира, перестать сдерживать Грецію пустыми посулами?

№ 56.

Москва, 24-го февраля.

Князь Бисмаркъ не даромъ заявилъ, при первомъ публичномъ появленіи своемъ въ эту зиму въ засѣданіи Прусскаго ландтага, что онъ намѣренъ „остаться на бреши до конца.“ Онъ дѣйствителяно обнаруживаетъ теперь удивительно многосторонюю и обширную дѣятельность. Что совершается въ области иностранной политики, то остается попрежнему въ полнѣйшей тайнѣ для публики, но по дѣламъ внутренняго управленія не проходитъ дня когда князь Бисмаркъ не заставлялъ бы о себѣ говорить по поводу какого-либо новаго и для всѣхъ неожиданнаго предпріятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имперскій канцлеръ почти ежедневно появляется въ парламентскихъ засѣданіяхъ, чего ужь онъ давно не дѣлалъ, и даже придворные празднества по поводу бракосочетанія будущаго наслѣдника престола, коими былъ занятъ весь офиціальный міръ Берлина, не прервали кипучей дѣятельности князя Бисмарка. На празднествахъ онъ не присутствовалъ вовсе, а въ рейхстагѣ онъ произносилъ ежедневно иногда по нѣскольку рѣчей.

Но чѣмъ обширнѣе и разностороннѣе дѣятельность канцлера, тѣмъ недовольнѣе становятся либеральныя партіи, которыя еще недавно служили князю Бисмарку главною опорой. Недовольство ихъ возрастаетъ потому что князь Бисмаркъ уже не ограничивается тѣмъ что, благодаря его громадному вліянію и популярности, либеральныя партіи замѣтно ослабѣли и подверглись разложенію съ тѣхъ поръ какъ онъ оставилъ ихъ и выступилъ явнымъ

противникомъ отжившей системы парламентаризма. Теперь онъ предпринялъ смѣлый опытъ создать учрежденіе которое существенно и внутренно упразднило бы парламентъ, лишивъ его мало-по-малу самой raison d'être. Онъ устраиваетъ совѣщаніе правительства съ живыми интересами народной жизни, помимо парламентовъ съ ихъ дѣленіемъ на партіи, постоянно ведущія между собою безплодную и часто пагубную борьбу за власть, въ которую каждый парламентскій представитель втягивается неминуемо.

Такой опытъ князь Бисмаркъ предпринялъ учрежденіемъ такъ называемаго Народно-Хозяйственнаго Совѣта, о которомъ уже неоднократно приходилось намъ говорить. Этотъ Совѣтъ былъ созданъ сначала для одного Прусскаго государства; а теперь, когда открытъ имперскій рейхстагъ, въ Союзный Совѣтъ уже внесено предложеніе о превращеніи этого прусскаго совѣта въ обще-германскій. Такъ какъ князь Бисмаркъ не счелъ нужнымъ проводить свою мысль законодательнымъ путемъ, а довольствовался для своей цѣли высочайшимъ повелѣніемъ, и нынѣ домогается лишь санкціи Союзнаго Совѣта, которой онъ безъ сомнѣнія достигнетъ, дабы превратить это прусское учрежденіе въ обще-имперское, то легко понять какую досаду и какой переполохъ должна была причинить эта затѣя въ средѣ доктринеровъ парламентаризма. Чуемая опасность представляется тѣмъ болѣе грозною что никакого *coup d'état* не предвидится. Вновь учреждаемому Хозяйственному Совѣту не присвоено никакихъ законодательныхъ правъ; онъ есть чисто совѣщательное собраніе. Но всякому понятно что самое существованіе такого „собранія людей свѣдущихъ,“ съ которыми правительство будетъ непосредственно совѣщаться о потребностяхъ населенія по всѣмъ предметамъ экономической политики, прямо заявляя что парламентское собраніе не даетъ неискаженнаго духомъ партій понятія о народныхъ нуждахъ, должно подорвать авторитетъ парламента, и что съ теченіемъ времени значеніе его должно тѣмъ болѣе падать чѣмъ успѣшнѣе будетъ дѣйствовать Народно-Хозяйственный Совѣтъ. Что таковы именно ожиданія князя Бисмарка доказывается тѣмъ что одновременно съ учрежденіемъ этого совѣта онъ возобновилъ свое прошлогоднее предложеніе объ установленіи двухгодичнаго бюджетнаго періода, съ тѣмъ чтобъ и рейхстагъ собирался не ежегодно, а лишь разъ въ два года. Въ прошлогоднюю сессію рейхстага это предложеніе было отвергнуто огромнымъ большинствомъ; но нынѣ князь Бисмаркъ возобновилъ его, имѣя повидимому основаніе разчитывать что на этотъ разъ дѣло приметъ болѣе для него благопріятный оборотъ, несмотря на то что учрежденіе Народно-Хозяйственнаго Совѣта прямо указываетъ на замыслы направленные къ подрыву парламента.

Помимо того что Хозяйственный Совѣтъ, по самому своему принципу, есть отрицаніе парламента какъ „выраженія нуждъ и потребностей народа,“ самый способъ организаціи совѣта представляетъ „великую ересь“ съ точки зрѣнія установившихся политическихъ доктринъ: онъ состоитъ изъ „представителей,“ но эти представители избираются не большинствомъ голосовъ подъ вліяніемъ партій, а призываются правительствомъ изъ числа свѣдущихъ людей по разнымъ отраслямъ промышленности, торговли и сельскаго хозяйства. Всѣхъ членовъ назначено 125; изъ нихъ 75 призываются изъ Пруссіи, остальные 50 распредѣляются между остальными германскими государствами. Совѣтъ раздѣляется на три секціи: торговли, промышленности и сельскаго хозяйства, и имъ принадлежитъ предварительное обсужденіе „въ качествѣ свѣдущихъ людей“ всѣхъ законопроектовъ относящихся къ области экономической жизни народа. Секціи избираютъ изъ своей среды комитетъ изъ 8 членовъ; Союзный Совѣтъ назначаетъ изъ ихъ же среды еще 16 членовъ въ этотъ комитетъ, который и составляетъ постоянное совѣщательное учрежденіе при Союзномъ Совѣтѣ. Предсѣдательство въ комитетѣ и въ полномъ собраніи Хозяйственнаго Совѣта принадлежитъ имперскому канцлеру. Члены Хозяйственнаго Совѣта получаютъ прогонныя и суточныя деньги, въ чемъ князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, упорно отказываетъ членамъ парламента.

Все это причинило, какъ сказано, неописанное волненіе въ средѣ германскихъ либераловъ. Правда, дроби этой партіи все-таки и тутъ не смогли сплотиться и стать въ рѣшительную и открытую оппозицію противъ князя Бисмарка, и только самая крайняя изъ этихъ фракцій, про-

грессисты, отважилась огрызаться. Въ одно изъ послѣднихъ засѣданій Германскаго рейхстага, происходившее въ самый день въѣзда невѣсты принца Вильгельма въ Берлинъ, депутатъ Рихтеръ „безпощадно“ раскритиковалъ его образъ дѣйствій и его „разрушительное“ вліяніе на политическую жизнь Германіи. Князь Бисмаркъ не остался въ долгу предъ своимъ неугомоннымъ противникомъ. Для насъ интересно заключеніе его длиной рѣчи:

„Я никогда не былъ доктринеромъ. Всѣ „системы при коихъ партіи разъединяются „и становятся несвободны въ своихъ дѣй„ствіяхъ, стоятъ для меня на второмъ пла„нѣ; на первомъ же планѣ я ставлю на„цію, ея международное положеніе и ея „самостоятельность; для меня важна такая „организація государства, чтобы мы, какъ „великая нація, могли свободно дышать „среди другихъ. Все что слѣдуетъ затѣмъ, „либеральное, консервативное или реак„ціонное устройство, — откровенно созна„юсь вамъ, господа, — имѣетъ для меня „второстепенное значеніе... Въ вопросахъ „партій я могу, въ интересахъ страны, „сближаться то съ одною, то съ другою; „но самую доктрину я цѣню чрезвычайно „дешево. Можно устроиться и такъ, и ина„че; много путей ведетъ въ Римъ. Быва„ютъ времена когда можно управлять ли„берально, но бываютъ и другія когда не„обходимо управлять диктаторскимъ об„разомъ; здѣсь все измѣнчиво, ничто не „вѣчно. Но относительно зданія Герман„ской имперіи и единства Германской на„ціи я требую чтобы дѣло стояло проч„но и незыблемо и не довольствуюсь вре„менными полевыми укрѣпленіями лишь „съ нѣкоторыхъ сторонъ. Этой цѣли я „подчинилъ всю мою политическую дѣя„тельность съ того момента какъ она на„чалась.“

Читателямъ нашей газеты хорошо знакомо выраженное въ этихъ словахъ политическое воззрѣніе. Оно всегда высказывалось нами; но простое слово остается словомъ, и мнѣніе только мнѣніемъ. За то вотъ государственный человѣкъ великаго могущества и власти; въ чемъ тайна его успѣховъ и значенія какъ не въ живомъ и сильномъ умѣ, который не даетъ уловить себя въ ходячія доктрины, высится надъ ними и ставитъ себѣ долгомъ служить не партіямъ, а націи, и заботиться о мѣрахъ не то что консервативныхъ или либеральныхъ, а полезныхъ великому цѣлому.

№ 57.

Москва, 25-го февраля.

До сихъ поръ еще есть наивные люди которые не могутъ понять какимъ образомъ въ 1851 году принцъ Наполеонъ могъ превратиться изъ президента республики въ императора Наполеона III. „Вѣдь республика,“ говорятъ они, „есть такая форма правленія въ которой народъ управляется самъ собою, народъ слѣдовательно — чрезъ своихъ представителей — все видитъ, все слышитъ, все знаетъ, въ его рукахъ лежитъ вся его судьба, ничего не можетъ произойти помимо или противъ его воли; какъ же въ такомъ случаѣ объяснить себѣ что народъ не зналъ кому онъ вручилъ верховную власть въ государствѣ, что народъ не видѣлъ той цѣли къ которой стремился этотъ человѣкъ?“

На эти вопросы исторія отвѣчаетъ что уже въ 1848 году, при избраніи принца Наполеона въ президента республики не было недостатка въ дальновидныхъ политикахъ предостерегавшихъ Французскій народъ отъ будущаго диктатора; что во время своего президентства образъ дѣйствій принца Лудовика-Наполеона ясно указывалъ на ту цѣль къ которой онъ стремился; что возможность государственнаго удара замѣнившаго республику имперіей предвидѣлась еще болѣе чѣмъ за годъ до роковаго 2 декабря 1851 года: что народъ, слѣдовательно, не могъ не знать того что ему грозило, хотя будущее и не представлялось ему такъ близкимъ и пагубнымъ какъ оказалось въ дѣйствительности.

„Но“, говорятъ наивные люди, „такъ почему же народъ, будучи верховнымъ распорядителемъ своей судьбы, не остановилъ искателя приключеній прежде чѣмъ онъ успѣлъ превратить Французскую республику въ имперію?.“

Почему? А потому, говоритъ исторія, что народъ чествуемый въ качествѣ верховнаго владыки и повелителя есть обыкновенно не что иное какъ игрушка въ рукахъ перваго попавшагося умнаго, энергическаго и честолюбиваго человѣка. Такой человѣкъ всегда имѣетъ полную возможность держать своихъ „согражданъ“

въ ежовыхъ рукавицахъ и направлять ихъ по своему усмотрѣнію къ поставленной имъ самимъ цѣли; эти „сограждане" очень хорошо знаютъ что̀ онъ за человѣкъ и ясно видятъ къ чему онъ стремится, и тѣмъ не менѣе они дѣлаютъ именно то что̀ ему надо, воображая себя совершенно свободными отъ его вліянія и считая его простымъ исполнителемъ желаній народа. Такими „исполнителями народныхъ желаній" были Периклъ, Клеонъ, Цезарь, Августъ, Медичи, Наполеоны; такимъ же „слугою своихъ согражданъ" желаетъ быть и г. Леонъ Гамбетта. Цѣль къ которой онъ стремится въ настоящее время также ясна какъ въ 1850 году была ясна цѣль къ которой стремился принцъ-президентъ Наполеонъ; цѣль эта,—диктатура,—для громаднаго большинства Французовъ ненавистна, а между тѣмъ само это громадное большинство мало-по-малу, хотя и безотчетно, приближается къ этой цѣли.

Современная исторія Франціи является поэтому весьма поучительною для вышеупомянутыхъ наивныхъ людей, воображающихъ себѣ что „въ республикѣ верховнымъ правителемъ бываетъ самъ народъ." Слѣдя внимательно за внутреннею и внѣшнею политикой Французской республики, они ясно увидятъ всю ошибочность своего предположенія.

Всѣ нити внутренней политики Франціи находятся уже теперь въ рукахъ не президента республики, не министерства, не сената или палаты депутатовъ, а въ рукахъ предсѣдателя этой палаты, г. Гамбетты. Это фактъ давно уже совершившійся и всѣмъ извѣстный; въ этомъ фактѣ не сомнѣваются ни друзья ни враги бывшаго диктатора: этого факта онъ и самъ отрицать не можетъ. Въ своей послѣдней рѣчи, надѣлавшей столько шуму во Франціи и Европѣ, рѣчи посвященной политикѣ, г. Гамбетта коснулся мимоходомъ и внутренней политики. Слагая съ себя всякую отвѣтственность за внѣшнія дѣла Франціи, онъ не дѣлаетъ того же самаго по отношенію къ ея внутреннимъ дѣламъ, хотя прямо и не признаетъ своего вліянія на нихъ. Все это мѣсто его рѣчи такъ искусно построено по всѣмъ правиламъ риторики что ни слушатели, ни читатели его рѣчи до сихъ поръ еще не разглядѣли сущности его краснорѣчивыхъ словъ: „Давно уже накопляются," сказалъ онъ, „всякія басни, легенды, ошибочные разказы и самыя безсмысленныя обвиненія касательно роли того человѣка который теперь стоитъ предъ вами. Я никогда не искалъ случая опровергнуть всѣ эти легенды, потому что всѣ онѣ касались почти всегда *внутренней политики и я думалъ что не представлялось необходимости ихъ устранять*. Но такъ какъ теперь та роль которую мнѣ приписываютъ переносится на поприще *иностранной* политики, то... и т. д." Какая громадная разница между первымъ впечатлѣніемъ производимымъ этими словами и тѣмъ убѣжденіемъ которое выносишь изъ внимательнаго междустрочнаго ихъ чтенія. У г. Гамбетты не хватило бы настолько смѣлости чтобы также открыто и рѣшительно отрицать свое вліяніе на внутреннія дѣла Франціи какъ онъ это сдѣлалъ по отношенію ко внѣшней политикѣ, тѣмъ болѣе что министромъ внутреннихъ дѣлъ состоитъ его личный другъ, г. Констанъ, человѣкъ котораго онъ вывелъ въ люди изъ крайняго ничтожества и который вмѣстѣ съ министромъ юстиціи, г. Казо, и военнымъ министромъ г. Фарромъ, не дѣлаютъ ни одного шагу безъ одобренія президента палаты депутатовъ.

Что же касается иностранной политики Франціи, то она дѣйствительно еще далеко не находится въ рукахъ Гамбетты, и ему предстоитъ очень трудная задача на этомъ опасномъ поприщѣ, задача, которую ему удастся разрѣшить лишь послѣ цѣлаго ряда различныхъ операцій требующихъ величайшаго благоразумія и терпѣливаго, осторожнаго выжиданія. Для насъ, Русскихъ, иностранная политика Франціи имѣетъ несомнѣнно весьма важное значеніе, такъ какъ этою политикой всегда будетъ обусловливаться образъ дѣйствій нашихъ ближайшихъ германскихъ сосѣдей. Тѣмъ интереснѣе слѣдить за событіями которыя совершаются во Франціи и которыя рано или поздно отдадутъ эту страну въ руки честолюбиваго Генуезца.

Главное затрудненіе мѣшающее Гамбеттѣ теперь же подчинить своему вліянію иностранную политику Франціи заключается въ томъ что громадное большинство Французскаго народа до сихъ поръ еще находится подъ живымъ впечатлѣніемъ испытаннаго имъ десять лѣтъ тому назадъ удара и слышать не хочетъ о какой бы то ни было войнѣ. Франція въ настоящую минуту такъ настроена что готова отка-

заться отъ всякаго вліяніи на европейскія дѣла, позабыть объ Альзасѣ и Лотарингіи, и удовольствоваться жалкою репутаціей хвастливаго труса, лишь бы только не слышать барабаннаго боя. „Оставь насъ въ покоѣ, Европа, мы тебя не трогаемъ!“ — вотъ девизъ теперешней Французской республики.

Но Гамбетта очень хорошо понимаетъ что политика пригодная для Швейцаріи или Голландіи противорѣчитъ самымъ существеннымъ интересамъ Франціи. Онъ ясно видитъ что всякое ослабленіе французскаго вліянія въ Европѣ вызываетъ соотвѣтствующее ему усиленіе германскаго вліянія, что если Германія вполнѣ убѣдится что „Франція ея не тронетъ,“ то это еще вовсе не будетъ ручательствомъ что Германія „оставитъ Францію въ покоѣ.“ Поэтому онъ никогда не переставалъ открыто высказывать свое убѣжденіе, которое снова съ особенною торжественностью провозгласилъ въ послѣдней своей рѣчи: „Да, я громко заявляю,“ воскликнулъ онъ, „у меня есть свое личное мнѣніе о томъ какую политику должна усвоить себѣ Франція, политику мудрую, опредѣленную, зрѣло обдуманную и прежде всего послѣдовательную, *дабы занять въ европейскомъ совѣтѣ то мѣсто которое ей необходимо какъ для нея самой такъ и въ одинаковой степени для всѣхъ прочихъ народовъ.*“

Эти слова были, правда, встрѣчены сочувственнымъ одобреніемъ какъ палатой такъ и страной, но только потому что Французы до сихъ поръ еще наивно думаютъ возвратить „почетное мѣсто въ европейскомъ совѣтѣ“ посредствомъ высокопарныхъ словъ не сопровождаемыхъ энергическимъ дѣйствіемъ.

Первая попытка къ такому платоническому возстановленію французскаго престижа была сдѣлана въ 1878 году министромъ Ваддингтономъ. Отправляясь на Берлинскій конгрессъ въ качествѣ представителя Франціи, онъ вообразилъ себѣ что его страна уже вернула себѣ прежній авторитетъ въ европейскихъ дѣлахъ которымъ она пользовалась при Наполеонѣ III, что слѣдовательно ей достаточно будетъ возвысить голосъ чтобы всѣ державы поспѣшили исполнить желанія Франціи. „Я надѣюсь,“ сказалъ онъ наканунѣ своего отъѣзда въ Берлинъ отвѣчая на запросъ депутата Леона Рено, „я надѣюсь, конгрессъ припомнитъ что на Балканскомъ полуостровѣ есть и другіе христіане кромѣ Болгаръ!“ Всѣ тотчасъ поняли что Франція хочетъ открыто заступиться на конгрессѣ за Грековъ, и ликованіямъ во Франціи и Греціи не было конца.

И дѣйствительно, г. Ваддингтонъ говорилъ въ Берлинѣ въ пользу Грековъ такъ безсовѣстно проведенныхъ лордомъ Биконсфильдомъ. Благодаря его настоянію, делегаты Греціи могли изложить свои требованія предъ совѣтомъ европейскихъ державъ, благодаря его стараніямъ, державы занялись довольно обстоятельно Греческимъ вопросомъ, составили новую демаркаціонную линію для Турціи и Греціи и обѣщали даже свое содѣйствіе на случай возможныхъ затрудненій. Нечего и говорить что въ данномъ случаѣ г. Ваддингтонъ дѣйствовалъ вполнѣ согласно съ желаніями г. Гамбетты, который и получилъ за это почетный докторскій дипломъ Аѳинскаго университета. Вся Франція въ то время была на сторонѣ г. Гамбетты, ибо воображала себѣ что она на самомъ дѣлѣ такимъ дешевымъ путемъ снова пріобрѣла себѣ утраченный ею въ 1870 году престижъ. „Вотъ,“ говорили Французы, „что̀ значитъ республика! Россія потратила милліоны рублей и тысячи войска для исправленія границъ Болгаріи, а республиканская Франція сказала лишь одно слово, и позорныя турецкія оковы какъ бы нѣкіимъ волшебствомъ спали съ рукъ и ногъ сыновъ Ѳемистокла!“

Не продолжительно было простодушное ликованье Франціи. Турція отнеслась ко французскому слову презрительно, зная очень хорошо что это слово вздорное и пустое.

Возникли между Турціей и Греціей „затрудненія.“ Распутать ихъ приняла на себя уже не Франція, а Англія, гдѣ между тѣмъ туркофильское министерство Биконсфильда уступило мѣсто филэллинскому министерству Гладстона. Во Франціи также произошла перемѣна, которая на мѣсто Ваддингтона посадила друга г. Гамбетты, сенатора де-Фрейсине. Видя что Англія принимаетъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи Греческаго и Черногорскаго вопросовъ, г. Гамбетта посовѣтовалъ своему другу присоединиться въ этомъ дѣлѣ къ Англіи, разчитывая что такимъ образомъ Франція поддержитъ свой авторитетъ оказывая Греціи обѣщанную ей поддержку и

при этомъ не будетъ рисковать, раздѣляя отвѣтственность съ Англіей. Созвана была въ прошломъ году Берлинская конференція, на которой „окончательно были обезпечены“ новыя границы Черногоріи и Греціи. Собравшіяся державы высказали другъ другу увѣренность что Турція не посмѣетъ оказать сопротивленіе „единогласной волѣ всей Европы,“ а г. Фрейсине даже отважился предложить конференціи не забыть о Греціи если европейскія державы найдутъ себя вынужденными прибѣгнуть къ болѣе энергическимъ мѣрамъ для убѣжденія Турціи. Дальнѣйшій ходъ этой исторіи извѣстенъ. Турція не обратила никакого вниманія на „единогласную волю Европы,“ собралась европейская эскадра для Дульциньской комедіи и мирно разъѣхалась послѣ позорной демонстраціи европейскаго безсилія, какъ только Черногорскій вопросъ можно было считать формально разрѣшеннымъ. О Греціи всѣ забыли, не исключая и Франціи.

Г. Гамбетта сразу понялъ что Франція сдѣлала громадную ошибку. Греція имѣла полное право обратиться ко Французской республикѣ и напомнить ей объ обѣщанной поддержкѣ; эту поддержку нужно было непремѣнно оказать Греціи, иначе честь Франціи была бы поругана и нравственный авторитетъ ея въ Европѣ былъ бы во сто разъ хуже чѣмъ въ 1871 году. А между тѣмъ во Франціи произошла рѣзкая перемѣна въ общественномъ мнѣніи. Французы увидѣли что вернуть себѣ почетное мѣсто въ Европѣ не такъ легко какъ это казалось имъ въ 1878 году, что для этого недостаточно красивыхъ словъ, а что можетъ-быть на это дѣло придется потратить и деньги, и войско. Тотчасъ же всю Францію охватилъ паническій страхъ, и громко раздались голоса: „Бросить Грецію, бросить иностранную политику, мира, мира, во что̀ бы то ни стало — мира!“ Г. Фрейсине долженъ былъ оставить свой постъ, и на его мѣсто назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ ученый Бартелеми Сентъ-Илеръ, поставившій себѣ задачей „выпутать Францію изъ Греческаго вопроса“ хотя бы для того пришлось пожертвовать честью Франціи. Новый министръ объявилъ опредѣленіе Берлинской конференціи ни для кого не обязательнымъ и предложилъ Греціи и Турціи обратиться за разрѣшеніемъ своихъ затрудненій къ „третейскому суду“ европейскихъ державъ. Встрѣтивъ рѣшительный отпоръ съ обѣихъ сторонъ, онъ фарисейски объявилъ что „Франція исполнила свой долгъ, что совѣсть ея чиста, и что она умываетъ себѣ руки.“ Вся Франція пришла въ восторгъ отъ этого отважнаго заявленія своей трусости и еще разъ громко провозгласила свой девизъ: „оставьте насъ въ покоѣ, мы васъ не тронемъ!“

Вотъ какимъ образомъ внѣшняя политика Франціи, находившаяся въ 1878 и 1879 годахъ въ полномъ распоряженіи г. Гамбетты, теперь ускользнула изъ его рукъ. Онъ понялъ что его время еще не настало, что Франція еще не готова такъ же слѣпо слѣдовать за нимъ въ иностранныхъ дѣлахъ какъ она слѣдуетъ во внутренней политикѣ. Онъ поэтому рѣшился свалить всю вину за сдѣланныя ошибки на гг. Ваддингтона, Фрейсине и Бартелеми-Сентъ-Илера и воздержаться на время отъ всякаго вліянія на иностранную политику Франціи, пока успокоятся встревоженные умы Французовъ и пока черезчуръ миролюбивая политика ихъ министровъ поставитъ Францію въ такое безвыходное положеніе изъ котораго ей можно будетъ выйти лишь благодаря смѣлому и счастливому военному предпріятію, подъ руководствомъ, конечно, самого г. Гамбетты.

Таковъ слѣдовательно истинный смыслъ произнесенной имъ 21 (9) февраля блестящей рѣчи. Это ясно видно изъ одного ея мѣста, на которое страннымъ образомъ не обратили должнаго вниманія ни во Франціи, ни въ Германіи. Правда что и мы здѣсь видимъ только искусное примѣненіе риторики. „Если я“ сказалъ Гамбетта, „говорилъ о необходимости трудиться надъ возрожденіемъ нашей военной силы, то мы должны дѣлать это именно съ тою цѣлью чтобы Франція была впредь ограждена отъ такихъ приключеній и кровавыхъ случайностей среди которыхъ она едва не погибла; чтобъ она всегда была готова защитить то что̀ осталось отъ нашей искалѣченной родины, но никогда, никогда не для того чтобы позволить кому-нибудь въ истинно свободной демократіи какое-нибудь дѣйствіе *неодобренное людьми благоразумными и воодушевленными истиннымъ патріотизмомъ.*“ На первый взглядъ г. Гамбетта совершенно отказывается отъ *наступательной* войны, а на самомъ дѣлѣ выходитъ что онъ постарается устроить такъ чтобъ эту наступательную войну одобрили

„благоразумные и истинные патріоты.“ Какъ неопредѣленно и растяжимо это выраженіе, доказывать нечего. „Благоразумными и истинными патріотами“ окажутся конечно тѣ депутаты которые слѣпо и безпрекословно будутъ исполнять приказанія предводителя. Предстоящіе въ настоящемъ году парламентскіе выборы имѣютъ поэтому для г. Гамбетты первостепенную важность. Если ему удастся наполнить палату депутатовъ „патріотами,“ онъ смѣло можетъ взять въ свои руки офиціальное управленіе какъ внутреннею, такъ и внѣшнею политикой, управленіе, отъ котораго онъ до сихъ поръ такъ упорно отказывался, не имѣя въ своемъ распоряженіи безусловно преданнаго ему большинства. „Но развѣ выборы въ республикѣ не свободны?“ спросятъ наивные люди. По теоріи — да, на практикѣ — нѣтъ. Во Франціи, какъ и во всѣхъ государствахъ съ политическими выборами, дѣятели имѣющіе вліяніе заботятся не о томъ чтобы „народъ откровенно высказалъ свое истинное мнѣніе,“ а чтобъ онъ сказалъ свое мнѣніе въ такомъ смыслѣ какъ это имъ, дѣятелямъ, нужно. Такъ и въ настоящемъ случаѣ г. Гамбетта желаетъ войны, а народъ желаетъ мира; тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію что народъ выберетъ такихъ депутатовъ какихъ нужно Гамбеттѣ, т.-е. такихъ которые, если онъ прикажетъ, пожелаютъ не мира, а войны. Но какъ же онъ этого достигнетъ? Онъ прежде всего вплоть до самыхъ выборовъ будетъ всѣхъ увѣрять что онъ не желаетъ войны. А кромѣ того онъ добьется не сегодня такъ завтра измѣненія избирательнаго закона, которое позволитъ ему провести въ палату подавляющее большинство нужныхъ ему „благоразумныхъ и истинныхъ патріотовъ;“ тотъ же самый законъ, въ измѣненномъ своемъ видѣ, дастъ ему возможность быть избраннымъ заразъ въ возможно большемъ количествѣ департаментовъ и устроить такимъ образомъ нѣчто въ родѣ плебисцита, который усилитъ и упрочитъ его вліяніе на всѣ политическія дѣла своего отечества. Вотъ тотъ планъ дѣйствій который онъ избралъ въ настоящее время. Отъ его удачи зависитъ будущее положеніе г. Гамбетты во Франціи, а вмѣстѣ и положеніе Франціи въ Европѣ.

Какъ для самой Франціи, такъ и для Европы, а стало-быть и для Россіи, очень важно чтобы смѣшная пародія на народное правительство во Франціи уступила мѣсто твердому, энергическому и окончательному правленію, которое усвоило бы себѣ, по словамъ г. Гамбетты, „мудрую, опредѣленную, зрѣло обдуманную и прежде всего послѣдовательную политику.“ Будетъ ли эта политика въ рукахъ адвоката Гамбетты, графа Парижскаго, графа Шамбора или принца Наполеона—для *насъ* въ сущности все равно, хотя бы и не все равно для самой Франціи.

№ 59.

Москва, 27-го февраля.

Въ засѣданіи Германскаго рейхстага, 1 марта, князь Бисмаркъ далъ новую пробу своей неутомимости, о которой мы на дняхъ имѣли случай говорить. Онъ произнесъ не менѣе четырехъ весьма длинныхъ рѣчей наполнившихъ собою почти все засѣданіе, которое продолжалось около 6 часовъ. Самый предметъ преній далеко не имѣлъ важности, и они прошли бы незамѣченными не только за границей Германіи, но и въ мѣстной печати, еслибы князь Бисмаркъ не выдвинулъ ихъ на первый планъ своимъ участіемъ въ преніяхъ и тою страстностью тона которую внесла въ нихъ его горячая филиппика противъ Берлинскаго городскаго управленія, причинившая большое смятеніе въ либеральномъ лагерѣ, особливо среди прогрессистовъ, противъ которыхъ нападки князя Бисмарка были преимущественно направлены.

Но и помимо политическаго значенія, которое князь Бисмаркъ, по особенности своего положенія, умѣетъ придать каждому предмету, вопросъ о коемъ шла рѣчь въ упомянутое засѣданіе Германскаго рейхстага, заслуживаетъ и самъ по себѣ вниманія. Интересно также ознакомиться, благодаря громкой огласкѣ преній, съ нѣкоторыми сторонами городскаго хозяйства столицы Германской имперіи.

Предметомъ обсужденія былъ внесенный имперскимъ правительствомъ законопроектъ направленный къ тому чтобъ ограничить свободу обложенія городскимъ сборомъ казенныхъ квартиръ занимаемыхъ имперскими чиновниками. Даровыя казенныя квартиры не только не изъяты въ Германіи отъ общинныхъ налоговъ, но въ этомъ отношеніи не установлено никакого

предѣльнаго положенія выше котораго обложеніе не можетъ простираться. Казенныя квартиры оцѣниваются на деньги городскими оцѣночными коммиссіями назначенными городскимъ управленіемъ, и чиновники пользующіеся даровыми квартирами платятъ въ пользу города такой же процентъ съ оцѣночной суммы какой установленъ вообще по квартирному налогу, сообразно съ платой за жилища. Законопроектъ предлагаетъ изъять казенныя квартиры изъ такой произвольной оцѣнки и обложенія, и установить что муниципальный квартирный налогъ можетъ быть взимаемъ съ чиновника пользующагося казенною квартирой не по стоимости самой квартиры, а сообразно съ денежнымъ содержаніемъ чиновника, именно по разчету 10% этого содержанія, такъ что вмѣсто оцѣнки квартиры въ натурѣ слѣдуетъ признать что стоимость квартиръ равняется 10% жалованья, получаемаго чиновникомъ, и взимать квартирный налогъ согласно этой нормѣ.

Этотъ квартирный налогъ почти нигдѣ въ Германіи, кромѣ Борлина, не существуетъ; но въ Берлинѣ онъ введенъ съ 1815 года и служитъ тамъ одною изъ самыхъ главныхъ статей городскихъ доходовъ, составляя, какъ доказывалъ князь Бисмаркъ, 58 процентовъ общей суммы прямыхъ городскихъ налоговъ при городскомъ бюджетѣ въ 42 милліона марокъ, такъ что на каждаго берлинскаго жителя приходится по 10 марокъ квартирнаго налога въ годъ. Во время преній, выяснилось что въ Берлинѣ 139 казенныхъ квартиръ, въ коихъ живутъ 251 чиновниковъ пользующихся даровымъ помѣщеніемъ въ казенныхъ зданіяхъ.

Но отстаивая законопроектъ въ интересахъ государственныхъ чиновниковъ, князь Бисмаркъ не ограничился этою стороною вопроса и напалъ весьма рѣзко на берлинскій магистратъ вообще за то что тотъ удерживаетъ этотъ обременительный налогъ. Налогъ на квартиру, доказывалъ князь Бисмаркъ, тяжелъ и неравномѣренъ, потому что онъ вовсе не находится въ соотвѣтствіи съ чистымъ доходомъ нанимателя, ибо не большая семья съ большими средствами нуждается въ меньшей квартирѣ нежели бѣдное, но многочисленное семейство, такъ что налогъ этотъ ложится большею тяжестію на бѣдняка обремененнаго многочисленнымъ семействомъ нежели на человѣка съ большими средствами, но бездѣтнаго. Вотъ почему князь Бисмаркъ думаетъ что берлинскій магистратъ обязанъ былъ бы давнымъ-давно озаботиться замѣною квартирнаго налога другимъ и преимущественно косвеннымъ налогомъ, причемъ онъ указалъ что масса богатыхъ иностранцевъ пріѣзжающихъ въ Берлинъ ничего не платятъ въ пользу города, тогда какъ при системѣ косвенныхъ налоговъ иностранцы могли бы доставить городу значительный доходъ. Но Берлинское городское управленіе, по мнѣнію князя Бисмарка, удерживаетъ квартирный налогъ и примѣняетъ его съ „неумолимою строгостью“ не столько изъ экономическихъ сколько изъ политическихъ побужденій. Городское управленіе, какъ извѣстно, издавна находится почти исключительно въ рукахъ представителей крайней фракціи либеральной партіи, преимущественно прогрессистовъ. Даже нынѣшній первый бургомистръ Берлина, г. Форкенбекъ, бывшій прежде вожакомъ націоналъ-либераловъ, выступилъ съ прошедшаго года изъ этой партіи, и нынѣ стоитъ ближе къ прогрессистамъ. Князь Бисмаркъ прямо обвинялъ городское управленіе въ томъ что оно устанавливаетъ оцѣнки квартиръ для городскаго налога смотря по своимъ политическимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Для примѣра князь Бисмаркъ привелъ самого себя. Квартира, которую онъ прежде занималъ, до переселенія въ 1878 году во вновь отстроенный канцлерскій отель на Вильгельмовой Площади (гдѣ засѣдалъ Берлинскій конгрессъ), квартира эта для него была такъ тѣсна что и во время своего студенчества онъ относительно не жилъ тѣснѣе, была оцѣнена въ 9.000 марокъ (2.700 руб. по нормальному курсу). Противъ этого онъ не возражалъ. Но когда онъ переѣхалъ въ новый отель гдѣ онъ занимаетъ собственно для себя помѣщеніе которому наибольшая цѣна 9.000 марокъ, оцѣночная коммиссія подняла оцѣнку его квартиры до 15.000 марокъ. Противъ этого онъ рекламировалъ; но послѣдствіемъ этой рекламаціи было возвышеніе оцѣнки до 22.400 марокъ. Такой поступокъ относительно его, князя Бисмарка, приводитъ его къ убѣжденію что ему приходится „расплачиваться предъ прогрессисткимъ Берлинскимъ магистратомъ за свои грѣхи въ качествѣ министра.“ Въ этомъ мѣстѣ рѣчи князя Бисмарка произошелъ скандалъ о которомъ

извѣстилъ телеграфъ. Депутатъ Струве, изъ прогрессистовъ, крикнулъ: „это безстыдно!“ Князь Бисмаркъ назвалъ въ свою очередь это восклицаніе безстыднымъ и потребовалъ чтобы виновникъ восклицанія назвалъ себя, „такъ какъ нужно быть лишеннымъ стыда чтобы скрывать свое имя послѣ подобнаго возгласа.“ Депутатъ Струве заявилъ что восклицаніе сдѣлано имъ и былъ за это призванъ къ порядку. Затѣмъ князь Бисмаркъ въ саркастическихъ выраженіяхъ взялъ назадъ и свое отвѣтное замѣчаніе.

Депутатъ Форкенбекъ, въ качествѣ перваго бургомистра Берлина, заступился за городское управленіе и доказывалъ что никакими посторонними соображеніями оцѣночная коммиссія не руководилась оцѣнивъ теперешнюю квартиру князя Бисмарка въ указанную сумму. Онъ доказывалъ это между прочимъ тѣмъ что стоящій рядомъ съ отелемъ князя Бисмарка домъ князя Плесса оцѣненъ для квартирнаго налога въ 65.000 марокъ ежегодно, а помѣщеніе банкира Блейхредера въ 60.000 марокъ ежегодно. Но князь Бисмаркъ настаивалъ на своемъ, такъ какъ его помѣщеніе не можетъ быть сравниваемо съ квартирами названныхъ богачей, ибо бо́льшая часть канцлерскаго отеля занята канцеляріями и апартаментами коими онъ пользуется для служебныхъ цѣлей; а потому онъ продолжаетъ утверждать что онъ, какъ частный человѣкъ, обиженъ высокимъ квартирнымъ налогомъ и убѣжденъ въ томъ что это дѣлается изъ политической вражды къ нему.

Рѣзкая выходка князя Бисмарка, при которой онъ съ такою рѣшительностью соединилъ свое личное дѣло съ вопросомъ государственнымъ, произвела громадное впечатлѣніе въ либеральныхъ кругахъ. Никто не рѣшается утверждать что князь Бисмаркъ поступилъ такъ будучи ослѣпленъ соображеніями личной выгоды, ибо самая сумма о которой идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ для него слишкомъ ничтожна: теперь онъ платитъ 746 марокъ ежегодно квартирнаго налога, а еслибъ оцѣнка его помѣщенія была на половину сбавлена, то онъ получилъ бы сбереженіе на 373 марки (около 120 р.). Но эта выходка и сопровождавшія ее ѣдкія замѣчанія князя Бисмарка насчетъ либераловъ вообще послужили указаніемъ на продолжающееся раздраженіе его противъ этой партіи. А это въ особенности чувствительно для нѣмецкихъ либераловъ въ настоящее время когда уже дѣлается приготовленіе къ общимъ выборамъ въ рейхстагъ. На послѣднихъ выборахъ, три года тому назадъ, нѣмецкіе либералы горькимъ опытомъ убѣдились въ справедливости словъ князя Бисмарка что большинство германскихъ избирателей подаютъ свои голоса соображаясь съ нимъ. Разорвавъ предъ тогдашними выборами свою связь съ либеральною партіей, князь Бисмаркъ сразу уронилъ ее въ глазахъ страны, и она потеряла тогда же болѣе пятидесяти мѣстъ въ Германскомъ рейхстагѣ. Въ послѣднее время либералы начали было убаюкивать себя надеждами что князь Бисмаркъ, послѣ неудавшихся попытокъ усмирить и привлечь къ себѣ партію центра (единственную вполнѣ независимую и крѣпко-организованную партію въ Германіи), смѣнитъ гнѣвъ на милость. Эти надежды исчезли, и либералы съ великимъ уныніемъ должны сознаться что виды ихъ на предстоящіе выборы еще хуже нежели три года тому назадъ, ибо несомнѣнно что послѣдняя выходка князя Бисмарка въ рейхстагѣ была ни чѣмъ инымъ какъ избирательнымъ противъ нихъ маневромъ.

№ 60.

Москва, 28-го февраля.

Тяжело и неудобно говорить о самомъ себѣ, но бываютъ обстоятельства когда этого требуетъ честь не только наша, но и дѣла которому служимъ. Издатель *Московскихъ Вѣдомостей* считаетъ себя обязаннымъ войти въ нѣкоторыя подробности касающіяся его лично, впрочемъ не лишенныя нѣкотораго общаго значенія.

Съ самаго начала своей дѣятельности, онъ былъ предметомъ ожесточенной вражды которая не ограничивалась извращеніемъ его мнѣній, но не брезговала никакими способами чтобъ очернить его лично. Она создала фантастическій образъ его, въ которомъ хорошо отпечатлѣлась сама, но который не имѣетъ ничего общаго съ выдаваемымъ оригиналомъ.

Мы не думаемъ чѣмъ-нибудь хвалиться; но мы вынуждены констатировать фактъ что издатель *Московскихъ Вѣдомостей* принадлежитъ къ массѣ людей которые не

ищутъ правительственныхъ щедротъ и ничѣмъ въ своей жизни отъ казны не пользовались. Никакихъ наградъ, ни пособій на государственной службѣ или въ своей общественной дѣятельности онъ не домогался и не получалъ. Онъ считалъ для себя безусловно обязательнымъ долгъ русскаго гражданина, но затѣмъ онъ признавалъ себя совершенно свободнымъ въ своихъ мнѣніяхъ, не склоняясь ни предъ какою властію, не угождая никакой силѣ, не допуская никакого лицепріятія въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ. Во время всемогущества административныхъ властей, онъ впервые на Руси сказалъ громко что, будучи вѣрноподданнымъ своего Государя, онъ отнюдь не признаетъ себя вѣрноподданнымъ министровъ.

Мы говоримъ все это во всеуслышаніе, стало-быть въ присутствіи всѣхъ нынѣ сущихъ и бывшихъ въ правительствѣ лицъ: ни предъ кѣмъ изъ нихъ мы не кривили душой, ни у кого ничего не искали для себя лично. Быть-можетъ по сужденію лицъ съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, мы были слишкомъ независимы или слишкомъ упорны, но никто не скажетъ чтобы мы были угодливы. Предъ какимъ бы то ни было авторитетомъ, даже самымъ высшимъ, мы высказывали смѣло, быть-можетъ слишкомъ горячо, наше убѣжденіе, и тѣ самые судьи наши, которые укоряютъ насъ въ угодливости, нерѣдко забывшись обвиняютъ насъ въ преступной дерзости за свободу съ которою мы высказываемся.

Есть добрые люди которые находятъ что дѣятельность наша была не безполезна. Въ архивѣ Комитета Министровъ долженъ находиться актъ которымъ даже офиціально признаны заслуги будто бы оказанныя нами отечеству, и признаніе это было началомъ узаконенія и свободы русской политической печати. Но мы тѣмъ не менѣе, рискуя навлечь на себя холопскія обвиненія въ дерзости, должны сказать что намъ всего болѣе приходилось бороться съ противодѣйствіемъ и недоброжелательствомъ сферъ офиціальныхъ, и что мы двухъ дней не могли бы оставаться при своемъ дѣлѣ, еслибы не личная извѣстность наша самому Государю. Даже газетная агитація, которая такъ злобно прорывается противъ насъ, не есть только дѣло пишущей братіи, но возбуждалась и питалась главнымъ образомъ, какъ мы это хорошо знаемъ, изъ сферъ офиціальныхъ.

Въ послѣднее время было много толковъ о нашихъ отношеніяхъ къ бывшему министру Народнаго Просвѣщенія. Ничего не можетъ быть превратнѣе того характера который имъ придавался.

Всѣ знаютъ то серіозное участіе какое принимали мы постоянно въ вопросахъ касающихся школы, какое великое значеніе придаемъ мы учебной реформѣ. Поэтому, даже для людей добросовѣстныхъ и разсудительныхъ можетъ казаться несомнѣннымъ что между нами и бывшимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія была нѣкоторая солидарность. Это обязываетъ насъ вывести наконецъ дѣло на чистоту. Никакой солидарности между нами и бывшимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія не было. Мы были знакомы съ нимъ, какъ и со многими бывшими и состоящими во власти лицами. Но въ нашихъ сношеніяхъ какъ съ нимъ такъ и съ другими, мы были далеки ото всякаго притязанія на какое-либо вмѣшательство въ дѣла управленія. Во всѣхъ административныхъ вопросахъ мы держались строго въ сторонѣ, не позволяя себѣ никакихъ непрошенныхъ совѣтовъ, а тѣмъ менѣе личныхъ ходатайствъ, и въ сношеніяхъ съ бывшимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ которымъ сближало насъ дѣло великаго для насъ нравственнаго значенія, мы были еще строже къ себѣ чѣмъ въ сношеніяхъ съ кѣмъ-либо другимъ изъ правительственныхъ лицъ. За все время управленія графа Толстаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія намъ довелось только однажды обратиться къ нему съ личнымъ ходатайствомъ, именно объ опредѣленіи двухъ молодыхъ людей на маленькія мѣста въ этомъ министерствѣ, но и то мы обращались не къ самому министру, а къ директору департамента. Мы избѣгали обращаться къ нему съ личными ходатайствами даже въ тѣхъ случаяхъ когда имѣли на то полное право. Въ нашихъ затрудненіяхъ съ разными правительственными вѣдомствами, графъ Толстой или оставался въ сторонѣ, или соблюдалъ нейтралитетъ, и служилъ только передаточнымъ пунктомъ. Лицей Цесаревича Николая, съ которымъ мы связаны нравственнымъ интересомъ,—нашими заботами о немъ и нашими на него жертвами,—обязанъ своею автономіей и правами государственной службы (о чемъ

графъ Толстой затруднялся ходатайствовать) единственно благоволенію Государя Императора. О субсидіи на постройку Лицейскаго дома основатель ходатайствовалъ предъ Государемъ Наслѣдникомъ какъ покровителемъ Лицея, а форма и размѣръ субсидіи опредѣлены были министромъ Финансовъ, статсъ-секретаремъ Рейтерномъ, при его личномъ объясненіи съ основателемъ.

Въ нашихъ пререканіяхъ съ нынѣшнимъ ректоромъ Московскаго университета по арендѣ, мы ни разу не обращались къ министру съ жалобою, хотя ректоромъ въ продолженіе слишкомъ двухъ лѣтъ задерживались принадлежащія намъ деньги въ суммѣ около тридцати тысячъ. Напротивъ, самъ ректоръ, вѣроятно избѣгая судебной отвѣтственности, къ которой мы намѣревались привлечь правленіе Университета, поспѣшилъ передать дѣло на усмотрѣніе высшей административной власти, хотя потомъ не спѣшилъ послѣдовать даннымъ ею разъясненіямъ.

Если мы ничего никогда отъ казны не получали, то это не значитъ чтобы мы сами въ казну ничего не вносили. Московскій Университетъ рѣшилъ сдать свою газету и свою типографію въ аренду въ то время когда еще у него была своя спеціальная касса, и когда стало-быть онъ имѣлъ побужденіе изыскивать способы къ усиленію своихъ доходовъ. Московскій Университетъ сдалъ свои доходныя статьи въ аренду не по какому-либо личному предпочтенію, а потому что нашелъ по тщательномъ взвѣшиваніи предложенныя ему на формальныхъ торгахъ условія особенно для себя выгодными. Они обезпечивали Университету доходъ почти вдвое противъ того что̀ получалось имъ дотолѣ. Правда, такое усугубленіе дохода не послужило Университету въ пользу, такъ какъ вскорѣ затѣмъ послѣдовало объединеніе кассъ и всѣ спеціальные доходы различныхъ учрежденій сосредоточились въ Государственномъ Казначействѣ, куда отъ арендаторовъ *Московскихъ Вѣдомостей* и Университетской Типографіи поступило за двѣнадцать лѣтъ аренды болѣе 860.000 руб., что̀ составляетъ сумму почти вдвое противъ того что̀ получила бы казна еслибы типографія и газета оставались на прежнихъ основаніяхъ.

Мы не пользовались отъ казны никакими щедротами; за то мы испытали всѣ виды придирчивости якобы въ интересѣ казны. Вотъ образчикъ: При сдачѣ типографіи арендаторамъ были навязаны нѣкоторые прежде заготовленные, но вовсе ненужные имъ типографскіе матеріалы (краска и бумага) на сумму слишкомъ въ двѣнадцать съ половиною тысячъ, и былъ назначенъ срокъ уплаты этой суммы. Правленіе Университета, располагавшее ежегодно достаточною суммой денегъ принадлежащихъ арендаторамъ, всегда могло зачислить эту сумму въ доходъ казны; но оно упустило это сдѣлать, и вся отвѣтственность за просрочку пала на арендаторовъ съ которыхъ взыскано въ казну слишкомъ двадцать тысячъ. Справедливо это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ нельзя назвать это ни снисхожденіемъ, ни щедротой, ни субсидіей.

Московскій Университетъ вмѣстѣ съ газетой сдалъ въ аренду свою привилегію казенныхъ объявленій, выговоривъ за нее 27.000 руб. ежегоднаго взноса, что̀ близко подходитъ къ суммѣ всего тогдашняго дохода его какъ отъ этой привилегіи, такъ и отъ изданія газеты и отъ типографіи. Но Министерство Внутреннихъ дѣлъ пригласило казенныя мѣста печатать ихъ объявленія въ другомъ изданіи, не снимая съ арендаторовъ *Московскихъ Вѣдомостей* повинности вносить въ казну всю гарантированную ими по этому сбору сумму. Арендаторы нашлись вынужденными протестовать, и заявили свое право на соотвѣтственную сбавку. Право ихъ нельзя было не признать, и оно всѣми было признано; но всѣ административныя вѣдомства, съ которыми арендаторамъ по этому предмету приходилось имѣть дѣло, каждое по своему, изыскивали способы не допустить ихъ воспользоваться признаннымъ правомъ или какъ-нибудь ослабить и умалить его. Дѣло шло о 21.000 руб., и оно разсматривалось, рѣшалось и перерѣшалось въ продолженіи чуть не десяти лѣтъ.

Быть-можетъ всему этому такъ и слѣдовало быть, но нельзя назвать это снисхожденіемъ или субсидіей.

Завтра мы разкажемъ документально всю исторію аренды *Московскихъ Вѣдомостей* и Университетской типографіи, а теперь ограничимся сообщеніемъ одного случая, который ярко характеризуетъ отношенія официальныхъ сферъ къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей*.

Года за три или четыре назадъ прошла по печати молва объ огромной недоимкѣ,

на сумму слишкомъ во 100 тысячъ, будто бы насчитанной на насъ Государственнымъ Контролемъ. Мы не обращали вниманія на эту тысяча первую ложь о насъ въ газетахъ. Категорическое, но голословное съ нашей стороны отрицаніе голословной же лжи не вело ни къ чему, и толки не прекращались. Но пущеннымъ слухомъ задѣвался Государственный Контроль еще болѣе чѣмъ мы, такъ какъ газетными вѣстовщиками приписывалось ему ложное показаніе, и притомъ утверждалось что показаніе это сдѣлано во всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Мы въ правѣ были ожидать что государственный контролеръ, ревнуя о чести своего вѣдомства, разъяснитъ дѣло и опровергнетъ возведенную на него клевету въ ложномъ доносѣ.

Но офиціальнаго разъясненія не послѣдовало. Газеты не переставали повторять съ разными прикрасами ту же ложь, и на этихъ дняхъ, въ двухъ петербургскихъ газетахъ, *Порядкѣ* и *Голосѣ*, появилась текстуальная выдержка изъ *всеподданнѣйшаго отчета о дѣятельности Государственнаго Контроля за 1876 годъ*. (Замѣтимъ что эти отчеты не публикуются и составляютъ тайну хранимую за семью печатями). Въ этой выдержкѣ, дѣйствительно, сказано что на арендаторѣ *Московскихъ Вѣдомостей* числится 100.000 недоимки. Стало-быть на этотъ разъ газеты говорили правду: неправда дѣйствительно оказалась въ контрольномъ отчетѣ! Итакъ, не Контроль былъ оклеветанъ газетами, а мы были оклеветаны, но на этотъ разъ уже не газетами. Государственнымъ контролеромъ былъ тогда генералъ-адъютантъ Грейгъ. Какъ могло случиться что имъ была насчитана такая громадная цифра недоимки на арендаторахъ *Московскихъ Вѣдомостей?* Откуда взялась эта цифра? На разсмотрѣніи Контроля былъ зачетъ 21 тысячи произведенный арендаторами на основаніи претензіи признанной всѣми справедливою. Откуда же взялись 100.000? Въ то время, дѣйствительно, числилась недоимка по сбору за казенныя объявленія напечатанныя въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, простиравшаяся до 81 т. р. Но эта недоимка числилась долгомъ на правленіи Университета, а никакъ не на арендаторахъ. Значитъ, произошла ошибка: государственный контролеръ перенесъ долгъ съ правленія Университета на арендаторовъ, что̀ по пословицѣ называется: съ больной головы на здоровую. Сдавая печатаніе казенныхъ объявленій въ аренду, правленіе Университета приняло на себя собирать уплату за напечатанныя въ газетѣ казенныя объявленія, то-есть предъявлять присутственнымъ мѣстамъ счеты и вообще вести съ ними по этому предмету переписку. Никто безъ этого условія и не могъ бы гарантировать Университету опредѣленную сумму по сбору за казенныя объявленія. Никто изъ конкуррентовъ участвовавшихъ на торгахъ не принималъ на себя обязанности не только печатать на свой страхъ казенныя объявленія, но и отвѣчать предъ казною за исправность платежей со стороны казенныхъ же учрежденій. Но со стороны Университета не было и рѣчи о томъ чтобы возложить такую обязанность на арендаторовъ, тѣмъ болѣе что Университету, имѣвшему тогда свою спеціальную кассу, приходилось собирать деньги не въ казну, а въ свою пользу. Мы же съ своей стороны охотно и по собственному побужденію предложили вознаграждать канцелярію правленія за переписку пятью процентами съ суммы сбора. Но вскорѣ затѣмъ произошло, какъ сказано, объединеніе кассъ и доходъ Университета былъ обращенъ въ Государственное Казначейство. Было бы раціонально, вмѣстѣ съ этою экспропріаціей Университета, освободить его отъ несвойственной ему обязанности сборщика податей и перенести эти обязанности на Казенную Палату. Этого однако сдѣлано не было, и Университетъ, лишившись побужденій собственнаго интереса, оказался плохимъ сборщикомъ. Канцелярія запускала составленіе и разсылку счетовъ, и такимъ образомъ накоплялась и накопилась вышеупомянутая недоимка.

Итакъ, что̀ же изъ сего слѣдуетъ? Не то ли что Государственный Контроль, не разузнавъ въ точности на кого падаетъ долгъ, ошибочно приписалъ эту недоимку арендаторамъ? Ошибка есть дѣло непріятное, но всегда возможное. За ошибкой, однако, должна слѣдовать поправка. Мы не можемъ знать была ли въ слѣдующемъ всеподданнѣйшемъ контрольномъ отчетѣ исправлена вкравшаяся неточность, и была ли такимъ образомъ возстановлена предъ Верховною Властью честь ошибочно опороченныхъ людей. Это требовалось тѣмъ болѣе что ошибочное показаніе недоимки во 100.000 не могло не имѣть серіозныхъ

послѣдствій. *Голосъ*, съ безстыдствомъ свойственнымъ этой газетѣ, объявляетъ что эта недоимка была намъ „прощена.“ Нѣтъ! Всеподданнѣйшій докладъ генералъ-адъютанта Грейга сопровождался, какъ намъ теперь стало извѣстно, строгимъ повелѣніемъ привести дѣло въ порядокъ. Но если мы не знаемъ исправилъ ли свою ошибку государственный контролеръ предъ Государемъ, то во мнѣніи общества мы остаемся подъ нареканіемъ.

Ошибка! Мы были бы рады видѣть въ этомъ простую ошибку. Но есть обстоятельство которое смущаетъ насъ, и мы не знаемъ на что̀ подумать.

Въ выдержкѣ изъ всеподданнѣйшаго отчета Государственнаго Контроля сообщенной въ газетахъ *Порядокъ* и *Голосъ* сказано что по предмету этой громадной недоимки свыше ста тысячъ, будто бы скопившейся на насъ къ 1877 году, дѣлались многократныя сношенія съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, „которое увѣдомляло что о взысканіи недоимки предложено попечителю Московскаго учебнаго округа, но отъ него не получено требуемыхъ свѣдѣній.“

Свѣдѣнія ожидавшіяся отъ попечителя могли быть получены имъ, конечно, только отъ правленія Университета. Но какъ бы правленіе ни было медлительно, мы знаемъ что отвѣтъ его послѣдовалъ достаточно благовременно для того чтобы предупредить ошибку допущенную въ такомъ важномъ актѣ какъ всеподданнѣйшій докладъ государственнаго контролера. Представленіе Правленія Университета по этому предмету (за № 1761), подписанное проректоромъ Миномъ, помѣчено 26 октября 1876 года, и вотъ что̀ въ этомъ представленіи значится:

„Что же касается до 27.000 руб., гарантированныхъ, по силѣ § 16 контракта, арендаторами Университету за сборъ съ казенныхъ объявленій, то на основаніи отзыва г. управляющаго Министерствомъ Финансовъ отъ 28 минувшаго августа, за № 3.711, къ г. управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, сообщеннаго правленію къ руководству въ предложеніи г. попечителя Московскаго учебнаго округа, отъ 15 сентября 1872 г. за № 2.824, *образующаяся ежегодно недоимка по этому гарантированному арендаторами доходу казны, должна зачисляться долгомъ на правленіи Московскаго Университета* и пополняться имѣющими поступить въ послѣдующемъ году отъ казенныхъ вѣдомствъ уплатами за напечатаніе ихъ объявленій въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Недоимка по этой статьѣ, за непоступленіемъ въ доходъ казны гарантированной арендаторами суммы 27.000 р. въ 1872, 1873 и 1874 годахъ, составляла къ 1 января 1875 года 81.000 руб.“

Тутъ еще не все. А кто былъ тотъ управляющій Министерствомъ Финансовъ, о которомъ упоминаетъ Правленіе Университета въ своемъ представленіи, и чей отзывъ былъ присланъ ему къ руководству? Отношеніе за № 3.611, отъ 28 августа 1872 года, присланное изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Правленіе Университета къ руководству, подписано генералъ-адъютантомъ Грейгомъ. Дѣло въ томъ что генералъ-адъютантъ Грейгъ, занимавшій въ 1876 году постъ государственнаго контролера, состоялъ въ 1872 году товарищемъ министра Финансовъ, и вотъ что̀ писалъ онъ въ вышеупомянутомъ отношеніи отъ 28 августа 1873:

„Вся переписка по пріему объявленій для напечатанія въ *Вѣдомостяхъ*, а равно и по сбору причитающейся отъ разныхъ казенныхъ мѣстъ за объявленія платы, лежитъ на обязанности правленія Университета, получающаго въ вознагражденіе за труды по этому предмету 5% съ суммы слѣдующей за означенныя объявленія, *сами же арендаторы не несутъ никакой отвѣтственности за большую или меньшую успѣшность достигаемыхъ результатовъ по сбору денегъ*. Разчетъ съ контрагентами, согласно 16 пункту заключеннаго съ ними контракта, производится два раза въ годъ, въ первой половинѣ іюля и января, въ каковые сроки они обязаны подавать въ правленіе Университета общій счетъ всѣмъ доставленнымъ изъ онаго въ *Московскія Вѣдомости* казеннымъ объявленіямъ. А такъ какъ деньги за объявленія поступаютъ лишь по отпечатаніи оныхъ въ *Вѣдомостяхъ* и по доставленіи типографіей надлежащаго о томъ счета, причемъ весьма многія уплаты поступаютъ только въ слѣдующемъ году, то причитающаяся за напечатанныя объявленія въ теченіе года, т.-е. съ 1 января по 31 декабря, сумма никогда не можетъ достигнуть въ концѣ того же года полной цифры сбора, и разчетъ съ арендаторами

приходится дѣлать не по количеству напечатанныхъ объявленій."

„Образующаяся ежегодно недоимка по гарантированному доходу, въ настояще время, *должна зачисляться долгомъ на правленіи Московскаго Университета* и пополняться имѣющими поступить въ послѣдующемъ году отъ казенныхъ вѣдомствъ уплатами за напечатаніе ихъ объявленій въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*."

Изъ этой выписки явствуетъ что генералъ-адъютанту Грейгу въ точности и подробно было извѣстно положеніе дѣла касательно сбора уплатъ за напечатаніе казенныхъ объявленій въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Тѣмъ прискорбнѣе что въ контрольный отчетъ подписанный черезъ четыре года тѣмъ же правительственнымъ лицомъ вкралась вышеупомянутая неточность, благодаря которой издатель *Московскихъ Вѣдомостей* былъ оклеветанъ предъ Государемъ и обезславленъ предъ обществомъ.

Какъ объяснить это? Обыкновенно за министрами стоятъ второстепенныя лица, неизвѣстныя и безотвѣтственныя, которыя, пользуясь разсѣянностью, забывчивостью, минутнымъ настроеніемъ или предубѣжденіемъ своего начальника, подвертываютъ ему къ подписанію бумагу, о которой подписавшему приходится въ послѣдствіи сожалѣть.

№ 61.

Москва, 1-го марта.

Въ ночь на 2 марта, намъ доставлена слѣдующая телеграмма отъ министра Внутреннихъ Дѣлъ:

„Сегодня, 1 марта, въ 1 ч. 45 м., при возвращеніи Государя Императора съ развода, на набережной Екатерининскаго Канала, у сада Михайловскаго Дворца, совершено было покушеніе на священную жизнь Его Величества посредствомъ брошенныхъ двухъ разрывныхъ снарядовъ; первый изъ нихъ повредилъ экипажъ Его Величества, разрывъ втораго нанесъ тяжелыя раны Государю. По возвращеніи въ Зимній Дворецъ, Его Величество сподобился пріобщиться Св. Таинъ и затѣмъ въ Бозѣ почилъ въ 3 часа 35 минутъ пополудни. Одинъ злодѣй схваченъ."

Совершилось! Царя Освободителя не стало.

Внезапно постигло насъ страшное событіе, но осмѣлимся ли сказать что Богъ, столько разъ и такъ чудесно спасавшій эту дорогую жизнь, не довольно вразумительно предостерегалъ насъ?

Какое слово можетъ въ эту минуту выразить всю великую народную скорбь, а вмѣстѣ и негодованіе, а вмѣстѣ и стыдъ нашъ? Среди своей столицы такъ ужасно умерщвленъ измѣнническою рукою Государь великаго народа, призваннаго имъ къ жизни и безгранично преданнаго ему!.. Рядъ злодѣйскихъ покушеній достигъ наконецъ своей цѣли, и мы только теперь должнымъ образомъ поймемъ какъ мы были малодушны и какъ легкомысленно испытывали благость Божію.

Прости, возлюбленный Государь нашъ, родной каждому русскому честному сердцу! Ты будешь оплаканъ искренними слезами милліоновъ Жизнь Твоя была великимъ подвигомъ полнымъ благодѣяній для Твоего народа: да будетъ же намъ и мученическая смерть Твоя спасительнымъ вразумленіемъ и Божьимъ указаніемъ что̀ дѣлать...

№ 62.

Москва, 2-го марта.

Ужасное событіе! Не отдохнешь отъ впечатлѣній этого дня позорной памяти, безпримѣрнаго въ исторіи Россіи. Подробность приходитъ за подробностью, и въ страшной живости рисуется это событіе предъ смущенною, оскорбленною, подавленною мыслью. Такъ вотъ конецъ славнаго царствованія, вотъ чѣмъ завершилось двадцатипятилѣтіе непрерывныхъ преобразованій, поражавшихъ міръ своею быстротою и обгонявшихъ ожиданія самыхъ либеральныхъ партій во всѣхъ странахъ! Вотъ какъ кончилъ дни Свои Государь мягкосердечный, человѣколюбивый, долготерпѣливый, болѣе принижавшій нежели превозносившій величіе своихъ правъ! Послѣ цѣлаго ряда злодѣйскихъ покушеній на Его жизнь направлявшихся тайною крамолой враговъ Россіи, будто бы во имя какого то прогресса, поставляющаго первою себѣ задачей разрушить и уничтожить все чѣмъ держится человѣческое общежитіе,—Государь совершившій столько великихъ преобразованій сколько не насчитаешь вѣками въ исторической жизни народовъ, рас-

терзанъ будто хищными звѣрями, раздробленъ адскими снарядами среди бѣлаго дня, въ своей столицѣ, на улицѣ, на людяхъ! Какія потрясающія подробности! Брошена бомба подъ карету въ которой ѣхалъ Государь. Онъ вышелъ изъ нея невредимъ и, какъ сказываютъ, перекрестился, благодаря Бога за новое чудо своего спасенія. Повинуясь движенію своего добраго сердца, онъ остановился надъ однимъ изъ раненыхъ при взрывѣ, и вотъ новый взрывъ. Не такъ, не такъ ужасно было бы впечатлѣніе еслибы пуля Каракозова или Соловьева достигла своей проклятой цѣли! Рядъ злодѣйскихъ покушеній увѣнчался успѣхомъ самаго ужаснаго, самаго возмутительнаго свойства, какъ будто требовалось сильнѣе дать намъ почувствовать смуту которую мы переживаемъ, какъ бы сильнѣе наказать и вразумить насъ. Какимъ невыразимо скорбнымъ назиданіемъ останется въ исторической памяти этотъ образъ Монарха, истинно мученически окончившаго дни свои послѣ столь славнаго царствованія.

Люди ищутъ власти, люди борются за власть, соблазняемые силою и почестями съ ней сопряженными. Увы! Власть есть тяжкое бремя; она возлагается на избранныхъ какъ служба, тѣмъ болѣе обязательная чѣмъ выше власть. Нѣтъ службы болѣе тяжкой какъ верховная власть надъ народами. Всякая свобода и самая жизнь по истинѣ человѣческая, въ обществѣ возможны только при условіи единой и безспорной, надъ всякою властію господствующей власти. Ея ослабленіе неизбѣжно порождаетъ смуту. По мѣрѣ того какъ ослабляется дѣйствіе законной власти нараждаются дикія власти, начинается разложеніе, совершаются насилія, колеблются основы всякой нравственности, духъ растлѣнія овладѣваетъ умами, и вмѣсто явнаго правительства появляются тайныя, дѣйствующія тѣмъ сильнѣе чѣмъ слабѣе дѣйствіе государственной власти.

Сегодня принесли мы присягу вступившему на прародительскій престолъ Государю Императору Александру Александровичу. Да будетъ же правдой данный нами предъ Богомъ обѣтъ! Да поможетъ Богъ нашему Государю въ великомъ ожидающемъ Его подвигѣ, и да поможетъ намъ всѣмъ именующимъ себя образованными людьми послужить Ему вѣрой и правдой, и для этого возвратиться къ своему народу и быть съ нимъ заодно. Да наступитъ для насъ съ новымъ царствованіемъ пора жить своимъ умомъ и быть самими собою, безъ чего никакія преобразованія и улученія въ прокъ не пойдутъ.

Помолимся чтобы прежде всего Богъ помогъ нашему Государю создать правительство вполнѣ способное содѣйствовать Ему въ исполненіи Его обѣта посвятить всю жизнь Свою „попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи,“ какъ сказано въ Высочайшемъ Манифестѣ отъ 1 марта.

№ 63.

Москва, 3-го марта.

Со всѣхъ сторонъ міра несутся къ намъ изъявленія соболѣзнованія и негодованія по случаю постигшаго насъ бѣдствія. Всѣ соболѣзнуютъ Царскому Семейству и Русскому народу, постигнутому бѣдствіемъ нераздѣльно во всѣхъ своихъ сословіяхъ, всегда движимыхъ однимъ духомъ и однихъ чувствомъ въ годину испытаній. А негодуютъ на кого? Къ кому должно относиться всемірное негодованіе? Изъ совершителей злодѣянія одинъ пойманъ и обнаруженъ. Это девятнадцатилѣтній недоучка. Многимъ ли существенно разнится этотъ несовершеннолѣтній, и вмѣстѣ столь тяжкій, преступникъ отъ тѣхъ ребятишекъ въ деревняхъ, которые за пряникъ поджигаютъ свой родительскій домъ? Могъ ли этотъ несчастный имѣть личную вражду къ особѣ Государя? Политическій преступникъ! Но какіе у этого, едва вылупившагося на свѣтъ Божій получеловѣка, могли бы быть политическіе замыслы, достаточно серіозные чтобъ увлечь его на такое страшное дѣло? Нѣтъ, онъ былъ брошенъ на дѣло цареубійства какъ брошенъ былъ имъ самимъ смертоносный снарядъ. Значитъ нравственная сила негодованія можетъ относиться не столько къ этому презрѣнному орудію сколько къ той крамолѣ которая очевидно имѣетъ свои замыслы и конечно не стѣсняется въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Что̀ же это за крамола, и какія у ней цѣли? Чего она домогается и зачѣмъ ей было нужно цареубійство? Что есть такой заговоръ, въ этомъ нельзя сомнѣваться; что есть у него какой-то замыселъ нуждавшійся въ цареубійствѣ, въ этомъ тоже нельзя сомнѣваться, если вспомнимъ съ какимъ упорствомъ,

какъ систематически крамола возобновляла свои покушенія противъ въ Бозѣ почившаго Государя. Съ 1866 года было совершено пять, даже шесть (если считать неудавшіяся приготовленія въ Николаевѣ) преступныхъ покушеній предшествовавшихъ послѣднему. Какіе же замыслы требовали столько усилій направленныхъ къ одной возмутительной цѣли? Никакіе замыслы не могутъ оправдать такую цѣль; но надобно чтобъ они могли по крайней мѣрѣ объяснить ее. Катехизисъ нашихъ революціонеровъ, какъ мы знаемъ, никакихъ догматовъ не признаетъ кромѣ безусловнаго отрицанія. Требуется произвести смуту въ Россіи, подорвать всякій авторитетъ, парализовать всякую нравственную силу, вооружить сословія одно противъ другаго, зажечь усобицу, повергнуть все въ хаосъ. Но для чего же это? Для того ли чтобы захватить власть? Кто же изъ нихъ прочитъ себя на Всероссійскій Престолъ, или кто претендуетъ на званіе президента республики? Имѣетъ ли смыслъ такая затѣя? Могла ли бы она такъ долго и такъ упорно держаться, такъ неутомимо возобновлять свои попытки? Что̀ же собственно серіознаго въ такихъ попыткахъ? Ничего иного кромѣ непримиримо враждебныхъ Россіи побужденій, направленныхъ къ тому чтобы поколебать и разстроить ее. Вотъ это такъ серіозная и понятная цѣль! Но она не можетъ прямо высказываться. Нуженъ пряникъ, нужно прикрытіе, нуженъ грубый радикализмъ чтобы вербовать не доучившуюся молодежь, нуженъ пошлый либерализмъ чтобы подкупать пустыхъ людей. На враговъ негодовать нечего, отъ враговъ нужно только отбиваться. Вся сила негодованія, весь стыдъ и безчестіе Россіи должны падать на насъ самихъ, именующихъ себя людьми образованными, — людей правящихъ, учащихъ, ораторствующихъ и пишущихъ...

Въ одной будто бы русской, хотя и на русскомъ языкѣ издаваемой газетѣ, недавно читали мы наглое увѣреніе что Россія съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ своротила на путь реакціи. Выходитъ что всѣ преобразованія славнаго царствованія въ Бозѣ почившаго Государя были мрачною реакціей, а истинный прогрессъ какой эти друзья нашего отечества рекомендовали бы ему состоитъ въ золотыхъ грамотахъ, въ пожарахъ, въ упадкѣ патріотическаго духа, въ доктринахъ разложенія Россіи, въ систематическомъ развращеніи народа и учащейся молодежи, въ ея волненіяхъ, которыя начались предъ польскимъ возстаніемъ и съ тѣхъ поръ періодически возобновлялись. Вотъ прогрессъ которымъ должны бы мы были идти чтобъ угодить друзьямъ нашимъ и съ котораго мы свернули попавъ на путь національной политики, реакціи тожь.

Пора намъ отрезвиться, пора стать зрѣлыми и здравомыслящими людьми. Какое великое благо было бы для Россіи еслибы, вмѣсто этой фальшивой образованности, возобладалъ у насъ духъ здравомыслія, хотя бы простаго и не наряднаго!

Попытки цареубійства были въ наши дни и въ другихъ странахъ. Императоръ Германскій, послѣ славной войны, на верху могущества и величія, подвергался разъ за разомъ двумъ покушеніямъ, изъ которыхъ одно было не совсѣмъ безуспѣшно. Были покушенія въ Италіи, въ Испаніи. Но въ этихъ и другихъ странахъ Европы радикальныя идеи и безвѣріе распространены въ самомъ народѣ; тамъ есть массы бездомнаго населенія; но и тамъ попытки цареубійства имѣли видъ случайности и не принимали такого настойчиваго и систематическаго характера какъ у насъ въ эти послѣдніе годы. Двукратное покушеніе на императора Вильгельма сопровождалось быстрыми и рѣшительными мѣрами принятыми сильною и разумною рукой. И вотъ многочисленная и дѣйствительно сильная партія соціализма, имѣющая своихъ представителей даже въ законодательныхъ собраніяхъ, партія эта была мгновенно приведена въ бездѣйствіе. А у насъ покушенія все усиливались и съ каждымъ разомъ становились все болѣе дерзкими. Администраторы заговорили сами языкомъ если не *Земли и Воли*, то фельетоновъ *Голоса*. Противъ зла принимались мѣры, но какія? — полумѣры только раздражавшія и возбуждавшія духъ злоумышленниковъ. Вся эта исторія покушеній и мѣръ которыя ими вызывались породили мнѣніе о безсиліи законной власти, которая въ дѣйствительности крѣпка и сильна, и можетъ, если захочетъ, стать крѣпче и сильнѣе чѣмъ когда-либо.

Дай Богъ намъ, съ началомъ новаго царствованія, очистить нашу нравственную атмосферу и поднять въ нашемъ образованномъ обществѣ русскій патріотическій духъ который дурному насъ не научитъ...

№ 64.

Москва, 4-го марта.

Преклонимся предъ этимъ гробомъ земнаго величія. Въ немъ покоятся останки Государя обладавшаго великимъ могуществомъ, бо́льшимъ чѣмъ быть-можетъ самому Ему было свѣдомо. Онъ стоялъ на высотѣ славы, любви народной, удивленія цѣлаго міра. Но лишь издали, и только несмысленному взору, могъ казаться завиднымъ и легкимъ Его удѣлъ. Съ той минуты какъ пало на Него бремя правленія, жизнь Его была самою тягостною какая только можетъ пасть на человѣка повинностью. Всегда тягостно бремя верховной власти, но въ Бозѣ почившій Государь былъ призванъ обновить жизнь предводимаго Имъ народа и извести его изъ египетскаго плѣна. Онъ послышалъ этотъ призывъ съ самаго начала, и послушно обрекъ Себя его исполненію. При какихъ страшно трудныхъ обстоятельствахъ принялъ Онъ государственное правленіе! Какую великую предстояло затѣмъ вскорѣ рѣшить задачу! Предстояло бережно и не потрясая земли изъять изъ нея то что̀ укоренилось вѣками и на чемъ все держалось, и за тѣмъ измѣнить весь строй народной жизни. Міръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на происходившее въ нашемъ отечествѣ. Совершались одно за другимъ событія всеобъемлющаго значенія. Простой наблюдатель слѣдившій за ходомъ этихъ событій, даже посторонній и въ нихъ не замѣшанный, не могъ оставаться равнодушнымъ: что̀ же долженъ былъ испытывать ихъ совершитель, тотъ кто несъ на себѣ всю тяжесть рѣшеній, кто переживалъ ежедневно муку колебаній и опасеній? Всякій знаетъ по собственному опыту какъ тяжело принимать рѣшенія отъ которыхъ зависитъ судьба наша и лицъ съ нами связанныхъ, и всякій можетъ хотя приблизительно оцѣнить что̀ долженъ былъ испытывать, принимая свои рѣшенія, верховный вождь великаго народа, освободитель милліоновъ, преобразователь и обновитель своей страны. И не было Ему отдыха, не было минуты успокоенія...

Нѣтъ, не на радость дается жребій власти, и великая честь которою она окружена далеко не искупаетъ для человѣческаго сердца тяжесть этой повинности, самой тяжкой какая только можетъ выпасть человѣку на землѣ. Мученическая кончина въ Бозѣ почившаго Государя была завершеніемъ истинно подвижническаго жребія.

Воспитанный, какъ и всѣ мы, въ сферѣ космополитическихъ идей, какъ глубоко потомъ, управляя судьбами Своего народа, Онъ отзывался въ тайникѣ Своего сердца на призывы его духа, слѣдуя въ своихъ рѣшеніяхъ народному чувству, преодолѣвая всѣ иныя соображенія и внушенія! Послѣдняя война наша служитъ тому живымъ и недавнимъ свидѣтельствомъ.

Онъ не превозносился Своею властію и скорѣе не вполнѣ чѣмъ слишкомъ пользовался ею. Доброта и кротость Его сердца вели нерѣдко къ умаленію дѣйствія власти тамъ гдѣ ожидалась и гдѣ была необходима вся полнота ея дѣйствія. Въ дѣлѣ правленія Онъ стѣснялъ и связывалъ Себя несравненно болѣе чѣмъ могли бы ограничить Его какія-либо формальныя условія. Такъ мало былъ властолюбивъ Онъ что принижая и стѣсняя Себя, Онъ былъ постоянно въ опасности уронить самое начало власти, собранной и утвержденной трудомъ и кровью всей исторіи нашего народа,—начало долженствующее служить оградой всякой истинно человѣческой свободы и нравственнаго порядка въ государствѣ и быть движущею силой его развитія. Нѣтъ, не отъ Государя каковъ былъ въ Бозѣ почившій Императоръ требовалось въ чемъ-нибудь искать обезпеченія, но въ Немъ напротивъ, и въ Немъ одномъ, искала и могла найти себѣ обезпеченіе всякая честная свобода и всякое право.

Мы, русскіе люди, преклоняясь предъ гробомъ Александра II, вѣруемъ что жизнь Его была по истинѣ угоднымъ Богу подвигомъ. Въ событіяхъ Его царствованія для вѣрующаго чувства особенно ясно было дѣйствіе Промысла обращавшаго во благо всякую опасность и въ торжество и побѣду что̀ казалось грозило намъ ущербомъ и пораженіемъ. Самая кончина Его, во всемъ ея ужасѣ, наказуя насъ, возвышаетъ и просвѣтляетъ Его память. Исторія скажетъ то что̀ и теперь для чуткаго ума ясно,—она скажетъ что всѣ скорби Его жизни и самая смерть Его были искупительною жертвой за Русскій народъ, за Россію, за ея величіе, за ея призваніе. Онъ палъ сраженный коварствомъ враговъ своей страны...

Весь смыслъ русской исторіи и вся государственная мудрость въ томъ состоятъ чтобы верховная власть нашего народа была неразрывно связана съ нимъ, и чтобъ управленіе имъ было живымъ и яснымъ выраженіемъ этого единства. Сохрани насъ Боже ото всего что̀ можетъ раздѣлить ихъ и поставить ихъ какъ бы въ два лагеря, одинъ противъ другаго, каждый со своими особыми интересами! Никакія формулы выработанныя жизнью другихъ странъ не могутъ быть приложимы къ отношеніямъ верховной власти къ народу въ Россіи. Мы дѣлали ошибки въ нашихъ учрежденіяхъ и онѣ вносили много смуты въ нашу жизнь, парализуя ея силы; но всякая ошибка, даже самая малая на видъ, была бы бѣдствіемъ непоправимымъ.

Да предохранитъ насъ Богъ ото всякихъ обмановъ и искушеній, а всего болѣе отъ собственнаго нашего легкомыслія и неразумія! Да соблюдетъ верховная власть на Руси свое священное значеніе, и всю полноту, всю свободу свою въ живомъ единеніи съ народными силами!

№ 65.

Москва, 5-го марта.

А.

Неужели мы и теперь, даже предъ этимъ гробомъ, не образумимся, не очнемся, не почувствуемъ какъ насъ морочатъ? Неужели и теперь будемъ все также переносить, съ подобострастно-либеральною улыбкой, неслыханное наругательство надъ нашимъ бѣднымъ отечествомъ? Въ самый день петербургскаго злодѣянія, въ разныхъ мѣстахъ Петербурга, появилась прокламація отъ „Исполнительнаго Комитета". Своею гнусностью и ложью она превосходитъ всякое вѣроятіе, хотя это не значитъ чтобъ она своимъ пошибомъ вовсе не походила на нѣкоторыя передовыя статьи и фельетоны нашей либеральной „прессы." Всего возмутительнѣе то что этотъ „Исполнительный Комитетъ," извѣщая съ торжествомъ о совершенномъ злодѣяніи, говоритъ какъ бы отъ имени Русскаго народа, выдавая себя за выразителя его желаній, за представителя его стремленій и интересовъ, и обращается къ „мужеству и патріотизму русскихъ гражданъ съ просьбой о поддержкѣ" въ его дальнѣйшей дѣятельности. Онъ радуется что его „усилія" увѣнчались наконецъ „успѣхомъ;" онъ торжествуетъ побѣду, и именуетъ свое проклятое дѣло *казнію*. „Исполнительный Комитетъ,—такъ гласитъ прокламація,—все время не выпускалъ оружія изъ рукъ постановивъ привести казнь въ исполненіе во что̀ бы то ни стало. 1 марта это исполнено." Но вниманіе людей умѣющихъ читать остановится не на этихъ гнусностяхъ; ихъ поразятъ слѣдующія слова: „Исполнительный Комитетъ считаетъ необходимымъ снова напомнить во всеуслышаніе что онъ неоднократно предостерегалъ нынѣ умершаго тирана, неоднократно увѣщевалъ его покончить свою человѣкоубійственную расправу и *возвратить Россіи ея естественныя права*." Подумайте: какому безумцу изъ русскихъ людей могло бы придти въ голову что Императоръ Александръ II захватилъ какія-то у Россіи естественныя права, которыми она до него пользовалась, и не возвращалъ ихъ? Вы поймете что отъ имени какого бы то ни было безумнаго дѣла русскаго происхожденія могло бы сказаться что-нибудь еще хуже и лживѣе, но никакъ не то что̀ Александръ II не возвращалъ Россіи естественныхъ правъ? Поставьте вмѣсто „Россіи" другое собственное имя, и вы получите смыслъ опредѣленный и ясный, и будете знать съ кѣмъ считаться. Затѣмъ вы поймете смыслъ дальнѣйщихъ словъ напоминающихъ русскому царю „объ исторической справедливости." Всѣ эти обмолвки невольно легли подъ перо вожаковъ дѣла гораздо болѣе серіозныхъ чѣмъ недоучка Желяба, котораго за четыре года предъ симъ, въ минуту невзгоды, уловилъ въ свои сѣти за сто рублей таинственный вербовщикъ. Увы, въ восемнадцать лѣтъ протекшихъ послѣ 1863 года, мы совсѣмъ забыли о польскомъ дѣлѣ, которое тогда раскрылось было предъ нами со всею своею непримиримою враждой къ Россіи, со всѣми ужасами своихъ злодѣяній, со всѣмъ ядомъ своего коварства. Мы забыли это дѣло, пораждавшее и воспѣвавшее Конрадовъ Валленродовъ. У насъ вовсе вышелъ изъ памяти знаменитый катехизисъ „польской справы," который въ тѣ отдаленныя времена всѣмъ былъ извѣстенъ и всѣми цитовался. Мы все это забыли, а Желябы и Рысаковы тогда еще и на свѣтѣ не были или были въ пелен-

кахъ. Боже насъ сохрани обвинять людей польскаго происхожденія въ прикосновенности или даже сочувствіи тѣмъ злодѣяніямъ, которыя теперь творятся на Руси. Дѣло не въ мирныхъ населеніяхъ, не въ добрыхъ гражданахъ и честныхъ подданныхъ; дѣло въ томъ ядѣ который именуется „польскою справой,“ въ тѣхъ честолюбцахъ которые не покидаютъ надежды возстановить старую Польшу на развалинахъ Россіи, которые не считаютъ дѣломъ поконченнымъ историческую борьбу между этими двумя славянскими народами События 1863 года обнаружили всю хитрую, съ іезуитскимъ искусствомъ придуманную и устроенную революціонную организацію. Въ то время, увы, также были безумцы изъ Русскихъ, которые попадали въ клѣтки польской организаціи и становились измѣнниками своему народу, думая что ратуютъ за свободу противъ деспотизма. Многіе изъ нихъ безславно погибли во вражескихъ рядахъ, а другіе, когда дѣло разыгралось и изобличилось, съ омерзеніемъ и ужасомъ поняли куда вовлекъ ихъ обманъ. Живо вспоминаются намъ событія того времени какъ русскимъ солдатамъ плевали въ лицо, какъ ихъ измѣннически перерѣзали, какъ русской женщинѣ нельзя было показаться на улицахъ въ Вильнѣ не опасаясь быть оскорбленною; какъ наша администрація давала дурачить себя и плясала либеральный канканъ подъ дудку то бѣлыхъ, то красныхъ вожаковъ „польской справы,“ какъ сами русскія власти помогали этимъ вожакамъ набирать и дисциплинировать армію, и какъ напирала на насъ европейская интрига, и какъ, наконецъ, наше оскорбленное народное чувство, воспрянувъ, расправилось и съ европейскою интригой и съ польскимъ мятежемъ. Съ тѣхъ поръ „польская справа“ притихла, но она не исчезла. Мы не довершили начатаго, мы обманули себя: мѣры которыя мы принимали, превратились въ полумѣры, а полумѣры хуже чѣмъ непринятіе никакихъ мѣръ. Мы не освободили польскую народность отъ яда которымъ она заражена и которая дѣлаетъ ее отравою для Россіи; мы только вогнали этотъ ядъ глубже внутрь. Успокоившись мы все забыли. Опытъ ничему не научилъ насъ, но вожаки польской справы стали гораздо опытнѣе и перемѣнили планъ дѣйствій. Не разчитывая болѣе на поддержку европейскихъ державъ, они постарались примазаться къ такъ-называемой всесвѣтной революціи, и въ 1864 году, на митингѣ рабочихъ въ пользу Польши, въ Лондонѣ, впервые явилась на свѣтъ „Интернаціоналка,“ а уже въ 1866 году Каракозовъ стрѣлялъ въ Царя-Освободителя. Революціонная организація была перекинута внутрь Россіи съ тѣмъ чтобы клѣтки ея наполнять людьми чисто русскаго происхожденія во имя всемірной анархіи и всякаго рода революціонныхъ идей. Была поведена неотступная осада нашихъ учебныхъ заведеній, и мы сами съ невообразимою глупостію и варварствомъ, подъ видомъ либерализма, предавали и предаемъ врагамъ нашихъ дѣтей, наше учащееся юношество...

Хорошо было бы нашимъ революціонерамъ, съ изумительно рабскою покорностію исполняющимъ предписанія таинственныхъ властей, прочесть инструкціи Мѣрославскаго, учившаго польскихъ вожаковъ ловить русскихъ нигилистовъ и употреблять ихъ въ дѣло съ тѣмъ чтобы потомъ, когда Россія рухнетъ и польское дѣло восторжествуетъ, безпощадно истреблять ихъ какъ гадинъ...

Б.

Слѣдующія одно за однимъ раскрытія обстоятельствъ находящихся въ связи съ ужасающимъ событіемъ и обнаруживающихъ нѣкоторыя нити замысла, возбуждаютъ иногда недоумѣніе. Оказывается что на Малой Садовой, по которой имѣлъ обыкновеніе проѣзжать почившій Государь, былъ заготовленъ подкопъ съ громаднымъ запасомъ динамита способнымъ взорвать цѣлую улицу. Подкопъ заготовлялся въ теченіе двухъ мѣсяцевъ изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена, снятой какимъ-то молодымъ человѣкомъ жившимъ съ молодою женщиной, которую звалъ женою, по паспорту крестьянина изъ Воронежской губерніи. Мѣстная полиція обнаружила достаточно бдительности обративъ вниманіе на новыхъ обывателей лавки, манерами своими не обнаруживавшихъ принадлежности къ крестьянскому сословію. Частный приставъ дѣлаетъ донесеніе градоначальнику, по распоряженію котораго техникомъ, при немъ состоящимъ, производится осмотръ наканунѣ роковаго дня 1 марта. И что̀ же? Ничего подозрительнаго не открыто. Между тѣмъ огромныя

кучи и бочки земли вынутой для подкопа лежали въ чуланѣ; въ комнатѣ были сверлильные инструменты; подъ настилкой у подоконника корзина съ гальваническою батареей и за ней правильный подкопъ выложенный досками. Не слѣдуетъ ли заключить что осмотръ былъ произведенъ крайне поверхностно и невнимательно? Еслибы подкопъ былъ открытъ и злодѣи были захвачены, то Государь, предупрежденный объ опасности, быть-можетъ отложилъ бы выѣздъ, или по крайней мѣрѣ предосторожности были бы удесятерены. Мысль о подкопѣ, повидимому, не пришла и въ голову. Урокъ Московскаго подкопа пропалъ безслѣдно, и злодѣямъ удалось вновь заложить цѣлую мину.

Позорная для цѣлаго народа удача петербургской революціонной шайки подняла ея дерзость, и можно опасаться новыхъ ея подвиговъ. Прокламація была наклеена въ разныхъ мѣстахъ Петербурга, проникла въ стѣны Университета и Технологическаго Института. Захватываемые по горячимъ слѣдамъ участники замысла стрѣляютъ въ арестующихъ или убиваютъ себя, свидѣтельствуя о состояніи возбужденія въ какомъ находится шайка, и она едва ли сдастся на масличную вѣтвь которою уже помаваютъ газеты.

Ложь и обманъ отличительное явленіе нашего позорнаго времени. Ихъ вѣрное зеркало „наша либеральная пресса.“ Могила не приняла еще тѣло Царственнаго Страдальца, а уже сколько фальши наговорено по поводу ужасающаго событія! Какая логика кромѣ логики обмана была бы въ состояніи обратить фактъ совершившагося цареубійства въ доказательство необходимости „либеральныхъ учрежденій.“ Аргументаторы даже не замѣчаютъ какую двусмысленную роль даютъ они „конституціонному движенію“ которому хотятъ сослужить службу. Одно изъ двухъ: если страшное преступленіе надлежитъ объяснять тѣмъ что не сдѣлано надлежащей уступки „движенію,“ то значитъ движенію этому слѣдуетъ приписать связь съ преступною шайкой то выступающею, то удаляемою въ норы. Или шайка эта есть мѣстное пораженіе, наростъ который надлежитъ вырвать съ корнемъ. Тогда при чемъ же тутъ конституція? Воровъ ловятъ отряжая стражу, пожаръ тушатъ привозя трубы. Съ ними „общественныхъ договоровъ“ не заключаютъ. Возстановить порядокъ, оградить спокойствіе, призвать людей власть имѣющихъ къ исполненію забытыхъ обязанностей, вотъ задача минуты.

№ 66.

Москва, 6-го марта.

А.

Эта шайка злоумышленниковъ которая, къ нашему позору, родилась, развилась и укрѣпилась среди насъ, обнаруживаетъ замѣчательный подъемъ духа. Нельзя не признать этого, да и можетъ ли быть иначе? Чѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ могущественнѣе, чѣмъ священнѣе та сила противъ которой они дѣйствуютъ, и дѣйствуютъ успѣшно, тѣмъ болѣе долженъ рости у нихъ духъ. Начало верховной власти въ Россіи священно и могущественно; оно быть-можетъ сильнѣе нынѣ чѣмъ когда-либо въ сердцѣ Русскаго народа. Но, къ несчастію Россіи и въ Бозѣ почившаго Императора, дѣйствіе этого начала ослабѣло, парализованное колеблющимся мнѣніемъ. Оно мнимо ослабѣло, но мнимая слабость есть также слабость. Что̀ мнѣ пользы что у меня здоровыя ноги и руки крѣпкія, если я нахожусь подъ обаяніемъ мысли что онѣ стеклянныя или что онѣ связаны, и что я не могу ими дѣйствовать? Мы всѣ страдаемъ мнѣніемъ не соотвѣтствующимъ истинѣ нашего дѣйствительнаго положенія и вносящимъ смуту и неправильность въ наши дѣла. Наши мысли вращаются въ мірѣ мнимаго, и мнимая слабость наша, выражаясь въ нашихъ дѣйствіяхъ, поднимаетъ безмѣрно духъ въ злоумышленникахъ. Презрѣнное и ничтожное становится силою, мнимою въ сущности, но тѣмъ не менѣе силою, которая растетъ воодушевляя покорныхъ ей людей. Еслибы злой умыселъ былъ направленъ на предметъ малый и незначительный, то и самъ онъ былъ бы малъ и незначителенъ. Но злой умыселъ съ которымъ мы боремся, либерально связавъ себя по рукамъ и ногамъ, направленъ противъ предмета великаго и священнаго, противъ начала которымъ держится бытіе нашего народа, величіе и будущность нашей Россіи. Какъ же злому умыслу не возрасти духомъ при одной возможности борьбы съ этою силою, а тѣмъ болѣе при

борьбѣ не безуспѣшной? Нельзя безъ трепета подумать о послѣдствіяхъ еслибъ и теперь, послѣ того что̀ совершилось, при начинающемся новомъ царствованіи, какое-либо дѣйствіе власти могло быть истолковано, хотя бы и ложно, въ смыслѣ ея слабости и неувѣренности въ себѣ!

Да положитъ Богъ на сердце Государю нашему только что вступившему на прародительскій престолъ, начать свое управленіе въ Москвѣ. Здѣсь, гдѣ собиралось наше государство и возносилась надъ всякою властью и утверждалась верховная власть, здѣсь, въ Кремлѣ, полномъ священныхъ преданій, призраки исчезнутъ, наважденіе прекратится и наше мнѣніе исцѣлится. Здѣсь иная нравственная атмосфера чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ господствуетъ по преимуществу больной мнѣніемъ нашъ офиціальный міръ, гдѣ зло родилось и питается, гдѣ оно главнымъ образомъ сосредоточено. Отсюда, и только отсюда, могутъ быть успѣшно приняты мѣры къ очищенію Русской земли отъ крамолы. Здѣсь только власть можетъ возымѣть свое полное и благотворное дѣйствіе которое всѣхъ успокоитъ, подниметъ поникшій въ народѣ духъ, оживитъ и укрѣпитъ все здравомыслящее и честное на Руси. Что̀ затѣмъ Богъ положитъ на сердце вѣнценосному Вождю русскаго народа, то въ Московскомъ Кремлѣ родится на свѣтъ неповрежденно и свято.

В.

Осмотръ мнимой сыроваренной лавки Кобозева произведенный „техникомъ" состоящимъ при петербургскомъ градоначальникѣ заставляетъ задуматься о многомъ.

Подкопъ на Малой Садовой съ цѣлью произвести взрывъ на пути Государя не первый опытъ покушеній этого рода. Если московскій подкопъ былъ поразительною неожиданностью, то нельзя того же сказать о настоящемъ случаѣ, которому предшествовало покушеніе Гартмана, подкопъ на южной дорогѣ и взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ! И между тѣмъ, послѣ всѣхъ этихъ предостереженій, на людной улицѣ въ столицѣ, почти на глазахъ у всѣхъ, удалось заложить цѣлую правильную мину, взрывъ которой произвелъ бы страшное опустошеніе. Не должна ли эта исторія придать новой дерзости революціонной шайкѣ какъ свидѣтельство крайней неумѣлости въ рядахъ тѣхъ на кого возложено ее изловить? Въ тревожное время,—ибо если публика могла убаюкивать себя газетными завѣреніями что все успокоилось и никакой шайки болѣе нѣтъ, такого пріятнаго сна не могла имѣть полиція, — когда съ разныхъ сторонъ приходили предувѣдомленія, были захвачены замѣтные дѣятели пропаганды, въ революціонномъ муравейникѣ слышалась бѣготня, въ такое время, несмотря на настояніе мѣстной полиціи, недостаетъ рѣшимости прямо войти въ подозрительную лавчонку гдѣ ничего не продается, но куда ежедневно шатаются какіе-то молодые люди, а требуется прибѣгнуть къ околесному пути и отправить съ любезнымъ визитомъ инженернаго генерала понавѣдаться у почтенныхъ обитателей, отъ имени санитарнаго комитета, не сыро ли у нихъ въ подвалѣ. Какъ будто только и есть двѣ системы: или дико накинуться на людей, безъ разбора хватая всякаго кто попадается подъ руку, или явиться съ либеральнымъ подобострастіемъ якобы европейскаго уваженія къ личности, спрашивая вора какъ ему угодно убѣжать. — Почему такъ любезно церемонились съ Кобозевымъ? Для какой надобности осматривали лавку подозрительнаго лица „подъ предлогомъ сырости помѣщенія?" Не ближе ли къ дѣлу было осмотрѣть ее прямо вслѣдствіе возбужденныхъ подозрѣній?.. Можно съ увѣренностью сказать что еслибы лавку осматривалъ частный приставъ, подкопъ или признаки работъ были бы обнаружены. Не учитъ ли насъ опытъ какъ опасно въ серіозныхъ случаяхъ связывать полицію? Почему благонадежный полицейскій чиновникъ не могъ бы произвести осмотръ въ серіозныхъ случаяхъ по собственной иниціативѣ, донося вмѣстѣ съ тѣмъ своему начальству для свѣдѣнія о начатыхъ уже мѣрахъ? И какая бѣда была бы для лавочника отъ простаго осмотра его лавки?

Сейчасъ получили мы извѣстіе что заложенная въ Малой Садовой мина по изслѣдованію оказалась верхомъ искусства, „послѣднимъ словомъ минной науки." Каковы у насъ недоучки!

№ 67.

Москва, 7-го марта.

Полученныя нами вчера и сегодня заграничныя газеты полны отзывовъ на потрясающее извѣстіе изъ Петербурга. Телеграфъ отчасти уже передалъ намъ единодушное выраженіе омерзенія и ужаса предъ неслыханнымъ злодѣяніемъ...

Какъ и слѣдовало ожидать, всего искреннѣе и чище ото всякой примѣси отозвались въ нѣкоторыхъ славянскихъ органахъ.

„Мы стоимъ," замѣчаетъ органъ старо-чешской партіи въ Прагѣ, газета *Politik*, „предъ столь ужасающимъ кровавымъ дѣломъ, какому не найдется равнаго въ лѣтописяхъ преступленій. Нельзя сомнѣваться что руки нигилистовъ бросили разрушительныя бомбы; но не служатъ ли нигилисты лишь слѣпымъ орудіемъ для иныхъ факторовъ? Каковы цѣли этихъ остальныхъ виновниковъ и каковы вѣроятія ихъ успѣха? Россія находится нынѣ предъ великими перемѣнами кои покрыты мракомъ; но ближайшіе дни можетъ-быть прольютъ хоть нѣкоторый свѣтъ. Не потому ли нигилисты такъ напрягли свои проклятыя усилія чтобъ устранить Императора что онъ повидимому считалъ своимъ долгомъ не отступать предъ всѣми ихъ устрашеніями и не жертвовать въ угоду имъ освященными временемъ преданіями самодержавной власти?" *Politik* убѣждена что революціонеры обманутся въ своихъ ожиданіяхъ, но что тѣмъ не менѣе судьбы Россіи должны измѣниться, и что рядомъ съ дѣйствительно необходимыми реформами внутри, измѣнятся и отношенія Россіи къ другимъ государствамъ.

Берлинскія газеты обсуждаютъ самый фактъ петербургскаго злодѣянія съ неменьшимъ жаромъ и негодованіемъ; но особеннаго вниманія заслуживаютъ высказанныя при этомъ политическія соображенія и „дальновидныя" выкладки. Уже прежде, при извѣстіяхъ о подвигахъ нашихъ революціонеровъ, берлинскія газеты, и въ особенности офиціозныя, пользовались случаемъ чтобы пустить въ ходъ намекъ противъ такъ-называемаго панславизма и установить какую-то связь между революціонерами и тѣмъ стремленіемъ которое желаетъ чтобы Россія была сама собою какъ во внутренней, такъ и во внѣшней ея политикѣ. Тѣ же намеки повторяются и нынѣ. „Въ политическихъ кругахъ рейхстага," читаемъ мы въ *Національной Газетѣ*, отъ 15 марта, „полагаютъ что мы находимся наканунѣ знаменательныхъ перемѣнъ; полагаютъ что царизмъ какъ онъ былъ до сихъ поръ и его связь съ Западомъ вообще и съ нѣмецкимъ элементомъ въ особенности будетъ главнымъ предметомъ этихъ перемѣнъ, и усиленіе московитизма, какъ выдающейся черты внутренней и внѣшней политики, считается неизбѣжнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію что въ этомъ смыслѣ будетъ производиться всестороннее давленіе на новое правительство, которому недостаетъ прежняго противовѣса этому давленію. Панславистская партія сочтетъ свое время наступившимъ и будетъ стараться, со свойственною ей настойчивостью, увлечь какъ можно далѣе правительство по своему пути."

Эти сужденія *Національная Газета* передаетъ какъ общее настроеніе политическихъ сферъ рейхстага. На другой день эта самая газета посвятила тому же предмету передовую статью, въ которой тѣ же идеи развиваются болѣе спокойнымъ тономъ и газета приходитъ къ заключенію что иного и нельзя ожидать. Русское правительство не можетъ не стать на почву строго-національной политики, и нѣтъ де надобности относиться непремѣнно враждебно къ ожидаемой самобытной политикѣ Россіи, при которой вполнѣ де возможно (съ чѣмъ мы вполнѣ согласны) найти способъ примиренія и согласованія взаимныхъ интересовъ.

Мы уже знаемъ по телеграфнымъ сообщеніямъ что французское законодательное собраніе выразило свою скорбь закрытіемъ засѣданія, причемъ г. Гамбетта сумѣлъ заглушить единичные голоса коммунаровъ засѣдающихъ въ палатѣ, которые не прочь были бы, съ высоты парламентской трибуны, высказать свое сочувствіе петербургскимъ цареубійцамъ. Руководящіе органы французской печати также высказались безо всякихъ оговорокъ и двусмысленныхъ инсинуацій. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ *Journal des Débats*, газета которая постоянно со времени послѣдней войны была такъ враждебна къ Россіи, резюмировала заслуги покойнаго Государя: „Онъ обезпечилъ преобладаніе славянскаго элемента въ своихъ владѣніяхъ подавивъ послѣднія усилія сопро-

тивленія со стороны Польши. Онъ слѣдовалъ по стопамъ своихъ предшественниковъ Петра Великаго и Екатерины Второй въ Черномъ Морѣ; онъ укрѣпилъ владычество Россіи въ Центральной Азіи; онъ даровалъ свободу русскимъ крестьянамъ. Всѣ эти заслуги обезпечиваютъ памяти Александра Втораго особое мѣсто въ ряду царей изъ Дома Романовыхъ.“

Сужденія руководящихъ органовъ англійской печати, кромѣ выраженій негодованія и соболѣзнованія, пока не представляютъ ничего особенно заслуживающаго вниманія. А между тѣмъ можно было ожидать что именно англійскія газеты обратятъ вниманіе на ту сторону вопроса о которой вся европейская печать умалчиваетъ и которая въ настоящее время составляетъ вопросъ не только чести, но и собственной безопасности для Англіи!

Неужели и теперь не поднимется энергическаго голоса противъ такъ-называемаго „права убѣжища,“ которое, къ стыду нашего „цивилизованнаго“ вѣка, продолжаютъ оказывать разныя страны Европы, преимущественно Англія и Швейцарія, шайкѣ злодѣевъ имеющей себя политическою партіей и открыто подготовляющей своихъ адептовъ и свои орудія убійства? Неужели еще мало доказательствъ что благодаря этой возмутительной привилегіи, обезпечивающей безнаказанность злѣйшимъ врагамъ всякаго общества, дающей имъ въ руки всѣ усовершенствованные способы разрушенія и облегчающей имъ возможность быстраго передвиженія, только и стали возможными эти злодѣянія, безпримѣрныя въ исторіи?

До сихъ поръ Англія упорно отказывалась принять участіе въ какомъ бы то ни было международномъ соглашеніи для преслѣдованія политическихъ убійцъ. Гартманнъ пойманный во Франціи и избѣжавшій правосудія не потому чтобы выдача была противна законамъ Французской республики, а лишь потому что правительство малодушно отступило предъ возгласами революціонной черни и позорно измѣнило первому побужденію внушенному чувствомъ справедливости,—этотъ самый Гартманнъ, отрицавшій въ Парижѣ свою тождественность дабы дать французскимъ властямъ благовидный предлогъ къ его освобожденію, переѣхалъ въ Лондонъ и тамъ уже ничего не скрывалъ, а напротивъ нагло и открыто сознался въ своемъ злодѣяніи, и послѣ того пользовался англійскимъ гостепріимствомъ.

Припомнимъ что еще въ началѣ этого столѣтія, по настояніямъ Англіи, всѣ державы цивилизованнаго міра охотно согласились признать торговлю неграми преступленіемъ международнымъ, обличеніе котораго, равно какъ и кара, принадлежатъ всѣмъ государствамъ примкнувшимъ къ соглашенію. Неужели злодѣи прибѣгающіе къ динамиту чтобы потрясти основы общества лучше торговцевъ черными невольниками?

№ 69.

Москва, 9-го марта.

А.

Чувство скорби можетъ разрѣшаться только молитвой. Нѣтъ мѣста въ Россіи которое вызывало бы въ каждомъ русскомъ человѣкѣ такое тяжкое чувство скорби какъ то гдѣ пролита злодѣйскими руками священная кровь Царя-Освободителя. Этому мѣсту подобаетъ быть отнынѣ мѣстомъ молитвенныхъ собраній. Ему не можетъ быть дано иного назначенія, и сооруженіе храма на мѣстѣ гдѣ совершилось ужасное событіе 1 марта есть уже дѣло рѣшеное. Но не объ одной мученической кончинѣ долженъ свидѣтельствовать памятникъ воздвигнутый на мѣстѣ гдѣ пролилась царственная кровь. Желательно чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служилъ постояннымъ видимымъ напоминаніемъ о человѣколюбіи которое было отличительною чертой почившаго Монарха во всю Его жизнь и въ послѣднія ея минуты. Въ краткій промежутокъ времени между взрывами двухъ бомбъ, изъ которыхъ вторая пресѣкла Его дни, въ минуты когда человѣку такъ естественно думать только о самосохраненіи, предметомъ Его мыслей и заботъ были люди пострадавшіе отъ перваго взрыва. Эти заботы задержали Его на мѣстѣ, несмотря на настойчивыя представленія окружавшихъ скорѣе удалиться. Не будь этихъ любвеобильныхъ заботъ, злодѣйскія руки, можетъ-быть, не успѣли бы бросить вторую, роковую бомбу. Чѣмъ лучше и достойнѣе могла бы быть увѣковѣчена память о семъ если не сооруженіемъ вблизи храма который имѣетъ быть воздвигнутъ на мѣстѣ

событія 1 марта, или въ связи съ этимъ храмомъ, зданія которое было бы посвящено призрѣнію раненыхъ? Эта мысль была выражена въ доставленномъ намъ заявленіи, которое мы съ полнымъ сочувствіемъ напечатали въ № 67 *Московскихъ Вѣдомостей*, и въ тотъ же день уже было положено начало пожертвованіямъ на осуществленіе этой мысли.

Почившій въ Бозѣ Великій Монархъ не нуждается въ памятникахъ. Его памятникъ — длинный рядъ совершенныхъ имъ великихъ дѣлъ и благодѣяній которыми щедро осыпалъ Онъ свой народъ и не одинъ только свой народъ. Но народное чувство, благоговѣйная память которую оставилъ Онъ по себѣ въ сердцахъ всѣхъ Русскихъ людей неудержимо требуетъ внѣшняго выраженія. Это чувство не можетъ быть удовлетворено увѣковѣченіемъ памяти одной скорби о событіи прервавшемъ жизнь и дѣятельность Монарха преобразившаго всю страну, весь народъ, не можетъ быть удовлетворено сооруженіемъ памятника лишь на томъ мѣстѣ гдѣ совершилось безпримѣрное въ исторіи цареубійство. Должна быть увѣковѣчена благодарность народа усопшему Императору за все имъ сдѣланное, за всю Его жизнь. Мысль воздвигнуть народный памятникъ Ему не въ Петербургѣ, гдѣ онъ принялъ мученическій вѣнецъ, а въ мѣстѣ его рожденія и коронованія, въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, среди руской святыни, все болѣе становится общею мыслію. О сооруженіи народнаго памятника Императору Александру Второму единогласно ходатайствуетъ все Московское земство. О томъ же единогласно ходатайствуетъ Москва, въ лицѣ своей Думы, уже отчислившая на сооруженіе памятника сто тысячъ рублей изъ городскихъ суммъ. Десяти минутъ было довольно чтобы подписка на этотъ предметъ только въ тѣсномъ кругу гласныхъ Думы доставила сверхъ того еще до сорока тысячъ рублей. Но рѣчь идетъ о памятникѣ который долженъ быть сооруженъ въ Москвѣ, но не Москвою только, а всею землею Русскою...

Б.

Первоначальное христіанство, въ годины гоненій, и наша древняя Русь, во время великихъ народныхъ бѣдствій, голода и повальныхъ болѣзней, устанавливали постъ и молитву. Обычаи древности не по плечу нашему разслабленному времени, но глубокая мысль лежащая въ постѣ и покаяніи не теряетъ силы и нынѣ. Не хотѣли по доброй волѣ, такъ подъ ударами должны мы очнуться, отрезвиться, самоуглубиться, сознать причины нашихъ несчастій чтобы возродиться нравственно. Не сдѣлаемъ этого теперь, тѣмъ хуже для насъ, тяжеле будетъ расплата въ послѣдствіи, а ея не избѣжать, таковъ непреложный законъ Божіей правды. Не будемъ самообольщаться, не будемъ сваливать всю вину на ничтожную кучку ошалѣлыхъ мальчишекъ; виноваты они, но еще болѣе виноваты мы. Мальчишки эти наши дѣти, и не только по плоти, но и по духу, и что̀ бы мы ни говорили, намъ не отвертѣться отъ правдиваго укора. Мы вскормили эту среду, среди насъ она взросла, мы ее поддержали нашею дешевою насмѣшкой, легкомысленнымъ, дѣтскимъ отношеніемъ ко всѣмъ основамъ общественной жизни; мы сами въ ослѣпленіи помогали расшатывать одинъ за другимъ всѣ нравственные и историческіе устои общежитія. Говорили ли мы съ нашими дѣтьми языкомъ правдивымъ, искреннимъ, твердымъ, какъ прилично взрослымъ, опытнымъ людямъ? Были ли мы авторитетными руководителями нашей молодежи? Къ стыду нашему должно признаться что мы оставили нашхъ дѣтей на произволъ всякихъ вѣяній и нашимъ молчаніемъ давали этимъ вздорнымъ вѣяніямъ укореняться; хуже того: мы часто лицемѣрно одобряли нелѣпости, гаерствовали заодно съ мальчишками, рукоплескали нравственной и умственной разнузданности. Могли ли мы при такомъ положеніи сохранить свой законный авторитетъ? Естественно нѣтъ; мы выпустили его изъ рукъ, и онъ перешелъ къ болтунамъ, фразерамъ, яко бы несущимъ намъ послѣднее слово науки и прогресса; и чѣмъ менѣе смысла и нравственнаго достоинства имѣло это слово, тѣмъ казалось оно истиннѣе, патентованнѣе. Гоняясь за разными видами либерализма, не понимая сущности свободы, мы попали въ рабство и притомъ въ самый худшій изъ видовъ его — въ духовное рабство со всѣми его послѣдствіями. Оно развило въ насъ присущіе ему пороки: трусливость, лицемѣрную угодливость, безхарактерность. Прежде чѣмъ высказаться мы справляемся мысленно подходитъ ли то что̀ хотимъ сказать подъ камертонъ того или другаго болтуна. Мы потеряли естествен-

ность и самостоятельность, мы перестали быть самими собою. Сколько лганья, сколько лицемѣрія накопилось въ насъ! Дошло до того что люди стыдятся лучшихъ своихъ чувствъ, и если эти чувства проскальзываютъ въ нихъ по неизбѣжной потребности натуры, торопятся какъ можно скорѣе задушить это отсталое, несовременное проявленіе. Да послужитъ же испытанный ударъ къ очищенію нашей нравственной атмосферы. Вспомнимъ какой великой трудности задачи стоятъ предъ нами. Проникнемся же, наконецъ, сознаніемъ что серіозныя задачи требуютъ серіозныхъ людей для своего разрѣшенія. Трудное дѣло могутъ поднять и нести лишь сильные люди, люди дѣла, а не фразы...

№ 70.

Москва, 10-го марта.

Послѣ первыхъ заявленій ужаса и негодованія по поводу петербургскаго злодѣянія, болѣе или менѣе искреннихъ, а иногда и лицемѣрныхъ, заграничная печать предалась самымъ разнообразнымъ толкамъ о томъ какихъ перемѣнъ слѣдуетъ ожидать въ политикѣ въ виду восшествія на Россійскій престолъ новаго Государя. Мы еще не знаемъ какія сужденія вызвало офиціальное заявленіе по этому предмету Россійскаго кабинета, изложенное въ циркулярной нотѣ статсъ-секретаря Гирса къ представителямъ Россіи за границей отъ 4-го марта. Петербургскій корреспондентъ *Journal des Débats* повидимому зналъ заранѣе содержаніе этого циркуляра, ибо еще 5-го (17-го) марта, то-есть наканунѣ обнародованія циркуляра, въ названной газетѣ появилось сообщеніе изъ Петербурга слѣдующаго содержанія: „Все указываетъ на то что Императоръ Александръ III будетъ слѣдовать во всемъ принципамъ политики Своего Родителя и будетъ соблюдать миръ и согласіе со всѣми европейскими державами. Внутренніе вопросы будутъ поглощать все вниманіе Россіи, и она, безъ сомнѣнія, не будетъ стремиться къ рискованнымъ внѣшнимъ предпріятіямъ.“ Это сообщеніе было немедленно передано по телеграфу изъ Парижа въ Берлинъ; но берлинскія газеты удовольствовались простою перепечаткой онаго, очевидно не предполагая чтобы французская газета, да къ тому еще до послѣдняго времени враждебная Россіи, могла имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о политической программѣ Русскаго правительства.

Не лишены, впрочемъ, интереса и сужденія какія высказывались такъ-сказать наугадъ, прежде нежели упомянутый циркуляръ далъ этимъ сужденіямъ опредѣленную точку опоры. Въ этомъ отношеніи нельзя не обратить прежде всего вниманія на замѣтку появившуюся еще 4-го (16-го) марта въ берлинской *Провинціальной Корреспонденціи*. Къ крайнему удивленію, мы и тутъ встрѣчаемъ омерзительный намекъ на солидарность существующую будто бы между русскими революціонерами и сторонниками національной русской политики. При Императорѣ Александрѣ II, такъ разсуждаетъ полуофиціальная газета, между Россіей и Германіей существовали тѣсныя дружественныя отношенія. Эти отношенія послужили де основой и тому сближенію, которое, послѣ великихъ событій шестидесятыхъ годовъ, установилось между Германіей и Австріей, вслѣдствіе чего образовался Союзъ Трехъ Императоровъ, союзъ служившій главною точкой опоры для всей совокупности европейской политики. „Императоръ Александръ,“ сказано далѣе въ цитуемой газетѣ, „умѣлъ противостоять революціонному броженію, которое и въ этомъ отношеніи проникало Его народъ и старалось отвлечь Его отъ указанной мирной политики; Онъ умѣлъ пресѣкать эти поползновенія. Пожелаемъ Его Преемнику чтобъ и Ему удалось въ такой же мѣрѣ усмирить необузданныя силы стремящіяся толкнуть Россію на путь рискованныхъ предпріятій.“ *Провинціальная Корреспонденція* привѣтствуетъ новаго Императора „въ надеждѣ что Онъ оправдаетъ эти ожиданія и сумѣетъ познать цѣну серіозной дружбы съ Германіей.“ Такимъ образомъ, изъ словъ газеты какъ бы выходитъ что дружба Германіи можетъ быть куплена только цѣною отреченія Россіи отъ собственной національной политики, которая выставляется революціонною.

Берлинскія газеты обратили особенное вниманіе на эту замѣтку и придали ей важное политическое значеніе. Въ то же время берлинская печать очень внимательно слѣдила за всѣмъ что̀ по поводу петербургскаго событія высказывалось во Франціи и видимо старалась отыскивать заднюю мысль во всѣхъ заявленіяхъ сочувствія къ

Россіи и къ усопшему Государю и негодованія вызваннаго цареубійствомъ, заявленіяхъ, которыя во Франціи дѣлались съ бо́льшимъ жаромъ нежели во всей остальной Европѣ. Нѣмецкимъ газетамъ желательно убѣдить всѣхъ въ томъ что Французы въ душѣ радуются тому что́ совершилось, въ надеждѣ что Россія окажетъ имъ дѣятельную поддержку при отместкѣ Германіи. Такое явно-тенденціозное толкованіе нѣмецкихъ газетъ есть само по себѣ фактъ знаменательный, какъ доказательство ихъ неувѣренности въ будущемъ. Не будемъ вдаваться въ изслѣдованіе искренности французскихъ сочувственныхъ и скорбныхъ заявленій; замѣтимъ только что они во всякомъ случаѣ лучше совсѣмъ уже недвусмысленнаго скандала приключившагося въ Австрійскомъ рейхсратѣ, гдѣ Поляки, составляющіе нынѣ господствующую партію, открыто воспротивились заявленію сочувствія Россіи, такъ что парламентъ державы, дружба коей къ Россіи была, по словамъ *Провинціальной Корреспонденціи*, однимъ изъ фундаментовъ европейской политики, оказался единственнымъ изъ европейскихъ парламентовъ который воздержался отъ сочувственнаго Россіи заявленія.

Французскіе публицисты, съ своей стороны, не остаются въ долгу предъ толкованіями германской печати. Вотъ что́, между прочимъ, пишетъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ публицистовъ Франціи, г. Эмиль Жирарденъ, въ своей газетѣ *France:*

„Въ европейскомъ политическомъ положеніи,“ разсуждаетъ г. Эмиль Жирарденъ: „произошла со вчерашняго дня огромная перемѣна. Это долженъ былъ почувствовать каждый въ комъ живетъ убѣжденіе что король Пруссіи, безъ увѣренности въ исключительномъ расположеніи къ нему покойнаго Императора, не рискнулъ бы предпринять войну 1870 года противъ Франціи, которая въ то время имѣла основаніе разсчитывать на союзъ Австріи и Италіи. Князь Бисмаркъ будетъ, безъ сомнѣнія, и впредь потрясать своимъ тяжелымъ мечомъ; но ему не такъ легко будетъ безнаказанно обнажить его. Ни Россія, ни Австрія не заблуждаются насчетъ угрожающихъ имъ поползновеній Германіи, и опасность висящая надъ ними дѣлаетъ изъ нихъ обѣихъ естественныхъ союзниковъ Франціи, которая не повторитъ прежней ошибки. Настало время когда Франція должна обзавестись своимъ канцлеромъ, который былъ бы въ состояніи предвидѣть и отпарировать удары князя Бисмарка, уже не имѣющаго основаній разчитывать на поддержку Императора Всероссійскаго. Нельзя допустить чтобъ Императоръ Александръ III забылъ чьи руки испещрили помарками Санъ-Стефанскій договоръ до такой степени что онъ сталъ не узнаваемъ.“

Таковы толки французской и германской печати. Они свидѣтельствуютъ что во всякомъ случаѣ дружба Германіи можетъ быть пріобрѣтена и не такою цѣной какъ отреченіе отъ національной политики, рекомендуемое *Провинціальною Корреспонденціей*.

№ 71.

Москва, 11-го марта.

Новость дня—вступленіе въ должность новаго петербургскаго градоначальника генералъ-майора Баранова и данный имъ при этомъ приказъ по ввѣренному ему вѣдомству. Имя новаго петербургскаго градоначальника достаточно извѣстно: оно связано съ блестящими геройскими подвигами русскихъ моряковъ на Черномъ Морѣ въ минувшую войну; оно связано также съ происходившимъ въ Петербургѣ въ концѣ 1879 года судебнымъ процессомъ, когда Н. М. Барановъ добровольно сѣлъ на скамью подсудимыхъ и подвергся всѣмъ послѣдствіямъ судебнаго приговора, лишь бы отстоять честь русскаго флага отъ сдѣланныхъ при административной поддержкѣ попытокъ бросить тѣнь на одно изъ славнѣйшихъ дѣлъ минувшей войны. Приказъ съ которымъ новый градоначальникъ обратился къ своимъ подчиненнымъ носитъ на себѣ тотъ же характеръ прямоты и энергіи какимъ отличалась и его прежняя дѣятельность. Онъ произвелъ не малое впечатлѣніе. Читается и комментируется въ особенности слѣдующее мѣсто приказа: „Въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства каждый изъ служащихъ можетъ обращаться ко мнѣ лично или письменно, не стѣсняясь ни формой одежды, ни временемъ дня или ночи, ни формой и порядками письменныхъ оношеній. Въ чрезвычайныхъ же случаяхъ вызывающихъ безотлагательную необходимость принятія

дѣйствительныхъ мѣръ къ предупрежденію несчастныхъ послѣдствій, каждый изъ служащихъ обязанъ принимать, по долгу совѣсти и службы, всѣ указываемыя обстоятельствами мѣры, хотя бы при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ онѣ и выходили изъ предѣловъ предоставленныхъ ему дѣйствующими инструкціями полномочій."

Пожелаемъ полнаго успѣха новому градоначальнику въ предстоящей ему трудной задачѣ. Факты обнаружившіеся въ послѣдніе скорбные дни свидѣтельствуютъ до какой степени формализмъ внѣдрился во всѣ отправленія нашей администраціи. Бѣдственной катастрофѣ 1 марта предшествовали предувѣдомленія о готовящемся адскомъ покушеніи. Въ этихъ предувѣдомленіяхъ указывались самыя мѣстности гдѣ должно было ожидать исполненія злодѣйскихъ замысловъ. Рядъ предшествовавшихъ покушеній на жизнь въ Бозѣ почившаго Царя-Освободителя указывалъ чего можно опасаться, на что̀ способны подпольные изверги. Что̀ же, чѣмъ ознаменовалъ себя при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ полицейскій надзоръ?

Отвѣтъ даетъ позорная исторія адской мины заложенной на Малой Садовой, обычномъ пути проѣзда изъ Инженернаго За̀мка, гдѣ производятся разводы въ Высочайшемъ присутствіи, въ Зимній Дворецъ, то-есть на томъ самомъ пути который указывался въ упомянутыхъ предувѣдомленіяхъ. Сырная лавка, изъ которой велся подкопъ, давно уже признана была полиціей подозрительною и требующею осмотра. Но сколько было колебаній прежде чѣмъ на этотъ осмотръ отважились, сколько формальныхъ сношеній по инстанціямъ ему предшествовало, съ какимъ либеральнымъ формализмомъ былъ онъ произведенъ. Изо всего что̀ извѣстно касательно подкопа на Малой Садовой явствуетъ что несомнѣнные признаки его должны были броситься въ глаза при мало-мальски серіозномъ, дѣльномъ, а не формальномъ только осмотрѣ. Но тѣмъ осмотромъ какой былъ произведенъ 28 февраля ничего обнаружено не было.

Кто виновенъ въ такомъ результатѣ осмотра? Въ газетахъ пишутъ что производившій его техникъ оправдывается въ неудачѣ тѣмъ что онъ „хотѣлъ произвести осмотръ деликатно." Съ другой стороны, разказываютъ что главнымъ дѣятелемъ этого осмотра былъ не техникъ, а полицейскій приставъ со своимъ помощникомъ, причемъ присутствіе техника требовалось только для замаскированія характера и цѣли осмотра; что будто бы послѣ осмотра техникъ хотѣлъ ѣхать къ бывшему градоначальнику съ цѣлію донести что хотя въ сырной лавкѣ ничего подозрительнаго не найдено, но самая личность сыроторговца кажется ему подозрительною, однако не поѣхалъ будучи удержанъ отъ этого приставомъ вызвавшимся донести объ этомъ отъ себя. Сколько правды во всемъ этомъ, неизвѣстно; да и на тѣхъ ли только кто принималъ непосредственное участіе въ осмотрѣ падаетъ тутъ отвѣтственность? Это должно выяснить назначенное графомъ Лорисъ-Меликовымъ и возложенное на его товарища генералъ-майора Черевина „строгое дознаніе для выясненія вопроса о виновности лицъ на обязанности коихъ лежало наблюденіе за безопасностью Высочайшаго проѣзда по Малой Садовой улицѣ."

Назначеніемъ этого дознанія сдѣланъ шагъ къ удовлетворенію общихъ ожиданій. Но эти ожиданія будутъ дѣйствительно удовлетворенны лишь въ такомъ случаѣ если дознаніе будетъ дѣйствительно строгимъ и не ограничится обслѣдованіемъ полицейской небрежности на одной только Малой Садовой, а распространится на изслѣдованіе дѣйствій всѣхъ лицъ на которыхъ лежала прямая обязанность охранять особу въ Бозѣ почившаго Монарха. Все ли было сдѣлано для предупрежденія страшнаго событія 1 марта, на одной ли только Малой Садовой оказалось упущеніе въ полицейской охранѣ, или же полицейская охрана вообще была и на этотъ разъ такою же формальною какъ и при прежнихъ покушеніяхъ на жизнь возлюбленнаго усопшаго Государя, когда Онъ оставался невредимымъ, но только потому что Богъ и Одинъ только Богъ охранялъ Его? Не будь этихъ упущеній, Царь-Благодѣтель Россіи можетъ-быть не принялъ бы своего мученическаго вѣнца, не лежалъ бы нынѣ во гробѣ... Изслѣдованіе такихъ упущеній нужнѣе даже суда надъ прямыми и косвенными участниками въ самомъ злодѣяніи цареубійства. Послѣ каждаго звѣрскаго подвига негодяевъ служащихъ орудіями адской крамолы, назначались слѣдствія надъ ними, происходилъ судъ со всею формальностью его обстановки. Но къ чему все это привело насъ?

Не одна петербургская полиція нуждается въ напоминаніи, которое сдѣлано ей новымъ градоначальникомъ, что „всякое дѣло можетъ быть удовлетворительно исполнено только при томъ условіи если исполнители относятся къ нему вполнѣ честно, сознательно, разумно, не ограничиваясь одною формальною стороной дѣла.“ Такое напоминаніе нужно для всей нашей администраціи, во всѣхъ ея отрасляхъ. Но будетъ ли дѣйствительно одно только словесное напоминаніе, и мало ли было такихъ напоминаній? Нужно не просто напоминаніе, нуженъ строгій урокъ. Требуется чтобы въ сердцѣ каждаго было не только сознаніе своего долга, но и страхъ за его неисполненіе.

Государственная служба несется у насъ слишкомъ формально. Совершается служеніе не дѣлу, а его призраку выраженному въ бюрократическихъ инструкціяхъ. Какъ бы ни требовалось исключительными обстоятельствами чтобы было сдѣлано шагомъ болѣе чѣмъ предписываетъ инструкція, этого шага не дѣлается, изъ опасенія отвѣтственности, и въ то же время никто не страшится отвѣтственности за самое дѣло за его неуспѣхъ, за его гибель. Можетъ ли это быть терпимо при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, и особенно при нынѣ существующихъ? Неужели въ виду страшнаго поразившаго Россію удара можетъ быть сомнѣніе въ томъ что пора наконецъ поставить отвѣтственность за дѣло далеко впереди отвѣтственности за нарушеніе формы, что сонная, мертвенная администрація должна смѣниться бодрою и живою?

№ 72.

Москва, 12-го марта.

А.

Безпрерывно, отъ ранняго утра до поздняго вечера, толпы народныя въ Петербургѣ идутъ и идутъ нескончаемою вереницей къ мѣсту ознаменованному мученическою смертью Русскаго Царя, павшаго отъ измѣннической руки направленной заклятыми врагами его народа.

На мѣстѣ *крови* обыденно устроена часовня изъ зелени, безпрерывно наполняемая приносимыми цвѣтами и вѣнками; въ часовнѣ икона Богоматери. Почти двѣ недѣли прошло со дня событія, а потокъ народный не прерывается, не слабѣетъ. Тысячи идутъ и идутъ, люди всѣхъ сословій и возрастовъ, матери съ грудными младенцами. Въ толпѣ предъ часовней слышатся слова молитвы и рыданія.

А въ это самое время, поодаль воины либерализма *объ одеждѣ его мечутъ жребій*...

Очувствуются ли они, образумятся ли эти лжелибералы, окажется ли въ нихъ достаточно честности и гражданскаго мужества чтобы возвыситься и надъ самолюбіемъ, и надъ ходячимъ обманомъ, и проклясть то что̀ они зовутъ „либерализмомъ,“ и что̀ по-русски зовется звонкимъ словомъ „измѣна,“—измѣна своему народу, а затѣмъ, волею или неволею, и всему остальному...

Въ нашемъ образованномъ обществѣ первый признакъ человѣка политически незрѣлаго и *mente capti* есть мысль о либерализмѣ и консерватизмѣ какъ двухъ партіяхъ въ Россіи. За то первымъ признакомъ ума стряхнувшаго съ себя обманъ будетъ отреченіе отъ этого фальшиваго дѣленія, навязавшагося намъ со стороны и отуманившаго насъ. Оно внесло въ наши умы первую смуту, изъ которой, одно за другимъ, возрастая числомъ и размѣрами, выходятъ всѣ наши гибельныя недоразумѣнія.

Такъ какъ мы жить своимъ умомъ не привыкли, и не привыкли отдавать себѣ самостоятельный отчетъ въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, и такъ какъ мы не можемъ обойтись безъ того чтобы не смотрѣть по сторонамъ и не приравниваться къ чужимъ образцамъ, то не худо нашимъ такъ-называемымъ либераламъ и консерваторамъ оглянуться на страну гдѣ политическія партіи выходятъ на чистоту и очерчиваются съ особенною яркостію.

Въ странѣ во многомъ глубоко не сходной съ нами, но также великой и смотрящей въ будущее, въ Сѣверной Америкѣ нѣтъ и помину о партіяхъ либеральной и консервативной въ политическомъ смыслѣ. За то тамъ есть двѣ партіи которыя постоянно и открыто борются между собой. Въ первой вся центростремительная сила государства, которою зиждется его единство и держится его цѣлость, патріотическій духъ и національное чувство: это партія государственная, которая въ Америкѣ зовется республиканскою. Другая предста-

вляетъ собою движеніе центробѣжное, партія расторженія и разложенія, которая отъ этапа къ этапу влечетъ людей къ измѣнѣ и бунту; она зовется въ Америкѣ демократическою партіей. Всѣмъ извѣстно, въ которой изъ этихъ двухъ партій великой заатлантической страны присутствуетъ духъ жизни и свободы, и которая, напротивъ, была оплотомъ рабства. Духъ космополитизма, нечистый духъ политической безнравственности, расторженія и разложенія, вотъ что роднитъ нашихъ либераловъ съ антинаціональною партіей въ Сѣверной Америкѣ и въ чемъ не уступятъ имъ и такъ-называемые наши консерваторы, которые забыли свой народъ и ратуютъ лишь за отвлеченные принципы.

Въ Россіи государственную партію составляетъ весь Русскій народъ. Гнилой либерализмъ и гнилой консерватизмъ оказываются только въ нашемъ гниломъ космополитическомъ и поверхностномъ образованіи. Въ годину опасности и великихъ событій, когда могущественно поднимается въ сердцахъ народное чувство, гниль исчезаетъ, умы оживляются, и все противугосударственное, все противународное, и всякая политическая безнравственность и предательство съ трепетомъ прячутся въ свои норы. Все по истинѣ великое и плодотворное зачинается въ эти минуты пробужденія народнаго духа. И вотъ въ виду опасности грозящей намъ страшными смутами, въ виду совершившагося безпримѣрнаго злодѣянія, въ виду этого наругательства надъ нашимъ народомъ, этого предательства вступившаго въ союзъ съ анархіей,—неужели въ насъ не пробудится во всемъ своемъ могуществѣ русскій народный духъ? Неужели не пора исчезнуть всякимъ партіямъ на Руси, кромѣ той которая едино съ Русскимъ народомъ?

Б.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* (отъ 21 марта) находимъ слѣдующую статью, которая замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ тѣмъ что было высказано нами за недѣлю предъ симъ, въ № 65 *Московскихъ Вѣдомостей*, и мѣтко характеризующую услуги нашей такъ-называемой либеральной печати. Статья начинается выдержками изъ *Часа*, *Газеты Народовой* и *Познанскаго Дневника*. Затѣмъ, органъ князя Бисмарка говоритъ отъ себя:

„Во всѣхъ предыдущихъ выдержкахъ представляются сужденія трехъ различныхъ партій: въ *Часѣ*—бѣлой или аристократической, въ *Дневникѣ Познанскомъ*—демократической въ Познани, въ *Газетѣ Народовой* крайней демократической въ Галиціи. Всѣ партіи сходятся однако въ одномъ, всѣ одинаково указываютъ на противоположность между Поляками и Русскими, выставляютъ нигилизмъ разразившійся цареубійствомъ какъ нѣчто специфически-русское, съ чѣмъ Поляки не имѣютъ де никакой связи. Но кто припомнитъ и хронологически сопоставитъ исторію возникновенія нигилизма, какъ она выяснилась въ нѣсколькихъ крупныхъ процессахъ съ одной, и польское возстаніе 1863 года, постепенно раскрывшееся во всѣхъ подробностяхъ, съ другой,—тотъ придетъ къ заключенію что Поляки вовсе не такъ неповинны въ послѣднемъ ходѣ событій въ Россіи. При возстаніи 1863 года, Поляки выказали такую виртуозность въ искусствѣ заговоровъ и въ организаціи тайнаго, всю страну опутывающаго правительства, что далеко превзошли въ этомъ своихъ учителей, карбонаровъ. Въ Россіи, гдѣ дворцовые заговоры постоянно ограничивались лишь тѣснымъ кругомъ, и гдѣ въ 1826 году окончательно исчезли занесенныя возвратившимися изъ Франціи въ 1818 году оккупаціонными войсками ложи,—въ Россіи тайныя, раскинутыя по всей общества, изъ коихъ вышли нигилистическія покушенія, появляются впервые только въ 1872 году... Въ большинствѣ, конечно, Поляки рѣшаются идти въ заговоръ только подъ давленіемъ террора подобнаго тому который практиковался въ 1863 году жандармами-вѣшателями, но съ другой стороны нѣтъ націи въ которой извѣстный классъ обладалъ бы такими способностями заговорщиковъ и видѣлъ бы въ этомъ такъ сказать препровожденіе времени, своего рода спортъ, какъ Поляки. Значительная часть Поляковъ не знала бы чѣмъ заняться еслибы не было заговоровъ; у Русскихъ, напротивъ, способность и расположеніе къ этому далеко меньшая. Поэтому-то интеллектуальныхъ зачинщиковъ и подпольныхъ руководителей въ бунтѣ противъ русской власти должно искать между Поляками, кои одновременно видятъ въ этомъ и удовлетвореніе своихъ

склонностей и думають содѣйствовать такимъ образомъ осуществленію своихъ національныхъ плановъ въ будущемъ. За это говоритъ и то обстоятельство что во главѣ оппозиціонной печати стоитъ *Голосъ*, выходящій подъ русскимъ именемъ, но издаваемый Полякомъ…“

Слѣдуетъ сдѣлать поправку. Г. Краевскій не Полякъ, но газета его дѣятельно служитъ органомъ антирусскаго направленія. Впрочемъ, кромѣ *Голоса*, въ Петербургѣ выходятъ и чисто-польскія (въ дурномъ смыслѣ) газеты, совершенно съ *Голосомъ* солидарныя. Подъ видомъ услугъ правительству, а отнюдь не оппозиціи, всѣ польскіе органы Петербурга слывущіе „либеральными“ въ глазахъ Панургова стада продолжаютъ морочить русскую публику и издѣваться надъ Русскимъ народомъ… А въ Петербургѣ совсѣмъ не замѣчаютъ того что̀ ясно видно даже изъ Берлина!

№ 73.

Москва, 13-го марта.

Вопросъ о международномъ соглашеніи противъ революціонной пропаганды и для преслѣдованія шайки убійцъ именующей себя политическою партіей сталъ наконецъ очереднымъ вопросомъ въ европейской политикѣ. Заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, публичное заявленіе германскаго посла въ Лондонѣ, графа Мюнстера, на банкетѣ общества вспоможенія нуждающимся иностранцамъ, о которомъ извѣстилъ насъ вчера телеграфъ. Графъ Мюнстеръ выразилъ надежду „что честные люди всѣхъ странъ подадутъ другъ другу руку для истребленія гидры порождающей дѣла подобныя петербургскому злодѣянію, равно какъ для того чтобы, по мѣрѣ силъ каждаго, содѣйствовать поддержанію общественной нравственности и христіанскихъ началъ.“ Сознаніе необходимости такого международнаго единенія проникло повидимому и въ англійскую печать, но не столько вслѣдствіе ужасающаго событія въ Россіи сколько въ виду обнаруженнаго на дняхъ покушенія взорвать на воздухъ резиденцію лондонскаго лордъ-мера. Вотъ, наконецъ, и Англіи пришла пора подумать о собственной безопасности. На первыхъ порахъ нѣкоторыя газеты, какъ въ Лондонѣ такъ и въ Берлинѣ, поспѣшили выразить мысль что какъ ни гнусны дѣянія русскихъ нигилистовъ, Европѣ нечего опасаться подобныхъ мерзостей внѣ предѣловъ Россіи, такъ какъ между русскими нигилистами и западными соціалистами-революціонерами есть де большое различіе: нигилисты дѣйствуютъ подъ вліяніемъ безсмысленнаго озлобленія, стремящагося къ убійству и разрушенію безо всякой опредѣленной цѣли, не думая о послѣдствіяхъ. Но вотъ подъ однимъ изъ оконъ Маншнъ-Гауса подложена адская машина, взрывъ которой былъ предотвращенъ лишь благодаря мужеству и присутствію духа одного полицейскаго. Этотъ взрывъ стоилъ бы жизни многимъ людямъ спокойно работавшимъ по близости. Кому принадлежитъ этотъ замыселъ, и съ какою цѣлью былъ онъ задуманъ? Лондонскій лордъ-меръ не играетъ политической роли, и если это есть дѣло ирландскихъ заговорщиковъ борющихся тѣми же средствами тайнаго убійства что и прочіе революціонеры нашего времени, то какая могла быть надобность направить адскій замыселъ противъ главы лондонскаго муниципалитета, чья политическая роль ограничивается банкетами которые онъ по временамъ даетъ министрамъ и прочимъ именитымъ особамъ? Вспомнили при этомъ что еще весьма недавно подобное же „безсмысленное“ покушеніе было обнаружено въ Сальфордѣ, гдѣ неизвѣстные злоумышленники пытались взорвать динамитомъ таможнюю казарму. И вотъ призадумались недавніе ярые защитники „священнаго права убѣжища“ коимъ кичились англійскіе теоретики либерализма, фарисейски прикрывавшаго коварство политики Англіи. *Daily News*, газета радикальная, пришла наконецъ къ убѣжденію что англійское пристанодержательство не безопасно для самой Англіи. „Въ англійской жизни,“ замѣчаетъ названная газета, „сталъ проявляться въ недавнее время новый и зловѣщій элементъ.“ Революціонная пропаганда и слѣпая злоба ученія проповѣдующаго разрушеніе для разрушенія возымѣли де свое пагубное дѣйствіе и въ Англіи. Члены партіи разрушителей издавна находили безопасное убѣжище въ Англіи; но радикальная газета наивно сознается что общественная совѣсть въ Англіи не возмущалась охраной которою пользовались чужіе заговорщики на англійской

почвѣ и даже гордилась этимъ. Ужасное значенiе фактовъ обнаруженныхъ въ послѣднiе дни заключается, по мнѣнiю *Daily News*, главнымъ образомъ въ томъ что они показали что Англичане напрасно считали *себя* застрахованными отъ безумныхъ злодѣянiй революцiонеровъ. „Подонки континентальной крамолы, этой чумы заразившей Европу, собираются и встрѣчаются въ Лондонѣ, и неудивительно поэтому что кому-либо изъ нихъ вздумалось здѣсь разыграть роль къ которой былъ подготовленъ своею дрессировкой."

Англiйскiя газеты пока еще не рѣшаются высказаться открыто и рѣшительно въ пользу международныхъ мѣръ противъ заговорщиковъ и убiйцъ и за отмѣну позорнаго (а не святаго) права убѣжища злодѣямъ. Болѣе рѣшительно вопросъ этотъ поставленъ въ письмѣ анонимнаго иностранца, напечатанномъ въ *Journal de St.-Pétersbourg*, отъ 10 марта. Указавъ на то что убiйство и покушенiя противъ главъ государства совершались и въ прежнiя времена, но что прежде подобныя преступленiя вызывали всеобщее и единодушное негодованiе, между тѣмъ какъ въ наше время являются защитники гнусныхъ злодѣянiй имѣющiе дерзость публично выражать свое сочувствiе безпримѣрному въ исторiи преступленiю, авторъ письма спрашиваетъ: „Неужели въ виду подобнаго открыто-выражаемаго презрѣнiя къ самымъ святымъ чувствамъ, подобнаго извращенiя самыхъ основныхъ началъ общественной нравственности, правительства имѣютъ право оставаться спокойными зрителями столь гнусныхъ явленiй? Невозможно допустить чтобы въ странахъ считающихъ себя во главѣ цивилизацiи продолжали терпѣть открытое существованiе истинныхъ школъ злодѣянiя. Подобная терпимость равносильна сообщничеству. Почему правительства спѣшатъ соединить свои усилiя когда дѣло идетъ о предотвращенiи какой-либо эпидемiи, чумы или холеры? Неужели менѣе необходимо предпринять что-либо для того чтобъ остановить еще болѣе опасную нравственную борьбу порождаемую ученiями, которыя возводятъ преступленiе въ добродѣтель и стремятся къ ниспроверженiю всего общественнаго порядка?"

Но пока всѣ эти заявленiя глубоко возмущеной общественной совѣсти приведутъ къ какимъ-либо практическимъ результатамъ, международные разбойники продолжаютъ являть собою зрѣлище поистинѣ позорное для нашего „цивилизованнаго" вѣка...

Прямые участники и сообщники петербургскаго злодѣянiя пребывающiе въ самомъ центрѣ Европы, въ Женевѣ, открыто заявляютъ о своей прикосновенности къ дѣлу и разказываютъ какъ былъ устроенъ смертоносный снарядъ умертвившiй Русскаго Царя. Другiе члены нигилистической шайки, Драгомановъ, Крапоткинъ и Дурасовъ, вступаютъ въ полемику съ Рошфоромъ, упрекая его въ томъ что онъ содѣйствуетъ русской полицiи, печатая въ своей газетѣ письма, гдѣ заключаются указанiя на заграничныхъ участниковъ преступленiя. Всѣ эти протесты и препирательства находятъ себѣ мѣсто въ другихъ, нереволюцiонныхъ, органахъ, какъ будто бы рѣчь шла о самыхъ простыхъ и обычныхъ дѣлахъ...

Такъ дѣла оставаться не могутъ. Промежутки державъ должны быть очищены отъ убiйцъ которые прикрываютъ свои нечистые замыслы, свое презрѣнное честолюбiе, политическими прикрасами и соцiальными утопiями. Въ этотъ международный мiръ надобно, наконецъ, такъ или иначе внести законъ и порядокъ. Внутри цивилизованнаго государства разбой и всякое насилiе есть преступленiе тяжко караемое, которое бываетъ печальнымъ исключенiемъ не нарушающимъ нормальнаго теченiя жизни. Чѣмъ цивилизованнѣе государство, тѣмъ болѣе обезпечены въ немъ и жизнь, и честь, и собственность людей, тѣмъ труднѣе грабителямъ или убiйцамъ промышлять своимъ дѣломъ. Люди—существа хрупкiя; они могутъ причинять другъ другу всякiй вредъ и смерть самымъ легкимъ способомъ. Вездѣ есть дурные люди, вездѣ бываютъ безумные, и однако въ благоустроенномъ государствѣ люди безопасно ходятъ и ѣздятъ не только по городскимъ улицамъ, но и по глухимъ мѣстамъ, ограждаемые могущественнымъ порядкомъ отъ всякихъ возможныхъ покушенiй. Грабители и убiйцы прячутся въ норахъ и боятся выказать себя, да и сами, подъ сильнымъ гнетомъ нравственнаго порядка, посреди общества которое отнюдь не воздаетъ чести убiйцамъ и грабителямъ, сами они если не стыдятся себя, то смущаются въ себѣ отраженiемъ суда другихъ. Почему же въ промежуткахъ цивилизованнаго мiра, злоумышленники не

признающіе никакихъ правилъ нравственности, ругающіеся надъ всякимъ закономъ и человѣческимъ и божескимъ, люди разврата и растлѣнія, но *съ кокардою политическаго преступника*, должны считаться неприкосновенными, пользоваться правомъ убѣжища и даже почестями? Вотъ послѣдствія той коварной, фарисейски безнравственной политики, которой и до сихъ поръ еще держатся иныя правительства считая дозволительнымъ потворствовать смутѣ въ чужихъ государствахъ, даже способствовать чужимъ злоумышленникамъ и своимъ признаніемъ экзальтировать ихъ, поднимать ихъ духъ. Завелась такимъ образомъ международная шайка злоумышленниковъ всякаго рода, солидарныхъ между собою и гордящихся титуломъ политическихъ преступниковъ; образовалась даже градація почета: чѣмъ злодѣйство значительнѣе, чѣмъ безнравственность глубже, чѣмъ обманъ омерзительнѣе, тѣмъ большимъ почетомъ пользуются въ своей средѣ герои этой международной шайки. Нѣтъ сомнѣнія что такое положеніе длиться не можетъ, и та страна которая болѣе всѣхъ злоупотребляла такъ-называемымъ правомъ убѣжища и обманывала міръ заставляя всѣхъ вѣрить въ „святость“ этого постыднаго злоупотребленія, Англія, которой приходится теперь раздѣлываться съ Ирландскою революціей, вступившею, какъ и польская, въ союзъ съ международными злоумышленниками, почувствуетъ на себѣ всю силу созданнаго ею международнаго зла. Будемъ же надѣяться что недалекъ тотъ день когда международный міръ будетъ также очищенъ отъ злоумышленниковъ, какъ и внутренній бытъ въ благоустроенномъ государствѣ.

№ 74.

Москва, 14-го марта.

Завтра погребаемъ мы Царя какого долго-долго, вѣками, ждала многострадальная и тяжко испытанная Русская земля, кто принесъ ей даръ свободы и благодать обновленія, и теперь въ своемъ царствѣ, въ своей столицѣ, мученически растерзанъ врагами своего народа.

Его царствованіе было обильно чудными проявленіями Божественнаго Промысла, властвующаго въ судьбахъ народовъ. О, сколько разъ, слѣдя съ замираніемъ сердца за ходомъ событій, мы приходили въ уныніе, и сколько разъ съ изумленіемъ и радостію видѣли мы какъ событіе грозившее бѣдой и упадкомъ обращалось во славу нашему государству! Пути Божіи не то что̀ наши пути. Выходило не то что̀ всѣми ожидалось по человѣческимъ разчетамъ, выходило противное тому чего мы опасались или на что̀ наши недруги надѣялись. Вотъ и въ самой кончинѣ его — явное для насъ знаменіе. Ужасъ его кончины падетъ вѣчнымъ проклятіемъ на злодѣевъ и попустителей злодѣянія; но усопшему и для его памяти мученическая смерть его будетъ оправданіемъ и прославленіемъ. Никакое торжество не могло бы такъ возвысить и прославить его какъ мрачное злодѣяніе пресѣкшее дни его. Ничто не могло бы такъ обновить живую связь между властью и свободой, между Царемъ и народомъ въ Россіи, — ничто не могло бы такъ укрѣпить и такъ вознести надъ всякими опасеніями силу Россіи, — какъ этотъ ударъ направленный злодѣйскою рукой на ея конечную пагубу.

Давно злоумышленники, повинуясь тайной крамолѣ, покушались на жизнь Государя который виновенъ былъ только обиліемъ своихъ благодѣяній для народа, только тѣмъ что благодѣющая рука его не оскудѣвала, только тѣмъ что онъ поднялъ на небывалую доселѣ высоту благоденствіе подвластной ему великой страны и славу своей державы. За что̀ же вражеская крамола такъ неотступно искала его смерти? За то она и искала его смерти, что онъ былъ неистощимъ въ своихъ благодѣяніяхъ для Русской земли, за то что онъ такъ возвеличилъ и скрѣпилъ свою державу, за то что онъ поднялъ духъ своего народа, за то что онъ слѣдовалъ призывамъ его духа.

Не личной гибели Царя искали враги, но разрушенія Русскаго государства. Тайная крамола покушалась разными способами внести смуту въ нашъ народъ, взволновать его и подвинуть къ безсмысленнымъ мятежамъ. Только въ одной части Русской державы, на крайнемъ западѣ, — только въ одномъ слоѣ населенія, въ польской шляхтѣ, удалось заговору возбудить безсильный мятежъ; но никакія ухищренія обмана не могли внести смуту въ коренной русскій народъ. Напрасно разчитывалось на столкновеніе сословій вслѣдствіе

отмѣны крѣпостнаго права; напрасно разбрасывались въ народѣ такъ-называемыя золотыя грамоты, напрасно предпринимались такъ-называемыя хожденія въ народъ. Всѣ эти попытки были посрамлены здравымъ смысломъ Русскаго народа, крѣпостію живущихъ въ немъ преданій, его непобѣдимымъ духомъ воспитаннымъ подъ сѣнію Православной Церкви. Оставалось надѣяться на скудоуміе нашего образованія, и вотъ здѣсь обманъ восторжествовалъ легко; онъ проникъ въ наши офиціальныя сферы, онъ овладѣлъ нашею печатью и обложилъ осадой нашу бѣдную школу, употребляя всѣ способы интриги чтобы не дать установиться въ ней правильному порядку ученія и воспитанія. Подъ именемъ либерализма было пущено безсмысленнѣйшее отрицаніе всего. Въ этой средѣ исполненной гніенія и лжи, лишенной достоинства и чуждой своему народу, вражеская крамола пользуясь всѣми способами прельщенія и разврата, набрала себѣ контингентъ слугъ, закрѣпивъ ихъ за собою страхомъ смерти, — слугъ готовыхъ волею или неволею на всякое злодѣяніе.

Но какъ могла бы эта сволочь поколебать и разстроить Русскую державу? Ей предстояли два пути: или постепенно и постоянно вносить отраву въ образованные слои общества, развращать учащуюся молодежь, подкапываться подъ школу и работать такимъ образомъ для пагубныхъ цѣлей въ будущемъ; либо избрать болѣе краткій и рѣшительный путь цареубійства. Послѣдній путь былъ принятъ въ безумной надеждѣ повергнуть страну въ хаосъ и среди всеобщаго смятенія захватить власть и раздробить государство,

Злодѣяніе совершилось, но что же выходитъ послѣдствіемъ? Паденіе ли власти, расторженіе ли государства? Нѣтъ, никогда самодержавіе Русскаго Государя не было такъ могущественно, такъ безспорно, такъ незыблемо твердо въ сердцѣ народа какъ теперь, послѣ этого злодѣянія которое только новыми священными узами соединило Русскій народъ съ его Вождемъ, осіявъ вѣнцомъ мученичества Царя-Освободителя.

При первой вѣсти о страшномъ событіи невольно сказалось: „мученическая смерть!", невольно всѣмъ народомъ почувствовалось что Царь его палъ безвинною искупительною жертвою за свой народъ. Народъ будетъ чтить его память не только съ любовію и благодарностію какъ Царя-Освободителя, но и съ благоговѣніемъ какъ мученика, и это чувство перенесетъ онъ на самое начало власти перешедшей къ его преемнику. Издѣвайтесь сколько хотите надъ народомъ, но несомнѣнно то что въ его чувствѣ истинная сила государства, а не въ томъ что вы зовете общественнымъ мнѣніемъ съ его гнилымъ либерализмомъ. Издѣвайтесь надъ народнымъ чувствомъ сколько хотите, но оно преодолѣетъ васъ и сотретъ ваши мнѣнія, сколько бы смутъ и зла вы ни успѣли надѣлать.

№ 76.

Москва, 16-го марта.

Въ № 31 петербургской газеты *Страна*, отъ 12 марта, появилась статья на которую нельзя не обратить вниманіе. Она посвящена описанію сырной лавки Кобозева въ домѣ Менгдена на Малой Садовой и обстоятельствъ сопровождавшихъ осмотры этой лавки сперва техникомъ Мровинскимъ не открывшимъ въ ней ничего подозрительнаго, затѣмъ судебнымъ слѣдователемъ открывшимъ адскій подкопъ. Приводимыя въ статьѣ подробности не лишены интереса, но еще интереснѣе цѣль съ какою она написана. Извѣстно что для выясненія вопроса о виновности лицъ на обязанности коихъ лежало наблюденіе за безопасностью Высочайшаго проѣзда по Малой Садовой улицѣ, производится дознаніе, которое, въ виду особой важности его, возложено на товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ. Газета *Страна* уже заранѣе принимаетъ этихъ лицъ вообще и г. Мровинскаго въ особенности подъ свою защиту. Она прилагаетъ всевозможныя старанія снять съ нихъ всякую отвѣтственность въ томъ что подкопъ не былъ обнаруженъ 28 февраля, доказывая что нѣтъ будто бы ничего удивительнаго въ томъ что техникъ, производя осмотръ лавки, не нашелъ въ ней ничего подозрительнаго. Но усердіе увлекло автора статьи, можетъ-быть, дальше чѣмъ онъ хотѣлъ. Выступая защитникомъ г. Мровинскаго, онъ написалъ обвинительный актъ противъ него. Вотъ какъ описывается въ статьѣ лавка Кобозева:

„Съ тротуара нѣсколько ступеней ведутъ въ подвальное помѣщеніе. Предъ вами—довольно просторная лавка съ тремя окнами на улицу. Стѣны этого подвала представляютъ прямую линію только аршина на полтора отъ пола, а потомъ начинаютъ смыкаться въ дугообразную линію сводовъ. При входѣ, васъ обдаетъ сильный запахъ сырости, смѣшанный съ запахомъ сыровъ, которые и до сихъ поръ стоятъ на выручкѣ и на особыхъ подмосткахъ.“

Стѣны пропитаны влажностью и покрыты деревянною обшивкой, высотою аршина на два отъ пола, и все это оклеено обоями.

Въ это подвальное помѣщеніе являлся для осмотра 28 февраля, въ сопровожденіи полиціи, техникъ Мровинскій; черезъ два-три дня, по исчезновеніи таинственственныхъ хозяевъ лавки, въ это же помѣщеніе прибылъ судебный слѣдователь. Техникъ „постукалъ въ деревянную стѣну“ услышалъ за нею пустоту, и ничего подозрительнаго въ этомъ не нашелъ. Слѣдователь „пощупалъ здѣсь и тамъ и наконецъ замѣтилъ что у подоконника втораго окна, планка, прикрывавшая сверху обшивку, подается подъ рукою и движется. Тогда онъ снялъ ее и велѣлъ отодрать обшивку въ этомъ мѣстѣ. Оказалось что подался цѣлый деревянный щитъ, а позади его и было пробитое въ фундаментѣ, неправильной формы круглое отверстіе, забитое войлокомъ. Затѣмъ все уже объяснилось: подкопъ сталъ очевиденъ, и нечего было искать въ другихъ мѣстахъ. Войлокъ вынули и нашли галлерею мины, идущую на четыре сажени отъ отверстія подъ улицу, примѣрно до половины послѣдней. Послѣ этого, обшивка была отодрана или раскрыта сверху въ другихъ мѣстахъ. Подъ подмостками, на которыхъ расположены были сыры, вдоль стѣны, позади выручки, отодранная дощатая обшивка обнаружила массу земли, плотно набитой сюда. Рядомъ было еще пустое пространство, въ которое можно было набить столько же земли. Затѣмъ оказалось что земля была помѣщена во всякое мѣсто куда ее можно было упрятать: въ небольшіе ящики, въ двѣ огромныя бочки, стоявшія въ самой лавкѣ, въ маленькій турецкій диванъ, въ кульки, и еще навалена въ одной изъ кладовыхъ, въ надворной части квартиры, гдѣ была прикрыта рогожами, сѣномъ и каменнымъ углемъ.“

Длина галлереи подкопа отъ отверстія до конца мины—4 сажени, и это пространство вмѣщало 109 куб. футовъ земли. „При измѣреніи количества земли, найденной въ квартирѣ, оказалось совершенно подходящее, равное количество. Такимъ образомъ, надо признать что земля изъ квартиры *вовсе не вывозилась и не выносилась*, но вся оставалась въ ней.“

Въ помѣщеніи, груды земли сложены вездѣ гдѣ можно, — и ничего этого при осмотрѣ 28 февраля не было замѣчено. У подоконника движется планка, подается подъ рукой, и это проходитъ мимо вниманія техника. Какими доводами оправдываетъ его *Страна* въ безуспѣшности осмотра?

„Для того чтобы что-нибудь открыть,“ читаемъ въ этой газетѣ, „приходилось бы прямо сдирать обои и, такъ-сказать, ломать стѣну, то-есть деревянную обшивку, замѣнявшую нижнюю часть стѣнъ. Мы не знаемъ что̀ было сказано г. Мровинскому когда его приглашали къ осмотру. Если ему было прямо сказано что надо предполагать подкопъ, тогда конечно онъ долженъ былъ приступить къ ломкѣ. Но если ему было сказано только что хозяева кажутся подозрительными, потому что Кобозева куритъ папиросы, то трудно было приступить къ ломкѣ, такъ какъ наружныхъ признаковъ подкопа вовсе не было: не видно было ни земли, ни лома, ни буравовъ.“

Когда явился на мѣсто слѣдователь, какъ разказываетъ *Страна*, точно также „все было снаружи гладко,“ стѣны также были чисто оклеены, и круги сыра стояли въ невозмутимомъ спокойствіи ожидая не слѣдователя, а покупателя. Точно также не было снаружи ни земли, ни буравовъ,— послѣдніе лежали въ диванѣ. „Рубль положенный для кошечника, оставленный паспортъ, разбросанныя вещи,“ могли служить признаками подкопа никакъ не болѣе тѣхъ обстоятельствъ которые побудили произвести осмотръ лавки Кобозева 28 февраля.

При этомъ осмотрѣ не было обращено вниманія на деревянную обшивку стѣнъ (г. Мровинскій постукалъ въ нее и только) потому что эта обшивка „на простой глазъ не могла возбуждать никакого подозрѣнія.“ На *простой* глазъ — можетъ-быть; но тутъ былъ не простой глазъ, а глазъ *техника*. Если предлогомъ осмотра

было изслѣдованіе подвальнаго помѣщенія въ санитарномъ отношеніи, техникъ въ этомъ самомъ обстоятельствѣ имѣлъ поводъ отодрать отъ стѣнъ обшивку: эта обшивка, да еще оклеенная обоями, только усиливаетъ сырость, и техникъ не могъ не знать что для указанія мѣръ противъ нея нужно не постукивать въ стѣнѣ, а именно отодрать обшивку, причемъ выяснилось бы и значеніе замѣченной при постукиваньи пустоты.

Все что̀ говоритъ *Страна* о дѣйствіяхъ техника при осмотрѣ 28 февраля вызываетъ только недоумѣніе: то онъ зачѣмъ-то постукиваетъ въ стѣны, то, войдя въ надворную часть квартиры, гдѣ подъ рогожами, сѣномъ и каменнымъ углемъ, лежитъ вынутая при прорытіи подкопа земля, беретъ зачѣмъ-то въ руки куски каменнаго угля. *Страна* прибавляетъ что „въ этой кладовой темно и при *быломъ* осмотрѣ не могло придти въ голову (!) что тамъ было что-нибудь кромѣ сваленныхъ въ безпорядкѣ ненужныхъ вещей.“ Ему не приходитъ въ голову ни отодрать обшивку стѣнъ, ни обратить вниманіе на подмостки на которыхъ лежатъ сыры, ни отодвинуть диванъ отъ стѣны, хотя бы подъ предлогомъ изслѣдованія сырости,— диванъ наполненный землею...

Все это онъ сдѣлалъ бы еслибъ ему прямо было сказано что нужно предполагать подкопъ. Но зачѣмъ же могло понадобиться командированіе *техника* если не затѣмъ чтобъ удостовѣриться есть ли основаніе предполагать что-нибудь подобное или нѣтъ? Для простаго опредѣленія политической благонадежности обитателей подвальнаго помѣщенія, въ командированіи техника не было никакой надобности. Сырная лавка, доступная для осмотра даже торговаго смотрителя, не такое мѣсто куда не могла бы явиться обыкновенная полиція безъ особыхъ церемоній.

И вотъ не неопытнымъ и несвѣдующимъ человѣкомъ, а именно спеціалистомъ-техникомъ дается удостовѣреніе что осмотрѣнное имъ подвальное помѣщеніе ничего подозрительнаго не представляетъ. Техникъ не находитъ того что̀ всего скорѣе долженъ былъ найти именно въ силу своей спеціальности, и что съ первыхъ шаговъ открывается слѣдователемъ, человѣкомъ имѣющимъ конечно опытность въ дѣлѣ допросовъ, но никакъ не по части подкоповъ. Г. Мровинскій довольствуется *бѣглымъ* осмотромъ, хотя долженъ былъ понимать важное значеніе его уже изъ того что въ какую-нибудь сырную лавку командируется не мелкій служащій, а именно онъ, техникъ, состоящій въ генеральскомъ чинѣ.

Страна, указывая на обстановку квартиры Кобозевыхъ, описываетъ находившіяся въ ней иконы, календарь съ портретами Августѣйшей Фамиліи и т. п., что все мѣшало де технику и сопровождавшей его полиціи усмотрѣть въ этой квартирѣ нѣчто подозрительное. „Кто же могъ знать,“ спрашиваетъ эта газета, „что въ запертой квартирѣ копались подъ землей?“ А черезъ нѣсколько строкъ послѣ этого вопроса говорится что „сыра въ лавкѣ находилось не болѣе какъ рублей на 50, а за квартиру платили 100 р. въ мѣсяцъ,“— обстоятельство кажется достаточное для того чтобы не ограничиваться *бѣглымъ* осмотромъ, и далеко оставляющее за собою фактъ куренія дорогихъ папиросъ.

Вотъ что бросается въ глаза при чтеніи въ *Странѣ* апологіи участниковъ осмотра 28 февраля. Зачѣмъ могла понадобиться въ настоящее время эта апологія до разъясненія дѣла производящимся дознаніемъ, неизвѣстно...

Мы помѣщаемъ здѣсь планъ мины на Малой Садовой улицѣ въ Петербургѣ. Разсмотрѣніе этого плана вызываетъ еще большее удивленіе, какъ могло случиться что при осмотрѣ 28 февраля не было открыто ничего подозрительнаго. Стоило зайти за прилавокъ чтобы натолкнуться на банки съ подозрительными жидкостями, а затѣмъ въ углу на гальваническую батарею. А вѣдь при осмотрѣ подъ санитарнымъ предлогомъ, кажется, всего скорѣе слѣдовало осмотрѣть углы, гдѣ преимущественно высказываются признаки сырости.

№ 77.

Москва, 17-го марта.

Неожиданнымъ образомъ получили мы изъ Петербурга, для напечатанія въ нашей газетѣ, письмо отъ маркиза Вѣлёпольскаго, сына того, столь извѣстнаго, государственнаго человѣка который управлялъ Царствомъ Польскимъ въ то время когда тамъ готовился и потомъ разыгрался послѣдній польскій мятежъ. Но, отпра-

вивъ къ намъ свое письмо, неожиданный корреспондентъ нашъ повидимому передумалъ, и на другой день помѣстилъ его въ петербургской газетѣ *Порядокъ*, гдѣ оно впрочемъ болѣе у мѣста.

Не безъ удивленія прочли мы слѣдующія строки которыми письмо начинается:

„Въ № 65 вашей газеты за текущій годъ и мѣсяцъ помѣщена передовая статья, въ которой вина ужасающаго и гнуснаго преступленія, совершеннаго 1 марта, взваливается на Поляковъ, на тѣхъ или другихъ, бѣлыхъ или красныхъ, но, во всякомъ случаѣ, на Поляковъ. Я бы имѣлъ, конечно, право начать дѣло судомъ за соединенное съ клеветою возбужденіе вражды и ненависти одной части населенія противъ другой, въ Русскомъ народѣ противъ другаго народа, одинаково подвластнаго Россійской державѣ. Я думаю что русскій судъ не отказалъ бы въ правосудіи, но гробъ еще открытъ, въ которомъ покоится тѣло злодѣйски умерщвленнаго Великаго Монарха, и я предпочитаю воздержаться отъ судебнаго препирательства и обратиться къ общественному мнѣнію, къ здравомыслящимъ людямъ Русскаго народа.“

„Я имѣлъ бы право...“ Но какое же это право? Не разчитываетъ ли маркизъ Вѣлёпольскій войти въ права министра Внутреннихъ Дѣлъ Россійской Имперіи? Или онъ намѣренъ преслѣдовать насъ путемъ дипломатическимъ, какъ представитель, быть-можетъ какъ глава дружественнаго правительства?

Но еще куріознѣе то что г. маркизъ приписалъ намъ противное тому что̀ въ нашей статьѣ сказано. Мы будто бы оклеветали Поляковъ взваливъ на нихъ вину злодѣянія 1 марта, между тѣмъ какъ въ статьѣ нашей сказано слѣдующее: „Боже „насъ сохрани обвинять людей польскаго „происхожденія въ прикосновенности или „даже сочувствіи тѣмъ злодѣяніямъ кото„рыя теперь творятся на Руси. Дѣло не „въ мирныхъ населеніяхъ, не въ добрыхъ „гражданахъ и честныхъ подданыхъ; дѣ„ло въ томъ ядѣ который именуется *поль„скою справой*, въ тѣхъ честолюбцахъ ко„торые не покидаютъ надежды возстано„вить старую Польшу на развалинахъ Рос„сіи, которые не считаютъ дѣломъ покон„ченнымъ историческую борьбу между эти„ми двумя славянскими народами.“

Вотъ мы такъ могли бы, по частной жалобѣ, привлечь маркиза Вѣлёпольскаго къ судебной отвѣтственности за то что онъ неосновательно приписалъ намъ столь дурное дѣло какъ клевета.

Зачѣмъ лукавить? Мы говорили не о Полякахъ, мы говорили о „польской справѣ,“ о ея пагубныхъ свойствахъ, о вредѣ который она причиняла и не можетъ не причинять Россіи, и еще болѣе Полякамъ. Эта „справа“ есть несомнѣнно революціонное начало, притомъ самаго дурнаго свойства какимъ она всегда показывала себя. Нѣтъ злодѣянія которое не было бы совершено ею, нѣтъ лжи и коварства которымъ бы она погнушалась. Она извращала нравственность и оскверняла религіозное чувство, употребляя ихъ себѣ въ орудіе. Она вступала въ тѣсный союзъ со всѣмъ что̀ враждебно Россіи. Она и не можетъ не быть революціоннымъ началомъ: она либо открытый мятежъ, либо тайный заговоръ противъ настоящаго во имя безвозвратно прошедшаго. Будетъ ли маркизъ Вѣлёпольскій отрицать существованіе этого зла? Онъ припоминаетъ что въ отца его стрѣляли, даже трижды: за что̀ же и кто стрѣлялъ? Отецъ его хотѣлъ поправить исторію безъ „ломки,“ посредствомъ мѣръ самого правительства Россіи, которому въ этихъ видахъ онъ и вызвался быть органомъ. Мы охотно вѣримъ что одушевлявшія его намѣренія были благія, но планъ его оказался ошибочнымъ. Другіе польскіе патріоты не только изъ красныхъ, но и изъ бѣлыхъ, не оцѣнили его дальновидности, и разчитывая на обстоятельства времени предпочли путь болѣе краткій и рѣшительный, и отсюда его антагонизмъ съ ними.

Впрочемъ нашъ корреспондентъ не совсѣмъ отрицаетъ что въ 1863 году было польское революціонное движеніе. Онъ даже свидѣтельствуетъ что польское революціонное движеніе и тогда разчитывало для своего успѣха на всякую смуту въ Россіи. „Революціонное движеніе въ польскомъ обществѣ,“ говоритъ онъ самъ „никогда бы не распространилось до такихъ размѣровъ, никогда бы не дошло до такихъ омерзеніе возбуждающихъ проявленій еслибъ оно не разчитывало на подобное же революціонное движеніе въ Россіи.“ Но авторъ письма забылъ присовокупить что польскіе революціонеры дѣйствовали не ради отвлеченныхъ принци-

повъ и не въ видахъ безсмысленнаго разрушенія. И бѣлые и красные дѣйствовали какъ польскіе патріоты, а помогавшіе имъ обманутые Русскіе были только измѣнниками своего народа и служили орудіемъ въ ихъ рукахъ. Польскій заговоръ простиралъ свое дѣйствіе не только на университетскую молодежь, но и на офиціальныя сферы, гдѣ у него были дѣятельные и вліятельные пособники.

Еще разъ, зачѣмъ лукавить? Красные ли только участвовали въ польскомъ революціономъ движеніи? Не стояли ли, напротивъ, во главѣ „польской справы,“ магнаты фигурирующіе при разныхъ дворахъ и имѣющіе связи во всѣхъ аристократіяхъ Европы? Не они ли видѣли въ себѣ носителей погибшей Рѣчи Посполитой? Наконецъ всѣмъ извѣстно что душой „справы“ было духовенство польское, и старшее и младшее; что оно разжигало политическія страсти, что ксендзы проповѣдывали политическія убійства, приводили къ присягѣ жандармовъ-вѣшателей, а многіе и сами отправляли эту должность, находя возможнымъ согласовать ее съ священнымъ саномъ.

Въ чемъ разница между русскимъ и польскимъ революціонеромъ? У русскаго революціонера за душой *ничто*, у польскаго *нѣчто*. Русскій революціонеръ есть нигилистъ; польскій есть патріотъ несуществующаго государства, энтузіастъ убитой и растерянной своими магнатами народности. Идеалъ русскаго революціонера есть безсмысленное разрушеніе, онъ врагъ своему народу, измѣнникъ своему государству, онъ рабъ чужой идеи, и далѣе разрушенія ничего не видитъ. Идеалъ польскаго революціонера есть возстановленіе Польши въ прежнихъ предѣлахъ и, если можно, далѣе. *Ничто* само по себѣ не имѣетъ силы для дѣйствія; какое-нибудь *нѣчто* необходимо чтобъ организовать его для дѣйствія.

„Справа“ вступала во всякіе союзы. Неужели маркизу Вѣлёпольскому неизвѣстно что и самая интернаціоналка родилась на почвѣ Польскаго вопроса? На этотъ фактъ мы уже указывали въ нашей статьѣ. Послѣ возстанія 1863 года, обнаружившаго всю несостоятельность и неправду „польской справы,“ она, утративъ поддержку правительствъ, обратилась къ бродячимъ всесвѣтнымъ революціоннымъ элементамъ, которые, хотя въ другомъ смыслѣ, но также какъ и она злобствуютъ противъ существующаго. Въ 1864 году соціалисты разныхъ странъ были созваны въ Лондонъ для выраженія сочувствія Польскому дѣлу, и тутъ-то впервые родилась интернаціоналка, организованное международное общество соціалистовъ и анархистовъ всѣхъ странъ. Польскій вопросъ изчезъ въ этомъ обществѣ, но кто поручится что онъ не сталъ въ немъ политическимъ ферментомъ и связью?

Чѣмъ болѣе желаемъ мы добра людямъ, тѣмъ безпощаднѣе должны мы относиться къ тому что̀ губитъ ихъ и дѣлаетъ ихъ пагубными для другихъ. Чѣмъ болѣе желаемъ мы добра Полякамъ, тѣмъ рѣшительнѣе должны мы противиться всему что̀ возбуждаетъ или поддерживаетъ „польскую справу.“

Маркизъ Вѣлёпольскій заявляетъ что ему хорошо извѣстна его дорога, и что наши „инсинуаціи“ не собьютъ его съ пути, а путь его ведетъ де „къ единенію двухъ національностей на началахъ справедливости и взаимности.“ Въ чемъ же однако состоятъ эти начала *справедливости?* И кто уполномочилъ его устанавливать основанія предлагаемаго имъ союза? Примутъ ли другіе патріоты условія трактата и удовольствуются ли ими?

Нѣтъ, не тотъ другъ мирнымъ польскимъ населеніямъ кто вновь вызываетъ кровавый призракъ польскаго патріотизма. Никогда польскій край не пользовался такимъ благосостояніемъ какъ теперь, когда по мнѣнію людей отравленныхъ польскою идеей онъ будто бы изнываетъ подъ страшнымъ гнетомъ. Еслибъ исчезли всѣ основанія для надеждъ вожаковъ польской справы, то не было бы и польскаго вопроса, и нечего было бы маркизу Вѣлёпольскому заботиться о дружномъ единеніи обоихъ славянскихъ племенъ. Между нами и Поляками не могло бы быть спора, и самый языкъ польскій, переставъ быть враждебнымъ символомъ, возвратилъ бы свой характеръ любезной и родственной намъ рѣчи.

Въ заключеніе письма своего маркизъ обращается къ сѣдой старинѣ и вспоминаетъ о Великомъ Княжествѣ Московскомъ. „Мы надѣемся,“ говоритъ онъ, „что насъ поддержатъ лучшіе органы русской печати коихъ патріотизмъ шире границъ Великаго Княжества Московскаго.“ Жаль что онъ не пояснилъ насколько шире, и доходятъ ли на его картѣ границы Велика-

го Княжества Московскаго до Смоленска и Кіева.

Маркизъ Вѣлёпольскій увѣряетъ насъ въ чувствахъ какія намъ съ его стороны слѣдуютъ. Увѣрять въ своихъ считаемъ излишнимъ.

№ 78.

Москва, 18-го марта.

А.

Злодѣяніе 1 марта вызвало взрывъ негодованія въ цѣломъ мірѣ и во всѣхъ партіяхъ кромѣ конечно разной революціонной сволочи, каенскихъ каторжниковъ, да еще патріотовъ „польской справы" которые не смогли удержаться, хотя бы изъ приличія отъ скандала въ Австрійскомъ рейхсратѣ.

Французское правительство сочло должнымъ привлечь къ судебной отвѣтственности наиболѣе расходившіяся въ похвалахъ Рысакову соціалистическія газеты. Предъ судомъ явился и Рошфоръ, пресловутый вожакъ французскихъ „безшабашныхъ" революціонеровъ, и произнесъ защитительную рѣчь, которая для насъ, Русскихъ, имѣетъ очень горькое значеніе. Слушайте, что своимъ судьямъ сказалъ Рошфоръ:

„Вы меня обвиняете," воскликнулъ онъ, „въ томъ что я восхваляю преступленіе. „Но увѣрены ли вы дѣйствительно что „тутъ есть преступленіе? Русскій судъ еще „не разбиралъ дѣла Рысакова, и каковъ „будетъ его приговоръ мы не знаемъ. А „почему же нельзя предположить что это „будетъ *оправдательный* приговоръ? Представьте себѣ что я написалъ бы похвальную статью о Вѣрѣ Засуличъ тотчасъ послѣ ея покушенія. Вы меня пожалуй тоже приговорили бы къ тюремному заключенію или къ высокому денежному штрафу которыми вы мнѣ теперь „угрожаете. Въ какомъ мы были бы однако глупомъ положеніи если черезъ недѣлю пришло бы извѣстіе о томъ что судъ „монархической Россіи оправдалъ Вѣру „Засуличъ, что, слѣдовательно, она не совершила преступленія и что стало-быть, „республиканская Франція приговорила къ „строгому наказанію журналиста за апологію несовершившагося преступленія! Такъ „точно и теперь очень легко можетъ оказаться на русскомъ судѣ что покойный „Государь сдѣлался жертвой несчастнаго „случая, и что Рысаковъ ни въ чемъ не „виновенъ."

Какая позорная пощечина нашему гнилому либерализму! Какая заслуженная пощечина!

Сегодня, 18 марта. Ровно за годъ предъ симъ 19 марта 1880 года, по поводу вопроса о выдачѣ Гартмана, писали мы слѣдующее:

„Нынѣшнее правительство Франціи слишкомъ скоро подверглось испытанію которое обнаружило его несостоятельность... Лучше было бы вовсе не требовать выдачи преступника отъ правительства ничтожнаго и слабаго, и не вводить его въ искушеніе... Впрочемъ, люди которыми это правительство держится, быть-можетъ, думали что они угождаютъ Россіи завтрашней отказывая нынѣшней Россіи въ удовлетвореніи. Въ своей грубой наивности, они быть-можетъ увѣрены что власть въ Россіи, если не завтра то послѣзавтра, достанется тому же Гартману или Петру Лаврову, и что такимъ образомъ Франція тутъ-то и очутится въ настоящей дружбѣ съ Россіей. Мы такъ странно ведемъ свои дѣла что такая увѣренность могла весьма естественно утвердиться въ умахъ господствующей нынѣ во Франціи партіи. Впрочемъ, не только французскіе радикалы, но и умы болѣе серіозные начинаютъ сомнѣваться въ прочности нашего нынѣшняго положенія, видя какъ неясна и неопредѣленна наша правительственная программа, какъ силенъ повсюду господствующій у насъ обманъ, и какъ нагло предъявляетъ свои требованія вражеская крамола съ которою правительство борется-не-борется, какъ примыкающая къ правительству интеллигенція пасуетъ предъ этою крамолой, а законная печать съ нею перемигивается. Преслѣдуются и подвергаются карѣ нигилисты обвиняемые въ намѣреніи ниспровергнуть существующій у насъ образъ правленія, и въ то же время ежедневно возбуждаютъ въ печати вопросъ о перемѣнѣ образа правленія, и вопросъ этотъ считается открытымъ, а въ иностранныхъ газетахъ, особенно французскихъ безпрерывно появляются изъ Петербурга корреспонденціи заставляющія ожидать что если не сегодня, то завтра мы очутимся за Рубикономъ, и вмѣсто искорененія крамолы исполнимъ ея требованіе и отдадимъ себя въ ея руки."

Вотъ что̀ мы писали 19 марта 1880 года. Съ тѣхъ поръ прошло двѣнадцать мѣсяцевъ, и вотъ мы наконецъ дожили до того что даже безшабашный Рошфоръ издѣвается надъ нашимъ „либерализмомъ“ и приглашаетъ насъ опомниться.

Б.

Весь міръ отозвался на страшное событіе въ нашемъ отечествѣ. Отозвались и органы польской заграничной печати, и отозвались своеобразно. Ихъ не поразилъ ужасъ событія. Они, какъ *Газета Народова* (№ 60), видятъ въ немъ лишь „послѣдній актъ трагедіи разыгрывавшейся предъ глазами въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, занавѣсь упала, трагедія окончена.“ Они смотрятъ сверху внизъ на творящееся въ Великомъ Княжествѣ Московскомъ, и только желаютъ выяснить „драматическіе мотивы выткавшіе событіе на исторической канвѣ.“ О, любознательные историки! „Мы привыкли, предупреждаетъ *Газета Народова*, считать Московію краемъ дикимъ, варварскимъ, стоящимъ на безконечно низкомъ уровнѣ во всѣхъ такихъ вещахъ которыя, какъ нравственность, уваженія права, сознаніе личнаго достоинства и т. д., составляютъ, вмѣстѣ взятыя, то изъ чего слагается цивилизація.“ Какъ ни дика однако Московія, но и она, по повѣствованію новаго историка, не выдержала гнета своего правительства. „Такого деспотизма, увѣряетъ польскій повѣствователь, какой въ послѣднее время господствовалъ въ Московіи, не знаетъ новѣйшая исторія. Для того чтобъ отыскать что-либо похожее на этотъ деспотизмъ, слѣдуетъ проникнуть мыслію въ древнѣйшія времена и тамъ искать примѣровъ которымъ съ такою необузданною дикостью и разчитанною хитростію слѣдовали царскіе прислужники... Въ каждомъ иномъ народѣ европейскомъ такой деспотизмъ вызвалъ бы всеобщую революцію (видите чего бы хотѣлось имъ.) Цѣлыя народныя массы схватились бы за оружіе чтобы силою свергнуть съ себя рабскія путы. Московія могла породить лишь тайныя общества, заговоры отдѣльныхъ личностей, хотя и то правда что эти единицы считались легіонами, что̀ однакожь вовсе не говоритъ въ пользу политической зрѣлости Москалей если имѣть въ виду что легіоны эти выдѣлились изъ громадной массы 80 милліоновъ рабовъ которые спокойно переносятъ ярмо насилія.“

Не поразительно ли совпаденіе русской такъ-называемой либеральной прессы съ этимъ польскимъ нахальствомъ? Не та ли же самая ложь безсмысленно и на всѣ лады развивалась въ нашихъ газетахъ и прежде, и послѣ событія 1 марта? Не утверждалось ли и въ нашей печати что самое либеральное и полное реформъ царствованіе было временемъ реакціи? Что реакція якобы возобладала даже съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ, что тутъ кто-то „передернулъ карту?“ Не достачно ли одного этого для прозрѣнія подъ чьимъ вліяніемъ фабрикуется, посредствомъ печати, наше такъ-называемое либеральное мнѣніе, чьихъ рукъ созданіе нашъ глаголемый либерализмъ?

Замѣчательно что говоря о блаженномъ либерализмѣ начала шестидесятыхъ годовъ,—съ настойчивою рекомендаціей къ нему вернуться,—и о послѣдовавшей будто бы затѣмъ мрачной реакціи, повѣствователи тщательно обходятъ одно немаловажное событіе: они ничего не упоминаютъ о польскомъ возстаніи 1863 года, какъ будто событіе это ни въ какой связи не находится ни съ вакханаліей ложнаго либерализма эпохи ему предшествовавшей и грозившей разложеніемъ Россіи, ни съ нашимъ нигилизмомъ, ни съ темною полосой его дѣяній.

Дневникъ Познанскій находитъ впрочемъ связь, но уже совершенно неожиданную. Пояснивъ что русская исторія не могла породить ничего инаго кромѣ нигилизма, *Дневникъ* указываетъ и самую школу нигилизма, и его первыхъ учителей. Школа оказывается Польша, учителя—Черкаскіе и Милютины! „Въ Польшѣ,“ говоритъ эта газета, „воспитала Россія эту шайку нигилистовъ не уважающихъ никакого права, „никакой святыни. Въ Польшѣ научились „эти посланные подъ дирекцію Черкаскихъ „и Милютиныхъ дѣятели уничтожать религію, собственность, народность. И этихъ „иконоборцевъ XIX вѣка изъ Петербурга „награждали орденами. Удивительно ли что „подъ давленіемъ Катковскихъ агитацій, „подъ деморализующимъ вліяніемъ грабительской системы управленія въ польскихъ „земляхъ, поколебались въ народѣ Русскомъ всякія нравственныя понятія и политическія убійства въ послѣдніе три года „стали обычнымъ явленіемъ.“ Можно согласиться съ *Дневникомъ Познанскимъ* что

Польша была школой для нашихъ революціонеровъ, но учителями были не тѣ на кого указываетъ эта газета. Много мрачныхъ дѣяній совершили русскіе нигилисты, подъ страхомъ тайной, не свѣдомой имъ власти, которая забрала ихъ въ свои руки; но они все-таки не дошли еще до *виртуозности* своихъ истинныхъ учителей, польскихъ революціонеровъ 1863 года, дѣлавшихъ лацканы изъ кожи на груди измѣннически захваченныхъ русскихъ солдатъ въ Варшавскую рѣзню, палившихъ свои жертвы медленнымъ огнемъ, распинавшихъ двухлѣтнихъ дѣтей предъ глазами родителей, вырѣзавшихъ живьемъ внутренности... Даже Пугачевщина не представляетъ такихъ примѣровъ хладнокровнаго звѣрства и утонченной жестокости... Припомнимъ что у тайнаго польскаго правительства были въ распоряженіи цѣлыя команды жандармовъ вѣшателей и кинжальщиковъ и число жертвъ этихъ палачей, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ одномъ Царствѣ Польскомъ доходило до тысячи и въ Западномъ Краѣ около того же. И эти дѣла ужаса творились надъ мирными людьми не только русскаго, но еще болѣе польскаго происхожденія ради террора.

№ 79.

Москва, 19-го марта.

А.

У насъ теперь въ большомъ ходу слово *реакція*. Этимъ словомъ перекидываются какъ самымъ ругательнымъ. Имъ запугиваютъ нашъ слабоумный либерализмъ. Но, скажите ради Бога, не есть ли отсутствіе реакціи первый признакъ мертваго тѣла? Жизненный процессъ не есть ли непрерывная реакція, тѣмъ болѣе сильная чѣмъ сильнѣе организмъ? Наши либералы, или вѣрнѣе ихъ руководители которые ихъ дурачатъ, хотятъ чтобы Россія оставалась мертвымъ тѣломъ, неспособнымъ реагирорать какія бы дѣла надъ ней ни творились. Совершаются страшныя событія, и что же?—хотятъ чтобъ они не произвели никакой перемѣны ни въ настроеніи общества, ни въ правительствѣ. Хотятъ чтобы мы ничему не научились, не стали умнѣе, чтобы мы продолжали слѣдовать какъ ни въ чемъ не бывало путемъ обмана, чтобы посредствомъ реакціи живаго и сильнаго организма мы не выбросили изъ себя болѣзнетворное начало которое отравляетъ его. Горе намъ если мы не способны даже теперь оказать спасительную реакцію, которая состоитъ не въ томъ, какъ думаютъ наши гнилые либералы и политическіе плуты держащіе ихъ на поводьяхъ, чтобъ ухудшить наши дѣла,—а напротивъ чтобъ ихъ улучшить, чтобы вывести ихъ на прямой путь, чтобъ оздоровить ихъ.

Чтó требуется въ настоящее время? Болѣе всего требуется чтобы показала себя государственная власть Россіи во всей непоколебленной силѣ своей, ничѣмъ не смущенная, не разстроенная, вполнѣ въ себѣ увѣренная. Боже сохрани насъ отъ всякихъ ухищреній, изворотовъ, заискиваній, ото всякой тѣни зависимости государства отъ какихъ-либо мнѣній. Власть государства не на мнѣніяхъ основана; или ея нѣтъ на дѣлѣ, или она держится сама собою, независимо отъ мнѣній. И вотъ это-то прежде всего должно обнаружиться въ критическія минуты. Слыханное ли дѣло чтобы полководецъ обращался не къ мужеству и твердости своихъ войскъ, а старался бы вызывать въ нихъ мнѣнія, и показывалъ бы видъ что мнѣніямъ угождаетъ и въ своихъ дѣйствіяхъ на нихъ опирается? А развѣ государство, вынуждаемое принимать мѣры общественной безопасности, не то же что и воинство, которое, въ свою очередь, не то ли же что и государство въ сокращенномъ видѣ? Государство предоставляетъ мнѣніямъ развиваться и высказываться на свободѣ, которую оно же ограждаетъ и обезпечиваетъ; но въ дѣлѣ государственной необходимости и общественной безопасности требуется прежде всего честное и твердое исполненіе каждымъ своего долга. Россія выросла и окрѣпла не мнѣніями, не большинствомъ голосовъ, не интригою партій вырывающихъ другъ у друга власть, а исполненіемъ священнаго долга, связующимъ воедино всѣ сословія народа. Оживить это чувство долга, вотъ чтò требуется въ обстоятельствахъ подобныхъ настоящимъ.

Наши такъ-называемыя либеральныя газеты ужь очень возмущены тѣмъ сочувствіемъ которое встрѣчаютъ русскіе нигилисты среди заграничныхъ соціалистовъ, радикаловъ и коммунаровъ. Желая отвести глаза своихъ читателей отъ той отвратительной язвы которая искусною рукой при-

вита намъ подъ фальшивымъ видомъ „либерализма, онѣ запальчиво накидываются на заграничныя государства за то что тѣ терпятъ въ своихъ предѣлахъ источники смутъ, которыя препятствуютъ де нормальному развитію Россіи. Въ пошлыхъ фразахъ, петербургскіе и московскіе „либералы“ убѣждаютъ съ одной стороны заграничныя правительства принять самыя строгія мѣры противъ скрывающихся у нихъ революціонеровъ, а съ другой—они же умоляютъ Русское правительство воздержаться отъ всякой мѣры имѣющей хотя малѣйшій признакъ энергіи, ибо такія мѣры „Для Россіи непригодны, безполезны и даже вредны.“

Нельзя безъ гадливаго чувства взять въ руки нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ. Кто руководитъ ими, и кому онѣ угождаютъ? *Голосъ*, эта ложью дышащая газета, хочетъ увѣрить что всѣ теперь только и думаютъ о такъ-называемыхъ либеральныхъ учрежденіяхъ, что въ принципѣ всѣ согласны, а разнятся только въ способахъ. Наглость лжи этой газеты доходитъ до того что она утверждаетъ будто и *Московскія Вѣдомости*, въ свою очередь, проповѣдуютъ необходимость парламента, но только не такого какъ *Голосъ*, а олигархическаго!

Б.

Сѣверо-Германская Всеобщая Газета, въ нумерѣ отъ 26 марта, вынуждена вернуться къ вопросу о связи между „польскою справой и русскимъ нигилизмомъ который отнюдь нельзя считать кореннымъ русскимъ продуктомъ.“ Органъ князя Бисмарка заговорилъ снова объ этомъ вопросѣ вслѣдствіе того что *Германія*, органъ католической клерикальной партіи, поспѣшила заявить что „соображенія *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* о польской справѣ и ея связяхъ съ нигилизомъ якобы „ не встрѣчаютъ никакого довѣрія въ странѣ.“

„Любопытно бы однако знать, спрашиваетъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, какъ это успѣла *Германія* такъ скоро справиться о настроеніи общественнаго мнѣнія? Во всякомъ однако случаѣ суетливость клерикальной газеты вынуждаетъ насъ добавить кое-что относительно происхожденія той способности къ интригѣ и заговору, которую проявляютъ праздные классы польской народности, и которая такъ драматически выступила въ извѣстномъ польскомъ процессѣ 1847 года.“ Свои дополненія офиціозная газета начинаетъ замѣчаніемъ что способность къ заговорамъ, конечно, не есть природное свойство людей польскаго происхожденія, но что высшіе классы польскаго общества пріобрѣли эти свойства благодаря „наслѣдственной передачѣ склонности къ заговорамъ, привитой іезуитскимъ воспитаніемъ въ теченіе многихъ поколѣній.“ Затѣмъ слѣдуютъ доказательства. „Іезуитская дрессировка,“ продолжаетъ берлинская газета, „есть дѣйствительно отличная школа заговора внушающая идеи служащія пунктомъ сближенія между дѣятелями польской справы и самою крайнею фракціей анархистовъ восхваляющихъ цареубійство. Нѣкоторыя сочиненія іезуитовъ дѣлаютъ какъ разъ то же самое. Какая разница между статьей *Freiheit* Моста и, напримѣръ, книгою іезуита Маріана *De rege*, изданною съ разрѣшенія визитатора ордена, по благословенію генерала онаго, Клавдія Аквавивы, послѣ предварительнаго одобренія учеными братьями іезуитскаго ордена?“ спрашиваетъ *Сѣверо-Германская Газета*. Въ іезуитской книгѣ разказывается, между прочимъ, какъ молодой доминиканецъ, Яковъ Клементъ изучавшій въ доминиканской коллегіи богословіе, обратился къ своему наставнику съ вопросомъ можно ли убивать правителей-тирановъ? Учитель отвѣчалъ утвердительно, и вотъ ученикъ, при первомъ же случаѣ, поспѣшилъ приложить свои знанія „пустивъ въ дѣло ножъ намазанный ядомъ...“ Далѣе въ книгѣ сказано буквально слѣдующее: „рана нанесенная въ нижнюю часть живота была смертельна. О „чудная смѣлость духа, о незабвенное дѣяніе! Придворные бросились на Клемента, „потрясенные неслыханнымъ дѣломъ; они „въ дикой ярости наносили раны упавшему „и почти бездыханному Клементу, который молчалъ, радуясь въ душѣ что избѣгъ другихъ мукъ коихъ, казалось ему, „онъ не вынесъ бы по своей слабости... „Убійство короля прославило Клемента... „Такъ кончилъ свою жизнь двадцати-четырехлѣтній юноша, слабый тѣломъ, но подкрѣпляемый *высшею* силой и физически „и духовно.“ Не этотъ ли такъ картинно изложенный примѣръ подстрекалъ жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ возстанія 1863 года, не онъ ли, не это ли же

ученье сказывается въ послѣднихъ статьяхъ польскихъ газетъ, выставляющихъ событіе 1 марта какъ мзду *тирану*? Не это ли ученье, хотя и въ приглаженномъ парламентскими пріемами видѣ, сказалось и въ отказѣ польской фракціи Австрійскаго рейхсрата отъ выраженій соболѣзнованія по поводу проклятаго дѣла на набережной Екатерининскаго канала?

Какъ ни широкъ взглядъ дѣятелей польской справы на средства кои можно употреблять для достиженія извѣстной цѣли, „но," замѣчаетъ органъ князя Бисмарка, „удивительно обиліе и разнообразіе тѣхъ элементовъ въ Европѣ, службою которыхъ уже пятьдесятъ лѣтъ пользуются польскіе заговорщики. Въ каждомъ большомъ заговорѣ или бунтѣ примѣтна польская стихія, поддерживающая польскими средствами дѣло и направляющая его къ цѣли, которой не видятъ прочіе участники." Тутъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* разомъ дѣлаетъ быстрый поворотъ отъ теоріи къ практикѣ и прямо говоритъ: „*Часъ* безъ околичностей думаетъ что благосостояніе и даже собственно внутреннее спокойствіе Россіи зависитъ отъ примиренія съ Поляками. Не значитъ ли это признаться что за русскими анархистами стоитъ польскій іезуитизмъ со своими средствами и мудростью."

Стóитъ замѣтить что *Кельнская Газета*, буквально перепечатавшая статью *Сѣверо-Германской Газеты*, отвѣчаетъ на послѣдній ея вопросъ утвердительно и въ выраженіяхъ весьма вразумительныхъ. „Удивительно, говоритъ она, что *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* вовсе не коснулась того что Полякъ Смолка, президентъ Австрійскаго рейхсрата, отвѣтилъ отказомъ на предложеніе Рауха, и что другіе члены польскаго клуба пригрозили удалиться если предложеніе выразить соболѣзнованіе по поводу смерти Русскаго Императора будетъ поставлено. Этотъ поступокъ восхваляется безстыжимъ Мостомъ въ его *Freiheit*, заявившей что Смолка спасъ Австрію отъ позора который навлекъ на Францію Гамбетта своимъ предложеніемъ прервать засѣданіе палаты."

Эти два факта, дѣйствительно, напрашиваются на сближеніе. Въ ихъ связи со всѣмъ чтò твердитъ теперь явная и тайная польская печать, не представляютъ ли они утвердительный отвѣтъ на вопросъ отсюда же возникающій. *Дневникъ Познанскій* еще на дняхъ высказалъ что Поляки никогда не откажутся отъ мысли о возсоединеніи всѣхъ бывшихъ польскихъ провинцій и отъ возстановленія своей политической самостоятельности, и что они только „ждутъ пока одержитъ въ Европѣ побѣду идея братства и независимости всѣхъ народовъ." Тогда на развалинахъ трехъ имперій, интересы коихъ идутъ въ разрѣзъ съ польскою справой, какъ фениксъ изъ пепла возникнетъ де Польша. Именно эти идеи польской справы и заставили такъ энергически заговорить германскую печать.

№ 80.

Москва, 20-го марта.

А.

Въ Петербургѣ кипитъ теперь горячая дѣятельность. 18 марта, вечеромъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объявленное министромъ Внутреннихъ Дѣлъ объ организаціи особаго муниципальнаго совѣта. Градоначальникъ поставленъ былъ въ необходимость дѣйствовать съ величайшею поспѣшностью. Въ теченіе ночи приняты были мѣры къ приведенію Высочайшаго повелѣнія въ исполненіе, и утромъ 19 марта уже были организованы 228 коммиссій, а съ трехъ часовъ пополудни онѣ начали обходъ своихъ околотковъ. Во всѣхъ участкахъ города особыя коммиссіи обращались къ домовладѣльцамъ и хозяевамъ квартиръ за указаніями кого кто выбираетъ. Въ теченіе ночи съ 19 на 20 марта книги съ отмѣтками избранныхъ лицъ поступили къ градоначальнику, а во второмъ часу пополудни 20 марта избранные депутаты въ полномъ числѣ уже собрались въ домѣ градоначальства. Уже сегодня начались первыя функціи новосоставившагося совѣта, который будетъ окружать градоначальника. Можно надѣяться что при доказанной энергіи и способностяхъ нынѣшняго Петербургскаго градоначальника дѣло сладится. Но нельзя не замѣтить что градоначальникъ поставленъ теперь въ положеніе очень трудное, что значительная часть его энергіи и способностей потребуется именно на то чтобъ ухаживать за машиной. Совѣтъ не просто совѣтъ, который сталъ бы доставлять градоначальнику нужныя свѣдѣнія и освѣщать ему

пути; но делиберативное собраніе которое должно ограничивать свободу его дѣйствій и можетъ на каждомъ шагу, разногласіемъ мнѣній, парализовать его дѣятельность. Надо заботиться каждый разъ о составленіи большинства, и слава Богу что Н. М. Барановъ обладаетъ даромъ сильнаго слова.

Дѣло уже закипѣло благодаря удивительной энергіи градоначальника. Онъ уже успѣлъ приладиться къ даннымъ условіямъ. Важность дѣла обязываетъ насъ сообщать немедленно, и по горячимъ слѣдамъ, возможно подробныя и точныя свѣдѣнія о его ходѣ. Вотъ что̀, по телеграфному сообщенію, происходило сегодня до поздняго вечера:

Петербургъ, 20 марта. Избраніе депутатовъ въ совѣтъ при петербургскомъ градоначальникѣ, несмотря на необычайную поспѣшность, почти внезапность съ которою вчера повсемѣстно по всей столицѣ приступлено было къ исполненію Высочайшаго повелѣнія 18 марта, дало слѣдующіе результаты. Начиная съ 12 часовъ ночи до 5 утра поступали къ градоначальнику изо всѣхъ околотковъ книги, въ которыхъ противъ графы избирателей значились имена предложенныхъ кандидатовъ. Правда, встрѣчались неполноты, пропуски и не мало отмѣтокъ въ родѣ слѣдующихъ: „никого не могу указать,“ „никого не знаю,“ „никого не имѣю въ виду;“ было также нѣсколько надписей въ такомъ родѣ: „за позднимъ временемъ въ квартиру нельзя проникнуть;“ были отдѣльные случаи гдѣ люди вовсе не темные, занимающіе даже выдающееся положеніе въ служебной іерархіи, безусловно отклонили посѣщеніе коммиссіи. Но все это единичные случаи, не препятствующіе удостовѣрить тотъ фактъ что вообще новая мѣра встрѣтила сочувствіе населенія. Въ составъ собранія долженствующаго выдѣлить изъ своей среды учреждаемый совѣтъ при градоначальникѣ не вошло ни одного человѣка имѣвшаго менѣе 13 или 14 голосовъ, было не мало имѣвшихъ значительно болѣе 100 или 50 голосовъ. Вотъ фамиліи избранныхъ сравнительно большимъ числомъ голосовъ: генералъ-адъютантъ Треповъ, графъ Менгденъ, графъ Бобринскій, генералъ-майоръ Евгеній Богдановичъ, Елисѣевъ, тайный совѣтникъ Кобеко, тайный совѣтникъ Ламанскій, мировые судьи Трофимовъ и Меньшуткинъ, почетный гражданинъ Дурдинъ, Кенигъ, графъ Левашевъ, баронъ Фридерихсъ, Санъ-Галли; въ числѣ представителей избраны и крестьяне. Избиратели приблизительно распредѣляются такъ: лицъ занимающихъ видное положеніе въ военной и административной іерархіи около 50; гласныхъ думы 20; купцовъ болѣе 60; крестьянъ 10, мѣщанъ 10, представителей ученаго міра пять, техниковъ пять, и юристовъ пять. Въ минувшую ночь по телеграфу сдѣлано распоряженіе о вызовѣ всѣхъ избранныхъ депутатовъ въ общее собраніе сегодня 20 марта, въ часъ пополудни.

Петербургъ, 20 марта, 9 часовъ вечера. Сегодня, въ половинѣ второго часа пополудни, въ большой залѣ дома градоначальства собрались всѣ депутаты уполномоченные населеніемъ столицы избрать изъ среды себя членовъ совѣта градоначальника. Всѣ избранные депутаты были налицо. Рядомъ съ высокопоставленными лицами и представителями интеллигенціи засѣдали представители практической жизни и сельскаго люда. При появленіи генерала Трепова, собравшіеся почтительно привѣтствовали бывшаго градоначальника. Ровно въ 2 часа генералъ-майоръ Барановъ открылъ засѣданіе вступительнымъ обращеніемъ, встрѣченнымъ весьма сочувственно. Приблизительно онъ сказалъ слѣдующее: „Милостивые государи! Сущность Высочайшаго повелѣнія, вслѣдствіе котораго мы собрались, достаточно ясно опредѣляетъ цѣль нашего собранія и державную волю Монарха. Несмотря на весь ужасъ преступленія перваго марта, сердце Государя Императора ни на одну секунду не повѣрило тому чему вѣрить нельзя, т.-е. чтобы могло существовать что-нибудь общее между сплошною массой Русскаго народа и горстью негодяевъ, нравственныхъ уродовъ, не принадлежащихъ ни къ какой группѣ населенія, ни къ какой націи, и позорящихъ все человѣчество нося видимый образъ человѣка. Самое стремленіе, самое упорство въ преслѣдованіи идеи цареубійства можетъ быть истолковано желаніемъ убійцъ, за неимѣніемъ возможности разомъ поразить всѣхъ насъ, Русскихъ, нанести ударъ тому, за жизнь котораго мы всѣ готовы отдать свою собственную. Что слова мои не фразы, могутъ служить доказательствами обстоятельства покушеній. Взрывы на желѣзныхъ дорогахъ, взрывъ караульни во Дворцѣ, закладка мины на Малой Садовой, самое покуше-

ніе перваго марта, доказываютъ что въ ихъ глазахъ и сердцахъ, если таковыя есть у злодѣевъ, какъ Русскій Царь имъ не отецъ, такъ и Русскіе люди имъ не братья. Его Императорское Величество, выражая твердую волю Свою рядомъ энергичныхъ и послѣдовательныхъ мѣръ положить конецъ нарушенію спокойствія столицы, вмѣстѣ съ тѣмъ изволилъ повелѣть чтобы сказанныя крутыя мѣры, будучи безпощадными для нарушителей спокойствія, въ то же время ничѣмъ не стѣсняли честныхъ людей, въ любовь которыхъ Государь также вѣритъ какъ мы вѣримъ въ благость Его къ намъ. Выражая эту державную свою волю, Государь взялъ на себя не только дать повелѣніе, но и указать способъ его исполненія. Его Величество, довѣряя мнѣ, какъ солдату, ближайшую исполнительную часть, ясно сознавъ всю некомпетентность мою относительно нуждъ и желаній населенія его столицы. Потому Онъ, для общаго блага, сдѣлалъ мнѣ милость не давать труда свыше силъ; Онъ далъ мнѣ возможность прибѣгнуть къ совѣту, помощи и содѣйствію вашему, господа. Его Величество увѣренъ что мы пойдемъ къ одной святой, общей намъ цѣли, вы—какъ люди опыта, а я—какъ орудіе исполнительное. По существу дѣла не имѣю ничего прибавить. Относительно же приступа къ исполненію Высочайшей Воли и самаго производства выборовъ, я сознаю что быть-можетъ многое со стороны полиціи слѣдовало сдѣлать иначе; но во всѣхъ промахахъ прошу простить меня; если бы въ этомъ собраніи могло быть мѣсто кому-нибудь изъ несчастныхъ нравственно больныхъ, въ насмѣшку надъ здравымъ смысломъ называющихся соціалистами, то они могли бы вамъ засвидѣтельствовать что мнѣ было необходимо Высочайшее повелѣніе 18 марта привести въ исполненіе 19-го. Наше же общее пониманіе переживаемаго времени вѣроятно убѣдитъ въ необходимости созданныхъ какъ Государемъ Императоромъ, такъ и министромъ Внутреннихъ Дѣлъ безотлагательныхъ серіозныхъ мѣръ къ обезпеченію порядка въ столицѣ; потому до выбора членовъ совѣта я уполномоченъ предложить общему собранію безотлагательное принятіе одной мѣры. Затѣмъ считаю долгомъ доложить общему собранію что министръ Внутреннихъ Дѣлъ поручилъ мнѣ просить уполномочить будущій совѣтъ, ради выигрыша времени, не созывая общаго собранія, входить черезъ меня къ министру о дополненіяхъ необходимыхъ для развитія Высочайшаго повелѣнія 18 марта. Господа члены будущаго совѣта и вы, избранные депутаты города, прошу вѣрить что сознательно я не нарушу обязанностей моихъ относительно совѣта, указанныхъ мнѣ Высочайшею волей 18 марта. Но въ виду того что при всей открытости мѣропріятій, какъ я такъ и преемники мои будутъ поставлены въ необходимость блюсти въ крайней тайнѣ свѣдѣнія которыя имѣются и будутъ собираться, я для необходимыхъ, лично мнѣ нужныхъ въ иныхъ случаяхъ совѣщаній, прошу уполномочить меня избирать для таковыхъ совѣщаній тѣхъ изъ членовъ совѣта которыхъ буду признавать болѣе компетентными въ томъ или другомъ случаѣ. Ко всему вышесказанному мнѣ остается, съ согласія министра Внутреннихъ Дѣлъ, обратиться съ покорнѣйшею просьбой къ собранію о томъ чтобъ избираемые членами совѣта заранѣе разрѣшили мнѣ на первое время ежедневно, въ теченіе одного часа, пользоваться ихъ содѣйствіемъ и сотрудничествомъ. Позвольте, милостивые государи, закончить тѣмъ чѣмъ началъ, сообщеніемъ Державной Воли. Его Величеству благоугодно было повелѣть чтобы всѣ члены совѣта были ему лично представлены министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.“ Къ сказанному генералъ Барановъ присовокупилъ что Государь Императоръ повелѣлъ имѣть въ составѣ совѣта непремѣнно пять гласныхъ Думы. Въ случаѣ если таковые избраны не будутъ, Дума выдѣляетъ это число гласныхъ отъ себя. Мѣра упомянутая градоначальникомъ въ его рѣчи состоитъ въ установленіи контроля надъ пріѣзжающими по желѣзнымъ дорогамъ, также черезъ заставы, чтобы по возможности парализовать доступъ въ столицу людямъ неблагонамѣреннымъ. Собраніе въ принципѣ одобрило проектированную мѣру. Комитетъ разработаетъ подробности. Въ $3^1/_2$ часа приступлено къ провѣркѣ голосовъ по выборнымъ бюллетенямъ. Провѣрка заняла много времени и въ 8 часовъ вечера еще не была окончена...

Б.

Полемика между органомъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германскою Всеобщею Га-*

зетой и польскою справой принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, и органъ имперскаго канцлера день ото дня высказывается все прямѣе и сильнѣе. Въ нумерѣ отъ 28 марта находимъ опять не большую, но рѣзкую отповѣдь польскимъ газетамъ. „*Дневникъ Познанскій*, говоритъ *Сѣверо-Германская Газета*, раздраженъ нашею статьей, въ которой указывалось что въ 1830 году, со времени появленія польской эмиграціи въ Парижѣ, во всемъ что̀ только можетъ содѣйствовать разрушенію существующаго порядка въ государствахъ или нарушить миръ между ними, во всемъ находятся слѣды польскаго фермента. Но несмотря на все свое неудовольствіе польская газета не въ силахъ представить никакихъ доводовъ въ опроверженіе сдѣланныхъ по этому предмету указаній. Учрежденіе жандармовъ-вѣшателей въ 1863 году и диктаторская власть анонимнаго клуба, составленнаго большею частью изъ молодежи, представляютъ собою историческіе факты, подобныхъ коимъ тщетно было бы до того времени искать у иного цивилизованнаго народа. Поэтому правильное устройство цѣлаго войска убійцъ, исполнителей велѣній тайнаго правительства, должно быть считаемо какъ чисто польское изобрѣтеніе.“ Газета князя Бисмарка, какъ и въ прежнихъ статьяхъ, замѣчаетъ: „Мы далеки отъ обвиненія *большинства* (курсивъ подлинника) Поляковъ въ этомъ преступленіи, не обвиняемъ даже повально и всю польскую эмиграцію, а говоримъ что только на ея почвѣ могло возникнуть это неестественное учрежденіе, и что безъ содѣйствія эмиграціи оно не могло бы пустить корней въ самой Польшѣ.“ Послѣ этой оговорки берлинская газета прямо переходитъ къ вопросу, какое отношеніе имѣетъ польское изобрѣтеніе къ настоящимъ событіямъ въ Россіи. „Покушенія театромъ коихъ съ тѣхъ поръ стала Россія, замѣчаетъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* совершаются при тѣхъ же самыхъ условіяхъ какъ и убійства жандармовъ-вѣшателей, совершаются въ тѣхъ же формахъ, такою же организаціей, которая въ русской части Польши въ свое время не вполнѣ была раскрыта и пресѣчена. До 1863 года мы не встрѣчаемъ въ Россіи ничего подобнаго: бывали дворцовые заговоры, бунты въ родѣ Пугачевщины, но русская исторія не представляетъ примѣра существованія организованной шайки убійцъ, пока она не была изобрѣтена *ржондомъ* 1863 года.“ Въ заключеніе органъ имперскаго канцлера обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени представить рядъ польскихъ инструкцій варшавскимъ кинжалистамъ и жандармамъ-вѣшателямъ и за тѣмъ отвѣчаетъ *Газетѣ Народовой*. „Эта газета, говоритъ органъ имперскаго канцлера, до сихъ поръ, правда, въ полемику съ нами не пускалась, но она представляетъ не мало матеріаловъ въ доказательство высказанныхъ нами взглядовъ. *Газета Народова* отрицаетъ всякую связь между нигилистами и Поляками, однако она не находитъ возможнымъ возстановленіе порядка въ Россіи безъ ломки зданія снизу до верху, такъ какъ де желать реформировать старую Россію есть чистѣйшая химера. Россія должна кончить свое существованіе какъ старый звѣрь, для того чтобы возродиться прелестною юною дѣвой. До тѣхъ же поръ пока это не исполнится, Россія должна де быть еще долго игрушкой революціи; это месть Польши, которой нечего ждать отъ теперешней Россіи и вся мудрость Поляковъ должна быть направлена на выжиданіе.“ Послѣ этихъ словъ, видимо что-то опуская и отъ чего-то воздерживаясь, берлинская газета заканчиваетъ статью такими словами: „Серіознаго порицанія преступленій не видимъ мы ни въ этихъ сужденіяхъ польской газеты, ни въ поведеніи польской фракціи вѣнскаго рейхсрата. А при этомъ ничего не значатъ выходки противъ насъ и *Познанскаго Дневника*.“

Надо замѣтить что статьи газеты князя Бисмарка противъ *Польской справы* и ея происковъ стали появляться одновременно съ возбужденіемъ судебнаго преслѣдованія противъ проживающаго въ Лондонѣ нѣмецкаго соціалиста Моста и съ правительственнымъ заявленіемъ въ парламентѣ о необходимости для отпора анархистамъ объявить и Лейпцигъ, это гнѣздо соціалистовъ, на осадномъ положеніи, подобно тому какъ это еще недавно сдѣлано относительно Гамбурга.

Статьи *Сѣверо-Германской Газеты* имѣютъ очевидно практическое значеніе для Германіи...

№ 81.

Москва, 21-го марта.

Ежедневно получаемъ мы много писемъ по поводу страшнаго событія 1 марта. Кромѣ чувствъ ужаса, негодованія и скорби, высказываются также разнаго рода соображенія вызываемыя обстоятельствами, при которыхъ совершилось это безпримѣрное въ исторіи цареубійство. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, случайный корреспондентъ пишетъ между прочимъ слѣдующее:

„Удивляюсь, и не я одинъ, какъ не обратятъ серіознаго вниманія на вопросъ откуда берутъ господа подпольные дѣятели денежныя средства на свое содержаніе и на совершаемые ими подвиги. Денегъ на все это, безъ сомнѣнія, нужно имъ не мало. Посудите только какою щедрою рукой сыплютъ они деньгами на основаніе и поддержаніе своихъ преступныхъ предпріятій. Задумаютъ они совершить политическое убійство, напримѣръ убить генерала Мезенцова или генерала Дрентельна, нужна для убійцы лошадь, никакой остановки въ средствахъ для ея пріобрѣтенія: покупается дорогая заводская лошадь, и по миновании надобности бросается какъ ненужная вещь. Затѣвается подкопъ подъ полотно Московско-Курской дороги, нѣтъ недостатка въ деньгахъ для покупки дома, откуда эти господа инженеры могли бы съ удобствомъ вести предположенную мину. Задуманъ подкопъ на Малой Садовой улицѣ въ Петербургѣ,—деньги для устройства сырной лавки Кобозева и на наемъ для нея помѣщенія съ платою по 100 рублей въ мѣсяцъ готовы тотчасъ же. И такъ во всемъ и вездѣ. А сколько у этихъ господъ революціонеровъ имѣется типографій, и какъ быстро въ замѣнъ открытыхъ и заарестованныхъ типографій открываются новыя со всѣми принадлежностями, которыя дорого стóятъ и для явныхъ типографій, и тѣмъ дороже должны обходиться для тайныхъ. Во что-нибудь, и конечно не дешево, должны обходиться имъ массы динамита, оружія, разныхъ костюмовъ и другихъ предметовъ, которыя то и дѣло открываются въ учреждаемыхъ ими складахъ. Чего-нибудь да стóитъ наемъ множества помѣщеній въ разныхъ городахъ для всѣхъ этихъ складовъ и другихъ подпольныхъ учрежденій служащихъ мѣстомъ ихъ сходокъ и сношеній. А чего стóятъ одни ихъ безконечные разъѣзды, печатаніе за границей, провозъ въ Россію и распространеніе въ ней безчисленнаго множества листковъ и брошюръ? Сами эти разъѣзжающіе повсюду и проживающіе то въ Россіи, то за границей господа должны нанимать для себя квартиры, что-нибудь ѣсть, во что-нибудь одѣваться. Своихъ средствъ у этихъ людей, большею частію, не имѣется, все это голоштанники, у которыхъ за душой ни гроша, а есть только требующіе пищи желудки. Между тѣмъ всѣ эти Драгомановы, Крапоткины, e tutti quanti живутъ припѣваючи, можно сказать роскошно, задаютъ банкеты, ни въ чемъ себѣ не отказываютъ Своихъ средствъ на это у нихъ нѣтъ; кто же даетъ имъ деньги, кто ассигнуетъ суммы на вербовку новыхъ адептовъ? Въ круглую сумму должно обходиться ежегодно содержаніе всей этой аравы. Допустите что революціонеровъ въ Россіи и за границей—въ Женевѣ, Цюрихѣ, Лондонѣ, Парижѣ и другихъ мѣстахъ,—тысяча человѣкъ; положите что на содержаніе каждаго нужно, ну хоть только 50 рублей въ мѣсяцъ или 600 рублей въ годъ,—и вотъ вы уже получите годовой бюджетъ въ 600.000 рублей. Присоедините къ этому расходы на безчисленные разъѣзды всей этой братіи, на ихъ типографіи, склады и дорого стóящія преступныя предпріятія,—и цифра бюджета возрастетъ въ громадномъ размѣрѣ. Откуда же берутся деньги на покрытіе этого бюджета? Кто же, спрашивается, несетъ на себѣ всѣ эти расходы, кто имѣетъ достаточныя средства для ихъ покрытія и заинтересованъ въ дѣлѣ настолько чтобы не скупиться на крупныя суммы? Сочувствующіе русскимъ революціонерамъ соціалисты другихъ странъ? Но вѣдь это большею частію такіе же голоштанники какъ и наши нигилисты; это люди которые не прочь сорвать деньги, а не то чтобы дать. Кто же, наконецъ, снабжаетъ нашихъ революціонеровъ деньгами, которыми они такъ и сыплютъ во всѣ стороны? Вотъ вопросъ стоящій едва ли не впереди всѣхъ другихъ. Чьи-то деньги, вотъ топливо которымъ поддерживается пламя нашей революціи, и оно пожалуй не потухнетъ пока не будетъ прекращено подкладыванье дровъ. Арестованіе и осужденіе нѣсколькихъ преступниковъ, какъ показывали бывшіе примѣры, едва ли тутъ много поможетъ. На смѣну казненныхъ будутъ выступать новые дѣятели. Было бы

болото, а черти будутъ, говоритъ пословица; были бы деньги, будутъ и революціонеры...“

Обиліе денежныхъ средствъ которыми располагаютъ наши революціонеры дѣйствительно стóитъ вниманія. Ничего подобнаго такимъ денежнымъ средствамъ въ распоряженіи соціалистовъ другихъ странъ не оказывается. Были преступныя покушенія и въ другихъ странахъ, кромѣ Россіи. Но есть большая разница въ обстановкѣ у насъ и за границей. Люди выходили на совершеніе своихъ преступленій съ дешевыми орудіями, съ ножомъ, съ револьверомъ; ихъ преступленія имѣли характеръ единичныхъ дѣйствій. У насъ всѣ бывшія покушенія являются плодомъ цѣлой системы, дѣломъ цѣлой стóящей не малыхъ денегъ революціонной организаціи, не скупившейся на денежныя средства для содержанія своихъ членовъ и между прочимъ для подкупа людей въ содѣйствіи коихъ она нуждалась, напримѣръ, между чиновниками; каждому покушенію предшествовали у насъ дорогія подготовленія, и каждое новое покушеніе требовало все бóльшихъ и бóльшихъ денежныхъ средствъ.

Источникъ откуда черпаютъ свои денежныя средства наши революціонеры остается загадкой. Но фактъ что на содержаніе большаго числа этихъ разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, въ Россіи и за границей, революціонеровъ требуются большія суммы, и что эти суммы постоянно являются къ ихъ услугамъ,—этотъ фактъ внѣ сомнѣнія. Ничего подобнаго этому явленію въ обстановкѣ соціалистовъ другихъ странъ не замѣчается, и напрасно стали бы мы искать подходящаго къ указанному явленію примѣра въ исторіи дѣятельности этихъ соціалистовъ. На памяти живущаго поколѣнія, только одна революціонная организація располагала бóльшими денежными средствами: это организація „польской справы,“ въ 1863 и 1864 годахъ, обливвшей кровью нашъ западный и Привислинскій край. Она выставляла цѣлыя арміи, не говоря уже о массахъ жандармовъ-кинжальщиковъ и жандармовъ-вѣшателей.

№ 83.

Москва, 22-го марта.

Поднятъ вопросъ о такъ-называемомъ правѣ убѣжища. Наступила кажется пора когда всѣ правительства должны признать свою солидарность въ охранѣ тѣхъ всеобщихъ началъ нравственнаго порядка, безъ которыхъ не возможно никакое человѣческое общежитіе. Наступила пора отказаться отъ той политики которая побуждаетъ желать другимъ того чего себѣ не желаешь. Не прогрессъ нравственности, не высшія начала справедливости, не пробудившійся голосъ христіанской совѣсти, будетъ тому причиной, а простое чувство самосохраненія. Приходится убѣдиться что всякій преступный элементъ, находя себѣ убѣжище и поддержку правительствъ, растетъ, организуется и вступаетъ въ солидарность съ другими подобными элементами, которыхъ не мало найдется вездѣ, и такимъ образомъ рано или поздно гостепріимное правительство получитъ должную мзду. Революціонные элементы всѣхъ странъ становятся солидарны: должны ли правительства въ отношеніи къ нимъ оставаться разрозненными и злорадствовать одно другому въ дѣлѣ, которое при дальнѣйшемъ развитіи грозитъ равною опасностію всѣмъ? Злодѣянія проклинаемыя человѣческою совѣстію, преступленія караемыя законами всѣхъ странъ, могутъ ли быть извиняемы, не говоримъ восхваляемы, если совершаются не у насъ, а въ другой странѣ, хотя бы намъ не совсѣмъ пріязненной? Можемъ ли мы допускать чтобы подъ покровительствомъ нашихъ законовъ созрѣвалъ умыселъ убійства, дѣлались къ нему приготовленія, и чтобъ убійству рукоплескали, а убійцамъ воздавали хвалу?

Говорятъ, у Русской дипломатіи не очень тонкая кожа; за то голосъ у ней тонкій. Она рѣдко протестуетъ въ дѣлѣ національнаго достоинства и оскорбленія русской чести, а если протестуетъ, то такъ что не распознаешь обижается ли она или благодаритъ за одолженіе. Но ужасное постигшее насъ событіе заставило всѣхъ встрепенуться. Въ Европѣ послышался протестъ болѣе сильный и дѣйствительный чѣмъ фальцетъ г. Поггенполя въ *Agence Générale Russe*. Правительство Англіи, гдѣ по преимуществу находятъ себѣ убѣжище выброски всѣхъ странъ и гдѣ имъ пре-

доставлялась полная свобода замышлять и подготовлять всякого рода преступныя покушенія, наложило руку на проживающаго въ Лондонѣ нѣмецкаго соціалиста Моста, который послѣ злодѣянія 1 марта восхвалялъ его въ своемъ изданіи. Мостъ преданъ суду, арестованъ и сидитъ теперь въ слѣдственной тюрьмѣ. Правительство Французской республики, со своей стороны, тщится показать себя правительствомъ нормальнымъ, честнымъ, заслуживающимъ признанія и уваженія. Оно также привлекаетъ къ суду редакторовъ тѣхъ радикальныхъ изданій, которые позволяли себѣ съ сочувствіемъ отозваться о цареубійствѣ.

Сѣверо-Германская Газета, служащая органомъ государственному человѣку управляющему дѣлами Германіи и имѣющему могущественное вліеніе въ Европѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ всякаго потворства злоумышленникамъ, придающимъ себѣ значеніе политической партіи. Мы недавно читали въ ней сильныя улики противъ польской справы. Все это превосходно, и нельзя сомнѣваться что мощное дѣйствіе Германіи, среди нынѣшнихъ обстоятельствъ, могло бы увѣнчаться наилучшими результатами въ борьбѣ со всеобщимъ зломъ.

Мы говоримъ *могло бы*. Почему не сказали мы просто: *можетъ?* Увы, дѣла человѣческія, особенно дѣла государственныя, рѣдко бываютъ свободны отъ примѣси. Политика пересѣкается политикой, соображеніе соображеніемъ, интересъ интересомъ. Мы совершенно увѣрены и въ искренности и въ рѣшительности политики германскаго канцлера направленной противъ злоумышленниковъ всякаго рода и противъ ихъ попустителей. Но Германія находитъ для себя полезнымъ дружить съ Австро-Венгріей. Говорятъ, обѣ державы находятся въ тѣсномъ между собою союзѣ, и желаютъ чтобъ и мы примкнули къ ихъ союзу, по крайней мѣрѣ жили бы въ добромъ съ ними согласіи. Мы и дѣйствительно находимся въ наилучшихъ дипломатическихъ отношеніяхъ не только къ Германіи, но и къ Австро-Венгріи. Мы несомнѣнно увѣрены въ искреннемъ сочувствіи нашему народному горю со стороны императора Австрійскаго, равно какъ и всѣхъ членовъ Габсбургскаго дома. На погребеніи нашего измѣннически умерщвленнаго Государя, присутствовалъ эрцгерцогъ Австрійскаго дома. Все это въ порядкѣ вещей, и иного ожидать было бы невозможно. Но въ порядкѣ ли вещей чтобы въ дружественномъ государствѣ ликовали и радовались по случаю злодѣянія которому нѣтъ имени и ликовали не подпольные дѣятели, не выходцы злоупотребляющіе оказанною имъ терпимостію, не радикалы съ которыми нѣтъ слада; но признанная и законная печать всѣхъ оттѣнковъ. Мы теперь говоримъ не о скандалѣ учиненномъ Поляками въ рейхсратѣ; мы обличаемъ предъ цивилизованнымъ міромъ печать другой половины имперіи Габсбурговъ, мадьярскую, которая солидарна съ польскою партіей. Если Англійское правительство преслѣдуетъ Моста и если правда что Германія энергически требовала того, то какимъ образомъ могутъ безнаказанно и безо всякаго протеста съ чьей-либо стороны совершать Мадьяры свои гнусныя оргіи? Какимъ образомъ остаются безнаказанными выходки мадьярскихъ газетъ, превосходящія своею гнусностію всякое словоизверженіе и Моста, и Луизы Мишель? Эти послѣдніе — люди отъявленные. Они не могутъ иначе думать и иначе выражаться. Они отверженцы; они не хотятъ принадлежать къ существующему порядку; они не признаютъ ни законовъ, ни правилъ нравственности. Они пользуются только крайнею терпимостію общества, среди котораго живутъ. Но что̀ сказать о неистовомъ восхваленіи цареубійства со стороны органовъ законнаго въ странѣ порядка, и говорящихъ не во имя революціонныхъ идей какъ Луиза Мишель или Рошфоръ, но во имя справедливости, законности, цивилизаціи, даже религіи? Мы не могли бы, даже въ самомъ смягченномъ видѣ, передать ту мерзость которою были преисполнены мадьярскія газеты послѣ 1 марта. И чуть ли не самое худшее было въ органахъ не оппозиціонной, а правительственной, даже венгерской придворной партіи, какъ *Pesti Naplô*. Другая газета, именно *Fügetlenség* (№ 37), на другой день (15 марта) по полученіи извѣстія о петербургскомъ событіи, явилась окаймленная вѣнкомъ цвѣтовъ, хотя этотъ день у Мадьяръ есть день печали когда поминаются венгерскіе мятежники павшіе 15 марта 1848, такъ что въ прежнюю пору въ этотъ день мадьярскія газеты выходили даже съ траурною каймой. Чтобы судить о характерѣ и тонѣ заявленій печати въ *дружественномъ* государствѣ, вотъ лишь нѣ-

сколько словъ, сравнительно менѣе возмутительныя, изъ газеты *Egyetértés*, органѣ умѣренной части партіи независимости, наиболѣе распространенномъ въ Венгріи: „Вы, свинцовые рудники Сибири, вы, поля усѣянныя костями Польши, горы турецкихъ труповъ, вы отомщены.“

Въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ было сказано будто венгерское министерство постановило привлечь авторовъ этихъ статей къ отвѣтственности. Это невѣрно. Правда, со стороны Императорской канцеляріи было сдѣлано венгерскому оберъ-прокурору приглашеніе начать преслѣдованіе, но совѣтъ венгерскихъ министровъ рѣшилъ иначе, и преслѣдованіе не состоялось.

Если верховная власть такъ безсильна въ странѣ что не можетъ обезпечить соблюденіе самыхъ элементарныхъ требованій общественной нравственности, если страна находится во власти партій каковы мадьярская и польская, если въ этой странѣ можетъ открыто и безнаказанно восхваляться цареубійство, если въ этой странѣ можно такъ открыто ругаться надъ нами, то какая же возможна у насъ дружба съ этою страной?

№ 84.

Москва, 24-го марта.

Прошелъ слухъ что вопросъ о международныхъ мѣрахъ противъ революціонной пропаганды исходитъ отъ Россіи. На это *Agence Générale Russe* спѣшитъ замѣтить что русская дипломатія „смотритъ на это дѣло какъ на опасность всѣмъ одинаково угрожающую, и полагаетъ что въ этомъ отношеніи должна быть солидарность между всѣми правительствами. Если таковая дѣйствительно существуетъ, то *нѣтъ надобности* взывать къ оной; если же ея нѣтъ, то взывать къ ней было бы безполезно.“ Но опасность предотвращается дѣятельными мѣрами, а не теоретическимъ согласіемъ что она угрожаетъ всѣмъ одинаково. Россія болѣе всѣхъ другихъ странъ страдаетъ отъ того позорнаго потворства которое прямо или косвенно оказывалось до сихъ поръ крамолѣ, и было бы весьма естественно еслибъ именно она обратилась съ воззваніемъ къ общественной совѣсти Европы, пробудившейся наконецъ подъ ударомъ безпримѣрнаго въ исторіи злодѣянія.

Въ Германіи не такъ отнеслись къ дѣлу и не стали вдаваться въ скептическія размышленія о томъ существуетъ или нѣтъ солидарность всѣхъ противъ общаго врага, но поспѣшили формуловать предложеніе, которое имѣетъ цѣлью практически установить международные способы борьбы. Имперскій рейхстагъ принялъ уже вчера, какъ сообщаетъ телеграфъ, предложеніе по этому предмету вожака партіи центра, г. Виндтгорста, къ которому присоединились всѣ прочія политическія фракціи, за исключеніемъ соціалистовъ. Но нельзя сказать чтобы дѣло обошлось безо всякой фальши. Въ берлинскихъ газетахъ мы находимъ любопытныя подробности о возникновеніи этого предложенія и о тѣхъ модификаціяхъ коимъ оно подверглось до внесенія его въ рейхстагъ.

Первоначально имѣлось въ виду предложить лишь принятіе мѣръ противъ „злоупотребленій динамита.“ Но такая неопредѣленная форма вскорѣ замѣнена болѣе точнымъ указаніемъ на факты послужившіе поводомъ къ возбужденію этого вопроса. Сынъ князя Бисмарка, графъ Вильгельмъ Бисмаркъ, сдѣлалъ самое обширное изъ предложеній обсуждавшихся на совѣщаніяхъ парламентскихъ фракцій. Оно клонилось къ тому чтобы побудить имперскаго канцлера войти съ прочими державами въ соглашеніе „о мѣрахъ къ огражденію общества отъ преступныхъ дѣйствій какъ отдѣльныхъ фанатиковъ, такъ и революціонныхъ обществъ.“ Другое предложеніе, депутата Безелера, нѣсколько суживало первое подъ которое можетъ быть подведена всякаго рода соціалистская пропаганда. Оно гласило такъ: „Рейхстагъ приглашаетъ имперскаго канцлера употребить свои старанія къ тому дабы убійство съ политическою цѣлью было признано по международному соглашенію преступленіемъ противъ общаго права“ (gemeines Verbrechen).

Предложеніе Виндтгорста еще болѣе узко нежели послѣднее. Оно считаетъ подлежащимъ карѣ по международному соглашенію лишь убійство или покушеніе на убійство направленное противъ главы какого-либо государства, равно какъ уговоръ на подобное преступленіе, хотя бы безъ приступа къ подготовленію онаго, а также публичное подстрекательство къ преступленію этого рода. Выдачѣ государству противъ котораго направлено преступленіе

подлежатъ, согласно предложенію Виндтгорста, виновные въ совершеніи онаго (но не тѣ кто лишь сговорились на такое дѣло или открыто подстрекали къ нему).

Сопоставленіе этихъ трехъ предложеній, изъ коихъ лишь послѣднее, самое ограниченное, утверждено рейхстагомъ, показываетъ что Европа еще весьма далека отъ дѣйствительно всеобъемлющихъ и рѣшительныхъ мѣръ противъ революціонной заразы. Князь Бисмаркъ, замѣчаютъ берлинскія газеты, не прочь былъ дѣйствовать болѣе радикальнымъ образомъ, чему служитъ де доказательствомъ предложеніе его сына, подъ которое могло бы быть подведено всякое проявленіе соціалистской пропаганды. Но предложеніе графа Вильгельма Бисмарка, очевидно, понадобилось лишь для какого-то скрытаго пока маневра; оно вовсе не подвергалось обсужденію и было вскорѣ оставлено, также какъ и предложеніе Безелера, и всѣ фракціи примкнули къ предложенію Виндтгорста, причемъ было заявлено что и канцлеръ противъ него не возражаетъ. Канцлеръ не только не возражалъ, но, какъ косвенно признаютъ берлинскія газеты, невидимо руководилъ всѣмъ этимъ дѣломъ съ начала до конца, и только благодаря этому партіи враждебныя ультрамонтанамъ рѣшились присоединиться къ предложенію носящему имя вожака центра. Въ дѣлахъ международной политики князь Бисмаркъ до сихъ поръ всегда обходился безо всякаго вмѣшательства и контроля парламента и даже не сообщалъ ему о результатахъ тѣхъ соглашеній въ которыя онъ считалъ нужнымъ вступать. И въ данномъ случаѣ, какъ признаютъ берлинскія газеты, князь Бисмаркъ могъ обойтись безо всякаго участія рейхстага. А между тѣмъ дѣло поведено такимъ образомъ какъ будто инціатива принадлежитъ всецѣло рейхстагу и будто князь Бисмаркъ явится лишь исполнителемъ его рѣшенія когда приступитъ къ переговорамъ о международномъ соглашеніи въ тѣхъ предѣлахъ какіе рейхстагомъ ему указаны.

Формула избранная Германскимъ рейхстагомъ выставляется, впрочемъ, заслуживающею предпочтенія предъ болѣе широкими формулами графа Бисмарка и Безелера потому еще что она имѣетъ де наиболѣе шансовъ къ принятію Франціей и Англіей, такъ какъ то что изложено въ предложеніи Виндтгорста не потребуетъ никакихъ измѣненій въ дѣйствующемъ уголовномъ правѣ этихъ странъ, ибо и тамъ убійство и покушеніе на убійство главы чужаго государства приравнено къ обыкновеннымъ, а не къ политическимъ преступленіямъ. Насколько французская и англійская юриспруденція въ теоріи согласны съ этимъ взглядомъ, мы не беремся судить Но мы знаемъ какъ французскія и англійскія власти еще недавно отнеслись къ виновнику покушенія на цареубійство: Гартманъ былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны французскою судебною властью а перебравшись въ Англію онъ открыто сталъ разглашать о своихъ прошедшихъ подвигахъ и о своихъ будущихъ замыслахъ, и ни англійскій судъ, ни англійская администрація не подумали положить предѣлъ столь возмутительному и позорному для Англіи публичному оскорбленію всякой нравственности.

Уголовное преслѣдованіе возбужденное теперь въ Лондонѣ противъ Моста, редактора нѣмецкаго революціоннаго листка, за его гнусныя выходки по поводу цареубійства какъ бы указываетъ что и въ Англіи наступило иное настроеніе. Но нужно еще подождать чѣмъ кончится судъ надъ Мостомъ. Нельзя не вспомнить при этомъ уголовнаго преслѣдованія которое было возбуждено въ 1858 году противъ французскаго подданнаго Бернара, обвинявшагося въ содѣйствіи при изготовленіи бомбъ посредствомъ которыхъ совершено было извѣстное покушеніе 14 января 1858 г. противъ императора Наполеона. Бернаръ былъ арестованъ подобно Мосту; но затѣмъ присяжные оправдали его при рукоплесканіяхъ лондонской толпы. Въ то же время палата общинъ отвергла билль внесенный лордомъ Пальмерстономъ о томъ чтобъ уговоръ на убійство былъ признанъ не проступкомъ (*misdemeanour*), какимъ оно считалось до тѣхъ поръ по англійскимъ законамъ, а тяжкимъ преступленіемъ (felony) чѣмъ предполагалось создать для правительства возможность преслѣдованія заговорщиковъ пользующихся свободой убѣжища въ Англіи для преступныхъ замысловъ на жизнь иностранныхъ вѣнценосцевъ. Вслѣдствіе такого пораженія, лордъ Пальмерстонъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. Но въ 1861 году, когда лордъ Пальмерстонъ опять стоялъ во главѣ кабинета, и покушеніе Бекера на жизнь короля Прусскаго снова выдвинуло на оче-

редь вопросъ о политическихъ убійцахъ, лорду Пальмерстону удалось наконецъ добиться отъ парламента измѣненія закона и установить тяжкую уголовную кару за уговоръ и подстрекательство на убійство, независимо отъ дальнѣйшихъ послѣдствій. На основаніи этого-то закона Мостъ нынѣ привлеченъ къ отвѣтственности.

№ 85.

Москва, 25-го марта.

Нашъ дорогой Рубинштейнъ не надолго выѣзжалъ изъ Москвы, которую онъ такъ любилъ, которая такъ любила его. Высланный врачами, онъ скоро возвратился къ намъ „бездыханный, безгласный,“ чтобы навѣки успокоиться въ нѣдрахъ родимой земли. Вчера прибылъ прахъ его, сопровождаемый его знаменитымъ братомъ и преданными друзьями. Москва, къ чести ея управленія, достойно встрѣтила и почтила останки человѣка котораго талантъ былъ однимъ изъ лучшихъ ея украшеній, а его плодотворная, неутомимая, пламенѣвшая любовью къ своему призванію дѣятельность, останется навсегда памятною въ исторіи русскаго образованія.

Николай Григорьевичъ былъ всѣми оцѣненный, замѣчательный, рѣдкій талантъ въ своемъ искусствѣ. Но этимъ не исчерпывается его значеніе. Онъ владѣлъ даромъ своего искусства не для того только чтобъ услаждать любителей, и еще менѣе чтобы тѣшить досугъ публики и собирать дань ея восторговъ. Онъ чтилъ свое искусство какъ святыню; онъ благоговѣйно и самоотверженно служилъ ему, служа съ тѣмъ вмѣстѣ своему отечеству. Какъ вдохновенный истолкователь великихъ проявленій творческаго духа въ гармоніи звуковъ, онъ чувствовалъ себя призваннымъ усвоить образованію своего отечества эту благородную стихію, возвышающую и оплодотворяющую духъ. Вмѣстѣ съ пережившимъ его братомъ, онъ посвятилъ себя насажденію музыкальнаго образованія въ Россіи. Всѣмъ извѣстно горячее, неутомимое, самоотверженное усердіе съ какимъ покойный работалъ этому дѣлу, и лишь будущее оцѣнитъ должнымъ образомъ плоды его дѣятельности. Братья Рубинштейны были основателями Русской музыкальной консерваторіи, въ Петербургѣ — Антонъ, въ Москвѣ — Николай, и Николай Григорьевичъ до послѣднихъ дней своей жизни оставался руководителемъ и душою своего заведенія. Теперь можемъ мы сказать что это благородное искусство, проникающее до глубины души людей и въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ ея, куда слово не достигаетъ, возбуждающее чувство безконечнаго и духовнаго, что это искусство во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ прочно укоренилось въ нашей почвѣ. Вспомните что̀ была музыка у насъ за двадцать лѣтъ предъ симъ, и посмотрите сколько теперь у ней способныхъ дѣятелей въ нашей средѣ, и какъ высоки стали ея требованія у насъ, какъ распространилось разумѣніе ея законовъ, какъ хорошо засѣяна эта добрая нива и какую жатву обѣщаетъ она для нашего народнаго воспитанія. Музыкальный элементъ въ системѣ общаго образованія есть великое дѣло. Это по истинѣ цивилизующій элементъ, и не даромъ древнія сказанія заставляли города слагаться и заселяться подъ чарующимъ дѣйствіемъ гармоніи звуковъ. Вотъ незабвенная заслуга покойнаго, вотъ на что̀ положилъ онъ свою душу, вотъ какъ употребилъ онъ дарованный ему Богомъ талантъ, и вотъ за что̀ оказывается ему высокая честь роднымъ городомъ.

Онъ былъ всѣми оцѣненный талантъ, но онъ былъ и человѣкъ поистинѣ хорошій. Онъ былъ всею душею преданный своему отечеству, глубоко русскій человѣкъ, твердый въ гражданскомъ долгѣ, непускавшійся ни въ какія сдѣлки съ совѣстію во всемъ чего требуетъ честь русскаго гражданина. Въ воспитательномъ дѣлѣ которому онъ посвятилъ себя съ любовію и самоотверженіемъ, онъ отличался рѣдкимъ у насъ здравомысліемъ. Свою любовь къ учащимся полагалъ онъ не въ неразумныхъ поблажкахъ лѣности и нерадѣнію, не въ послабленіи требованій дѣла, а напротивъ въ высотѣ и строгости ихъ, стараясь всячески помогать учащимся въ трудѣ ихъ усовершенствованія и развитія.

№ 86.

Москва, 26-го марта.

Сегодня открылся въ Петербургской судебной палатѣ процессъ противъ участни-

ковъ цареубійства. Пишемъ эти строки до полученія депеши о сегодшнемъ засѣданіи. Депеша придетъ вѣроятно въ то время когда этотъ листокъ будетъ уже въ печати, и въ такомъ случаѣ разошлется нашимъ подписчикамъ въ особомъ прибавленіи при нумерѣ. Впрочемъ, по всему вѣроятію, судъ объ этомъ страшномъ и выходящемъ изъ ряду дѣлѣ будетъ заурядный, съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, не исключая и обычныхъ вопросовъ предсѣдателя: „Какъ васъ зовутъ, подсудимый? какого вы вѣроисповѣданія? сознаете ли вы себя виновнымъ?“ причемъ быть-можетъ не обойдется безъ поясненія что подсудимый можетъ и не отвѣчать на предлагаемые вопросы если не желаетъ. Все, по всему вѣроятію, пойдетъ своимъ порядкомъ, и затѣмъ всѣ разойдутся по домамъ съ удовлетвореннымъ чувствомъ какъ люди исполнившіе свой долгъ и сдѣлавшіе свое дѣло. А что преступники? Смягчились ли они духомъ, пришли ли къ сознанію своего положенія? Увы, едва ли! Они выдержали строгую дисциплину революціонной школы, которая, не балуетъ своихъ воспитанниковъ, внушая имъ, съ одной стороны, почтеніе къ таинственной силѣ обрекшей ихъ на служеніе своимъ невѣдомымъ цѣлямъ; съ другой, держа ихъ подъ страхомъ неминуемой грозной расправы въ случаѣ уклоненія отъ связующаго ихъ долга; наконецъ, дисциплинируя ихъ всѣми искусами безусловнаго послушанія и, какъ вѣдомо изъ политическихъ процессовъ, исправляя ихъ въ своемъ смыслѣ доброю наставницей, розгой.

Странное явленіе происходило въ нашемъ глаголемомъ образованномъ обществѣ! Въ то время какъ слагалась революціонная организація, похищавшая дѣтей нашихъ изъ семей и школъ, въ нашемъ обществѣ усиленно распространялись „лже-либеральныя“ идеи, состоящія въ томъ чтобы дѣтей и юношей оставлять безъ всякой опеки, не докучать имъ серіозными занятіями, не надоѣдать имъ дисциплиной, и держать ихъ какъ можно слабѣе чтобы тѣмъ легче могла захватывать ихъ въ свои тиски тайная организація, которая, напротивъ, въ такой же степени какъ либеральничало общество, вбивала въ нихъ страхъ, если не Божій то дьявольскій. Чѣмъ больше падало въ нашихъ образованныхъ сферахъ чувство долга, авторитетъ власти, тѣмъ строже выдвигался этотъ принципъ въ подпольномъ мірѣ.

Удивительный контрастъ представляли, встрѣчаясь лицомъ къ лицу, агентъ законнаго правительства и служитель тайнаго правительства! Насколько первый старался съ либеральною небрежностью относиться къ своимъ правамъ или, что то же, къ своимъ обязанностямъ, настолько второй былъ крѣпокъ и преданно консервативенъ въ своемъ дѣлѣ; насколько первый сглаживался и старался, настолько поднимался духомъ второй...

Наше мнимое образованіе пошло намъ не въ прокъ; оно не сдѣлало насъ умнѣе. Увы, оно имѣетъ печальное свойство лишать людей самороднаго здраваго смысла! Въ этомъ главная вина нашей нынѣшней смуты. Не революціонная пропаганда страшна, страшна податливость такъ-называемой образованной среды гдѣ пропаганда, дѣйствуетъ.

Мы думаемъ что исполняемъ долгъ гуманности и цивилизаціи стараясь галантерейно и будто бы мягкосердечно обращаться съ преступниками которые готовятся на вѣсилицу или по малой мѣрѣ на каторгу. Нѣтъ, это не правда: тутъ нѣтъ человѣколюбія, нѣтъ доброты, тутъ только слабость; тутъ нѣтъ цивилизаціи, тутъ только напомаженное и причесанное варварство. Вмѣсто того чтобы жеманиться съ этими людьми не вѣрнѣе ли было бы позаботиться о томъ чтобы привести ихъ въ чувство, смягчить, отрезвить и смирить ихъ, чтобъ они очнулись отъ того состоянія опьянѣнія въ которомъ они нравственно находятся, отъ той гордости безумія, отъ того самообольщенія въ которомъ глохнетъ голосъ совѣсти и чувство правды. Приторныя любезности только выше поднимаютъ нечистый духъ ими владѣющій, только ожесточаютъ ихъ во лжи. Если вами движетъ жалость къ этимъ людямъ, то вы лучше поступите если успѣете отрезвить ихъ настолько чтобъ они опомнились; если имъ придется умирать, то не лучше ли умереть имъ съ душою смягченною и пришедшею въ себя нежели въ дикомъ фанатизмѣ подъ властію духа лжи? Не лучше ли чтобы смерть ихъ принизила, а не возгордила ихъ единомышленниковъ?

№ 87.

Москва, 27-го марта.

Вопросъ о международномъ соглашеніи съ цѣлью болѣе успѣшной борьбы противъ революціонной крамолы прошелъ въ засѣданіи Германскаго рейхстага 4 апрѣля чрезвычайно „гладко.“ Никто почти не возражалъ противъ предложенія Виндгорста, и за него подали голоса всѣ фракціи, причемъ прогрессисты и Поляки сочли нужнымъ заявить что они это дѣлаютъ во избѣжаніе „пересудовъ“ и инсинуацій, которыя эти партіи навлекли бы на себя еслибы выразили свое несогласіе. Но если въ рейхстагѣ вопросъ рѣшенъ безъ преній, на основаніи предварительнаго и негласнаго уговора между вожаками всѣхъ партій, то тѣмъ оживленнѣе вольные толки германской печати по этому предмету. И, странное дѣло, печатные голоса съ такимъ же единодушіемъ высказываются въ томъ смыслѣ что резолюція рейхстага ни къ чему не поведетъ, съ какимъ депутаты спѣшили присоединиться къ нему. Большинство солидныхъ органовъ независимой берлинской печати думаетъ такъ не потому чтобъ они были не согласны съ предложеніемъ Виндгорста; но они полагаютъ что дѣло не сладится несогласіемъ прочихъ, и преимущественно западныхъ державъ, то-есть Англіи и Франціи. Къ этому прибавляютъ что князь Бисмаркъ „отнюдь не намѣренъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ такимъ образомъ чтобы неудача предложенія могла быть сочтена дипломатическимъ пораженіемъ Германіи.“ Какъ же будетъ онъ дѣйствовать? Замѣчательно что германскій канцлеръ далъ этому дипломатическому вопросу совершенно необычный ходъ. Обыкновенно, онъ не допускаетъ парламентскаго вмѣшательства въ дѣла дипломатическаго свойства, а теперь именно этотъ вопросъ о выдачѣ политическихъ преступниковъ князь Бисмаркъ повелъ такъ чтобъ инціатива и постановка его казались дѣломъ парламента. Но давая такое необычное направленіе дипломатической процедурѣ вопроса и предоставляя возбужденіе его парламенту, Jupiter tonans европейской политики готовитъ повидимому другаго рода дѣйствія долженствующія придать вопросу реальное значеніе, независимо отъ парламентскаго и дипломатическаго пустословія. Офиціозный органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Газета*, заводитъ рѣчь о *понудительномъ* образѣ дѣйствій. Она грозитъ Англіи новою континентальною системой посредствомъ установленія „со стороны Россіи, Германіи и Австріи“ кордона, чрезъ который не могло бы проникнуть „безъ вѣрной лигитимаціи“ ни одно лицо и ни одно товарное отправленіе, и все идущее изъ Англіи подвергалось бы осмотру по отношенію къ „зажигательнымъ сочиненіямъ, взрывнымъ веществамъ и ядамъ.“ *Сѣверо-Германская Газета* вовсе не стѣсняется размѣромъ даваемымъ вопросу резолюціей Германскаго рейхстага долженствующею служить исходнымъ пунктомъ *будущихъ* переговоровъ и требуетъ чтобъ Англія приняла на себя отвѣтственность за всѣ дѣйствія революціонной партіи которыя могутъ быть задуманы и подготовлены на ея почвѣ. Нѣтъ сомнѣнія что если подобная мѣра будетъ принята и должнымъ образомъ выдержана правительствами солидарныхъ въ вопросѣ державъ, то всякое резонерство прекратится само собой или окончательно улетучится въ область словопреній.

Лишь подобныя *серіозныя* мѣры придаютъ значеніе дипломатическимъ представленіямъ которыя безъ такого аккомпанимента никогда ни къ чему не приводятъ. Только пустые умы могутъ воображать что дипломатическія побѣды одерживаются краснорѣчіемъ депешъ. Какъ внутри такъ и внѣ, государство только тогда успѣшно дѣйствуетъ когда опирается не на отвлеченные принципы, а на дѣйствительную силу, и добивается своего путемъ не увѣщанія и резонерства, а реальнаго вынужденія.

Что касается выдачи преступниковъ, то въ принципѣ и Англія должна быть согласна съ этимъ требованіемъ. Неизвѣстно была ли потребована въ прошедшемъ году выдача Гартмана отъ англійскаго правительства. Но вотъ доказательство что въ „теоріи“ и англійскіе юристы отнюдь не возстаютъ противъ выдачи преступниковъ прикосновенныхъ къ покушенію на политическое убійство. Институтъ Международнаго Права имѣлъ въ прошедшемъ году свою очередную сессію въ Оксфордѣ. На этой сессіи возбужденъ былъ вопросъ о правѣ убѣжища для политическихъ выходцевъ; по этому предмету представилъ обширный докладъ французскій криминалистъ г. Рено и заключенія имъ высказанныя были при-

няты конгрессомъ. Заключенія эти состоятъ въ слѣдующемъ:

„1) Обвиненія имѣющія всѣ признаки обще-преступнаго дѣянія (убійство, поджогъ, разбой) не могутъ быть подведены подъ правило о невыдачѣ политическихъ преступниковъ на томъ лишь основаніи что виновный имѣлъ въ виду политическую цѣль.

„2) Дѣянія совершенныя во время политическаго возстанія или междуусобной войны изслѣдуются съ точки зрѣнія права войны и политическимъ преступленіемъ признается лишь такое дѣйствіе которое не противорѣчитъ обычаямъ войны."

Въ преніяхъ по этому предмету принимали участіе 25 самыхъ выдающихся авторитетовъ международнаго права въ Европѣ, и приведенныя заключенія приняты всѣми голосами противъ двухъ, причемъ всѣ англійскіе юристы участвовавшіе въ собраніи подали голосъ съ большинствомъ; въ числѣ послѣднихъ находились сэръ-Траверсъ Твиссъ, адвокатъ королевы и Монтегю Бернардъ, членъ тайнаго совѣта Британской короны.

Но замѣчательно вотъ что̀: въ Берлинѣ повидимому начинаютъ опасаться заразы не столько со стороны западныхъ державъ, сколько самой Россіи. Дѣла въ ней повидимому представляются тамъ въ столь мрачномъ видѣ что уже поговариваютъ какія бы принять мѣры противъ революціонной крамолы которая такъ привольно работаетъ въ Россіи, безнаказанно ругаясь надъ Русскимъ народомъ.

№ 88.

Москва, 28-го марта.

Не скроемъ что судъ который теперь творится надъ виновниками цареубійства производитъ тяжкое, болѣзненное, невыносимое впечатлѣніе Совершено убійство квалифицированнаго свойства, самое злоухищренное, адски обдуманное, учиненное цѣлымъ скопомъ по тайной командѣ, съ помощію утонченныхъ и усовершенствованныхъ орудій разрушенія: этого одного достаточно чтобы выдѣлить и преступниковъ, и ихъ мрачное дѣло изъ ряда. Но совершено, съ тѣмъ вмѣстѣ, посягательство на лицо облеченное Верховною Властію, которую благоговѣйно чтитъ народъ какъ державу своего государственнаго существованія, какъ завѣтъ всей своей исторіи и залогъ своего будущаго; совершено надругательство надъ народомъ въ самомъ основномъ, всѣ классы его единящемъ чувствѣ; совершено дѣло измѣны разчитанное на потрясеніе государства. на возбужденіе кровавыхъ смутъ: неужели слѣдуетъ относиться къ виновникамъ такого дѣла какъ къ обыкновеннымъ преступникамъ? Виновность преступниковъ не подлежитъ сомнѣнію: они не скрываютъ своего участія въ дѣлѣ, они хвалятся имъ. Нѣтъ и тѣни сомнѣнія чтобы въ данномъ случаѣ кара постигла неповиннаго: нѣтъ ни малѣйшей надобности еще разыскивать и доказывать преступность этихъ людей. Судебное слѣдствіе и обвиненіе ничего не прибавлятъ, точно также какъ и защита ничего не убавитъ въ дѣлѣ подлежащемъ рѣшенію суда. Но судъ надъ этими людьми творится, какъ мы видимъ, съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ формальностей установленной процедуры, даже съ тѣмъ обычнымъ новому русскому судопроизводству приниженіемъ тона судебной власти предъ лицами подсудимыми, въ противность обычаю хотя бы французскихъ судовъ, послужившихъ образцомъ для нашихъ, гдѣ судья всегда высится надъ преступникомъ и относится къ нему съ должнымъ достоинствомъ и строгостію. Мы не протестуемъ противъ этой процедуры вообще; но мы хотимъ быть откровенными и потому не можемъ скрыть что въ данномъ случаѣ она производитъ тягостное впечатлѣніе. Была же возможность, когда судили Млодецкаго избѣжать этого испытанія которому подвергается теперь общественная совѣсть и народное чувство?

Исполнители самаго страшнаго изо всѣхъ преступленій продолжаютъ и теперь, находясь въ рукахъ правосудія, издѣваться надъ правосудіемъ, надъ государствомъ, надъ народомъ. Судебная процедура даетъ этимъ людямъ средства выставиться партіей имѣющею право на существованіе, засвидѣтельствовать о своемъ торжествѣ, явить себя героями и мучениками своего дѣла, какъ будто дѣло это не есть одинъ изъ гнуснѣйшихъ обмановъ и какъ будто оно можетъ найти себѣ какое-либо признаніе предъ лицомъ правосудія. Есть нѣчто ненормальное, есть какая-то невѣрность уже въ томъ обстоятельствѣ что судъ который ихъ судитъ представляется какъ-бы

чѣмъ-то посредствующимъ между государствомъ и его врагами. Что̀ такое этотъ судъ какъ не созданіе и органъ государства, на существованіе котораго покусились эти люди, злодѣйски умертвивъ Государя? Къ чему же этотъ видъ нейтральности, безполезный для самихъ подсудимыхъ и такъ глубоко не соотвѣтствующій истинѣ, къ чему весь этотъ парадъ, который такъ мало согласуется со скорбнымъ значеніемъ страшнаго событія подавшаго къ нему поводъ, и только смущаетъ умы и общественную совѣсть? Этотъ характеръ заурядной процедуры, эти допущенныя выходки подсудимыхъ, это нахальство съ которымъ одинъ изъ нихъ оспариваетъ подлинность сообщеннаго ему документа и требуетъ удостовѣренія, не признавая компетентности суда предъ которымъ онъ стоитъ, его столько же наглая сколько безсмысленная исповѣдь о Христѣ, въ Котораго онъ не вѣруетъ и въ тоже время удостоиваетъ заявить себя послѣдователемъ христіанскаго ученія въ томъ что вѣра безъ дѣлъ мертва, выдавая такимъ образомъ свое безвѣріе за вѣру и свое гнусное дѣло какъ долгъ христіанина, все это не можетъ не производить тяжелаго впечатлѣнія на народное чувство. Совершено самое тяжкое изъ преступленій, поругано начало священное: непререкаемо требуется грозная кара; но не обратится ли путь возмездія въ новый ущербъ достоинству поруганнаго начала?

№ 90.

Москва, 30-го марта.

Прокурорская рѣчь въ Сенатѣ по дѣлу о цареубійцахъ произвела, какъ пишутъ, сильное впечатлѣніе. Мы не сомнѣваемся что обвинительное слово г. Муравьева было исполнено ума, огня, потрясающей силы и, что̀ всего важнѣе, правды. Завтра должно-быть текстъ этой рѣчи будетъ полученъ нами, и мы увѣрены что будемъ читать ее съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Но, ради Бога, скажите зачѣмъ и кого нужно было убѣждать въ виновности подсудимыхъ и въ важности ихъ преступленія? Была ли надобность въ необыкновенномъ ораторскомъ талантѣ для того чтобы на преступниковъ пала кара правосудія? Чѣмъ лучше была рѣчь, тѣмъ тягостнѣе общее впечатлѣніе суда. Развѣ подлежавшее ему дѣло было такого свойства что кару правосудія нужно было выманивать у судей путемъ краснорѣчія, что нужно было потрясать ихъ дабы они не вздумали признать подсудимыхъ по суду оправданными? Ну, а если обвинитель не обладалъ бы силою мысли или слова, еслибы рѣчь его была слаба и блѣдна какъ рѣчь того прокурора который обвинялъ Вѣру Засуличъ, развѣ возможно подумать что судъ вынесъ бы иной приговоръ? А коль скоро способъ обвиненія и защиты въ данномъ случаѣ для результата не имѣетъ значенія, коль скоро кара правосудія должна неизбѣжно постигнуть несомнѣнно виновныхъ, то спрашивается къ чему же весь этотъ парадъ? Что̀ ненужно, то не серіозно, а что не серіозно, то недостойно въ дѣлѣ столь страшно серіознаго значенія какъ цареубійство. Говоря это, мы имѣемъ въ виду не обвинительную рѣчь г. Муравьева; напротивъ, она послужитъ намъ, мы увѣрены, отдыхомъ и успокоеніемъ; она своею правдой удовлетворитъ чувство невольно смущенное всѣмъ ходомъ дѣла. Посреди всей этой чисто формальной судебной процедуры по дѣлу о цареубійствѣ, рѣчь обвинителя становится необходимою если не для рѣшенія участи подсудимыхъ, то для успокоенія общественной совѣсти, которая не можетъ не быть смущена характеромъ процедуры слишкомъ многословной для дѣла правосудія. Въ чемъ дѣло? Было ли сомнѣніе въ виновности подсудимыхъ? Ни малѣйшаго. Фактъ виновности установленъ самымъ непререкаемымъ образомъ. Не было надобности для дѣла вызывать столько свидѣтелей и тревожить столько лицъ, между прочимъ и пострадавшихъ отъ взрыва и еще не оправившихся отъ его послѣдствій. Для дѣла правосудія не было никакой надобности допрашивать о подробностяхъ событія 1 марта. Еще менѣе была нужда вызывать самихъ подсудимыхъ на разглагольствія и подчеркивать при этомъ что они имѣютъ *право* дѣлать свои замѣчанія. Они безъ сомнѣнія имѣли бы право опровергать и доводы обвиненія и показанія свидѣтелей еслибы рѣчь шла о томъ: виновны ли они или невиновны. Но такъ какъ они своей виновности не отрицали и не могли отрицать, то спрашивается какую цѣль могли имѣть ихъ замѣчанія и какая была надобность въ ихъ разглагольствіяхъ?

Если виновность подсудимыхъ не подлежала сомнѣнію, то неужели предъ русскимъ государственнымъ судомъ могъ быть возбужденъ вопросъ о томъ преступно ли то дѣло которымъ подсудимые похваляются? Допросы и пренія на судѣ, при данныхъ обстоятельствахъ, могли бы имѣть серіозный смыслъ только въ томъ случаѣ еслибы самая преступность дѣйствія подлежала сомнѣнію, еслибы возможно было очистительное истолкованіе этого дѣйствія, еслибы законъ которому судъ служитъ органомъ допускалъ что цареубійство, при какихъ бы то ни было условіяхъ, можетъ и не быть преступленіемъ.

Очень естественно что общественная совѣсть чувствуетъ себя смущенною въ виду процедуры которая могла бы имѣть серіозный смыслъ лишь при допущеніи недопустимаго вопроса.

Дѣйствительно, тяжкое впечатлѣніе производитъ этотъ рядъ почтенныхъ лицъ, окружавшихъ своего Государя и пострадавшихъ вмѣстѣ съ нимъ отъ измѣнническаго злодѣянія, которыя были вызваны для того чтобы разказывать, безъ существенной надобности, о происшествіи предъ его виновниками, подвергаясь ихъ замѣчаніямъ и становясь съ ними какъ бы на одну доску. Такъ и ждешь что еслибы въ Бозѣ почившій Государь остался живъ, то для полнаго соблюденія доктрины пожалуй потребовалось бы и отъ него свидѣтельское показаніе...

Показанія свидѣтелей-очевидцевъ рисуютъ вновь во всѣхъ подробностяхъ страшную картину событія, и наряду съ ихъ разказами о томъ какъ Русскаго Государя въ его столицѣ, среди вѣрнаго и преданнаго Ему народа, волокли во Дворецъ съ раздробленными ногами и истекавшаго кровью, публика должна была выслушивать академическія бесѣды между представителями суда и виновниками этого дѣла.

Въ виду сознанія подсудимыхъ, товарищъ прокурора находилъ излишнимъ допрашивать всѣхъ вызванныхъ свидѣтелей. Это подаетъ поводъ къ слѣдующему разговору:

„Подс. Желябовъ. Я не ожидалъ такого заявленія со стороны г. прокурора, т.-е. отвода свидѣтелей, а потому теперь затрудняюсь сказать какія свидѣтельскія показанія имѣютъ существенное значеніе. Весьма возможно что отвѣчая на такую новую комбинацію, я просмотрю нѣкоторыхъ свидѣтелей, которыхъ раньше находилъ нужнымъ спросить.

„Первоприс. Не находите ли необходимымъ чтобы вамъ было предоставлено нѣкоторое время для обсужденія этого вопроса?

„Подс. Желябовъ. Я хотѣлъ бы спросить свидѣтеля Коха, затѣмъ Макарова, Евченко и Назарова...

„Первоприс. Какое ваше заявленіе относительно размѣровъ производства судебнаго слѣдствія?

„Подсуд. Желябовъ. Кромѣ указанныхъ мною, я прошу еще спросить Рейнгольда, Самойлова и Ульянова.“

Начинается допросъ свидѣтелей сопровождаемый слѣдующимъ объясненіемъ:

„Первоприс. Подсудимые, я не буду предлагать вамъ послѣ каждаго свидѣтельскаго показанія и вообще послѣ каждаго доказательства предъявленнаго на судѣ дѣлать наши замѣчанія, и заявляю что это ваше право и что вы можете заявлять мнѣ о своемъ желаніи дать объясненіе по всякому доказательству.

„Подс. Желябовъ. Я просилъ бы объяснить мнѣ маленькую формальность: долженъ ли я стоять или сидѣть, дѣлая заявленіе?

„Первоприс. Обращаясь къ суду, вы должны давать объясненія стоя.“

Своимъ „правомъ,“ о которомъ первоприсутствующій напомнилъ подсудимымъ, Желябовъ не замедлилъ воспользоваться Идетъ допросъ свидѣтеля Коха и вызываетъ слѣдующій разговоръ:

„Подс. Желябовъ. На дознаніи есть показаніе что свидѣтель обнажилъ саблю.

„Первоприс. (свидѣтелю). Что заставило васъ обнажить саблю?“

Для чего кажется было бы нужно допрашивать жандармскаго капитана о цѣли съ какою онъ обнажилъ саблю въ минуту злодѣйскаго нападенія на его Государя?

Одинъ изъ главныхъ преступниковъ, Желябовъ, своею наглостію возмутилъ публику находившуюся въ судѣ: онъ осмѣлился провозгласить себя дѣятелемъ на пользу Русскаго народа, и когда онъ сказалъ: „я русскій человѣкъ,“ взрывъ общаго негодованія заглушилъ его голосъ.

Зачѣмъ же не вывели публику которая взяла на себя такимъ образомъ обязанности предсѣдателя суда? Надо было бы очистить залу: вѣдь этого требуетъ док-

трина. Стало-быть не всѣ формы были соблюдены, хотя наши лжелибералы радуются что „ни одна форма судебнаго процесса не упущена изъ вида“ наивно сознаваясь въ то же время что „ни заявленія подсудимыхъ, ни судебное слѣдствіе не прибавили ни одной новой черты и не опровергли ни одного факта указаннаго предварительнымъ слѣдствіемъ“ (*Голосъ № 88*).

№ 91.

Москва, 31-го марта.

Всѣ согласны что политическія послѣдствія потрясающаго событія повлекшаго за собою перемѣну царствованія въ Россіи далеко еще не созрѣли, и что именно теперь происходитъ въ тиши дипломатическихъ кабинетовъ работа, результатомъ которой должна явиться иная группировка политическихъ силъ Европы. Но германская печать спѣшитъ предварить событія и уже теперь всячески старается представить какъ законченнымъ то что̀ находится еще въ періодѣ возниканія. Эта поспѣшность есть сама по себѣ знаменательный симптомъ: вопервыхъ, становится очевиднымъ въ какую сторону Германія желала бы направить событія, а во вторыхъ, сужденія германской печати никогда быть-можетъ съ такою откровенностью не обнаруживали той руководящей идеи германской политики, которая заключается въ томъ чтобъ имѣть Россію крѣпко на своей сторонѣ, и всѣми способами предотвратить всякую возможность сближенія между ею и Франціей. Берлинская печать разсуждаетъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, о возстановленіи на болѣе прочныхъ основаніяхъ Тройнаго Союза, и сообщаетъ за вѣрное о предстоящемъ въ маѣ свиданіи трехъ императоровъ, долженствующемъ закрѣпить предъ лицомъ всего міра этотъ союзъ. Независимо отъ этихъ фактовъ, достовѣрность коихъ ставится выше всякаго сомнѣнія, мы читаемъ и комментаріи къ нимъ, въ коихъ преслѣдуемая тенденція выступаетъ еще явственнѣе. Берлинская печать указываетъ на „великое разочарованіе“ постигшее Францію; всѣ манифестаціи тамошнихъ политическихъ сферъ по поводу злодѣянія 1 марта, начиная съ ликованія коммунаровъ и кончая сочувственными заявленіями солидной печати и офиціальныхъ сферъ, имѣли де одинъ худо-затаенный смыслъ: коммунары радовались тому что другъ и пособникъ Германіи въ ея войнѣ противъ Франціи палъ жертвой революціонеровъ; Эмиль Жирарденъ, лучше другихъ публицистовъ выражающій настроеніе французской буржуазіи, поспѣшилъ высказать въ своей газетѣ что Франція „отнынѣ можетъ вздохнуть свободно,“ а Гамбетта махнулъ де дальше цѣли, выйдя изъ предѣловъ обычной вѣжливости и закрывъ засѣданіе законодательной палаты въ день полученія роковаго извѣстія изъ Петербурга. А нынѣ какое де разочарованіе! Сближеніе между Россіей и Германіей было прямымъ послѣдствіемъ событія отъ котораго гадательная французская политика надѣялась начать эру франко-русскаго союза. Въ виду такого разочарованія, берлинская печать обращается съ увѣщаніемъ ко Франціи оставить навсегда свои мечтанія о союзѣ съ Россіей и искренно предаться заботамъ объ упроченіи мира, который лучше всего предохранитъ какъ самую Францію такъ и остальную Европу отъ грозящихъ всѣмъ революціонныхъ потрясеній. Эти миролюбивые совѣты, обращенные ко Франціи, нейдутъ, впрочемъ такъ далеко чтобъ удерживать ее отъ затѣяннаго на дняхъ открытаго разрыва съ Тунисомъ. Нѣмецкія газеты, подобно всѣмъ прочимъ, понимаютъ что „нападеніе Крумировъ“ есть не что̀ иное какъ предлогъ коимъ Французское правительство желаетъ воспользоваться дабы добиться наконецъ осуществленія своихъ давнишнихъ притязаній на Тунисъ. Притязанія эти грозятъ столкновеніемъ съ Италіей гдѣ господствуетъ сильное раздраженіе противъ Франціи, и кабинетъ Каироли уже вынужденъ былъ выйти въ отставку навлекши на себя неудовольствіе за недостаточно энергическую борьбу противъ французскихъ поползновеній на захватъ всего сѣвернаго побережья Африки. Нѣмецкая печать предвидитъ серіозныя замѣшательства готовыя возникнуть въ Средиземномъ Морѣ. Но столкновеніе между Франціей и Италіей не представляется въ Берлинѣ опасностью для европейскаго мира и мы узнаемъ изъ берлинскихъ газетъ что спеціальный уполномоченный пріѣзжавшій на дняхъ изъ Парижа для объясненія съ княземъ Бисмаркомъ по поводу Туниса получилъ отъ него увѣренія что Германія

въ принципѣ ничего не можетъ возразить противъ намѣренія Франціи „примѣрно наказать“ безпокойныхъ подданныхъ Тунисскаго бея.

Но стараясь такимъ образомъ, съ большою откровенностью, разсѣять „сангвиническія надежды Франціи на Россію„ и вмѣстѣ отвлечь въ другую сторону пробудившуюся предпріимчивость западнаго сосѣда, берлинская печать оставляетъ въ полумракѣ вопросъ о томъ что̀ именно можетъ побудить Россію напередъ лишить себя выгоды ея естественнаго положенія, которая, какъ явствуетъ изъ разсужденій самой берлинской печати, заключается въ сохраненіи за собою полной свободы дѣйствій. Если судьба Германіи и ея безопасность со стороны западнаго сосѣда такъ много зависятъ отъ Россіи; если, съ другой стороны, вполнѣ очевидно что Россія ни въ комъ не нуждается для огражденія своей безопасности совнѣ: то было бы любопытно знать какою цѣной думаетъ пріобрѣсти Германія полнѣйшую солидарность съ нею и съ ея „неразрывною“ союзницей Австро-Венгріей,—солидарность, о которой возвѣщается съ такою настойчивостью какъ о совершившемся фактѣ? Въ международной политикѣ прочнымъ бываетъ лишь такое единеніе которое основано на взаимности и равенствѣ интересовъ. Если заботы Германіи со стороны Рейна находятся въ зависимости отъ Россіи, то и Россія имѣетъ свои неотъемлемые и великіе интересы, и прочный союзъ ея съ другими державами возможенъ лишь по скольку она можетъ разчитывать на дружескую поддержку *своихъ* интересовъ.

Но объ измѣненіи того направленія которое приняла со времени послѣдней войны политика Германіи на Востокѣ, измѣненіи которое повело къ распаденію прежняго Тройнаго Союза, мы что-то мало слышимъ отъ берлинской печати. Она ожидаетъ повидимому какого-то самоотреченія со стороны Россіи. „Соглашеніе между Россіей и Германіей,“ читаемъ мы въ одной вѣнской корреспонденціи берлинской газеты, „можетъ быть легко установлено; союзъ между Германіей и Австріей также остается незыблемымъ и ни въ какомъ случаѣ не будетъ сдвинутъ съ мѣста соглашеніемъ съ Россіей. Но возстановленіе дружественныхъ отношеній между Россіей и Австріей предполагаетъ прежде всего *консервативную* политику Россіи въ дѣлахъ Востока.“ Графъ Шуваловъ, пріѣхавшій на дняхъ съ чрезвычайною миссіей въ Вѣну, будто бы привезъ, по словамъ того же корреспондента, увѣреніе что Россія отступится совсѣмъ отъ вмѣшательства въ дѣла Балканскаго полуострова. Но и этого невмѣшательства Россіи еще недостаточно для установленія соглашенія. „Консервативный принципъ,“ о коемъ говоритъ корреспондентъ берлинской газеты, не исчерпывается воздержаніемъ Россіи. Притязанія Греціи въ ихъ возможномъ дальнѣйшемъ развитіи представляютъ де для видовъ Австріи не меньшую опасность чѣмъ покончанныя славянскія притязанія, ибо Греки простираютъ свои виды на Македонію не менѣе чѣмъ Болгары, а Австрія отнюдь не думаетъ отказаться отъ своихъ плановъ на распространеніе до Салоникъ, хотя осуществленіе этого плана пока отсрочено. Но въ Вѣнѣ убѣждены что инструкціи данныя графу Шувалову очень обширны, и что онъ сумѣетъ установить на сказанныхъ основаніяхъ соглашеніе между Россіей и Австріей и закрѣпить новѣйшій союзъ болѣе прочнымъ образомъ нежели тотъ который существовалъ прежде подъ именемъ Тройнаго Союза.

Якобы „консервативная“ политика, обезпечивающая Австріи всѣ замышляемые ею захваты на Балканскомъ полуостровѣ до прибрежья Эгейскаго моря, вотъ тѣ условія которыя ставятся Россіи для ея вступленія въ благодѣтельный союзъ съ Австро-Венгріей. Союзъ съ Австро-Венгріей! Вотъ благо которое обѣщаютъ Россіи если она будетъ умна. Она должна очиститься для того чтобы быть допущенною въ святилище этого союза: для этого она должна отречься не только за себя и за единоплеменныя ей славянскія народности отъ конкурренціи съ Австріей, но и обязаться противодѣйствовать стремленіямъ Грековъ съ юга, которые могутъ встрѣтиться и столкнуться съ намѣченнымъ маршрутомъ монархіи Габсбурговъ.

Однако ради чего Россія должна закрѣпить себя на службу Германіи и быть для ней обезпеченіемъ со стороны Франціи, а съ другой стороны предоставить Австро-Венгріи наслѣдіе Турціи?

Въ Берлинѣ полагаютъ что для Россіи будетъ служить вознагражденіемъ поддержка обѣщанная Германіей въ борьбѣ противъ революціонной крамолы. Имперскій Рейхстагъ принялъ предложеніе Виндгорста,

которое имѣетъ служить основаніемъ для дипломатическихъ переговоровъ долженствующихъ повести къ тому чтобы цареубійство не могло долѣе проповѣдываться безнаказанно въ печати и въ народныхъ сборищахъ, и чтобы виновные въ совершившемся цареубійствѣ или покушеніи на оное не пользовались правомъ убѣжища на иностранной территоріи.

Но международныя мѣры противъ революціонной крамолы нужны не для одной Россіи. Онѣ отнюдь не безполезны для самой Германіи. Не слишкомъ ли дорогою цѣной хотятъ заставить Россію оплатить мизерное предложеніе г. Виндгорста? Вообще не хотятъ ли друзья наши взять съ насъ добрую мзду за то что они предполагаютъ сдѣлать въ своемъ же интересѣ и для собственнаго обезпеченія?.. Къ тому же печать Австро-Венгріи, притомъ легальная и даже официозная, высказывалась по поводу событія 1 марта тономъ который нисколько не уступаетъ омерзительнымъ выходкамъ парижскихъ коммунаровъ и нѣмецкаго соціалиста въ Лондонѣ Моста, съ тою лишь разницей что Мостъ и французскіе коммунары привлечены къ суду, а венгерскіе органы неистовствовали совершенно безнаказанно... Къ тому же *Пештскій Ллойдъ*, органъ венгерскаго правительства, и слышать не хочетъ о принятіи предложенія чтобы виновники цареубійства выдавались какъ простые убійцы, и настаиваетъ на томъ чтобъ Австрія отвергла это предложеніе.

№ 92.

Москва, 1-го апрѣля.

Кто бы могъ подумать что въ залѣ засѣданія Особаго Присутствія Сената, во время суда надъ цареубійцами, зайдетъ рѣчь о хлѣбныхъ жучкахъ? Хлѣбный жучокъ или сибирская язва какъ мотивъ цареубійства!.. „Во время каникулъ," показалъ между прочимъ Рысаковъ, „я имѣлъ случай убѣдиться въ несчастіи народа происходившемъ отъ разныхъ бѣдствій, какъ, напримѣръ, отъ сибирской язвы, истребленія хлѣба жучкомъ." И вотъ благодаря этому „убѣжденію" Желябовъ уловилъ этого юнца въ свои сѣти.

Рисовать картины народныхъ бѣдствій, поражать и туманить ими незрѣлые умы, вотъ обычный пріемъ революціонной пропаганды. Это засвидѣтельствовано, между прочимъ, въ извѣстномъ обвинительномъ актѣ по дѣлу „о ста девяносто трехъ," въ которомъ сведены въ одно цѣлое данныя добытыя обширнымъ и тщательнымъ Жихаревскимъ изслѣдованіемъ революціонной пропаганды которая велась въ Россіи въ 1873—1875 годахъ. Обращаясь къ лицамъ принадлежащимъ къ „интеллигенціи," подъ каковымъ терминомъ революціонные дѣятели разумѣли народныхъ учителей, студентовъ, семинаристовъ и гимназистовъ, „пропагандистъ большею частію старался „доказать, ссылаясь на разные револю-„ціонные авторитеты, что экономическое „положеніе народа отчаянное, что на обя-„занности всякаго порядочнаго человѣка „лежитъ помочь народу выйти изъ такого „положенія, что̀ представляется возмож-„нымъ только путемъ революціи, и что за-„дача послѣдней должна состоять въ уни-„чтоженіи Верховной Власти, всякаго пра-„вительства и государства." Кромѣ устной пропаганды въ этомъ смыслѣ, агитаторы вели пропаганду литературную, распространяя книги живописующія „безвыходность современнаго соціальнаго положенія."

Въ эпоху „хожденія въ народъ," эти пріемы пропаганды употреблялись потаенными, или какъ они выражаются, *нелегальными* агентами крамолы. Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились къ лучшему. Обязанность первоначальной революціонной подготовки незрѣлой „интеллигенціи," лежавшая прежде на *нелегальныхъ*, была возложена на *легальныхъ* агентовъ той же крамолы. Направленіе данное подпольной печати было усвоено печатью законною. Изъ года въ годъ, изо дня въ день, газеты кричали о народныхъ бѣдствіяхъ и указывали на безвыходность современнаго положенія. Самыя мрачныя картины народныхъ бѣдствій смѣняли одна другую. То живописуется голодъ, то чума, то опустошенія причиняемыя жучками, то бѣдствія отъ дифтерита, то ужасныя послѣдствія неслыханной дороговизны хлѣба. Всегда бывали и вездѣ бываютъ и жучки, и неурожаи, и повальныя болѣзни, — но гдѣ и когда били въ набатъ съ такимъ удивительнымъ рвеніемъ какъ у насъ въ послѣднія пять лѣтъ? Всѣмъ памятна чумная агитація, раздувшая значеніе Ветлянской болѣзни, придавшая ей характеръ всеобщаго бѣдствія, *черной смерти*, гро-

зящей обойти вселенную. Помните какіе способы употребляла эта агитація: фальшивыя телеграммы о появленіи чумы то въ той, то въ другой мѣстности, вымышленныя корреспонденціи о процессіи гробовъ по городскимъ улицамъ и т. д. То же усердіе съ какимъ прославлялась чума прилагалось потомъ къ неурожаямъ и т. д. Шумные толки о голодѣ завершились наконецъ провозглашеніемъ ученія что голодъ есть хроническое явленіе въ Россіи, что русскій народъ никода не ѣстъ до сыта. Въ подтвержденіе этого были выдвинуты статистическіе труды ученыхъ, точно также какъ для подкрѣпленія чумной агитаціи не оказалось недостатка въ подмогѣ медицинскихъ авторитетовъ. А къ какой тревогѣ подала поводъ недавняя дороговизна хлѣба? Чего не говорилось по этому поводу, какихъ ужасовъ не предвѣщалось? Публика не имѣла времени отдохнуть отъ впечатлѣнія этихъ мнимыхъ ужасовъ; на смѣну однихъ немедленно являлись другіе.

Въ эпоху „хожденія въ народъ,“ проповѣдь о недостаткѣ земли у крестьянъ и о невыносимой тяжести податей и налоговъ лежала на нелегальныхъ; тогда въ запрещенныхъ революціонныхъ писаніяхъ провозглашалось что „волю крестьянамъ дали не настоящую.“ Въ послѣдніе четыре года создалась цѣлая обширная отрасль легальной литературы, имѣющей девизомъ положеніе что крестьянская реформа дала народу „камень вмѣсто хлѣба,“ литературы, въ которую дѣлаютъ вклады профессора состоящіе на коронной службѣ. За пять лѣтъ предъ симъ только нелегальные революціонеры заявляли что слѣдуетъ „Царя лишить власти;“ почти на другой день послѣ злодѣянія 1 марта, уже легально издаваемыя газеты провозгласили что необходимо облегчить бремя власти лежащее на русскихъ монархахъ...

Развѣ это не прогрессъ? А все говорятъ что у насъ была какая-то реакція!

Прятавшаяся прежде по подпольямъ и закоулкамъ, революціонная пропаганда вышла теперь открыто на улицу, не только не опасаясь правительственнаго преслѣдованія, а напротивъ требуя чтобы правительство шло объ руку съ нею и дѣлала ея дѣло. Одною изъ задачъ революціонной программы полагается, напримѣръ, организація кружковъ изъ учащейся молодежи. Требуется чтобы правительство своими руками создало въ университетахъ эту нужную для революціонныхъ цѣлей организацію студенческихъ кружковъ, и власти исполняютъ это требованіе...

Между „нелегальными“ и „легальными“ служителями крамолы разница только во внѣшней формѣ, а не въ существѣ дѣла. Возмутительна была наглость Желябова когда онъ на судѣ осмѣлился провозгласить людей своей партіи дѣятелями на пользу русскаго народа, а самого себя „русскимъ человѣкомъ.“ Но не менѣе возмутительна и наглость нѣкоторой части *легальной* печати провозглашающей себя органомъ русскаго общественнаго мнѣнія въ то самое время когда она исполняетъ именно то чего желаетъ и добивается крамола...

№ 93.

Москва, 2-го апрѣля.

Теперь такое время что всякій имѣющій сказать что-нибудь долженъ говорить безъ обиняковъ, и не путаясь въ словахъ идти прямо къ дѣлу.

Мы безпрестанно слышимъ о волненіяхъ учащейся молодежи въ университетахъ. Что-то такое творится въ стѣнахъ университетовъ чего публика разобрать не можетъ и о чемъ идутъ толки вкривь и вкось.

Съ учащейся молодежи взыскивается за грѣхи тѣхъ порядковъ которые привели насъ на край бездны, — какъ будто эти бѣдные молодые люди были виновниками этихъ порядковъ, какъ будто отъ нихъ пошла смута которая стольких погубила и губитъ въ ихъ средѣ. Вчерашніе льстецы теперь топаютъ ногами на молодежь, притворно гнѣваясь на нее за безпорядки, ими же вызванные.

Но огульныя нареканія на нынѣшнюю учащуюся молодежь несправедливы и безсмысленны. Никогда въ нашихъ университетахъ *большинство* учащихся не стояло такъ высоко по своему умственному развитію и не было такъ благонадежно какъ теперь; никогда не обнаруживало оно такой самостоятельности и силы отпора. Надо имѣть большую силу чтобъ уцѣлѣть среди той мерзости которая окружаетъ нашу учащуюся молодежь, напираетъ на нее, врывается въ нее, всѣми путями обмана и *легальнаго* и *нелегальнаго*, нако-

нецъ навязывается авторитетомъ власти. Та часть молодежи которая побѣдоносно выдержала всѣ эти испытанія не доказываетъ ли тѣмъ свое высокое достоинство?

Нѣтъ, только на этой лучшей части нашего юношества и можно отдохнуть мыслію среди нынѣшней безпомощности нашей. Если же въ университетахъ между студентами происходятъ безпорядки, если посреди ихъ появляются вредные агитаторы, то можетъ ли быть иначе, при данныхъ обстоятельствахъ, посреди молодежи, которой въ иныхъ университетахъ числится около трехъ тысячъ? Нѣтъ сомнѣнія что въ массѣ учащейся молодежи во всѣхъ нашихъ университетахъ есть большій или меньшій контингентъ испорченныхъ или захваченныхъ политическою интригой и революціонною пропагандой молодыхъ людей, которые распространяютъ пагубное вокругъ себя вліяніе, тѣмъ болѣе что *легальныя* и *нелегальныя* партіи, захватившія этихъ молодыхъ людей въ свои руки, всячески поддерживаютъ ихъ и придаютъ имъ силу. Въ здѣшнемъ Университетѣ студентовъ числится болѣе 2.600: что мудренаго если въ этой массѣ окажется сотня—другая зараженныхъ, испорченныхъ и взбудораженныхъ? Мы не знаемъ всѣ ли находящіеся на замѣчаніи у университетскихъ властей молодые люди одинаково испорчены, всѣ ли должны быть удалены для очищенія нравственной атмосферы Университета; но вѣрно то что есть въ массѣ учащихся дѣйствительно дурные и негодные. Отборъ такихъ элементовъ долженъ быть сдѣланъ совершенно надежною рукой, и правительство не можетъ, не отрекаясь отъ самыхъ священныхъ обязанностей своихъ, не озаботиться этимъ и не поставить себѣ задачею не только выдѣленіе испорченныхъ изъ университетской среды, но и изысканіе способа къ ихъ исправленію.

Достоинство нынѣшней учащейся молодежи самымъ нагляднымъ образомъ доказывается тѣмъ отпоромъ какой она даетъ вреднымъ элементамъ въ своей сферѣ. Молодые люди сами протестуютъ противъ зараженныхъ товарищей своихъ; но, къ сожалѣнію, ихъ протесты остаются втунѣ. Въ Петербургѣ, студентъ протестовавшій отъ своего и своихъ товарищей имени противъ агитаторовъ былъ даже преданъ университетскому суду и подвергся выговору. Это происходило на глазахъ правительства и публики: можно себѣ представить что дѣлается втихомолку и въ потьмахъ?

Наконецъ, можно ли винить молодыхъ людей за безпорядки, въ виду поразительнаго, всѣмъ извѣстнаго факта что ихъ съ самаго начала нынѣшняго учебнаго года почти насильно заставляли собираться въ сходки, составлять петиціи, требовать разныхъ правъ, и что имъ, во имя высшаго авторитета, предлагались доже какія-то особыя либеральныя учрежденія. Весь нынѣшній учебный годъ былъ ни чѣмъ инымъ какъ революціоннымъ, — да, *революціоннымъ,— возбужденіемъ молодежи которое шло сверху!* Вотъ въ этихъ-то роковыхъ ошибкахъ и кроется истинная причина нашихъ нынѣшнихъ смутъ...

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно! У насъ и революціонныя возбужденія идутъ не снизу, а сверху...

Требуется исключеніе вредныхъ элементовъ изъ среды университетскаго юношества,—такъ,—но не можетъ ли и оно пожелать, по крайней мѣрѣ про себя, чтобъ и непосредственно властвующая надъ нимъ среда была очищена и поставлена въ болѣе правильныя къ нему отношенія? Въ самомъ дѣлѣ, что толку отсѣкать прочь большее или меньшее число испорченныхъ людей если причины порчи остаются въ силѣ? Тѣ же причины нафабрикуютъ новыхъ кандидатовъ къ исключенію. Не слѣдуетъ ли глубже взглянуть на дѣло, и дѣйствовать не противъ послѣдствій, а противъ причинъ?

№ 94.

Москва, 3-го апрѣля.

Твердая рѣшимость Греціи не уступать ничего изъ своихъ требованій, которыя она основывала на „единогласномъ“ рѣшеніи Берлинской конференціи, устояла не долго. Вчера мы сообщили интересную корреспонденцію нашего аѳинскаго корреспондента о разговорѣ который онъ имѣлъ 21 марта ст. ст. съ министромъ-президентомъ Кумундурусомъ, и вчера же телеграфъ принесъ извѣстіе что Греческое правительство, во главѣ котораго, правда, не стоитъ болѣе г. Кумундуросъ, приняло предложеніе державъ предъявленное въ коллективной нотѣ 7 апрѣля (26 марта). Въ этой нотѣ заявлено что намѣченная Берлинскою кон-

ференціей греко-турецкая граница не можетъ быть осуществлена, и что она замѣнена, по соглашенію представителей державъ въ Константинополѣ, новою линіей. Эта линія отводитъ Греціи города Турнову Лариссу и Трикалу въ Ѳессаліи, и Арту и Пунту въ Эпирѣ; крѣпость Превеза, остающаяся за Турціей, должна быть срыта. Державы принимаютъ на себя „облегчить“ для Греціи вводъ во владѣніе указанною территоріей если она дастъ утвердительный отвѣтъ въ возможно скоромъ времени. Если же Греція рѣшится на войну, тогда,—такъ прибавлено въ нотѣ,—она останется изолированною и на нее падетъ вся отвѣтственность за послѣдствія. Къ этому офиціальному заявленію офиціозно добавлялось, въ различныхъ органахъ европейской печати, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта Греціи, державы дозволятъ Турціи самой начать наступленіе. Несмотря на геройскую рѣшимость которая, по свидѣтельству нашего корреспондента, охватила въ послѣднее время весь Греческій народъ, напоръ дипломатіи одержалъ верхъ, и какъ ни сильны были аргументы которые приводило Греческое правительство противъ самоотреченія Европы въ этомъ дѣлѣ, маленькая страна должна была смириться и признать себя побѣжденною въ интригѣ. Греція лишь теперь, но слишкомъ поздно, познала какъ нелѣпо было съ ея стороны упустить тотъ единственно благопріятный моментъ когда ей предстояло соединить свои силы съ силами единовѣрныхъ народовъ въ общемъ дѣлѣ и не отречься отъ вѣковой солидарности въ борьбѣ съ исконнымъ врагомъ. Еще десять дней тому назадъ г. Кумундуросъ, на вопросъ нашего корреспондента, которому по этому поводу телеграфировалъ одинъ изъ довѣренныхъ г. Гамбетты, отвѣчалъ что „Греція никоимъ образомъ не приметъ границы предложенной Турціей.“ „Война,“ сказалъ министръ-президентъ, „неминуема. Войска стягиваются къ Ѳессалійской и Эпирской границамъ.“

Г. Кумундуросъ остался вѣренъ себѣ, но и дипломатія не смягчилась предъ его протестаціями, и новое рѣшеніе навязано кабинету смѣнившему Кумундуроса. Греціи, разумѣется, осталось только покориться.

Вопросъ о греко-турецкой границѣ, бывшій въ теченіе года „черною точкой“ на мирномъ горизонтѣ Европы, могъ бы такимъ образомъ считаться поконченнымъ. Но не слѣдуетъ забывать что окончательный исходъ дѣла зависитъ отъ того искренно ли Турція намѣрена исполнить предложенную ею самою сдѣлку. Не замышляетъ ли она разыграть вторично тотъ самый маневръ который былъ ею употребленъ при установленіи новой границы съ Черногоріей? Войска собранныя Турціей на греческой границѣ быть-можетъ вновь явятся въ привычной имъ роли мятежныхъ заступниковъ за права султана вопреки воли султана. Албанцы могутъ съ такимъ же задоромъ преграждать Грекамъ путь съ юга какъ они противились Черногорцамъ съ сѣвера. Греція повидимому предвидитъ, и не можетъ не предвидѣть этого маневра, и требуетъ чтобы державы „гарантировали“ ей безпрепятственное вступленіе во владѣніе уступаемою границей. Но какъ гарантировать? Коллективная демонстрація флотовъ предъ Дульциньей слишкомъ у всѣхъ въ памяти. Стало-быть Греки въ концѣ концовъ быть-можетъ все-таки вынуждены будутъ силою брать то что̀ имъ дается. Но тогда дѣло возвратится къ своему исходному пункту, и много ли выиграетъ дипломатія отъ своихъ энергическихъ стараній сохранить миръ, стараній сопровождавшихся столь неблаговиднымъ самоотреченіемъ?

Но въ самомъ ли дѣлѣ „дипломатія“ такъ искренно озабочена сохранить миръ и тушить всякую искру, дабы она не могла превратиться во всеобщій пожаръ? Офиціозные органы не перестаютъ утверждать что такова дѣйствительно цѣль „европейской“ дипломатіи. Но объ „европейской дипломатіи“ какъ о чемъ-то цѣльномъ трактуютъ только офиціозныя газеты, да еще тѣ дипломатическіе документы которые предназначаются для публики. Дѣйствительность же учитъ совсѣмъ иному.

Съ 1875 года для Германіи стало очевиднымъ что ея счеты съ Франціей далеко непокончены, и что ее ждетъ неминуемо новая борьба съ непримиримымъ врагомъ. Всѣмъ извѣстно что Германія возымѣла тогда мысль не откладывать развязки и вмѣсто того чтобы выжидать пока Франція окончательно окрѣпнетъ для предстоящей борьбы нанести ей немедленно второй и рѣшительный ударъ. Извѣстно также что планъ этотъ не удался по не зависѣвшимъ отъ Германіи причинамъ. И вотъ, съ этого самаго времени, начались

на югѣ Европы тѣ мѣстные пожары которые „Европа“ принялась тушить, но никакъ не могла не только потушить, но и помѣшать имъ разгорѣться до великой войны 1877 года. Послѣ конгресса закончившаго эту войну не было момента когда Европа чувствовала бы себя совершенно свободною отъ заботъ. Едва русскія войска покинули Балканскій полуостровъ какъ началось дѣло разверстанія Черногоріи съ Турціей. Не успѣли покончить это съ грѣхомъ пополамъ, какъ греко-турецкая распря превратилась изъ хронической въ острую. А теперь, когда возвѣщается объ улаженіи этой распри, тоже не безъ грѣха, пока только на бумагѣ, на смѣну явилось столкновеніе Франціи съ Тунисомъ. Германія можетъ попрежнему „оставаться безстрастною зрительницей“ событій, и въ случаѣ надобности разыграть роль „честнаго маклера.“ Но далеко не таково отношеніе къ этому вопросу Англіи и Италіи. Раздраженіе между Италіей и Франціей уже теперь достигло значительныхъ размѣровъ; кабинетъ Каироли подалъ въ отставку и если его смѣнитъ, какъ говорятъ, г. Криспи, то это будетъ принято какъ признакъ рѣшимости Италіи вступить съ Франціей въ серіозную борьбу за преобладаніе на Средиземномъ Морѣ. Съ другой стороны, изъ обнародованной на дняхъ въ *Times* конфиденціальной депеши лорда Солсбери къ Лорду Лайонсу отъ 7 августа 1878 года (самое обнародованіе оной въ настоящую минуту есть фактъ знаменательный) видно что Англія „ничего не имѣетъ противъ усиленія вліянія Франціи въ Тунисѣ, и что еслибы Франція лишила тунисскаго бея престола, то это не могло бы измѣнить положенія принятаго по отношенію къ этому вопросу Англіей. Но взамѣнъ такого снисхожденія къ замысламъ Франціи, Англія, какъ увѣряютъ свѣдущіе корреспонденты берлинскихъ газетъ, требуетъ чтобъ ей предоставлено было расширить свое вліяніе на Египетъ.

Что же касается Германіи, то она поощряетъ Францію къ продолженію затѣяннаго ею въ Африкѣ предпріятія, какъ бы усматривая въ этомъ залогъ безопасности для европейскаго мира. Въ этомъ смыслѣ высказался князь Бисмаркъ генералу Питіе, который имѣлъ порученіе на обратномъ пути изъ Петербурга узнать взглядъ Германскаго правительства на тунисское дѣло. Г. Эрнестъ-Доде сообщилъ въ газету *Figaro* свой разговоръ съ генераломъ Питіе по возвращеніи его изъ Берлина. Послѣдній счелъ нужнымъ протестовать на другой день противъ нескромности г. Доде, но самаго содержанія разговора генералъ Питіе не опровергаетъ.

№ 95.

Москва, 4-го апрѣля.

Посмотрите что̀ писалось и пишется въ нѣкоторыхъ газетахъ по поводу событія 1 марта. Дѣло доходитъ до того что устанавливается связь этого злодѣянія съ какими-то „экономическими ошибками,“ съ какимъ-то „нравственнымъ разочарованіемъ,“ съ „отсрочкой реформъ.“ Отвѣтственность за цареубійство и за цѣлый рядъ предшествовавшихъ ему злодѣйствъ переносится съ попустителей на небывалую „реакцію.“ Лица выдаваемыя за представителей этой мнимой реакціи предаются поруганію. Въ то же время подпольные дѣятели выставляются выразителями будто бы всенароднаго недовольства существующимъ государственнымъ и общественнымъ строемъ.

Сравните что̀ пишется въ нашей *легальной* печати съ *нелегальными* прокламаціями. На дняхъ мы прочли одну такую прокламацію, помѣченную 10 марта, съ обозначеніемъ что она напечатана въ типографіи „Народной Воли“ 12 марта 1881 года. Здѣсь излагаются условія на которыхъ таинственный „исполнительный комитетъ“ согласенъ прекратить борьбу съ русскою государственною властью и даровать ей миръ. По тону и выраженіямъ этого документа, его можно пожалуй, поставить нѣкоторымъ легальнымъ газетамъ въ образецъ сдержанности. Основанія заключающейся въ ней революціонной программы ничѣмъ не отличаются отъ сужденій въ нѣкоторыхъ органахъ *легальной* печати: тѣ же указанія на реакцію, то же заявлечто „революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ...“

Чего же больше? Однако и этого мало: не только печать столичная, свободная отъ цензуры, настоятельно требуетъ отъ отъ имени Русскаго народа (точь-въ-точь какъ Желябовъ на судѣ) перемѣны образа

правленія, грозя въ противномъ случаѣ попытками анархистовъ, но и находящаяся подъ цензурой, слѣдовательно не только либерально терпимая, но и одобряемая властями печать, говоритъ въ томъ же смыслѣ, только еще наглѣе. Какая же эта реакція? Развѣ это не изумительно быстрый прогрессъ?

Вотъ, напримѣръ, № 442, издаваемой въ Саратовѣ г. Юреневымъ газеты *Волга* (отъ 23 марта). Прочтите помѣщенный въ этой газетѣ фельетонъ, объявляющій съ разрѣшенія цензуры, между прочимъ, что въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (которымъ въ компанію приданы *С.-Петербургскія Вѣдомости*, впрочемъ уже подвергшіяся правительственной карѣ, и *Русь*) пишутъ статьи „жандармы-вѣшатели.“ Не хуже чѣмъ въ вышеупомянутой прокламаціи, въ фельетонѣ саратовской газетки развивается та мысль что смуты пережитыя нами въ послѣдніе годы „еще разъ доказали что въ *правительственныхъ ужасахъ* (sic) нѣтъ спасенія, что чрезвычайныя мѣры только разжигаютъ страсти, а отнюдь не успокаиваютъ немощей общественной организаціи...“

О какихъ это *правительственныхъ ужасахъ* и разжигающихъ страсти чрезвычайныхъ мѣрахъ трактуется съ одобренія цензуры? Нашъ народъ негодуетъ на ужасы, но не на правительственные, а на злодѣйства которыми ознаменовались послѣдніе годы благодаря правительственной слабости. И вотъ выраженія народнаго негодованія противъ этихъ злодѣйствъ трактуются, съ одобренія цензуры, какъ „вакханалія расходившихся страстей,“ какъ „проповѣдь необузданной реакціи и мракобѣсія,“ какъ „дьявольская злоба.“

Въ послѣдніе годы совершился рядъ цареубійственныхъ покушеній, съ каждымъ разомъ возраставшихъ въ дерзости. Какими мѣрами отвѣчало на нихъ правительство? Оно отвѣчало исполненіемъ желаній такъ-называемой либеральной партіи. Смѣнены правительственныя лица ей неугодныя, призваны новыя, встрѣченныя ея рукоплесканіями, объявлена была диктатура которую органы этой партіи назвали „диктатурою сердца.“ Спрашивается какими реакціонными мѣрами ознаменовалась дѣятельность учрежденной тогда Верховной Распорядительной Коммиссіи? Не въ эту ли пору совершился прогрессъ совсѣмъ сгладившій различіе между легальною и нелегальною печатью (органы которой большею частью издаются даже не на деньги русскихъ читателей, а на вынужденныя субсидіи нѣкоторыхъ капиталистовъ, едва ли и читающихъ издаваемыя на ихъ деньги газеты); именно въ эту пору засіяла заря либеральныхъ реформъ; интернированные люди освождались отъ надзора полиціи, учебный міръ приведенъ былъ въ наилиберальнѣйшее броженіе... Гдѣ же реакція? Напротивъ, мы пережили годъ самого либеральнаго режима, который тѣмъ не менѣе завершился событіемъ 1 марта. Г. Юреневъ, съ разрѣшенія цензуры, предлагаетъ Россіи идти далѣе этимъ путемъ. Какой онъ добрый человѣкъ!

Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ ставитъ насъ между динамитомъ и либеральными учрежденіями. Съ разрѣшенія цензуры, рисуетъ онъ въ яркихъ краскахъ ужасы которые будутъ послѣдствіемъ неисполненія предлагаемой имъ програмы.

Однако, мы спрашиваемъ: какое право имѣетъ г. Юреневъ предавать насъ проклятію за то что мы не хотимъ идти путемъ на который вызываютъ насъ враги нашего народа, враги Россіи кто бы они ни были? И кто далъ ему право, кто уполномочилъ его говорить за Русскій народъ? Гдѣ собралъ онъ голоса въ подтвержденіе своихъ требованій? На какой другой авторитетъ можетъ онъ сослаться, въ своихъ нелѣпыхъ требованіяхъ, кромѣ той чиновничьей власти которая разрѣшила его статью къ печати? Совѣтуемъ ему постыдиться добрыхъ людей, не писать статей подобныхъ той которая подвернулась намъ теперь на глаза, и предоставляемъ ему аппеллировать къ губернатору подъ опекой котораго издается его листокъ.

№ 97.

Москва, 6-го апрѣля.

А.

Студентамъ поставили западню, которую пришлось теперь прихлопнуть. Петербургское самоуправленіе обошлось по крайней мѣрѣ безъ полиціи. По рѣшенію университетскаго суда, изъ 200 студентовъ этого университета привлеченныхъ къ отвѣтственности за безпорядки послѣдняго времени 18 исключены съ лишеніемъ пра-

ва поступить въ другія заведенія, 72 подвергнуты аресту отъ трехъ до семи дней, ста сдѣланъ выговоръ. Московское самоуправленіе прибѣгло къ полицейской помощи. Три дня отрядъ городовыхъ и многочисленный персоналъ полицейскихъ офицеровъ гостили въ старѣйшемъ университетѣ, помогая переписывать участниковъ сходокъ и охраняя залу совѣта и жилище ректора. Правленіе постановило исключить около трехсотъ человѣкъ и представило рѣшеніе свое на утвержденіе совѣта, какъ слышно раздѣлившаго обвиняемыхъ на нѣсколько категорій и постановившаго нѣсколько человѣкъ исключить безъ правъ поступленія въ другія заведенія; большинство же остальныхъ удалить на годъ изъ Московскаго университета, съ правомъ или безъ права немедленнаго поступленія въ другія высшія заведенія.

Принять мѣры спасительной строгости противъ нѣкоторыхъ чтобъ оградить всѣхъ есть долгъ разумной власти. Желательно чтобы мѣры эти прозвели дѣйствіе, внесли успокоеніе въ среду университетской молодежи и избавили будущій академическій годъ отъ безобразій какими богатъ его предшественникъ, благодаря министерскому объѣзду Московскаго округа и мѣстнымъ интригамъ. Къ сожалѣнію, есть не мало обстоятельствъ ослабляющихъ надежду на успокоеніе. Всякое дѣло получаетъ силу чрезъ свою правду. А есть ли внутренняя правда въ отношеніяхъ университетскихъ властей къ молодежи? Возьмемъ примѣръ изъ настоящаго дѣла. Чтобы вполнѣ оградить доброкачественное большинство студентовъ отъ зараженныхъ агитаторовъ требуется сдѣлать между ними правильную сортировку. Но трудно сдѣлать ее тамъ гдѣ руководители молодежи сами вызывали въ ней тѣ движенія за которыя она должна платиться; плохое дѣло если гдѣ окажется что агитаторы дѣйствовали въ качествѣ посланцевъ и уполномоченныхъ... Всѣ въ здѣшнемъ университетѣ знаютъ, напримѣръ, что медикъ вызвавшій скандалъ на послѣднемъ диспутѣ по предмету политической экономіи, недавно только возвращенный изъ административной ссылки, былъ подъ особымъ покровительствомъ ректора. Между здѣшними студентами была полная увѣренность что съ назначеніемъ нынѣшняго проректора въ эту должность получатъ въ университетской средѣ перевѣсъ тѣ изъ студентовъ которые были въ ней главными агитаторами.... Недѣли двѣ тому назадъ, на шумной сходкѣ, подробности которой для чести университета желательно на вѣкъ предать забвенію, студенты, какъ разсказываютъ, колебались кого изъ присутствующихъ выбрать предсѣдателемъ, проректора ли или того студента, который нынѣ за эту сходку исключается. А на послѣдней сходкѣ, при появленіи проректора подъ прикрытіемъ полицейскаго офицера, капитана Замайскаго, участники ея заявляли что лучше желаютъ имѣть дѣло съ полиціей чѣмъ съ профессоромъ-проректоромъ. Когда такъ замутились всѣ отношенія, для всякаго внимательнаго человѣка, не желающаго обманывать себя или другихъ, ясно что университеты не могутъ собственными силами выйти изъ затрудненій въ какія приведены, что дѣло поправиться не можетъ если правительственная власть попрежнему будетъ отрекаться отъ своихъ обязанностей, слагать съ себя отвѣтственность и умывать руки. Не даромъ газеты извѣстнаго направленія настойчиво предлагаютъ новому министру оставить все по прежнему, на „законной“, какъ онѣ выражаются, почвѣ. Повидимому, слову *законъ* суждено опошлиться въ устахъ нашей „прессы“ какъ оподлилось слово *честный*. Называли же въ послѣдній годъ нарушеніе не только уставовъ и правилъ, но и всякаго порядка въ учебномъ мірѣ,— вступленіемъ на почву законности!..

У преступнаго Кибальчича сорвалось слово заслуживающее вниманія. Описывая какъ прошелъ онъ революціонную школу, которая привела къ цареубійству, Кибальчичъ пояснилъ что еслибы на первыхъ шагахъ его на революціонномъ поприщѣ власть отнеслась къ нему и ему подобнымъ, какъ онъ выразился, „такъ-сказать патріархально“, то они не очутились бы на пути къ эшафоту. Это правда. Простые люди стараго времени, здравомыслящіе, крѣпкіе въ основахъ исторически установившаго порядка, доброжелательные въ своей патріархальности, правдою своихъ дѣйствій не разъ оставляли въ чуткой молодежи на всю жизнь благодарное воспоминаніе, какого, конечно, не заслужатъ прельстители новой формаціи.

Б.

Порядокъ (№ 93) свидѣтельствуетъ что въ его лагерѣ господствуетъ паника. Че-

го же страшатся тамъ? Пуще всего тамъ страшатся чтобъ общество не очнулось отъ кошмара и чтобы власть не сошла съ пути, который „либеральная пресса“ обѣщала ей усыпать розами. Объ обузданіи цареубійцъ рѣчь ведется вяло и обращается въ диссертацію о многоразличіи мнѣній касательно значенія смертной казни; за то *Порядокъ* требуетъ немедленнаго преобразованія полиціи чтобъ обуздать людей желающихъ энергической борьбы со зломъ. По мнѣнію газеты, это вредные анархисты, производящіе смуту и попирающіе основы общежитія и цивилизаціи. Указавъ гнѣвно на рѣчь издателя *Руси* и на статьи *Московскихъ Вѣдомостей*, газета г. Стасюлевича и тѣхъ кто за нимъ стоитъ, согласно съ саратовскою *Волгой*, замѣчаетъ: „Послѣдовательный рядъ самыхъ тяжкихъ государственныхъ преступленій и *настоящая смута*, приглашающая попрать всѣ начала справедливости и основаній общежитія, беззастѣнчиво глумящаяся надъ всѣми пріобрѣтеніями общечеловѣческой цивилизаціи, стремящаяся подорвать самое представленіе о законности и правосудіи въ обществѣ,— самымъ внушительнымъ образомъ обнаруживаютъ, что нѣтъ безопасности и благочинія въ нашей современности, что *полиція* въ настоящемъ значеніи этого слова, недостаточна сильна.“

Такимъ образомъ, смута, по мнѣнію этихъ господъ, произведена не событіемъ 1 марта, о которомъ уже пора позабыть, а статьями напоминающими что урокъ злодѣйства не долженъ оставаться безъ послѣдствій, что намъ пора быть умнѣе, пора перестать быть Панурговымъ стадомъ и дѣлать надъ собою дѣло своихъ же враговъ.

№ 98.

Москва, 7-го апрѣля.

Переговоры между европейскими державами съ цѣлью соглашенія касательно общихъ мѣръ противъ революціонной крамолы, или вѣрнѣе для прекращенія позорящаго современную цивилизацію укрывательства злоумышленниковъ и злодѣевъ, — эти переговоры, если только они вообще ведутся, покрыты глубокою тайной. Единственный офиціальный фактъ, дающій поводъ къ разнообразнѣйшимъ толкамъ по этому предмету въ европейской печати, есть постановленіе Германскаго рейхстага извѣстное подъ названіемъ „предложенія Виндгорста.“ Неизвѣстно послѣдовалъ ли князь Бисмаркъ приглашенію изложенному въ этомъ постановленіи, и предложилъ ли его къ принятію прочимъ державамъ, а между тѣмъ враждебные Россіи органы печати, какихъ не мало во всѣхъ странахъ, уже напередъ бьютъ тревогу и кричатъ о „посягательствѣ на *священное* право убѣжища.“ Тѣмъ омерзительнѣе эти возгласы что предложеніе Виндгорста въ сущности не содержитъ въ себѣ никакого ограниченія права убѣжища. Оно лишаетъ этого права лишь виновныхъ въ покушеніи на жизнь главы чужаго государства. На словахъ и на письмѣ принципъ этотъ признавался и до сихъ поръ повсюду, и если на практикѣ встрѣчались вопіющія оступленія отъ него (какъ въ дѣлѣ о выдачѣ Гартманна), то и тутъ никто не осмѣлился открыто проповѣдывать безнаказанность для такого рода преступниковъ, а покровительство имъ оказанное лицемѣрно прикрывалось отговорками о недоказанности вины. Въ теченіе послѣдняго десялѣтія Бельгія заключила наибольшее количество трактатовъ съ различными государствами по предмету взаимной выдачи преступниковъ. Въ трактатѣ съ Нидерландами, заключенномъ въ 1877 году, первымъ въ числѣ преступленій обязывающихъ къ выдачѣ поставлено „покушеніе на жизнь главы государства или членовъ его семейства.“ Въ прочихъ трактатахъ заключенныхъ Бельгіей, въ коихъ сдѣлано исключеніе въ пользу политическихъ преступленій, также содержится оговорка что политическимъ преступленіемъ не признается покушеніе на жизнь главы государства и членовъ его семейства. Не далѣе какъ 12 января сего года такой же трактатъ, съ такою же точно оговоркой, заключенъ между Бельгіей и Австро-Венгріей, который 11 апрѣля обнародованъ въ офиціальной *Вѣнской Газетѣ*. При всемъ томъ „либеральныя“ вѣнскія газеты, и еще болѣе мадьярскія, съ яростію вопіютъ противъ постановленія Германскаго рейхстага, настойчиво требуя чтобъ Австрія отвергла „предложеніе Виндгорста!“ Предложеніе это повторяетъ лишь то что̀ и безъ того было „общепризнаннымъ принципомъ международнаго права,“ а потому оно совершен-

но праздно въ положительномъ отношеніи, въ отрицательномъ же отношеніи оно не совсѣмъ безвредно, ибо имъ подтверждается, а не отмѣняется право убѣжища для всѣхъ посягающихъ на спокойствіе и безопасность чужаго государства, кои не подходятъ подъ единственное, указанное выше, исключеніе изъ общаго правила. Заговоры и всякаго рода покушенія противъ спокойствія чужаго государства до сихъ поръ не исключены изъ числа средствъ, коими политическіе дѣятели считаютъ нравственно дозволеннымъ пользоваться, и вотъ истинная причина того что „право убѣжища“ съ такою настойчивостью отстаивается ослѣпленными проповѣдниками шаблонной программы либерализма. Въ послѣдніе дни фактъ этотъ получилъ новое и знаменательное подтвержденіе.

По поводу ареста въ Лондонѣ редактора революціоннаго нѣмецкаго органа *Freiheit*, одинъ изъ членовъ Британской палаты общинъ обратился къ правительству съ запросомъ, правда ли что двое изъ членовъ теперешняго кабинета сэръ-Чарлзъ Дилкъ и г. Бралей оказывали денежное пособіе Мосту? На этотъ вопросъ названные члены правительства отвѣчали, разумѣется, категорическимъ отрицаніемъ. Но этому отрицанію не придали безусловной вѣры даже въ Англіи, такъ какъ кассиръ редакціи газеты *Freiheit* обнародовалъ на другой день письмо въ коемъ подтверждаетъ что сэръ-Чарлзъ Дилкъ обѣщалъ и оказывалъ денежное пособіе обществу нѣмецкихъ соціалистовъ-революціонеровъ нашедшихъ убѣжище въ Лондонѣ послѣ изгнанія ихъ изъ Германіи въ силу закона о соціалистахъ. Этотъ кассиръ обѣщаетъ представить на судъ при предстоящемъ разбирательствѣ дѣла о Мостѣ, документальныя доказательства своего утвержденія. Въ Берлинѣ даже либеральныя газеты отнеслись крайне недовѣрчиво къ опроверженію г. Дилка, а органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Газета*, замѣтила по этому поводу слѣдующее: „Если упомянутое сообщеніе имѣ„етъ основаніе, то этимъ подтвердится „подозрѣніе не разъ уже высказанное то „тамъ, то здѣсь въ Европѣ, но всегда „встрѣчаемое съ недовѣріемъ со стороны „континентальныхъ правительствъ, а имен„но что Англійское правительство привык„ло пользоваться для своихъ цѣлей такъ„называемымъ *правомъ убѣжища*, для то„го чтобъ ослабить конкурренцію континен„тальной промышленности съ англійскою „посредствомъ поддержанія смутъ нару„шающихъ спокойствіе континентальныхъ „государствъ.“ При этомъ офиціозная берлинская газета припоминаетъ объясненія которыя далъ въ 1872 году предъ парламентомъ г. Брюсъ, бывшій въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Гладстона. Въ то время былъ возбужденъ вопросъ о международныхъ мѣрахъ противъ Интернаціоналки, какъ революціоннаго сообщества одинаково опаснаго для всѣхъ странъ Европы. Представители Интернаціоналки находившіеся въ Лондонѣ обнародовали сочувственный адресъ Парижскимъ коммунарамъ, и въ Англійскомъ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ о томъ какъ относится правительство къ Интернаціоналкѣ и что оно думаетъ о сочувствіи и поддержкѣ оказываемыхъ этому сообществу многими англійскими союзами рабочихъ (trades unions)? На это г. Брюсъ объяснилъ что связь между англійскими рабочими и Интернаціоналкой объясняется тою пользою которую англійскіе рабочіе союзы извлекаютъ изъ дѣятельности Интернаціоналки на континентѣ. Для англійскихъ рабочихъ весьма де выгодно чтобы континентальные работники подчинялись дисциплинѣ этого сообщества, такъ какъ этимъ устраняется конкурренція, которую болѣе дешевые рабочіе материка причиняютъ англійскимъ союзамъ рабочихъ во время забастовокъ. Черезъ посредство Интернаціоналки достигается то что забастовка англійскихъ рабочихъ распространяется и на рабочихъ материка, такъ что фабриканты лишаются возможности привлекать съ материка болѣе дешевыхъ рабочихъ вмѣсто отказавшихся отъ работы Англичанъ. Англійскій министръ находилъ что отнюдь не слѣдуетъ противодѣйствовать такому пользованію „для невинныхъ цѣлей“ международною организаціей рабочихъ образовавшеюся на материкѣ.

То что „международный союзъ рабочихъ“ организованъ не для этихъ „невинныхъ“ цѣлей на пользу англійскихъ интересовъ, что это есть единеніе съ революціонными цѣлями старающееся уловить въ свои сѣти весь европейскій рабочій пролетаріатъ и создать изъ него армію разрушенія, на это въ Англіи до сихъ поръ не считали нужнымъ обращать вни-

маніе, и агитаторы этого сообщества, въ рядахъ коего находится не мало русскихъ выходцевъ, пользуются широкимъ правомъ убѣжища и свободой сѣять посредствомъ издаваемыхъ ими печатныхъ листковъ всякаго рода смуту на материкѣ Европы.

Для Англіи, какъ объяснилъ г. Брюсъ въ 1872, выгодно подавить конкуррепцію материка посредствомъ искусственнаго возвышенія заработной платы въ уровень съ англійскою. Но еслибы члены Интернаціоналки, пребывающіе въ Англіи, вздумали обратить свою революціонную дѣятельность противъ англійскаго государственнаго строя, то имъ хорошо извѣстно что англійскій либерализмъ такъ далеко не простираетъ своего благодушія. „Священное“ право убѣжища можетъ быть прекращено немедленно какъ только того потребуютъ государственные интересы Англіи Еще въ 1848 году, когда впервые обнаружилось соціально-революціонное движеніе которое отразилось и въ Англіи въ возникшей тогда агитаціи чартистовъ, Англійское правительство поспѣшило запастись средствомъ борьбы противъ иностранныхъ поспѣшниковъ этой агитаціи; парламентомъ былъ утвержденъ билль дающій правительству право изгнать изъ предѣловъ Англіи всякаго иностранца который оказался бы опаснымъ для спокойствія страны. Тогда движеніе чартистовъ сразу прекратилось. Революціонерамъ всѣхъ странъ открывается „убѣжище“ на англійской почвѣ лишь подъ тѣмъ условіемъ что они будутъ вредить другимъ странамъ къ выгодѣ Англіи.

И агитаторы до сихъ поръ исполняли это условіе.

№ 99.

Москва, 8-го апрѣля.

А.

Завтра сороковой день по кончинѣ Монарха котораго оплакиваетъ Россія. До сорока дней, по вѣрованію нашей Церкви, отшедшая душа находится еще въ тайной связи съ нами, постепенно освобождаясь отъ земныхъ узъ. Завтра мы какъ бы вновь и въ послѣдній разъ простимся съ Государемъ такъ много сдѣлавшимъ для нашего отечества, пострадавшимъ и потерпѣвшимъ мученическую смерть за него.

Молясь объ упокоеніи отшедшей души Монарха помолимся и о его Россіи, переживающей нынѣ тяжкій кризисъ.

Не легко переживать кризисъ; однако лучше пусть онъ нѣсколько продлится лишь бы разрѣшился вполнѣ благополучно. За кризисомъ должно послѣдовать или полное выздоровленіе, или безнадежное ухудшеніе недуга. Всякая ошибка можетъ имѣть теперь роковыя послѣдствія.

Что̀ теперь намъ дѣлать? Прежде всего не задавать себѣ подобныхъ вопросовъ. Въ этихъ-то безпрерывныхъ вопросахъ и состоитъ нашъ опасный общественный недугъ. Что̀ намъ теперь дѣлать? Да просто стать твердо на ноги, очнуться отъ дремоты, отряхнуться отъ праздномыслія и дѣлать то что̀ у каждаго подъ руками. Со вчерашняго ли дня началось существованіе Россіи? Русская держава есть созданіе тысячелѣтней исторіи. Россія не вопросъ, Россія не мнѣніе, не идея, не отвлеченная формула; это самая реальная реальность, многосложная и громадная. Россія есть до безконечности организованная индивидуальность, своеобразная и сама себѣ равная. Если она существуетъ, то сталобыть есть основы и законы ея существованія. Вотъ та твердая почва на которой мы должны очутиться чтобы выйти благополучно изъ кризиса; вотъ на чемъ слѣдуетъ стать твердо. Что̀ дѣлать? Очевидно, слѣдуетъ дѣлать то что̀ требуется *основными законами* нашей страны. Если мы въ чемъ-нибудь отступили отъ нихъ, поспѣшимъ придти въ согласіе съ ними. Все что̀ противорѣчитъ основному строю Русскаго государства, то должно быть устранено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Вопросъ не въ томъ что̀ лучше вообще, а въ томъ что̀ полезно для нашего государства въ данный моментъ его существованія. Если мы призваны заботиться о чьемъ-либо существованіи, то не слѣдуетъ отвлекаться отъ него мыслію или разбрасываться по сторонамъ.

Послѣднее царствованіе, столь славное, но злодѣйски прерванное, было ознаменовано великими преобразованіями которыя подняли множество вопросовъ. Не осталось ничего въ нашемъ быту что̀ не подверглось бы вопросу, все зашаталось и заколебалось, и изъ виду у насъ пропалъ самый субъектъ преобразованій и улучшеній. Субъектъ же этотъ есть Россія, Русское государство, и мѣрою опредѣляющею до-

стоинство преобразованій должно быть не что̀ иное какъ государственная польза. Одному можетъ казаться лучшимъ то, другому другое. Для отвлеченной мысли также какъ и для фантазіи нѣтъ ни конца, ни предѣла. Но въ законодательствѣ, въ правительственной дѣятельности, въ вопросахъ политическихъ, все должно быть подчинено государственной пользѣ и ею измѣряться. Всякое уклоненіе нашей мысли за черту государственной пользы, точно также какъ и всякая отвлеченность, невольно уводитъ умы на дурной путь который ведетъ къ измѣнѣ вольной или невольной и поощряетъ враговъ.

Б.

Изъ того что̀ говорилось въ залѣ засѣданія Особаго Присутствія Правительствующаго Сената во время суда надъ цареубійцами, останавливаетъ на себѣ вниманіе, между прочимъ, рядъ обвиненій которыя возводились на правительство то самими преступниками, то ихъ защитниками. Возводились эти обвиненія въ видѣ разъясненія причинъ побудившихъ мирныхъ пропагандистовъ сдѣлаться террористами. Правительство не хотѣло допустить мирной пропаганды, арестовало, судило и ссылало мирныхъ пропагандистовъ, и такими притѣснительными дѣйствіями само де сдѣлало изъ мирныхъ гражданъ злодѣевъ, столкнувъ ихъ съ пути мирной дѣятельности на путь преступленій завершившихся покушеніями на цареубійство и, наконецъ цареубійствомъ. Эту тему краснорѣчиво развивалъ Кибальчичъ, доказывавшій что еслибы не аресты остановившіе извѣстное хожденіе въ народъ, то „ни крови, ни бунта теперь не было бы; мы всѣ не обвинялись бы теперь въ цареубійствѣ, а были бы среди крестьянскаго и городскаго населенія.“ Андрей Желябовъ тоже заявлялъ что „долго былъ въ народѣ, работалъ мирнымъ путемъ,“ но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той самой причинѣ на которую указалъ Кибальчичъ. Даже Тимоѳей Михайловъ и тотъ, по его объясненію, сдѣлался террористомъ потому только что правительство мѣшало ему развивать своихъ товарищей-рабочихъ, которымъ онъ предлагалъ дѣлать забастовки на заводахъ. Подсудимая Гельфманъ, какъ объяснилъ ея адвокатъ, тоже „первоначально занималась мирною пропагандой среди народа;“ „въ то время о цареубійствѣ и даже террорѣ не было еще и рѣчи.“ Но ее арестовали въ 1875 году и потомъ присудили къ рабочему дому за принадлежность къ противозаконному сообществу, и это толкнуло ее на преступную дорогу. Адвокатъ Софьи Перовской тоже указывалъ на ея арестованіе, на административную ссылку, вслѣдствіе прикосновенности къ „дѣлу 193,“ какъ на причину почему она перешла въ „нелегальное“ положеніе, какъ на „первый толчекъ который побудилъ ее идти по этому скользкому пути.“ Всѣхъ заявленій въ этомъ родѣ сдѣланныхъ во время суда не перечтешь, они такъ и сыпались одни за другими. Съ особою силой дѣлались указанія на аресты которыми было остановлено хожденіе въ народъ въ 1874 году, бывшее предметомъ извѣстнаго Жихаревскаго слѣдствія и завершившееся пресловутымъ „дѣломъ о 193.“ Общій смыслъ этихъ указаній тотъ что не будь этого слѣдствія и сопровождавшихъ его арестовъ, все было бы тихо и мирно, и общество не стояло бы лицомъ къ лицу съ тѣми злодѣяніями какими ознаменовались послѣдніе годы.

Прислушиваясь къ такимъ сужденіямъ, можно подумать что пожалуй и въ самомъ дѣлѣ „мирная пропаганда какою занимались наши революціонеры въ 1873—1875 годахъ была дѣломъ невиннымъ, которое правительство могло терпѣть не принимая никакихъ мѣръ противъ людей имъ занимавшихся. О дѣлѣ ста девяносто трехъ и предшествовавшемъ ему хожденіи въ народъ у публики сохранились вообще смутныя воспоминанія. Разбиралось это дѣло въ концѣ 1877 года, когда общее вниманіе было приковано къ ходу военныхъ дѣйствій въ Турціи; преобладающій интересъ имѣли приходящія оттуда извѣстія, и занятая ими, публика имѣла мало досуга вникнуть во всѣ обстоятельства разбиравшагося въ то же время процесса о пропагандѣ. Она была только поражена неслыханнымъ по своей возмутительности поведеніемъ подсудимыхъ во время суда надъ ними. Но одновременно съ этимъ въ публикѣ всячески распространялись сужденія о томъ что къ этимъ людямъ все-таки слѣдуетъ относиться снисходительно, что въ сущности люди этого лагеря, при всѣхъ ихъ заблужденіяхъ, люди благонамѣренные, что̀ многіе изъ нихъ доказали де своею дѣятельностью въ военнопоходныхъ лазаретахъ.

Каковъ однако на дѣлѣ былъ характеръ этой „мирной“ пропаганды? Что выяснило о ней производившееся въ 1874 и 1875 годахъ слѣдствіе? Какого рода невинная дѣятельность была остановлена тогдашними арестами.

Формировались одни за другими революціонные кружки изъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи, Технологическаго Института, изъ слушательницъ акушерскихъ и женскихъ курсовъ и т. д. Отъ организовавшихся такимъ образомъ кружковъ разсылались въ разные города агенты для формированія и тамъ новыхъ такихъ же кружковъ, и въ короткое время создалась цѣлая сѣть ихъ. Каждый членъ такихъ кружковъ долженъ былъ обязательно заниматься пропагандой, подъ прикрытіемъ всякихъ профессій: медика, фельдшера, народнаго учителя, простаго рабочаго. Пропаганда велась и устно, и посредствомъ чтенія, и посредствомъ раздачи книгъ. Пропаганда была направлена разомъ и на учебныя заведенія, отъ высшихъ до сельскихъ школъ, и на фабричныхъ рабочихъ, и на крестьянъ. Сходясь съ рабочими, пропагандисты, какъ обнаружило слѣдствіе, „старались доводить до фанатической ненависти къ существующему порядку недовольство рабочихъ своимъ положеніемъ обусловленнымъ разными экономическими причинами и создавать такимъ образомъ революціонныхъ дѣятелей изъ среды самого народа.“ Слѣдствіемъ удостовѣрено что дѣятельность пропагандистовъ въ этомъ направленіи была малоуспѣшна: на всемъ пространствѣ Россіи они въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ своей пропаганды успѣли развратить какихъ-нибудь два-три десятка изъ простаго народа. Но дѣло не въ числѣ совращенныхъ, а въ сущности того что внушалось рабочимъ. Въ бесѣдахъ съ рабочими прямо высказывалось „что имъ слѣдуетъ избавиться отъ притѣсненій правительства, и что для этого необходимо уничтожить, путемъ возстанія, верховную власть и правительство, послѣ чего земля будетъ въ распоряженіи крестьянъ, а фабрики въ рукахъ рабочихъ.“ Въ книжкахъ которыя распространялись между рабочимъ людомъ преимущественно превозносилась дѣятельность Емельки Пугачева и Стеньки Разина. Эти же герои служили преимущественно предметомъ лекцій которыя читались рабочимъ ихъ просвѣтителями. И не грѣхъ ли было правительству останавливать эту цивилизаторскую дѣятельность и арестовать тѣхъ кто посвящалъ ей свои силы! Зачѣмъ было мѣшать Желябовымъ и Кибальчичамъ продолжать ихъ бесѣды съ народомъ? Они занимались бы этими бесѣдами не мѣсяцы, а цѣлые годы, и число просвѣщенныхъ ими опредѣлилось бы тогда, можетъ-быть, не десятками, а массами, особенно еслибы правительство своимъ бездѣйствіемъ придало бы силу и авторитетъ пропагандѣ. Ихъ хватали, правда, сами тѣ кого они просвѣщали, кого хотѣли облагодѣльствовать, какъ были, напримѣръ, арестованы крестьянами деревни Куликовки Войнаральскій и Надежда Юргенсонъ за проповѣдь о томъ „что волю крестьянамъ дали не настоящую, что господъ и начальства не нужно, и что Царя тоже не надо.“ На правительствѣ, конечно, лежала обязанность образумливать такихъ крестьянъ и не допускать ихъ до подобныхъ поступковъ. Только этого и не доставало...

Пропаганда 1874 года мало перепортила людей изъ простаго народа. Но не такъ безуспѣшна была она по отношенію къ учащейся молодежи. Не десятки, а сотни изъ ея среды отозвались на призывъ „бросить ученье и идти въ народъ,“ и пошли вслѣдъ за вожаками. Какъ не упрекнуть правительство за то что оно вздумало тогда арестовать этихъ вожаковъ! Пусть бы они увлекали за собой не только сотни, а хоть тысячи.

Правительство арестовало сельскихъ учителей которые толковали своимъ ученикамъ что „порядки у насъ дурные, что скоро наступитъ другой, лучшій порядокъ, когда бѣдные отберутъ землю у богатыхъ,“ и показывая имъ ножъ, объясняли что онъ „пригодится рѣзать господъ,“ арестовало сельскихъ учительницъ, которыя, читая дѣтямъ про Стеньку Разина, говорили что „надо сдѣлать бунтъ, перебить господъ какъ Стенька Разинъ перебилъ бояръ, и что всѣ должны быть равны.“ Какъ же правительство позволило себѣ принимать стѣснительныя мѣры противъ такой „мирной пропаганды!“ На что это похоже? Нѣтъ, не стѣснять этихъ учителей и учительницъ слѣдовало, по проповѣдуемой нынѣ теоріи, а напротивъ водворять вновь въ школахъ тѣхъ изъ нихъ которые почему-нибудь были удаляемы. Такъ, напримѣръ, начальницей Тифлисскаго института была удалена изъ него учительница Шавердова,

которая распространяла между институтками требуемыя прогрессомъ „новыя“ понятія о бракѣ, религіи и повиновеніи начальству, и по внушенію коей нѣсколько воспитанницъ уѣхали въ Цюрихъ. Почему бы не вернуть такую учительницу въ Институтъ вмѣсто того чтобы за дальнѣйшую мирную дѣятельность привлекать ее къ суду?

Однако къ чему бы мы пришли, еслибы противъ мирной пропаганды такого характера не было принято никакихъ мѣръ, еслибы правительство безучастнымъ отношеніемъ къ ней придало ей авторитетъ? Теперь только адвокатъ на судѣ могъ приводить въ нѣкоторую связь вдохновлявшія пропагандистовъ идеи съ духомъ реформъ совершенныхъ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ. Тогда эта связь вошла бы въ сознаніе народа. „Мирная“ пропаганда, поощренная бездѣйствіемъ правительства, сдѣлала бы то чего не могли сдѣлать всѣ совершенныя подпольными извергами злодѣйства. Она дѣйствительно вызвала бы въ Россіи страшную революцію...

№ 100.

Москва, 9-го апрѣля.

Въ борьбѣ съ нами, противныя партіи употребляютъ тактику которая особенно хорошо характеризуетъ ихъ. Онѣ прикидываются обиженными и вопіютъ о привилегіяхъ, которыя будто бы намъ предоставлены въ печати. Мы будто бы пользовались всегда свободою мнѣнія и слова, которой будто бы онѣ были лишены. Но не только свободою, мы будто бы пользовались громадною властію, какимъ-то образомъ нами захваченною. Мы будто бы, какъ Гамбетта, стояли за министрами и властвовали надъ совѣтами правительства, и нерѣдко, вопреки всѣмъ усиліямъ правительственныхъ лицъ, направляли дѣла въ нашемъ смыслѣ. Мы будто смѣняли и назначали правительственныхъ лицъ. Покойный баронъ Фирксъ доказывалъ въ нарочито для сего написанной книгѣ что именно мы въ 1863 году назначили Муравьева генералъ-губернаторомъ въ Вильну. Трактуя насъ хуже чѣмъ преступниковъ, крича караулъ, призывая на насъ полицію и оглашая насъ врагами правительства, наши противники въ то же время приписываютъ намъ какую-то трансцедентальную власть надъ всякою властью. Въ одномъ петербургскомъ органѣ *общественнаго обмана*, именуемаго у насъ *общественнымъ мнѣніемъ*, маневръ о которомъ мы сейчасъ говорили дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Мы когда-то выразились что будучи вѣрноподданными Государя, не считаемъ себя однако вѣрноподданными министровъ. *Голосъ,* припоминая эти слова наши, даетъ знать что, въ свою очередь, онъ не желаетъ быть нашимъ вѣрноподданнымъ.

Такъ какъ обманъ потому и обманъ что старается придать себѣ видъ правды, то любопытно раскрыть въ чемъ смыслъ этого маневра Повинимся: мы дѣйствительно пользуемся громадною привилегіей, но мы получили ее не отъ кого иного какъ отъ нашихъ противниковъ. Они сами отказались въ нашу пользу отъ выгодъ содержащихся въ формулѣ $2\times2=4$ и А есть А. Все что̀ нами когда-либо утверждалось и отрицалось приходило къ этой формулѣ какъ къ своему послѣднему выраженію. Это, дѣйствительно, всевластный законъ, противъ котораго ничего не подѣлаешь, предъ которымъ приходится въ концѣ концовъ смиряться даже петербургскимъ бюрократамъ, какъ бы послѣ Плевны. Что̀ бы вы ни говорили, какъ бы ни путали, если въ послѣднемъ анализѣ у васъ выходитъ что А не есть А и дважды два не четыре, то надо покориться... Это законъ неумолимо деспотическій.

Мы полагаемъ что всякій честный человѣкъ способный имѣть свое мнѣніе въ дѣлахъ своей страны долженъ руководствоваться своимъ гражданскимъ долгомъ и во что̀ бы то ни стало говорить и дѣйствовать по совѣсти и крайнему разумѣнію. Весьма естественно русскому гражданину желать и требовать чтобы дѣла въ его странѣ направлялись въ видахъ ея государственной пользы. Мы не только никому не препятствуемъ, мы всѣхъ приглашаемъ слѣдовать этимъ путемъ, опережать насъ и съ бо̀льшимъ чѣмъ мы умѣніемъ и успѣхомъ способствовать развитію истинно-національной политики въ дѣлахъ какъ внутреннихъ, такъ и международныхъ. Но тѣ кому нравится другой путь, мыслители и дѣятели сознательно или безсознательно слѣдующіе путемъ обмана, при всей откровенности съ какою они высказываются и дѣйствуютъ, не всегда находятъ удобнымъ прямо посягать на предметы долженствую-

щіе быть внѣ всякаго спора среди русскихъ людей. И вотъ противныя партіи свою злобу переносятъ на людей которымъ сами они уступили привилегію логики, чести и правды. Не къ намъ собственно относятся проклятія которыми наши противники осыпаютъ насъ. Мы не такъ самолюбивы чтобы честь эту приписывать лично себѣ: злоба относится къ тѣмъ началамъ которыя для *русской партіи* въ Россіи обязательны и священны. Наши враги перестали бы заниматься нами какъ только окончательно убѣдились бы что дѣла наши будутъ слѣдовать мнѣнію что *дважды два не четыре*. Чтобъ удовлетворить и успокоить ихъ надо чтобы правительство наше руководилось такимъ мнѣніемъ. Вотъ почему политическіе плуты всячески стараются увѣрять людей во власти что достоинство ихъ требуетъ поступать вопреки своему долгу и смыслу лишь бы только не быть одного съ нами мнѣнія.

№ 101.

Москва, 10-го апрѣля.

Съ небольшимъ два мѣсяца тому назадъ, 3 февраля, состоялся указъ объ установленіи съ 1 числа августа мѣсяца новой системы взиманія акциза съ сахара и объ измѣненіи самаго размѣра этого акциза. Вслѣдъ затѣмъ, со второй половины февраля, сахаръ началъ сильно подниматься въ цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, въ Кіевѣ сахаръ съ 5 р.—5 р. 50 к. за пудъ поднялся до 6 руб. 50 к. — 6 р. 70 к., въ Варшавѣ до 7 р. 30 к.—7 р. 50 к., и соотвѣтственно поднялись цѣны на рынкахъ снабжаемыхъ изъ главныхъ центровъ свеклосахарнаго производства. Это вздорожаніе сахара многими было приписано именно предстоящему измѣненію въ условіяхъ взиманія акциза, такъ что недовольство вздорожаніемъ переносилось на принятую недавно финансовую мѣру. Финансовое вѣдомство обратило вниманіе на это обстоятельство, и въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилось официальное сообщеніе въ которомъ доказывается что обозначившійся подъемъ сахарныхъ цѣнъ долженъ быть объясняемъ не измѣненіемъ акцизной системы, а другими причинами. Причинъ этихъ указывается двѣ: первая, поставляемая на главномъ планѣ — недостаточный урожай свекловицы въ минувшемъ году и плохое ея качество, обусловившее меньшіе выходы сахара; вторая, допускаемая какъ придатокъ къ первой— торговая спекуляція на возвышеніе цѣнъ. Въ подтвержденіе, офиціальное сообщеніе указываетъ на тотъ фактъ что вздорожаніе въ указанныхъ размѣрахъ распространяется только на наличный сахаръ, выработанный при дѣйствіи прежней акцизной системы, и не касается сахара который имѣетъ быть производимъ послѣ 1 августа. Сдѣлки на наличный сахаръ происходятъ по цѣнамъ повышеннымъ, а сдѣлки на сахаръ будущій по цѣнамъ гораздо болѣе низкимъ, почти такимъ же какія стояли до изданія указа 3 февраля.

Признаніе этого факта не упраздняетъ, однако, мнѣнія что можетъ-быть пертурбація во всемъ нашемъ свеклосахарномъ зводсироптвѣ, причиненная кореннымъ измѣненіемъ акцизной системы при которой оно выросло и съ которою сжилось, не остается совсѣмъ безъ вліянія въ дѣлѣ установленія сахарныхъ цѣнъ на нашихъ рынкахъ. Сахарные заводчики и торговцы обыкновенно внимательно слѣдятъ и за урожаемъ свекловицы, и за размѣрами содержанія въ ней сахара. И то и другое для заводчиковъ, а вслѣдъ за ними и для торговцевъ должно было опредѣлиться почти при самомъ началѣ минувшей свеклосахарной кампаніи, и должно было повести къ серіозному подъему цѣнъ сахара еще до февральскихъ контрактовъ въ Кіевѣ; а между тѣмъ до изданія указа 3 февраля такого подъема цѣнъ не было. Въ виду этого, объясненіе нынѣшняго вздорожанія сахара преимущественно недородомъ свекловицы, съ допущеніемъ лишь отчасти вліянія воспользовавшейся этимъ спекуляціи, представляется не совсѣмъ согласнымъ съ обстоятельствами. Спекуляція, повидимому, играетъ тутъ главную роль, а толчокъ ей данъ, какъ надо полагать, не одною ограниченностью размѣровъ выработки сахара въ минувшемъ году, а также, и можетъ-быть преимущественно, двумя годъ за годомъ слѣдовавшими перемѣнами въ акцизныхъ условіяхъ, имѣющими для сахарозаводчиковъ громадное значеніе.

Къ такой мысли приводятъ, между прочимъ, идущія изъ Кіева извѣстія о томъ какъ юго-западные сахарозаводчики смотрятъ на положеніе созданное для нихъ

финансовою мѣрой 3 февраля. Взглядъ ихъ на предстоящее имъ ближайшее будущее далеко не розовый, и они очень были бы довольны еслибы дѣло повернулось для нихъ не такъ круто какъ это случилось на дѣлѣ. Они ходатайствуютъ о смягченіи принятой крутой мѣры, и Кіевскій биржевой комитетъ подкрѣпляетъ ихъ ходатайство особою докладною запиской адресуемою министру Финансовъ, въ которой прежде всего указываетъ на неожиданность съ какою послѣдовало измѣненіе акцизной системы, а затѣмъ на то что многіе заводчики, вслѣдствіе большихъ затратъ на улучшеніе заводовъ, поставлены были въ необходимость продать производимый ими сахаръ впередъ по низкимъ цѣнамъ, причемъ нѣкоторыми сахаръ проданъ даже за пять лѣтъ впередъ.

Если это такъ, то не трудно представить себѣ выгодное положеніе въ какомъ очутились спекулянты по торговлѣ сахаромъ. Въ ихъ рукахъ и наличный, и будущій сахаръ. Они могутъ назначать цѣны тому и другому по своему усмотрѣнію. Поднимая цѣны на наличный сахаръ, они не боятся что оставшіеся на рукахъ запасы сахара придется продешевить вслѣдствіе конкурренціи будущаго производства: продукты этого будущаго производства ими уже скуплены. Въ то же время, они гарантированы отъ убытка при крупныхъ сдѣлкахъ по пониженнымъ цѣнамъ на будущій сахаръ: этотъ будущій сахаръ закупленъ ими по цѣнамъ еще болѣе пониженнымъ. Не финансовою мѣрой 3 февраля главнымъ образомъ создана для спекулянтовъ такая обстановка, а предшествовавшимъ ей измѣненіемъ акцизныхъ нормъ, вступившихъ въ дѣйствіе 1 августа прошлаго года и остававшихся въ силѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Но до финансовой мѣры 3 февраля спекулянты не чувствовали себя единственными господами рынка: большая доля вліянія на немъ принадлежала заводчикамъ; заводчики были силой съ которою нельзя было не считаться въ дѣлѣ установленія цѣнъ. Но мѣрой 3 февраля подорваны разчеты на которыхъ основывали донынѣ заводчики свое производство, поколебалась почва на которой они донынѣ твердо стояли, и поле окончательно осталось за спекуляціей. Невыгодно потребителямъ эксплуатируемымъ спекуляціей. Не красиво и положеніе заводчиковъ неожиданно обманувшихся въ сдѣланныхъ на нѣсколько лѣтъ впередъ разчетахъ производства, и частію попавшихъ чуть не въ кабалу къ спекулянтамъ.

Было бы несправедливо винить заводчиковъ за то что они очутились въ такомъ положеніи. Правительство устанавливало отъ времени до времени нормы по которымъ взимался акцизъ съ сахара; нормы эти были не одинаковы для различныхъ снарядовъ и способовъ какими добывался сахаръ на заводахъ. Заводчики постоянно старались усвоивать тѣ снаряды и способы которые преимущественно поощрялись финансовымъ вѣдомствомъ, то-есть для которыхъ устанавливались болѣе льготныя нормы. Какъ только правительство измѣняло нормы, начиналась перестройка заводовъ съ усвоеніемъ способовъ которымъ новыя нормы оказывали поощреніе наибольшею льготностью. Такія не разъ случавшіяся перестройки заводовъ всегда требовали бо́льшихъ или меньшихъ затратъ; но эти затраты не были разорительны, онѣ окупались въ теченіе довольно продолжительнаго срока на который обычно устанавливались новыя нормы. Не было, поэтому, ничего необычнаго и въ той перестройкѣ заводовъ которая произошла въ минувшемъ году примѣнительно къ нормамъ какія вступили въ дѣйствіе съ 1 августа прошлаго года. Эта перестройка отличалась отъ прежнихъ лишь большею стоимостью и большею спѣшностью. Но заводчикамъ нельзя было не спѣшить, нельзя было останавливаться предъ затратами нѣсколькихъ милліоновъ, хотя бы для покрытія ихъ приходилось запродать впередъ будущій сахаръ: этого требовали установленныя нормы. Нельзя было оставаться при прессовомъ способѣ добыванія сахара и не переходить къ диффузіонному, когда при первомъ требовалась уплата 67 и даже 80 к. акциза съ пуда сахара, а при второмъ можно было платить 27 к. или и менѣе; нельзя также было оставаться при крупныхъ диффузорахъ и не замѣнять ихъ малыми когда для послѣднихъ установлялись исключительно льготныя нормы акциза. Но вотъ едва сдѣланы затраты на техническія улучшенія, какъ всѣ льготы, которыми заводчики были на нихъ вызваны, неожиданно отмѣняются. Сдѣланныя затраты должны были окупиться пониженіями акциза за вызванныя нормами техническія приспособленія: вмѣсто пониженія, заводчики имѣ-

ютъ въ перспективѣ повышеніе акциза. Это повышеніе акциза подорвало и тѣ разчеты на которыхъ были сдѣланы многими заводчиками запродажи будущаго сахара, запродажи частію вынужденныя необходимостью перестроекъ чуть не прямо предписанныхъ акцизными нормами. Вотъ затрудненія въ которыхъ, судя по приходящимъ извѣстіямъ, очутились многіе сахарозаводчики. Не мудрено что спекуляція не замедлила этимъ воспользоваться, пока свеклосахарная промышленность не успѣла освоиться со своимъ новымъ положеніемъ. Выигрышъ спекуляціи въ настоящемъ случаѣ сопровождается одновременнымъ проигрышемъ и заводчиковъ, и публики.

Подробности системы которая имѣетъ вступить въ дѣйствіе съ 1 августа пока еще неизвѣстны, и потому было бы преждевременно судить о ея достоинствахъ и недостаткахъ. Но можно усомниться въ необходимости той поспѣшности съ которою она выдвинута на смѣну старой.

№ 104.

Москва, 15-го апрѣля.

Газета *Порядокъ* находитъ что мы оказываемъ медвѣжью услугу дѣлу которому служимъ (какое же это дѣло которому мы служимъ, а *Порядокъ* не служитъ?) сравнивая *легальную* печать съ *нелегальною*, и указывая на согласіе между ними. Хитроумный г. Стасюлевичъ ставитъ насъ даже въ противорѣчіи съ прокуроромъ который, обвиняя Желябова съ компаніей, указывалъ на нихъ какъ на враговъ „всякаго государственнаго и общественнаго строя,“ между тѣмъ какъ такъ-называемая либеральная партія, которой органомъ выдаетъ себя г. Стасюлевичъ, желаетъ де „законности и *правоваго* порядка.“ Издатель *Порядка* полагаетъ что мы оказываемъ такимъ образомъ неподобающую честь подпольнымъ дѣятелямъ, приравнивая ихъ къ нему, г. Стасюлевичу, и возводимъ ихъ въ достоинство поборниковъ „законности и правоваго порядка.“ Предоставляемъ на благоусмотрѣніе читателей разобрать на чьей тутъ сторонѣ честь и безчестье. Вопросъ пока не въ томъ что у „террористовъ“ и у легальныхъ либераловъ на умѣ, что̀ они скрываютъ, какія у нихъ цѣли, далеко ли они поѣдутъ вмѣстѣ и на какой станціи раздѣлятся: все это оставляемъ мы въ сторонѣ. Училъ же Мѣрославскій польскихъ революціонеровъ пользоваться русскими нигилистами съ тѣмъ чтобы потомъ, когда восторжествуетъ „польская справа,“ нещадно вѣшать ихъ. Мы также оставляемъ въ сторонѣ разбирательство кто дѣйствуетъ какъ обманщикъ и кто какъ обманутый. Интересъ вопроса на который обращаемъ мы вниманіе состоитъ въ томъ что „легальные“ и „нелегальные“ проповѣдуютъ одну и ту же доктрину, одинаково недовольны какою-то реакціей, одинаково выдаютъ себя за поборниковъ народнаго блага и одинаково требуютъ такъ-называемой конституціи,—долженствующей разрушить „государственный и общественный строй“ если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ Россіи.

Но издѣваясь не то надъ нами, не то надъ представителемъ прокуратуры, петербургскій органъ общественнаго обмана, издаваемый какъ говорятъ на деньги какихъ-то добрыхъ капиталистовъ, невольно проговаривается: „Что̀ бы сказали *Московскія Вѣдомости*,“ говоритъ г. Стасюлевичъ, „еслибы при встрѣчѣ съ двумя голодными людьми, изъ которыхъ одинъ „подъ вліяніемъ голода совершилъ грабежъ, а другой только умоляетъ о пищѣ, „еслибы, говоримъ мы, кто-нибудь предложилъ имъ одинаковое отношеніе къ „этимъ людямъ, и каждаго кто только заговорилъ бы о необходимости питанія „сталъ бы приравнивать къ преступникамъ „покушающимся на чужую собственность? „Такія отношенія, по меньшей мѣрѣ, были „бы не логичны и повели бы только къ „тому что число голодающихъ и покушающихся на преступленіе все болѣе и болѣе „увеличивалось бы. Такова ли цѣль *Московскихъ Вѣдомостей?* Надобно думать „что именно такова, такъ какъ онѣ для „своего успѣха должны нуждаться въ поддержаніи хаоса въ общественныхъ умахъ.“

Итакъ, въ сущности оказывается что, по собственному сознанію легальнаго либерала, между легальными радѣтелями „законности и правоваго порядка“ и нелегальными террористами нѣтъ существенной разницы, а есть разница какъ-бы только въ темпераментѣ. И тѣ и другіе хотятъ сталобыть одного и того же, но одни чинятъ динамитные взрывы, а другіе въ тѣхъ же самыхъ видахъ простираютъ за благостыней руки въ статьяхъ *Порядка* и *Голоса*.

Это, что̀ называется, раздѣленіе труда. И тѣ и другіе мучимы голодомъ и нуждаются въ хлѣбѣ, а хлѣбъ этотъ есть *правовой порядокъ*, иначе конституція, и этого насущнаго хлѣба требуетъ де Русскій народъ. Выходитъ, стало-быть, что Желябовъ былъ правъ заявивъ на судѣ что онъ хлопочетъ о благѣ народа, а не права была публика которая прервала его изъявленіемъ негодованія.

Добрые люди на Руси полагаютъ что наши нигилисты подготовляются и подсылаются врагами Россіи. По г. Стасюлевичу выходитъ, напротивъ, что они выразители народныхъ потребностей и солидарны съ такъ-называемою у насъ либеральною партіей, солидарны если не въ способѣ дѣйствій, то въ своихъ стремленіяхъ и цѣляхъ. За кѣмъ же тутъ честь? За кѣмъ безчестіе?

Нѣтъ ничего наглѣе увѣренія будто сословія Русскаго народа требуютъ перемѣны образа правленія въ Россіи, и будто революціонное движеніе въ нашемъ обществѣ выходитъ изъ нашей народной жизни. Нѣтъ, обманъ революціоннаго движенія идетъ не съ низу, не изъ народа, не изнутри страны; онъ свилъ себѣ гнѣздо въ преддверіяхъ власти и идетъ изъ бюрократическихъ сферъ. Сословія Русскаго народа непричастны ему. Съ глубокою скорбію и недоумѣніемъ видятъ они эти странныя движенія вносящія отраву въ нашу жизнь, парализующія ее и грозящія намъ пагубою при дальнѣйшемъ развитіи. Русскія сословія, самимъ инстиктомъ своего существованія, чувствуютъ все зло тѣхъ фальшивыхъ и чуждыхъ имъ партій которыя ведутъ зловредную игру поддаваясь обману и обманывая другъ друга.

Порядокъ осмѣливается лгать на русское дворянство будто бы и оно требуетъ того же чего добивался Желябовъ и о чемъ „умоляетъ" г. Стасюлевичъ. Правда, въ петербургскомъ дворянствѣ, лицами выдающими себя за консервативную партію недавно были сказаны рѣчи которыя можно истолковать въ смыслѣ гг. Стасюлевича и Полонскаго; но не служитъ ли это доказательствомъ что въ петербургской атмосферѣ извращаются всѣ инстикты? Можетъ ли дворянство, не потерявъ смысла желать, особенно теперь, перемѣщенія и ослабленія власти посредствомъ какого бы то ни было выборнаго представительства? Что̀ будетъ съ дворянствомъ,—и не только съ дворянствомъ,—что̀ будетъ со всѣми общественными интересами, начиная съ собственности, если поколеблются наши государственные устои, если хоть немного пошатнется или умалится Царская Власть? Что̀ будетъ съ самою Россіей? Думаютъ ли наши господа консерваторы и либералы что Русскій народъ будетъ чтить власть если сама власть утратитъ вѣру въ себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и священный характеръ свой, раздѣлится и станетъ достояніемъ партій? Въ чемъ истинная сущность русскаго самодержавія? Въ томъ что самодержавная власть нераздѣльна и едина съ цѣлымъ народомъ, что она сильна всею силою его, что она выше всѣхъ партій что она совершенно свободна и не подлежитъ никакому спору.

Послѣ 1 марта въ Петербургѣ перебывали предводители дворянства всѣхъ губерній, и конечно имѣли случай бесѣдовать съ петербургскимъ предводителемъ дворянства. Любопытно было бы знать какое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ бесѣдъ со своими товарищами изъ глубины Россіи.

Кто будетъ совѣтовать намъ, въ видахъ прогресса, ослабленіе власти собранной и превознесенной тяжкимъ трудомъ стольких поколѣній, тотъ или обманутъ или хочетъ обманывать. Всякій шагъ въ этомъ направленіи будетъ не прогрессомъ, а позоромъ и паденіемъ.

Русская земля и безъ того страдаетъ теперь чувствомъ приниженной ослабленной власти. Общественный недугъ нашъ, отъ котораго мы должны какъ можно скорѣе избавиться, есть чувство маразма власти, чувство ея бездѣйствія. Возстановить общественное здоровье, всѣхъ успокоить и вызвать къ производительной дѣятельности силы страны, для этого требуется чтобы власть показала себя во всей полнотѣ своего не потрясеннаго могущества, поддерживая и ограждая всѣ честные интересы, всѣ законныя права, обезпечивая свободу и не дозволяя возникнуть въ странѣ никакой другой власти, никакихъ обязательныхъ отношеній, кромѣ тѣхъ которыя утверждаются закономъ идущимъ отъ единой въ странѣ верховной власти. Для этого прежде всего необходима строжайшая дисциплина, страхъ Божій въ самихъ правительственныхъ сферахъ. Если тамъ будетъ строго, и не будетъ между властями междоусобій, интригъ и партій, если правительственныя лица будутъ серіозно

чувствовать всю тяжесть своей отвѣтственности предъ Престоломъ, и за всякое злоупотребленіе власти платиться серіознѣе чѣмъ неполученіемъ награды или увольненіемъ съ бо́льшимъ или меньшимъ почетомъ, то все что̀ желательно въ настоящее время для страны было бы исполнено, и самый призракъ революціи мгновенно исчезъ бы...

Кстати: обращаемъ особенное вниманіе читателей на „Голосъ изъ провинціи" въ этомъ же нумерѣ. Это письмо показываетъ что въ провинціи умные люди отлично понимаютъ игру петербургскихъ партій и либерализмъ гг. Стасюлевичей...

№ 105.

Москва, 16-го апрѣля.

Нельзя сказать чтобъ иностранная печать мало занималась Россіей и ея внутренними дѣлами. Политическіе шарлатаны всѣхъ странъ то и дѣло прописываютъ намъ рецепты и осыпаютъ насъ совѣтами и наставленіями. Но рѣдко во всемъ этомъ сумбурѣ встрѣтишь толковое слово въ родѣ того какое сейчасъ прочли мы въ берлинской газетѣ *Post*, отъ 25 апрѣля. На этотъ разъ намъ по крайней мѣрѣ, не навязываютъ *конституціи*, а напротивъ дружелюбно и умно совѣтуютъ воздержаться отъ всякихъ экспериментовъ въ дѣлѣ государственнаго устройства, еслибы такая блажная мысль могла придти намъ въ голову и мы вздумали бы послѣдовать указаніямъ „исполнительнаго комитета" и внушеніемъ фельетоновъ русско-польской части нашей печати. „Кажется говоритъ берлинскій публицистъ, Русское правительство отказалось отъ мысли выйти изъ кризиса посредствомъ эксперимента съ конституціей. Дѣйствительно, исторія учитъ что переходъ отъ самодержавія къ конституціи, при расшатанности государственныхъ отношеній, есть шагъ къ революціи. Мирнымъ путемъ новые порядки устанавливаются лишь когда закономъ закрѣпляется постепенно сложившееся положеніе народныхъ силъ." Этотъ выводъ и ссылки на Англію и Францію будутъ можетъ-быть полезны нашимъ консерваторамъ и либераламъ, заботящимся навязать Россіи *конституцію*. Но этотъ даръ намъ не къ мѣсту и не ко времени вовсе не потому что мы еще не доросли до него, вовсе не потому что Россія еще не созрѣла для него, а напротивъ, скорѣе потому что вышла изъ того возраста, когда еще бываетъ дозволительно рядиться въ шутовской костюмъ. Устранила ли шаблонная конституція гдѣ-либо тѣ затрудненія, ради которыхъ силятся навязать ее намъ? Не тяготится ли Германія учрежденіями которыя въ дурную минуту она завела у себя по чужой мѣркѣ и отъ которыхъ не знаетъ теперь какъ избавиться. Да проститъ намъ Богъ за то что мы, желая щегольнуть предъ Европою, насильно навязали бѣдной Сербіи *конституцію*, а еще болѣе за то что мы этимъ благомъ, въ припадкѣ либерализма, недавно надѣлили Болгарію за которую пролили столько дорогой намъ крови. Благодаря мужеству и самоотверженію русскаго солдата, мы освободили нашихъ соплеменниковъ отъ турецкаго ига, но сыграли надъ ними злую шутку предавъ ихъ экспериментамъ политической мудрости нашей канцелярской интеллигенціи и надѣливъ ихъ учрежденіями въ сочиненіи которыхъ участвовалъ, какъ говорятъ, даже фельетонистъ *Голоса*. Мы поставили себѣ удивительную задачу всячески связать и обезсилить власть въ странѣ гдѣ національной власти еще не было и гдѣ требовалось прежде всего создать сильную власть. Послѣдствія этого эксперимента, такъ жалко заключившаго великую эпопею войны, теперь на лицо. Спросите гдѣ идутъ дѣла лучше, въ Восточной ли Румеліи, которая осталась подъ властію султана, но ограждена отъ турецкаго управленія, а вмѣстѣ и отъ нашего либерализма, или въ освобожденной Болгаріи, которая получила отъ насъ „либеральныя учрежденія?"

Въ прошломъ году, въ роковой день 5 февраля, ознаменовавшійся катастрофой, которая была предвѣстіемъ страшнаго событія 1 марта нынѣшняго года, еще до полученія извѣстія о происшедшемъ, въ виду возникавшихъ тогда смутныхъ вопросовъ касательно основъ нашей школы, мы писали слѣдующее, что̀ въ главномъ и существенномъ можетъ быть повторено и примѣнительно къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ:

„...Истинное зло Россіи именно и заключается въ той гнилой части ея интеллигенціи которая стыдится своей страны и чуждается своего народа. Эта-то интеллигенція и есть наша язва отъ которой

мы должны во что̀ бы то ни стало освободиться; это-то и есть то фальшивое образованіе которымъ мы страдаемъ живя чужимъ умомъ и на все свое смотря чужими глазами.

„Недавнія событія послужили пробой народовъ. Русскому ли народу послѣ этого испытанія отрекаться отъ себя, другимъ ли превозноситься надъ нимъ?

„Въ чемъ намъ завидовать другимъ странамъ? Возьмемъ ли церковь,—мы обладаемъ христіанствомъ въ его неизмѣнномъ со временъ апостольскихъ существѣ. Церковь глубоко коренится въ нашей народной жизни: она была творящею силой нашей исторіи; она слилась съ нашею народностью и внесла въ нее самое христіанское въ христіанствѣ начало: духъ милосердія и самоотверженія. Въ другихъ же странахъ церковь ведетъ ожесточенную борьбу съ государствомъ, положительная вѣра исчезла въ массахъ, и религія превратилась въ фарисейскій decorum высшихъ классовъ.

Не въ политическомъ ли отношеніи завидовать намъ другимъ? Но мы имѣемъ то чего теперь у другихъ нѣтъ—безспорную, непотрясенную, нераздѣльную, единую со всѣмъ народомъ государственную власть. Въ этой безусловности власти, этой независимости ея и единствѣ съ народомъ заключается величайшее политическое благо. Такую власть нельзя создать искусственно и по произволу, гдѣ она не установлена вѣками или гдѣ она однажды сбита съ мѣста. Были въ наши времена сильные люди въ Европѣ, но они не могли при всѣхъ усиліяхъ и геніальности придать своей власти то значеніе какое составляетъ ея сущность въ нашемъ отечествѣ. Завидовать ли другимъ въ томъ что у нихъ это основное начало обезславлено, выброшено на площадь и жадно вырывается другъ у друга толпами? Не парламентаризму ли должны мы завидовать, этому истасканному въ Европѣ шаблону, этой пошлой докринѣ вездѣ потерявшей кредитъ, которая можетъ-быть годна только какъ средство постепеннаго ослабленія власти и перемѣщенія ея изъ рукъ въ другія? Много перемѣнили мы арлекинскихъ костюмовъ, стараясь подражать чужимъ модамъ. Не дай Богъ облечься въ этотъ... не введи насъ во искушеніе.., Россія, если ей суждено жить, не можетъ повторять зады чужихъ народовъ. Ея величіе, глубокая особенность ея исторіи и народности, все указываетъ что она есть нѣчто sui gêneris и должна идти своимъ путемъ.

„Въ чемъ же завидовать? Народъ нашъ могучъ и исполненъ жизненныхъ силъ; страна наша велика и обильна... У насъ есть Польша гдѣ народное богатство и довольство растетъ не поднямъ, а по часамъ, и нѣтъ у насъ умирающей съ голоду Ирландіи, нѣтъ заполоненныхъ ростовщиками Силезіи и Галиціи, нѣтъ пролетаріата какъ органической болѣзни: нѣтъ такой ужасной нищеты и омерзительнаго огрубѣнія человѣчества какія гнѣздятся въ другихъ странахъ подъ позолотой цивилизаціи, творящей промышленныя чудеса на свободныя деньги собранныя съ разныхъ концовъ міра политикой обмана, коварства и хищенія.

„Что̀ же не достаетъ намъ? Народу нашему не достаетъ достойной его интеллигенціи. У насъ нѣтъ науки и всего того что̀ отъ нея исходитъ. Наше образованіе, поверхностное и подражательное, не вноситъ свѣта въ нашу жизнь и способно только возмущать ее. Мы лишены своихъ, нами самими выработанныхъ понятій чтобы видѣть и разумѣть окружающее. Юношеству, изъ котораго выходятъ наши государственные дѣятели, наши ученые и учители, не доставало правильнаго и достаточно высокаго умственнаго воспитанія для приготовленія къ высшимъ, такъ-называемымъ либеральнымъ профессіямъ, не доставало школы равносильной той гдѣ воспитывается интеллигентная Европа. Эта школа теперь намъ дарована, и ее-то интрига, не гнушающаяся никакихъ коалицій, силится отнять у Россіи. Подъ именемъ какой-то реальной системы хочетъ она возвратить насъ къ прежнему низкопробному и растлѣвающему воспитанію, которое дѣлало насъ данниками чужой мысли и порождало именно то фальшивое образованіе за которое мы дѣйствительно не можемъ не презирать и не стыдиться себя при сравненіи съ другими."

Но возвратимся къ берлинской газетѣ *Post*. Въ ея статьѣ о нашихъ дѣлахъ встрѣтили мы еще одно замѣчаніе, на которое сто̀итъ обратить вниманіе. Оно отчасти совпадаетъ съ тѣмъ что было нами сказано въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты. Прежде и больше всего, справедливо находитъ берлинскій публицистъ, требуется чтобы въ правительственныхъ сферахъ у насъ возобладалъ духъ твердости, послѣдова-

тельности и величайшей строгости въ исполненіи обязанностей. Но берлинскій публицистъ присовокупляетъ къ этому вѣрному замѣчанію слѣдующее: „Если таковы условія каждаго великаго дѣла, то всего нужнѣе это тамъ гдѣ народъ въ своемъ національномъ характерѣ имѣетъ явный недостатокъ серіозности и послѣдовательности, гдѣ народъ, какъ песокъ пустыни, носится по волѣ вѣтра то въ ту, то въ другую сторону...“ Бѣдный Русскій народъ! За насъ, его выродковъ, за насъ именующихъ себя образованнымъ и старающихся какъ можно болѣе отдѣлиться отъ своего народа и какъ можно менѣе походить на него, взводится на него поклепъ и приписываются ему грѣхи въ которыхъ онъ неповиненъ и свойства которыя ему противны!

Русскій народъ легкомысленно бросается изъ стороны въ сторону! Русскій народъ увлекается всякимъ вѣтромъ! Такимъ представляется онъ иностранцу, который знакомъ съ нимъ чрезъ его образованные классы. Однако и иностранцу слѣдовало бы знать настолько исторію Россіи чтобы не впасть въ превратное заключеніе. Нѣтъ, Русскій народъ, напротивъ, всегда подвергался упрекамъ въ косности, въ крайней неподатливости на всякія *переставливанья* его обычая. Вспомните чего стоило очищеніе церковнаго обряда патріарху Никону; вспомните какъ изнемогла предъ этою народною неподатливостію даже безпримѣрная энергія такого преобразователя какъ Петръ Великій. Нѣтъ, упрекайте Русскій народъ въ чемъ хотите, только не въ легкомысліи. Но вѣрно то что непростительнымъ легкомысліемъ отличается наша *ученая интеллигенція*, отрицательно относящаяся къ своему народу и не имѣющая ничего общаго съ его духомъ и природными свойствами. Берлинскій публицистъ желаетъ чтобы правящіе классы у насъ были для Русскаго народа образцомъ твердости и послѣдовательности. Было бы еще вѣрнѣе пожелать чтобы правящіе классы наши, хотя немного, прониклисъ историческимъ духомъ своего народа и старались бы болѣе сблизиться съ нимъ чѣмъ играть роль ученыхъ обезьянъ...

№ 106.

Москва, 17-го апрѣля.

Занятые нашими внутренними вопросами, мы и не замѣчаемъ какъ скопляются тучи на европейскомъ горизонтѣ...

Французскій походъ на Тунисъ, очевидно, принимаетъ размѣры событія международной важности, и едва ли всѣ державы останутся безучастными зрителями попытки Франціи расширить свое владычество въ Средиземномъ Морѣ и присвоить себѣ все сѣверное побережье Африки до Египта, не обращая никакого вниманія не только на протесты Тунисскаго бея и его полуидіотовъ-совѣтниковъ, но и на возраженія Оттоманской Порты, которая въ послѣднюю минуту рѣшилась заявить свои права на Тунисъ и провозгласила его своею вассальною страной.

Но и вообще дѣла на Востокѣ обстоятъ далеко не благополучно. Вопреки извѣстіямъ которыя услужливый телеграфъ распространялъ въ послѣднія двѣ недѣли о ходѣ переговоровъ въ Аѳинахъ и Константинополѣ, стараясь убѣдить что дѣло о греко-турецкой границѣ почти совершенно улажено, оказывается что война между Турціей и Греціей почти неминуема. Аѳинскій корреспондентъ *Daily News* нарушилъ оптимистическое настроеніе сообщивъ въ телеграммѣ отъ 21 (9) апрѣля что положеніе „никогда не было такъ серіозно какъ въ эту минуту.“ Это было на другой день послѣ того какъ Греческому кабинету была передана вторичная нота представителей великихъ державъ въ Аѳинахъ, въ которой сказано было что „державы приняли съ удовольствіемъ отвѣтъ Греческаго правительства и дали „своимъ представителямъ въ Константинополѣ инструкціи касательно соглашенія „съ Турціей по предмету очищенія и передачи уступаемой Греціи территоріи.“ Г. Кумундуросъ выразилъ удивленіе что нота обошла совершеннымъ молчаніемъ вопросъ объ автономіи Эпира, остающагося подъ властью Турціи,—вопросъ, на коемъ Греція такъ горячо настаивала въ своемъ отвѣтѣ отъ 14 апрѣля на первую коллективную ноту. Корреспондентъ прибавляетъ что еслибы Греціи былъ предоставленъ выборъ между войной и отдачей своихъ эпирскихъ братьевъ въ полное и безконтрольное владычество Турокъ, то

Греки скорѣе рѣшатся на войну нежели пожертвуютъ своими братьями которыхъ постигла бы такая же расправа какъ Болгаръ.

Нашъ, хорошо свѣдущій, аѳинскій корреспондентъ, чье письмо отъ 14 апрѣля мы напечатали вчера, вполнѣ подтверждаетъ сообщеніе *Daily News*. И нашъ корреспондентъ думаетъ что старанія Греческаго кабинета направлены лишь къ тому чтобы выиграть время. Военные заказы морскаго и военнаго министерствъ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, будутъ доставлены въ Грецію къ концу апрѣля. Вотъ почему правительству нужно было дать такой отвѣтъ. Требуется протянуть время до начала мая. Меморандумъ г. Кумундуроса отъ 2 апрѣля, полный текстъ котораго сообщенъ нами вчера и о которомъ иностранная печать упомянула лишь вкратцѣ, написанъ въ выраженіяхъ весьма энергическихъ и вовсе не доказываетъ чтобы Греція намѣрена была подчиниться новому рѣшенію Европы. Двѣнадцать дней спустя, то-есть 14 апрѣля, г. Кумундуросъ передалъ ноту въ отвѣтъ на первую коллективную ноту державъ. Европейскія газеты поспѣшили воспроизвести эту отвѣтную ноту цѣликомъ, усматривая въ ней полное подчиненіе Греціи требованіямъ державъ. Въ этомъ убѣжденіи, европейская печать, особенно берлинская, поспѣшила зачислить дѣло Греціи поконченнымъ. Но уже то что понадобилась вторая коллективная нота которая передана была въ Аѳинахъ 20 апрѣля, доказывало что успокоительныя увѣренія скорѣе выражали желаніе господствующее въ Берлинѣ нежели дѣйствительное положеніе дѣлъ. Отвѣта Греціи на эту коллективную ноту до сихъ поръ не послѣдовало, что̀ и объясняется показаніемъ нашего корресподента что Греческій кабинетъ старается только выиграть время, и что мнимое смиреніе предъ волей Европы, сказавшееся въ его нотѣ отъ 14 апрѣля, было лишь уловкою, такъ какъ въ случаѣ рѣшительнаго отказа пришлось бы открыть военныя дѣйствія черезъ двѣ недѣли, между тѣмъ какъ послѣ этого отвѣта пошла новая переписка, которая протянетъ переговоры за половину мая, а это и нужно Греціи.

Обстоятельства, повидимому, благопріятствуютъ разчетамъ Греческаго правительства. Нѣтъ сомнѣнія что Англія встревожена теперь тунисскимъ предпріятіемъ Франціи и ищетъ противовѣса сопернику намѣренному стать твердою ногой въ восточной части Средиземнаго моря. Франція вѣроломно покинула Грецію, которую она еще такъ недавно подстрекала къ упорному сопротивленію настояніямъ европейской дипломатіи. Г. Кумундуросъ имѣлъ смѣлость открыто кинуть Франціи упрекъ въ этомъ предательствѣ. Въ меморандумѣ отъ 2 апрѣля, говоря что Греція давно стала готовиться ко вступленію во владѣніе провинціями присужденными ей Берлинскою конференціей, онъ замѣчаетъ: „великимъ державамъ, конечно, извѣстно что Греція не имѣла недостатка въ поощреніяхъ на этомъ пути.“

Весьма можно допустить что и теперь нѣтъ недостатка въ поощреніяхъ подобнаго рода, но только на этотъ разъ они идутъ не изъ Парижа, а изъ Лондона. Главный органъ теперешняго Британскаго кабинета, газета *Daily News*, выражаетъ полное сочувствіе Греціи и не находитъ ни слова порицанія Аѳинскому кабинету, который такъ неожиданно разрушилъ успокоительную увѣренность установившуюся послѣ его отвѣта на первую коллективную ноту. Упомянутая газета полагаетъ что Греція имѣетъ полное право требовать нетолько того чтобъ ей было обезпечено безпрепятственное и скорое вступленіе во владѣніе тою частію территоріи которою замѣнена граница установленная на Берлинской конференціи, но и того чтобъ остающемуся подъ властью Турціи греческому населенію Эпира дана была серіозная гарантія въ сохраненіи нхъ племенной и религіозной автономіи, которую Турція будетъ, безъ сомнѣнія, стараться сокрушить свойственными ей способами. *Daily News* полагаетъ что Греція имѣетъ полное право разчитывать на поддержку нынѣшняго правительства Англіи. Газета припоминаетъ что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, англійскіе торіи, въ лицѣ лорда Касльри, герцога Веллингтона и лорда Абердина, не хотѣли чтобы Греція, послѣ геройской ея борьбы съ могущественною тогда Турціей, получала свои настоящія границы. Кратковременное управленіе Каннинга, внезапно умершаго въ 1829 году, доставило Греціи тѣ предѣлы въ коихъ она, несмотря на всѣ невыгодныя условія, успѣла бы окрѣпнуть и доказать свою жизнеспособность въ теченіи истекшаго полустолѣтія. Теперешній кабинетъ долженъ де прійти Греціи на помощь относительно автономіи

Эпира который хотя и не можетъ быть немедленно присоединенъ къ ней, но вопросъ о которомъ безъ сомнѣнія вновь откроется въ очень близкомъ будущемъ...

№ 107.

Москва, 18-го апрѣля.

У насъ теперь идутъ переговоры съ Ватиканомъ и имѣется въ виду установить modus vivendi съ нимъ. Дай Богъ успѣха. Но при этомъ, между прочимъ, возникаетъ рѣчь о папскомъ нунціи.

Со стороны компетентной обращаютъ наше вниманіе на значеніе папскаго нунція, котораго часто смѣшиваютъ съ обыкновеннымъ посломъ иностраннаго государства. Между посольствомъ и нунціатурой сходство чисто внѣшнее. Возьмите, напримѣръ, нашихъ пословъ въ Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ, или наоборотъ иностранныхъ пословъ итальянскаго, французскаго, британскаго въ Петербургѣ. Они—генералы, но безъ арміи. Проживающіе вмѣстѣ съ ними за границей ихъ соотечественники, Русскіе въ Римѣ или Итальянцы въ Москвѣ, говоря вообще, не имѣютъ никакого прямаго отношенія къ своимъ посольствамъ, равно какъ и послы сами лично не имѣютъ никакой власти надъ ними. Совершенно иное дѣло—папскій нунцій. Будетъ ли онъ изъ разряда legati a latere, legati missi, nuntii missi cum potestate a latere, pronuntius, какъ напримѣръ при Вѣнскомъ дворѣ, или просто nuntius apostolicus, legatus extraordinarius или internuntius, онъ непремѣнно уполномоченный папы *не только какъ свѣтскаго государя*, но еще болѣе *какъ непогрѣшимаго главы* всей римско-католической церкви. Всѣ архіепископы, епископы, весь клиръ, *всѣ католики римскаго исповѣданія*, на данной территоріи, *обязаны ему безусловнымъ повиновеніемъ*. Онъ не просто посредникъ переговоровъ между Петербургскимъ кабинетомъ и Римскою куріей, но и *владыка* всего римско-католическаго населенія въ предѣлахъ Россіи. По полномочію папы, онъ ихъ государь и князь. Нашъ посолъ при папскомъ дворѣ будетъ по временамъ *переговаривать* съ Римскою куріей, и только. У папскаго нунція миссія посодержательнѣе: онъ будетъ *управлять* всѣми римско-католиками въ Россіи, и, конечно, въ смыслѣ Рима. При немъ неизбѣжно образуется status in statu; въ предѣлахъ Россійской Имперіи—государство папы. Прослѣдите, пишутъ намъ, всю исторію нунціатуръ какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ нашемъ отечествѣ: вездѣ найдете результатъ одинъ и тотъ же, именно что нунціатура обособляетъ католиковъ данной мѣстности въ особое папское государство. Вотъ почему, уже съ половины прошедшаго столѣтія, большинство правительствъ не допускаетъ папскихъ нунціевъ въ своихъ предѣлахъ. Припомните „фебронiанизмъ,“ „эмскія пунктаціи,“ галликанство, нѣмецкій католицизмъ, преобразованія Іосифа II, отношеніе Екатерины II къ папскому двору и спеціально по вопросу о „папскомъ нунціи“ въ Россіи и проч. Въ чемъ смыслъ всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ явленій? Именно въ томъ чтобы не допускать нунціатуръ. Только Павелъ I, за свое званіе „великаго магистра и покровителя Мальтійскаго ордена,“ дозволилъ нунціатуру въ Петербургѣ въ лицѣ графа Литты; но и онъ очень скоро увидѣлъ къ чему ведетъ нунціатура и повелѣлъ папскому нунцію выѣхать въ 24 часа изъ Петербурга за границу. Къ приведеннымъ соображеніямъ слѣдуетъ присовокупить еще слѣдующее: Нунцій, представляющій собою папу, духовнаго государя, не будетъ ли помрачать предстоятелей нашей церкви находящихся въ положеніи гораздо болѣе скромномъ и зависимомъ? Не будетъ ли возвышенное положеніе этого князя Римской церкви сопровождаться приниженіемъ православной церкви, и не отзовется ли это ослабленіемъ ея духа, который напротивъ слѣдовало бы возвысить и усилить?

Но помимо нунція, нельзя не желать установленія добрыхъ отношеній между нашимъ правительствомъ и Ватиканскимъ владыкой. Нѣтъ причины не отдавать папское папѣ, римскаго Риму, коль скоро мы признаемъ въ нашихъ предѣлахъ существованіе Римско-католической церкви. Ультрамонтанство оказывается вреднымъ въ тѣхъ странахъ гдѣ католицизмъ господствуетъ, гдѣ онъ есть вѣра большинства населенія. Въ Россіи же католицизмъ не можетъ и не долженъ имѣть національнаго характера, и потому у насъ ультрамонтанство въ Римской церкви болѣе желательно нежели нежелательно. Оно можетъ вести лишь къ освобожденію Римской церкви отъ анти-русскаго національнаго ха-

рактера, который вредитъ какъ ей такъ и Россіи. Чѣмъ болѣе римско-католическая церковь, согласно ея собственной природѣ, будетъ имѣть въ Россіи космополитическій характеръ, тѣмъ лучше И для ней самой, и для самой Россіи будетъ лучше, если она перестанетъ служить символомъ и орудіемъ враждебнаго Русскому государству начала, если она будетъ только римскою церковію, а не польскимъ государственнымъ учрежденіемъ.

Какъ слышно, польскіе патріоты уже хлопочутъ въ Римѣ чтобы, при переговорахъ съ Россіей, папская курія не забыла о несуществующемъ Польскомъ государствѣ.

Въ Краковской газетѣ *Часъ*, пишутъ: „*Дневникъ Польскій* сообщилъ нѣсколько отрывковъ изъ меморандума папѣ Льву XIII составленнаго нѣсколькими Поляками по поводу переговоровъ о соглашеніи святѣйшаго престола съ Русскимъ правительствомъ. Отрывки эти имѣютъ дидактическій характеръ; авторы этого меморандума поучаютъ святѣйшаго отца чѣмъ была Польша и что такое Россія въ настоящее время; въ немъ высказывается, между прочимъ, что лица подающія меморіалъ имѣютъ цѣлію предостеречь папу отъ тѣхъ коварныхъ русскихъ интригъ жертвою которыхъ уже однажды сдѣлался Григорій XVI горько раскаявшійся въ своей довѣрчивости.“ *Часъ*, не одобряя этого меморандума, выражаетъ опасеніе что тонъ его произведетъ въ Ватиканѣ неблагопріятное впечатлѣніе. *Курьеръ Познанскій*, сообщая извѣстіе о меморандумѣ, также указываетъ на его несообразность и вредъ, а затѣмъ говоритъ: „Мы, поляки, имѣемъ у святѣйшаго престола высшаго церковнаго іерарха прирожденнаго (urodzonego) легата папскаго примаса Польши, кардинала Ледоховскаго, а по этому мы не нуждаемся въ собираніи подписей къ акту, тѣмъ болѣе не считаемъ возможнымъ предостерегать святаго отца чтобъ онъ не пожертвовалъ языкомъ польскимъ въ Богослуженіи для иныхъ пользъ (korzysci). Такое дѣйствіе является безтактнымъ и лишеннымъ подобающаго главѣ всей католической церкви почтенія.“

№ 109.

Москва, 20-го апрѣля.

А.

Все настоятельнѣе и очевиднѣе съ каждымъ днемъ становится необходимость рѣшительнаго переустройства нашихъ университетовъ. Никто теперь уже не беретъ на себя обязанности защищать настоящее плачевное положеніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній; всѣ единогласно признаютъ что долѣе имъ въ такомъ положеніи оставаться невозможно. Торжественно провозглашенный „возвратъ къ уставу 1863 года“ никого не успокоилъ, такъ какъ всякому извѣстно что университеты въ сущности никогда съ этого устава не сходили, и что настоящее невыносимое ихъ состояніе первоначально возникло на почвѣ этого самаго устава. Всѣ ясно понимаютъ что не въ этомъ уставѣ таится спасеніе нашихъ университетовъ. „Для каждаго,“ справедливо сказано въ *Новомъ Времени* (№ 1.839), „сколько-нибудь знакомаго съ этимъ дѣломъ ясно что разстройство въ нашихъ университетахъ должно быть *коренное*, слѣдовательно способное порождать все новыя и новыя печальныя событія.“

Причина этого разстройства заключается въ совершенно неправильной постановкѣ университетскихъ экзаменовъ. На эту причину мы давно уже и не разъ настоятельно указывали въ то время когда она еще не вызывала тѣхъ вопіющихъ явленій которыми ознаменовался истекшій академическій годъ; тогда наши опасенія считались преувеличенными, университетскіе порядки признавались образцовыми, а русская университетская наука полагалась находящеюся въ цвѣтущемъ состояніи. Теперь когда наши опасенія къ несчастію оправдались, здравомыслящіе люди начинаютъ приходить къ тому убѣжденію что причина столько разъ нами указанная существуетъ на самомъ дѣлѣ, и что лишь съ ея устраненіемъ можно будетъ разчитывать на водвореніе нормальныхъ порядковъ въ нашихъ университетахъ. Что прежде считалось плодомъ нашего воображенія и проклиналось въ качествѣ какой то ереси, то теперь уже признается за неопровержимую истину и въ публикѣ, и въ средѣ самихъ профессоровъ.

Новое Время даетъ слѣдующую характеристику „развращеніе студентовъ и всего университета,“ происходящаго отъ того что у насъ профессоры въ одно и то же время и преподаватели наукъ, и государственные экзаминаторы:

„Внутренняя жизнь нашихъ университетовъ изобилуетъ скандальными исторіями учиненными разнымъ преподавателямъ за серіозный взглядъ на экзаменаторскія обязанности. Эта жизнь изобилуетъ также постояннымъ выпрашиваніемъ себѣ студентами разныхъ экзаминаціонныхъ облегченій, въ видѣ выкидываній изъ программы половины и даже трехъ четвертей пройденнаго предмета; она изобилуетъ и самыми разнообразными сценами выпрашиванія студентами на экзаменахъ удовлетворительныхъ отмѣтокъ при совершенной неудовлетворительности познаній и пр.“

Но кто же во всемъ этомъ виноватъ? Наша учащаяся молодежь? „Ничуть не бывало,“ весьма основательно говоритъ *Новое Время*.

„Даже самые строгіе судьи, близко знакомые съ дѣломъ, не могутъ не признавать что наша учащаяся молодежь представляетъ превосходный матеріалъ изъ котораго можно ожидать самыхъ ревностныхъ тружениковъ науки.

Но если виноваты не студенты, то на кого же падаетъ вся вина въ существующихъ у насъ университетскихъ безобразіяхъ? На этотъ вопросъ *Новое Время* отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Бѣда заключается главнымъ образомъ въ томъ что въ среду университетскихъ преподавателей пролѣзаютъ и люди которые никоимъ образомъ не могутъ держаться только своимъ научнымъ вѣсомъ и преподавательскимъ талантомъ. Вотъ такимъ-то людямъ и приходится держаться разными поблажками и передергиваніями на экзаменахъ. Сознавая что они ничего не могутъ дать учащейся молодежи, они, разумѣется, не могутъ ничего требовать отъ нея. Мало того, эти люди для завоеванія себѣ сочувствія молодежи часто находятъ для себя полезнымъ указывать на серіозныя требованія серіозныхъ преподавателей какъ на безчеловѣчныя придирки. Такими маневрами эти люди впрочемъ могли бы достигнуть лишь того чтобы быть долготерпимыми среди студентовъ,—но отсюда еще далеко до дѣйствительнаго и воображаемаго положенія среди молодежи. И вотъ для этого пускаются въ дѣло разныя сочувствія: одинъ, оказывается сочувствуетъ общей кухмистерской для студентовъ, другой—вообще артельному началу, третій,—открытію университетовъ и для женщинъ и пр. Есть профессора о лекціяхъ которыхъ никогда не говорятъ среди учащейся молодежи, но за то очень много говорятъ объ ихъ сочувстіяхъ.“

Но картина нарисованная петербургскою газетой, при всей своей неотрадной правдивости далеко не полна. Кромѣ „преподавателей не имѣющихъ научнаго вѣса и преподавательскаго таланта,“ въ средѣ профессоровъ есть люди несомнѣнно обладающіе этимъ вѣсомъ и талантомъ, которые могли бы принести учащейся молодежи большую пользу, но которые тоже „ничего ей не даютъ“ и тоже слѣдовательно „ничего отъ нея и требовать не могутъ.“ Эти профессора читаютъ не то что̀ было бы полезно слушать студентамъ, а что имъ самимъ въ данную минуту удобно читать. Молодые люди поступающіе въ университетъ слышатъ, съ одной стороны, пустыя фразы, а съ другой, спеціальнѣйшія разсужденія и индивидуальныя одностороннія мнѣнія. Главныя основы науки часто остаются для студентовъ неизвѣстны и они силой обстоятельствъ принуждены заниматься научными верхушками, а такъ какъ экзаминаторы бываютъ тѣ же самые профессоры и предметомъ экзаменовъ не наука а тѣ же самыя читанныя въ теченіе года лекціи, то весьма понятно что студенты выходятъ изъ университетовъ съ жалкимъ научнымъ образованіемъ и незнакомые съ дѣйствительнымъ научнымъ трудомъ. Послѣднему обстоятельству способствуетъ укоренившееся у насъ литографированіе профессорскихъ лекцій, избавляющее студентовъ отъ посѣщенія университета въ теченіи цѣлаго учебнаго года и пріучающіе ихъ къ лѣни, къ праздности и къ совершенному пренебреженію своими обязанностями. Всѣ совѣтуютъ университетской молодежи „учиться, учиться и учиться,“ но что если она вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ университета вызубривая за мѣсяцъ передъ экзаменами большее или меньшее количество литографированныхъ листовъ? Мы удивляемся что у насъ въ Россіи такъ мало серіозныхъ дѣятелей науки, но мы забываемъ что наши университеты систематически портятъ поступающую къ нимъ изъ гимназіи мо-

лодежь, отучая ее отъ серіознаго труда и вселяя въ нее привычку къ праздности, апатію къ наукѣ и заносчивое верхоглядство.

„Можетъ ли государство оставаться нѣмымъ зрителемъ такого положенія вещей?“ спрашиваемъ мы съ *Новымъ Временемъ* и вмѣстѣ съ нимъ же отвѣчаемъ: „государство не можетъ складывать руки въ виду этого положенія потому что оно не можетъ допускать развращенія молодежи.“ Государство имѣетъ полное право требовать чтобъ изъ университотовъ на государственныя должности поступали молодые люди получившіе основательное образованіе, привыкшіе къ добросовѣстному труду и къ безукоризненному исполненію своихъ обязанностей. Но никогда этого государство не достигнетъ пока выпускъ студентовъ изъ университета будетъ зависѣть не отъ большей или меньшей основательности ихъ научныхъ познаній, а отъ болѣе или менѣе успѣшнаго вызубриванія ими случайно прочитанныхъ имъ профессорскихъ лекцій. Дѣло не поправится и тою полумѣрою, на какую указываетъ авторъ статьи *Новаго Времени*, предлагающій посылать для участія въ экзаменахъ какихъ-то стороннихъ контролеровъ.

Выходъ изъ нынѣшняго невыносимаго положенія только одинъ. Профессора могутъ читать студентамъ все чтó имъ угодно, но студенты должны имѣть свободу слушать только то чтò для нихъ полезно. А степень полезности профессорскихъ лекцій должна быть опредѣлена общею программой тѣхъ научныхъ предметовъ безъ знанія которыхъ ни одному студенту нельзя будетъ поступить на государственную должность. Экзамены по этой программѣ должны производиться не профессорами университетовъ, а особыми государственными коммиссіями.

Вотъ въ главныхъ общихъ чертахъ та университетская организація, тѣсно связанная съ институтомъ привать-доцентовъ, которая блистательно оправдывается въ Германіи и которая одна только и въ состояніи вывести наши университеты изъ того болота, куда ихъ завелъ пресловутый уставъ 1863 года. Студенты, зная напередъ что имъ по выходѣ изъ университета предстоитъ серіозный научный экзаменъ, будутъ въ университетѣ должнымъ образомъ готовиться къ нему, слушая дѣйствительно полезныя для этой цѣли профессорскія лекціи и дополняя ихъ свѣдѣніями почерпаемыми изъ научной литературы. Профессоры освобожденные отъ всякихъ экзаменаціонныхъ хлопотъ сосредоточатъ всѣ свои усилія на преподавательской дѣятельности очищенной отъ придирокъ, поблажекъ, уступокъ и скандаловъ. И они также будутъ знать какого рода экзаменъ ожидаетъ ихъ слушателей и какого рода занятія полезны для приготовленія къ этому испытанію; не будетъ у нихъ тогда настолько равнодушія и эгоизма чтобъ относиться спустя рукава къ своимъ обязанностямъ или чтобы тратить цѣлые годы на изложеніе предъ недоумѣвающими слушателями микроскопическихъ плодовъ своей вчерашней кабинетной работы. А если и будутъ такіе профессоры, то ихъ никто и слушать не станетъ.

Когда начнется серіозная, чисто научная работа въ нашихъ университетахъ, то сами собою прекратятся всякіе толки о кухмистерскихъ, корпораціяхъ, „землячествахъ,“ сходкахъ и скандалахъ.

Б.

Въ злополучный день 1-го марта появилась въ нашей газетѣ статья личнаго свойства, вынужденная превратными толками о ея издателѣ и его отношеніяхъ къ разнымъ правительственнымъ лицамъ по поводу аренды *Московскихъ Вѣдомостей* и Университетской типографіи. Въ подтвержденіе статьи предполагалось изложить самую исторію аренды; но предъ страшнымъ событіемъ роковаго дня исчезли эти мелочи, и мы до сихъ поръ не могли имѣть ни духу, ни времени для того чтобы возвратиться къ этому вопросу. Теперь мы обязаны это сдѣлать, въ виду имѣющаго вскорѣ послѣдовать судебнаго разбирательства дѣла нашего съ Правленіемъ Университета, тѣмъ болѣе что ректоръ съ своей стороны разослалъ разнымъ лицамъ напечатанную имъ по этому дѣлу брошюру.

Помѣщая въ сегодняшнемъ нумерѣ исторію аренды *Московскихъ Вѣдомостей* и Университетской типографіи, составленную на основаніи документовъ лицомъ принадлежащимъ къ редакціи съ самаго начала ея, знакомымъ какъ очевидецъ со всѣми обстоятельствами дѣла, но лично въ немъ не заинтересованнымъ,—мы считаемъ нелишнимъ воспроизвести здѣсь и пропавшую статью нашу изъ № отъ 1-го марта, ко-

торая служитъ какъ бы введеніемъ въ документальное изложеніе исторіи аренды:

Тяжело и неудобно говорить о самомъ себѣ, но бываютъ обстоятельства когда этого требуетъ честь не только наша, но и дѣла которому служимъ. Издатель *Московскихъ Вѣдомостей* считаетъ себя обязаннымъ войти въ нѣкоторыя подробности касающіяся его лично, впрочемъ не лишенныя нѣкотораго общаго значенія.

Съ самаго начала своей дѣятельности, онъ былъ предметомъ ожесточенной вражды которая не ограничивалась извращеніемъ его мнѣній, но не брезговала никакими способами чтобъ очернить его лично. Она создала фантастическій образъ его, въ которомъ хорошо отпечатлѣлась сама, но который не имѣетъ ничего общаго съ выдаваемымъ оригиналомъ.

Мы не думаемъ чѣмъ-нибудь хвалиться; но мы вынуждены констатировать фактъ что издатель *Московскихъ вѣдомостей* принадлежитъ къ массѣ людей которые не ищутъ правительственныхъ щедротъ и ничѣмъ въ своей жизни отъ казны не пользовались. Никакихъ наградъ, ни пособій на государственной службѣ или въ своей общественной дѣятельности онъ не домогался и не получалъ. Онъ считалъ для себя безусловно обязательнымъ долгъ русскаго гражданина, но затѣмъ онъ признавалъ себя совершенно свободнымъ въ своихъ мнѣніяхъ, не склоняясь ни предъ какою властію, не угождая никакой силѣ, не допуская никакого лицепріятія въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ. Во время всемогущества административныхъ властей, онъ впервые на Руси сказалъ громко что, будучи вѣрноподданнымъ своего Государя, онъ отнюдь не признаетъ себя вѣрноподданнымъ министровъ.

Мы говоримъ все это во всеуслышаніе, стало-быть въ присутствіи всѣхъ нынѣ сущихъ и бывшихъ въ правительствѣ лицъ: ни предъ кѣмъ изъ нихъ мы не кривили душой, ни у кого ничего не искали для себя лично. Быть-можетъ, по сужденію лицъ съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, мы были слишкомъ независимы или слишкомъ упорны, но никто не скажетъ чтобы мы были угодливы. Предъ какимъ бы то ни было авторитетомъ, даже самымъ высшимъ, мы высказывали смѣло, быть можетъ слишкомъ горячо, наше убѣжденіе, и тѣ самые судьи наши которые укоряютъ насъ въ угодливости, нерѣдко забывшись обвиняютъ насъ въ преступной дерзости за свободу съ которою мы высказываемся.

Есть добрые люди которые находятъ что дѣятельность наша была не безполезна. Въ архивѣ Комитета Министровъ долженъ находиться актъ которымъ даже офиціально признаны заслуги будто бы оказанныя нами отечеству, и признаніе это было началомъ узаконенія и свободы русской политической печати. Но мы тѣмъ не менѣе, рискуя навлечь на себя холопскія обвиненія въ дерзости, должны сказать что намъ всего болѣе приходилось бороться съ противодѣйствіемъ и недоброжелательствомъ сферъ офиціальныхъ, и что мы двухъ дней не могли бы оставаться при своемъ дѣлѣ еслибы не личная извѣстность наша самому Государю. Даже газетная агитація, которая такъ злобно прорывается противъ насъ, не есть только дѣло пишущей братіи, но возбуждалась и питалась главнымъ образомъ, какъ мы это хорошо знаемъ, изъ сферъ офиціальныхъ.

Въ послѣднее время было много толковъ о нашихъ отношеніяхъ къ бывшему министру Народнаго Просвѣщенія. Ничего не можетъ быть превратнѣе того характера который имъ придавался.

Всѣ знаютъ то серіозное участіе какое принимали мы постоянно въ вопросахъ касающихся школы, какое великое значеніе придаемъ мы учебной реформѣ. Поэтому, даже для людей добросовѣстныхъ и разсудительныхъ можетъ казаться несомнѣннымъ что между нами и бывшимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія была нѣкоторая солидарность. Это обязываетъ насъ вывести наконецъ дѣло на чистоту. Никакой солидарности между нами и бывшимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія не было. Мы были знакомы съ нимъ, какъ и со многими бывшими и состоящими во власти лицами. Но въ нашихъ сношеніяхъ какъ съ нимъ, такъ и съ другими, мы были далеки ото всякаго притязанія на какое-либо вмѣшательство въ дѣла управленія. Во всѣхъ административныхъ вопросахъ мы держались строго въ сторонѣ, не позволяя себѣ никакихъ непрошенныхъ совѣтовъ, а тѣмъ менѣе личныхъ ходатайствъ, и въ сношеніяхъ съ бывшимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ которымъ сближало насъ дѣло великаго для насъ нравственнаго значенія, мы были еще строже къ себѣ чѣмъ въ сношеніяхъ съ кѣмъ-либо другимъ изъ правительственныхъ лицъ. За

все время управленія графа Толстаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія намъ довелось только однажды обратиться къ нему съ личнымъ ходатайствомъ, именно объ опредѣленіи двухъ молодыхъ людей на маленькія мѣста въ этомъ министерствѣ, но и то мы обращались не къ самому министру, а къ директору департамента. Мы избѣгали обращаться къ нему съ личными ходатайствами даже въ тѣхъ случаяхъ когда имѣли на то полное право. Въ нашихъ затрудненіяхъ съ разными правительственными вѣдомствами, графъ Толстой или оставался въ сторонѣ, или соблюдалъ нейтралитетъ, и служилъ только передаточнымъ пунктомъ. Лицей Цесаревича Николая, съ которымъ мы связаны нравственнымъ интересомъ, — нашими заботами о немъ и нашими на него жертвами,—обязанъ своею автономіей и правами государственной службы (о чемъ графъ Толстой затруднялся ходатайствовать) единственно благоволенію Государя Императора. О субсидіи на постройку Лицейскаго дома основатель ходатайствовалъ предъ Государемъ Наслѣдникомъ какъ покровителемъ Лицея, а форма и размѣръ субсидіи опредѣлены были министромъ Финансовъ, статсъ-секретаремъ Рейтерномъ, при его личномъ объясненіи съ основателемъ.

Въ нашихъ пререканіяхъ съ нынѣшнимъ ректоромъ Московскаго Университета по арендѣ, мы ни разу не обращались къ министру съ жалобою, хотя ректоромъ въ продолженіе слишкомъ двухъ лѣтъ задерживались принадлежащія намъ деньги въ суммѣ около тридцати тысячъ. Напротивъ, самъ ректоръ, вѣроятно избѣгая судебной отвѣтственности, къ которой мы намѣревались привлечь правленіе Университета, поспѣшилъ передать дѣло на усмотрѣніе высшей административной власти, хотя потомъ не спѣшилъ послѣдовать даннымъ ею разъясненіямъ.

Если мы ничего никогда отъ казны не получали, то это не значитъ чтобы мы сами въ казну ничего не вносили. Московскій Университетъ рѣшилъ сдать свою газету и свою типографію въ аренду въ то время когда еще у него была своя спеціальная касса, и когда стало-быть онъ имѣлъ побужденіе изыскивать способы къ усиленію своихъ доходовъ. Московскій Университетъ сдалъ свои доходныя статьи въ аренду не по какому-либо личному предпочтенію, а потому что нашелъ по тщательномъ взвѣшиваніи предложенныя ему на формальныхъ торгахъ условія особенно для себя выгодными. Они обезпечивали Университету доходъ почти вдвое противъ того что̀ получалось имъ дотолѣ. Правда, такое усугубленіе дохода не послужило Университету въ пользу, такъ какъ вскорѣ затѣмъ послѣдовало объединеніе кассъ и всѣ спеціальные доходы различныхъ учрежденій сосредоточились въ Государственномъ Казначействѣ, куда отъ арендаторовъ *Московскихъ Вѣдомостей* и Университетской Типографіи поступило за двѣнадцать лѣтъ аренды болѣе 860.000 руб., что̀ составляетъ сумму почти вдвое противъ того что̀ получила бы казна еслибы типографія и газета оставались на прежнихъ основаніяхъ.

Мы не пользовались отъ казны никакими щедротами; за то мы испытали всѣ виды придирчивости якобы въ интересѣ казны. Вотъ образчикъ: При сдачѣ типографіи арендаторамъ были навязаны нѣкоторые прежде заготовленные, но вовсе не нужные имъ типографскіе матеріалы (краска и бумага) на сумму слишкомъ въ двѣнадцать съ половиною тысячъ, и былъ назначенъ срокъ уплаты этой суммы. Правленіе Университета, располагавшее ежегодно достаточною суммой денегъ принадлежащихъ арендаторамъ, всегда могло зачислить эту сумму въ доходъ казны; но оно упустило это сдѣлать, и вся отвѣтственность за просрочку пала на арендаторовъ, съ которыхъ взыскано въ казну слишкомъ двадцать тысячъ. Справедливо это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ нельзя назвать это ни снисхожденіемъ, ни щедротой, ни субсидіей.

Московскій Университетъ вмѣстѣ съ газетой сдалъ въ аренду свою привилегію казенныхъ объявленій, выговоривъ за нее 27.000 руб. ежегоднаго взноса, что̀ близко подходитъ къ суммѣ всего тогдашняго дохода его какъ отъ этой привилегіи такъ и отъ изданія газеты и отъ типографіи. Но Министерство Внутреннихъ Дѣлъ пригласило казенныя мѣста печатать ихъ объявленія въ другомъ изданіи не снимая съ арендаторовъ *Московскихъ Вѣдомостей* повинности вносить въ казну всю гарантированную ими по этому сбору сумму. Арендаторы нашлись вынужденными протестовать, и заявили свое право на соотвѣтственную сбавку. Право ихъ нельзя было не признать и оно всѣми было признано;

но всѣ административныя вѣдомства, съ которыми арендаторамъ по этому предмету приходилось имѣть дѣло каждое по своему, изыскивали способы не допустить ихъ воспользоваться признаннымъ правомъ или какъ-нибудь ослабить и умалить его. Дѣло шло о 21.000 руб., и оно разсматривалось, рѣшалось и перерѣшалось въ продолженіи чуть не десяти лѣтъ.

Быть-можетъ всему этому такъ и слѣдовало быть, но нельзя назвать это снисхожденіемъ или субсидіей.

Предполагая изложить документально всю исторію аренды *Московскихъ Вѣдомостей* и Университетской Типографіи, ограничимся сообщеніемъ одного случая, который ярко характеризуетъ отношенія официальныхъ сферъ къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей.*

Года за три или четыре назадъ прошла по печати молва объ огромной недоимкѣ, на сумму слишкомъ во 100 тысячъ, будто бы насчитанной на насъ Государственнымъ Контролемъ. Мы не обращали вниманія на эту тысяча первую ложь о насъ въ газетахъ. Категорическое, но голословное съ нашей стороны отрицаніе голословной же лжи не вело ни къ чему, и толки не прекращались. Но пущеннымъ слухомъ задѣвался Государственный Контроль еще болѣе чѣмъ мы, такъ какъ газетными вѣстовщиками приписывалось ему ложное показаніе, и притомъ утверждалось что показаніе это сдѣлано во всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Мы въ правѣ были ожидать что государственный контролеръ, ревнуя о чести своего вѣдомства, разъяснитъ дѣло и опровергнетъ возведенную на него клевету въ ложномъ доносѣ.

Но оффиціальнаго разъясненія не послѣдовало. Газеты не переставали повторять съ разными прикрасами ту же ложь, а на этихъ дняхъ, въ двухъ петербургскихъ газетахъ, *Порядкѣ* и *Голосѣ*, появилась текстуальная выдержка изъ *всеподданнѣйшаго отчета о дѣятельности Государственнаго Контроля за 1876 годъ.* (Замѣтимъ что эти отчеты не публикуются и составляютъ тайну хранимую за семью печатями.) Въ этой выдержкѣ, дѣйствительно, сказано что на арендаторѣ *Московскихъ Вѣдомостей* числится 100.000 недоимки. Стало-быть на этотъ разъ газеты говорили правду: неправда дѣйствительно оказалась въ контрольномъ отчетѣ! Итакъ, не Контроль былъ оклеветанъ газетами, а мы были оклеветаны, но на этотъ разъ уже не газетами. Государственнымъ Контролеромъ былъ тогда генералъ-адъютантъ Грейгъ. Какъ могло случиться что имъ была насчитана такая громадная цифра недоимки на арендаторахъ *Московскихъ Вѣдомостей?* Откуда взялась эта цифра? На разсмотрѣніи Контроля былъ зачетъ 21 тысячи произведенный арендаторами на основаніи претензіи признанной всѣми справедливою. Откуда же взялись 100.000? Въ то время дѣйствительно, числилась недоимка по сбору за казенныя объявленія напечатанныя въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, простиравшаяся до 81 т. руб. Но эта недоимка числилась долгомъ на Правленіи Университета, а никакъ не на арендаторахъ. Значитъ, произошла ошибка: государственный контролеръ перенесъ долгъ съ Правленія Университета на арендаторовъ, что по пословицѣ называется: съ больной головы на здоровую. Сдавая печатаніе казенныхъ объявленій въ аренду, правленіе Университета приняло на себя собирать уплату за напечатанныя въ газетѣ казенныя объявленія, то-есть предъявлять присутственнымъ мѣстамъ счеты и вообще вести съ ними по этому предмету переписку. Никто безъ этого условія и не могъ бы гарантировать Университету опредѣленную сумму по сбору за казенныя объявленія. Никто изъ конкуррентовъ участвовавшихъ на торгахъ не принималъ на себя обязанности не только печатать на свой страхъ казенныя объявленія, но и отвѣчать предъ казною за исправность платежей со стороны казенныхъ же учрежденій. Но съ стороны Университета не было и рѣчи о томъ чтобы возложить такую обязанность на арендаторовъ, тѣмъ болѣе, что Университету, имѣвшему тогда свою спеціальную кассу, приходилось собирать деньги не въ казну, а въ свою пользу. Мы же съ своей стороны охотно и по собственному побужденію предложили вознаграждать канцелярію Правленія за переписку пятью процентами съ суммы сбора. Но вскорѣ затѣмъ произошло, какъ сказано, объединеніе кассъ и доходъ Университета былъ обращенъ въ Государственное Казначейство. Было бы раціонально, вмѣстѣ съ этою экспропріаціей Университета, освободить его отъ несвойственной ему обязанности сборщика податей и перенести эти обязанности на Казенную Палату. Этого однако сдѣлано не было, и

Университетъ, лишившись побужденій собственнаго интереса, оказался плохимъ сборщикомъ. Канцелярія запускала составленіе и разсылку счетовъ, и такимъ образомъ накоплялась и накопилась вышеупомянутая недоимка.

Итакъ, что же изъ сего слѣдуетъ? Не то ли что Государственный Контроль, не разузнавъ въ точности на кого падаетъ долгъ, ошибочно приписалъ эту недоимку арендаторамъ? Ошибка есть дѣло непріятное, но всегда возможное. За ошибкой, однако, должна слѣдовать поправка. Мы не можемъ знать была ли въ слѣдующемъ всеподданнѣйшемъ контрольномъ отчетѣ исправлена вкравшаяся неточность, и была ли такимъ образомъ возстановлена предъ Верховною Властью честь ошибочно опороченныхъ людей. Это требовалось тѣмъ болѣе что ошибочное показаніе недоимки во 100.000 не могло не имѣть серіозныхъ послѣдствій. *Голосъ*, съ безстыдствомъ свойственнымъ этой газетѣ, объявляетъ, что эта недоимка была намъ „прощена". Нѣтъ! Всеподданнѣйшій докладъ генералъ-адъютанта Грейга сопровождался, какъ намъ теперь стало извѣстно, строгимъ повелѣніемъ привести дѣло въ порядокъ. Но если мы не знаемъ исправилъ ли свою ошибку государственный контролеръ предъ Государемъ, то во мнѣніи общества мы остаемся подъ нареканіемъ.

Ошибка! Мы были бы рады видѣть въ этомъ простую ошибку. Но есть обстоятельство которое смущаетъ насъ, и мы не знаемъ что подумать.

Въ выдержкѣ изъ всеподданнѣйшаго отчета Государственнаго Контроля сообщенной въ газетахъ *Порядокъ* и *Голосъ* сказано что по предмету этой громадной недоимки свыше ста тысячъ, будто бы скопившейся на насъ къ 1877 году, дѣлались многократныя сношенія съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, „которое увѣдомляло что о взысканіи недоимки предложено попечителю Московскаго учебнаго „округа, но отъ него не получено требуемыхъ свѣдѣній."

Свѣдѣнія ожидавшіяся отъ попечителя могли быть получены имъ, конечно, только отъ Правленія Университета. Но какъ бы Правленіе ни было медлительно, мы знаемъ что отвѣтъ его послѣдовалъ достаточно благовременно для того чтобы предупредить ошибку допущенную въ такомъ важномъ актѣ какъ всеподаннѣйшій докладъ государственнаго контролера. Представленіе Правленія Университета по этому предмету (за № 1.761), подписанное проректоромъ Миномъ, помѣчено 26 октября 1876 года, и вотъ что въ этомъ представленіи значится:

„Что же касается до 27.000 руб., гарантированныхъ, по силѣ § 16 контракта, арендаторами Университету за сборъ съ казенныхъ объявленій, то, на основаніи отзыва г. управляющаго Министерствомъ Финансовъ отъ 28 минувшаго августа, за № 3.711, къ г. управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, сообщеннаго Правленію къ руководству въ предложеніи г. попечителя Московскаго учебнаго округа, отъ 15 сентября 1872 года за № 2.824, *образующаяся ежегодно недоимка по этому гарантированному арендаторами доходу казны должна зачисляться долгомъ на Правленіи Московскаго Университета* и пополняться имѣющими поступить въ послѣдующемъ году отъ казенныхъ вѣдомствъ уплатами за напечатаніе ихъ объявленій въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Недоимка по этой статьѣ, за непоступленіемъ въ доходъ казны гарантированной арендаторами суммы 27.000 руб. въ 1872, 73 и 74 годахъ, составляла къ 1 января 1875 года 81.000 руб.

Тутъ еще не все. А кто былъ тотъ управляющій Министерствомъ Финансовъ, о которомъ упоминаетъ Правленіе Университета въ своемъ представленіи, и чей отзывъ былъ присланъ ему къ руководству? Отношеніе за № 3.711, отъ 28 августа 1872 года, присланное изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Правленіе Университета къ руководству, подписано генералъ-адъютантомъ Грейгомъ. Дѣло въ томъ что генералъ-адъютантъ Грейгъ, занимавшій въ 1876 году постъ государственнаго контролера, состоялъ въ 1872 году товарищемъ министра Финансовъ, и вотъ что писалъ онъ въ вышеупомянутомъ отношеніи отъ 28 августа 1872:

„Вся переписка по пріему объявленій для напечатанія въ *Вѣдомостяхъ*, а равно и по сбору причитающейся отъ разныхъ казенныхъ мѣстъ за объявлніе платы, лежитъ на обязанности Правленія Университета, получающаго въ вознагражденіе за труды по этому предмету 5% съ суммы слѣдующей за означенныя объявленія, *сами же арендаторы не несутъ никакой отвѣтственности за большую или меньшую*

успѣшность достигаемыхъ результатовъ по сбору денегъ. Разчетъ съ контрагентами, согласно 16 пункту заключеннаго съ ними контракта, производится два раза въ годъ, въ первой половинѣ іюля и января, въ каковые сроки они обязаны подавать въ Правленіе Университета общій счетъ всѣмъ доставленнымъ изъ онаго въ *Московскія Вѣдомости* казеннымъ объявленіямъ. А такъ какъ деньги за объявленія поступаютъ лишь по отпечатаніи оныхъ въ *Вѣдомостяхъ* и по доставленіи типографіей надлежащаго о томъ счета, причемъ весьма многія уплаты поступаютъ только въ слѣдующемъ году, то причитающаяся за напечатанныя объявленія въ теченіе года, т.-е. съ 1 января по 31 декабря, сумма никогда не можетъ достигнуть въ концѣ того же года полной цифры сбора, и разчетъ съ арендаторами приходится дѣлать не по количеству напечатанныхъ объявленій.

Образующаяся ежегодно недоимка по гарантированному доходу, въ настоящее время, *должна зачисляться долгомъ на Правленіи Московскаго Университета* и пополняться имѣющими поступить въ послѣдующемъ году отъ казенныхъ вѣдомствъ уплатами за напечатаніе ихъ объявленій въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ.*"

Изъ этой выписки явствуетъ что генералъ-адъютанту Грейгу въ точности и подробно было извѣстно положеніе дѣла касательно сбора уплатъ за напечатаніе казенныхъ объявленій въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Тѣмъ прискорбнѣе что въ контрольный отчетъ подписанный черезъ четыре года тѣмъ же правительственнымъ лицомъ вкралась вышеупомянутая неточность, благодаря которой издатель *Московскихъ Вѣдомостей* былъ оклеветанъ предъ Государемъ и обезславленъ предъ обществомъ.

Какъ объяснить это? Обыкновенно за министрами стоятъ второстепенныя лица, неизвѣстныя и безотвѣтственныя, которыя, пользуясь разсѣянностью, забывчивостью, минутнымъ настроеніемъ или предубѣжденіемъ своего начальника, подвертываютъ ему къ подписанію бумагу, о которой подписавшему приходится въ послѣдствіи сожалѣть.

Въ возраженіе на эту статью, въ одной газетѣ было замѣчено что одинъ изъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, покойный П. М. Леонтьевъ, имѣлъ большое вліяніе на назначеніе лицъ служащихъ въ вѣдомствѣ Народнаго Просвѣщенія. Нашъ покойный товарищъ былъ профессоромъ въ Московскомъ Университетѣ и членомъ Попечительскаго Совѣта здѣшняго округа, и въ этомъ качествѣ, а не какъ издатель газеты, онъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на замѣщеніе учительскихъ вакансій по предмету его профессуры: это не было вмѣшательствомъ со стороны, а прямымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей. Было еще замѣчено что въ статьѣ нашей не упомянуто объ обстоятельствахъ сопровождавшихъ заключеніе втораго контракта нашего по арендѣ *Московскихъ Вѣдомостей* и Университетской типографіи. Но вышеприведенная статья не была исторіей аренды. Въ помѣщаемомъ сегодня историческомъ изложеніи сообщаются въ своемъ мѣстѣ свѣдѣнія относящіяся и ко второму контракту. Изъ этихъ свѣдѣній явствуетъ что правительственныя лица съ которыми намъ приходилось имѣть по этому поводу дѣло были такъ снисходительны что не прибѣгли къ принудительнымъ мѣрамъ чтобы заставить насъ взять аренду на условіяхъ отъ которыхъ мы отказались и платить за нее болѣе чѣмъ мы соглашались дать.

№ 110.

Москва, 21-го апрѣля.

Въ британскомъ парламентѣ идетъ второе чтеніе ирландскаго поземельнаго билля, который внесенъ былъ 7 апрѣля г. Гладстономъ. Отъ судьбы этого билля зависитъ судьба нынѣшняго кабинета. А такъ какъ коренная перемѣна происшедшая годъ тому назадъ во всей политикѣ Англіи съ паденіемъ лорда Биконсфильда доказала что система парламентаризма, вопреки теоретикамъ, болѣе чѣмъ иная, совмѣстима съ личнымъ произволомъ, отступленіемъ отъ послѣдовательности государственной идеи и съ шатаніемъ изъ стороны въ сторону, смотря потому кого борьба партій выдвигаетъ во главу управленія, то этого одного достаточно чтобъ обратить всеобщее вниманіе къ тому домашнему дѣлу изъ-за котораго возгорѣлась теперь въ Англіи борьба за власть. Сверхъ того, исходъ этой борьбы имѣетъ въ настоящую минуту еще болѣе важное значеніе потому что партія находящаяся теперь въ оп-

позиціи и стремящаяся по поводу ирландскаго билля вырвать власть изъ рукъ г. Гладстона находится въ полномъ разстройствѣ, не имѣя признаннаго главы, который замѣнилъ бы умершаго лорда Беконсфильда.

Независимо отъ этого, поземельный вопросъ въ Ирландіи, надъ разрѣшеніемъ котораго такъ долго и не безплодно трудится конституціонное правительство Англіи, имѣетъ для насъ еще спеціальный интересъ. Невольно напрашивается сравненіе между безсиліемъ системы парламентаризма предъ задачей неотступно требующею своего разрѣшенія и могучимъ актомъ 19 февраля 1861, коимъ Русская самодержавная власть сразу разрѣшила аграрный вопросъ.

Билль 1881 года не есть первый. Уже въ 1870 году кабинетъ г. Гладстона провелъ мѣру которою, какъ тогда ожидали, должны были устраниться всѣ ирландскія затрудненія. Билль 1870 года впервые поколебалъ принципъ безусловнаго права собственности на землю англійскихъ ландлордовъ и до извѣстной степени допустилъ совмѣстное право фермеровъ на арендуемую ими землю. Основаніемъ тогдашняго законодательнаго акта послужилъ такъ называемый „Ульстерскій обычай,“ то-есть установившійся въ графствѣ Ульстеръ обычай коимъ регулировались отношенія между землевладѣльцами и фермерами, состоявшими исключительно изъ шотландскихъ выходцевъ, обычай ограждавшій фермера отъ произвола владѣльца. Признавалось за правило что владѣлецъ не можетъ лишить аренды фермера который исправно вноситъ установленную арендную плату. Неисправный же плательщикъ, хотя и можетъ быть удаленъ, но подъ тѣмъ условіемъ чтобы владѣлецъ вознаградилъ его за все потраченное имъ на улучшеніе хозяйства арендованнаго участка, какъ-то: за возведенныя имъ или исправленныя постройки, за удобреніе почвы и за дренажныя работы. Въ основу билля 1870 года были положены указанныя начала, и они возведены въ силу закона и были учреждены особые трибуналы на которые возложено разбирательство дѣлъ возникающихъ изъ отношеній между ирландскими ландлордами и фермерами. Сверхъ того, по предложенію г. Брайта, была сдѣлана попытка вспоможенія „исправнымъ и бережливымъ“ фермерамъ для постепеннаго выкупа арендуемыхъ ими участковъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ландлордамъ было предоставлено право откупиться при извѣстныхъ условіяхъ отъ примѣненія билля, и это сразу парализовало всѣ возлагавшіяся на законъ 1870 надежды въ видахъ умиротворенія ирландскихъ неурядицъ. Ландлорды на западѣ и югѣ Ирландіи стали поголовно изгонять своихъ фермеровъ, уплачивая имъ ничтожное вознагражденіе возложенное на нихъ закономъ, и безпокойные элементы накоплявшіеся изъ общественныхъ и бездомныхъ поселянъ Ирландцевъ стали возрастать въ большей противъ прежняго прогрессіи. Нашлись вожаки которые стали во главѣ этой толпы бобылей и сумѣли придать ей твердую организацію. Возраставшая съ каждымъ годомъ агитація давала себя все болѣе и болѣе чувствовать Англіи, кичливо взиравшей на революціонныя смуты европейскаго материка, отъ коихъ ее будто бы ограждали ея учрежденія. Политическій сепаратизмъ, всегда болѣе или менѣе волновавшій Ирландію, поглощенъ былъ болѣе обширною агитаціей соціальнаго характера; Ирландская Поземельная Лига заступила мѣсто „гомрулеровъ;“ программа Лиги была формулована въ пресловутыхъ трехъ *F*, а именно: fixity of tenure (прочность аренды), fair rent (справедливая арендная плата) и free sale (свободная продажа арендиаго права).

Новый билль г. Гладстона есть попытка по возможности удовлетворить требованія выраженныя въ указанной программѣ: онъ распадается на семь отдѣловъ, подраздѣленныхъ на 50 параграфовъ. Согласно этому биллю, нынѣ существующія аренды не могутъ быть прекращены ранѣе чѣмъ чрезъ 15 лѣтъ (fixity of tenure,) и во все это время арендная плата не можетъ быть возвышена владѣльцемъ. При спорѣ о размѣрѣ арендной платы между владѣльцемъ и фермеромъ, эта плата установляется особымъ трибуналомъ учрежденнымъ въ каждомъ графствѣ, коего рѣшенія по этому предмету не подлежатъ аппелляціи (fair rent). Во время аренды фермеръ можетъ, свѣдома владѣльца, продать свое право другому лицу (free sale). Если по прошествіи 15 лѣтъ будетъ потребована владѣльцемъ болѣе высокая аренда, и фермеръ, не пожелавъ платить оную, оставитъ свой участокъ, то владѣлецъ обязанъ вознаградить его за всѣ произведенныя имъ улучшенія. Какъ владѣлецъ такъ и арендаторъ могутъ быть изъяты отъ дѣйствія

новаго закона если они согласятся заключить арендный контрактъ на срокъ превышающій 31 годъ. Во все время этого срока ни одна сторона не можетъ отказаться отъ договора, и чрезъ 15 лѣтъ происходитъ переоброчка, путемъ взаимнаго соглашенія или чрезъ посредство учрежденныхъ въ каждомъ графствѣ особыхъ трибуналовъ. Не подлежатъ вообще дѣйствію закона обширныя фермы платящія въ годъ отъ 150 ф. ст. и болѣе. Фермъ не достигающихъ этой платы англійскія газеты насчитываютъ въ Ирландіи до 500.000.

Самымъ важнымъ отдѣломъ новаго билля считается созданіе чего-то въ родѣ выкупнаго учрежденія. Для этого предполагается образовать особый фондъ, предоставляемый въ распоряженіе высшаго трибунала изъ трехъ судей. Трибуналъ этотъ ставится вообще во главѣ всего дѣла, и ему принадлежитъ общій надзоръ за примѣненіемъ всего закона. Одинъ изъ членовъ его долженъ быть изъ членовъ Верховнаго суда въ Ирландіи; другіе два назначаются отъ короны. Фермеръ желающій купить извѣстный участокъ предлагаемый владѣльцемъ къ продажѣ получаетъ изъ упомянутаго фонда денежную ссуду въ размѣрѣ трехъ-четвертой покупной цѣны; ссуда эта зачисляется ипотечнымъ долгомъ на купленномъ имѣніи и погашается въ теченіи 35 лѣтъ посредствомъ годичнаго взноса въ пять процентовъ съ выданной ссуды.

Таковы существенныя черты новаго ирландскаго билля который на этихъ дняхъ долженъ быть разрѣшенъ британскимъ парламентомъ. Нельзя не признать что поземельный вопросъ въ Ирландіи есть вопросъ жизненный для всей Британской имперіи, и что хваленая прочность англійскаго государственнаго устройства будетъ давать все большіе трещины пока такъ или иначе Ирландія не будетъ успокоена. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, гдѣ задача не осложнялась ни племенною враждой, ни антагонизмомъ между крестьянами и владѣльцами земли, разрѣшенъ былъ сразу на условіяхъ несравненно болѣе льготныхъ для крестьянъ.

Русское дворянство подчинилось безропотно соображеніямъ государственной необходимости, и дѣло освобожденія само по себѣ совершилось мирно. Въ Англіи же не только торіи сразу стали въ рѣшительную оппозицію противъ проектируемой мѣры, но и среди своей партіи г. Гладстонъ встрѣтилъ не мало противниковъ, и даже одинъ изъ членовъ его кабинета, герцогъ Аргайль, вышелъ въ отставку дабы открыто бороться противъ ирландскаго билля.

№ 111.

Москва, 22-го апрѣля.

А.

На этихъ дняхъ, по печати отданъ приказъ не разглашать свѣдѣній о происшествіяхъ и проявленіяхъ университетской жизни которыя подвѣдомы университетскимъ судамъ и совѣтамъ университетовъ. Сдѣлано это распоряженіе съ цѣлію поддержать профессорскія коллегіи занятыя теперь возстановленіемъ законнаго порядка въ средѣ студентовъ, и вслѣдствіе того что въ газетахъ начали появляться невѣрныя извѣстія и тенденціозныя сужденія о вышеупомянутыхъ происшествіяхъ.

Нельзя не порадоваться тому что профессорскія коллегіи наконецъ занялись возстановленіемъ законнаго порядка среди студентовъ. Но въ чемъ состояло нарушеніе законнаго порядка который требуется возстановить? Закономъ не допускались между студентами сходки, разныя корпоративныя соединенія и т. п. А между тѣмъ, съ самаго начала нынѣшняго учебнаго года, все это не только разрѣшалось, но и поощрялось университетскими властями. Студентамъ обѣщалось исполненіе ихъ *петицій* въ широкихъ размѣрахъ; имъ внушалось что люди дававшіе имъ совѣты благоразумія ихъ враги, при чемъ таковыми преимущественно выставлялись мы. Газеты, кромѣ нашей и немногихъ другихъ, наполнялись по истинѣ тенденціозными и лживыми извѣстіями и сужденіями, столько же возмутительными сколько нелѣпыми; была поистинѣ вакханалія которая кончилась тѣмъ что министра на университетскомъ актѣ не только обругали, но и оскорбили дѣйствіемъ. Въ печати оглашались не только происшествія подвѣдомыя университетскимъ судамъ, но и самая процедура этихъ судовъ и ихъ рѣшенія несмотря на крайнюю скандалезность дѣлъ. Очень хорошо что на тенденціозные толки обращено теперь вни-

маніе; но они начались не со вчерашняго дня.

Что касается законнаго порядка въ средѣ студентовъ, то спокойствіе легко водворится когда университетскія власти будутъ бдительно смотрѣть за собою или, вѣрнѣе, когда правительство будетъ бдительно смотрѣть за ними, а наконецъ, еще вѣрнѣе, когда университетское устройство будетъ согласовано столько же со своимъ назначеніемъ какъ и съ видами государства, которое ихъ создало и содержитъ для общей пользы.

Противъ лживыхъ и тенденціозныхъ толковъ слѣдуетъ принимать рѣшительныя мѣры. Ложь и нечестныя тенденціи, вотъ зло которое такъ долго и настойчиво разносятъ у насъ печатные листки. Но пока правительство не принимаетъ прямаго участія въ университетскихъ дѣлахъ и предоставляетъ ихъ исключительно профессорскимъ коллегіямъ или ихъ выборнымъ властямъ, естественно публикѣ заботиться о томъ что̀ происходитъ въ нашихъ университетахъ.

Нѣтъ ничего плачевнѣе судьбы нашего учащагося юношества. Уставъ 1863 года передалъ его въ безконтрольное завѣдываніе профессорскихъ коллегій. Это называется у насъ самоуправленіемъ университетовъ. Положеніе общества управляющаго своими дѣлами, конечно, можетъ быть названо самоуправленіемъ; но положеніе корпораціи или коллегіи произвольно распоряжающейся судьбою другихъ, едвали это можетъ быть названо самоуправленіемъ. Еще удивительнѣе что правительство, отказавшись отъ власти въ этомъ важномъ дѣлѣ, передало ее людямъ неизвѣстнымъ ему какъ правительству, потому что профессорскія коллегіи сами выбираютъ и исключаютъ своихъ членовъ и сами ставятъ своихъ старшинъ. Правительство предоставило себѣ только пріятное право исполнять ихъ рѣшенія и утверждать ихъ выборы. Государственная власть какъ бы упразднила себя въ дѣлѣ столь важномъ для государства какъ высшее образованіе отборнаго юношества страны, въ которомъ заключается ея будущность, свѣтъ и разумъ ея народа. Впрочемъ, при такой системѣ *самоуправленія*, при такой сдачѣ юношества въ аренду, министрамъ легко и спокойно. Они не отвѣчаютъ за то какими будутъ выходить эти молодые люди изъ аудиторій, и въ какой мѣрѣ полезно и плодотворно получаемое ими тамъ образованіе. Лишь бы въ точности соблюдался уставъ, а то все равно выйдутъ ли учащіеся на благо страны, или напротивъ внесутъ съ собою смуту и разстройство въ ея жизнь, будутъ ли они полезными и способными слугами государства, или напротивъ людьми слабыми, искалѣченными, къ дѣлу непригодными. Правительственная власть въ этомъ не отвѣтственна: это дѣло коллегій, члены которыхъ пользуются всѣми правами государственной службы, состоятъ чиновниками, получаютъ содержаніе и награды, сами даютъ чины и права государственной службы, но въ своихъ отношеніяхъ къ учащимся предоставлены совершенно собственному произволу. Оригинальное, неслыханное положеніе! Скоро минетъ двадцать лѣтъ какъ оно продолжается, и всѣмъ извѣстно какими утѣшительными явленіями ознаменовано существованіе нашихъ университетовъ подъ уставомъ 1863 года.

За то при всякой смутѣ въ университетѣ, при каждомъ изъ тѣхъ печальныхъ явленій которыя въ такомъ обиліи порождались устройствомъ нашихъ университетовъ, министръ всегда могъ умыть себѣ руки и сослаться на *конституцію* университетовъ, не дозволяющую ему вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Вотъ этимъ-то удобствомъ слагать съ себя всякую отвѣтственность отчасти и объясняется что дѣло такой очевидной необходимости какъ реформа университетовъ все затягивалась, затягивалась и наконецъ пришло въ *Versumpfung*.

Но если правительство упразднило себя по отношенію къ университетамъ, то пока длится нынѣшнее положеніе, пока не изысканъ способъ обезпечить высшее образованіе нашей молодежи отъ случайностей и произвола независимыхъ коллегій, едва ли отцы, братья, наконецъ сограждане этихъ молодыхъ людей могутъ оставаться равнодушными и не желать знать что̀ дѣлается въ этихъ самоуправствующихъ коллегіяхъ.

Б.

Въ ряду сообщаемыхъ сегодня телеграфныхъ извѣстій, наибольшій интересъ представляетъ вѣсть о предположенномъ пониженіи выкупныхъ платежей за крестьянскіе надѣлы. Необходимость этой мѣры

давно уже сознавалась. Она будетъ важнымъ шагомъ къ дополненію и развитію великаго дѣла улучшенія быта крестьянъ, которое было совершено изданіемъ Положенія 19-го февраля. При освобожденіи крестьянъ, выкупные платежи далеко не всегда и не вездѣ могли быть приведены въ соразмѣрность съ цѣнностью и доходностью крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ. Въ большей части Россіи земля досталась крестьянамъ по цѣнѣ далеко меньшей ея дѣйствительной стоимости, но во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, наоборотъ, крестьяне должны были пріобрѣсти свои земельные надѣлы дороже чѣмъ они стóятъ. Это не препятствовало крестьянской реформѣ и въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ быть вообще серіознымъ улучшеніямъ хозяйственнаго быта крестьянъ, такъ какъ выкупные платежи даже далеко превышавшіе стоимость крестьянскихъ надѣловъ были вообще значительно ниже тѣхъ оброковъ которые платились крестьянами до освобожденія. Но тѣмъ не менѣе по мѣстамъ, какъ обнаружилось съ теченіемъ времени, несоразмѣрность выкупныхъ платежей со стоимостію надѣловъ и вообще съ экономическими средствами населенія явилась серіознымъ препятствіемъ къ развитію благосостоянія крестьянъ, ставя ихъ въ положеніе неоплатныхъ недоимщиковъ. Задуманная мѣра пониженія выкупныхъ платежей имѣетъ въ виду подъемъ благосостоянія именно крестьянъ этого разряда, почему она является съ характеромъ мѣры не общей, а мѣстной, распространяемой лишь на извѣстные районы. На черноземную полосу, гдѣ земля досталась крестьянамъ дешево, какъ сообщаетъ телеграмма, уменьшеніе выкупныхъ платежей не распространяется, и дѣйствіе этой мѣры ограничивается тринадцатью, преимущественно сѣверными, губерніями. Въ число этихъ тринадцати губерній конечно вошли тѣ гдѣ несоразмѣрность выкупныхъ платежей съ надѣлами оказалась особенно рѣзкою и представляетъ какъ бы общее явленіе. Но какъ исключенія, и внѣ района этихъ губерній, даже въ предѣлахъ такъ-называемой черноземной полосы, есть многія мѣстности, иногда обнимающія цѣлые уѣзды, гдѣ пониженіе выкупныхъ платежей требуется интересами крестьянъ не менѣе чѣмъ въ губерніяхъ нечерноземныхъ, точно также какъ въ этихъ послѣднихъ найдется не мало мѣстностей для которыхъ это пониженіе выкупныхъ платежей вовсе не представляется необходимымъ. Поэтому должно полагать что за осуществленіемъ пониженія выкупныхъ платежей въ вышеозначенномъ районѣ тринадцати губерній, послѣдуетъ распространеніе дѣйствія этой мѣры и на мѣстности лежащія внѣ этого района, но сходныя съ нимъ по экономическимъ условіямъ крестьянскаго быта.

Пониженіе выкупныхъ платежей, судя по телеграммѣ, задумано въ весьма серіозныхъ размѣрахъ. Предполагается уменьшить ежегодное поступленіе этихъ платежей на девять милліоновъ рублей. Если это такъ, облегченіе тягостей лежащихъ на крестьянскомъ населеніи нечерноземныхъ губерній произойдетъ въ размѣрахъ превышающихъ то на что̀ можно было надѣяться. Весь итогъ выкупныхъ платежей ежегодно взимаемыхъ съ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ тринадцати нечерноземныхъ губерній простирается до двадцати или съ чѣмъ-нибудь двадцати милліоновъ рублей въ годъ. Уменьшеніе этой суммы на девять милліоновъ облегчило бы тягость выкупныхъ платежей чуть не вдвое, еслибы даже они были понижены равномѣрно для всего крестьянскаго населенія нечерноземной полосы. Но такое равномѣрное пониженіе платежей было бы не сообразно ни съ различіемъ экономическихъ условій разныхъ мѣстностей нечерноземнаго района, ни съ цѣлію предположеннаго регулированія выкупныхъ платежей, и равномѣрнаго пониженія, конечно, не послѣдуетъ. По мѣстамъ, выкупные платежи останутся, конечно, безъ измѣненія, по мѣстамъ будутъ понижены лишь на нѣсколько процентовъ, но тѣмъ въ бóльшихъ размѣрахъ могутъ быть они понижены тамъ гдѣ въ этомъ пониженіи настоитъ для крестьянъ особая необходимость. Гдѣ требуется мѣстными условіями, выкупные платежи могутъ быть понижены вдвое, втрое, даже вчетверо. При опредѣленіи цифрой девяти милліоновъ суммы на которую сокращается общій итогъ выкупныхъ платежей, совершенно исчезаетъ опасеніе что пониженіе ихъ послѣдуетъ въ размѣрѣ несоотвѣтствующемъ дѣйствительной надобности. Можно опасаться скорѣе противоположнаго, пониженія въ большемъ размѣрѣ чѣмъ нужно, то-есть невызываемой необходимостію затраты боль-

шихъ денежныхъ средствъ которыя могутъ потребоваться и конечно потребуются для другихъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ не въ однѣхъ нечерноземныхъ губерніяхъ. Въ виду средствъ предназначаемыхъ на исполненіе задуманной мѣры, серіозными вопросами представляется какъ избраніе органовъ для ея исполненія, которые должны опредѣлять, не только по отношенію къ каждой отдѣльной мѣстности, но и по отношенію къ каждому сельскому обществу, размѣръ требуемаго обстоятельствами пониженія выкупныхъ платежей такъ и установленіе контроля за дѣйствіями этихъ органовъ. Если исполненіе мѣры пойдетъ правильно, назначаемыхъ на нее средствъ безъ сомнѣнія окажется достаточно для облегченія тягостей лежащихъ не только на крестьянскомъ населеніи тринадцати губерній на которыя распространяется пониженіе выкупныхъ платежей, но и на находящихся въ сходныхъ условіяхъ крестьянахъ другихъ губерній, на которыхъ понадобится распространить дѣйствіе означенной мѣры въ послѣдствіи.

Пониженіемъ выкупныхъ платежей для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ заботы о дальнѣйшемъ развитіи и дополненіи мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ принятыхъ въ минувшее царствованіе ограничиться не могутъ. Крестьянамъ черноземной полосы, по условіямъ въ какихъ они находятся, пониженіе выкупныхъ платежей не принесло бы пользы. То что̀ они выиграли бы на этомъ пониженіи было бы тотчасъ же утрачено ими на повышеніи арендныхъ цѣнъ за земли которыя они должны принанимать по недостаточности собственныхъ земельныхъ надѣловъ и при отсутствіи иныхъ промысловъ кромѣ занятія хлѣбопашествомъ. Для крестьянъ черноземной полосы отяготительна, какъ это много разъ уже было замѣчено, высота не выкупныхъ платежей, а наемныхъ арендныхъ цѣнъ на землю, неестественно поднявшихся по мѣстамъ вслѣдствіе скученности населенія и прикрѣпленія крестьянъ къ мѣстамъ осѣдлости на которыхъ застала ихъ отмѣна крѣпостнаго права. Арендныя цѣны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ черноземной полосы растутъ не вслѣдствіе общихъ успѣховъ народнаго хозяйства, а потому что крестьянамъ необходимо нанимать землю вблизи ихъ осѣдлости во что̀ бы то ни стало, съ какимъ бы то ни было рискомъ. Владѣльцы сдаваемыхъ въ наймы земель, пользуясь этимъ, могутъ назначать какія угодно цѣны, иногда даже 25 рублей за десятину, не опасаясь что земли не будутъ у нихъ наняты. Уменьшеніе скученности крестьянскаго населенія, ослабленіе существующаго прикрѣпленія къ землѣ, вотъ что̀ всего болѣе требуется для подъема благосостоянія крестьянъ черноземной полосы. Это предвидѣлось еще во время обсужденія крестьянской реформы, до изданія Положенія 19 февраля. Еще тогда было рѣшено что необходимымъ дополненіемъ этого Положенія должно быть изданіе правилъ регулирующихъ переселеніе крестьянъ изъ густонаселенныхъ въ малонаселенныя мѣстности. Въ двадцать лѣтъ протекшихъ со времени изданія Положенія условія измѣнились настолько что организація переселеній, которая прежде была только желательною, сдѣлались положительною необходимостью. Когда Положеніе вводилось въ дѣйствіе, малые земельные надѣлы которые по необходимости отводились крестьянамъ въ нѣкоторыхъ густонаселенныхъ мѣстностяхъ не ставили крестьянъ въ безвыходное положеніе, потому что наемныя цѣны земель были низкія. Въ разчетѣ на эти низкія арендныя цѣны, многіе крестьяне шли на даровой надѣлъ. Но теперь низкихъ арендныхъ цѣнъ больше нѣтъ, и въ то же время прежніе малые душевые земельные надѣлы сдѣлались еще болѣе мелкими вслѣдствіе прироста населенія, на 20, на 25 и болѣе процентовъ. Малоземелье сдѣлалось, вслѣдствіе этого, во многихъ мѣстностяхъ черноземной полосы серіозною причиной стѣсненности крестьянскаго быта. Устранить это вредное малоземелье предоставленіемъ крестьянамъ возможности покупать сосѣднія владѣльческія земли нельзя. Тѣ же условія которыя искусственно подняли арендныя цѣны, подняли и продажныя цѣны земель въ мѣстностяхъ со скученнымъ населеніемъ, и эти продажныя цѣны поднялись бы еще выше, до разорительныхъ для крестьянъ размѣровъ, еслибы крестьянамъ былъ открытъ кредитъ для покупки земель на основаніяхъ которыя предлагались въ послѣдніе годы и обсуждались въ разныхъ земскихъ собраніяхъ. Понизить какъ арендныя, такъ и продажныя цѣны земель до естественнаго ихъ уровня, при которомъ и наемъ и покупка

ихъ не были бы разорительны для крестьянъ, можно только путемъ переселеній. Съ уменьшеніемъ густоты прикрѣпленнаго ко своей осѣдлости населенія, сократился бы искусственно усилившійся спросъ на сосѣднія земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отъ прироста населенія достаточные душевые надѣлы обратились въ недостаточные, такъ отъ выселенія части крестьянскихъ семействъ недостаточные крестьянскіе надѣлы сдѣлались бы достаточными. Правильная организація переселеній есть существеннѣйшее условіе улучшенія быта крестьянъ черноземной полосы. Эта организація потребуетъ, конечно, большихъ средствъ, можетъ-быть бо́льшихъ чѣмъ какія требуются для пониженія выкупныхъ платежей въ нечерноземной полосѣ. Но жертвы какія будутъ принесены государствомъ на это дѣло не будутъ непроизводительными затратами. Эти затраты будутъ вознаграждены подъемомъ благосостоянія въ мѣстностяхъ откуда пойдутъ переселенія и одновременно населеніемъ и обработкой земель лежащихъ нынѣ впустѣ.

№ 112.

Москва, 23-го апрѣля.

Въ Германскомъ парламентѣ, 29 апрѣля, князь Бисмаркъ сказалъ рѣчь поразившую господъ депутатовъ. Неожиданно, безо всякихъ околичностей и мимоходомъ, какъ бы къ слову, германскій канцлеръ заявилъ что парламенту скоро, можетъ-даже въ слѣдующую сессію, придется обсуждать вопросъ о перемѣщеніи не только имперскаго, но и Прусскаго правительствъ изъ Берлина въ другой городъ, такъ какъ дальнѣйшее пребываніе высшей администраціи и законодательныхъ учрежденій въ Берлинѣ становится неудобнымъ.

Уже нѣсколько лѣтъ назадъ въ Германіи ходили неясные слухи объ этомъ намѣреніи имперскаго канцлера, но имъ мало довѣряли. Не вѣрятъ въ серіозность этой затѣи даже и теперь, хотя уже ходятъ слухи будто избранъ и городъ долженствующій стать новымъ административнымъ центромъ Германіи, именно Кассель. „Противъ такого перемѣщенія есть столько доводовъ и такихъ ясныхъ и вѣскихъ, пишутъ въ *Кельнской Газетѣ*, что едва ли можно счесть слова князя Бисмарка чѣмъ-либо инымъ, а не простою угрозой или ораторскимъ пріемомъ для выраженія своего личнаго недовольства Берлиномъ и его общественнымъ управленіемъ. Карлъ I тоже грозилъ переѣхать изъ Лондона въ Оксфордъ.“ Князь Бисмаркъ и самъ какъ будто предвидѣлъ что слова его будутъ истолкованы именно въ этомъ смыслѣ, намекнувъ что Берлинцы, которыхъ слишкомъ много въ парламентѣ, будутъ вѣроятно поголовно противъ такого перемѣщенія, крайне невыгоднаго для Берлина. Но въ пользу перемѣщенія говорятъ политическія соображенія высшаго порядка, которыхъ, объяснялъ канцлеръ, достаточно пока коснуться хотя бы слегка чтобъ оцѣнить всю ихъ важность. Пребываніе высшей администраціи и рейхстага въ Берлинѣ даетъ этому, теперь столь многолюдному, городу преобладающее вліяніе и прямое и косвенное: „составъ рейхстага перестаетъ быть вѣрнымъ выраженіемъ состава германскаго населенія, такъ какъ въ палатѣ слишкомъ много Берлинцевъ, которымъ не нужно тратиться на переѣзды.“

Имперскій канцлеръ, очевидно, находитъ что берлинское населеніе, въ общей сложности, перестало быть соотвѣтственнымъ выраженіемъ Германскаго народа. Спрашивается, въ какой мѣрѣ скопились въ столичномъ городѣ люди съ отвлеченнымъ образомъ мыслей, космополитически настроенные или даже враждебные народности государства, многолюдны ли въ немъ классы полуобразованные, оторвавшіеся отъ твердой почвы преданія, но не способные ни къ чему относиться самостоятельною мыслею; господствуютъ ли въ немъ болѣе мнѣнія праздныхъ головъ чѣмъ сознаніе дѣйствительныхъ нуждъ народныхъ и пользъ государства. Истинная язва Германіи состоитъ въ энциклопедическомъ полуобразованіи широко распространившемся въ среднихъ классахъ особенно въ большихъ городахъ,—язва которой не знала прежняя Германія выработавшая свою высокую національную культуру. Лавочникъ, кельнеръ въ трактирѣ, нахватавшись всякой всячины въ такъ-называемыхъ реальныхъ училищахъ, считаютъ себя великими мыслителями, способными рѣшать судьбы человѣчества и потому легко превращаются въ барановъ готовыхъ покорствовать всякому вожаку. Берлинъ, еще не такъ давно строго монархическій, въ послѣднее тридцатилѣтіе развинтился, и его городскіе классы становятся слишкомъ легкою

добычею радикаловъ и демагоговъ, для борьбы съ которыми въ послѣднее время потребовались исключительныя временныя мѣры, какъ законъ о соціалистахъ и осадное положеніе. Имперскій канцлеръ справедливо замѣчаетъ что борьба съ враждебными государству элементами не можетъ идти вполнѣ успѣшно пока администрація и законодательство будутъ оставаться въ самомъ фокусѣ политической заразы.

Къ чему приходитъ теперь въ своихъ соображеніяхъ государственный человѣкъ управляющій дѣлами Германіи, то еще прежде сказалось у насъ народнымъ чувствомъ, которое въ переживаемый нами кризисъ выразило желаніе чтобы власть рѣшающая судьбы Россіи, хотя бы только на время, переселилась изъ Петербурга въ Москву. Эта мысль о перемѣщеніи высшей правительственной власти въ Москву отозвалась повсюду за границей возбудивъ разные толки. Германскій канцлеръ, со свойственною ему проницательностію, быстро оцѣнилъ важное значеніе такой мѣры. Едва ли брошенное имъ слово есть только простая угроза или ораторскій пріемъ. Во всякомъ случаѣ серіозные люди каковъ князь Бисмаркъ могутъ грозить только тѣмъ что исполнимо.

№ 113.

Москва, 24-го апрѣля.

Слава Богу, мы начинаемъ повидимому успокоиваться и приходить въ равновѣсіе. Вмѣсто праздныхъ толковъ о какихъ-то радикальныхъ перемѣнахъ въ нашемъ государственномъ строѣ, мы начинаемъ заниматься практическими, важными, истинно полезными, задачами. Изъ воздушныхъ пространствъ мы спускаемся на землю, *на нашъ добрый черноземъ, на крестьянскую пашню.*

Въ настоящую минуту общее вниманіе сосредоточено на мѣрахъ къ улучшенію крестьянскаго быта которыми должно быть дополнено и завершено то чтò сдѣлано для крестьянъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года. Когда издавался этотъ законъ, принятіе дополнительныхъ къ нему мѣръ было отсрочено, чтобы не усложнить и не затруднить и безъ того столь сложной и трудной задачи освобожденія и надѣленія землей. Но послѣ того какъ эта задача была успѣшно разрѣшена, къ дальнѣйшей отсрочкѣ мѣръ, безъ которыхъ Положеніе 19 февраля не достигало вполнѣ той цѣли съ какою было издано, не представляется никакого основанія.

Было замѣчено что освобожденіе крестьянъ не сопровождалось тѣми результатами какіе отъ него ожидались; въ послѣдніе годы только и было рѣчи что о разстройствѣ крестьянскихъ хозяйствъ. Главною причиной этого разстройства выставлялось преимущественно малоземелье, недостаточность надѣловъ. На первый планъ выдвинулся вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. Но разрѣшеніе этого вопроса долгое время искали не въ тѣхъ общихъ мѣрахъ которыми должно быть дополнено Положеніе 19 февраля, а въ организаціи мѣстной помощи крестьянамъ со стороны земскихъ учрежденій, что не могло дать уважительныхъ результатовъ.

Вмѣсто того, предполагается правительственное содѣйствіе крестьянамъ въ покупкѣ земель, въ переселеніи изъ густонаселенныхъ мѣстностей въ малонаселенныя, наконецъ и пониженіе выкупныхъ платежей тамъ гдѣ они несоразмѣрны съ дѣйствительною стоимостью поступившихъ въ крестьянскіе надѣлы земель и съ платежными средствами крестьянскаго населенія.

Содѣйствіе въ пріобрѣтеніи земель предполагается оказывать крестьянамъ густонаселенныхъ черноземныхъ губерній. Крестьянамъ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній, вмѣсто содѣйствія въ покупкѣ земель, въ замѣнъ того имѣется въ виду оказать иную, болѣе существенную для нихъ помощь пониженіемъ выкупныхъ платежей. Въ пріобрѣтеніи земли предполагается содѣйствовать лишь при такихъ сдѣлкахъ когда пріобрѣтеніе земли дѣйствительно нужно чтобы вывести крестьянъ изъ затруднительнаго по малоземелью положенія, когда покупка не превышаетъ размѣра необходимаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія и когда она совершается по цѣнамъ разумнымъ, не возлагающимъ на крестьянъ такихъ уплатъ за землю которыя создали бы для нихъ затрудненія не меньшія, если не большія тѣхъ изъ которыхъ расширеніе землевладѣнія должно ихъ вывести. Съ этимъ соединяется вопросъ о переселеніяхъ изъ мѣстностей гдѣ земля дорога въ такія гдѣ земли много. Съ выселеніемъ части крестьянъ изъ густонаселенныхъ губерній въ ма-

лонаселенныя, у оставшихся на прежнихъ мѣстахъ не будетъ уже того малоземелья на которое нынѣ указываютъ. Содѣйствіе въ пріобрѣтеніи земель и наравнѣ съ ними отводъ казенныхъ земель будутъ, собственно говоря, вспомогательною мѣрой, къ организаціи переселеній, которая составляетъ главный пунктъ вопроса. Переселенія предполагается устроить правильнымъ образомъ, учредить справочныя конторы, которыя руководили бы переселенцевъ въ выборѣ мѣстъ для новыхъ поселеній, и установить систему пособій переселяющимся. Всѣ стѣсненія которыми обставлено переселеніе предполагается отмѣнить.

Наконецъ имѣется въ виду еще одна мѣра первостепенной важности — прекращеніе временно-обязанныхъ отношеній къ помѣщикамъ тѣхъ крестьянъ которыми донынѣ еще не пріобрѣтены въ собственность отведенные имъ земельные надѣлы. Выкупъ этихъ надѣловъ предполагается сдѣлать обязательнымъ, причемъ онъ долженъ быть оконченъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ въ теченіе одного года, а въ черноземныхъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. При этомъ обязательномъ выкупѣ, по проекту, помѣщики не потеряютъ ничего кромѣ 20% которые они теряли и по Положенію 19 февраля въ случаяхъ когда выкупъ совершался не по обоюдному соглашенію, а по требованію помѣщиковъ. Но для крестьянъ нечерноземныхъ губерній плата за выкупъ понижается, смотря по мѣстнымъ условіямъ, въ различныхъ размѣрахъ, въ иныхъ случаяхъ до 60%. Происходящій отсюда недочетъ въ выкупныхъ платежахъ принимается на счетъ казны. Проектъ объ обязательномъ выкупѣ уже прошелъ чрезъ Департаментъ Государственной Экономіи, и, какъ намъ сообщаютъ, назначенъ къ слушанію въ Государственномъ Совѣтѣ на понедѣльникъ 27 апрѣля.

№ 114.

Москва, 25-го апрѣля.

А.

Теперь ко времени и кстати повести рѣчь о нѣкоторыхъ вопросахъ нашего крестьянскаго быта.

17 декабря прошлаго года, въ Симбирскомъ губернскомъ земскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ о 165 статьѣ Положенія касающейся выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Въ силу этой статьи, каждый членъ общины можетъ получить въ собственность и выдѣлить изъ общиннаго владѣнія свой участокъ земли, внеся въ мѣстное казначейство причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду. Въ первыя десять лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, 165 статья не обращала на себя почти никакого вниманія; очень немногіе изъ состоятельныхъ крестьянъ пользовались ею чтобы выкупить свой участокъ и, прикупивъ иногда еще клочекъ земли у бывшаго своего или у сосѣдняго помѣщика, завести самостоятельное хозяйство. Но въ недавнее время статья эта получила широкое примѣненіе. Дѣло въ томъ что во время освобожденія выкупная оцѣнка земли и рыночная почти совпадали, между тѣмъ какъ теперь разница между этими цѣнами, въ особенности въ черноземной полосѣ, постоянно возрастаетъ, и напримѣръ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Симбирской губерніи рыночная цѣна превышаетъ выкупную вчетверо. При такомъ сильномъ и постоянно продолжающемся повышеніи цѣны на землю естественно явилось стремленіе, воспользовавшись 165 статьей о выкупѣ, вносить сравнительно ничтожную выкупную сумму и пріобрѣтать участки общинной крестьянской земли въ собственность. Добро бы еслибы крестьянинъ выкупалъ свой участокъ съ тѣмъ чтобы, выдѣливъ его изъ общины, прочно закрѣпить его за собой и тѣмъ съ большею энергіей приняться за его обработку не боясь что положенный на улучшеніе его трудъ и капиталъ въ одно утро, при передѣлѣ земли членами общества перейдутъ къ лѣнтяю, а ему вмѣсто улучшеннаго, выхоженнаго участка достанется никогда не удобрявшійся. Но, къ сожалѣнію, стремленія крестьянъ къ выходу изъ общины и къ заведенію отдѣльнаго хозяйства на своихъ участкахъ не замѣчается, и выкупъ земли дѣлается ими большею частію не на свои деньги и не на себя, а для третьихъ лицъ, не членовъ общины, на что 169 статья о выкупѣ даетъ имъ полное право. Кто же эксплуатируетъ въ свою пользу 165 ст. о выкупѣ? Кулаки, міроѣды, кабатчики.

Жалобы на этихъ людей несутся отовсюду. Это язва которой прежнее великороссійское крестьянство не знало (сѣверо

и юго-западныя губерніи знали давно благодаря Евреямъ); она выросла на освобожденной почвѣ. Язва эта потому такъ страшна что поражаетъ людъ темный, замкнутый въ себѣ и потому беззащитный. Крестьянинъ рѣдко заглядываетъ въ будущее, и потому легко соблазняется предлагаемою выгодой; съ другой же стороны, сколькимъ случайностямъ подвержено крестьянское хозяйство и какъ легко можетъ нарушиться его правильный ходъ! Случится неурожай, пожаръ, падежъ скота,— и разъ попавшему въ бѣду крестьянину уже трудно подняться: инвентарь проданъ или погибъ, приняться за землю нечѣмъ, поддержать некому, и волей-неволей онъ попадаетъ въ руки поджидающаго кулака; а если сюда присоединится еще кабакъ, то гибель неминуемая. Если прежде кабатчики и міроѣды эксплуатировали рабочую силу крестьянина, пріобрѣтая ее за ничтожную цѣну, то у крестьянина по крайней мѣрѣ не отнималась возможность когда-нибудь поправиться; теперь же хищническіе инстинкты направлены на единственную твердую опору крестьянина — землю.

Съ этимъ вопросомъ связывается еще другой—объ отношеніяхъ выкупившаго и продавшаго свой участокъ крестьянина къ сельскому обществу. Общество не можетъ запретить своему члену, по уплатѣ имъ выкупныхъ денегъ, продать свой участокъ третьему лицу; но продавшій свой участокъ и послѣ того не перестаетъ быть членомъ своего общества; онъ попрежнему обязанъ нести всѣ повинности и платежи за исключеніемъ выкупныхъ, а при его неисправности отвѣчаетъ круговая порука; кромѣ того, общество не освобождается отъ обязанности призрѣвать въ старости своего безземельнаго члена. Можно положительно сказать что въ большей части случаевъ безземельный членъ не въ состояніи будетъ самъ нести повинности и подати, и слѣдовательно тяжесть ихъ падетъ на общество. За что же? Въ древней Руси, было справедливѣе: главною основой всѣхъ отношеній была какъ и теперь земля; кто продалъ свой участокъ, тотъ порвалъ связь съ общиной и свободенъ идти на всѣ четыре стороны; онъ не несетъ никакихъ повинностей, но и община за него не отвѣчаетъ; за то купившій участокъ общинной земли становится членомъ общины со всѣми правами и обязанностями общинника. Теперь же, если покупаетъ не членъ сельскаго общества, то онъ фактомъ покупки общинной земли не становится общинникомъ, а добровольно, ради возложенія на себя лишнихъ тягостей, ему нѣтъ разчета вступать въ общество. Чѣмъ большее примѣненіе получитъ 165 статья въ данномъ сельскомъ обществѣ, чѣмъ большее количество общинной земли перейдетъ въ руки лицъ не принадлежащихъ къ общинѣ, тѣмъ тяжеле будетъ обществу, ибо сумма платежей и повинностей остается почти та же (убавятся единственно только выкупные платежи за проданные участки), между тѣмъ какъ платежная способность уменьшится въ большей пропорціи сравнительно съ уменьшеніемъ платежей. Это увеличеніе тяжести можетъ привести остающихся членовъ общины даже къ полной невозможности вынести ее и къ желанію бросить землю и продать свои участки. Наконецъ, идя по этому пути мы логически можемъ дойти до сельскаго общества оставшагося совсѣмъ безъ земли и тѣмъ не менѣе обязаннаго исполнять всѣ повинности и платить всѣ подати за исключеніемъ выкупнаго. Очень естественно что зло скупки надѣловъ сказалось въ губерніи съ прекрасною почвой, стоящею много дороже выкупной цѣны, какъ естественна и тревога земства, знающаго что въ губерніи кромѣ земледѣлія нѣтъ другихъ промысловъ, а слѣдовательно обезземеленіе прямо ведетъ къ пролетаріату. Но скупка земель начинаетъ распространяться и за предѣлы Симбирской губерніи и въ настоящее время въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, вслѣдствіе неурожая, до 20.009 десятинъ крестьянской земли перешло въ частныя руки; то же самое начинаетъ замѣчаться и въ Рязанской губерніи. Симбирское земство постановило ходатайствовать объ измѣненіи существующихъ законовъ въ смыслѣ стѣсненія права отдѣльныхъ крестьянъ отчуждать какъ полевой надѣлъ, такъ и усадебную осѣдлость, и о распространеніи права сельскихъ обществъ на выкупъ участковъ, отчуждаемыхъ отдѣльными домохозяевами, по цѣнѣ внесенной ими въ казначейство при выкупѣ участковъ. Первая половина ходатайства крайне сомнительна. Вторая же половина, приравнивающая общинныя земли къ родовымъ съ правомъ общины выкупать ихъ, могла бы имѣть значеніе еслибъ ея не па-

рализовала въ большинствѣ случаевъ бѣдность общинъ и часто неимѣніе средствъ уплатить даже текущія подати. Было бы полезнѣе постановить что если участокъ переходитъ не къ члену общины, то продавшій землю и порвавшій связь съ общиной становится свободнымъ отъ всѣхъ тяжестей соединенныхъ съ владѣніемъ общинною землей; а купившій напротивъ становится членомъ общины и несетъ всѣ тяжести лежавшія на прежнемъ членѣ продавцѣ; этимъ была бы только оказана справедливость по отношенію къ общинѣ. Что касается второй половины Симбирскаго ходатайства, именно о приравненіи общинныхъ земель къ родовымъ и о правѣ общины выкупать ихъ то вопросъ этотъ касается самой сущности общиннаго землевладѣнія и заслуживаетъ особаго вниманія. Этотъ вопросъ возвращаетъ насъ къ мысли, которая слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ была горячо впервые высказана въ *Русскомъ Вѣстникѣ*,—къ мысли объ общинной собственности въ противоположность простому владѣнію. Мысль эта требуетъ дальнѣйшаго развитія и провѣрки, и быть-можетъ теперь наступаетъ пора серіозно подумать о значеніи и судьбѣ образовавшейся у насъ формы общиннаго землевладѣнія.

Б.

Предлагаютъ много плановъ... Но есть одинъ царскій путь.

Это—не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой средины между двумя крайностями. Съ высоты царскаго трона открывается стомилліонное царство. Благо этихъ ста милліоновъ и есть тотъ идеалъ и вмѣстѣ тотъ компасъ которымъ опредѣляется и управляется истинный царскій путь.

Въ прежніе вѣка имѣли въ виду интересы отдѣльныхъ сословій. Но это не царскій путь. Тронъ затѣмъ возвышенъ чтобы предъ нимъ уравнивалось различіе сословій, цеховъ, разрядовъ и классовъ. Бароны и простолюдины, богатые и бѣдные, при всемъ различіи между собою, равны предъ Царемъ. Единая власть и никакой иной власти въ странѣ, и стомилліонный, только ей покорный народъ, вотъ истинное царство.

Въ лицѣ Монарха оно владѣетъ самою сильною центральною властью для подавленія всякой крамолы и устраненія всѣхъ препятствій къ народному благу. Оно же, упраздняя всякую другую власть, даетъ мѣсто и самому широкому самоуправленію, какого можетъ требовать благо самого народа,—*народа*, а не партій.

Только по недоразумѣнію думаютъ что монархія и самодержавіе исключаютъ „народную свободу,“ на самомъ же дѣлѣ она обезпечиваетъ ее болѣе чѣмъ всякій шаблонный конституціонализмъ. Только самодержавный Царь могъ, безъ всякой революціи, однимъ своимъ манифестомъ, освободить 20 милліоновъ рабовъ, и не только освободить лично, но и надѣлить ихъ землею. Дѣло не въ словахъ и буквѣ, а въ духѣ все оживляющемъ.

Да положитъ Господь Царь Царствующихъ, на сердце Государя нашего шествовать именно этимъ воистину царскимъ путемъ, имѣть въ виду ни прогрессъ или регрессъ, ни либеральныя или реакціонныя цѣли, а единственно благо своего *стомилліоннаго народа*.

№ 116.

Москва, 27-го апрѣля.

Съ самаго начала минувшаго царствованія, главныя заботы правительства были устремлены на улучшеніе быта крестьянъ. Эти же заботы объ улучшеніи быта сельскаго населенія выступили на первый планъ съ первыхъ же мѣсяцевъ нынѣшняго царствованія. Задуманъ цѣлый рядъ мѣръ долженствующихъ развить и дополнить собою совершенную покойнымъ Государемъ крестьянскую реформу. Прекращеніе временно-обязанныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами тамъ гдѣ еще не приступлено къ выкупу крестьянами отведенныхъ имъ земель; пониженіе выкупныхъ платежей гдѣ размѣръ ихъ не соотвѣтствуетъ средствамъ крестьянъ; правительственное содѣйствіе крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земель помимо отведенныхъ имъ надѣловъ и, наконецъ, правильная организація переселеній крестьянъ изъ однѣхъ мѣстностей въ другія,—вотъ четыре вопроса уже поставленные на ближайшую очередь и ожидающіе въ непродолжительномъ времени законодательнаго рѣшенія.

Трудно сказать какая изъ четырехъ упомянутыхъ мѣръ окажется на практикѣ наиболѣе благодѣтельною собственно для крестьянъ, но едва ли можно усомниться въ томъ что наибольшихъ преобразованій къ лучшему въ общемъ ходѣ всего народнаго хозяйства слѣдуетъ ожидать отъ организаціи переселеній. Это, можно сказать, самый трудный и самый сложный изо всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ; въ немъ заинтересованы не одни тѣ крестьяне которые будутъ переселяться; ихъ переселенія отзовутся серіознымъ образомъ на интересахъ всего населенія и тѣхъ мѣстъ откуда они уйдутъ, и тѣхъ мѣстъ куда они прибудутъ. Измѣнятся условія быта не только самихъ переселяющихся, но и ихъ прежнихъ и новыхъ сосѣдей по осѣдлости. Если переселенія примутъ значительные размѣры, однимъ изъ непремѣнныхъ послѣдствій ихъ будутъ серіозныя измѣненія и въ арендныхъ, и въ продажныхъ цѣнахъ на земли, а частію и въ уровнѣ платы за трудъ сельскихъ рабочихъ. Во всемъ строѣ нынѣшнихъ хозяйственныхъ отношеній совершится въ такомъ случаѣ важный переворотъ, благодѣтельный для страны, хотя можетъ-быть и не совсѣмъ выгодный для иныхъ частныхъ интересовъ. Пойдетъ ли этотъ переворотъ быстрымъ, или медленнымъ ходомъ, и какіе онъ приметъ размѣры, конечно, неизвѣстно. Но можно полагать что чѣмъ дольше сдерживались стремленія крестьянъ къ переселеніямъ, чѣмъ серіознѣе были поставляемыя препятствія къ перемѣнѣ мѣста осѣдлости, и чѣмъ большія льготы будутъ предоставлены переселенцамъ изданіемъ новаго закона по этому предмету и проектируемыми административными мѣрами, тѣмъ живѣе пойдетъ дѣло переселеній и тѣмъ большія массы населенія примутъ въ немъ участіе. Въ настоящую минуту, въ административныхъ кругахъ полагаютъ, какъ слышно, что число переселенцевъ изъ густонаселенныхъ черноземныхъ губерній можетъ дойти до полумилліона семействъ, но что переселеніе этой массы населенія распредѣлится на долгій рядъ лѣтъ. Едва ли, однако, кто-нибудь можетъ быть убѣжденъ въ вѣрности этого гадательнаго разчета. Ни число будущихъ переселенцевъ, ни срокъ въ который захотятъ они перемѣнить нынѣшнюю осѣдлость на новую, почти не подлежатъ предварительному вычисленію, и потому для успѣха задуманной мѣры весьма важно чтобы въ разчетѣ тѣхъ средствъ которыхъ можетъ потребовать организація переселеній была въ полной мѣрѣ принята во вниманіе возможность крупныхъ ошибокъ.

Судить о размѣрахъ предстоящихъ переселеній по примѣрамъ прошлаго времени, какъ *до* такъ и *послѣ* освобожденія крестьянъ, почти невозможно. Въ періодъ предшествовавшій крестьянской реформѣ, переселенія помѣщичьихъ крестьянъ совершались не по ихъ собственному побужденію и не въ ихъ интересахъ. Эти переселенія, колонизовавшія въ значительной мѣрѣ какъ Новороссію, такъ и восточное Заволжье, совершались по волѣ и въ интересахъ помѣщиковъ. Въ тѣ времена часто шли на новыя мѣста люди вовсе не желавшіе разставаться со старымъ насиженнымъ мѣстомъ и нисколько не побуждаемые къ тому малоземельемъ и другими мѣстными невыгодными условіями, и напротивъ должны были оставаться на прежнихъ мѣстахъ люди которые не прочь были бы переселиться по невыгодности мѣстныхъ условій. Крестьянская реформа, упразднивъ крѣпостную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, усилила закрѣпощеніе крестьянъ къ мѣстамъ ихъ осѣдлости. Прямаго запрета переселеній не было, но перемѣна осѣдлости для крестьянъ была обставлена затрудненіями которыя почти равняются запрету. Крестьянинъ не можетъ переселиться не получивъ увольнительнаго свидѣтельства отъ общества къ которому принадлежитъ, а чтобы получить это свидѣтельство онъ долженъ, вопервыхъ, очистить себя отъ всѣхъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ недоимокъ какія на немъ числятся и во вторыхъ, представить приговоръ общества къ которому желаетъ причислиться въ новой мѣстности о томъ что оно согласно принять его въ свою среду. Добыть такой приговоръ для крестьянина дѣло не легкое, требующее продолжительныхъ хожденій за тысячи верстъ, въ продолженіи коихъ недоимки за нимъ только возрастаютъ, затрудняя тѣмъ возможность переселенія. До 1866 года эти порядки затрудняли переселенія только помѣщичьихъ крестьянъ; Государственные крестьяне состояли подъ особымъ управленіемъ, которымъ дѣло переселеній было отчасти организовано. Если не всегда на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ въ принципѣ на пала-

тахъ государственныхъ имуществъ лежали какъ обязаность доставлять желающимъ переселяться свѣдѣнія объ участкахъ земли которые они могутъ получить на новыхъ мѣстахъ, такъ и забота о продовольствіи и первоначальномъ обзаведеніи переселенцевъ. Между прочимъ переселенцы получали небольшую денежную помощь, готовый скотъ, необходимыя земледѣльческія орудія и льготы въ податяхъ и повинностяхъ на нѣсколько лѣтъ. Съ 1866 года, съ тѣхъ поръ какъ государственные крестьяне перешли подъ управленіе общихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, для нихъ вступили въ силу тѣ же затрудняющіе переселенія порядки что и для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Кромѣ трудности полученія пріемныхъ приговоровъ и увольнительныхъ свидѣтельствъ, подъ условіемъ уплаты всяческихъ недоимокъ, для всѣхъ вообще крестьянъ, какъ бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ, огромное затрудненіе въ дѣлѣ переселеній постоянно представляла неизвѣстность найдутъ ли они и получатъ ли землю въ тѣхъ мало вѣдомыхъ мѣстахъ куда хотѣли бы переселиться. Эта неизвѣстность не могла совсѣмъ остановить переселенія, но печальная участь множества переселенцевъ, которые шли неизвѣстно куда и потомъ, потерпѣвъ полную неудачу, возвращались на прежнія мѣста разоренными до тла, естественно охлаждала стремленія къ переселеніямъ въ другихъ крестьянахъ. Эти стремленія разомъ получатъ ходъ какъ только вступятъ въ силу проектируемыя правила о переселеніяхъ. Если желающіе переселяться будутъ имѣть право требовать отъ своихъ обществъ увольнительныхъ свидѣтельствъ безъ представленія пріемныхъ приговоровъ; если затѣмъ съ обществъ выдающихъ увольнительныя свидѣтельства не будутъ взыскиваться недоимки числящіяся за переселяющимся, а будутъ перечисляться на переселенца по мѣсту избранной имъ новой осѣдлости, можно быть увѣрену что такія увольнительныя свидѣтельства будутъ требоваться и выдаваться въ большихъ количествахъ. Возможно, поэтому, ожидать что справочныя конторы, которыя предположено учредить для указанія переселенцамъ земель на коихъ они могутъ водворяться, будутъ осаждаемы массами желающихъ разобрать эти земли. Слѣдуетъ ожидать многочисленныхъ ходатайствъ со стороны переселенцевъ и объ отводѣ участковъ изъ казенныхъ земель, и о выдачѣ правительственныхъ ссудъ на пріобрѣтеніе земель частныхъ, причемъ затрудненія и замедленія въ удовлетвореніи такихъ ходатайствъ, послѣ того какъ они будутъ вызваны изданіемъ новаго закона о переселеніяхъ, могутъ повести ко многимъ неудобствамъ. Чтобъ избѣжать ихъ, весьма важно заблаговременно подготовить средства которыя устранили бы самую возможность возникновенія затрудненій. Лучше чтобъ и денегъ для выдачи ссудъ и земель предназначаемыхъ для поселенцевъ было на готовѣ больше чѣмъ сколько можетъ быть потребовано, нежели наоборотъ.

Сложность и трудность вопроса о переселеніяхъ увеличивается, между прочимъ, слѣдующимъ обстоятельствомъ. Сколько извѣстно, проектируемыми правилами предполагается всячески облегчить переселенцамъ пріобрѣтеніе на новыхъ мѣстахъ земель, какъ отводомъ казенныхъ участковъ за умѣренную оброчную подать, такъ и покупкой изъ частныхъ рукъ съ помощію правительственныхъ ссудъ на условіяхъ гораздо болѣе льготныхъ чѣмъ тѣ какія думали установить нѣкоторыя земства проектировавшія учрежденіе банковъ съ цѣлію расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Пріобрѣтя же количество земли достаточное для самостоятельнаго хозяйства, переселенецъ, по проекту, будетъ имѣть право приписаться къ ближайшей волости не испрашивая отъ нея пріемнаго договора. Сосѣднее общество будетъ обязано принять его въ свою среду. Но принимая его, обязано ли оно будетъ принять на себя также и круговую отвѣтственность за недоимки которыя накопились на немъ до переселенія и должны быть перечислены на него по его новому мѣсту жительства? Эта связь вопроса о переселеніяхъ съ вопросомъ о круговой порукѣ не лишена значенія и полагаемъ, должна обратить на себя вниманіе.

№ 117.

Москва, 28-го апрѣля.

Итакъ, вотъ къ чему привели „либеральныя“ учрежденія которыми хотѣли облагодѣтельствовать Болгарію вслѣдъ за ея освобожденіемъ! Всего два года тому на-

задъ избранный единогласно на болгарскій престолъ, князь Александръ нашелъ теперь себя вынужденнымъ обратиться къ единодушно призвавшему его народу съ манифестомъ, въ которомъ объявляетъ свое намѣреніе сложить съ себя корону если не будутъ измѣнены установленные порядки управленія княжествомъ...

Помѣщаемыя ниже телеграммы изъ Софіи должны произвести большое впечатлѣніе. Большое, но нельзя сказать чтобы неожиданное. Съ самаго начала, какъ только рѣшено было предписать освобожденному Болгарскому народу шаблонную конституцію, сочиненную по затасканнымъ пошлымъ учебникамъ, нельзя было не опасаться и не предвидѣть что эта навязанная Болгарамъ конституція не приведетъ къ добру. Многіе уже тогда выражали опасеніе какъ бы сочиненный для Болгаріи „уставъ" не привелъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, какъ бы онъ не возбудилъ безпѣльной борьбы партій, отъ которой такъ страдаютъ Греція и Сербія, и отъ которой избавлена Черногорія. Эта же мысль была высказана нами при первомъ извѣстіи объ избраніи принца Александра Гессенскаго на Болгарскій престолъ. Эту же мысль повторили мы привѣтствуя князя Александра Болгарскаго при проѣздѣ его въ прошломъ году чрезъ Москву въ Петербургъ на празднованіе двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II. „Какъ жаль," писали мы тогда, „что Россія не удовольствовалась избавленіемъ Болгаріи, а взяла на себя задачу устраивать освобожденную страну по чужому шаблону... Что могла бы и что должна была дать Россія освобожденной ею Болгаріи? Сильную, свободную и безспорную власть. Вотъ великое благо въ которомъ нуждаются эти населенія, пребывавшія четыре вѣка подъ тяжкимъ игомъ и лишенныя всякой гражданской организаціи. Прежде всего требовалось установить власть которая возвышалась бы надъ всѣми партіями. Требовалось дать новоосвобожденной странѣ вооруженную силу и призвать народъ къ выбору князя, а затѣмъ предоставить имъ самимъ устроиться въ послѣдствіи. Мы создали войско, но прежде чѣмъ дали ему вождя, а странѣ правителя, сочли нужнымъ писать для ней конституцію... Вслѣдъ за великимъ и грознымъ подвигомъ освобожденія, страна, еще не остывшая отъ борьбы, еще не омывшаяся отъ крови, становилась театромъ фарса который былъ бы также забавенъ какъ Турецкій парламентъ 1876 года еслибъ онъ не грозилъ Болгаріи послѣдствіями слишкомъ жестокими, еслибъ онъ не вносилъ начала смуты и шатанія въ эту страну, которая болѣе всего нуждается въ спокойствіи подъ охраной сильной власти."

Немного нужно было времени чтобы навязанная конституція принесла свои плоды. Въ Болгаріи вскорѣ затѣмъ народились чуждыя народному духу „политическія" партіи ведущія между собою ожесточенную и безсмысленную борьбу, вносящія неурядицу во всѣ только-что созданныя отрасли управленія. Эти партіи стали между княземъ и единодушно избравшимъ его народомъ и сдѣлали невыносимымъ ихъ обоюдное положеніе. Дѣла въ освобожденной Болгаріи пошли такъ что ей приходится чуть ли не завидовать Восточной Румеліи. Въ своемъ манифестѣ, сущность коего передана въ телеграммахъ, князь Александръ Болгарскій такъ изображаетъ ходъ дѣлъ: „Единогласное избраніе ввѣрило мнѣ судьбы Болгаріи. Не безъ колебанія принялъ я на себя задачу вести Болгарію по пути преуспѣянія, трудился добросовѣстно, допускалъ всѣ попытки организовать правильное развитіе княжества. Къ сожалѣнію, всѣ эти попытки обманули мои надежды. Болгарія оказывается нынѣ дискредитованною извнѣ, дезорганизованною внутри. Такое положеніе поколебало въ народѣ вѣру въ справедливость и законъ."

Вотъ до чего дошло. Вотъ чѣмъ облагодѣтельствовала Болгарію политическая мудрость нашей канцелярской интеллигенціи, не утерпѣвшая чтобы не сдѣлать въ этой странѣ эксперимента тѣхъ учрежденій которыми пока не удается наградить Россію.

Выйдетъ ли Болгарія благополучно изъ хаоса въ который она повергнута этимъ экспериментомъ, покажетъ будущее. Съ живѣйшимъ вниманіемъ будемъ, мы русскіе люди, слѣдить за всѣми перипетіями этого дѣла. Мы отвѣтственны за судьбы Болгаріи, отъ насъ зависѣло поставить ее на ту или иную дорогу, дать то или иное направленіе ея самостоятельной жизни.

Князь Александръ Болгарскій сдѣлалъ рѣшительную попытку исполнить свой долгъ принятый имъ вмѣстѣ съ болгарскою короной. Князь назначилъ временное мини-

стерство и созываетъ великое народное собраніе для устраненія условій дѣлающихъ управленіе страной невозможнымъ. Дай Богъ чтобы люди созываемые въ великое народное собраніе оказались дѣйствительными выразителями чувствъ и мыслей Болгарскаго народа, чтобъ они прониклись убѣжденіемъ что вѣрнѣйшій залогъ будущности ихъ страны заключается въ установленіи сильной власти основанной на единеніи народа съ его правителемъ, въ устраненіи путъ и тормазовъ не дозволяющихъ князю Александру благоустроить страну.

№ 118.

Москва, 29-го апрѣля.

А.

Во главѣ сегодняшняго нумера помѣщенъ переданный по телеграфу Высочайшій манифестъ, данный въ Петербургѣ 29 апрѣля 1881 и напечатанный въ особомъ прибавленіи къ *Правительственному Вѣстнику*.

Теперь мы можемъ вздохнуть свободно. Конецъ малодушію, конецъ всякой смутѣ мнѣній! Предъ этимъ непререкаемымъ, предъ этимъ столь твердымъ, столь рѣшительнымъ словомъ Монарха должна наконецъ поникнуть многоглавая гидра обмана. Какъ манны небесной народное чувство ждало этого царственнаго слова. Въ немъ наше спасеніе: оно возвращаетъ Русскому народу Русскаго Царя Самодержавнаго, отъ Бога пріявшаго власть Свою и лишь предъ Богомъ отвѣтственнаго. Посрамлены ковы нашихъ враговъ и поползновенія малодушныхъ въ нашей средѣ умалить и унизить священную власть и отнять у нашего народа его драгоцѣннѣйшее достояніе, наслѣдіе его многовѣковой страды и крови, силу его жизни, залогъ его будущаго. Да здравствуетъ вступившій на царскій путь возлюбленный Государь нашъ, да благословитъ Богъ начало Его царствованія и да дастъ мощь исполненія Его благимъ предначертаніямъ.

Мы получили слѣдующія телеграммы о нынѣшнемъ днѣ въ Петербургѣ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 29 апрѣля. Сегодня состоялся въ Высочайшемъ присутствіи ежегодный, такъ-называемый Майскій парадъ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Въ Лѣтнемъ Саду, вдоль Лебяжьяго канала, между мѣстами устроенными для публики и Инженернымъ Мостикомъ стали стекаться толпы зрителей, впускъ которыхъ прекратился какъ скоро началось движеніе войскъ, съ разныхъ сторонъ направлявшихся къ Марсову Полю. Въ 9 $^1/_2$ часовъ жалонеры, отличавшіеся особыми значками, были уже на мѣстахъ и разставлялись офицерами генеральнаго штаба, причемъ общее наблюденіе было поручено флигель-адъютанту полковнику барону Каульбарсу и полковникамъ Бальцу, Гребенщикову, Ставровскому и Гудиму-Левковичу. Начиная съ десяти часовъ съ половиной утра, войска стали появляться на Марсовомъ Полѣ, двигаясь ко своимъ мѣстамъ въ большинствѣ случаевъ съ музыкой. Къ одиннадцати часамъ всѣ уже были на своихъ мѣстахъ. Войска построились въ пять линій, фронтомъ къ Лѣтнему Саду. Всего на парадъ прибыло: 44 $^3/_8$ баталіоновъ, 38 $^1/_4$ эскадроновъ, одна сотня и 116 орудій. Всѣмъ парадомъ командовалъ Е. И. В. Командующій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Линіями командовали: первою—Е. И. В. Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, второю—генералъ-лейтенантъ Тимоѳеевъ, третьею — генералъ-лейтенантъ Эллисъ 1-й, четвертою — генералъ-адъютантъ князь Шаховской, пятою—генералъ-адъютантъ баронъ Дризенъ. Всею артиллеріей командовалъ генералъ лейтенантъ Штаденъ, войсками на площадкѣ Инженернаго Замка—свиты Его Величества генералъ-майоръ Шепелевъ. Въ началѣ 12 часа утра прибылъ на Марсово Поле Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Вслѣдъ затѣмъ Его Высочествомъ былъ начатъ объѣздъ, начиная съ лѣваго фланга, первой линіи. Въ свитѣ Великаго Князя во время всего объѣзда находились: помощникъ Командующаго войсками генералъ-адъютантъ Костанда, Командиръ гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ и другіе высшіе чины штаба войскъ гвардіи и округа. Великій Князь въ общей генеральской формѣ при Андреевской лентѣ ѣхалъ шагомъ на вороной лошади. Каждая отдѣльная часть удостоилась особаго привѣтствія со стороны своего Августѣйшаго начальника. Объ-

ѣздъ продолжался около получаса. Къ этому времени трибуны для публики сооруженныя одна позади Царскаго шатра, вдоль Лебяжьяго канала, въ самомъ Лѣтнемъ Саду, другая вдоль Мойки предъ Михайловскимъ Садомъ, были уже заняты публикой. Едва раздался пушечный выстрѣлъ съ крѣпости, возвѣстившій жителямъ столицы наступленіе полудня, какъ со стороны Инженернаго За́мка, показалась масса всадниковъ скакавшихъ вдоль Мойки къ мѣстамъ расположенія кавалеріи; то были офицеры ото всѣхъ кавалерійскихъ частей, составлявшіе почетный конвой Ихъ Величествъ при слѣдованіи отъ вокзала желѣзной дороги къ мѣсту Высочайшаго смотра. Впереди Царскаго экипажа все время ѣхалъ градоначальникъ Барановъ. Выйдя изъ экипажа у Иженернаго За́мка, Государь Императоръ изволилъ сѣсть верхомъ на подведеннаго Его Величеству сѣраго коня; принявъ рапортъ отъ Августѣйшаго Командующаго парадомъ и въ сопутствіи Его Высочества и многочисленной блестящей свиты, ожидавшей Государя, Его Величество направился на Марсово Поле. Государыня Императрица вмѣстѣ съ Великою Княгиней Маріей Павловной изволили занять мѣсто въ открытой двухмѣстной коляскѣ запряженной парой вороныхъ лошадей съ однимъ жокеемъ верхомъ и двумя жокеями ѣхавшими верхомъ позади. Черная англійская упряжь съ золотымъ наборомъ и фонари коляски были покрыты чернымъ флеромъ. Государь Императоръ ѣхалъ впереди въ мундирѣ общей генеральной формы съ Андреевскою лентой черезъ плечо. Непосредственно за Его Величествомъ слѣдовалъ экипажъ Государыни Императрицы. Ея Величество и Великая Княгиня Марія Павловна были въ глубокомъ траурѣ. Какъ скоро Государь Императоръ, въ сопутствіи Государыни Императрицы и блестящей свиты, среди которой находились чрезвычайные послы турецкій и персидскій, а также послы германскій и австро-венгерскій, показался на мостикѣ ведущемъ къ Марсовому Полю, все заколыхалось. Раздались командныя слова. Войска первой линіи взяли на караулъ. Начался Царскій объѣздъ. Государь Императоръ изволилъ слѣдовать вдоль линіи пѣхоты шагомъ, привѣтствуя каждую отдѣльную часть. Послѣ отвѣтнаго привѣтствія Монарху, Которому впервые войска имѣли счастіе представляться, слѣдовало восторженное *ура* слившееся со звуками народнаго гимна, которые не переставали оглашать воздухъ въ продолженіе всего объѣзда. При проѣздѣ Государя Императора въ близкомъ разстояніи отъ трибунъ занятыхъ публикой, къ перекатному *ура* войскъ присоединилось громкое единодушное *ура* зрителей Высочайшаго парада. Линіи кавалеріи Его Величество изволилъ объѣзжать галопомъ. По окончаніи объѣзда, продолжавшагося 20 минутъ, Государь Императоръ изволилъ мимо дворца Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго подъѣхать къ Царскому шатру. Ея Величество и Великая Княгиня Марія Павловна выйдя изъ коляски изволили занять мѣсто въ шатрѣ въ которомъ уже находились Наслѣдникъ Цесаревичъ, Августѣйшій братъ его Георгій Александровичъ, Великая Княгиня Ольга Θеодоровна и прочіе члены Царской Семьи. Государь со свитой изволилъ стать по правую сторону шатра. По командѣ объ открытіи церемоніальнаго марша всѣ линіи отступили назадъ. Затѣмъ началось церемоніальное шествіе. Когда конвой Его Величества, открывавшій шествіе, подошелъ шаговъ на 150 къ шатру, Государь изволилъ приблизиться къ нему, и шествіе продолжалось имѣя во главѣ Его Величество. Поровнявшись съ шатромъ Государь Императоръ изволилъ отсалютовать Государынѣ Императрицѣ. Затѣмъ Государь занялъ свое мѣсто противъ шатра. Пѣхота проходила только одинъ разъ шагомъ. Церемоніальный маршъ пѣхоты продолжался 25 минутъ. Далѣе проходили пѣшая артиллерія по батарейно съ посаженною прислугой. Ровно въ часъ пополудни началось прохожденіе кавалеріи. Во главѣ кавалеріи шелъ конвой Его Величества, у самаго шатра пущенный въ карьеръ. Весьма эффектно было зрѣлище скачущихъ конвойцевъ въ своихъ національныхъ и нарядныхъ костюмахъ, на породистыхъ степныхъ коняхъ; у нѣкоторыхъ офицеровъ вышитые золотыми узорами вальтрапы могли бы быть украшеніемъ любой художественной выставки. Регулярная кавалерія имѣла сегодня также случай выказать свое блестящее состояніе: отчетливость движенія при самыхъ разнообразныхъ аллюрахъ, которые угодно было Его Величеству назначить, была безукоризненна. Въ большинствѣ случаевъ приходилось такъ что Государь назначалъ раз-

нымъ эскадронамъ въ одномъ и томъ же полку разные аллюры. За кавалеріей, проходившею также подобно пѣхотѣ одинъ разъ, слѣдовала конная артиллерія. Общей атаки всей кавалеріи на шатеръ, бывшей завершеніемъ прежнихъ майскихъ парадовъ, на этотъ разъ исполнено не было. Парадъ окончился въ часъ 25 минутъ пополудни. Почти всѣ отдѣльныя части войскъ при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ были осчастливлены милостивымъ одобреніемъ Государя Императора, но, независимо отъ того, Высочайшая благодарность была выражена по окончаніи парада всѣмъ начальникамъ частей. Въ милостивомъ обращеніи ко всѣмъ начальствующимъ, собравшимся вокругъ Его Величества, Государь Императоръ, въ лицѣ ихъ, поблагодаривъ войска за усердную службу, изволилъ указать на удручающее чувство скорби при мысли что годъ тому назадъ эти войска имѣли счастіе являться на смотръ возлюбленнаго Родителя Его Величества, столь недавно погибшаго мученическою смертію. При восторженныхъ кликахъ *ура*, ихъ Величества, въ сопутствіи остальныхъ Царственныхъ Особъ, изволили отбыть во дворецъ Принца Ольденбургскаго, гдѣ былъ сервированъ для Августѣйшихъ Гостей обычный послѣ майскаго парада завтракъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 29 апрѣля. Сегодня въ четвертомъ часу пополудни, Государь Императоръ прибылъ въ коляскѣ къ мѣсту катастрофы 1 марта, вмѣстѣ съ Государыней Императрицей и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Помолившись у часовни, Ихъ Величества, при восторженныхъ привѣтствіяхъ собравшагося народа, изволили отбыть по направленію Аничкова Дворца.

Б.

На дняхъ Французская палата депутатовъ соберется послѣ пасхальныхъ вакацій въ послѣдній разъ предъ общими выборами. Ей придется немедленно приступить къ обсужденію закона отъ котораго будетъ зависѣть не только внутренняя, но и внѣшняя политика Франціи, и въ которомъ слѣдовательно заинтересованы не одни Французы. Законъ этотъ касается системы депутатскихъ выборовъ и тѣсно связанъ съ будущею ролью вліятельнѣйшаго человѣка во Франціи, Леона Гамбетты.

Въ настоящее время дѣйствуетъ избирательный законъ 1873 года, на основаніи котораго каждый департаментскій округъ или уѣздъ посылаетъ своего особаго представителя въ палату депутатовъ. Но въ виду того что плотность населенія этихъ уѣздовъ чрезвычайно разнообразна, упомянутый законъ опредѣлилъ чтобъ уѣзды имѣющіе болѣе 100.000 жителей выбирали двухъ депутатовъ и для этой цѣли подраздѣлялись на два отдѣльные избирательные округа; уѣзды съ числомъ жителей превосходящимъ 200.000 должны дѣлиться на три избирательные округа и посылаютъ трехъ депутатовъ и т. д. Въ силу этого закона, вся европейская Франція раздѣлена на 526 избирательныхъ округовъ, имѣющихъ каждый своего отдѣльнаго представителя въ палатѣ депутатовъ. Около двухъ третей этихъ округовъ стоятъ за республику, одна треть за бонапартистовъ или роялистовъ.

Если предстоящіе выборы будутъ произведены на основаніи теперешняго закона, то число республиканскихъ депутатовъ по всѣмъ вѣроятіямъ не уменьшится, а скорѣе нѣсколько усилится. Поэтому на первый взглядъ кажется непонятнымъ почему Гамбетта, стремящійся, по крайней мѣрѣ на словахъ, къ упроченію республики, недоволенъ настоящею системой выборовъ по округамъ (scrutin d'arrondissement), и почему онъ поручилъ своему другу Барду внести въ палату проектъ избирательной реформы. Дѣло однако въ томъ что республиканскіе депутаты, составляющіе, какъ мы только что сказали, около двухъ третей всѣхъ представителей Франціи, не находятся между собой въ тѣсной, неразрывной связи, а раздѣлены на нѣсколько партій, изъ которыхъ партія *оппортунистовъ*, или партія слѣпо преданная Гамбеттѣ, располагаетъ лишь весьма слабымъ большинствомъ голосовъ сравнительно съ прочими республиканскими партіями, которыя, соединяясь по своимъ соображеніямъ то между собой то съ монархистами, всегда могутъ составить искусственное большинство и нанести пораженіе оппортунистамъ. Вотъ главная причина почему Гамбетта до сихъ поръ такъ упорно отказывался отъ какого бы то ни было министерскаго портфеля. Онъ очевидно рѣшился идти къ власти не спѣшными, но вѣрными шагами и взять въ свои руки управленіе Франціей только когда палата де-

путатовъ не будетъ грозить ему непріятными запросами и выраженіями недовѣрія; онъ, слѣдовательно, не прочь быть министромъ-президентомъ, но только съ тѣмъ условіемъ чтобы никогда не подавать въ отставку.

Для того чтобы достигнуть этой цѣли, Гамбетта рѣшился теперь же принять мѣры чтобы новая палата депутатовъ, которая соберется осенью послѣ общихъ выборовъ, содержала въ себѣ совершенно ничтожный процентъ монархистовъ и самое незначительное меньшинство республиканцевъ не принадлежащихъ къ его партіи. А для этого онъ задумалъ провести слѣдующую избирательную реформу.

Замѣтивъ что почти въ каждомъ департаментѣ больше республиканскихъ избирательныхъ округовъ чѣмъ монархическихъ, онъ сообразилъ что если выборы будутъ происходить не по округамъ, а по департаментамъ, то республиканская партія имѣя въ департаментѣ большее число голосовъ „задушитъ“ монархическихъ избирателей. На основаніи этихъ соображеній, онъ предложилъ палатѣ чрезъ своего друга Барду отмѣнить выборы по округамъ и ввести вмѣсто нихъ выборы по департаментамъ или, какъ ихъ называютъ, „выборы по департаментскому списку“ (scrutin de liste). На основаніи этого новаго закона, каждый департаментъ долженъ будетъ выбирать по одному депутату на каждые 70.000 жителей, причемъ всякая дробь отъ 1 до 69.000) будетъ давать право на лишняго представителя. Такимъ образомъ число депутатовъ европейской Франціи увеличится съ 526 до 568, и изъ нихъ, по разчетамъ Гамбетты, громадное, подавляющее большинство будетъ принадлежать къ партіи оппортунистовъ. Эти разчеты основаны на предполагаемомъ практическомъ примѣненіи новаго закона.

Если мы для примѣра возьмемъ какой-нибудь департаментъ имѣющій *семь* избирательныхъ округовъ, изъ коихъ *три* монархическіе и *четыре* республиканскіе, то при теперешней системѣ окружныхъ выборовъ департаментъ этотъ былъ бы представленъ въ палатѣ тремя монархическими и четырьмя республиканскими депутатами, такъ какъ каждый округъ имѣлъ бы своего собственнаго представителя. Но при новомъ законѣ все это измѣнится. Въ главномъ городѣ департамента каждая партія составитъ списокъ изъ семи кандидатовъ, и округи будутъ подавать голосъ не за *одного* кандидата, а за цѣлый департаментскій списокъ. Въ такомъ случаѣ *три* округа примутъ монархическій списокъ, а *четыре*—республиканскій; а такъ какъ четыре больше трехъ, то республиканскіе округи одержатъ побѣду надъ монархическими, весь департаментъ будетъ считаться принявшимъ республиканскій списокъ и будетъ слѣдовательно представленъ въ палатѣ семью республиканскими депутатами. Монархисты слѣдовательно попадутъ въ палату лишь въ томъ случаѣ если въ какомъ-нибудь департаментѣ большинство округовъ будетъ на ихъ сторонѣ; но такихъ департаментовъ во Франціи очень мало.

Для Гамбетты, однако, какъ мы видѣли, недостаточно чтобы монархистовъ было въ палатѣ ничтожное количество; ему необходимо чтобъ и тѣ республиканцы которые ему не сочувствуютъ не имѣли возможности мѣшать его политикѣ, чтобы слѣдовательно и ихъ было какъ можно меньше въ палатѣ депутатовъ. Съ этою цѣлію онъ думаетъ подвергнуть строгому контролю республиканскіе списки кандидатовъ и не допускать, по возможности, внесенія въ эти списки такихъ лицъ на поддержку которыхъ ему въ послѣдствіи нельзя будетъ разчитывать. Имѣя во всѣхъ главныхъ департаментскихъ городахъ вполнѣ преданныхъ ему друзей, онъ чрезъ нихъ будетъ вліять на составленіе кандидатскихъ списковъ, а для нѣкоторыхъ департаментовъ онъ вѣроятно лично составитъ списки въ Парижѣ изъ знакомыхъ ему вѣрныхъ людей.

Несправедливость новаго закона очевидна. Цѣлая масса избирательныхъ округовъ не будетъ имѣть соотвѣтствующихъ ихъ убѣжденіямъ представителей въ палатѣ; существующая теперь тѣсная связь между избирателями и ихъ депутатомъ будетъ порвана и Французы будутъ принуждены давать депутатскія полномочія не лично имъ извѣстнымъ людямъ, а незнакомцамъ, Богъ знаетъ почему попавшимъ въ кандидатскіе списки. За то новая система будетъ имѣть именно ту выгоду которой добивается Гамбетта: она создастъ *ложный* парламентъ, но за то парламентъ *послушный* и *однородный*, съ которымъ легко и пріятно будетъ управлять Франціей.

Тогда-то Гамбетта возьметъ наконецъ въ свои руки бразды правленія въ качествѣ министра-президента, и тогда Французская республика вступитъ въ совершен-

но новый періодъ своего развитія. Какова будетъ внѣшняя политика Гамбетты предсказать конечно трудно, но что съ минуты его вступленія въ государственное управленіе столкновеніе Франціи съ Германіей станетъ на очередь европейскихъ вопросовъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Но также несомнѣнно и то что Гамбетта, умудренный опытомъ прошлой кампаніи, не отважится на столь смѣлое предпріятіе не заручившись сильнымъ и надежнымъ союзникомъ; поэтому ему придется вывести Францію изъ того равнодушія къ европейскимъ дѣламъ въ которое она погрузилась за послѣднее время. Такимъ образомъ, если Гамбеттѣ удастся въ маѣ мѣсяцѣ провести задуманную имъ избирательную реформу, то очень легко можетъ быть что съ будущей осени въ Европѣ возникнутъ новыя и совершенно неожиданныя политическія усложненія которыя по необходимости въ большей или меньшей степени отразятся на всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Но удастся ли ему дѣйствительно провести эту реформу? Этого никто не можетъ сказать именно вслѣдствіе того что теперешняя палата, избранная на основаніи закона 1873 года, до такой степени раздѣлена на мелкія партіи что всякіе разсчеты основанные на искусственной комбинаціи этихъ партій чрезвычайно сомнительны. Реформа, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ принята или отвергнута большинствомъ какихъ-нибудь пяти-шести голосовъ.

№ 119.

Москва, 30-го апрѣля.

Въ послѣднее время общимъ лозунгомъ было: не нужно конституціи, нужно только представительство. Это почти то же что̀ и недавній крикъ по другому, болѣе скромному, учебному вопросу: сокрушить безъ ломки. Между конституціей и представительствомъ не болѣе разницы чѣмъ между ломкой и крушеніемъ. Это шагъ болѣе или менѣе широкій на пути ослабленія власти. Конституція и какое бы то ни было выборное государственное представительство въ настоящую пору, при данныхъ обстоятельствахъ, это совершенно одно и то же. Это будетъ началомъ исполненія программы такъ-называемаго интернаціональнаго общества, поставившаго своею главною задачей „уничтожить самодержавіе въ Россіи, *anéantir l'absolutisme de la Russie*.“ Кто хочетъ вывести насъ на этотъ путь именно въ эту минуту, тѣ знаютъ куда онъ ведетъ. Скажутъ, можно остановиться на пути гдѣ будетъ умѣстно и благовременно. Напрасно. Еслибы мы теперь, даже теперь не оказались достаточно сильными чтобы воздержаться, то какимъ образомъ будемъ мы сильнѣе послѣ того какъ уже двинемся на путь ослабленія, и гдѣ тотъ пунктъ благополучія на которомъ могли бы мы остановиться и сказать: доселѣ и не дальше. Какой видъ на этомъ пунктѣ представитъ Россія? Богъ, мы вѣримъ, въ концѣ концовъ спасетъ наше отечество; но чего будетъ стоить это испытаніе, на которое его толкаютъ одни въ откровенныхъ видахъ конечнаго разрушенія, другіе въ неразумной податливости на всякое вѣяніе, не отдавая себѣ отчета чего хотятъ. Мы знаемъ Русскій народъ, знаемъ его исторію, знаемъ чѣмъ онъ силенъ, мы знаемъ также что̀ намъ теперь нужно. Намъ нужно теперь именно то чѣмъ во всѣхъ своихъ сословіяхъ всегда былъ силенъ Русскій народъ. Онъ всегда былъ силенъ своимъ патріотическимъ духомъ, своею единодушною преданностію Престолу, чувствомъ своего безусловнаго, „абсолютнаго“ единства съ Царемъ. Это сила испытанная, сила великая, сила создавшая Россію и возвысившая ее. Только этой силѣ обязаны мы нашимъ національнымъ могуществомъ. Ей мы обязаны нашимъ спасеніемъ во всѣхъ испытаніяхъ, къ ней стало-быть и теперь должны мы обратиться и въ ней искать опоры. На русскую патріотическую партію, если только это партія, вотъ на что̀ единственно можетъ опереться наше правительство или вотъ какой партіи должно быть наше правительство.

Какой же злой духъ побуждаетъ насъ оставить эту испытанную силу и искусственно вызывать въ нашемъ народѣ то что̀ нигдѣ не есть сила, что̀ вездѣ есть слабость и у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь? Что̀ могло бы заставить насъ и притомъ именно въ эту минуту призывать къ дѣятельности новый, небывалый въ нашей исторіи элементъ шатанія и смуты какой всегда и вездѣ представляютъ мнѣнія людскія вѣтромъ колеблемыя, вѣтромъ носимыя? Зачѣмъ между Верховною Властію и народомъ, который не отдѣляетъ себя отъ

нея и видитъ въ ней свое истинное и единственное представительство, втирать какое-то еще представительство, создавать партіи и предавать ихъ игрѣ интересы государственной пользы и народнаго блага? Есть почтенныя лица которыя предлагаютъ представительство въ маломъ и скромномъ видѣ, не рѣшающее, а якобы только совѣщательное и т. д. Но если это дѣло нужное и полезное, то зачѣмъ давать его въ маломъ и недостаточномъ пріемѣ? Если же это дѣло неполезное, то зачѣмъ начинать его? Въ дѣлѣ государственномъ что̀ не нужно, то вредно. Мы возбудимъ страсти, раздражимъ умы, направимъ ихъ въ фальшивую сторону, и вмѣсто благодарности за желаніе угодить имъ и потѣшить ихъ навлечемъ на себя ихъ ненависть и вмѣстѣ презрѣніе. Недавно была сдѣлана злосчастная попытка создать какую-то конституцію среди университетской молодежи. Всѣмъ извѣстно чѣмъ кончилась эта попытка. Если судить по тону нѣкоторыхъ газетъ принимающихъ замашки официальныхъ органовъ, можно пожалуй подумать что и въ самомъ дѣлѣ замышляется повторить попытку въ громадныхъ размѣрахъ, не надъ нѣсколькими сотнями молодыхъ людей, но надъ цѣлымъ народомъ, и бросить въ эту игру не университеты, а цѣлое общество.

Что такое представительство которое намъ съ разныхъ сторонъ рекомендуютъ? Въ какихъ бы размѣрахъ, силѣ и формѣ ни замышлять его, оно всегда окажется искусственнымъ и поддѣльнымъ произведеніемъ и всегда будетъ болѣе закрывать собою, нежели открывать народъ съ его нуждами. Оно будетъ выраженіемъ не народа, а чуждыхъ ему партій и неизбѣжно станетъ орудіемъ ихъ игры, которою такъ легко овладѣваетъ всякаго рода интрига. Боже избави насъ отъ партій и очисти отъ ихъ игры наши правительственныя сферы! Правительство свободное отъ духа партій и достойное самодержавной власти Русскаго Царя, покрывающей народъ въ его цѣлости, вотъ что̀ было бы теперь нашимъ первымъ и истиннымъ прогрессомъ. А добрые люди напротивъ совѣтуютъ намъ внести растлѣвающій духъ партій, интриги и обмана въ самыя нѣдра народа.

Правительству необходимо сближеніе съ народомъ, но для этого требуется обратиться къ нему непосредственно, а не чрезъ правительство какое бы то ни было, узнавать нужды страны прямо отъ тѣхъ кто ихъ испытываетъ и кто свидѣтельствуетъ о нихъ не по прокураціи, а самолично. Устроить такъ чтобы голосъ народныхъ потребностей, не фиктивныхъ, а дѣйствительныхъ, достигалъ престола безо всякой посторонней примѣси,—вотъ задача достойная правительства Самодержавнаго Монарха, вотъ вѣрный шагъ на пути истиннаго прогресса. Каждый день имѣетъ свою заботу. Въ чемъ забота нынѣшняго дня? Правительство борется съ крамолой которая выросла изъ ничтожества и стала зломъ опаснымъ для государства. Мы не можемъ правильно и спокойно вести наши дѣла пока не справимся съ этою язвой. Очистить отъ нея нашу страну, вотъ въ настоящее время наша народная нужда. Помогутъ ли намъ въ этой нуждѣ разныя говорильни? Пустословіемъ ли могутъ пособить намъ народныя силы? Если содѣйствіе ихъ нужно,—а оно несомнѣнно нужно,—то потребуемъ отъ нихъ не словъ, не мнѣній, не отвлеченностей, а дѣла... Онѣ могутъ оказать правительству драгоцѣнное, незамѣнимое содѣйствіе къ успокоенію страны, если оно успѣетъ организовать ихъ въ каждой мѣстности подъ ближайшимъ руководствомъ и вѣдѣніемъ властей, дабы охранить массы отъ обмановъ и пресѣчь всѣ пути злоумышленному заговору.

№ 120.

Москва, 1-го мая.

На дняхъ 6 мая (24 апрѣля), одновременно въ обоихъ органахъ германскаго канцлера, въ *Post* и въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, появилась коротенькая, явно официозная замѣтка по поводу заключенія парламентской коммиссіи обсуждавшей одинъ изъ послѣднихъ законопроектовъ: „Имперскому правительству вовсе не желательно чтобы къ законопроектамъ дѣлались поправки въ духѣ партикуляризма, на постепенное усиленіе котораго неоднократно указывалъ имперскій канцлеръ, приписывая это явленіе розни между тѣми элементами изъ коихъ онъ разчитывалъ составить твердое парламентское большинство.“

Эта замѣтка не есть только выраженіе недовольства князя Бисмарка случайнымъ

рѣшеніемъ парламентской коммиссіи или маневръ съ цѣлью добиться отъ парламента возстановленія первоначальнаго, правительственнаго текста законопроекта. Это скорѣе аппеляція къ общественному мнѣнію въ виду предстоящихъ выборовъ. Въ послѣднее время партикуляризмъ, пользуясь нерасположеніемъ ко князю Бисмарку большинства палаты, такъ рѣзко констатированнымъ въ рѣчи Беннигсена, и входя въ сдѣлки то съ клерикалами, то съ прогресисстами, то съ фритредерами, причиняетъ не мало хлопотъ германскому канцлеру, особенно съ прошлаго лѣта. Ни одинъ изъ предлагаемыхъ имъ законопроектовъ не проходитъ благополучно: то палата большинствомъ вотируетъ противъ правительственнаго предложенія; то измѣнитъ существенныя статьи законопроекта въ духѣ правительству нежелательномъ; то, наконецъ, дѣло откладывается въ долгій ящикъ посредствомъ передачи въ особую коммиссію не успѣвающую окончить занятій въ теченіе сессіи. И такая судьба постигаетъ именно тѣ законопроекты которымъ князь Бисмаркъ придаетъ особенное значеніе. Прошлымъ лѣтомъ былъ отвергнутъ законопроектъ о развитіи торговыхъ и мореходныхъ сношеній съ Австраліей образованіемъ тамъ колоніи, и въ то же время въ парламентѣ возбуждены пренія и предложена резолюція оспаривавшая право правительства включить Альтону и часть Гамбургской территоріи въ таможенную черту на основаніи одного рѣшенія Союзнаго Совѣта, безъ согласія палаты. Направленный къ примиренію съ католиками законопроектъ объ измѣненіи майскихъ законовъ, несмотря на доводы князя Бисмарка, измѣненъ такъ что почти вовсе не достигъ своей цѣли; не оставлены безъ существенныхъ сокращеній, даже чисто военные законы, такъ что проектированный правительствомъ, съ цѣлію обезпечить комплектованіе арміи въ военное время, призывъ къ обученію лицъ зачисляемыхъ въ первый разрядъ рекрутскаго резерва обратился почти въ игрушку, которой въ военныхъ кругахъ Германіи не придаютъ почти никакого значенія. Законъ о военномъ налогѣ при второмъ чтеніи вовсе отвергнутъ. О торговыхъ законахъ и говорить нечего: чтобы проводить ихъ неискалѣченными, князь Бисмаркъ долженъ былъ создать новое учрежденіе, Народно-Хозяйственный Совѣтъ, авторитетъ котораго имѣлъ бы особую силу въ глазахъ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ и потому такъ или иначе вліялъ бы на рѣшенія парламента. Но безъ хлопотъ такое учрежденіе удалось создать только въ Пруссіи. Когда же зашла рѣчь объ имперскомъ Народно-Хозяйственномъ Совѣтѣ, партикуляристы нашли доступъ и въ Союзный Совѣтъ, добиваясь чтобы каждое изъ самыхъ мелкихъ государствъ имѣло въ Народно-Хозяйственномъ Совѣтѣ своего особаго представителя. Устранить эту затѣю имперскому канцлеру удалось только войдя въ непосредственныя сношенія съ союзными правительствами. На дняхъ окончила свои занятія особая коммиссія разрабатывавшая проектъ общеимперскаго военнаго судопроизводства, и партикуляристы уже поспѣшили заговорить о томъ что законопроектъ этотъ не можетъ быть внесенъ въ палату безъ предварительнаго спеціальнаго соглашенія съ тѣми изъ отдѣльныхъ правительствъ кои имѣютъ особыя военныя министерства, то-есть съ Баваріей, Виртембергомъ и Саксоніей.

Закону о страхованіи рабочихъ, на случай увѣчій на фабрикахъ работающихъ машинами, князь Бисмаркъ придаетъ, какъ извѣстно, особенно важное значеніе, какъ первой въ ряду мѣръ противъ соціалистовъ; онъ видитъ въ немъ средство къ устраненію устраиваемыхъ и поддерживаемыхъ ими союзовъ рабочихъ и разныхъ кассъ. Чтобы предположенная канцлеромъ задача могла осуществиться, необходимо устройство имперскаго правительственнаго страховаго учрежденія, куда поступали бы всѣ обязательныя страховыя преміи: парламентская коммиссія именно статьи объ этомъ страховомъ учрежденіи исключила изъ законопроекта предоставляя каждому изъ отдѣльныхъ государствъ Германіи имѣть особое страховое учрежденіе.

Парламентская борьба очевидно все болѣе обостряется: чтобъ имѣть на своей сторонѣ большинство имперскому канцлеру предстоитъ на выборъ—или примириться съ націоналъ-либералами, сдѣлавъ имъ уступки въ видѣ послабленія въ таможенныхъ законахъ и порядкахъ, или сблизиться съ клерикалами, требующими за это полной отмѣны майскихъ законовъ. Но князь Бисмаркъ не желаетъ ни того, ни другаго; уступить фритредерамъ онъ не можетъ въ виду тяжелаго экономическаго и финансоваго положенія страны; уступить

клерикаламъ—значитъ пойти въ Каноссу послѣ гордаго заявленія въ парламентѣ: „въ Каноссу мы не пойдемъ и такою монетою за миръ не заплатимъ, потому что такая монета въ Германіи не чеканится.“ Имперскій канцлеръ ищетъ побѣдить затрудненія инымъ, обходнымъ путемъ. Сначала онъ пробовалъ вліять личнымъ своимъ авторитетомъ, грозя отставкой; но угроза эта, часто повторяемая, хотя донынѣ и съ неизмѣннымъ успѣхомъ, стала дѣйствовать слабѣе. Неуступчивый канцлеръ избираетъ другой пріемъ, прямо направленный къ ослабленію парламентаризма становящагося бременемъ. Князь Бисмаркъ, до сихъ поръ постоянно жаловавшійся на крайнее утомленіе, вдругъ въ настоящемъ году почувствовалъ себя бодрымъ и крѣпкимъ и прямо заявилъ что въ отставку онъ никогда не выйдетъ, что хорошъ ли онъ или дуренъ, съ этимъ надо мириться, и что наконецъ онъ не отступитъ никогда отъ разъ избраннаго пути ведущаго, по его мнѣнію, ко благу Германіи. Нужно де, напротивъ, облегчить его трудъ и собирать рейхстагъ не каждый годъ, утверждая бюджетъ разомъ на два года. Трудно было ждать согласія палаты на такую мѣру, и проектъ объ измѣненіи имперской конституціи въ этомъ смыслѣ уже отвергнутъ при второмъ чтеніи. Но у канцлера готово еще новое средство борьбы: онъ обѣщаетъ перенести правительственный центръ въ Кассель, чтобъ избавиться отъ преобладающаго вліянія Берлина и подкрѣпляетъ угрозу дѣйствіемъ: проектъ постройки зданія для рейхстага въ Берлинѣ, по его настоянію, положенъ подъ сукно...

№ 121.

Москва, 2-го мая.

А.

Извѣстія приходящія изъ Кіева болѣе и болѣе выясняютъ что послѣдніе безпорядки въ этомъ городѣ и вообще на югѣ имѣютъ политическую подкладку и суть дѣло рукъ той же крамолы съ которою намъ такъ еще недавно усиленно предлагали помириться, исполнивъ ея желанія, и которой мы дали, толкуя о правахъ и забывая объ обязанностяхъ, такъ укрѣпиться въ силѣ и дерзости. „Либеральная пресса“ и главнымъ образомъ *Порядокъ* усердно старались выставить что безпорядки на югѣ не имѣютъ политическаго характера: „о политическихъ (мотивахъ), говорила эта газета, въ настоящемъ случаѣ, конечно, не можетъ быть рѣчи.“ Докторальный органъ польско-русскаго либерализма глубокомысленно усматривалъ источникъ столкновеній въ экономическихъ условіяхъ, въ „накопляющемся исподоволь недовольствѣ,“ вслѣдствіе, конечно, отсутствія „правоваго порядка,“ и наконецъ во вліяніи газетъ держащихся кому-то такъ ненавистнаго русскаго направленія въ Россіи. Извѣщая о пріѣздѣ въ Елисаветградъ „товарища прокурора Ржевускаго съ нѣсколькими кандидатами на судебныя должности,“ *Порядокъ* даже рекомендовалъ суду „безпристрастно изслѣдовать“ связь происшествія съ какими-то статьями *Новороссійскаго Телеграфа* что-то будто бы писавшаго въ духѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, а будущей защитѣ на судѣ участниковъ безпорядковъ указывалъ искать „смягчающихъ обстоятельствъ въ томъ настроеніи которое можетъ внушаться массамъ литературными тенденціями осуждаемыми во всѣхъ образованныхъ обществахъ безъ различія партій.“ Кіевскія событія показываютъ что буйную толпу пригнали не безплотныя литературныя тенденціи, а весьма реальные подстрекатели съ плотью и кровью, и что если у вожаковъ прибывшихъ съ сѣвера и есть какія литературныя тенденціи, то связь ихъ не съ тою печатью которая такъ ненавистна *Порядку*. Дѣло и въ Елисаветградѣ и въ Кіевѣ велось ловко. Очевидно что между крестьянами изъ окрестностей Елисаветграда, съ разныхъ сторонъ прибывшими въ городъ, и среди черни въ Кіевѣ и прилежащихъ къ нему мѣстностяхъ было разсѣяно множество агентовъ тайной справы. Дѣйствовали по приказу, съ большою исполнительностію. Выходили по сигналамъ, грабили по плану. Въ грабежѣ была своего рода „тенденція“—разрушеніе собственности. Неистовствъ съ людьми было немного. Били не жидовъ, а жидовскую собственность. Точно имѣлось въ виду сдѣлать опытъ соціалистскаго бунта, изъ массы потерпѣвшихъ создать разоренный, недовольный классъ, и, главное, замутить всѣ экономическія отношенія въ краѣ, гдѣ такую важную роль играетъ дѣятельность

Евреевъ, — польское наслѣдіе, — вредныя стороны которой могутъ быть исправлены, конечно, не побоищемъ, и разореніемъ. Очевидцы сообщаютъ что буйствовавшая въ Кіевѣ толпа не была особенно многочисленна, но между зрителями можно было замѣтить не мало фигуръ съ „интеллигентнымъ“ обличіемъ, въ широкихъ поярковыхъ шляпахъ, высокихъ сапогахъ и блузахъ. Субъекты эти поощрительно слѣдили за просходившимъ предъ ихъ глазами. На нѣкоторыхъ изъ захваченныхъ были найдены прокламаціи, а въ помѣщаемой ниже корреспонденціи сообщается что на Андреевской Горѣ заарестована тайная типографія, причемъ захвачены пятнадцать „дѣятелей“ и масса прокламацій самаго возмутительнаго содержанія обѣщающихъ распространить погромъ и на не-Евреевъ. Петербургскія газеты указываютъ что обнаружено участіе въ безпорядкахъ со стороны „Южнаго рабочаго союза.“

Кіевскія корреспонденціи сильно сѣтуютъ на недостатокъ предупредительныхъ мѣръ и энергіи со стороны полиціи и властей. Въ Кіевѣ, какъ и въ Елисаветградѣ, призванная военная сила оставалась долго въ качествѣ зрительницы происходившихъ предъ нею безпорядковъ. Какія причины обусловили начальное бездѣйствіе кіевскихъ властей не знаемъ. Не должно, впрочемъ забывать что свидѣтельства идутъ отъ лицъ встревоженныхъ, и весьма возможно что въ нихъ есть доля преувеличенія. *Порядокъ* сопоставляетъ дѣйствіями кіевской администраціи съ дѣйствія одесской, но сопоставляетъ весьма оригинальнымъ образомъ. „Сдѣланное читаемъ въ этой газетѣ, во-время предупрежденіе что *администрація никогда не будетъ на сторонѣ насилій, во имя чего бы они не предпринимались*, и энергически подавитъ ихъ, сохранило порядокъ въ Одессѣ.“

Такого страннаго предупрежденія, какъ извѣстно, одесскій генералъ-губернаторъ не дѣлалъ, такъ какъ вѣроятно никому не приходило въ голову чтобъ администрація въ Одессѣ ли въ Кіевѣ ли, могла быть на сторонѣ избіенія Евреевъ. Устраненія такого дикаго подозрѣнія въ объявленіи одесскаго генералъ-губернатора не заключается. За то въ прокламаціяхъ найденныхъ, какъ упоминаетъ нашъ корреспондентъ (въ № 118 *Московскихъ Вѣдомостей*), на нѣкоторыхъ изъ захваченныхъ участниковъ въ Кіевскихъ безпорядкахъ, заключалось увѣреніе будто со стороны высшаго правительства послѣдовало разрѣшеніе избивать Жидовъ, а потому полиція и войско будутъ поставлены только для виду. Куріозное совпаденіе идей.

Б.

Гнусное злодѣяніе 1 марта, какъ извѣстно, побудило великія европейскія державы приступить къ дипломатическимъ переговорамъ съ цѣлью принятія общихъ международныхъ мѣръ для энергическаго и радикальнаго истребленія той варварской фанатической крамолы которая, подъ именемъ интернаціоналки и подъ руководствомъ польской „справы,“ раскинула свои сѣти по всему цивилизованному міру приноравливая свои преступныя средства къ національнымъ и политическимъ особенностямъ отдѣльныхъ странъ, но стремясь къ одной общей цѣли—къ полному политическому, соціальному и имущественному разгрому современнаго общества.

Къ какимъ результатамъ приведутъ эти дипломатическіе переговоры—пока еще невозможно предвидѣть, но есть основаніе полагать что эти результаты не будутъ имѣть вида жалкихъ, безполезныхъ полумѣръ основанныхъ на томъ ложномъ видѣ гуманности который предаетъ гибели милліоны людей изъ уваженія предъ невѣжественными, злодѣйскими „убѣжденіями“ отдѣльныхъ личностей. Напротивъ, можно надѣяться что предполагаемыя мѣры будутъ отличаться здравымъ политическимъ и практическимъ смысломъ и на самомъ дѣлѣ лишатъ презрѣнныхъ негодяевъ возможности безнаказанно совершать подъ личиной „политики“ свои отвратительныя преступленія. За практичность этихъ мѣръ ручается имя князя Бисмарка, который принимаетъ самое дѣятельное участіе въ начавшихся по его почину переговорахъ и конечно не пойдетъ по пути ложнаго гуманничанья. Ему, мы увѣрены, не уступитъ въ энергіи и наше правительство, несмотря на всѣ гнусныя „гуманныя“ теоріи нашихъ „либераловъ“, для которыхъ жизнь и свобода какого-нибудь „принципіальнаго“ негодяя дороже чѣмъ жизнь и безопасность царя и цѣлаго народа.

Можно было опасаться что третья изъ великихъ европейскихъ державъ, Англія отнесется къ начавшимся переговорамъ

равнодушно, а можетъ-быть даже постарается ихъ разстроить. Нигдѣ еще до сихъ поръ въ Европѣ такъ-называемое „право убѣжища“ не пользовалось такимъ широкимъ, полнымъ примѣненіемъ какъ въ Англіи, подававшей въ этомъ случаѣ авторитетный примѣръ маленькой Швейцаріи Еще всѣ помнятъ съ какою энергіей англійское министерство защищало въ 1853 году Кошута, Мадзини и Ледрю-Роллена, открыто пытавшихся организовать въ Лондонѣ, подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ, всеобщую континентальную революцію и допускавшихъ для этой цѣли всякія, даже самыя безчеловѣчныя средства. Но съ тѣхъ поръ прошло почти тридцать лѣтъ, и не только правительство, но и народъ Англіи, успѣли за это время измѣнить многое въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Не устоялъ прежній взглядъ „на извинительность политическихъ преступленій“ направленныхъ противъ иностранныхъ государствъ, и измѣнился въ томъ радикальномъ смыслѣ что противъ него, повидимому, не устоитъ и пресловутое „право убѣжища,“ не защищающее мелкаго карманнаго вора, но охраняющее какъ нѣкую святыню всякаго мерзавца поднявшаго свою преступную руку не на какое-нибудь частное лицо, а на человѣка съ которымъ тѣсно связана судьба цѣлаго народа, на царя.

До какой степени подобный нелѣпый взглядъ становится чуждымъ Англійскому правительству и народу ясно видно изъ той рѣчи которую произнесъ министръ внутреннихъ дѣлъ, сэръ-Вилліамъ Гаркортъ въ засѣданіи Палаты Общинъ 24 апрѣля (6 мая) въ отвѣтъ на запросъ поставленный депутатомъ Коуеномъ. Воспроизводимъ текстъ этой краткой рѣчи отличающейся необыкновенною ясностью и опредѣленностью и вызвавшей громкое одобреніе всей палаты:

„Отвѣчая на вопросъ досточтимаго члена палаты,“ такъ началъ сэръ-Гаркортъ, „я долженъ сказать что аресты соціалистовъ и другихъ лицъ произведенные въ Австріи не имѣютъ никакой связи съ процессомъ начатымъ въ Англіи противъ редактора Моста, и что Англійское правительство и англійская полиція не сообщали по этому поводу никакихъ свѣдѣній австрійскимъ властямъ. Но такъ какъ ко мнѣ здѣсь обратились съ запросомъ и настоящее дѣло имѣетъ чрезвычайную важность, то весьма желательно чтобы вы вполнѣ уяснили себѣ тотъ взглядъ котораго держится въ данномъ вопросѣ правительство.

„Что касается до меня, то я прямо заявляю что я никогда не былъ ослѣпленъ тѣмъ пагубнымъ софизмомъ (mischievous fallacy), утверждающимъ будто убійства замышляемыя тайными обществами составляютъ преступленія извинительныя и что ихъ нужно терпѣть и относиться къ нимъ какъ къ политическимъ проступкамъ. (*Рукоплесканія*). По моему мнѣнію, они не что̀ иное какъ обыкновенныя убійства (*новое одобреніе*) или покушенія на убійство, и нужно относиться къ нимъ согласно съ этимъ воззрѣніемъ. (*Рукоплесканія.*)

„Поэтому, если полиція нашей страны, при исполненіи своихъ обычныхъ обязанностей и въ примѣненіи англійскихъ законовъ, узнаетъ объ обстоятельствахъ подвергающихъ опасности погибнуть отъ руки убійцъ жизнь какого бы то ни было лица, все равно будетъ ли это государь или частный человѣкъ, будетъ ли это въ Англіи или за границей, полиція, по моему убѣжденію, обязана сообщить самыя точныя и цѣлесообразныя свѣдѣнія для того чтобы помѣшать исполненію преступленія. (*Громкія рукоплесканія.*) Мы ожидали бы совершенно такого же образа дѣйствій со стороны всякаго иностраннаго государства, если бы подверглась опасности жизнь нашей государыни и нашихъ соотечественниковъ, а то что̀ мы считаемъ обязанностью для другихъ, мы считаемъ и своимъ долгомъ и не преминемъ его исполнить.“ (*Рукоплесканія.*

Что этотъ ясный и категорически выраженный взглядъ не только принадлежитъ лично самому министру и правительству, но что его раздѣляетъ и англійское общество, въ этомъ насъ убѣждаютъ неудержимыя, громкія рукоплесканія которыми вся палата встрѣтила слова сэръ-Вилліама Гаркорта. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ и другое доказательство антипатіи Англичанъ къ тѣмъ преступленіямъ которыя замышляются и совершаются подъ предлогомъ „политическихъ убѣжденій.“

Процессъ начатый Англійскимъ правительствомъ противъ нѣмецкаго соціалиста Моста, издававшаго въ Лондонѣ газету *Freiheit*, въ которой восхвалялись убійцы нашего покойнаго Государя и призывались

къ дѣлу новые убійцы, далъ возможность познакомиться не только со взглядами правительственныхъ и парламентскихъ сферъ на это дѣло, но и со взглядами судебнаго сословія, англійской публики и печати. Всѣ высказались съ замѣчательнымъ единодушіемъ за преданіе преступнаго редактора строгому суду. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытенъ и убѣдителенъ приговоръ присяжныхъ предавшихъ Моста уголовному суду. Въ Англіи, какъ извѣстно, не только признаніе виновности, но и преданіе суду уголовнаго преступника зависитъ отъ вердикта присяжныхъ, которые въ послѣднемъ случаѣ составляютъ особый трибуналъ, именующійся Великимъ Жюри. Въ дѣлѣ Моста, обвинявшагося въ возбужденіи къ убійству, Великое Жюри нашло что улики собранныя противъ него вполнѣ достаточны для преданія его уголовному суду и присоединило къ этому слѣдующіе мотивы:

„Великое Жюри желаетъ выразить свое глубокое и единодушное убѣжденіе что обнародованіе въ Англіи подстрекательствъ къ убійству иностранныхъ государей и другихъ иноземцевъ составляетъ преступленіе варварское (*brutal*) и противное англійскимъ нравамъ (*un-English*), которое должно быть энергически преслѣдуемо англійскими властями.“

№ 123.

Москва, 4-го мая.

Ранѣе нежели можно было ожидать окончилась французская экспедиція въ Тунисѣ, безъ всякаго кровопролитія и съ такимъ „успѣхомъ“ какого едва ли ожидали и во Франціи самые горячіе приверженцы „активной“ внѣшней политики. Съ перваго взгляда можетъ казаться что такимъ образомъ благополучно устранено еще одно осложненіе Восточнаго вопроса и стало-быть имѣется лишняя гарантія сохраненія европейскаго мира, о чемъ, по крайней мѣрѣ по офиціальнымъ увѣреніямъ, такъ заботится „европейскій концертъ.“

Едва ли однако это такъ. Позволительно сомнѣваться что теперешній „блестящій успѣхъ“ Франціи сдѣлается новымъ залогомъ упроченія Европейскаго мира.

Придирка Франціи къ Тунису по поводу разбойничьихъ набѣговъ Крумировъ была съ самаго начала всѣми понята какъ предлогъ къ осуществленію давнихъ замысловъ Франціи расширить ея владѣнія по африканскому побережью Средиземнаго Моря. Эти поползновенія Франціи ближе всего затрогивали Италію, которая, благодаря „образцовому парламентаризму“ господствующему въ ней со времени объединенія страны, являло до сихъ поръ примѣръ полной политической немощи какъ во внѣшнихъ, такъ и въ собственныхъ дѣлахъ; но это не мѣшало италіянскимъ патріотамъ всячески мечтать о преобладающей роли къ которой Италія призвана въ будущемъ и провозглашать что Италія „не допуститъ“ чуждаго вторженія въ сферу своихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе Англія распорядилась Египтомъ по-своему вовсе уже не озабочиваясь италіянскими интересами; а когда Франція стала обнаруживать явное желаніе наложить руку на Тунисъ, Италія не могла не почувствовать что ея мечтаніямъ о будущемъ будутъ въ настоящемъ быстро обрѣзаны крылья. Италіянское правительство и италіянскій парламентъ пришли поэтому въ необычайное движеніе съ того момента какъ Франція затѣяла свою Тунисскую экспедицію. Италіянскія газеты вступили въ рѣзкую полемику и перебранку съ французскою печатью; италіянскій парламентъ, въ свою очередь, выразилъ свое недовѣріе кабинету Каироли, вслѣдствіе чего послѣдній, слѣдуя рутинѣ парламентаризма, подалъ въ отставку, но остался во власти по настоянію короля. А Франція пока продолжала свое дѣло, не особенно повидимому опасаясь чтобъ Италія была въ силахъ перейти отъ протестовъ къ дѣйствительному противодѣйствію.

Но и Англія, какъ оказывается, взирала далеко не равнодушно на французское предпріятіе. Правда, что въ 1878 году, когда покойный лордъ Биконсфильдъ обдѣлалъ дѣло на счетъ акцій Суэзскаго канала и Египетскій хедивъ былъ изгнанъ и замѣненъ болѣе сподручнымъ для Англіи правителемъ, графъ Солсбери соблазнилъ Францію, какъ теперь обнаружено, видами на то что Франціи, взамѣнъ потери ея вліянія въ Египтѣ, будетъ предоставлено распорядиться по своему усмотрѣнію въ Тунисѣ. Но когда Франція приступила къ осуществленію своего замысла касательно Туниса, Англія не осталась безучастною зрительницей и не выказала

готовности одобрить полнаго подчиненія Туниса французскому владычеству. Изъ заявленій Англійскаго правительства предъ парламентомъ въ отвѣтъ на неоднократные запросы по поводу послѣдней французской экспедиціи видно что Англійскій кабинетъ далеко не желалъ чтобы Тунисъ поступилъ подъ „протекторатъ“ Франціи.

Порта также не молчала, а заявила въ цѣломъ рядѣ циркуляровъ о *своихъ* верховныхъ правахъ на Тунисъ и даже обнаружила намѣреніе послать эскадру къ берегамъ Туниса для огражденія своихъ интересовъ.

Но Французское правительство всѣмъ этимъ не смутилось, и заручившись завѣреніемъ Германіи что она „отнюдь не будетъ препятствовать его планамъ насчетъ Туниса, каковы бы они ни были,“ дѣйствовало что называется на проломъ. Оно заявило Портѣ что не признаетъ верховныхъ правъ султана на Тунисъ и сочтетъ за *casus belli* посылку не только турецкой эскадры, но и одного военнаго корабля. Англію французскій министръ иностранныхъ дѣлъ успокоивалъ тѣмъ что Франція и не помышляла о превращеніи Туниса въ такую же французскую провинцію какъ Алжиръ, а на протестъ со стороны Италіи онъ даже и вниманія не обратилъ. Французскія войска высадились въ Тунисѣ; но вмѣсто того чтобы двинуться въ сторону крумирскихъ кочевокъ, они пришли на самую столицу Туниса и заняли предмѣстье ея, Бардо, въ которомъ имѣетъ свою резиденцію бей и все Тунисское правительство. Жалкое войско Тунисскаго бея не оказало Французамъ никакого противодѣйствія и французскій главнокомандующій вынудилъ бея подписать 12 мая договоръ съ Франціей, въ коемъ, правда, не упомянуто о томъ что Тунисъ поступаетъ подъ протекторатъ Франціи, но который, по содержанію своему, вполнѣ соотвѣтствуетъ полному установленію верховной власти Франціи надъ Тунисомъ. Текстъ этого трактата еще не обнародованъ; но въ засѣданіи Французскаго сената 13 мая министръ-президентъ Ферри изложилъ важнѣйшая постановленія онаго, которыя заключаются въ слѣдующемъ: военное занятіе тѣхъ позицій кои французскія военныя власти найдутъ нужными для безопасности границъ и береговъ; Франція гарантируетъ бею безопасность его личности, государства и династіи; Франція считаетъ себя поручительницей по заключеннымъ беемъ съ европейскими государствами трактатамъ; бей обязуется не заключать впредь никакого международнаго договора безъ предварительнаго согласія Франціи; Французская дипломатія принимаетъ на себя представительство тунисскихъ интересовъ по отношенію къ иностраннымъ государствамъ; Франція регулируетъ тунисскую финансовую систему „въ согласіи съ беемъ;“ непокорныя племена должны уплатить Франціи военную контрибуцію, въ исправной уплатѣ коей бей принимаетъ на себя поручительство.

Въ циркулярной нотѣ разосланной г. Бартелеми-Сентъ-Илеромъ за два дня до подписанія указаннаго трактата, приведены мотивы въ силу коихъ Французское правительство считаетъ себя въ правѣ распорядиться такимъ образомъ съ Тунисомъ. Здѣсь прямо говорится что Франція считаетъ Тунисъ страною въ которой ея интересы преобладаютъ, и указывая на благодѣянія какія она намѣрена оказать этой странѣ, французскій министръ ссылается на примѣръ Алжира и Остъ-Индіи, кои подъ властью цивилизованныхъ странъ достигли высокаго преуспѣянія. Всего замѣчательнѣе въ этомъ документѣ прямое указаніе на враждебные происки Италіи въ Тунисѣ, вынудившіе будто бы Францію прибѣгнуть къ силѣ. Телеграфъ сообщилъ намъ вчера о дипломатическихъ объясненіяхъ возникшихъ по поводу этого мѣста циркуляра и о томъ что г. Бартелеми Сентъ-Илеръ постарался смягчить впечатлѣніе своихъ рѣзкихъ нападокъ на Италіянское правительство. Но дальнѣйшее извѣстіе что кабинетъ Каироли вновь подалъ въ отставку и что на этотъ разъ отставка принята королемъ доказываетъ что этотъ кризисъ имѣетъ прямое отношеніе къ тунисскимъ событіямъ и что политика дѣятельнаго противодѣйствія французскимъ проискамъ, къ чему кабинетъ Каироли не выказывалъ ни готовности, ни склонности, взяла верхъ; это еще болѣе подтверждается тѣмъ что составленіе новаго кабинета поручено г. Селлѣ, приверженцу болѣе дѣятельной внѣшней политики.

Но не одна Италія и Турція становятся въ открытый антагонизмъ противъ Франціи: трактатъ къ подписанію коего принудили Тунисскаго бея былъ встрѣченъ съ явнымъ неудовольствіемъ и въ Англіи.

Газета *Times*, всегда служащая въ такихъ случаяхъ вѣрнымъ органомъ общаго настроенія, высказалась по поводу этого трактата въ слѣдующихъ весьма недвусмысленныхъ выраженіяхъ: „Положеніе Европы таково что ни одинъ искренній другъ Франціи не можетъ безъ дурныхъ предчувствій слѣдить за развитіемъ политики которая огорчаетъ и отчуждаетъ Италію и *охладила симпатію Англіи* ко Французской республикѣ."

Во всякомъ случаѣ очевидно что отношенія между Французскою республикой и вышеназванными тремя державами испорчены, но въ этомъ, быть можетъ, важнѣйшемъ послѣдствіи „успѣха" достигнутаго Франціей, кажется Французское правительство не отдаетъ себѣ яснаго отчета. Несомнѣнно одно, что все это дѣло на руку Германіи.

№ 124.

Москва, 6-го мая.

Въ первой апрѣльской книжкѣ *Revue des deux Mondes* помѣщена любопытная статья Тэна озаглавленная *Физіологія якобинца*. Уже нѣсколько лѣтъ знаменитый писатель посвящаетъ свои труды исторіи первой французской революціи. Въ двухъ изданныхъ имъ томахъ, нанесшихъ такой сильный ударъ еще столь распространенному во Франціи поклоненію событіямъ и дѣятелямъ первой революціи, уже вполнѣ обозначился оригинальный пріемъ автора. Исторія Тэна есть въ точномъ смыслѣ патологія французской революціи. Писатель относится къ изучаемому историческому явленію какъ врачъ-естествоиспытатель къ симптомамъ недуга поразившаго живой организмъ. Революціонная болѣзнь, на которой авторъ останавливается въ новой статьѣ своей, есть такъ-называемое якобинство, самое характерное проявленіе революціоннаго духа, главный видъ революціонной горячки породившій терроръ 1793 года, видъ мѣстный, развившійся при французскихъ условіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющій признаки общіе всѣмъ формамъ революціоннаго тифа, поучительный потому не для однихъ Французовъ.

Тэнъ указываетъ прежде всего на два источника якобинскаго духа, которые можно встрѣтить во всѣ времена и во всѣхъ странахъ: чрезъ мѣру развитое самолюбіе и узкость отвлеченнаго догматическаго сужденія въ политическихъ дѣлахъ. Въ обществѣ прочно организованномъ источники эти не имѣютъ силы. „И теперь, какъ прежде, въ мансардахъ студентовъ, въ меблированныхъ комнатахъ *богемы*, въ пустыхъ кабинетахъ врачей безъ паціентовъ и адвокатовъ безъ дѣлъ, не мало Бриссо, Дантоновъ, Маратовъ, Робеспьеровъ въ зародышѣ, но они не вылупляются по недостатку воздуха и мѣста на солнцѣ. Когда въ двадцать лѣтъ молодой человѣкъ вступаетъ въ свѣтъ, онъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ и въ своемъ разумѣ, и въ своей гордости. Вопервыхъ, общество охватывающее его, каково бы оно ни было, всегда есть въ нѣкоторомъ родѣ скандалъ для отвлеченнаго разума: оно не организовано законодателемъ-философомъ по какому-либо простому началу, его устроили послѣдовательныя поколѣнія для своихъ многообразныхъ и измѣняющихся нуждъ. Оно дѣло исторіи, а не логики. И мыслитель-новичекъ пожимаетъ плечами на старое зданіе... Вовторыхъ, какъ бы хороши ни были учрежденія, законы, права,—они предшествовали ему, онъ не давалъ на нихъ согласія; другіе, его предшественники, сдѣлали выборъ за него и заключили его въ ту нравственную, политическую и общественную форму какая имъ была по нраву... Большинство молодыхъ людей, изъ тѣхъ особенно кому предстоитъ самому проложить себѣ путь, сойдя со школьной скамьи являются болѣе или менѣе якобинцами. Это *болѣзнь роста*. Въ обществѣ прочно устроенномъ болѣзнь эта доброкачественна и скоро исцѣляется... Пройдетъ лѣтъ десять, и молодой человѣкъ занимаетъ свое мѣсто въ ряду и подвигается шагъ за шагомъ въ своей клѣткѣ, изъ которой не стремится выбиться, подъ глазомъ полицейскаго сержанта, котораго не думаетъ болѣе проклинать." Не то въ обществѣ расшатанномъ, анархическомъ, обратившемся „въ толпу волнующуюся и кричащую, гдѣ каждый толкается и каждаго толкаютъ," какимъ было французское въ эпоху революціи. Власть пошатнулась, почувствовала себя безпомощною и искала опоры въ уступкахъ обращеннымъ къ ней все возраставшимъ требованіямъ; видя неудачу, она предавалась минутнымъ вспышкамъ строгости, еще болѣе обнаружившимъ ея слабость, ибо онѣ кончались новыми

уступками. Роковое рѣшеніе призвать представителей выбранныхъ по способу теоретически казавшемуся наилучшимъ быстро повело отъ анархіи умственной къ анархіи политической. Франція сдѣлалась совокупностію безчисленнаго числа говорилень, въ формѣ избирательныхъ кружковъ, клубовъ, отдѣловъ; всяческихъ собраній — въ думахъ, въ участкахъ, въ кофейныхъ, въ кабакахъ, на бульварахъ и перекресткахъ. Всякій чувствовалъ себя правителемъ и законодателемъ, находя что это вовсе не такъ трудно. „Въ одинъ день въ какомъ-нибудь парижскомъ участкѣ наговорятъ, пишетъ очевидецъ, больше чѣмъ во всѣхъ политическихъ собраніяхъ Швейцаріи въ продолженіи цѣлаго года. Англичанинъ изучалъ бы шесть мѣсяцевъ то что̀ мы рѣшаемъ въ четверть часа.“ При запасѣ нѣсколькихъ десятковъ нахватанныхъ понятій и готовыхъ фразъ, при достаточной долѣ наглости и дерзости, въ соединеніи съ умѣньемъ польстить настроенію, подхватить его, особенно если и самъ имъ внутренно охваченъ, можно было разчитывать на всяческій успѣхъ. Революціоннымъ честолюбіямъ открывалось безграничное поле. „Болѣзнь роста“ обращалась въ худосочіе радикализма и становилась господствующею болѣзнію цѣлой націи. Тотъ кто при нормальномъ порядкѣ вещей остался бы, въ мѣру своихъ достоинствъ и своего таланта, скромнымъ провинціальнымъ адвокатомъ и прожилъ бы вѣкъ въ мирной буржуазной обстановкѣ, заглушивъ инстинкты честолюбія, тотъ, поднятый потокомъ, ощутивъ въ себѣ достаточно отваги, могъ очутиться на вершинахъ. Вотъ что̀ говорилъ Дантонъ въ 1793 году одному изъ старыхъ товарищей своихъ. „Дореволюціонное правительство сдѣлало большую ошибку. Я былъ воспитанъ имъ на казенный счетъ въ коллежѣ въ Плесси. Тамъ воспитывался я вмѣстѣ съ дѣтьми знатныхъ людей; они были моими товарищами и жили со мною на равной ногѣ. По окончаніи ученія я не имѣлъ ничего; былъ въ бѣдности, искалъ пристроиться. Парижская адвокатура была недоступна, требовались усилія чтобы туда попасть. Въ военную службу безъ имени и протекціи я вступить не могъ. Церковь тоже ничего для меня не представляла. Купить должность безъ гроша я не могъ. Старые товарищи обращались ко мнѣ спиной. Я оставался безъ положенія, и только чрезъ нѣсколько лѣтъ удалось мнѣ купить званіе адвоката при королевскихъ совѣтахъ. Пришла революція, я и всѣ мнѣ подобные бросились въ нее. Старое правительство принудило насъ къ тому, воспитавъ насъ и не давъ никакого исхода нашимъ талантамъ.“ Такова же исторія Робеспьера, Камиля Демулена, Бриссо, Верньйо и множества другихъ.

Какія идеи руководили группою? Одна, казавшаяся простою какъ геометрическая аксіома требующая безусловнаго примѣненія, идея верховенства народа и воли большинства. Съ точки зрѣнія этой идеи „правительство есть менѣе чѣмъ прикащикъ: оно слуга. Мы его поставили и, послѣ какъ и прежде поставленія, остаемся его господами... Мы ничѣмъ относительно его не связаны и свободны измѣнить его, ограничить, отнять у него власть.“ Ктожъ эти *мы*? Всякій, всѣ кто успѣли захватить власть и могутъ сказать „мы народъ“ и заставить себя слушаться. Всякое возмущеніе законно. Робеспьеръ защищаетъ крестьянскую рѣзню, отказывается назвать разбойниками поджигателей замковъ, оправдываетъ всякія возмущенія въ городахъ. Если государственный человѣкъ, замѣчаетъ Тэнъ, встрѣчаетъ на своемъ пути какой-нибудь отвлеченный принципъ въ родѣ верховенства народа, онъ прежде всего представитъ себѣ его осуществленнымъ въ условіяхъ дѣйствительности и только пріобрѣтя убѣжденія въ полной исполнимости опыта, рѣшится приступить къ нему медленно и осторожно, готовый измѣнить, поправить, ослабить его и даже отказаться отъ него по указаніямъ практики. Совсѣмъ наоборотъ якобинецъ. Для него его принципъ есть аксіома политической геометріи. „Человѣкъ вообще, права человѣка, общественный договоръ, свобода, равенство, разумъ, природа, народъ, тираны, вотъ его элементарныя идеи; точныя или нѣтъ, онѣ наполняютъ его мозгъ, часто оставаясь только звонкими, неопредѣленными словами. Не бѣда. Какъ только собрались онѣ въ немъ, онѣ для него аксіома которую онъ прилагаетъ тотчасъ, цѣликомъ, во всякомъ случаѣ, несмотря ни на что. О живыхъ людяхъ нѣтъ заботы. Онъ ихъ не видитъ и не имѣетъ надобности видѣть. Съ зажмуренными глазами онъ налагаетъ свою форму на человѣческій матеріалъ.“

Изъ какихъ элементовъ состояла эта сдѣлавшаяся столь могущественною партія якобинцевъ? Тутъ было до десятка лицъ изъ высшаго класса до принца крови включительно,—утопистовъ какъ математикъ маркизъ Кондорсе, честолюбцевъ какъ герцогъ Орлеанскій, связавшій роковымъ образомъ судьбу свою съ революціонною партіей въ самомъ началѣ переворота. Но это были рѣдкіе перебѣжчики. Высшіе классы,—какъ съ другой стороны низшіе, народная и сельская масса,—не доставили волонтеровъ въ якобинскую армію. На первомъ планѣ въ ней былъ именно тотъ классъ къ которому принадлежалъ Дантонъ, что у насъ зовется интеллигенціей съ образовательнымъ цензомъ, люди обыкновенно не имѣющіе иныхъ интересовъ кромѣ интересовъ своего честолюбія и отвлеченныхъ соображеній именуемыхъ убѣжденіями, образующихся весьма сложнымъ процессомъ примѣнительно къ обстоятельствамъ: адвокаты, нотаріусы, судьи низшихъ инстанцій, второстепенные и третьестепенные литераторы, журналисты, учителя, лѣкаря и подлѣкаря, нѣсколько артистовъ, духовныхъ вышедшихъ изъ своего званія, студентовъ, едва окончившихъ курсъ. Около главной группы стали на второмъ планѣ люди съ первыми зачатками образованія, на сколько его требуется чтобы слушать не засыпая рѣчи въ клубахъ, апплодировать тирадамъ, нацарапать безграмотный протоколъ объ арестѣ, и отдать кому слѣдуетъ въ услуженіе свои легкія, свои руки и сабли. Это „люди изъ народа“ въ родѣ нашихъ Михайловыхъ и подобныхъ фигурировавшихъ въ нашихъ процессахъ. Тутъ были писцы, прикащики, станціонные смотрителя, школьные учителя (одинъ, Бюшо, попалъ въ министры), подмастерья, рабочіе, мошенники, наконецъ женское украшеніе группы—„вязальщицы“ и иныя столь же женственныя особы.

Если отъ французскихъ якобинцевъ обратимся къ нашей доморощенной революціонной партіи, то конечно встрѣтимъ много родственныхъ чертъ. Но есть различіе по существу. Якобинская горячка во Франціи была болѣзнію естественно развившеюся въ организмѣ. Наша болѣзнь прививная, искусственно внесенная въ организмъ, хотя и могущая быть для него пагубною. Наши революціонеры не сами сформировались, они не полеваго, а парниковаго происхожденія; выдрессированы; проведены чрезъ школу. Не даромъ всѣ усилія враждебной нашему народу крамолы направлены именно на школу, на учащееся юношество. Нигдѣ и никогда во всемъ мірѣ учащаяся молодежь, и притомъ обоего пола, не играла такой революціонной роли къ какой пріучили ее у насъ. У насъ поступленіе въ революціонные ряды есть всегда результатъ совращенія. Болѣзнь разрослась потому что совращенію не были поставлены преграды, а скорѣе наоборотъ всячески облегчены пути. Наше революціонное движеніе есть дѣло заговора и крамолы нашедшихъ для себя пособника въ томъ что у насъ, къ стыду нашему, называется либеральною партіей...

№ 125.

Москва, 6-го мая.

Циркуляръ новаго министра Внутреннихъ Дѣлъ обращается не къ какой-либо партіи, не къ такъ-называемому общественному мнѣнію, подъ которымъ всякій можетъ разумѣть что хочетъ; новый министръ, котораго имя стало символомъ національной политики въ иностранныхъ дѣлахъ Россіи, призванный довѣреніемъ Государя ко внутреннему правленію, теперь болѣе чѣмъ когда-либо требующему національной политики, обращается къ сословіямъ Русскаго народа и возвращаетъ насъ на твердую историческую почву указанную Высочайшимъ Манифестомъ 29 апрѣля. Это не есть готовая программа правительственныхъ мѣръ; министръ обозначаетъ только тѣ начала въ духѣ которыхъ обязано неуклонно дѣйствовать Русское правительство, вѣрно служа своему Государю и своей странѣ въ полномъ и неразрывномъ единствѣ ихъ видовъ и пользъ. Читая этотъ циркуляръ, мы чувствуемъ себя дома, въ родной странѣ, среди Русскаго народа. Тутъ, на этой почвѣ не можетъ быть никакихъ неопредѣленностей пораждающихъ роковыя недоразумѣнія и ошибки. Да поможетъ намъ Богъ освободиться отъ призрака партій консервативной и либеральной. Будемъ прежде всего русскими людьми, вѣрными духу и исторіи нашего отечества, и откажемся отъ воздухоплавательныхъ опытовъ въ правительственномъ дѣлѣ. Будемъ на свои дѣла смотрѣть своими глазами и, чтобы не заблудиться,

будемъ всегда имѣть въ виду неразрывное единство государственной пользы и народнаго блага. На твердой родной намъ почвѣ найдетъ себѣ мѣсто всякій законный интересъ, всякое честное стремленіе. На этой почвѣ не опасны ни борьба мнѣній, ни столкновеніе интересовъ. Мы будемъ либеральны въ нашемъ консерватизмѣ и консервативны въ нашемъ либерализмѣ. Туманъ разсѣется и все оживетъ вокругъ насъ; у насъ явятся свои понятія для оцѣнки своихъ дѣлъ, мы не будемъ безсмысленно чураться и стыдиться того въ чемъ наша сила и наша честь. Ставъ русскими людьми, мы будемъ умными людьми, а это намъ всего нужнѣе.

И да поможетъ намъ Богъ перейти отъ словъ къ дѣлу!

№ 126.

Москва, 7-го мая.

Всякая вещь познается изъ ея происхожденія. Въ чемъ состоитъ ходъ образованія государства? Ни въ чемъ иномъ какъ въ собираніи и сосредоточеніи власти. Покоряются независимыя владѣнія, отбирается власть у сильныхъ, и все что̀ имѣетъ характеръ принудительный подчиняется одному верховному надъ государствомъ началу; дѣло не успокоивается пока не водворяется въ странѣ единовластіе покрывающее собою весь народъ. Государство вооружено, но не противъ свободы, которая только въ оградѣ его и возможна; оно вооружено противъ другихъ государствъ какъ внѣ такъ и внутри его. Власть по природѣ своей не можетъ терпѣть государствъ въ государствѣ, и ея прямое назначеніе пресѣкать и возбранять все что̀ имѣетъ такой характеръ. Собирая и соредоточивая власть государство тѣмъ самымъ создаетъ свободное общество. Власть надъ властями, верховная власть надъ всякою властью, вотъ начало свободы. Что̀ прямо или косвенно нарушаетъ свободу, то противно и государственному началу, что̀ можетъ принять характеръ насилія, то должно быть на зоркой примѣтѣ, и правительство обязано предотвращать или пресѣкать всякое вынужденіе не на законномъ правѣ основанное. При сбивчивости понятій и неспособности правительствъ возникаютъ роковыя и гибельныя ошибки: смѣшивается свобода съ тѣмъ что̀ противно ей, съ вынужденіемъ и насиліемъ, и правительство, думая угодить свободѣ, организуетъ и узаконяетъ то что̀ ее подавляетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ вноситъ смуту въ государство.

Толкуютъ о свободѣ печати, но не всѣ отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ что̀ разумѣть подъ этою свободой. Люди на общественныхъ дорогахъ свободно ходятъ и ѣздятъ, и чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше, но никому нельзя предоставить свободу безчинствовать на улицѣ и нападать на встрѣчныхъ. Охраняя общественные пути отъ физическаго насилія, не обязано ли то же правительство охранять общество и отъ насилій нравственныхъ? Систематическій обманъ не есть ли нравственное насиліе? Можетъ ли быть терпимо тенденціозное обращеніе къ дурнымъ страстямъ, къ невѣжеству, къ людской глупости, все что̀ клонится къ тому чтобы сбить съ толку темныя массы и овладѣть незрѣлыми умами? Книга по содержанію и характеру своему назначаемая для круга людей способныхъ критически отнестись къ ней имѣетъ иное значеніе чѣмъ листокъ газеты который обращается ко всѣмъ безъ различія, всюду вторгается и всѣми читается. Можетъ ли правительство оставлять уличное слово безъ контроля и отдавать малыхъ, слабыхъ и темныхъ людей во власть всякому рѣчистому шарлатану?

Правительство Самодержавнаго Государя во внутреннихъ дѣлахъ не можетъ видѣть въ себѣ какъ бы одну изъ партій и дѣйствовать въ растлѣвающемъ духѣ какого бы то ни было частнаго интереса. Умное и честное правительство не выпустившее власти изъ своихъ рукъ не будетъ потворствовать, подъ фальшивымъ видомъ либерализма, общественному обману, не будетъ терпѣть тенденцій враждебныхъ государству, ничего что̀ подкапывается подъ его основы, что̀ злоумышляетъ противъ охраняемаго имъ нравственнаго порядка. Но что̀ сказать о такомъ правительствѣ которое само стало бы участвовать въ обманѣ и подъ предлогомъ либерализма стало бы дружить врагамъ своего Государя и своей страны, не только не мѣшая, но помогая имъ деморализовать общество и вербовать себѣ партіи? Что̀ сказать о подобномъ правительствѣ еслибы таковое было возможно? Увы, въ смутѣ дѣлъ человѣческихъ и невозможное бываетъ возможнымъ.

Съ точки зрѣнія понимающей свое призваніе власти ничто не можетъ быть такъ желательно какъ самоуправленіе общественныхъ группъ. Но всегда ли подъ этимъ словомъ разумѣется то что̀ имъ знаменуется? Пусть каждый уплатившій свой долгъ Кесареви управляется самъ собой и безъ помѣхи распоряжается своими дѣлами: это относится къ сферѣ свободы, и чѣмъ шире эта сфера тѣмъ лучше. Свобода и независимость—это одно и то же, но все что̀ имѣетъ характеръ общественной власти не должно считаться независимымъ. Отношенія между людьми не могутъ оставаться внѣ государственнаго надзора коль скоро принимаютъ болѣе или менѣе обязательный характеръ; но не можетъ быть грубѣе ошибки какъ подъ именемъ самоуправленія и автономіи подчинять однихъ произволу другихъ. Если путь восхожденія государства есть путь отбиранія власти, то появленіе въ немъ независимыхъ властей, возникновеніе государствъ въ государствѣ есть путь его паденія и разстройства. Не странно ли подъ видомъ самоуправленія узаконять корпораціи и коллегіи самоуправно распоряжающіяся не своими, но чужими дѣлами? Сообразно ли съ чѣмъ-нибудь отдавать, напримѣръ, высшее образованіе страны, а съ тѣмъ вмѣстѣ и судьбы ея отборнаго юношества на произволъ замкнутыхъ въ себѣ и самопополняющихся коллегій? Говорятъ о независимости судебной власти. Но судебная власть должна быть независима лишь отъ произвола соподчиненныхъ ей властей, что̀, однако, не значитъ быть въ раздорѣ или несогласіи съ ними, такъ какъ всѣ власти равно подчинены общему верховному началу, отъ котораго ни одна не должна мнить себя независимою.

Подобныя аномаліи равно противны какъ государственному началу, такъ и дѣлу свободы, и мы не выздоровѣемъ пока не исправимъ этихъ печальныхъ ошибокъ, которыхъ послѣдствія уже также тяжко нами испытаны.

№ 127.

Москва, 8-го мая.

На дняхъ, въ № 118 нашей газеты мы обращали вниманіе читателей на готовящуюся во Франціи избирательную реформу, долженствующую замѣнить баллотировку по округамъ баллотировкой по департаментскимъ спискамъ, и указывали на важное значеніе которая она можетъ имѣть не только для Франціи, но и для всей Европы, такъ какъ она дастъ возможность Гамбеттѣ съ будущей осени, въ первый разъ послѣ 1871 года, вступить въ управленіе Франціей со вполнѣ преданною и послушною ему палатой.

Сегодня телеграфъ принесъ намъ извѣстіе что палата депутатовъ значительнымъ большинствомъ голосовъ приняла означенную реформу. Такимъ образомъ Гамбетта одержалъ новую блистательную побѣду, и теперь уже можно ожидать съ полною увѣренностью что онъ дастъ болѣе энергическое направленіе не только внѣшней, но въ особенности и внутренней политикѣ, Франціи.

До сихъ поръ слабое, не рѣшительное правительство Французской республики принуждено было предъ каждымъ своимъ дѣйствіемъ справляться не только съ мнѣніемъ наиболѣе разумной, образованной и здравомыслящей части французскаго общества, но и съ мнѣніемъ полудикихъ крикуновъ, величающихъ себя громкимъ именемъ „соціалистовъ,“ „радикаловъ,“ „демократовъ,“ „непримиримыхъ“ и „несговорчивыхъ,“ принимавшихъ дѣятельное кровавое участіе въ Парижской коммунѣ 1871 года вернувшихся въ послѣдніе два, три года съ каторги и разыгрывающихъ теперь видную роль въ политической и общественной жизни Франціи.

Цѣлый рядъ уступокъ сдѣланныхъ правительствомъ съ цѣлію удовлетворить и успокоить этихъ безшабашныхъ политикановъ не достигли, какъ это можно было заранѣе предвидѣть, желаннаго результата. Получивъ полную амнистію съ возвращеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ, эти негодяи, едва сорвавшись съ каторжныхъ цѣпей, прежде всего провозгласили что они ничѣмъ не обязаны освободившему ихъ правительству, что они его ненавидятъ и будутъ всячески мстить ему за оказанное имъ благодѣяніе. „Либеральное“ правительство Французской республики сочло своимъ долгомъ спасовать предъ этими „откровенными и благородными убѣжденіями“ непримиримыхъ коммунаровъ, а эти послѣдніе, ободренные такимъ успѣхомъ, тотчасъ принялись за дѣло.

Они основали массу разнообразныхъ, преимущественно дешевыхъ газетъ, разчи-

танныхъ на полуобразованныхъ читателей изъ рабочаго населенія большихъ промышленныхъ городовъ, и начали въ этихъ листкахъ ежедневно глумиться надъ правительствомъ и парламентомъ. Не стѣсняемая никакими преградами, соціалистическая пропаганда сдѣлала въ короткое время поразительные успѣхи. Изъ кабаковъ и мастерскихъ, съ улицъ и площадей она быстро проникла, благодаря выборному началу, въ городскія думы, и въ настоящее время громадное большинство гласныхъ засѣдающихъ въ Парижской, Ліонской и Марсельской думахъ принадлежитъ уже соціализму.

Предоставивъ полную свободу этой гнусной пропагандѣ, правительство и республиканское большинство палаты утѣшали себя надеждой что благодаря данной свободѣ соціалисты ясно выкажутъ всю пустоту и нелѣпость своихъ теорій и этимъ самымъ лишатъ себя силы и авторитета. Это, какъ извѣстно, обыкновенное „либеральное“ оправданіе абсолютной свободы печати. Но данный случай показалъ до очевидности всю неосновательность такого оправданія. Пустота и нелѣпость соціалистическихъ бредней бросаются конечно въ глаза всякому образованному читателю; но для необразованныхъ, и въ особенности для полуобразованныхъ людей эти нелѣпыя бредни представляются великими философскими истинами, вполнѣ реальными и осуществимыми идеями. Если кто еще сомнѣвается въ пагубномъ вліяніи абсолютной свободы печати, тому стóитъ только внимательно присмотрѣться къ той страшной соціалистической заразѣ которая за послѣднія пять, шесть лѣтъ охватила полуобразованное сословіе французскихъ, въ особенности парижскихъ рабочихъ. Зараза эта приняла теперь такіе размѣры что представляетъ уже значительную политическую силу, съ которою поневолѣ приходится считаться и законодательнымъ, и административнымъ, и судебнымъ властямъ Французской республики.

До какой степени парижскіе коммунары въ послѣднее время подняли голову можно видѣть изъ исторіи столкновенія Парижской думы съ полицейскимъ префектомъ Андріё.

Большинство парижскихъ городскихъ гласныхъ, или, какъ ихъ называютъ, „мунуципальныхъ совѣтниковъ“ принадлежитъ, какъ мы только что замѣтили, къ партіи радикальнаго соціализма. Они поэтому и выбрали себѣ въ предсѣдатели бывшаго коммуннара, Поляка Сигизмунда Кржыжановскаго, который, вмѣстѣ съ бывшимъ адвокатомъ Гартманна Энгельгардтомъ, играетъ самую видную роль среди этого сонма легальныхъ революціонеровъ. Эти господа только и мечтаютъ о томъ какъ бы имъ возстановить золотое время коммуны, но они понимаютъ что нужно сперва подготовить почву для будущихъ подвиговъ. Главнѣйшее препятствіе къ осуществленію своей мечты они видятъ въ томъ что парижская полиція находится въ непосредственной зависимости отъ правительства. Создать собственную полицію состоящую изъ людей слѣпо преданныхъ соціалистистическому коммунизму—вотъ ближайшая задача которую поставила себѣ Парижская дума. Съ этою цѣлью она, подъ руководствомъ пана Кржыжановскаго, предприняла правильную, систематическую атаку противъ полицейскаго префекта г. Андріё, ставя ему безконечные запросы относительно различныхъ случаевъ воровства, грабежа и уличныхъ безпорядковъ, неизбѣжныхъ въ такомъ громадномъ городѣ какъ Парижъ. Послѣ каждаго такого запроса парижскіе гласные выражали формальное „недовѣріе“ полицейскому префекту и требовали чтобы парижская полиція была передана имъ въ полное ихъ распоряженіе. Правительство ограничивалось тѣмъ что признавало подобныя постановленія недѣйствительными, но этимъ только раздражало непримиримыхъ гласныхъ. Наконецъ самъ г. Андріё вышелъ изъ терпѣнія и объявилъ что онъ больше на запросы парижскихъ гласныхъ отвѣчать не будетъ, такъ какъ онъ, въ качествѣ государственнаго чиновника, отвѣтственъ только предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а не предъ городскою думой. На это заявленіе г. Кржыжановскій и его товарищи отвѣтили новымъ постановленіемъ думы, въ которомъ требовалось смѣщеніе г. Андріё. Такъ какъ правительство не исполнило этого требованія, то соціалисты перенесли дѣло въ палату депутатовъ, въ видѣ интерпелляціи обращенной къ министру внутреннихъ дѣлъ. Палата, выслушавъ оправдательную рѣчь г. Андріё, выразила ему довѣріе, а министръ внесъ въ палату новый проектъ закона, по которому парижская полиція съ 1882 года будетъ содержаться не на городскія

средства какъ до сихъ поръ, а на государственныя, такъ чтобы думѣ не было ни малѣйшаго повода вмѣшиваться въ дѣла полицейской префектуры. Этотъ проектъ поступитъ на обсужденіе палаты вѣроятно въ іюнѣ мѣсяцѣ, а станетъ закономъ лишь съ будущаго года. До тѣхъ поръ слѣдовательно будетъ продолжаться въ Парижѣ „полицейскій кризисъ,“ которымъ соціалисты пользуются для усиленія своей пропаганды. Уже теперь они рѣшили прервать всякія сношенія съ г. Андріё и составили противъ него „муниципальную стачку.“ Какое вліяніе такое положеніе вещей можетъ имѣть на порядокъ и безопасность Парижа можно судить по тому что не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ Парижская дума отказалась отпустить требуемыя полицейской префектурой суммы на усиленіе огнегасительныхъ средствъ которыми располагаетъ парижская пожарная команда, отказалась на томъ основаніи что полицейскою префектурой завѣдываетъ г. Андріё.

Но какъ же ко всему этому относились до сихъ поръ республиканцы-оппортунисты, принадлежащіе къ партіи всесильнаго Гамбетты? Они ясно видѣли къ чему привела неразумная уступчивость соціалистамъ, но совѣтовали поправить дѣло — новою уступкой. Органъ Гамбетты, *République Française*, всячески старался убѣдить г. Андріё чтобъ онъ *добровольно* подалъ въ отставку и не раздражалъ бы своею энергическою политикой соціалистическую партію *наканунѣ выборовъ*.

Нужно надѣяться что Гамбетта теперь, послѣ одержанной имъ побѣды, не будетъ уже столь уступчивымъ и позаботится о томъ чтобъ освободить Французское правительство и общество отъ пагубнаго вліянія соціалистовъ.

№ 130.

Москва, 11-го мая.

Въ послѣднее время рѣдкій день проходитъ безъ извѣстія о поимкахъ и раскрытіяхъ, производимыхъ въ Петербургѣ благодаря главнымъ образомъ энергіи петербургскаго градоначальника, генерала Баранова. Только что обнаружена преступная дѣятельность (захваченъ и самъ дѣятель) лица не изъ рядовыхъ революціонной шайки, и хотя не изъ генераловъ ея, однако изъ офицеровъ ея генеральнаго штаба. Лейтенантъ Сухановъ, которому были доступны казенные склады динамита и который былъ посвященъ во всѣ тайны нашего морскаго миннаго искусства, оказался принадлежащимъ къ партіи крамольниковъ. Недавно на судѣ Кибальчичъ рисовался въ качествѣ главнаго техника компаніи, дивя своими свѣдѣніями по части приготовленія разрывныхъ веществъ, которыми якобы снабжалъ свою партію, приготовляя ихъ домашними средствами. Техническій секретъ приготовленія объясняется нынѣ много проще—доставкою изъ казенныхъ складовъ. Давно слѣдовало съ особеннымъ вниманіемъ искать революціонныхъ дѣятелей не въ сору только низшихъ ступеней лѣстницы, повыше—на ея лощеныхъ площадкахъ. Прошелъ день — и новое важное раскрытіе. Оказывается что въ дни казавшіеся днями успокоенія и умиротворенія, на людномъ мѣстѣ, подъ Каменнымъ мостомъ на Екатерининскомъ каналѣ была заложена страшная мина съ нѣсколькими пудами динамита. Подкопъ на Садовой былъ, значитъ, не единственнымъ миннымъ подвигомъ. Была вторая, уже подводная мина. Какъ бы не нашлась и третья, благо подводить ихъ было не особенно трудно при томъ надзорѣ какой нынѣ съ такою ясностію обнаружился по поводу извѣстнаго визита въ лавку Кобозева. Обращаетъ на себя вниманіе настойчивость съ какою петербургскій градоначальникъ разыскалъ запрятанную въ илѣ мину подъ мостомъ. На ея существованіе были очевидно указанія. Но первые, многочасовые поиски не дали результата. Приглашенный знатокъ дѣла въ теченіе цѣлаго почти дня, изслѣдуя дно шагъ за шагомъ при помощи водолазовъ, наткнулся наконецъ на мѣшки съ динамитомъ. Трудно не замѣтить разницы между этимъ розысканіемъ и осмотромъ подвальнаго помѣщенія на Садовой. Кромѣ мины, открыта тайная типографія въ помѣщеніи не внушавшемъ подозрѣнія; задержана подруга Кобозева, произведены и другіе серіозные аресты. Вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и болѣе выясняется что дѣло 1 марта не было дѣломъ безумія какого-нибудь десятка лицъ, а дѣло широкаго заговора, обладавшаго средствами, по всему Петербургу поставившаго свои орудія, проведшаго каналы и под-

копы не въ земной только массѣ, а и въ живой средѣ.

Раскрывающіяся нынѣ обстоятельства показываютъ какой большой шагъ сдѣланъ былъ крамольною партіей въ годъ послѣдовавшій за взрывомъ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ эпоху казавшагося ея затишья, когда въ тайнѣ подводились мины и готовились подкопы, а на глазахъ у всѣхъ допускалось невѣроятное разстройство высшихъ учебныхъ заведеній и творилась конституціонная агитація, привѣтствованная Гартманомъ и другими „дѣятелями“. Есть надежда что энергическій градоначальникъ сдѣлаетъ свое дѣло и очиститъ Петербургъ отъ орудій и капкановъ крамолы съ ихъ прислугою. Не мало этого народа покинуло, повидимому, негостепріимную нынѣ столицу, передвинувшись въ Москву и особенно на югъ. Но гдѣ ручательство чтобы на смѣну изгнаннымъ и изловленнымъ не явились новыя толпы. Ручательство было бы только тогда еслибы пресѣчены были тѣ пути какими вербовщики находятъ доступъ къ податливому матеріалу. Недавніе примѣры показываютъ съ какою быстротой опутываются революціонною паутиной изъ разныхъ концовъ являющіеся въ Петербургъ юноши съ вовсе не дурными природными инстинктами. Желябовъ хвалился что въ двѣ недѣли обдѣлалъ Рысакова, о которомъ свидѣтели говорили какъ о юношѣ не обнаруживавшемъ дурныхъ наклонностей. Подбѣльскій, студентъ на торжественномъ актѣ оскорбившій дѣйствіемъ министра, прибылъ въ Петербургъ съ отличными свидѣтельствами наставниковъ, а чрезъ два мѣсяца попалъ въ шайку къ которой принадлежали цареубійцы, явился, конечно, не одинъ, дѣятелемъ отъ этой шайки среди университетскаго юношества и исполнителемъ университетскаго скандала. Фактъ довольно внушительный. Это не мѣшаетъ извѣстной „прессѣ“ съ одной стороны обнаруживать крайнюю заботу не измѣнились бы, оборони Богъ, въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ порядки облегчающіе безвозбранное развращеніе молодежи, съ другой, проявлять шумную радость если усматривается надежда на сохраненіе этихъ прекрасныхъ порядковъ.

Нѣтъ слова которое нынѣ употреблялось бы такъ часто какъ слово крамола. Еще недавно „либеральная пресса“ тщательно его оберегала, обличая тѣхъ кто не проглядывали ея работы. Нынѣ у той же прессы съ языка не сходитъ это слово. Она готова, повидимому, оказать всякое содѣйствіе правительству въ борьбѣ съ крамолой. Сама обѣщаетъ и другихъ приглашаетъ исторгать крамолу. Прекрасно. Но если отъ общаго теоретическаго истребленія зла перейти къ частному вопросу о практическихъ мѣропріятіяхъ, тутъ дѣло много измѣняется. Если съ высоты спуститься въ окружающія условія мѣста и времени, то подлежащая истребленію крамола оказывается не только неуловимою, но и не существующею. Гдѣ въ самомъ дѣлѣ эта крамола? Крамолою новые ея истребители безспорно готовы признать то что̀ поймано съ поличнымъ, уличено и ускользнуть отъ кары не можетъ. Рысаковъ крамола, пожалуй Перовская крамола. Таковые подлежатъ нещадному осужденію, благо имъ терять нечего. Непойманные - тѣ не кромола; всякое подозрѣніе что таковые существуютъ есть доносъ, инсинуація, преступленіе предъ либерализмомъ, варварское преслѣдованіе, насилованіе убѣжденій, оскорбленіе невинныхъ жертвъ произвола администраторовъ, злобы становыхъ, неистовствъ урядниковъ. Непойманнымъ должны быть особыя льготы, такъ чтобъ они и пойманы быть не могли. Это, по терминологіи „прессы“, называется внести успокоеніе въ умы. Агитація въ печати, наглое искаженіе правды, тенденціозная подтасовка, ежедневное подтачиваніе, всяческое служеніе ніе враждебнымъ интересамъ — развѣ это крамола? Это честное служеніе общественному дѣлу, голосъ убѣжденія, для котораго требуется подъ привлекательнымъ именемъ свободы печати свобода обмана. Наивныхъ людей увѣряютъ что если таковая свобода наступитъ, то „пресса“ займется не вящимъ искаженіемъ правды въ цѣляхъ агитаціи, а теоретическими преніями, причемъ крамола будетъ излагать свои ученія, а „пресса“ ихъ побѣдоносно побивать силою истины, которой у *Голоса* и другихъ „либеральныхъ“ органовъ лежитъ цѣлый, пока еще непочатый уголъ. Агитація среди молодежи? Развѣ это крамола? Это любовь къ юношеству, желаніе дать студентству организацію, о которой такъ мечтали въ свое время Нечаевъ и его руководители, которая отдала бы молодежь во власть вожаковъ и затрудняла бы возможность ускользнуть изъ ея сѣ-

тей. Агитація въ обществѣ, внесеніе смуты въ умы, отвлеченіе отъ трудныхъ задачъ дѣйствительности къ конституціоннымъ затѣямъ, на путь рекомендованный Гартманомъ съ братіей, нагло указываемый какъ условіе перемирія, путь который неизбѣжно привелъ бы къ революціонному крушенію, но который улыбается молодымъ честолюбіямъ мечтающимъ выиграть при переворотѣ; поднятіе вопросовъ о правахъ и гарантіяхъ, объ ограниченіи власти въ эпоху когда все зло оттого что власть пошатнулась въ своихъ органахъ, среди обстоятельствъ когда въ Англіи пріостановили бы *habeas corpus*, когда вся задача минуты есть возстановленіе порядка и спокойствія чрезъ энергическое дѣйствіе власти — какая же это крамола? Это цивилизація предъ лицомъ варварства, забота о перенесеніи къ намъ „правоваго порядка“, „закономѣрности“, „правомѣрности“ и другихъ хорошихъ вещей нарочито для насъ приготовленныхъ по послѣднимъ образцамъ. Гдѣ же крамола, съ которою „пресса“ изъявляетъ готовность сразиться, еслибъ она ей показалась? Таковой нигдѣ не оказывается. Къ ней за то пресса неумолима. Она снисходительна—къ обману...

№ 131.

Москва, 12-го мая.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано сообщеніе о предпринятой съ Высочайшаго одобренія законодательной работѣ для составленія новаго уголовнаго кодекса. Къ этому важному дѣлу нынѣ приступлено съ энергіей и нельзя сомнѣваться въ томъ что съ помощію Божіею оно будетъ доведено до конца столь же энергично и безъ тѣхъ замедленій и проволочекъ коими такъ страдало до сихъ поръ наше законодательство. Это видно не только изъ тѣхъ предначертаній кои преподаны въ руководство участникамъ предпринятой законодательной работы, но и изъ той откровенной критики которой подвергаетъ существующіе уголовные законы всеподданнѣйшій докладъ статсъ-секретарей князя Урусова и Набокова. Въ немногихъ словахъ докладъ этотъ вполнѣ исчерпалъ всю теоретическую несостоятельность и практическую непригодность дѣйствующаго нынѣ Уложенія о Наказаніяхъ. Уложеніе это составлено, какъ извѣстно, въ 1845 году: оно было разсчитано на существовавшій тогда канцелярскій и слѣдственный порядокъ суда и проникнуто всецѣло тѣмъ духомъ опеки и мелочной бюрократической регламентаціи которою вообще отличалась тогдашняя правительственная система. Но при всей своей дробности и стремленіи уловить и предусмотрѣть всѣ явленія жизни въ области уголовнаго права, Уложеніе о Наказаніяхъ страдаетъ отсутствіемъ того что̀ во всякомъ законѣ неизмѣримо важнѣе неуловимыхъ подробностей; общія руководящія начала разработаны въ немъ крайне неумѣло и во многихъ случаяхъ судья не находитъ ихъ вовсе въ нашемъ уголовномъ кодексѣ. „Равняясь по числу статей (1711),“ сказано въ докладѣ, „кодексамъ Франціи, Бельгіи, Германіи и Венгріи вмѣстѣ взятымъ, дѣйствующее Уложеніе не даетъ однако суду общихъ руководящихъ началъ и предусматривая по возможности всякія проявленія злой воли, впадаетъ при этомъ въ такую дробность изложенія, которая весьма часто вызываетъ непреодолимыя трудности при разрѣшеніи уголовнымъ судомъ вопросовъ первостепенной важности о преступности и наказуемости дѣяній подлежащихъ разсмотрѣнію суда.“ Огромное обремененіе высшаго въ Имперіи судилища, уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, происходитъ, по словамъ доклада, именно вслѣдствіе указанной казуистичности Уложенія, при отсутствіи, или крайней неудовлетворительности, общихъ руководящихъ нормъ. Независимо отъ этого Уложеніе, какъ сказано въ докладѣ, „не удовлетворяетъ современному уровню государственныхъ потребностей и нерѣдко расходится съ обычно правовыми возрѣніями народа на степень преступности извѣстныхъ дѣяній.“ Громадный объемъ и дробность Уложенія не спасли оное отъ неполноты. „Не достигая цѣли предусмотрѣть *всѣ* проявленія преступной воли и оставляя даже безъ вниманія такія дѣянія которыя несомнѣнно надлежало бы подвергнуть преслѣдованію уголовнымъ закономъ, Уложеніе облагаетъ весьма тяжкими карами такіе поступки кои являются нынѣ въ общемъ сознаніи вовсе непреступными, или крайне маловажными и потому или совершенно не преслѣдуются

„по иностраннымъ законодательствамъ, или „же влекутъ за собою для виновныхъ въ „нихъ сравнительно легкія наказанія. Съ „другой стороны, дѣянія, повидимому, вполнѣ однородныя наказываются по Уложенію „до такой степени различно что превращаются иногда изъ маловажныхъ проступковъ въ тяжкія уголовныя преступленія.“

Всѣ эти недостатки дѣйствующихъ до сихъ поръ уголовныхъ законовъ сознаны не со вчерашняго дня, и подготовительныя работы къ пересмотру оныхъ начались уже весьма давно. Необходимость этого пересмотра стала очевидною, и самый пересмотръ предписанъ еще въ то время когда разрабатывались новые судебные уставы, то-есть почти двадцать лѣтъ тому назадъ. Но измѣненія произведенныя съ тѣхъ поръ были лишь частичными и временными, удовлетворяя, такъ сказать, насущныя и неотложныя потребности минуты. Такъ, со введеніемъ института выборныхъ мировыхъ судей, коимъ предоставлена карательная власть по всѣмъ проступкамъ влекущимъ за собою наказанія не превышающія одного года тюремнаго заключенія, было немыслимо дать имъ въ руки *все* Уложеніе и заставить ихъ самихъ доискиваться въ немъ тѣхъ нормъ уголовной кары на которую простиралась ихъ судейская компетенція. Вслѣдствіе этого къ процессуальнымъ законамъ, установившимъ новый порядокъ суда, былъ присоединенъ и матеріальный Уголовный кодексъ, такъ-называемый Уставъ о Наказаніяхъ Налагаемыхъ Мировыми Судьями. Этотъ Уставъ былъ ничѣмъ инымъ какъ извлеченіемъ, хотя и значительно переработаннымъ и упрощеннымъ, тѣхъ статей Уложенія о Наказаніяхъ коихъ примѣненіе было предоставлено вѣдѣнію мировыхъ судей. Но это извлеченіе пришлось снабдить особою „общею частью,“ трактующею о преступленіи и наказаніи вообще, о власти суда при примѣненіи наказаній, объ участіи въ преступленіи, о покушеніи, о вмѣненіи, о смягченіи и объ отмѣнѣ наказаній и пр. Такимъ образомъ у насъ явились два уголовные кодекса, коихъ основные принципы далеко не были согласованы между собою, такъ какъ Уложеніе о Наказаніяхъ, изданное въ 1866 году съ исключеніемъ изъ онаго всего того что̀ вошло въ Уставъ о Наказаніяхъ, осталось вовсе не переработаннымъ въ общей онаго части, и этотъ-то тяжеловѣсный, устарѣвшій и разчитанный на канцелярскій порядокъ суда кодексъ пришлось въ теченіе 15 лѣтъ (со времени введенія Судебныхъ Уставовъ въ 1866 году) примѣнять посредствомъ совершенно инаго судебнаго порядка, въ коемъ рѣшающее слово принадлежитъ не юристу-судьѣ, а представителямъ общества—присяжнымъ засѣдателямъ. „Многолѣтній опытъ новой „судебной практики,“ замѣчаетъ указанный докладъ, „показалъ самымъ нагляднымъ образомъ что дѣйствующее нынѣ „Уложеніе о Наказаніяхъ нетолько не соотвѣтствуетъ требованіямъ новыхъ судебныхъ уставовъ, но и является препятствіемъ со стороны технической своей обработки правильному отправленію „правосудія, въ особенности на судѣ съ „присяжными засѣдателями. Судъ съ присяжными требуетъ чтобы присяжнымъ ставились вопросы по признакамъ преступленій, а между тѣмъ такихъ признаковъ „Уложеніе во многихъ случаяхъ или вовсе „не указываетъ, или же указываетъ крайне неопредѣлительно.“

Задача по передѣлкѣ системы уголовной репрессіи не ограничивается созданіемъ новыхъ болѣе соотвѣтствующихъ потребностямъ времени *законовъ* о преступленіяхъ и наказаніяхъ: нужно пересоздать и самый *порядокъ* по которому наказанія примѣняются на практикѣ. Прошедшія со времени введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 15 лѣтъ посвящены были преимущественно этой сторонѣ дѣла, и вся забота обращена была почти исключительно на пересозданіе нашей тюремной системы. Но и въ этомъ отношеніи сдѣлано немного. Были подготовлены матеріалы къ созданію новой системы наказаній (лѣстница наказаній) и выработаны, въ проектѣ, мѣры для лучшаго и приспособленнаго къ правильной системѣ наказаній устройства мѣстъ заключенія. Предположенія о томъ и другомъ были обсуждены Государственнымъ Совѣтомъ 11 декабря 1879; но никакого рѣшенія не состоялось, а было лишь предоставлено II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи и министру Юстиціи, по взаимному между ними соглашенію, „составить планъ производства работъ по пересмотру дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ и затѣмъ представить оный на Высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе, вмѣстѣ съ соображеніемъ о томъ какимъ порядкомъ упо-

мянутый трудъ всего успѣшнѣе можетъ быть приведенъ въ исполненіе."

Съ тѣхъ поръ въ теченіе полутора года сдѣлано, какъ видно изъ доклада, немного. Второе Отдѣленіе „приняло на себя извлеченіе изъ Свода Законовъ всѣхъ законоположеній, хотя и не вошедшихъ въ уголовные законы, но имѣющихъ карательный характеръ," а Министерство Юстиціи издало два тома „матеріяловъ," а именно переводъ кодексовъ Франціи, Бельгіи, Германіи и Венгріи и общей части италіянскаго уложенія, а также замѣчаній сдѣланныхъ чинами судебнаго вѣдомства на наше Уложеніе и Уставъ о Наказаніяхъ. Затѣмъ главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ и министръ Юстиціи представили на Высочайшее благоусмотрѣніе планъ и порядокъ работъ по пересмотру дѣйствующаго уголовнаго законодательства. Планъ этотъ, Высочайше одобренный, изложенъ въ докладѣ отъ 22-го апрѣля, и *спустя восемь дней*, т.-е. 30-го апрѣля, уже приступлено къ его исполненію: составленіе проекта новаго Уложенія о Наказаніяхъ возложено на особый комитетъ, въ составъ коего вошли два члена Государственнаго Совѣта, шесть сенаторовъ, три чиновника Втораго Отдѣленія и Министерства Юстиціи и три профессора, гг. Неклюдовъ, Таганцевъ и Фойницкій. Изъ состава комитета, имѣвшаго свое первое засѣданіе 2 мая, образована, согласно Высочайше одобренному плану, редакціонная коммиссія изъ шести лицъ, въ которую вошли всѣ три выше названные профессора; на коммиссію эту возложено составленіе первоначальнаго проекта Уголовнаго Уложенія и объяснительной къ нему записки. Проектъ, по разсмотрѣніи и утвержденіи онаго въ полномъ составѣ комитета, имѣетъ быть напечатанъ *для общаго свѣдѣнія* и разосланъ на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ и тѣхъ лицъ и учрежденій заключеніе коихъ главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ и министръ Юстиціи признаютъ полезными. *По истеченіи четырехъ мѣсяцевъ* со времени разсылки проекта комитетъ обязывается подвергнуть обсужденію всѣ заявленные на проектъ отзывы и замѣчанія и затѣмъ внести оный со всѣми относящимися къ нему матеріалами въ Государственный Совѣтъ.

Установленный четырехмѣсячный срокъ, по истеченіи котораго комитетъ долженъ будетъ приступить къ окончательной обработкѣ проекта, есть нововведеніе. Подобные сроки въ прежнее время не назначались. Но этимъ и объясняется отчасти то что законодательная работа, коей настоятельная необходимость сознана двадцать лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ не только не окончена, но въ сущности лишь теперь начинается. Съ другой стороны, установленіе этого срока служитъ доказательствомъ что зло „комитетскихъ проволочекъ" вполнѣ сознано и что рѣшено положить оному конецъ.

№ 132.

Москва, 13-го мая.

Вотъ уже болѣе мѣсяца что Италія переживаетъ рядъ министерскихъ кризисовъ и притомъ безъ всякой, повидиму, серіозной причины. Министръ Каироли принадлежитъ къ либеральной партіи, а эта партія владѣетъ двумя третями всей палаты депутатовъ. При такихъ условіяхъ положеніе министерства должно бы казаться непоколебимымъ, а между тѣмъ 7 апрѣля большинство депутатовъ заставили Каироли подать въ отставку; 8 же апрѣля всѣ ясно сознали невозможность найти другаго министра и послѣ двѣнадцатидневнаго, томительнаго ожиданія Каироли снова вступаетъ 20 апрѣля въ министерство. Но уже съ перваго мая положеніе его становится шаткимъ, а съ 14 (2) мая онъ снова принужденъ покинуть свой постъ. Съ тѣхъ поръ начался опять томительный кризисъ и чѣмъ онъ разрѣшится неизвѣстно.

Внѣшнимъ образомъ двукратное паденіе министерства Каироли приводится въ связь съ успѣхами Франціи въ Тунисѣ. Но этому никто ни въ Италіи, ни въ остальной Европѣ не вѣритъ. Всѣ очень хорошо знаютъ что палата депутатовъ нашла въ Тунисскомъ вопросѣ лишь удобный *предлогъ* для сверженія Каироли.

Но если внѣшнія дѣла не были настоящею причиной возникшей вражды между либеральною палатой и либеральнымъ министерствомъ, то можетъ-быть слѣдуетъ искать эту причину во внутреннихъ дѣлахъ Италіянскаго государства? Нисколько. На очереди стоятъ, правда, двѣ важныя внутреннія реформы, избирательная и финансовая, но противъ нихъ возставала лишь

консервативная партія съ Селлой во главѣ, располагающая слабымъ меньшинствомъ въ палатѣ, тогда какъ либеральное большинство вполнѣ сходилось во взглядахъ на эти реформы со сверженнымъ имъ дважды министерствомъ Каироли.

Въ чемъ же дѣло?

Ни въ чемъ иномъ какъ въ самой сущности политической системы дѣйствующей въ Италіи. Система эта есть именно тотъ парламентаризмъ, тотъ идеалъ который пришелся такъ по сердцу нашимъ поборникамъ „правоваго порядка,“ Король хранитъ полный нейтралитетъ въ тѣсныхъ рамкахъ предоставленныхъ ему конституціей; всѣми дѣлами заправляетъ парламентъ тоесть представители народа, слѣдовательно „самъ народъ.“ Чего же казалось бы лучше? Развѣ не въ этомъ, по мнѣнію нашей „прессы,“ заключается совершенство государственнаго механизма? Развѣ при такомъ положеніи дѣлъ, по ея же мнѣнію, не должны быть устранены всякія злоупотребленія, неурядицы и интриги?

Къ сожалѣнію, не то оказывается на дѣлѣ. Италіянскій парламентъ дѣйствительно держитъ въ своихъ рукахъ судьбы Италіи, а между тѣмъ какъ внѣшнія такъ и внутреннія дѣла государства доведены тамъ до полнаго застоя и разстройства. Есть наивные люди воображающіе что депутаты избранные народомъ отождествляютъ свои интересы съ интересами народа, посвящаютъ всю свою общественную дѣятельность на благо отечества и при всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ имѣютъ въ виду исключительно пользу своихъ согражданъ. Дѣйствительность весьма далека отъ этаго идеала. Нѣтъ почвы болѣе удобной для развитія самаго страстнаго, самаго слѣпаго эгоизма какъ парламентъ. Рѣдкій депутатъ, попавшій благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ, интригамъ и подкупамъ въ палату, не воображаетъ себя государственнымъ человѣкомъ которому по справедливости слѣдовало бы быть министромъ. Это желаніе преслѣдуетъ его неотступно; ему постоянно мерещится переспектива власти, она при парламентскомъ устройствѣ даже въ непродолжительномъ времени даетъ возможность должнымъ образомъ устроить свои дѣла и дѣла своихъ друзей. Болѣе скромные депутаты приходятъ иногда къ сознанію что сами они въ министры не годятся, но въ такомъ случаѣ они группируются вокругъ болѣе способнаго или смѣлаго товарища, который по ихъ разчетамъ можетъ со временемъ стать у государственнаго кормила и наградить своихъ друзей щедрою раздачей выгодныхъ мѣстъ, орденовъ, чиновъ и прочихъ благъ земныхъ, находящихся въ распоряженіи министровъ.

Въ странахъ гдѣ партіи сложились вѣками, гдѣ какъ въ Англіи ихъ двѣ, стоящія во всеоружіи, ежечасно готовыя одна смѣнить другую, нѣтъ мѣста такимъ видамъ на возвышеніе какъ въ странахъ партій много, гдѣ составъ партій не проченъ и гдѣ личное честолюбіе не сдерживается строгою дисциплиной партій вполнѣ опредѣлившихся. При такихъ условіяхъ всегда найдется немало депутатовъ которымъ пригоденъ всякій предлогъ для низверженія какого бы то ни было министерства. Съ этою цѣлью образуются,разстраиваются и снова составляются различныя коалиціи, партіи группы и фракціи дѣйствующія путемъ всевозможныхъ интригъ и контръ-интригъ. Увлекаясь все болѣе и болѣе въ этой эгоистической борьбѣ, депутаты предаются лихорадочной дѣятельности. собираются, ораторствуютъ, возбуждаютъ „вопросы,“ вносятъ „интерпелляціи,“ выражаютъ„ довѣріе“ и „недовѣріе,“ интригуютъ, толкуютъ, спорятъ, горячатся, примиряются и снова ссорятся и такъ далѣе до безконечности. При этомъ обыкновенно забывается о нуждахъ страны, объ интересахъ избирателей, о благѣ и пользѣ народа, на котораго между тѣмъ при всякомъ удобномъ случаѣ ссылаются какъ на верховную власть. Мало-по-малу многіе приходятъ къ убѣжденію что прямая ихъ обязанность заключается именно въ томъ чтобы постоянно направлять свои нтриги въ видахъ „оппозиціи“ министерству. Отъ времени до времени интриги эти до такой степени запутываются что приходится распускать палату и назначать новые общіе выборы, тоесть распространять политическія интриги по всей странѣ и подвергать весь народъ безполезному, лихорадочному броженію.

Если при подобной системѣ найдется человѣкъ способный сдерживать парламентскія интриги желѣзною энергіей, какъ князь Бисмаркъ, тогда страна пользуется сравнительно бо̀льшимъ порядкомъ. Такой порядокъ еще болѣе упрочится, если подобные *настоящіе* государственные люди получатъ возможность безпрепятственно оказывать полезныя услуги своему отечеству. Но если нѣтъ человѣка который сумѣлъ

бы взять въ руки парламентскихъ говоруновъ и интригановъ, тогда парламентская система всего способнѣе создать смуту, раздоры и анархію.

Въ такомъ именно положеніи находится нынѣ Италія. Съ тѣхъ поръ какъ умеръ Кавуръ въ ней не было ни одного выдающагося министра, но за то была цѣлая масса разнообразныхъ министерствъ безпрестанно создававшихся и падавшихъ по произволу и эгоистическимъ интригамъ парламентскихъ партій, доведшихъ страну до жалкаго политическаго и экономическаго состоянія.

Никто не можетъ упрекнуть Каироли въ неопытности, въ нечестности, въ какомъ-нибудь злоупотребленіи или превышеніи власти. Онъ въ глазахъ депутатовъ имѣетъ только одинъ недостатокъ: онъ занимаетъ министерскій постъ, который могъ бы занять другой. Этого достаточно чтобы свергнуть Каироли подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Правда, отъ этого страна ничего не выиграетъ, но за то могутъ выиграть депутаты, взирающіе на свое мѣсто въ парламентѣ какъ на первую ступень той лѣстницы которая ведетъ ко власти..

И вотъ въ угоду этимъ господамъ второй уже мѣсяцъ важнѣйшіе государственные вопросы остаются нерѣшенными, объ интересахъ народа его представители забыли, они увлеклись борьбой партій и всякаго рода интригами, имъ не до изученія стоящихъ на очереди проектовъ, законовъ и реформъ. Народъ обремененъ тяжестью налоговъ, коснѣетъ въ невѣжествѣ, король не имѣетъ права", вмѣшиваться въ дѣла своего государства, а господа депутаты, занятые борьбою партій, обрекаютъ эти дѣла на застой и безпорядокъ. Есть такіе люди которые называютъ это „нормальнымъ конституціоннымъ режимомъ."

№ 133.

Москва, 14-го мая.

Сообщенная намъ вчера телеграмма изъ Софіи, отъ 13 (25) мая, передаетъ содержаніе обнародонаннаго письма князя Болгарскаго къ министру президенту Эрнроту. Письмо это служитъ дополненіемъ къ прокламаціи князя отъ 9 мая (27 апрѣля), призывающей Болгарскій народъ къ пересмотру конституціи. Въ этомъ письмѣ министру-президенту формулованы княземъ три условія на которыхъ онъ соглашается остаться на Болгарскомъ престолѣ; онъ требуетъ: вопервыхъ, чтобъ ему вручена была на семь лѣтъ дискреціонная власть; въ теченіе этого *септенната* управленіе принадлежитъ ему всецѣло безъ участія тѣхъ „конституціонныхъ учрежденій" непригодность которыхъ доказана печальнымъ опытомъ, и безъ кореннаго измѣненія коихъ князь не считаетъ возможнымъ оставаться долѣе на Болгарскомъ престолѣ. Въ теченіи этого времени князь предполагаетъ учредить по своему усмотрѣнію государственный совѣтъ и заняться по собственной иниціативѣ улучшеніемъ всѣхъ отраслей управленія. Распущеніе существующаго парламента на все время диктатуры есть логическое послѣдствіе перваго требованія, и это составляетъ второй пунктъ возвѣщенной въ письмѣ программы, причемъ, однако, распускаемому парламенту предоставляется утвердить бюджетъ, который получаетъ законную силу на все время до предстоящаго переустройства. Наконецъ, въ третьемъ пунктѣ, князь предоставляетъ себѣ до истеченія семи лѣтъ созвать великое народное собраніе, коему принадлежитъ учредительное право, и предложить ему пересмотръ конституціи, „причемъ," какъ сказано въ письмѣ, „должны быть приняты во вниманіе новыя учрежденія." Если Великое Народное Собраніе, нынѣ созываемое, одобритъ эти требованія, князь останется на престолѣ; если нѣтъ, онъ отречется.

Спрашивается: есть ли во всемъ этомъ что-либо похожее на „насильственный переворотъ," о коемъ съ такимъ жаромъ толкуетъ большинство либеральныхъ органовъ европейской печати, сравнивающихъ князя Александра съ Наполеономъ III и называющихъ его „узурпаторомъ?" Въ своей прокламаціи князь Болгарскій говоритъ: „Я присягнулъ конституціи. Я остался вѣ„ренъ своей присягѣ и останусь ей вѣ„ренъ до конца." Ссылаясь на пользу и благоденствіе княжества,—блюсти ихъ обязываетъ его конституція которой онъ присягнулъ,—князь объявляетъ торжественно предъ народомъ что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Болгаріи онъ не можетъ исполнить своей задачи и поэтому рѣшилъ передать Великому Народному Собранію, верховному органу народной воли, свою корону и судьбы Болгарскаго народа.

Это ли узурпація? Европейскія ревнители Болгарскаго народа, коихъ теперь оказывается очень много, повидимому полагаютъ что болгарская конституція, надѣлившая весь народъ столь широкими вольностями, лишила свободы лишь того кто поставленъ во главѣ этого народа.

На другой день послѣ полученія въ Лондонѣ извѣстія о прокламаціи князя Болгарскаго, сэръ-Джорджъ Кампбеллъ, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ торійской партіи, заботы и сочувствія которой къ христіанскимъ племенамъ Балканскаго полуострова останутся навсегда памятными въ исторіи, выступилъ заступникомъ за попранныя права Болгарскаго народа. Онъ обратился къ правительству съ запросомъ, „правда ли что князь Болгарскій насильственно сокрушилъ конституцію, установленную по одобренію державъ и согласно Берлинскому трактату, и покусился присвоить себѣ полную власть? Если „это правда,“ продолжалъ этотъ ревностный заступникъ, „то предприняло ли правительство королевы какіе-либо шаги по „этому поводу, и будетъ ли представитель „Британскаго правительства въ Софіи поддерживать какія бы то ни было дипломатическія сношенія съ *узурпаторомъ*, „помимо предваренія его о личной отвѣтственности которой онъ самъ подвергается?“ Сэръ-Чарльзъ Дилкъ, второй статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, заявилъ на это что „къ великому своему сожалѣнію“ онъ долженъ подтвердить справедливость переданныхъ изъ Софіи извѣстій и затѣмъ изложилъ сущность прокламаціи Болгарскаго князя.

Что̀ собственно вызвало въ сэръ Чарльзѣ Дилкѣ „великое сожалѣніе“ онъ не объяснилъ; но онъ ни однимъ словомъ не возразилъ противъ неприличныхъ выраженій торійскаго оратора и не счелъ нужнымъ указать ему что державы отнюдь не обязались по Берлинскому трактату насильственно удерживать Болгарскаго князя на престолѣ, хотя бы противъ его собственной воли.

Газета *Times* высказалась по этому поводу нѣсколько откровеннѣе. Вотъ ея мнѣніе о конституціи Болгаріи, самыми горячими защитниками которой являются приверженцы политики покойнаго лорда Биконсфильда: „Князь Болгарскій,“ замѣчаетъ органъ Лондонскаго Города, „не „участвовалъ въ составленіи конституціи, „которой онъ присягнулъ въ іюлѣ 1879 „года; она была ему навязана. Когда она „была впервые обнародована, западные „критики были отчасти ею встревожены: „отчасти же она вызвала насмѣшки. Читатели, быть-можетъ, припомнятъ впечатлѣніе которое было произведено когда „текстъ конституціи былъ переданъ намъ „цѣликомъ по телеграфу 25 февраля 1879. „Она заключала въ себѣ 170 статей и заняла три столбца нашей газеты. На составленіе этой конституціи для народа „только что вышедшаго изъ-подъ гнета „Оттоманскаго рабства и анархіи было потрачено не мало труда: это была компиляція тщательно собравшая все что̀ „можно было позаимствовать изо всѣхъ „извѣстныхъ конституцій, какъ возросшихъ „вѣками, такъ и сочиненныхъ. Были предусмотрены всевозможныя помѣхи могущія затруднить дѣйствіе новой государственной машины; вездѣ положены были „буфферы, долженствовавшіе смягчить силу удара на случай схода съ рельсовъ. „Одного только не доставало; объ одномъ „лишь не позаботились, о движущей силѣ „долженствовавшей пустить машину въ „ходъ. И красиво сложенная Болгарская „конституція ни разу не могла развести „паровъ.“

Казалось бы что послѣ столь ироничеcкой и мѣткой критики Болгарской конституціи должно согласиться что правителю Болгаріи не оставалось ничего другаго какъ сбросить шутовской нарядъ въ который облечено было юное государство; казалось бы послѣ приведенной критики нельзя не отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ заявленію о результатахъ двухлѣтняго опыта исчерпавшаго всѣ способы дабы приладить къ дѣйствительной жизни механизмъ, непригодность котораго, какъ теперь оказывается, многіе отлично понимали еще прежде чѣмъ приступлено было къ этимъ опытамъ. Какіе же имѣются поводы усомниться въ искренности и печальной правдѣ заявленія Болгарскаго князя что онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ допускалъ всевозможныя попытки для организаціи и правильнаго развитія княжества, но что всѣ эти попытки не оправдывали его надеждъ, что въ настоящее время Болгарія, совершенно дискредитованная извнѣ, находится въ состояніи полнаго внутренняго разстройства, и что такое положеніе дѣлъ поколебало въ народѣ вѣру въ пра-

восудіе и правду и внушаетъ ему опасеніе насчетъ его будущности?

Но лондонская газета приходитъ не къ этому выводу, столь ясно, казалось бы, вытекающему изъ ея собственныхъ взглядовъ на государственный порядокъ навязанный Болгаріи. По мнѣнію *Times*, князь Александръ не имѣетъ права пытаться перемѣнить данное ему въ руки непригодное орудіе и замѣнить оное такимъ которое болѣе соотвѣтствовало бы истиннымъ потребностямъ и характеру управляемой имъ страны. Онъ долженъ былъ остаться вѣренъ нелѣпому порядку, ибо на него падетъ де отвѣтственность если перемѣны, коихъ онъ добивается, не приведутъ къ лучшему.

Но князь Болгарскій не только не уклоняется отъ этой отвѣтственности, но прямо заявляетъ что если ему не будетъ предоставлена та доля самостоятельности и инціативы и неразрывно связанной съ ними отвѣтственности безъ которой дѣло управленія не можетъ быть благотворнымъ, а ведетъ къ гибели, то онъ скорѣе согласенъ вовсе отказаться отъ управленія страной нежели продолжать управлять при существующихъ условіяхъ. Очевидно, поэтому, что причина неудовольствія вызваннаго въ Англіи рѣшеніемъ принятымъ княземъ Александромъ заключается не въ томъ что̀ высказано, а въ чемъ-то другомъ, о чемъ умолчали какъ г. Дилкъ такъ и газета *Times*.

Мы думаемъ что въ Англіи больше всего опасаются того чтобы съ установленіемъ въ Болгаріи болѣе правильнаго государственнаго порядка не укрѣпилась прочнѣе нравственная связь Болгаріи съ Россіей, связь, которую во многихъ отношеніяхъ успѣла уже расшатать конституція, хотя сложенная и русскими руками, но оказавшаяся уже никакъ не въ интересахъ Россіи.

№ 134.

Москва, 15-го мая.

Начало текущаго мѣсяца ознаменовалось на биржахъ нѣкоторымъ пониженіемъ нашихъ курсовъ. Люди извѣстной партіи не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Пониженіе курсовъ приводится въ тѣсную связь съ опубликованіемъ Высочайшаго Манифеста 29 апрѣля. Разными путями и способами, между прочимъ и посредствомъ печати, дѣлались публикѣ внушенія что пониженіе курсовъ было прямымъ результатомъ именно этого факта. Чувствительные ко всему происходящему въ политическомъ мірѣ, люди биржеваго міра видятъ де въ упомянутомъ Манифестѣ поворотъ не къ лучшему, а къ худшему, и этотъ взглядъ ихъ выразился де въ биржевыхъ отмѣткахъ. Къ усвоенію такого взгляда, само собою разумѣется, приглашается и вся публика.

Еслибы дѣло было дѣйствительно такъ какъ оно выставляется, еслибы пониженіе курсовъ дѣйствительно было отвѣтомъ биржи на Манифестъ 29 апрѣля, что̀ слѣдовало бы изъ этого? Что люди биржеваго міра недовольны новымъ оборотомъ какой должны принять дѣла въ Россіи? Но развѣ наши дѣла должны идти непремѣнно такъ какъ имъ хочется? Развѣ для страны было бы хорошо только то что̀ съ своей точки зрѣнія признаетъ хорошимъ биржевой міръ? Вѣдь между интересами этого міра и интересами всей страны нѣтъ почти ничего общаго; ихъ интересы не только не солидарны, а часто прямо противоположны одинъ другому; благодѣтельное для страны можетъ быть невыгоднымъ для биржевиковъ, и наоборотъ. Солидарности между народными и биржевыми интересами нѣтъ нигдѣ, тѣмъ менѣе возможна она у насъ, при несамостоятельности нашихъ биржъ, при крѣпостной зависимости ихъ отъ биржъ заграничныхъ. Всѣ наши биржевыя дѣла, всѣ обороты нашими биржевыми цѣнностями составляютъ лишь предметъ игры, съ цѣлью наживы для тѣхъ кто ими заправляетъ. Не было бы ничего удивительнаго въ томъ еслибъ инымъ биржевымъ дѣятелямъ вздумалось воспользоваться актомъ 29 апрѣля чтобы сыграть на пониженіе. Эта игра, конечно, отразилась бы на биржевыхъ отмѣткахъ и у насъ, и за границей; но какой вѣсъ могутъ имѣть эти отмѣтки при оцѣнкѣ направленія даваемаго всей внутренней политикѣ Россіи? Это направленіе, какъ стараются иные господа внушить публикѣ, таково что оно вызываетъ на биржахъ уныніе, нѣчто подходящее къ паникѣ. Но на дѣлѣ даже въ биржевыхъ отмѣткахъ не оказывается ничего что̀ подтверждало бы эту злоумышленную инсинуацію. Все обозначившееся въ послѣднія полторы, двѣ недѣли пони-

женіе курсовъ не выходитъ изъ предѣловъ обычныхъ ихъ колебаній, колебаній происходящихъ помимо всякихъ крупныхъ политическихъ событій. 28 апрѣля русскіе кредитные билеты (наличные) цѣнились на Берлинской биржѣ 210 марокъ 10 пфенниговъ за 100 рублей; 9 мая они цѣнились 204 марки 65 пфенниговъ. Нашъ курсъ на Лондонъ 28 апрѣля былъ $24^{3}/_{4}$, $^{25}/_{32}$, а 12 мая $24^{1}/_{4}$, $^{5}/_{16}$; на Парижъ 28 апрѣля $261^{1}/_{2}$, $^{3}/_{4}$, а 5 мая $255^{7}/_{8}$, $256^{1}/_{4}$. Вотъ и весь размѣръ пониженія съ какимъ мы имѣемъ дѣло, если даже взять самые низкіе уровни до которыхъ падали курсы за это время, уровни на которыхъ курсы не застаивались, но тотчасъ же шли на повышеніе. Такими ли цифрами выразилось бы пониженіе курсовъ еслибъ оно дѣйствительно имѣло ту причину и тотъ характеръ какой хотятъ приписать ему?

На самомъ же дѣлѣ биржевому міру приходилось въ послѣднія недѣли учитывать при своихъ котировкахъ не Манифестъ 29 апрѣля, не отставку бывшаго министра Внутреннихъ Дѣлъ, а иныя событія дѣйствительно тревожнаго для биржъ свойства. Разумѣемъ безпорядки происходившіе въ южномъ и юго-западномъ краѣ, столь печально отозвавшіеся на тамошнемъ еврейскомъ населеніи. Начались они еще 15 апрѣля въ Одессѣ и Елисаветградѣ. Но о характерѣ этихъ безпорядковъ еще нельзя было судить по первымъ о нихъ свѣдѣніямъ. Можно было думать что это такая же мѣстная антиеврейская вспышка какая десять лѣтъ тому назадъ произошла въ той же Одессѣ, не выходя изъ ея предѣловъ и не сопровождаясь никакими дальнѣйшими послѣдствіями. Но кіевскія событія послѣднихъ дней апрѣля, затѣмъ распространеніе антиеврейскаго движенія по многимъ мѣстностямъ, повторившіеся 3 мая безпорядки въ Одессѣ и т. д. убѣдили что дѣло гораздо серіознѣе чѣмъ могло казаться сначала. Оно еще не разъяснено вполнѣ, его главные руководители далеко еще не обнаружены, но его характеръ уже сталъ внѣ сомнѣнія. Это дѣло нашихъ революціонеровъ и тѣхъ по чьему внушенію они дѣйствуютъ, отъ кого получаютъ средства на совершеніе своихъ дѣяній. Еще достопамятнымъ Жихаревскимъ слѣдствіемъ было констатировано существованіе въ нашемъ революціонномъ лагерѣ особой фракціи „вспышкопускателей,“ участіе коихъ сказалось потомъ въ Чигиринскомъ и въ другихъ подобныхъ дѣлахъ. Но съ 1874—1875 годовъ наши революціонеры, благодаря особаго рода либеральной диктатурѣ, ушли далеко впередъ въ своей дерзости. Отъ хожденія въ народъ они перешли къ убійствамъ и цареубійству, отъ пробныхъ мѣстныхъ вспышекъ къ возбужденію народныхъ безпорядковъ en grand, безпорядковъ подвергающихъ вопросу имущественную безопасность немалочисленнаго класса населенія нѣсколькихъ губерній, да и не одного этого класса, судя по подпольнымъ прокламаціямъ... Подобные безпорядки не могли не отозваться на биржевыхъ отмѣткахъ, тѣмъ болѣе что еврейскій элементъ повсюду играетъ первенствующую роль въ биржевомъ мірѣ и естественно былъ встревоженъ событіями имѣвшими такое печальное значеніе именно для Евреевъ. Должно замѣтить при этомъ что понесенный Евреями, отъ постигшей ихъ катастрофы, конечно, очень значительный ущербъ преувеличивался молвой до колоссальныхъ размѣровъ, что также не могло не быть принимаемо въ разчетъ на биржахъ. Далѣе, кромѣ прямаго матеріальнаго ущерба отъ погрома еврейскихъ домовъ и имуществъ, результатомъ безпорядковъ во многихъ мѣстахъ была остановка въ дѣлахъ подъ вліяніемъ естественной паники и опасеній какъ бы безпорядки не приняли еще бо́льшихъ размѣровъ, какъ бы не распространились на гораздо болѣе обширные районы. Имѣя въ виду все это, есть ли смыслъ искать, помимо сказанныхъ безпорядковъ, еще другихъ причинъ колебанія курсовъ въ послѣднія недѣли на биржахъ? Можно было бы только удивляться что подъ впечатлѣніемъ этихъ безпорядковъ курсы не упали много ниже чѣмъ въ дѣйствительности. И если этого не случилось, то чѣмъ объяснить это если не тѣмъ ободреніемъ которое всѣ встревоженные происходящимъ должны были почерпнуть въ Манифестѣ 29 апрѣля и въ послѣдовавшемъ за нимъ циркулярѣ 6 мая новаго министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Игнатьева? Разумѣемъ не одно прямое въ этомъ циркулярѣ указаніе на отношеніе правительства къ дѣлу Евреевъ; еще болѣе чѣмъ это указаніе должны успокоить Евреевъ слова сказанныя Государемъ Императоромъ при пріемѣ еврейской депутаціи. Вообще чѣмъ тверже выразится ожидаемое Россіей направленіе нашей внутренней политики, тѣмъ скорѣе обозначится улуч-

шеніе въ ходѣ всѣхъ нашихъ дѣлъ, въ томъ числѣ и биржевыхъ.

Впрочемъ на курсы, кромѣ состоянія политической атмосферы, имѣютъ особенное вліяніе причины болѣе матеріальнаго свойства. Главную роль играютъ тутъ наши денежные международные разчеты. Въ чью сторону гнутся вѣсы этихъ разчетовъ, вотъ главный вопросъ въ курсовомъ дѣлѣ. Въ текущемъ году внѣшняя торговля, и отпускная и привозная, переживала періодъ временнаго застоя, сокращенія обмѣна и всякихъ оборотовъ. Но приходящія отовсюду извѣстія о благопріятныхъ для земледѣлія метеорологическихъ условіяхъ позволяютъ разчитывать на оживленіе торговли въ близкомъ будущемъ. Если это оживленіе выразится прежде всего усиленіемъ привоза товаровъ, безъ одновременнаго усиленія отпуска или другихъ условій которыя вызываютъ платежи намъ изъ-за границы, не будетъ ничего удивительнаго если наши курсы понизятся безо всякихъ политическихъ къ тому поводовъ. Но предвидимое, въ случаѣ хорошаго урожая, усиленіе отпуска не замедлитъ затѣмъ поправить курсы.

№ 135.

Москва, 16-го мая.

А.

Въ полученномъ на дняхъ нумерѣ *Кельнской Газеты* передано лаконическое сообщеніе ея весьма свѣдущаго берлинскаго корреспондента „что Германское правительство намѣрено монополизовать приготовленіе пороха и динамита за имперіей.“ Позднѣйшія свѣдѣнія идущія по телеграфу изъ Берлина касаются нѣкоторыхъ подробностей по этому предмету; оказывается что Германское правительство имѣетъ въ виду внести въ рейхстагъ законопроектъ въ этомъ смыслѣ, распространивъ его дѣйствіе не только на динамитъ и порохъ, но и на всѣ прочія взрывныя вещества. Оказывается далѣе что имперское правительство, не довольствуясь такимъ закономъ только у себя, вошло въ переговоры съ прочими державами, приглашая ихъ установить тотъ же порядокъ.

Мѣра задуманная Германскимъ правительствомъ является логическимъ слѣдствіемъ всего законодательства Германіи относительно взрывныхъ веществъ въ послѣднее время. Вслѣдъ за покушеніями Гёделя и Нобилинга въ Германіи были установлены особыя правила относительно торговли этими предметами. Не только взрывныя вещества, но и матеріалы служащіе исключительно для ихъ изготовленія продаются въ Германіи далеко не свободно; ограниченія касаются какъ покупателей, такъ и торговцевъ. Несовершеннолѣтнимъ и лицамъ продавцу вовсе не извѣстнымъ продавать взрывныя вещества запрещается безъ особаго на то дозволенія. Поступающій въ лавку или складъ товаръ, а равно и каждая продажа онаго, обязательно вносятся въ особую книгу, по коей всегда можетъ быть дознано кому и въ какомъ количествѣ отпущены взрывныя вещества или матеріалы для ихъ изготовленія. На торговлю этими матеріалами выдаются особыя разрѣшенія, причемъ администрація предварительно удостовѣряется въ степени благонадежности лица ищущаго права торговли. Тѣмъ не менѣе, рейхстагъ, послѣ событія 1 марта, нашелъ эти правила недостаточными, и въ особой резолюціи просилъ имперскаго канцлера обратить вниманіе на правила относительно изготовленія, храненія и продажи взрывныхъ веществъ. Случай продажи значительнаго количества гремучаго студня изъ частнаго склада близь Хемница и угрожающія прокламаціи наклеенныя въ одномъ изъ маленькихъ городовъ заставили имперскаго канцлера обратить на представленіе рейхстага серіозное вниманіе. Имперскій канцлеръ призналъ главнѣйшею причиной неудовлетворительности дѣйствовавшихъ до того правилъ именно то обстоятельство что фабрикація взрывныхъ веществъ до сихъ поръ ускользала отъ правильнаго контроля и что поэтому контроль за продажей ихъ былъ очень затруднителенъ на практикѣ, такъ какъ было совершенно невозможно учесть количество дѣйствительно поступавшаго въ торговлю готоваго взрывнаго матеріала. Съ переходомъ фабрикаціи въ руки правительства неудобство это устраняется и, сверхъ того, отвращается возможность несчастныхъ случаевъ при изготовленіи этихъ веществъ не всегда достаточно привычными и свѣдущими людьми.

Казенная фабрикація взрывныхъ веществъ представляетъ еще и то удобство

что уменьшаетъ необходимость содержанія обширныхъ частныхъ складовъ, надзоръ за коими, какъ оказалось на дѣлѣ, со стороны хозяевъ былъ весьма слабый. Около шестидесяти пудовъ взрывной желатины похищенныхъ изъ склада близь Хемница не удалось найти не взирая ни на какія мѣры принятыя какъ саксонскимъ правительствомъ, такъ и имперскими властями.

Но ограничивая фабрикаціи у себя дома, Германское правительство признало необходимымъ дать этой мѣрѣ международный характеръ, что предотвращало бы тайный ввозъ въ Германію взрывныхъ веществъ, и сверхъ того съ правительственною монополизаціей изготовленія взрывныхъ веществъ сократится число лицъ практически знающихъ это дѣло въ цѣломъ его объемѣ.

Но политика германскаго канцлера всегда сумѣетъ убить сразу двухъ бобровъ. Дѣло идетъ не только объ ограниченіи фабрикаціи взрывныхъ веществъ на частныхъ заводахъ, но и объ устраненіи отъ этого дѣла правительствъ входящихъ въ составъ Германіи; рѣчь идетъ о приготовленіи пороха и динамита исключительно на фабрикахъ германскаго имперскаго военнаго вѣдомства; слѣдовательно отъ фабрикаціи ихъ устраняются федеральныя государства имѣющія свои военныя министерства, какъ Саксонія, Баварія и Виртембергъ. Въ этомъ смыслѣ законъ будетъ новою мѣрой объединенія Германіи, точно также какъ и разрабатываемый теперь законопроектъ объ общеимперскомъ военномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ.

Б.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій русская территорія расширилась во всѣ стороны. Но прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ постоянно мѣшало у насъ пользоваться тѣмъ средствомъ какимъ обыкновенно упрочиваются за государствами ихъ территоріальныя пріобрѣтенія. Выходила престранная аномалія что именно русскимъ людямъ полагались препятствія къ поселенію на новыхъ земляхъ, и наоборотъ, щедро давались льготы и пособія для колонизаціи ихъ людьми пришлыми и чужими. Кромѣ удовлетворенія возникшихъ хозяйственныхъ нуждъ, организація переселеній одновременно можетъ исправить эту вѣковую аномалію.

Вопросъ о переселеніяхъ былъ поднятъ въ періодъ обсужденія крестьянской реформы, но временно отсроченъ изъ опасенія чтобы массы крестьянъ на первыхъ же порахъ не бросили своихъ земель и не разбрелись во всѣ стороны. Затѣмъ, рядъ фактовъ въ жизни крестьянскаго сословія неоднократно заставлялъ вновь обращаться къ этому отсроченному вопросу. Никогда не прекращавшіяся, а по временамъ особенно возраставшія стремленія крестьянъ къ переселеніямъ постоянно были въ виду правительства, побуждая его къ принятію то тѣхъ, то другихъ мѣръ. Извѣстно, между прочимъ, какой толчокъ этимъ переселеніямъ данъ былъ въ 1868 году циркулярами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ имѣвшими цѣлію привлеченіе переселенцевъ въ Оренбургскую и Самарскую губерніи. Извѣстенъ и печальный исходъ многихъ изъ вызванныхъ этими циркулярами переселеній, частію по стѣснительности правилъ которыми были обставлены эти переселенія, частію потому что правила эти вообще не были поняты крестьянами, главнымъ же образомъ потому что переселенцы оставались почти безо всякой помощи и руководства. Массы переселенцевъ разорились и вернулись обратно нищими, но многіе успѣли устроиться на новыхъ мѣстахъ безъ соблюденія установленныхъ правилъ, такъ что строго руководясь этими правилами, довелось бы силою пересылать этихъ поселенцевъ обратно на родину. Вмѣсто такой крутой и безцѣльной мѣры, въ 1876 году сдѣланы были для переселенцевъ въ Оренбургскую и Уфимскую губерніи существенныя послабленія въ правилахъ. Было признано законное существованіе цѣлыхъ селеній образовавшихся изъ самовольныхъ переселенцевъ; было предоставлено всѣмъ переселившимся причислиться къ ближайшимъ волостямъ безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ; была снята съ этихъ переселенцевъ обязанность самимъ выхлопатывать увольнительныя свидѣтельства отъ обществъ къ которымъ переселенцы принадлежали прежде; съ этихъ обществъ была снята всякая отвѣтственность за недоимки числившіяся на самовольныхъ переселенцахъ, причемъ недоимки были зачислены долгомъ на самихъ переселенцахъ по новому мѣсту ихъ водворенія. Затѣмъ, въ 1879 году, было ассигновано изъ такъ-называемаго башкирскаго капитала 250.000 рублей на выдачу ссудъ

переселенцамъ для пріобрѣтенія арендованныхъ ими въ Оренбургской губерніи земель.

Въ настоящее время вопросъ о переселеніяхъ поднятъ главнымъ образомъ въ видахъ устраненія невыгодъ проистекающихъ для крестьянъ отъ недостатка земель въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ черноземныхъ губерній. Замѣченнымъ по мѣстамъ неблагопріятнымъ результатамъ малоземелья было придано у насъ въ послѣдніе годы преувеличенное значеніе. Частные и мѣстные случаи малоземелья обобщались, такъ что малоземелье крестьянъ выставлялось язвой всего нашего хозяйственнаго быта, и уврачеваніе этого зла ставилось общею государственною задачей. Политическая интрига желала создать въ Россіи, между прочимъ, и аграрный вопросъ; въ этихъ видахъ были пущены въ ходъ и настойчиво поддерживались толки о крестьянскомъ малоземельѣ. Толки эти вошли въ моду и усердно повторялись Панурговымъ стадомъ. Лживая тенденціозность ихъ не подлежитъ сомнѣнію, и лежащія въ ихъ основѣ стремленія не заслуживаютъ уваженія и должны быть встрѣчены рѣшительнымъ отпоромъ. Но ту долю правды которая примѣшивается ко всякому обману и временно даетъ ему нѣкоторую силу не слѣдуетъ упускать изъ виду. Условій которыя вызывали бы возникновеніе у насъ аграрнаго вопроса на дѣлѣ не имѣется; явленіе малоземелья, о которомъ было столько криковъ, не имѣетъ ни того общаго значенія, ни тѣхъ размѣровъ какіе ему были приписаны. Но частные и мѣстные факты малоземелья тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія, и принять мѣры къ устраненію вредныхъ послѣдствій его не только желательно, но и необходимо. Постепенное измельчаніе земельныхъ участковъ есть прямой и неизбѣжный результатъ чрезмѣрнаго прикрѣпленія къ землѣ, удерживающаго на ней избытки населенія. Требуется дать исходъ этимъ излишкамъ населенія накопившимся въ разныхъ мѣстностяхъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, а еще болѣе дать большую свободу хозяйственной дѣятельности крестьянъ.

Для какого количества крестьянъ и какихъ именно мѣстностей нужны переселенія на другія земли, это вопросъ не поддающійся рѣшеніямъ a priori. Однимъ размѣромъ крестьянскаго землевладѣнія, какъ бы ни были въ иныхъ случаяхъ малы земельные участки, этотъ вопросъ не рѣшается. Имѣя кромѣ земледѣлія другія средства къ жизни, или нанимая по сходнымъ цѣнамъ чужія земли, крестьяне могутъ хорошо жить и на малыхъ надѣлахъ, но за недостаткомъ этихъ постороннихъ средствъ и относительно большіе надѣлы могутъ не обезпечивать быта крестьянъ и побуждать ихъ къ переселенію. Предопредѣлять кому должно и кому не слѣдуетъ переселяться значило бы тормозить хозяйственную жизнь; но во всякомъ случаѣ требуется обставить дѣло переселенія правильными и хорошо обдуманными условіями. Значеніе организаціи переселеній заключается именно въ огражденіи переселяющихся отъ неблагопріятнаго исхода переселеній. Эта организація еще не выработана, но въ общихъ чертахъ предполагается обобщить и узаконить тѣ вышеисчисленныя мѣры которыя найдено было нужнымъ принять въ 1876 и 1879 годахъ по отношенію къ переселенцамъ въ Оренбургскую и Уфимскую губерніи. Во избѣжаніе вредныхъ скитаній переселенцевъ при отыскиваніи мѣстъ для новыхъ поселеній, предположено учредить справочныя конторы которыя руководили бы ихъ въ выборѣ земель. Для облегченія имъ пріобрѣтенія земель предположено избавить ихъ отъ соблюденія сложныхъ и дорого стóящихъ формальностей совершенія купчихъ крѣпостей; взамѣнъ того, акты на пріобрѣтеніе земель переселенцами предполагается совершать порядкомъ установленнымъ для совершенія актовъ по укрѣпленію за крестьянами земель поступившихъ имъ въ надѣлы.

Кромѣ переселеній разрѣшаемыхъ, проектируются еще переселенія поощряемыя особыми льготами, не только руководствомъ въ выборѣ земель, отводомъ ихъ или ссудой для ихъ покупки, но и выдачей значительныхъ, въ нѣсколько сотъ рублей на семью, пособій на передвиженіе и на водвореніе въ новой мѣстности. Пособія эти, сколько извѣстно, проектируется выдавать преимущественно въ тѣхъ случаяхъ когда переселеніями устраняется вредное въ хозяйственномъ отношеніи малоземелье крестьянъ въ тѣхъ мѣстностяхъ откуда идутъ переселенцы. Эти пособія могли бы также направить переселенія въ тѣ мѣстности гдѣ требуется усиленіе русскаго элемента, гдѣ этотъ элементъ численно слишкомъ слабъ, какъ напримѣръ въ большей части кавказскихъ земель.

№ 137.

Москва, 18-го мая.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду бóльшая часть нашей печати съ особенною любовію живописуетъ всякія народныя бѣдствія въ Россіи, пророча еще большія, ничѣмъ кромѣ *конституціи* неотвратимыя бѣдствія въ будущемъ. Всякое мѣстное и временное обстоятельство невыгодное для народнаго хозяйства въ какомъ бы то ни было отношеніи, каждый случайный фактъ этого рода немедленно подхватывается, обобщается, дополняется ложью, раздувается и подаетъ поводъ къ іеремiадамъ о судьбахъ страны. Цѣль этихъ іеремiадъ держать въ постоянной тревогѣ публику. Долгое время господствующею темой плача и набата были высокія цѣны на хлѣбъ. Всѣмъ еще памятно чтó печаталось по этому поводу, какіе ужасы предвѣщались. Но цѣны на хлѣбъ, вмѣсто того что бы подняться къ веснѣ, въ теченіе всей зимы постоянно понижались, продолжаютъ понижаться и теперь. Не только не произошло затрудненія отъ мнимаго недостатка продовольствія, но и въ мѣстностяхъ дѣйствительно постигнутыхъ неурожаемъ населеніе благополучно пережило трудное время. Тему запугиванья голодомъ отъ прошлогодняго неурожая пришлось бросить, и только въ нѣкоторыхъ газетахъ не отказываются еще отъ попытки смутить публику замѣчаніемъ что еще невѣдомо каковъ-то будетъ предстоящій урожай, и что крестьяне помышляютъ о немъ съ трепетомъ. Но приходящія почти отовсюду извѣстія о благопріятныхъ для земледѣлія условіяхъ при которыхъ началась нынѣшняя весна обращаютъ пока въ ничто всякія подобныя разлагольствія. За то на смѣну одной темы не замедлила явиться другая. Закрылось нѣсколько фабрикъ и промышленныхъ заведеній, нѣсколько другихъ сократили свое производство. Сколько именно фабрикъ закрылось, въ какомъ размѣрѣ сократилось производство, это неизвѣстно. Тѣмъ лучше, тѣмъ шире просторъ для пессимистическихъ разсужденій, тѣмъ удобнѣе заявленіе опасеній новаго соціальнаго вопроса, вопроса рабочаго со всѣми связанными съ нимъ бѣдствіями, каковы нищенство и голодъ части городскихъ населеній. Мѣстнаго неурожая было достаточно чтобы поднять вопросъ о мнимомъ „сельскомъ пролетаріатѣ;" нѣсколькихъ закрывшихся и сократившихъ свое производство фабрикъ довольно чтобы повести рѣчь о „пролетаріатѣ городскомъ." Перечисляется, напримѣръ, нѣсколько фабрикъ которыя были вынуждены распустить нѣсколько тысячъ рабочихъ, и затѣмъ дѣлается такой общій выводъ: „Положеніе грустное, а средствъ къ устраненію зла не видно. Голодъ и нищенство рабочаго класса опасные гости во время соціальныхъ смутъ."

Что нѣсколько фабрикъ сократили, а нѣсколько другихъ вовсе прекратили производство, это всѣмъ извѣстный фактъ. Но и тѣ кто спѣшатъ раздуть его признаютъ что такіе случаи составляютъ исключеніе, а не общую картину хода промышленности, такъ что сами по себѣ не даютъ повода къ тревогѣ. Этотъ поводъ заключается де въ непрекращающемся застоѣ торговли, вслѣдствіе коего растетъ де опасность чтобъ отдѣльные случаи не сдѣлались общимъ правиломъ.

На дѣлѣ, однако, никакихъ серіозныхъ основаній для подтвержденія подобныхъ опасеній не оказывается. Имѣются, напротивъ, налицо данныя позволяющія разсчитывать не на ухудшеніе, а на улучшеніе дѣлъ, но эти данныя оставляются въ тѣни, на нихъ не указывается. Такъ, напримѣръ, всѣми былъ поставленъ на видъ и старательно подчеркнутъ тотъ фактъ что прошлогодній привозъ хлопка (4.886.000 пуд.) былъ на 833.000 пудовъ менѣе противъ привоза 1879 года: вотъ де въ какихъ размѣрахъ сократилось главное изъ нашихъ промышленныхъ производствъ, хлопчатобумажное. Но не предстоящее сокращеніе этого производства указываетъ заявленный на дняхъ офиціально фактъ что въ одномъ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ привозъ хлопка дошелъ до 666.000 пудовъ, что вообще въ первые три мѣсяца текущаго года привезено хлопка слишкомъ на полмилліона пудовъ болѣе чѣмъ въ соотвѣтственные мѣсяцы прошлаго 1880 года.

Застоя торговли въ настоящемъ смыслѣ этого слова тоже на дѣлѣ не оказывается. Была временная заминка въ ходѣ торговли, былъ временный перерывъ въ ростѣ торговыхъ оборотовъ. Прошлый годъ не былъ для народнаго хозяйства такимъ тяжелымъ годомъ какимъ его выставляютъ, но и не принадлежалъ къ числу особенно удачныхъ; по своимъ оборотамъ онъ

остался нѣсколько позади своихъ болѣе счастливыхъ предшественниковъ, вотъ и все. Хлѣбная отпускная торговля, напримѣръ, далеко не походила по своимъ размѣрамъ на торговлю 1877—1879 годовъ, хотя шла ничѣмъ не хуже сравнительно съ лучшими годами предшествовавшаго этому періоду времени. Соотвѣтственно сокращенію размѣровъ хлѣбной торговли, сократилось и товарное движеніе на желѣзныхъ дорогахъ, но сократилось только сравнительно съ цифрами доходности дорогъ и съ итогомъ перевезенныхъ грузовъ въ указанный періодъ 1877—1879, а не по сравненію съ прежними годами. Но ни изъ чего нельзя заключать чтобы прошлогодняя заминка въ торговлѣ продолжалась и въ наступающемъ съ весны новомъ торговомъ сезонѣ. Правда, бросались въ глаза цифры еженедѣльныхъ офиціальныхъ вѣдомостей о поступленіи таможенныхъ доходовъ. Въ этихъ вѣдомостяхъ значилось, напримѣръ, что по свѣдѣніямъ полученнымъ до 2 апрѣля, таможенные сборы были слишкомъ вдвое менѣе прошлогоднихъ; недоборъ въ нихъ въ короткій срокъ превысилъ семь милліоновъ; затѣмъ изъ недѣли въ недѣлю недоборъ этотъ все возросталъ и къ 30 апрѣля дошелъ почти до девяти милліоновъ. Люди незнакомые съ сущностью дѣла могутъ принять такіе факты за доказательства упадка внѣшней торговли вслѣдствіе сокращенія народныхъ средствъ на покупку иностранныхъ товаровъ. Но въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Сокращеніе оборотовъ привозной торговли и поступленія таможенныхъ сборовъ только кажущееся, а не дѣйствительное. Значащагося въ вѣдомостяхъ девятимилліоннаго недобора въ этихъ сборахъ вовсе не было. Здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ прямымъ результатомъ общаго подъема съ 1 января таможенныхъ пошлинъ на 10%. Узаконенное минувшею осенью, одновременно съ отмѣной солянаго налога, это повышеніе тарифа побудило торговцевъ поторопиться уплатой пошлинъ за находившіеся въ таможенныхъ складахъ товары до наступленія Новаго Года. Эти товары, вслѣдствіе этого, были выпущены изъ таможенъ въ концѣ прошлаго года, и пошлины съ нихъ которыя поступали бы въ казну лишь теперь, были внесены въ нее авансомъ въ концѣ прошлаго года. Поступило этихъ пошлинъ въ прошломъ году болѣе 101½ милліоновъ рублей, слишкомъ на 10 милліоновъ болѣе противъ 1879 года, но весь этотъ избытокъ есть авансовый вносъ въ счетъ текущаго года. Это явствуетъ изъ того что въ минувшемъ декабрѣ вдругъ поступило таможенныхъ пошлинъ 19½ милліоновъ рублей, тогда какъ въ декабрѣ 1879 года поступленіе ихъ ограничивалось 9½ милліонами. Въ виду этого факта, девятимилліонный недоборъ въ таможенныхъ доходахъ къ 30 апрѣля теряетъ всякое значеніе. Но полную силу имѣетъ тотъ фактъ что сказанный девятимилліонный недоборъ, по свѣдѣніямъ полученнымъ позднѣе 30 апрѣля, постепенно уменьшается. Это уменьшеніе недобора пошлинъ оказалось, по свѣдѣніямъ доходящимъ до 7 мая и затѣмъ по дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ доходящимъ до 14 мая. Оно свидѣтельствуетъ что мы имѣемъ дѣла уже съ возрастаніемъ поступленія таможеннаго дохода, съ расширеніемъ оборотовъ привозной торговли, а никакъ не съ ея застоемъ.

Какъ бы нѣкоторымъ подтвержденіемъ основательности толковъ о торговомъ промышленномъ застоѣ, которымъ запугиваютъ нынѣ публику, выставляется еще сокращеніе банковыхъ учетно-ссудныхъ операцій. Частные банки имѣютъ въ своемъ распоряженіи наличность превосходящую размѣры ихъ оборотовъ; они все меньше и меньше прибѣгаютъ къ переучетамъ и перезалогамъ въ Государственномъ Банкѣ и, напротивъ, все увеличиваютъ въ немъ свои текущіе счеты и вклады до востребованія, такъ что Государственный Банкъ къ 1 апрѣля состоялъ ихъ должникомъ на 33 милліона, тогда какъ минувшею осенью былъ ихъ кредиторомъ на 10 и болѣе милліоновъ. Учетно-ссудныя операціи Государственнаго Банка также сократились, при одновременномъ увеличеніи итога вкладовъ. Вслѣдствіе всего этого, наличность въ кассахъ Государственнаго Банка возросла до 120 милліоновъ. Но никакихъ признаковъ застоя всѣ эти факты не представляютъ. Приливъ денегъ въ Государственный Банкъ къ веснѣ и отливъ ихъ изъ него къ осени есть у насъ обычное явленіе, которое наблюдалось и въ прошлые годы, отличавшіеся необыкновеннымъ оживленіемъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, точно также какъ наблюдается и въ нынѣшнемъ. Правда, въ тѣ годы наличность въ кассахъ Государственнаго Банка не доходила до 120 милліоновъ; но это

потому только что часть притекавшихъ въ кассы Банка кредитныхъ билетовъ временно извлекалась изъ обращенія съ тѣмъ чтобъ осенью быть вновь выпущенною. Теперь, по счастію, Банкъ этого временнаго извлеченія кредитныхъ билетовъ не предпринимаетъ, зная что обратный выпускъ ихъ, въ силу закона 1 января 1881 года, не будетъ въ его власти. Мирясь съ невыгодами имѣть временно въ своихъ кассахъ крупныя суммы не находящія пока помѣщенія въ оборотахъ, онъ тѣмъ самымъ предотвращаетъ тѣ большія затрудненія для торговыхъ оборотовъ которыя могли бы возникнуть еслибъ у Банка не оказалось средствъ для удовлетворенія требованій съ какими торговый міръ ежегодно обращается къ нему въ разгаръ торговаго сезона.

Вообще, съ какой стороны ни смотрѣть на дѣла, не остается сомнѣнія въ томъ что во всѣхъ толкахъ о затрудненіяхъ переживаемыхъ нынѣ торговлей и промышленностью видную роль играетъ та же интрига которая съ равнымъ усердіемъ стремилась воспользоваться въ своихъ цѣляхъ и недавнею дороговизной хлѣба, и Ветлянскою чумой, и другими подобными обстоятельствами.

№ 138.

Москва, 19-го мая.

Тяжкое наслѣдіе досталось нынѣшнему правительству. Только что совершилось цареубійство при ужасающихъ, неслыханныхъ въ Россіи обстоятельствахъ. Измѣнническая крамола съ полномъ разгарѣ. Работаютъ не одинъ, а нѣсколько заговоровъ, которые взаимно другъ друга обманываютъ, исполняя въ совокупности планъ имъ самимъ невѣдомой главной крамолы. Ежедневно въ Петербургѣ, благодаря неутомимой дѣятельности нынѣшняго градоначальника, обнаруживаются развѣтвленія крамолы. Открыты громадные склады разрушительныхъ снарядовъ. Въ Петербургѣ многія мѣстности оказались минированными. Злоумышленники, пользуясь полнымъ просторомъ, нашли способъ возмутить народныя толпы направивъ ихъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ (чего никогда прежде не бывало) на Евреевъ, съ явнымъ умысломъ расшевелить въ массахъ инстинкты грабежа и насилія, и въ надеждѣ, при дальнѣйшемъ колоссальномъ бездѣйствіи государственной власти, увлечь народныя массы въ общую темную смуту. Революціонная партія сбросила личину, подняла голову и вышла совсѣмъ наружу. Различіе между *легальными* и *нелегальными* исчезло. Надъ школами, особенно надъ университетами, прошелъ неслыханный смерчъ, который все въ нихъ взбудоражилъ. Студентамъ сверху предписывалось собираться на учредительныя сходки, составлять петиціи, сочинять себѣ конституцію, просто бунтовать. Никогда наглый обманъ такъ не господствовалъ въ печати какъ въ это послѣднее время. Въ Германіи, послѣ покушенія на жизнь императора, было закрыто до сотни газетъ разносившихъ отраву. У насъ же, послѣ динамитнаго взрыва во дворцѣ, открылось много новыхъ органовъ на фальшивыя средства. Въ провинціи разрѣшено чуть не до сотни крупныхъ и мелкихъ газетъ которыя неутомимо пропагандируютъ обманы столичныхъ, перепечатывая ихъ статьи и, подъ покровительствомъ цензуры, дополняя ихъ своими, которыя еще почище. Все политически честное и здравомыслящее упало духомъ. То регулирующее дѣйствіе которое твердый государственный порядокъ оказываетъ на умы, дисциплинируя ихъ, нигдѣ не чувствуется. Люди въ разбродѣ и обращаются въ стадо (посмотрите хоть на Петербургскую думу) которое готово безсмысленно побѣжать куда бы ни погнали его. Насъ предостерегаютъ отъ революціи, но,— надобно же сказать правду, - мы уже въ революціи, конечно искусственной и поддѣльной,— но тѣмъ не менѣе въ революціи. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, быть-можетъ недѣль прежняго режима, и крушеніе было бы неизбѣжно... Вотъ какое наслѣдіе досталось нынѣшнимъ министрамъ, на которыхъ палъ выборъ Государя для того чтобы возстановить правительство, возобновить дѣйствіе государственнаго порядка и вывести наши дѣла изъ обмана и кризиса.

Хороша же была диктатура съ громадными полномочіями для подавленія крамолы! Попомнитъ Россія годъ этой „диктатуры сердца,“ какъ назвалъ ее, еще въ началѣ, одинъ изъ ея чувствительныхъ петербургскихъ органовъ...

Въ одномъ общественномъ собраніи въ Петербургѣ, на этихъ дняхъ, осмѣлились

сказать что эта диктатура спасала Русскій престолъ. Пусть бы говорили о спасеніи города Петербурга, въ лицѣ Наума Прокофьева, отъ Ветлянской заразы,— но сказать что кто-то спасалъ Русскій престолъ! Смѣть сказать это въ лицо Россіи! Нѣтъ, не престолъ требовалось спасать,—онъ незыблемъ пока стоитъ Россія и живъ ея народъ. Увы, требовалось только охранить добраго Царя отъ убійцъ подсылаемыхъ измѣной!

И осмѣливаются еще говорить будто кто-то былъ призванъ примирить Царя съ обществомъ. Съ какимъ обществомъ? Развѣ Императоръ Александръ II былъ въ ссорѣ со своимъ народомъ? Русскій народъ, во всѣхъ сословіяхъ своихъ, всегда отличался безусловною преданностію своему законному Государю, въ которомъ видитъ *свою* собственную, Богомъ дарованную ему власть, оплотъ и силу своего государственнаго бытія, свое олицетвореніе. Преданность Русскаго народа престолу выдерживала всѣ испытанія. Она не колебалась ни при какихъ невзгодахъ. Или ужь царствованіе Александра II было такъ сурово и круто что терпѣніе Русскаго народа лопнуло, какъ пишутъ русскіе измѣнники въ своихъ брошюрахъ за границей? Нѣтъ, никогда царская власть въ Россіи не дѣйствовала такъ освободительно, такъ либерально какъ въ минувшее царствованіе. Кому же и за что было съ ней ссориться? Въ которомъ изъ сословій Русскаго народа могло бы развиться недовольство такое что потребовались чрезвычайныя мѣры для его успокоенія. Въ крестьянскомъ ли? Кажется нѣтъ. Въ городскихъ ли сословіяхъ? Кажется, тоже нѣтъ. Въ дворянствѣ ли? Тоже нѣтъ. Дворянство особенно гордится своею преданностью престолу, своею стародавнею службой государству, для которой оно и было создано, и оно не можетъ не сознавать что самое бытіе его зависитъ отъ незыблемости и цѣлости самодержавной власти.

Съ кѣмъ же мириться? Кого же ублажать?

Кромѣ сословій Русскаго народа, въ которыхъ онъ весь, у насъ еще гуляетъ на вольныхъ пустошахъ Панургово стадо, бѣгущее на всякій свистъ, покорное всякому хлысту, отрицательныя величины цивилизаціи, мыслители безъ смысла, ученые безъ науки, политики безъ національности, жрецы и поклонники всякаго обмана. Оно нараждается и исчезаетъ со всякою перемѣной погоды. Падаетъ народный духъ, оно нараждается; пробуждается онъ, это стадо исчезаетъ. Его ли ублажать? Но это значило бы не подавлять крамолу, а пособлять ей и дѣйствовать съ нею заодно.

Если есть въ русскихъ сословіяхъ недовольство, то оно возбуждено только тѣмъ что законная власть перестала дѣйствовать. Русскія сословія стали бояться какъ бы вмѣсто правительства своего Государя не очутиться подъ правительствомъ крамолы...

Можно имѣть увѣренность что новое правительство не будетъ ухаживать за Панурговымъ стадомъ, что оно не будетъ искать популярности себѣ въ паразитахъ создаваемыхъ его бездѣйствіемъ,—той популярности которая кончается обыкновенно затрещиной,—а будетъ искать мира въ самомъ народѣ, о которомъ оно призвано заботиться, и прежде всего постарается освободить его отъ вибріоновъ и бактерій... Дай Богъ ему только ни въ чемъ не сбиваться съ своего пути, быть послѣдовательнымъ въ своихъ планахъ и дѣйствіяхъ и, твердо помня свой долгъ, не смущаться ни отъ какихъ возгласовъ и ни минуты не колебаться въ рѣшеніи когда потребуется дѣйствіе сильной власти въ видахъ государственной пользы и народнаго блага, ни въ чемъ не раздѣляя ихъ и во всемъ провѣряя одно другимъ.

Всякая отвлеченность въ государственномъ дѣлѣ ведетъ къ печальнымъ ошибкамъ. Правительственныя дѣйствія должны точно сообразоваться съ живою, исторически-сложившеюся дѣйствительностію. Затѣмъ, правительство самодержавнаго Государя не должно быть партіей,—но это не значитъ быть безпристрастнымъ между правдой и ложью, и соблюдать нейтралитетъ между долгомъ и измѣной, между Богомъ и чортомъ.

№ 139.

Москва, 20-го мая.

А.

Г. Леонъ Гамбетта съ каждымъ днемъ выдвигается все болѣе и болѣе на первый планъ въ политической жизни Франціи, и едва ли кто еще сомнѣвается что ему принадлежитъ первенствующая роль въ бли-

жайшемъ будущемъ Французской республики. Какова будущность самой республики, сумѣетъ ли этотъ „провинціальный" рѣшитель ея судебъ закрѣпить и упрочить ея существованіе какъ онъ тщится увѣрить почтеннѣйшую публику, или же, напротивъ, его грядущая диктатура ускоритъ неизбѣжный, по мнѣнію многихъ, переворотъ въ пользу монархіи? Будетъ ли онъ французскимъ Кромвелемъ или Монкомъ, это вопросъ другой. Но замѣна г. Греви г. Гамбеттой едва ли заставитъ себя долго ждать и предстоящіе въ это лѣто общіе выборы будутъ вѣроятно началомъ важныхъ перемѣнъ какъ во внутренней, такъ и въ иностранной политикѣ Франціи.

Новый законъ объ измѣненіи порядка этихъ выборовъ, по департаментамъ, вмѣсто мелкихъ округовъ, окончательно склонили вѣсы въ пользу г. Гамбетты. Онъ замыслилъ этотъ законъ и провелъ его вопреки упорному противодѣйствію которое выборы по демократическимъ спискамъ встрѣтили со стороны весьма значительной части республиканской партіи и самого теперешняго правительства съ г. Греви во главѣ. Правительство, правда, не отважилось вступить въ открытую борьбу съ могучимъ трибуномъ: оно согласилось играть въ этомъ дѣлѣ совершенно пассивную роль, и при обсужденіи законопроекта не высказалось ни въ пользу, ни противъ. Но этимъ оно только еще болѣе явило предъ страной свою слабость и перевѣсъ надъ собой человѣка который фактически пользуется всею полнотой власти, не неся пока никакой офиціальной отвѣтственности. Надъ республиканцами дерзнувшими воспротивиться его волѣ, въ томъ числѣ надъ президентомъ и его министрами, г. Гамбетта одержалъ полную побѣду. Но для характеристики положенія не слѣдуетъ упускать изъ виду что побѣда эта одержана благодаря поддержкѣ оказанной г. Гамбеттѣ по вопросу объ избирательномъ законѣ значительною долей партіи монархистовъ, какъ легитимистовъ такъ и бонапартистовъ. Изъ этого видно что отъ этого закона ожидаютъ для себя пользы не только тѣ кто съ г. Гамбеттой заботится объ упроченіи республики, но и открытые противники ея...

Какъ бы то ни было, но пока фактическій диктаторъ Франціи торжествуетъ, и все клонится къ тому чтобъ ему формально замѣнить теперешняго главу республики. И вотъ вновь выдвигается тотъ вопросъ который для остальной Европы, въ особенности для Германіи, всего важнѣе въ виду внутреннихъ перемѣнъ совершающихся во Франціи, вопросъ о томъ останется ли г. Гамбетта вѣренъ той миролюбивой политикѣ коей держалось малосильное правительство г. Греви или же онъ сочтетъ уже наступившимъ время для разсчета съ Германіей за понесенныя Франціей пораженія,—разчета о которомъ мечтаютъ всѣ Французы безъ различія партій?

Телеграфъ передаетъ намъ содержаніе рѣчей коими г. Гамбетта уже началъ избирательную кампанію внутри Франціи. 16 мая онъ говорилъ публично въ мѣстѣ своего рожденія, Кагорѣ, и судя по извлеченію изъ этой рѣчи переданному телеграфомъ, г. Гамбетта спѣшитъ успокоить тревожныя ожиданія порождаемыя въ Германіи вѣстями о его побѣдахъ во внутреннихъ дѣлахъ. И теперь, какъ въ прошедшемъ году, г. Гамбетта старается загладить впечатлѣніе своей пресловутой воинственной манифестаціи въ Шербургѣ, гдѣ онъ слишкомъ откровенно провозгласилъ завѣтную мечту о возвращеніи потерянныхъ Франціей провинцій. Но г. Гамбетта хорошо знаетъ что популярность его быть-можетъ всего болѣе обусловливается надеждами кои возлагаются въ этомъ отношеніи на него французскими патріотами, и слова его о внѣшней политикѣ всегда запечатлѣны нѣкоторою двусмысленностью. Онъ доказываетъ что Франція не должна и не будетъ слѣдовать „рискованной и завоевательной политикѣ," и что республиканская армія, набираемая на основаніи всеобщей воинской повинности, не можетъ послужить ни для угнетенія внутри, ни для „незаконной" войны въ Европѣ. Но самъ г. Гамбетта заявилъ въ прошедшемъ году въ Шербургѣ что возвращеніе отнятыхъ у Франціи провинцій должно быть предметомъ ея неослабныхъ стремленій; стало-быть война изъ-за нихъ не была бы, по его мнѣнію, „незаконною."

Г. Гамбетта вообще избѣгаетъ теперь прямо касаться вопроса объ Альзасъ-Лотарингіи, держась правила которое онъ самъ какъ-то по этому поводу формуловалъ, сказавъ что объ этомъ вопросѣ „слѣдуетъ постоянно думать, но никогда не говорить." Есть однако во Франціи люди которые открыто совѣтуютъ оставить всякую мысль объ отместкѣ. На дняхъ г. Ле-

руа-Болье помѣстилъ въ *Economiste Français* статью, въ которой онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается за полное присоединеніе Туниса къ французскимъ владѣніямъ, доказывая что будущая политика Франціи должна быть политикой колоніальною. „Всякая ошибка во внѣш„ней политикѣ Франція за прошедшія два „столѣтія,“ замѣчаетъ этотъ публицистъ, „была та что отдавалось предпочтеніе по„литикѣ континентальной противъ коло„ніальной. Что̀ выиграла она отъ этого, „и что̀ могла она выиграть? Правда, многіе „изъ нашихъ согражданъ неотступно обра„щаютъ свои взоры на нашу восточную „границу и лелѣютъ неопредѣленную меч„ту объ отместкѣ. Но нужно имѣть му„жество высказать правду предъ страной „и разсѣять несбыточныя мечты которыя „могутъ навлечь на насъ новыя пораженія „и новые внутренніе перевороты. Въ виду „Германіи, имѣющей теперь 45 милліоновъ „населенія, которая чрезъ 20 лѣтъ будетъ „имѣть 60 милліоновъ, а чрезъ 50 лѣтъ— „80 милліоновъ, которая, сверхъ того, „имѣетъ въ своемъ распоряженіи силы „Австріи, мечты объ отместкѣ химера, „быть-можетъ чувствительная и патріо„тическая, но чрезвычайно опасная. Мы „должны довольствоваться чисто-оборони„тельнымъ положеніемъ на материкѣ Евро„пы, воздерживаться ото всякаго вмѣша„тельства въ чужія дѣла и признавать что „продолженіе прежней нашей континенталь„ной политики можетъ намъ причинить лишь „всякія бѣдствія.“

На этотъ „голосъ благоразумія“ прежде всѣхъ съ негодованіемъ отозвался органъ г. Гамбетты *République Française*, замѣтивъ что г. Леруа-Болье совѣтуетъ Франціи „ни болѣе, ни менѣе какъ отречься отъ самой себя, отъ надеждъ на будущее и отъ возстановленія ея прежняго могущества.“

Есть и другія указанія на то что общественное мнѣніе во Франціи еще далеко отъ того смиренія которое проповѣдуетъ г. Леруа-Болье. Это испыталъ на себѣ недавно самъ министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, который держится убѣжденій весьма сходныхъ съ приведеннымъ разсужденіемъ и за это давно уже навлекъ на себя неудовольствіе г. Гамбетты. Г. Бартелеми Сентъ-Илеръ имѣлъ неосторожность публично благодарить Германію за ея „честный“ образъ дѣйствій по вопросу о Тунисѣ и походѣ предпринятомъ Франціей въ эту страну. Онъ сдѣлалъ это въ письмѣ на имя издателя нѣмецкаго журнала *Deutsche Revue*, въ которомъ письмо это появилось одновременно съ опубликованіемъ трактата съ беемъ Тунисскимъ. Этимъ французскій министръ совсѣмъ было испортилъ эффектъ благополучнаго и быстраго окончанія этого предпріятія. Во Франціи поняли что „прогулка экспедиціоннаго корпуса въ Тунисъ,“ увѣнчавшаяся столь блестящимъ успѣхомъ, имѣетъ и свою оборотную сторону. Она не только породила великое раздраженіе противъ Франціи въ Италіи, гдѣ дѣло чуть не дошло до открытаго разрыва, но и Англія весьма недовольна образомъ дѣйствій Франціи, и если Англійское правительство высказалось по этому поводу довольно сдержанно, то англійская печать не скрываетъ своего раздраженія и грозитъ Франціи порчей бывшихъ до сихъ поръ дружественныхъ отношеній. А если, взамѣнъ этихъ испортившихся отношеній къ Италіи и Англіи, Германія явила по этому дѣлу свою дружбу ко Франціи, какъ засвидѣтельствовалъ предъ нѣмецкимъ журналистомъ г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, то это не только не утѣшило Французовъ, но напротивъ заставило ихъ еще болѣе усомниться въ пользѣ достигнутаго Франціей „блестящаго успѣха.“ Всего же болѣе общественное мнѣніе во Франціи было раздражено тѣмъ что министръ иностранныхъ дѣлъ счелъ нужнымъ вступить въ переписку съ нѣмецкимъ публицистомъ и тѣмъ де показалъ что „попался въ ловушку поставленную для него княземъ Бисмаркомъ.“

Г. Гамбетта, какъ утверждаетъ большинство французскихъ газетъ, не замедлилъ воспользоваться этимъ случаемъ; ненавистный ему г. Бартелеми Сентъ-Илеръ долженъ на дняхъ получить отставку и будетъ замѣненъ однимъ изъ приверженцевъ будущаго президента.

Б.

Сегодня помѣщаемъ мы въ нашей газетѣ откровенное и полное объясненіе бывшаго предсѣдателя Кременчугской уѣздной земской управы, г. Булюбаша, по дѣлу о которомъ въ свое время было много говорено въ нашей газетѣ, о которомъ было столько шуму вообще въ печати. Дѣло это представляетъ собою характеристическій

обращикъ направленія той удивительной диктатуры, которая была установлена для рѣшительнаго подавленія крамолы и которой были даны для этого самыя обширныя полномочія. Чѣмъ дробнѣе фактъ, тѣмъ живѣе представляется въ немъ характеръ общей системы. Правительство многократно призывало общество къ содѣйствію противъ злоумышленнаго заговора. И вотъ, человѣкъ занимавшій почетное положеніе въ своей мѣстности, выбранный своими согражданами на отвѣтственную должность, въ виду дерзкой выходки злоумышленниковъ, сообщилъ дошедшія до него свѣдѣнія полицейскимъ агентамъ, въ исполненіе своего гражданскаго долга и въ надеждѣ оказать содѣйствіе правительству, которое повидимому было такъ озабочено подавленіемъ крамолы. При этомъ онъ не совершилъ никакого самоуправства; онъ указалъ только на лицъ уже состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи. Странно было бы и то еслибы власти не обратили никакого вниманія на указанія со стороны человѣка серіознаго и пользующагося общественнымъ довѣріемъ; странно особенно при безпрестанныхъ обращеніяхъ къ обществу, къ общественнымъ дѣятелямъ... Неужели предполагалось снискивать благорасположеніе только тѣхъ дѣятелей которые оппозиціонно относятся къ правительству, только ихъ выслушивать, и ни во что ставить общественныхъ дѣятелей когда они не въ оппозиціи, а на сторонѣ правительства?.. Но есть нѣчто еще страннѣе, есть нѣчто превосходящее всякую странность. Мы привыкли ко всякимъ чудесамъ; но что скажутъ добрые люди немного послѣ, когда Богъ дастъ минуетъ смутная пора и пройдетъ чадъ отъ котораго у всѣхъ теперь угорѣли головы, что скажутъ о системѣ при которой человѣкъ изъ общества, за скромное желаніе содѣйствовать правительству въ борьбѣ съ измѣной, былъ встрѣченъ со стороны законныхъ властей не только равнодушіемъ и невниманіемъ, но изумительнымъ недоброжелательствомъ, что онъ за свой проступокъ былъ прогнанъ сквозь строй тяжкихъ оскорбленій отъ низшихъ инстанцій до высшихъ, что онъ былъ преданъ на растерзаніе всѣмъ псамъ печати, что имя его и теперь позорно поносится, и никакого удовлетворенія, ни малѣйшаго дѣйствія со стороны законныхъ властей для того чтобы возстановить честь человѣка который, на ихъ глазахъ, съ ихъ согласія, даже съ ихъ содѣйствіемъ, былъ оскорбленъ и опозоренъ за то только что онъ серіозно понялъ призывъ правительства и долгъ присяги!..

№ 141.

Москва, 22-го мая.

О характерѣ существующихъ между Германіей и прочими великими державами отношеній публика никогда не имѣетъ возможности судить на основаніи документальныхъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи князь Бисмаркъ сумѣлъ оградить себя не только отъ парламентскаго контроля, но и отъ парламентской нескромности. Непокорныхъ ему по многимъ вопросамъ внутренней политики народныхъ представителей онъ держитъ въ строгой дисциплинѣ по дѣламъ иностраннымъ, такъ что къ нему никогда не обращаются съ запросами по этимъ дѣламъ, и самъ онъ лишь въ весьма исключительныхъ случаяхъ, когда это *ему* нужно, дѣлится съ рейхстагомъ своими взглядами на положеніе внѣшней политики, избѣгая впрочемъ и тутъ офиціальныхъ заявленій въ открытомъ парламентскомъ засѣданіи, а свободно „бесѣдуя“ за кружкой пива у себя на дому съ тѣми изъ депутатовъ кого онъ заблагоразсудитъ пригласить на свои „парламентскіе вечера.“ Газетные отчеты объ этихъ „бесѣдахъ“ подвергаются строгой цензурѣ, и въ печати оглашается лишь то что князь Бисмаркъ считаетъ удобнымъ. Но и этого мало. Отказывая нѣмецкимъ парламентамъ въ предъявленіи тѣхъ сборниковъ дипломатическихъ документовъ, кои подъ всѣми цвѣтами радуги подносятся правительствами Европы прочимъ парламентамъ, князь Бисмаркъ умѣетъ устроить дѣла такъ что и эти иностранные сборники подчинены его цензурѣ и въ нихъ почти никогда не встрѣчаются акты исходящіе отъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и весьма рѣдко помѣщаются такія донесенія собственныхъ агентовъ того правительства коему принадлежитъ *Синяя*, *Красная*, или инаго цвѣта, *Книга*, если въ нихъ излагаются какіе-либо переговоры или объясненія съ представителями Германіи.

О томъ или иномъ „вѣяніи“ въ политикѣ Германіи всегда можно лишь дѣлать догадки на основаніи сужденій германской

печати. Но за то въ этомъ отношеніи имѣется богатый матеріалъ, ибо не одни завѣдомо принадлежащіе правительству органы отражаютъ въ себѣ правительственное настроеніе, но вся печать, безъ различія партій, повинуется указаніямъ идущимъ свыше, а всегда легко убѣдиться что въ данную минуту поданъ извѣстный *mot d'ordre* по тому единодушію съ которымъ газеты самыхъ различныхъ партій и окраски принимаются внезапно разрабатывать извѣстный вопросъ на разные лады, но по одному и тому же камертону.

О томъ каковы отношенія между Англіей и Германіей едва ли найдется какое-либо документальное указаніе въ дипломатическихъ сборникахъ изданныхъ за все время существованія Германской имперіи. Но германская печать отъ времени до времени посвящаетъ особенное вниманіе англійскимъ дѣламъ, и въ этихъ-то разсужденіяхъ иногда проглядываетъ многое о чемъ офиціально хранится молчаніе съ обѣихъ сторонъ.

Мы неоднократно уже имѣли случай указать на явное недружелюбіе выказываемое вліятельными органами нѣмецкой печати кабинету Гладстона. Либерализмъ теперешняго Англійскаго правительства отнюдь не смягчаетъ въ глазахъ либеральныхъ нѣмецкихъ органовъ его „прегрѣшеній.“ А ему ставится главнымъ образомъ въ вину его политика по восточнымъ дѣламъ и въ особенности недружелюбіе къ Австріи. Всѣ осложненія возникшія на Востокѣ со времени паденія кабинета Биконсфильда, какъ-то вопросы Черногорскій, Албанскій, Греческій, и въ послѣднее время Болгарскій, непремѣнно обсуждаются въ Берлинѣ съ точки зрѣнія антагонизма между Австріей и Англіей. Берлинскій трактатъ— таковъ взглядъ проводимый нынѣ въ Берлинѣ—установилъ прочно право Австріи какъ ближайшаго наслѣдника Турціи; соревнованіе Россіи представляетъ де отнынѣ мало опасности, и еслибъ управленіе политикой Англіи осталось въ рукахъ торіевъ, дружелюбно расположенныхъ въ Австріи, тогда направленіе данное восточнымъ дѣламъ на Берлинскомъ конгрессѣ считалось бы надолго обезпеченнымъ. Г. Гладстонъ, напротивъ, громко провозгласилъ что онъ не намѣренъ признавать Австрію наслѣдницей Турціи, а противъ Россіи онъ не питаетъ той слѣпой ненависти которая отличала политику лорда Биконсфильда. Берлинская печать искренно оплакивала недавнюю кончину торійскаго вождя, которая значительно ослабила надежды на скорую смѣну теперешняго кабинета, а всякій промахъ теперешняго Англійскаго правительства подхватывается въ Берлинѣ въ видимою цѣлью уронить, если возможно, авторитетъ г. Гладстона въ самой Англіи.

Въ этомъ отношеніи берлинская печать выказываетъ иногда большее усердіе нежели самые оппозиціонные органы въ Англіи. На дняхъ еще эта враждебная г. Гладстону тенденція сказалась довольно ярко по поводу среднеазіятскихъ дѣлъ. Обнародованный въ Россіи Высочайшій указъ отъ 6 мая о присоединеніи къ Имперіи территоріи Туркменъ Текинскаго рода и объ образованіи изъ нея вмѣстѣ съ землями Закаспійскаго военнаго округа новой Закаспійской области вызвалъ со стороны берлинской печати разсужденія проникнутыя „заботливостью“ объ интересахъ Англіи болѣе чѣмъ о нихъ заботятся сами Англичане.

Берлинская *Національная Газета* спѣшитъ указать что присоединеніе Текинской территоріи составляетъ будто бы нарушеніе обѣщанія даннаго Россіей Англіи, вслѣдствіе котораго правительство г. Гладстона рѣшилось очистить Кандагаръ и отказаться отъ „научной границы,“ которую имѣлъ въ виду установить лордъ Биконсфильдъ. Происходившая теперь въ Афганистанѣ усобица между Абдуррахманомъ, коему покровительствуетъ Англія, и Эюбъ-ханомъ, который старается свергнуть перваго съ престола, представляется берлинской газетѣ великою опасностью для Англіи. Если Эюбъ-ханъ одержитъ верхъ, то новое вмѣшательство Англіи окажется де неизбѣжнымъ. А между тѣмъ Россія уже пріобрѣла де отличную позицію, владѣя которою она можетъ во всякое время тревожить британскія владѣнія въ Индіи. Сверхъ того, Россіи удалось де привлечь вполнѣ на свою сторону Персію, тогда какъ лордъ Биконсфильдъ имѣлъ въ виду прочно закрѣпить вліяніе Англіи на Персію посредствомъ уступки ей Герата. „Кабинетъ Гладстона,“ продолжаетъ названная газета, „безусловно отвергъ политику своего предмѣстника въ Средней Азіи и отказался отъ значительныхъ выгодъ, уже добытыхъ тамъ англійскимъ оружіемъ. Люди свѣдущіе въ азіятскихъ дѣлахъ убѣждены что такой образъ дѣйствій можетъ имѣть

роковыя послѣдствія для Британской имперіи.“

Свѣдущіе люди въ самой Англіи однако не раздѣляютъ этихъ опасеній. Такъ индійскій корреспондентъ *Times*, зорко слѣдящій за тѣмъ что̀ происходитъ въ Афганистанѣ и присылающій ежедневно изъ Кветты самыя подробныя телеграфныя свѣдѣнія о ходѣ распри между двумя претендентами на Афганскій престолъ, довольно хладнокровно обсуждаетъ шансы успѣха противника Абдуррахмана, а сама газета *Times* полагаетъ что Англіи нѣтъ никакой надобности готовиться къ новому вмѣшательству во внутреннія дѣла Афганистана, на случай еслибы нынѣшній эмиръ потерпѣлъ пораженіе. Присоединеніе территоріи Туркменъ къ русскимъ владѣніямъ также принято въ Англіи весьма хладнокровно, и ни одной изъ тамошнихъ газетъ не пришло въ голову упрекать Россію въ нарушеніи даннаго Англіи обѣщанія.

Изъ донесеній лорда Лофтуса, включенныхъ въ англійскую *Синюю Книгу*, которая въ апрѣлѣ была предъявлена парламенту, видно, правда, что послѣ паденія Геокъ-Тепе Англійскій кабинетъ дѣлалъ Россіи представленія по поводу похода русскихъ войскъ на Мервъ. Русское правительство отвѣчало что похода на Мервъ не предполагается, и что генералу Скобелеву предписано ограничиться занятіемъ земли Текинскихъ Туркменъ.

Англійскія *Синія Книги* доставляютъ германской печати такія свѣдѣнія о переговорахъ Россіи съ Англіей и другими державами какихъ не имѣется по предмету внѣшнихъ сношеній Германіи. Но берлинская печать могла бы ограничиться тѣмъ что̀ есть, а не присочинять отъ себя, изъза сердечной заботливости объ интересахъ Англіи, такихъ обязательствъ какихъ Россія на себя не принимала и о которыхъ въ дипломатическихъ сборникахъ не упоминается.

№ 142.

Москва, 23-го мая.

Въ послѣднее время, предъ недавними важными перемѣнами въ министерскомъ персоналѣ, ни о чемъ не было столь оживленныхъ толковъ какъ о цѣломъ рядѣ мѣръ долженствовавшихъ дополнить крестьянскую реформу минувшаго царствованія. Судя по ходившимъ слухамъ, мѣры эти должны были чуть ли еще не нынѣшнею весной разомъ перейти изъ сферы предположеній въ міръ дѣйствительности, хотя надлежащихъ подготовительныхъ работъ не только къ осуществленію, но и къ серіозному обсужденію столь важныхъ вопросовъ въ виду не имѣлось. Это отсутствіе обстоятельной разработки и поспѣшность съ которою возбужденные вопросы были поставлены естественно не могли не смущать многихъ Можно было опасаться какъ бы рѣшеніе ихъ не состоялось по программѣ близкой къ той которая въ послѣдніе годы настойчиво пропагандировалась въ нашей „либеральной прессѣ.“ Эти опасенія были тѣмъ тревожнѣе что самая постановка вопросовъ была главнымъ образомъ какъ бы отвѣтомъ на требованіе этой *прессы*. Записки по означеннымъ вопросамъ даже напоминали своимъ тономъ и изложеніемъ газетныя статьи извѣстнаго направленія. Въ нихъ принималось за факты то что̀ выставлялось таковыми въ газетахъ, приводились цитаты изъ сочиненій тенденціозныхъ въ извѣстномъ смыслѣ, обобщались исключительные случаи и полагались въ основаніе выводовъ. Послѣдовавшее на дняхъ правительственное сообщеніе положило конецъ опасеніямъ. Ни по одному изъ сказанныхъ вопросовъ скороспѣлаго рѣшенія не послѣдуетъ. Не предполагается и поднесенія публикѣ всѣхъ тѣхъ мѣръ о которыхъ шла рѣчь въ видѣ разчитаннаго на эффектъ букета. Высочайше повелѣно образовать особое совѣщаніе изъ министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ и управляющаго Министерствомъ Финансовъ, при участіи приглашенныхъ по ихъ выбору экспертовъ, для составленія соображеній относительно способа пониженія выкупныхъ платежей и размѣровъ этого пониженія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Заключенія этого особаго совѣщанія должны быть внесены на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта къ 15 сентября сего года.

Нельзя ли какъ-нибудь, въ видѣ экспертовъ, ввести въ совѣщаніе „представителей разныхъ теченій общественной мысли,“—вотъ тема которою не замедлила заняться извѣстная часть нашей печати. Ей, конечно, не по нутру были бы лица лишь озабоченныя облегченіемъ тягостей и улуч-

шеніемъ крестьянскаго общественнаго устройства и хозяйственнаго быта, люди озабоченные водвореніемъ порядка и правды въ дѣйствіяхъ учрежденій дарованныхъ Россіи въ прошлое царствованіе. Ей нужны люди которые нашли бы какой-нибудь поводъ къ возбужденію у насъ аграрнаго вопроса.

У насъ аграрнаго вопроса, слава Богу, нѣтъ. Но люди желающіе замутить междусословныя отношенія напрягаютъ всѣ усилія чтобы вызвать хоть тѣнь его, не останавливаясь предъ самыми нелѣпыми поводами. Достаточно сказать что даже нашъ вексельный курсъ, наша денежная валюта служитъ имъ предлогомъ вести рѣчь объ „исправленіи аграрныхъ отношеній." Не вѣрите? Прочтите посвященную этому предмету статью въ № 139 *Порядокъ*, гдѣ исправленіе аграрныхъ отношеній дважды ставится во главѣ всѣхъ другихъ мѣръ рекомендуемыхъ въ видахъ улучшенія нашего денежнаго обращенія и исцѣленія нашихъ финансовыхъ и экономическихъ золъ.

Возможное улучшеніе быта сельскаго населенія не можетъ не входить въ правительственную программу. Но всякія мѣры въ этомъ смыслѣ должны быть принимаемы осмотрительно, особенно въ настоящее время. Положеніе 19 февраля было издано при обстоятельствахъ несравненно болѣе спокойныхъ чѣмъ нынѣшнія, и однако уже въ то время читались крестьянамъ „золотыя грамоты." Въ настоящее время злоумышленники не преминутъ воспользоваться изданіемъ общихъ касающихся крестьянъ постановленій съ цѣлію бросить сѣмена смутъ при обстоятельствахъ еще болѣе удобныхъ. Въ то время для вразумленія темныхъ массъ имѣлись въ каждомъ околоткѣ мировые посредники, близко стоявшіе къ крестьянамъ которые имъ довѣряли. Теперь такихъ людей нѣтъ, и темныя массы, предоставленныя самимъ себѣ, гораздо легче чѣмъ прежде могутъ быть сбиваемы съ толку. Не должно ли, поэтому, изданію проектируемыхъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ предшествовать учрежденіе органовъ которые предотвращали бы ложное истолкованіе этихъ мѣръ крестьянамъ? Со стороны людей печатно пропагандирующихъ аграрный вопросъ заявляются нынѣ, тоже печатно, фальшивыя жалобы, напоминающія тѣ которыя слышались отъ героевъ нигилизма во время суда надъ ними что „интеллигентный классъ" у насъ не допускается „до общенія съ простымъ классомъ населенія путемъ живаго слова, бесѣды о всемъ томъ что̀ наиболѣе интересуетъ, заботитъ или тяготитъ рабочую среду, нуждающуюся въ благоразумномъ совѣтѣ и помощи чтобы разобраться какъ слѣдуетъ и въ своихъ собственныхъ тяготахъ и нуждахъ, и во всемъ томъ что̀ происходитъ вокругъ и такъ или иначе отражается на этой средѣ." Но въ заботахъ о крестьянахъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, едва ли не первою должна быть та чтобъ оградить ихъ отъ вліянія этого рода заступниковъ, и для этого-то особенно нужна нѣкоторая организація въ средѣ крестьянъ. Надо также чтобы крестьянская нужда прямо и непосредственно доходила до правительства.

№ 144.

Москва, 25-го мая.

Высочайшій рескриптъ на имя графа Д. А. Милютина воздаетъ должное заслугамъ министра, правительственная дѣятельность котораго почти совпадаетъ по времени съ минувшимъ царствованіемъ. „Будучи призваны," сказано въ рескриптѣ, „къ „управленію Военнымъ Министерствомъ въ „1861 году, вы, въ теченіе двадцати лѣтъ, „оставались непремѣннымъ сотрудникомъ „и довѣреннымъ совѣтникомъ въ Бозѣ почившаго Августѣйшаго Моего Родителя... „Я лично (изволилъ выразиться Государь „Императоръ) не переставалъ слѣдить съ „величайшимъ вниманіемъ за вашею дѣя„тельностью по возведенію вооруженныхъ „силъ Россіи на высоту политическихъ по„требностей государства и современнаго „развитія военнаго дѣла."

Въ эти двадцать лѣтъ управленія графа Милютина Военнымъ Министерствомъ совершились въ нашей арміи радикальныя преобразованія, которыя увѣнчались введеніемъ всесословной воинской повинности. Исторія оцѣнитъ эти реформы, все поставитъ на свое мѣсто и отдѣлитъ золото отъ всякой случайной примѣси.

Но нельзя оставить безъ протеста ложь нашей печати которая во всемъ сказывается и все съ обычною наглостью употребляетъ во зло. Въ видахъ общественнаго обмана, потребовалось упрекнуть минув-

шее царствованіе въ какомъ-то реакціонномъ характерѣ. Самое либеральное царствованіе, какое только можетъ запомнить исторія, вдругъ оказалось слишкомъ консервативнымъ, и это послѣ царствованія Николая I... По однимъ, реакція началась вскорѣ послѣ 1861 года, и главнымъ образомъ со времени Польскаго мятежа; по другимъ, антилиберальная реакція началась послѣ Каракозовскаго выстрѣла; но особенно реакціонный характеръ приписывается послѣднимъ годамъ минувшаго царствованія. А между тѣмъ, бывшій военный министръ восхваляется тѣми же газетными оцѣнщиками какъ главный представитель либеральнаго направленія, какъ глава либеральной партіи въ правительствѣ. Но въ 1863 году военный министръ былъ, мы помнимъ, на сторонѣ національной политики, противъ которой въ то время неистово лаялъ тотъ же *Голосъ*. Покойный братъ графа Дмитрія Алексѣевича, Николай Алексѣевичъ, въ которомъ созрѣвалъ истинно государственный человѣкъ и котораго слишкомъ рано похитила смерть, былъ мощнымъ дѣятелемъ въ Польскомъ вопросѣ, съ котораго теперь лжелиберальные органы ведутъ якобы реакціонное направленіе минувшаго царствованія. Нѣкоторая реакція дѣйствительно оказалась въ нашихъ дѣлахъ послѣ 1866 года, но въ смыслѣ повиженія и ослабленія по нѣкоторымъ вопросамъ національной политики, которая только и можетъ сообщить живую силу и плодотворность всякимъ реформамъ. Реакція возникла, — скрывать этого нечего, — но не противъ либерализма въ смыслѣ нашихъ газетныхъ глашатаевъ (увы, такой реакціи не было), а противъ того что̀ имъ ненавистно, противъ послѣдовательной и вѣрной себѣ національной политики, которая не гоняется ни за словами, ни за отвлеченными принципами, а имѣетъ неуклонно въ виду благо своей страны и во всемъ сообразуется съ ея потребностями и которая поэтому никогда не дастъ себя въ обманъ и никогда не собьется на пути недруговъ своего народа.

Но чтобъ оцѣнить всю наглость агитаціи, которая во всякое дѣло тщится внести свой обманъ и все представить въ извращенномъ и искаженномъ видѣ, сто̀итъ только припомнить что графъ Милютинъ пользовался особенною довѣренностію въ Бозѣ почившаго Государя Императора именно въ послѣдніе годы Его царствованія. Послѣ увольненія графа Шувалова отъ должности шефа жандармовъ въ 1874 году, самымъ вліятельнымъ въ правительствѣ лицомъ былъ, какъ всѣмъ извѣстно, графъ Милютинъ, и вліяніе его выходило за предѣлы военнаго вѣдомства. Онъ былъ ближайшимъ и почти безотлучнымъ совѣтникомъ Государя.

Ему противопоставляютъ бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія, графа Толстаго. Но графъ Толстой, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не пользовался вліяніемъ внѣ своего вѣдомства; онъ не имѣлъ даже опредѣленныхъ дней для своихъ докладовъ Государю. Въ послѣднія пять, шесть лѣтъ онъ былъ предметомъ непрерывной агитаціи, которая была вѣрнымъ признакомъ слабости его правительственнаго положенія. За годъ до его увольненія дѣятельность его подвергалась даже жандармскому слѣдствію. Повидимому, онъ самъ не заботился укрѣпить свое положеніе и пріобрѣсти вліяніе. Семь лѣтъ медлилъ онъ реформой университетовъ, которая была на очереди, которой требовали интересы высшаго образованія въ нашемъ отечествѣ и которая особенно заботила въ Бозѣ почившаго Императора. Лучшая и дѣйствительно блистательная пора графа Толстаго относится къ 1871 и къ 1872 годамъ, когда Богъ помогъ ему совершить преобразованіе нашихъ гимназій, и несмотря на всѣ усилія реакціи поставить ихъ на высоту европейской школы. Тогда онъ пользовался и довѣріемъ Государя, и популярностію въ обществѣ. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ упрочить это положеніе. Кто не идетъ въ гору тотъ идетъ подъ гору.

Итакъ, несомнѣнно то что въ послѣдніе годы минувшаго царствованія особенно вліятелянымъ въ правительствѣ лицомъ и ближайшимъ совѣтникомъ Государя былъ отнюдь не реакціонеръ въ смыслѣ нашихъ газетныхъ либераловъ.

Въ заключеніе, пожелаемъ полнаго во всемъ успѣха лицу нынѣ призванному довѣріемъ Монарха къ управленію Военнымъ Министерствомъ. Всему свое время. Теперь наступила именно та пора когда для управленія этою частію требуются именно тѣ достоинства которыми, сколько намъ извѣстно, отличается генералъ-адъютантъ Ванновскій. Особенно важно то что онъ имѣлъ счастіе пріобрѣсти довѣріе нынѣ царствующаго Государя Императора и по-

казать себя Его Величеству на дѣлѣ въ боевую и трудную пору.

№ 145.

Москва, 26-го мая.

Нѣсколько дней предъ закрытіемъ сессіи по случаю праздника Троицы, Германскій рейхстагъ былъ занятъ обсужденіемъ законопроекта, внесеннаго по иниціативѣ князя Бисмарка, объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Съ этою новою мѣрой германскаго канцлера не мѣшаетъ познакомить русскихъ читателей, не только потому что вопросъ объ обезпеченіи рабочихъ и ихъ семействъ на случай смерти или увѣчья при производствѣ работъ выдвинутъ и у насъ печальными фактами, въ родѣ разбиравшагося на дняхъ въ здѣшнемъ окружномъ судѣ дѣла о пожарѣ на фабрикѣ г. Гивартовскаго, при которомъ *сгорѣло* нѣсколько десятковъ людей, причемъ въ нашихъ законахъ не нашлось подходящихъ и точныхъ постановленій ни для установленія личной отвѣтственности виновныхъ въ столь ужасающемъ событіи, ни о томъ какъ и въ какой мѣрѣ должны быть обезпечены семейства погибшихъ. Законопроектъ этотъ заслуживаетъ вниманія и какъ характеристика внутренней политики того мощнаго государственнаго человѣка, который по справедливости слыветъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ какъ бы воплощеніемъ идеи государства.

Съ тѣхъ поръ какъ вновь возгорѣлся антагонизмъ между имперскимъ канцлеромъ и либеральными фракціями Германскаго парламента, наши газетные политики „порѣшили“ съ княземъ Бисмаркомъ суммарнымъ судомъ, о немъ стали отзываться у насъ какъ о человѣкѣ чуть не выжившемъ изъ ума. Нужно замѣтить что ни въ одной, даже самой радикальной изъ нѣмецкихъ газетъ вы не встрѣтите ничего похожаго на подобное сужденіе о князѣ Бисмаркѣ. Нѣмецкіе либералы недовольны, и очень недовольны имъ, и ставятъ ему всяческія преграды; но и до сихъ поръ вся нѣмецкая печать, безъ различія оттѣнковъ, продолжаетъ относиться къ нему какъ къ могучей силѣ, бодро и энергически дѣлающей свое дѣло; никто не подвергаетъ сомнѣнію творческія способности этого государственнаго ума, и попрежнему Нѣмцы отдаютъ своему имперскому канцлеру заслуженную имъ дань глубокаго и вполнѣ искренняго уваженія, что видно изъ обнародованнаго лишь на дняхъ заявленія коллективно составленнаго всѣми представителями либеральныхъ партій, заявленія долженствующаго замѣнить избирательный манифестъ. А князь Бисмаркъ, быть-можетъ, болѣе всего замѣчателенъ тѣмъ что онъ *никогда* не искалъ популярности, никогда ни у кого не заискивалъ, никогда не разсыпался мелкимъ бѣсомъ предъ парламентскими дѣятелями, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему было необходимо для своихъ цѣлей заручиться содѣйствіемъ ихъ большинства. Изо всѣхъ многочисленныхъ партій и фракцій, изъ коихъ слагается пестрая мозаика Прусскаго ландтага и Германскаго рейхстага нѣтъ ни одной которая въ свое время не становилась бы князю Бисмарку поперекъ дороги; но за то нѣтъ также ни одной которая не становилась бы на его сторону когда это ему было нужно.

Нѣмецкіе соціалисты также дождались своего часа. Немногіе представители этой партіи, энергически подавленной княземъ Бисмаркомъ, люди извѣдавшіе и административныя ссылки, и другія сильныя мѣры, депутаты, являющіеся въ Берлинъ лишь подъ прикрытіемъ своего званія народныхъ представителей и безпощадно изгоняемые оттуда какъ только закрывается парламентская сессія, въ свою очередь имѣли на дняхъ случай явиться защитниками мѣры предложенной княземъ Бисмаркомъ. Соціалъ-демократы Либкнехтъ и Гозенклеверъ заявили въ рейхстагѣ, не безъ злорадства конечно, что „князь Бисмаркъ нынѣ въ ихъ рукахъ,“ что онъ вступилъ на ихъ путь и они увѣрены что отнынѣ онъ будетъ идти по этому пути. Либералы въ Германіи, злѣйшіе противники соціалистовъ, возставали противъ мѣры предложенной княземъ Бисмаркомъ, главнымъ образомъ, потому что и они признаютъ въ его новомъ начинаніи „опасную примѣсь соціалистическихъ тенденцій.“ Но князь Бисмаркъ не смутился похвалой соціалистовъ, ни упреками либераловъ. Большинство за предложенную имъ мѣру составилось лишь благодаря тому что за нее подали голосъ клерикалы, самые непримиримые его враги въ недавнее время. Но въ концѣ концовъ князь Бисмаркъ добил-

ся своего, хотя и не вполнѣ, и то что̀ онъ считаетъ благомъ для государства стало близко къ осуществленію не вслѣдствіе потворства и уступокъ той или другой партіи, а именно потому что онъ ни у кого не заискивалъ и сумѣлъ усвоить себѣ до извѣстной степени идею соціализма когда она совпала съ задачей государства.

Но обратимся къ сущности дѣла.

Въ Германіи давно было обращено вниманіе на необходимость обезпеченія рабочихъ и ихъ семействъ отъ опасностей сопряженныхъ съ теперешнимъ фабричнымъ (машиннымъ) производствомъ. Еще въ 1871 году былъ изданъ общегерманскій законъ объ обязанности хозяевъ-промышленниковъ вознаграждать рабочихъ или ихъ семейства въ случаѣ несчастій приключившихся съ ними во время работы. Но этотъ законъ оказался недостаточнымъ. Главнымъ образомъ онъ подвергался въ Германіи критикѣ потому что хозяинъ, по этому закону, освобождался отъ отвѣтственности въ томъ случаѣ когда несчастіе съ рабочимъ приключилось по его же небрежности или неосмотрительности. Соціалисты доказывали что условія нынѣшней фабричной работы таковы что рабочему почти невозможно быть всегда осмотрительнымъ и уберечь себя чтобы не стать жертвой тѣхъ громадныхъ физическихъ силъ кои приводятся имъ въ дѣйствіе, или отъ внезапныхъ смертоносныхъ случайностей встрѣчаемыхъ имъ на своемъ пути, напримѣръ въ подземныхъ копяхъ. Здѣсь, какъ и во всемъ прочемъ, нѣмецкіе соціалисты справедливо признавали необходимымъ дѣятельное вмѣшательство государства, и требовали чтобы рабочіе были обязательно застрахованы отъ бѣдственныхъ случайностей, независимо отъ того была ли такая случайность послѣдствіемъ небрежности рабочаго, или нѣтъ.

Эту-то послѣднюю идею вполнѣ себѣ усвоилъ князь Бисмаркъ, проникшись ея справедливостью и нисколько не поколебался провести ее въ жизнь. Послѣдствіемъ этого явился упомянутый законопроектъ *Unfallsversicherungsgesetz*, обсужденіемъ котораго былъ на прошедшей недѣлѣ занятъ Германскій рейхстагъ.

Существенныя черты этого закона заключаются въ слѣдующемъ: всѣ рабочіе имѣющіе занятія въ какихъ бы то ни было производствахъ гдѣ употребляется слѣпая машинная сила (эти производства всѣ перечислены, причемъ въ рейхстагѣ къ нимъ еще прибавлены и сельскія работы производимыя съ помощью машинъ) должны быть застрахованы на случай несчастій при работѣ. Право на вознагражденіе получаетъ всякій потерпѣвшій, или его семейство въ случаѣ смерти рабочаго, или такого поврежденія которое лишило его возможности работать въ теченіе времени превышающаго двѣ недѣли. Если рабочій остался въ живыхъ, вознагражденіе имъ получаемое должно состоять, во-первыхъ, въ возмѣщеніи издержекъ на лѣченіе, и затѣмъ въ рентѣ на все время до окончательнаго выздоровленія, равняющейся $^2/_3$ содержанія которое онъ получалъ. Въ случаѣ же смерти рабочаго при самомъ несчастіи, семья его получаетъ 60 марокъ на погребеніе а затѣмъ ренту равняющуюся 20 процентамъ содержанія погибшаго рабочаго для его вдовы и по 10 процентовъ для каждаго изъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Для операцій по вводимому такимъ образомъ обязательному страхованію учреждаются особыя правительственныя страховыя конторы, причемъ участіе частныхъ страховыхъ компаній въ этомъ дѣлѣ устраняется. По первоначальному проекту предполагалось сосредоточить всю операцію въ одномъ имперскомъ страховомъ учрежденіи; но въ виду того что клерикалы ни за что̀ не соглашались дать свое согласіе на такую централизацію всего дѣла въ рукахъ имперіи, каждому союзному правительству предоставлено учреждать у себя особыя страховыя конторы. Это единственная уступка которую сдѣлалъ князь Бисмаркъ. Наконецъ важнѣйшій вопросъ, на кого падаетъ взносъ общественной страховой преміи, разрѣшенъ въ проектѣ князя Бисмарка слѣдующимъ образомъ: за каждаго рабочаго коего годовая плата не превышаетъ 750 марокъ въ годъ (250 рублей по номинальному курсу), одну треть преміи вноситъ государство, а двѣ трети наниматель; за рабочихъ же получающихъ въ годъ болѣе высокую плату, двѣ трети преміи вноситъ наниматель, а одну треть уплачиваетъ рабочій самъ.

Въ рейхстагѣ это предложеніе подверглось коренному измѣненію: участіе государства въ платежѣ преміи устранено вовсе коммиссіей обсуждавшею проектъ, подъ тѣмъ предлогомъ что это былъ бы „чистый соціализмъ,“ и по докладу послѣд-

ней, принятому большинствомъ рейхстага, всѣ рабочіе, безъ различія получаемой ими годовой платы, вносятъ одну треть преміи сами, а двѣ трети вноситъ обязательно наниматель.

Но этому послѣднему измѣненію князь Бисмаркъ не подчинился и заранѣе заявилъ что онъ отказывается ото всего законопроекта, если участіе государства въ платежѣ страховой преміи будетъ отвергнуто. Но князь Бисмаркъ тутъ же прибавилъ что въ будущую сессію рейхстага то же предложеніе будетъ имъ опять внесено, и что онъ вполнѣ разчитываетъ на конечный успѣхъ его.

№ 146.

Москва, 27-го мая.

А.

Свѣжую новость въ области народно-хозяйственныхъ интересовъ составляетъ только что опубликованный указъ о таможенныхъ пошлинахъ на джуту и издѣлія изъ оной. Вопросъ имѣющій большее значеніе для одной изъ важныхъ отраслей нашего народнаго хозяйства, для всей нашей льнопромышленности, послѣ тщательнаго соображенія всѣхъ *за* и *противъ*, 12 мая рѣшенъ окончательно, и рѣшенъ именно въ томъ направленіи которое требовалось національными интересами.

Вопросъ этотъ возникъ въ относительно недавнее время. На джуту и издѣлія изъ нея нѣсколько лѣтъ тому назадъ никто не обращалъ вниманія. Ввозъ къ намъ этихъ заграничныхъ продуктовъ былъ ничтожный, и о томъ чтобъ онъ могъ обратиться въ подрывъ нашему льняному производству не было и помышленія. Но произведшіеся безъ яснаго сознанія народныхъ интересовъ, единственно въ угоду космополитической доктринѣ, пересмотры таможенныхъ тарифовъ создали опасность тамъ гдѣ ея прежде не было. Въ 1868 году, пошлины на привозные холстинные мѣшки, установленныя по прежнимъ тарифамъ, были, безо всякой въ томъ надобности, понижены до крайности, и это пониженіе не осталось безъ результатовъ. Ввозъ иностранныхъ мѣшковъ, простиравшійся въ 1869 году на сумму всего какихъ-нибудь полутораста тысячъ рублей, возросъ до чрезвычайности и въ концѣ семидесятыхъ годовъ перешелъ уже по таможенной оцѣнкѣ, далеко за пять милліоновъ. Шагъ за шагомъ, джутовые мѣшки вытѣсняли съ русскихъ рынковъ наши льняные и пеньковые. Довольно обширный прежде кустарный промыселъ изготовленія мѣшковъ, дававшій не малые заработки многимъ десяткамъ тысячъ крестьянъ разныхъ мѣстностей, сталъ быстро приходить въ упадокъ. Затѣмъ конкурренція джутовыхъ мѣшковъ серіозно отразилась и на нашихъ льняныхъ мануфактурахъ. Вся эта отрасль нашей промышленности переживаетъ въ послѣднее время тяжелый кризисъ, и въ числѣ вызвавшихъ его причинъ, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ чрезмѣрная конкурренція привозныхъ джутовыхъ издѣлій, поощренная тарифомъ 1868 года. Наши льняные фабриканты не жалуются на недостатокъ сбыта производимыхъ ими тонкихъ полотенъ, скатертей и салфетокъ; но сбытомъ однихъ этихъ издѣлій фабрики довольствоваться не могутъ. На приготовленіе этихъ издѣлій идетъ только чесаный ленъ, а при фабричной обработкѣ, изъ поступающаго на фабрики матеріала получается лишь около одной трети чесанаго льна, а остальныя двѣ трети составляетъ очесокъ, удобный на изготовленіе лишь болѣе грубыхъ тканей, между прочимъ мѣшечнаго полотна. Именно въ сбытѣ издѣлій этого сорта и возникли небывалыя прежде затрудненія. Эти издѣлія не шли съ рукъ, потому что въ замѣнъ добротныхъ льняныхъ мѣшковъ пошли въ ходъ болѣе дешевые, хотя и не прочные джутовые мѣшки. Фабриканты нашлись вынужденными сократить и пріостановить производство не находящихъ сбыта издѣлій. Число рабочихъ рукъ занятыхъ на льняныхъ фабрикахъ значительно уменьшилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представители льняной промышленности обратились къ правительству съ ходатайствомъ объ огражденіи ихъ производства отъ подрыва причиняемаго иностранною джутовою фабрикаціей.

Необходимость оказать поддержку льняной промышленности съ самаго возникновенія вопроса была внѣ сомнѣнія. Производство льна стоитъ въ Россіи, можно сказать, на первомъ мѣстѣ послѣ производства хлѣба, и простирается ежегодно приблизительно на сто и болѣе милліоновъ рублей. Мы снабжаемъ льномъ всю Европу, не встрѣчая пока по этой отрасли торговли

ни въ комъ соперника подобнаго тому какимъ выступили Американскіе Соединенные Штаты по хлѣбной торговлѣ. Но крайне невыгодная для насъ сторона дѣла заключается въ томъ что производимый въ Россіи ленъ обрабатывается не дома, а за границей, гдѣ льняная фабрикація занимаетъ до трехъ милліоновъ веретенъ. О томъ какія огромныя выгоды могли бы мы получать еслибы возможно бо̀льшая часть нашего льна обрабатывалась дома, нѣтъ надобности распространяться; объ этомъ было много говорено, и это всѣми признано. Важное значеніе развитія у насъ льняной фабрикаціи давно стоитъ внѣ спора, и развитіе ея, хотя и не достаточно сильное и быстрое, замѣчалось всѣми съ особымъ удовольствіемъ. Увеличеніе числа льнопрядилень, на которыхъ число веретенъ дошло наконецъ до 200.000, было отраднымъ фактомъ, позволявшимъ разчитывать на дальнѣйшіе успѣхи. Въ своемъ развитіи наша льняная фабрикація была остановлена соперничествомъ привозныхъ джутовыхъ издѣлій. Жертвовать ею интересамъ иноземнаго джутоваго производства не могло быть никакого побужденія. Но противъ наложенія на джуту повышенныхъ пошлинъ, которыя были бы охранительными для нашихъ фабрикъ, не замедлили появиться возраженія, которыя, на первый взглядъ, могли казаться основательными и убѣдительными.

Интересы льняной фабрикаціи, требовавшіе охранительной таможенной пошлины, были выставлены идущими въ разрѣзъ съ интересами хлѣбной торговли, нуждающейся во всякаго рода облегченіяхъ и уменьшенія накладныхъ расходовъ, а стало-быть и въ дешевыхъ мѣшкахъ для хлѣба. Вредный для льняной фабрикаціи, дешевый джутовый мѣшокъ представлялся благодѣтельнымъ для хлѣбной торговли, которая де пострадаетъ если будетъ вынуждена вновь обратиться къ домашнимъ, болѣе дорогимъ льнянымъ мѣшкамъ. Пошлина на привозные джутовые мѣшки приравнивалась къ налогу на производство хлѣба. Но противъ такого взгляда на дѣло высказалось большинство самихъ хлѣботорговцевъ. Дешевизна джутоваго мѣшка оказалась только кажущеюся, а не дѣйствительною. Онъ дешевле льнянаго на нѣсколько копѣекъ, но за то очень не проченъ и болѣе двухъ транспортовъ не выдерживаетъ, тогда какъ льняной мѣшокъ служитъ вдвое и втрое большій срокъ. Непрочность мѣшка влечетъ за собою большую раструску хлѣба, которая ложится на хлѣбную торговлю большимъ налогомъ чѣмъ тотъ подъемъ цѣны мѣшковъ который послѣдуетъ отъ наложенія пошлины на джутовыя издѣлія. Такимъ образомъ, никакого антагонизма между интересами льняной фабрикаціи, съ одной стороны, и хлѣбной торговли, съ другой, на дѣлѣ не оказалось, и принятая 12 мая мѣра будетъ одинаково полезна съ точки зрѣнія какъ тѣхъ такъ и другихъ. Но конечно эта мѣра не встрѣтитъ одобренія со стороны иноземныхъ производителей джутовыхъ мѣшковъ и ихъ агентовъ организовавшихъ торговлю ими въ Россіи и предпринимавшихъ всевозможныя усилія къ тому чтобы затормозить вопросъ и отсрочить его рѣшеніе. Надежды на успѣхъ этихъ усилій были, однако, очень слабыя, и въ предвидѣніи повышенія пошлины на джутовыя издѣлія, въ послѣднее время уже составлялись предположенія обойти подготовлявшійся законъ перенесеніемъ въ Россію иностранной джутовой фабрикаціи. Это принято во вниманіе при изданіи новаго закона. Вмѣстѣ съ повышеніемъ пошлины на привозные мѣшки съ 30 к. до 2 р. (съ пуда) установлена пошлина съ самой джуты, которая до сихъ поръ допускалась безпошлинно, а впредь будетъ оплачиваться 40 коп. съ пуда, то-есть почти такою же пошлиной какою обложенъ хлопокъ (44 к. съ пуда). Указанныя охранительныя пошлины, какъ можно надѣяться, не замедлятъ благотворно отозваться на ходѣ нашей льняной фабрикаціи, поднявъ цѣну мѣшковъ до той нормы при которой изготовленіе ихъ изъ льняныхъ и пеньковыхъ оческовъ становится дѣломъ выгоднымъ. Среднимъ числомъ цѣна мѣшка поднимется на 4$^1/_4$ металлическія копѣйки, или на 6—6$^1/_2$ коп. кредитныхъ, что не упадетъ даже полукопѣйкой на рубль стоимости перевозимаго въ мѣшкахъ хлѣба. Умѣренность установленной охранительной пошлины явствуетъ изъ сравненія съ пошлиной на привозные мѣшки по тарифу Соединенныхъ Штатовъ. Тамъ какъ нельзя болѣе заботятся объ интересахъ хлѣбной торговли и дѣлаютъ для ея облегченія все возможное, такъ что перенесеніе къ намъ даже части существующихъ тамъ удобствъ и приспособленій по этой части было бы уже

большимъ для насъ успѣхомъ. Но въ числѣ требуемыхъ интересами хлѣбной торговли удобствъ Американцы отнюдь не ставятъ привоза иностранныхъ мѣшковъ для хлѣба. Этотъ товаръ обложенъ тамъ пошлиной почти вдвое высшею противъ той какая вводится у насъ съ 1 іюня.

Состоявшаяся 12 мая мѣра есть несомнѣнно шагъ въ направленіи національной экономической политики. Дай Богъ чтобы за этимъ шагомъ не замедлили послѣдовать другіе, и чтобы никакія иныя соображенія, кромѣ ясно сознанныхъ національныхъ интересовъ, не имѣли впредь никакого вѣса при обсужденіи множества требующихъ у насъ рѣшенія экономическихъ вопросовъ. Довольно уже платились мы за уклоненіе отъ національной политики, за пренебреженіе прямыми интересами страны какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ иныхъ отношеніяхъ. Довольно служили мы чужимъ доктринамъ, жертвуя имъ народною пользой. Ошибокъ въ этомъ отношеніи надѣлано безъ конца. Давно пора приняться за ихъ исправленіе.

Б.

Голосъ, въ грязи своего фельетона (№ 142) чествуя Н. И. Пирогова и приводя выдержку изъ его всеподданнѣйшаго доклада, замѣчаетъ слѣдующее;

„Этой ереси не могъ вынести графъ Толстой, ни Катковъ, ни имъ подобные. Они заподозрили Пирогова предъ главою государства и удалили отъ дѣлъ.“

Откуда же *Голосъ* могъ узнать что Катковъ заподозрилъ Пирогова предъ главою государства? Пусть укажетъ онъ свой источникъ, или лучше, пусть скажетъ какъ назвать общественныхъ дѣятелей которые ни въ чемъ не могутъ обойтись безъ пособія лжи? Посмотрите какъ построена самая фраза! Говорятъ ли такъ честные люди выступая съ уликами?

Что касается нашихъ отношеній ко графу Толстому, то о нихъ уже не однократно имѣли мы поводъ высказываться. Мы сочувствовали и способствовали всѣми нашими силами бывшему министру Народнаго Просвѣщенія въ преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній и установленіи классической системы, за которую, мимоходомъ сказать, сколько намъ помнится, стоялъ и Пироговъ, и противъ которой неистово, всѣми способами лжи, ополчался *Голосъ* и ему подобные органы. Но мы никогда не имѣли притязанія вмѣшиваться въ администрацію графа Толстаго; ни прямо, ни косвенно не несемъ мы отвѣтственности ни за какія его назначенія и удаленія. Въ своихъ распоряженіяхъ, онъ, сколько мы знаемъ, поступалъ самостоятельно и не спрашивалъ ничьихъ совѣтовъ.

Но въ чемъ же состоитъ то мнѣніе Н. И. Пирогова которое мы будто бы не могли вынести и считали ересью? Вотъ его слова приведенныя *Голосомъ* и подавшія поводъ къ неблагопристойной выходкѣ этой газеты:

„Не представляется никакихъ другихъ мѣръ къ возстановленію порядка въ нашихъ университетахъ, какъ одна изъ двухъ слѣдующихъ: нужно или сдѣлать ученіе въ университетѣ свободнымъ, открытымъ для всѣхъ, безъ всякой корпораціи, съ общимъ гражданскимъ или полицейскимъ надзоромъ за порядкомъ, или же соединить, сколь можно крѣпче, учащихъ и учащихся въ одну общую и хорошо организованную корпорацію; но въ такомъ случаѣ, она должна быть вполнѣ самостоятельною и пользующеюся правами самоуправленія.“

Но система академической свободы въ томъ смыслѣ какъ она установлена въ германскихъ университетахъ и какъ она нынѣ можетъ быть удобно примѣнена и къ нашимъ университетамъ благодаря совершившемуся преобразованію нашихъ гимназій, есть именно та система которая нами предлагалась и предлагается какъ единственное спасеніе нашихъ университетовъ, и которая оспаривалась и оспаривается либеральными обскурантами вдохновляющими *Голосъ* и подобные ему органы.

Что же касается другаго члена дилеммы заключающейся въ вышеприведенныхъ словахъ Н. И. Пирогова, т.-е. соединенія профессоровъ со студентами въ одну общую самоуправляющуюся корпорацію, то такая система пока еще нигдѣ не практикуется. Уставъ 1863 года не имѣетъ ничего общаго съ нею. Этотъ уставъ создалъ, напротивъ, профессорскія коллегіи *безконтрольно самоуправляющія* (sic) дѣлами студентовъ. Что же касается общей *самоуправляющейся* корпораціи въ которую равно входили бы и профессоры и студенты, то первый опытъ такой системы производился въ минувшемъ *неучебномъ* году статсъ-секретаремъ Сабуровымъ, но,

какъ извѣстно, эта попытка окончилась неблагополучно...

Впрочемъ, авторитетъ и слава Н. И. Пирогова основываются на его врачебной дѣятельности; педагогія же была въ его жизни случайностью. Можно высоко цѣнить его значеніе вообще, и не соглашаться съ его педагогическими мнѣніями или не одобрять его педагогическихъ мѣръ. Но нельзя думать чтобы графъ Толстой или кто бы то ни было могъ заподозрить его *намѣренія*.

№ 147.

Москва, 28-го мая.

Не давно мы указывали на бѣдственное положеніе въ которомъ находится Италія благодаря своему парламентаризму. Цѣлые два мѣсяца продолжался тамъ министерскій кризисъ, несмотря на то что дважды свергнутое за это время министерство Каироли принадлежало къ лѣвой, то-есть либеральной партіи, владѣющей большинствомъ мѣстъ въ италіянскомъ парламентѣ. Не интересы страны вызывали и такъ долго поддерживали столь ненормальное положеніе въ то время когда на очереди стояло обсужденіе важныхъ законовъ и необходимыхъ финансовыхъ реформъ, а мелкія, личныя интриги партій, фракцій и кликъ, на которыя дѣлится италіянскій парламентъ, интриги которыя однѣ только и интересуютъ такъ-называемыхъ „представителей народа," заботящихся только о томъ чтобы проложить себѣ или своимъ личнымъ друзьямъ путь къ соблазняющей ихъ правительственной власти.

Вредъ причиняемый шаблоннымъ парламентаризмомъ въ Италіи такъ очевиденъ что его даже не пытаются отрицать и наши лжелибералы, безусловные поклонники и завзятые хвалители парламентскаго или, какъ они выражаются, „правоваго режима." Они принуждены сознаться что дѣйствительно въ Италіи „важныя и настоятельныя реформы тормозятся частыми министерскими кризисами. Но причина этихъ кризисовъ, поясняютъ они съ неподражаемою наивностью,—

„заключается въ томъ что въ Италіи еще недавно (!) введена парламентская система. Парламентская система дѣйствуетъ во всей Италіи только въ теченіи *двадцати* лѣтъ. О результатахъ системы парламентаризма въ Италіи можно правильно судить только сравнивая теперешнее ея умственное и *экономическое* состояніе съ тѣмъ въ какомъ она находилась въ то время когда самое слово парламентаризмъ считалось преступнымъ."

А каково въ самомъ дѣлѣ теперешнее экономическое состояніе Италіи сравнительно съ бывшимъ двадцать лѣтъ назадъ? На этотъ вопросъ либеральный авторъ статьи изъ которой взяты вышеприведенныя строки отвѣчаетъ что масса населенія подавлена тяжестью налоговъ, реформа которыхъ является настоятельною потребностью современной Италіи. Но не одни налоги довели Италію въ послѣднія два десятилѣтія до жалкаго состоянія. Не давно появилась въ издаваемомъ въ Римѣ англійскомъ журналѣ *Минерва* интересная статья посвященная изученію бѣдственныхъ экономическихъ условій современной Италіи. Изъ этой статьи мы узнаемъ что оскудѣніе народа въ Италіи дошло до ужасной степени, что зло не могутъ облегчить ни благопріятныя климатическія условія, ни плодородность почвы Италіи. Всѣ необходимѣйшіе предметы потребленія вздорожали отъ 20 до 80 процентовъ, тогда какъ заработная плата не увеличилась соотвѣтственно. Такъ, напримѣръ, цѣны на пшеничную и кукурузную муку удвоились, а на вино поднялись даже на 300 процентовъ. Въ 1866 году мѣшокъ *поленты* стоилъ *семь* франковъ, а теперь за него приходится платить *четырнадцать* франковъ и дороже. Въ сѣверной Италіи крестьяне страдаютъ отъ такъ-называемой нищенской проказы (*pellagra*), жертвы которой насчитываются сотнями тысячъ. Несчастные „граждане" Италіи ищутъ исхода изъ своего положенія въ одномъ изъ трехъ средствъ: или въ лотереѣ, или въ эмиграціи, или, наконецъ, въ преступленіи. Въ 1861 году лотерея доставляла государству 27 милліоновъ дохода; теперь эти доходы возрасли до *70 милліоновъ* (жителей въ Италіи 27 милліонновъ). Ежегодно изъ Италіи выселяются среднимъ числомъ около 20.000 человѣкъ, а въ 1879 году выселилось 40.824 человѣка; всего же съ 1869 по 1879 годъ Италія потеряла 1.287.822 жителей.

Такъ вотъ то экономическое состояніе Италіи по которому можно, какъ думаютъ либералы, правильно судить о результа-

тахъ парламентаризма въ Италіи. Результаты эти оказываются не очень отрадными. Не бѣжали бы Италіянцы ежегодно десятками тысячъ изъ своего отечества еслибы парламентаризмъ дѣйствительно улучшилъ экономическія условія Италіи.

Въ Англіи сила всегда была не въ парламентаризмѣ, а въ крѣпкой землевладѣльческой власти, которая господствуетъ надо всѣмъ, всѣмъ управляетъ и подчиняетъ себѣ всѣ интересы. Политическія партіи были домашнимъ дѣломъ аристократіи. Пока интересъ землевладѣльческій былъ всевластенъ ему подчинялись и партіи. Теперь, послѣ двукратной реформы выборовъ, положеніе дѣлъ въ Англіи измѣнилось глубоко. Партіи лишаются общей почвы, и съ каждымъ днемъ все болѣе ожесточается борьба между ними.

Возьмемъ для примѣра настоящую парламентскую борьбу въ Англіи. Палата общинъ никакъ не можетъ покончить съ ирландскимъ земельнымъ биллемъ. Почему? Потому ли что интересы страны требуютъ того чтобъ Ирландскій аграрный вопросъ какъ можно долѣе не рѣшался? Нисколько. Это можетъ быть желательно для ирландскихъ автономистовъ, но въ Англіи всѣ безъ исключенія, какъ торіи, такъ и виги, считаютъ скорѣйшее рѣшеніе Ирландскаго вопроса настоятельною потребностью минуты. Тѣмъ не менѣе торійскіе депутаты считаютъ выгоднымъ для своей партіи, насколько возможно, затормозить обсужденіе билля внесеннаго противною партіей. Съ этою цѣлью вся ихъ дѣятельность направляется на *обструкціонизмъ*, т.-е. на созданіе всевозможныхъ препятствій и задержекъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ объ этомъ обструкціонизмѣ англійская еженедѣльная газета *Spectator*:

„Кто наблюдаетъ за нашею парламентскою борьбой, для того становится яснымъ что торіи держатся политики задержекъ. Вожди этой партіи полагаютъ что для нея выгодно тянуть время, что мало-по-малу правительство утратитъ свою популярность, и что если только задержать естественный ходъ дѣлъ, то правительство утомится и порывъ его къ дѣятельности ослабѣетъ и исчезнетъ. Поэтому нѣтъ такого средства котораго торіи не употребляли бы для того чтобы создавать причины всевозможныхъ задержекъ. Они не приводятъ никакихъ серіозныхъ основаній противъ аграрнаго билля, за то ежедневно къ нему придираются, вслѣдствіе этого тратятся цѣлыя ночи на безплодныя и притомъ *намѣренно* безплодныя пренія. И дѣйствительно, дѣла приходятъ въ застой и правительство не можетъ исполнить многихъ изъ данныхъ имъ обѣщаній. Торіи воображаютъ себѣ что это для нихъ выгодно, но они могутъ жестоко ошибиться. *Результатомъ задержекъ будетъ развитіе недовольства парламентаризмомъ, уже теперь сильно ощущаемаго всюду кромѣ Лондона.*“

Если въ 1848 году Германскій парламентъ несмотря на свой „высокій умственный уровень“ не могъ „осуществить то дѣло для котораго онъ собрался,“ то неужели теперь единство и могущество Германіи осуществилось потому что парламентъ „пріобрѣлъ опытность путемъ политической практики,“ какъ поучаетъ насъ одна здѣшняя „либеральная“ газета? Германская имперія создалась, упрочилась и пріобрѣла свою силу на глазахъ живущаго поколѣнія не благодаря парламенту, а *вопреки* ему. Съ 1864 года Бисмаркъ находилъ въ прусскомъ сѣверогерманскомъ и имперскомъ парламентахъ помѣху, а не поддержку при осуществленіи единства Германіи, этого завѣтнаго идеала Германскаго народа, котораго никогда не достигли бы никакія германскія говорильни еслибъ онѣ даже „пріобрѣли опытность путемъ политической практики.“ *Наперекоръ* шаблонной „конституціи“ и „парламенту,“ но согласно съ чувствомъ и потребностями Германскаго народа, шелъ и до сихъ поръ идетъ желѣзный канцлеръ твердымъ шагомъ устраняя или обходя тѣ препятствія которыя создаютъ предъ нимъ близорукіе пигмеи, именующіе себя „представителями Германіи“ потому только что имъ удалось на выборахъ, посредствомъ интригъ, клеветы, застращиванья или подкупа, перетянуть на свою сторону лишній десятокъ голосовъ. На дняхъ еще, опять-таки *вопреки* парламенту, князю Бисмарку удалось присоединить Гамбургъ къ Германскому таможенному союзу и положить основаніе къ разрѣшенію „рабочаго“ вопроса путемъ правительственныхъ мѣръ.

Приближающееся къ концу столѣтіе быть можетъ получитъ въ исторіи названіе „вѣка парламентаризма“ въ отличіе отъ слѣдующей эпохи, когда народы, дѣйствительно наученные опытомъ, выйдутъ изъ тумана фиктивнаго народнаго представительства. Россія послужитъ имъ тогда ве-

ликимъ образцомъ, если останется вѣрна своему историческому пути, избѣжитъ горячечной атмосферы приближающагося къ своей кончинѣ парламентаризма, и употребитъ во благо дарованную ей Богомъ независимую, единую съ народомъ и безспорную власть.

№ 148.

Москва, 29-го мая.

Весьма кстати появилось обнародованное 27 мая въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* офиціальное сообщеніе о положеніи принятомъ Россіей относительно послѣднихъ событій въ Болгаріи. Впрочемъ, нельзя было сомнѣваться что князь Александръ и въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, дѣйствовалъ не безъ вѣдома и одобренія Русскаго правительства. Князь Александръ поставленный во главѣ юнаго народа, со вчерашняго дня лишь ставшаго на ноги, по самому своему положенію лучше новоиспеченныхъ вожаковъ куріознаго парламента сознавалъ въ чемъ благо ввѣренной ему Провидѣніемъ націи, и онъ принялъ мужественное рѣшеніе, которое разные доктринеры конституціи, вслѣдствіе ли рутины или же изъ побужденій болѣе практическаго свойства, но ужь никакъ не изъ благожеланія Болгарамъ, поспѣшили прокричать какъ *coup d'état*, хотя тутъ не было и нѣтъ и тѣни тѣхъ возмутительныхъ насилій которыя характеризовались этимъ терминомъ и которымъ не разъ подвергалось отечество „свободы, равенства и братства".

Изъ того что конституція, коей несостоятельность такъ разительно доказана печальнымъ опытомъ, „дарована" Болгаріи Россіей въ минуту печальнаго политическаго заблужденія, но не безъ возраженій со стороны ясно предвидѣвшей къ чему должно было повести это наряженіе славянской народности въ чуждый ей и шутовской костюмъ, — изъ этой прискорбной ошибки нѣкоторые политическіе вѣстовщики старались вывести лживое заключеніе, имѣвшее цѣлью сбить съ толку Болгарскій народъ, о томъ будто бы Россія не одобряетъ рѣшенія принятаго княземъ Александромъ. *Правительственное сообщеніе* отъ 27 мая должно разсѣять всякія въ этомъ отношеніи сомнѣнія и показать Болгарскому народу гдѣ его истинное благо и отъ кого грозитъ ему дѣйствительная опасность.

„Въ глазахъ Императорскаго кабинета", сказано въ сообщеніи, „князь Александръ „былъ и есть избранникъ Болгарскаго на„рода встрѣченный сочувствіемъ незабвен„наго Царя-Освободителя и всей Россіи и „признанный всею Европой." Нельзя сомнѣваться въ томъ что подобное заявленіе произведетъ на Болгарскій народъ несравненно большее впечатлѣніе чѣмъ возгласы самозванныхъ болгарскихъ трибуновъ, старающихся повредить князю въ глазахъ народа инсинуаціями насчетъ его иностраннаго происхожденія. Народъ пойметъ что избранникъ Русскаго Царя, указанный Болгарамъ и ими свободно принятый не могъ не проникнуться интересами своего новаго отечества, изъ которыхъ самымъ жизненнымъ, самымъ важнымъ должно быть сохраненіе неразрывной связи съ великимъ и единомыслящимъ народомъ, коему Болгары всѣмъ обязаны. Изъ устъ Русскаго правительства Болгары услышатъ теперь что „князь Александръ олицетворяетъ собою неразрывную связь Русскаго народа съ Болгарскимъ", а этою связью даже либералы изъ Болгаръ дорожатъ конечно неизмѣримо больше, нежели писаннымъ листомъ бумаги который политическіе агитаторы старались, въ своихъ интересахъ, представить народу истиннымъ залогомъ этой связи, основываясь на томъ что этотъ листъ сочиненъ агентами русской власти. Политическая ошибка заключавшаяся въ этомъ актѣ русской дипломатіи нынѣ прямодушно признана и, благодареніе Богу, дальнѣйшій обманъ сталъ невозможенъ. Каковы бы ни были средства къ коимъ прибѣгнутъ болгарскіе агитаторы при предстоящихъ выборахъ въ Великій Народный Совѣтъ и во время самыхъ совѣщаній этого Совѣта, на Россію они болѣе ссылаться не будутъ и не посмѣютъ утверждать что Русское правительство желаетъ чтобы была сохранена неприкосновенность „хартіи" навязанной Болгаріи. Теперешній взглядъ Россіи на эту хартію вполнѣ недвусмысленно выраженъ въ слѣдующихъ словахъ *правительственнаго сообщенія*: „Императорское правительство твердо увѣ„рено что князь объявляя о невозможности „исполнить лежащее на немъ обязатель„ство при существовавшихъ доселѣ усло„віяхъ руководился глубокимъ, основан-

„нымъ на опытѣ убѣжденіемъ что онъ не „исполнилъ бы своего долга еслибы продолжалъ брать на свою отвѣтственность „такое положеніе дѣлъ которое грозило „опасностью будущности Болгаріи. Равнымъ образомъ Императорскій кабинетъ „увѣренъ и въ томъ что князь потребовалъ отъ Болгарскаго народа власти необходимой для добросовѣстнаго исполненія лежащаго на немъ обязательства съ „рѣшимостью трудиться для блага ввѣреннаго ему народа. Вотъ почему Императорское правительство искренно желаетъ „чтобы Болгарскій народъ, проникшись „сознаніемъ истинныхъ своихъ интересовъ „и довѣрившись слову своего князя, пребылъ вѣрно и неразрывно связаннымъ съ „нимъ и отвергъ подстрекательство агитаторовъ стремящихся разорвать эту связь, „съ опасностью вызвать этимъ анархію „въ которой можетъ погибнуть вся будущность Княжества."

Не подлежитъ сомнѣнію что заявленіе столь ясно и опредѣленно излагающее взглядъ Русскаго правительства на тотъ спорный вопросъ который предстоитъ разрѣшить представителямъ Болгарскаго народа, — вопросъ сохранить ли Болгарія лучшій залогъ своей самобытности и неразрывную связь съ Россіей, или же ей должно вступить на пагубный и совсѣмъ ей непривычный путь парламентскаго режима, который для Болгаріи былъ бы равносиленъ анархіи, а стало-быть и неизбѣжному порабощенію вновь тому или другому чужеземному игу, — послужитъ самымъ лучшимъ руководствомъ для разрѣшенія спора и лучшею поддержкой представителя законной власти противъ происковъ анархистовъ. Послѣдніе не дремлютъ и прибѣгаютъ къ обычному средству политическаго обмана, распространяя съ помощью услужливаго телеграфа разныя небылицы и тревожные слухи. Неоднократно телеграфъ уже сообщалъ, чрезъ посредство той или иной газеты, о „крайнихъ репрессивныхъ мѣрахъ" принимаемыхъ будто бы правительствомъ князя, о многочисленныхъ арестахъ и тому подобномъ. Несмотря на опроверженія неизмѣнно слѣдующія за подобными извѣщеніями, они повторяются каждый день. Такъ еще вчера намъ было передано, со словъ одной изъ петербургскихъ газетъ, извѣстіе дошедшее до нея изъ Вѣны, будто бы вся Болгарія объявлена въ осадномъ положеніи и „положеніе дѣлъ внушаетъ опасеніе." Дѣла въ Болгаріи, доколѣ она находится въ теперешнемъ переходномъ положеніи, разумѣется, внушаютъ опасеніе, и этого не скрываетъ указанное официальное заявленіе Русскаго правительства. Быть-можетъ правительству Болгарскаго князя въ самомъ дѣлѣ придется прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ дабы спасти общественный порядокъ, который несомнѣнно попытаются нарушить: агитаторы должны чувствовать что имъ не устоять въ борьбѣ послѣ того какъ Болгарскому народу подамъ столь недвусмысленный совѣтъ со стороны Россіи. Но во всякомъ случаѣ это тревожное положеніе не можетъ быть послѣдствіемъ энергіи и рѣшительности со стороны князя, какъ старается внушить указанная телеграмма изъ Вѣны, а развѣ наоборотъ: чѣмъ тверже Болгарское правительство будетъ идти по избранному имъ пути, тѣмъ менѣе будетъ противодѣйствіе которое готовится ему оказать припертая къ стѣнѣ горсть агитаторовъ, тѣмъ спокойнѣе совершится народное голосованіе въ пользу необходимыхъ перемѣнъ, тѣмъ скорѣе установится въ юномъ государствѣ порядокъ управленія правдивый, свободный отъ фальши, удовлетворяющій истиннымъ потребностямъ и духу Болгарскаго народа.

№ 149.

Москва, 30-го мая.

Вчера телеграфъ извѣстилъ насъ что Французскій сенатъ не принялъ закона Бардy объ избирательной реформѣ и этимъ нанесъ чувствительное пораженіе г. Гамбеттѣ.

Уже дважды сенатъ Французской республики находился наканунѣ столкновенія съ палатой депутатовъ: по поводу амнистіи коммунаровъ и по вопросу объ учрежденіи монашескихъ орденовъ; но оба раза, въ самую рѣшительную минуту, дѣло улаживалось благодаря уступчивости большинства сенаторовъ. Теперь, въ третій разъ, уступка палатѣ показалась сенату столь опасною что онъ счелъ нужнымъ воспользоваться своимъ правомъ и отвергнуть принятый палатой избирательный законъ.

Наши читатели уже знакомы съ сущностію этого закона. Онъ былъ такъ задуманъ что обезпечивалъ г. Гамбеттѣ на будущихъ осеннихъ выборахъ громадное

большинство вполнѣ преданныхъ депутатовъ, съ которыми онъ могъ, сперва въ качествѣ министра, а затѣмъ въ качествѣ президента республики, легко и почти неограниченно распоряжаться судьбами страны. Не мало стоило ему усилій провести этотъ законъ въ палатѣ депутатовъ. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ онъ ежедневно употреблялъ всевозможныя старанія чтобы подготовить депутатовъ къ принятію избирательной реформы, которая должна была отдать ему въ руки всю Францію. Онъ сумѣлъ сперва привлечь на свою сторону почти всю республиканскую печать которая въ безчисленныхъ статьяхъ повторяла доводы его собственнаго органа *République Française* въ пользу выборовъ „по департаментскому списку." Главныхъ и самыхъ опасныхъ противниковъ этой новой выборной системы, президента республики Греви и перваго министра Жюля Ферри, г. Гамбеттѣ удалось послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ обречь на полную пассивность. Самихъ депутатовъ онъ „обрабатывалъ" лично и чрезъ своихъ друзей путемъ обѣщаній своего покровительства на будущихъ выборахъ. Наряду съ этимъ онъ всюду провозглашалъ что онъ самъ человѣкъ скромный, не честолюбивый и лично вовсе незаинтересованный въ судьбѣ закона предложеннаго его другомъ Барду.

И вотъ усилія его увѣнчались успѣхомъ, и палата депутатовъ приняла выборную систему „по спискамъ" большинствомъ *восьми* голосовъ. Торжество г. Гамбетты было такъ велико что онъ невольно имъ увлекся, на минуту отступилъ отъ того терпѣливаго благоразумія которымъ онъ отличался съ 1872 года и сразу сдѣлалъ двѣ важныя ошибки, которыя теперь оказались непоправимыми. Онъ счелъ себя полнымъ побѣдителемъ и поторопился отпраздновать свою побѣду прежде чѣмъ законъ Барду былъ принятъ сенатомъ. Этимъ онъ, вопервыхъ, показалъ что онъ дѣйствительно *лично* заинтересованъ въ выборной реформѣ, а вовторыхъ, онъ этимъ обнаружилъ неуваженіе къ конституціоннымъ правамъ сената.

Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе всего времени пока длилась борьба о законѣ Барду въ палатѣ депутатовъ, г. Гамбетта даже и не думалъ о томъ что сенатъ можетъ оказать ему сопротивленіе, и когда законъ былъ принятъ палатой, онъ, въ качествѣ президента палаты, переслалъ его „ради формальности" въ сенатъ, а самъ тотчасъ же уѣхалъ въ свой родной городъ Кагоръ. Предлогомъ этой поѣздки было открытіе памятника въ честь воиновъ павшихъ въ 1870 и 1871 годахъ въ войнѣ съ Пруссаками. На самомъ же дѣлѣ г. Гамбетта хотѣлъ усилить предъ выборами свою популярность и привлечь на сторону республики свой родной департаментъ, большинство избирателей котораго до сихъ поръ были монархистами. Жители Кагора устроили своему знаменитому согражданину царскую встрѣчу. Всѣ представители департаментской администраціи и безчисленныя депутаціи явились къ нему со всѣхъ сторонъ, чествуя его какъ „спасителя отечества" и „перваго человѣка Франціи." Г. Гамбетта съ величавою снисходительностію выслушивалъ всѣ эти лестныя рѣчи и адресы, предвкушая свое будущее всемогущество, и отвѣчалъ широкими обѣщаніями въ пышныхъ словахъ.

Внезапно среди этого упоительнаго ликованія пришла тревожная вѣсть изъ Парижа: закону Барду угрожаетъ сильная оппозиція въ сенатѣ. Первая мысль г. Гамбетты была та что можно „задобрить" сенаторовъ. Поэтому, на банкетѣ, данномъ въ честь его городомъ Кагоромъ, г. Гамбетта произнесъ рѣчь въ которой онъ разсыпался въ похвалахъ предъ президентомъ Греви, этимъ „маститымъ и почтеннымъ старцемъ" и предъ сенатомъ, который онъ назвалъ „уважаемымъ учрежденіемъ, которое, кто знаетъ, можетъ быть когда-нибудь спасетъ Францію." Тѣмъ не менѣе г. Гамбетта уже не могъ спокойно предаваться безмятежному веселію въ своемъ родномъ городѣ и днемъ раньше чѣмъ было назначено вернулся въ Парижъ. Тутъ онъ сразу понялъ сдѣланную имъ ошибку. Сенатъ не на шутку обидѣлся выказаннымъ ему презрѣніемъ и очевидно не могъ уже быть задобренъ нѣсколькими ласковыми словами. Г. Гамбетта тотчасъ перемѣнилъ свою политику и отъ задабриванья перешелъ прямо къ застращиванью созывомъ конгресса, пересмотромъ конституціи и совершеннымъ уничтоженіемъ сената.

Но и эта тактика оказалась ошибочною. Сенатъ отвѣтилъ на нее тѣмъ что назначилъ для разсмотрѣнія закона Барду коммиссію изъ восьми сенаторовъ, между которыми *семеро* были открытые враги этого

закона. Завязалась отчаянная газетная и закулисная парламентская борьба. Въ первой изъ нихъ всего болѣе нападалъ на Гамбетту органъ президента Греви, *La Paix;* во второй сенаторы и бывшіе министры Жюль Симонъ, Ваддингтонъ и теперешній министръ Жюль Ферри. Гамбеттѣ снова пришлось начать свою прежнюю дипломатическую, терпѣливую кампанію. Но время не терпѣло. Ему удалось лишь снова убѣдить Греви и Ферри въ необходимости полнаго нейтралитета правительства; прежде чѣмъ онъ успѣлъ приступить къ „обработкѣ" сенаторовъ, коммисія уже покончила свою работу, и председатель ея, г. Ваддингтонъ, представилъ сенату докладъ въ которомъ онъ совѣтовалъ рѣшительно отвергнуть законъ Барду. Главные его мотивы заключались въ томъ что этотъ законъ былъ принятъ палатой незначительнымъ большинствомъ голосовъ, что большинство народа относится къ нему непріязненно или по крайней мѣрѣ равнодушно, что онъ увеличитъ авторитетъ палаты депутатовъ, которые будутъ избираться какъ сенаторъ отъ цѣлаго департамента, а не отъ отдѣльнаго округа, вслѣдствіе чего уменьшится значеніе сената, и что наконецъ при новой выборной системѣ одинъ и тотъ же депутатъ можетъ быть выбранъ заразъ во многихъ департаментахъ и вслѣдствіе этого быть въ качествѣ „народнаго избранника" опаснымъ соперникомъ президента республики.

Отвергая законъ въ самомъ его принципѣ, г. Ваддингтонъ не занялся опроверженіемъ отдѣльныхъ его статей. А между тѣмъ, въ одной изъ нихъ и заключалась самая важная и серіозная опасность для сената. Число депутатовъ, по новому закону, должно было увеличиться съ 535 на 568. Въ случаѣ созванія конгресса для избранія президента республики или для пересмотра конституціи, депутаты имѣли бы такимъ образомъ значительный перевѣсъ надъ сенаторами, число коихъ не можетъ быть, по конституціи, болѣе 300.

Въ пятницу, 22 мая (3 іюня), г. Ваддингтонъ прочелъ свой докладъ въ сенатѣ, и обсужденіе закона было назначено на четвергъ 28 мая. Оставалось слѣдовательно менѣе недѣли для переубѣжденія сената. Г. Гамбетта пустилъ въ ходъ всѣ тайныя и явныя пружины которыми онъ располагаетъ; но напрасно. Большинствомъ 140 голосовъ противъ 114, сенатъ рѣшилъ послѣдовать совѣту г. Ваддингтона, то-есть отвергнуть въ принципѣ законъ и не приступать даже къ обсужденію отдѣльныхъ его статей.

Законъ отвергнутый сенатомъ не можетъ быть вновь внесенъ въ палату ранѣе *шести* мѣсяцевъ. Но черезъ *четыре* мѣсяца должны уже произойти новые депутатскіе выборы; они произойдутъ слѣдовательно по старой „окружной" системѣ.

Гамбетта потерпѣлъ пораженіе; но онъ конечно и изъ этого постарается извлечь себѣ выгоды. На будущихъ выборахъ его партія выступитъ въ качествѣ „поборницы свободы преслѣдуемой реакціонернымъ сенатомъ;" и лозунгомъ ея будетъ: „пересмотръ конституціи для уничтоженія или ограниченія сената." Этимъ по крайней мѣрѣ Гамбетта угрожалъ сенату въ своей *République Française*. Ближайшая задача бывшаго диктатора будетъ, слѣдовательно, состоять въ томъ чтобы сдѣлать сенатъ непопулярнымъ и этимъ увеличить свою популярность.

Для Европы пораженіе г. Гамбетты будетъ имѣть то значеніе что Франція долго еще будетъ занята внутреннею борьбой партій и не такъ скоро приступитъ къ болѣе дѣятельной внѣшней политикѣ.

Князь Бисмаркъ долженъ сказать великое спасибо своему другу по Берлинской конференціи, сенатору Ваддингтону.

№ 152.

Москва, 2-го Іюня.

Интересъ дня — только что объявленный краткосрочный пятидесятимилліонный заемъ, на который подписка сегодня началась, и сегодня же окончилась. Этотъ заемъ не замедлилъ вызвать разные толки, которые начались еще до офиціальнаго о немъ извѣщенія. Толки эти вообще очень сбивчивы. Заемъ приводится въ связь одновременно и съ бюджетными недочетами, недоборомъ государственныхъ доходовъ вслѣдствіе неудовлетворительнаго экономическаго положенія страны, и съ предполагаемыми мѣрами въ видахъ сокращенія бумажнаго денежнаго обращенія, независимо отъ бюджетнаго равновѣсія. Высказывается увѣренность въ успѣхѣ займа, въ томъ что выпускаемыя обязательства

Государственнаго Казначейства будутъ немедленно и безъ остатка разобраны, и вмѣстѣ заявляется что время для заключенія займа выбрано неудобное, что нынѣшнее положеніе нашего денежнаго рынка неблагопріятно для займовыхъ операцій. Эти и подобныя имъ мнѣнія сопровождаются цѣлымъ рядомъ противорѣчивыхъ комментаріевъ, въ которыхъ трудно разобраться и которые способны сбить съ толку людей мало знакомыхъ съ сущностью дѣла.

Краткосрочные займы въ ихъ нынѣшней формѣ вошли въ нашу финансовую практику какихъ-нибудь три года тому назадъ, въ эпоху наибольшихъ расходовъ военнаго времени. До сихъ поръ такіе займы дѣлались четыре раза: 1 марта, 4 апрѣля и 1 ноября 1878 и 1 мая 1879 года, каждый разъ на сумму въ 50 милліоновъ. Затѣмъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, наше финансовое управленіе вовсе не пользовалось предоставленнымъ ему, по указу 10 февраля 1878, разрѣшеніемъ выпускать краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства для временнаго подкрѣпленія его наличныхъ средствъ. Нынѣ понадобилось вновь обратиться къ испытанной мѣрѣ, которая каждый разъ вполнѣ оправдывала ожиданія. Но объявленный заемъ самъ по себѣ вовсе не можетъ служить указаніемъ на то чтобы Государственное Казначейство въ настоящее время находилось въ бо́льшихъ затрудненіяхъ чѣмъ въ предыдущіе два года. Нынѣшній выпускъ краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства не есть результатъ какихъ-либо чрезвычайныхъ финасовыхъ затрудненій: мѣра эта стала необходима вслѣдствіе закона 1 января сего года, воспретившаго Министерству Финансовъ всякія заимствованія изъ средствъ Государственнаго Казначейства. Во временномъ подкрѣпленіи своихъ денежныхъ средствъ, въ виду дефицита, Казначейство не разъ нуждалось и въ послѣдніе два года. Но у него всегда былъ подъ рукою Государственный Банкъ, откуда, при надобности, можно было брать деньги, возвращая взятыя суммы, по мѣрѣ поступленія ихъ въ казну, изъ нормальныхъ источниковъ. Такъ постоянно и дѣлалось, и въ балансахъ Государственнаго Банка цифра текущаго долга Государственнаго Казначейства, то возрастая, то сокращаясь, подвергалась большимъ колебаніямъ. Съ 1 января текущаго года никакихъ заимствованій изъ Государственнаго Банка казной уже не дѣлалось; ея текущій долгъ Банку остается неизмѣнно на цифрѣ 400 милліоновъ, и въ силу закона цифра эта не можетъ быть превышена. Но потребность во временныхъ подкрѣпленіяхъ казначейства осталась прежняя, и для удовлетворенія ея, при невозможности брать деньги изъ Государственнаго Банка, не осталось другаго средства кромѣ краткосрочныхъ займовъ.

Что̀ лучше для государства, краткосрочные ли займы въ установленной 18 февраля 1878 года формѣ, или прежнія заимствованія изъ Государственнаго Банка, это другой вопросъ. Эти заимствованія *безусловно* запрещены въ видахъ пріостановки расширенія бумажно-денежнаго обращенія, дабы отнять у Государственнаго Банка поводъ къ новымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ. Но эти выпуски отнюдь не составляютъ *непремѣннаго* результата ссудъ дѣлаемыхъ Банкомъ Казначейству. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время, при громадной наличности въ кассахъ Банка и его отдѣленій (простиравшейся къ 1 апрѣля до 130 милліоновъ рублей), пятьдесятъ милліоновъ рублей, (которые притомъ понадобились бы не сразу) могли бы быть удѣлены Банкомъ безъ новаго выпуска кредитныхъ билетовъ. Обстоятельства дозволяли бы взять изъ Банка деньги безъ платежа процентовъ и безъ увеличенія бумажно-денежнаго обращенія; только формальный законъ вынудилъ заключеніе процентнаго займа, конечно болѣе начетистаго чѣмъ безпроцентный. Такимъ образомъ, нынѣшній краткосрочный заемъ не имѣетъ значенія мѣры принятой во избѣжаніе временнаго выпуска кредитныхъ билетовъ. Проценты какіе придется заплатить по краткосрочнымъ обязательствамъ являются, поэтому, тратой которой не было бы еслибы держался прежній, отмѣненный порядокъ, при которомъ, также какъ нынѣ, не возбранялись краткосрочные займы въ случаяхъ когда наличныя денежныя средства Банка оказались бы недостаточными на удовлетвореніе предъявляемыхъ казною требованій. Правда, накопившуюся въ послѣднее время въ кассахъ Банка огромную наличность иные смотрятъ какъ на состоявшееся уже извлеченіе кредитныхъ билетовъ; при такомъ взглядѣ ссуда казнѣ была бы обратнымъ выпускомъ уже извлеченныхъ бумажныхъ денегъ. Но отъ такого выпуска кратко-

срочный заемъ нисколько не гарантирують. Упомянутая большая наличность скопилась въ Государственномъ Банкѣ, между прочимъ, вслѣдствіе того что частные акціонерные банки въ послѣднее время держатъ въ немъ на текущемъ счету большія суммы. Эти суммы будутъ теперь сняты съ текущаго счета, потому что частные банки, естественно, предпочтутъ получать 4% по краткосрочнымъ свидѣтельствамъ вмѣсто 1% платимаго Государственнымъ Банкомъ по текущимъ счетамъ. Мнимо-извлеченные кредитные билеты, такимъ образомъ, и при краткосрочномъ займѣ уйдутъ изъ кассъ Государственнаго Банка, точно также какъ ушли бы при прямомъ изъ него заимствованіи казной по прежнему порядку.

Прежніе четыре выпуска краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства предшествовали заключенію большихъ долгосрочныхъ займовъ; отсюда произошло мнѣніе что краткосрочные займы у насъ вообще служатъ предвѣстниками долгосрочныхъ, и такое значеніе приписывается, между прочимъ, и нынѣ объявленному займу. Само по себѣ не основательное, въ данномъ случаѣ, это мнѣніе легко можетъ оказаться справедливымъ. Уже при самомъ опубликованіи государственнаго бюджета на текущій годъ можно было предвидѣть что безъ займа въ этомъ году мы едва ли обойдемся. На необходимость его указывало, между прочимъ, то обстоятельство что, одновременно съ утвержденіемъ государственной росписи доходовъ и расходовъ, состоялся указъ возложившій на Казначейство ежегодныя крупныя уплаты Государственному Банку, впредь до погашенія тѣхъ 400 милліоновъ которые по банковымъ книгамъ числятся долгомъ на казнѣ. Въ текущемъ году должно быть такимъ образомъ уплачено Банку 50 милліоновъ. Этотъ предстоящій расходъ совсѣмъ не внесенъ въ бюджетъ, но исполненіе его, въ силу закона, безусловно обязательно. Затѣмъ, 6 февраля, состоялось рѣшеніе о постройкѣ Криворогской и Баскунчакской желѣзныхъ дорогъ: вотъ еще крупный, не имѣвшійся въ виду расходъ. Найдутся и другіе непредвидѣнные расходы по инымъ отраслямъ государственнаго хозяйства, что въ общей сложности дѣлаетъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ заключеніе въ близкомъ будущемъ крупнаго долгосрочнаго займа, которому нынѣ объявленный служитъ только подспорьемъ. Но ни этотъ ожидаемый долгосрочный заемъ, ни объявленный краткосрочный не даютъ сами по себѣ никакого повода дѣлать неблагопріятныя заключенія о нашемъ нынѣшнемъ финансовомъ положеніи. Расходы, на покрытіе коихъ можетъ потребоваться долгосрочный заемъ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ какіе покрываются изъ доходовъ текущаго бюджета. Весьма возможно что въ числѣ причинъ вызвавшихъ краткосрочный заемъ, помимо упомянутыхъ внѣбюджетныхъ расходовъ, заключается и недовольно успѣшное, недостаточное для покрытія текущихъ расходовъ поступленіе разныхъ налоговъ въ первые мѣсяцы этого года. Отсюда, однако, нельзя дѣлать неблагопріятнаго вывода не только объ общемъ финансовомъ положеніи страны, но и о вѣроятныхъ финансовыхъ результатахъ текущаго года. Эти результаты опредѣляются у насъ преимущественно поступленіями доходовъ не въ первыя двѣ, а въ послѣднюю треть года. Между тѣмъ, приходящія съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія о видахъ на урожай даютъ основаніе предполагать что поступленіе налоговъ въ послѣднюю треть текущаго года будетъ успѣшно и покроетъ многіе недочеты истекшихъ мѣсяцевъ.

Затѣмъ, что касается толковъ о вредномъ вліяніи которое объявленный заемъ долженъ будто бы имѣть на денежный рынокъ, отнявъ у него средства необходимыя для торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, то подобныя мнѣнія не выдерживаютъ критики. На покрытіе этого займа преимущественно пойдутъ деньги пока еще не требуемыя торговыми оборотами, праздно лежащія на текущемъ счету въ Государственномъ Банкѣ и въ собственныхъ кассахъ акціонерныхъ банковъ. Израсходованныя казной, эти деньги вернутся на рынокъ къ тому времени когда, съ развитіемъ оборотовъ, торговля и промышленность предъявятъ на нихъ спросъ. Торговля и промышленность могли бы очутиться въ затруднительномъ положеніи лишь въ томъ случаѣ еслибы занятыя деньги не поступили снова въ оборотъ, а были бы сожжены, какъ того желаютъ господа сѣтующіе что взамѣнъ объявленнаго займа не послѣдовало просто уничтоженіе части кредитныхъ билетовъ находящихся нынѣ въ кассахъ Государственнаго Банка.

№ 153.

Москва, 3-го Іюня.

Борьба предпринятая княземъ Бисмаркомъ противъ парламентской системы принимаетъ все болѣе и болѣе настойчивый характеръ и внушаетъ серіозныя опасенія доктринерамъ парламентаризма.

Впрочемъ, конституціонный порядокъ никогда не доходилъ въ Германіи до полнаго парламентаризма. Пруссія, руководящая судьбой Германіи, всѣмъ существомъ своимъ обязана монархическому принципу и династіи Гогенцоллерновъ, такъ что тамъ нельзя было низвести верховную власть до той пассивной роли, до того безсилія и несвободы какими страдаютъ остальныя оскопленныя королевства европейскаго материка снятыя внѣшнимъ и фальшивымъ способомъ съ англійскаго образца.

Этого не хотѣли понять доктринеры нѣмецкаго либерализма, какъ и всякіе доктринеры, и имъ вообразилось что князь Бисмаркъ есть орудіе ихъ партіи, и что имъ по праву принадлежитъ и самая власть, которую они великодушно соглашались раздѣлить съ имперскимъ канцлеромъ, навязывая ему министровъ изъ своей среды. Разочарованіе не замедлило постигнуть нѣмецкихъ либераловъ, и государственный человѣкъ, сильный всѣмъ авторитетомъ власти своего государя, позаботился чтобъ это разочарованіе было полное.

Послѣ многихъ тяжкихъ ударовъ, разъ за разомъ нанесенныхъ политическимъ партіямъ, и обнаруживъ ихъ безсиліе, князь Бисмаркъ учредилъ такъ-называемый народно-хозяйственный совѣтъ, въ который призвалъ по своему усмотрѣнію представителей разныхъ отраслей народной промышленности и торговли, коимъ предлагаются на „предварительное обсужденіе“ тѣ хозяйственныя начинанія правительства по коимъ оно считаетъ нужнымъ совѣтъ и пособіе людей свѣдущихъ. Этотъ народно-хозяйственный совѣтъ засѣдалъ въ прошломъ году рядомъ съ Прусскимъ ландтагомъ; онъ не „вторгался въ его область,“ не пользовался никакою властью, не издавалъ никакихъ обязательныхъ постановленій, и все то что было выработано въ совѣтѣ въ видѣ законопроектовъ вносилось законодательнымъ порядкомъ на обсужденіе въ ландтагъ. Несмотря однако на эту скромную роль, народно-хозяйственный совѣтъ сдѣлался „бѣльмомъ на глазу“ доктринеровъ парламентаризма.

Доктринеры видятъ что правительство такъ организованное что можетъ прямо входить въ потребности народа, окруженное людьми призванными изъ народа и непосредственно представляющими собой самыя жизненныя нужды его,—фактически упраздняетъ парламентъ, отнимаетъ значеніе у представительства ищущихъ власти партій, фальшиво именующаго себя народнымъ.

Прусскому народно-хозяйственному совѣту, учрежденіемъ котораго такъ торопился зимою имперскій канцлеръ, было предложено обсудить важнѣйшій изъ законопроектовъ занимающихъ теперь рейхстагъ, именно законъ о страхованіи фабричныхъ рабочихъ на случай увѣчій и гарантирующій рабочему и его семьѣ безбѣдное существованіе на случай несчастія. Этимъ закономъ канцлеръ вноситъ новый принципъ въ законодательство, предлагая матеріальную помощь государства рабочимъ лишившимся силъ работать. Статья 13-я законопроекта опредѣляетъ что двѣ трети страховой преміи вносятся нанимателемъ-хозяиномъ, а остальная треть государственною казной. Хозяйственный совѣтъ, входя въ виды правительства и въ нужды рабочаго люда, предложилъ расширить сферу примѣненія этой статьи, распространивъ ея дѣйствіе на всѣхъ рабочихъ получающихъ менѣе 750 марокъ годоваго содержанія Совсѣмъ иначе отнесся къ этому дѣлу рейхстагъ: онъ отвергъ всякую денежную помощь со стороны государства, и опредѣлилъ что третью часть страховой преміи долженъ вносить самъ рабочій. Палата оставила безъ вниманія доводы что было бы непослѣдовательно и неблагоразумно одною рукой снимать съ бѣднѣйшаго люда прямые налоги, а другою косвенно заставлять его платить въ суммѣ даже болѣе прежняго. Не подѣйствовало на палату и представленіе что законопроектъ объ обязательномъ съ помощію казны страхованіи будетъ первымъ *положительнымъ* актомъ противъ революціоннаго соціализма, актомъ котораго такъ настойчиво требовалъ нѣсколько лѣтъ назадъ самъ этотъ парламентъ.

Правительство, какъ утверждаютъ, не согласится на поправку въ законѣ сдѣланную палатой, которой на дняхъ будетъ представлено по этому предмету оконча-

тельное заключеніе Союзнаго Совѣта. Законъ не состоится, если палата при третьемъ чтеніи не измѣнитъ своего рѣшенія. Тогда народу станетъ ясно кто входитъ въ его нужды; правительство ли окруженное непосредственно взятыми изъ народа людьми, или парламентъ созданный выборною интригой и игрою партій, парламентъ со своими либералами, прогрессистами и соціалистами. Не даромъ же на одномъ изъ послѣднихъ своихъ парламентскихъ вечеровъ князь Бисмаркъ замѣтилъ что законъ о страхованіи рабочихъ, пройдетъ онъ или нѣтъ, будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на новые выборы въ рейхстагъ, которые послѣдуютъ осенью. Населеніе дѣйствительно должно понять что такъ называемое представительство потому и безсильно что оно не представляетъ народа, что оно есть искусственный продуктъ, что въ него почти вовсе не входятъ въ должной соразмѣрности люди народной нужды и народнаго труда, сельскохозяйственнаго, промышленнаго и торговаго дѣла, составляющихъ большинство населенія: имъ нѣкогда почти по полугоду упражняться въ политической болтовнѣ и интригахъ.

Теперь князь Бисмаркъ предложилъ рейхстагу учрежденіе такого же народнохозяйственнаго совѣта и для всей имперіи. Онъ потребовалъ разрѣшенія не на самое учрежденіе совѣта (что онъ считаетъ себя въ правѣ сдѣлать помимо законодательной санкціи), а лишь ассигновки 84.000 марокъ ежегодно на суточныя деньги для членовъ будущаго имперскаго народно-хозяйственнаго совѣта. Членамъ „совѣтовъ" онъ ассигнуетъ суточныя деньги, тогда какъ членамъ парламента онъ въ томъ упорно отказываетъ. Это тоже характерно.

Это-то предложеніе обсуждалось рейхстагомъ 11 іюня и было отвергнуто большинствомъ 153 голосовъ противъ 102.

Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, не смущается такими „пораженіями" и не подлежитъ сомнѣнію что въ будущую сессію рейхстага, который тѣмъ временемъ измѣнится въ своемъ составѣ, предложеніе будетъ повторено и будетъ принято.

№ 154.

Москва, 4-го Іюня.

Добрая мысль почтить память въ Бозѣ почившаго Государя учрежденіемъ „Общества улучшенія народнаго труда" вступаетъ уже въ періодъ осуществленія. Записка излагающая основанія на которыхъ предположено организовать задуманное Общество удостоилась одобренія Государя Императора, и учредителями уже получено формальное разрѣшеніе приступить къ организаціи Общества и къ сбору пожертвованій на составленіе капитала. Уставъ Общества еще не выработанъ въ подробностяхъ, но за этою формальною стороной дѣла остановки не будетъ: ею конечно, не замедлитъ заняться комитетъ учредителей, который имѣетъ открыть свои дѣйствія въ недолгомъ времени. Параллельно съ разработкой устава будетъ приступлено къ самой организаціи Общества и его мѣстныхъ отдѣловъ, которые должны покрыть своею сѣтью всю Россію. Сборъ пожертвованій для составленія капитала Общества также имѣетъ быть открытъ вскорѣ, не дожидаясь окончательной выработки устава и утвержденія его обычнымъ порядкомъ. Въ этомъ отношеніи новому Обществу будетъ оказано содѣйствіе правительственныхъ учрежденій, и въ такомъ же содѣйствіи, конечно, не откажутъ ему и разныя общественныя управленія.

Цѣль вновоучреждаемаго Общества и основная мысль которою предположило оно руководиться таковы что нельзя не пожелать ему полнаго успѣха. Дѣлать все возможное для развитія производительныхъ силъ страны посредствомъ улучшенія народнаго труда и расширенія его сферы, вотъ цѣль учрежденія: можно ли не сочувствовать ей? Но успѣшно и широко исполнять подобную задачу не могло бы ни бюрократическое учрежденіе, ни частное общество безъ дѣятельнаго участія правительства. Между правительственными учрежденіями нѣтъ ни одного которое могло бы взять на себя эту задачу во всей ея полнотѣ, — ни одного которое могло бы преслѣдовать ее, не отвлекаясь другими дѣлами. Но еслибъ и нашлось такое учрежденіе, офиціальное служеніе поставленной задачѣ скоро облеклось бы въ неизбѣжный формализмъ, и самое дѣло легко могло бы получить одностороннее направ-

леніе. Этотъ послѣдній исходъ грозилъ бы и въ томъ случаѣ еслибы за обширную задачу обнимающую всевозможные виды народнаго труда взялось какое-либо частное общество составляющееся обыкновенно изъ лицъ заинтересованныхъ не всѣми, а лишь нѣкоторыми отраслями хозяйственнаго быта народа. Но еслибы частному обществу и удалось избѣжать всякой въ этомъ отношеніи односторонности, отъ его дѣятельности нельзя было бы ожидать ощутительныхъ результатовъ уже по самой ограниченности средствъ которыми оно можетъ располагать. Безрезультатность работы неизбѣжно охлаждаетъ усердіе тѣхъ кто ею занимается, и отталкиваетъ отъ дѣла. „Общество улучшенія народнаго труда" надѣется создать живое практическое дѣло привлеченіемъ къ нему, съ одной стороны, возможно большаго числа частныхъ лицъ близко знакомыхъ съ положеніемъ и нуждами различныхъ мѣстностей и съ разнообразными отраслями народнаго труда; съ другой—обезпечивъ ему серіозную поддержку правительства. Эта послѣдняя цѣль достигается, безъ постановки Общества въ какія-либо офиціальныя отношенія къ правительственнымъ вѣдомствамъ, вступленіемъ въ него возможно большаго числа административныхъ лицъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ частными лицами. Тѣ и другіе будутъ дѣйствовать совокупно въ интересахъ одного и того же дѣла, внѣ условій бюрократической подчиненности. Указанія на различныя нужды и потребности общаго и мѣстнаго характера, при осуществленіи задуманной организаціи Общества, будутъ непосредственно доходить до правительственныхъ лицъ имѣющихъ возможность дать имъ практическій ходъ. Всестороннее разъясненіе касающихся народнаго труда вопросовъ, при такомъ условіи, будетъ не академическимъ только, а прямо ведущимъ къ цѣли. Результаты разработки разныхъ вопросовъ будутъ усвояться лицами которыя могутъ прямо принимать ихъ къ дѣлу. Проектированная организація устанавливаетъ непосредственныя сношенія и совѣщанія правительства, въ лицѣ министровъ и другихъ государственныхъ дѣятелей, съ частными лицами непосредственно знакомыми съ положеніемъ и ходомъ дѣлъ. Эти сношенія, предоставляя членамъ Общества полную возможность доводить до свѣдѣнія правительства все касающееся общей имъ задачи, дѣлать въ ея интересахъ разныя указанія и давать такимъ образомъ ходъ каждой полезной мысли, не ставятъ правительство и людей изъ общества въ положеніе двухъ лагерей, не вносятъ въ обсужденіе вопросовъ чуждыхъ дѣлу побужденій и взаимнаго недовѣрія.

Обстоятельная программа дѣятельности новоучреждаемаго „Общества улучшенія труда" въ надлежащей полнотѣ ея, конечно, не могла еще выработаться. Эта программа, какъ должно полагать, будетъ результатомъ заявленій мѣстныхъ отдѣловъ Общества, людей знакомыхъ съ нуждами, потребностями и бытовыми условіями разныхъ мѣстностей. Но частію эта программа намѣчена въ шести пунктахъ изложенныхъ въ ходатайствѣ объ учрежденіи Общества. Вотъ ближайшія, поставленныя учредителями, цѣли: 1) Разработка и установленіе общихъ пріемовъ могущихъ способствовать развитію и усовершенствованію народной производительности, какъ-то: устройство въ городахъ и селахъ ремесленныхъ, земледѣльческихъ, техническихъ, промысловыхъ школъ, учебныхъ мастерскихъ, образовательнихъ чтеній и курсовъ, музеевъ, выставокъ, сберегательныхъ кассъ и другихъ вспомогательныхъ учрежденій. 2) Опредѣленіе гдѣ какое учрежденіе и въ какомъ именно видѣ наиболѣе полезно. 3) Представленія правительству и заявленія земскимъ и городскимъ учрежденіямъ о мѣропріятіяхъ могущихъ способствовать общей цѣли. 4) Приготовленіе полезныхъ для означенныхъ учрежденій дѣятелей: руководителей, преподавателей, учителей, мастеровъ и др. 5) Содѣйствіе земскимъ, городскимъ и другимъ мѣстнымъ и общественнымъ управленіямъ, а также частнымъ обществамъ и лицамъ, желающимъ открыть тѣ или другія изъ указанныхъ учрежденій, сообщеніемъ необходимыхъ свѣдѣній и руководствъ, рекомендаціей полезныхъ дѣятелей и денежными средствами, и 6) открытіе на свои средства означенныхъ учрежденій и наблюденіе за ними гдѣ мѣстная иниціатива и средства окажутся недостаточными.

Какіе изъ пунктовъ приведенной програмы получатъ наибольшее развитіе въ дѣятельности учреждаемаго Общества, какія мѣры будутъ признаны вѣрнѣе ведущими къ поставленной имъ себѣ цѣли, это опредѣлится лишь въ послѣдствіи, по заявленіи мѣстныхъ условій людьми зна-

ющими ихъ непосредственно, живущими въ нихъ. Сообразно съ этими заявленіями, надо полагать, программа будетъ измѣнена для приведенія ея въ возможно большее соотвѣтствіе съ интересами общенароднаго дѣла, которому новоучреждаемое Общество будетъ посвящать свои труды и средства. Во всякомъ случаѣ, указанною программой отнюдь заранѣе не регламентируется предстоящая Обществу дѣятельность. Излишняя регламентація противна основной мысли учредителей желающихъ создать живое дѣло, а не декорацію.

Успѣхъ дѣла, само собою разумѣется, будетъ зависѣть отъ степени сочувствія которое оно встрѣтитъ въ странѣ. Дай Богъ чтобъ отъ участія въ разработкѣ поставленной задачи не уклонились серіозные люди, и тѣмъ не отдали бы его въ руки фразеровъ. Было бы очень прискорбно если важное дѣло, такъ хорошо поставленное въ принципѣ, потерпитъ фіаско. Можно надѣяться что этого не случится. Вотъ имена учредителей:

Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Исидоръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій Макарій; генералъ-адъютанты: графъ Н. П. Игнатьевъ (министръ Внутреннихъ Дѣлъ) и Н. В. Исаковъ, статсъ-секретарь М. Н. Островскій (министръ Государственныхъ Имуществъ), тайный совѣтникъ К. П. Побѣдоносцевъ (оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода), генералъ-лейтенантъ И. М. Гедеоновъ, тайный совѣтникъ П. А. Марковъ и дѣйствительные статскіе совѣтники Е. Н. Андреевъ и П. А. Мясоѣдовъ (который и возбудилъ первую мысль объ этомъ учрежденіи).

№ 155.

Москва, 5-го іюня.

Мысль учредить Общество для Улучшенія Народнаго Труда съ центральнымъ управленіемъ въ Петербургѣ и съ развѣтвленіями охватывающими всю Россію мысль здоровая и плодотворная.

Земля наша, какъ говорили наши предки, велика и обильна, но мы не умѣемъ пользоваться ея богатствами. Нашъ земледѣлецъ терпитъ не отъ недостатка земли, а отъ дурнаго хозяйства, отъ плохаго инвентаря и живаго, и мертваго; у него первобытныя земледѣльческія орудія, и впрягаются въ нихъ животныя слабосильныя и выродившіяся. Говорятъ что у крестьянъ нѣтъ средствъ завести лучшій инвентарь. Положимъ что нѣтъ средствъ, но умѣнье хозяйничать и помогаетъ добывать средства, въ которыхъ впрочемъ не всегда бываетъ и недостатокъ у крестьянъ. Еслибы кто теперь и снабдилъ ихъ новѣйшими машинами, то какой бы изъ этого вышелъ прокъ когда они не умѣютъ обращаться съ ними, и когда для малѣйшей починки надо ѣхать за сотню верстъ? Въ какомъ положеніи у насъ скотоводство, эта основа земледѣлія? Говорятъ: земли мало, нечѣмъ кормить скотъ. Но и тутъ опять недостатокъ умѣнья распорядиться землей и обратить въ пользу то что есть подъ рукой. У насъ не многіе помѣщики, не говоря уже о крестьянахъ, знаютъ какъ превращать всякія сорныя травы, остатки овощей и даже прибрежный камышъ въ хорошій для скота кормъ. Умѣетъ ли крестьянинъ какъ слѣдуетъ ухаживать за скотомъ и извлекать наибольшую пользу изъ скотоводства? Крестьянскій скотъ у насъ крайне плохъ, и первою задачей Общества для поднятія сельскаго хозяйства было бы улучшеніе породы скота и вообще скотоводства. Примѣры быстраго улучшенія скота и поднятія скотоводства, а чрезъ то и земледѣлія, у насъ на глазахъ. Крестьянская лошадь въ Пензенской губерніи находилась въ самомъ жалкомъ состояніи, но благодаря иниціативѣ губернатора устроены были по всей губерніи случные пункты съ хорошими производителями, и въ непродолжительное время порода лошадей обновилась, и во время послѣдней войны губернія беззатруднительно выставила не только все требуемое количество за себя, но и за сосѣднюю Симбирскую губернію, откуда прежде сама получала лошадей; мало того, выставленныя лошади были далеко выше того сорта какой требовался по инструкціи Военнаго Министерства. Давно ли Россіи приходилось помогать Финляндіи и спасать ее отъ голода? Но съ тѣхъ поръ какъ Финляндское правительство, правильно понявъ что скалистая природа этого края благопріятствуетъ болѣе пастбищамъ чѣмъ нивамъ, и что улучшеніе скотоводства поведетъ и къ улучшенію полеводства, обратило особенное вниманіе на первое и достигло того что теперь

отдѣльные дворы продаютъ столько масла сколько десять лѣтъ тому назадъ продавалъ цѣлый приходъ. Финляндія снабжаетъ теперь скотомъ, сыромъ, масломъ, даже молокомъ Петербургъ, и отпускаетъ молочные продукты за границу. Благодаря обилію удобренія поднялось земледѣліе, и въ Финляндіи уже не бываетъ голодныхъ годовъ. Распространеніе свѣдѣній о правильномъ веденіи скотоводства и ознакомленіе крестьянъ съ лучшими способами производства масла и сыра и веденіе болѣе правильнаго полеводства, все это достигнуто устройствомъ въ странѣ одиннадцати молочныхъ школъ, разсылкой по деревнямъ ученыхъ маслодѣлокъ, которыя, переѣзжая съ одного мѣста на другое, обучали хозяевъ болѣе правильному кормленію скота, болѣе выгодному способу приготовленія и сохраненія масла и устройству малыхъ молоченъ по Голштинской, а въ особенности по Шварцевской методамъ; выдачею безпроцентныхъ ссудъ фермамъ на ихъ устройство, и учрежденіемъ восьми сельскохозяйственныхъ школъ, гдѣ ученики, дѣти крестьянъ, обучаются дѣлу практически, сами управляя машинами.

Пора понять что экстенсивность въ сельскомъ хозяйствѣ, еще возможная у насъ на южной и восточной окраинахъ, должна замѣниться въ большей части Россіи интенсивнымъ хозяйствомъ. Помочь этому естественному, но медленному переходу, облегчить и ускорить его,—вотъ насущная потребность времени.

Другая потребность помочь крестьянину употребить съ пользой остающееся за окончаніемъ полевыхъ работъ свободное время, въ особенности въ районахъ гдѣ нѣтъ фабрикъ, отхожихъ промысловъ и кустарной промышленности, а такова у насъ бо́льшая часть Россіи. Здѣсь дѣло стало тоже за недостаткомъ умѣнья. Между тѣмъ каждая мѣстность непремѣнно даетъ тотъ или другой матеріалъ для развитія кустарной промышленности. Укажемъ для примѣра на Самарскую губернію, гдѣ довольно много высѣвается льна не для волокна какъ на сѣверѣ, а для сѣмени. Въ настоящее время льняная солома или оставляется на поляхъ какъ вещь не имѣющая никакой цѣны, или идетъ на отопленіе. Между тѣмъ, изслѣдованія показали что если волокно этой соломы не годно для выработки тонкой пряжи, то для грубыхъ сортовъ вполнѣ хорошо. Но, къ сожалѣнію, крестьяне совершенно незнакомы съ пріемами выработки волокна, между тѣмъ какъ переработка его въ ткань и нитье изъ послѣдней хотя бы простыхъ мѣшковъ для хлѣба дало бы имъ большое подспорье въ хозяйствѣ.

Если нашъ югъ и востокъ вовсе лишены кустарной промышленности, то средняя и сѣверная полосы, какъ уже имѣющія довольно развитую, но падающую кустарную промышленность, требуютъ ей помощи и поддержки. Промышленность эта падаетъ потому что остается при первобытныхъ пріемахъ и орудіяхъ производства, вслѣдствіе чего непроизводительно затрачивается много труда безъ соотвѣтственнаго совершенства работы, и потому кустарнымъ промысламъ трудно конкуррировать съ фабриками, которыя вооружены всѣми новѣйшими изобрѣтеніями и усовершенствованіями. На кустарную промышленность стоитъ обратить серіозное вниманіе; она можетъ имѣть будущность. Въ производствахъ сложныхъ, требующихъ дорогихъ машинъ и большаго основнаго и оборотнаго капиталовъ, конечно, невозможна конкурренція кустарей съ фабриками; но въ производствахъ болѣе простыхъ кустарная промышленность, вооруженная большимъ нежели теперь умѣньемъ и лучшими орудіями производства, можетъ выдержать борьбу. Причина тому крайняя дешевизна труда, возможная только потому что это занятіе для крестьянъ не оставляющихъ хлѣбопашества есть дѣло второстепенное, такъ они могутъ при немъ довольствоваться малою заработною платой. Въ Московской губерніи, гдѣ особенно развита кустарная промышленность, въ большей части случаевъ крестьяне-кустари не только не бросаютъ земледѣлія, но смотрятъ на него какъ на главное основаніе своего благосостоянія, и именно въ этихъ округахъ оно идетъ лучше и скота у нихъ больше. Кустарные промыслы имѣютъ то важное преимущество что, давая крестьянину заработокъ въ свободное отъ занятій земледѣліемъ время, не отрываютъ его отъ семьи. Лучшіе изъ крестьянъ хорошо сознаютъ нравственный вредъ фабрикъ, и видя упадокъ нѣкоторыхъ отраслей кустарной промышленности, со страхомъ говорятъ: „Не будетъ работы, придется посылать дѣтей на фабрики, *а тамъ ужь что хорошаго!*“

Поднять сельское хозяйство, поддержать существующіе и завести новые кустарные промыслы, задача смѣлая и трудная, тѣмъ болѣе что всякая отдѣльная мѣстность имѣетъ свои особенности къ которымъ надо приноравливаться. Но если дѣло станетъ на твердую почву и первые организаторы, какъ можно надѣяться, отнесутся къ нему не формально, но вложатъ въ него *душу живу*, то найдутся и работники, люди дѣла. Какъ замѣтили мы во вчерашнемъ нумерѣ, Общество это можетъ дать намъ именно то чего до сихъ поръ не доставало: имѣя центръ въ правительствѣ и расходясь радіусами по всѣмъ концамъ Россіи, оно можетъ привести къ живому непосредственному сношенію правительства съ народомъ и его нужды, не преломляясь по различнымъ инстанціямъ, не окрашиваясь въ разные цвѣта по уѣзднымъ и губернскимъ собраніямъ, гдѣ онѣ часто служатъ только для прикрытія цѣлей чуждыхъ имъ дойдутъ прямо неискаженными до тѣхъ кому о нихъ вѣдать надлежитъ. Отъ подобнаго живаго, постояннаго и непосредственнаго общенія могутъ быть только выгоды для обѣихъ сторонъ.

Люди дѣйствительно желающіе добра народу, болѣющіе о немъ не на словахъ только, а душой и сердцемъ, найдутъ обширное поприще для своей дѣятельности, примкнувъ къ „Обществу улучшенія народнаго труда въ память Царя-Освободителя Александра II.“

№ 156.

Москва, 6-го Іюня.

Не годы, а можно сказать десятки лѣтъ повторялись у насъ сѣтованія на отсутствіе въ Россіи правильной ипотечной системы и на происходящія отъ того большія неудобства какъ въ юридическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Но заботы о восполненіи этого важнаго пробѣла въ строѣ русской жизни долгое время не шли дальше проектовъ, составлявшихся и пересматривавшихся въ канцеляріяхъ и коммиссіяхъ. Нынѣ сдѣланъ наконецъ рѣшительный приступъ ко введенію въ Россіи ипотечной системы. Главныя основанія предполагаемаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества Высочайше утверждены 19 мая. Съ этими главными основаніями, въ силу состоявшагося того же числа Высочайшаго повелѣнія, имѣютъ быть согласованы прочія частности уже бывшаго на разсмотрѣніи въ законодательномъ порядкѣ полнаго проекта ипотечной системы, и вслѣдъ за тѣмъ, какъ явствуетъ изъ офиціальнаго сообщенія *Правительственнаго Вѣстника*, должно начаться постепенное примѣненіе ея на практикѣ. Излагать сущность этого сообщенія, тѣмъ болѣе законодательныхъ актовъ касающихся предстоящаго введенія ипотечной системы, мы не имѣемъ надобности, напечатавъ ихъ вполнѣ въ № 154 *Московскихъ Вѣдомостей*. Но нельзя не сказать нѣсколько словъ по поводу готовящейся реформы.

Новый порядокъ упраздняетъ всю прежнюю сложную процедуру заключенія крѣпостныхъ актовъ, весь кругъ дѣйствій старшихъ нотаріусовъ, и отмѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ отяготительныя формальности такъ-называемаго ввода во владѣніе. Благодаря ипотечной системѣ, пользованіе правами на недвижимыя имущества ставится въ совершенно иныя чѣмъ нынѣ условія, дающія небывалый прежде просторъ разнаго рода сдѣлкамъ касающимся этого вида собственности. Собственнику имущества предоставляется, между прочимъ, записывать въ ипотечныя книги обезпеченія обязательствъ даже на свое имя (ст. 25), съ правомъ передачи правъ вытекающихъ изъ подобныхъ обязательствъ другимъ лицамъ. Нѣтъ надобности говорить о томъ въ какой мѣрѣ будутъ облегчены этимъ путемъ для собственниковъ способы обезпеченія членовъ ихъ семействъ безъ раздробленія имѣній и безъ другихъ неудобствъ встрѣчавшихся донынѣ въ этомъ отношеніи. Затѣмъ вообще свободный переходъ изъ рукъ въ руки всякаго рода обязательствъ которымъ недвижимая собственность служитъ обезпеченіемъ, и притомъ переходъ не только въ полномъ ихъ составѣ, но и по частямъ (ст. 21), есть такого рода нововведеніе которое неизбѣжно создастъ цѣлую новую область сдѣлокъ. Возникаетъ такъ сказать новый видъ собственности, опирающейся на недвижимую, но совершенно независимой отъ того кому эта послѣдняя принадлежитъ. Прочность этихъ обезпечиваемыхъ недвижимымъ имуществомъ и переходящихъ изъ рукъ въ руки обязательствъ такова что они не теряютъ своей силы даже въ томъ случаѣ еслибы,

послѣ занесенія ихъ въ законно утвержденную крѣпостную (ипотечную) книгу, рѣшеніемъ суда было уничтожено право собственности на недвижимое имущество лица заключившаго сдѣлку (ст. 14). Вмѣстѣ съ тѣмъ, всякаго рода лежащія на недвижимыхъ имуществахъ обязательства, при ипотечной системѣ, утрачиваютъ значеніе препятствій къ продажѣ или къ инымъ видамъ отчужденія этихъ имуществъ. Элементъ личныхъ отношеній входившій донынѣ въ сдѣлки относящіяся къ земельному кредиту и стѣснявшій свободное ихъ развитіе новымъ закономъ устраняется.

Нѣтъ надобности распространяться о важной роли какую играетъ земельный кредитъ во всей народно-хозяйственной жизни. За отсутствіемъ ипотечной системы, этотъ видъ кредита не могъ получить у насъ согласнаго съ хозяйственными интересами развитія. Экономическая жизнь стоитъ въ тѣсной связи съ юридическою. Юридическія ограниченія сдѣлокъ касающихся имѣній вели за собою стѣсненія и въ хозяйственномъ распоряженіи ими. Нашъ земельный кредитъ былъ стѣсненъ и въ размѣрахъ, и въ формѣ. Онъ былъ стѣсняемъ и недозволеніемъ совершать нѣсколько частныхъ закладныхъ на имѣніе не заложенное въ кредитномъ установленіи, и запрещеніемъ продавать имѣнія съ переводомъ долговъ по частнымъ закладнымъ, и другими подобными ограниченіями. Число охотниковъ давать деньги подъ такое солидное обезпеченіе какъ земля, при отсутствіи ипотечной системы, не могло быть такъ велико какъ было бы желательно. Сдѣлки частнаго земельнаго кредита представлялись дѣломъ рискованнымъ. Заимодавецъ рѣдко могъ знать безошибочно въ какой мѣрѣ имѣніе, подъ которое просятъ у него денегъ, можетъ служить обезпеченіемъ его долга. Вступая въ сдѣлку съ землевладѣльцемъ, онъ рѣдко могъ быть увѣренъ въ незыблемой прочности этой сдѣлки. А что если прежде его сдѣланы землевладѣльцемъ уже заключены другія, что если вдругъ обнаружится что на имѣніи уже лежитъ такая масса долговъ что оно уже не можетъ служить обезпеченіемъ взятой у него ссуды? Что если право самого собственника на заложенное имѣніе подвергнется спору и рухнетъ вмѣстѣ со всѣми заключенными имъ сдѣлками? Наведеніе справокъ которыя гарантировали бы заимодавца отъ подобныхъ случайностей дѣло хлопотливое и не всегда вполнѣ надежное. Это не то что справки въ ипотечной книгѣ, которая прямо указываетъ кто хозяинъ имѣнія, съ кѣмъ можно безопасно вступить въ сдѣлку, какія существуютъ ограниченія права собственности и какая сумма долговъ уже обезпечена имѣніемъ. Отъ дачи денегъ подъ залогъ имѣній удерживало часто и воспрещеніе передавать закладныя въ другія руки. Ссудивъ деньги, заимодавецъ лишалъ себя до времени права распоряжаться не только этими деньгами, но и выданнымъ взамѣнъ ихъ обязательствомъ. Все это весьма невыгодно отзывалось на уровнѣ процентовъ по земельнымъ долгамъ. Съ другой стороны, землевладѣлецъ не могъ занимать отъ времени до времени подъ свою землю именно такія суммы какія требовались ходомъ его дѣлъ. Ему предстояло на выборъ, или занять разомъ всю ту сумму какая только можетъ быть дана подъ обезпеченіе его имѣнія, или не занимать вовсе. Его имѣніе стоитъ, положимъ, сто тысячъ; ему нужно для оборота всего десять. Но ему приходится заложить его за шестьдесятъ, взять разомъ всю эту сумму, потому что совершеніе вторыхъ закладныхъ съ частными лицами невозможно, и занявъ малую сумму онъ преграждаетъ себѣ дальнѣйшій кредитъ въ размѣрѣ допускаемомъ стоимостью его имѣнія. Можно сказать что большею частію у насъ такъ и дѣлалось. Занимались суммы гораздо бо́льшія тѣхъ въ какихъ предстояла надобность, затѣмъ излишне занятыя деньги проживались, и въ рукахъ владѣльца оставалось имѣніе надолго обремененное долгомъ стѣснявшимъ всю его хозяйственную дѣятельность. Введеніе ипотечной системы устраняетъ всѣ эти невыгодныя условія. По мѣрѣ того какъ будутъ съ нею свыкаться, капиталы все охотнѣе будутъ искать помѣщенія подъ прочное обезпеченіе земельной собственности, вслѣдствіе этого будетъ понижаться и средній процентъ земельнаго кредита, а вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣльцы привыкнутъ прибѣгать къ займамъ лишь въ размѣрахъ дѣйствительной надобности.

Не должно, впрочемъ, обольщать себя надеждой что ипотечная система уже вскорѣ по своемъ введеніи дастъ сразу ощутительные, видные экономическіе результаты. Разчитывать на это трудно уже потому что дѣло нашего земельнаго кредита

очень испорчено. Его исторія свидѣтельствуетъ какъ иногда мѣры принимаемыя съ самыми благими намѣреніями, но не вызываемыя серіозными потребностями, ведутъ къ крайне вреднымъ послѣдствіямъ. Къ числу такихъ мѣръ принадлежитъ чрезвычайно широкій кредитъ, который былъ открытъ нашему землевладѣнію еще во времена крѣпостнаго права. Ломбарды были учреждены, конечно, не въ тѣхъ видахъ чтобы вести землевладѣльцевъ къ разоренію, а въ томъ предположеніи что выдаваемыя изъ нихъ ссуды пойдутъ на улучшеніе имѣній, на подъемъ сельскаго хозяйства. Но при крѣпостномъ правѣ, когда все хозяйство держалось на даровомъ трудѣ, денежному хозяйству не было мѣста, и деньги легко получаемыя подъ залогъ имѣній не только не шли на ихъ улучшеніе, но почти и не могли быть употребляемы на это дѣло. Бывшая и тогда коегдѣ въ ходу покупка сельско-хозяйственныхъ машинъ, большею частію остававшихся безъ приложенія къ работамъ, была не дѣломъ серіознымъ, а скорѣе непроизводительною тратой денегъ. Вообще же деньги занимаемыя подъ залогъ имѣній просто проживались, и результатомъ широкаго развитія земельнаго кредита было лишь то что ко времени освобожденія крестьянъ почти всѣ имѣнія были обременены долгами, такъ что управляющіе ломбардами совѣтовали что некому больше ссужать деньги подъ залогъ, и это обстоятельство, въ числѣ другихъ, повело къ принятію мѣръ имѣвшихъ послѣдствіемъ упраздненіе прежнихъ кредитныхъ установленій. Вмѣстѣ съ ихъ упраздненіемъ прекратился и кредитъ который прежде оказывался землевладѣнію съ безпримѣрною щедростію, и прекратился какъ разъ въ то время когда въ немъ возникла дѣйствительная нужда, наканунѣ самаго приступа къ прекращенію крѣпостныхъ отношеній. Разорявшіеся прежде отъ избытка ненужнаго кредита, землевладѣльцы должны были разоряться отъ совершеннаго отсутствія его въ то время когда безъ него почти невозможно было обойтись. Лишь послѣ того какъ самый тяжкій періодъ постигшаго при этомъ землевладѣніе кризиса былъ пережитъ, стали мало-по-малу возникать частные земельные банки. Но сдѣланные въ нихъ займы въ значительной мѣрѣ были лишь обращеніемъ въ новыя формы прежнихъ долговъ накопившихся на имѣніяхъ: бо́льшая часть ихъ и понынѣ остаются обремененными долгами, чѣмъ, конечно, будетъ стѣснено поле развитія правильныхъ, согласныхъ съ экономическими требованіями, сдѣлокъ по ипотечной системѣ. Но ея практическія выгоды въ экономическомъ отношеніи несомнѣнно будутъ рости по мѣрѣ ликвидаціи лежащихъ на землѣ старыхъ долговыхъ обязательствъ. Предпринятая нынѣ реформа служитъ залогомъ, если не быстраго, то во всякомъ случаѣ полнаго экономическаго прогресса.

№ 158.

Москва, 8-го іюня.

На дняхъ, 15 іюня н. ст., закрыта сессія Германскаго рейхстага. Закрытіе послѣдовало съ обычною церемоніей, но не безъ знаменательной особенности. Какъ и всегда, прочитанъ былъ императорскій декретъ, какъ и всегда палата, по приглашенію президента, разошлась съ громовымъ *hoch* императору; но нынче въ этомъ *hoch* отказались принять участіе нѣсколько депутатовъ изъ соціалъ-демократической партіи, той самой съ которою правительство уже нѣсколько лѣтъ, со дня преступленія Нобилинга, ведетъ guerre à outrance. Немедленно по прочтеніи министромъ Беттихеромъ императорскаго декрета эти депутаты, съ явнымъ намѣреніемъ произвести скандалъ, вышли изъ палаты, среди общаго негодованія, заставивъ президента констатировать ихъ поступокъ словами презрительнаго противоположенія: „а мы, господа, разойдемся засвидѣтельствовавъ нашу вѣрность и преданность императору.“

Соціалъ-демократы рѣшились на эту выходку не безъ причины. Ни въ одну сессію имъ не приходилось выслушивать столько непріятнаго и подвергаться такой безпощадной оцѣнкѣ ихъ дѣятельности и такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ нея направленнымъ, какъ въ послѣднюю. Уже въ самомъ началѣ сессіи, правительство, представивъ отчетъ о примѣненіи извѣстнаго закона о соціалистахъ, потребовало продолженія срока дѣйствія этихъ исключительныхъ мѣръ. Рѣчь сказанная при этомъ временнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Путткамеромъ произвела потрясающее впечатлѣніе не только въ палатѣ, но и во всей странѣ. Рядомъ цифръ и цитатъ ми-

нистръ доказалъ что между *легальными* соціалъ-демократами и *нелегальными* соціалъ-революціонерами нѣтъ различія: тѣ и другіе одинаково стремятся къ ниспроверженію существующаго общественнаго и государственнаго порядка, во что̀ бы то ни стало. Нѣтъ разницы даже въ средствахъ; разногласіе только во времени ихъ примѣненія. И Моcтъ и Гассельманъ, проповѣдующіе цареубійство, были въ свое время такими же членами рейхстага какъ и тѣ что̀ теперь вышли изъ залы засѣданія чтобы не участвовать въ изъявленіи преданности монарху „Если, говорилъ Путткамеръ, проживающіе въ Германіи соціалъ-демократы идутъ въ палату, то вовсе не потому чтобъ они признавали существующій политическій и общественный строй законнымъ, а потому лишь что рѣчь съ парламентской трибуны лучше служитъ ихъ цѣлямъ, слышнѣе чѣмъ сказанная на какой-либо сходкѣ.“ Литература у обоихъ направленій общая. Правительство борется противъ этой литературы, оно запрещаетъ сотни журналовъ, книгъ, брошюръ, картинъ и листковъ выходящихъ явно, но это, по заключенію Путткамера, только сдерживаетъ ходъ распространенія вреднаго ученія, не устраняя его вполнѣ; всѣми путями, и по почтѣ и въ контрабандныхъ тюкахъ, изъ Швейцаріи и изъ Англіи, ввозятся въ Германію сотни и тысячи соціально-революціонныхъ книжекъ и листковъ до осужденной на дняхъ въ Лондонѣ газеты Моста *Freiheit*. „Если расходится такая масса этихъ изданій, значитъ есть читатели, значитъ есть пропаганда и пропагандисты. Законъ о соціалистахъ заставилъ ихъ только притихнуть, немного осадилъ ихъ; они не смѣютъ только съ прежнею наглостью издѣваться надъ существующимъ порядкомъ, но они не перестали подкапывать его въ корнѣ.“ Чтобъ отнять у пропагандиста возможность вредить, нужно отнять у него слушателей и каѳедру. Законъ о соціалистахъ далъ правительству возможность закрыть нѣсколько неблагонадежныхъ сообществъ, но оно не всѣ такія ассоціаціи закрыло. Оно предпочитаетъ лишить ихъ смысла.

Еще въ 1878 году, въ отвѣтъ на замѣчаніе націоналъ-либераловъ, князь Бисмаркъ высказалъ что на законъ о соціалистахъ онъ смотритъ какъ на мѣру отрицательную, которая можетъ только пріостановить быстрое развитіе пропаганды, но не прекратить ея, и что правительство, при первой возможности, обратится къ мѣрамъ положительнымъ. Обѣщаніе это правительство (точнѣе князь Бисмаркъ) исполнило въ настоящую сессію, внеся въ палату законопроектъ о страхованіи рабочихъ на случай увѣчій при обращеніи съ фабричными машинами и ихъ движителями. Молва опередившая появленіе проекта и приложенная къ нему объяснительная записка не оставляютъ никакого сомнѣнія о цѣляхъ преслѣдуемыхъ правительствомъ и мѣрахъ къ ихъ достиженію. Наконецъ, то что̀ было не совсѣмъ удобно изложить на бумагѣ досказали на словахъ князь Бисмаркъ на своихъ парламентскихъ вечерахъ и правительственные коммиссары въ парламентѣ и его коммиссіяхъ. Законопроектъ о страхованіи рабочихъ только первый шагъ, только опытъ задуманныхъ мѣръ. Соціалисты, врываясь въ среду рабочаго люда, проповѣдуютъ что существующій государственный строй необходимъ только для охраненія имущихъ и сильныхъ, что государство не входитъ въ нужды низшихъ классовъ, которые поэтому должны де исключительно сами заботиться объ огражденіи своихъ правъ и интересовъ. „Организуйте рабочія товарищества, заводите вспомогательныя кассы общества потребителей и корпоративно обезпечивайте себя на случай несчастія.“ Такихъ кассъ въ Германіи учреждено не мало: онѣ приносятъ нѣкоторую пользу рабочимъ, но въ то же время эти кассы и товарищества служатъ мѣстомъ гдѣ всего удобнѣе проводить революціонныя идеи, вооружать рабочихъ и противъ хозяевъ и противъ государства, истощая ихъ средства на взносы и преміи. Всѣ эти общества и ассоціаціи служатъ легальными гнѣздами революціонеровъ. Вотъ почему первый шагъ сдѣланный княземъ Бисмаркомъ направленъ противъ нихъ. Вводя обязательное страхованіе рабочихъ на случай увѣчій, и притомъ не въ частномъ, а въ государственномъ учрежденіи, князь Бисмаркъ устраняетъ необходимость весьма значительнаго числа рабочихъ кассъ. Но этого мало: князь Бисмаркъ въ законопроектѣ и въ объяснительной запискѣ предложилъ чтобы страховая премія вносилась не рабочимъ, но съ одной стороны (двѣ трети) хозяиномъ-нанимателемъ, съ другой (треть) государствомъ. Такимъ образомъ государство давало возможность рабочему увеличить свои средства къ жизни и въ то же время га-

рантировало ему, въ случаѣ неспособности къ дальнѣйшему труду, средства къ безбѣдному существованію. „Я желаю и конечно достигну что страхованіе на случай несчастія будетъ распространено и на сельскихъ рабочихъ, говорилъ Бисмаркъ на одномъ изъ парламентскихъ вечеровъ. Люди поймутъ что государство можетъ имъ дать больше нежели затѣи соціалъ-демократовъ; они убѣдятся на дѣлѣ что государство нужно не столько имущимъ, сколько неимущему.“ Почва ускользала изъ-подъ ногъ соціалъ-революціонеровъ, они лишались самаго удобнаго предлога вооружать рабочихъ противъ хозяевъ и государства, бравшаго изъ рукъ пропагандистовъ главную приманку которою они привлекали къ себѣ темную массу.

Но новый принципъ который князь Бисмаркъ старался внести въ законодательство оказался не подъ силу шаблонному парламенту. Въ палатѣ съ перваго слова посыпались нападки на законопроектъ. Соглашаясь съ нимъ въ принципѣ, большинство палаты при обсужденіи частностей было не въ состояніи отрѣшиться отъ ходячихъ доктринъ и цѣлей преслѣдуемыхъ партіями. Палата едва согласилась на обязательное страхованіе въ казенномъ учрежденіи, и то съ тѣмъ чтобъ учрежденіе это было не общее, имперское, а чтобы въ каждомъ изъ союзныхъ государствъ имѣлась своя особая страховая контора. Какъ ни старалось правительство доказывать что требованіе это только затормозитъ дѣло, что конторы эти порознь существовать не могутъ и рано или поздно сольются въ одну, все было напрасно. Палата оказалась болѣе ревностною охранительницей правъ отдѣльныхъ правительствъ Германіи нежели сами эти правительства, давшія согласіе на страховое имперское учрежденіе. Еще рѣзче выказалось непониманіе основной мысли законопроекта при обсужденіи статьи 13, опредѣлявшей порядокъ взноса страховой преміи. Палата наотрѣзъ отказала въ требованіи третью часть этой преміи принять на счетъ казны: это поведетъ де лишь къ развитію государственно-административнаго всемогущества. Сторонники проекта пытались было, въ послѣднемъ засѣданіи, устроить компромиссъ и хотя отчасти спасти основную мысль проекта. Они предложили чтобы премію вносилъ сполна хозяинъ. Было довольно голосовъ изъ промышленнаго міра доказывавшихъ возможность возложить эту обязанность на хозяевъ, но клерикалы, поддержанные на этотъ разъ значительнымъ числомъ либераловъ, настояли на томъ чтобы третью часть преміи вносилъ за себя самъ рабочій, хотя имъ ясно было доказано что это противорѣчитъ всей податной политикѣ правительства, направленной къ тому чтобъ облегчать, а не обременять низшіе классы плательщиковъ прямыми и притомъ значительными, въ итогѣ, налогами. Не прошло даже предложеніе принять содержаніе страховыхъ конторъ на счетъ казны: и этому воспротивилась католическая клерикальная партія.

Для палаты не было секретомъ что предложенный компромиссъ есть послѣдняя уступка со стороны имперскаго канцлера, и что законъ въ томъ видѣ какъ онъ вышелъ изъ палаты не получитъ утвержденія правительства, и будетъ внесенъ въ слѣдующую сессію въ своемъ первоначальномъ видѣ. Клерикальная партія знала что̀ дѣлала: смута, какая бы то ни было, облегчаетъ для нея культурную борьбу и заставляетъ правительство дѣлать уступки. Клерикалы знали и то что ни на комъ неудача законопроекта такъ не отзовется при выборахъ какъ на либеральныхъ партіяхъ, что̀ дастъ де только большій вѣсъ клерикаламъ въ палатѣ. Но на что̀ разчитывали либеральныя фракціи спокойно слушая какъ ихъ морочилъ депутатъ Фрейндъ, изъ соціалъ-демократовъ, увѣряя что противъ этого законопроекта чувствуютъ одинаковое отвращеніе и хозяева, и рабочіе, и особенно послѣдніе, такъ какъ де „государство, вмѣсто удовлетворенія ихъ законныхъ притязаній, даетъ подачку которой они не желаютъ принять.“

№ 159.

Москва, 9-го Іюня.

Толкамъ которые были вызваны послѣднимъ краткосрочнымъ пятидесятимилліоннымъ займомъ, повидимому, не суждено скоро прекратиться. Подписка на этотъ заемъ не вполнѣ оправдала возлагавшіяся на нее ожиданія. Весь выпускъ краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства не былъ разобранъ безъ остатка; около четвертой его части Государственный Банкъ долженъ былъ оста-

вить за собою. Произошло это вслѣдствіе того что почти единственными участниками подписки были русскіе акціонерные банки, перечислившіе въ счетъ займа тѣ деньги которыя они до того держали на однопроцентномъ текущемъ счету въ Государственномъ Банкѣ; изъ-за границы же требованій на краткосрочныя обязательства почти не было, что̀ объясняютъ уменьшеніемъ свободныхъ денежныхъ капиталовъ на заграничныхъ биржахъ, которое повлекло за собою въ послѣдніе дни быстрый подъемъ учетнаго процента въ Берлинѣ. На привлеченіе же частной публики къ участію въ краткосрочномъ займѣ едва ли кто и разчитывалъ. Краткосрочныя свидѣтельства не такая бумага чтобы быть привлекательною для лицъ не занимающихся спеціально банкирскими операціями. Помѣстить свой капиталъ только на полгода съ тѣмъ чтобы нажить на него въ это время только два процента и потомъ получить его обратно, это не такая операція которая могла бы особенно улыбаться публикѣ, всегда имѣющей возможность гораздо болѣе выгоднаго и удобнаго помѣщенія своихъ денегъ въ привычныхъ бумажныхъ цѣнностяхъ.

Указанный недостаточный успѣхъ подписки на заемъ не влечетъ, впрочемъ, за собою никакихъ существенныхъ неудобствъ и затрудненій ни для казны, ни для Государственнаго Банка, которому поручена была займовая операція. Казна получила сполна всю нужную сумму. Вся операція ограничилась, въ сущности, перетасовкой цифръ въ графахъ балансовъ Государственнаго Банка. Его кассовая наличность сократилась чуть не на всю сумму займа, но все еще осталась болѣе чѣмъ достаточною для его текущихъ оборотовъ, тѣмъ болѣе что ему не угрожаетъ теперь обратное востребованіе акціонерными банками суммъ которыя они держали въ Государственномъ Банкѣ только временно, въ ожиданіи болѣе выгоднаго для нихъ помѣщенія. Параллельно съ сокращеніемъ текущаго счета акціонерныхъ банковъ выросъ текущій счетъ Министерства Финансовъ, и затѣмъ поднялась милліоновъ на десять цифра въ графѣ принадлежащихъ Государственному Банку процентныхъ бумагъ,— вотъ и всѣ результаты займа, если не считать предстоящаго увеличенія прибылей какъ Государственнаго такъ и акціонерныхъ банковъ, которые раздѣлятъ между собою бо̀льшую часть того милліона которымъ должна поплатиться казна за всю эту несложную операцію. Но не потеря этого милліона, которой можно было бы избѣжать еслибъ обычныя отношенія между Казначействомъ и Государственнымъ Банкомъ не были измѣнены извѣстною финансовою мѣрой 1 января, должна главнымъ образомъ озаботить наше финансовое вѣдомство въ виду обстоятельствъ обозначившихся во время подписки на нынѣшній краткосрочный заемъ. Подвергается вопросу самая примѣнимость у насъ этого вида займовъ для временнаго подкрѣпленія наличныхъ средствъ Казначейства. Оказывается что разчитывать для такого подкрѣпленія на краткосрочныя свидѣтельства, безъ опасенія попасть впросакъ, можно только въ томъ случаѣ если въ Государственномъ Банкѣ имѣется превышающая обычныя нормы наличность, образующаяся отъ временнаго сокращенія учетно-ссудной операціи какъ въ самомъ Государственномъ, такъ и въ акціонерныхъ банкахъ. Но при оживленіи торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, таковой наличности можетъ не оказаться. Откуда же, въ такомъ случаѣ, должна будетъ брать казна суммы нужныя ей только временно, такъ-сказать на перехватъ? Надобность въ такихъ временныхъ заимствованіяхъ можетъ представляться часто, при самомъ удовлетворительномъ финансовомъ положеніи, не только при соблюденіи бюджетнаго равновѣсія, но и при избыткѣ доходовъ надъ расходами. Дѣло въ томъ что поступленіе доходовъ распредѣляется у насъ по третямъ года крайне неравномѣрно, какъ это явствуетъ, между прочимъ, изъ отчетовъ Государственнаго Контроля за прежніе годы. Въ одну треть доходовъ поступитъ, напримѣръ, 200 милліоновъ, въ другую только 150, въ третью 250. Что̀ же дѣлать во время малодоходной трети? Неужели заключать настоящій долгосрочный заемъ и надолго обременять бюджетъ платежомъ процентовъ, имѣя въ близкой перспективѣ усиленное поступленіе доходовъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, достаточное для покрытія всѣхъ недочетовъ малодоходной трети? Это было бы черезчуръ неразчетливо. Между тѣмъ краткосрочные займы въ формѣ установленной три года тому назадъ, какъ показываетъ послѣдній опытъ, находятся у насъ въ зависимости отъ такихъ случайностей,

подвергать коимъ операціи государственнаго кредита, пожалуй, не совсѣмъ удобно. Невольно, въ виду этого, приходитъ на мысль, не слишкомъ ли поторопились у насъ отмѣной прежняго порядка заимствованій изъ Государственнаго Банка? Эти заимствованія, правда, влекли за собой иногда небольшіе временные выпуски кредитныхъ билетовъ, временные не въ томъ смыслѣ въ какомъ сдѣланы выпуски ихъ въ періодъ послѣдней Восточной войны, но дѣйствительно поступавшіе въ обращеніе только на время надобности и по миновании ея возвращавшіеся въ кассы Банка и уничтожавшіеся. Противъ дѣйствительно временныхъ выпусковъ кредитныхъ денегъ трудно привести сколько-нибудь уважительные аргументы. Возставать противъ такихъ выпусковъ можно только изъ безотчетной и теоретической къ нимъ антипатіи, которая не должна играть никакой роли въ дѣлахъ государственнаго интереса. Можно находить вреднымъ чрезмѣрное расширеніе бумажно-денежнаго обращенія, но нѣтъ необходимости педантически ограничивать это обращеніе одною неизмѣнною цифрой, не допуская никакихъ въ ней колебаній. Эти колебанія неизбѣжны; они требуются естественнымъ ходомъ народно хозяйственной жизни. Что̀ такое самыя эти повторяющіяся періодически накопленія свободной наличности въ банкахъ, которыя смѣняются недостаткомъ наличныхъ средствъ въ тѣхъ же банкахъ, какъ не колебанія въ размѣрахъ денежнаго обращенія? Не признавать законности этихъ колебаній то же что̀ отвергать законность приливовъ и отливовъ въ Океанѣ. Съ ними должно сообразоваться, а не создавать для нихъ Прокрустова ложа. Временные выпуски кредитныхъ билетовъ съ тѣми же цѣлями для какихъ сдѣланъ и послѣдній краткосрочный заемъ, ничуть не вреднѣе его по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ. Вѣдь и этотъ заемъ въ сущности не что̀ иное какъ маскированный выпускъ кредитныхъ билетовъ, которые хозяйственная жизнь страны временно устранила изъ обращенія сложивъ ихъ въ кладовыя Государственнаго Банка.

Хотя всѣ знаютъ что краткосрочный заемъ о которомъ идетъ рѣчь есть не иное что̀ какъ суррогатъ обычныхъ прежде заимствованій изъ средствъ Государственнаго Банка, и хотя въ той же мѣрѣ извѣстно что подобныя заимствованія, помимо другихъ причинъ, должны быть вызываемы уже одною неравномѣрностью поступленія доходовъ по мѣсяцамъ и третямъ года, но на это обстоятельство во всѣхъ вызванныхъ займомъ толкахъ не обращается рѣшительно никакого вниманія. Напротивъ, признается какъ бы несомнѣннымъ что у казны ко 2 декабря не будетъ средствъ для уплаты капитальной суммы по выпущеннымъ нынѣ краткосрочнымъ свидѣтельствамъ, которымъ тогда истечетъ срокъ. Это приводится какъ доказательство неизбѣжности объявленія болѣе или менѣе крупнаго долгосрочнаго займа ранѣе наступленія 2 декабря. Намъ уже не разъ приходилось замѣчать что подобный заемъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ; онъ вызывается и извѣстнымъ указомъ 1 января, и разными чрезвычайными расходами какъ на постройку Баскунчакской и Криворогской дорогъ, такъ и на другія надобности. Но чтобъ этотъ предвидимый долгосрочный заемъ требовался недостаточностію обыкновенныхъ бюджетныхъ средствъ для расплаты по сдѣланному краткосрочному займу, это очень сомнительно. Сентябрьская треть у насъ всегда была самою доходною; поступленіе государственныхъ доходовъ въ послѣднюю треть года обычно превышало на сто и болѣе милліоновъ поступленіе ихъ въ лѣтнюю треть. Но въ текущемъ году это превышеніе обѣщаетъ быть особенно крупнымъ; виды на урожай почти повсюду благопріятные, а урожай у насъ главное условіе успѣшнаго поступленія почти всѣхъ государственныхъ доходовъ; благодаря ему, осенью должна поступить въ казну значительная часть того что̀ въ первые мѣсяцы года осталось въ недоборѣ. Кромѣ того, преимущественно въ послѣднюю треть года дастъ свои финансовые результаты и состоявшееся повышеніе виннаго акциза съ 7 на 8 копѣекъ съ градуса спирта. Да и самые недоборы доходовъ, оказавшіеся въ истекшіе мѣсяцы, едва ли такъ велики какъ описываютъ ихъ въ газетахъ. Припомнимъ что при составленіи бюджета на текущій годъ, недостаточный урожай прошлаго года былъ въ полной мѣрѣ принятъ во вниманіе, почему и ожидаемое поступленіе доходовъ было исчислено пониженными цифрами. Затѣмъ, опубликованная на дняхъ вѣдомость о поступленіи въ 1880 году окладныхъ сборовъ и выкупныхъ пла-

тежей поступающихъ въ суммы Государственнаго Казначейства, а также земскихъ сборовъ въ губерніяхъ гдѣ не введены земскія учрежденія, показываетъ что недостаточное обиліе урожая далеко не въ такой мѣрѣ отозвалось на поступленіи сборовъ какъ можно было бы полагать на основаніи ходячихъ толковъ. Поступленіе сборовъ оказалось менѣе оклада (114.687.482 р.) на 8.945.000 руб. Изъ этой суммы недобора, 5.465.000 приходятся на двѣ губерніи, Самарскую и Саратовскую, а затѣмъ на всю остальную Россію всего $3^1/_2$ милліона рублей. Цифры крупныя, но не настолько чтобъ онѣ могли сильно поколебать равновѣсіе бюджета если даже допустить что недоборъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ этого года равняется недобору за весь истекшій годъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, въ виду этихъ цифръ, сама собою приходитъ мысль о необходимости принятія мѣръ къ тому чтобы по возможности ослабить зависимость состоятельности плательщиковъ податей отъ колеблющихся размѣровъ урожая, развитіемъ стороннихъ заработковъ. Многое въ этомъ отношеніи можетъ быть сдѣлано организующимся Обществомъ Улучшенія Народнаго Труда, но еще бо́льшихъ результатовъ можно было бы достигнуть установленіемъ правильной таможенной политики. Пересмотръ таможеннаго тарифа, одновременно съ увеличеніемъ государственныхъ доходовъ, могъ бы расширить и вновь открыть цѣлыя области для приложенія народнаго труда, подавляемаго нынѣшними условіями къ выгодѣ иностраннаго производства и труда чужеземныхъ рабочихъ.

№ 160.

Москва, 10-го іюня.

Возвращаемся къ Высочайше утвержденному 19 мая *Проекту главныхъ основаній* предполагаемой ко введенію у насъ ипотечной системы, объ экономическомъ значеніи которой мы уже имѣли случай высказаться.

По прошествіи двадцати слишкомъ лѣтъ послѣ того какъ была признана потребность въ коренномъ измѣненіи существовавшаго у насъ порядка укрѣпленія правъ на недвижимое имущество, мы и теперь имѣемъ лишь „проектъ главныхъ основаній,“ коему предстоитъ еще пройти очень сложную процедуру прежде нежели осуществится это преобразованіе. Для этого всѣ имѣющіеся матеріалы, вмѣстѣ съ разработаннымъ уже Министерствомъ Юстиціи, но признаннымъ неудовлетворительнымъ, проектомъ ипотечнаго устава, поступаютъ для новаго пересмотра и окончательной разработки, согласно съ главными основаніями, въ особую Коммиссію Государственнаго Совѣта, которая затѣмъ представитъ свой проектъ въ его Соединенные Департаменты. Самый ипотечный уставъ, по утвержденіи онаго, предполагается ввести не вдругъ, а лишь постепенно, „по мѣрѣ возможности и сообразуясь съ имѣющимися средствами.“ Препятствіемъ къ скорому, если и не одновременному, введенію новаго порядка, послужитъ, какъ слѣдуетъ думать, не одно затрудненіе вслѣдствіе сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ значительныхъ тратъ. Правильная ипотечная система не мыслима безъ правильнаго и вполнѣ уже готоваго государственнаго межеванія. Но это дѣло, предпринятое еще въ 1762 году, при самомъ вступленіи на престолъ Великой Екатерины, до сихъ поръ еще не вполнѣ окончено даже въ Европейской Россіи, и сверхъ того наши межевые законы, цѣликомъ заимствованные изъ Межевой Инструкціи императратрицы Екатерины, устарѣли до того что ихъ съ трудомъ понимаютъ, а часто и вовсе не понимаютъ даже спеціалисты на которыхъ это возложено. Изъ Высочайше утвержденнаго 19 мая мнѣнія Государственнаго Совѣта видно что межевые законы пересматриваются, и имѣется въ виду внести въ нихъ правила коими было бы облегчено дѣло поземельной регистраціи, которое при ипотечной системѣ будетъ устроено на совершенно новыхъ началахъ.

Другое затрудненіе, спеціально у насъ возникающее, коего не имѣется во всѣхъ прочихъ государствахъ, гдѣ ипотечная система уже существуетъ, заключается въ общинномъ землевладѣніи крестьянъ, вслѣдствіе чего, а также по непривычкѣ нашихъ крестьянъ къ формальнымъ письменнымъ актамъ, оказывается необходимымъ ввести въ будущій уставъ отступленія отъ общаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества при примѣненіи онаго къ крестьянскимъ надѣламъ. Съ этою

цѣлью министрамъ Юстиціи, Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ предстоитъ еще выработать свои предположенія и внести оныя на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ. Эти и еще нѣкоторыя, болѣе частныя, измѣненія въ дѣйствующихъ законахъ, придется обсуждать совокупно съ будущимъ проектомъ ипотечнаго устава, который едва ли можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе ранѣе изготовленія специальныхъ законодательныхъ работъ порученныхъ тремъ министрамъ. Поэтому нельзя и ожидать, по ходу самаго дѣла, чтобы возвѣщенная реформа совершилась скоро. Желательно только, чтобы, помимо трудностей представляемыхъ самымъ дѣломъ, оно не затянулось вслѣдствіе обычной медленности водворившейся у насъ по всѣмъ законодательнымъ работамъ. Не забудемъ что еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ была вполнѣ сознана насущная потребность во введеніи у насъ ипотечной системы и была образована, если не ошибаемся, при Министерствѣ Финансовъ особая коммиссія для разработки ипотечнаго устава. Но до сихъ поръ дѣло не подвинулось еще далѣе утвержденія основныхъ положеній, а разработка подробностей представляетъ столько затрудненій и предполагаемый новый порядокъ такъ глубоко захватываетъ всю область гражданскихъ правоотношеній, что труднѣйшая часть еще осталась впереди. Къ сожалѣнію, послѣднее мнѣніе Государственнаго Совѣта не заключаетъ въ себѣ постановленія которое было отмѣчено какъ отрадное нововведеніе при обнародованіи недавняго указа объ образованіи коммиссіи для разработки новаго проекта Уложенія о Наказаніяхъ. Послѣдней коммиссіи указанъ срокъ (въ нѣсколько мѣсяцевъ) въ теченіе котораго возложенная на нее работа должна быть обязательно изготовлена.

Независимо отъ особой коммиссіи учрежденной лѣтъ двадцать тому назадъ спеціально съ цѣлью составленія проекта ипотечнаго устава, вопросъ объ ипотечной системѣ былъ подвергнутъ подробному обсужденію въ то время когда разрабатывалось положеніе о нотаріальной части, которое получило утвержденіе 14 апрѣля 1866 года. Само собою разумѣется что какъ только необходимость ипотечной системы была признана, всего удобнѣе было бы ввести эту систему одновременно съ устройствомъ нотаріальныхъ учрежденій, съ коимъ она находится въ тѣсной, можно сказать, неразрывной связи. Однако, несмотря на то что при обсужденіи нотаріальнаго положенія не только уже признана была необходимость ипотечнаго порядка, но существовала уже коммиссія на которую возложена была разработка устава, въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ еще поднимались голоса въ принципѣ оспаривавшіе необходимость этого порядка.

Въ одномъ изъ мнѣній поданныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ по вопросу о порядкѣ утвержденія актовъ о недвижимыхъ имуществахъ было высказано объ ипотечной системѣ слѣдующее: „Существующій въ западныхъ государствахъ „порядокъ утвержденія актовъ на недвижимыя имущества посредствомъ внесенія „сихъ актовъ въ ипотечныя книги того мѣста гдѣ имущество находится не имѣетъ „большихъ неудобствъ тамъ гдѣ все пространство государства не болѣе одной „изъ нашихъ губерній, или одного уѣзда „нашей губерніи, и гдѣ не представляютъ „никакого затрудненія ни средства сообщенія, ни способъ ходатайства чрезъ повѣренныхъ или стряпчихъ, составляющихъ организованное сословіе. Но у насъ „тотъ же порядокъ представлялъ бы огромныя затрудненія во всѣхъ отношеніяхъ „и стѣснилъ бы до крайности всѣ сдѣлки „по недвижимымъ имуществамъ, въ подрывъ „какъ цѣнности этихъ имуществъ, такъ и „поземельному кредиту вообще. Затрудненія „эти такъ велики и такъ важны что введеніе „у насъ ипотеки едва ли принесетъ ожидаемую отъ нея пользу, если ипотечная „система будетъ устроена по иностранному образцу, безъ принятія въ соображеніе нашихъ мѣстныхъ условій. Легко ли „жителю одного края Россіи справляться „въ ипотечныхъ книгахъ другаго ея края „и сдѣлку совершенную на мѣстѣ его жительства утверждать на другомъ концѣ „нашего необъятнаго отечества?“

Возраженіе здѣсь прописанное было направлено не прямо противъ ипотечной системы, а противъ исключительнаго совершенія крѣпостныхъ актовъ по мѣсту нахожденія имѣнія, что̀, впрочемъ, составляетъ коренное усло́віе ипотечной системы. До введенія нотаріальнаго положенія, когда крѣпостные акты совершались въ уѣздныхъ судахъ и гражданскихъ палатахъ, регистрація актовъ не была пріуро-

чена къ извѣстнымъ районамъ, и всякое имѣніе находящееся въ Россіи могло быть продано или заложено въ любомъ мѣстѣ, гдѣ находился судъ имѣвшій право отмѣчать крѣпостные акты. Но по нотаріальному положенію 1866 года этотъ порядокъ былъ отмѣненъ; самые договоры о продажѣ или залогѣ недвижимости могутъ быть совершены повсюду гдѣ есть нотаріусы; однако договоры эти получаютъ силу крѣпостнаго акта лишь съ того времени какъ они утверждены старшимъ нотаріусомъ того суда въ округѣ котораго находится продаваемое или закладываемое имѣніе. Нотаріальное положеніе дѣйствуетъ уже 15 лѣтъ, и опытъ показалъ что уничтоженіе права повсемѣстнаго совершенія актовъ на имѣніе расположенное въ извѣстномъ районѣ отнюдь не болѣе стѣснительно чѣмъ прежній порядокъ, при которомъ единственною гарантіей противъ двойной продажи или даже противъ продажи не существующаго имѣнія служили лишь справки въ алфавитахъ Указателя запретительныхъ и разрѣшительныхъ статей, издаваемыхъ для всей Имперіи при *Сенатскихъ Вѣдомостяхъ*. Количество сдѣлокъ совершаемыхъ на недвижимыя имѣнія значительно возросло со времени введенія нотаріальнаго положенія, хотя положеніе это страдаетъ большими недостатками и скорѣе увеличило нежели уменьшило формализмъ сопряженный у насъ со всякимъ переходомъ или ограниченіемъ правъ на недвижимости.

Ипотечная система должна принести въ этомъ отношеніи большія облегченія. Но ипотечная система есть наиболѣе простой, а потому наиболѣе совершенный порядокъ *регистраціи* актовъ на недвижимыя имущества; еще болѣе существенное преимущество заключается въ томъ что она открываетъ новые и самые разнообразные способы *обезпеченія* договоровъ и обязательствъ. Чрезъ это, съ одной, стороны значительно расширяется могучій двигатель современной экономической жизни, кредитъ, а съ другой, раздвигаются самые предѣлы права собственности.

№ 161.

Москва, 11-го Іюня.

Сегодня мы хотимъ занять читателей чужимъ дѣломъ, не лишеннымъ однако интереса общаго значенія, такъ какъ перемѣщеніе власти, ставшей во Франціи страшно подвижною и зыбкою, не можетъ не отзываться и на европейскихъ дѣлахъ.

Каковъ будетъ отвѣтъ Гамбетты на ударъ нанесенный ему 9 іюня Французскимъ сенатомъ? Вотъ вопросъ который очень занималъ какъ противниковъ, такъ и друзей бывшаго диктатора. Пораженіе его было такъ неожиданно что онъ вѣроятно и самъ серіозно не думалъ о составленіи опредѣленнаго плана дѣйствій на тотъ случай еслибы сенатъ не принялъ рекомендованной имъ избирательной реформы. Онъ, правда, въ послѣдніе дни до роковаго 9 іюня, которое составитъ эпоху въ его политической жизни, угрожалъ сенату и министерскимъ кризисомъ, и пересмотромъ конконституціи, и даже уничтоженіемъ сената; но этимъ угрозамъ никто не придавалъ серіознаго значенія.

Впрочемъ, возможность министерскаго кризиса считалась нѣкоторыми политиками довольно вѣроятною. Министры Констанъ, Фарръ и Казо, какъ извѣстно, личные друзья г. Гамбетты и открытые приверженцы его неудавшейся избирательной реформы. Они, правда, принуждены были соблюдать невольный нейтралитетъ, такъ какъ самъ президентъ республики, г. Греви, и ихъ товарищи по министерству, въ особенности министръ-президентъ г. Жюль-Ферри, не сочувствовали реформѣ г. Гамбетты. Однако полагали что грозный Генуезецъ прикажетъ своимъ друзьямъ подать въ отставку дабы поставить гг. Греви и Ферри въ затруднительное положеніе при выборѣ на мѣсто гг. Фарра, Констана и Казо такихъ министровъ которые были бы въ одно и то же время угодны и сенату, и палатѣ, и ему, Гамбеттѣ. Но, съ другой стороны, вызванный такимъ образомъ министерскій кризисъ представлялъ для г. Гамбетты новую опасность, и весьма существенную. Министерство внутреннихъ дѣлъ находится теперь въ рукахъ его вѣрнаго друга г. Констана, который слѣдовательно будетъ въ состояніи направить предстоящіе депутатскіе выборы въ томъ смыслѣ какъ это будетъ угодно самому Гамбеттѣ. Если же теперь г. Констанъ вышелъ бы въ отставку, то ничто не могло бы помѣшать теперешнему врагу г. Гамбетты, министру-президенту г. Ферри, взять въ новомъ министерствѣ портфель внутреннихъ дѣлъ и направить бу-

дущіе выборы противъ самого негласнаго диктатора. О томъ будто на выборахъ народъ можетъ имѣть „свою волю," такіе практическіе политики какъ гг. Гамбетта и Ферри говорятъ только на офиціальныхъ банкетахъ и съ парламентской трибуны; на самомъ же дѣлѣ они очень хорошо знаютъ что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ словами „воля народа."

Но если г. Гамбетта не счелъ для себя выгоднымъ вызвать министерскій кризисъ, которымъ онъ думалъ было напугать господъ сенаторовъ, за то онъ поручилъ своимъ тремъ друзьямъ министрамъ предложить президенту республики такую мѣру которая вполнѣ обезпечила бы ему, Гамбеттѣ, сильное вліяніе на депутатскіе выборы: немедленное распущеніе палаты.

Настоящая сессія парламента должна продолжаться, при нормальныхъ условіяхъ, до 14 октября, когда окончится трехлѣтній законодательный періодъ, послѣ котораго должна открыть свои засѣданія вновь избранная палата депутатовъ. Но президентъ республики имѣетъ право, съ согласія сената, распускать палату и назначать новые выборы раньше срока. Такъ какъ до октября еще далеко, а положеніе г. Констана во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ въ настоящее время далеко не прочно, то г. Гамбеттѣ весьма естественно хотѣлось поскорѣе воспользоваться средствомъ направить выборы по своему плану, пока въ его рукахъ находятся три министра, пока онъ самъ еще остается въ силѣ и пока столкновеніе сената съ палатой депутатовъ, происшедшее 9 іюня, будетъ еще настолько свѣжо въ памяти избирателей что изъ него можно будетъ сдѣлать удобный предметъ для выборной агитаціи противъ сената. Эта агитація должна была состоять въ томъ чтобы всѣ кандидаты заявляли своимъ избирателямъ предъ выборами хотятъ ли они или не хотятъ преобразованія сената. Г. Гамбетта надѣялся провести въ депутаты громадное большинство противниковъ сената, созвать конгрессъ, состоящій, какъ извѣстно, изъ соединенія сената и палаты депутатовъ, измѣнить въ конституціи статьи касающіяся состава и правъ сената, провести затѣмъ свою избирательную реформу какъ въ палатѣ такъ и въ преобразованномъ сенатѣ, распустить прежде срока палату и наконецъ составить, на основаніи новаго избирательнаго закона такую палату которая ему нужна для его диктатуры, или какъ онъ говоритъ, „для блага Франціи."

Таковъ былъ его планъ, изложенный съ большою откровенностью въ его личномъ органѣ *République Française* и расхваленный органами его друзей. Вся трудность въ осуществленіи этого плана заключалась конечно въ томъ чтобы достигнуть немедленнаго распущенія палаты, или вѣрнѣе, чтобъ убѣдить президента въ необходимости этой мѣры. Нужно было придумать для нея благовидныя причины. За этимъ, конечно, дѣло не стало. Гамбетта поставилъ на видъ г. Жюлю Греви что между сенатомъ и палатой произошло де столкновеніе, которое до осени можетъ обостриться, что враги республики могутъ извлечь себѣ выгоды изъ этого столкновенія, что нужно скорѣе предоставить народу возможность высказаться *за* избирательную реформу принятую палатой и отвергнутую сенатомъ или *противъ* нея, что депутаты теперь уже настолько заняты будущими выборами что не могутъ спокойно и серіозно заниматься своимъ законодательнымъ дѣломъ, что если назначить выборы осенью, то они совпадутъ съ ежегоднымъ призывомъ запасныхъ войскъ для военныхъ упражненій, и что поэтому для многихъ избирателей трудно будетъ участвовать въ депутатскихъ выборахъ, что наконецъ стоящій на очереди бюджетъ 1882 года гораздо лучше поручить на разсмотрѣніе новой палатѣ нежели старой, которая будетъ разсматривать его съ тою цѣлью чтобы составить себѣ рекламу среди будущихъ избирателей посредствомъ чрезмѣрнаго сокращенія налоговъ и удовлетворенія разныхъ мѣстныхъ нуждъ.

Г. Греви, выслушавъ всѣ эти доводы отъ министровъ друзей г. Гамбетты, заявилъ что они для него не убѣдительны, но что онъ готовъ принять предлагаемую мѣру если ея потребуетъ сама палата и если ее одобритъ сенатъ.

Видя что все дѣло поставлено въ зависимость отъ самихъ депутатовъ, г. Гамбетта счелъ себя вполнѣ обезпеченнымъ. Могъ ли онъ сомнѣваться въ поддержкѣ *своей* палаты, которою онъ такъ удачно управлялъ въ теченіи трехъ лѣтъ съ высоты своего президентскаго кресла? Онъ немедленно поручилъ своему другу Барду внести предложеніе чтобы палата депутатовъ выразила желаніе быть немедленно распущенною.

Г. Гамбетту ожидало неожиданное и полное разочарованіе. Предложеніе Барду не удостоилось даже публичныхъ преній. Всѣ четыре партіи изъ коихъ состоитъ республиканское большинство рѣшили предварительно разсмотрѣть въ своихъ отдѣленіяхъ вопросъ о немедленномъ распущеніи. Результатъ этихъ совѣщаній, происходившихъ 13 (1) іюня, былъ поразительно враждебенъ политикѣ г. Гамбетты. *Лѣвый центръ* высказался 28 голосами противъ двухъ за отклоненіе предложенія Барду; *лѣвая республиканская* партія отвергла это предложеніе 121 голосомъ противъ 9, а *крайняя лѣвая* 28 голосами противъ двухъ. Даже въ собственной партіи Гамбетты, въ такъ-называемомъ *Республиканскомъ союзѣ* (Union républicaine), *за* распущеніе высказалось только 56 членовъ, а *противъ* него 72. Такимъ образомъ, предложеніе Барду было отклонено республиканскою партіей 233 голосами противъ 69. Можно себѣ представить каково было бы пораженіе Гамбетты въ *его* палатѣ еслибы послѣ публичныхъ преній къ 233 республиканцамъ присоединились всѣ монархисты, которые въ своихъ газетахъ высказывались самымъ энергическимъ образомъ противъ преждевременнаго распущенія палаты.

Итакъ, палата депутатовъ нанесла своему предсѣдателю, *популярнѣйшему* доселѣ человѣку Франціи, пораженіе гораздо болѣе чувствительное нежели сенатъ. Теперь уже депутаты приступили къ обсужденію бюджета, которое окончится только къ августу мѣсяцу. До тѣхъ поръ г. Гамбетта обреченъ, повидимому, на бездѣйствіе, такъ какъ все его стараніе будетъ конечно заключаться въ томъ чтобъ удержать своихъ друзей-министровъ на ихъ постахъ до конца парламентской сессіи и съ ихъ помощію произвести необходимое давленіе на осенніе выборы. Къ тому времени ему нужно будетъ найти средство къ возобновленію своей популярности, такъ пострадавшей послѣ его злополучнаго торжества въ Кагорѣ, вызвавшаго сенатское постановленіе 9 іюня и рѣшеніе республиканскаго большинства 13 іюня. Что его кагорская апоѳеоза была капитальною ошибкой, это теперь открыто признаютъ какъ враги такъ и друзья его.

Успѣетъ ли диктаторъ оправиться послѣ этихъ ударовъ, или для него наступило начало конца? Вопросъ этотъ имѣетъ не малую важность. Нынѣшній порядокъ во Франціи держится на курьихъ ножкахъ той популярности которую стяжалъ себѣ бывшій диктаторъ. Съ его паденіемъ рушится связь партій поддерживающихъ республику. Поднимутся съ одной стороны крайніе радикалы, съ другой партіи антиреспубликанскія, каждая со своимъ знаменемъ. И вотъ во Франціи снова все можетъ подвергнуться вопросу.

Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ лондонской сатирической газеты *Punch*, политическая каррикатура представляетъ злаго Яго, во образѣ Бисмарка, который притаился съ коварною усмѣшкой за колонной, между тѣмъ какъ Италіянецъ, съ обнаженнымъ стилетомъ, притаившись за другимъ угломъ, готовится броситься на свою жертву, которая шествуетъ во образѣ самодовольной и надутой фигуры Гамбетты.

№ 162.

Москва, 12-го Іюня.

Въ нашей газетѣ (№ 159) извѣщалось что на дняхъ прибыла въ Москву партія переселенцевъ направляющихся изъ Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ самую отдаленную мѣстность Восточной Сибири, въ Амурскую область, и о печальномъ положеніи въ какомъ эти переселенцы находятся. Мы поручили одному изъ нашихъ сотрудниковъ собрать какія можно свѣдѣнія объ этихъ переселенцахъ и объ обстоятельствахъ побудившихъ ихъ покинуть родину и двинуться въ столь дальнее странствіе безъ средствъ на путевыя издержки. Вотъ что̀ узнали мы изъ имѣющихся у переселенцевъ бумагъ и изъ ихъ разказовъ.

Всѣ они бывшіе помѣщичьи крестьяне деревень Максимовки, Лисичьей и Сморчковой, одной и той же Старицковской волости Константиноградскаго уѣзда. При введеніи въ дѣйствіе Положенія 19 февраля, въ той мѣстности крестьяне получили земельные надѣлы не по душамъ, а по дворамъ. Въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ двадцати лѣтъ произошло не мало семейныхъ раздѣловъ, при которыхъ подворные земельные участки въ раздѣлъ не поступали: одни изъ членовъ дѣлившейся семьи сохраняли за собой надѣльную землю, другіе становились безземельными. Изъ кре-

стьянъ этой послѣдней категоріи и образовалась та партія переселенцевъ о которой идетъ рѣчь.

Мысль искать счастія на Амурѣ возникла у нихъ не сама собою и не вслѣдствіе распущенныхъ кѣмъ-либо слуховъ. Въ волости была получена и прочитана бумага вызывающая желающихъ переселяться въ Амурскую область при пособіи отъ правительства. За желающими дѣло не стало. Ихъ въ одной волости набралось до 25 семействъ. Всѣ они изъявили готовность переселиться, съ тѣмъ однако чтобъ ихъ перевезли на новыя мѣста на казенный счетъ. Было ли это условіе съ надлежащею ясностью оговорено въ офиціальной перепискѣ объ этихъ переселенцахъ, происходившей между мѣстными властями и управленіемъ Амурской области, неизвѣстно. Но если, вопреки ихъ заявленію, сказанное условіе и не было какъ должно выговорено въ бумагахъ, переселяющіеся крестьяне въ этомъ не виноваты. Они народъ степной, безхитростный, поголовно безграмотный, и потому не могли написать это условіе собственноручно; притомъ, имъ не могло придти и въ голову чтобы кто-нибудь считалъ ихъ таками богачами которымъ ни по чемъ предпринять со всѣмъ семействомъ вояжъ въ восемь тысячъ пятьсотъ верстъ.

Распоряженіемъ военнаго губернатора Амурской области, въ декабрѣ прошлаго года вышеупомянутыя семейства полтавскихъ крестьянъ были перечислены въ означенную область, о чемъ было сообщено ихъ волостному начальству, которое со своей стороны донесло о семъ Константиноградскому уѣздному управленію. Затѣмъ послѣдовали распоряженія чтобы новые амурскіе граждане распродали имущество котораго нельзя взять въ дорогу, и въ назначенный срокъ двинулись бы въ путь руководствуясь присланнымъ отъ гражданскаго управленія Амурской области маршрутомъ. Распродажа имущества состоялась въ минувшемъ апрѣлѣ; выручка отъ распродажи, по словамъ переселенцевъ, была самая малая, потому что имущества у безземельныхъ крестьянъ было очень немного, даже не у каждой семьи была своя хата. Съ вырученными отъ продажи грошами, партія переселенцевъ въ концѣ апрѣля тронулась съ мѣста.

Согласно маршруту, переселенцы прибыли на ближайшую къ мѣсту прежняго ихъ жительства станцію Харьково-Николаевской дороги, и тутъ узнали какъ ошибоченъ былъ ихъ разчетъ что ихъ повезутъ на казенный счетъ. У 19 семействъ нашлись деньги доѣхать на свой счетъ по желѣзной дорогѣ до Харькова, но шесть семействъ, по неимѣнію средствъ на проѣздъ, такъ и остались на станціи Кочубеевка, въ 33 верстахъ отъ Полтавы и въ 99 отъ Харькова. Какая дальнѣйшая судьба постигла эти застрявшія въ дорогѣ 6 семей и что ждетъ ихъ въ будущемъ, неизвѣстно.

Семьи добравшіяся до Харькова принялись, какъ умѣли, хлопотать по начальству о выдачѣ имъ пособія на дорогу, или о принятіи иныхъ мѣръ къ доставленію ихъ на мѣсто назначенія. Въ этихъ хлопотахъ прошло 24 дня. Все это время переселенцы прожили на станціи желѣзной дороги, кормясь со своими семьями чѣмъ Богъ послалъ. Нашлись добрые люди (съ особою благодарностью переселенцы вспоминаютъ купца Рыжова) снабжавшіе ихъ съѣстными припасами; находилась и коекакая поденная работа. Надлежащаго рѣшенія своей участи переселенцы въ Харьковѣ не могли добиться. Никакихъ суммъ для нихъ отъ амурскаго начальства не было прислано, никакого касающагося ихъ распоряженія равнымъ образомъ никѣмъ въ Харьковѣ получено не было. Наконецъ, временный харьковскій генералъ-губернаторъ рѣшился оказать переселенцамъ помощь выдавъ каждой семьѣ заимообразно по 60 рублей, стало-быть на всѣ 19 семей 1.140 рублей. Благодаря этой помощи, вся партія переселенцевъ, слишкомъ во 100 душъ, доѣхала до Москвы, гдѣ снова осталась безъ средствъ, въ 850 верстахъ отъ своей родины, и болѣе чѣмъ въ 7.500 верстахъ отъ мѣста куда должна слѣдовать.

Въ Москвѣ эта партія переселенцевъ живетъ уже нѣсколько дней въ самой печальной обстановкѣ. Расположились они прямо на мостовой, на голыхъ камняхъ, возлѣ пассажирской станціи Курской желѣзной дороги. Начальникъ станціи, изъ участія къ нимъ, далъ имъ дорожный брезентъ чтобы прикрыть отъ непогоды скудные пожитки которые они везутъ съ собою какъ ручной багажъ. Подъ этимъ же брезентомъ всѣ переселенцы съ женами и дѣтьми располагаются на ночлегъ. У многихъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ средствъ

для пропитанія. Выручаетъ ихъ пока, также какъ и въ Харьковѣ, частная благотворительность. На станціи дѣлаются въ пользу ихъ сборы на приготовленіе имъ кашицы, на покупку для нихъ капусты, луку и т. п. Это отсутствіе денежныхъ средствъ у переселенцевъ, послѣ недавняго полученія въ Харьковѣ по 60 руб. на семью, не должно никого удивлять. Проѣздъ отъ Харькова до Москвы въ третьемъ классѣ стòитъ десять съ половиною рублей съ человѣка; кромѣ того, дорогой нужно кормиться Бòльшая часть семействъ состоятъ изъ 6, 7 и 8 душъ. Чтò же при такихъ обстоятельствахъ могло остаться у переселенцевъ изъ полученнаго 60-рублеваго пособія?

Живя въ Москвѣ подъ открытымъ небомъ, переселенцы и здѣсь, какъ въ Харьковѣ, хлопочутъ о дарованіи имъ дальнѣйшаго казеннаго денежнаго пособія или безплатнаго проѣзда. Они нашли у Воскресенскихъ воротъ человѣка который взялся написать имъ прошеніе, и опустили это прошеніе въ ящикъ для писемъ у дома московскаго генералъ-губернатора, и теперь ждутъ какое по этому прошенію воспослѣдуетъ рѣшеніе.

Въ сходномъ положеніи съ партіей полтавскихъ переселенцевъ находится еще другая партія изъ 20 семействъ (всего 128 душъ) направляющаяся тоже въ Амурскую область изъ села Мощенки, Мощенской волости, Городнинскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Эта партія тоже расположилась на мостовой у Курскаго вокзала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ полтавской, прикрыта такимъ же желѣзно-дорожнымъ брезентомъ, точно такимъ же способомъ прокармливается, и точно также ждетъ какой исходъ будетъ имѣть поданное ею московскому генералъ-губернатору прошеніе.

При всей увѣренности въ томъ что положеніе обѣихъ переселенческихъ партій, и полтавской и черниговской обратитъ на себя вниманіе московскихъ властей, нельзя не признать что дѣло этихъ переселенцевъ, во всемъ его объемѣ, выходитъ изъ компетенціи мѣстной администраціи. Передвиженіе людей съ одного края Имперіи на другой для прочнаго тамъ водворенія есть задача объ успѣшномъ рѣшеніи коей всего прямѣе озаботиться центральнымъ, а не мѣстнымъ властямъ, не располагающимъ средствами ни для того чтобы предотвратить ошибки подобныя сдѣланной въ данномъ случаѣ, ни для того чтобы должнымъ образомъ исправлять печальныя послѣдствія такихъ ошибокъ.

Въ послѣднее время вопросъ объ организаціи переселеній былъ въ особенномъ ходу. На законодательное разсмотрѣніе восходила недавно записка проектировавшая переселенія въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и разчитывавшая на переходъ со старыхъ мѣстъ на новыя до полумилліона семействъ. Неизвѣстно какъ пошло бы дѣло еслибы проектъ не остался только проектомъ. Но несомнѣнно то что одновременно съ сочиненіемъ грандіозныхъ проектовъ не было сдѣлано ничего къ улучшенію порядка переселеній даже въ тѣхъ размѣрахъ въ какихъ они по нынѣ происходятъ. Мы почти ни на шагъ не ушли отъ тѣхъ порядковъ которые причинили столько зла въ концѣ шестидесятыхъ годовъ когда вызывались переселенцы въ Уфимскую и Оренбургскую губерніи. Но участь находящихся нынѣ въ Москвѣ амурскихъ переселенцевъ, конечно хуже участи тогдашнихъ уфимскихъ и оренбургскихъ уже по разницѣ въ разстояніяхъ. Предъ нами въ Москвѣ оказались люди сдвинутые съ мѣста, разорвавшіе навсегда всякую связь съ прежними, хотя бы и очень незавидными, но во всякомъ случаѣ привычными условіями жизни, и затѣмъ вдругъ очутившіеся между небомъ и землей. Не только ничѣмъ не обезпеченные въ будущемъ, но даже не знающіе чтò будетъ съ ними завтра. Имъ данъ маршрутъ, съ разными наставленіями, въ чемъ и выразилась почти вся забота объ исходѣ переселенія со стороны той власти которою оно было вызвано. Изъ маршрута переселенцы знаютъ что до Нижняго-Новгорода надобно ѣхать по желѣзнымъ дорогамъ, отъ Нижняго до Перми на пароходѣ братьевъ Каменскихъ, а отъ Перми до Екатеринбурга опять по желѣзной дорогѣ. Затѣмъ въ маршрутѣ объясняется что триста верстъ отъ Екатеринбурга до Тюмени переселенцы могутъ пройти при обозахъ, а отъ Тюмени до Томска могутъ проѣхать на пароходѣ братьевъ Курбатовыхъ. Далѣе въ маршрутѣ читаемъ слѣдующее: „Въ Томскѣ слѣдуетъ непремѣнно купить лошадей (тамъ прекрасныя и недорогія лошади) и телѣги, ѣхать почтовою дорогой чрезъ Иркутскъ, Читу до Срѣтенска, по дорогѣ въ Читу переправиться черезъ озе-

ро Байкалъ на пароходѣ. Изъ Срѣтенска съ лошадьми и телѣгами по рѣкѣ Амуру можно доѣхать до Благовѣщенска на пароходѣ, а лучше въ Читѣ приготовить паромы и приплыть на нихъ: это много сбережетъ денегъ, а лѣсъ отъ паромовъ можно выгодно продать.“ Всѣ эти наставленія сами по себѣ, можетъ-быть, не оставляютъ желать ничего лучшаго (если только плаваніе на паромахъ по Амуру съ его наводненіями достаточно безопасно); но какое значеніе могутъ имѣть эти совѣты для людей у которыхъ за душой нѣтъ ни гроша. Имъ нужны не одни совѣты, но и деньги для того чтобъ ихъ исполнить. Если амурское начальство имѣло въ виду пригласить такихъ поселенцевъ которымъ были бы по средствамъ и расплата за проѣздъ нѣсколькихъ тысячъ верстъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, и покупка лошадей и телѣгъ, и постройка паромовъ гдѣ потребуется, то, казалось бы, объ этомъ слѣдовало бы заявить вызываемымъ крестьянамъ заблаговременно, сдѣлавъ для нихъ приблизительный разчетъ расходовъ какіе потребуются для достиженія мѣста поселенія. Перспектива такихъ расходовъ, вѣроятно, удержала бы многихъ отъ переселенія въ Амурскую область какъ отъ положительнаго безумія. Они подумали бы, стоитъ ли такихъ расходовъ земля которую дадутъ имъ на Амурѣ, и не слишкомъ ли дорого заплатить за нее такимъ образомъ цѣну за которую, были бы деньги, можно купить земли и по близости мѣстъ ихъ коренной осѣдлости. Вся привлекательность переселенія на Амуръ могла состоять только въ даровомъ проѣздѣ и другихъ правительственныхъ пособіяхъ. Но по этой части выраженное въ маршрутѣ нисколько не соотвѣтствуетъ тому на что̀ разчитывали крестьяне изъявляя готовность переселиться. Вотъ что читаемъ въ этомъ маршрутѣ: „О выѣздѣ изъ Срѣтенска или Читы телеграфируйте въ Благовѣщенскъ въ канцелярію гражданскаго управленія, которая распорядится приготовить нужное для васъ. Въ случаѣ надобности въ деньгахъ, можете получить дорогой по 60 рублей на каждую семью заимообразно, а именно въ Иркутскѣ по 30 руб. и въ Читѣ по 30 р., о выдачѣ коихъ должны обратиться съ просьбой въ Иркутскъ къ гражданскому, а въ Читѣ къ военному губернатору съ предъявленіемъ своихъ бумагъ. По прибытіи въ Благовѣщенскъ, на домообзаведеніе еще можете получить въ ссуду незначительное количество денегъ.“ Какое практическое значеніе могутъ имѣть пособія въ показанномъ размѣрѣ, объ этомъ нѣтъ надобности распространяться. Если 60 рублей на семью достало только на проѣздъ 730 верстъ отъ Харькова до Москвы, то что же значатъ эти 60 рублей для передвиженія черезъ всѣ 8.500 верстъ, передвиженія которое должно продолжаться цѣлые мѣсяцы, въ теченіе которыхъ переселенцы должны пить и ѣсть, не прибѣгая къ частной благотворительности, ибо переселеніе отнюдь не должно служить для рабочаго люда школой нищенства, къ которому онъ, по счастію, пока еще не чувствуетъ призванія. Само по себѣ продолжительное и дорого стоящее передвиженіе поселенцевъ становится еще болѣе долгимъ и начетистымъ вслѣдствіе задержекъ въ пути, происходящихъ отъ недостатка средствъ. Со времени отправки полтавскихъ переселенцевъ изъ мѣста родины прошло уже полтора мѣсяца, и во все это время они продвинулись только 850 верстъ по линіямъ желѣзнодорожнаго сообщенія. Сколько же понадобится имъ времени чтобы пройти остальное въ девять разъ большее пространство? Какою школой праздности можетъ сдѣлаться это безконечное странствіе! Никакихъ, однако, мѣръ ни къ снабженію вызванныхъ переселенцевъ необходимыми средствами, ни къ устраненію вредныхъ, но возможныхъ въ пути задержекъ, амурскимъ начальствомъ не принято. Все чѣмъ оно ограничилось въ этомъ отношеніи заключается въ слѣдующихъ словахъ маршрута: „Во время путеслѣдованія нужно какъ можно торопиться чтобы не зазимовать въ дорогѣ; это будетъ дороже, но раннее прибытіе на мѣсто можетъ вознаградить расходъ, а именно тѣмъ что можно будетъ заготовить припасы для зимы выгодными цѣнами и до слѣдующей весны заработать, такъ какъ здѣсь всякій честный трудъ хорошо оплачивается.“ Должно полагать что люди сидящіе теперь со своими проходными на Амуръ свидѣтельствами на мостовой у Курской станціи и желали бы какъ можно поторопиться, но какъ они это сдѣлаютъ не имѣя средствъ доѣхать не только до Благовѣщенска, но и до Нижняго?

Очень можетъ быть что управленіе Амурской области, пригласивъ туда переселенцевъ и давъ имъ маршруты вышеизложен-

наго содержанія, находитъ что съ его стороны сдѣлано для нихъ все возможное, можетъ-быть у него нѣтъ и средствъ сдѣлать что-нибудь большее и оно считаетъ себя затѣмъ въ правѣ умыть руки во всемъ что̀ бы съ переселенцами въ пути ни случилось. Но невозможно чтобы таковъ былъ взглядъ на это дѣло, чтобы таково было отношеніе къ нему центральныхъ властей. И судьба пребывающихъ нынѣ въ Москвѣ переселенческихъ партій, и мѣры принятыя по отношенію къ нимъ мѣстными начальствами, служатъ прямымъ указаніемъ на то что переселенія не должны быть впредь предоставляемы на усмотрѣніе мѣстныхъ властей. Требуется не только бдительный правительственный контроль за всѣмъ относящимся до переселеній, нужно чтобы правительство прямо взяло въ свои руки и главное руководство самымъ направленіемъ переселеній, и постановку всѣхъ условій какъ передвиженія переселенцевъ, такъ водворенія ихъ на новыхъ мѣстахъ. Дѣло это требуетъ осмысленнаго и живаго къ нему отношенія. Тутъ недостаточно одной выдачи по стольку-то рублей на семью. Нужны пособія соразмѣрныя дѣйствительной нуждѣ, которая не одинакова у семьи изъ трехъ и у семьи изъ восьми душъ; нужна притомъ увѣренность что пособія пойдутъ именно на то на что̀ выданы.

Нельзя оставить на произволъ судьбы прибывшихъ въ Москву амурскихъ переселенцевъ. Принимая во вниманіе обстоятельства поставившія ихъ въ нынѣшнее ихъ положеніе, нельзя не признать справедливымъ ихъ желаніе чтобъ имъ при ихъ слѣдованіи на Амуръ не было отказано по крайней мѣрѣ въ тѣхъ казенныхъ средствахъ передвиженія которыя предоставляются пересылаемымъ въ Сибирь осужденнымъ преступникамъ, конечно безъ наложенія на нихъ цѣпей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно приходитъ на мысль вопросъ, какая можетъ быть у насъ надобность переселять людей непремѣнно въ такой далекій край какъ Амурская область? Развѣ ближайшія мѣстности Сибири и Кавказа, развѣ обширныя степи самой Европейской Россіи уже въ такой мѣрѣ заселены что намъ остается помышлять только о колонизаціи Амура, добраться до котораго отъ насъ несравненно труднѣе чѣмъ англійскимъ и ирландскимъ эмигрантамъ добраться до Австраліи. Слабая сторона нашего хозяйственнаго быта заключается въ малонаселенности страны, въ обиліи громадныхъ пустырей ожидающихъ рукъ для обработки. Пока не заселены эти пустыри, кажется, рано бы думать о высылкѣ колоній Богъ вѣсть въ какія далекія страны. Всему свое время и своя очередь. Дѣло переселеній требуетъ организаціи и заботливости не только о судьбахъ переселенцевъ, но и о выборѣ мѣстностей куда переселенія должны быть направляемы. Направленіе ихъ первоначально въ ближайшія мѣстности требуется уже простымъ соображеніемъ экономіи въ размѣрѣ необходимыхъ казенныхъ пособій. На тѣ средства которыя нужны чтобы препроводить на Амуръ двѣ ожидающія отправки туда партій переселенцевъ можно водворить не двѣ, а нѣсколько гораздо бо́льшихъ партій въ мѣстахъ гдѣ поселеніе ихъ было бы гораздо выгоднѣе и для нихъ самихъ, и для всего государства.

№ 163.

Москва, 13-го Іюня.

А.

Болгарскій кризисъ продолжаетъ усиленно занимать европейскую печать отчасти за неимѣніемъ болѣе жгучаго „интереса дня“ чтобы наполнить газетные столбцы. Нельзя не пожалѣть что Гладстоновскій кабинетъ принялъ относительно Болгарскихъ дѣлъ двусмысленное положеніе. Возможно ли допустить чтобъ англійскій премьеръ считалъ Болгарскую конституцію чѣмъ-либо болѣе серіознымъ нежели пресловутый турецкій парламентъ, созданный по проискамъ лорда Биконсфильда, его клевретомъ Мидхатъ-пашой, надъ чѣмъ тотъ же г. Гладстонъ въ то время такъ издѣвался? Теперь г. Гладстонъ считаетъ возможнымъ вступить въ переписку съ г. Цанковымъ, и хотя не далъ согласія на обнародованіе своего письма, но подтвердилъ публично что писалъ ему и что въ своемъ письмѣ выразилъ готовность Англіи „заступиться и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, за порядокъ, законность и свободу.“ Всякому конечно понятно что дѣло не въ этихъ фразахъ, ничего опредѣленнаго не выражающихъ, а въ томъ что гла-

ва Британскаго правительства счелъ возможнымъ и приличнымъ вступить въ прямыя сношенія съ человѣкомъ объявившимъ себя открыто противникомъ законнаго главы государства и это въ то самое время когда Русское правительство сочло нужнымъ публично заявить о своей солидарности съ мѣрами принятыми Болгарскимъ княземъ. Такова одна изъ чертъ существующаго понынѣ „европейскаго концерта." Россія также желаетъ чтобы водворены были въ странѣ порядокъ, законность и свобода, коимъ грозила серіозная опасность со стороны клики людей забывшихъ что они Болгары и помнящихъ только что они либералы самоновѣйшей пробы.

Г. Гладстонъ, если вѣрить частнымъ телеграммамъ изъ Лондона, намѣренъ обратиться къ державамъ съ циркулярною нотой по поводу послѣднихъ событій въ Болгаріи. О тонѣ этого циркуляра можно судить по тому какъ относится къ событіямъ въ Болгаріи ближайшій органъ британскаго премьера, *Daily News*. „То что Болгарская конституція," замѣчаетъ названная газета, „не нравится князю Александру еще недостаточно для того чтобъ измѣнить мнѣніе о ней Европы. Для этого нуженъ болѣе продолжительный опытъ нежели два года, причемъ еще надлежитъ доказать насколько самъ князь Александръ обладаетъ нужными способностями" и т. д. въ томъ же духѣ причемъ англійская газета повторяетъ намѣренно-лживое сравненіе князя Александра съ Лудовикомъ-Наполеономъ.

И вотъ насъ хотятъ увѣрить будто Англія желаетъ чтобы Болгарскій кризисъ разрѣшился мирно! Но что̀ же какъ не эти открытыя подстрекательства болгарскихъ агитаторовъ могутъ воспрепятствовать мирному разрѣшенію вопроса по которому долженъ на дняхъ высказаться самъ Болгарскій народъ и который, согласно самой теоріи либерализма, можетъ и долженъ быть разрѣшенъ ни кѣмъ инымъ какъ тѣмъ же народомъ? Князь Александръ прямо заявилъ что если народъ выскажется противъ поставленныхъ имъ требованій, то онъ отречется отъ престола. Возможно ли, въ виду этого, честно утверждать будто онъ затѣялъ нѣчто въ родѣ *coup d'état* 2 декабря 1851 года?

Болгарскій народъ продолжаетъ между тѣмъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ высказывать свое сочувствіе князю Александру. *Агентству Рейтера*, коего ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ сочувствіи теперешнему Болгарскому правительству, телеграфируютъ изъ Софіи, отъ 14 (2) іюня, что князь Александръ, предпринявшій въ тотъ день объѣздъ страны, прибылъ во Врацу, гдѣ народъ въ числѣ не менѣе двадцати тысячъ человѣкъ устроилъ ему самую восторженную встрѣчу; тутъ же встрѣтили его депутаціи изъ другихъ городовъ, а также отъ національной милиціи, заявившія ему что условія предложенныя княземъ въ его прокламаціи 8 мая встрѣтили единодушное сочувствіе Болгарскаго народа. Выборъ въ Великое Народное Собраніе, какъ сообщаютъ тому же *Агентству*, окончательно назначенъ на 26 (14) іюня и на 3 іюля (21 іюня); самое же собраніе будетъ открыто въ Систовѣ 13 (1) іюля.

Весьма скоро, такимъ образомъ, должно разрѣшиться на чьей сторонѣ большее сочувствіе Болгарскаго народа: законнаго ли представителя верховной власти, дарованнаго Болгаріи священною для нея волей Царя-Освободителя, или тѣхъ самозванныхъ „вожаковъ," кои имѣютъ безстыдство ссылаться на свои измѣнническія сношенія съ англійскимъ радикаломъ Лабушеромъ, который въ своемъ отвѣтѣ на ихъ благодарственный адресъ какъ новый пророкъ Самуилъ увѣщеваетъ Болгаръ „по изгнаніи князя Александра не избирать болѣе главъ государства со властью монарха, а довольствоваться республиканскимъ президентомъ который будетъ стоить дешевле и станетъ лучше исполнять *волю народа*."

Судя по офиціознымъ заявленіямъ берлинскихъ газетъ, подтверждаемымъ и вѣнскими правительственными органами, тѣ державы коимъ принадлежитъ рѣшающій голосъ отнюдь не склонны допустить чтобы теперешнее болгарское затрудненіе разыгралось до степени европейскаго вопроса и искренно желаютъ чтобы власть осталась въ рукахъ князя Александра. Россія также не имѣетъ де желанія идти далѣе дипломатическаго вмѣшательства.

Если это такъ, то трудно сомнѣваться въ благопріятномъ для князя Александра исходѣ, несмотря на двусмысленный образъ дѣйствій кабинета Гладстона, ибо едва ли князь Бисмаркъ станетъ возражать противъ нарушенія принциповъ парламентаризма въ Болгаріи, принциповъ

столь открыто имъ отвергаемыхъ въ самой Германіи.

Б.

Только теперь когда закрылись двери рейхстага въ Берлинѣ начинаетъ выясняться смыслъ той борьбы которую вела оппозиція съ имперскимъ правительствомъ.

Оппозиція съ гордостью и не безъ ѣдкой ироніи назвала только-что закрывшуюся сессію „сессіей отклоненныхъ законопроектовъ.“ Либеральная печать тщательно исчисляетъ что̀ прошло, что̀ „провалилось.“ „Выходитъ, отвѣчаетъ на это органъ князя Бисмарка, довольно длинный списокъ; жаль только что онъ не совсѣмъ такъ составленъ какъ бы слѣдовало. Надобно сравнить отклоненные и принятые законопроекты по ихъ важности. При такомъ сравненіи и окажется что палата отвергла именно всѣ тѣ проекты, кои могли бы составить эпоху въ ея исторіи,“ а это имѣетъ де большое значеніе и ведетъ какъ разъ къ результату противоположному съ тѣмъ коего желала достигнуть оппозиція. „Правда, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ офиціозная газета, для оппозиціи постоянно разчитывающей на водвореніе въ Германіи такъ-называемаго настоящаго парламентаризма въ высшей степени выгодно, *пока власть не въ ея рукахъ*, не пропускать ни одного важнаго законодательнаго акта, потому что при такихъ условіяхъ *вождь оппозиціи* получаетъ наибольшее число шансовъ стать *вождемъ правительства*; но только не въ данномъ случаѣ... Охотно соглашаясь что минувшую сессію можно назвать сессіей отклоненныхъ законопроектовъ, мы не согласны назвать ее сессіей потеряннаго труда.“

Офиціозная газета въ данномъ случаѣ только варіируетъ то что замѣтилъ князь Бисмаркъ касательно будущихъ выборовъ, говоря о пріемѣ сдѣланномъ парламентомъ законопроекту о страхованіи рабочихъ: „для правительства безразлично приметъ ли палата этотъ законопроектъ или не приметъ; правительство высказалось, и плоды этого увидятъ на выборахъ; въ будущую сессію, при новомъ составѣ палаты, законопроектъ почти несомнѣнно будетъ принятъ.“ Съ другой стороны, именно эти разчеты на предстоящіе выборы заставили правительство показать небывалую до сихъ поръ уступчивость, готовность идти на сдѣлку. При третьемъ чтеніи законопроекта о страхованіи рабочихъ правительственный коммиссаръ Беттихеръ прямо заявилъ что князь Бисмаркъ не настаиваетъ даже на самомъ существенномъ параграфѣ закона, что онъ готовъ отказаться отъ взноса третьей части страховой преміи изъ государственныхъ средствъ, лишь бы палата не заставляла платить эту треть самихъ рабочихъ. И оппозиція сдѣлала здѣсь роковую ошибку отвергнувъ этотъ компромиссъ.

Такимъ образомъ вмѣсто того чтобъ убѣдить правительство въ своей силѣ оппозиція убѣдила его въ своей слабости, давъ основательное право предполагать вѣроятную неудачу на выборахъ либеральныхъ депутатовъ, многіе изъ коихъ уже теперь заранѣе отказываются явиться кандидатами предъ избирателями.

Срокъ полномочій теперешнихъ депутатовъ оканчивается 31 іюля; выборы должны бы происходить, слѣдовательно, въ августѣ. Но правительство, ссылаясь на букву закона, находитъ возможнымъ отложить выборы до глубокой осени, до октября мѣсяца, „а можетъ быть и до конца года,“ такъ какъ парламентъ де не нуженъ вовсе до тѣхъ поръ пока не требуется утвержденіе новаго бюджета; бюджетный же годъ начинается съ марта. Чѣмъ дольше населеніе будетъ имѣть возможность обсудить ходъ дѣла въ истекшую сессію и тѣ требованія съ которыми правительство намѣрено выступить въ будущую, тѣмъ благопріятнѣе будутъ результаты выборовъ. Этого мало. При выборахъ назначаемыхъ въ рабочую пору едва ли можно де надѣяться чтобъ избиратели серіозно вникли въ дѣло отъ котораго однако зависитъ весь ходъ законодательства въ теченіе цѣлаго трехлѣтняго періода.

Между тѣмъ князь Бисмаркъ имѣетъ въ виду довести до конца переговоры съ Бременомъ о присоединеніи его къ Таможенному Союзу и развить полнѣе ту программу, первымъ словомъ которой былъ законъ о страхованіи фабричныхъ рабочихъ. Князь Бисмаркъ не даромъ говорилъ что онъ думаетъ распространить выгоды обязательнаго страхованія и на сельскій людъ.

№ 165.

Москва, 15-го Іюня.

Столкновеніе между Французами и Италіянцами въ Марсели, которое не обошлось безъ убитыхъ и раненыхъ, заслуживаетъ вниманія какъ зловѣщій симптомъ взаимнаго раздраженія между двумя сосѣдями и родственными націями. Послышались раскаты грозы быть-можетъ отдаленной, но неизбѣжной. Не такое теперь время чтобы взаимное недовольство могло немедленно прорваться: Франція и Италія равно къ тому не приготовлены, и дѣло, безъ сомнѣнія, будетъ замято. Но марсельское событіе было лишь послѣдствіемъ уже существующаго раздраженія, и дипломатія можетъ только замять его, но не уничтожить его причины.

Италіянская колонія въ Марсели очень значительна; тамъ насчитываютъ до 60.000 Италіянцевъ. Они занимаютъ весьма видное мѣсто въ торговлѣ этого важнѣйшаго порта Средиземнаго Моря, и пребываніе во Франціи не умаляетъ ихъ италіянскаго патріотизма. Французскій походъ на Тунисъ и успѣхъ какимъ увѣнчалось это предпріятіе не могли не переполнить горечью италіянскія сердца, и это чувство прорвалось невольно когда возвратившіяся изъ Туниса войска высадились въ Марсели. Италіянцы до сихъ поръ считаютъ себя наиболѣе призванными къ преобладанію на Средиземномъ Морѣ; кромѣ блестящаго въ этомъ отношеніи историческаго прошлаго, они сознаютъ себя и лучшими моряками и болѣе предпріимчивыми торговцами нежели Французы, не говоря уже о томъ пренебреженіи которое Италіянецъ вообще питаетъ къ „легкомысленному" Французу. Что касается въ особенности Туниса, то Италіянцы не могутъ не чувствовать въ успѣхѣ Франціи тяжкаго удара своему самолюбію и своимъ разчетамъ. Уже не одно столѣтіе Италіянцы имѣютъ въ рукахъ своихъ почти всю торговлю этой страны. На Тунисъ они всегда смотрѣли какъ на свое законное наслѣдіе. И вотъ являются Французы, и въ одинъ почти день, безо всякаго кровопролитія, завладѣваютъ тѣмъ что̀ Италія считала давнымъ-давно закрѣпленнымъ за нею. Чѣмъ легче удалось французское предпріятіе, тѣмъ съ большею горечью Италіянцы должны были признать какъ жалко и безсильно ихъ собственное правительство, не сумѣвшее воспрепятствовать захвату. Это правительство, установившееся у нихъ послѣ объединенія страны по самому усовершенствованному парламентскому шаблону, способно лишь на то чтобъ истощать лучшія силы страны въ безплодной борьбѣ за власть и въ періодической смѣнѣ кабинетовъ. Республиканская, почти анархическая Франція, все-таки еще находится въ лучшихъ условіяхъ нежели монархическая Италія, гдѣ парламентаризмъ низвелъ верховную власть до нуля. Несмотря на всѣ перевороты, Франція сохранила пока свою твердо налаженную правительственную машину; крѣпко объединенная и централизованная государственная власть даетъ отъ себя силу и тѣмъ слабымъ рукамъ которыя заправляютъ машиной, тогда какъ въ Италіи самое объединеніе совершилось пока лишь внѣшнимъ образомъ, и требуется еще много усилій чтобы создать крѣпкую и единымъ духомъ проникнутую власть, а между тѣмъ парламентаризмъ только дробитъ ее и обезсиливаетъ въ борьбѣ смѣняющихъ одна другую партій, то враждебныхъ между собой, то соединяющихся въ „консортеріи."

Къ этому присоединяется еще давнишнее раздраженіе существующее въ Италіи со времени войны за освобожденіе Италіи. Французы съ самаго 1859 года привыкли смотрѣть на Италію нѣсколько свысока, считая ее „навѣки обязанною" Франціи за „великодушную и безкорыстную войну," которую Франція предприняла для ея освобожденія. Но не говоря уже о томъ что Франція удѣлила себѣ добрую мзду захвативъ Савойю и Ниццу, ничто такъ не портитъ отношеній между двумя независимыми народами какъ эти „узы благодарности." Италіянцы не забыли какъ, подъ предлогомъ все тѣхъ же узъ благодарности, Франція была много лѣтъ главною помѣхой ея дѣйствительному объединенію, принявъ подъ свое покровительство свѣтскую власть папы, которая пала лишь въ тотъ моментъ когда Франція, обезсиленная внѣшнимъ погромомъ, принуждена была выпустить изъ рукъ римскую добычу.

Не Франціи, а Германіи Италія обязана своимъ дѣйствительнымъ объединеніемъ. Германія предприняла свои войны 1866 и 1870 годовъ не изъ великодушныхъ побужденій и не для чужихъ, а для своихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе первая война

доставила Италіи Венецію, а вторая — Римъ. Это должно было, казалось бы, послужить урокомъ не только для Италіи, но и для Франціи, убѣдивъ ее что въ международныхъ отношеніяхъ играютъ роль не чувства, а вѣрно-понятые взаимные интересы. На этихъ взаимныхъ интересахъ могло и послѣ 1870 года быть построено прочное единеніе между обоими родственными народами. Единеніе это, какъ казалось, должно было установиться какъ естественное послѣдствіе закрѣпленнаго въ 1879 году австро-германскаго союза, ибо если Германія есть исконный врагъ Франціи, то Австрія является историческимъ и природнымъ недругомъ Италіи. Италія до сихъ поръ не окончила всѣхъ своихъ счетовъ съ послѣднею, продолжающею владѣть значительною частью территоріи населенной Италіянцами и, сверхъ того, оспариваетъ у нея владычество надъ Адріатическимъ моремъ, которое Италіянцы считаютъ своимъ внутреннимъ моремъ. Но ни въ Италіи, ни во Франціи не нашлось государственнаго человѣка который съ полною трезвостью проникся бы этими, самою природою вещей данными, элементами для взаимнаго сближенія и совокупнаго дѣйствія. Не послужило для нихъ примѣромъ и тѣсное сближеніе между ихъ обоюдными соперниками, установившееся несмотря на жгучія воспоминанія недавней вражды и перенесенныхъ униженій и обидъ. Франція попрежнему смотрѣла на Италію какъ на „младшаго брата" обязаннаго ей своимъ политическимъ возрожденіемъ, а Италія, въ свою очередь, не умѣла помириться съ французскою кичливостью и найти реальную почву для совмѣстнаго дѣйствія, хотя почва эта должна была представиться обѣимъ въ то время когда Восточный вопросъ находился въ періодѣ своего послѣдняго разрѣшенія. Италія безплодно волновалась по поводу весьма существенныхъ успѣховъ *своей* соперницы на Балканскомъ полуостровѣ, а Франція съ изысканною любезностью, за которую ей охотно заплатили взаимностью, поддерживала Германію на Берлинскомъ конгрессѣ и помогла послѣдней занять въ европейскомъ ареопагѣ руководительное мѣсто. Такимъ образомъ, вмѣсто группировки силъ по законамъ естественнаго тяготѣнія, дѣло разрѣшено и продолжаетъ разрѣшаться въ подробностяхъ подъ прикрытіемъ европейскаго „концерта," который есть не что иное какъ сумма, или равнодѣйствующая всѣхъ взаимно другъ друга парализующихъ недовѣрій и соперничествъ.

На тунисское предпріятіе Франціи, которое есть лишь одинъ изъ эпизодовъ Восточнаго вопроса, нельзя смотрѣть иначе какъ на проявленіе все той же игры разчитанной на то чтобы держать врозь взаимно-тяготѣющія силы. Французы очень довольны „блестящимъ" успѣхомъ своего военнаго похода, при которомъ не пролито ни одной капли крови. Но событія въ Марсели должны бы послужить для нихъ указаніемъ что у медали есть и оборотная сторона.

№ 166.

Москва, 16-го Іюня.

Послушайте что пишетъ одна изъ петербургскихъ газетокъ:

„Заканчивающійся нынѣ учебный годъ для заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія весьма существенно отличается отъ предшествовавшихъ 16 лѣтъ. За весь означенный промежутокъ времени это первый учебный годъ, въ которомъ учебное вѣдомство, наконецъ, пришло къ сознанію необходимости лѣтняго отдыха какъ для учащихъ, такъ и для учащихся. *Экзамены въ нынѣшнемъ году болѣе оправдывали свое названіе* и уже не носили прежняго характера кары для учащихся и ихъ родителей. Въ гимназіяхъ экзаменовалось на аттестатъ зрѣлости по 30—40 и болѣе человѣкъ. Изъ разныхъ мѣстностей Россіи сообщалось что всѣ экзаменовавшіеся на аттестатъ зрѣлости удостоивались полученія аттестата. Были, впрочемъ, и исключенія, но сравнительно незначительныя. Разумѣется, и эта небольшая перемѣна въ педагогической системѣ — очень важный *шагъ впередъ* въ дѣлѣ согласованія школы съ жизнью."

Итакъ „шагъ впередъ" заключается въ томъ что наши гимназисты въ истекшемъ году учились меньше чѣмъ въ предыдущихъ годахъ и въ особенности въ томъ что почти всѣ восьмиклассники получили аттестаты зрѣлости. Дальнѣйшіе „шаги впередъ" по этому „либеральному" пути должны очевидно еще болѣе сокращать учебное время и превратить испытанія зрѣлости въ пустую канцелярскую формальность.

„Экзамены въ нынѣшнемъ году болѣе оправдывали свое названіе!“ Какая злая иронія звучитъ въ этихъ словахъ! Да знаете ли вы какіе въ нынѣшнемъ году были экзамены? Если не знаете, то спросите кончившихъ въ маѣ мѣсяцѣ гимназистовъ, и вы услышите отъ нихъ что темы для письменныхъ испытаній зрѣлости были доведены въ настоящемъ году до такой легкости которая впору была для шестиклассниковъ, даже для пятиклассниковъ а не для студентовъ. Письменные экзамены въ настоящемъ году потеряли всякое значеніе и превратились въ пустую комедію. И наставники, и ученики знали что можно было надѣлать въ письменныхъ работахъ сколько угодно ошибокъ и все-таки быть допущеннымъ къ устному испытанію, на которомъ, вслѣдствіе предписаннаго „либеральными вѣяніями“ послабленія, всегда можно было получить если не хорошую то во всякомъ случаѣ достаточную отмѣтку. Удивительно ли послѣ этого что почти всѣ восьмиклассники, и прилежные и лѣнивые, способные и тупицы, съ величайшею легкостью получили аттестаты зрѣлости Можно только удивляться почему ихъ получили не *положительно* всѣ, а только „*почти* всѣ.“ Спросите гимназическихъ учителей и они вамъ скажутъ что въ настоящемъ году всѣ семиклассники и шестиклассники могли бы выдержать испытаніе зрѣлости. Отчего же этого не догадались сдѣлать? То-то была бы радость въ рядахъ „либераловъ.“ Понизьте еще болѣе испытанія зрѣлости и ихъ будутъ выдерживать и третьеклассники. Чтоже это „шагъ впередъ“ или „шагъ назадъ?“

Для государства важно чтобы въ университеты поступали лишь молодые люди *способные* и привыкшіе къ правильному и серіозному умственному дѣлу. Лишь такимъ людямъ мы можемъ по выходѣ ихъ изъ университета повѣрять руководство нашими общественными и частными интересами. Слово „студентъ“ должно быть для насъ синонимомъ молодаго человѣка способнаго къ умственному труду. Что касается неспособныхъ или не желающихъ осилить высшее образованіе, то имъ нужно обратиться къ другимъ, болѣе имъ посильнымъ занятіямъ. Страна наша, какъ и всякая другая, нуждается въ несравненно большемъ числѣ хорошихъ дѣятелей среднихъ профессій чѣмъ дѣятелей высшаго научнаго образованія. Еслибы нашлась такая гимназія въ которой *всѣ* ученики поступившіе въ первый классъ прошли бы безъ остановокъ, наравнѣ, и окончили вмѣстѣ восьмиклассный курсъ, то это было бы или невѣроятнымъ чудомъ, или яснымъ признакомъ плохаго состоянія гимназіи, хотя, конечно, наши „либералы“ превознесли бы ее до небесъ. Вѣдь для нихъ важно не то чтобы въ университеты поступали хорошіе студенты, имъ надо чтобы студентами дѣлались *всѣ безъ разбора*. Для того чтобы достигнуть такого результата не нужно обладать ни глубокими педагогическими, ни высокими административными познаніями. Стóитъ только понизить уровень выпускнаго экзамена, а это можно сдѣлать однимъ только почеркомъ пера.

Впрочемъ, если въ настоящемъ году этотъ уровень дѣйствительно былъ искусственно пониженъ, то это произошло, мы увѣрены, по довольно понятной и естественной причинѣ. Истекшій учебный годъ начался при исключительныхъ педагогическихъ условіяхъ. Г. управлявшій Министерствомъ призывалъ осенью гимназическихъ учителей къ усиленной дѣятельности, но къ сожалѣнію *внѣклассной*, прожектерской. Весь гимназическій уставъ зашатался при оглушительномъ ликованіи „либеральной прессы“ и многіе наставники, потерявъ подъ ногами твердую почву, начали строить воздушные зáмки, каждый по собственному личному вкусу, и смотрѣть на свои обязанности какъ на совершенно ненужное бремя, какъ на устарѣлую формалистику, отживающую послѣдніе мѣсяцы, а можетъ-быть и недѣли. Собирались совѣты, сходки, составлялись коммиссіи и комитеты, исписывались вороха бумаги различными фантастическими планами и уставами, и каждый мечтатель считалъ себя въ правѣ производить уже теперь опыты надъ своими учениками, не сомнѣваясь въ томъ что министръ введетъ всякую предложенную ему реформу. „Пресса“ трубила съ торжествующимъ азартомъ что наступила новая эра гуманности и послабленія, что теперь никого уже изъ гимназій исключить нельзя и что отнынѣ экзаменовъ бояться нечего, и этому вѣрили и наставники, и отцы, и ученики. И какъ было этому не вѣрить? Въ газетахъ печатались „рѣчи министра“ показывавшія что дѣйствительно всего можно было ожидать. Такъ какъ подлинность этихъ рѣчей не опровергалась,

то всѣ и пришли къ тому убѣжденію что не стоитъ учиться по „старому уставу,“ ибо не сегодня-завтра выйдетъ новый. Такъ и не учились. А новаго устава между тѣмъ не вышло.

Странно было бы винить въ этомъ неученіи учениковъ и заставить ихъ платиться за промахи администраціи. Новый министръ подписалъ, очевидно въ видѣ *временной* мѣры, искусственное пониженіе требованій на выпускныхъ экзаменахъ. Будемъ надѣяться что слѣдующій учебный годъ на истекшій походить не будетъ. Уже слишкомъ много тяжелаго даже непоправимаго зла принесъ этотъ несчастный 1880—81 годъ. Допустить повтореніе его было бы преступленіемъ предъ отечествомъ. А если новый академическій годъ будетъ нормальнымъ годомъ, то и испытанія зрѣлости непремѣнно должны быть нормальными. Письменныя работы должны снова получить утраченное ими въ этомъ году значеніе, такъ какъ въ противномъ случаѣ на половину и даже болѣе понизятся успѣхи не только въ восьмомъ классѣ, но и во всѣхъ прочихъ классахъ гимназій. Устные экзамены никогда не могутъ быть серіознымъ мѣриломъ дѣйствительнаго *знанія* учениковъ. Основывать на нихъ выдачу аттестатовъ зрѣлости можно было въ настоящемъ году для того только чтобы *замаскировать* жалкіе результаты истекшаго жалкаго года. Но подобные *ложные* экзамены не могутъ конечно быть нормальными.

№ 167.

Москва, 17-го іюня.

Въ такой странѣ какъ Россія, гдѣ ходъ почти всего народнаго хозяйства, во всѣхъ его отрасляхъ, зависитъ отъ положенія въ какомъ находится земледѣліе, отъ его успѣховъ и невзгодъ, отсутствіе всякихъ сколько-нибудь соотвѣтствующихъ дѣйствительности свѣдѣній обо всемъ относящемся къ сельскому хозяйству постоянно было разительною, бросающеюся въ глаза аномаліей. Пульсъ всей торговой и промышленной дѣятельности у насъ бьется всегда соотвѣтственно большей или меньшей степени урожая; отъ него же прямо или косвенно зависитъ равновѣсіе въ нашемъ государственномъ бюджетѣ. Но ни публика, ни само правительство не имѣли до сихъ поръ почти никакой возможности слѣдить за фактами имѣющими столь важное значеніе. Правда, постоянно собирались и затѣмъ публиковались официальныя свѣдѣнія, лѣтомъ—о видахъ на урожай, осенью—о результатахъ жатвы, но самый способъ какимъ эти свѣдѣнія собирались, самая форма въ какой они обнародовались, лишали ихъ всякаго значенія. Всѣ знали что между этими свѣдѣніями, скорѣе сочиненными чѣмъ собранными, и дѣйствительностью не было почти ничего общаго, а сухія казенныя фразы въ которыя эти свѣдѣнія облекались обезцвѣчивали ихъ до того что иногда читателю трудно было рѣшить грозитъ ли такой-то мѣстности голодъ, или наоборотъ она можетъ служить житницей для другихъ мѣстностей. Общей мало-мальски вѣрной картины видовъ на урожай въ Россіи никогда нельзя было составить. Частныя же свѣдѣнія объ урожаѣ и обстоятельствахъ на него вліяющихъ, появлявшіяся въ разныхъ газетахъ, по своей отрывочности и случайности вели большею частію не къ уясненію, а къ затмѣнію вопроса, давая общее значеніе фактамъ которые его не имѣютъ и фальшиво окрашивая положеніе дѣлъ въ цвѣтъ нисколько не соотвѣтствующій дѣйствительности. Такое постоянное невѣдѣніе условій въ какихъ находится земледѣліе, выразилось особенно ярко и особенно невыгодно въ минувшемъ году, въ разгаръ искусственной дороговизны хлѣба и всей произведенной ею тревоги. Эта тревога, оказавшаяся въ послѣдствіи частію крайне преувеличенною, частію совершенно напрасною, вынудила наконецъ обратить на дѣло серіозное вниманіе. Рѣшено было не довольствоваться впредь свѣдѣніями о сельскомъ хозяйствѣ какія могутъ быть сочиняемы чиновниками канцелярій, а получать ихъ прямымъ путемъ отъ людей для которыхъ земледѣліе не чужое и постороннее, а близкое и свое дѣло. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго года, Департаментъ Земледѣлія и Сельской Промышленности обратился къ сельскимъ хозяевамъ съ просьбой о періодическомъ доставленіи свѣдѣній о состояніи полевой растительности и скотоводства, о цѣнахъ на рабочія руки и т. д. 26 февраля была напечатана въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* самая программа вопросовъ, на которые ожидались от-

вѣты отъ сельскихъ хозяевъ. За отвѣтами дѣло не стало. Къ 1 іюня, Департаментъ Земледѣлія и Сельской Промышленности считалъ своихъ корреспондентовъ въ средѣ сельскихъ хозяевъ уже многими сотнями, и число ихъ не перестаетъ рости. Наконецъ, съ 10 іюня, впервые началось печатаніе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* касающихся сельскаго хозяйства свѣдѣній за весенній періодъ, на основаніи корреспонденцій полученныхъ отъ сельскихъ хозяевъ.

Нельзя не привѣтствовать какъ отрадный фактъ уже одно появленіе въ печати подобныхъ свѣдѣній, имѣющихъ пролить свѣтъ на самыя важныя отрасли народнаго хозяйства. Достаточно прочесть то что уже напечатано чтобы видѣть въ какой мѣрѣ получаемыя новымъ путемъ свѣдѣнія отличаются отъ мертвыхъ формулъ какими у насъ довольствовались въ прежніе годы. Вмѣсто туманныхъ фантастическихъ картинъ, читатель имѣетъ предъ собою отчеты о дѣйствительномъ положеніи дѣла, отчеты обнимающіе собою всѣ главныя стороны сельскаго хозяйства и отличающіеся положительнымъ интересомъ.

Интересныя при всякихъ обстоятельствахъ, свѣдѣнія о видахъ на урожай имѣютъ въ настоящее время особое значеніе именно вслѣдствіе прошлогодней тревоги, заставившей внимательно относиться къ результатамъ земледѣльческой промышленности даже тѣхъ кто прежде считали ее совершенно чуждымъ для себя дѣломъ. Минувшій годъ хотя и не былъ такимъ бѣдственнымъ какимъ его выставляли, былъ во всякомъ случаѣ годомъ неблагопріятнымъ для земледѣлія. Во многихъ мѣстностяхъ урожай былъ недостаточенъ, нѣсколько губерній были постигнуты неурожаемъ; хлѣбный жучокъ, гессенская муха и иныя насѣкомыя во многихъ мѣстностяхъ причинили земледѣлію, хотя и не такой вредъ какъ кричали въ газетахъ, но во всякомъ случаѣ чувствительный. Чего можно ждать въ текущемъ году? Не повторится ли то же что было въ прошломъ? Эти вопросы интересуютъ не однихъ земледѣльцевъ. Опубликованныя нынѣ свѣдѣнія показываютъ что виды на урожай носятъ въ текущемъ году совершенно иной чѣмъ въ прошломъ году характеръ. Серіозныхъ жалобъ на появленіе вредныхъ насѣкомыхъ нѣтъ пока ниоткуда. Метеорологическія условія не вездѣ оказались одинаково благопріятными земледѣлію. Во многихъ западныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ имѣются поводы сѣтовать на весеннюю погоду вредно отозвавшуюся на посѣвахъ. Но неблагопріятныя предзнаменованія во многихъ мѣстностяхъ могутъ еще измѣниться, и нѣкоторые корреспонденты изъ этихъ губерній оканчиваютъ свои отчеты о вредномъ вліяніи погоды на ростъ хлѣбовъ успокоительнымъ замѣчаніемъ что „выпавшіе въ концѣ мая дожди значительно оживили всѣ посѣвы." Говоря вообще, въ сѣтованіяхъ на погоду идущихъ изъ западныхъ и сѣверныхъ губерній пока еще не видно повода тревожиться за результаты будущаго урожая, хотя онъ тутъ и не обѣщаетъ быть блестящимъ. Совсѣмъ иную картину рисуютъ свѣдѣнія идущія изъ тѣхъ полосъ Россіи которыя играютъ наиважнѣйшую роль въ производствѣ хлѣба. Во всей обширной центральной полосѣ Россіи, по всей ея южной окраинѣ, положеніе посѣвовъ оказывается такимъ что ему можно только радоваться. Даже трудно рѣшить въ какихъ изъ черноземныхъ и степныхъ губерній виды на урожай оказываются лучшими, и какіе, озимые или яровые, хлѣба обѣщаютъ болѣе обильную жатву. Почти равно утѣшительныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія получены изо всѣхъ губерній обширнаго района простирающагося отъ Оки до Чернаго Моря, отъ Карпатскихъ горъ до Волги. Въ иныхъ же мѣстностяхъ сельскіе хозяева ожидаютъ урожая какого не было уже около двадцати лѣтъ. Свѣдѣнія изъ приволжскихъ губерній пострадавшихъ отъ ряда неурожаевъ прежнихъ лѣтъ также вообще благопріятны, и если нельзя ожидать чтобы населеніе ихъ вполнѣ оправилось, то виною тому будетъ сокращеніе посѣвовъ вслѣдствіе пережитой невзгоды.

Публикуемые нынѣ своды корреспонденцій получаемыхъ правительствомъ отъ сельскихъ хозяевъ должны, между прочимъ, сильно поколебать установившееся у насъ мнѣніе о совершенной косности въ которой будто бы пребываетъ наше земледѣліе. Заявляются факты указывающіе на то какъ сельскіе хозяева, не только изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, но и изъ крестьянъ, шагъ за шагомъ измѣняютъ пріемы своего хозяйства, подлаживаясь къ существующимъ условіямъ земледѣлія и требованіямъ рынка. Вредное увлеченіе посѣвами преимущественно яровой пшеницы,

посѣвами особенно рискованными, начинаетъ проходить. Въ разныхъ мѣстностяхъ, не только во владѣльческихъ, но и въ крестьянскихъ хозяйствахъ, замѣчается усиленіе озимыхъ посѣвовъ на счетъ преобладавшихъ прежде яровыхъ, затѣмъ переходъ, въ ряду яровыхъ, растеній, къ тѣмъ которыя менѣе могутъ страдать отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Сообразно требованіямъ рынка, почти повсемѣстно увеличивается разведеніе картофеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ сильно распространяются посѣвы кукурузы, которая не даромъ давно заняла первое мѣсто между всѣми хлѣбными растеніями въ соревнующей намъ по производству хлѣба Америкѣ. Увеличиваются посѣвы не только зерновой, но и кормовой кукурузы. Вообще культура кормовыхъ растеній начинаетъ понемногу играть все бо́льшую роль въ нашемъ земледѣліи, и не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ. Крестьяне оказываются въ такой мѣрѣ чужды мнимаго нерасположенія къ полезнымъ въ хозяйствѣ нововведеніямъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣютъ растенія не имѣющія въ русскомъ языкѣ слова для своего наименованія, напримѣръ „аллеманцію.“ Рядъ подобныхъ фактовъ представляетъ особенный интересъ, указывая на происходящее въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ движеніе къ лучшему. Эти факты заслуживаютъ полнаго вниманія и изученія, и мы не замедлимъ къ нимъ возвратиться.

№ 168.

Москва, 18-го Іюня.

Драгоцѣнная русская кровь лилась въ послѣднюю войну не для какихъ-нибудь болгарскихъ „либераловъ“ и „консерваторовъ,“ а для блага изнемогавшаго подъ турецкимъ игомъ Болгарскаго народа.

Мы надѣемся что князь Александръ выйдетъ побѣдителемъ въ борьбѣ противъ агитаторовъ, такъ какъ народъ Болгарскій видитъ въ немъ дарованнаго Россіей защитника его національной свободы, который опираясь на эту могущественную Россію никогда не допуститъ чтобы славянская Болгарія сдѣлалась добычею враждебныхъ ей силъ. Оправдать это довѣріе своего народа, главная задача князя Александра; на этомъ довѣріи основана вся его популярность среди Болгарскаго народа. Чтобы сохранить себѣ преданность и любовь своихъ подданныхъ князь Болгарскій долженъ стать въ душѣ истымъ Болгариномъ и Славяниномъ, и руководиться единственно пользою ввѣренной ему страны.

Князь Александръ понимаетъ истинное значеніе своей высокой задачи, и мы не стали бы касаться этого предмета еслибы насъ въ послѣднее время не смущалъ тонъ офиціозной австрійской печати, которая, конечно, также является защитницею князя Александра и въ первый разъ сочувствуетъ повидимому Россіи въ чисто славянскомъ вопросѣ.

Австрійскія газеты, какъ оказывается, объясняютъ себѣ борьбу въ Болгаріи съ особой точки зрѣнія: онѣ надѣются пріобрѣсти въ князѣ Александрѣ человѣка вполнѣ преданнаго Австро-Венгріи. Озлобленные на бывшаго болгарскаго министра Цанкова за то что онъ не разъ высказывалъ себя открытымъ противникомъ восточной политики Австро-Венгріи, особенно въ желѣзнодорожномъ вопросѣ, австрійскія газеты со свойственною имъ близорукостію усматриваютъ въ его паденіи лишь побѣду австрійской политики, и повидимому надѣются забрать въ свои руки Болгарію какъ уже забрали Сербію.

Какова программа будущихъ дѣйствій Австро-Венгріи на Востокѣ, это подробно сообщалъ на дняхъ органъ графа Андраши *Пештскій Ллойдъ*. „*Не допускать мысли объ объединеніи и солидарности славянскихъ народностей Балканскаго Полуострова и развивать въ отдѣльныхъ славянскихъ государствахъ чувство соперничества и партикуляризма*,“ вотъ въ чемъ заключается, по мнѣнію австрійской офиціозной газеты, планъ австрійскихъ дипломатовъ, безусловно одобряемый всѣми въ Австро-Венгріи врагами южнаго Славянства, которые убѣждены что занятіемъ Босніи и Герцеговины они предотвратили всякую возможность объединенія Сербскаго народа и которые для достиженія подобной же цѣли относительно Болгаръ начинаютъ вести въ Восточной Румеліи усиленную пропаганду, посылая туда своихъ миссіонеровъ для открытія школъ въ которыхъ будутъ преподавательницами католическія монахини, столь искусно заманивающія въ свои сѣти молодыя, неопытныя сердца и уничтожающія въ нихъ вмѣстѣ съ

православною вѣрою, наслѣдованною отъ отцовъ, и народное славянское чувство.

Мы твердо убѣждены что напрасны эти австро-венгерскія ликованія по поводу послѣднихъ благопріятныхъ для князя Александра извѣстій, напрасны ихъ надежды что съ побѣдою князя Александра будто бы поникнетъ въ Болгаріи національный духъ, который одинъ лишь можетъ быть добрымъ руководителемъ во всѣхъ полезныхъ странѣ начинаніяхъ, одинъ лишь можетъ и научить, гдѣ нужно, осторожному благоразумію, и также гдѣ нужно возбудить отвагу и поддержать бодрость.

Вопросъ не въ паденіи гг. Цанкова и Каравелова, а въ устраненіи лжи именуемой болгарскою конституціей. Избранный Болгарскимъ народомъ и пользуясь довѣріемъ не только Болгаріи, но и Россіи, князь Александръ долженъ быть Болгарскимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Князь Александръ хорошо знаетъ что Австро-Венгрія, всегда противившаяся освобожденію Болгарскаго народа и ненавидящая Болгаръ за ихъ симпатіи къ своимъ освободителямъ Русскимъ, никогда не будетъ искреннимъ другомъ его. Онъ не можетъ не знать также что сочувствіе высказываемое въ нѣкоторыхъ округахъ Болгаріи бывшему министерству вызвано исключительно убѣжденіемъ что внѣшняя политика велась имъ въ національномъ болгарскомъ духѣ. Поэтому, если онъ желаетъ сохранить себѣ преданность Болгарскаго народа и симпатіи другихъ Славянъ, онъ введетъ во внутреннія дѣла Болгаріи порядокъ, иностранныя же будетъ вести такъ чтобы княжество не сдѣлалось полемъ для австрійскихъ интригъ, но было центромъ на который направленъ взоръ всего Болгарскаго народа, разсѣяннаго по всей южной и восточной части Балканскаго Полуострова.

Намъ кажется что Болгарамъ какъ въ Княжествѣ, такъ и въ Румеліи, не слѣдуетъ ссориться съ Турками и возбуждать подозрѣнія Оттоманскаго правительства. Насъ не могутъ не смущать слухи о намѣреніи Турокъ занять Балканскіе проходы, что по всему вѣроятію вызвано опасеніями возбужденными уніонистскою агитаціей. Всему своя пора: пусть подумають болгарскіе патріоты слѣдуетъ ли возбуждать въ эту минуту вопросъ о соединеніи разрозненныхъ частей Болгарскаго народа. Дай Богъ чтобы вышелъ прокъ изъ болгарской національности призванной къ новой жизни; но надо чтобы прежде она доказала внутреннею работой свое право на широкую самостоятельность.

Въ Константинополѣ подводятся теперь итоги недавняго прошлаго. Надо отдать честь султану и его нынѣшнимъ совѣтникамъ. Дѣло преступной интриги и измѣны, создавшей искусственную революцію въ Турціи, призвавшей учащуюся молодежь къ неслыханнымъ въ Стамбулѣ уличнымъ демонстраціямъ, увѣнчавшееся цареубійствомъ и парламентскою комедіей, не осталось безъ правосудія. Истинные виновники найдены, уличены, и несмотря на ихъ высокое положеніе, несмотря на всѣ возраженія шейхъ-юль-ислама, были публично судимы. Вчерашняя телеграмма извѣстила о приговорѣ надъ виновными. Пресловутый Мидхатъ-паша приговоренъ къ смертной казни какъ пособникъ убіенія султана Абдулъ-Азиза. Подробности суда, который по настоянію самого султана засѣдалъ публично, будутъ имѣть по всему вѣроятію интересъ не малый.

№ 169.

Москва, 19-го Іюня.

По поводу Высочайше утвержденныхъ 19 мая *Главныхъ основаній предполагаемаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимое имущество,* мы считаемъ не излишнимъ обратить вниманіе на одно весьма важное обстоятельство которое, быть-можетъ, было бы упущено изъ виду при предстоящей разработкѣ подробностей ипотечнаго устава.

Ипотечная регистрація матеріально связана съ самимъ имуществомъ, и этимъ она превосходитъ всякіе другіе способы регистраціи правъ на недвижимое имущество. Каждое недвижимое имѣніе получаетъ свою *крѣпостную книгу,* хранимую публичною властью, и всякій переходъ или ограниченіе права на недвижимое имущество совершаются не иначе какъ путемъ отмѣтки въ этой книгѣ. Такъ какъ, съ одной стороны, юридическая прочность недвижимой собственности есть первостепенный государственный интересъ, а съ другой, частный кредитъ можетъ достигнуть своего полнаго развитія лишь при томъ условіи если дана возможность легко и скоро обезпечи-

вать его недвижимымъ имуществомъ, которое не можетъ быть скрыто, то понятно что публичная регистрація какъ самаго права собственности на недвижимое имущество и его переходовъ отъ лица къ лицу, такъ и всяческихъ онаго ограниченій въ интересахъ кредита, лишь въ томъ случаѣ вполнѣ отвѣчаетъ своей цѣли когда ей присвоена полная незыблемость и юридическая прочность.

Этотъ основный принципъ вполнѣ установленъ въ *Главныхъ Основаніяхъ*. Насколько за нимъ признано абсолютное значеніе, видно изъ того что ему принесено въ жертву другое коренное начало нашего права—земская давность. Въ ст. 2 сказано: „Укрѣпленіе права, ограниченія или обезпеченія сохраняетъ, въ отношеніи къ недвижимому имуществу, свою силу, доколѣ въ крѣпостной книгѣ не будетъ сдѣлана надлежащая отмѣтка объ уничтоженіи сего укрѣпленія. Права, ограниченія и обезпеченія укрѣпленныя установленнымъ порядкомъ не могутъ быть утрачиваемы за истеченіемъ земской давности.“ Точно также и судебное рѣшеніе уступаетъ въ своей силѣ крѣпостной регистраціи. „Сдѣлка,“ сказано въ ст. 14 *Главныхъ Основаній*, „объ отчужденіи или ограниченіи правъ собственности на недвижимое имущество, заключенная съ лицомъ за которымъ право на него значилось по крѣпостной книгѣ безспорно, равно какъ установленныя на имуществѣ такого лица обезпеченія и внесенныя въ крѣпостную книгу охранительныя отмѣтки, сохраняютъ свою силу, хотя бы въ послѣдствіи право сего лица было уничтожено рѣшеніемъ суда.“

Переходъ права собственности на недвижимое имущество, или ограниченія онаго, установляемые путемъ свободнаго соглашенія (сдѣлкой), не могутъ такимъ образомъ быть лишены своей силы послѣдующимъ судебнымъ рѣшеніемъ, коль скоро они были отмѣчены въ крѣпостной книгѣ. Но право на недвижимость, какъ и всякое гражданское право, пріобрѣтается не однимъ лишь свободнымъ соглашеніемъ, а также вслѣдствіе спора разрѣшеннаго судомъ. Такого рода права на недвижимость, пріобрѣтенныя по суду, точно также закрѣпляются путемъ отмѣтки въ крѣпостной книгѣ, какъ видно изъ ст. 31 *Главныхъ Основаній*.

Представимъ себѣ теперь что извѣстное право на недвижимость, разрѣшенное послѣ спора между двумя лицами по суду, отмѣчено на основаніи судебнаго рѣшенія „вошедшаго въ законную силу.“ Несмотря на то что по закону (ст. 895 Уст. Гр. Суд.) рѣшеніе вступаетъ въ законную силу только въ отношеніи къ тяжущимся участвовавшимъ въ спорѣ, никакіе дальнѣйшіе споры на то же имущество со стороны третьихъ лицъ, хотя бы вполнѣ разрѣшенные въ ихъ пользу, уже не могутъ измѣнить или ослабить право того кто пріобрѣлъ оное силою предшествовавшаго процесса. Третье лицо, за коимъ признано какое-либо право на то же имѣніе, можетъ лишь отыскивать стоимость своего права съ признанной виновною стороны, но не можетъ осуществить его реально на самомъ имуществѣ въ ущербъ предшествовавшему пріобрѣтателю. Здѣсь кажущаяся несправедливость относительно третьяго лица оправдывается, вопервыхъ, публичнымъ интересомъ требующимъ безусловной прочности земельной регистраціи, а вовторыхъ, тутъ допускается юридическая фикція о несвоевременномъ заявленіи суду о *своихъ* правахъ на имущество.

Но что если то самое рѣшеніе, на основаніи котораго права на недвижимость закрѣплено за однимъ изъ тяжущихся чрезъ отмѣтку въ крѣпостной книгѣ, отмѣнено, и въ *замѣнъ онаго* постановлено другое въ противоположномъ смыслѣ? Такого рода случаи весьма возможны, и на нихъ-то мы и желаемъ обратить вниманіе.

Гражданскіе процессы окончательно, какъ извѣстно, разрѣшаются по Судебнымъ Уставамъ 20 ноября въ двухъ инстанціяхъ. Рѣшеніе первой инстанціи, то-есть Окружнаго Суда (о мировыхъ учрежденіяхъ, въ коихъ существуетъ тотъ же порядокъ, мы не говоримъ, такъ какъ споры о недвижимыхъ имуществахъ мировой юстиціи не подлежатъ), вступаетъ въ законную силу, когда пропущенъ срокъ на обжалованіе онаго Но если жалоба принесена, дѣло пересматривается Судебною Палатой, коей рѣшенія считаются окончательными и немедленно приводятся въ исполненіе. Однако и рѣшенія судебныхъ палатъ подлежатъ обжалованію въ гражданскій кассаціонный департаментъ Сената. Сенатъ можетъ отмѣнить рѣшеніе Судебной Палаты по нарушенію установленнаго процессуальнаго порядка, или вслѣдствіе невѣрнаго толкованія матеріальнаго права, и въ такомъ случаѣ оно считается какъ бы не суще-

ствующимъ (ст. 811 Уст. Гр. Суд.) и дѣло передается въ другую палату для новаго рѣшенія. Это новое рѣшеніе, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ діаметрально противоположно отмѣненному.

А имѣлъ тяжбу съ *Б* о правѣ собственности на недвижимое имущество. Судебная Палата присудила это право *А*, и въ силу этого „окончательнаго" судебнаго рѣшенія, имущество закрѣплено за *А* чрезъ отмѣтку въ крѣпостномъ реестрѣ. Но по жалобѣ *Б* Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Палаты, а по новому рѣшенію, постановленному послѣ провѣрки юридической стороны дѣла высшимъ въ Имперіи судебнымъ авторитетомъ, признано что право принадлежитъ *Б*, а не *А*. Неужели и въ этихъ случаяхъ можно допустить чтобы право *А*, насколько оно связано съ отмѣткой въ крѣпостной книгѣ, осталось за нимъ, несмотря на то что оно уничтожено вторичнымъ и единственно дѣйствительнымъ рѣшеніемъ суда?

Въ настоящее время, приведенный случай не представилъ бы затрудненій. Имѣніе неправильно укрѣпленное за *А* было бы у него отобрано и возвращено *Б*. Вопросъ усложнился бы лишь въ томъ случаѣ еслибъ оказалось что *А*, въ промежутокъ времени между благопріятнымъ для него рѣшеніемъ и отмѣной онаго кассаціоннымъ судомъ, успѣлъ перепродать имѣніе третьему лицу. Наша судебная практика еще не выработала на этотъ предметъ твердо установившагося правила. Сенатъ, до котораго этотъ вопросъ доходилъ много разъ, видимо колеблется между строгимъ проведеніемъ принципа безусловной силы „окончательнаго" судебнаго рѣшенія, которое однако подлежитъ отмѣнѣ и въ дѣйствительности весьма часто отмѣняется, и соображеніемъ справедливости относительно того тяжущагося, который, выигравъ дѣло по позднѣйшему и болѣе правильному рѣшенію, на дѣлѣ большею частью бываетъ лишенъ возможности осуществить свое право, такъ какъ спорное имущество уже успѣло перейти въ третьи, а иногда и въ десятыя руки.

При дѣйствіи же ипотечной системы, неправильно лишенный своего права былъ бы поставленъ въ невозможность возстановить оное и въ томъ случаѣ еслибъ его противникъ и не успѣлъ отъ себя передать то право которое на основаніи перваго недѣйствительнаго рѣшенія, за нимъ закрѣплено чрезъ отмѣтку въ крѣпостной книгѣ.

Очевидно что подобнаго рода несправедливость не могла бы быть оправдана необходимостью сохраненія абсолютной незыблемости ипотечныхъ записей.

Но, съ другой стороны, дабы предотвратить такую несправедливость нѣтъ никакой надобности отступать отъ принципа безусловной обязательности ипотеки. Требуется измѣненіе, но не въ главныхъ основаніяхъ предполагаемаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимое имущество; а въ правилахъ нашего гражданскаго производства относительно законной силы рѣшенія. Всѣ указанныя выше противорѣчія между юридическими требованіями и справедливостью проистекаютъ исключительно изъ того что по нынѣ дѣйствующему закону рѣшеніямъ судебныхъ палатъ присвоена сила окончательныхъ рѣшеній; а это есть само по себѣ противорѣчіе, ибо на эти рѣшенія предоставлено жаловаться, а потому они въ дѣйствительности не окончательныя.

Мы думаемъ что затрудненіе разрѣшалось бы какъ нельзя проще еслибы рѣшенія судебныхъ палатъ, до провѣрки оныхъ въ кассаціонномъ порядкѣ или до истеченія срока на принесеніе кассаціонныхъ жалобъ, лишены были значенія „вошедшихъ въ законную силу" рѣшеній и не подвергались бы немедленному исполненію.

№ 170.

Москва, 20-го іюня.

Нельзя оставить безъ вниманія вышедшую въ Петербургѣ брошюру подъ заглавіемъ „Обезпеченіе урожаевъ." Сущность брошюры заключается въ указаніи выгодъ какія получила бы вся страна еслибы въ ней было учреждено застрахованіе посѣвовъ отъ всякихъ независящихъ отъ земледѣльца бѣдствій. Каждый земледѣлецъ заплатившій страховую премію всегда имѣлъ бы увѣренность что трудъ и капиталъ положенные имъ въ землю не пропадутъ; какъ бы ни была неблагопріятна погода въ теченіе цѣлаго года, какія бы опустошенія ни причиняли вредныя насѣкомыя и т. д., при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ во всякомъ случаѣ получитъ съ засѣянной десятины столько то четвертей или пудовъ ржи, пшеницы, овса

или другаго хлѣба: недоборъ до опредѣленной нормы будетъ выплаченъ ему деньгами изъ страховаго учрежденія. Все сельское населеніе было бы такимъ образомъ ограждено отъ часто-повторяющихся бѣдствій неурожая. Устранилась бы надобность экстренныхъ заимообразныхъ и безвозвратныхъ пособій на прокормленіе и снабженіе сѣменами земледѣльцевъ въ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ. Уменьшился бы рискъ отдачи земель въ аренду крестьянамъ, рискъ поднимающій арендныя цѣны въ виду опасеній что неурожай сдѣлаетъ наемщика несостоятельнымъ къ уплатѣ договоренной суммы. Поступленіе повинностей равнымъ образомъ было бы обезпечено. Каждый владѣлецъ, обезпеченный опредѣленнымъ наименьшимъ доходомъ отъ обрабатываемой имъ земли, смотрѣлъ бы бодрѣе на будущее, дѣйствовалъ бы въ своемъ хозяйствѣ смѣлѣе съ цѣлію улучшенія своего благосостоянія. Чтобы страхованіе не служило побужденіемъ къ веденію хозяйства спустя рукава, въ самыя правила страхованія могли бы быть внесены условія которыя, напротивъ, побуждали бы къ лучшей обработкѣ земли. Не одинаковая премія платится при застрахованіи отъ огня каменныхъ и деревянныхъ домовъ, не одинаковая премія платилась бы при застрахованіи посѣвовъ на хорошо и на дурно обработанныхъ поляхъ. Авторъ брошюры думаетъ что предполагаемое имъ грандіозное страховое учрежденіе не есть дѣло неосуществимое, потому что по всей Россіи даже въ неблагопріятные годы урожай въ общемъ все же бываетъ выше посредственнаго, да и въ предѣлахъ одной губерніи неурожай никогда не бываетъ сплошнымъ, а поражаются имъ лишь нѣкоторыя мѣстности. Взять на себя страхованіе посѣвовъ было бы дѣломъ непосильнымъ для частныхъ и мѣстныхъ страховыхъ обществъ, но эта задача могла бы быть исполнена государствомъ. Страхованіе посѣвовъ отъ всякихъ независящихъ отъ земледѣльца бѣдствій должно взять въ свои руки правительство, предоставивъ надзоръ и мѣстную агентуру земствамъ и откинувъ, разумѣется, всякія меркантильныя цѣли, лишь бы доставало премій на уплату потерпѣвшимъ и на расходы по управленію и агентурѣ.

Мысль лежащая въ основѣ брошюры очень привлекательна. И по климатическимъ, и по массѣ другихъ условій, наше земледѣліе въ гораздо большей степени подвержено риску чѣмъ земледѣліе другихъ странъ, и уменьшить размѣры этого риска было бы дѣломъ очень желательнымъ. Не удивительно, поэтому, что мысль застрахованія посѣвовъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе многихъ частныхъ лицъ и даже цѣлыхъ земствъ. Но сомнительно чтобы проекты подобнаго застрахованія могли получить практическое примѣненіе въ близкомъ будущемъ. Всякое страхованіе возможно лишь когда оно опирается на достаточно полныя и заслуживающія вѣры цифровыя статистическія данныя. Никакихъ подобныхъ данныхъ у насъ въ виду не имѣется. Нѣтъ основаній для опредѣленія нормы урожаевъ каждаго хлѣба для каждой мѣстности, нормы которая въ достаточной мѣрѣ обезпечивала бы интересы земледѣльца и вмѣстѣ могла бы быть гарантирована страховымъ учрежденіемъ, безъ большаго опасенія что оно потерпитъ фіаско при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности. Нѣтъ поэтому никакихъ основаній и для опредѣленія различныхъ размѣровъ страховыхъ премій которыя, не будучи обременительны для плательщиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ давали бы въ общемъ итогѣ сумму достаточную для повсемѣстнаго въ странѣ возмѣщенія недочетовъ жатвы у кого бы они ни оказались. Всякой мысли о страхованіи посѣвовъ должна, въ виду этого, предшествовать забота объ установленіи у насъ правильной земледѣльческой политики.

Уменьшеніе чрезмѣрнаго риска, составляющаго особенно слабую сторону нашего земледѣлія, въ извѣстной степени можетъ быть достигаемо и безъ содѣйствія страховаго учрежденія, собственными усиліями сельскихъ хозяевъ. Рискованность урожая для разныхъ видовъ хлѣба и другихъ растеній далеко не одинакова. Затѣмъ, неурожай рѣдко постигаетъ одновременно всѣ виды посѣвовъ въ одной и той же мѣстности. Отъ самихъ сельскихъ хозяевъ зависитъ, поэтому, ослаблять вредное вліяніе неурожаевъ, какъ выборомъ для посѣвовъ преимущественно хлѣбовъ наиболѣе выносливыхъ, такъ и введеніемъ въ земледѣльческую культуру возможно бо́льшаго разнообразія. Это давно признано въ теоріи, хотя на практикѣ рѣдко кѣмъ исполнялось. Но нужда великій учитель, и неурожаи послѣднихъ лѣтъ побу-

дили многихъ принять къ дѣлу упомянутыя основныя сельско-хозяйственныя правила. Въ опубликованныхъ на дняхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* свѣдѣніяхъ о видахъ на урожай текущаго года встрѣчается цѣлый рядъ указаній на начинающійся въ сельскомъ хозяйствѣ поворотъ именно въ этомъ смыслѣ.

Такъ, одною изъ причинъ разорительности нашихъ неурожаевъ постоянно было чрезмѣрное преобладаніе посѣвовъ яровой пшеницы во всѣхъ степныхъ и отчасти въ черноземныхъ губерніяхъ. Яровая пшеница самый дорогой хлѣбъ, дающій земледѣльцу наибольшія выгоды въ случаѣ урожая, но за то, можно сказать, нѣтъ посѣва болѣе капризнаго, болѣе подверженнаго всякимъ случайностямъ. Ставя свое благосостояніе въ зависимость отъ урожая яровой пшеницы, земледѣлецъ какъ бы ведетъ азартную игру. Увлеченіе этою игрой, какъ свидѣтельствуютъ полученные отъ сельскихъ хозяевъ отзывы, значительно уменьшилось, и не въ одной какой-нибудь мѣстности, а почти повсемѣстно. Высшая, въ среднемъ выводѣ, урожайность озимыхъ хлѣбовъ, бо́льшая способность ихъ противостоять засухѣ, меньшія поврежденія ихъ насѣкомыми, побудили многихъ увеличить озимые посѣвы (ржи и пшеницы) на счетъ яровыхъ. И это не частное, а можно сказать общее явленіе. Прочтите свѣдѣнія полученныя изъ губерній Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Полтавской, Харьковской, Воронежской, изъ Донской области: всюду, вопреки прежней рутинѣ, озимымъ хлѣбамъ начинаютъ отдавать предпочтеніе предъ яровыми. Отмѣчаются цѣлые уѣзды (напримѣръ Изюмскій уѣздъ Харьковской губерніи) гдѣ яровая пшеница уже „совершенно перестала быть преобладающимъ хлѣбомъ." Указанное стремленіе къ переходу отъ слишкомъ рискованной яровой пшеницы къ болѣе надежнымъ озимымъ хлѣбамъ всего сильнѣе обозначилось въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; но примѣру поданному болѣе крупными хозяйствами, какъ сообщается въ тѣхъ же опубликованныхъ свѣдѣніяхъ, во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Херсонской и Харьковской губерніяхъ, слѣдуютъ и крестьяне. Замѣняемые отчасти озимыми хлѣбами, рискованные посѣвы яровой пшеницы, съ другой стороны, замѣняются посѣвами иныхъ яровыхъ хлѣбовъ, менѣе подверженныхъ случайностямъ. Вмѣсто яровой пшеницы, во многихъ мѣстахъ стали сѣять просо, овесъ, гречу, кукурузу, ленъ. И въ этомъ отношеніи примѣру помѣщичьихъ хозяйствъ слѣдуютъ по мѣстамъ и крестьяне. Въ настоящемъ году, впрочемъ, къ замѣнѣ посѣвовъ яровой пшеницы посѣвами другихъ яровыхъ хлѣбовъ, преимущественно проса, побуждала крестьянъ, какъ видно изъ опубликованныхъ сообщеній, не столько меньшая рискованность урожая, сколько чувствительная разница въ цѣнѣ обсѣмененія: засѣвъ одной десятины просомъ въ нѣсколько разъ (напримѣръ, въ шесть разъ) дешевле обсѣмененія той же десятины пшеницей.

Параллельно съ переходомъ отъ болѣе рискованныхъ къ менѣе рискованнымъ посѣвамъ, замѣчается почти повсемѣстно стремленіе внести въ земледѣльческую культуру возможно большее разнообразіе, такъ чтобы результаты сельскаго хозяйства не зависѣли лишь отъ немногихъ воздѣлываемыхъ растеній, но чтобы недочеты одной отрасли хозяйства покрывались выгодами отъ другой. Болѣе и болѣе сознается выгодность воздѣлыванія кукурузы; гдѣ она уже воздѣлывалась, посѣвы ея увеличиваются, гдѣ на нее прежде не обращали вниманія, теперь она пошла въ ходъ не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ, въ виду того что она не боится ни весеннихъ засухъ, ни хлѣбнаго жука, вообще хорошо родится, и имѣетъ обезпеченный сбытъ. О введеніи кукурузы въ сѣвооборотъ сообщаютъ изъ многихъ губерній; по мѣстамъ, посѣвы ея дѣлаются еще только въ видѣ опытовъ, но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію что этому виду хлѣба предстоитъ у насъ большое распространеніе. Еще болѣе широкое распространеніе, подъ вліяніемъ спроса предъявляемаго винокурами, крахмальными и паточными заводами, получаетъ картофель, особенно въ крестьянскихъ хозяйствахъ, гдѣ по мѣстамъ польза картофельныхъ посѣвовъ, какъ важнаго продовольственнаго подспорья, сказалась и при прошлогоднемъ недородѣ хлѣба. Но едва ли самымъ важнымъ шагомъ ко внесенію желательнаго разнообразія въ сѣвообороты должно быть признано возможно большое распространеніе травосѣянія и вообще культуры кормовыхъ растеній. Недостаточность урожаевъ часто зависитъ у насъ отъ малой поддержки ка-

кую получаетъ земледѣліе отъ неразрывнаго съ нимъ скотоводства, а это послѣднее не только не дѣлаетъ успѣховъ, но по мѣстамъ приходитъ въ упадокъ отъ недостатка кормовыхъ средствъ, которыя не могутъ быть доставляемы одними естественными лугами, далеко не повсемѣстно имѣющимися въ нужномъ количествѣ. Идущія отъ сельскихъ хозяевъ изъ разныхъ губерній свѣдѣнія показываютъ что движеніе въ желательномъ направленіи идетъ безостановочно. Во многихъ губерніяхъ площадь яровыхъ полей отводимая подъ кормовыя травы и корнеплодныя растенія замѣтно увеличивается. Тамъ гдѣ травосѣяніемъ донынѣ вовсе не занимались, принимаются за него, на первый разъ въ видѣ опытовъ. И мало-по-малу, примѣру помѣщиковъ начинаютъ слѣдовать крестьяне, которые въ иныхъ черноземныхъ и степныхъ мѣстностяхъ сѣютъ, напримѣръ, не одну только зерновую кукурузу, но и кормовую (конскій зубъ). Въ Кіевской губерніи крестьяне пробуютъ уже сѣять клеверъ. Въ Ярославской губерніи на крестьянскихъ поляхъ тоже появляются посѣвы клевера и тимоѳеевки. Въ Юрьевскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, крестьяне начали разводить чечевицу на кормъ скоту. Въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губерніи крестьяне по мѣстамъ посѣяли въ нынѣшнемъ году кормовой горошекъ. Все это пока, конечно, еще только малые и робкіе шаги къ лучшему. Но во всякомъ случаѣ, указанные и подобные имъ факты свидѣтельствуютъ о возникающемъ по мѣстамъ стремленіи къ интенсивному хозяйству. Поощрять по возможности это стремленіе, оказывать ему поддержку, вотъ ближайшая задача по отношенію къ нашему земледѣлію. Чѣмъ интенсивнѣе будетъ хозяйство, тѣмъ менѣе будетъ оно подвержено риску неурожаевъ. А интенсивнымъ можетъ оно сдѣлаться не у крупныхъ только землевладѣльцевъ, но и у крестьянъ. Наглядный примѣръ тому представляетъ, между прочимъ, Ковенская губернія, гдѣ нынѣ совершается переходъ отъ трехпольной системы ко многопольной, не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ. Но первые повсюду подаютъ примѣръ послѣднимъ, — и эту сторону дѣла нельзя упускать изъ вида. Примѣръ удачи тѣхъ или другихъ пріемовъ хозяйства въ близкомъ сосѣдствѣ есть самый сильный двигатель въ земледѣліи.

№ 172.

Москва, 22-го Іюня.

Однимъ изъ основныхъ положеній судебной реформы 1864 года было признано правило что „гражданскія дѣла подлежатъ разрѣшенію по *существу* только въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ, а именно въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ.“ Правило это было результатомъ дознаннаго печальнымъ вѣковымъ опытомъ несовершенства прежняго судопроизводства, при которомъ число инстанцій не было съ точностью установлено и дѣла часто проходили до 11 и даже 13 инстанцій; но это не только не ограждало интересовъ правосудія, а напротивъ создало такой порядокъ вещей который былъ почти равносиленъ отсутствію праваго суда. Вотъ почему число судебныхъ инстанцій какъ въ общемъ порядкѣ судопроизводства, такъ и въ мировыхъ учрежденіяхъ, было сокращено до двухъ, по примѣру всѣхъ прочихъ цивилизованныхъ странъ переустроившихъ въ это столѣтіе свой судъ. Но кромѣ двухъ *судебныхъ* инстанцій, также по примѣру прочихъ европейскихъ странъ, у насъ образованъ одинъ общій для всего государства верховный кассаціонный судъ, который не входитъ въ разсмотрѣніе правильности или неправильности обстоятельствъ дѣла установленныхъ окончательно судебною инстанціей, а провѣряетъ лишь правильность толкованія закона и своими обязательными для всѣхъ судовъ разъясненіями законовъ способствуетъ единообразному примѣненію оныхъ.

Еслибы для кассаціонной провѣрки дѣйствій судебныхъ мѣстъ установленъ былъ такой порядокъ при которомъ она происходила бы, помимо частнаго интереса и участія лицъ прикосновенныхъ къ дѣламъ, исключительно въ интересѣ общественномъ, кассаціонный судъ дѣйствительно стоялъ бы внѣ всякой связи съ частными интересами и спорами разрѣшаемыми судомъ. Кассаціонный судъ провѣрялъ бы рѣшенія низшихъ инстанцій въ видахъ *будущаго* болѣе правильнаго примѣненія закона; для частнаго же лица судебная истина считалась бы безусловно достигнутою окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ. Всякій зналъ бы что такое рѣшеніе должно считаться разъ навсегда обязательнымъ, и

тутъ не было бы ничего противорѣчащаго идеѣ *человѣческой* справедливости.

Это было бы возможно еслибы для кассаціоннаго суда было сдѣлано отступленіе отъ другаго основнаго принципа новѣйшаго процесса, принципа состязанія сторонъ. Но такого отступленія не было и не могло быть допущено. И кассаціонный судъ, подобно прочимъ судамъ, приводится въ движеніе не иначе какъ по иниціативѣ заинтересованной стороны, и не иначе какъ по поводу конкретнаго случая, а не ради отвлеченныхъ и общихъ интересовъ государства связанныхъ съ тѣмъ или инымъ толкованіемъ закона. На „окончательное" рѣшеніе аппелляціонной инстанціи суда приносится кассаціонная *жалоба*, и если эта жалоба признана основательною, то этимъ не только указывается что судъ, на который принесена жалоба, невѣрно истолковалъ законъ, но и предписывается возстановить нарушенный этимъ рѣшеніемъ частный интересъ. Отмѣненное рѣшеніе не только не можетъ уже считаться окончательнымъ и послѣднимъ словомъ правосудія, а напротивъ *должно* быть признано нарушеніемъ этого правосудія, хотя бы въ отдѣльномъ случаѣ ошибка, возможная во всякомъ человѣческомъ судѣ, была на сторонѣ высшаго трибунала. А если такъ, то-есть если существованіе кассаціонной инстанціи даетъ по каждому дѣлу возможность осужденной сторонѣ доказать что „окончательное" рѣшеніе противъ нея поставленное не было послѣднимъ словомъ суда, то само собою разумѣется что *исполненіе* такого рѣшенія, не будучи конечнымъ актомъ власти творящей судъ и расправу, не можетъ и способствовать укрѣпленію авторитета суда и того довѣрія къ нему безъ котораго немыслимо правосудіе.

Но и помимо этого, исполненіе рѣшенія прежде чѣмъ оно облечено силою неподлежащею измѣненію *rei judicatae* сопряжено иногда съ послѣдствіями, кои, во имя той же справедливости для которой существуетъ судъ, не должны быть допускаемы. Далеко не всегда возможно возвратить сторонѣ осужденной неправильнымъ рѣшеніемъ то что она вслѣдствіе приведенія такого рѣшенія въ исполненіе потеряла. Мы уже указали на то какъ невозможно было бы согласовать этотъ порядокъ съ будущею ипотечною системой. Споръ о недвижимости, неправильно разрѣшенный судомъ, приводилъ бы къ неправильному и безповоротному укрѣпленію имущества за ненадлежащимъ владѣльцемъ, чрезъ отмѣтку въ крѣпостной книгѣ, и это укрѣпленіе осталось бы въ силѣ даже въ томъ случаѣ еслибы въ послѣдствіи рѣшеніе, на коемъ оно основано, было признано недѣйствительнымъ и замѣнено другимъ совершенно ему противоположнымъ. Это было бы не одно лишь *допущеніе* несправедливости вслѣдствіе присущей каждому человѣческому дѣлу возможности ошибаться: правонарушеніе законнаго владѣльца являлось бы прямымъ послѣдствіемъ распоряженія той самой власти которая призвана ограждать имущественныя права гражданъ.

И въ настоящее время возможны и встрѣчаются на дѣлѣ весьма прискорбныя послѣдствія отъ приведенія въ исполненіе рѣшеній, подвергшихся затѣмъ отмѣнѣ въ кассаціонномъ порядкѣ. Если споръ былъ о недвижимомъ имѣніи неправильно присужденномъ одной изъ спорящихъ сторонъ, кассатору добившемуся отмѣны такого рѣшенія приходится отыскивать оное вновь отъ неправильнаго владѣльца, а послѣдній, какъ весьма часто бываетъ, между тѣмъ успѣлъ имѣніе продать. Возможно ли отобрать имѣніе у третьяго лица которое пріобрѣло оное вполнѣ добросовѣстно отъ продавца владѣвшаго онымъ на основаніи вполнѣ законнаго акта — окончательнаго судебнаго рѣшенія? Если обязывать третье лицо возвратить купленное имѣніе тому кто оказался его законнымъ владѣльцемъ по новому судебному рѣшенію, то оно далеко не всегда получитъ обратно отъ продавца покупную сумму, ибо продавецъ, какъ нерѣдко бываетъ, для того и спѣшилъ продать неправильно доставшееся ему по суду имущество чтобы воспользоваться стоимостью онаго прежде нежели оно будетъ отчуждено отъ него обратно.

По дѣламъ о взысканіяхъ денежныхъ также возможны и очень часто встрѣчаются на практикѣ всякія неправды проистекающія изъ того что суду приходится исправлять вредъ имъ самимъ причиненный, тогда какъ этотъ вредъ оказывается непоправимымъ. Деньги разъ взысканныя на основаніи „окончательнаго" рѣшенія суда приходится взыскивать обратно вслѣдствіе постановленія, послѣ кассаціи, новаго рѣшенія противоположнаго первому. Но взыскавшій деньги по первому рѣшенію успѣлъ

уже ихъ истратить и оказывается несостоятельнымъ. Много ли пользы кассатору отъ того что онъ, проведши свой споръ чрезъ верховный въ государствѣ судъ, добился наконецъ полнаго признанія своей правоты и приказа о возстановленіи своихъ правъ нарушенныхъ отмѣненнымъ рѣшеніемъ?

Кассаціонное производство, особливо по дѣламъ гражданскимъ, тянется у насъ очень медленно не только *до* рѣшенія Сената, но и *послѣ* онаго. Когда состоялась отмѣна рѣшенія аппелляціоннаго суда, приходится обыкновенно ожидать нѣсколько мѣсяцевъ прежде нежели указъ Сената объ отмѣнѣ доставляется въ тотъ судъ куда дѣло передается для новаго рѣшенія. Этимъ-то промежуткомъ времени съ большимъ успѣхомъ пользуются недобросовѣстные тяжущіеся дабы посредствомъ различныхъ изворотовъ уклоняться отъ возвращенія того что имъ неправильно досталось.

Таковы неудобства сопряженныя съ исполненіемъ рѣшеній прежде провѣрки оныхъ въ кассаціонномъ порядкѣ. И эти неудобства, или вѣрнѣе явныя аномаліи, отнюдь не уравновѣшиваются тѣми удобствами кои имѣлись въ виду при установленіи этого порядка.

№ 173.

Москва, 23-го Іюня.

Вотъ уже три дня какъ общее вниманіе всего міра обращено на обычную резиденцію главы Сѣверо-Американскаго правительства, на Бѣлый Домъ въ Вашингтонѣ, куда перевезенъ былъ опасно раненый президентъ Гарфильдъ со станціи желѣзной дороги, гдѣ 2 іюля (20 іюня) совершилось злодѣйское покушеніе на его жизнь. Весь Вашингтонъ, всѣ классы населенія взволнованы событіемъ. Народъ сплошными массами окружаетъ Бѣлый Домъ, схватывая на лету всякую вѣсть о состояніи здоровья президента, всякую подробность событія и его виновника. Призванные къ постели больнаго врачи съ первыхъ же минутъ нашли необходимымъ никого не допускать къ нему. По изслѣдованіи оказалось что пуля вошла въ тѣло между десятымъ и одиннадцатымъ ребрами вправо отъ становаго хребта, прошла чрезъ нижнюю часть праваго легкаго и чрезъ печень и засѣла внизу передней части живота. Одного этого описанія раны достаточно чтобъ и совершенно незнакомый съ хирургіей человѣкъ составилъ себѣ понятіе о степени опасности въ какой находится жизнь президента. На другое утро послѣ покушенія, министры, проведя всю ночь въ „Бѣломъ Домѣ," признали необходимымъ вызвать въ Вашингтонъ вице-президента Артура, долженствующаго заступить въ правительственномъ механизмѣ мѣсто президента, подобно тому какъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ вице-президентъ Джонстонъ заступилъ мѣсто Линкольна павшаго отъ руки убійцы.

Личность выстрѣлившаго и мотивы покушенія не могли въ первые дни выясниться съ надлежащею полнотой. Убійца схваченъ, оказалось что онъ уроженецъ Иллинойса, нѣкто Гито, занимался нѣкоторое время адвокатскою профессіей, но неудачно, искалъ въ послѣднее время мѣста консула въ Марсели, и опять неудачно.

Вотъ и не монархъ, не государь самодержавный, а выборный президентъ республики становится предметомъ покушенія! Въ теченіе небольшаго промежутка времени, шестнадцати лѣтъ, вотъ уже второе покушеніе на президента Сѣверо-Американской республики. Итакъ, не образъ правленія, не государственный строй вызываетъ эти гнусныя покушенія. Монархи съ конституціей какъ и безъ конституціи, и наконецъ президенты республики не обезпечены отъ убійцы подсылаемаго крамолой. Съ другой стороны, республиканскій образъ правленія отнюдь не обезпечиваетъ интересы государства; напротивъ, нигдѣ быть-можетъ нѣтъ столько нечистоты въ государственныхъ дѣлахъ, столько казнокрадства, подкуповъ и всякаго хищенія какъ въ заатлантической республикѣ которая выставляется пустыми доктринерами либерализма за образцовую форму и верхъ совершенства.

Кѣмъ была направлена рука убійцы стрѣлявшаго въ президента Гарфильда? Теперь возможны лишь догадки. Гарфильдъ, такъ же какъ и Линкольнъ, представитель республиканской, то-есть государственной или національной партіи, которая находится въ борьбѣ съ партіей демократическою, то-есть антигосударственною, антинаціональною. Вотъ одно, а вотъ еще другое соображеніе. Г. Гарфильдъ выступилъ строгимъ ревнителемъ государ-

ственнаго интереса, и очистителемъ Авгіевой конюшни, чѣмъ вызвалъ противъ себя ярую оппозицію. Припомнимъ недавнія событія которыми сопровождались президентскіе выборы.

Прошлымъ лѣтомъ собирался въ Чикаго конгрессъ республиканской партіи для выбора кандидата на президента Соединенныхъ Штатовъ. На этомъ конгрессѣ республиканцы раскололись. Во главѣ одной фракціи былъ сенаторъ Конклингъ, который самымъ энергическимъ образомъ отстаивалъ кандидатуру генерала Гранта, надѣясь въ его президентство получить для себя и для своихъ друзей наиболѣе прибыльныя должности. Другая фракція выставила своимъ кандидатомъ г. Гарфильда въ полной увѣренности что онъ очиститъ должностной персоналъ Соединенныхъ Штатовъ, опозорившій себя самымъ безцеремоннымъ расхищеніемъ государственныхъ денегъ. Дабы дать понятіе о громадныхъ размѣрахъ государственнаго грабительства въ заатлантической республикѣ достаточно указать на недавно обнаружившееся скандалезное дѣло сенатора Дорсея, который присвоивалъ себѣ ежедневно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до полумилліона долларовъ, которые ассигновывались конгрессомъ на почтовые расходы въ небывалыхъ городахъ Дальняго Запада! Въ теченіе нѣсколькихъ дней длилась въ Чикаго борьба этихъ двухъ фракцій. Г. Конклингъ и его друзья упорно отвергали всякаго другаго кандидата кромѣ генерала Гранта. Наконецъ, произошелъ компромиссъ: грантисты согласились на избраніе г. Гарфильда, но выговорили себѣ сильное вліяніе на назначеніе чиновниковъ, дабы такимъ образомъ захватить управленіе дѣлами въ свои руки и подготовить избраніе Гранта въ 1884 году. Президентъ Гарфильдъ, вступивъ въ должность, дѣйствительно отдалъ партіи Конклинга довольно значительное мѣсто въ своемъ кабинетѣ, назначилъ нѣсколькихъ ея членовъ на разные дипломатическіе и административные посты, однако большинство должностей замѣнилъ своими приверженцами. Между прочимъ онъ отдалъ мѣсто сборщика нью-йоркской таможни г. Робертсону, который не принадлежитъ къ друзьямъ г. Конклинга. Это послѣднее назначеніе особенно не понравилось конклингистамъ. Они въ сенатѣ выступили открытыми противниками президента и принялись интриговать чтобы не допустить г. Робертсона занять назначенное ему мѣсто. Борьба эта продолжалась около двухъ мѣсяцевъ, въ теченіе коихъ конгрессъ не могъ заниматься своими законодательными дѣлами. Наконецъ сенатъ утвердилъ г. Робертсона въ его должности. Тогда г. Конклингъ и другъ его г. Платтъ, также сенаторъ Нью-Йоркскаго Штата, подали въ отставку, надѣясь произвести этимъ впечатлѣніе на сенатъ и побудить его отмѣнить назначеніе г. Робертсона. Уловка эта не имѣла однако успѣха, что еще болѣе разозлило партію конклингистовъ, которые въ своихъ газетахъ стали поносить президента Гарфильда самымъ непозволительнымъ образомъ, стараясь подорвать его авторитетъ въ глазахъ народа. Президентъ съ замѣчательною энергіей до сихъ поръ выдерживалъ эти нападки, не уступая ни въ чемъ требованіямъ конклингистовъ. Онъ настаивалъ что имѣетъ полное право назначать чиновниковъ по своему выбору, и что если его предмѣстники дѣлали иначе и совѣтовались въ такихъ случаяхъ съ сенаторами, то это было только любезностью съ ихъ стороны, такъ какъ ничто ихъ къ тому не обязывало.

Вотъ обстоятельства среди которыхъ раздался выстрѣлъ поразившій г. Гарфильда. Будемъ ждать подробностей, а пока успокоимся на послѣднемъ, сейчасъ полученномъ бюллютенѣ подающемъ надежду на сохраненіе его жизни.

№ 174.

Москва, 24-го іюня.

Желѣзнодорожный вопросъ вновь начинаетъ обращать на себя общее вниманіе. Между тѣмъ какъ въ Германіи, по тщательномъ обсужденіи огромныхъ невыгодъ, какъ въ политическомъ такъ и въ народномъ хозяйственномъ отношеніи, проистекающихъ отъ оставленія желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ частныхъ обществъ, выкупъ этихъ дорогъ въ казну сознательно поставленъ цѣлью къ которой правительство настойчиво должно стремиться, у насъ переходъ нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линій отъ частныхъ обществъ къ государству, безо всякихъ стараній правительства, подготовленъ самими обстоятельствами. При всѣхъ предполагаемыхъ преиму-

ществахъ частнаго управленія желѣзными дорогами предъ казеннымъ, частное управленіе не спасаетъ желѣзныхъ дорогъ отъ несостоятельности. Доходы нѣкоторыхъ оказываются недостаточными не только для уплаты процентовъ по акціонерному и облигаціонному капиталамъ, но и для покрытія расходовъ эксплуатаціи. Въ такомъ положеніи находятся, между прочимъ, Донецкая и Лозово-Севастопольская дороги. Правительство должно по этимъ дорогамъ не только уплачивать проценты, но и нести часть расходовъ по ихъ эксплуатаціи не будучи ихъ хозяиномъ, или прямо взять ихъ въ свое завѣдываніе. Нѣкоторыя другія желѣзнодорожныя общества, по слухамъ, также не прочь передать правительству свои малодоходныя линіи, такъ что, какъ пишутъ въ газетахъ, готовятся поступить къ правительству отъ концессіонеровъ сразу шесть желѣзныхъ дорогъ, причемъ указывается что въ близкомъ будущемъ число такихъ дорогъ, отъ которыхъ концессіонеры пожелаютъ отдѣлаться, по всей вѣроятности, не замедлитъ возрасти. По поводу этого обстоятельства, въ нашей печати высказывается между прочимъ то мнѣніе что перспектива эксплуатаціи трехъ или четырехъ тысячъ верстъ бездоходныхъ дорогъ не представляетъ для правительства ничего заманчиваго, и что поэтому правительству должно употребить всевозможныя усилія чтобъ устранить отъ себя такую обузу. При этомъ выражается сожалѣніе зачѣмъ была допущена самая постройка дорогъ которыя оказались столь малодоходными, а дается совѣтъ строить впредь или разрѣшать постройку лишь такихъ дорогъ относительно коихъ не будетъ сомнѣнія что онѣ будутъ въ состояніи немедленно окупать себя.

Отказаться отъ постройки дорогъ которыя не обѣщаютъ большой доходности съ самаго своего открытія значило бы почти пріостановить надолго развитіе существующей желѣзнодорожной сѣти. По направленіямъ наиболѣе обильнаго движенія грузовъ рельсы большею частію уже проложены. Но значеніе желѣзныхъ дорогъ для страны не исчерпывается ихъ доходностію. Желѣзныя дороги, съ государственной точки зрѣнія, не могутъ быть разсматриваемы только какъ доходныя предпріятія: ихъ назначеніе удовлетворять разнымъ потребностямъ государственной и экономической жизни, пробуждать ее тамъ гдѣ она находится въ застоѣ по отсутствію путей сообщенія, доставлять удобныя сообщенія мѣстностямъ которыя ихъ лишены. Польза приносимая дорогами всѣмъ экономическимъ интересамъ районовъ чрезъ которые онѣ проходятъ часто перевѣшиваетъ невыгоды проистекающія для государства отъ малодоходности линій, какъ польза расширенія, напримѣръ, телеграфной сѣти перевѣшиваетъ соображенія малодоходности многихъ отдѣльныхъ телеграфныхъ линій, которыми эта сѣть ежегодно дополняется. Не задержка развитія желѣзнодорожной сѣти, не отказъ отъ постройки дорогъ которыя не обѣщаютъ сразу большихъ сборовъ требуются государственными интересами, а постановка желѣзнодорожнаго дѣла въ условія близкія къ тѣмъ въ которыхъ находится дѣло телеграфной сѣти. Эта послѣдняя вовсе не лежитъ бременемъ на Государственномъ Казначействѣ, хотя многія изъ входящихъ въ нее линій далеко не окупаются сборомъ за пересылаемыя по нимъ телеграммы. Но исключительная доходность однѣхъ линій покрываетъ недочеты причиняемые малодоходностію другихъ. Всякая новая телеграфная линія, при всей своей малодоходности, благодаря сосредоточенію всей телеграфной части въ рукахъ правительства, не обременяетъ собою казны, а напротивъ содѣйствуетъ доходности всей сѣти, служа для нея питательною вѣтвію и увеличивая массу передаваемыхъ по ней телеграммъ. То же было бы еслибъ и желѣзнодорожная сѣть была сосредоточена въ рукахъ правительства. Взятая въ цѣломъ, наша желѣзнодорожная сѣть далеко не можетъ быть признана бездоходною. Но доходы выгодныхъ линій идутъ не на возмѣщеніе недочетовъ по маловыгоднымъ, а въ пользу частныхъ обществъ которымъ эти линіи отданы. Всякая новая, хотя бы сама по себѣ и малодоходная, линія примыкающая къ построеннымъ уже дорогамъ увеличиваетъ ихъ доходность, но происходящія отсюда выгоды опять-таки идутъ въ частные карманы, исчезая почти безслѣдно для государственнаго желѣзнодорожнаго хозяйства. Казна имѣетъ дѣло только съ убытками желѣзнодорожнаго хозяйства, а не съ барышами. Это прямой результатъ предоставленія желѣзныхъ дорогъ въ завѣдываніе частныхъ обществъ. Есть ли разсчетъ держаться такой системы и на бу-

дущее время? Позволительно ли сохранять ее даже цѣною пріостановки желательнаго въ народно-хозяйственныхъ интересахъ распространенія желѣзнодорожной сѣти?

Сосредоточеніе эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ правительства — вотъ средство уменьшить тяжесть которою ложится существующая сѣть на государственные финансы. Было бы очень трудно достигнуть этой цѣли разомъ, единовременнымъ выкупомъ всей сѣти, хотя и эта операція, въ виду тѣхъ долговъ казнѣ которые лежатъ на нашихъ дорогахъ, едва превысила бы средства государственнаго кредита, признаваемыя какъ только зайдетъ рѣчь о займахъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей для сокращенія кредитнаго обращенія. Но вопросъ не о томъ чтобы желѣзнодорожная сѣть разомъ перешла въ полную собственность государства; хорошо и то чтобъ она переходила къ нему хотя бы по частямъ, чтобы цѣль сосредоточенія дорогъ въ рукахъ правительства постоянно имѣлась въ виду, и чтобы по крайней мѣрѣ не упускались случаи пріобрѣтенія дорогъ отъ частныхъ обществъ безъ большихъ со стороны казны пожертвованій. Такой именно случай представляется въ настоящее время въ виду несостоятельности нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ обществъ.

Завѣдываніе малодоходными линіями которыя имѣютъ перейти къ казнѣ, разумѣется, не обѣщаетъ ей денежныхъ выгодъ въ близкомъ будущемъ. Оно будетъ статьей не дохода, а расхода. Но линіи не дѣлаются болѣе доходными оставаясь въ завѣдываніи частныхъ обществъ. Принявъ ихъ въ свое управленіе, казна будетъ нести лишь тѣ же убытки которые терпитъ нынѣ не будучи ихъ хозяиномъ. Но переходъ этихъ дорогъ къ государству не будетъ однако дѣломъ безразличнымъ ни для страны, ни для казны. Общее свойство эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ частными обществами, какъ показала практика, есть полное пренебреженіе именно тѣхъ народно-хозяйственныхъ цѣлей ради которыхъ дороги строятся. Ничѣмъ кромѣ своихъ выгодъ частныя желѣзныя дороги не руководятся, и чтобы понудить ихъ дѣйствовать въ интересахъ грузоотправителей и пассажировъ, правительство бываетъ вынуждено вести съ ними безконечные переговоры, причемъ каждый успѣхъ является результатомъ своего рода дипломатической кампаніи и бываетъ купленъ цѣною разныхъ льготъ и субсидій. На своихъ дорогахъ правительство сразу могло бы установить въ народномъ интересѣ тѣ порядки какихъ оно тщетно добивается на частныхъ дорогахъ. Затѣмъ, въ пользу казны остались бы всѣ шансы увеличенія доходности пріобрѣтаемыхъ дорогъ какъ отъ постепеннаго развитія народной экономической жизни, такъ и отъ распространенія желѣзнодорожной сѣти. Такъ, напримѣръ, Донецкая линія перестанетъ быть малодоходною, когда будетъ продолжена на востокъ и на западъ и мѣстная горная промышленность станетъ на ноги. Пренебрегать такими шансами было бы большою ошибкой, повтореніемъ той которая была сдѣлана при продажѣ Николаевской дороги Главному Обществу. Проданная по малодоходности, Николаевская линія сдѣлалась самою доходною какъ только построилась сѣть дорогъ несущихъ ей массы грузовъ. Еслибы повременили ея продажей хоть два, три года и употребили на улучшеніе дороги тѣ самыя средства которыя были предоставлены казной Главному Обществу, факта малодоходности, бывшаго мотивомъ ея отчужденія, не оказалось бы налицо. Сбыть съ рукъ дороги которыя нынѣ готовы перейти въ казенное управленіе, конечно, не трудно. Ихъ не откажутся принять въ свои руки какія-нибудь изъ сосѣднихъ желѣзнодорожныхъ обществъ за извѣстныя вознагражденія разными льготами и субсидіями. Но какою близорукою политикой была бы такая отдача желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки даромъ, да еще съ приплатой, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи выкупать ихъ обратно дорогою цѣной!

№ 175.

Москва, 25-го Іюня.

Съ той минуты когда адъютантъ покойнаго султана Абдулъ-Азиза, Гасанъ, ворвавшись въ залу совѣта турецкихъ министровъ, явился мстителемъ за своего государя, никто въ Европѣ не сомнѣвался (да и прежде нельзя было сомнѣваться) что Абдулъ-Азизъ палъ жертвой обширнаго заговора, нити котораго сходились, какъ говорили, во дворцѣ британскаго представителя сэръ-Генри Элліота. Но оффиціально султанъ Абдулъ-Азизъ продолжалъ

считаться самоубійцей почти до весны настоящаго года, и только на дняхъ правосудіе сказало свое слово. Къ суду были привлечены важнѣйшіе сановники Порты и даже два зятя султана. На судѣ выяснилось что руководителемъ заговора былъ тогдашній турецкій премьеръ Мидхатъ-паша, истинный авторъ тѣхъ революціонныхъ комедій которыя разыгрывались въ то время въ Константинополѣ, отъ волненій турецкихъ студентовъ до турецкаго парламента. Выяснилось и то что Мидхатъ-паша былъ и главнымъ исполнителемъ низложенія Абдулъ-Азиза. Не доказано только фактически - личное участіе Мидхатъ-паши въ умерщвленіи низложеннаго султана, хотя несомнѣнно что онъ былъ двигателемъ и этого дѣла.

Судъ надъ цареубійцами приговорилъ ихъ къ смертной казни, но вотъ уже появился слухъ будто главный виновникъ всего дѣла Мидхатъ-паша, занимавшій въ послѣднее время должность генералъ-губернатора въ Дамаскѣ, будетъ помилованъ, что присужденная ему кара будетъ замѣнена ссылкой „въ мѣста не столь отдаленныя," на житье въ Аравію. Одновременно съ этимъ слухомъ появился и другой, будто такая мѣра вызывается давленіемъ на Турцію со стороны дипломатическихъ доброжелателей Мидхата. Послѣдній слухъ кажется правдоподобнымъ по многимъ причинамъ. Не для того же султанъ Абдулъ-Гамидъ, второй преемникъ трона Абдулъ-Азиза, назначалъ слѣдствіе и судъ чтобъ оставить приговоръ суда безъ исполненія, особенно по отношенію къ главному виновнику преступленія. Для одного только призрака правосудія султанъ едва ли бы рѣшился поднимать это на половину забытое дѣло, въ которомъ участниками являются даже его родственники.

На дняхъ, въ берлинской газетѣ *Post* появилась статья подтверждающая слухъ о дипломатическомъ давленіи и оправдывающая его еслибъ оно дѣйствительно было. Доводы берлинской газеты, слывущей близкою къ имперскому канцлеру и потому всегда хорошо освѣдомленной, не лишены интереса. „Никто въ Европѣ конечно не „думаетъ," такъ разсуждаетъ *Post*, „что „осужденіе само по себѣ есть доказатель-„ство виновности. Осужденные виновны въ „низложеніи Абдулъ-Азиза, но чтобъ они „были и его убійцами, на это нѣтъ доста-„точныхъ доказательствъ. Турецкій сул-„танъ, обязанный этимъ убійцамъ своимъ „вступленіемъ на тронъ, не предалъ бы „ихъ суду еслибы не имѣлъ особыхъ на „это причинъ. Эти причины существуютъ, „несомнѣнно существуютъ, и стоитъ за-„няться ихъ изслѣдованіемъ." Это изслѣдованіе газета начинаетъ изложеніемъ всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствъ сопровождавшихъ паденіе Абдулъ-Азиза и затѣмъ, не находя за Мидхатомъ никакой вины и выставивъ его добрымъ турецкимъ патріотомъ, спасителемъ Турціи отъ покойнаго султана, замышлявшаго де „броситься въ объятія Россіи," берлинская газета причиной преданія Мидхатъ-паши суду выставляетъ усиленіе павшей вмѣстѣ съ Абдулъ - Азизомъ партіи, полагавшей что султанъ можетъ держаться только подъ русскимъ покровительствомъ. „Русская „партія — вотъ кто убиваетъ Мидхата," восклицаетъ берлинская газета, „частью „изъ мести, частью потому что боится его, „замышляя привести въ исполненіе тотъ „планъ который былъ уже близокъ къ осу-„ществленію предъ смертью Абдулъ-Азиза. „Снова султанъ надѣется что подъ сѣнью „Россіи онъ будетъ имѣть возможность „спокойно продолжать свое расточительное „хозяйничанье." Мидхатъ - паша есть де послѣдній представитель идеи спасти Турцію путемъ реформъ, давъ ей въ то же время возможность опереться на силы враждебныя Россіи. Говорятъ что смерть Мидхата есть слѣдствіе политики Гладстона и въ этомъ есть извѣстная доля правды, прибавляетъ берлинская газета и разсуждаетъ такъ: Положеніе дѣлъ въ Константинополѣ было бы другое еслибъ Англія продолжала слѣдовать политикѣ Биконсфильда. Съ тѣхъ поръ какъ эта политика была оставлена, вѣсы неизбѣжно должны были склониться на сторону Россіи: у турецкихъ государственныхъ людей исчезла всякая мысль будто Англія есть защитница Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ изчезла и всякая вѣра въ возможносвь поддержанія настоящей самостоятельности Турціи... „Русское вліяніе въ Константинополѣ одер-„жало побѣду. Государства прилежащія „къ Средиземному Морю, которыя не мо-„гутъ помириться съ этимъ, должны будутъ „волей или неволей войти между собою въ „соглашеніе, которое дало бы имъ возмо-„жность самимъ захватить тѣ части Ту-„рецкой имперіи, которыя они не могутъ „отдать въ руки Россіи."

Мидхатъ-паша былъ дѣйствительно двигателемъ Биконсфильдовой политики; онъ и теперь былъ бы ея отличнымъ продолжателемъ еслибы, вмѣсто казни, его облёчь въ полномочія власти. Въ Турціи снова началось бы броженіе, снова появились бы софты на сцену, снова открылась бы парламентская комедія; пошли бы смуты, вспыхнули бы пожары въ разныхъ провинціяхъ, и Австрійцы разомъ очутились бы на берегахъ Эгейскаго моря,—что̀ и требуется...

№ 176.

Москва, 26-го Іюня.

Возвращаясь къ вопросу о приведеніи въ исполненіе судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ до провѣрки кассаціоннымъ судомъ, разсмотримъ теперь тѣ доводы которые при разработкѣ Устава Гражданскаго Судопроизводства послужили поводомъ къ установленію такого исключительно лишь нашему процессу свойственнаго правила.

Сущность этихъ доводовъ, приведенныхъ подъ ст. 892 Уст. Гр. Суд въ изданіи Государственной Канцеляріи, заключается въ слѣдующемъ:

Кассаціонная жалоба не должна де считаться *обыкновеннымъ* способомъ обжалованія судебныхъ рѣшеній: это де есть способъ *чрезвычайный*. По общему правилу, гражданскія дѣла подлежатъ разсмотрѣнію только въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ. „Но,“ сказано далѣе, „такъ какъ могутъ быть случаи въ которыхъ было бы несправедливо отказать тяжущимся въ новомъ разсмотрѣніи дѣла, то это разсмотрѣніе допускается *какъ исключеніе* (курсивъ въ подлинникѣ) и при томъ въ случаяхъ положительно означенныхъ въ законѣ (ст. 793).“ Здѣсь очевидно допущено нѣкоторое смѣшеніе понятій: еслибы путь кассаціоннаго пересмотра дѣла былъ дѣйствительно открытъ для тяжущихся лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, тогда еще можно было бы понять что ради этихъ случаевъ сочтено было неудобнымъ замедлять теченіе всякаго вообще процесса, хотя и тутъ непонятно почему для тѣхъ дѣлъ для коихъ исключеніе допущено, и которыя не завершаются окончательно во второй инстанціи, исполненіе все-таки наступаетъ ранѣе нежели правосудіе произнесло свое послѣднее слово. Но *разсмотрѣніе* дѣлъ въ кассаціонной инстанціи допущено безо всякихъ исключеній, такъ какъ каждое рѣшеніе мироваго съѣзда, по цѣнѣ иска свыше 30 руб. и каждое рѣшеніе судебной палаты можетъ быть обжаловано въ Сенатъ. Статья 793 указываетъ лишь въ какихъ случаяхъ кассаціонныя жалобы должны быть *уважены*. Въ этомъ отношеніи законъ установляетъ не исключеніе, а многообъемлющее правило. По этой статьѣ кассація допускается: 1) въ случаѣ явнаго нарушенія прямаго смысла закона, или неправильнаго его толкованія; 2) въ случаѣ нарушенія обрядовъ и формъ судопроизводства столь существенныхъ что вслѣдствіе несоблюденія ихъ невозможно признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія и 3) въ случаѣ нарушенія предѣловъ вѣдомства или власти закономъ предоставленныхъ судебной палатѣ. Другими словами: Сенатъ не провѣряетъ фактовъ установленныхъ судомъ, но контролируетъ юридическіе выводы которые сдѣлалъ судъ изъ обстоятельствъ имъ констатированныхъ. Но въ каждомъ дѣлѣ интересы правосудія существенно зависятъ отъ правильной постановки юридическаго вопроса. Фактическіе доводы представляются суду сторонами, и судъ самъ ни въ какомъ случаѣ ихъ не собираетъ. Законы же примѣнимые къ разбираемому случаю судъ обязанъ самъ знать и въ этомъ отношеніи не связанъ указаніями сторонъ. По отношенію къ фактической сторонѣ спора, и низшія инстанціи суда ограничиваются *пассивнымъ* принятіемъ того что̀ суду представлено, между тѣмъ какъ искаженіе сторонами смысла закона обязываетъ судъ активно вмѣшаться въ дѣло и указать каковъ истинный смыслъ относящихся къ спору законоположеній. Эту-то вторую функцію суда, во всей его широтѣ и *безо всякихъ исключеній*, контролируетъ кассаціонная инстанція, къ которой стороны имѣютъ право прибѣгать по каждому дѣлу. Вотъ почему никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ доводомъ что коль скоро окончательно провѣрена фактическая сторона спора, главную цѣль правосудія можно считать уже достигнутою и рѣшеніе можетъ быть обращено къ исполненію, хотя бы въ послѣдствіи оказалось что судъ при постановленіи онаго нарушилъ прямой смыслъ закона, превысилъ власть ему предоставлен-

ную или допустилъ такое нарушеніе существенныхъ формъ вслѣдствіе несоблюденія коихъ „невозможно признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія.“ Сенатъ признаетъ что обжалованное рѣшеніе невозможно по закону признать за правосудный вердиктъ, а оно давнымъ-давно приведено въ исполненіе принудительною силой публичной власти!..

Изъ сказаннаго очевидно что приведенный мотивъ — исключительность случаевъ въ которыхъ *допускается* кассація по закону — не могъ служить основаніемъ къ установленію разбираемаго нами порядка. Вѣрнѣе то что при составленіи судебныхъ уставовъ разчитывали на то что судебныя рѣшенія будутъ Сенатомъ отмѣняемы лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Въ „мотивахъ“ Государственной Канцеляріи это и высказано. „Должно *надѣяться*,“ читаемъ мы подъ тою же 892 статьей, „что подобные случаи (указанные въ ст. 793) будутъ сравнительно рѣдки, то-есть что рѣшеній отмѣненныхъ кассаціонными департаментами Правительствующаго Сената будетъ гораздо меньше въ сравненіи съ рѣшеніями на которыя вовсе не подано кассаціонныхъ жалобъ, или по которымъ кассаціонныя жалобы признаны не заслуживающими уваженія.“ На чемъ была основана эта *надежда* въ мотивахъ не объяснено, и она едва ли была основательна *a priori*. Нужно было наоборотъ предвидѣть что при неопытности судей и крайней неудовлетворительности нашего гражданскаго кодекса, кассаціонному суду придется много и усиленно работать, прежде нежели его руководящія указанія восполнятъ хотя отчасти и неопытность судей, и полное почти отсутствіе у насъ юридической науки, и плохую редакцію законовъ. Опытъ не замедлилъ опровергнуть этотъ оптимистическій взглядъ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ какъ уже оказалась надобность принять мѣры къ искусственному сокращенію работы Сената. Въ 1868 году установленъ былъ денежный кассаціонный залогъ во сто рублей для жалобъ приносимыхъ въ судебныя палаты, залогъ едва ли справедливый, такъ какъ онъ не соразмѣренъ съ цѣною судебнаго спора и для дѣлъ малоцѣнныхъ почти равносиленъ преграждeнію для тяжущихся доступа въ кассаціонную инстанцію. Но и затѣмъ количество жалобъ поступавшихъ въ Сенатъ продолжало возрастать въ прогрессіи несравненно большей нежели постепенное географическое расширеніе его компетенціи. Нѣсколько разъ усиливался личный составъ кассаціонныхъ департаментовъ; но количество жалобъ поступающихъ въ Сенатъ и теперь превышаетъ его рабочую силу. Всего же прискорбнѣе то что, вопреки первоначальнымъ, по правдѣ сказать ни на чемъ не основаннымъ ожиданіямъ, число жалобъ признаваемыхъ *уважительными* отнюдь не ничтожно. Мы не имѣемъ подъ руками точныхъ статистическихъ данныхъ о движеніи дѣлъ въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ, и намъ не извѣстно были ли таковыя обнародованы. Но можно смѣло сказать что число кассацій равняется никакъ не менѣе 25% общаго числа подаваемыхъ въ Сенатъ жалобъ.

Изъ *четырехъ* судебныхъ рѣшеній восходящихъ на провѣрку кассаціоннаго суда (а вслѣдствіе кассаціоннаго залога бо́льшая часть малоцѣнныхъ дѣлъ, то-есть до тысячи рублей, вовсе не доходитъ до Сената), *одно* признается недѣйствительнымъ. И эти рѣшенія приходится не только пересмотрѣть, но и принять мѣры къ удовлетворенію стороны потерпѣвшей отъ первоначальнаго рѣшенія! И вотъ такой существенный актъ правосудія оказывается неисполнимымъ.

Неужели же можно и теперь, послѣ весьма поучительнаго пятнадцатилѣтняго опыта, утверждать что порядокъ нами разбираемый не причиняетъ большаго вреда, какъ предполагали прежде по соображеніямъ теоретическимъ, безо всякаго указанія опыта?

Разбираемое правило мотивировано въ соображеніяхъ Государственной Канцеляріи исключительно съ отрицательной точки зрѣнія. Нельзя де ожидать чтобы произошелъ особенный *вредъ* отъ того что придется „въ рѣдкихъ лишь случаяхъ“ исправлять не на бумагѣ только, а на дѣлѣ ошибки суда. Мы видѣли что вредъ оказывается нерѣдкимъ и немаловажнымъ. Но какая же *польза* отъ столь существеннаго нарушенія идеи правосудія? Польза эта усматривалась, какъ слѣдуетъ полагать, въ томъ что отъ такого порядка значительно выигрывала быстрота судопроизводства. Но быстрота судопроизводства имѣетъ цѣну лишь въ томъ случаѣ когда быстрый судъ есть въ то же время и правый судъ.

Скорымъ рѣшеніемъ тяжущіеся дорожатъ когда оно представляетъ собой окончательное слово правосудія для обѣихъ сторонъ. Но та сторона которая жалуется на рѣшеніе подлежащее исполненію, очевидно, бываетъ заинтересована какъ разъ въ противоположномъ, то-есть чтобъ исполненіе было отсрочено до разсмотрѣнія дѣла въ послѣдней инстанціи.

Бываютъ дѣла, но далеко не всѣ, гдѣ быстрота исполненія составляетъ существенное условіе самой справедливости онаго. Но не трудно доказать что цѣль эта можетъ быть достигнута и помимо того порядка который принятъ въ нашемъ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства.

№ 177.

Москва, 27-го Іюня.

Предположенія наши о томъ что злодѣйское покушеніе на жизнь президента Гарфильда было дѣломъ политической, а не личной расправы начинаютъ оправдываться.

„Во всякомъ случаѣ,“ объяснилъ убійца въ письмѣ написанномъ предъ покушеніемъ, „я долженъ заявить что *мною руководило не личное чувство ненависти къ президенту;* его смерть была *политическою необходимостью.*“ А изъ другихъ заявленій этого негодяя мы прямо узнаемъ какая политическая партія выбрала его своимъ орудіемъ. „Я адвокатъ, теологъ, политикъ,“ пишетъ Гито, и къ этому прибавляетъ: „я *стальвартъ изъ стальвартовъ!*“ Стальвартами называютъ себя приверженцы бывшаго нью-йоркскаго сенатора Конклинга, злѣйшаго политическаго врага президента. Мы уже имѣли случай указать на ту ожесточенную борьбу которую вела партія конклингистовъ противъ президента Гарфильда за то что онъ не подчинялся ея указаніямъ при выборѣ государственныхъ чиновниковъ, и въ особенности за то что онъ такъ энергически предпринялъ походъ противъ той ужасной заразы взяточничества и казнокрадства которая охватила сѣверо-американскую республику во время двукратнаго президентства генерала Гранта, и съ которой не могъ справиться предшественникъ Гарфильда, бывшій президентъ Гейесъ. Цѣлая масса невѣроятнѣйшихъ финансовыхъ злоупотребленій была уже раскрыта министрами президента Гарфильда; предприняты были въ послѣднее время новыя разслѣдованія, и грантистамъ собравшимся подъ именемъ *стальвартовъ* вокругъ г. Конклинга грозило полное разоблаченіе всѣхъ грязныхъ и темныхъ операцій, рьянымъ защитникомъ которыхъ нью-йоркскій сенаторъ выступилъ еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Разоблаченіе это повлекло бы за собой полное политическое уничтоженіе *стальвартовъ*, которые надѣялись продержаться кое-какъ до 1884 года, а затѣмъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настоять на избраніи въ президенты генерала Гранта или же самого г. Конклинга, выступившаго уже разъ въ 1876 году кандидатомъ противъ г. Гойеса. Требовалось во что бы то ни стало теперь же, немедленно, устранить президента Гарфильда, дабы сразу пресѣчь начатыя имъ „финансовыя разслѣдованія.“ И вотъ явился въ въ нужную минуту смѣлый „устранитель президента“ адвокатъ Чарлзъ Гито.

Неужели однако конклингисты могли надѣяться что со смертью Гарфильда взяточничество и казнокрадство ихъ приверженцевъ останутся не раскрытыми? Да, они имѣли полное основаніе питать такую надежду. Самъ Гито ясно указалъ не только на мотивъ, но и на прямую цѣль своего преступленія. „Хорошо,“ сказалъ онъ арестовавшему его полицейскому, „это я сдѣлалъ и пойду за это въ тюрьму, *а Артуръ все-таки будетъ президентомъ.*“

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы президентъ Гарфильдъ умеръ, то преемникомъ его до 1884 года былъ бы, на основаніи конституціоннаго закона, теперешній вице-президентъ Соединенныхъ Штатовъ генералъ Честеръ Артуръ, личный другъ г. Конклинга, вѣрный товарищъ его въ избирательномъ походѣ за генерала Гранта и занимавшій съ 1871 до 1880 года чрезвычайно „доходное“ мѣсто сборщика нью-йоркской таможни, на которое, какъ наши читатели помнятъ, президентъ Гарфильдъ недавно назначилъ, несмотря на всѣ интриги конклингистовъ, г. Робертсона съ тою цѣлью чтобъ онъ раскрылъ злоупотребленія генерала Артура. Такимъ образомъ оказывается что президентъ Гарфильдъ и вице-президентъ Артуръ, хотя избранные вмѣстѣ республиканскою партіей въ 1880 году, принадлежатъ къ двумъ враждебнѣйшимъ фракціямъ этой партіи. Это

странное явленіе объясняется тѣмъ компромиссомъ который конклингисты заключили прошлымъ лѣтомъ со своими противниками на избирательномъ конгрессѣ въ Чикаго. Отказавшись отъ избранія своего кандидата, генерала Гранта, они настояли на томъ чтобы по крайней мѣрѣ при президентѣ Гарфильдѣ состоялъ вице-президентомъ *стальвартъ* генералъ Артуръ. Они надѣялись что такимъ образомъ президентъ будетъ парализованъ въ своей „очистительной" дѣятельности. Но энергія президента Гарфильда не оправдала ихъ надежды, и они поэтому не могли ожидать для себя болѣе счастливой случайности какъ смерть президента. „У адвоката Гито," говоритъ одна американская газета, „достало духу *сдѣлать* то чего другіе безумцы только *желали*."

Теперь намъ становится яснымъ почему *стальварту* Гито нужно было чтобъ „Артуръ былъ президентомъ" Нѣтъ сомнѣнія что новый президентъ положилъ бы начало политикѣ которая совершенно противорѣчила бы направленію данному дѣламъ президентомъ Гарфильдомъ. Такъ какъ министры въ Соединенныхъ Штатахъ зависятъ только отъ президента, то генералъ Артуръ выбралъ бы себѣ новое министерство изъ рядовъ своихъ товарищей-стальвартовъ; ими же онъ замѣстилъ бы также всѣ государственныя должности отнятыя у конклингистовъ президентомъ Гарфильдомъ, и такимъ образомъ всѣ прежнія хищенія остались бы нераскрытыми, а *новыя* организовались бы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и на самыхъ прочныхъ основаніяхъ.

Адвокатъ Гито принадлежитъ конечно не къ хладнокровнымъ политикамъ, а скорѣе къ тѣмъ политическимъ фанатикамъ которые являются столь послушными орудіями въ рукахъ политическихъ партій. Очень можетъ быть что его фанатизмъ даже нѣсколько нарушилъ нормальное состояніе его умственныхъ способностей, хотя для подобнаго предположенія не имѣется положительныхъ указаній. Напротивъ того, свидѣтели его злодѣйскаго покушенія говорятъ что „онъ отнюдь непохожъ на сумашедшаго," что „во взглядѣ его виднѣлась твердость и рѣшительность, а вовсе не безуміе и дѣйствовалъ онъ съ поразительнымъ спокойствіемъ." „Онъ слишкомъ хорошо зналъ что дѣлалъ," говоритъ о немъ республиканская газета *New York Tribune*. Онъ предъ своимъ преступленіемъ написалъ даже письмо вице-президенту Артуру, въ которомъ его увѣдомилъ объ убіеніи президента Гарфильда и совѣтовалъ назначить первымъ министромъ въ будущемъ кабинетѣ никого другаго какъ г. Конклинга. Если онъ фанатикъ, то во всякомъ случаѣ такой же какъ Гёдель, Нобилингъ, Пассананте, Монкасси, какъ Гартманъ, Михайловъ, Желябовъ и Перовская. Всѣ они — убійцы „по убѣжденію," негодяи — „по принципу." Форма правленія никогда не оградитъ главу государства и общественное спокойствіе отъ убійцъ этого рода. Защиту отъ нихъ нужно искать не въ конституціи, не въ парламентаризмѣ, не въ „правовыхъ гарантіяхъ" и ужъ конечно не въ нашемъ лжелиберализмѣ, а въ поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня общества. Если цареубійства стали возможными въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи, въ Америкѣ и наконецъ въ Россіи, то это служитъ признакомъ что въ обществѣ этихъ странъ глубоко пустили корни всякія безнравственныя начала, атеизмъ, матеріализмъ, поверхностное образованіе, лютая язва нашего времени, образованіе, которое подъ именемъ реальнаго развращаетъ и ослабляетъ умы фальшивымъ энциклопедизмомъ. Если Англія до сихъ поръ спаслась отъ цареубійства, то она этому обязана конечно не конституціи своей, а болѣе прочнымъ условіямъ своего образованія.

Оградить нашихъ дѣтей отъ язвы матеріализма и поверхностнаго образованія, этихъ двухъ наиболѣе пригодныхъ для крамолы элементовъ — вотъ первая, священнѣйшая наша обязанность.

№ 180.

Москва, 30-го Іюня.

Въ послѣднее время и на русскихъ, и на заграничныхъ биржахъ, и въ русской и особенно въ иностранной печати, идутъ настойчивые и частію хвалебные толки о какомъ-то грандіозномъ проектѣ который уже выработанъ де нашимъ финансовымъ управленіемъ и которому въ непродолжительномъ времени данъ будетъ практическій ходъ. О сущности проекта, о предметахъ коихъ онъ касается, говорятъ различно. Есть, между прочимъ, такой ва-

ріантъ что проектъ заключаетъ въ себѣ способы сокращенія бюджетныхъ расходовъ. Такой проектъ несомнѣнно былъ бы встрѣченъ общимъ одобреніемъ, и нельзя не пожелать ему скорѣйшаго осуществленія. Отсутствіе должной бережливости въ нашемъ бюджетномъ хозяйствѣ давно признанный фактъ; указаніями на необходимость ея изъ году въ годъ заключаются всеподданнѣйшіе доклады министровъ финансовъ; давно уже существуетъ особая Коммиссія по предмету сокращенія государственныхъ расходовъ, хотя дѣятельность ея до сихъ поръ не выразилась замѣтными практическими результатами. Финансовое управленіе, сдѣлавъ серіозный шагъ въ этомъ направленіи, конечно, заслужило бы общую благодарность. Но трудно повѣрить чтобы проекты подобнаго содержанія могли особенно интересовать заграничный биржевой міръ и чтобъ этотъ міръ сталъ восторгаться ими: ему улыбается возможность русскихъ финансовыхъ проектовъ совсѣмъ иной категоріи.

То же можно сказать отчасти и о другой версіи толковъ, о томъ что предполагаемый проектъ касается введенія въ Россіи подоходнаго налога. Это совершенно внутреннее русское дѣло, нисколько для иностранныхъ биржъ не интересное. Въ Россіи легко помириться съ этимъ налогомъ если онъ будетъ чуждъ тѣхъ несообразностей которыми былъ полонъ провалившійся два-три года назадъ проектъ поразряднаго налога, если будетъ очевидна его государственная необходимость, если, напримѣръ, онъ будетъ стоять въ тѣсной связи съ давно возвѣщеннымъ преобразованіемъ всей нашей устарѣлой системы налоговъ. Правда, можно замѣтить что не со введенія новой прямой подати желательнѣе было бы начать улучшеніе этой системы, а съ измѣненія налоговъ косвенныхъ. До сихъ поръ у насъ въ этомъ отношеніи пересматривались только акцизы. Давно бы пора обратиться къ нашему устарѣлому и давно признанному негоднымъ таможенному тарифу. Общій, всесторонній пересмотръ этого тарифа, устраненіе въ немъ всего что навязано намъ сторонниками разныхъ доктринъ и установленіе таможенныхъ пошлинъ согласно требованіямъ національныхъ интересовъ, дало бы жизнь новымъ отраслямъ народнаго производства и труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько увеличило бы государственные обо-ры что въ подъемѣ существующихъ и во введеніи новыхъ налоговъ, можетъ-быть, не оказалось бы надобности. Во всякомъ случаѣ, однако, трудно понять почему бы за границей могли особенно интересоваться проектомъ введенія подоходнаго налога въ Россіи. Тамъ можетъ быть интересна развѣ непосредственная цѣль такого налога, какъ источника для уплаты процентовъ по какому-либо новому большому заграничному займу.

И дѣйствительно, гораздо болѣе чѣмъ о сокращеніи нашихъ бюджетныхъ расходовъ и о введеніи у насъ новыхъ налоговъ, толкуютъ на биржахъ именно о такихъ проектахъ исполненіе коихъ сопряжено съ заключеніемъ большихъ заграничныхъ займовъ. Говорятъ о новомъ планѣ возстановленія въ Россіи металлическаго обращенія и по меньшей мѣрѣ объ усиленномъ извлеченіи кредитныхъ билетовъ изъ народнаго обращенія. Русское финансовое управленіе хочетъ будто бы ускорить уплату такъ-называемаго текущаго долга Государственнаго Казначейства Государственному Банку, разсроченную указомъ 1 января на восемь лѣтъ, и раздѣлаться со всѣмъ этимъ четырехсотмилліоннымъ долгомъ какъ можно скорѣе, занявъ за границей нужныя для того суммы. Существованію такого проекта однако едва ли можно повѣрить, не потому что онъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ нашими государственными интересами, не потому что онъ легъ бы огромною тяжестью на бюджетныя средства, создавъ вмѣстѣ съ тѣмъ страшный кризисъ во всемъ народномъ хозяйствѣ, — проекты такого рода возникаютъ у насъ сплошь и рядомъ, — а потому что исполненіе его въ настоящее время было бы обставлено слишкомъ большими трудностями. Недавняя неудача постигшая пятидесятимилліонный выпускъ краткосрочныхъ свидѣтельствъ Государственнаго Казначейства и еще болѣе крупный фактъ неудачи италіянскаго займа предпринятаго съ цѣлію возстановленія въ Италіи металлическаго денежнаго обращенія, должны послужить для всякаго финансоваго управленія серіознымъ предостереженіемъ не обращаться въ настоящее время со слишкомъ большими требованіями къ денежному міру. Едва ли, впрочемъ, и ожидается въ этомъ отношеніи что-нибудь серіозное. На нашихъ биржахъ не только признается, но даже преувеличивается въ

настоящее время неблагопріятность денежныхъ рынковъ для большихъ займовыхъ операцій. Именно выражается опасеніе что неудача постигнетъ пожалуй и тотъ стомилліонный или полуторастамилліонный заемъ который, какъ полагаютъ, потребуется для подкрѣпленія Государственнаго Казначейства, независимо отъ всякихъ доктринерскихъ проектовъ. Серіозныхъ основаній для такого пессимистичскаго взгляда не имѣется. Изъ того что люди имѣющіе деньги не бросились съ увлеченіемъ на краткосрочныя бумаги дающія только четыре годовые процента отнюдь не слѣдуетъ чтобы не нашлось желающихъ разобрать займовыя облигаціи приносящія обычный процентъ, притомъ еще со спеціальными выгодами предоставляемыми подписчикамъ займовъ при ихъ реализаціи. Но для чрезвычайныхъ займовъ обстоятельства дѣйствительно неблагопріятны, и это обстоятельство позволяетъ успокоиться на счетъ того чтобъ имѣлись въ виду тѣ разорительные для Россіи финансовые планы которые служатъ нынѣ темой биржевыхъ разговоровъ и сужденій печати за границей.

Несравненно болѣе тревожный характеръ имѣютъ толки о преобразованіи Государственнаго Банка. Что банкъ этотъ нуждается въ преобразованіи, что дѣятельности его желательно дать иное чѣмъ донынѣ направленіе, объ этомъ едва ли можно спорить. Но въ какомъ смыслѣ предполагается преобразовать его, неизвѣстно, и именно эта-то неизвѣстность и порождаетъ тревогу. Особенно заставляетъ тревожиться то обстоятельство что предполагаемое преобразованіе нашего Государственнаго Банка вызываетъ радость за границей, а тамъ ужь конечно не стали бы восторгаться такою постановкой главнаго въ Россіи кредитнаго учрежденія которая не была бы на руку банкирамъ привыкшимъ смотрѣть на Россію какъ на дойную корову. А у насъ къ тому же болѣе двадцати лѣтъ была въ ходу мысль именно такого преобразованія Государственнаго Банка которое лишило бы это учрежденіе всякаго національнаго характера и отдало бы распоряженіе всѣми денежными оборотами Россіи въ своекорыстныя руки, ничего общаго съ народомъ не имѣющія. Обратить Государственный Банкъ изъ правительственнаго въ частное привилегированное учрежденіе, передать распоряженіе всѣми производимыми имъ операціями изъ рукъ правительства въ руки акціонеровъ,— вотъ сущность преобразованія которое у насъ много разъ предлагалось и которое имѣется въ виду и при всѣхъ идущихъ нынѣ толкахъ. Препятствій къ такому преобразованію во внѣшнихъ условіяхъ не имѣется. Это не то что грандіозный заемъ который можетъ потерпѣть фіаско. За акціонерами желающими купить мощный рычагъ русской финансовой и народно-хозяйственной жизни дѣло не станетъ. И въ рядахъ этихъ акціонеровъ, конечно, самою главною, сплоченною силой явятся иностранные банкиры. Постановите правиломъ чтобъ акціями русскаго національнаго банка не могъ владѣть ни одинъ иностранецъ, и все-таки эти акціи окажутся въ рукахъ если не самихъ банкировъ иностранныхъ, то ихъ агентовъ, и выбранные такими акціонерами распорядители Банка будутъ послушными орудіями всякихъ спекуляцій для эксплуатаціи Россіи.

Мы и безъ того, благодаря нашей зависимости отъ иностранцевъ, служимъ для нихъ предметомъ постоянной эксплуатаціи. Всѣ наши денежныя цѣнности, наравнѣ съ вексельными курсами, служатъ для нихъ постояннымъ предметомъ игры, повышаясь и понижаясь согласно съ видами ея главныхъ заправителей. При полной покорности нашихъ биржъ заграничнымъ произволъ заграничныхъ биржевиковъ въ распоряженіи всѣмъ нашимъ денежнымъ рынкомъ могъ находить, хотя далеко не всегда находилъ, сильный противовѣсъ только въ Государственномъ Банкѣ. Стóитъ ему обратиться въ акціонерный, и изъ возможнаго противника онъ сдѣлается мощнымъ союзникомъ заграничныхъ спекулянтовъ на русскій счетъ. Какъ имъ не радоваться слухамъ о проектѣ который сдѣлалъ бы ихъ господами всего русскаго кредита! Покупка и продажа золота и серебра, попеременное сжатіе и расширеніе бумажнаго денежнаго обращенія (въ видѣ ли кредитныхъ или банковыхъ билетовъ, все равно), покупка и продажа то тѣхъ, то другихъ бумагъ, повышеніе и пониженіе размѣровъ выдаваемой подъ нихъ ссуды, подъемъ и пониженіе учетнаго процента, наполненіе вексельнаго портфеля именно такими, а не другими векселями, поддержки однихъ и подрывъ другихъ частныхъ банковыхъ учрежденій, все это дѣ-

лалось бы не въ томъ направленіи какъ требуется государственными интересами, а какъ найдутъ выгоднѣе акціонеры, то-есть ихъ уполномоченные. Спаси Богъ Россію отъ проекта который создастъ ей врага изъ государственнаго учрежденія основаннаго для ея блага. Никто бы не повѣрилъ такому проекту еслибы лежащая въ его основѣ мысль не была модною и не заключалась бы именно въ отчужденіи отъ государства одной изъ важнѣйшихъ областей государственнаго вѣдѣнія. Ослабить государство въ явный вредъ всей странѣ, это такъ *либерально*, такъ согласно съ проповѣдуемою теоріей установленія въ Россіи „праваго порядка...“

№ 181.

Москва, 1-го іюля.

Установленіе правила чтобы судебныя рѣшенія тогда только вступали въ законную силу когда дѣло прошло всѣ пути провѣрки по инстанціямъ, не исключая и кассаціонной, устранило бы изъ нашего гражданскаго процесса одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ допущенныхъ при кабинетной его разработкѣ, безъ указаній опыта. Предвидя возраженія, мы для лучшаго выясненія дѣла считаемъ нелишнимъ разобрать ихъ.

Возраженія прежде всего будутъ заключаться въ тѣхъ самыхъ соображеніяхъ на коихъ было основано самое установленіе теперешняго порядка и которыя отчасти нами уже разобраны. Скажутъ что въ видахъ *скорости* процедуры, составляющей важное условіе всякаго правильнаго суда, необходимо ограничиться двумя инстанціями, разрѣшающими дѣло по существу, кассаціонная же инстанція не есть уже путь ординарнаго суда, а производство исключительное, установленное не столько въ интересахъ тяжущихся, сколько въ интересахъ государства, для единообразнаго толкованія и примѣненія закона. Разсужденіе это не вѣрно потому что и кассаціонный судъ призывается къ провѣркѣ судебныхъ рѣшеній низшихъ инстанцій не иначе какъ по волѣ и желанію одной изъ заинтересованныхъ сторонъ; а коль скоро законъ даетъ тяжущемуся право прибѣгать къ защитѣ высшаго суда противъ низшаго, жалобщику не можетъ въ то же время быть навязана фикція, заключающая въ себѣ *contradictio in adjecto*, будто рѣшеніе подлежащее возможной отмѣнѣ какъ неправильное есть все-таки окончательное рѣшеніе.

Но нельзя отрицать того что бываютъ дѣла въ которыхъ проволочка производства уничтожаетъ самую возможность возстановленія нарушеннаго права. Въ извѣстныхъ случаяхъ, лишь быстрое вмѣшательство судебной власти можетъ спасти того кто къ суду прибѣгаетъ отъ невозвратной потери. Если примѣнить къ этимъ случаямъ всю сложную процедуру движенія дѣла по инстанціямъ, съ соблюденіемъ всѣхъ сроковъ, то полученное въ концѣ концовъ рѣшеніе оказалось бы пустымъ звукомъ, за уничтоженіемъ самого спорнаго предмета. Но тамъ гдѣ требуется немедленное и активное вмѣшательство суда невозможно допустить и той проволочки которая связана съ переходомъ дѣла въ аппеляціонную инстанцію. Относительно такихъ дѣлъ законъ и теперь даетъ суду и тяжущимся два способа: *обезпеченіе исковъ* и *предварительное* исполненіе рѣшеній постановленныхъ въ первой инстанціи суда. Обезпеченіе допускается „когда судъ, по соображенію доказательствъ истца, усмотритъ что необезпеченіе иска, представляющагося достовѣрнымъ, можетъ лишить истца возможности получить удовлетвореніе“ (ст. 591 Уст. Гр. Суд.). Иски обезпечиваются наложеніемъ запрещенія на недвижимое имѣніе, арестомъ движимости и поручительствомъ. Предварительное исполненіе рѣшенія допускается не иначе какъ по просьбѣ тяжущагося, въ слѣдующихъ случаяхъ: когда присуждено денежное взысканіе по акту законнымъ образомъ засвидѣтельствованному; когда за истеченіемъ срока найма наниматель обязанъ по рѣшенію очистить или сдать состоявшее въ наймѣ имущество, или когда рѣшеніемъ положено передать имущество состоявшее въ незаконномъ владѣніи; когда по спору о личномъ наймѣ рѣшеніемъ вмѣнено въ обязанность нанимателю отпустить состоявшаго у него въ услуженіи и работѣ, или сему послѣднему предоставлено отойти отъ нанимателя, и наконецъ когда по особымъ обстоятельствамъ дѣла отъ замедленія въ исполненіи рѣшенія можетъ послѣдовать значительный ущербъ для тяжущагося въ пользу котораго рѣшеніе послѣдовало, или самое исполненіе можетъ оказаться невозможнымъ (ст. 737 Уст. Гражд. Суд.).

Исчисленными случаями вполнѣ исчерпывается тотъ разрядъ дѣлъ при коихъ быстрота производства составляетъ столь существенную необходимость что ради ея допускается рискъ принудительнаго исполненія рѣшенія которое въ послѣдствіи можетъ оказаться неправильнымъ. Но не говоря уже объ обезпеченіи исковъ которые и въ случаѣ неправильнаго допущенія онаго не могутъ нанести непоправимаго вреда, такъ какъ высшая инстанція простою отмѣной такого распоряженія возстановляетъ во всей полнотѣ право владѣльца секвестрованнаго, но не отнятаго имущества, самое *исполненіе* рѣшеній предварительно допущенное судомъ первой степени сопряжено съ меньшимъ рискомъ возможной несправедливости нежели заурядное исполненіе *всѣхъ* рѣшеній аппелляціонной инстанціи. Вопервыхъ, судъ первой степени можетъ допустить такое исполненіе лишь въ извѣстныхъ указанныхъ въ законѣ случаяхъ, и только по просьбѣ тяжущагося; стало-быть, судъ выслушиваетъ и взвѣшиваетъ тѣ соображенія по коимъ ему предъявлено такое ходатайство, и удовлетворяя оное, судъ съ своей стороны долженъ мотивировать свое распоряженіе. Еслибы въ послѣдствіи оказалось что распоряженіе сдѣлано неправильно, безъ достаточныхъ поводовъ, а между тѣмъ произошелъ непоправимый вредъ отъ неосновательно допущеннаго исполненія, то на судъ падаетъ отвѣтственность за слишкомъ поспѣшное или мало обдуманное дѣйствіе. Притомъ суду предоставлено, а въ иныхъ случаяхъ даже вмѣнено въ обязанность, допустить предварительное исполненіе съ истребованіемъ обезпеченія отъ стороны просящей объ исполненіи (ст. 738). Наконецъ, и это всего важнѣе, рѣшеніе суда первой степени, предварительно исполненное, все-таки не есть рѣшеніе вошедшее въ законную силу, а потому не можетъ служить источникомъ дальнѣйшихъ правъ. Напримѣръ, еслибы по рѣшенію окружнаго суда было предварительно отобрано у одной стороны и передано другой какое-либо имущество, то сторона получившая оное не могла бы совершить никакихъ актовъ на передачу правъ на это имущество доколѣ рѣшеніе не вступило бы въ законную силу.

Изъ изложеннаго видно что законодатель, признавая съ одной стороны что по извѣстнымъ дѣламъ правосудіе должно само отступить отъ важнѣйшей гарантіи своей непогрѣшимости, провѣрки низшаго суда высшимъ, съ другой стороны вполнѣ сознавалъ что такія отступленія отъ нормальнаго порядка могутъ быть допускаемы лишь въ видѣ исключенія и должны быть обставлены такими условіями кои по возможности обезпечивали бы стороны отъ непоправимаго вреда вслѣдствіе ошибки суда.

Спрашивается, есть ли въ этомъ отношеніи разница между рѣшеніями суда первой и второй степени? Судебная палата и мировой съѣздъ, также какъ и мировой судья и окружный судъ, подлежатъ *по каждому дѣлу* провѣркѣ третьей и послѣдней инстанціи. Значитъ и ихъ рѣшенія, если исполняются, то исполняются предварительно, а не окончательно. Не проще ли было бы поэтому и не справедливѣе ли примѣнить и къ аппелляціоннымъ инстанціямъ тотъ же порядокъ который принятъ по предмету исполненія рѣшеній въ судахъ первой степени? Если тяжущійся нуждается въ томъ чтобы получить удовлетвореніе прежде окончательнаго рѣшенія кассаціоннаго суда, онъ долженъ заявить о томъ и въ аппелляціонной инстанціи особое ходатайство, а судъ второй степени удовлетворяетъ оное лишь когда находитъ ходатайство уважительнымъ и, сверхъ того, можетъ потребовать обезпеченія на случай еслибы противная сторона выиграла дѣло въ Сенатѣ и пришлось бы возстановить ее въ нарушенныхъ правахъ.

Не слѣдуетъ при этомъ забывать что дѣла поступаютъ въ аппеляціонный судъ не иначе какъ послѣ разрѣшенія въ судѣ первой степени. Отсюда слѣдуетъ что при первомъ разсмотрѣніи или вовсе не было возбуждено ходатайство о предварительномъ исполненіи, или же что таковое отвергнуто. Стало-быть аппелляціонныя дѣла имѣютъ за собой менѣе вѣроятія въ дѣйствительной необходимости скораго исполненія нежели дѣла разсматриваемыя въ первой инстанціи, а между тѣмъ всякое рѣшеніе аппелляціоннаго суда *ipso jure* подлежитъ исполненію!

Въ заключеніе укажемъ на примѣръ новѣйшаго и безспорно самаго совершеннаго изъ европейскихъ кодексовъ гражданскаго судопроизводства — на германскую *Civilprocessordnung*. Изъ § 523 этого кодекса видно что рѣшенія судовъ еще под-

лежащія провѣркѣ въ порядкѣ кассаціи (или *ревизіи* какъ гласитъ нѣмецкій терминъ) не считаются окончательными и могутъ быть исполняемы не иначе какъ *предварительно* вслѣдствіе ходатайства и по особому постановленію суда.

№ 182.

Москва, 2-го Іюля.

Еще одно возраженіе противъ измѣненія порядка исполненія судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, сверхъ того о коемъ мы говорили въ № 181 *Моск. Вѣд.*, будетъ заключаться въ томъ что пріостановленіе исполненія аппеляціонныхъ рѣшеній до провѣрки этихъ рѣшеній въ кассаціонномъ порядкѣ, или до истеченія срока на принятіе кассаціонной жалобы, послужитъ поощреніемъ для недобросовѣстныхъ тяжущихся, которые будутъ пользоваться правомъ обжалованія „окончательныхъ" рѣшеній исключительно съ цѣлью отсрочки исполненія оныхъ и обременять Сенатъ массою неосновательныхъ жалобъ.

Это возраженіе безспорно очень вѣское; но и оно при ближайшемъ разсмотрѣніи не выдерживаетъ критики. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы главною заботой при организаціи суда было предупредить возможность недобросовѣстнаго пользованія процессуальными гарантіями тогда слѣдовало бы ограничиться лишь одною инстанціей суда и вовсе не допускать переноса дѣла ни въ аппеляціонную, ни въ кассаціонную инстанцію, такъ какъ и въ аппеляціонныя инстанціи приносится очень много жалобъ неосновательныхъ имѣющихъ цѣлью лишь отдалить моментъ принудительнаго исполненія. Но помимо этого неосновательная жалоба еще не есть доказательство того что жалобщикъ обратился къ высшему суду завѣдомо недобросовѣстно. Какъ бы ни былъ совершенъ законъ регулирующій гражданскія правоотношенія онъ никогда не можетъ обнять всѣхъ случаевъ дѣйствительной жизни кои должны быть подведены подъ него. Сложное устройство суда и провѣрка рѣшеній по инстанціямъ отъ которой до сихъ поръ нигдѣ совершенно не отказывалось правосудіе лучше всего это доказываетъ. Наши же законы, коихъ примѣненіе и толкованіе возложены на судъ, во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительны и суду приходится не только ихъ толковать, но и весьма часто дополнять, такъ какъ жизнь давно опередила ихъ устарѣвшія нормы, и въ массѣ случаевъ нашъ гражданскій кодексъ не даетъ никакого отвѣта на поставленный вопросъ, а между тѣмъ судъ *обязанъ* дать этотъ отвѣтъ. Судебное рѣшеніе по такимъ вопросамъ, на которые не имѣется прямаго и яснаго отвѣта въ законѣ, перестаетъ казаться произвольнымъ лишь съ того момента когда они подтверждены высшимъ авторитетомъ Кассаціоннаго Суда коему присвоено право обязательной интерпретаціи законовъ. Возможно ли, въ виду одного этого соображенія, искусственно преграждать тяжущимся путь къ высшей инстанціи, коль скоро такой судъ существуетъ? А этотъ путь несомнѣнно преграждается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда тяжущійся знаетъ что исполненное рѣшеніе, которое онъ можетъ обжаловать, если и будетъ измѣнено на бумагѣ, окажется непоправимымъ на дѣлѣ.

Но, скажутъ, возможно ли не принять во вниманіе необходимости оградить Сенатъ отъ чрезмѣрнаго накопленія дѣлъ? Не слѣдуетъ ли опасаться что вслѣдствіе измѣненія порядка, который и теперь не вполнѣ избавляетъ верховный трибуналъ отъ массы неосновательныхъ жалобъ, накопленіе дѣлъ возрастетъ до такихъ размѣровъ что Сенату не будетъ никакой возможности осилить свою задачу?

Количество дѣлъ поступающихъ въ Сенатъ конечно возрасло бы; но едва ли это должно быть признано непреодолимымъ препятствіемъ къ устраненію аномалій. Практика нашего суда вообще доказала до какой степени плохо разчитано было при составленіи судебныхъ уставовъ количество рабочей силы потребной для того чтобъ осилить трудъ возложенный на Кассаціонный Судъ. По первоначальному штату кассаціонныхъ департаментовъ Сената, составъ оныхъ былъ опредѣленъ всего изъ 8 сенаторовъ (по 4 на каждый департаментъ), и при нихъ прокуратура изъ 4 лицъ (по 2 на департаментъ). Съ 1877 года штатъ этотъ получилъ громадное приращеніе: всѣхъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ состоитъ нынѣ 51 (27 въ уголовномъ, 23 въ гражданскомъ и одинъ первоприсутствующій въ общемъ собраніи департаментовъ). Личный составъ сенатской прокуратуры, играющей весьма важ-

ную роль въ производствѣ кассаціоннаго суда, доведенъ до 26 (13 при уголовномъ, 12 при гражданскомъ департаментѣ и одинъ оберъ-прокуроръ при общемъ собраніи). Вмѣстѣ съ измѣненіемъ штатовъ значительно упрощенъ самый порядокъ производства въ кассаціонномъ судѣ; департаменты подраздѣлены на отдѣленія. Въ присутствіе департаментовъ (изъ семи сенаторовъ) поступаютъ лишь такія дѣла „по которымъ оказывается необходимость въ разъясненіи точнаго смысла законовъ для руководства къ единообразному ихъ истолкованію и примѣненію.“ Только по этимъ дѣламъ изготовляются и печатаются во всеобщее свѣдѣніе подробно мотивированныя рѣшенія. Всѣ же прочія дѣла по коимъ не предстоитъ надобности въ новыхъ указаніяхъ Сената на толкованіе законовъ, разсматриваются въ отдѣленіяхъ (въ присутствіи лишь трехъ сенаторовъ), и по этимъ дѣламъ Сенатъ ограничивается краткою резолюціей. Сверхъ того, Сенату предоставлено суммарно отвергать въ распорядительномъ засѣданіи всѣ тѣ жалобы кои предъявлены съ нарушеніемъ установленныхъ законовъ формальныхъ условій, или же не заключаютъ въ себѣ никакихъ указаній на поводы къ отмѣнѣ рѣшенія.

При такомъ значительномъ личномъ составѣ и столь существенныхъ облегченіяхъ, нельзя думать чтобы можно было опасаться такого обремененія Сената которое ему было бы невозможно осилить. Нѣтъ сомнѣнія что возможность отсрочить исполненіе рѣшенія побудитъ къ подачѣ кассаціонныхъ жалобъ многихъ тяжущихся, которые нынѣ отъ этого воздерживаются не видя въ томъ никакой для себя практической пользы. Но далеко не *всѣ* тяжущіеся будутъ имѣть интересъ затягивать дѣло и при введеніи того измѣненія о коемъ мы говоримъ. Предварительное исполненіе рѣшеній, которое допускалось бы судами первой и второй степени, и притомъ гораздо чаще нежели теперь, послужитъ самымъ важнымъ и вполнѣ правомѣрнымъ коррективомъ въ этомъ отношеніи. Другою задержкой, хотя и менѣе нормальною, будетъ служить кассаціонный залогъ. Тотъ избытокъ дѣлъ на который дѣйствительно увеличится производство Сената распредѣлился бы на двѣ категоріи: 1) жалобы приносимыя, безъ какого-либо основательнаго повода, съ исключительною цѣлью протянуть дѣло и отсрочить исполненіе рѣшенія и 2) жалобы по такимъ дѣламъ, гдѣ имѣются вѣскіе доводы, противъ рѣшенія апелляціоннаго суда, но по которымъ въ настоящее время нѣтъ разсчета обращаться къ кассаціонному суду въ виду того что, разъ исполненныя, эти рѣшенія становятся непоправимыми.

Первый разрядъ жалобъ очевидно не можетъ причинить Сенату никакого важнаго обремененія, какъ бы велико ни было количество этихъ жалобъ. Онѣ будутъ отвергаемы суммарно въ распорядительномъ засѣданіи; а для этого будетъ достаточно бѣгло просмотрѣть жалобу. Что же касается жалобъ второй категоріи, то само собою разумѣется что относительно такихъ жалобъ не можетъ быть и рѣчи о большемъ или меньшемъ обремененіи Сената, ибо одно изъ двухъ: либо такихъ жалобъ окажется не много; тогда не будетъ и обремененія; либо въ Сенатъ станетъ поступать не малое количество жалобъ, требующихъ серіознаго разсмотрѣнія, которыя при теперешнемъ порядкѣ остаются неподанными. Но если таково будетъ послѣдствіе предлагаемой поправки въ судебныхъ уставахъ, то это будетъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ несостоятельности теперь существующаго порядка.

Еслибы наступило второе изъ указанныхъ послѣдствій и теперешнему составу Кассаціоннаго Суда было бы дѣйствительно не по силамъ новое приращеніе его труда, тогда разумѣется оставалось бы лишь еще увеличить штатъ Кассаціоннаго Суда, дабы къ его правосудію могли прибѣгать всѣ тѣ кто нынѣ лишенъ этой важнѣйшей гарантіи гражданскаго процесса.

Судя по примѣру другихъ странъ, такое увеличеніе у насъ личнаго состава Кассаціоннаго Суда было бы въ порядкѣ вещей; ибо нашъ Кассаціонный Судъ и теперь слишкомъ малочисленъ сравнительно съ равными ему трибуналами въ прочихъ европейскихъ государствахъ. Для примѣра укажемъ лишь на то что Германскій Имперскій Судъ при самомъ его учрежденіи получилъ составъ изъ шестидесяти совѣтниковъ. А Германскій Имперскій Судъ имѣетъ вотъ какія преимущества предъ нашимъ кассаціоннымъ судомъ по отношенію къ количеству лежащаго на немъ труда: Толкованіе законовъ несравненно легче въ Германіи, гдѣ существуетъ вѣковая юридическая наука и правильная судебная практика; по числу жителей, Гер-

манія на половину менѣе той части Россіи на которую простирается компетенція нашего кассаціоннаго суда. Наконецъ, и это всего существеннѣе, всѣ малоцѣнныя дѣла подсудныя въ Германіи трибуналу соотвѣтствующему нашему мировому суду (до 1.500 марокъ) имѣютъ своею кассаціонною инстанціей не имперскій судъ, а аппеляціонные трибуналы.

№ 183.

Москва, 3-го Іюля.

На дняхъ мы обращали вниманіе читателей на возникшіе въ послѣднее время слухи о нѣкоемъ грандіозномъ финансовомъ проектѣ, сочиняемомъ при громкихъ выраженіяхъ сочувствія и одобренія со стороны заграничныхъ биржъ. Въ петербургскихъ газетахъ пишутъ что дѣло идетъ не о чемъ иномъ какъ о преобразованіи Государственнаго Банка, и притомъ именно въ смыслѣ передачи его и всѣхъ его операцій въ руки частной, привилегированной, монопольной акціонерной компаніи. Вмѣсто существующаго государственнаго кредитнаго учрежденія предполагается создать банкъ по образцу Англійскаго, который выпускалъ бы въ обращеніе банковые билеты обезпеченные безостановочнымъ размѣномъ на золото. Цѣлью такой реформы выставляется подъемъ цѣнности кредитнаго рубля.

Никакихъ подробностей ни о проектируемыхъ условіяхъ передачи государственнаго банковаго учрежденія въ частныя руки, ни о связанномъ съ этою передачей финансовомъ планѣ пока въ виду не имѣется. Но чѣмъ неопредѣленнѣе слухи, тѣмъ сильнѣе вызываемая имъ тревога. Неизвѣстно какую пользу принесетъ Россіи проектируемая реформа, и будетъ ли еще отъ нея польза, но что она дорого, страшно дорого обойдется странѣ, въ этомъ едва ли есть сомнѣніе.

Англійскій Банкъ, конечно, весьма почтенное учрежденіе, пользующееся громаднымъ всемірнымъ кредитомъ. Англичане справедливо гордятся этимъ своимъ учрежденіемъ, точно также какъ всею своею конституціей, своими верхнею и нижнею палатами. Но отнюдь не слѣдуетъ чтобъ эти учрежденія въ равной мѣрѣ были хороши и для Россіи, чтобы дѣятельность ихъ на нашей почвѣ давала бы такіе же результаты что̀ и въ Англіи. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, англійскія учрежденія имѣютъ и свои темныя стороны, а наши условія таковы что на нашей почвѣ именно эти темныя стороны англійскихъ учрежденій и получили бы особенный ходъ и первенствующее значеніе. Трудно и едва-ли возможно создать въ Петербургѣ совершенный двойникъ Англійскаго Банка, который имѣлъ бы одинаковое съ нимъ значеніе и авторитетъ въ дѣлѣ денежныхъ оборотовъ. Но еслибы возможно было не только создать такое учрежденіе, а просто перенести Англійскій Банкъ, со всѣмъ его личнымъ составомъ, со всѣми его средствами и кредитомъ, съ береговъ Темзы на берега Невы, онъ скоро пересталъ бы быть тѣмъ что̀ онъ есть и не только не сдѣлался бы предметомъ гордости нашей страны, а сталъ бы для нея истиннымъ народнымъ бѣдствіемъ. Припомните образъ дѣйствій котораго держался Англійскій Банкъ въ эпохи разныхъ постигавшихъ Англію денежныхъ и экономическихъ кризисовъ, припомните эту массу справедливыхъ жалобъ которыя этимъ образомъ дѣйствій вызывались. Всякій сколько-нибудь усиленный спросъ на золото и вызываемое имъ усиленное предъявленіе банковыхъ билетовъ къ размѣну обычно влекли за собой стѣсненіе торговыхъ и вообще денежныхъ оборотовъ, подъемъ учета, сокращеніе банковыхъ операцій и самыхъ размѣровъ бумажнаго денежнаго обращенія, именно въ тѣ моменты когда положеніе дѣлъ требовало ихъ расширенія во избѣжаніе денежныхъ кризисовъ. Не перечислить тѣхъ банкротствъ и убытковъ которые были послѣдствіемъ такихъ дѣйствій Англійскаго Банка. Со стороны это не такъ видно, и въ самой Англіи, по миновавіи кризисовъ, неудобства проистекающія отъ отъ слишкомъ ревностнаго охраненія Банкомъ своего золотаго фонда скоро забываются. Денежные кризисы бываютъ тамъ не часто, экстренный запросъ на золото для вывоза за границу тамъ вообще рѣдкость. Какъ всемірный кредиторъ, Англія можетъ всегда массами получать его отъ своихъ должниковъ, хотя, какъ всемірный торговецъ, предпочитаетъ получать отъ нихъ проценты не золотомъ, а товаромъ. Въ случаѣ экстренной надобности въ золотѣ, Англичане всегда безъ труда могутъ

добыть его въ желаемомъ количествѣ, помимо кладовыхъ Англійскаго Банка, продажей на заграничныхъ биржахъ части принадлежащихъ имъ чужеземныхъ долговыхъ обязательствъ. Совсѣмъ не то у насъ въ Россіи. Мы не кредиторы, а должники другихъ странъ. Необходимость въ большихъ массахъ золота для заграничныхъ расплатъ у насъ не временное и случайное, а постоянное явленіе, неизбѣжный результатъ обычнаго положенія въ какомъ находится нашъ разчетный балансъ. И этотъ постоянный спросъ на золото изъ мѣсяца въ мѣсяцъ держалъ бы у насъ въ осадѣ кладовыя Банка. Чрезмѣрный спросъ на золото для вывоза за границу у насъ хроническая болѣзнь, а не острая какъ въ Англіи. Вызываемый такою болѣзнью стѣснительный для всѣхъ денежныхъ операцій образъ дѣйствій Англійскаго Банка былъ бы у насъ не преходящимъ и мимолетнымъ, а постояннымъ и систематическимъ. Перенеся къ себѣ Англійскій Банкъ, мы осудили бы себя терпѣть постоянно то чему въ Англіи подвергаются только во время рѣдкихъ кризисовъ. Вся связанная съ денежными оборотами хозяйственная жизнь страны,—а какая же сторона этой жизни съ ними не связана?—находилась бы постоянно въ подавленномъ, угнетенномъ состояніи.

Денежное обращеніе основанное на неразмѣнныхъ кредитныхъ деньгахъ имѣетъ серіозныя неудобства; но эти неудобства ничто въ сравненіи съ тѣми какія водворились бы у насъ еслибы, при существующихъ условіяхъ разчетнаго баланса, мѣсто нынѣшнихъ кредитныхъ билетовъ заступили вдругъ размѣнные банковые билеты выпускаемые на такихъ точно основаніяхъ на какихъ выпускаются они Англійскимъ Банкомъ. Наши денежные обороты, правда, питаются нынѣ пищею не самаго высшаго качества, но по крайней мѣрѣ имѣютъ въ достаточномъ количествѣ эту пищу, а это во всякомъ случаѣ лучше голода, который наступилъ бы въ случаѣ замѣны кредитныхъ билетовъ, при существующихъ условіяхъ, размѣнными банковыми билетами.

Впрочемъ, о совершенной замѣнѣ кредитнаго обращенія банковымъ, повидимому, не мечтаютъ и авторы предполагаемой реформы Банка. Обращеніемъ банковыхъ билетовъ предполагается, по слухамъ, облагодѣтять страну не сполна, а лишь отчасти. Монопольный акціонерный банкъ будетъ выпускать размѣнные на золото банковые билеты, но на ряду съ ними останутся въ обращеніи и нынѣшнія бумажныя деньги. Удивительно только какимъ образомъ ихъ совмѣстное обращеніе можетъ быть согласовано съ цѣлью реформы, которою выставляется подъемъ цѣны кредитнаго рубля. Будутъ рядомъ два рубля, одинъ размѣнный, привилегированный, акціонерный, другой неразмѣнный, неполноправный, государственный. Можетъ ли выиграть въ цѣнѣ этотъ послѣдній отъ сосѣдства съ первымъ?

Совмѣстное обращеніе размѣнныхъ и неразмѣнныхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ у насъ не совсѣмъ дѣло небывалое. Депозитки обращались наряду съ ассигнаціями въ періодъ предшествовавшій окончательной замѣнѣ послѣднихъ размѣнными кредитными билетами. Но едва ли то что̀ требовалось или допускалось тогдашними обстоятельствами можетъ быть признано умѣстнымъ теперь. При нынѣшнихъ размѣрахъ нашихъ заграничныхъ платежей, при нынѣшнихъ размѣрахъ нашихъ внѣшнихъ государственныхъ и общественныхъ долговъ, при нынѣшнемъ таможенномъ тарифѣ, графъ Канкринъ едва ли рѣшился бы на ту реформу денежнаго обращенія которая тогда была совершена имъ. Во всякомъ случаѣ, поданный имъ примѣръ показываетъ что для совершенія такой реформы нѣтъ никакой необходимости въ передачѣ этого государственнаго дѣла въ распоряженіе стороннихъ своекорыстныхъ рукъ и въ постыдномъ для національной чести, а потому политически вредномъ, приниженіи государственнаго кредита предъ кредитомъ частной компаніи.

Монопольная банковая компанія развѣ лучше монопольныхъ желѣзнодорожныхъ компаній? А въ какой мѣрѣ послѣднія служатъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ показано долговременнымъ печальнымъ опытомъ. Гдѣ гарантія что правительственная инспекція по отношенію къ банковымъ концессіонерамъ будетъ дѣйствительнѣе чѣмъ по отношенію къ концессіонерамъ желѣзнодорожнымъ? И, наконецъ, если правительство способно давать государственному банковому учрежденію нужное направленіе, въ чемъ же побужденіе устранять правительство отъ прямаго имъ завѣдыванія и бѣжать къ дѣльцамъ биржеваго міра съ мольбою: пріидите

книжить и владѣть всѣмъ русскимъ кредитомъ и денежнымъ обращеніемъ?

№ 184.

Москва, 4-го Іюля.

Корреспондентъ *Daily News*, приставшій у Персидской границы къ экспедиціи генерала Скобелева, находится теперь въ плѣну въ Мервѣ и оттуда посылаетъ чрезъ Мешхедъ крайне сенсаціонныя телеграммы въ Лондонъ. Послѣдняя его эта телеграмма надѣлала переполохъ въ англійскихъ газетахъ. Въ телеграммѣ между прочимъ сообщалось: „русскій командующій „войсками въ Асхабадѣ то и дѣло письменно уговариваетъ мервскихъ главарей „понуждая ихъ признать владычество Россіи.—Если племена будутъ дружественно „расположены, пишетъ онъ, то территорія „ихъ останется неприкосновенною и движеніе Русскихъ къ востоку направится „на Мешхедъ.—Русскіе заняли весь сѣверный берегъ Атрека до Кучана. Устроены блокгаузы въ недальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго. Это исправленіе „границы весьма важно и проч.“

Для уразумѣнія этой телеграммы требуется нѣсколько географическихъ поясненій. Истоки рѣкъ Атрека и притока Гери-Рудъ, рѣки Кешефъ-Рудъ, почти сходятся; обѣ рѣки берутъ начало въ горахъ южнѣе Копетъ-Дагскаго хребта (у подножія его къ сѣверу тянется узкою полосой Ахалъ-Текинскій оазисъ) и нѣсколько восточнѣе крайняго пункта занимаемаго нами въ оазисѣ, Асхабада. Близъ рѣки Кешефъ-Рудъ стоитъ Мешхедъ, а на Гери-Рудъ Гератъ. Атрекъ течетъ къ СЗ мимо городовъ Кучана и Ширвана и нѣсколько сѣвернѣе города Буджнурда, затѣмъ поворачиваетъ на западъ до нашего укрѣпленія Чатъ (при впаденіи Сумбара въ Атрекъ); дальнѣйшее ея теченіе по Туркменской степи общеизвѣстно. Отъ Асхабада къ Ширвану есть дорога чрезъ Копетъ-Дагъ, но очень дурная. Отъ Кучана до Мешхеда надо идти чрезъ перевалъ и затѣмъ долиной Кашефа-Рудъ. Кучанъ придется въ $^4/_5$ пути отъ Каспія къ Мешхеду, а изъ Мешхеда, утверждаютъ въ Англіи, рукой подать въ Гератъ, что впрочемъ на самомъ дѣлѣ далеко не такъ.

Послѣ перваго взгляда на карту англійскіе публицисты почти всѣхъ оттѣнковъ не могли сдержать свое волненіе. Россія не исполняла своего обѣщанія, даннаго въ началѣ нынѣшняго царствованія, не расширять своихъ владѣній въ Средней Азіи, толкуютъ газеты. Русскіе замышляютъ занять Мервъ, хотя бы и мирнымъ путемъ. Они стали уже по всему сѣверному берегу Атрека и тѣмъ захватили у Персіи цѣлую область.

Journal de St.-Pétersbourg поспѣшилъ успокоить англійскія газеты прежде всего относительно Мерва. „Съ дикими племенами, говоритъ газета, нѣтъ возможности вести переговоры; въ особенности же не договариваются съ ними въ такихъ видахъ какіе такъ охотно приписываются Россіи нѣкоторыми газетами. Дѣло идетъ о томъ чтобъ обезпечить безопасность новопріобрѣтенной территоріи, предохранить ее отъ разбойничьихъ набѣговъ, а потому весьма естественно что русскія власти предупредили жителей Мерва что отнюдь не имѣется въ виду нападать на нихъ, и что если они будутъ уважать чужія владѣнія, то съ ними не станутъ искать ссоры; что же касается сообщенія имъ о походѣ на Мешхедъ, входящемъ будто бы въ русскую программу, то объ этомъ никто и не думалъ. Въ намѣренія русскаго правительства вовсе не входитъ уклоненіе отъ предначертаннаго имъ себѣ образа дѣйствій; оно не ищетъ новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній.“

Впрочемъ, въ Англіи уже едва упоминаютъ теперь о Мервѣ. Крики о Мервѣ смѣнились уже криками о Мешхедѣ. *Saturday Review* даже разрѣшаетъ намъ занять Мервъ. „При искреннемъ довѣріи къ Россіи, говоритъ она, было бы весьма естественно, разумно и справедливо предоставить Россіи власть надъ Мервомъ. Мервъ былъ средоточіемъ туркменскаго владычества, главною квартирой враговъ караванной торговли, столицей послѣдняго независимаго уголка въ Туркестанѣ. Присоединеніе его вполнѣ округляло бы русскую границу, обезпечивало бы спокойную торговлю и открывало бы новый путь на Самаркандъ.“ Какая радикальная перемѣна во взглядѣ на Мервъ послѣ столь недавнихъ яростныхъ криковъ по поводу предполагаемаго движенія нашего на этотъ оазисъ! Чѣмъ объясняется эта перемѣна?

Та же *Saturday Review* говоритъ:

„Какъ замѣна Мерва, Мешхедъ ведетъ не въ Туркестанъ и даже не въ такъ-называемый Афганскій Туркестанъ, а прямо и единственно въ Афганистанъ... Русскіе не пойдутъ въ этотъ уголокъ (въ Мервъ), они даже не пройдутъ чрезъ него. А въ такомъ случаѣ имъ не остается иного пути какъ въ ту область, которую и либералы, и консервативы въ Англіи считаютъ не только запретною для Россіи, но и лежащею внѣ сферы русскаго вліянія...

„Надо припомнить что дорога чрезъ Ахалъ и Мервъ, или даже чрезъ Ахалъ, не заходя въ Мервъ, отнюдь не лучшая и не кратчайшая отъ Каспійскаго моря въ Гератъ и Индію. Она единственная коею можно пройти не нарушая Персидской территоріи, страна по коей она проходитъ можетъ дать храбрыхъ воиновъ въ подмогу, но дорога эта длинна и находится въ дурномъ состояніи. Лучшій путь идетъ на Мешхедъ (его-то и предлагаетъ асхабадскій дипломатъ); и кромѣ того есть еще пути отъ Астрабада и другихъ исходныхъ пунктовъ на юго-восточномъ углу Каспійскаго моря. Кратчайшій изъ этихъ путей самый южный, на Шахрудъ. Эти дороги выбралъ корреспондентъ *Daily News* во время той поѣздки которая привела его въ Мервъ. Но этотъ путь имѣетъ ту невыгоду что слишкомъ близко примыкаетъ къ большой пустынѣ находящейся въ центрѣ Персіи. Поэтому, лучшая дорога для арміи которая должна идти впередъ и продовольствоваться пролегаетъ въ области Атрека. Если идти туда начиная отъ Чикишляра, то дорога довольно близко прилегаетъ къ рѣкѣ на всемъ протяженіи; если идти отъ Астрабада, то дорога касается рѣки лишь на половинѣ пути между Буджнурдомъ и Кучаномъ. Эту-то среднюю часть пути Русскіе теперь и захватили, или по крайней мѣрѣ вполнѣ располагаютъ ею вслѣдствіе кановаго присоединенія. Трудъ ихъ не вполнѣ довершенъ, такъ какъ къ востоку отъ присоединенной области залегаетъ много плодородныхъ земель въ округахъ центрами коихъ служатъ Дерегезъ или Махмудабадъ и Сарахсъ. Но даже русскіе захваты совершаются съ надлежащею постепенностью, въ особенности когда даны обѣщанія вовсе не предпринимать подобныхъ операцій. Въ концѣ концевъ, достигнутыхъ результатовъ достаточно чтобы дать возможность предпріимчивому и даровитому преемнику генерала Скобелева совершить „дальнѣйшее движеніе на востокъ“ чрезъ Мешхедъ и безъ малѣйшаго затрудненія исполнить соблазнительныя обѣщанія данныя имъ Туркменамъ.“

Правда, дорога отъ Мешхеда до Герата нѣсколько лучше дороги изъ Мерва: разница собственно въ томъ что первая очень дурна, а вторая почти непроходима для значительнаго отряда. Но этого обстоятельства недостаточно чтобы крики о Мервѣ перемѣнить на крики о Мешхедѣ. Чтобы воспользоваться дорогой отъ Мешхеда Русскимъ надо прежде попасть въ Кучанъ. Идя туда отъ Чата, надо переходить черезъ страшныя горы и ущелья гдѣ Атрекъ мѣстами вьется какъ ручей. Это стоитъ безводныхъ переходовъ отъ Мерва. Только въ самыхъ верховьяхъ означается на картахъ небольшая долина. Въ Кучанъ можно попасть изъ Асхабада чрезъ Ширванъ, но для того надо перевалить чрезъ непроходимый Копетъ-Дагъ.

Англійскія опасенія особенно странны въ виду того что съ Атрека мы все-таки должны двигаться по персидской территоріи. Еслибы Персія отворила намъ двери, то намъ выгоднѣе идти по южнымъ путямъ, какъ и признаютъ англійскія газеты. Если же пробиваться силою, то все-таки лучше идти тамъ же. Въ Кучанъ не приведешь, пожалуй, отряда достаточнаго для взятія самаго Мешхеда. Въ Асхабадѣ и Чатѣ или на верховьяхъ Атрека, во всякомъ случаѣ, мы одинаково не можемъ идти впередъ безъ согласія Персіи или безъ войны съ нею.

Верховья Атрека могутъ имѣть для насъ значеніе всего болѣе въ видахъ успокоенія Текинскаго оазиса, но оазисъ этотъ слишкомъ мало извѣстенъ.

Что касается возгласовъ о новомъ движеніи впередъ, о нашихъ новыхъ захватахъ на Атрекѣ, то англійскія газеты кажется весьма ошибаются, да и сами себѣ противорѣчатъ. По послѣднему договору между Россіей и Персіей, граница между ними въ Закаспійскомъ краѣ опредѣлена по теченію Атрека. Договоръ этотъ не опубликованъ; подробности неизвѣстны, но не возможно думать что Персія оставила среднее и верхнее теченіе Атрека за собою, такъ какъ она и теперь не имѣетъ никакой власти къ сѣверу отъ этой рѣки. Сами англійскія газеты сообщаютъ

что покойный начальникъ Закаспійскаго края генералъ Петрусевичъ соглашался что персидская граница должна проходить сѣвернѣе Кучана, то-есть во всякомъ случаѣ южнѣе Копетъ-Дага. Генералу Петрусевичу вѣроятно извѣстенъ былъ нашъ договоръ съ Персіей. Но если граница наша съ Персіей опредѣлена южнѣе Копетъ-Дага, то она захватываетъ въ наши предѣлы долину верховьевъ Атрека, хотя бы частію, хотя бы и не до самаго Кучана. Самъ по себѣ Кучанъ никакого значенія не имѣетъ; для насъ и для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ можетъ имѣть извѣстную важность занятіе нами какой бы ни было части долины верховьевъ Атрека, хотя бы сѣверной. Важно лишь чтобы мы стояли твердою ногой гдѣ-либо на верховьяхъ Атрека. А изъ словъ г. Петрусевича, цитуемыхъ англійскими газетами, выходитъ что мы несомнѣнно имѣемъ право на сѣверную часть верхнеатрекской долины. Во всякомъ случаѣ никто ни въ правѣ ожидать чтобы мы не только не шли впередъ въ Средней Азіи, но еще отказывались отъ того что̀ принадлежитъ намъ по прежнимъ договорамъ.

Едва ли, впрочемъ, наши посты стоятъ на верховьяхъ Атрека. Извѣстіе корреспондента *Daily News* по меньшей мѣрѣ преждевременно. *Journal de St.-Pétersbourg*, отвѣчая *Daily News*, говоритъ: „Въ настоящее время приступаютъ къ организаціи новопріобрѣтенныхъ земель. Они естественно требуютъ нѣкоторыхъ сдѣлокъ необходимыхъ для безопасности. Границы въ этихъ областяхъ проведены весьма неточно, и такъ какъ наиболѣе заинтересованная держава есть Персія, то съ нею и будутъ своевременно начаты переговоры дабы установить прочный порядокъ, благопріятный для цивилизаціи этихъ странъ. Въ этомъ нѣтъ ничего способнаго возбудить зависть или затронуть чьи-либо интересы.“

Границы Персіи съ Ахалъ-Текинцами можно сказать почти вовсе не обозначены, но у насъ съ Персіей есть еще и другіе пограничные вопросы въ Закаспійскомъ краѣ. Дѣло въ томъ что при заключеніи послѣдняго договора ни мы, ни Персія не интересовались Туркменами и зря провели границу по низовью Атрека. Вышло такъ что громадная часть Туркменъ, такъ-называемыхъ мирныхъ, всѣ эти Іомуды, Гокланы, Джефербайцы, Аттабайцы и другіе стали двойными подданными, и Россіи, и Персіи. Зиму они проводятъ между Атрекомъ и Гюргенемъ на персидской территоріи, а лѣто кочуютъ у насъ, у Балханъ, по Узбою и пр. Пока наша власть надъ Туркменами почти номинальная; они принимаютъ, правда, старшинъ назначаемыхъ нами изъ ихъ же среды, признаютъ это званіе, но подчиняются лишь своимъ аксакаламъ и никакихъ податей намъ не платятъ. Власть Персіи надъ ними еще слабѣе, хотя 3.000 кибитокъ Гоклановъ платятъ Персіи 180.000 рублей, да еще Іомуды, кочующіе у Кара-Су, платятъ нѣкоторую сумму за право пасти скотъ на другомъ берегу рѣки. Мы приводимъ самое благопріятное для Персіи свидѣтельство (отъ 1859) *). Вамбери, бывшій тутъ въ 1863, говоритъ что ни одинъ Персъ не появляется къ сѣверу отъ Гюргеня иначе какъ на веревкѣ. Г. Стебницкій въ 1872 засталъ что Туркмены никакой дани Персіи не платили, а лишь Іомуды по Кара-Су приносили подарки персидскимъ чиновникамъ.

Съ завоеваніемъ Ахала намъ придется водворить въ Закаспійскомъ краѣ настоящую власть и прекратить вѣчную войну всѣхъ „мирныхъ“ Туркменъ съ Текинцами и между собою. Для этого необходимо прекратить двоеподданство. Россія такъ много сдѣлала для защиты при-каспійскихъ провинцій Персіи отъ нападенія всякаго рода Туркменъ и усмиреніе Ахалъ Техинцевъ спасетъ, наконецъ, лежащій чуть не на половину въ развалинахъ Хорасанъ отъ набѣговъ изъ Ахала. Мы въ правѣ, наконецъ, ожидать содѣйствія Персіи въ общемъ дѣлѣ. Впрочемъ, приведенныя данныя показываютъ что не дорого будетъ выкупить у Персіи полосу между Атрекомъ и Гюргенемъ.

№ 186.

Москва, 6-го іюля.

Телеграфъ сообщилъ намъ вчера о „блистательномъ“ успѣхѣ достигнутомъ Французами въ Тунисѣ. Прибрежный тунисскій городъ Сфаксъ, гдѣ сосредоточилось въ послѣднія двѣ недѣли значительное чи-

*) *Этнографическіе и историческіе очерки Средней Азіи*, Галкина стр. 31.

ело тунисскихъ инсургентовъ, палъ; Французы овладѣли имъ послѣ довольно большихъ затрудненій, причемъ обнаружилось не мало промаховъ какъ стратегическихъ такъ и политическихъ, безпощадно и съ великимъ злорадствомъ раскрываемыхъ органами враждебныхъ правительству партій, которыя въ этихъ случаяхъ говорятъ и дѣйствуютъ противъ правителей своей страны съ бо́льшимъ озлобленіемъ нежели внѣшніе враги, ибо таково одно изъ неизбѣжныхъ „преимуществъ внутренней политической борьбы.“ Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ по крайней мѣрѣ французское военное тщеславіе можетъ похвалиться дѣйствительнымъ успѣхомъ французскаго оружія, тогда какъ первый походъ въ Тунисъ противъ Хрумировъ, окончившійся трактатомъ 12 мая, давалъ лишь поводъ парижскимъ зубоскаламъ глумиться надъ „военною“ кампаніей, въ которую было пролито гораздо болѣе чернилъ, нежели крови.

Но взятіемъ Сфакса Французы все-таки еще далеко не покончили со своимъ африканскимъ предпріятіемъ. И тутъ, какъ вездѣ, гдѣ западная культура приходитъ въ столкновеніе съ Исламомъ, фанатическіе поклонники его уступаютъ не дешево. Завоевательныя притязанія Франціи, коимъ безо всякаго сопротивленія уступило дряблое правительство Тунисскаго бея, расшевелили духъ независимости и вражды къ „гяурамъ“ не только въ сынахъ вольныхъ африканскихъ степей за предѣлами Алжира, но и среди давно порабощенныхъ и, какъ казалось, совершенно умиротворенныхъ племенъ подвластныхъ Франціи въ продолженіи полустолѣтія. Неуловимый вождь возставшихъ, марабутъ Бу-Амема, надѣлалъ уже много хлопотъ мѣстнымъ французскимъ властямъ и не скоро вѣроятно удастся Франціи подавить тотъ духъ фанатическаго и смѣлаго сопротивленія который разомъ охватилъ арабское населеніе и сказался уже до сихъ поръ во многихъ актахъ свирѣпаго варварства. Нельзя сомнѣваться что въ концѣ концовъ дикая сила должна будетъ уступить; но, дабы достигнуть своей цѣли, Франціи придется напрячь свои силы въ гораздо большей мѣрѣ нежели предполагалось на первыхъ порахъ, послѣ безкровной побѣды французскаго консула г. Рустана надъ беемъ Тунисскимъ. Сѣверо-африканское предпріятіе Франціи надолго отвлечетъ ея силы отъ какихъ бы то ни было затѣй въ иномъ мѣстѣ, а въ этомъ, быть-можетъ, вся разгадка этого предпріятія и той малообдуманной поспѣшности съ которою французскіе государственные люди, сами не замѣчая того что ими движутъ другія болѣе искусныя руки, бросились въ это предпріятіе далеко не разчитавъ его шансовъ.

Въ этомъ отношеніи обочлись, впрочемъ, не одни французскіе политики. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, сколько перемѣнъ произошло въ европейскихъ комбинаціяхъ въ послѣдніе мѣсяцы, и кому эти перемѣны пошли въ прокъ...

Еще очень недавно всѣмъ казалось что во Франціи неминуема побѣда той партіи коей стремленія олицетворяетъ собой г. Гамбетта. А вступленіе во власть бывшаго диктатора признавалось всѣми знаменіемъ неминуемаго и близкаго столкновенія съ Германіей. Воинственная рѣчь произнесенная Гамбеттой въ Шербургѣ въ сентябрѣ прошлаго года и явное подстрекательство Греціи его клевретами характеризовали положеніе европейской политики въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года. Было очевидно по многимъ признакамъ что смѣлые замыслы людей готовившихся принять въ руки бразды правленія во Франціи основывались въ значительной мѣрѣ на перемѣнѣ происшедшей въ Англіи послѣ паденія лорда Беконсфильда. Торійскій кабинетъ явно благопріятствовалъ австро-германскому единенію, которое графъ Солсбери провозгласилъ какъ „благую вѣсть.“ Г. Гладстонъ, напротивъ, не скрывалъ своей антипатіи къ Австро Венгріи и своего твердаго намѣренія противодѣйствовать всѣми способами ея „миссіи на Востокѣ.“ Еслибы г. Гамбетта достигъ власти, англо-французское единеніе должно было послужить противовѣсомъ союзу Германіи съ Австріей, и можно было разчитывать что и Италія не стала бы на сторону Австріи съ которою она не покончила еще своихъ счетовъ и усиленіе которой на Балканскомъ полуостровѣ, а стало-быть и въ Адріатическомъ морѣ, не можетъ быть для нея желательно.

Всѣ эти разчеты оказались однако обманчивыми. Прежде всѣхъ обманулся г. Гамбетта. Та власть, для захвата которой ему, казалось, нужно было только протянуть руку, неожиданно ускользнула отъ него. Онъ потерпѣлъ одно за другимъ два

парламентскія пораженія, которыя подорвали общее довѣріе къ его власти надъ политическими партіями, а для такихъ претендентовъ какъ онъ не легко оправиться отъ подобнаго удара.

Въ то же самое время и африканское предпріятіе приняло оборотъ какого не ожидали французскіе государственные люди пустившіеся въ оное въ предвидѣніи близкой побѣды г. Гамбетты. Тогда казалось что военная экспедиція въ Тунисъ послужитъ лишь къ тому чтобы показать „подвижность" преобразованной французской арміи, ея хорошую выправку и развернуть огромные рессурсы французскаго военнаго флота. Въ началѣ дѣло шло „какъ по маслу." Тунисская экспедиція увѣнчалась такимъ успѣхомъ какого даже нельзя было ожидать, и экспедиціонныя войска возвратились въ Марсель, хотя и не съ большимъ запасомъ боевыхъ лавровъ, но увѣнчанныя горделивымъ сознаніемъ возобновившагося обаянія могущества Франціи. Но бестактность съ которою отпразднованъ былъ этотъ „тріумфъ" въ Марсели показалъ оборотную сторону медали. Безобразныя насилія коимъ подверглись Италіянцы живущіе въ Марсели по случаю военнаго торжества Франціи переполнили мѣру горечи и досады которую безсильная, но завистливая Италія не могла не испытывать взирая на французскій захватъ въ Тунисѣ. Общественное мнѣніе Италіи приняло нынѣ столь враждебное отношеніе къ Франціи что нельзя и думать о возможности политическаго сближенія между обѣими державами.

Вслѣдъ затѣмъ обнаружилось что Французы слишкомъ поторопились торжествовать и отозвать обратно войска посланныя въ Тунисъ. Арабы возмутились не только въ Тунисѣ, но и въ Алжирѣ, и на этотъ разъ задача представилась гораздо болѣе серіозною. Военная администрація, какъ оказалось, очень плохо поняла положеніе дѣлъ въ сѣверной Африкѣ, и благодаря непредусмотрительности военнаго министра г. Фарра и неспособности мѣстнаго управленія возмутившіеся Арабы надѣлали не мало бѣдъ въ округахъ слишкомъ поспѣшно оставленныхъ безъ должной защиты. Генералъ Фарръ есть одна изъ креатуръ г. Гамбетты, и ошибки министра также поставлены въ счетъ послѣднему, что нанесло новый и немаловажный ударъ его авторитету.

Всѣ эти перемѣны во Франціи заставили призадуматься и тѣхъ изъ англійскихъ политиковъ коихъ главнѣйшіе разсчеты были основаны на уравновѣшеніи Австро-Германскаго союза болѣе тѣснымъ сближеніемъ между западными державами. И въ Англіи уже раздаются голоса громко возстающіе противъ политики г. Гладстона. Телеграфъ передалъ намъ вчера содержаніе статьи появившейся 16 іюля въ *St. James Gazette*, статьи приписываемой, согласно телеграммѣ, маркизу Солсбери. Въ этой статьѣ г. Гладстонъ обвиняется въ томъ что онъ, разорвавъ соглашеніе Беконсфильда съ Германіей и Австріей оскорбительнымъ для этихъ державъ образомъ, добивался союза съ Франціей и Россіей; вслѣдствіе чего Германія, со своей стороны, стала искать сближенія съ Франціей и достигла этого съ бо́льшимъ успѣхомъ нежели Англія, оказавъ Франціи сильную дипломатическую поддержку въ Тунисѣ. Князь Бисмаркъ, по мнѣнію автора статьи, пойдетъ далѣе на этомъ пути и постарается устроить франко-германскій союзъ который совершенно измѣнитъ соотношеніе политическихъ силъ въ Европѣ

Судя по тону берлинской печати за послѣднее время, въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, а телеграфъ, сверхъ того, сообщаетъ что указанная статья англійской газеты цѣликомъ перепечатана въ офиціозномъ органѣ князя Бисмарка.

№ 187.

Москва, 7-го Іюля.

А.

Условія князя Болгарскаго приняты великимъ народнымъ собраніемъ *единогласно*. Блистательное торжество, которое еще разъ обличаетъ ложь такъ-называемыхъ конституцій! Несмотря на всѣ происки политическихъ интригановъ, Болгарскій народъ съ полнымъ довѣріемъ вручилъ князю Александру неограниченную власть. Гг. Каравеловъ, Славейковъ и другіе, трубившіе о своемъ патріотизмѣ пока возсѣдали на министерскихъ креслахъ, оставили Болгарію и убрались въ сосѣднюю Румынію; другіе какъ сообщаютъ австрійскія газеты, послѣдуютъ за ними въ непродолжительномъ времени туда же. Борьбу вну-

треннюю въ Болгаріи можно, стало-быть, считать благополучно оконченною.

Въ своей рѣчи, при закрытіи Великаго Народнаго Собранія, князь Александръ торжественно заявилъ что „намѣренъ идти во главѣ народа для осуществленія его стремленій,“ и что онъ „требовалъ себѣ полномочія власти исключительно для того чтобъ обрѣсти возможность устранить всѣ препятствія затрудняющія добрую твердую организацію страны и чтобы положить конецъ безпорядкамъ, произволу и гнету.“ Главною же задачей своего правительства князь Александръ считаетъ возстановленіе „справедливости, безпристрастія и покровительство *личной свободѣ*.“

Важно также то что князь Александръ предположилъ во всѣхъ международныхъ вопросахъ опираться на народное представительство. „Въ вопросахъ имѣющихъ характеръ международный,“ объявилъ онъ въ своей рѣчи, „рѣшительный голосъ будетъ принадлежать народному представительству.“ Въ этомъ самоограниченіи нельзя не признать акта мудрой политики съ одной стороны, а съ другой—искреннее и твердое намѣреніе охранять во всей силѣ національные интересы страны. Въ положеніи князя Болгарскаго необходимо прикрыться народомъ отъ дипломатическаго напора. Среди сильныхъ сосѣдей, это единственно возможная для него гарантія самостоятельности въ иностранной политикѣ, единственное средство давать отпоръ всякимъ требованіямъ въ ущербъ интересамъ его страны.

Но народное представительство и въ иностранныхъ дѣлахъ можетъ послужить надежною опорой для національной политики лишь при условіи чтобы правительство находилось въ сильной рукѣ и чтобы власть не колебалась и не зависѣла отъ игры партій.

Что̀ значитъ игра партій, это намъ наглядно показываютъ послѣднія событія въ княжествѣ Сербскомъ. Паденіе г. Ристича было вызвано его ошибками во внутреннихъ дѣлахъ. Преемники его сочли однакоже первою своею задачей по вступленіи во власть совершенно измѣнить и направленіе иностранной политики Сербіи, и вмѣсто того чтобы поддерживать связь съ родственною Россіей бросились въ объятія Австро-Венгріи.

Положеніе Болгаріи, въ виду остраго характера который принимаетъ Восточный вопросъ, очень затруднительно. Враговъ у молодаго княжества не мало: Австрія съ ея стремленіемъ завладѣть Балканскимъ полуостровомъ, и Турція опасающаяся какъ бы у ней не отняли Восточной Румеліи—враги серіозные. Что касается Сербіи, то она становится чѣмъ-то въ родѣ австрійской провинціи, и во всякомъ случаѣ она не будетъ радѣть Болгаріи уже вслѣдствіе вражды издавна существующей между этими двумя славянскими народами. Единственный другъ Болгаріи есть Россія, пролившая потоки крови для ея освобожденія. Князь Александръ ясно видитъ трудность своего положенія и знаетъ что безусловно разчитывать онъ можетъ только на Россію. Въ своей рѣчи онъ приглашаетъ Болгаръ-патріотовъ употребить всѣ усилія чтобъ оказаться достойными той великой любви которую императоръ и народъ Русскій не переставали являть своимъ братьямъ, освобожденнымъ цѣною столь великихъ жертвъ.

Россія боролась для освобожденія родственнаго народа не для того чтобъ онъ сдѣлался добычей своихъ враговъ. Стать достойными любви Русскаго народа Болгары могутъ не иначе какъ сохраняя свою народность и не поддаваясь чужимъ вліяніямъ....

Б.

За семнадцать слишкомъ мѣсяцевъ предъ симъ, въ 1 день февраля минувшаго года, князь Александръ Болгарскій посѣтилъ Москву проѣздомъ въ Петербургъ. Привѣтствуя его, мы съ полнымъ убѣжденіемъ и искренностію высказали нашъ взглядъ на положеніе дѣлъ въ его странѣ. Наши соображенія и предвидѣнія оправдались, какъ и вообще сбывалось, то къ счастію, то къ несчастію, все что̀ внушалось намъ чувствомъ истины и что̀ высказывалось нами несмотря ни на какія „вѣянія“ и вопреки всѣмъ крикамъ. Считаемъ должнымъ повторить наши тогдашнія слова которыя пріобрѣтаютъ теперь свою полную силу.

„Привѣтствуемъ его высочество князя Болгарскаго въ Москвѣ хранящей священные завѣты и преданія нашей исторіи, въ Кремлѣ, гдѣ Царемъ-Освободителемъ сказано было мощное слово рѣшившее судьбу Болгаріи. Дай Богъ князю Александру I успѣха во всемъ и счастія его народу! Дай Богъ чтобы призванный къ

жизни народъ Болгарскій и его князь были нераздѣльны во всемъ, и чтобы никогда между ними не возникалъ вопросъ *о моемъ и твоемъ!* Въ ихъ единеніи вѣрнѣйшій залогъ будущаго страны. Этимъ единеніемъ всего вѣрнѣе будетъ обезпечена самостоятельность ея развитія и ея связь съ единовѣрною и единокровною Россіей...

„Какъ жаль что Россія не удовольствовалась избавленіемъ Болгаріи, а взяла на себя задачу устраивать освобожденную страну по чужому шаблону! Ничего слишкомъ, говорилъ мудрецъ древности. Прибавить къ дѣлу что-нибудь лишнее часто значитъ умалить его цѣну, даже испортить и совсѣмъ погубить его. Освободить родственное и единовѣрное племя на Востокѣ отданное Богомъ подъ защиту Россіи, вступиться за поруганное человѣчество, спасти столько людей обреченныхъ на гибель такъ-называемою цивилизованною Европой, это было дѣломъ по истинѣ святымъ, соотвѣтственнымъ величію Россіи и христіанскому духу ея народа. Но сочинять учрежденія для страны едва освобожденной, это дѣло вообще сомнительнаго свойства, и намъ не подручное. За успѣхъ перваго ручалось могущество Россіи, ея историческое призваніе и духъ ея народа, а за вторую задачу чѣмъ могли мы взяться? Нашею *либеральною* интеллигенціей, тѣмъ что есть у насъ наименѣе годнаго и что̀ чуждо историческаго духа Россіи. Что̀ могла бы и что̀ должна была дать Россія освобожденной ею Болгаріи? Сильную, свободную и безспорную власть. Вотъ великое благо въ которомъ нуждаются эти населенія, пребывавшія четыре вѣка подъ тяжкимъ игомъ и лишенныя всякой гражданской организаціи. Прежде всего требовалось установить власть которая возвышалась бы надъ всѣми партіями. Требовалось дать новоосвобожденной странѣ вооруженную силу и призвать народъ къ выбору князя, а затѣмъ предоставить имъ самимъ устроиться въ послѣдствіи. Мы создали войско, но прежде чѣмъ дали ему вождя, а странѣ правителя, сочли нужнымъ писать для ней конституцію... Вслѣдъ за великимъ и грознымъ подвигомъ освобожденія, страна еще не остывшая отъ борьбы, еще не омывшаяся отъ крови, становилась театромъ фарса который былъ бы также забавенъ какъ турецкій парламентъ 1876 года еслибъ онъ не грозилъ бѣдной Болгаріи послѣдствіями слишкомъ жестокими, еслибъ онъ не вносилъ начала смуты и шатанія въ эту страну, которая болѣе всего нуждается въ спокойствіи подъ охраной сильной власти...

„Да поможетъ Богъ властителю Болгаріи, уже успѣвшему стяжать себѣ народную любовь, устроить все въ своей странѣ согласно съ благомъ народнымъ, обезпечить въ ней всѣ законные интересы, оградить личную свободу и общественный порядокъ, сохранить ее въ Славянствѣ и въ союзѣ съ Россіей, предотвратить всякое пагубное многовластіе....

„Οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη....“

№ 188.

Москва, 8-го Іюля.

Мѣсяцъ тому назадъ, появленіе въ Москвѣ двухъ партій переселенцевъ, одной изъ Полтавской, другой изъ Черниговской губерній, наглядно познакомило столичныхъ жителей съ условіями при которыхъ совершаются у насъ крестьянскія переселенія. На эти переселенческія партіи было обращено вниманіе, имъ оказано возможное правительственное пособіе. Но не всѣмъ переселенцамъ выпадаетъ такое счастіе, и общій вопросъ объ организаціи переселеній, при которой судьба переселенцевъ не подверглась бы такой игрѣ какъ нынѣ, невольно обращаетъ на себя вниманіе.

Вопросъ о переселеніяхъ, несмотря на многоразличные толки о немъ не прекращавшіеся въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, совсѣмъ почти не разработанъ. Не имѣется никакихъ статистическихъ данныхъ въ какомъ числѣ и изъ какихъ губерній выселялись крестьяне, и въ какихъ краяхъ и сколько водворилось поселенцевъ. Нѣтъ обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ какія именно причины побуждали крестьянъ выселяться, и чѣмъ опредѣлялись конечные пункты переселеній. Благодаря этому недостатку свѣдѣній, въ самую постановку вопроса можетъ проникнуть ошибка, за которую, пожалуй, дорого придется платиться. Опасность грозитъ главнымъ образомъ отъ той связи которая тенденціозным образомъ установлена между вопросами о переселеніяхъ и почти общимъ будто бы у насъ малоземельемъ. Земли мало, населенію тѣсно, вотъ къ чему клонятся

всѣ толки. Переселенія выставляются цѣлебнымъ средствомъ отъ этого зла. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ даже въ ходу проектъ такого широкаго развитія переселеній что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ перешло бы съ однихъ мѣстъ на другія до полумилліона не душъ, а семействъ. Вызывается ли, однако, существующими условіями потребность передвиженія въ такихъ размѣрахъ, напоминающихъ эпоху великаго переселенія народовъ? Или мы въ самомъ дѣлѣ задыхаемся отъ избытка населенія какъ Англія или Германія? Не въ томъ ли, напротивъ, вся наша бѣда что земли у насъ много, а людей мало, что страна наша населена скудно и рѣдко въ сравненіи съ другими странами, и что въ этомъ главная причина нашей бѣдности и некультурности? Намъ ли заботиться о томъ какъ бы избавиться отъ избытка населенія? Смѣхъ и горе!

Всего хуже въ этой шуткѣ то что наши переселенцы должны переходить громадныя пространства, что они при этомъ мрутъ какъ мухи и въ конецъ разоряются. Партіи переселенцевъ, съ которыми имѣла возможность познакомиться Москва, шли за 8.500 верстъ, не имѣя объ Амурскомъ краѣ и о жизни въ немъ никакого понятія, не имѣя никакихъ средствъ туда добраться и не зная что̀ ихъ тамъ ожидаетъ. На тотъ же Амуръ двигаются и многія другія партіи. Не безсмысленное ли это явленіе?

Переселенія въ дальнія страны, за океанъ, въ Америку или въ Австралію, въ большомъ ходу въ остальной Европѣ. Тамъ это явленіе понятное и совершенно естественное. Населеніе тамъ во многихъ мѣстахъ достигло такой густоты что ему дѣйствительно становится тѣсно, такъ что люди не находятъ приложенія своему труду на своей почвѣ. Самыя густонаселенныя изъ нашихъ губерній не могутъ дать понятія даже о средней густотѣ населенія въ западно-европейскихъ государствахъ. По отдѣльнымъ же мѣстностямъ густота тамошняго населенія доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Во многихъ обширныхъ районахъ, на одну квадратную милю приходится болѣе 8.000 жителей. Въ такой тѣснотѣ живетъ половина всего населенія Великобританіи, пятая часть всего населенія Германіи, шестая часть Италіянцевъ, восьмая часть Французовъ. При подобныхъ условіяхъ, выселенія составляютъ естественную необходимость, и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе пустопорожнихъ земель въ своемъ государствѣ и въ близкомъ сосѣдствѣ по необходимости направляетъ переселенцевъ въ дальній путь за океанъ. Но есть ли у насъ что-нибудь подобное такимъ условіямъ?

У насъ самыя густо населенныя губерніи не могутъ равняться даже со средненаселенными западноевропейскими областями. Ни одна изъ частей нашей громадной страны не дошла еще до того чтобъ о ней можно было сказать что она переполнена населеніемъ и страдаетъ отъ его избытка. Въ отдѣльныхъ уѣздахъ и волостяхъ могутъ являться стремленія къ переселеніямъ, но по побужденіямъ не общаго, а частнаго и мѣстнаго свойства. Число такихъ переселенцевъ, безъ внѣшнихъ побужденій, едва ли можетъ быть очень велико, и нѣтъ никакой необходимости нашему сельскому люду перебираться такъ далеко какъ западно-европейскимъ. У насъ есть удобство какого не представляетъ ни одно изъ другихъ государствъ Европы,—громадныя пространства малонаселенныхъ и частію вовсе пустопорожнихъ земель близко прилегающихъ къ тѣмъ губерніямъ которыя считаются у насъ наигуще населенными. Эти пустопорожнія земли не Сахара, не тундры; это мѣстности съ превосходными климатическими и почвенными условіями. Вся наша, лежащая южнѣе центральной черноземной, *степная черноземная* область, отъ Днѣстра до Урала, бѣдствуетъ отъ недостатка населенія. Среднимъ числомъ во всей этой мѣстности не приходится и пятнадцати человѣкъ жителей обоего пола на квадратную версту. Громадныя пространства чернозема, о которомъ въ западной Европѣ не имѣютъ и понятія, вовсе не воздѣлываются, оставаясь втунѣ лежащимъ богатствомъ. Земель въ этой области такъ много что пашни занимаютъ едва четвертую часть ея пространства. Эта область ждетъ не дождется рукъ для своей обработки, чтобы богато вознаградить всякій трудъ который будетъ на нее положенъ; эта область, можно сказать, подъ руками у переселенцевъ идущихъ изъ центральныхъ относительно гуще населенныхъ губерній; условія жизни въ ней болѣе или менѣе знакомы нашимъ крестьянамъ, которые ежегодно массами отправляются туда для земледѣльческихъ заработковъ. И вотъ, однако, у насъ направляются люди

же въ эту область, возможно большее заселеніе коей было бы такъ важно для страны, а куда-то за тридевять земель. Едва ли нужно доказывать что это направленіе переселеній у насъ не естественное, а искусственное и есть результатъ административной ошибки. Крестьяне идутъ на Амуръ вслѣдствіе обращаемыхъ къ нимъ вызововъ и приглашеній; сами они едва ли додумались бы туда двигаться.

Извѣстія о ходѣ работъ особой правительственной коммиссіи занимающейся вопросомъ о переселеніяхъ позволяютъ надѣяться что идея о колонизаціи дальнихъ странъ переселенцами изъ русскихъ центральныхъ губерній будетъ наконецъ оставлена. Какъ мѣстности куда преимущественно предполагается направлять переселенцевъ указываются губерніи Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Саратовская, Самарская, Оренбургская и Уфимская, и частію Западная Сибирь (?). Россіи еще нужнѣе было бы заселить многія мѣстности Кавказа, также отличающіяся слабымъ населеніемъ и обиліемъ земель невоздѣлываемыхъ за недостаткомъ рукъ. Въ такомъ положеніи находятся, между прочимъ, почти вся полоса прилегающая къ Черному Морю. Вотъ куда разумно было бы направлять русскую колонизацію въ видахъ нѣкотораго разравненія населенности, и направленіе люда въ эти мѣста не потребовало бы такихъ хлопотъ съ какими сопряжены переселенія въ отдаленныя мѣстности подобныя Амурскому краю. Переселенія въ предѣлы степной черноземной области и на Кавказъ значительно облегчены сѣтью желѣзнодорожныхъ и водяныхъ сообщеній. Чрезъ своихъ ходаковъ, переселенцы, безъ чрезмѣрныхъ издержекъ, могли бы заблаговременно знакомиться съ мѣстами своей будущей осѣдлости, а учрежденіе конторъ облегчало бы имъ выборъ мѣстъ для поселенія.

№ 189.

Москва, 9-го Іюля.

Вопросъ о сокращеніи государственныхъ расходовъ теперь очередной. Каждое практическое указаніе, содѣйствующее достиженію этой цѣли, имѣетъ теперь особый интересъ. Съ этой точки зрѣнія стóитъ обратить вниманіе на напечатанную въ только что вышедшей 2-й книжкѣ полуофиціальнаго *Оружейнаго Сборника* статью „О стоимости патронныхъ гильзъ въ зависимости отъ нѣкоторыхъ условій ихъ фабрикаціи.“ Статья эта писана лицомъ близко стоящимъ къ дѣлу, завѣдующимъ много лѣтъ крупною мастерской на патронномъ заводѣ, г. Захаровымъ. Вотъ чтó, между прочимъ, читаемъ въ этой статьѣ: „Если правительство найдетъ возможнымъ „и своевременнымъ воспользоваться болѣе „или менѣе *существенно* современнымъ со„стояніемъ гильзовой техники, то казна „сбережетъ при нарядѣ въ 200 милліоновъ „гильзъ не менѣе милліона тридцати тысячъ рублей,“ а такое существенное пользованіе техническими усовершенствованіями производства вполнѣ де возможно; стóитъ только перейти „отъ *дорогой* гильзо„вой латуни къ *дешевой*,“ то-есть упростить условія пріема гильзоваго металла отъ латунныхъ фабрикантовъ, усложненныя въ то время когда гильзовое производство у насъ только что устанавливалось. „Когда,“ продолжаетъ г. Захаровъ, „па„тронный заводъ только что вырабатывалъ „условія способствующія правильному хо„ду гильзоваго дѣла, то понятно что при „всѣхъ недоразумѣніяхъ съ гильзами въ „стрѣльбѣ, все относилось къ качествамъ „металла, а потому въ контракты заклю„ченные съ подрядчиками вошли такія усло„вія которыя подняли цѣну латуни (для „малоколиберныхъ гильзъ) до 20 рублей „пудъ, тогда какъ для гильзъ шестилиней„ныхъ латунь ставилась въ то же время „по 13 руб. 75 коп. за пудъ... Но по мѣ„рѣ улучшенія фабрикаціи спеціалисты „гильзоваго дѣла должны были согласить„ся что значительная (если не бóльшая) „часть вины за плохіе результаты давае„мые какою-либо партіей латуни падаетъ „на самую фабрикацію, такъ что когда „начали производить опыты надъ малока„либерными гильзами изъ дешевой латуни, „то оказалось что результаты вовсе не „такъ плохи какъ можно было ожидать въ „началѣ, и что поработавъ надъ этимъ „можно добиться что малокалиберная гиль„за сдѣланная изъ дешевой латуни будетъ „такъ же хорошо выдерживать стрѣльбу „какъ и сдѣланная изъ дорогой.“

Милліонное сбереженіе дѣйствительно стóитъ того чтобы *поработать* надъ этимъ дѣломъ; но статья г. Захарова предста-

вляетъ еще и болѣе общій интересъ, какъ практическое указаніе свѣдущаго лица на одно изъ тѣхъ отверстій, куда незамѣтно уплываютъ государственные доходы. Такихъ дыръ не мало, но онѣ такъ хорошо маскированы что ихъ разомъ не отыщешь. Примѣръ этому у всѣхъ на глазахъ. Казна платитъ громадныя суммы въ видѣ желѣзно-дорожныхъ гарантій. Давно уже идетъ рѣчь что казна могла бы тратить на эту статью гораздо меньше, но только въ послѣднее время напали на мысль обратить вниманіе на выдачу наградъ служащимъ или на даровые билеты. Казалось что эти выдачи капля въ морѣ, что о нихъ и говорить пожалуй не стоитъ, а на дѣлѣ было вовсе не то: недавно появилось извѣстіе что только въ одномъ Обществѣ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ за 1880 годъ выдано даровыхъ билетовъ двѣсти тысячъ и что въ переводѣ на деньги это составляетъ милліонную сумму, уменьшающую доходъ дорогъ и увеличивающую приплату гарантіи.

Все это мелкія сбереженія, но изъ копѣекъ составляются рубли. Съ другой стороны, не служитъ ли все это доказательствомъ что безъ ломки и перестройки, а только вникнувъ ближе въ дѣло, можно дѣйствительно сберечь десятки милліоновъ даже и военному министерству? Патронный заводъ расходуетъ сравнительно ничтожныя суммы, но если и тутъ возможно съэкономить милліонъ, то что̀ же заключить относительно подобныхъ „упрощеній" въ контрактахъ по поставкамъ по цѣлому артиллерійскому вѣдомству или, напримѣръ, по интендантству, расходующему громадные капиталы? Подобныя сбереженія представляютъ еще ту выгоду что они всегда прочны, ибо основываются обыкновенно не на внѣшнихъ и насильственныхъ, хотя бы иногда съ виду и блестящихъ мѣрахъ, а на внутреннихъ улучшеніяхъ, на водвореніи служебной дисциплины, на развитіи служебной рачительности тамъ гдѣ господствовали far niente и хищенія всякаго рода.

Но для такихъ прямыхъ сбереженій необходимо и время: разомъ они не достигаются. Другое дѣло взять книгу штатовъ и урѣзать ихъ болѣе чѣмъ на половину или, что̀ конечно еще проще, прямо вычеркнуть изъ бюджета весь расходъ на государственныя пенсіи, какъ лишній де „расходъ на чиновника." Впрочемъ, у насъ не останавливаются и не предъ такими проектами: Военному Министерству поставлена задача „въ видахъ облегченія податныхъ силъ народа принять мѣры для уменьшеній военныхъ расходовъ," и вотъ пошли одинъ за другимъ два чудовищные слуха, вызвавшіе не мало толковъ въ печати, и въ нашей и въ заграничной. Сначала заговорили о сокращеніи наличнаго состава арміи; послѣдовало опроверженіе. Затѣмъ теперь толкуютъ уже о 35-милліонномъ сбереженіи посредствомъ прекращенія работъ по фортификаціоннымъ сооруженіямъ на западѣ, къ сторонѣ Австріи и Германіи, и объ отмѣнѣ мѣръ для увеличенія военной провозо-способности Петербургско-Варшавской дороги, признанныхъ необходимыми еще коммиссіей графа Баранова. Слухи эти сами по себѣ любопытны, доказывая что подобныя мѣры кому-то были бы на руку, и потому весьма желательны, но къ счастію, имъ не достаетъ правды, потому что условіемъ сокращенія денежныхъ расходовъ военному вѣдомству, какъ прямо заявилъ управляющій Военнымъ Министерствомъ, указано „сохранить вооруженныя силы Россіи на высотѣ соотвѣтствующей политическимъ потребностямъ государства и современному состоянію военнаго дѣла и въ наивозможномъ совершенствѣ."

Это указаніе имѣетъ значеніе не для одного военнаго вѣдомства. Оно доказываетъ что сокращеніе въ расходахъ, признаваемое безотлагательнымъ, ставится вовсе не ребромъ и требуется совсѣмъ не во что̀ бы то ни стало и какими бы то ни было мѣрами, а лишь такими кои могутъ въ то же время содѣйствовать и болѣе правильному дѣйствію всей государственной машины. А если это такъ, то всѣ слухи и толки о сокращеніи штатовъ, объ отмѣнѣ пенсій, объ уменьшеніи окладовъ, о сокращеніи арміи, не направляются ли они лишь къ тому чтобы смущать, сбивать съ толку и озлоблять тѣхъ кого подобныя мѣры могли бы дѣйствительно волновать и тревожить? Остается только желать чтобы вмѣсто всѣхъ этихъ пикантныхъ слуховъ и толковъ въ печати являлось побольше практическихъ указаній какія сдѣланы въ статьѣ г. Захарова.

№ 190.

Москва, 10-го Іюля.

Недѣли три тому назадъ въ Прагѣ произошли уличные безпорядки, вызванные столкновеніемъ между нѣмецкими и чешскими студентами, къ коимъ присоединились съ той и другой стороны любители уличныхъ скандаловъ Въ сущности ничего особенно тревожнаго не произошло; но если прослѣдить все что̀ по этому поводу наговорено въ австрійскихъ нѣмецкихъ газетахъ и въ корреспонденціяхъ берлинскихъ либеральныхъ газетъ которыя до сихъ поръ продолжаютъ заниматься пражскимъ „событіемъ" 27 іюня, можно бы подумать что монархія Габсбурговъ находится на краю гибели или по крайней мѣрѣ что Австро-Венгерская имперія ступила окончательно на путь ненавистнаго и грознаго для Европы „панславизма," отъ котораго можетъ спасти Нѣмцевъ и Европу лишь заступничество князя Бисмарка.

Князь Бисмаркъ не внялъ однако до сихъ поръ этимъ отчаяннымъ возгласамъ и не только не заступился за пражскихъ Нѣмцевъ, но въ его офиціозныхъ органахъ вся вина сваливается на самихъ Нѣмцевъ, какъ богемскихъ, такъ и вообще причисляющихся къ „вѣрно-конституціонной партіи" Цислейтаніи. Уже это одно служитъ вѣрнымъ доказательствомъ что дѣло далеко не имѣетъ для австрійскихъ Нѣмцевъ того трагическаго характера какой всячески стараются придать ему австро-германскіе либералы. Но послѣдніе не только не находятъ въ этомъ знаменательномъ явленіи никакого утѣшенія своему напускному отчаянію, а напротивъ усматриваютъ и тутъ признакъ ослабленія энергіи и ума имперскаго канцлера, готоваго якобы въ обуявшей его слѣпой ненависти къ „либерализму" допускать явное поруганіе „нѣмецкаго имени" и взирать терпѣливо на національное униженіе претерпѣваемое Нѣмцами отъ Славянъ.

Но сквозь эти обвиненія противъ князя Бисмарка слишкомъ проглядываетъ намѣренное извращеніе идей и фактовъ, допускаемое какъ „законное" средство избирательной борьбы которая кипитъ теперь на всѣхъ политическихъ перекресткахъ Германіи. Вотъ почему нельзя придавать какое-либо значеніе этимъ избирательнымъ любезностямъ и нужно принимать съ большою осторожностью тенденціозныя комментаріи вызываемыя борьбой партій.

Событія въ Прагѣ и возбужденная ими усиленная политическая агитація имѣютъ большой интересъ. Но намъ сдается что все это знаменуетъ собою какъ разъ противоположное тому что̀ старается доказать либеральная нѣмецкая печать въ Германіи и Австріи. Совершенно немыслимо допустить чтобъ Австро-Венгерское правительство, „прочно и незыблемо". связавшее свою внѣшнюю политику съ политикой Германіи, въ то же самое время измѣнило бы радикальнымъ образомъ принципы своей внутренней политики, которая въ продолженіе вѣковъ направлена была къ тому чтобы всячески подавить всякое самобытное развитіе славянскихъ народностей составляющихъ большинство населенія Габсбургской монархіи. Эту свою „задачу" Австрійское правительство равно настойчиво преслѣдовало и въ эпоху Меттерниховскаго абсолютизма, и въ послѣдовавшія затѣмъ конституціонныя перипетіи, коихъ безконечный рядъ пережила Австрія за послѣднія двадцать лѣтъ. Роль Австріи въ послѣднюю Восточную войну достаточно показала чего можетъ ждать Славянство отъ габсбургской политики. Но нѣмецкая „вѣрно-конституціонная партія," дѣйствуя въ этомъ вопросѣ, и только въ этомъ, заодно съ ревнителями мадьярскаго сепаратизма, въ непостижимомъ ослѣпленіи всячески затрудняла своею упорною и назойливою оппозиціей тотъ *Drang nach Osten*, тотъ напоръ на Востокъ, первымъ шагомъ котораго былъ захватъ Босніи и Герцеговины. Въ этомъ отношеніи берлинскіе либералы были всегда проницательнѣе своихъ вѣнскихъ собратьевъ, и много разъ, хотя и тщетно, старались открыть имъ глаза и убѣдить ихъ въ томъ что они налагаютъ руку на самихъ себя своею упорною оппозиціей политикѣ графа Андраши. Но австрійскіе политики изъ нѣмецкихъ централистовъ, съ г. Гербстомъ во главѣ, не вняли этимъ увѣщаніямъ, и имъ казалось что побѣда осталась на ихъ сторонѣ, когда графъ Андраши, утомленный борьбой, вышелъ въ отставку. Отставка эта совпала съ заключеніемъ тѣснаго союза съ Германіей, а это усугубило на первыхъ порахъ торжество „централистовъ." Могли ли они ожи-

дать что господству нѣмецкой партіи настанетъ конецъ какъ разъ послѣ такого единенія съ Германіей которое было провозглашено какъ нѣчто далеко превосходящее обычный союзъ между двумя независимыми державами? Тѣмъ не менѣе неожиданное совершилось, и какъ разъ послѣ сентябрьскаго соглашенія 1879 года цислейтанское министерство, съ графомъ Таафе во главѣ, порвало всѣ связи съ австро-нѣмецкими централистами и начались попытки „примиренія съ Чехами,“ которыя съ тѣхъ поръ не прекращались, хотя и довольно туго подвигались впередъ. Мѣсяца три тому назадъ разрѣшенъ былъ наконецъ давнишній споръ касательно Пражскаго университета: чешскій языкъ былъ сравненъ въ правахъ съ нѣмецкимъ. Но это подлило масла въ огонь. Богемскіе Нѣмцы не сумѣли примириться съ мелочною въ сущности уступкой національнымъ притязаніямъ Чеховъ, и это не замедлило сказаться въ постоянныхъ столкновеніяхъ между чешскою и нѣмецкою университетскою молодежью, кончившихся дракой 27 іюня въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ Праги, а затѣмъ и на одной изъ главныхъ улицъ Богемской столицы, причемъ не обошлось безъ увѣчныхъ и даже одного убитаго нѣмецкаго студента.

Но и Чехи, повидимому, придали слишкомъ большое значеніе теперешней „антинѣмецкой“ политикѣ цислейтанскаго министерства и такъ ослѣплены что воображаютъ будто бы г. Таафе, борющійся съ партіей централистовъ, и вообще внутреннія конституціонныя дрязги, вслѣдствіе которыхъ на этотъ разъ оказываются какъ бы припертыми къ стѣнѣ австрійскіе Нѣмцы, повліяли на міровыя событія до того что измѣнилось кореннымъ образомъ самое „политическое призваніе“ монархіи Габсбурговъ, основанное на вѣковыхъ преданіяхъ и торжественно закрѣпленное во время посѣщенія Вѣны княземъ Бисмаркомъ. Это видно изъ бесѣды которую имѣлъ недавно политическій вождь Чеховъ г. Ригеръ съ однимъ изъ редакторовъ парижской газеты *Temps*. Г. Ригеръ уже торжествуетъ побѣду не только своихъ приверженцевъ надъ пражскими Нѣмцами, но самое пораженіе Германіи при помощи „славянской“ Австріи. Онъ доказывалъ своему французскому собесѣднику что „кратчайшій путь изъ Парижа въ Берлинъ лежитъ на Прагу,“ что „Чехи суть заноза въ мягкихъ частяхъ Германіи“ и что „полное объединеніе Германіи немыслимо пока жива чешская нація.“ Чехи рѣшились де защитить Австрію отъ пагубныхъ тенденцій обнаруживающихся въ ней самой, которыя въ случаѣ своего торжества привели бы къ превращенію Австріи въ провинцію Германской имперіи. Чехи считаютъ де себя передовымъ оплотомъ Европы противъ прусской гегемоніи.

Что князю Бисмарку не страшны всѣ эти родомонтады Чеховъ и ихъ почтеннаго вождя видно изъ того что и послѣ обнародованія разговора г. Ригера съ редакторомъ *Temps*, берлинскіе офиціозные органы попрежнему продолжаютъ, къ великой досадѣ либеральныхъ газетъ, поддерживать „стойкихъ“ Чеховъ въ ихъ борьбѣ съ богемскими Нѣмцами. Но въ то же время германская публика заранѣе подготовляется къ имѣющему послѣдовать въ августѣ свиданію между императоромъ Германскимъ и Австрійскимъ, причемъ свидятся между собою по всей вѣроятности и князь Бисмаркъ съ г. Гаймерле, что̀ будетъ де новымъ знакомъ незыблемости Австро-Германскаго союза, нынѣ уже вполнѣ окрѣпшаго, по словамъ тѣхъ же офиціозныхъ газетъ.

№ 191.

Москва, 11-го Іюля.

Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ обращаетъ на себя въ настоящее время общее вниманіе. Имъ озабочены и общество и правительство. Составленныя по этому предмету въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ соображенія, какъ извѣстно, поступили на обсужденіе особой коммиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ которую приглашены члены всѣхъ вѣдомствъ имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ дѣлу. Эта коммиссія имѣетъ задачею выработать полный проектъ организаціи переселеній, который затѣмъ долженъ поступить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Но нѣкоторыя изъ проектируемыхъ правилъ о порядкѣ переселеній предполагается вводить въ дѣйствіе не дожидаясь законодательнаго рѣшенія вопроса. Правила эти имѣютъ цѣлію вообще устранить тѣ стѣсненія ко-

торыми обставлена нынѣ всякая перемѣна осѣдлости. Въ тѣхъ случаяхъ когда крестьяне вынуждаются къ переселенію своимъ экономическимъ положеніемъ, но не имѣютъ по дѣйствующему закону права выйти изъ обществъ къ которымъ приписаны, это затрудненіе предположено устранить предоставленіемъ министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, по взаимному ихъ соглашенію, удовлетворять ходатайства о такихъ переселеніяхъ, съ тѣмъ только чтобы при этомъ не были нарушаемы условія установленныя въ положеніи о выкупѣ. Затрудненія переселеній заключавшіяся въ томъ что переселенцы прежде перечисленія въ новыя мѣста должны были уплатить всѣ недоимки въ податяхъ и выкупныхъ платежахъ по прежнимъ обществамъ, предположено устранить, также не дожидаясь изданія общаго закона, распоряженіями по Министерству Финансовъ о зачисленіи этихъ недоимокъ долгами на переселенцахъ по мѣстамъ новаго ихъ водворенія, съ отсрочкой взысканія таковыхъ долговъ на нѣсколько лѣтъ Для обезпеченія быта переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, до окончательнаго разрѣшенія вопроса о переселеніи, предположено отводить имъ въ краткосрочное (отъ 6 до 12 лѣтъ) пользованіе свободные земельные участки изъ казенныхъ оброчныхъ статей въ разныхъ степныхъ губерніяхъ. Эти отводимые поселенцамъ участки, по предложенію коммиссіи, не должны превышать размѣра высшаго надѣла по положенію 19-го февраля, и во всякомъ случаѣ должны быть не болѣе восьми десятинъ на душу. Казенныя земли предполагается раздавать поселенцамъ не даромъ, а за оброчную плату, размѣръ которой долженъ быть опредѣляемъ сообразно съ дѣйствительнымъ доходомъ казны отъ оброчныхъ статей до водворенія на нихъ переселенцевъ, но во взносѣ этихъ платежей переселенцамъ дается отсрочка, сообразная съ ихъ платежными средствами. Параллельно съ этими мѣрами проектируется учрежденіе въ разныхъ пунктахъ особыхъ переселенческихъ конторъ, которыя сообщали бы переселенцамъ свѣдѣнія объ участкахъ назначенныхъ подъ заселеніе и о цѣнахъ земли, а также принимали бы на себя посредничество между переселенцами и тѣми частными землевладѣльцами которые согласятся предоставить свои земли подъ водвореніе переселенцевъ, согласно указаніямъ какія будутъ даны Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. На конторы предположено возложить также заботу о переселенческихъ партіяхъ въ санитарномъ отношеніи: онѣ будутъ призрѣвать больныхъ переселенцевъ и принимать мѣры къ предупрежденію развитія между ними эпидемическихъ и заразительныхъ болѣзней. На первый разъ предположено учредить, въ видѣ опыта, одну такую контору, въ Симбирской губерніи, у одного изъ перевозовъ чрезъ Волгу. Въ эту контору предположено командировать по одному члену отъ министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, предоставивъ Симбирскому и Самарскому земствамъ назначить въ составъ конторы по одному представителю и съ ихъ стороны. Вслѣдъ за первою конторой, при условіи успѣшности ея дѣйствій, конечно, не замедлятъ появиться и другія въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ учрежденіе ихъ окажется полезнымъ въ обоюдныхъ интересахъ какъ переселенцевъ, такъ и тѣхъ мѣстностей которыя нуждаются въ заселеніи.

Указанными мѣрами предположенія относительно организаціи переселеній не ограничиваются. Видную роль въ этомъ дѣлѣ, какъ пишутъ въ газетахъ, предполагается предоставить губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ. Въ этихъ присутствіяхъ предположено сосредоточивать свѣдѣнія о томъ въ какихъ мѣстностяхъ имѣются назначенныя для поселенцевъ свободныя казенныя земли, съ общимъ описаніемъ отводимыхъ участковъ и указаніемъ среднихъ размѣровъ душевыхъ надѣловъ и оброчныхъ платежей за отводимые участки. Къ этимъ присутствіямъ должны будутъ обращаться крестьяне съ ходатайствами о разрѣшеніи переселиться, на этихъ присутствіяхъ будетъ лежать и освѣдомленіе объ экономической обстановкѣ переселяющихся, и вся офиціальная переписка о переселенцахъ.

Вообще говоря, ощущаемая потребность организаціи переселеній будетъ съ надлежащимъ осуществленіемъ указанныхъ мѣръ удовлетворена почти вполнѣ. Проектируемымъ порядкомъ было бы устранено главное зло, заключавшееся въ томъ что крестьяне въ иныхъ мѣстностяхъ вдругъ поднимались цѣлыми массами чтобы пуститься въ путь безъ яснаго пониманія цѣли своего движенія и безъ средствъ для ея

достиженія, подъ вліяніемъ темныхъ слуховъ о какихъ-то привольныхъ земляхъ раздаваемыхъ правительствомъ. Преувеличенное представленіе о благополучіи ожидающемъ переселенцевъ на дальнихъ невѣдомыхъ земляхъ, чуть не о медовыхъ рѣкахъ въ кисельныхъ берегахъ, было часто причиною того что кидали старыя насиженныя мѣста и шли на новыя не только тѣ для кого переселеніе было дѣйствительно выходомъ изъ экономическихъ затрудненій, но и тѣ кому и на старыхъ мѣстахъ жилось вовсе не дурно и кому потомъ приходилось горько раскаиваться въ легкомысленномъ оставленіи своей родины. Возможность не уходя съ мѣста заблаговременно узнать дѣйствительныя, а не фантастическія условія переселенія, какъ можно надѣяться, сдержитъ стремленія къ переселеніямъ, въ должныхъ размѣрахъ и устранитъ тѣ изъ нихъ которыя не имѣютъ экономическаго смысла. Противоположнаго, вреднаго результата, можно, однако, опасаться въ томъ случаѣ если отводъ поселенцамъ участковъ изъ казенныхъ оброчныхъ статей будетъ поставленъ въ *чрезмѣрно* выгодныя для нихъ условія: тогда отводъ этихъ участковъ получилъ бы характеръ приманки, прямаго побужденія, ради пріобрѣтенія ихъ, бросать свои нынѣшнія земли. Получить лучшую землю, притомъ въ большемъ количествѣ противъ существующаго надѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ платить за нее очень мало или ничего не платить, это такой соблазнъ противъ котораго трудно устоять. И отводъ участковъ изъ казенныхъ оброчныхъ статей, при широкомъ примѣненіи этой мѣры, пожалуй дѣйствительно могъ бы получить такое значеніе въ виду проектированнаго правила по которому размѣръ оброчныхъ платежей за отводимые поселенцамъ участки долженъ быть опредѣляемъ сообразно съ доходомъ какой получала казна съ оброчныхъ статей до водворенія на нихъ переселенцевъ. Разчитанные на такомъ основаніи платежи могутъ оказаться столь низкими сравнительно съ выкупными что пожалуй получатъ значеніе соблазна для платящихъ эти послѣдніе: извѣстно что казенныя земли сдаются у насъ въ аренду чуть не за безцѣнокъ. Это было отчасти результатомъ дѣйствовавшей донынѣ системы сдачи казенныхъ земель въ въ аренду слишкомъ большими участками, причемъ оброчныя статьи оставались на торгахъ за спекуляторами которые раздавали затѣмъ нанятую землю крестьянамъ мелкими участками по цѣнамъ вдвое и втрое большимъ противъ той какую платили въ казну сами. На эту сторону дѣла обращено вниманіе, и уже съ нынѣшняго года начнется примѣненіе иной системы отдачи казенныхъ статей въ аренду, изложенной въ циркулярѣ министра Государственныхъ Имуществъ отъ 20 минувшаго іюня. Казенныя оброчныя статьи будутъ раздроблены на мелкіе доступные крестьянамъ участки, а торги на нихъ будутъ производиться въ волостныхъ правленіяхъ, при условіяхъ позволяющихъ надѣяться что наемщиками ихъ выступятъ крестьяне безъ посторонняго посредничества. Это, по общему мнѣнію, подниметъ оброчные платежи съ казенныхъ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ повыситъ и уровень цѣнъ по которымъ земли будутъ отводиться переселенцамъ. Но и при этомъ повышеніи, все же не лишнимъ будетъ обставить отводъ казенныхъ земель правилами которыя не допустили бы чтобы эта мѣра получила тотъ вредный характеръ соблазна, о которомъ выше сказано, опредѣленіемъ, напримѣръ, особыхъ условій при которыхъ эти участки могутъ быть представляемы переселенцамъ. Иначе спросъ на эти участки со стороны переселенцевъ можетъ возрасти въ такихъ размѣрахъ что не окажется, пожалуй, въ наличности казенныхъ оброчныхъ статей для его удовлетворенія.

Между тѣмъ желательно чтобъ отводъ поселенцамъ казенныхъ земель не служилъ препятствіемъ къ переселеніямъ и на владѣльческія земли въ малонаселенныхъ, нуждающихся въ рабочихъ рукахъ мѣстностяхъ. Именно по отношенію къ ихъ экономическому прогрессу имѣетъ большое значеніе предположенное учрежденіе переселенческихъ конторъ, которыя должны служить посредниками между переселенцами и землевладѣльцами.

№ 193.

Москва, 13-го Іюля.

Оправдательные приговоры присяжныхъ по дѣламъ въ которыхъ виновность подсудимаго не подлежитъ и не подвергается никакому сомнѣнію, стали у насъ явленіемъ до того заурядным что на него пе-

рестали обращать вниманіе. Нечего говорить что такія „явленія“ обходятся совершеннымъ молчаніемъ, или же привѣтствуются въ печати какъ нѣчто отрадное. Но на первыхъ порахъ подобные приговоры присяжныхъ вызывали толки въ обществѣ и подвергались обсужденію. Въ послѣдствіи вниманіе притупилось, и большинство читателей равнодушно просматриваетъ отчеты о дѣлахъ гдѣ врожденному чувству правды и справедливости наносится тяжкій ударъ, возмущенная совѣсть скоро успокоивается и „общественное мнѣніе“ молча и безъ протеста „переходитъ къ очереднымъ дѣламъ,“ причемъ одни махаютъ рукой на эти „единичные“ случаи, неизбѣжные будто бы при новомъ порядкѣ суда, а другіе полагаютъ что молчать и воздерживаться отъ протеста обязываетъ „заботливость о сохраненіи неприкосновеннымъ института присяжныхъ.“ При этомъ забывается лишь то что судъ „общественной совѣсти“ не имѣетъ инаго контроля кромѣ той же общественной совѣсти, и что успѣшная дѣятельность его возможна лишь насколько общество сохраняетъ живую связь съ судомъ и не пропускаетъ безъ вниманія такихъ фактовъ которые выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ и требуютъ провѣрки. За послѣдніе годы намъ случалось, и весьма часто, встрѣчать критическіе отзывы о нашемъ судѣ присяжныхъ въ заграничной, и при томъ въ либеральной печати. *Тамъ* много разъ указывали на склонность нашихъ присяжныхъ произносить приговоры явно противорѣчащіе безспорнымъ фактамъ, и изъ этого выводилось неблагопріятное заключеніе о русскомъ обществѣ. И нужно сказать что ни въ одной странѣ гдѣ установленъ судъ присяжныхъ не встрѣчается ничего подобнаго тому что̀ такъ часто бываетъ у насъ. Нигдѣ человѣческая жизнь, напримѣръ, не цѣнится такъ дешево какъ у насъ. Каждое убійство, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни совершилось, какими мотивами оно ни было бы вызвано, немедленно привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Печать безпрестанно слѣдитъ за всѣми фазами слѣдствія и суда, и мы почти не знаемъ примѣра чтобы пролитая кровь, если только виновный налицо, осталась безъ законнаго возмездія.

Эти замѣчанія сами собою напрашиваются подъ перо въ виду дѣла разбиравшагося недавно въ здѣшнемъ Окружномъ Судѣ, отчетъ о которомъ напечатанъ въ № 191 нашей газеты. Мѣщанинъ Билибинъ зарѣзалъ свою любовницу, крестьянку Никитину. Три года онъ жилъ съ нею „гражданскимъ бракомъ,“ какъ выражаются у насъ невѣжды, воображающіе что такова именно легальная форма супружескаго сожительства установленная подъ этимъ именемъ во многихъ странахъ. Затѣмъ Никитина ему измѣнила и сошлась съ другимъ. Причиной этому нѣкоторые свидѣтели указали то что Билибинъ съ нею дурно обращался. Послѣ размолвки онъ сталъ пьянствовать и уѣхалъ въ Петербургъ. Спустя нѣкоторое время онъ оттуда возвратился и сошелся съ другою женщиной; но та не пришлась ему по сердцу. Чрезъ нѣсколько дней онъ объявилъ своей новой сожительницѣ что „любитъ одну только Ольгу Никитину.“ 19 ноября прошедшаго года Билибинъ, запасшись ножомъ имѣвшимъ клинокъ въ 4½ вершка, который онъ предварительно отточилъ, а конецъ его отпустилъ съ обѣихъ сторонъ въ видѣ кинжала, пришелъ въ квартиру своей бывшей сожительницы и поздоровавшись съ нею и съ другими лицами, находившимися тутъ же, всадилъ ножъ въ грудь Никитиной и нанесъ ей безусловно смертельную рану, отъ которой она тутъ же скончалась. На судѣ подсудимый „призналъ себя виновнымъ“ въ убійствѣ Никитиной, объяснивъ что онъ сдѣлалъ это изъ ревности. Изъ собственныхъ его объясненій видно что преступленіе совершено имъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Мысль объ убійствѣ, сказалъ Билибинъ, пришла ему дня за два до совершенія онаго. Отправляясь къ Никитиной, онъ взялъ съ собою ножъ, *дорогой отточилъ его* и этимъ ножомъ убилъ свою бывшую сожительницу. Никакого сомнѣнія насчетъ состоянія вмѣняемости убійцы въ моментъ совершенія преступленія даже возбуждено не было. Свидѣтели, сказано въ отчетѣ, характеризовали его какъ человѣка *нѣсколько* раздражительнаго, особливо въ пьяномъ видѣ.

Несмотря на столь ясные и никѣмъ не оспоренные факты, доказывавшіе предумышленность преступленія, судъ, отъ котораго зависитъ постановка вопросовъ предлагаемыхъ присяжнымъ, и который по закону обязанъ ставить эти вопросы на основаніи данныхъ выяснившихся на судѣ, счелъ однако возможнымъ поставить присяжнымъ не одинъ, а два вопроса: первый о предумышленномъ убійствѣ, а второй, альтер-

нативный, на случай отрицательнаго отвѣта на первый, о совершеніи убійства въ запальчивости и раздраженіи. Фактическихъ данныхъ къ предположенію формулованному во второмъ вопросѣ не было никакихъ, такъ какъ самъ подсудимый сознался въ заранѣе обдуманномъ намѣреніи и вещественное доказательство, отточенный ножъ, не оставлялъ въ томъ никакого сомнѣнія. Судъ очевидно поступилъ такимъ образомъ единственно съ цѣлью дать присяжнымъ возможность „облегчить свою совѣсть" чрезъ признаніе за подсудимымъ меньшей вины нежели та какая на немъ дѣйствительно лежала, такъ какъ не нужно быть юристомъ чтобы знать что наказаніе за убійство совершенное вслѣдствіе внезапнаго возбужденія наказывается несравненно легче нежели предумышленное убійство.

Въ постановкѣ втораго вопроса, не только не вытекавшаго изъ обстоятельствъ дѣла, какъ слѣдуетъ по закону, но просто противорѣчившаго имъ, присяжные должны были заключить что судъ считаетъ возможнымъ подвергнуть виновнаго не тому наказанію которое ему въ законѣ положено, а другому болѣе легкому. Первое снисхожденіе было такимъ образомъ оказано подсудимому самимъ судомъ, и это конечно потому, какъ безъ сомнѣнія объяснили себѣ и присяжные, что *мотивъ* его преступленія не былъ „подлымъ" мотивомъ. Убійство совершено де не для корыстной цѣли, а изъ ревности. Нужды нѣтъ что законъ самъ дѣлаетъ различіе между предумышленнымъ убійствомъ изъ-за корыстной цѣли и таковымъ же убійствомъ внушеннымъ иными мотивами. Для „судей общественной совѣсти" предписанія закона и его различенія не имѣютъ, по теоріи нашихъ криминалистовъ, никакой обязательной силы, не только съ формальной точки зрѣнія, но и съ нравственной стороны. Присяжные могли, утвердивъ первый вопросъ, дать подсудимому снисхожденіе и тѣмъ еще болѣе смягчить наказаніе положенное въ законѣ за такого рода предумышленное убійство. Отвѣтивъ отрицательно на первый вопросъ, они уже насиловали свою совѣсть, связанную присягой, по которой они обязались „подать рѣшительный голосъ согласно съ тѣмъ что̀ видѣли и слышали на судѣ, по сущей правдѣ и убѣжденію своей совѣсти, не оправдывая виновнаго и не осуждая невиннаго." Наконецъ, еслибы присяжные, отступивъ отъ того что̀ они видѣли и слышали на судѣ, рѣшились признать убійство въ запальчивости и раздраженіи и довести до крайнихъ предѣловъ свое произвольное снисхожденіе къ подсудимому, то и тутъ они могли признать за подсудимымъ право на снисхожденіе, и это обязывало бы судъ еще понизить наказаніе.

Но „господа присяжные засѣдатели" сочли за лучшее *разрубить* Гордіевъ узелъ; они отвѣтили отрицательно на *оба* вопроса! „Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ."

Билибинъ признанъ по суду оправданнымъ и отпущенъ на всѣ четыре стороны...

№ 194.

Москва, 14-го Іюля.

Газеты въ настоящее время переполнены слухами о предстоящемъ будто бы заключеніи разнообразныхъ союзовъ между державами. Однѣ толкуютъ о тѣснѣйшемъ сближеніи Германіи съ Австріей направленномъ противъ Франціи, другія присоединяютъ къ этой комбинаціи Италію, третьи удостоиваютъ этой чести Россію, а четвертыя увѣряютъ наоборотъ что Германія старается вступить въ союзъ съ Франціей дабы помѣшать ея предполагаемому сближенію съ Россіей. Замѣчательно во всякомъ случаѣ что центромъ всѣхъ упомянутыхъ комбинацій является Германія, исключается изъ нихъ Англія, а Франція выставляется то союзницей, то врагомъ Германіи.

Англичане уже начинаютъ тревожиться одиночествомъ, и мы вчера приводили разсужденія консервативной *St.-James Gasette*, прямо обвиняющей министерство Гладстона въ непростительной близорукости, допустившей будто бы заключеніе направленной противъ Англіи Германо-Французской коалиціи, которая должна де вознаградить Францію за потерю Альзаса и Лотарингіи обширными пріобрѣтеніями на сѣверномъ берегу Африки въ ущербъ англійскому вліянію въ Средиземномъ морѣ. Итальянцы, напротивъ, увѣряютъ что князь Бисмаркъ намѣренно завлекъ Францію въ Тунисъ съ тѣмъ чтобы тамъ на нее напасть въ союзѣ съ Италіей, а сами Французы не знаютъ злиться ли имъ на желѣзнаго канцлера, какъ это имъ совѣтуютъ ихъ газеты,

или же благодарить его „за дружбу и услуги", какъ это недавно сдѣлалъ ихъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Бартелеми Сентъ-Илеръ.

Князь Бисмаркъ, какъ оказывается, убилъ не двухъ, а нѣсколькихъ мухъ однимъ ударомъ. Замѣтивъ что главный двигатель французской политики, бывшій адвокатъ и диктаторъ г. Леонъ Гамбетта, давно уже мечтаетъ о томъ чтобъ окружить Французскую республику ореоломъ блестящей, но не слишкомъ дорогой военной славы и такимъ образомъ занять почетное мѣсто въ европейскомъ концертѣ, германскій канцлеръ еще во время Берлинскаго конгресса намекнулъ французскимъ делегатамъ о возможности для Франціи захватить Тунисъ. Онъ убѣдилъ даже англійскаго делегата графа Солсбери поощрить на этотъ захватъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Ваддингтона.

Но г. Гамбетта занятъ былъ въ то время Греческимъ вопросомъ и надѣялся что Франція разыграетъ видную, если не главную, роль въ европейскомъ давленіи на Порту въ пользу Греціи. Это именно была та блестящая и *дешевая* военная слава о которой онъ мечталъ. Дѣла приняли однако совершенно иной оборотъ. Турція стала выказывать упрямство, а предъ ней начали одна за другою пасовать державы, и Франція, оставшись почти одинокою между Греціей и Турціей, поспѣшила скорѣе выпутаться изо всего этого дѣла и бросить Грековъ на произволъ судьбы. Князь Бисмаркъ поднялъ брошенное Франціей дѣло и привелъ его самъ къ мирному исходу.

Между тѣмъ приближались и парламентскіе выборы. Г. Гамбетта, надѣясь въ то время еще на принятіе парламентомъ его избирательной реформы, счелъ нужнымъ устроить хотя бы маленькую экспедицію чтобы показать какъ Франціи такъ и всей Европѣ тѣ „изумительные успѣхи" которые сдѣлала въ послѣднія десять лѣтъ *республиканская* реорганизація французской арміи. Князь Бисмаркъ самъ не прочь былъ посмотрѣть чего именно стоитъ хваленое преобразованіе французскаго войска. Онъ потому отнесся весьма благопріятно къ намѣренію Франціи предпринять походъ противъ тунисскихъ Хрумировъ. Но онъ очень хорошо понималъ что этотъ походъ не только удовлетворитъ его любопытство, но и вовлечетъ Францію въ цѣлый рядъ столкновеній, а можетъ-быть и въ войну и во всякомъ случаѣ надолго удалитъ ее отъ попытки возвратить себѣ Альзасъ и Лотарингію.

И въ самомъ дѣлѣ мы ужь теперь видимъ какъ „легонькій походъ" превратился въ настоящую войну противъ алжирскихъ и тунисскихъ Арабовъ, какъ Франція изъза того похода поссорилась съ четырьмя державами, Турціей, Италіей, Испаніей и Англіей, и какъ она теперь уже тратитъ милліоны на неудачныя военныя дѣйствія, которыя не поддержатъ, а подорвутъ *престижъ* республики на будущихъ выборахъ. Такимъ образомъ князь Бисмаркъ не только отвлекъ Францію отъ Германіи, но и лишилъ ее союзниковъ. Мало того, онъ натравилъ на нее Турцію, которая принуждена мало-по-малу переносить центръ своей политики изъ Европы въ Африку и давать мѣсто на Балканскомъ полуостровѣ Габсбургской монархіи Сверхъ того, и Англія изолирована и лишена возможности соединиться съ изолированною Франціей. Кто бы могъ подумать что походъ противъ Хрумировъ произведетъ такое сильное дѣйствіе на взаимныя отношенія европейскихъ державъ? Князю Бисмарку, впрочемъ, легко было разставить по своему усмотрѣнію шахматы, такъ какъ онъ твердо былъ увѣренъ въ абсолютномъ нейтралитетѣ Россіи.

Одна изъ выгодъ извлеченныхъ желѣзнымъ канцлеромъ изъ тунисскаго похода та что онъ удостовѣрился въ достоинствѣ французской военной администраціи.

Французская армія не могла конечно оставаться незатронутою борьбой политическихъ партій. Всѣ старые генералы, всѣ опытные служаки какъ Канроберъ, МакъМагонъ, Бурбаки, исключены изъ служебныхъ списковъ арміи за то только что они не считаютъ республику идеаломъ государственнаго устройства. На ихъ мѣсто назначены совершенно неизвѣстные, неопытные, но за то „республиканскіе" генералы въ родѣ самого министра Фарра и другихъ „плацпарадныхъ" героевъ, какъ генералы Ложеро, Соссье, Серезъ, Дельбекъ и масса другихъ не менѣе темныхъ личностей.

Первый опытъ на которомъ должна была показать себя эта администрація заключался въ мобилизаціи нѣсколькихъ тысячъ солдатъ для отправки ихъ въ Тунисъ. И что же? Мобилизація эта, по сознанію самихъ Французовъ, оказалась верхомъ

безобразія, возмутившаго своимъ хаосомъ французскую печать и публику и возбудившаго за Рейномъ громкій смѣхъ. По всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, во всѣхъ направленіяхъ летѣли поѣзда съ войсками, незнавшими куда ихъ посылаютъ. Изъ сѣверныхъ портовъ моряки мчались по желѣзной дорогѣ въ Марсель и Тулонъ и садились тамъ наскоро на незнакомые имъ корабли съ которыхъ моряки направлялись въ западные порты. Изъ окрестностей Парижа направлялись сломя голову кавалеристы безъ лошадей въ Ліонъ, а оттуда на чужихъ лошадяхъ въ Тулонъ, тогда какъ кавалерія стоявшая гарнизономъ въ Тулонѣ отправлялась куда-то на сѣверъ. Орудія, порохъ и прочіе матеріалы блуждали по всѣмъ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, терялись, отыскивались, опять терялись и за ненадобностью отправлялись назадъ въ мѣсто своего отправленія. Словомъ, безпорядокъ оказался баснословный. Самъ военный министръ не могъ отрицать его и оправдывался наивнымъ образомъ только тѣмъ что онъ де „выработалъ подробный планъ *моментальной* мобилизаціи только противъ Германіи, а не противъ Туниса.“

Затѣмъ начался походъ. Цѣлый мѣсяцъ искали Хрумировъ и никого не нашли. За то въ западной части Алжиріи нашелся грозный врагъ, фанатическій марабутъ Бу-Амема, котораго никто не искалъ. Въ нѣсколькихъ битвахъ онъ на голову разбилъ посланные противъ него маленькіе отрядцы, разрушилъ владѣнія французскихъ и испанскихъ колонистовъ, перерѣзалъ населеніе большаго укрѣпленнаго города, Саиды, и затѣмъ преспокойно съ громадною добычей, подъ носомъ французскихъ войскъ, возвратился въ свою пустыню. Его дерзкій набѣгъ находится въ связи съ тунисскими событіями, чего однако алжирская администрація не замѣтила. Она намѣренно скрыла отъ публики успѣхъ Бу-Амемы и не приняла никакихъ мѣръ для его наказанія.

Между тѣмъ, не найдя Хрумировъ, Французы прямо двинулись къ резиденціи Тунисскаго бея и почти силой заставили его подписать трактатъ съ Франціей, по которому распорядителемъ Туниса дѣлался французскій консулъ Рустанъ. Этимъ г. Гамбетта и генералъ Фарръ считали экспедицію оконченною, и увѣнчавъ лаврами французскія войска начали переправлять ихъ обратно во Францію, не позаботившись о томъ чтобы заручиться матеріальнымъ обезпеченіемъ своего трактата. Близорукость и неопытность ихъ получили тяжкое наказаніе. Въ Тунисѣ вспыхнуло по иниціативѣ Турціи громадное возстаніе фанатическихъ Арабовъ и генералу Фарру пришлось отправить обратно въ Африку только что прибывшія оттуда войска, придать имъ значительныя подкрѣпленія и послать цѣлую эскадру броненосцевъ для бомбардированія приморскаго города Сфакса.

Въ то же время снова появился въ Оранской провинціи Бу-Амема, его прежнія побѣды стали извѣстны во Франціи и противъ него пришлось отправлять новыя войска, которыя однако въ виду жаркаго времени года, обречены на *трехмѣсячное* бездѣйствіе!

Безпорядокъ французской военной администраціи вышелъ такимъ образомъ *полный*, и князь Бисмаркъ остался очень доволенъ своимъ маленькимъ экспериментомъ. Французы сами поняли что имъ и безъ африканскихъ затрудненій играть видную роль въ Европѣ съ подобными генералами и администраторами нельзя.

№ 195.

Москва, 15-го Іюля.

Легкость съ которою австрійская печать мѣняетъ свои мнѣнія, въ особенности въ вопросахъ иностранной политики, поистинѣ поразительна.

Прокламація князя Болгарскаго въ которой онъ требовалъ себѣ полномочія на семь лѣтъ была довольно хорошо встрѣчена въ Австро-Венгріи. Печать поспѣшила заявить что правительство Австро-Венгріи непремѣнно поддержитъ князя Александра, такъ какъ несомнѣнно де что онъ будетъ уважать австрійскіе интересы на Востокѣ. Въ то же время офиціозныя австрійскія газеты выразили надежду будто бы князь Александръ уладитъ такъ-называемый дунайскій и желѣзнодорожный вопросъ въ смыслѣ желательномъ для Австро-Венгріи. Какъ офиціозныя такъ и неофиціозныя австро-венгерскія газеты не могли скрыть своей радости что упорный въ этомъ пунктѣ Цанковъ сойдетъ со сцены, и были твердо убѣждены что съ перемѣной внутренней политики Болгаріи из-

мѣнится и ея внѣшняя политика, и притомъ конечно въ пользу Австро-Венгріи. Вслѣдствіе этого, вся почти австрійская печать, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ оппозиціонныхъ газетъ, стояла на сторонѣ князя Александра, подъ управленіемъ котораго должны де исчезнуть *шовинистскія* стремленія Болгарскаго народа и прекратиться ненавистное русское вліяніе въ Болгаріи.

Въ свое время мы указывали на это явленіе и объясняли его причины, и въ заключеніе высказали увѣренность что ликованіе австро-венгерскихъ газетъ преждевременно, что онѣ ошибутся въ своихъ ожиданіяхъ. Слова наши не замедлили оправдаться.

Какъ только княземъ Александромъ сказана была рѣчь, которою онъ закрылъ Великое Народное Собраніе, тонъ австро-венгерскихъ газетъ совершенно перемѣнился. Изъ его защитницъ онѣ обратились въ открытыхъ враговъ. Замѣчательно что даже *Пештскій Ллойдъ*, считающійся въ качествѣ органа бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Андраши весьма компетентнымъ въ вопросахъ иностранной политики, совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о Болгарскихъ дѣлахъ, и въ послѣднихъ нумерахъ рѣшительно нападаетъ на князя Александра. Еще недавно этотъ офиціозный органъ проповѣдывалъ что о „такомъ жалкомъ учрежденіи какъ болгарская конституція“ (eine Misere wie die bulgarische Constitution) не стоитъ сожалѣть, и что необходимо поддерживать князя Болгарскаго который не одобряетъ де „шовинизма“ гг. Цанкова, Славейкова и другихъ, и намѣренъ держать себя совершенно „лойяльно“. Тотъ же *Пештскій Ллойдъ* не можетъ скрыть теперь свое негодованіе по поводу рѣчи князя Александра, такъ какъ въ ней очень мало говорится о симпатіяхъ „Европы“. Венгерская офиціозная газета положительно возмущена тѣмъ что князь Болгарскій „намѣренъ идти во главѣ своего народа для осуществленія его чаяній.“ Это весьма естественное заявленіе князя Александра кажется *Ллойду* чуть ли не преступленіемъ. Нашимъ австро-венгерскимъ „друзьямъ“ грезится уже присоединеніе Восточной Румеліи къ княжеству Болгарскому. Они какъ будто предчувствуютъ что Восточная Румелія, въ которой Австрійское правительство начало усиленную религіозно-политическую агитацію основаніемъ католическихъ школъ, ускользнетъ изъ его рукъ. Для нихъ становится яснымъ что князь Болгарскій рѣшился положить конецъ внутреннимъ раздорамъ не для того чтобъ угождать чужой политикѣ въ ущербъ своему народу, а чтобы быть блюстителемъ его интересовъ и исполнителемъ его чаяній. Еще болѣе возмущенъ органъ графа Андраши тѣмъ что князь Болгарскій приглашаетъ Болгаръ-патріотовъ употребить всѣ усилія чтобы „сдѣлаться достойнымъ той великой любви которую не переставалъ оказывать освобожденнымъ братьямъ Императоръ Всероссійскій и народъ Русскій“. „Вотъ что̀ говоритъ, восклицаетъ газета, князь Болгарскій, защитники котораго надѣялись что онъ *уничтожитъ русское вліяніе въ Болгаріи, и опасались что съ его паденіемъ страна обратится въ русскую сатрапію и сдѣлается русскимъ арсеналомъ на Востокѣ.*“ „Объ *Европѣ*, говоритъ далѣе *Пештскій Ллойдъ*, о ея симпатіяхъ къ князю Александру упоминается только вскользь, какъ бы мимоходомъ.“

Вѣнскія газеты, болѣе умѣренныя чѣмъ венгерскія и болѣе политичныя, пока еще не обвиняютъ князя въ панболгарскихъ замыслахъ, что̀, кстати замѣтить, съ австрійской точки считалось бы величайшимъ преступленіемъ, и ограничиваются зложелательными отзывами. Великое Народное Собраніе, въ которомъ Болгарскій народъ *единогласно* и съ *восторгомъ* принялъ предложенныя княземъ Александромъ условія, вѣнскими газетами именуется „комедіей“, и это лишь потому что князь Александръ торжественно изъявилъ свое намѣреніе вести политику національную. Нѣкоторыя австрійскія газеты такъ озлоблены послѣдними событіями въ Болгаріи что утверждаютъ будто германскій представитель фонъ-Тилау, привѣтствовавшій Болгарскаго князя теплыми словами и выразившій ему сочувствіе отъ имени представителей державъ, не былъ уполномоченъ говорить отъ имени всѣхъ великихъ державъ. „Если нѣкоторые уполномоченные и дали свое согласіе чтобы фонъ-Тилау говорилъ отъ имени представляемыхъ ими правительствъ, говоритъ одна австрійская газета, то въ то же время мы считаемъ своимъ долгомъ заявить что фонъ-Тилау имѣлъ право говорить не ото *всѣхъ безъ исключенія* державъ.“ Ка-

кія или какая держава составляетъ исключеніе, объ этомъ газета умалчиваетъ.

Теперь очевидно что опасенія высказанныя въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, вслѣдствіе благоволенія оказаннаго нѣкоторое время австрійскою журналистикой князю Александру, совершенно напрасны...

№ 196.

Москва, 16-го Іюля.

Завтра день ликованія для Москвы. Самодержавный Властитель Россіи, впервые по вступленіи на царство, коснется Русской Земли въ святилищѣ ея прошедшаго, въ ея сердцѣ, въ самомъ родникѣ ея силы. Есть могучая, неуловимая для слова и мысли, вдохновительная сила въ великихъ историческихъ урочищахъ. Среди святынь Московскаго Кремля, подъ его историческою сѣнью, въ эту торжественную минуту, быть-можетъ предопредѣлится въ сердцѣ Царевомъ образъ наступившаго царствованія,— да благословитъ Его Господь!

Его Величество вступилъ на престолъ въ зрѣлую пору своей жизни, умудренный опытомъ минувшаго царствованія, котораго событія, полныя назиданій, совершались предъ Нимъ развивая всѣ свои послѣдствія.

Великую славу наслѣдовалъ Государь нашъ, но и тяжкое бремя. Никогда Россія не была такъ могущественна, такъ полна жизни, и никогда не носилось надъ ней столько пагубныхъ недоразумѣній какъ въ настоящее время.

Всѣ мы, русскіе люди, присягнувшіе вѣрой и правдой служить Государю и въ Его лицѣ Отечеству, всѣ мы должны глубже провѣрить себя. Наши недоразумѣнія и ошибки случаются отъ того что мы незамѣтно для себя переходимъ съ одной почвы на другую, мѣняя предметъ своихъ сужденій и заботъ. Въ вопросахъ государственнаго свойства все должно оцѣниваться съ точки зрѣнія государства, и притомъ не какого-нибудь, не отвлеченнаго, но дѣйствительнаго, живаго, одного изо всѣхъ, того которому мы служимъ, во всей совокупности связанныхъ съ нимъ интересовъ. Мы ничего не утратимъ, не причинимъ ущерба никакому цѣнному для человѣка интересу когда будемъ послѣдовательны и тверды въ вопросахъ государственной важности, когда въ этихъ вопросахъ будемъ руководствоваться только истинною пользой государства, только дѣйствительными потребностями нашего отечества, — когда мы будемъ вполнѣ и безусловно національны въ нашихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ. Напротивъ, непослѣдовательность и полумѣры въ государственномъ дѣлѣ всегда сопровождаются вредомъ и пагубой для всѣхъ охраняемыхъ государствомъ интересовъ. Результатъ всегда оказывается противоположный тому чего мы искали мѣняя точку зрѣнія и вовлекаясь въ область иныхъ соображеній. Церковь, напримѣръ, есть величайшій для человѣка интересъ, но она находитъ себѣ вѣрное обезпеченіе только въ государствѣ которое, охраняя ее, знаетъ себя и умѣетъ отличать желательное отъ обязательнаго.

Интересъ экономическій имѣетъ безспорную важность, но исключительно имъ нельзя руководствоваться въ государственномъ дѣлѣ. Рядомъ съ системой экономическихъ интересовъ есть порядокъ нравственный, есть порядокъ юридическій, и съ точки зрѣнія государственной каждому порядку дается свое мѣсто, каждый принимается въ уваженіе и при правильномъ ходѣ дѣлъ каждый выигрываетъ приходя въ соглашеніе съ другими.

Филантропія есть прекрасное чувство, но никакимъ побужденіемъ, хотя бы и прекраснѣйшаго свойства, нельзя оправдывать уклоненіе отъ государственнаго долга. Исторія свидѣтельствуетъ что дѣло происходящее изъ наилучшаго источника, но уклоняющее насъ отъ долга нашего служенія, ведетъ роковымъ образомъ къ нежеланнымъ и ненавистнымъ для насъ самихъ послѣдствіямъ. Тысячи жертвъ могутъ поплатиться за доброе чувство которое ошиблось въ пути. Милосердіе къ людямъ требуетъ не поблажки, а рѣшительнаго противодѣйствія тому что̀ ихъ губитъ. Великая ошибка вступать въ сдѣлку съ направленіями существенно враждебными государству и надѣяться замирить ихъ уступками

Государство не находится въ антагонизмѣ со свободой, напротивъ, свобода возможна только въ его оградѣ, но при условіи сильной власти, способной защитить личную свободу людей ото всякаго насилія и вынужденія.

Единая, безусловно свободная и безспорная верховная власть есть великое

благо Русскаго народа, завѣщанное ему предками и добытое ихъ трудомъ и кровью. Никакое человѣческое дѣло не изъято отъ ошибокъ и злоупотребленій, и никакія учрежденія не могутъ обезпечить отъ нихъ. Но прискорбныя случайности дѣло преходящее, лишь бы основанія не колебались, лишь бы самое начало власти оставалось цѣло и невредимо. Съ самодержавною властію Русскаго Государя неразрывно соединено самое существованіе Россіи. Незыблемая и свободная верховная власть, какая Богомъ дарована Русскому Государю, всего вѣрнѣе обезпечиваетъ народное благо и всего лучше можетъ способствовать ему. За то все что̀ есть въ Россіи русскаго, и здравомыслящаго, и честнаго, все должно стоять на стражѣ этого великаго начала. Вотъ правильное и истинно русское отношеніе между царемъ и народомъ: царь за весь народъ, весь народъ за царя.

Да будетъ начинающееся царствованіе исполнено славы какъ и минувшее, но да исчезнутъ при немъ всякія смуты въ умахъ и да скажется во всей силѣ чистая русская мысль въ русскихъ дѣлахъ, да процвѣтетъ при немъ наша страна и да будетъ оно грозно для враговъ ея, внутреннихъ и внѣшнихъ.

Царствуй, возлюбленный Государь нашъ.

Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ.
Боже, Царя храни!

№ 197.

Москва, 17-го Іюля.

Великій день для Москвы! Прибытіе ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни въ первопрестольную столицу было для всѣхъ радостною неожиданностію. Новое царствованіе началось подъ тяжкимъ ударомъ постигшимъ Россію, среди всеобщей скорби, негодованія и стыда. Требовались чрезвычайныя мѣры чтобы предотвратить дальнѣйшія покушенія убійцъ подосланныхъ врагами Россіи и ея Царствующаго Дома. Все было смутно, неопредѣленно, все тяжко гнело душу. Нужно было чтобы новое восходящее надъ Россіей солнце показалось ея народу, чтобы вступившій на прародительскій престолъ Государь Россіи явился среди своего народа въ Москвѣ, которая, какъ Его Величество изволилъ выразиться сегодня, „служитъ для всей Россіи примѣромъ“ и свидѣтельствуетъ что Русскій Царь и Русскій народъ „составляютъ одно единодушное, крѣпкое цѣлое.“ Уже нѣсколько мѣсяцевъ протекло съ того дня какъ началось новое царствованіе, но чувствуется что какъ будто только теперь, въ этотъ день, Богъ возвратилъ народу Вождя...

У насъ часто говорятъ о землѣ въ политическомъ смыслѣ и землю противополагаютъ государству. Но противоположность между землей и государствомъ не выдерживаетъ критики. Русская земля есть Русское государство, и Русское государство есть Русская земля. Это одно и то же, только съ двухъ сторонъ взятое И нельзя понимать такъ что земля имѣетъ свои интересы, отдѣльные отъ государства, а государство свои. Еслибъ у земли или народа были свои интересы, а у государства свои, то они стояли бы другъ противъ друга какъ два лагеря; между ними пришлось бы проводить демаркаціонную линію; между ними, даже при самыхъ мирныхъ отношеніяхъ, неизбѣжно возникла бы рознь и борьба; они стали бы вести между собой, если не войну, то политику. Это было бы не то что земля и государство, а какъ бы два государства на которыя разломилась бы страна. Такое положеніе было бы величайшею несообразностію, на которой не возможно остановиться мыслію. Правда, нѣчто подобное было въ зачаточную эпоху Россіи, когда Русская земля еще не была собрана воедино, когда еще не было Русскаго государства, а были на пустырѣ Русской земли разрозненныя населенія и разбросанные города жившіе каждый своею отдѣльною жизнію и призывавшіе къ себѣ, когда приходилось туго, то ту, то другую бродячую дружину съ княземъ во главѣ для обороны отъ враговъ, или для подавленія внутренней смуты. Но это первобытное состояніе нашего отечества когда оно еще не сложилось, когда еще не было ни Россіи, ни Русскаго народа, можетъ ли служить для насъ образцомъ? Можемъ ли мы считать ни во что̀ тысячелѣтнюю исторію Россіи и возвращаться ко временамъ Рюрика?

Нѣтъ, народъ организованный, имѣющій одно отечество и одну верховную власть, которой всякая власть въ народѣ подчинена, есть едино съ государствомъ и его

главою. Не только никакого антагонизма, но ни малѣйшей розни не должно быть между интересами народа и интересами государства Каждая мѣстность въ государствѣ есть живая часть его. Цѣлое состоитъ въ своихъ частяхъ и части въ цѣломъ. Государство не можетъ быть равнодушно къ тому какъ идутъ дѣла въ безчисленныхъ мѣстностяхъ его составляющихъ, какъ живется ячейкамъ его организма.

Всякое управленіе имѣетъ прежде всего своею цѣлію обезпеченіе мира въ странѣ. Судьи мира въ Англіи (justices of the peace), то-есть землевладѣльцы-вотчинники въ каждомъ графствѣ, и называются такъ по тому что охраняютъ миръ въ своей мѣстности. У насъ условія иныя, у насъ нѣтъ беземельнаго народа, какъ въ Англіи; у насъ земля не находится вся въ рукахъ лишь одного класса, у насъ каждое сельское общество можетъ считать себя вотчинникомъ и хозяиномъ. У насъ весь народъ заинтересованъ въ общественной безопасности. Мы имѣемъ исторически сложившіяся сословія, у насъ есть сословныя общества въ городахъ и селахъ которыя могутъ всего лучше способствовать этому главному государственному дѣлу, которое въ то же время есть первый интересъ всякой мѣстности и всякаго обывателя въ ней. Не говорильни намъ нужны, не словоизверженія объ общихъ принципахъ и вопросахъ. Намъ нужно дѣйствительное участіе дѣйствительныхъ народныхъ силъ въ охранѣ общественнаго спокойствія. Теперь особенно, когда по нашей оплошности, закралась къ намъ вражеская смута, необходима организованная помощь нашихъ народныхъ силъ, то-есть нашихъ безчисленныхъ сословныхъ обществъ. Эти общества не фантазія, а фактъ котораго нельзя не признать, и нельзя имъ не воспользоваться. Надобно только воспользоваться имъ должнымъ образомъ. Никакая полиція не можетъ у насъ такъ успѣшно и такъ надежно дѣйствовать какъ организованныя для государственной цѣли наши сословныя общества. Въ духѣ, который живетъ въ нихъ, не можетъ быть сомнѣнія. Расторгните эти общества, пустите этихъ людей въ разбродъ, — вы не узнаете ихъ. Поставьте людей въ другія сочетенія, вы также не узнаете ихъ. Русскій народъ есть то что̀ онъ есть въ своихъ сословныхъ обществахъ. Ничто не замѣнитъ того непреоборимаго государственнаго духа, который могущественно властвуетъ надъ милліонами людей въ нашихъ сословіяхъ. Призовите эти силы къ дѣйствію, только не фиктивно но въ правду, и всякой крамолѣ конецъ...

№ 198.

Москва, 18-го Іюля.

Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ редакторъ нѣмецкаго революціоннаго листка издаваемаго въ Лондонѣ, Мость, подвергся судебному преслѣдованію за злоупотребленіе печатнымъ словомъ, этотъ небывалый въ Англіи случай подалъ поводъ къ преувеличеннымъ ожиданіямъ, основаннымъ на томъ что въ англійскихъ законахъ нашлись карательныя мѣры противъ позорнѣйшаго изъ явленій современной „культуры“ — открытаго и громогласнаго возванія къ политическому убійству. Но въ этихъ наивныхъ ожиданіяхъ заключалось двойное заблужденіе: вопервыхъ, нужно было вовсе не имѣть никакого понятія объ англійскихъ законахъ, сохранившихъ до сихъ поръ всю суровость старинныхъ временъ, чтобы предположить что революціонная пропаганда, въ томъ видѣ какъ она практикуется теперешними рыцарями динамита, есть дѣяніе ненаказуемое по англійскимъ законамъ; а вовторыхъ, что англійскія власти только потому мирволили международнымъ проходимцамъ стекающимся въ Лондонъ что считали ихъ дѣянія будто бы безнаказанными въ силу конституціи господствующей въ Англіи.

Но не долго суждено было держаться такому заблужденію.

18 іюля въ Лондонѣ происходилъ публичный митингъ, на который собрались „делегаты“ революціи изъ разныхъ странъ. Тутъ были субъекты всѣхъ родовъ революціоннаго „оружія,“ начиная отъ петролея и кончая динамитомъ; всѣ страны „цивилизованнаго“ міра имѣли своихъ представителей обоихъ половъ на этомъ международномъ собраніи. По свидѣтельству англійскихъ газетъ, изъ коихъ лишь немногія воздержались отъ воспроизведенія преній происходившихъ въ Клевландъ-Галлѣ, прочія же поспѣшили „съ полною объективностью“ сообщить содержаніе всѣхъ произнесенныхъ рѣчей, собраніе 18 іюля

было лишь революціоннымъ парадомъ. „Дѣловыя занятія того же самаго съѣзда всесвѣтныхъ революціонеровъ происходили не публично; а съѣхались они въ Лондонъ потому что Швейцарское правительство объявило имъ свое твердое намѣреніе не допустить соціалистическаго конгресса, который предполагался въ этомъ году въ Цюрихѣ. И вотъ этотъ самый конгрессъ былъ открытъ въ Лондонѣ, и дабы всѣмъ было извѣстно что англійская почва попрежнему даетъ широкое гостепріимство крамольникамъ, конгрессъ устроилъ публичный митингъ, на которомъ, правда, умалчивалось о тѣхъ „практическихъ“ вопросахъ кои служили предметомъ секретныхъ совѣщаній, но за то дана была полная возможность „делегатамъ“ высказываться свободно объ ихъ общихъ цѣляхъ. Смыслъ всѣхъ рѣчей произнесенныхъ по этому случаю былъ тотъ что „миновало окончательно время борьбы посредствомъ слова, а нужно *дѣйствовать*, и дѣйствовать рѣшительно, убѣдившись въ томъ что всѣ правительства—монархическія, какъ и республиканскія—одинаково враждебны „истинной свободѣ“ и „въ равной мѣрѣ подлежатъ уничтоженію.“ *Ораторшѣ* изъ Америки, старавшейся разсѣять иллюзіи питаемыя нѣкоторыми соціалистами относительно Соединенныхъ Штатовъ, вторила знаменитая петролейщица Луиза Мишель изъ Парижа. Современная Пиѳія излагала предъ почтеннымъ собраніемъ свои „видѣнія,“ предсказывая близость бури долженствующей снести „послѣдній тронъ и послѣдній алтарь“ и увѣщевала своихъ слушателей „не щадить своей крови“ для скорѣйшаго осуществленія „золотаго вѣка.“

Русскій нигилистъ Крапоткинъ, явившійся официально делегатомъ отъ женевскихъ соціалистовъ, посвятилъ однако свою рѣчь исключительно Россіи и доказывалъ „законность“ и необходимость убійства „русскихъ генераловъ“ въ прошедшемъ, а въ будущемъ ограбленія и избіенія всѣхъ имущихъ какъ „эксплуататоровъ и тирановъ.“

Собраніе окончилось единогласнымъ принятіемъ резолюціи рѣзко осуждающей Англійское правительство за то что оно, „уступивъ давленію иностраннаго деспотизма,“ допустило осужденіе Моста.

Эффектъ этой заключительной резолюціи былъ однако значительно испорченъ въ засѣданіи Палаты Общинъ 21 іюля, когда г. Беллингамъ, изъ партіи торіевъ, заявилъ, въ формѣ запроса, тотъ фактъ что предсѣдавшій на соціалистскомъ митингѣ Англичанинъ Дённ былъ дѣятельнымъ пособникомъ правительства на послѣднихъ выборахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ г. Гаркортъ былъ повидимому немало озадаченъ такимъ заявленіемъ и протестовалъ противъ того что оно было сдѣлано не въ установленномъ порядкѣ, то-есть безъ предувѣдомленія. Но еслибы г. Беллингамъ заранѣе предувѣдомилъ правительство о такомъ скандальномъ заявленіи, то по всему вѣроятію оно и не было бы сдѣлано.

Болѣе развязно отвѣтилъ г. Гаркортъ другому члену оппозиціи г. Борлезу, который спросилъ обратило ли правительство вниманіе на то что въ Лондонѣ засѣдаетъ конгрессъ революціонеровъ, что на публичномъ митингѣ делегаты этого конгресса произносили ярыя рѣчи противъ правительствъ и противъ основъ современнаго общества, и намѣрено ли правительство принять мѣры дабы предотвратить столь возмутительныя явленія на англійской почвѣ, прикрываемыя свободой будто бы предоставляемой въ этомъ отношеніи англійскими законами? Г. Борлезъ указалъ далѣе на то что одинъ изъ делегатовъ, Крапоткинъ, открыто защищалъ на митингѣ убійство „одного русскаго генерала.“ Г. Гаркортъ отвѣчалъ на это что онъ ничего не слыхалъ о затѣваемомъ убійствѣ (хотя рѣчь Крапоткина, какъ и прочія революціонныя рѣчи, были обнародованы въ *Daily Telegraph*); что же касается революціоннаго сборища вообще, то онъ не находитъ въ немъ ничего такого что оправдывало бы вмѣшательство правительства!

Указанный запросъ г. Борлеза во всякомъ случаѣ служитъ доказательствомъ тому что и въ Англіи начинаютъ наконецъ понимать что потворство иностраннымъ революціонерамъ есть дѣло возмутительно безнравственное, которое не можетъ остаться безнаказаннымъ.

Англійское правительство повидимому остается при томъ убѣжденіи что оно всегда сумѣетъ справиться со своими „взрывателями“ и что для этого ему нѣтъ надобности навсегда отказаться отъ всякаго заигрыванія съ иностранными революціонерами, могущими при случаѣ сослужить Англіи свою службу по примѣру прошлаго. Недавно англійскимъ властямъ удалось захватить цѣлую дюжину адскихъ машинъ

присланныхъ изъ Америки. Г. Гаркортъ, заявляя объ этомъ въ засѣданіи парламента 26 іюля, высказалъ что „это дѣло есть плодъ открытыхъ подстреканій ирландской печати въ Америкѣ.“ Онъ выразилъ надежду на то что Американское правительство не откажетъ Англіи въ содѣйствіи къ подавленію этихъ преступныхъ покушеній.

Подумалъ ли г. Гаркортъ о томъ что за три дня до того онъ высказалъ предъ тою же палатой что Англійскому правительству нѣтъ надобности вмѣшиваться въ дѣло и подавлять подобныя же подстрекательства направленныя противъ другихъ странъ, чинимыя посредствомъ печати и публичныхъ собраній на почвѣ Англіи?

По свѣдѣніямъ которыя мы имѣемъ, русскіе измѣнники участвовавшіе въ лондонскомъ конгрессѣ соціалистовъ выражали сѣтованіе что въ Россіи все благополучно и что въ нынѣшнемъ году ожидается большой урожай...

№ 200.

Москва, 20-го іюля.

Въ *Новомъ Времени* сообщается слухъ о предположенномъ значительномъ сокращеніи расходовъ (на сто милліоновъ) въ государственномъ бюджетѣ на предстоящій годъ. Главная доля проектируемыхъ сокращеній приходится на бюджетъ Военнаго Министерства. По одному этому министерству предполагается, по слухамъ, уменьшить расходы на 60 милліоновъ, то-есть чуть не на тридцать процентовъ, тогда какъ сокращенія по всѣмъ прочимъ министерствамъ ограничиваются цифрой 40 милліоновъ, то-есть среднимъ числомъ пятнадцатью процентами съ ихъ бюджетнаго итога. Но въ виду заявленія сдѣланнаго управляющимъ Военнымъ Министерствомъ о томъ что сохраненіе вооруженныхъ силъ Россіи „на высотѣ соотвѣтствующей политическимъ потребностямъ государства и „современному состоянію военнаго дѣла и „въ наивозможномъ совершенствѣ,“ поставлено непремѣннымъ условіемъ тѣхъ сокращеній расходовъ которыя могутъ быть допущены по военному вѣдомству, нѣтъ серіозныхъ поводовъ тревожиться что вышеуказанный размѣръ сокращенія военныхъ расходовъ мирнаго времени окажется для государства не выигрышемъ, а проигрышемъ. Вообще можно надѣяться что такихъ сокращеній въ расходахъ которыя могли бы повести ко вреднымъ въ какомъ-либо отношеніи послѣдствіямъ не будетъ допущено ни по военному, ни по другимъ вѣдомствамъ. Нашъ семисотмилліонный бюджетъ и помимо такихъ непозволительныхъ сокращеній представляетъ обширное поле для сбереженій. Задача уменьшенія государственныхъ расходовъ въ предположенныхъ размѣрахъ есть у насъ, правда, дѣло еще не бывалое, но подобныя операціи съ бюджетами не представляютъ чего-нибудь безпримѣрнаго въ финансовой исторіи другихъ государствъ. Сокращенія расходовъ на восьмую и на седьмую долю всего ихъ итога въ разное время успѣшно достигали и Англія, и Франція, и Пруссія. При существующихъ условіяхъ у насъ едва ли труднѣе чѣмъ тамъ исполненіе подобной задачи.

За сдѣланными оговорками, остается лишь пожелать чтобы слухъ о предположенномъ сокращеніи государственныхъ расходовъ не остался слухомъ. Благотворныя послѣдствія сокращенія бюджета, хотя бы на первый разъ оно оказалось и менѣе ста милліоновъ, были бы неисчислимы. Устранились бы побужденія ко введенію новыхъ налоговъ, открылся бы широкій просторъ для финансовыхъ улучшеній необходимыхъ въ интересахъ народнаго благосостоянія, но встрѣчавшихъ препятствія въ положеніи государственнаго бюджета. Финансовыя реформы, давно признанныя необходимыми, откладывались у насъ съ года на годъ главнымъ образомъ въ видахъ бюджетнаго равновѣсія, далеко не имѣющаго для государства такого значенія какъ успѣхи народнаго хозяйства, которымъ мѣшаетъ неудовлетворительная финансовая система. Ожидаемое сокращеніе расходовъ и предстоящее одновременно увеличеніе доходовъ, на которое есть полное основаніе разчитывать судя по приходящихъ отовсюду свѣдѣніямъ объ урожаѣ нынѣшняго лѣта, дало бы возможность приступить не только къ реформѣ прямыхъ податей, но и принять мѣры имѣющія для народнаго благосостоянія еще большее значеніе чѣмъ облегченіе подушныхъ и иныхъ сборовъ. Разумѣемъ принятіе мѣръ противъ кабаковъ, подрывающихъ народное хозяйство и вмѣстѣ гибельно отзывающихся на народной нрав-

ственности. Наибольшее сокращеніе числа кабаковъ и другихъ мѣстъ распивочной продажи, буде возможно совершенное удаленіе ихъ изъ деревень съ дозволеніемъ содержать только тамъ гдѣ это положительно необходимо, такъ чтобъ у крестьянъ не былъ постоянно подъ рукой соблазнъ представляемый питейными заведеніями,—вотъ цѣль которой такъ желательно достигнуть, безъ чего ни податная, ни другія финансовыя реформы не поведутъ къ тому улучшенію народнаго быта на которое разчитываютъ. Кабакъ тяготѣетъ на народѣ гораздо сильнѣе всѣхъ лежащихъ на немъ податей и сборовъ. Говоримъ это не въ томъ только смыслѣ что государственный питейный доходъ превышаетъ вдвое лежащіе на сельскомъ населеніи прямые налоги. Къ суммѣ уплачиваемой народомъ чрезъ посредство кабаковъ въ казну нужно присоединить такую же, если не большую, остающуюся въ рукахъ содержателей кабаковъ и другихъ дѣятелей питейной торговли. Въ общей сложности, можно положить что въ кабаки уходитъ ежегодно до четырехсотъ, если не болѣе, милліоновъ рублей крестьянскихъ денегъ. И однако не въ цифрѣ этого расхода, въ нѣсколько разъ превышающаго уплаты по податямъ, заключается главное зло. Весьма вѣроятно что расходъ этотъ не особенно сильно сократился бы и при гораздо меньшемъ чѣмъ нынѣ числѣ кабаковъ, при значительныхъ между ними разстояніяхъ. Но при оставленіи одного кабака на обширную сельскую округу устранился бы вредъ близкаго ихъ сосѣдства, устранилась бы возможность повседневнаго ихъ посѣщенія, незамѣтнаго, по мелочамъ, пропиванія своихъ достатковъ, плодовъ не только настоящаго, но и будущаго труда, благодаря широкому развитію продажи питей и подъ залогъ, и въ личный кредитъ, ставящій крестьянъ въ положеніе постоянной и тяжкой экономической зависимости отъ кабатчика. Не прямыя подати и не акцизъ съ водки, а близкое сосѣдство кабаковъ и ихъ роль въ крестьянскомъ быту всего болѣе подтачиваютъ народное благосостояніе. Въ большинствѣ случаевъ, близкое сосѣдство кабаковъ является главною причиной и накопленія недоимокъ, и продажи скота, и другаго имущества неисправныхъ крестьянъ, и невозможности для запутавшихся выйти изъ затруднительныхъ условій, и вновь стать на ноги. Не будь подъ бокомъ кабацкаго соблазна, стой кабакъ подальше, крестьяне сдѣлались бы исправнѣе, у нихъ оставались бы въ рукахъ средства и для улучшенія своихъ хозяйствъ. Вмѣсто ухудшенія и уменьшенія числа крестьянскаго скота, началось бы его улучшеніе и умноженіе; сталъ бы улучшаться весь крестьянскій хозяйственный инвентарь, чему нынѣ едва ли не всего болѣе препятствуетъ кабакъ. Все это такъ извѣстно что едва ли требуетъ напоминанія. Противъ огромной пользы которую принесло бы серіозное сокращеніе кабаковъ, и главнымъ образомъ не въ городахъ, а въ селахъ, гдѣ они особенно вредны, едва ли можно ожидать возраженій съ чьей бы то ни было стороны. Но дѣло этого сокращенія постоянно тормозилось бюджетными соображеніями. Оно представлялось столь противорѣчащимъ дѣлу бюджетнаго равновѣсія, и это противорѣчіе казалось столь важнымъ что заявленія противъ кабаковъ и ихъ вліянія на народный бытъ большею частію отличались платоническимъ характеромъ; по крайней мѣрѣ въ пользу освобожденія народа отъ кабака никогда не поднималось такой агитаціи какая велась и ведется въ пользу пониженія прямыхъ податей. А между тѣмъ, едва ли можно сомнѣваться что безъ устраненія близкаго сосѣдства кабаковъ, самое это пониженіе податей едва ли много улучшитъ бытъ крестьянъ и подниметъ ихъ денежную состоятельность. Не у всѣхъ, конечно, но у значительной части крестьянъ то что не будетъ взыскано сборщикомъ податей само собою уйдетъ въ кабакъ. Желательны, безъ сомнѣнія, обѣ мѣры, и пониженіе податей, и сокращеніе кабаковъ. Но между двумя этими мѣрами нельзя не замѣтить такой разницы. Изъ каждаго милліона дохода который будетъ пожертвованъ казной ради пониженія прямыхъ податей, при нынѣшней распространенности кабаковъ, лишь малая доля, можетъ-быть третья, четвертая часть пойдетъ дѣйствительно на улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Каждый милліонъ дохода которымъ пожертвовала бы казна сокращая число кабаковъ увеличилъ бы крестьянскія хозяйственныя средства не на одинъ, а на нѣсколько милліоновъ, и содѣйствовалъ бы постановкѣ крестьянскихъ хозяйствъ на путь возможныхъ для нихъ безостановочныхъ улучшеній. Предостав-

ляемъ каждому рѣшать какая изъ этихъ мѣръ нужнѣе, и съ которой лучше и выгоднѣе начать въ интересахъ народнаго благосостоянія.

Съ узкой точки зрѣнія исключительныхъ интересовъ бюджетнаго равновѣсія, пониженіе прямыхъ податей, правда, имѣетъ нѣкоторое преимущество: можно впередъ въ точности исчислить во сколько именно милліоновъ рублей обойдется казнѣ реформа. Въ случаѣ серіознаго сокращенія числа кабаковъ сдѣлать подобный предварительный разчетъ почти невозможно. При большомъ сокращеніи распивочной торговли, такомъ какое нужно чтобы получить желаемые результаты для народнаго хозяйства, ущербъ казны на питейномъ доходѣ можетъ ограничиться умѣренною цифрой, но можетъ дойти и до значительныхъ размѣровъ. Тѣмъ важнѣе, полагаемъ, не упустить случая, который, пожалуй, не скоро опять представится, когда положеніе бюджета позволяетъ отважиться на сокращеніе кабаковъ безъ опасенія что этимъ будетъ потрясено равновѣсіе между государственными доходами и расходами. А именно въ такомъ положеніи оказался бы бюджетъ предстоящаго 1882 года, при условіи стомилліоннаго сокращенія расходовъ и одновременнаго серіознаго увеличенія доходовъ, постоянно бывающаго результатомъ хорошаго урожая. Совокупнымъ результатомъ этихъ двухъ условій долженъ быть перевѣсъ доходовъ надъ расходами, достаточный для покрытія всякаго недобора въ питейномъ доходѣ, до какихъ бы размѣровъ ни дошелъ недоборъ вслѣдствіе уменьшенія числа мѣстъ раздробительной продажи.

№ 201.

Москва, 21-го Іюля.

Телеграфъ изъ Нью-Йорка спѣшитъ оповѣстить міру о томъ что 31 (19) іюля въ газетѣ *New Iork Herald* опубликовано письмо Гартмана содержащее описаніе заговора съ цѣлью покушенія на жизнь Императора Александра II посредствомъ взрыва мины на Московско-Курской желѣзной дорогѣ.

Съ какою цѣлью передано такое извѣстіе по трансатлантическому телеграфу? И какъ понять что въ цивилизованной странѣ виновникъ одного изъ самыхъ гнусныхъ и тяжкихъ преступленій можетъ публично въ распространенной газетѣ хвастаться своимъ злодѣяніемъ и разказывать его подробности? Покушеніе 19 ноября 1879 года раскрыто вполнѣ. Объ этомъ имѣются самыя подробныя показанія Гольденберга, Перовской, Желябова и другихъ. Гартманъ могъ только подтвердить собственнымъ признаніемъ о своемъ участіи въ одномъ изъ величайшихъ злодѣяній какія знаетъ исторія и тѣмъ лишь доказать до какой степени лицемѣрія и намѣренной лжи дошли французскія судебныя и иныя власти, до совѣта министровъ включительно, когда онѣ признали виновность Гартмана настолько сомнительною, или вѣрнѣе невиновность его настолько „очевидною,“ чтобъ отказать въ провѣркѣ имѣвшихся противъ Гартмана уликъ судебнымъ порядкомъ чрезъ передачу его въ руки Русскаго правосудія. Ибо именно такъ мотивировало Французское правительство свой отказъ въ выдачѣ Гартмана, когда онъ былъ задержанъ въ Парижѣ. Со стороны Россіи было заявлено что Гартманъ будетъ судимъ какъ участникъ въ простомъ, неполитическомъ преступленіи, и примѣръ Нечаева, выданнаго Швейцаріей на основаніи такого же обязательства Россіи, которое было исполнено въ точности, служилъ такимъ прецедентомъ коего Франція не могла не знать. Чтобы не удовлетворить требованія Россіи оставалось лишь одно: прибѣгнуть къ явной и намѣренной лжи, и Французское правительство не погнушалось этого средства дабы не „компрометтировать“ себя въ глазахъ своихъ революціонныхъ крикуновъ. „Невинный“ по вердикту французскаго суда и французской администраціи Гартманъ былъ отпущенъ, косвенное удовлетвореніе требованій общественной нравственности и прямое признаніе собственной вины Французскаго правительства сказались лишь въ томъ что Гартманъ, будучи офиціально отпущенъ на всѣ четыре стороны, неофиціально выпровоженъ былъ за предѣлы Франціи.

Этотъ жалкій поступокъ Французскаго правительства является однако мужественнымъ актомъ правосудія если принять во вниманіе дальнѣйшія похожденія того же Гартмана. По изгнаніи изъ Франціи, онъ переселился въ Лондонъ въ полной увѣренности что „свободная почва“ Англіи обезпечиваетъ его ото всякихъ дальнѣй-

шихъ попытокъ правосудія, и что никакія оговорки и обязательства Россіи не побудятъ англійскія власти наложить руку на участника злодѣянія грозившаго гибелью, вмѣстѣ съ Государемъ, сотнямъ людей. Гартманъ не ошибся. Почти два года прожилъ онъ въ Лондонѣ и, сколько извѣстно, не было даже попытки домогаться его выдачи. Проживая въ Англіи, Гартманъ неоднократно „бесѣдовалъ" съ газетными репортерами о своемъ участіи въ покушеніи 19 ноября, и содержаніе этихъ „бесѣдъ" печаталось въ газетахъ. Но и тутъ Гартманъ какъ бы еще опасался выступить открыто и публично сознать то въ чемъ никто не сомнѣвался; офиціальная ложь французскаго правительственнаго декрета по его дѣлу служила ему какъ бы прикрытіемъ, отъ котораго онъ еще не считалъ возможнымъ отказаться, такъ что онъ печатно отрекся отъ письма появившагося за его подписью въ одной лондонской газетѣ, въ которомъ заключалось признаніе его участія въ злодѣйскомъ покушеніи. Но перебравшись въ Америку, онъ повидимому не пожелалъ долѣе оставаться въ полумракѣ. Ему нужно было гласно на весь міръ подтвердить о своемъ „подвигѣ;" и вотъ нашлась газета, которая не погнушалась открыть свои столбцы злодѣю...

Но, спрашивается, неужели все это въ порядкѣ вещей? Въ самомъ ли дѣлѣ нѣтъ никакихъ способовъ положить конецъ столь возмутительному глумленію надъ правдой и общественною совѣстью? Почему было бы немыслимо, какъ полагаютъ многіе „юристы," предъявить Англіи или Америкѣ такое же формальное требованіе о выдачѣ Гартмана какое было предъявлено Франціи? Пусть правительства этихъ странъ отвѣтили бы отказомъ, подъ предлогомъ недоказанности вины Гартмана. Достало ли бы и теперь смѣлости прибѣгнуть публично къ подобной лжи? Во всякомъ случаѣ ложь была бы единственно-возможною отговоркой, ибо весьма ошибаются тѣ кто думаютъ что требованіе Россіи могло бы быть отвергнуто на томъ основаніи что между ею и указанными государствами нѣтъ трактатовъ о взаимной выдачѣ преступниковъ. Формальныхъ трактатовъ вовсе не требуется въ этихъ случаяхъ, и успѣхъ подобнаго требованія гораздо болѣе зависитъ отъ авторитета государства которое такое требованіе предъявляетъ и настойчивости съ которою оно поддерживается. Въ подтвержденіе этого мы можемъ указать на слѣдующій фактъ:

Въ прошедшемъ году скрылись изъ Франкфурта-на-Майнѣ „банкиры," братья Альберисъ и Вильгельмъ Заксъ, которые подъ видомъ банкирскихъ операцій ловко выманили у разныхъ лицъ большую сумму денегъ. Послѣ многихъ розысковъ, германской полиціи удалось открыть ихъ мѣстопребываніе въ Чили (въ Южной Америкѣ). Немедленно предъявлено было требованіе о выдачѣ преступниковъ, энергически поддержанное отъ имени князя Бисмарка мѣстнымъ германскимъ консуломъ, и Чилійское правительство удовлетворило это требованіе. Въ нѣмецкихъ газетахъ обнародованъ текстъ декрета о выдачѣ, и въ мотивахъ, между прочимъ, сказано:

„Принимая во вниманіе что отсутствіе трактата о выдачѣ преступниковъ между Германіей и Чили не можетъ служить поводомъ къ отказу въ такомъ требованіи, тѣмъ болѣе если государство предъявившее требованіе предлагаетъ взаимность; принимая далѣе во вниманіе что государства обязаны въ интересахъ общественной нравственности оказывать другъ другу помощь въ дѣлѣ правосудія, и что трактаты заключаемые по этому предмету суть лишь письменное подтвержденіе того что̀ разумѣется само собою и вытекаетъ изъ взаимныхъ потребностей и обязанностей договаривающихся правительствъ... Правительство постановляетъ: выдать Германіи пребывающихъ въ Чили братьевъ Заксъ."

Почему Россія не можетъ говорить съ другими правительствами языкомъ соотвѣтствующимъ ея величію, ея положенію въ мірѣ, ея могуществу и духу ея народа? Неужели Россія постоянно должна принижаться, смиренно уступать и не настаивать на правахъ своихъ, часто купленныхъ дорогою цѣною? Но вѣдь не соотвѣтствующее ея достоинству международное положеніе неизбѣжно ослабляетъ ее и внутри, роняетъ ее народный духъ, подрываетъ ея вѣру въ себя... Приниженное положеніе которое приняла она послѣ побѣдоносной войны не мало конечно способствовало паденію духа въ нашемъ обществѣ, давшему возможность вражеской крамолѣ дѣйствовать съ неслыханною дерзостію. И вотъ въ то время когда Англійское правительство (которое еще недавно

по требованію германскаго канцлера безпрекословно привлекло къ суду Моста за статью по поводу цареубійства), въ то время какъ оно дозволяетъ въ Лондонѣ конгрессъ убійцъ и поджигателей, которыхъ дѣятельность въ настоящее время направлена главнымъ образомъ противъ Россіи, мы останавливаемъ побѣдоносный походъ ознаменованный блистательными подвигами мужества и военнаго генія, для того чтобъ успокоить мнительность Англіи которая боится нашего движенія къ Герату? Зачѣмъ же намъ церемониться съ Англіей въ то время когда она такъ мало церемонится съ нами?

№ 203.

Москва, 23-го іюля.

Въ прошедшую субботу заключился важный и во многихъ отношеніяхъ роковой періодъ современной исторіи Франціи. Четырехлѣтняя парламентская сессія пришла къ своему концу, и новые выборы назначены чрезъ три недѣли на 9 (21) августа.

Громко восхваляются и французскими и нашими доморощенными „либералами" успѣхи Франціи достигнутые ею въ эти послѣдніе четыре года, „когда эта благородная страна всецѣло наслаждалась тою свободой которой она лишилась тридцать лѣтъ тому назадъ." Болѣе точный и вѣрный анализъ этихъ хваленыхъ успѣховъ не будетъ слѣдовательно лишенъ интереса и для насъ, Русскихъ, такъ какъ онъ намъ дастъ правильное понятіе о тѣхъ „высокихъ идеалахъ" къ которымъ стремится извѣстнаго сорта „интеллигенція" у насъ, обращавшая въ послѣднее время усиленное вниманіе на французскій „либеральный режимъ" и извлекавшая изъ него разныя поучительныя наставленія на пользу нашему темному отечеству.

Но истекшая сессія французскаго парламента представляетъ намъ еще и другой интересъ. Она опредѣлила теперешнее международное политическое положеніе Франціи, которымъ въ значительной степени обусловливается внѣшняя политика Германіи.

Четыре выдающіяся черты характеризовали дѣятельность французскаго парламента въ послѣдній его законодательный періодъ: возвращеніе каторжниковъ къ гражданской и политической жизни, фанатическое преслѣдованіе религіи, разгромъ школы и замѣщеніе всѣхъ должностей людьми отличившимися не дѣловыми способностями, а „либеральными мнѣніями." Эти черты тѣсно между собой связаны и входятъ въ составъ той программы радикализма къ исполненію которой обречено было Французское правительство вслѣдствіе своего жалкаго слабосилія и трусости предъ задорными требованіями французскихъ радикаловъ.

Съ 1871 года радикалы уже начали требовать амнистіи сосланнымъ въ Новую Каледонію коммунарамъ, устроившимъ съ неслыханнымъ варварствомъ возстаніе въ Парижѣ, обратившимъ въ груду пепла величественныя зданія столицы и запятнавшимъ себя возмутительными грабежами и убійствами. Но пока во главѣ Франціи стояли президенты Тьеръ и маршалъ Макъ-Магонъ, безсовѣстныя требованія амнистіи раздавались лишь въ подпольномъ мірѣ парижскихъ соціалистовъ. Такъ какъ правительство не выказывало этому міру ни малѣйшей уступчивости, то и радикалы принуждены были понизить свой голосъ и превратить свои требованія въ глухой недовольный ропотъ, не тревожившій ни правительства, ни общества. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ пока маршалъ Макъ-Магонъ былъ твердъ въ своей борьбѣ съ радикализмомъ. Но стоило ему сдѣлать только шагъ „къ примиренію" съ этимъ непримиримымъ врагомъ, какъ положеніе дѣлъ измѣнилось. А этотъ шагъ онъ сдѣлалъ именно послѣ парламентскихъ выборовъ 1877 года, создавшихъ ту палату депутатовъ которая, пробавившись четыре года отошла нынѣ въ вѣчность.

„Примиреніе съ радикалами!" Сколько наивности и сколько непоправимаго зла заключается въ этой политикѣ! Мы сами недавно могли наглядно убѣдиться къ чему привело насъ это примиреніе, и какое зло было вызвано уступками радикализму, нигилизму тожь. Какое глубокое непониманіе кроется въ желаніи *удовлетворить* разными поблажками людей которые могутъ удовлетвориться только полнымъ разрушеніемъ существующаго порядка и идеалъ которыхъ заключается, по опредѣленію нигилистки Луизы Мишель, въ „истребленіи послѣдняго трона и послѣдняго алтаря!" Такихъ людей уступками не примиришь, а только ободришь къ новымъ подвигамъ.

Такъ случилось и во Франціи послѣ первой уступки Макъ-Магона. Радикализмъ тотчасъ выползъ изъ своей подземной берлоги, высоко поднялъ свою безобразную голову и навелъ ужасъ на всю Францію. Все заколыхалось, все встревожилось, все взволновалось, и разразилась страшная буря, которая унесла съ политической сцены самого маршала, превратившагося благодаря своему „примирительному“ шагу изъ твердаго охранителя Франціи въ жалкую куклу. На его мѣсто былъ поставленъ совершенно безличный и пассивный президентъ Жюль Греви, предоставившій кормило государства на произволъ бурнымъ вѣтрамъ партій.

А между тѣмъ радикалы все выше поднимали голову, все громче заявляли свои требованія. У французскаго либеральнаго правительства блеснула снова несчастная мысль: „Поскорѣе удовлетворимъ ихъ! сдѣлаемъ имъ уступку поважнѣе! Они непремѣнно изъ благодарности успокоятся, усмирятся. Призовемъ съ каторги убійцъ и поджигателей Парижской коммуны: они намъ будутъ за это признательны и будутъ намъ друзьями!“ Сказано, сдѣлано. Менѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ избранія Греви, министерство предложило палатѣ амнистію бывшимъ коммунарамъ. Нашлись, правда, благоразумные люди, указывавшіе на пагубныя послѣдствія этой безумной мѣры, но имъ удалось лишь оттянуть на годъ объявленіе окончательной и полной амнистіи. Большинство депутатовъ было твердо увѣрено въ благодарности возвращаемыхъ ссыльныхъ.

Разочарованіе освободителей конечно было полное. Когда во Францію нахлынули сотни прощенныхъ, но оборванныхъ, голодныхъ и озлобленныхъ преступниковъ, тогда всѣмъ стало ясно что о примиреніи ихъ не можетъ быть и рѣчи, и что вмѣсто благодарности они чувствуютъ къ своимъ благодѣтелямъ лишь фанатическую ненависть. Примкнувъ немедленно къ рядамъ самаго крайняго радикализма, они, увѣнчанные ореоломъ политическаго мученичества, легко проложили себѣ дорогу въ муниципальные совѣты главныхъ французскихъ городовъ, захватили въ свои руки бо́льшую часть дешевой уличной печати, пробрались въ палату депутатовъ, и начали громко, безо всякаго стѣсненія заявлять новыя требованія своей программы направленной прежде всего къ истребленію религіи.

Правительство рѣшилось снова сдѣлать „послѣднюю уступку,“ бросивъ имъ на съѣденіе религію. Началось то сумасбродное, слѣпое гоненіе противъ всего что̀ только имѣетъ прикосновеніе къ религіи. Министры, депутаты, муниципальные совѣтники, журналисты и уличные бродяги соперничали между собою въ фанатическомъ преслѣдованіи и поруганіи всякаго священнаго, духовнаго, религіознаго дѣла. Изъ школъ были прогнаны учители Закона Божія, а за ними вслѣдъ были выброшены иконы и Распятія; изъ больницъ были изгнаны сестры милосердія; силой вламывались „власти“ съ чернью въ монастыри, и съ громкимъ смѣхомъ и свистомъ выпроваживались оттуда скромные ихъ жители; завелись по всей странѣ „общества свободной мысли,“ запрещавшія своимъ членамъ имѣть какое бы то ни было сношеніе съ духовенствомъ; приняты были мѣры чтобы солдаты не посѣщали церквей; запрещены были крестные ходы и всякія священнодѣйствія внѣ церковныхъ стѣнъ; смѣнялись должностныя лица за нерасположеніе къ атеизму и замѣнялись другими, менѣе способными, но за то совершенно невѣрующими. Всю страну охватила какая-то манія, какая-то острая болѣзнь которую можно назвать *теофобіей* или *богобоязнью*, заключавшаяся въ томъ что всѣ стали бояться не Бога, а имени Его, тщательно изгоняя его отовсюду, гдѣ оно только показывалось. Нагляднымъ примѣромъ этой *богобоязни* служитъ законъ объ элементарномъ обученіи, не состоявшійся только потому что депутаты ни за что̀ не хотѣли допустить упоминаніе Бога въ томъ единственномъ параграфѣ въ которомъ ухитрились помѣстить его сенаторы, за что̀ они подверглись строгому порицанію со стороны нашихъ „либеральныхъ органовъ.“

Одновременно съ гоненіемъ на религію, потрясена вся учебная система, которая только что было установилась послѣ стольκихъ разгромовъ, разрушенъ весь строй французскихъ лицеевъ (гимназій), и французскому образованію и наукѣ нанесенъ послѣ стольκихъ ударовъ новый и самый рѣшительный.

Далѣе, радикалы требовали поголовнаго преслѣдованія не только „клерикаловъ,“ но и монархистовъ. „Очищеніе общественныхъ должностей“ сдѣлалось лозунгомъ французскаго радикализма. Замѣстить всѣ

общественныя должности либеральными доктринерами, хотя и плохими чиновниками, было чрезвычайно важно для радикаловъ, такъ какъ отъ подобныхъ чиновниковъ они могли ожидать въ будущемъ безконечныхъ „примирительныхъ" уступокъ, въ которыхъ имъ навѣрное отказали бы люди дѣльные и серіозные. И правительство поспѣшило снова „удовлетворить" радикаловъ изгнавъ цѣлыми тысячами дѣловыхъ людей изъ политической и общественной жизни и замѣнивъ ихъ неопытными и безмозглыми „либеральными" чиновниками. Одна категорія этихъ должностныхъ лицъ оказалась однако по закону *несмѣняемою*; это была судебная магистратура. Но и предъ ней не остановилось правительство, подгоняемое радикалами: оно внесло въ палату законъ о „пріостановкѣ несмѣняемости судей," и палата съ восторгомъ приняла это наивное до безстыдства предложеніе. Только сенатская коммиссія, положившая это дѣло въ долгій ящикъ, спасла страну отъ примѣненія этой мѣры.

Ни на какомъ вѣдомствѣ однако не отразилась такъ ясно и пагубно эта фанатическая „либерализація" какъ на военномъ министерствѣ. Мы на дняхъ привели примѣры того жалкаго состоянія французской арміи, попавшей въ руки совершенно неопытныхъ, никуда негодныхъ, но „серіозно-республиканскихъ" генераловъ, которые навлекли на Францію почти безвыходную Алжирско-Тунисскую войну, лишившую Францію ея прежнихъ союзниковъ и ополчившихъ на нее новыхъ враговъ. Не мало способствовали этому безпомощному изолированію своего отечества и близорукіе, но также „серіозно-республиканскіе" дѣятели засѣдающіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и съ головой попавшіеся въ сѣти разставленныя имъ германскимъ канцлеромъ.

Такимъ образомъ, четыре года такъ-называемой „полной свободы" привели Францію къ самому жалкому анархическому состоянію внутренней и безсильному одинокому положенію внѣшней политики. За то въ ней процвѣтаетъ дорогая нашимъ либераламъ „свобода совѣсти" въ видѣ слѣпой атеистической и фанатической религіозной нетерпимости.

На дняхъ въ Парижѣ экзаменовалась на должность учительницы одна дѣвица, принадлежащая къ весьма уважаемому семейству. По всѣмъ предметамъ она получила высшія отмѣтки. Но по наведеннымъ справкамъ оказалось что она почти каждое воскресенье посѣщаетъ церковь. Узнавъ объ этомъ, экзаминаторы выставили ей за нравственное поведеніе отмѣтку *нуль* (*zéro de moralité*), и она такимъ образомъ лишилась учительскаго диплома.

Когда у насъ въ Россіи будутъ возможны такіе экзамены, наши *заѣденные насѣкомыми* либералы будутъ довольны; но будутъ ли они вполнѣ удовлетворены? едва ли; они, по принципу, вѣчно непримиримы и неудовлетворимы, и каждая уступка имъ есть близорукая, можно сказать преступная ошибка.

№ 204.

Москва, 24-го Іюля.

Въ лондонскихъ политическихъ сферахъ поговариваютъ о томъ что г. Гладстонъ, чувствуя себя утомленнымъ парламентскою борьбой, будто бы соглашается наконецъ принять давно ему предлагаемое званіе пера и такимъ образомъ перемѣнить тревожное мѣсто вождя палаты общинъ на болѣе спокойное кресло въ палатѣ лордовъ. Ирландскій билль проведенъ имъ наконецъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, въ нижней палатѣ; верхняя палата, вѣроятно, еще болѣе измѣнитъ это любимое дѣтище теперешняго премьера, а Ирландцы, которые не считали себя удовлетворенными даже первоначальнымъ проектомъ г. Гладстона, своимъ образомъ дѣйствій въ парламентѣ (изъ котораго на дняхъ принуждены были силой удалить главу гомъ-рулеровъ, г. Парнелла) и еще болѣе внѣ стѣнъ онаго, слишкомъ ясно доказываютъ какъ мало надежды чтобы новый законъ достигъ своей цѣли и хотя отчасти ослабилъ ту страстную борьбу которую ведетъ Ирландскій народъ противъ своихъ вѣковыхъ притѣснителей.

Немудрено въ виду всего этого что старѣющій г. Гладстонъ чувствуетъ утомленіе и, несмотря на наружный успѣхъ надъ своими противниками, далеко не съ прежнею самоувѣренностью взираетъ на будущее. Съ своей стороны, торіи, коимъ необходимо консолидироваться подъ властью новыхъ вожаковъ замѣнившихъ испытаннаго главу недавно сошедшаго въ могилу, не торопятся воспользоваться выгодами

своего положенія и довести неудачи виговъ до крайности тѣмъ болѣе что кабинетъ г. Гладстона не только отступилъ отъ своей прежде возвѣщенной програмы, но во многомъ идетъ по тому самому пути который намѣтилъ лордъ Биконсфильдъ, вмѣсто того чтобы продолжать прежнюю столь энергическую, какъ казалось, реакцію противъ политики своего предмѣстника.

Это въ особенности обнаруживается въ теперешней иностранной политикѣ англійскаго кабинета. Куда дѣвался пылъ съ которымъ г. Гладстонъ возставалъ противъ торійскаго кабинета? Послѣдній палъ потому что Англія почувствовала что широкіе замыслы „имперской“ политики лорда Биконсфильда ей не по силамъ. Но и г. Гладстону не удалось ни въ чемъ измѣнить того положенія при которомъ Англія навѣки осуждена искать своихъ выгодъ въ подрывѣ другихъ и отстаивать свои слишкомъ широко разбросанные интересы не соотвѣтствующимъ развитіемъ своихъ оборонительныхъ средствъ, а завистливымъ противодѣйствіемъ чужому успѣху. Лордъ Биконсфильдъ основывалъ свою политику на непримиримой враждѣ къ Россіи и на борьбѣ противъ ея вліянія въ Европѣ и въ Азіи. Австрійскіе замыслы касательно Балканскаго полуострова казались лорду Биконсфильду менѣе опасными для интересовъ Англіи нежели естественное расширеніе вліянія Россіи на судьбу единоплеменныхъ ей народовъ; развитіе же могущества Россіи въ Средней Азіи считалось великою опасностью для владычества Англіи въ Индіи. Берлинскій трактатъ и „научная“ граница въ Афганистанѣ были придуманы торійскимъ вождемъ какъ двоякій оплотъ противъ Россіи, и онъ думалъ еще болѣе упрочить эту систему обороны примкнувъ, какъ „третій въ союзѣ,“ къ австро-германскому соглашенію установившемуся въ 1879 году и принятому съ особеннымъ ликованіемъ тогдашнимъ Англійскимъ правительствомъ. Спустя полгода, г. Гладстонъ свергъ торійскій кабинетъ главнымъ образомъ благодаря своей агитаціи противъ его иностранной политики, и казалось что со вступленіемъ его во власть вся политическая комбинація, сложившаяся въ Европѣ послѣ Берлинскаго трактата, радикально измѣнилась. Г. Гладстонъ объявилъ себя противникомъ австрійскихъ замысловъ на Балканскій полуостровъ; отношенія между Германіей и Англіей видимо охладѣли; Греція и прочіе христіанскіе народы Балканскаго полуострова стали взирать съ надеждой на Англію, а Турція напротивъ отыскала себѣ другихъ покровителей. Сближеніе между Россіей и Англіей считалось совершившимся фактомъ, и англійскія войска были выведены изъ Афганистана, причемъ Англія сама содѣйствовала воцаренію Абдуррахмана, коего считали приверженцемъ Россіи. По поводу предпринятаго въ то время Русскаго похода въ землю Ахалъ-Текинцевъ, Англійское правительство неоднократно заявляло что приближеніе Россіи къ границѣ Индіи отнюдь не внушаетъ ему какихъ-либо опасеній, такъ какъ Россія и Англія призваны не враждовать между собой въ Азіи, а подать другъ другу руки для исполненія ихъ обоюдной культурной миссіи.

Съ такимъ же „доброжелательствомъ“ отнеслась Англія и ко французскому предпріятію въ сѣверной Африкѣ. Занятіе Туниса французскими войсками не возбудило, какъ казалось, никакого соревнованія со стороны Англіи, и Англійское правительство первое напомнило Турціи что она не имѣетъ никакихъ верховныхъ правъ надъ Тунисомъ и не можетъ протестовать противъ установленія французскаго протектората надъ этою страной.

Все это доброжелательство продолжалось однако лишь до тѣхъ поръ пока дремалъ тотъ духъ зависти къ чужимъ успѣхамъ, который есть главный нервъ британской политики, какая бы партія ни заправляла ею. Сознаніе что Англія въ сущности совершенно безсильна для борьбы противъ возрастанія чужаго могущества болѣе всего питаетъ эту зависть. Но чѣмъ яснѣе сознается это безсиліе, тѣмъ болѣе возрастаетъ назойливость англійскихъ политиковъ, и нужно имъ отдать справедливость что этимъ средствомъ они всегда умѣли пользоваться съ особеннымъ искусствомъ. И г. Гладстонъ въ концѣ концевъ волею или неволею вернулся на тотъ же путь. Надъ Гладстонами и Биконсфильдами высится традиціонная политика Англіи которая хранится въ правительственномъ классѣ, въ ея аристократіи.

Неожиданный для Англіи успѣхъ русскаго оружія надъ Ахалъ-Текинцами сразу лишилъ англійскихъ государственныхъ людей ихъ прежней увѣренности въ безо-

пасности приближенія русской границы ко владѣніямъ Англіи въ Остъ-Индіи. Вновь было пущено въ ходъ прежнее средство и, увы! не безъ успѣха. Но не довольствуясь тѣмъ что побѣдоносный походъ русскихъ войскъ былъ остановленъ на полупути вслѣдствіе самоувѣренныхъ, хотя и совершенно безсильныхъ протестовъ Англіи, Англійское правительство еще не вполнѣ успокоилось, особенно послѣ извѣстія о пораженіи нанесенномъ Абдуррахману Эюбъ-ханомъ и новыхъ смутахъ разразившихся въ Афганистанѣ. Въ засѣданіи палаты общинъ 2 августа, маркизъ Гартингтонъ, министръ Остъ-Индіи, высказался уже въ томъ смыслѣ какъ будто Англіи мало того что русскія войска не пошли далѣе: она требуетъ чтобы Россія подалась назадъ и въ угоду Англіи отказалась отъ успѣха купленнаго столь дорогою цѣной. Г. Гартингтонъ, „не колеблясь ни минуты,“ заявляетъ что по его мнѣнію присоединеніе Ахалъ-Текинской территоріи Россіей не можетъ остаться дѣломъ безразличнымъ для Англіи, такъ какъ послѣдняя не можетъ де равнодушно допустить расширенія Россіи въ сторону сѣверной Персіи. Точно также онъ, г. Гартингтонъ, готовъ согласиться что приближеніе Россіи къ афганской границѣ не можетъ быть безразличнымъ вопросомъ для Англіи.

Точь-въ-точь такіе же аргументы приведены въ обнародованной на дняхъ депешѣ лорда Гранвилля отъ 15 іюля на имя британскаго посла въ Парижѣ противъ расширенія французскаго владычества въ сѣверной Африкѣ. Англія не можетъ де ни въ какомъ случаѣ допустить чтобы Франція захватила Триполи, такъ какъ это слишкомъ приблизитъ ее къ Египту.

Но если Франція еще можетъ придать значеніе угрозамъ Англіи, внезапно замѣнившимъ ея прежнія поощренія насчетъ Туниса, такъ какъ тутъ подразумѣвается возможность вмѣшательства англійскаго флота, то Россіи, полагаемъ, нѣтъ надобности обращать какое-либо вниманіе на „тревогу“ внушаемую англійскимъ политикамъ успѣхами русскаго оружія въ Средней Азіи.

№ 205.

Москва, 25-го Іюля.

Съ разныхъ сторонъ слышатся сѣтованія на то что отмѣна солянаго акциза не оправдала надеждъ которыя возлагались на эту мѣру. О восторгѣ какимъ она была встрѣчена нѣтъ болѣе и помину. Напротивъ, въ общемъ мнѣніи уже начинаетъ слагаться убѣжденіе что отмѣна солянаго налога была ошибкой. Новые налоги установленные взамѣнъ солянаго взимаются и у всѣхъ на виду. Но того удешевленія соли которое должно быть куплено этими новыми налогами не оказывается на дѣлѣ. Ожидалось что соль подешевѣетъ настолько что получитъ между прочимъ широкое примѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ, пойдетъ на кормъ скоту и т. п. Предполагалось что цѣна соли понизится не только на всю цифру сложеннаго съ нея акциза, но и на сумму накладныхъ расходовъ которые вызывались акцизною системою; разчитывали далѣе на еще большее удешевленіе ея вслѣдствіе усиленнаго ея добыванія при отмѣнѣ тѣхъ стѣсненій которыми оно было прежде обставлено. На дѣлѣ же пока ничего подобнаго не оказалось. Соль подешевѣла очень мало, а по мѣстамъ и вовсе не подешевѣла. Цѣны соли попрежнему служатъ препятствіемъ къ распространенію ея полезнаго хозяйственнаго употребленія. Казна не взимаетъ болѣе солянаго налога, но этотъ налогъ, если не вездѣ полностью, то въ значительной мѣрѣ попрежнему уплачивается народомъ, только идетъ не въ казну, а въ карманы солеторговцевъ.

Нѣтъ сомнѣнія что разочарованіе въ результатахъ отмѣны солянаго акциза, наступившее такъ быстро послѣ чрезмѣрнаго восторга какимъ эта мѣра была встрѣчена, должно быть признано преждевременнымъ и неосновательнымъ. Вопервыхъ, съ отмѣны акциза прошло такъ мало времени что полезные результаты ея никоимъ образомъ не могли еще обозначиться. Вовторыхъ, ни для кого не тайна что нынѣшняя дороговизна соли есть плодъ такой же спекуляціи какою была создана минувшею осенью дороговизна хлѣба. Запасы соли почти повсемѣстно сосредоточены въ немногихъ сильныхъ рукахъ, и владѣльцы этихъ запасовъ не имѣли побужденій понижать цѣну своего товара

пока они оставались господами соляныхъ рынковъ, пока на эти рынки не начался усиленный подвозъ новодобытой въ нынѣшнемъ году соли. Этого подвоза, конечно уже не долго остается ждать, а затѣмъ должно начаться и постепенное пониженіе цѣнъ соли до желаемаго уровня, и прекращеніе взиманія солеторговцами въ свою пользу отмѣненнаго солянаго налога.

Тѣмъ не менѣе, едва ли можно отрицать что дѣло отмѣны солянаго акциза не обошлось у насъ безъ нѣкоторой ошибки. Продолжающееся донынѣ взиманіе его солеторговцами, само собою разумѣется, не вѣчно и скоро должно прекратиться, но не было никакой надобности допускать чтобъ оно продолжалось хотя бы нѣсколько мѣсяцевъ. Этого явленія, выгоднаго для однихъ только спекулянтовъ и вызывающаго не малое недовольство, легко можно было избѣжать. Стоило только лучше сообразовать время вступленія въ дѣйствіе указа объ отмѣнѣ акциза и о введеніи замѣняющихъ его налоговъ съ періодами ежегоднаго добыванія соли. Еслибъ этотъ указъ вступилъ въ силу не въ тотъ моментъ когда выволочка соли уже кончилась, а новой оставалось слишкомъ долго ждать, но такъ-сказать наканунѣ поступленія въ продажу новой соли, для соляной спекуляціи не было бы создано тѣхъ удобныхъ условій которыми она въ текущемъ году не упустила воспользоваться, и страна не была бы въ теченіе болѣе полугода обременена, безо всякой выгоды для казны, одновременною уплатой и отмѣненнаго налога и тѣхъ которыми онъ замѣненъ.

Большой бѣды отъ этой соляной спекуляціи, конечно, не произошло. Дни ея успѣха сочтены, а затѣмъ не замедлитъ затихнуть и вызванный ею ропотъ. Но обозначившійся въ истекшіе полгода фактъ хотя бы и временной неудачи финансовой мѣры принятой въ видахъ подъема народнаго благосостоянія, полагаемъ, не долженъ пройти безслѣдно. Всѣ въ очію видѣли возможность того что отмѣна налога не сопровождается никакимъ облегченіемъ для народа. Эта возможность наканунѣ предстоящихъ финансовыхъ реформъ должна обратить на себя особенное вниманіе.

Идетъ рѣчь о преобразованіи и пониженіи прямыхъ налоговъ, объ отмѣнѣ подушной подати и замѣнѣ ея установленіемъ новыхъ налоговъ. На эту реформу возлагаются большія надежды, отъ нея ожидаютъ многаго. Но что̀ если эти надежды будутъ обмануты? Что̀ если въ результатѣ пониженія лежащихъ на крестьянахъ прямыхъ податей не получится никакого улучшенія крестьянскаго быта, а останется на лицо лишь тяжесть нововведенныхъ налоговъ? Что̀ если все то что̀ при предстоящей реформѣ будетъ сдѣлано для крестьянъ пойдетъ не въ ихъ пользу, а напримѣръ въ пользу кабатчиковъ? Это будетъ хуже нынѣшней наживы солеторговцевъ, временно взимающихъ съ народа сложенный съ него соляной акцизъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло не со временною и случайною, а съ постоянною и систематическою эксплуатаціей рабочаго люда.

При непрекращавшихся многіе годы крайне раздутыхъ и преувеличенныхъ толкахъ о бѣдственномъ положеніи крестьянскихъ хозяйствъ, вліяніе этой эксплуатаціи постоянно оставалось въ тѣни. Безпрестанно дѣлались смѣты предполагаемыхъ доходовъ и расходовъ крестьянской семьи съ цѣлію доказательства неизбѣжныхъ будто бы для нея дефицитовъ. Какъ на главнѣйшую причину этихъ дефицитовъ постоянно указывалось на тяжесть лежащихъ на крестьянинѣ податей. Высчитывался страшный процентъ который составляютъ эти подати въ скромномъ крестьянскомъ бюджетѣ, и неизбѣжнымъ выводомъ всѣхъ этихъ разчетовъ постоянно былъ тотъ что, безъ пониженія лежащихъ на крестьянинѣ податей, онъ не можетъ подняться, не можетъ улучшить своего быта и осужденъ оставаться вѣчнымъ недоимщикомъ. Но любители этой гадательной статистики почти всегда избѣгали вводить въ свои разчеты средніе цифры той тяжести какою ложится на каждый крестьянскій бюджетъ покупка кабацкой водки. Между тѣмъ, эта статья расходовъ представляетъ въ немъ гораздо болѣе страшный процентъ чѣмъ уплата податей. Весь итогъ подушныхъ, выкупныхъ, земскихъ и общественныхъ податей и сборовъ которые приходится уплачивать крестьянамъ далеко не достигаетъ и половины тѣхъ суммъ которыя они ежегодно вносятъ въ питейныя заведенія. Для улучшенія крестьянскихъ хозяйствъ несомнѣнно желательно исправленіе, облегченіе крестьянскихъ бюджетовъ. Увеличеніе доходовъ и сокращеніе расходовъ въ нихъ, можно сказать, еще

нужнѣе чѣмъ въ бюджетѣ государственномъ. Но серіозный взглядъ на дѣло прямо указываетъ что сокращеніе расходовъ по питейной части должно стоять здѣсь впереди всякаго другаго. Нѣтъ спора о томъ что подати для многихъ крестьянъ тяжелы; но эти подати, по крайней мѣрѣ, взимаются всегда въ опредѣленномъ размѣрѣ и не тянутъ изъ крестьянскаго кармана каждую появившуюся въ немъ копѣйку. Кабакъ же тѣмъ особенно и тяжелъ что вытягиваетъ все что только можно вытянуть у крестьянина, мѣшая ему воспользоваться въ должной мѣрѣ для улучшенія своего хозяйства даже исключительно благопріятными обстоятельствами. Случится урожай, какъ въ текущемъ году,—немедленно, въ большихъ размѣрахъ, увеличится потребленіе водки; пойдетъ усиленная продажа по дешевымъ цѣнамъ хлѣба, который могъ бы лежать въ одоньяхъ и амбарахъ въ ожиданіи лучшихъ цѣнъ и значительная доля выручки не замедлитъ перейти въ руки кабатчиковъ. Урожай всегда сопровождается у насъ усиленнымъ ростомъ казеннаго питейнаго дохода, и на каждый лишній рубль поступающій при этомъ въ казну, тратится крестьяниномъ въ кабакѣ не рубль а по крайней мѣрѣ два съ половиной рубля. Такъ стоитъ дѣло. Всякое увеличеніе крестьянскаго дохода, всякое сокращеніе другихъ статей крестьянскихъ расходовъ обычно обращается прежде всего въ пользу кабатчиковъ. Этого, полагаемъ, никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду при обсужденіи мѣръ къ облегченію лежащихъ на крестьянахъ податей. Съ тяжестью новыхъ налоговъ которыми предполагается замѣнить эти подати, всѣ кому придется ихъ уплачивать скоро помирятся если цѣной этихъ налоговъ будетъ купленъ подъемъ общаго народнаго благосостоянія. Но едва ли кому можетъ улыбнуться перспектива уплаты новыхъ налоговъ единственно ради обогащенія кабатчиковъ къ которымъ будетъ переходить всякая лишняя копѣйка оставшаяся въ карманѣ мужика отъ облегченія податной тягости. А именно такая перспектива и грозитъ намъ если реформѣ прямыхъ податей не будетъ предшествовать серіозное сокращеніе числа мѣстъ распивочной продажи питей.

———

№ 207.

Москва, 27-го Іюля.

Въ прошедшій четвергъ, 4 августа императоръ Францъ-Іосифъ посѣтилъ императора Вильгельма предъ окончаніемъ его обычнаго курса лѣченія въ Гастейнѣ. Эти свиданія повторяются непремѣнно каждый годъ съ тѣхъ поръ какъ маститый императоръ Германіи по совѣту медиковъ, посѣщаетъ лѣчебные источники штирійскаго города. Послѣднее свиданіе совершилось безъ дипломатической свиты и продолжалось лишь нѣсколько часовъ; вообще же отношенія между Германіей и Австріей постоянно выставляются офиціозною печатью обѣихъ державъ настолько упроченными что политическое значеніе можно было бы придать развѣ тому еслибъ обычное свиданіе не имѣло мѣста, что должно было бы въ особенности броситься въ глаза въ этомъ году, такъ какъ императоръ Францъ-Іосифъ предпринялъ теперешнюю свою поѣздку съ цѣлью посѣщенія Баварскаго, Виртембергскаго, Баденскаго, а быть-можетъ и Саксонскаго дворовъ.

Казалось бы что при такихъ обстоятельствахъ нѣтъ ни малѣйшаго повода усматривать нѣчто очень знаменательное въ теперешнемъ свиданіи двухъ императоровъ, ибо самое стараніе выдвинуть оное какъ событіе первостепенной политической важности можетъ показаться подозрительнымъ и возбудить сомнѣніе въ томъ именно что нѣмецкія газеты, да и вообще общественное мнѣніе Европы привыкли считать дѣломъ неподлежащимъ никакому сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе, берлинскія газеты переполнены широковѣщательными сужденіями по поводу свиданія въ Гастейнѣ, какъ будто случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Вотъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ одна изъ тамошнихъ газетъ: „На союзѣ, „который вновь запечатлѣнъ послѣднимъ „свиданіемъ, покоится миръ Европы, не „тотъ родъ перемирія которое господствовало до заключенія Австро-Германскаго „союза, а твердая увѣренность что соединенныхъ силъ Германіи и Австріи вполнѣ достаточно чтобы сохранить миръ, и „если нужно принудить къ сохраненію онаго. Предъ колоссальнымъ могуществомъ „которое представляютъ соединенныя силы обѣихъ державъ должна отступить „самая злая воля. Находясь въ центрѣ

„Европы, это единеніе не только занимаетъ господствующее положеніе, но и „имѣетъ полную свободу выбора той или „иной политики; въ какую бы сторону ни „повернулъ этотъ союзъ, онъ можетъ быть „увѣренъ что найдетъ поддержку, ибо могучій всегда находитъ союзниковъ и не „имѣетъ надобности ихъ отыскивать. Германія и Австрія, соединенныя между собою, суть міровая держава, наравнѣ съ „Россіей, Англіей и Америкой, и могутъ „поставить себѣ самыя высокія цѣли; разъединенныя, онѣ всегда будутъ поглощены „борьбой за собственное существованіе."

Два года тому назадъ, когда въ томъ же Гастейнѣ положено было основаніе этому союзу, завершенному во время пребыванія князя Бисмарка въ Вѣнѣ, причемъ однако основанія онаго до сихъ поръ содержатся въ тайнѣ, нѣмецкая офиціозная печать опредѣляла задачи этого союза гораздо скромнѣе: тогда онъ мотивировался именно взаимною потребностью обоихъ союзниковъ въ самооборонѣ, и не было рѣчи о „господствующемъ положеніи." Нѣсколько странно поэтому слышать столь горделивыя рѣчи теперь когда обнаруживаются признаки нѣкоторой искуственности указаннаго единенія; а если смотрѣть на дѣло не съ германской, а съ австрійской точки зрѣнія, то едва ли Габсбургской монархіи есть поводъ кичиться политическимъ господствомъ купленнымъ слишкомъ дорогою цѣной, ибо прежде чѣмъ преобладать надъ другими, каждое государство заботится о собственной независимости и хотя условія Вѣнскаго соглашенія 1879 года хранятся въ тайнѣ, въ самой Австріи никто не отрицаетъ, да и послѣдующія событія доказали однако что верховное руководство иностранною политикой имперіи Габсбурговъ, а стало-быть всею судьбой этой державы, перемѣстилось съ тѣхъ поръ съ широкаго Дуная на берега рѣчонки Шпрее. Австро-Германскій союзъ есть ничто иное какъ гегемонія Германіи надъ Австріей, въ этомъ никто не сомнѣвается. Усомниться можно лишь въ томъ насколько такое положеніе вещей соотвѣтствуетъ внутреннему политическому строю самой Австріи. Еслибы возможно было включеніе вновь цислейтанскихъ провинцій Австріи въ Германскій Союзъ, тогда вышеприведенное сужденіе еще было бы понятно; полное объединеніе Германіи, которая въ сущности была расколота въ 1866 году вслѣдствіе исключенія изъ ней „нѣмецкихъ" провинцій Австріи, было бы возстановлено, а теперешняя централизація военныхъ силъ Германіи дала бы этому единенію ту крѣпость которой прежняя федерація не имѣла. Но о такомъ формальномъ возвращеніи Австріи въ лоно Германской имперіи, хотя и на правахъ вассала, нѣтъ рѣчи. Со временъ Меттерниха и Баха много воды утекло, и само Австрійское правительство далеко не сохранило прежней увѣренности въ правахъ нѣмецкаго меньшинства своего населенія на политическое преобладаніе въ имперіи. Изъ абсолютной монархіи Австрія превратилась въ двойственную конституціонную имперію-королевство. Основы на коихъ совершилось это переустройство разчитаны, правда, на то чтобы въ той и другой половинѣ имперіи „припирать къ стѣнѣ" славянскую національность составляющую и тутъ и тамъ абсолютное большинство населенія. Однако государственная мудрость Австрійскаго правительства истощается нынѣ не на подавленіе Славянъ, а на то чтобы поладить съ ними.

Тѣ самыя нѣмецкія газеты которыя съ такимъ самодовольствомъ указываютъ на единеніе между Германіей и Австріей по дѣламъ внѣшнимъ, не перестаютъ осыпать упреками Австрійское правительство за его „враждебную нѣмецкому элементу" внутреннюю политику, и нужно сказать что эти сѣтованія не лишены основанія, ибо министерство Таафе далеко не мирволитъ цислейтанскимъ Нѣмцамъ и создало для нихъ положеніе къ коему они до сихъ поръ не привыкли и которое кажется австрійскимъ „централистамъ" тѣмъ болѣе невыносимымъ что союзъ съ Германіей открывалъ для нихъ совершенно иную перспективу.

Недавнія событія въ Прагѣ значительно обострили взаимную вражду между Нѣмцами и Славянами и вызвали большое волненіе въ Германіи. Студенческія корпораціи всѣхъ университетовъ наперерывъ спѣшили заявить свое сочувствіе нѣмецкимъ собратамъ Пражскаго университета и ободрить ихъ на продолженіе борьбы противъ „поруганія" нѣмецкой народности. Эти демонстраціи ни въ чемъ однако не поколебали положенія министерства г. Таафе, который, къ великой и нескрываемой досадѣ нѣмецкихъ газетъ, остается въ силѣ

и попрежнему поддерживаетъ „интимныя отношенія" съ вожаками Чеховъ, не исключая г. Ригра. А сей послѣдній высказался недавно какъ открытый и непримиримый врагъ союза между Германіей и Австріей.

Понятно поэтому что вопреки громкимъ фразамъ коими нѣмецкая печать считаетъ своею обязанностью сопровождать свиданіе въ Гастейнѣ, увѣренность въ незыблемости австро-германскаго единенія далеко не такъ прочна какъ можно было бы думать по выпискѣ приведенной выше. Во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть что монархія Габсбурговъ переживаетъ теперь кризисъ изъ котораго еще неизвѣстно что̀ выйдетъ...

№ 208.

Москва, 28-го Іюля.

Недавно получили мы изъ Парижа письмо которое печатаемъ сегодня, подъ заглавіемъ: „Литва и Польша", за подписью лица намъ неизвѣстнаго, но Литвина родомъ какъ значится въ подписи Письму этому конечно мы вполнѣ сочувствуемъ и увѣрены что оно служитъ выраженіемъ общаго въ литовскихъ населеніяхъ настроенія; но въ то же время мы не можемъ не замѣтить что польскій вопросъ начинаетъ понемногу шевелиться, и что повидимому обстоятельства считаются достаточно удобными чтобы приподнять его. Въ русско-польской части петербургской печати уже сообщалось о тенденціозныхъ заявленіяхъ нѣкоторыхъ нотаблей предъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, дѣлаемыхъ на языкѣ дипломатовъ, и о благосклонныхъ отвѣтахъ на томъ же языкѣ со стороны генералъ-губернатора. Въ *Голосѣ*, въ одномъ изъ органовъ вышеупомянутой части петербургской печати, недавно прямо было сказано, что уже наступила пора радикальнаго рѣшенія (перерѣшенія?) польскаго вопроса. Оставляемъ пока безъ разсмотрѣнія почему именно теперь кажется этимъ господамъ наступившею пора для рѣшенія польскаго вопроса въ желательномъ для нихъ смыслѣ; но что въ этомъ смыслѣ есть движеніе, тому служитъ подтвержденіемъ письмо Литвина. Онъ отвѣчаетъ на вопросъ пущенный между его соплеменниками, къ какой сторонѣ они пристанутъ.

Руководители движенія уже воспользовались цѣлымъ рядомъ печальнѣйшихъ ошибокъ нашей администраціи относительно уніатскихъ населеній въ Царствѣ Польскомъ. Вопросъ о денаціонализаціи католицизма въ Западномъ краѣ исчезъ въ такихъ же ошибкахъ и, какъ слышно, Римская курія, руководимая нашими политическими противниками, не довольствуясь утвержденіемъ польскаго языка между русскими населеніями католической вѣры Западнаго края, будто бы требуетъ введенія этого языка въ церковное употребленіе и тѣхъ русскихъ населеній которыя еще остаются въ уніи, и будто русскіе дипломаты въ Римѣ находятъ все-таки возможнымъ вести переговоры по этому предмету, и что они будто бы приняли предъявленное имъ требованіе ad referendum.

А вотъ еще: вдругъ, словно ветлянская чума, возникъ еврейскій или анти-еврейскій вопросъ, и, чего никогда не бывало, вдругъ открылся у насъ крестовый походъ противъ „эксплуататоровъ-Жидовъ", какъ будто до нынѣшняго года никто не зналъ объ ихъ существованіи, а въ нынѣшнемъ году они вдругъ закололи всѣмъ глаза. Пошли ругать, проклинать, бить Евреевъ, сживать ихъ со свѣту, отказывать имъ не только въ землѣ, но чуть не въ воздухѣ между тѣмъ какъ въ Варшавѣ, въ то же самое время, съ подобающею гуманностію, изъявлялось состраданіе къ гонимымъ и широко открылись объятія Полякамъ Моисеева закона.

Письмо г. Мурашка свидѣтельствуетъ что попытки дѣлаются и на Литвѣ въ видахъ ея нравственнаго объединенія съ воображаемою Польшей. Мы радуемся этому мужественному, честному, исполненному исторической правды и столь рѣшительному отвѣту, идущему изъ среды молодаго поколѣнія Литвы. На Литвѣ, изъ нѣдръ простаго народа, выходитъ теперь новая, свѣжая интеллигенція, которая не походитъ на старую и сумѣетъ предпочесть живое мертвому. Исторія застала Литву и Русь вмѣстѣ; вмѣстѣ началась ихъ жизнь. Съ самаго начала онѣ были частями одного цѣлаго, составляли одну систему, одно тѣло; такъ онѣ начали и, послѣ перерыва, такъ будутъ продолжать свое существованіе.

Значитъ, 1863 годъ не остался безъ послѣдствій,—годъ когда въ нашей политикѣ впервые сказалось живое народное чув-

ство. Уже первые немногіе шаги національной политики совершили чудеса: что было бы еслибъ она, все яснѣе и выше разумѣя свою задачу, продолжала дѣйствовать послѣдовательно и твердо, а не замялась на полупути, сбитая невѣрными совѣтами, еслибы мы не застыдились жалкимъ образомъ своего патріотизма, еслибы мы не стали безславить и съ позоромъ выгонять изъ Западнаго края русскихъ людей за то что они дѣйствовали въ русскомъ смыслѣ? Иначе расположились бы и вообще наши дѣла еслибы не было печальной Одиссеи конца шестидесятыхъ годовъ...

Г. Мурашко успокоиваетъ своихъ соплеменниковъ касательно вопроса вѣры. Онъ имѣетъ полное основаніе говорить въ этомъ отношеніи самымъ утвердительнымъ образомъ. Литва, посреди которой въ давнюю пору Христово благовѣстіе распространялось Православною церковію, потомъ оторванная отъ системы русскихъ княжествъ перешла подъ сѣнь Латинской церкви. Церковь эта укоренилась въ Литвѣ и ей не грозитъ не малѣйшая опасность со стороны Россіи если только церковь эта будетъ удерживать свой космополитическій характеръ и перестанетъ быть враждебнымъ Россіи національнымъ учрежденіемъ. Какъ вѣра, церковь эта, подобно другимъ признаваемымъ у насъ вѣроисповѣданіямъ, пользуется полною свободою въ своей сферѣ. Правда, въ Россіи государство находится въ неразрывномъ единеніи съ Праславною церковью. Но связь не есть тождество. Россія не есть церковь, также какъ и Православная церковь не есть Россія. Дозволительно желать чтобы всѣ члены одной политической семьи были также и одной вѣры, но нельзя этого требовать. Желательное нельзя смѣшивать съ обязательнымъ, и государство, не роняя себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣхъ защищаемыхъ имъ интересовъ, слѣдовательно и самой охраняемой ею церкви, не можетъ вторгаться съ вынужденіемъ въ область вѣры. Долгъ государства не насиловать, а ограждать свободу совѣсти, и только заботиться о томъ чтобы съ дѣломъ вѣры не соединялось чего-либо не допускаемаго законами государства и ему враждебнаго.

Не можемъ при этомъ не припомнить давняго спора о допущеніи русскаго языка въ церковное употребленіе для русскихъ въ Западномъ краѣ населеній, которыя во время владычества Польши были отторгнуты отъ Православной церкви, оставшись однако по своему *хлопскому* положенію русскими. Богослужебнымъ языкомъ въ Римской церкви, какъ извѣстно, установленъ латинскій, но есть дополнительныя части богослуженія въ которыхъ допускается народный языкъ; есть молитвы на народномъ языкѣ. Проповѣдь, конечно, произносится также на языкѣ страны. Вопросъ состоялъ въ томъ чтобы для русскихъ населеній римско-католическаго закона допустить употребленіе русскаго языка тамъ гдѣ это допускается и требуется правилами самой Латинской церкви. Противодѣйствіе оказалось съ двухъ сторонъ: съ польской и съ русской. Польскіе патріоты, какихъ въ Западномъ краѣ однако не полагается, не желали допущенія русскаго языка въ католическое молитвословіе изъ политическихъ мотивовъ, отстаивая національно-польское учрежденіе подъ видомъ церкви; русскіе же ревнители не желали того же, но изъ опасенія за Православную церковь. Увы, надо сознаться, первые были въ своемъ дѣлѣ умнѣе...

№ 209.

Москва, 29-го Іюля.

Одна изъ самыхъ важныхъ новостей — учрежденіе при Министерствѣ Финансовъ особой коммиссіи для изслѣдованія и правильной постановки вопроса о питейной торговлѣ. Нельзя не пожелать полнаго успѣха этой коммиссіи. Во всей области финансовыхъ и народнохозяйственныхъ вопросовъ нѣтъ, можно сказать, ни одного который могъ бы сравниться съ питейнымъ по своей важности. Здѣсь главная язва нашего народнаго быта, и здѣсь же исходный пунктъ для всѣхъ серіозныхъ мѣръ въ видахъ народнаго благосостоянія и улучшенія быта крестьянъ. Пока питейная торговля не установлена на иныхъ чѣмъ нынѣ основаніяхъ, пока народъ не огражденъ отъ разоряющаго и развратительнаго вліянія кабаковъ, которые въ числѣ далеко болѣе ста тысячъ покрываютъ всю Россію страшною сѣтью, не будутъ въ прокъ никакія реформы. Въ хозяйственномъ отношеніи, кабакъ парализуетъ почти всѣ результаты которыхъ предполагается достигнуть регулированіемъ выкупныхъ платежей и преобразованіемъ податной системы.

Въ нравственномъ, онъ разрушаетъ основы на которыхъ зиждется семья, внося въ нее разладъ и раздоры, и подрываетъ доброе вліяніе которое могли бы имѣть на народъ Церковь и распространеніе грамотности. Наконецъ, въ политическомъ отношеніи, преимущественно кабаки являются тѣми пунктами чрезъ которые ведется преступная пропаганда и пускаются въ народъ всевозможные злонамѣренные слухи о небывалыхъ указахъ то о передѣлѣ господскихъ земель, то о даровой ихъ раздачѣ на какихъ-нибудь „теплыхъ водахъ," то объ избіеніи Жидовъ и т. п. Не это ли послѣднее обстоятельство, сказать кстати, было отчасти причиной того что извѣстный сортъ народолюбцевъ, раздувая вопросы о народномъ объдненіи, малоземельѣ и обремененіи податьми, находили излишнимъ обстоятельно разрабатывать вопросъ о мѣрахъ къ сокращенію пьянства, и мирно, почти дружелюбно относились къ кабакамъ?

Даже оставляя въ сторонѣ весь причиняемый кабаками нравственный вредъ, всю порождаемую ими массу преступленій, семейныхъ бѣдствій и крестьянскихъ раздѣловъ, уже одна чисто хозяйственная, финансовая сторона дѣла невольно поражаетъ своими громадными размѣрами. По умѣреннымъ разчетамъ, потребленіе водки, цѣна которой въ розничной продажѣ далеко превышаетъ ведерную, обходится народу ежегодно болѣе чѣмъ въ *пятьсотъ* милліоновъ рублей. Есть надъ чѣмъ призадуматься, и призадуматься посеріознѣе чѣмъ надъ тѣми 150—200 милліонами которые выплачиваются тѣмъ же народомъ въ видѣ податей, выкупныхъ платежей, земскихъ и иныхъ сборовъ. Какъ ни урѣзывайте выкупные платежи на девять, двѣнадцать, пятнадцать или болѣе милліоновъ рублей (весь годовой итогъ ихъ, по контрольнымъ отчетамъ, не доходитъ до 45 милліоновъ); какъ ни облегчайте прямыя подати и простымъ пониженіемъ, и перенесеніемъ части податной тяжести на другія сословія,— все это будетъ каплей въ морѣ сравнительно съ тяжкою данью ежегодно платимою народомъ кабакамъ, и поведетъ не столько къ его облегченію сколько къ увеличенію этой дани. А должно еще замѣтить что тяжесть лежащей на народѣ кабацкой дани далеко не ограничивается ежегодною уплатой кабатчикамъ вышеозначенной суммы 500 милліоновъ рублей. Взносъ этой суммы обходится народу по крайней мѣрѣ въ полтора раза, если не вдвое дороже, потому что онъ постоянно требуетъ сильнаго продешевленія и народнаго труда, и всѣхъ крестьянскихъ продуктовъ, продаваемыхъ для расплаты съ кабатчикомъ. И всѣмъ этимъ хозяйственное зло кабацкаго пьянства еще не исчерпывается. Оно вредно отзывается на всемъ хозяйственномъ инвентарѣ крестьянъ, на самомъ ходѣ крестьянскихъ работъ, идущихъ тѣмъ хуже чѣмъ больше поддался работникъ губительному вліянію кабака и кабацкой публики. На кабацкомъ пьянствѣ основывается главнымъ образомъ и та тяжкая, кабальная зависимость множества крестьянъ отъ такъ-называемыхъ кулаковъ, какими зачастую бываютъ сами кабатчики, зависимость, на которую у насъ такъ часто указывалось, безъ обстоятельнаго, однако, разъясненія причинъ ея происхожденія.

Зло не въ водкѣ, не въ потребленіи ея народомъ; зло въ неправильности этого потребленія, въ чрезмѣрныхъ излишествахъ его, вызываемыхъ данными условіями питейной торговли; зло въ чрезмѣрномъ значеніи какое получилъ кабацкій расходъ въ крестьянскомъ бюджетѣ, въ ущербъ всѣмъ другимъ, производительнымъ, полезнымъ и необходимымъ расходамъ. Въ этомъ существеннѣйшая причина неудовлетворительнаго положенія крестьянскихъ хозяйствъ, въ ихъ общемъ уровнѣ. Извѣстная часть нашей печати старалась всячески объяснить эту неудовлетворительность крестьянскихъ хозяйствъ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ которыя предоставлены были сельскому люду реформой 19 февраля 1861 года. Но тенденціозная ложь этихъ толкованій изобличается уже одной цифрой тѣхъ денежныхъ средствъ которыя ежегодно оказываются въ рукахъ народа, хотя, къ несчастію, идутъ не на улучшеніе его быта, а на пріобрѣтеніе водки слишкомъ дорогою цѣной и въ размѣрахъ далеко превышающихъ дѣйствительную въ ней потребность. Сократите насколько возможно этотъ вреднѣйшій расходъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, поставьте питейную торговлю въ такія условія чтобъ она не высасывала до послѣдней капли все что̀ получаетъ крестьянинъ отъ земли и труда, и помимо всякихъ другихъ мѣръ къ подъему народнаго благосостоянія, будетъ немедленно положено начало серіозному

прогрессу въ условіяхъ крестьянскаго быта. Еслибъ изъ тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя нынѣ ежегодно вытягиваются у народа кабатчиками, хотя бы и третья, хотя бы четвертая часть была спасена отъ пропиванія; крестьянскія хозяйства скоро стали бы на совсѣмъ иную ногу чѣмъ нынѣ. При сокращеніи кабацкаго пьянства, сроки взноса податей мало-по-малу утратили бы для крестьянъ то значеніе какое имѣютъ въ настоящее время. Несмотря на эти взносы, ежегодные крестьянскіе бюджеты сводились бы не съ дефицитами, которые выражаются и накопленіемъ недоимокъ и продажей имущества на ихъ покрытіе, а съ избыткомъ доходовъ надъ расходами. Этотъ избытокъ, какъ бы ни былъ онъ малъ на первыхъ порахъ, измѣнилъ бы выгоднымъ образомъ экономическую обстановку крестьянина. Онъ позволялъ бы крестьянину выжидать лучшихъ цѣнъ на свои продукты, не продавая ихъ, какъ нынѣ, въ періоды наибольшаго паденія цѣнъ; онъ далъ бы ему также возможность отстать отъ обычной нынѣ запродажи своего будущаго труда за безцѣнокъ, тогда какъ предлагая свой трудъ въ самый періодъ работъ крестьянинъ можетъ получать за него часто вдвое болѣе. Нужда перестала бы тяготѣть надъ сельскимъ людомъ. Не поглощаемые кабакомъ, достатки крестьянскихъ семей росли бы изъ году въ годъ и сдѣлали бы доступными для нихъ въ хозяйственномъ инвентарѣ и въ самыхъ способахъ веденія хозяйствъ такія улучшенія о какихъ нынѣ едва можно мечтать. Возрастающая достаточность сельскаго люда не замедлила бы благотворно отразиться на многихъ отрасляхъ разнообразныхъ сельскихъ и промышленныхъ производствъ. Всѣ знаютъ что самая обширная изъ отраслей нашей промышленности, наше хлопчато-бумажное производство, со всею массой людей которымъ оно даетъ работу, живетъ главнымъ образомъ спросомъ не со стороны болѣе достаточныхъ классовъ, а именно со стороны сельскаго люда; но и для большей части другихъ отраслей производства сельскій спросъ составляетъ главное условіе процвѣтанія, и чѣмъ достаточнѣе будетъ сельское населеніе, тѣмъ болѣе обезпечено будетъ развитіе промышленности и благосостояніе всего заинтересованнаго въ немъ люда. Такъ все, почти безъ исключенія все въ нашемъ народно-хозяйственномъ быту сводится, какъ ко главному ключу экономической позиціи, къ огражденію народа отъ кабака, къ сокращенію пьянства. Успѣхомъ на этой позиціи былъ бы рѣшенъ успѣхъ всей экономической кампаніи имѣющей цѣлію подъемъ народнаго благосостоянія.

Главная трудность рѣшенія питейнаго вопроса въ желаемомъ направленіи заключается, какъ извѣстно, въ бюджетныхъ соображеніяхъ. Питейный доходъ доставляетъ казнѣ двѣсти и болѣе милліоновъ рублей въ годъ, что составляетъ треть всего итога государственныхъ доходовъ. Это не то что соляной доходъ, отъ котораго не трудно было отказаться, потому что легко было замѣнить его, да еще съ лихвою, другими налогами. Но чѣмъ возмѣстить гораздо болѣе крупный недочетъ въ питейномъ доходѣ, который былъ бы непремѣннымъ результатомъ сокращенія пьянства? Общій интересъ государства сталкивается тутъ съ фискальнымъ. Главная задача въ томъ какъ избѣжать этого столкновенія. Нельзя отрицать что это задача трудная; однако едва ли можно думать чтобъ она, при доброй волѣ, была неразрѣшимая.

Разрѣшеніе этой задачи тѣмъ необходимѣе что фискальныя выгоды отъ питейнаго дохода слишкомъ не пропорціональны народному и стало-быть государственному ущербу съ которымъ сопряжено его взиманіе. Оставляя въ сторонѣ непригядныя нравственныя стороны способовъ взиманія этого дохода, достаточно сказать что каждый поступающій этимъ путемъ въ казну рубль обходится народу въ нѣсколько рублей, что здѣсь подъ корень рубится дерево народнаго хозяйства дабы воспользоваться его плодами. Въ этомъ обстоятельствѣ, съ другой стороны, таится и способъ нѣсколько облегчить рѣшеніе питейнаго вопроса. Нѣтъ необходимости чтобы питейная реформа легла всею своею тяжестью именно на казну, нѣтъ необходимости чтобы сокращеніе на третью или на четвертую часть падающаго на народъ болѣе чѣмъ полумилліарднаго расхода по питейной части сопровождалось непремѣнно сокращеніемъ двухсотмилліоннаго питейнаго дохода казны тоже на третью или на четвертую часть. Правильною постановкой питейной торговли, полагаемъ, возможно было бы достигнуть желаемаго облегченія крестьянскихъ бюджетовъ съ гораздо меньшими казенными пожертвованіями. Львиная

доля изъ пропиваемыхъ народомъ суммъ достается не казнѣ, а кабатчикамъ. На счетъ извлекаемыхъ ими изъ кабацкаго промысла выгодъ и могла бы быть отнесена главная доля той цѣны въ которую должна обойтись реформа. Это не такой промыселъ который было бы желательно поощрять привлекая къ нему возможно большее число рукъ и капиталовъ.

Но еслибы даже питейныя реформы не могли обойтись безъ прямаго пожертвованія казной пятидесяти и даже болѣе милліоновъ изъ питейнаго дохода, такое ли это обстоятельство чтобы предъ нимъ можно было серіозно останавливаться въ столь важномъ государственномъ дѣлѣ? Такая ли это сумма на покрытіе коей не нашлось бы средствъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ?

Какъ ни много кричатъ о недостаточности нашихъ бюджетныхъ средствъ, однако у насъ вовсе не задумались обременить бюджетъ ежегодною уплатой 50 милліоновъ Государственному Банку для погашенія числящагося въ его балансахъ долга на Государственномъ Казначействѣ. Но можетъ ли уплата этого мнимаго долга считаться дѣломъ сравнимымъ по своей важности съ облегченіемъ кабацкой тяготы? Не требуется ли государственнымъ интересомъ отказаться, хотя бы временно, отъ этой уплаты съ тѣмъ чтобъ опредѣленныя на нее средства были употреблены на реформу въ торговлѣ крѣпкими напитками?

Эта реформа требуетъ жертвъ и жертвъ крупныхъ, но далеко не чрезмѣрныхъ. Идетъ рѣчь о серіозномъ сокращеніи расходныхъ статей нашего бюджета. Итогъ предполагаемыхъ сокращеній молва доводитъ до цифры ста милліоновъ. Это много болѣе того сколько нужно дабы потеря части питейнаго дохода вовсе не нарушила бюджетнаго равновѣсія.

Но и помимо сокращенія государственныхъ расходовъ, правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ средство возмѣстить если не всю, то бо́льшую часть предвидимаго недочета въ питейномъ доходѣ, неизбѣжнаго при сокращеніи пьянства. Это средство—серіозный пересмотръ нашего таможеннаго тарифа. Многіе, мало знакомые съ нимъ считаютъ его высокимъ; но не таковъ онъ на самомъ дѣлѣ, не таковъ онъ по сравненію, напримѣръ, съ таможеннымъ тарифомъ Соединенныхъ Штатовъ, примѣръ коихъ въ этомъ отношеніи, въ виду сходства многихъ экономическихъ чертъ, всего для насъ поучительнѣе. Съ каждаго рубля стоимости привозимыхъ товаровъ Америка взимаетъ среднимъ числомъ вдвое и даже слишкомъ вдвое высшую пошлину противъ средняго уровня пошлинъ по нашему таможенному тарифу. Какія серіозныя соображенія мѣшаютъ намъ дѣлать то же самое? А между тѣмъ такой подъемъ пошлинъ, съ одной стороны, возмѣстилъ бы ущербъ въ питейномъ доходѣ на который необходимо рѣшиться въ видахъ подъема общаго народнаго благосостоянія, съ другой—самъ по себѣ былъ бы важною мѣрой для достиженія этой самой цѣли, ибо имѣлъ бы результатомъ развитіе и созданіе въ странѣ многихъ отраслей производства, которыя, своимъ спросомъ на рабочія руки, содѣйствовали бы увеличенію народныхъ заработковъ. Питейная и таможенная реформы, можно сказать, взаимно дополняли бы другъ друга въ дѣлѣ желаемаго исправленія крестьянскихъ бюджетовъ: первая сократила бы подрывающіе крестьянскій бытъ кабацкіе расходы; вторая улучшила бы крестьянскіе бюджеты съ другаго конца, увеличеніемъ крестьянскихъ доходовъ отъ заработковъ, которые, конечно, будутъ тѣмъ выгоднѣе чѣмъ больше будетъ спросъ на работу.

№ 210.

Москва, 30-го Іюля.

Хотя выборы въ Германскій рейхстагъ произойдутъ не ранѣе октября, однако такъ-называемый избирательный періодъ уже давно начался и агитація ведется всѣми партіями съ такою страстностью какой не бывало въ Германіи съ того достопамятнаго времени когда князь Бисмаркъ сталъ подготовлять событія приведшія къ возсозданію Германской имперіи, а либеральныя партіи, ослѣпленныя мелкими интересами тогдашняго парламентскаго муравейника, всѣми силами противились начинаніямъ этого государственнаго человѣка, что̀ не помѣшало имъ, однако, перейти на его сторону когда его дѣло увѣнчалось успѣхомъ, а онѣ убѣдились въ своемъ политическомъ ничтожествѣ. Съ тѣхъ поръ либералы успѣли забыть свое прежнее посрамленіе и вообра-

зили или старались показать видъ что не они, а князь Бисмаркъ „обратился на путь истинный.“ Они считали себя самою твердою его опорой пока имперскій канцлеръ находилъ нужнымъ пользоваться ими для борьбы съ католическимъ духовенствомъ. Но когда миновалась надобность въ ихъ услугахъ, князь Бисмаркъ оттолкнулъ своихъ „преданныхъ друзей,“ и союзъ, въ прочность котораго здравомыслящіе люди не вѣрили, уступилъ мѣсто сугубому раздраженію, съ каждымъ днемъ возрастающему по мѣрѣ того какъ разгорается избирательная борьба. Въ печати и на публичныхъ собраніяхъ постоянно подводятся итоги прошлаго и излагаются программы будущаго; та и другая сторона приписываетъ себѣ одной заслугу прежнихъ успѣховъ; а въ будущемъ приверженцы князя Бисмарка рисуютъ картину всяческаго благополучія, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ чтобы либераловъ было какъ можно меньше, либералы же въ свою очередь сулятъ странѣ великія бѣдствія если она довѣрится обѣщаніямъ „искусителя“ вновь превратившагося въ „князя тьмы.“

Для посторонняго наблюдателя очевидно однако что и теперь какъ прежде либералы умѣютъ лишь отрицать; на сторонѣ же князя Бисмарка до сихъ поръ остался духъ смѣлаго и бодраго начинанія, что само по себѣ есть залогъ успѣха въ политической борьбѣ. Либералы знаютъ что имъ не устоять въ этой борьбѣ, но сознаніе своего безсилія отнюдь не смиряетъ ихъ сопротивленія: желчная критика будущихъ реформъ возвѣщенныхъ правительственными органами торопливо и огульно осуждаетъ то что хотя еще не облечено въ осязательную форму, но не можетъ не быть „анти-либеральнымъ“ уже потому одному что затѣвается безъ участія партіи либераловъ разныхъ оттѣнковъ.

Болѣе всего либералы нападаютъ на вновь проектируемыя княземъ Бисмаркомъ мѣры къ облегченію бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ. Здѣсь люди Манчестерской школы не безъ основанія усматриваютъ величайшую опасность для себя и для доктрины „ограниченной“ государственной власти, уравновѣшенной парламентаризмомъ, хотя это „равновѣсіе“ покупается цѣной безсилія и неспособности ко всякому живому начинанію.

Въ прошедшую сессію рейхстага либераламъ удалось провалить законопроектъ объ обязательномъ страхованіи рабочихъ людей отъ несчастныхъ случаевъ, столь частыхъ при современномъ развитіи машиннаго производства. Трудно было возразить что-либо противъ принципа такой мѣры. Но парламентское большинство никакъ не могло примириться съ идеей князя Бисмарка объ участіи *государства* въ этомъ дѣлѣ; уплата одной трети страховой преміи казной и двухъ третей хозяиномъ-предпринимателемъ, причемъ предполагалось устранить отъ участія въ этомъ дѣлѣ частныя страховыя общества и принять всю финансовую операцію въ руки государства. Это было отвергнуто. Но князь Бисмаркъ именно этой части своего законопроекта придавалъ главное значеніе и не соглашался ни на какіе компромиссы.

Каково же было негодованіе либераловъ когда они узнали что князь Бисмаркъ не только не намѣренъ подчиниться рутинѣ парламентаризма, признающей „неправильнымъ“ возобновленіе въ ближайшую сессію разъ отвергнутаго законопроекта, но имѣетъ въ виду внести въ ближайшую сессію новый законопроектъ объ обязательномъ страхованіи, еще расширенный и дополненный, до такой степени расширенный что оппонентамъ прежняго законопроекта приходится восхвалять послѣдній, дабы тѣмъ рельефнѣе показать всю пагубность новой затѣи! А обиднѣе всего то что правительственная печать получила приказъ всячески пропагандировать свѣдѣнія о подготовляемой мѣрѣ, пользуясь этимъ какъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для привлеченія на сторону правительства избирателей изъ рабочихъ классовъ, надъ коими радикальные агитаторы властвовали почти неограниченно.

Рѣчь идетъ теперь уже не только объ обезпеченіи рабочихъ и ихъ семействъ, которые пострадали отъ непредвидѣннаго и случайнаго несчастія; предполагается учредить государственный фондъ для обязательнаго страхованія всѣхъ трудящихся и ихъ семействъ отъ лишенія заработковъ, будетъ ли то по случайной причинѣ или же какъ естественное послѣдствіе болѣзни, старческой дряхлости, смерти, пріостановки производства и пр. Между принципами положенными въ основаніе перваго и втораго проекта есть та суще-

ственная разница что рабочій, страхуемый *только* отъ несчастной случайности, предполагается способнымъ къ работѣ до тѣхъ поръ пока несчастіе не постигло его. Самъ ли онъ уплачиваетъ страховую премію, или ее вноситъ за него предприниматель или казна, во всякомъ случаѣ эта премія такъ или иначе будетъ вычтена, въ формѣ ли увеличеннаго налога или уменьшенной заработной платы изъ дохода самого застрахованнаго. Но если всякій живущій своимъ трудомъ будетъ обязательно страхуемъ ото всѣхъ бѣдствій какія могутъ постигнуть его, то такая система уже не можетъ окупаться прямымъ или косвеннымъ извлеченіемъ суммъ потребныхъ на покрытіе страховыхъ расходовъ изъ среды самыхъ страхуемыхъ, ибо нѣтъ того рабочаго или вообще живущаго собственнымъ трудомъ человѣка, для котораго никогда не наступала бы пора неспособности къ работѣ; сбереженія же на черный день имѣются у ничтожнаго меньшинства рабочихъ людей. Тутъ поэтому уже совершенно неизбѣжна уплата страховыхъ премій за неимущихъ изъ казны.

Но, разсуждаютъ противники новаго проекта, если государство возьметъ на себя обязанность платить страховую премію за несостоятельныхъ къ тому плательщиковъ, то изъ этого неминуемо должно вытекать для него право принуждать къ работѣ тѣхъ кто отъ ней уклоняются. Казалось бы что въ этомъ возраженіи нельзя усмотрѣть ничего „ужаснаго," или до сихъ поръ небывалаго. Во всѣхъ, самыхъ „прогрессивныхъ," государствахъ есть правило чтобы неимущіе и нищіе, пользующіеся общественнымъ призрѣніемъ, были принуждаемы къ работѣ, если не потеряли способности трудиться. То что̀ имѣется въ виду всеобщимъ страхованіемъ рабочихъ, если только проектъ этотъ окажется осуществимымъ, значительно улучшило бы участь людей призрѣваемыхъ нынѣ въ разныхъ богадѣльняхъ и рабочихъ домахъ. Застрахованный получалъ бы на старости лѣтъ, или вообще при лишеніи способности къ труду, денежную ренту, что̀ давало бы ему, или его семьѣ, возможность продолжать прежній привычный образъ жизни, не переселяясь въ казарму. Почему же не допустить такого контроля надъ обезпеченными указаннымъ образомъ рабочими, при коемъ послѣдніе не могли бы праздно шататься въ то время когда они еще сохранили способность къ работѣ?

Проектъ пока намѣченъ лишь въ общихъ чертахъ правительственными германскими органами и не столько для того чтобы вызвать спеціальное обсужденіе онаго свѣдущими людьми, сколько въ интересахъ избирательной агитаціи. Вотъ почему вопросъ о подробностяхъ еще остается пока невыясненнымъ. Но идею нельзя не одобрить. Что же касается „деспотизма" государства, коимъ всего болѣе запугиваютъ либералы обсуждая проектъ князя Бисмарка, то всякій знакомый сколько-нибудь съ ученіями разныхъ радикальныхъ утопистовъ знаетъ что самое умѣренное изъ нихъ несравненно болѣе „порабощаетъ личность государству."

№ 211.

Москва, 31-го Іюля.

Чѣмъ болѣе мы цѣнимъ предметъ нашего участія, тѣмъ болѣе, конечно и скорбимъ при видѣ постигающихъ его невзгодъ. Въ то время какъ Франція, при всей своей многовѣковой цивилизаціи, при всѣхъ естественныхъ богатствахъ своей земли, при всѣхъ блистательныхъ качествахъ своего національнаго генія, вслѣдствіе своей государственной расшатанности представляла зрѣлище безславнаго паденія, — въ то время когда она изнемогала и умирала подъ пятою могущественнаго противника, мы сострадали ей, и нашъ сочувственный голосъ раздавался тогда одиноко. Наши либеральные кликуши, какъ всегда покорные толчку, безсмысленно и безо всякой надобности кричали противъ поверженной во прахъ націи. Даже французская приживалка, либеральный г. Тургеневъ, язвительно урекалъ Французовъ, когда горѣлъ ихъ домъ, причитая: „Такъ имъ и надо, по дѣломъ имъ!"

Теперь, какъ и прежде, мы желали бы чтобъ эта благородная нація, которая такъ необходима въ системѣ европейскаго равновѣсія, пришла въ себя и успокоилась, и чтобъ укрѣпился въ ней порядокъ вещей который обезпечилъ бы миръ въ ея нѣдрахъ и ея положеніе въ мірѣ. Къ несчастію, дѣло это трудное. Вслѣдствіе своихъ революцій, Франція не просто Франція, а

много Франций которыя борются между собой и вырывают другъ у друга государственную власть. Мы сторона въ чужомъ дѣлѣ; было бы смѣшно ратовать намъ за ту или другую династію, за тотъ или другой образъ правленія во Франціи. Мы желаемъ съ общей точки зрѣнія только чтобы Франція пришла въ порядокъ, а какимъ способомъ это можетъ быть достигнуто, для насъ это безразлично. Еслибъ удалось это г. Гамбеттѣ, мы бы порадовались его успѣху. Не безъ сочувствія, не безъ участія изъ нашего далека слѣдили мы за нимъ и въ годину бѣдствій Франціи, когда въ немъ съ такою горячею энергіей сказалось чувство націи, когда онъ метался въ патріотическихъ порывахъ ища спасти честь своей страны. Мы порадовались и въ послѣдствіи, когда, посреди безсилія всѣхъ политическихъ партій Франціи, онъ одинъ успѣлъ сосредоточить въ своемъ лицѣ авторитетъ власти. Но желая добра этой странѣ, можемъ ли мы сочувствовать явнымъ безобразіямъ которыя въ ней творятся, той анархіи въ которой гибнутъ ея силы и которая грозитъ ей не только новыми потрясеніями, но и безвыходнымъ варварствомъ? Есть нравственныя начала безъ которыхъ не можетъ обойтись человѣческое общество, и эти-то начала безпрерывно колеблются въ этой странѣ гдѣ власть, разъ сбитая съ мѣста, обезславленная и униженная, не можетъ должнымъ образомъ снова утвердиться. Мы желаемъ видѣть Францію здоровою, крѣпкою, сильною, и сочувствуя ей, не можемъ радоваться ея теперешнему ничтожному правительству которое для того чтобы держаться или какъ-нибудь дѣйствовать, видитъ себя въ необходимости вступать въ пагубныя сдѣлки съ людьми которые болѣе враги Франціи чѣмъ иноземные враги, что̀ наглядно показала Парижская коммуна въ 1870 году...

А между тѣмъ у Франціи вдругъ теперь появились друзья между нашими либералами. Но имъ не Франція интересна, имъ наоборотъ дорога царствующая въ ней анархія, на которую они взираютъ завистливыми глазами. Они расхваливаютъ въ своихъ газетахъ все что̀ во Франціи способствуетъ анархіи, надѣясь что мы, Русскіе, по добродушію своему плѣнимся ею. Легко можно представить себѣ ихъ досаду когда недавно заговорили мы о язвахъ Франціи. Петербургскіе и московскіе листки извѣстнаго пошиба обрушились на насъ цѣлымъ потокомъ обвиненій въ злостной клеветѣ на Францію, въ которой никакой де анархіи нѣтъ и которая будто бы наслаждается цвѣтущимъ, уважаемымъ и завиднымъ для насъ, Русскихъ, положеніемъ среди цивилизованной Европы.

Но позвольте, господа! Если дѣйствительно во Франціи все обстоитъ благополучно, то почему же тѣ самыя сожалѣнія которыя высказали мы, высказываетъ и тотъ человѣкъ котораго навѣрное нельзя заподозрить въ ненависти ко Франціи, который можетъ-быть лучше всѣхъ другихъ понимаетъ то въ чемъ Франція нуждается, который наконецъ въ самой Франціи пользуется наибольшимъ политическимъ авторитетомъ. Мы говоримъ о г. Гамбеттѣ. Почитайте то что̀ онъ ежедневно пишетъ въ своей *République Française*, поступившей теперь въ его личное, непосредственное завѣдываніе, и вы увидите что онъ далеко не вашего мнѣнія о мнимомъ *политическомъ* благополучіи Франціи. Рѣчь идетъ о *политическомъ*, а не о промышленномъ, финансовомъ, научномъ и художественномъ благополучіи, которое, по мнѣнію одной московской газеты, также будто бы зависитъ отъ образа правленія Франціи. Франція отъ природы страна богатая, населенная дѣятельнымъ, трудолюбивымъ, притомъ самымъ бережливымъ въ Европѣ народомъ, который при неограниченной свободѣ собственности извлекаетъ изъ каждаго клочка плодородной земли все что̀ только можно извлечь. Производительность, а слѣдовательно и богатство Франціи стояли всегда на высокой, цвѣтущей степени развитія независимо отъ того или другаго образа правленія. Франція была богата, ее земледѣліе процвѣтало и при Наполеонѣ III не менѣе, быть-можетъ болѣе чѣмъ теперь, что̀ однако не спасло ее отъ позорнѣйшаго изо всѣхъ паденій какія только запомнитъ исторія. Приводить плодородіе Франціи въ непосредственную связь съ ея нынѣшнею формой правленія также нелѣпо какъ указывать на какую-то мистическую зависимость нашихъ случайныхъ неурожаевъ отъ нашего образа правленія. А такъ именно поступаютъ наши честные либералы, измышляющіе и раздувающіе до фантастическихъ размѣровъ то небывалую чуму, то еще менѣе бывалый повальный голодъ, то, какъ напримѣръ въ настоящую минуту, „всеистребляющую

сибирскую язву“, и взваливающія всю вину въ этихъ выдуманныхъ бѣдствіяхъ на правительство, не устраивающее, по ихъ совѣтамъ, всероссійской говорильни, съ правомъ безнаказанно врать. Чтó бы о насъ подумали еслибы мы стали доказывать негодность Французскаго правительства тѣмъ что богатѣйшіе и лучшіе виноградники Франціи истребляются ежегодно, съ тѣхъ поръ какъ тамъ республика, филоксерой? Насъ сочли бы за сумашедшихъ или нечестныхъ. Къ которой же изъ этихъ двухъ категорій принадлежатъ наши „интеллигентные“ публицисты не только приписывающіе своему правительству неурожаи и болѣзни, но еще и выдумывающіе ихъ? Научное и художественное процвѣтаніе извѣстной страны конечно можетъ зависѣть отъ правительства поскольку отъ него зависитъ школа. Французская школа, стоявшая на вѣковой основѣ классической системы, дѣйствительно возвела Францію на высокую ступень европейской цивилизаціи и дала ей въ самомъ дѣлѣ „длинный рядъ талантливыхъ ученыхъ, писателей, художниковъ“. Но въ началѣ правленія Наполеона III французской школѣ нанесенъ былъ тяжкій ударъ, отъ котораго она едва начинала оправляться какъ въ прошломъ году министръ Жюль Ферри нанесъ ей окончательный ударъ своею легкомысленною реформой. Плоды шатанія французской школы уже давно показались: французская наука, которая была нѣкогда впереди, принуждена отойти на второй планъ и уступить первое мѣсто высоко поднявшейся и широко развившейся наукѣ Германіи, которая бережно охраняла свою ученую школу отъ всякихъ шатаній. Мы такимъ образомъ можемъ безошибочно судить о преимуществѣ школы германской надъ французскою. Чтó же дѣлаютъ наши „либеральные“ патріоты? Они тщатся закидать грязью только что привившуюся у насъ школу германскаго типа чтобы замѣнить ее школой французскою новѣйшаго пошиба, по плану г. Ферри, а если можно то и хуже, чтобъ еще болѣе прямымъ путемъ вести насъ къ умственному варварству...

Говорить слѣдовательно теперь о какомъ-то благотворномъ вліяніи республиканскаго режима Франціи на развитіе науки и художественности совершенная безсмыслица. Вліяніе это скажется лѣтъ чрезъ двадцать; но если дѣла во Франціи будутъ идти такъ какъ они идутъ, то есть основаніе опасаться что вліяніе это будетъ самое плачевное.

Политическое положеніе всякой страны, какъ внѣшнее такъ и внутреннее, зависитъ отъ того какое правительство стоитъ у дѣлъ, *слабое или сильное*. Чтó говоритъ г. Гамбетта о теперешнемъ французскомъ правительствѣ? Онъ постоянно обвиняетъ его въ жалкомъ и смѣшномъ безсиліи, и указываетъ на вредные результаты его политики. „Наши министры“, пишетъ онъ въ своей *République Française* (№ 3.535), „держатся политики трусливой и уклончивой которая какъ во внѣшнихъ такъ и во внутреннихъ дѣлахъ постоянно дѣлаетъ два шага впередъ съ тѣмъ чтобы сдѣлать шагъ назадъ и перемѣнить свое направленіе“. „Мы присутствуемъ“, говоритъ г. Гамбетта въ своей турской рѣчи, „и я каждый день съ прискорбіемъ это замѣчаю, при постепенномъ изнуреніи и разслабленіи (dépérissement) всего государственнаго механизма и всеобщей администраціи“. Въ чемъ же видитъ г. Гамбетта спасеніе Франціи? „Мы должны“, говоритъ онъ въ той же рѣчи, „возвратить государству то чтò ему принадлежитъ, такъ какъ въ этомъ возвращеніи мы всѣ одинаково заинтересованы. Мы должны возвратить государству и его агентамъ ихъ истинныя прерогативы, мы должны возвратить правительству его свободу и независимость.“

Итакъ, мы видимъ что во Франціи ея патріоты скорбятъ о томъ чтò государственная власть утратила необходимую для нея силу и самостоятельность, а наши лжепатріоты требуютъ чтобы въ такое же трусливое и позорное положеніе была поставлена русская государственная власть...

Скажутъ: Гамбетта требуетъ организаціи сильнаго правительства для того чтобъ успѣшнѣе вести борьбу съ монархистами... Да, борьбу съ приверженцами прежнихъ династій, утратившихъ власть, но не отказавшихся отъ своихъ притязаній. Дѣло не въ титулѣ власти, а въ самомъ существѣ ея. Лишь была бы государственная власть достаточно сильная и способная установить прочный порядокъ вещей и справиться со своими врагами. Какой бы титулъ ни принялъ будущій диктаторъ Франціи и сама Франція, намъ рѣшительно все равно. Едва ли г. Гамбетта, утвердившись во власти, вздумалъ бы принять титулъ королевскій или императорскій.

Власть его не стала бы отъ этого священнѣе, она стала бы только смѣшнѣе, и объ этомъ конечно г. Гамбетта не думаетъ. Государственной власти во Франціи приходится бороться еще съ организованными обществами Римско-католической церкви которая не отреклась, какъ Православная, отъ оружія міра сего. Дабы избавиться отъ вмѣшательства организованныхъ и независимыхъ отъ государства властей, не разъ уже приходилось различнымъ правительствамъ вступать въ антагонизмъ съ католическимъ духовенствомъ. Борьбу съ нимъ ведетъ Италія, ведетъ Германія, ведетъ теперь Франція. Борьба правительства съ духовенствомъ всегда бываетъ пагубна, и мы поэтому должны благодарить Бога что, по самой сущности Православной Церкви, мы избавлены отъ этого зла. Но бороться съ католическимъ клерикализмомъ одно, а преслѣдовать самую идею религіи другое. Къ сожалѣнію, слабое Французское правительство, начавъ борьбу только противъ клерикаловъ, принуждено было скоро изъ трусости предъ запальчивыми требованіями фанатическихъ атеистовъ перейти къ преслѣдованію не только іезуитовъ, но и имени Божія. Явилась слѣпая нетерпимость къ свободѣ совѣсти и сдѣлались возможными такіе возмутительные факты, о которыхъ можно судить по образчику приведенному въ нашей статьѣ *) (см. № 203).

Г. Гамбетта, какъ кажется, при всей его ненависти къ римско-католическому клерикализму, чуждъ этихъ крайнихъ увлеченій фанатическаго радикализма. Не даромъ же радикалы ненавидятъ его наравнѣ съ клерикалами. Стóитъ только почитать съ какою яростью нападаетъ на него Рошфоръ чтобы понять какая бездна отдѣляетъ бывшаго диктатора отъ радикаловъ. Дѣло въ томъ что они чуютъ въ немъ *будущаго* диктатора...

Если г. Гамбетта требуетъ установленія во Франціи сильной правительственной власти, то онъ и указываетъ средства которыя могутъ привести къ тому. Во Франціи учрежденъ шаблонный парламентаризмъ. Управлять при немъ можно только овладѣвъ имъ и превративъ его въ свое орудіе. Этого именно и желаетъ г. Гамбетта. „Недостатокъ прежней палаты", пишетъ онъ въ *République Française* (№ 1.536), „заключался въ томъ что она не сумѣла выйти изъ системы маленькихъ кружковъ въ которыхъ ничтожныя личности воображаютъ себя перворазрядными государственными людьми и въ которыхъ всякій адвокатишка приписываетъ себѣ право говорить правительству: *до сихъ поръ и не далѣе!* Въ переговорахъ съ этими великими человѣчками даже Ришелье истощилъ бы въ нѣсколько мѣсяцевъ свои силы. Эти группы, эти кружки необходимы для торжества посредственностей, но они приводятъ къ крушенію государство. Если избиратели хотятъ положить предѣлъ раздробленію республиканскихъ силъ и избавить страну отъ ига притязательныхъ ничтожествъ (des nullités prétentieuses), то прямая ихъ обязанность будетъ заключаться въ томъ чтобы не допускать въ палату депутатовъ ни одного кандидата который въ программѣ или безъ программы сталъ бы выгораживать себѣ свое независимое мѣстечко. Избиратели должны слѣдовательно *безъ пощады* устранять всякаго прежняго депутата или новаго кандидата который формально не обязался бы поддерживать прогрессивное правительство". Образованіе сильнаго, сплошнаго правительственнаго большинства въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ, вотъ единственная и постоянная мечта Гамбетты, а также и Бисмарка.

У насъ, слава Богу, парламентская комедія не разыгрывается. Намъ слѣдовательно приходится думать не о томъ какъ бы *уменьшить* это „необходимое зло", а о томъ какъ бы у насъ оно не завелось.

Чѣмъ кончится настоящій избирательный кризисъ во Франціи, мы не знаемъ; получитъ ли г. Гамбетта „сильное, сплошное большинство" и сумѣетъ ли онъ организовать съ его помощью „сильную, независимую правительственную власть", неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ мы желаемъ ему и собрать достаточную власть, и хорошо воспользоваться ею для блага страны.

---

*) Даже *Порядокъ* пришелъ въ изумленіе предъ этимъ неслыханнымъ фактомъ и усомнился въ его подлинности. Къ сожалѣнію, фактъ этотъ дѣйствительно произошелъ и сообщила о немъ *республиканская* газета *Parlement*.

№ 212.

Москва, 1-го августа.

Нижегородская ярмарка, служащая главнѣйшимъ барометромъ для опредѣленія общаго положенія торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ въ Россіи, только что начинается, хотя уже прошло болѣе двухъ недѣль съ поднятія ярмарочнаго флага. По установившимся торговымъ порядкамъ, существеннѣйшая часть торговыхъ оборотовъ откладывается до послѣднихъ дней ярмарки, причемъ окончательная развязка многихъ важныхъ дѣлъ происходитъ уже послѣ офиціальнаго ея закрытія. Но уже самое начало ярмарки таково что должно порадовать всѣхъ заинтересованныхъ въ ея успѣхѣ. „Ярмарка идетъ благополучно... Торговля началась и обѣщаетъ быть успѣшною. Особенно бойко идутъ ситцы. Цѣны противъ зимнихъ выше. Платежей ждутъ исправныхъ,“ — вотъ вообще впечатлѣніе производимое ходомъ ярморочныхъ дѣлъ, переданное намъ вчера въ телегреммѣ изъ Нижняго Новгорода.

Иного, впрочемъ, нельзя было бы и ожидать въ виду урожая которымъ въ текущемъ году благословилъ насъ Богъ. Наша страна не Англія, гдѣ успѣхъ промышленности и торговли зависитъ не столько отъ внутренняго, сколько отъ заграничнаго сбыта, и гдѣ онѣ могутъ процвѣтать при какихъ угодно кризисахъ постигающихъ мѣстное земледѣліе и связанные съ нимъ интересы. Наша промышленность и торговля живутъ общею жизнію съ земледѣліемъ. Въ годы менѣе благопріятные для земледѣлія, сокращеніе денежныхъ средствъ у сельскихъ жителей неизбѣжно сопровождается заминкой промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, и наоборотъ, эти дѣла идутъ тѣмъ успѣшнѣе чѣмъ лучше становится положеніе сельскихъ классовъ, зависящее отъ размѣровъ урожая. Не довольно обильные урожаи послѣднихъ двухъ лѣтъ, особенно прошлогодній, были для нашей промышленности неблагопріятнымъ условіемъ, и хотя далеко не создали для нея положенія которое въ иныхъ газетахъ тенденціозно старались представить тяжкимъ кризисомъ, но всетаки вызвали по мѣстамъ не малыя затрудненія. При уменьшившемся спросѣ, сократился сбытъ фабричныхъ продуктовъ несмотря на пониженіе цѣнъ. Часть фабрикантовъ должны были, въ виду этого, сократить, а иные даже прекратить производство, что не могло не отзываться на благосостояніи той части населенія для котораго фабричные заработки служатъ важнымъ жизненнымъ подспорьемъ. Урожай положилъ конецъ всей этой заминкѣ. Вслѣдъ за сельскимъ и весь промышленный людъ вздохнетъ свободнѣе. Вновь закипитъ промышленная работа, вновь начнетъ расширяться временно сократившееся производство.

Но къ вызываемому всѣмъ этимъ радостному чувству невольно примѣшивается не малая доля горечи. Положеніе нашихъ дѣлъ таково что ни сельскій, ни промышленный людъ далеко не воспользуются, какъ бы слѣдовало, благами ниспосланнаго имъ Богомъ урожая. Изо всѣхъ этихъ благъ на ихъ часть останется весьма немногое. Львиная доля изъ того что могло бы выиграть все рабочее населеніе уйдетъ въ кабаки. Другая, тоже львиная доля, достанется не русской, а чужеземной промышленности, пойдетъ на увеличеніе заработковъ не русскихъ, а иностранныхъ фабричныхъ рабочихъ. Это прямой результатъ того положенія въ какомъ держитъ страну нашъ устарѣлый таможенный тарифъ, благосклонный иностраннымъ и положительно враждебный русскимъ интересамъ.

О нашемъ тарифѣ сложилось мнѣніе будто онъ отличается чрезмѣрнымъ покровительствомъ отечественной промышленности, и это мнѣніе, отъ частаго и безсмысленнаго его повторенія, для многихъ стало аксіомой. Но не такимъ окажется онъ при внимательномъ его разсмотрѣніи. Отрасли производства которымъ тарифъ оказываетъ нѣкоторую поддержку всѣ на перечетъ; ихъ обыкновенно и выставляютъ на видъ когда требуется поддержать мнѣніе о господствующей будто бы у насъ системѣ протекціонизма; обо всѣхъ же прочихъ отрасляхъ производства, которыя едва влачатъ свое существованіе, обыкновенно при этомъ умалчивается. Такъ въ большой модѣ указывать на размѣръ пошлинъ которыми обложены привозныя ткани. Но представляютъ ли на дѣлѣ эти пошлины хоть тѣнь того что требуется для постановки русскихъ мануфактуръ въ желаемое положеніе?

Сравнительно съ другими отраслями промышленности, собственно ткацкое производство поставлено нашимъ тарифомъ въ наиболѣе благопріятныя условія. Произ-

водство миткаля и ситцевъ достаточно ограждено отъ иностранной конкурренціи. Сбытъ въ Россіи заграничныхъ бумажныхъ издѣлій, на какіе-нибудь шесть или около милліоновъ рублей въ годъ, ничего не значитъ въ сравненіи съ массой бумажныхъ тканей изготовляемыхъ русскими фабриками, которыя, напримѣръ въ 1879 году, потребовали для своего производства только американскаго и остъиндскаго хлопка на 60 милліоновъ рублей (не считая кавказскаго персидскаго и бухарскаго), да сверхъ того слишкомъ на 30милліоновъ рублей привозной пряжи. Менѣе выгодно стоятъ производства шелковыхъ и шерстяныхъ тканей. До эпохи паденій курсовъ въ минувшую войну, успѣхамъ этихъ отраслей ткацкаго дѣла немало вредилъ привозъ заграничныхъ шерстяныхъ издѣлій, который по цѣнности иногда достигалъ, а иногда превышалъ стоимость привоза сыраго и полуобработаннаго матеріала нужнаго для нашихъ шерстяныхъ и шелковыхъ ткацкихъ фабрикъ. Но съ 1878 года пониженіе курсовъ пришло на подмогу таможеннымъ пошлинамъ, и русское ткачество въ шерстяной и шелковой промышленности сдѣлало, благодаря этому, большіе успѣхи. Но привозъ заграничныхъ шерстяныхъ издѣлій, преимущественно изъ Германіи, все еще продолжалъ выражаться цифрой нисколько ни свидѣтельствующею объ избыткѣ оказываемаго отечественной промышленности покровительства. Ввозъ иностранныхъ шерстяныхъ издѣлій на сумму свыше 12 милл. рублей (между тѣмъ какъ заграничныхъ бумажныхъ издѣлій не требуется и на половину этой суммы) дѣло не совсѣмъ нормальное для страны которая не можетъ обойтись безъ привознаго хлопка, но можетъ за то производить шерсть въ какихъ угодно количествахъ не только для собственныхъ надобностей, но и для вывоза. Въ этомъ фактѣ заключается указаніе на то что не было бы лишнимъ нѣсколько поднять таможенныя пошлины между прочимъ и по отдѣлу тканей. Эти пошлины высоки только по сравненію съ другими пошлинами нашего тарифа; но не таковы онѣ сравнительно съ размѣрами пошлинъ, напримѣръ, американскаго тарифа, въ которомъ средняя норма пошлинъ равняется нашей высокой.

Какъ бы то ни было, ткацкое дѣло поставлено у насъ въ наивыгоднѣйшія сравнительно съ другими отраслями промышленности, условія. Но что́ сказать объ этихъ другихъ? Что́ сказать, напримѣръ, хоть о прядильномъ дѣлѣ, безъ твердой постановки коего не можетъ быть прочнымъ ткацкое дѣло? Просмотрите официальныя статистическія свѣдѣнія Таможеннаго Департамента за нѣсколько лѣтъ, и вы убѣдитесь что нашъ таможенный тарифъ покровительствуетъ ткацкому дѣлу лишь на условіи чтобъ оно въ свою очередь содѣйствовало развитію не столько русскихъ, сколько иностранныхъ филатуръ. Этого нельзя отчасти не замѣтить уже и въ области хлопчато-бумажной промышленности. Въ десять лѣтъ привозъ хлопка, по цѣнѣ, только удвоился, а привозъ бумажной пряжи увеличился въ пять разъ. Невольно бресается въ глаза громадная цифра ввоза заграничной пряжи на сумму слишкомъ *тридцати* милліоновъ рублей. Сколько бы выиграла русская промышленность, сколько заработковъ досталось бы русскимъ рабочимъ, еслибъ эта пряжа вырабатывалась въ Россіи! Этого можно было бы достигнуть повышеніемъ пошлины на привозную пряжу. У насъ, вмѣсто исправленія пошлинъ въ интересахъ русскихъ прядиленъ, было сдѣлано измѣненіе тарифа въ обратномъ смыслѣ, какъ бы съ цѣлію затрудненія для нихъ конкурренціи съ иностранными филатурами. Наложеніе 40 копѣечной (нынѣ 44 коп.) пошлины на хлопокъ было прямымъ налогомъ на русскую прядильную промышленность и таковою же преміей ея иностраннымъ конкуррентамъ.

Но гораздо рѣзче бросается въ глаза это пренебреженіе къ прядильному дѣлу въ области шерстяной и шелковой фабрикаціи. Какъ ни громаденъ привозъ бумажной пряжи, но все же привозъ хлопка пока, по цѣнности, вдвое болѣе привоза бумажной пряжи. Въ шерстяномъ дѣлѣ наоборотъ, шерстяной пряжи привозится на сумму превышающую вдвое привозъ шерсти въ сыромъ видѣ. Дѣло стоитъ такъ что часть отпускаемой изъ Россіи за границу сырой шерсти идетъ туда только затѣмъ чтобы дать работу тамошнимъ прядильнямъ и затѣмъ вернуться въ Россію въ видѣ пряжи для нашихъ шерстяныхъ ткацкихъ фабрикъ. Шелковое дѣло стоитъ еще хуже. Шелка въ сыромъ видѣ не привозится къ намъ и на полмилліона, а шелковой пряжи привозится на 11, на 13 и болѣе милліоновъ рублей, и вывозъ русскаго шелка-сырца для превращенія его въ пряжу на иностранныхъ прядильняхъ есть обычное

явленіе. Удивляться тутъ нечему. Это прямой результатъ нашего тарифа, который облагаетъ привозную шелковую пряжу—смѣшно сказать—копѣйкой съ рубля стоимости. Не сочтите этого за опечатку: нѣтъ, именно одною копѣйкой (съ дробью) съ рубля стоимости!

Будь у насъ иной таможенный тарифъ, будь наши пошлины согласованы съ началами здравой народнохозяйственной политики, одно развитіе прядяльнаго дѣла оставляло бы въ странѣ ежегодно до 60 милліоновъ рублей *). Одно развитіе филатуръ съ производствомъ на эту сумму дало бы народу, въ видѣ заработковъ, несравненно бо́льшія выгоды чѣмъ все что̀ можетъ быть сдѣлано для него, напримѣръ, задуманнымъ регулированіемъ выкупныхъ платежей. А присоедините къ этому еще цѣлую массу другихъ отраслей промышленности, которыя не развиваются вслѣдствіе антинаціональной системы лежащей въ основѣ нашего таможеннаго тарифа, и которымъ была бы дана жизнь еслибъ онъ былъ приведенъ съ соотвѣтстіе съ народными нуждами. Возьмите въ разчетъ хотя бы только химическое производство, которому у насъ совсѣмъ нѣтъ хода. Мы вѣдь выплачиваемъ ежегодно за границу по 40 милліоновъ за привозныя краски и другіе химическіе продукты, которые могли бы вырабатывать у себя дома. Какое широкое поле для приложенія русскаго труда, какой обильной источникъ народнаго обогащенія! И такихъ источниковъ у насъ множество, но пользоваться ими народъ не можетъ благодаря тарифу предоставляющему бо́льшую часть наивыгоднѣйшихъ занятій иностранцамъ. Когда же, наконецъ, покончимъ мы съ этимъ тарифомъ, ведущимъ у насъ постоянно къ тому что даже выгоды отъ урожая хлѣба въ Россіи достаются въ большей долѣ иностраннымъ чѣмъ русскимъ рабочимъ?

№ 214.

Москва, 3-го августа.

Въ послѣднее время въ печати идутъ большіе толки о реформахъ по военному вѣдомству, и не исключительно въ видахъ экономіи. Говорятъ объ измѣненіи въ численности мирнаго состава арміи, о сокращеніи сроковъ службы, объ учрежденіи особыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ по образцу существующихъ въ Германіи, о перемѣнахъ въ строѣ военно-учебныхъ заведеній съ тѣмъ чтобы придать имъ опредѣленный характеръ строго-профессіональныхъ школъ (дай-то Богъ) и наконецъ о важныхъ измѣненіяхъ въ самой военно-административной системѣ.

Изо всѣхъ этихъ предполагаемыхъ реформъ въ болѣе опредѣленномъ видѣ представляется только упраздненіе теперешнихъ военныхъ округовъ, которое должно послѣдовать въ самомъ непродолжительномъ времени, будто бы даже въ концѣ этого мѣсяца. Называютъ даже лицъ кои займутъ должности командировъ во вновь учреждаемыхъ взамѣнъ округовъ четырехъ крупныхъ административныхъ единицахъ или „арміяхъ“ сѣверной, южной, восточной и западной. Утверждаютъ что послѣдовавшее уже упраздненіе Оренбургскаго военнаго округа есть именно начало такого преобразованія.

Надо замѣтить что вопросъ объ упраздненіи военныхъ округовъ далеко не новый. Рѣчь объ этомъ идетъ уже давно, почти съ самаго появленія предъ минувшею войной раздѣленія арміи на корпуса, или, вѣрнѣе, даже со времени введенія у насъ общеобязательной воинской повинности.

Съ 1863 года, со времени отмѣны прежняго дѣленія арміи на корпуса, въ основѣ нашего военнаго устройства лежала старая французская территоріальная система; вотъ почему въ военныхъ округахъ сосредоточивались всѣ отрасли управленія, административное, строевое, хозяйственное. Армія дѣлилась только на дивизіи, изъ которыхъ на случай войны предполагалось формировать корпуса, смотря по надобности и по способностямъ командировъ, различной численности и состава, какъ то дѣлалось во Франціи.

Франко-Германская война обнаружила всю несостоятельность этой системы, доказавъ почти полную невозможность въ настоящее время формировать крупныя военныя единицы въ моментъ мобилизаціи. Со введеніемъ у насъ въ 1874 году воинской повинности по прусскому образцу, въ принципѣ было уже рѣшено возвратиться къ раздѣленію арміи въ мирное время на корпуса однообразнаго состава и

*) Въ 1879 году было привезено: бумажной пряжи на $30^1/_2$ милл., шерстяной на 17 и шелковой на $13^1/_2$ милл., рублей.

численности, но болѣе мелкія чѣмъ прежнія. Дѣйствительно, въ скоромъ времени по введеніи воинской повинности послѣдовало и положеніе о корпусномъ устройствѣ, которое вслѣдствіе различнаго рода затрудненій не удалось осуществить до самаго начала минувшей кампаніи. Послѣ войны организація войскъ въ корпуса осталась безъ измѣненія, но въ то же время продолжали существовать и военные округа, что несомнѣнно вовлекло и казну въ излишніе расходы, и въ то же время стѣсняло дѣятельность корпусныхъ командировъ.

Предлогомъ къ сохраненію военно-окружной системы служило то что и въ Германіи какъ въ мирное, такъ и въ военное время, кромѣ корпусовъ имѣются высшія военныя управленія, такъ называемыя инспекціи, и что сверхъ того въ Германіи каждый корпусъ занимаетъ опредѣленную территорію, гдѣ онъ комплектуется и имѣетъ всѣ свои постоянные склады. Забывали при этомъ что прусская инспекція не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ нашимъ округомъ: ихъ только пять, такъ что въ составъ инспекціи входитъ не одинъ или два корпуса, а нѣсколько. Инспекція въ Пруссіи есть исключительно учрежденіе командное; инспектору принадлежитъ только высшій надзоръ за ходомъ службы въ корпусахъ и повѣрка ихъ строеваго образованія и хозяйства. Что касается территоріальнаго характера прусскихъ корпусовъ, тѣхъ обязанностей кои лежатъ тамъ на командирахъ крупныхъ частей полевыхъ войскъ и коихъ не имѣютъ они у насъ, то бо́льшая часть этихъ обязанностей, если не всѣ, возложены и у насъ не на штабы военныхъ округовъ, а на управленія мѣстныхъ войскъ въ округахъ, на губернскихъ и уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, завѣдующихъ всѣмъ дѣломъ учета запасныхъ чиновъ, призывомъ и распредѣленіемъ въ войска новобранцевъ, военными госпиталями и другими подобными учрежденіями.

Въ дѣйствительности упраздненію военныхъ округовъ ничто не препятствовало. Только этимъ и объясняется самая возможность совершить теперь эту реформу въ столь скоромъ времени, замѣнивъ округа учрежденіями вполнѣ соотвѣтствующими прусскимъ инспекціямъ, во главѣ коихъ, по слухамъ, станутъ исключительно люди съ боевою репутаціей. Будучи болѣе крупными единицами, вновь проектируемыя „арміи“ или инспекціи могутъ содѣйствовать и большей децентрализаціи военнаго управленія избавивъ Военное Министерство отъ необходимости входить въ разсмотрѣніе многихъ чисто формальныхъ вопросовъ коими оно обременено въ настоящее время. Съ другой стороны, облегчится и упростится хозяйство войскъ, такъ какъ корпуса получатъ самостоятельность и въ этомъ отношеніи.

Вотъ причины по которымъ нельзя не привѣтствовать этой реформы какъ значительнаго упрощенія въ нашей военно-административной системѣ, улучшенія съ которымъ неразрывно связано не мало другихъ. Возьмемъ, напримѣръ, систему такъ-называемыхъ мѣстныхъ войскъ. Система эта сравнительно съ прусскою поражаетъ своею сложностью и дороговизной, но она такъ пріурочена къ дѣленію на военные округа что о какомъ-либо ея измѣненіи нельзя было бы и думать до замѣны округовъ иными, болѣе крупными, военно-административными единицами. Сложность системы мѣстныхъ войскъ обусловливается именно тѣмъ обстоятельствомъ что она стоитъ внѣ всякой связи съ войсками полевыми, для комплектованія и снабженія коихъ какъ въ мирное такъ и въ военное время она главнымъ образомъ и существуетъ. Упраздненіе военныхъ округовъ и замѣна ихъ инспекціями даетъ возможность упростить эту систему, передавъ значительную часть лежащихъ на мѣстномъ военномъ начальствѣ обязанностей начальству полевому, какъ напримѣръ все комплектованіе войскъ людьми въ мирное время и пополненіе ихъ резервистами съ переходомъ на положеніе военное, что невозможно сдѣлать теперь, такъ какъ наше войско далеко не всегда комплектуется людьми не только той мѣстности гдѣ часть расположена, но и людьми того же военнаго округа. Съ раздѣленіемъ всей территоріи на четыре инспекціи, или, какъ говорятъ, на четыре „арміи,“ это неудобство легко можетъ быть устранено вовсе: перемѣщеніе новобранцевъ изъ одной мѣстности въ другую можетъ совершаться въ предѣлахъ одной инспекціи и люди будутъ распредѣляться только въ войска въ ней расположенныя. Въ такой же мѣрѣ облегчится и комплектованіе съ переходомъ на военную ногу, вслѣдствіе чего если не полки, то дивизіи или корпуса получатъ возможность комплектоваться своими же отпускными, а не тѣми какими придется. Такой поря-

докъ долженъ отозваться благодѣтельно и на самомъ обученіи и воспитаніи войскъ: готовить людей для себя или готовить ихъ для кого придется — далеко не одно и то же. Тщательность обученія солдата въ Германіи въ значительной мѣрѣ, по признанію самихъ Нѣмцевъ, обусловливается тѣмъ что каждая часть знаетъ что пока эти люди не будутъ перечислены въ ландверъ, т.-е. не отслужатъ полнаго срока опредѣленнаго для службы въ рядахъ и резервѣ, до тѣхъ поръ она не можетъ отъ нихъ отдѣлаться ни подъ какимъ видомъ.

Таковы ближайшія и крупныя послѣдствія предположеннаго упраздненія военныхъ округовъ или, правильнѣе, замѣны ихъ учрежденіями высшаго порядка, и въ то же время болѣе дешевыми, инспекціями или „арміями.“

№ 215.

Москва, 4-го августа.

Не понравилось нашимъ мнимымъ либераламъ письмо генерала Эрнрота, опровергающее всѣ безсовѣстныя клеветы взведенныя ими на князя Болгарскаго. Они цѣлые четыре мѣсяца изо дня въ день трудились надъ тѣмъ чтобы выставить въ глазахъ своихъ читателей князя Александра въ видѣ кровожаднаго деспота, его народъ въ видѣ благородной, безконечно несчастной, алчущей свободы націи, а состоявшихъ на болгарской службѣ русскихъ офицеровъ во образѣ янычаръ, шпіоновъ и палачей. Все это они конечно дѣлали иносказательно, проводя между строками язвительныя параллели между Болгаріей и Россіей и надѣясь этими продѣлками произвести, какъ они выражаются, необходимое отрезвленіе общественнаго самосознанія. Понятно почему они такъ досадуютъ на генерала Эрнрота который своимъ письмомъ разстроилъ и обратилъ въ ничто ихъ аллегоріи. Всякій можетъ теперь по достоинству оцѣнить тѣ фразистыя тенденціозныя статьи въ которыхъ наша *либеральная пресса* съ такимъ паѳосомъ высказывала свое „искреннее сожалѣніе о несчастной Болгаріи.“ Эти статьи для насъ весьма поучительны такъ какъ мы по нимъ можемъ судить и о томъ что̀ эта *пресса* считаетъ *счастіемъ* и что̀ *несчастіемъ* для Россіи.

Счастіемъ для Россіи, по мнѣнію этой прогнившей интеллигенціи, былъ бы парламентаризмъ и притомъ выкроенный по послѣднему парижскому журналу. Этого, видите ли, желаетъ нашъ народъ, какъ недавно еще доказывала *Недѣля* (№ 28) выводящая стремленіе народа къ парламентаризму изъ того факта что въ послѣднее время къ Государю Императору являлись „выборные ходоки“ отъ разныхъ крестьянскихъ обществъ съ изъявленіемъ своихъ вѣрноподданныхъ чувствъ. „Вотъ это-то исконное стремленіе къ общенію съ царскою властью,“ мудрствуетъ *Недѣля*, „къ непосредственному изложенію своихъ нуждъ и мыслей самому Царю, помимо бюрократическихъ инстанцій, можетъ быть удовлетворено путемъ организаціи періодическаго появленія предъ Царемъ *выборныхъ представителей* мѣстныхъ нуждъ и потребностей... Понятно что удовлетворить *народное желаніе* можно только путемъ болѣе правильной организаціи *выборныхъ представителей*, являющихся теперь случайно, въ видѣ ходоковъ *безо всякой системы*... Поэтому всѣ ссылки нашихъ ретроградовъ на отсутствіе въ народѣ сознанія о необходимости поступательнаго движенія въ юридическомъ быту—результатъ недомыслія и небрежнаго анализа народнаго міросозерцанія.“

Каковъ маневръ! Ретрограды, поступательное движеніе въ юридическомъ быту, народное міросозерцаніе, ходоки и парламентъ...

Но возвратимся къ Болгаріи и вспомнимъ какъ относились къ болгарскимъ дѣламъ эти скромные истолкователи „народнаго міросозерцанія,“ „поступающіе“ отъ ходоковъ до парламента. Князь Александръ послѣ двухлѣтняго опыта убѣдился что при навязанной ему и странѣ нелѣпой конституціи управлять невозможно. Онъ обратился къ самому народу и предложилъ свои условія, объявивъ что если они приняты не будутъ Народнымъ Собраніемъ, то онъ сложитъ съ себя власть и удалится изъ Болгаріи.

Какъ отозвалась русская „поступательная“ печать на этотъ конституціонный образъ дѣйствій князя? Она заклеймила его названіемъ „деспотическаго государственнаго переворота“ и старалась выставить князя тиранomъ „попирающимъ священныя права народа.“ Она не могла ему простить двухъ вещей: вопервыхъ, то что онъ

могъ смѣть свое сужденіе имѣть; а во-вторыхъ, то что онъ позволилъ себѣ быть недовольнымъ конституціей выработанною петербургскимъ чиновнымъ либерализмомъ. Идеалъ правителя, по мнѣнію этой чиновной интеллигенціи, долженъ быть *манекенъ*, а конституція должна быть священною грамотой, предъ которою правитель долженъ стоять въ колѣнопреклоненномъ безграничномъ благоговѣніи, но которую всякій площадной крикунъ можетъ предложить парламенту для какого угодно измѣненія. Вотъ какая перспектива открывается намъ въ томъ идеальномъ „правовомъ порядкѣ“ которымъ хотятъ насъ наградить „либеральные“ пророки поступающіе отъ ходоковъ къ парламенту.

Князь Александръ, продолжая строго держаться конституціи, назначилъ выборы въ Народное Собраніе, отъ котораго должно было зависѣть рѣшеніе конституціоннаго вопроса. Болгарскіе агитаторы пустили тотчасъ въ ходъ всѣ свои средства чтобъ овладѣть выборами. Заботясь не о благѣ своей страны, а о своихъ бывшихъ и будущихъ министерскихъ портфеляхъ, болгарскіе агитаторы напрягли всѣ свои силы чтобы смутить народъ клеветами на князя, приписывая ему самыя невѣроятныя противонародныя намѣренія. Всѣ средства казались имъ позволительными чтобъ очернить князя и выставить его даже врагомъ Россіи. Князь, желавшій узнать истинное мнѣніе народа неизвращенное интригами, принялъ строгія мѣры какъ для поддержанія спокойствія въ краѣ, такъ и для того чтобы народъ могъ на этотъ разъ высказаться несомнѣннымъ образомъ. „Никакого давленія на выборы не требовалось, пишетъ генералъ Эрнротъ въ отвѣтъ на злостныя и лживыя толкованія русской *либеральной* печати: „требовалось „только побуждать сельское населеніе не „устраняться какъ прежде и въ особенности противодѣйствовать противозаконнымъ маневрамъ, скажемъ проще, *мошенничествамъ*, которыя себѣ позволяли агитаторы клики такъ-называемыхъ либераловъ при всѣхъ предшествовавшихъ выборахъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. „Въ этомъ они изловчились и въ этомъ „была сила клики, именовавшейся *либеральною* или *народною* партіей, столь симпатичною, повидимому, петербургской либеральной печати. Я не приверженецъ „доктрины всеобщей подачи голосовъ, особенно при системѣ прямыхъ выборовъ, „принятой болгарскою конституціей; но я „еще менѣе приверженецъ извращенія смысла и результата народнаго голосованія.“ Русскіе *либералы* оказались конечно на сторонѣ мошенничествъ и высказали свое полное негодованіе по поводу принятыхъ строгихъ мѣръ для огражденія свободы выборовъ. А такъ какъ за неприкосновенностью этой свободы наблюдали русскіе офицеры, то петербургскіе *честные дѣятели* закидали ихъ грязью и объявили измѣнниками. По теоріи этихъ господъ, выборы въ конституціонныхъ государствахъ должны происходить слѣдующимъ образомъ: правительство обращается къ народу какъ къ верховному безпристрастному судьѣ съ вопросомъ одобряетъ ли онъ дѣйствія правительства или нѣтъ. Къ народу являются своекорыстные, продажные лжесвидѣтели взводящіе на правительство обвиненія въ небывалыхъ преступленіяхъ. Возражать этимъ лжесвидѣтелямъ или прекращать ихъ лживые доносы не позволяется правительству, ибо это было бы „преступнымъ вмѣшательствомъ.“ Народъ постановляетъ приговоръ очевидно несправедливый и основанный на ложныхъ показаніяхъ обвинителей безъ права защиты обвиняемаго, и виновный, т.-е. правитель, долженъ безпрекословно преклониться...

Вотъ тотъ „правовой порядокъ,“ вотъ то „поступательное движеніе въ юридическомъ быту“ къ которому, по увѣреніямъ нашихъ *либераловъ*, будто бы стремится Русскій народъ.

Вотъ наконецъ Болгарское народное собраніе единогласно и съ громкимъ энтузіазмомъ приняло всѣ предложенія князя. Но и тутъ шипятъ и злятся наши *либералы*. По ихъ понятіямъ, народъ никогда не долженъ высказываться за усиленіе правительственной власти, хотя бы даже этого требовало благо страны, а если онъ высказывается, то онъ уже не *народъ*, а „подлый агентъ правительства,“ шпіонъ и доносчикъ...

№ 216.

Москва, 5-го августа.

Выходъ въ отставку Е. И. Ламанскаго и назначеніе на его мѣсто управляющимъ Государственнымъ Банкомъ директора осо-

бой канцеляріи по кредитной части тайнаго совѣтника Цимсена, вотъ фактъ обращающій на себя въ настоящую минуту особенное вниманіе и служащій предметомъ разнообразныхъ толковъ. Нельзя сказать чтобъ этотъ фактъ былъ совершенною неожиданностью. Слухи объ оставленіи Е. И. Ламанскимъ служебнаго поста, который онъ занималъ такъ долго при всѣхъ личныхъ перемѣнахъ въ финансовомъ управленіи, носились уже давно и особенно усиливались при возникновеніи толковъ о финансовыхъ реформахъ имѣющихъ предметомъ регулированіе нашего денежнаго обращенія въ связи съ преобразованіемъ Государственнаго Банка. Это и не удивительно если взять во вниманіе что имя г. Ламанскаго тѣсно связано съ нашимъ Государственнымъ Банкомъ съ самаго момента его учрежденія: онъ принималъ самое дѣятельное участіе и въ составленіи его устава, и затѣмъ въ постановкѣ всѣхъ его оборотовъ на существующія нынѣ основанія. Всѣ, и хорошія, и дурныя стороны этихъ оборотовъ, принято было относить къ личности управляющаго Банкомъ, хотя многое тутъ зависѣло отъ общаго хода дѣлъ и отъ общей системы финансоваго управленія. Въ послѣдніе годы управленіе Государственнымъ Банкомъ вызывало особенное неудовольствіе всѣхъ видящихъ главное государственное зло въ нашихъ кредитныхъ деньгахъ и ставящихъ возможно большее извлеченіе ихъ изъ обращенія важнѣйшею государственною задачей. Не отказываясь отъ нея совершенно, управленіе Государственнаго Банка, однако, отступало отъ нея каждый разъ какъ только ходъ торговли и промышленныхъ оборотовъ указывалъ необходимость не только пріостановки извлеченія, но даже расширенія денежнаго обращенія. Это вниманіе къ интересамъ торговли и промышленности постоянно ставилось въ вину г. Ламанскому и дѣлало его предметомъ многочисленныхъ нападокъ. Его дѣятельность въ этомъ смыслѣ выставлялась положительно вредною, какъ препятствіе къ возстановленію денежной валюты посредствомъ изъятія бумажныхъ денегъ. Всякая перемѣна къ лучшему представлялась возможною лишь при условіи устраненія его отъ завѣдыванія Государственнымъ Банкомъ и преобразованія самого Банка таκимъ образомъ чтобы дѣятельность его не руководилась впредь усвоенными ею при г. Ламанскомъ пріемами. Не трудно понять какое значеніе при такихъ обстоятельствахъ получаетъ въ глазахъ многихъ его отставка и къ какого рода толкамъ подаетъ она поводъ.

Характеристическую черту всѣхъ плановъ преобразованія нашего денежнаго обращенія и вкупѣ съ нимъ нашего Государственнаго Банка составляетъ то что всѣ эти планы принимаются къ сердцу за границей гораздо болѣе чѣмъ въ Россіи. Живой примѣръ тому публика видѣла не далѣе какъ мѣсяцъ тому назадъ, когда на заграничныхъ биржахъ и въ заграничной печати, а вслѣдъ затѣмъ также на русскихъ биржахъ и въ русской печати, получили особенный ходъ толки о предстоящемъ будто бы радикальномъ преобразованіи Государственнаго Банка или, точнѣе, о передачѣ его въ руки акціонерной компаніи. Съ русской стороны, толки эти не обходились безъ выраженія сомнѣній окажется ли предполагаемая реформа выгодною для Россіи, не поведетъ ли она ко многимъ важнымъ неудобствамъ. Но за границей предполагаемый проектъ реформы вызывалъ только хвалебные, даже восторженные отзывы, и авторамъ его заблаговременно курился ѳиміамъ какъ финансовымъ геніямъ и благодѣтелямъ Россіи.

Живой интересъ принимаемый за границей въ ходѣ нашихъ денежныхъ дѣлъ не составляетъ, впрочемъ, чего-нибудь ненормальнаго. Заграничный міръ дѣйствительно заинтересованъ въ томъ чтобы наши дѣла шли въ извѣстномъ направленіи, именно въ такомъ которое было бы ему выгодно. До нашихъ выгодъ ему, безъ сомнѣнія, мало дѣла, но свои онъ хорошо понимаетъ. Было бы, конечно, большою наивностью со стороны иностранцевъ имѣющихъ съ нами дѣла рекомендовать намъ тѣ или другія мѣры во имя ихъ выгодъ. Требуется, напротивъ, внушать намъ что эти мѣры должны быть приняты въ нашихъ собственныхъ интересахъ. Самыя хвалы тѣмъ финансовымъ планамъ которые были бы особенно на руку нашимъ заграничнымъ благожелателямъ выражаются главнымъ образомъ не отъ лица ихъ самихъ, а отъ имени русской публики. Но благодаря установившемуся убѣжденію что насъ не трудно поймать на эту удочку, особенныхъ стараній прикрыть эту игру не употребляется. Невинныя хитрости дѣлаются на глазахъ публики самымъ примитивнымъ

образомъ. Заграничныя газеты прямо берутъ на себя роль ея органовъ и говорятъ отъ ея имени. Такъ напримѣръ, еще никто въ Россіи не успѣлъ и подумать о томъ насколько измѣнится ходъ дѣлъ отъ того что одинъ правительственный агентъ замѣненъ другимъ, что на мѣсто г. Ламанскаго назначенъ г. Цимсенъ, а уже въ берлинской *Биржевой Газетѣ* спѣшатъ сообщить что въ Петербургѣ „назначеніе Цимсена встрѣчено съ необыкновеннымъ сочувствіемъ,“ причемъ объясняются и самыя причины этого сочувствія. Эти причины, помимо личныхъ достоинствъ г. Цимсена, заключается де въ томъ что назначеніе его „есть побѣда новаго министра финансовъ Бунге надъ старою системой колебанія и протекціонизма, и въ то же время ручательство что государственный долгъ будетъ уплаченъ Государственному Банку.“ На Руси, пожалуй, такъ и не узнали бы что именно въ такомъ смыслѣ отнеслись въ Петербургѣ къ новому назначенію, но услужливое берлинское телеграфное агентство Вольфа тотчасъ же посылаетъ объ этомъ телеграммы въ русскія газеты... Русскимъ людямъ, послѣ этого, остается только присоединиться къ этому голосу петербургскаго общественнаго мнѣнія раздавшемуся въ Берлинѣ и получившему оттуда повсемѣстное распространеніе. Выходитъ что въ Россіи ничего такъ не желаютъ и не должны желать какъ искорененія системы протекціонизма, и чтобы былъ уплаченъ долгъ Государственнаго Казначейства Государственному Банку.

Пока это только смѣшно. Строгость взысканія съ Государственнаго Казначейства числящагося на немъ долга не зависитъ отъ лица занимающаго должность управляющаго Государственнымъ Банкомъ, точно также какъ не можетъ зависѣть отъ него усвоеніе Россіей протекціонной или фритредерской политики. Но было бы не до смѣха еслибы хоть часть того что сообщается въ берлинской *Биржевой Газетѣ* оказалось не простою биржевою уткой.

Никому у насъ, конечно, ни тепло, ни холодно отъ того въ какомъ положеніи находятся счеты между двумя административными учрежденіями, и какъ они по своимъ взаимнымъ счетамъ расплачиваются. Но совсѣмъ иное дѣло если ради этихъ расплатъ будетъ стѣсненъ государственный бюджетъ, и если его стѣсненнымъ положеніемъ будутъ заторможены преобразованія требуемыя положеніемъ народнаго хозяйства. Вся русская промышленность и торговля, всѣ связанные съ ними интересы людей получающихъ отъ нихъ заработки, живо почувствуютъ на себѣ тѣ послѣдствія какими отзовется на нихъ безденежье, которое не замедлитъ появиться какъ только уплаты казной мнимаго долга Государственному Банку пойдутъ на изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Металлическаго денежнаго обращенія такимъ путемъ мы не возстановимъ, и прочности вексельныхъ курсовъ не достигнемъ. Но чѣмъ больше извлечемъ мы кредитныхъ денегъ, чѣмъ большее, при неимѣніи иныхъ денегъ, создадимъ безденежье, тѣмъ большія вызовемъ затрудненія для русской промышленности, и стало-быть тѣмъ большія выгоды предоставимъ иностранной промышленности и торговлѣ. Такая перспектива несомнѣнно была бы самою желательною для иностранцевъ, но можетъ ли она улыбаться русскимъ людямъ?

№ 218.

Москва, 7-го августа.

Недѣли двѣ тому мы обратили вниманіе на американскія похожденія Льва Гартмана, который перебравшись за Океанъ счелъ возможнымъ окончательно отбросить всякое притворство и, объявивъ себя дипломатическимъ агентомъ русскаго „исполнительнаго комитета,“ опубликовалъ въ газетѣ *New York Herald* письмо, въ которомъ подробно описалъ заговоръ противъ Русскаго Императора и взрывъ мины на Московско-Курской желѣзной дорогѣ 19 ноября 1879 года. Мы высказали мнѣніе что этому возмутительному оскорбленію общественной нравственности, коему способствуетъ неразборчивая печать гоняющаяся за „сенсаціонными извѣстіями,“ могъ бы быть положенъ конецъ, несмотря на то что между Россіей и Соединенными Штатами нѣтъ договора о взаимной выдачѣ преступниковъ. „Почему, спрашивали мы, почему было бы не предъявить Англіи или Америкѣ такое же формальное требованіе о выдачѣ Гартмана какое было предъявлено Франціи? Пусть правительства этихъ странъ отвѣтили бы отказомъ

подъ предлогомъ недоказанности вины Гартмана. Достало ли бы и теперь смѣлости прибѣгнуть публично къ подобной лжи?.. Весьма ошибаются тѣ кто думаютъ что требованіе Россіи могло бы быть отвергнуто на томъ основаніи что между ею и указанными государствами нѣтъ трактатовъ о взаимной выдачѣ преступниковъ. Формальныхъ трактатовъ вовсе не требуется въ этихъ случаяхъ, и успѣхъ подобнаго требованія гораздо болѣе зависитъ отъ авторитета государства которое такое требованіе предъявляетъ и настойчивости съ которою оно поддерживается." Въ подтвержденіе этого мы сослались на недавній примѣръ выдачи Германіи правительствомъ Чилійской республики двухъ преступниковъ, хотя между этими государствами нѣтъ о томъ трактатовъ, причемъ Германія поддерживала свое требованіе аргументомъ принятымъ Чилійскимъ правительствомъ что „государства обязаны въ „интересахъ общественной нравственности „оказывать другъ другу помощь въ дѣлѣ „правосудія, и что трактаты заключенные „по этому предмету суть лишь письменное „подтвержденіе того что̀ разумѣется само „собою и вытекаетъ изъ взаимныхъ по„требностей и „обязанностей договаривающихся правительствъ."

По правдѣ сказать, мы не ожидали чтобы мнѣніе нами высказанное получило столь скорое подтвержденіе, и притомъ изъ устъ самого американскаго министра внутреннихъ дѣлъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ телеграмма *Агентства Рейтера* изъ Нью-Йорка отъ 10-го августа, сообщенная въ № 210 нашей газеты. Мы не могли этого ожидать въ виду позорнаго образа дѣйствій по поводу того же Гартмана правительствъ Французскаго и Англійскаго, изъ коихъ первое возъимѣло было намѣреніе передать этого злодѣя въ руки правосудія, но затѣмъ, спасовавъ предъ криками своихъ революціонеровъ, прибѣгло къ завѣдомой и явной для всѣхъ лжи дабы отпустить Гартмана, а второе дозволило преступнику пользоваться въ теченіе года гостепріимствомъ „свободной" почвы Англіи, не допуская повидимому и мысли чтобы Россія возобновила предъ нимъ свое требованіе, и сколько извѣстно, дѣйствительно, подобное требованіе и не было Англіи предъявлено.

Гартманъ недавно перебрался въ Америку; газеты и трансатлантическій телеграфъ занялись имъ съ новымъ рвеніемъ, и не только ему самому, но и всѣмъ казалось что тутъ, въ странѣ наибольшей „политической свободы" онъ найдетъ и самый безопасный для себя, къ стыду нашего вѣка, пріемъ. Вскорѣ однако телеграфъ принесъ извѣстіе что Гартманъ покинулъ Нью-Йоркъ и перебрался въ британскія владѣнія пограничныя съ Соединенными Штатами. Это возбудило недоумѣніе въ наивныхъ доктринерахъ политической свободы которые сначала не допускали мысли чтобы Гартманъ чувствовалъ себя не совсѣмъ безопаснымъ на почвѣ американской республики. Нашелся адвокатъ который вздумалъ публично разъяснить „недоразумѣніе" и успокоить самого Гартмана. Онъ обратился къ статсъ-секретарю Блену съ письмомъ въ коемъ требовалъ чтобы тотъ положилъ конецъ толкамъ будто Гартманъ можетъ подвергнуться со стороны Американскаго правительства такой „несправедливости" на какую не отважились правительства Франціи и Англіи. Адвокатъ требовалъ чтобы г. Бленъ разсѣялъ опасенія самого Гартмана, вслѣдствіе коихъ онъ выѣхалъ изъ предѣловъ Соединенныхъ Штатовъ, и далъ бы ему увѣреніе что онъ не будетъ арестованъ и выданъ какъ убійца. И вотъ г. Бленъ далъ публичный отвѣтъ ретивому адвокату, и отвѣтъ этотъ можетъ послужить въ назиданіе правительствамъ Франціи и Англіи. Г. Бленъ называетъ ходатайство въ пользу Гартмана „безстыднымъ." Говоря отъ имени правительства, г. Бленъ выражается осторожно; тѣмъ не менѣе въ смыслѣ его заявленія нельзя сомнѣваться. Трактата между Россіей и Америкой не существуетъ, и еслибъ Американское правительство раздѣляло взглядъ Англійскаго, которое выдаетъ преступниковъ лишь тѣмъ правительствамъ съ коими оно связано формальнымъ договоромъ, то г. Бленъ и сослался бы на отсутствіе трактата. Но онъ заявляетъ что вопросъ о Гартманѣ „затрогиваетъ многіе важные принципы законодательства и личныя права" и отказывается заранѣе объявить рѣшеніе правительства.

Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что Американское правительство раздѣляетъ взглядъ что наказуемость преступленія есть требованіе общей международной правды, которое не зависитъ отъ того имѣется или не имѣется по сему предмету письменный формаль-

ный актъ. Еслибы Россія предъявила Американскому правительству требованіе о выдачѣ, то удовлетвореніе онаго зависѣло бы отъ того, признать ли Гартмана преступникомъ „политическимъ“ или нѣтъ. Но даже и англійскіе юристы, нѣкогда утверждавшіе, напримѣръ во время процесса Бернара, что убійство или покушеніе на оное можетъ быть признано политическимъ преступленіемъ, если оно направлено къ тому чтобы содѣйствовать государственному перевороту въ чужой странѣ, отказались нынѣ отъ этой невозможной точки зрѣнія. Въ международныхъ трактатахъ Франціи, Бельгіи, Германіи и другихъ континентальныхъ державъ о выдачѣ преступниковъ, прямо выговорено что „покушеніе на жизнь главы иностраннаго государства или его семейства не считаются политическимъ преступленіемъ дающимъ право на убѣжище. Въ трактатахъ заключенныхъ Англіей по тому же предмету (отчасти довольно давно) нѣтъ, правда, такой оговорки, и это весьма характеристично для Англіи. Тѣмъ не менѣе и въ Англіи никто нынѣ не осмѣливается публично утверждать что „политическое убійство“ можетъ быть оправдано.

Вообще наука международнаго права по вопросу о политическихъ преступленіяхъ твердо установила нынѣ такой взглядъ что преступныя дѣянія подходящія подъ категорію тѣхъ коихъ преслѣдованіе считается всеобщею обязанностью, давая основаніе правосудію одной страны обращаться къ содѣйствію другой, нисколько не измѣняютъ своего характера преступности вслѣдствіе того что совершены съ цѣлью политическою.

Судя по заявленію г. Блена, Американское правительство не стало бы затрудняться выдачей преступника.

№ 219.

Москва, 8-го августа.

Въ публикѣ носятся и упорно держатся странные, крайне тревожные слухи. Утверждаютъ что одна изъ важнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ линій, имѣющая первостепенное государственное значеніе и въ стратегическомъ, и въ народнохозяйственныхъ отношеніяхъ, перешла изъ русскихъ рукъ въ чужія. Рѣчь идетъ о Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ, управителемъ коей или, точнѣе, владѣльцемъ былъ снискавшій себѣ столь почетную извѣстность какъ строитель желѣзныхъ дорогъ покойный К. Э. Меккъ. Его дѣла, шедшія удовлетворительно пока онъ былъ живъ, пришли въ разстройство при его наслѣдникахъ, и при ихъ ликвидаціи, принадлежавшія ему акціи Либаво-Роменской дороги оказались проданными въ удовлетвореніе разныхъ долговыхъ претензій. Вслѣдствіе этого, названная желѣзная дорога, стоившая казнѣ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, перешла въ другія руки за номинальную сумму пяти милліоновъ, въ сущности же за гораздо меньшую. Называютъ самыя имена лицъ купившихъ такимъ образомъ дорогу. Но не въ ихъ именахъ сущность дѣла. Утверждаютъ что товарищество ставшее нынѣ обладателемъ дороги купило ее не столько на свои сколько на чужія деньги, обязательно предложенныя на это дѣло иностранными, преимущественно германскими капиталистами, которые въ данномъ случаѣ дѣйствовали съ вѣдома и одобренія князя Бисмарка, соотвѣтственно видамъ его политики, и что такимъ образомъ дорога изъ русской превратилась въ германскую...

Неужели это въ самомъ дѣлѣ такъ, неужели во всѣхъ этихъ слухахъ есть хоть доля правды? Какимъ печальнымъ финаломъ заключилась бы въ такомъ случаѣ вся эта многострадальная исторія Либавской дороги и Либавскаго порта!

Первостепенная государственная важность этого порта была сознана давно. Давно, болѣе тридцати лѣтъ назадъ, признавалось безспорнымъ что подобающее значеніе Либавскому порту можетъ быть дано лишь соединеніемъ его желѣзною дорогой со внутренними торговыми путями и центрами. Эта дорога, помимо ея стратегическаго значенія, всегда признавалась однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ освобожденію русской торговли, отъ тягостной иностранной зависимости приводящей къ тому что львиная доля выгоды отъ этой торговли достается не Россіи, а ея сосѣдямъ, что обогащаются отъ нея не русскіе, а чужеземные приморскіе города. Постройка Либавской дороги, которая, давъ иное направленіе торговому движенію идущему чрезъ Кенигсбергъ и другіе германскіе города, освободила бы нашу внѣшнюю тор-

говлю и всѣ связанные съ нею интересы отъ той эксплуатаціи которой они подвергаются, ставилась постоянно въ ряду настоятельнѣйшихъ задачъ правительства. Проекты сооруженія этой дороги возникали одни за другими и въ сороковыхъ, и въ пятидесятыхъ годахъ, но имъ какъ-то не счастливилось, и они цѣлыя двадцать лѣтъ оставались только проектами. Лишь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ перешли отъ проекта къ постройкѣ. Но и тутъ дѣло было поведено такъ чтобы дорога отнюдь не привела къ цѣли ради которой она строилась, ради которой казна приняла на себя двѣ трети издержекъ по ея сооруженію, сверхъ большихъ суммъ (болѣе 1.600.000 р.) потраченныхъ ею на улучшеніе Либавскаго порта. Дорогѣ было дано такое направленіе что заранѣе можно было предвидѣть что отвлекать грузы отъ Кенигсбергскаго порта она будетъ не въ состояніи, что прямой поверстный разчетъ заставитъ каждаго предпочитать Кенигсбергъ Либавѣ, самый портъ коей несмотря на сдѣланныя затраты оказался мелководнымъ. Чтобы нѣсколько поправить дѣло, Либавская дорога, съ новыми милліонными затратами казенныхъ денегъ, была дополнена Динабурго-Шавельскою вѣтвью, при чемъ на улучшеніе Либавскаго порта было вновь ассигновано полтора милліона рублей. Но и этими новыми жертвами государственная задача связанная съ Либавскою дорогой нисколько не была подвинута къ рѣшенію. Обѣимъ искривленнымъ вѣтвямъ этой дороги было дано такое направленіе что никакая передача грузовъ съ нея или на нее съ другихъ дорогъ Имперіи не могла произойти безъ участія дорогъ Главнаго Общества, прямо заинтересованнаго въ направленіи торговли чрезъ Кенигсбергъ помимо Либавы. Конкурренція небогатой Либавы съ недодѣланнымъ портомъ была при такихъ условіяхъ положительно невозможною. Но вскорѣ затѣмъ выстроилась Ландваро-Роменская дорога, почти сполна на казенный счетъ, такъ какъ казна не только оставила за собою всѣ облигаціи то-есть три четверти строительнаго капитала, но еще пріобрѣла отъ строителя около двухъ третей всѣхъ акцій дороги (номинально на 5 милліоновъ изъ общаго итога 7.116.000 металлическихъ рублей). Возникъ проектъ соединенія бездоходной и безвыходной Либавской дороги съ большою линіей идущею изъ центра страны, изъ хлѣбороднаго приднѣпровскаго края,—соединенія, которое имѣло бы результатомъ, вопервыхъ, привлеченіе въ Либаву грузовъ слѣдующихъ изъ юго-восточныхъ губерній, вовторыхъ, созданіе желѣзно-дорожнаго управленія, которое, будучи прямо заинтересовано въ подъемѣ Либавы и имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе чѣмъ тысячеверстный рельсовый путь, было бы въ силахъ выдерживать конкурренцію дорогъ Главнаго Общества, тяготѣющихъ къ Кенигсбергу. Правительство не поскупилось на средства для осуществленія проекта обѣщавшаго эти результаты. Переводя на Роменскую дорогу долги числившіеся за Либавскою, оно вмѣстѣ съ тѣмъ выдало правленію новоустроившейся Либаво-Роменской дороги болѣе 3.200.000 рублей на выкупъ акцій бывшей Либавской линіи и еще гораздо бóльшія ссуды на улучшеніе дороги, на пріобрѣтеніе подвижнаго состава и на образованіе оборотнаго капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сумма ассигнованная на улучшеніе Либавскаго порта была увеличена съ полутора до пяти милліоновъ рублей.

Послѣ всего этого, казалось, дѣло стало, наконецъ, на желательный путь. Присоединеніе бездоходной, обанкрутившейся Либавской дороги къ малодоходной Роменской не создало, правда, въ итогѣ доходной линіи. Какъ требовались казенныя деньги для уплаты процентовъ по облигаціонному капиталу до соединенія дорогъ, такъ требовались эти казенные расходы и послѣ соединенія. Но эти расходы перестали быть непроизводительными. Они стали достигать той цѣли ради которой дѣлались. Либава видимо начала расти, ея обороты быстро увеличивались и по привозной, и особенно по отпускной торговлѣ. Такъ весь итогъ привоза въ Либаву въ 1875 году опредѣлялся цифрой всего 1.869.000 рублей; вмѣсто этой цифры, въ 1879 году мы видимъ уже 4.663.000. Весь отпускъ изъ Либавы въ 1875 году не доходилъ по цѣнѣ и до шести милліоновъ рублей, а затѣмъ мы видимъ:

Въ 1876 году		7.169.543 р.
„ 1777 „		13.338.055 „
„ 1878 „		21.003.423 „
„ 1879 „		28.210.906 „

Такая прогрессія не могла не обращать на себя вниманія. Въ виду ея и въ Кенигсбергѣ и вообще въ Германіи забили тревогу Въ ростѣ Либавы усматривали зарю освобожде-

нія русской торговли изъ-подъ гнета германской эксплуатаціи. Ростъ Либавы былъ у нашихъ сосѣдей какъ бѣльмо на глазу. На него какъ главнѣйшій аргументъ указывалось германскому канцлеру при всякомъ протестѣ противъ его боевыхъ пошлинъ направленныхъ на русскую отпускную торговлю. Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, нисколько не смущался этими протестами и не находилъ въ обнаружившемся ростѣ Либавы ничего особенно серіознаго и невыгоднаго для германскихъ интересовъ. Неужели эта спокойная увѣренность его основывалась на планѣ прибрать къ своимъ рукамъ дорогу дающую жизнь Либавѣ и на разчетѣ что такой планъ не принадлежитъ къ числу неосуществимыхъ? Неужели ходящіе нынѣ слухи свидѣтельствуютъ объ осуществленіи этого плана?

Не хочется вѣрить, а между тѣмъ цѣлый рядъ обстоятельствъ и соображеній даетъ возникшему слуху большую долю вѣроятія. Вся исторія сооруженія дорогъ ведущихъ къ Либавѣ преисполнена такими куріозами что нельзя отрицать возможность завершенія ихъ новымъ, еще болѣе прискорбнымъ чѣмъ прежніе. Къ тому же самое образованіе товарищества для пріобрѣтенія Либаво - Роменской дороги за пять милліоновъ рублей представляется дѣломъ сомнительнымъ. Это предпріятіе едва ли можетъ быть признано выгоднымъ помѣщеніемъ для пятимилліоннаго капитала. Какъ коммерческая операція, уплата этого капитала за акціи на меньшую сумму и при томъ за акціи не имѣющія почти никакой биржевой цѣнности есть дѣло почти необъяснимое. Но затрата не только пяти милліоновъ, но и гораздо большей суммы перестанетъ быть непонятною если допустить что этою затратой будетъ парализовано дѣло для котораго русскою казной было израсходовано вдесятеро болѣе, если цѣною какихъ-нибудь пяти милліоновъ будутъ обращены въ ничто всѣ русскія усилія измѣнить невыгодныя условія нашей внѣшней торговли и дать ей нужное въ интересахъ страны направленіе поднятіемъ Либавскаго порта. Именно въ такомъ свѣтѣ и выставляютъ дѣло недавно возникшіе и настойчиво повторяемые слухи.

Основательны или не основательны эти слухи, во всякомъ случаѣ печально уже одно то что они возможны. Либаво-Роменская дорога не такая линія, судьбы коей могли бы быть предоставляемы всякимъ случайностямъ перехода изъ рукъ въ руки путемъ вольной купли и продажи, причемъ роль дороги въ общемъ народномъ хозяйствѣ измѣнялась бы по произволу покупщиковъ.

Подъ вліяніемъ созрѣвшей мысли что желѣзныя дороги, по самому существу своему, не должны быть предметомъ частной собственности, выкупъ дорогъ въ собственность государства повсюду выдвигается на первый планъ въ ряду правительственныхъ задачъ. Во многихъ странахъ такому выкупу уже положено серіозное начало. Въ сосѣдней Германіи дѣло это близится къ завершенію. У насъ, гдѣ желѣзнодорожное дѣло стоитъ въ большемъ чѣмъ гдѣ бы то ни было противорѣчіи со всѣми государственными народнохозяйственными интересами, выкупъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ представляется дѣломъ особенно настоятельнымъ. Но еслибы даже обстоятельства вынуждали у насъ откладывать дѣло выкупа на не опредѣленный срокъ, есть дороги корыя даже временно не должны быть оставляемы въ такомъ положеніи при которомъ эксплуатація ихъ могла бы, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, уклониться отъ направленія требуемаго общими государственными интересами. Едва ли не первое мѣсто въ ряду такихъ дорогъ занимаетъ Либаво-Роменская. Эта дорога преимущественно государственная, и только въ рукахъ правительства можетъ она должнымъ образомъ вести къ цѣли для которой построена. Ее во всякомъ случаѣ слѣдовало бы выкупить изъ частныхъ рукъ чего бы это ни стоило. Тѣмъ необходимѣе сдѣлать это въ виду незначительности денежныхъ средствъ, которыхъ въ данномъ случаѣ требуетъ дѣло выкупа. И безъ него, Либаво - Роменская дорога почти вполнѣ принадлежитъ правительству. Оно уже расплатилось почти сполна за Либавскія акціи, оно купило болѣе двухъ третей всей массы акцій Роменскихъ. Затѣмъ итогъ ссудъ сдѣланныхъ дорогѣ далеко превышаетъ стоимость всѣхъ акцій которыя еще остается выкупить. За какими же затрудненіями, при такихъ обстоятельствахъ, можетъ быть остановка? Что мѣшаетъ сдѣлать дѣло которое устранило бы самую возможность возникновенія тревожныхъ слуховъ, подобныхъ тѣмъ о которыхъ идетъ рѣчь? Уже одни эти слухи,

хотя бы въ нихъ не было ничего вѣрнаго, причиняютъ большой вредъ, отвлекая капиталы отъ помѣщенія которое связало бы ихъ съ Либавой и ея шаткими судьбами,—шаткими до тѣхъ поръ пока Либавская дорога не поступила въ собственность государства.

№ 221.

Москва, 10-го августа.

А.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лондона, г. Гладстонъ одержалъ въ парламентѣ весьма важную и неожиданную побѣду.

Ирландскій билль, которому посвящены были четыре мѣсяца самыхъ усидчивыхъ трудовъ палаты общинъ, былъ наконецъ проведенъ между Сциллой и Харибдой парламентскаго обсужденія и принятый значительнымъ большинствомъ внесенъ въ первыхъ числахъ августа на разсмотрѣніе верхней палаты. Какъ и слѣдовало ожидать, большинство наслѣдственныхъ перовъ, которымъ принадлежатъ крупныя помѣстья въ Ирландіи, отнеслись крайне недружелюбно къ „смѣлой“ реформѣ г. Гладстона. Личный интересъ получалъ въ этомъ дѣлѣ преобладающее значеніе, отодвинувъ на второй планъ политическій интересъ партій, такъ что и обычная ихъ дисциплина была нарушена. Противъ билля возстали не только лорды принадлежащіе къ торійской оппозиціи, но и многіе перы изъ партіи виговъ и даже бывшіе члены кабинета. Рядомъ съ маркизомъ Солсбери, главою оппозиціи, главнымъ противникомъ Ирландскаго билля въ верхней палатѣ явился герцогъ Аргайль, занимавшій еще въ прошломъ году, послѣ вступленія въ управленіе г. Гладстона, должность лорда-хранителя малой государственной печати въ его кабинетѣ. Несмотря однако на огромное большинство коимъ располагали противники билля, палата лордовъ не рѣшилась отвергнуть его цѣликомъ; она, напротивъ, утвердила оный во второмъ чтеніи, то-есть въ принципѣ; но при третьемъ чтеніи, когда законопроектъ подвергается въ „комитетскомъ порядкѣ“ обсужденію по отдѣльнымъ параграфамъ, Ирландскій билль получилъ въ палатѣ лордовъ массу частныхъ поправокъ, добавленій и сокращеній, которыя совершенно измѣнили его характеръ и во многомъ самую сущность предложенной мѣры умиротворенія Ирландскаго населенія.

Извѣстно въ чемъ заключаются основныя черты земельнаго закона предложеннаго г. Гладстономъ. Имѣется въ виду хоть отчасти облегчить Ирландскій народъ, у котораго, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, англійскіе лорды завладѣли девятью десятыми земель. Коренное населеніе Ирландіи, лишенное своихъ правъ на родную почву, могло съ тѣхъ поръ добывать себѣ скудное пропитаніе лишь арендуя мелкіе участки у англійскихъ вотчинниковъ, большинство которыхъ проживаетъ внѣ страны и поглощая, подъ видомъ арендной платы, весь чистый доходъ приносимый ирландскою землей, держитъ въ страшномъ экономическомъ рабствѣ иноплеменный и иновѣрный Ирландскій народъ. Билль г. Гладстона есть попытка, и весьма скромная, смягчить и ограничить экономическій гнетъ англійскихъ землевладѣльцевъ надъ ирландскими батраками. Англійскій реформаторъ ссылался нѣсколько разъ на освобожденіе русскихъ крестьянъ съ землей; но конституціонный министръ не посмѣлъ предложить чтобы за Ирландцами признаны были такія же права на обрабатываемую ими землю какія Русское самодержавіе даровало освобожденнымъ крестьянамъ. Ирландскіе фермеры не получаютъ никакого обязательнаго надѣла и не становятся собственниками арендуемыхъ ими земель. Новый законъ старается лишь о томъ чтобы положить предѣлъ произволу вотчинника надъ фермерами при назначеніи арендной платы и ограничиваетъ первыхъ въ правѣ лишать фермера во всякое время его аренды. Съ этою цѣлью установленъ законный пятнадцатилѣтній срокъ аренды (fixity of tenure) въ теченіе коего исправный арендаторъ не можетъ быть лишенъ аренды, причемъ арендная плата установляется неизмѣнно на весь этотъ срокъ по взаимному соглашенію или судебнымъ порядкомъ при посредствѣ особаго учреждаемаго на этотъ предметъ трибунала. Въ теченіе 15-лѣтняго срока аренды фермеръ можетъ и безъ согласія вотчинника уступить свое право другому лицу (free sale). Кромѣ того, билль заключаетъ въ себѣ нѣкоторую попытку выкупа арендныхъ участковъ съ пособіемъ

отъ казны; но выкупъ этотъ допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ и не иначе какъ съ согласія помѣщика.

Мы не станемъ излагать поправокъ внесенныхъ въ Ирландскій билль палатой лордовъ, такъ какъ для этого пришлось бы вдаваться въ подробности которыя не совсѣмъ понятны тому кто не знакомъ съ особенностями землевладѣнія и сельскаго быта въ Англіи и Ирландіи. Достаточно сказать что эти частныя поправки, по мнѣнію всѣхъ компетентныхъ въ этомъ вопросѣ людей, и прежде всего самого г. Гладстона, уничтожали основную мысль закона и возвращали помѣщику въ нѣсколько замаскированной формѣ весь прежній его произволъ. Палата общинъ, обсуждая вторично билль съ поправками палаты лордовъ, не отвергла всѣ эти поправки безусловно, но сдѣлала къ нѣскольким такія добавленія которыя нейтрализовали значеніе ихъ для основной мысли билля. 12 августа билль видоизмѣненный такимъ образомъ вновь поступилъ въ палату лордовъ, которая огромнымъ большинствомъ возстановила всѣ свои поправки, и это-то подало поводъ къ тревожнымъ толкамъ о неизбѣжномъ кризисѣ. Г. Гладстонъ заявилъ на другой день въ нижней палатѣ что правительство не намѣрено уступить и не приметъ билля въ томъ видѣ какой онъ получилъ послѣ вторичнаго обсужденія верхнею палатой. Отсюда заключили что кризисъ неизбѣженъ и что правительству предстоитъ одно изъ двухъ: или выйти въ отставку, или же прибѣгнуть къ увеличенію числа пэровъ настолько чтобы составилось большинство благопріятное правительству. Между тѣмъ органы печати въ Ирландіи, Шотландіи, Лондонѣ и во всѣхъ графствахъ Англіи забили тревогу, причемъ большая часть газетъ, не исключая и консервативныхъ, выражали порицаніе пэрамъ; съ такою же цѣлью въ разныхъ мѣстахъ состоялись митинги и готовились еще многочисленнѣйшіе въ будущемъ. Надо полагать что это давленіе общественнаго мнѣнія въ значительной мѣрѣ повліяло на палату лордовъ, которая и приняла 16 августа постановленіе діаметрально противоположное состоявшемуся въ той же палатѣ 12-го.

Б.

Телеграфъ извѣстилъ насъ на дняхъ что въ Вѣнѣ полиціи удалось открыть тайную соціалистскую типографію и конфисковать значительное число изготовленныхъ въ этой типографіи революціонныхъ прокламацій *къ народамъ Австріи*.

Но извѣстіе о конфискованіи въ Вѣнѣ революціонныхъ прокламацій и объ открытіи „соціалистской“ типографіи страннымъ образомъ совпадаетъ съ усилившимися въ послѣднее время слухами о національномъ броженіи въ южной Венгріи. Еще недавно офиціозные венгерскіе журналы распространяли невѣроятныя извѣстія о появленіи румынскихъ агитаторовъ въ юго-восточныхъ комитетахъ Венгріи и о желаніи Румынъ отдѣлиться отъ короны Св. Стефана, а вслѣдъ затѣмъ телеграфъ извѣстилъ насъ что мадьярскимъ министромъ-президентомъ Тисой разосланъ циркуляръ предписывающій строго слѣдить за какими-то „панславистскими“ агентами старающимися поднять возстаніе среди Славянъ населяющихъ Венгрію. Извѣстіе о революціонныхъ прокламаціяхъ представляется тѣмъ болѣе страннымъ что и помимо тревожныхъ извѣстій о броженіи среди Славянъ и Румынъ, національный вопросъ, благодаря послѣднимъ дѣйствіямъ Австро-Венгріи на Востокѣ, принялъ въ послѣднее время чрезвычайно острый характеръ.

Гдѣ появляется соціализмъ, тамъ всегда въ основѣ кроется какая-либо политическая интрига или національная агитація. За австрійскими соціалистами скрываются, конечно, дѣятели ратующіе во имя національности и прикрывающіеся именемъ соціалистовъ съ цѣлью ускорить рѣшеніе жгучаго вопроса о народностяхъ, который можетъ сдѣлаться для Австро-Венгріи роковымъ.

№ 222.

Москва, 11-го августа.

Взоры всей Франціи обращены теперь на г. Леона Гамбетту. Ярче чѣмъ когда-либо сіяетъ звѣзда его популярности, и испытанныя имъ мѣсяцъ тому назадъ парламентскія пораженія уже совершенно забыты. Политическое обаяніе его оказалось столь могучимъ и неотразимымъ что единственный серіозный противникъ его, министръ-президентъ Жюль Ферри, былъ вынужденъ еще до наступленія выборовъ открыто заявить не только о томъ что

онъ прекращаетъ всякій антагонизмъ съ г. Гамбеттой, но и о томъ что сочтетъ себя счастливымъ уступить ему свой постъ и отойти на второй планъ въ качествѣ „вѣрнаго сотрудника великаго государственнаго человѣка.“

Откровенное заявленіе Жюля Ферри сразу лишило выборную агитацію ея остраго характера. Приверженцы павшихъ династій и радикалы, вслѣдствіе своей малочисленности, не могли имѣть никакого вліянія на составленіе будущаго правительственнаго большинства, и весь интересъ борьбы сосредоточивался на соперничествѣ двухъ главныхъ республиканскихъ партій, а именно: *республиканской лѣвой* которою руководилъ г. Ферри и *республиканскаго союза* признавшаго своимъ главой г. Гамбетту. Однажды казалось было что эти двѣ партіи раздѣлены цѣлою пропастью, такъ какъ г. Гамбетта ставилъ непремѣннымъ условіемъ *пересмотръ конституціи* съ цѣлью сломить оппозицію сената, а г. Ферри рѣшительно противился какому бы то ни было конституціонному измѣненію. Но теперь, когда по наступленіи выборнаго періода г. Ферри убѣдился что онъ не въ силахъ будетъ вести борьбу противъ столь могущественнаго противника, онъ предпочелъ согласиться на требуемую имъ реформу „дабы не раздроблять республиканской партіи“ и обезпечить себѣ сохраненіе своего портфеля въ будущемъ министерствѣ Гамбетты. Такимъ образомъ наканунѣ выборовъ обѣ враждебныя фракціи республиканской партіи протянули другъ другу руку, и благодаря этому примиренію происшедшіе въ воскресенье выборы создали то „сильное и крѣпко сплоченное правительственное большинство,“ которое г. Гамбетта постоянно выставлялъ непремѣннымъ условіемъ чтобы принять на себя управленіе страною.

Возьмется ли г. Гамбетта за составленіе новаго кабинета теперь же, то-есть немедленно послѣ выборовъ, или сочтетъ нужнымъ дождаться октябрьской сессіи парламента, это пока еще неизвѣстно. Нѣкоторыя газеты утверждаютъ что онъ не желаетъ брать на себя отвѣтственность предъ страной пока не будутъ приведены къ благополучному окончанію тунисскія и алжирскія волненія; другія, напротивъ, увѣряютъ что онъ вполнѣ надѣется своими личными распоряженіями блистательно разрѣшить „африканскій вопросъ“ и этимъ усилить свою популярность. Во всякомъ случаѣ, вступленіе его на постъ министра-президента становится отнынѣ лишь вопросомъ времени.

Какова будетъ его правительственная программа, и какова слѣдовательно будетъ будущая политика Франціи?

На этотъ вопросъ, сильно интересующій всю Европу, даетъ намъ вполнѣ ясный отвѣтъ та рѣчь г. Гамбетты которую онъ произнесъ 12-го августа предъ своими бельвильскими избирателями (*Моск. Вѣд.* № 221).

Рѣчь эта, по общему отзыву какъ друзей такъ и противниковъ оратора, одна изъ самыхъ лучшихъ произнесенныхъ имъ въ послѣднее десятилѣтіе. Ясность и послѣдовательность мыслей, вѣскость и убѣдительность аргументовъ, увлекательное изящество слова, строгое и серіозное отношеніе къ государственному дѣлу, отсутствіе эффектныхъ и трескучихъ фразъ,— вотъ характеристическія черты этой рѣчи, вполнѣ оправдывающія отзывъ серіозной французской печати единогласно высказавшей что „г. Гамбетта впервые заговорилъ не какъ народный трибунъ, а какъ государственный человѣкъ.“

Въ справедливости этого отзыва убѣждаетъ насъ не одна только внѣшняя сторона бельвильской рѣчи, а еще гораздо болѣе ея содержаніе. Давно уже во Франціи не раздавалось такого смѣлаго и рѣшительнаго голоса противъ ослабленія государственной власти и противъ доктринерства партій. Г. Гамбетта не признаетъ пошлаго мѣрила *либерализма* и *консерватизма* для опредѣленія той политики которой онъ намѣренъ слѣдовать; для него есть только политика *полезная* для Франціи. „Эту политику,“ говоритъ онъ, „окрестили неблагозвучнымъ и неправильно образованнымъ именемъ: ее назвали *оппортунизмомъ*. Если это безобразное слово означаетъ благоразумную, всегда бодрую и внимательную политику, никогда не упускающую удобнаго времени и благопріятныхъ обстоятельствъ, но ничего не приносящую въ жертву ни слѣпому случаю, ни духу абсолютизма партій, ни духу насилія, то къ этой политикѣ могутъ сколько угодно прилагать неблагозвучный и непонятный эпитетъ, но я скажу что я иной политики не знаю, ибо она есть политика здраваго смысла, и я смѣю прибавить политика успѣха.“

Можемъ ли мы не сочувствовать этому образу мыслей который всегда былъ нашимъ и который постоянно нами высказывался посреди `гама нашихъ фальшивыхъ партій?

Это дѣйствительно слова государственнаго человѣка, а не площаднаго оратора. Дѣйствія всякаго правительства должны сообразоваться не съ отвлеченными *либеральными* или *консервативными* доктринами, а съ дѣйствительною *пользой* которую они могутъ принести странѣ. Не иной какой-нибудь политики, а именно политики *полезной* мы требуемъ и для Россіи. Освобожденіе крестьянъ было великимъ благомъ для нашего отечества не потому что это была мѣра „либеральная,“ а потому что эта была мѣра *полезная*, вызванная дѣйствительными потребностями времени. Строгое и безпощадное преслѣдованіе легальной и нелегальной крамолы будетъ въ наше время также мѣрой полезною и необходимою, не потому что она „консервативная,“ а потому что она необходима по долгу предъ нашимъ отечествомъ и по здравому смыслу. Но русскіе такъ-называемые „либералы“ совершенно иначе смотрятъ на политику правительства и охотно помирились бы со всеконечнымъ разрушеніемъ Россіи, лишь бы къ этому разрушенію можно было пришпилить ярлыкъ „либерально.“

Наши лже-либералы расходятся однако съ г. Гамбеттой не въ одномъ только опредѣленіи общей политики правительства: они и въ частностяхъ стремятся къ совершенно инымъ цѣлямъ. Такъ, напримѣръ, завѣтный идеалъ ихъ заключается, какъ извѣстно, въ томъ чтобы государственная власть была безсильна и лишена всякаго авторитета и чтобъ единая цѣльная Россія раздробились на безчисленныя политическіи частички.

Послушайте же что̀ говоритъ вождь французской демократіи: „Я сожалѣю о томъ что у насъ правительство не хозяинъ въ своемъ домѣ; я искренно сожалѣю что у насъ исполнительная власть не есть единственный начальникъ всѣхъ правительственныхъ агентовъ, и что эти агенты не полные хозяева въ своемъ дѣлѣ. Я требую *независимости* администраціи... Правительство должно быть свободно въ сферѣ своей власти, свободно отъ всякихъ домогательствъ, отъ всякихъ коалицій, отъ всякихъ попытокъ направленныхъ къ ограниченію его прерогативъ. Когда я защищаю администрацію съ этой точки зрѣнія, я болѣе либераленъ и демократиченъ чѣмъ тѣ кто полагаютъ что все надо предоставить парламентской практикѣ, парламентскимъ соперничествамъ и вліяніямъ... Политическая централизація, то-есть та связь которая соединяетъ всѣ частички французской территоріи съ центромъ страны, то-есть съ государствомъ должна оставаться выше всякаго прикосновенія и внѣ всякаго ослабленія; она должна быть *неприкосновенною* во имя высшихъ интересовъ Франціи! Значитъ ли это что я желалъ бы подчинить мѣстные интересы чрезмѣрной правительственной опекѣ? Нѣтъ, я далекъ отъ этого. Я напротивъ думаю что каждое изъ мѣстныхъ выборныхъ собраній должно имѣть свою совершенно свободную сферу дѣйствій, я желалъ бы чтобы каждая община имѣла право распоряжаться своимъ имуществомъ и быть настоящимъ хозяиномъ въ области своихъ *чисто мѣстныхъ* интересовъ. Но во всѣхъ дѣлахъ относящихся къ безопасности государства, къ налогамъ, къ арміи, къ однообразному исполненію законовъ мнѣ невозможно предоставить какой бы то ни было общинѣ, будь она велика или мала, что-либо такое что̀ походило бы на искалѣченіе (mutilation) отечества.“

Изъ этихъ словъ можно себѣ составить ясное понятіе о томъ какъ отнесся бы г. Гамбетта къ какимъ-нибудь французскимъ Стасюлевичамъ или Костомаровымъ, еслибъ они начали измышлять самозаконныя права для Нормандіи или еслибъ они осмѣлились живую часть французскаго народа отчуждать въ особую національность и создавать для нея свой языкъ...

По всему тону бельвильской рѣчи видно что если Гамбетта приметъ на себя управленіе Франціи, онъ потребуетъ безусловнаго уваженія къ законной государственной власти. Наши „либералы“ всегда бываютъ какъ извѣстно внѣ себя отъ восторга когда какой-нибудь судья постановитъ демонстративный противоправительственный приговоръ на томъ основаніи что „судебная магистратура отъ правительства не зависитъ.“ Какъ разъ наоборотъ высказывается по поводу такихъ возмутительныхъ приговоровъ диктаторъ Французской республики. Онъ предполагаетъ произвести радикальное преобразованіе судебной организаціи и магистратуры съ тою

именно цѣлью чтобы невозможны были противоправительственныя демонстраціи господъ судей. „Если мы осуществимъ это преобразованіе,“ говоритъ онъ, „предъ вами уже не будутъ являться тѣ скандалы, свидѣтелями которыхъ вамъ недавно пришлось быть по поводу извѣстныхъ процессовъ, извѣстныхъ судей и извѣстныхъ журналистовъ. Мы въ самомъ дѣлѣ видѣли какъ французская судебная магистратура въ лицѣ части своихъ членовъ вступала въ борьбу съ правительственною властью, попирала ногами законы и встрѣчала за это только безнаказанность или выговоры, которые выслушивались съ улыбкой на устахъ такъ какъ все дѣло этими выговорами только и ограничивалось. Я говорю, господа, что этому скандалу нужно положить конецъ!“

Понятно что подобная твердая и энергическая рѣчь не пришлась по вкусу парижскимъ радикаламъ, которые подобно нашимъ „либераламъ“ изо всѣхъ силъ стремятся къ анархіи своего отечества. На ихъ долю досталось отъ г. Гамбетты не одно крѣпкое слово. Онъ ихъ прямо назвалъ „безсовѣстными софистами демагогами, желающими вести за собой народъ въ видѣ стада.“ Этими словами онъ выразилъ что между имъ и радикализмомъ отнынѣ ничего уже не будетъ общаго. Парижскіе софисты и демагоги очень хорошо поняли значеніе этихъ словъ и въ свою очередь выразили свою фанатическую злобу противъ г. Гамбетты тѣмъ безобразнымъ скандаломъ который они устроили 16 августа на второй бельвильской сходкѣ. Дикіе крики и оглушительные свистки негодяевъ принудили г. Гамбетту отказаться отъ намѣренія произнести новую рѣчь предъ своими избирателями, но за то показали ему въ истинномъ свѣтѣ тѣхъ „благодѣтелей человѣчества“ о которыхъ онъ когда-то такъ заботился разчитывая на умиротвореніе этихъ каторжниковъ. Можно надѣяться что скандалъ 16 августа навсегда разорвалъ всѣ связи которыя нѣкогда соединяли съ ними г. Гамбетту. Съ высоты правительственной власти онъ еще яснѣе разглядитъ всю гнусную пошлость этихъ крикуновъ и приметъ мѣры къ огражденію Франціи отъ ихъ пагубной крамолы. „Что касается васъ,“ крикнулъ онъ имъ покидая 16 августа ораторскую трибуну, „то на другой день послѣ выборовъ вы, горсть крикуновъ, возвратитесь къ вашимъ старымъ привычкамъ. Но знайте что я сумѣю найти васъ въ самой глубинѣ вашихъ логовищъ!“

Такъ говоритъ человѣкъ который событіями вырванъ изъ толпы и вознесенъ на верхъ власти. Въ годину бѣдствій своей страны человѣкъ этотъ всѣхъ сильнѣе почувствовалъ ея призывъ. Въ его сердцѣ сказалась вся энергія и вся скорбь Франціи, и онъ положилъ всю свою душу на спасеніе ея чести и цѣлости въ отчаянной борьбѣ. Надъ нимъ издѣвались и враги, и свои умники, но онъ не ослабѣвалъ въ усиліяхъ, не колебался въ своей патріотической вѣрѣ. Кому суждено хоть разъ пережить въ себѣ великій историческій моментъ, кто хотя разъ почувствовалъ на себѣ перстъ Божій и былъ въ своемъ сердцѣ одно со своимъ народомъ, выразителемъ его духа, сосудомъ его скорби и упованій, на томъ остается неизгладимое знаменіе. Провидѣніе не разбираетъ ни происхожденія, ни племени, ни званія людей и нерѣдко поражаетъ мудрость людскую чудомъ своихъ выборовъ. *Нѣсть власть аще не отъ Бога.*

Пожелаемъ крѣпко чтобы служители по истинѣ священной и незыблемой власти, какова у Русскаго Монарха, мыслили и говорили столь же достойнымъ образомъ какъ этотъ трибунъ очутившійся во главѣ великой страны, а главное чтобъ они дѣйствовали соотвѣтственно такому образу мыслей, чтобъ они только въ своемъ патріотизмѣ искали вдохновеній, чтобъ они были *оппортунистами* въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, руководясь не самодѣльными катехизисами партій, а единственно пользой своей страны; чтобъ они были проникнуты святостію долга своего служенія Государю и государству ни въ чемъ не раздѣляя ихъ, и чтобъ они отнюдь не походили, какъ министры иныхъ странъ, на танцовщицу которая послѣ entrechat обращается къ публикѣ съ умильною улыбкой тревожно ища глазами клакёровъ...

№ 223.

Москва, 12-го августа.

Всѣ извѣстія приходящія изъ хлѣбородныхъ областей сходятся между собою въ томъ что даже старожилы смотрятъ на

нынѣшній урожай какъ на небывалый. Все у насъ встрепенулось благодаря урожаю. Торговыя и промышленныя дѣла оживились, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ вѣсти приходящія съ Нижегородской ярмарки. Быстро пошли въ гору и наши вексельные курсы, уже успѣвшіе подняться на пять процентовъ противъ того уровня на которомъ они стояли весной и обѣщающіе повыситься еще болѣе.

Это повышеніе вексельныхъ курсовъ стало рѣзко обозначаться лишь въ послѣднія недѣли, но его можно было предвидѣть заранѣе, и мы предсказывали его уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, при первыхъ извѣстіяхъ о благопріятныхъ видахъ на урожай. Эта связь между уровнемъ курсовъ и урожаемъ заслуживаетъ того чтобы на ней остановиться.

Казалось бы, что̀ можетъ быть общаго между урожаемъ хлѣба и цѣной кредитнаго рубля на биржахъ? Вѣдь давно уже принято за аксіому что низкій уровень нашихъ курсовъ есть результатъ не какихъ-либо иныхъ обстоятельствъ, а именно чрезмѣрнаго количества кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ обращеніе. Это чрезмѣрное ихъ количество давно уже объявлено нашимъ главнымъ экономическимъ зломъ. Устраненіе его извлеченіемъ нѣкоего излишка кредитныхъ денегъ безапелляціонно признано главною государственною задачей, которая должна быть рѣшена во что̀ бы то ни стало, какою бы то ни было цѣной, хотя бы для этого пришлось отсрочить многія важныя реформы и наложить на народъ и казну новыя большія тягости... Что̀ же дѣлать, когда помимо сокращенія бумажно-денежнаго обращенія нѣтъ де исхода, когда только такимъ сокращеніемъ можетъ де быть поднята покупная сила русскаго рубля, пониженная въ полтора раза выпусками кредитныхъ билетовъ.

Мы не можемъ не придавать пониженію вексельныхъ курсовъ такое значеніе, какое ему обыкновенно у насъ присвояется. Мы не думаемъ чтобы именно въ уровнѣ вексельныхъ курсовъ заключалась наиболѣе слабая сторона нашего экономическаго положенія, и чтобы именно на нее необходимо было обратить преимущественное вниманіе, отлагая до времени все другое. Но мы готовы стать и на эту точку зрѣнія. Мы не разъ спрашивали, имѣется ли на дѣлѣ *у насъ въ Россіи* между вексельными курсами и количествомъ обращающихся кредитныхъ денегъ та тѣсная связь, существованіе которой выставляется какъ непререкаемый догматъ, проповѣдуемый и въ профессорскихъ лекціяхъ, и въ газетныхъ листкахъ, и въ куплетахъ, какими потѣшаютъ публику въ увеселительныхъ кафе-шантанахъ. Не разъ доводилось намъ указывать на цѣлый рядъ фактовъ заставляющихъ болѣе чѣмъ усомниться въ существованіи такой связи, по крайней мѣрѣ въ той силѣ какая ей присвояется. Мы указывали, между прочимъ, на замѣчательный фактъ представляемый исторіей нашихъ вексельныхъ курсовъ, заключающійся въ томъ что измѣненіе количества обращающихся кредитныхъ билетовъ *на триста милліоновъ рублей* оставалось безъ вліянія на вексельные курсы. Но для извѣстной части нашей интеллигенціи факты ничего не значатъ, въ сравненіи съ ходячими доктринами. А казалось бы, тотъ фактъ что измѣненіе количества обращающихся бумажныхъ денегъ на триста милліоновъ въ ту или другую сторону остается безо всякаго вліянія на стрѣлку вексельныхъ курсовъ, фактъ этотъ заслуживалъ бы вниманія въ виду громадныхъ жертвъ которыя въ настоящее время требуются отъ казны и народа для извлеченія четырехсотъ милліоновъ кредитныхъ рублей поступившихъ въ обращеніе во время послѣдней Восточной войны.

На ряду съ указаніями на слабость связи между количествомъ кредитныхъ рублей и вексельными курсами, мы не разъ указывали на иныя обстоятельства оказывающія на курсы несравненно болѣе сильное и прямое вліяніе. Первенствующую роль въ этомъ отношеніи играютъ наши международные разчеты. Если въ данную минуту эти разчеты находятся въ такомъ положеніи что иностранцамъ приходится платить намъ болѣе чѣмъ получать отъ насъ, курсы повышаются, если наоборотъ — курсы идутъ подъ гору. Это общее правило, руководясь коимъ можно дѣлать въ области курсовъ почти такія же безошибочныя предсказанія какъ и въ области астрономіи. Извлеките (безъ помощи займа) и сожгите часть кредитныхъ билетовъ, — вы не можете быть увѣрены что курсы поднимутся пропорціонально сокращенію бумажнаго денежнаго обращенія. Но всякій крупный внѣшній заемъ который потребуетъ большаго перевода денегъ изъ-

за границы въ Россію, непремѣнно подниметъ вексельные курсы во время своей реализаціи. Точно также всегда поднимаетъ ихъ усиленіе русскаго отпуска, чувствительный перевѣсъ его надъ привозомъ, требующій денежныхъ приплатъ изъ-за границы. Съ такимъ именно фактомъ имѣемъ мы дѣло въ настоящую минуту. Однимъ изъ прямыхъ послѣдствій урожая нынѣшняго года должно быть громадное увеличеніе русскаго хлѣбнаго отпуска. Этотъ отпускъ, по общимъ предположеніямъ, долженъ принять тѣмъ большіе размѣры чѣмъ менѣе удовлетворительны результаты жатвы въ странахъ нуждающихся въ привозномъ хлѣбѣ, и чѣмъ меньшей конкурренціи можно ожидать со стороны американскаго хлѣба. А урожай въ Америкѣ оказывается значительно менѣе прошлогодняго, хотя и выше средняго. Урожай въ сосѣдней намъ Германіи ниже средняго. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ не могъ не начаться усиленный переводъ денегъ въ Россію, покупка русскихъ векселей для расплаты за русскій хлѣбъ, что̀ и должно было неизбѣжно выразиться подъемомъ курсовъ.

Кажется, это такъ ясно и понятно что не требуетъ толкованій. Сто̀итъ прослѣдить исторію нашихъ вексельныхъ курсовъ за нѣсколько лѣтъ чтобъ убѣдиться что колебанія ихъ (въ мирное время) служатъ указателемъ измѣненій не въ количествѣ бумажныхъ денегъ, а въ положеніи нашихъ международныхъ разчетовъ. Если это положеніе выгодно для насъ, курсы идутъ въ гору, хотя бы денежное кредитное обращеніе при этомъ не только не сокращалось, а еще расширялось. Если же международный разчетный балансъ для насъ не выгоденъ, курсы падаютъ, и изъятіе части кредитныхъ билетовъ не останавливаетъ ихъ паденія. Пусть же возьмутъ въ соображеніе всѣ смотрящіе на недостаточно высокій уровень нашихъ курсовъ какъ на главное зло нашего финансоваго и экономическаго положенія. И если они искренно желаютъ подъема курсовъ, пусть подумаютъ какимъ путемъ вѣрнѣе можетъ быть достигнута эта цѣль, извлеченіемъ ли кредитныхъ денегъ, или исправленіемъ нашего международнаго разчетнаго баланса.

Благодаря нынѣшнему урожаю, этотъ балансъ самъ собою склоняется теперь въ нашу сторону. Но это явленіе случайное и временное. Въ дѣлѣ исправленія нашего международнаго разчетнаго баланса на одни урожаи разчитывать нельзя. Будутъ вывезены главныя массы хлѣбныхъ излишковъ, будетъ удовлетворена заграничная потребность въ русскомъ хлѣбѣ, и обстановка измѣнится. Заплаченныя за него деньги не останутся въ Россіи, а не замедлятъ уйти обратно за границу. Вслѣдъ за усиленіемъ отпуска, какъ прямое у насъ его послѣдствіе, начнется непомѣрное увеличеніе привоза, и необходимость расплаты за него вновь обернетъ балансъ не къ нашей выгодѣ. Это обычный у насъ ходъ дѣлъ, но изъ того что онъ обычный нельзя заключать чтобъ онъ былъ правильный и чтобы не слѣдовало принимать мѣръ къ его измѣненію. У насъ заняты сокращеніемъ бюджетныхъ расходовъ казны. Дѣло доброе. Но не менѣе важнымъ дѣломъ было бы сокращеніе расходовъ не казны только, но всей страны, и особенно сокращеніе заграничныхъ расходовъ, которые ведутъ у насъ ко хронической невыгодности международнаго баланса и обыкновенно поглощаютъ почти все то что̀ даютъ странѣ даже самые обильные урожаи. Въ этомъ смыслѣ пересмотръ таможеннаго тарифа и серіозное его измѣненіе есть самая настоятельная мѣра, требуемая государственнымъ интересомъ. Лишь измѣненіемъ тарифа мы устранимъ державшійся у насъ десятки лѣтъ невыгодный порядокъ покупки за границей того чего намъ вовсе тамъ покупать не нужно, что̀ мы съ большею выгодой для страны можемъ производить у себя дома. Обложеніе продуктовъ которые могутъ быть производимы въ Россіи пошлиной достаточно высокою для того чтобы стѣснить привозъ ихъ изъ-за границы было бы для страны двойнымъ благодѣяніемъ. Съ одной стороны, хорошо разчитаннымъ и соображеннымъ тарифомъ была бы дана жизнь многоразличнымъ обширнымъ отраслямъ производства, были бы предоставлены обильные заработки массамъ рабочаго люда. Съ другой, сокращеніе привоза было бы вмѣстѣ и сокращеніемъ нашихъ ежегодныхъ уплатъ за границу, исправленіемъ нашего международнаго разчетнаго баланса, а стало-быть и вексельныхъ курсовъ. При таможенномъ тарифѣ, исправленномъ согласно требованіямъ національной экономической политики, выгоды обильныхъ урожаевъ не доставались бы, какъ нынѣ,

преимущественно иностранцамъ. Выручаемыя за хлѣбъ деньги не шли бы какъ нынѣ на поддержку заграничнаго производства въ ущербъ нашему. При національной системѣ тарифа мы могли бы малопо-малу, подобно Американцамъ, получать отъ иностранцевъ взамѣнъ своего хлѣба не товары только, но и наши долговыя обязательства. Мы стали бы на путь постепенной расплаты съ нашими западноевропейскими кредиторами, на путь постепеннаго освобожденія отъ тяжкой финансовой и экономической отъ нихъ зависимости, въ которую попали благодаря финансовымъ и экономическимъ ошибкамъ послѣднихъ десятилѣтій, когда мы слишкомъ подчинялись занесеннымъ къ намъ космополитическимъ доктринамъ.

№ 224.

Москва, 13-го августа.

А.

Послѣднія телеграфныя извѣстія изъ Франціи, сообщающія окончательный результатъ выборовъ происходившихъ въ воскресенье, вполнѣ подтвердили ожиданія г. Гамбетты и его приверженцевъ. Для лучшаго уразумѣнія избирательныхъ бюллетеней, кои сообщены и будутъ еще сообщаемы телеграфомъ на этой и на будущей недѣлѣ, не излишнимъ будетъ припомнить постановленія дѣйствующихъ нынѣ во Франціи избирательныхъ законовъ.

О выборахъ въ законодательное собраніе трактуетъ прежде всего законъ 30 декабря 1875. По ст. 4 этого закона первая баллотировка должна быть произведена повсемѣстно въ одинъ день, и притомъ въ воскресенье. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье должна быть произведена вторая баллотировка во всѣхъ тѣхъ округахъ гдѣ выборы не состоялись. По ст. 18 избраннымъ при первой баллотировкѣ считается тотъ кто получилъ абсолютное большинство всѣхъ поданныхъ въ избирательномъ округѣ голосовъ, причемъ это большинство не должно быть менѣе одной четверти общаго числа внесенныхъ въ списки округа избирателей; при вторичной же баллотировкѣ требуется лишь относительное большинство голосовъ, и избраннымъ считается тотъ на комъ соединилась наибольшая сумма голосовъ, хотя бы они и не достигали одной четверти общаго числа поданныхъ голосовъ. Къ закону 30 декабря 1875 была приложена таблица распредѣленія избирательныхъ округовъ во Франціи и ея колоніяхъ. Каждый изъ внесенныхъ въ эту таблицу округовъ избиралъ по одному депутату; но въ томъ же законѣ было поставлено чтобы тѣ округа гдѣ число избирателей превыситъ 100.000 подраздѣлялись, и вслѣдствіе этого по дополнительному закону состоявшемуся въ этомъ году произведено было новое распредѣленіе округовъ. Подраздѣленію подверглось, между прочимъ, и Бельвильское предмѣстье Парижа, коего неизмѣннымъ представителемъ состоитъ г. Гамбетта съ самаго начала его политической карьеры. Этотъ округъ, населенный какъ и Монмартръ исключительно рабочими, избираетъ нынѣ двухъ депутатовъ. И вотъ г. Гамбетта не пожелалъ раздѣлить представительство этого округа съ кѣмъ-либо изъ противниковъ своихъ радикальной партіи и выступилъ кандидатомъ въ обоихъ округахъ Бельвильскаго предмѣстья, предоставляя себѣ рекомендовать въ одномъ изъ округовъ при перебаллютировкѣ своего приверженца. Вотъ почему выборы въ Бельвилѣ сосредоточили на себѣ всеобщее вниманіе во Франціи. Результатъ ихъ долженъ былъ послужить мѣриломъ популярности г. Гамбетты и того насколько его врагамъ изъ партіи „несговорчивыхъ,“ бѣшено агитировавшихъ противъ него въ средѣ рабочаго населенія Парижа, удалось подорвать его вліяніе на рабочихъ. Но несмотря на всѣ скандалы произведенные соціалистами г. Гамбетта восторжествовалъ въ обоихъ округахъ, хотя по послѣднимъ извѣстіямъ въ одномъ изъ бельвильскихъ округовъ результатъ выборовъ оказывается сомнительнымъ и быть-можетъ на предстоящее воскресенье будетъ назначена перебаллотировка между г. Гамбеттой и коммунаромъ Ревильйономъ.

Бывшій диктаторъ можетъ быть вполнѣ доволенъ общимъ результатомъ выборовъ усилившимъ состоящую во власти партію вообще на 58 голосовъ, причемъ болѣе всѣхъ другихъ партій пострадали бонапартисты потерявшіе 31 мѣсто. Партія *республиканскаго союза*, то-есть безусловныхъ приверженцевъ г. Гамбетты, уже теперь имѣетъ 187 голосовъ, и при предстоящей въ ближайшее воскресенье перебаллоти-

ровкѣ въ 64 мѣстахъ, это число возрастетъ по крайней мѣрѣ до 200. Наибольшее затѣмъ число голосовъ имѣетъ *республиканская лѣвая*, то-есть приверженцы теперешняго правительства. Но еще до выборовъ министерство, съ г. Жюль Ферри во главѣ, склонило свой флагъ предъ бывшимъ диктаторомъ, вмѣсто того чтобы вступить съ нимъ въ открытую борьбу. Обѣ фракціи по всей вѣроятности сольются, и такимъ образомъ г. Гамбетта будетъ располагать въ законодательномъ собраніи громаднымъ большинствомъ въ четыреста слишкомъ голосовъ, то-есть трехъ четвертей общаго числа депутатовъ. Г. Гамбетта имѣетъ теперь такую сильную и крѣпко сплоченную правительственную партію какой онъ едва ли и самъ ожидалъ. Нѣтъ сомнѣнія поэтому что онъ сочтетъ наконецъ наступившимъ для себя тотъ моментъ когда ему предстоитъ выйти изъ полутѣни въ которой онъ оставался до сихъ поръ и принять офиціальное руководство дѣлами Франціи, довольствуясь пока званіемъ главы министерства, если только г. Греви не сочтетъ за лучшее уступить ему теперь же свой постъ президента республики.

Но какъ ни важны предстоящія во Франціи внутреннія перемѣны, кои намѣчены въ приведенной нами на дняхъ рѣчи г. Гамбетты, произнесенной имъ 12 августа, еще важнѣе то вліяніе которое эта перемѣна будетъ имѣть на международное положеніе Франціи, и прежде всего на ея отношенія къ Германіи. По примѣру прошлаго года, г. Гамбетта и въ этомъ году тронулъ самую чувствительную струну французскаго національнаго чувства; онъ опять заговорилъ объ Альзасъ-Лотарингіи, и въ патріотической смѣлости съ которою народный трибунъ публично высказываетъ завѣтную мечту каждаго французскаго патріота, безъ различія партій, заключается главнымъ образомъ его сила. Г. Гамбетта коснулся, правда, этого вопроса весьма осторожно. Онъ мечтаетъ о возсоединеніи отторгнутыхъ братьевъ не силою оружія, а вслѣдствіе торжества международной справедливости. Но и этого было достаточно чтобы вызвать въ Германіи великую тревогу и неудовольствіе. Органъ князя Бисмарка отозвался немедленно на эту новую демонстрацію будущаго правителя Франціи. Правительственная газета ограничилась на этотъ разъ дружественнымъ предостереженіемъ. „Мы искренно желаемъ" замѣтила *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, „чтобы наши добрыя отношенія ко Франціи поддерживались и укрѣплялись, а потому считаемъ своимъ долгомъ протестовать противъ всякой попытки представить оныя какъ временное и переходное положеніе."

Органы независимой берлинской печати высказались по этому поводу болѣе откровенно. Они крайне недовольны тѣмъ что газета князя Бисмарка сочла нужнымъ въ виду послѣдняго заявленія г. Гамбетты разсыпаться въ любезностяхъ относительно Франціи. *Національная Газета* объясняетъ такую тактику тѣмъ что г. Гамбетта подъ рукой увѣряетъ Германское правительство что онъ серіозно вовсе не помышляетъ о возсоединеніи отторгнутыхъ частей Франціи; но что ему необходимо отъ времени до времени кинуть своимъ слушателямъ такія фразы чтобы поддержать свою популярность. „Несомнѣнно то," сердито замѣчаетъ названная газета, „что въ этомъ вся тайна популярности г. Гамбетты. Еслибъ онъ отказался отъ публичныхъ мечтаній объ Альзасъ-Лотарингіи и отъ громогласныхъ похвалъ возрастающей военной силы Франціи, то онъ отрекся бы отъ своей спеціальной роли и сразу потерялъ бы свое положеніе. Огромное большинство Французовъ испытываетъ особенное удовольствіе отъ этой игры съ огнемъ; многимъ изъ нихъ, даже искренно желающимъ мира, эта игра кажется совершенно безопасною. А г. Гамбетта пользуется этимъ и не даетъ заглохнуть идеѣ отместки, дабы во всякую данную минуту французская публика была подготовлена. Но если онъ въ то же время увѣряетъ Германію въ своемъ полномъ миролюбіи, то это, по нашему мнѣнію, отнюдь не уменьшаетъ опасности подобной двойственной игры. Если Франція въ той или иной формѣ ввѣритъ свою судьбу г. Гамбеттѣ, то въ значеніи такого событія и въ его вліяніи на отношенія между Франціей и Германіей не будетъ и не должно быть сомнѣнія ни съ той, ни съ другой стороны Вогезовъ."

Пусть все это такъ, но тѣмъ очевиднѣе европейское значеніе происходящаго теперь во Франціи оборота дѣлъ...

Б.

На дняхъ, въ № 219 *Московскихъ Вѣдомостей* мы сообщали слухи о переходѣ

Либаво-Роменской желѣзной дороги въ руки иностранцевъ. Въ настоящую минуту приходится говорить объ этомъ дѣлѣ уже не какъ о слухѣ, а какъ о совершившимся печальномъ фактѣ. Приходится думать уже не о предупрежденіи его, а объ устраненіи его вредныхъ послѣдствій, не о томъ чтобы не допустить перехода одной изъ важнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ линій въ чужія руки, а о томъ чтобы вырвать ее изъ этихъ рукъ и обратить вновь на служеніе русскимъ интересамъ.

Всѣ громадныя затраты въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей сдѣланныя государствомъ для подъема Либавы улучшеніемъ ея порта и постройкой ведущихъ къ нему желѣзнодорожныхъ линій готовы пойти прахомъ, и безъ сомнѣнія пойдутъ прахомъ если не будетъ принято энергическихъ мѣръ въ виду состоявшейся сдѣлки, поставившей иностранцевъ распорядителями русскаго государственнаго дѣла. Между русскими людьми не можетъ быть разногласія во взглядахъ на это дѣло. Мы имѣли уже случай указать на его значеніе. Приводимъ теперь изъ № 175 *Кіевлянина* дѣльную и заслуживающую полнаго вниманія статью „Во что̀ можетъ обойтись умерщвленіе Либавы,“ разъясняющую въ подробностяхъ это несчастное дѣло:

„На дняхъ газеты сообщили о финансовой операціи продѣланной надъ Либаво-Роменскою дорогой кенигсбергскими торговцами. Извѣстно что Либаво-Роменская дорога построена была исключительно на средства добытыя выпускомъ *гарантированныхъ* металлическихъ облигацій (свыше 40 милліоновъ мет. руб.). Устраивая дорогу на занятыя деньги, проценты по которымъ гарантированы казной, наше Министерство Путей Сообщенія дозволило учрежденіе фиктивнаго акціонернаго общества (какъ и при постройкѣ большинства нашихъ дорогъ), которое выпустило на 7 милліоновъ рублей *негарантированныхъ* акцій. Въ дѣйствительности никакого акціонернаго общества никогда не было, и всѣ акціи находились въ рукахъ строителя дороги, г. Мекка, а затѣмъ перешли къ его наслѣдникамъ. Такъ какъ Либаво-Роменская дорога никакого дивиденда не давала, а напротивъ требовала уплаты полной гарантіи, то акціи не имѣли почти никакой биржевой цѣны. На дняхъ внезапно явились охотники пріобрѣсть эти акціи и дѣйствительно купили ихъ у г-жи Меккъ по 70 руб., всего за 3.800.000 руб. кредитныхъ. Эти выгодные покупщики никто иные какъ нѣмецкіе банкиры, во главѣ которыхъ стоитъ *кенигсбергская* фирма „I. Симонъ В. и сыновья.“

„Цѣль этой операціи возбуждаетъ большія сомнѣнія. Хотя Либаво-Роменская дорога и была бездоходною, но конкурренція Либавскаго порта съ Кенигсбергомъ уже давно смущала Нѣмцевъ. Извѣстно что князь Бисмаркъ считалъ нужнымъ повести объ этомъ рѣчь даже въ парламентѣ, причемъ онъ старался успокоить Нѣмцевъ, увѣряя что Либавѣ трудно бороться съ германскими портами, потому что въ ней нѣтъ капиталовъ. Но несмотря на такія увѣренія, кенигсбергскіе коммерсанты продолжали волноваться по мѣрѣ того какъ возросталъ отпускъ изъ Либавы. Наконецъ, они рѣшились пріобрѣсть Либавскую дорогу. Возможно что эта покупка положитъ конецъ смущавшей кенигсбергскихъ гражданъ конкурренціи русскаго порта. Средство дѣйствительно вѣрное: сто̀итъ поднять тарифъ для провоза хлѣба на Либаво-Роменской дорогѣ, и хлѣбная торговля Либавы благополучно покончитъ существованіе...

„Интересно оцѣнить во что̀ обойдется кенигсбергскимъ коммерсантамъ умерщвленіе Либавы еслибъ они пожелали это сдѣлать. По истинѣ очень не дорого. Акціи Либаво-Роменской дороги, какъ сообщали газеты, пріобрѣтены за 3.800.000 рублей кредитныхъ, слѣдовательно, считая по 5% на капиталъ, Кенигсбергцы теряютъ 190.000 рублей кредитныхъ ежегоднаго дохода или, по курсу въ 60 металлическихъ копѣекъ за кредитный рубль, 114.000 рублей металлическихъ. Вотъ за эти *114.000* ежегодной уплаты они могутъ освободиться отъ Либавы. Если считать что каждый пудъ нашего хлѣба, привезенный въ Кенигсбергъ, даетъ кенигсбергскому купечеству *5 копѣекъ* дохода, то увеличеніе привоза на 2.800.000 пудовъ хлѣба или около 300.000 четвертей совершенно покроетъ расходъ на покупку акцій у г-жи Меккъ. Между тѣмъ Либава отпустила въ 1879 году, какъ видно изъ отчетовъ о внѣшней торговлѣ, хлѣба около 3.000.000 четвертей (2.989.000 четвертей) на сумму около 25.000.000 рублей. Если Кенигсбергу удастся оттянуть изъ этого отпуска только половину, т.-е. $1^1/_2$ милл. четв.

на $12\frac{1}{2}$ милл. руб., то смѣло можно считать что за уплатой процентовъ на капиталъ затраченный на пріобрѣтеніе акцій Либаво-Роменской дороги, кенигсбергскіе коммерсанты положатъ въ карманъ свыше милліона рублей чистой прибыли. Что можетъ быть выгоднѣе подобной операціи? *).

„Въ виду покупки кенигсбергскими коммерсантами акцій у г-жи Меккъ, правительство, какъ намъ кажется, должно примѣнить къ Либаво-Роменской дорогѣ ту мѣру къ которой ему уже давно слѣдовало прибѣгнуть. Такъ какъ всѣ облигаціи этой дороги, какъ говорятъ, находятся въ рукахъ правительства, и кромѣ того Либаво-Роменская дорога задолжала правительству свыше 10 милл. рублей, т.-е. сумму далеко превышающую акціонерный капиталъ, то дорога должна быть объявлена несостоятельною и взята въ казенное управленіе. Пусть тогда гг. кенигсбергскіе коммерсанты извлекаютъ доходъ изъ пріобрѣтенныхъ ими акцій.

„Продажа Либаво-Роменской дороги должна обратить вниманіе и на другое обстоятельство. Дѣло въ томъ что съ Кенигсбергомъ, кромѣ Либавы, соперничала и соперничаетъ Одесса, слѣдовательно значительная часть тѣхъ грузовъ которые шли прежде на Либаву можетъ пойти, если тарифъ на Либаво-Роменской дорогѣ будетъ поднятъ, или въ Кенигсбергъ, или въ Одессу. Направленіе этихъ грузовъ будетъ всецѣло зависѣть отъ тарифной политики юго-западныхъ дорогъ. Такъ какъ, затрачивая деньги на покупку акцій у г-жи Меккъ, кенигсбергскіе коммерсанты могли позаботиться о томъ чтобъ обезопасить себя на счетъ Одессы и войти по этому поводу въ соглашеніе съ юго-западными дорогами, то правительству необходимо обратить вниманіе и на эту сторону вопроса и слѣдить за тарифными манипуляціями юго-западныхъ дорогъ.“

---

*) Мы сдѣлали разчетъ только приблизительный, принимая по возможности минимальныя цифры. Было бы очень желательно чтобы кто-нибудь изъ коммерсантовъ близко знакомыхъ съ хлѣбною торговлей сдѣлалъ болѣе точныя вычисленія прибылей, считая коммерческую прибыль на капиталъ, доходы коммиссіонные, доходъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ и фрахтовую прибыль, насколько ее можно и слѣдуетъ включить въ счетъ. *Прим. Ред. Кіевлянина.*

№ 225.

Москва, 14-го августа.

Въ послѣднее время послышалось о реформахъ въ военномъ вѣдомствѣ, и не исключительно въ видахъ экономіи; говорятъ о сокращеніи сроковъ службы, объ учрежденіи особыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ о перемѣнахъ въ строѣ военно-учебныхъ заведеній, съ тѣмъ чтобы придать имъ характеръ строго-профессіональной, военной школы. Всѣ эти реформы ставятся не каждая порознь, безъ связи съ другою, какъ это дѣлывалось прежде, но составляютъ цѣлую систему, стройно развивающуюся изъ одной основной мысли.

Припомнимъ что вопросъ о сокращеніи срока службы не новый; онъ былъ затронутъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ; его даже приводили въ связь съ необходимостью не только облегчить отбываніе воинской повинности, но и развить средства комплектованія арміи по военному положенію, въ видахъ усиленія, безъ новаго обремененія казны, боевыхъ средствъ, въ параллель мѣрамъ принятымъ тогда по этому предмету въ Германіи.

Дѣло однако осталось безъ послѣдствій по той же причинѣ почему при введеніи у насъ всеобщей воинской повинности было рѣшено принять шестилѣтній срокъ пребыванія подъ знаменами, вмѣсто четырехлѣтняго, за который высказывались однако весьма многіе члены коммиссіи призванной выработать дѣйствующій теперь уставъ. Говорили, съ одной стороны, что наши новобранцы менѣе развиты нежели напримѣръ германскіе, а съ другой, что размѣръ требованій касательно образованія солдата, то-есть сообщенія ему разнородныхъ свѣдѣній по военному дѣлу, все возрастаетъ. Такъ какъ все это считалось за аксіомы, то и выходило что намъ невозможно принять такой же срокъ службы какой установленъ въ Германіи. Заключеніе это казалось тѣмъ вѣрнѣе что даже во Франціи не рѣшались тогда принять трехлѣтній срокъ, находя его слишкомъ короткимъ.

Забывалось при этомъ что въ Германіи на самомъ дѣлѣ существуетъ вовсе не трехлѣтній, а менѣе нежели двухлѣтній срокъ, и что во Франціи главною причиной болѣе продолжительныхъ сроковъ была въ сущности вовсе не затруднительность обученія, а совсѣмъ иныя соображенія, обу-

словленныя какъ задачами внѣшней политики страны, такъ и шаткостью внутренняго порядка. Забывалось и то что доводы въ пользу принятія у насъ шестилѣтняго срока, казавшіеся чуть не непреложными, вовсе не оправдались на дѣлѣ, такъ что уже вскорѣ по введеніи у насъ воинской повинности солдатъ de facto служилъ 4 и 5 лѣтъ. Наконецъ, опытъ недавней кампаніи, показавшій что для подготовки солдата вовсе не нужно такъ много времени какъ прежде думали, почти вовсе не былъ принятъ въ соображеніе.

Все это произошло потому что ни прежде, ни послѣ не былъ съ достаточною подробностью разсмотрѣнъ вопросъ въ чемъ именно заключается боевая подготовка солдата и каковы должны быть средства для ея достиженія. Большинство учителей едва ли отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ что̀ главное, что̀ второстепенное, что̀ необходимое и что̀ роскошь или даже излишество, скорѣе вредное нежели полезное для дѣла.

Прежде чѣмъ сокращать сроки службы необходимо точно установить наименьшую степень требованій и убѣдиться что, при извѣстныхъ средствахъ обученія, требованія эти въ данный срокъ могутъ быть удовлетворены. Вотъ почему, возбуждая теперь вопросъ о сокращеніи сроковъ службы, Военное Министерство признало нужнымъ начать не съ опредѣленія срока, на что̀ неизбѣжно повліяли бы во вредъ дѣлу постороннія соображенія, а съ вопроса объ установленіи „общей системы образованія и воспитанія нижнихъ чиновъ.“ Въ этой „системѣ“ впервые опредѣленно проводится раздѣленіе дѣла подготовки солдата на воспитаніе и обученіе. Какъ слышно, министерство полагаетъ что воспитаніе солдата должно быть поставлено выше обученія, что дисциплина, развитіе въ солдатѣ твердыхъ понятій о святости присяги, долгѣ и чести, даваемое исключительно военнымъ воспитаніемъ солдата, должно считаться важнѣе кое-какихъ свѣдѣній пріобрѣтаемыхъ обученіемъ, хотя и послѣднія въ свою очередь нужны.

Опытъ давно уже показалъ что чѣмъ короче время пребыванія солдата подъ знаменами, тѣмъ усиленнѣе онъ долженъ быть занятъ и тѣмъ больше требуется вполнѣ подготовительныхъ учителей. Пока дѣло идетъ только объ учителяхъ обязанныхъ передать солдату тѣ или другія спеціальныя познанія военнаго ремесла, то подготовить такихъ учителей вовсе не трудно. Другое дѣло воспитаніе солдата: тутъ учителемъ можетъ быть не только не каждый ловкій и знающій солдатъ или унтеръ-офицеръ, но и не каждый офицеръ. Еще не такъ давно извѣстный военный писатель, генералъ Драгомировъ, требовалъ, въ офиціальномъ *Военномъ Сборникѣ*, чтобы дѣло воспитанія солдата исключительно находилось въ рукахъ старшихъ офицеровъ преимущественно ротныхъ командировъ. Взглядъ этотъ получилъ широкое распространеніе и теперь усвоенъ инструкціями, но онъ сокращаетъ до крайности число наставниковъ въ той отрасли военной подготовки которая признается главнѣйшею и которою вездѣ, особенно въ Германіи, обусловливаются главнымъ образомъ установленные сроки пребыванія солдата подъ знаменами, какъ это не разъ заявлялъ компетентный въ этомъ вопросѣ авторитетъ, графъ Мольтке.

Если обстоятельства заставляютъ теперь ограничивать до крайняго предѣла число учителей въ дѣлѣ воспитанія солдата, то едва ли на этомъ можно успокоиться; напротивъ, это указываетъ только что подготовленіе такихъ учителей поставлено не такъ какъ бы слѣдовало. Вотъ почему Военное Министерство вынуждено обратить на это дѣло серіозное вниманіе. Ходячіе теперь толки о перемѣнахъ предстоящихъ въ строѣ военно-учебныхъ заведеній и объ учрежденіи унтеръ-офицерскихъ школъ вполнѣ подтверждаютъ это. Въ самомъ дѣлѣ, уже теперь извѣстно что все дѣло воспитанія будущихъ высшихъ учителей солдата, офицеровъ, предположено передать исключительно въ военныя руки, допуская впредь воспитателями въ военныя гимназіи „исключительно только офицеровъ,“ а это есть первый шагъ для необходимаго преобразованія нашихъ военно-учебныхъ заведеній въ строго профессіональныя какими они должны быть если хотѣть чтобы школа была не разслабляющею, а готовящею зрѣлыхъ дѣловыхъ людей выдержанныхъ и воспитанныхъ въ тѣхъ именно понятіяхъ и привычкахъ которыя, какъ вѣрно сказано въ одной изъ инструкцій, „необходимы для предстоящей трудовой жизни,“ то-есть для военной службы, куда воспитанники военныхъ школъ и должны поступать. Рядомъ съ измѣненіемъ характера военныхъ, пока только по име-

ни, школъ, упоминается и объ умноженіи выпускаемыхъ ими учениковъ посредствомъ расширенія пріема, хотя и безъ новыхъ на это расходовъ, единственно измѣненіемъ распредѣленія учебныхъ предметовъ и сокращеніемъ общаго срока подготовки будущаго офицера съ девяти лѣтъ на восемь. Надо желать чтобъ эта оздоровляющая реформа была проведена возможно скорѣе, тверже и послѣдовательнѣе. А это такъ возможно! Стоитъ только заглянуть что̀ дѣлается у сосѣда и не изобрѣтая никакой новой системы, никакой новой школы, взять ту которая хорошо испытана—прусскіе кадетскіе корпуса, устройство и программы коихъ, слѣдуетъ замѣтить, у насъ вполнѣ извѣстны военному вѣдомству.

Но если относительно подготовки офицеровъ необходима только нѣкоторая перестройка, положимъ даже капитальная, то въ дѣлѣ комплектованія арміи дѣйствительно надежными, могущими во всемъ быть руководителями солдата унтеръ-офицерами, приходится начинать съ перваго камня зданія. До сихъ поръ единственнымъ источникомъ пополненія числа унтеръ-офицеровъ служатъ у насъ полковыя унтеръ-офицерскія школы, силуэтъ которыхъ такъ кстати безпристрастно начерченъ въ статьѣ г. Сущинскаго въ августовской книжкѣ *Военнаго Сборника*. Въ этихъ школахъ прослужившій только 9 или 10 мѣсяцевъ, еле-грамотный, т.-е. едва умѣющій коекакъ читать солдатъ, долженъ быть въ шесть мѣсяцевъ, при 480 учебныхъ часахъ, превращенъ въ унтеръ-офицера знающаго ариѳметику, уставы, военные законы, гигіену, имѣющаго довольно притомъ обширныя свѣдѣнія объ оружіи и его устройствѣ, не исключая и револьвера! И все это помимо навыка въ стрѣльбѣ, фехтованіи, строѣ, гимнастикѣ и прочихъ практическихъ предметахъ солдатскаго обученія!

Какъ сбивчивы у насъ взгляды на дѣло подготовки унтеръ-офицеровъ которые предназначаются служить основаніемъ всего военнаго строя, видно уже изъ того что г. Сущинскій полагаетъ возможнымъ зачислять въ унтеръ-офицерскую полковую школу прямо грамотныхъ новобранцевъ. Но гдѣ же гарантія что эти люди, по своему характеру, по нравственнымъ качествамъ, по силѣ воли, будутъ пригодны стать ближайшими руководителями подчиняемыхъ имъ въ этомъ званіи солдатъ?

Иное дѣло унтеръ-офицерская школа прусскаго образца, о которой также не разъ заводилась у насъ рѣчь. Тамъ съ юношескихъ лѣтъ, даже точнѣе съ дѣтства, дается будущимъ унтеръ-офицерамъ и надлежащее военное воспитаніе и необходимая подготовка. Школа выпускающая такого унтеръ-офицера, школа построенная на строгихъ и правильныхъ началахъ, вполнѣ гарантируетъ что выпускаемые изъ нея люди пригодны занять должность къ которой предназначаются. Слѣдуетъ прибавить что именно эти спеціально подготовленные къ военной службѣ и унтеръофицерскимъ обязанностямъ люди обыкновенно остаются въ рядахъ и по истеченіи обязательнаго срока; а у насъ напротивъ, унтеръ-офицеры такъ же легко разстаются съ военною службой какъ и рядовые.

Такова связь тѣхъ отрывочныхъ, короткихъ извѣстій которыя проникли въ публику о предстоящихъ реформахъ, конечно пока только намѣченныхъ въ общихъ, но, прибавимъ, очевидно вѣрныхъ чертахъ.

№ 228.

Москва, 17-го августа.

Со всѣхъ сторонъ, отъ людей самаго разнообразнаго общественнаго положенія получаемъ мы массу отзывовъ, заявленій и цѣлыхъ статей посвященныхъ вопросу о пьянствѣ, которыхъ мы коснулись въ №№ 200, 205 и 209 *Московскихъ Вѣдомостей*. Нѣкоторыя изъ этихъ присланныхъ намъ статей, какъ напримѣръ „Письмо къ Издателю" отца протоіерея Д. Г. Богоявленскаго, „Крестьянскій бытъ и кабаки" почетнаго гражданина Морокина, „Къ вопросу о кабакахъ и корчемствѣ" Землевладѣльца, „Голосъ изъ Деревни" И. П., уже извѣстны нашимъ читателямъ. Общее впечатлѣніе всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ имъ статей одно и то же. Всѣ онѣ наглядно и неоспоримо свидѣтельствуютъ что кабацкій вопросъ окончательно созрѣлъ и требуетъ безотлагательнаго рѣшенія. Какъ въ былое время всѣ ждали освобожденія отъ крѣпостнаго права, такъ въ настоящее время всѣ ждутъ не дождутся освобожденія отъ кабака. Здѣсь исходный пунктъ всѣхъ благихъ начинаній на пользу народа, который испыталъ на себѣ все гибельное вліяніе размноже-

нія кабаковъ и встрѣтилъ бы всякія направленныя противъ нихъ мѣры какъ величайшее и истинное для себя благодѣяніе. Крестьяне не пишутъ статей и корреспонденцій, не участвуютъ въ созданіи того что̀ называется „общественнымъ мнѣніемъ,“ но въ тѣхъ случаяхъ когда они имѣютъ возможность искренно высказаться, они прямо указываютъ на сосѣдство кабаковъ какъ на главную и величайшую язву своего быта. „Соберите крестьянъ любой мѣстности и спросите ихъ почему они бѣдствуютъ. Всѣ вамъ скажутъ что ихъ губятъ кабаки и раздѣлы. И мы увѣрены что большинство было бы искренно радо уменьшенію кабаковъ. Мало того, пусть только правительство предпишетъ чтобы кабакъ отъ кабака въ деревняхъ былъ не ближе 15 верстъ и недостающую цифру дохода разложить на тѣхъ же крестьянъ, и тогда мы вполнѣ убѣдимся что народъ, безспорно обладающій здравымъ смысломъ, съ *благодарностью* внесетъ новую подать за право не подвергаться соблазну и улучшить свое благосостояніе и здоровье,“ — вотъ общій выводъ къ которому привели землевладѣльца Крапивенскаго уѣзда практическія наблюденія надъ деревенскою жизнію. Много подобныхъ заявленій слышалъ протоіерей Богоявленскій, свидѣтельствующій что простолюдины не разъ обращались къ нему съ просьбою заявить въ газетахъ что ничто въ такой мѣрѣ не могло бы содѣйствовать ихъ благосостоянію какъ сокращеніе кабаковъ и противодѣйствіе народному пьянству. „Уменьшеніе податей дѣло для народа благодѣтельное и въ высшей степени желательное; но если подъ бокомъ у крестьянина останутся соблазнительныя питейныя заведенія, съ вывѣской *распивочно и на выносъ*, то податной денежный остатокъ у крестьянъ пойдетъ опять на обогащеніе кабатчиковъ,“ вотъ выводъ къ которому привели отца Богоявленскаго его собесѣдованія съ простымъ людомъ. Хлѣбный торговецъ, нашъ постоянный елецкій корреспондентъ, изъѣздивъ недавно по своимъ дѣламъ вдоль и поперекъ цѣлый уѣздъ, имѣлъ возможность во многихъ мѣстахъ толковать съ крестьянами о предполагаемомъ сокращеніи кабаковъ, и всюду крестьяне одинаково оканчивали свои рѣчи заявленіемъ что „великое благодѣяніе будетъ оказано крестьянству закрытіемъ большинства кабаковъ.“ Крестьяне всюду единогласно предпочитаютъ сокращеніе кабаковъ уменьшенію платежныхъ сборовъ,—вотъ другой выводъ сдѣланный елецкимъ хлѣбнымъ торговцемъ изъ его бесѣды съ крестьянами. Какіе могутъ быть еще болѣе сильные протесты со стороны крестьянъ противъ одолѣвающаго ихъ разорительнаго и развратительнаго кабацкаго соблазна?

Недавно этотъ народный протестъ противъ пьянства и кабаковъ выразился еще въ новой формѣ, въ формѣ письма поданнаго министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Игнатьеву, и покрытаго цѣлымъ рядомъ подписей. Подписались подъ нимъ трое почетныхъ гражданъ, въ томъ числѣ одинъ потомственный, 11 мѣщанъ, одинъ солдатъ и 28 крестьянъ разныхъ волостей, въ томъ числѣ одинъ волостной старшина и одинъ сельскій староста. Вотъ что, между прочимъ, пишутъ они въ своемъ адресѣ:

„Мы нижеподписавшіеся сельскіе жители любимъ Россію и нашего дорогаго Государя, желаемъ силы и славы Царю и Отечеству. Въ силу этого дорогаго и сердечнаго чувства, беремъ на себя смѣлость подать голосъ, по нашему крайнему разумѣнію, о необходимѣйшей изъ всѣхъ нуждъ Россіи. Эта настоятельная нужда Россіи заключается въ уменьшеніи пьянства. Благомыслящіе люди скорбятъ и болѣютъ объ этомъ народномъ бичѣ, въ конецъ подрывающемъ экономическія условія и, еще хуже того, нравственныя силы народа. Кабакъ есть разсадникъ не только пьянства, но и воровства, и поджоговъ, и всякаго разврата. Желательно уменьшеніе этихъ вертеповъ, а съ ними всевозможныхъ преступленій, чего горячо желаетъ вся Россія; къ этому мы считаемъ своимъ долгомъ дополнить что полумѣры не помогутъ вылѣчить эту гангрену. Нужны сильныя средства, то-есть весьма значительное сокращеніе кабаковъ. Ни война, ни моръ, ни голодъ, не могутъ сравняться по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ съ бѣдствіями проистекающими отъ пьянства; то бѣды скоропреходящія, а эта бѣда точитъ какъ червь и постепенно разрушаетъ благосостояніе, нравственность и здоровье простолюдина, то-есть ослабляетъ силы Россіи. Ваше сіятельство, убѣдительно просимъ васъ обратить на эту насущную нужду милостивое и правду любящее око Государя... Спасите будущее поколѣніе Россіи пока еще не поздно. О

судьбѣ его страшно и подумать. Спасите бѣдствующихъ и голодающихъ дѣтей. Спасите отъ пьяныхъ побоевъ женъ, матерей и отцовъ. Спасите поля Россіи отъ истощенія... Спасите нравственность, вѣру въ Бога, которая въ народѣ начинаетъ быстро изсякать въ районѣ около кабака. Наконецъ, можно безошибочно предполагать что преступные противогосударственные замыслы крамольниковъ будутъ искать себѣ почвы, для привлеченія къ себѣ простаго народа, тоже въ кабакѣ.“

Все выраженное въ приведенныхъ строкахъ адреса поданнаго министру Внутреннихъ Дѣлъ есть въ настоящее время общая мысль, общее чувство всей Россіи. Не раздѣляютъ ихъ только враги Русскаго народа и люди служащіе имъ орудіями.

Да, при настоящемъ положеніи страны, во всей финансовой и экономической сферѣ нѣтъ вопроса который по своему государственному значенію могъ бы хотя приблизительно равняться съ вопросомъ о сокращеніи пьянства. Всякія стремленія отодвинуть этотъ вопросъ на задній планъ, отсрочить его рѣшеніе, заслоняя его указаніемъ на другія финансовыя реформы и постановкой ихъ на ближайшую очередь, могутъ быть объясняемы только непониманіемъ дѣйствительныхъ нуждъ Россіи или неспособностью сдѣлать для нея то что̀ требуется, если не прямымъ противодѣйствіемъ тому что̀ было бы истинно полезно государству.

Это противодѣйствіе, какъ во многихъ другихъ такъ и въ данномъ случаѣ, любитъ облекаться въ форму любви къ народу, заботъ объ его благополучіи. Раздается усиленный плачъ о податномъ обремененіи народа, о разстройствѣ денежнаго обращенія причиненномъ обезцѣненіемъ кредитнаго рубля, то-есть собственно упадкомъ вексельныхъ курсовъ. Употребляются всевозможныя гласныя и негласныя средства на то чтобы побудить правительство сосредоточить главную свою дѣятельность на этихъ двухъ пунктахъ. Рисуется въ перспективѣ какую заслугу оказало бы оно облегчивъ податную тягость лежащую на народѣ и давъ странѣ правильное металлическое денежное обращеніе. Но при всемъ этомъ почти постоянно оставляется въ тѣни то обстоятельство первостепенной важности что при оставленіи неприкосновеннымъ кабацкаго пьянства въ его нынѣшнихъ условіяхъ и размѣрахъ, ни облегченіе податей, ни металлическое денежное обращеніе не поведутъ къ подъему народнаго благосостоянія, не обогатятъ народа, не сдѣлаютъ его болѣе способнымъ выносить бюджетныя тягости, и стало-быть не создадутъ прочнаго основанія для улучшенія финансовъ. Народу не будетъ легче отъ того что онъ будетъ пропивать не бумажныя, а металлическія деньги, и пропагандируемая денежная реформа отзовется на немъ лишь сокращеніемъ его заработковъ, вслѣдствіе того общаго народно-хозяйственнаго кризиса который былъ бы неизбѣжнымъ результатомъ осуществленія подобной реформы не путемъ постепеннаго подъема народнаго хозяйства, исправленія международнаго разчетнаго баланса и развитія внутреннихъ оборотовъ, а посредствомъ искусственныхъ финансовыхъ операцій. Народу не будетъ легче и отъ сокращенія податей если все что не будетъ взыскано въ видѣ прямаго налога будетъ взято съ него чрезъ кабакъ какъ налогъ косвенный. Но серіозныя мѣры для облегченія податной тягости, и особенно всякія искусственныя мѣры къ подъему денежной валюты, должны сильно обременить бюджетъ, и въ этомъ обремененіи явится новый предлогъ усиленно настаивать на отсрочкѣ винно-акцизной реформы, то-есть именно той отъ которой народу дѣйствительно стало бы лучше и легче жить, которая повела бы къ его обогащенію, стало-быть создала бы прочное основаніе къ улучшенію всего нашего и народно-хозяйственнаго, и финансоваго положенія... Пропагандируются реформы отъ которыхъ народъ мало или вовсе не выиграетъ, и пропагандируются въ прямой ущербъ именно той реформѣ которая одна способна кореннымъ образомъ измѣнить къ лучшему весь народный бытъ, и совершеніе которой было бы дѣломъ не уступающимъ по важности даже отмѣнѣ крѣпостнаго права.

№ 229.

Москва, 18-го августа.

Въ анти-русской партіи совершается теперь перемѣна фронта чтобы занять новую и на первый взглядъ болѣе прочную позицію, въ виду того что прежній опера-

ціонный базисъ этой партіи оказался совсѣмъ негоднымъ.

Всякій кто слѣдилъ за нашею печатью въ послѣдніе два года, конечно, помнитъ что пресловутыя „новыя вѣянія“ вызвали лихорадочную дѣятельность всѣхъ щелкоперовъ анти-національной печати. Она наполнилась чудовищными элукубраціями полуобразованныхъ писакъ, изъ которыхъ каждый выставлялъ себя по меньшей мѣрѣ русскимъ Камиль Демуленомъ, призваннымъ обновить своимъ словомъ „обветшалую форму“ государства Россійскаго. Какихъ только фантастическихъ проектовъ не приходилось иногда читать изумленному читателю, который къ ужасу своему узнавалъ что онъ до сихъ поръ жилъ не въ „правовомъ порядкѣ,“ что онъ былъ безпомощною жертвой слѣпаго административнаго произвола, и что если онъ до сихъ поръ еще не гніетъ въ рудникахъ Сибири, то это только потому что до него не дошла очередь. Предлагались всевозможныя безотлагательныя и самонужнѣйшія реформы, безъ которыхъ Россія повидимому не могла просуществовать и года и которыя на самомъ дѣлѣ привели бы ее въ полгода къ полному крушенію. Эти реформы иногда другъ другу противорѣчили, чтò однако не мѣшало нашимъ реформаторамъ восхвалять ихъ на всѣ лады и клясться что „новое зданіе“ во всякомъ случаѣ будетъ не въ примѣръ лучше стараго, скорѣе бы только это ненавистное старое зданіе сдать на сломъ и расчистить мѣсто для свободной творческой мысли новаго зодчаго. Какъ ни разнообразны были эти пылкія требованія вызванныя великою эпохой „сердечной диктатуры“ въ сущности они всѣ сводились къ одному непремѣнному условію, которое носило разныя аллегорическія названія, а иногда и называлось настоящимъ именемъ— къ устройству всероссійской говорильни.

Весь этотъ зловредный сумбуръ не могъ конечно остаться безъ возраженій, которыя обнаружили его натуру не только чуждую, но прямо противную народу. Тогда вибріоны нашей печати, ободряя другъ друга все къ большей наглости, начали мириться со своею очевидною отторженностью отъ народа, а затѣмъ и цинически хвалиться ею. „Мы ничего не имѣемъ общаго съ народомъ, выкрикивали они. Народъ дуракъ, Татаринъ, а мы интеллигентная и культурная сила Россіи. Мы осчастливимъ народъ *помимо* и даже *вопреки* его желаніямъ, и если онъ насъ теперь ненавидитъ, то это именно и доказываетъ его глупость, такъ какъ онъ не можетъ еще теперь по достоинству оцѣнить насъ, а въ послѣдствіи, когда оцѣнитъ, самъ же будетъ воздвигать намъ памятники. Отъ народа воняетъ дегтемъ и деревяннымъ масломъ, народъ даже не знаетъ употребленія носовыхъ платковъ: какъ же мы будемъ съ нимъ заодно?“ Такова была сущность безчисленныхъ статей которыя ежедневно являлись въ разныхъ органахъ „прессы.“

Такъ продолжалось до 1 марта. При первомъ извѣстіи о злодѣйскомъ преступленіи подпольныхъ „либераловъ,“ интрига задумала было эксплуатировать его въ свою пользу, съ неслыханнымъ цинизмомъ объявивъ его логическимъ послѣдствіемъ прежняго „неправоваго режима,“ и требуя громче чѣмъ когда-либо конституціи, парламентаризма, децентрализаціи власти, автономіи національностей и всего прочаго что необходимо для разрушенія Россіи. Но эти господа жестоко ошиблись въ своемъ разчетѣ. Съ чувствомъ невыразимаго отвращенія отвернулась отъ нихъ русская публика и умолкли ихъ нахальные голоса среди всенароднаго тяжкаго горя... Въ процессѣ *народа* противъ *интеллигенціи* перевѣсъ оказался съ такою очевидностью на сторонѣ народа, что несчастная интеллигенція ясно почувствовала все свое ничтожество и безпомощную изолированность. Сознавъ что народный духъ есть сила съ которою нужно считаться и которую нельзя выкинуть за бортъ, вмѣстѣ съ „дегтемъ и деревяннымъ масломъ,“ *интеллигенція* подумала что ей не выгодно увеличивать ту пропасть которая ее отдѣляетъ отъ народа, а полезнѣе для успѣха ея дѣла попробовать навести мостъ черезъ эту пропасть.

И вотъ тактика анти-русской партіи въ настоящее время измѣнилась. Инженеры ея стали измышлять всякаго рода софизмы дабы употребить ихъ въ качествѣ фантастическихъ устоевъ для моста между Русскимъ *народомъ* и враждебною ему интригой.

Новая тактика партіи состоитъ въ томъ чтобъ отрицать антагонизмъ между русскимъ *народомъ* и антирусскою *интеллигенціей*. „Народъ и интеллигенція, говорятъ они теперь, желаютъ одного и того

же, стремятся къ одному и тому же. Требованія интеллигенціи, правда, нѣсколько шире чисто народныхъ потребностей, но сущность ихъ одна и та же. Удовлетворите интеллигенцію, и вы этимъ самымъ удовлетворите народъ.“ Такъ, напримѣръ, интеллигенція требуетъ уничтоженія власти въ Россіи; но вѣдь того же самаго требуетъ и народъ. Вы сомнѣваетесь? Но мы вамъ это сейчасъ докажемъ. Народъ не любитъ становыхъ и исправниковъ, предпочитаетъ самостоятельно, *безъ нихъ*, управлять своею общиной, а это именно и есть ослабленіе правительственной власти и автономія отдѣльныхъ общинъ и національностей, то-есть какъ разъ то же самое чего съ такою энергіей добивается интеллигенція. Народъ посылаетъ *выборныхъ* ходоковъ къ Государю, ergo онъ стремится къ *выборному* представительству, то-есть къ парламентаризму. Наконецъ, устами всякаго рода сектантовъ народъ, подобно интеллигенціи, возводитъ въ принципъ свободу мысли, то-есть отмѣну всякаго правительственнаго контроля надъ печатью.

Эти грубые софизмы пресеріозно развиваются и съ невѣроятнымъ нахальствомъ превозносятся какъ аксіомы особенно въ газетѣ *Недѣля*. Прочтите, напримѣръ, ея статью *Народъ и юридическія реформы*, появившуюся мѣсяцъ тому назадъ, и вы изумитесь предъ тою невозмутимою наглостью съ которою докторальнымъ тономъ доказывается что Русскій народъ требуетъ ограниченія царской власти, введенія у насъ парламентаризма и т. д. Прочтите появившуюся на дняхъ (№ 32) статью *Бюрократизмъ и интеллигенція*, и вы своимъ глазамъ не повѣрите читая слѣдующія новыя доказательства въ пользу того положенія будто народъ требуетъ неограниченной свободы мысли, а слѣдовательно и печати:

„Если бюрократія, пользуясь изолированнымъ положеніемъ интеллигенціи въ области мысли и слова, захотѣла бы оставить ея потребности неудовлетворенными, то нанесла бы этимъ тяжкій ударъ какъ государству, такъ и благостоянію народа. Роль истинной интеллигенціи въ общественномъ организмѣ громадна по своей плодотворности. Она посредствомъ всякаго рода *техническихъ* усовершенствованій и изобрѣтеній дѣлаетъ физическій трудъ производительнѣе, то-есть даетъ возможность народу повышать свое благосостояніе... Бюрократія *рѣшаетъ* что могущественное государство можетъ существовать не имѣя могущественной, сильной и свободной интеллигенціи. Вполнѣ признавая значеніе *техническихъ* усовершенствованій, она не замѣчаетъ что количество и качество прикладныхъ знаній вполнѣ зависятъ отъ количества и качества отвлеченной, научной мысли. Всѣми силами стараясь о разнаго рода *техническихъ* улучшеніяхъ, бюрократія вмѣстѣ съ тѣмъ подрываетъ почву подъ этими усовершенствованіями, *задавливая научную мысль, стараясь сковать отвлеченное мышленіе*. Несомнѣнно что мы будемъ сзади европейскихъ государствъ въ области всякаго рода *техники*, пока почва на которой выростаетъ она будетъ *искусственно обезпложиваема (!!) стѣсненіями и цензурными дезинфекціями*. Россія будетъ велика, но не обильна (?) сравнительно съ другими государствами, до тѣхъ поръ пока не поймутъ той истины что прикладная часть науки не можетъ быть выдѣлена изъ ея теоретической части. Если мы желаемъ обилія *техническихъ* знаній и усовершенствованій, то должны позаботиться о свободѣ научной мысли... И такъ какъ въ существованіи интеллигенціи нуждаются народъ и государство, то понятно что они *обязаны* признать тѣ условія безъ которыхъ она чувствуетъ себя поставленною въ ненормальныя условія... Если народъ самъ по себѣ готовъ былъ бы довольствоваться меньшимъ количествомъ свободы, то изъ этого еще не слѣдуетъ чтобъ онъ *противился свободѣ научныхъ изслѣдованій (!)* въ которыхъ нуждается интеллигенція... Народъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ потребности интеллигенціи не идутъ въ разрѣзъ съ его интересами. Самъ нуждаясь въ извѣстной свободѣ мысли, онъ не можетъ стремиться ограничить эту свободу тѣми рамками которыя были бы способны удовлетворить его; *а свободу мысли онъ, устами раскольниковъ и всякаго рода сектантовъ, возводитъ въ принципъ подобно интеллигенціи*... Если бюрократія воспользуется *нѣкоторою* изолированностью интересовъ интеллигенціи въ области мысли и слова и оставитъ безъ удовлетворенія ея требованія, то это можетъ продолжаться только временно.“

Каково? Оказывается что въ Россіи правительство „задавливаетъ научную мысль,

сковываетъ отвлеченныя научныя изслѣдованія и этимъ обезпложиваетъ ту почву на которой вырастаетъ *всякаго рода техника!*" Мы до сихъ поръ въ простотѣ душевной полагали что если Россія шла сзади европейскихъ государствъ въ области техники и науки, то это происходило отъ неудовлетворительнаго состоянія ея школъ. Русское правительство или, какъ теперь выражаются эти господа, русская *бюрократія*, не дозволяющая гг. Краевскому, Бильбасову и Модестову „свободно заниматься научными изслѣдованіями," то-есть брать съ легковѣрной публики деньги за „свободно вымышленныя" ими небылицы о какомъ-то повальномъ голодѣ, о чумѣ и о какихъ-то невѣроятныхъ преступленіяхъ князя Александра Болгарскаго...

Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно чтобъ убѣдиться что на новой позиціи крамолѣ еще труднѣе будетъ удержаться чѣмъ на прежней. Тамъ ей достаточно было стать спиною къ Русскому народу, высунуться въ европейское окно и кокетничать съ западными радикалами; теперь она старается перемигиваться съ Русскимъ народомъ и завлекать его въ свои сѣти краснобайствомъ и софизмами. Этимъ она только еще разъ доказываетъ свое полное непониманіе нашего народа.

№ 230.

Москва, 19-го августа.

Обыкновенно думаютъ что главная руководящая мысль во внѣшней политикѣ Германіи есть забота о томъ чтобы предотвратить войну о которой всѣ французскіе патріоты безъ различія партій мечтаютъ, надѣясь рано или поздно отомстить за понесенныя пораженія и возвратить отошедшія къ Германіи французскія провинціи. Что эта война не минуема въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, въ этомъ никто не сомнѣвается; но именно поэтому главная забота руководителя германской политики направлена скорѣе къ тому чтобы подготовить для себя наиболѣе благопріятныя шансы нежели къ тому чтобы предотвратить неминуемое. За послѣдніе годы берлинская печать не перестаетъ твердить о „вполнѣ дружественныхъ и сердечныхъ" отношеніяхъ въ коихъ германскій канцлеръ находится будто бы къ руководителямъ французской политики. Даже публичныя заявленія г. Гамбетты объ Альзасъ-Лотарингіи, заявленія въ которыхъ нельзя не усмотрѣть если не прямо враждебнаго вызова, то по крайней мѣрѣ прямаго отрицанія того юридическаго акта коимъ въ 1871 году закрѣплено было новое территоріальное разграниченіе между Франціей и Германіей, ни въ чемъ не измѣнили тона добродушія и благожелательства который усвоила себѣ берлинская печать относительно Франціи. А мы знаемъ по опыту что хорошо выдрессированная германская печать умѣетъ во всякую данную минуту не только давать энергическій отпоръ всякимъ „поползновеніямъ извнѣ на цѣлость и неприкосновенность Германской имперіи," но и заговариваетъ вызывающимъ тономъ безо всякаго повода когда это требуется съ цѣлью произвести извѣстный эффектъ. Припомнимъ для примѣра прошлогоднія выходки органа князя Бисмарка, коимъ вторилъ весь хоръ берлинской печати, о чрезмѣрномъ будто бы накопленіи войскъ вдоль западной границы Россіи. Офиціозная берлинская печать и до сихъ поръ сохраняетъ относительно Россіи тонъ строго внушительный безо всякой примѣси „дружелюбія" былыхъ временъ, а отъ времени до времени считаетъ нужнымъ предварять Русское правительство противъ опасностей „панславизма." Напротивъ, въ 1875 году, когда Германія, какъ теперь доказано, имѣла въ виду вторично обрушиться на Францію и раздавить ее прежде нежели ей удастся возстановить свои силы, и не исполнила этого намѣренія по обстоятельствамъ отъ нея не зависѣвшимъ, берлинская печать ничѣмъ не выдала созрѣвшаго плана и до самой послѣдней минуты продолжала относиться весьма дружественно ко Франціи въ то время когда шла оживленная дипломатическая переписка, отчасти теперь обнародованная, о принужденіи Франціи сократить численный составъ своей арміи, что должно было послужить поводомъ къ войнѣ.

По отношенію къ континентальнымъ европейскимъ державамъ берлинская печать часто мѣняетъ свой тонъ; но было бы весьма ошибочно судить по перемѣнамъ внезапно сказывающимся въ этомъ тонѣ въ худую или хорошую сторону о соотвѣтственной перемѣнѣ въ самыхъ отношеніяхъ.

Къ одной лишь Англіи нѣмецкая печать относится съ неизмѣннымъ „объективнымъ" спокойствіемъ, никогда не впадая въ раздраженіе, но и не разсыпаясь въ любезностяхъ. Однако, если есть держава съ которою Германія находится въ постоянномъ, хотя никогда не выступающимъ наружу антогонизмѣ, то это именно Англія. Между Германіей и Англіей нѣтъ такихъ непосредственно сталкивающихся интересовъ кои могли бы повести къ прямому между ними разрыву, но съ другой стороны немыслимо также чтобы при какомъ бы то ни было всеобщемъ столкновеніи въ Европѣ Германія и Англія очутились на одной сторонѣ. Было время когда Австрія считала Англію самымъ надежнымъ своимъ союзникомъ; но это было тогда когда монархія Габсбурговъ еще имѣла свою собственную политику основанную главнымъ образомъ на соперничествѣ съ Пруссіей. Теперь же, когда Австрія добровольно подчинилась руководству Германіи, и Австріи указанъ „путь на Востокъ," единственною опорой для англійской политики направленной къ огражденію ея интересовъ на Востокѣ и въ Средиземномъ Морѣ стала Италія, такъ какъ Франція, съ одной стороны, убѣдилась на опытѣ что Англія не въ силахъ оказать ей дѣйствительную поддержку при столкновеніи съ Германіей, а съ другой, видитъ въ ней своего главнаго соперника въ Средиземномъ Морѣ.

Италія, со своей стороны, не можетъ не взирать съ тревогой на оживившуюся въ послѣднее время политическую борьбу изъ-за преобладанія на Средиземномъ Морѣ, которое должно бы по праву принадлежать ей. Но Италія слишкомъ безсильна чтобы вступить въ эту борьбу какъ самостоятельный конкуррентъ. Образцовый парламентаризмъ господствующій въ этой странѣ со временъ Кавура не выдвинулъ ни одного сколько-нибудь выдающагося политическаго ума, который сумѣлъ бы поддержать зданіе воздвигнутое этимъ великимъ государственнымъ человѣкомъ Всѣми выгодами которыя пріобрѣла Италія послѣ смерти Кавура она обязана не собственнымъ матеріальнымъ или нравственнымъ силамъ, а лишь благопріятному стеченію обстоятельствъ и такимъ комбинаціямъ международныхъ интересовъ при коихъ ей доставались плоды чужихъ побѣдъ и враги ея поражались чужими руками. Но союзъ между Австріей и Германіей отнялъ у Италіи всякую надежду на то чтобы въ будущемъ воспользоваться вновь плодами германскихъ или французскихъ побѣдъ надъ Австріей. Ей, напротивъ, грозитъ ущербъ въ Адріатическомъ морѣ вслѣдствіе перемѣны австрійскаго фронта въ сторону Балканскаго Полуострова. Франція же не только не можетъ послужить для Италіи противовѣсомъ противъ Австро-Германскаго союза, но сама стала ея опаснымъ соперникомъ грозящимъ вытѣснить ее окончательно изъ Средиземнаго Моря. Такимъ образомъ Италіи оставалось лишь обратить свои взоры въ сторону Англіи. И Англія подобно Италіи взираетъ съ тревогой какъ на поползновенія Австріи поддерживаемыя Германіей, такъ и на захваты Франціи на сѣверномъ берегу Африки. До самаго послѣдняго времени англо-италіянскій союзъ и считался наиболѣе вѣроятною комбинаціей для уравновѣшенія вновь сложившихся политическихъ тяготѣній.

По послѣднимъ извѣстіямъ однако предстоитъ новая перестановка политическихъ шашекъ, въ которой нельзя не усмотрѣть проявленія того глухаго антагонизма между Германіей и Англіей о коемъ сказано выше. Поговариваютъ о сближеніи совершившемся между Италіей и Австріей, вслѣдствіе котораго первая имѣетъ примкнуть къ Австро-Германскому союзу. Видимымъ знакомъ этого сближенія должно послужить посѣщеніе королемъ Гумбертомъ императора Франца-Іосифа, о которомъ заговорили недѣли двѣ тому назадъ въ видѣ слуха австрійскія газеты. Слухъ этотъ сначала принятъ былъ съ крайнею недовѣрчивостью италіянскою печатью. Теперь же телеграфъ передаетъ замѣтку офиціозной римской газеты *Italia*, въ которой путешествіе короля не только выставляется какъ весьма вѣроятное, но признается доказательствомъ превосходныхъ отношеній существующихъ между Италіей и Австро-Венгріей съ Германіей, *„ея естественными союзниками."* „Эти отношенія," сказано далѣе въ офиціозной газетѣ, „теперь крѣпче чѣмъ когда-либо; въ нихъ „участвуютъ правительства и народы. Эта „поѣздка будетъ чрезвычайно счастливымъ „событіемъ увеличивающимъ престижъ Италіи и не останется безъ вліянія на поддержаніе европейскаго мира."

Указаніе на Австрію какъ на естественнаго союзника Италіи отзывается фальшью.

Сомнительно также чтобы „престижъ" Италіи много выигралъ отъ поѣздки короля въ Вѣну. Въ Лондонѣ же эта поѣздка должна послужить новымъ доказательствомъ упадка англійскаго *престижа.*

№ 231.

Москва, 20-го августа.

Итакъ, благодареніе Богу, мы находимся наканунѣ приступа къ реформѣ которая поведетъ къ неисчислимымъ благодѣтельнѣйшимъ результатамъ для всего народа. Сегодня, 20 августа, должна была открыть свои засѣданія особая коммиссія для обсужденія вопроса объ уменьшеніи пьянства въ Россіи и объ измѣненіи существующихъ нынѣ правилъ питейной торговли. Затѣмъ, ко второй половинѣ сентября, какъ объявлено въ правительственномъ сообщеніи, должны прибыть въ Петербургъ изъ разныхъ губерній приглашенные по Высочайшему повелѣнію свѣдущіе люди для представленія соображеній по выработанному проекту новой постановки питейно-акцизнаго дѣла, который уже въ теченіе нынѣшней осени поступитъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Дай Богъ чтобы всѣ призванные къ участію въ этомъ дѣлѣ прониклись сознаніемъ его первостепенной государственной важности и въ этомъ сознаніи нашли силы для отпора противодѣйствіямъ которыя несомнѣнно встрѣтитъ эта реформа. Нечего скрывать что побороть эти противодѣйствія будетъ не легко. Около укоренившейся системы спаиванія, разоренія и развращенія народа давно уже успѣлъ образоваться цѣлый кругъ своеобразныхъ интересовъ, которые не сдадутся сразу, но горячо будутъ отстаивать себя, если не прямыми, то косвенными путями. Въ стремленіяхъ дать реформѣ ничтожные размѣры, подмѣнить серіозныя мѣры ни къ чему не ведущими полумѣрами, рекомендовать вмѣсто дѣйствительнаго лишь кажущееся улучшеніе существующаго положенія дѣлъ,—въ такихъ попыткахъ недостатка не будетъ. Можно быть увѣрену впередъ что будутъ пущены въ ходъ всевозможные софизмы чтобы выставить бѣлое чернымъ, и наоборотъ, и въ концѣ концовъ привести къ нулю предпринимаемый пересмотръ питейныхъ постановленій. Необходимо быть на сторожѣ противъ всѣхъ подобныхъ поползновеній, иначе можетъ случиться что и нынѣшняя реформа завершится такимъ же печальнымъ результатомъ какъ состоявшаяся въ 1862 году отмѣна откуповъ.

Всего важнѣе устранить тѣ бюджетныя соображенія которыя идутъ въ разрѣзъ съ главною цѣлью реформы, съ сокращеніемъ губящаго народъ пьянства. Не эти ли соображенія всего болѣе помѣшали тому чтобъ отмѣна откуповъ обратилась во благо странѣ? Эти же соображенія могутъ всего скорѣе обратить въ ничто всѣ добрыя намѣренія и цѣли которыя имѣются въ виду въ настоящее время. Была пора когда считалось большимъ финансовымъ успѣхомъ, дѣломъ достойнымъ великихъ государственныхъ умовъ, соблазнивъ народъ „дешовкой," дать потребленію водки въ Россіи возможно большее распространеніе чтобы затѣмъ, пріучивъ къ ней народъ, на постепенномъ подъемѣ акциза основать систему наибольшаго высасыванія денегъ у народа ради поддержанія бюджетнаго равновѣсія. Тѣ порядки которыми были замѣнены откупа были именно выраженіемъ этихъ взглядовъ. Наступила пора навсегда покончить съ ними и устранить всякую рознь между нравственными и финансовыми воззрѣніями на кабаки и пьянство. Эта рознь есть чудовищное зло подрывающее въ основаніи какъ народное благосостояніе, такъ и благоустройство нашихъ финансовъ. Между разумно понятыми финансовыми интересами, съ одной стороны, и интересами народнаго благосостоянія, съ другой, антагонизма нѣтъ и быть не должно. Чѣмъ богаче народъ, чѣмъ выше его благосостояніе, тѣмъ легче можетъ онъ нести государственныя повинности, тѣмъ бóльшія суммы, безъ чувствительнаго для себя отягощенія, можетъ онъ удѣлять казнѣ. Все чтò ведетъ къ народному обогащенію, все чтò устраняетъ причины препятствующія успѣхамъ народнаго хозяйства, ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ улучшенію финансоваго положенія страны. Существующіе порядки взиманія питейнаго налога представляютъ собою, въ одно и то же время, и самую печальную сторону нашего народнаго быта, и самую слабую сторону нашихъ финансовъ. У насъ дѣло стоитъ такъ что возможно-большее разореніе на-

рода кабаками является какъ бы главною государственной выгодой. И если одною изъ первыхъ задачъ реформы не будетъ устраненіе этой возмутительной аномаліи, мало останется надежды на то что она поведетъ къ добрымъ послѣдствіямъ. Прежде всего слѣдуетъ признать что у насъ одинаково нужно спасти и народъ отъ гибильной кабацкой язвы, и государственные финансы отъ разъѣдающаго ихъ рака, отъ противоестественнаго, хищническаго отношенія въ которое они поставлены къ своему собственному источнику, то-есть къ народному благосостоянію.

Въ теоріи съ этимъ у насъ всѣ согласны, но на практикѣ... Тѣ самые люди которые, напримѣръ въ вопросахъ о денежномъ обращеніи, о тарифныхъ вопросахъ и т. п., знать не хотятъ практики и указаній опыта и упорно хотятъ вести дѣло единственно на основаніи своихъ доктринъ, чего бы это ни стоило, — эти самые люди становятся завзятыми практиками какъ только заходитъ рѣчь о питейномъ дѣлѣ и роли которую оно играетъ въ государственномъ бюджетѣ. Они готовы, пожалуй, допустить кое-что имѣющее видъ противодѣйствія неумѣренному употребленію вина народомъ и кое-какимъ злоупотребленіямъ кабатчиковъ, чтобы не выступить прямо защитниками пьянства, но согласиться на мѣры которыя могли бы серіозно сократить его, сократить въ такихъ размѣрахъ чтобъ это благодѣтельно отозвалось на всемъ народномъ бытѣ,— противъ такихъ мѣръ они тотчасъ возстанутъ съ бо́льшимъ пыломъ и не задумываясь обзовутъ ихъ мечтательными и непрактическими. Чтò же будетъ съ бюджетомъ если потребленіе вина войдетъ въ желаемыя границы? Съ какимъ дефицитомъ пришлось бы имѣть дѣло, еслибы казна вдругъ не досчиталась нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ по питейнымъ сборамъ?

Объ эту боязнь дефицита не разъ разбивались всѣ попытки противодѣйствія пьянству, противодѣйствія которое, конечно, не могло не быть предметомъ заботъ правительства, но однако благодаря бюджетнымъ соображеніямъ, ни въ чемъ серіозномъ не выражалось и болѣе чѣмъ парализовалось усвоенною самимъ правительствомъ питейною системой и дѣйствіями его агентовъ. А между тѣмъ нельзя не сказать что эта боязнь дефицитовъ, въ сущности, всегда была лицемѣрною. Вѣдь не боялись же ни большихъ дефицитовъ, ни громадныхъ займовъ нужныхъ для ихъ покрытія, когда дѣло шло, напримѣръ, о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Тутъ признавалось что экономическій прогрессъ страны который долженъ быть результатомъ развитія желѣзнодорожной сѣти перевѣшиваетъ всѣ невыгоды и дефицитовъ, и займовъ. Но развѣ къ меньшему, а не къ гораздо большему экономическому, и всякому прогрессу повело бы значительное сокращеніе пьянства? Развѣ сильный и повсемѣстный подъемъ народнаго благосостоянія, который былъ бы несомнѣнно достигнутъ этимъ путемъ, не стòитъ того чтобы ради его помириться даже и со временными дефицитами, и съ нѣсколькими займами? Развѣ не въ пьянствѣ, наконецъ, лежитъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ почему ни сооруженіе обширной желѣзнодорожной сѣти, ни даже великая крестьянская реформа не повели къ улучшенію народнаго быта въ той степени на которую можно было разчитывать? Или, можетъ-быть, съ дефицитами и займами вызванными желѣзнодорожнымъ дѣломъ потому легче мириться что желѣзныя дороги, благодаря ихъ постановкѣ у насъ, служатъ чуть ли не болѣе иностраннымъ чѣмъ русскимъ интересамъ, а финансовыя жертвы которыя были бы принесены ради серіозной питейной реформы обратились бы сполна въ пользу Русской земли и ея народа?

Нѣтъ, въ виду великаго предпринимаемаго нынѣ дѣла освобожденія народа отъ кабака, должно откинуть всякія опасенія дефицитовъ. Ни дефициты, ни займы которые могутъ быть ими вызваны, вовсе не страшны. Пройдетъ немного лѣтъ, и народъ, освобожденный отъ соблазна пропивать и свои настоящіе достатки, и будущія выручки, настолько поправится что будетъ въ состояніи выносить не тяготясь гораздо болѣе крупный бюджетъ чѣмъ нынѣ,—бюджетъ болѣе чѣмъ достаточный для уплаты тѣхъ займовъ которые понадобятся для того чтобы снять съ народа лежащее нынѣ на немъ проклятіе и поставить на ноги народное хозяйство, подкошенное губительною финансовою системой. Страшны и губительны дефициты и займы которые могли бы быть результатомъ иныхъ настойчиво рекомендуемыхъ мѣръ по несвоевременной реформѣ де-

нежнаго обращенія, реформѣ которая настоятельно требуется не дѣйствительными потребностями положенія, не русскими инресами, а фантазіями неисправимыхъ доктринеровъ въ союзѣ съ чужеземными „благожелателями“ Россіи. Такая реформа, при существующихъ условіяхъ, не подняла бы, а напротивъ уронила бы всѣ экономическія силы Россіи, непомѣрно увеличила бы для народа тягость выносимаго имъ бюджета, усилила бы нашу экономическую и финансовую зависимость отъ иностранцевъ и еще въ большей мѣрѣ чѣмъ нынѣ отдала бы насъ въ жертву ихъ эксплуатаціи. Вотъ чего дѣйствительно слѣдуетъ бояться, а не временныхъ недочетовъ казны отъ сокращенія пьянства, недочетовъ которые черезъ немного лѣтъ возмѣстятся съ лихвою.

Какъ казна должна быть впредь заинтересована не въ развитіи пьянства, а въ его уменьшеніи, такъ и ея агенты должны быть выведены изъ нынѣшняго предосудительнаго положенія, при которомъ увеличеніе пьянства обращается къ прямой ихъ выгодѣ, въ видѣ извѣстныхъ процентовъ съ питейнаго дохода. Пусть, наоборотъ, обращается въ ихъ пользу преслѣдованіе пьянства, пресѣченіе уклоненій отъ постановленій которыя имѣютъ быть изданы въ видахъ его ограниченія. Пусть лучше идутъ въ пользу ихъ и ихъ пособниковъ всѣ штрафы, всѣ взысканія за корчемство и другія нарушенія питейныхъ постановленій. И пусть будутъ эти штрафы и взысканія настолько серіозны чтобы не было интереса предпочитать имъ незаконные поборы съ нарушителей питейнаго устава.

У насъ любятъ выставлять корчемство въ видѣ самаго сильнаго аргумента противъ сокращенія кабаковъ и другихъ серіозныхъ мѣръ противъ пьянства. Но будто бы уже въ самомъ дѣлѣ противъ корчемства нѣтъ никакихъ средствъ, будто бы уже въ самомъ дѣлѣ правительство не будетъ въ силахъ бороться съ этимъ зломъ? Будто бы нельзя заинтересовать массу лицъ въ его пресѣченіи? Будто бы нельзя, между прочимъ, примѣнить къ этому дѣлу даже круговую поруку цѣлыхъ обществъ за содержаніе тайныхъ шинковъ кѣмъ-либо изъ ихъ среды? Да, наконецъ, точно ли сокращеніе числа кабаковъ, при энергическомъ преслѣдованіи нарушителей питейнаго устава, поведетъ къ усиленію корчемства? Не наоборотъ ли? Не находится ли нынѣшнее распространеніе тайной питейной торговли въ прямой связи съ размноженіемъ кабаковъ и тѣмъ значеніемъ которое получили кабатчики въ народной жизни? Не кабатчиками ли именно и поддерживаются во множествѣ случаевъ тайные шинки, въ видѣ вспомогательныхъ питейныхъ заведеній, какъ это разъяснено, между прочимъ, авторомъ статьи „Къ вопросу о кабакахъ и корчемствѣ,“ изложившимъ въ ней результаты своихъ практическихъ наблюденій въ Крапивенскомъ уѣздѣ.

№ 232.

Москва, 21-го августа.

Въ политическихъ кругахъ Берлина вновь настойчиво повторяются слухи о столкновеніяхъ между княземъ Бисмаркомъ и враждебными ему вліяніями при дворѣ. О столкновеніяхъ подобнаго рода имперскій канцлеръ неоднократно самъ заявлялъ публично; но это бывало въ то время когда князь Бисмаркъ еще имѣлъ обыкновеніе подавать въ отставку подъ предлогомъ своего разстроеннаго здоровья. Теперь ему уже неудобно прибѣгать къ этому средству, такъ какъ онъ въ прошедшемъ году заявилъ что останется „до конца“ на своемъ посту. Помянутый слухъ поддерживается однако и теперь. Подтвержденіе ему находятъ, вопервыхъ, въ томъ что по пріѣздѣ князя Бисмарка въ Берлинъ изъ Киссингена императоръ Вильгельмъ посѣтилъ его и пробылъ у него полтора часа. Эти посѣщенія императора всегда де служатъ вѣрнымъ признакомъ серіозныхъ затрудненій. А что эти затрудненія не устранены доказывается де тѣмъ что князь Бисмаркъ вскорѣ послѣ посѣщенія императора неожиданно для всѣхъ удалился въ свое помѣстье Фарцинъ. Берлинскій корреспондентъ *Times* объясняетъ причину неудовольствія князя Бисмарка нѣкоторыми распоряженіями императора относившимися до лицъ неугодныхъ имперскому канцлеру. Такъ министръ двора, г. фонъ-Шлейницъ, остался на своемъ посту по волѣ императора несмотря на то что канцлеръ добивался настойчиво его удаленія и его органъ дозволилъ себѣ рѣзкія нападки на этого министра, вслѣдствіе

чего онъ и подалъ было въ отставку, но остался по настоянію императора. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ, также вновь поступилъ въ дѣйствительную службу оберъ-президентомъ Познанской провинціи по желанію императора и вопреки его личнымъ счетамъ съ княземъ Бисмаркомъ. Берлинскія газеты воспроизводятъ это объясненіе англійскаго корреспондента и подтверждаютъ оное. Но чтобы теперешняя *бутада* имперскаго канцлера вновь грозила кризисомъ, этого не утверждаетъ, ни корреспондентъ *Times*, ни берлинскія газеты. Въ Германіи хорошо знаютъ что маститый императоръ умѣетъ приносить въ жертву свои личныя желанія требованіямъ государства.

Какъ бы то ни было, князь Бисмаркъ продолжаетъ пользоваться всею полнотой своей власти. Все исходитъ отъ его личной инціативы, и предъ этою крѣпкою волей склоняется какъ слабый тростникъ весь пестрый составъ парламентскихъ партій съ ихъ вѣчнымъ броженіемъ и неугомонною борьбой. Каждая изъ этихъ партій имѣла свою „золотую пору“; каждая изъ нихъ мнила себя самою сильною опорой правительства и существующаго порядка,—пока того хотѣлъ князь Бисмаркъ. Въ противность шаблонному парламентаризму не онъ извлекалъ свою силу отъ партій, а послѣднія держались имъ и лишь до тѣхъ поръ пока пользовались его благоволеніемъ. Вчерашніе приверженцы становились его врагами, а враги приверженцами; но не партіи отлагались отъ него и не онѣ переходили на его сторону, онъ самъ отталкивалъ одну и привлекалъ другую, и та изъ нихъ получала значеніе и увеличивалась численно которую онъ принималъ подъ свое покровительство. Система князя Бисмарка есть извращенный парламентаризмъ. Но если принять во вниманіе все то чего достигла Германія подъ его управленіемъ, то нельзя себѣ представить и лучшаго опроверженія парламентской теоріи стремящейся замѣнить живую силу сознающую свое призваніе и свою великую отвѣтственность случайными приливами и отливами парламентскаго большинства, свободнаго вслѣдствіе этой случайности отъ всякой отвѣтственности.

Поворотъ во внутренней политикѣ князя Бисмарка, вслѣдствіе котораго либералы поражены были во всѣхъ пунктахъ и сразу превратились изъ преданныхъ друзей канцлера въ его злѣйшихъ и самыхъ ожесточенныхъ противниковъ, — этотъ поворотъ еще до сихъ поръ не совершилъ своего полнаго круга. Не проходитъ почти дня въ который не обнаруживались бы новые замыслы князя Бисмарка, свидѣтельствующіе объ его энергіи и предпріимчивости его государственнаго ума, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе удаляющіе его, по крайней мѣрѣ въ глазахъ либераловъ, въ лагерь „рѣшительной и безповоротной реакціи“. Послѣ перемѣны въ экономической политикѣ, столь рѣзко противорѣчащей всѣмъ основамъ либеральной экономической доктрины болѣе умѣренная часть либеральной партіи все еще не теряла надежды на то что князь Бисмаркъ когда-нибудь вернется къ нимъ, ибо по ихъ мнѣнію имперскій канцлеръ былъ связанъ съ ними неразрывною солидарностью установленною „культурною борьбой“. Изъ всѣхъ политическихъ партій лишь партія „центра“, то-есть католиковъ-ультрамонтанъ, держалась независимо и не обнаруживала наклонности къ безусловному подчиненію волѣ князя Бисмарка даже въ то время когда онъ оттолкнулъ отъ себя либераловъ. Они оказали ему поддержку при экономической реформѣ и установленіи покровительственнаго таможеннаго тарифа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ партія центра продолжала настаивать на томъ чтобы были отмѣнены пресловутые „майскіе законы“ и заявляли что до тѣхъ поръ пока эти законы „несогласные съ догматами католической церкви“ будутъ дѣйствовать, ихъ политическая оппозиція не прекратится. Вспоминая знаменитое изреченіе князя Бисмарка что онъ „въ Каноссу не пойдетъ“, то-есть что онъ ни въ чемъ не уступитъ притязаніямъ католической іерархіи, объявившей Германской имперіи открытую войну изъ-за майскихъ законовъ, либералы полагали что они не могутъ не воспользоваться рано или поздно послѣдствіями этого антагонизма между двумя противниками, равно упорными и несговорчивыми. И вотъ для нихъ настало послѣднее и самое горькое разочарованіе: князь Бисмаркъ „пошелъ въ Каноссу“, такъ по крайней мѣрѣ вопіютъ либералы. Въ первый разъ послѣ открытія культурной борьбы, по соглашенію между папскимъ престоломъ и имперскимъ правительствомъ состоялось назначеніе католическаго епископа на каѳедру въ Триръ. Dr. Корумъ,

возведенный въ этотъ санъ и уже утвержденный въ немъ декретомъ императора, былъ очерченъ въ одной анонимной замѣткѣ появившейся въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ* какъ воспитанникъ и весьма горячій приверженецъ іезуитовъ, отъ котораго нельзя ожидать ни малѣйшей уступки въ притязаніяхъ заявляемыхъ Ватиканомъ. Статья эта, появившаяся тотчасъ послѣ того какъ прошелъ слухъ о назначеніи Dr. Корума Трирскимъ епископомъ и озаглавленная „Шествіе въ Каноссу", надѣлала много шума и вызвала раздраженные отзывы со стороны офиціозной берлинской печати; авторъ отвѣтилъ на нее, и настаивая на своемъ, замѣтилъ о себѣ лично что онъ хорошо знаетъ о чемъ онъ говоритъ, такъ какъ онъ самъ былъ нѣкогда дѣятельнымъ и вліятельнымъ участникомъ борьбы правительства съ католическою іерархіей. Можно было подумать что авторъ статьи не кто иной какъ бывшій министръ Фалькъ, при которомъ возгорѣлась культурная борьба и который былъ главнымъ дѣятелемъ при изданіи майскихъ законовъ. Догадки объ авторствѣ этой замѣтки, долго занимавшія нѣмецкую печать, не привели однако ни къ чему. Но ни къ чему не привела и самая замѣтка, имѣвшая цѣлью остановить посредствомъ общественной агитаціи „роковой шагъ" князя Бисмарка. Въ настоящее время не можетъ уже подлежать сомнѣнію что князь Бисмаркъ дѣйствительно сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію съ Ватиканомъ. Это всего болѣе подтверждается появившеюся на дняхъ „исторіей культурной борьбы въ Пруссіи" изданною тайнымъ совѣтникомъ Ганомъ, начальникомъ правительственнаго „бюро печати". Излагая событія сопровождавшія возникновеніе культурной борьбы, г. Ганъ припоминаетъ и знаменитое изреченіе князя Бисмарка и старается доказать что со времени произнесенія онаго (14 мая 1872 г.) очень многое измѣнилось и что нѣтъ никакого повода считать въ настоящее время „шествіемъ въ Каносоу" отмѣну законовъ созданныхъ въ такую пору когда „государство и церковь въ равной мѣрѣ увлечены были *слишкомъ далеко* своею взаимною борьбой".

А дѣло въ томъ что германскій политикъ не считаетъ нужнымъ вести войну противъ Ватикана въ то время когда еще болѣе ожесточенная борьба римской церкви съ государствомъ возгорѣлась во Франціи...

№ 233.

Москва, 22-го августа.

Фактъ продажи Либаво-Роменской желѣзной дороги въ руки иностранцевъ, какъ былъ, такъ и по нынѣ остается неразъясненнымъ дѣломъ. У всѣхъ на виду только самый фактъ что одна изъ важнѣйшихъ государственныхъ дорогъ, которая должна была измѣнить выгоднымъ образомъ направленіе нашей внѣшней торговли и дать ей бо́льшую самостоятельность поднявъ значеніе Либавы и поставивъ ее въ возможность соперничать съ Кенигсбергомъ, что эта дорога перешла во владѣніе консорціума германскихъ банкировъ, во главѣ коихъ стоитъ *кенигсбергскій* торговый домъ вдовы Симонъ съ сыновьями. Кенигсбергъ, еще такъ недавно трепетавшій за свою будущность въ виду возрастанія Либавы вдругъ очутился въ положеніи ея господина, распорядителя судьбою своей русской соперницы!

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ что кенигсбергскіе банкиры не пожалѣли ни усилій, ни денегъ чтобы добиться такого результата и радуются тому что купленъ онъ, какъ разъяснено въ *Кіевлянинѣ*, крайне дешевою цѣной. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ что Кенигсбергъ въ этомъ случаѣ пользовался самою дѣятельною поддержкой изъ Берлина, что, напримѣръ, самую уплату денегъ въ Петербургъ за купленныя акціи Либаво-Роменской дороги принялъ на себя находящійся въ близкихъ отношеніяхъ ко князю Бисмарку извѣстный банкирскій домъ Блейхредера, имя котораго такъ тѣсно связано съ неудачей нашего единственнаго внѣшняго займа въ послѣднюю Восточную войну. Иного образа дѣйствій невозможно было бы ожидать со стороны какъ германскихъ властей, такъ и германскихъ банкировъ. Дѣйствуя иначе, они либо обнаружили бы непониманіе германскихъ интересовъ, либо навлекли бы на себя обвиненіе въ прямой измѣнѣ этимъ интересамъ.

Съ Германской стороны въ этомъ дѣлѣ все понятно. Но какъ могло быть оно допущено съ русской стороны? Неужели у насъ въ Россіи никто не понималъ ни значенія Либавы, ни цѣли тѣхъ громадныхъ затратъ (далеко болѣе пятидесяти милліоновъ металлическихъ рублей) которыя были сдѣланы государствомъ для ея подъема?

Какъ же это у насъ вдругъ, по словамъ Крыловской басни, „деревня между глазъ сгорѣла?“ Въ ходящихъ толкахъ называютъ не мало лицъ принимавшихъ участіе въ этой противогосударственной операціи, и публика въ правѣ ожидать что эти лица не уклонятся отъ разъясненія какъ и при какихъ условіяхъ совершилось дѣло обращающее нынѣ на себя общее вниманіе и ставшее „притчею во языцѣхъ.“

Никакихъ официальныхъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ пока не имѣется. Приходится довольствоваться слухами. А слухи, чѣмъ далѣе, тѣмъ въ худшемъ видѣ представляютъ обстановку дѣла. По этимъ слухамъ, уже разглашеннымъ въ печати, оказываются проданными не однѣ только тѣ акціи Либаво-Роменской дороги которыя издавна находились въ рукахъ покойнаго Мекка и должны были перейти отъ него къ его наслѣдникамъ; точно также оказались проданными германскимъ банкирамъ и тѣ акціи этой дороги которыя были пріобрѣтены отъ Мекка правительствомъ. На распорядителяхъ нашего желѣзно-дорожнаго фонда лежитъ такимъ образомъ не только не меньшая, но еще гораздо бо́льшая отвѣтственность предъ государствомъ во всей этой загадочной исторіи Либавской дороги. Строителю Роменской дороги покойному инженеру Мекку, нужны были наличныя деньги взамѣнъ не имѣвшихъ биржевой цѣнности акцій этой дороги. Болѣе двухъ третей всего количества этихъ акцій (40 000 акцій изъ числа 53.933) онъ передалъ правительству за половину ихъ номинальной цѣны. Была ли эта сдѣлка выгодна для правительства, слѣдовало ли выдать за неимѣющія биржевой цѣны акціи два съ половиной милліона металлическихъ рублей, или можно было пріобрѣсти отъ Мекка эти акціи за меньшую сумму, объ этомъ теперь поздно говорить. Но во всякомъ случаѣ въ этой сдѣлкѣ не было ничего неблаговиднаго; ею предупреждался переходъ акцій въ такія руки въ которыхъ было бы нежелательно ихъ видѣть; ею облегчался выкупъ дороги въ любой моментъ когда правительство пожелало бы приступить къ нему; ею усиливалось, наконецъ, вліяніе правительства на все управленіе дорогой и до ея выкупа, такъ какъ предъ волей владѣльца болѣе чѣмъ двухъ третей всѣхъ акцій неизбѣжно должна была склоняться воля владѣльца или владѣльцевъ остальнаго небольшаго количества акцій. Но вдругъ, по непонятнымъ соображеніямъ, желѣзнодорожный фондъ призналъ ненужными для себя тѣ самыя акціи которыя онъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ пріобрѣлъ за $2^1/_2$ милл. мет. руб. Хотя въ отчетахъ Государственнаго Контроля эти акціи значились *пріобрѣтенными*, онѣ вдругъ оказались только *заложенными;* затѣмъ эти „заложенныя“ акціи были признаны не имѣющими никакой цѣнности, и посему *освобождены изъ-подъ залога*, то-есть возвращены залогодателямъ; а въ заключеніе, эти освобожденныя правительствомъ изъ-подъ залога акціи, въ общей массѣ съ не бывшими подъ залогомъ, перешли въ Кенигсбергъ и Берлинъ. Не имѣющія цѣнности акціи вдругъ получили цѣнность. Теперь, чтобы возвратить ихъ въ русскія руки, правительству понадобится, пожалуй, истратить на вторичную ихъ покупку гораздо бо́льшую сумму чѣмъ въ какую обошлось прежнее пріобрѣтеніе ихъ отъ Мекка...

Утверждаютъ что еще 14 августа въ Комитетѣ Министровъ имѣло происходить совѣщаніе о положеніи которое должно принять правительство по отношенію къ состоявшейся продажѣ Либаво-Роменской дороги. Къ чему привело это совѣщаніе, какія предположены мѣры, неизвѣстно. Но должно замѣтить что вопросъ въ данную минуту идетъ уже не объ одной Либавской дорогѣ, что онъ принялъ гораздо бо́льшіе размѣры. Подобно тому какъ эту дорогу, германскіе банкиры, по слухамъ, купили также и бо́льшую часть акцій общества Юго-Западныхъ дорогъ, организація коего не дешево обошлась правительству. Это желѣзно-дорожное общество должно было исполнять по отношенію къ нашимъ черноморскимъ портамъ ту же роль какую Либаво-Роменская дорога исполняла по отношенію къ Либавѣ, помогая между прочимъ конкурренціи Одессы съ Кенигсбергомъ и Данцигомъ. Понятно какое значеніе имѣетъ переходъ акцій этого общества въ германскія руки. Но и всѣмъ этимъ переходъ русскихъ дорогъ во власть иностранцевъ, пожалуй, не ограничится. Поговариваютъ что уже образовались консорціумы банкировъ, вопервыхъ, для покупки Севастопольской дороги, вовторыхъ, для покупки дороги Балтійской. Неизвѣстно также въ чьихъ рукахъ очутится Курско-Кіевская дорога. Большое число акцій этой дороги принадлежало покойному фонъ-Дервизу; но

еще большая масса акцій этой дороги принадлежала правительству; наше финансовое управленіе, однако, не пожелало почему-то держать ихъ въ своихъ рукахъ и года полтора тому назадъ, какъ сообщено въ газетахъ, продало ихъ тому самому директору Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка, г. Заку, чрезъ посредство коего совершился нынѣ переходъ акцій Либавской дороги къ германскимъ покупщикамъ...

Вопросъ такимъ образомъ слѣдуетъ ставить уже вообще о положеніи преградъ къ переходу русскихъ государственныхъ путей сообщенія во власть чужеземцевъ. Нельзя терпѣть чтобы русскіе государственные пути со всею массой связанныхъ съ ними народно-хозяйственныхъ интересовъ были предметами простой купли и продажи, предметомъ не только внутренняго, но и международнаго торга, и игрушкой въ рукахъ разныхъ спекулянтовъ и аферистовъ. Направленія въ какихъ движется торговля имѣютъ огромное значеніе помимо размѣровъ въ какихъ она происходитъ. Исторія человѣчества изобилуетъ примѣрами того какъ отъ измѣненія торговыхъ путей то процвѣтали, то приходили въ упадокъ не только города, но и цѣлыя страны. Болѣе и менѣе это всегда сознавалось государственными людьми всѣхъ странъ и народовъ. Не разъ велись кровавыя войны за обладаніе естественными путями которыми движется торговля, за обладаніе рѣками и ихъ устьями. Желѣзныя дороги въ торговомъ отношеніи имѣютъ совершенно то же значеніе что̀ и судоходныя рѣки. Какъ не можетъ быть допущено чтобы русскія рѣки перешли во власть иностранцевъ, такъ не можетъ быть терпимо чтобъ и русскія желѣзныя дороги дѣлались ихъ достояніемъ, не можетъ быть терпима система при которой онѣ такъ легко изъ мощной силы направленной къ подъему благосостоянія нашего отечества могутъ обращаться въ сильныя орудія подрыва нашего народнаго хозяйства. А эта вредная система, нечего скрывать отъ себя, останется у насъ въ силѣ пока государство не рѣшится, наконецъ, взять желѣзныя дороги въ свои руки. Ея вредъ можетъ быть ослабленъ, но только ослабленъ усиленіемъ правительственнаго контроля за желѣзными дорогами, ограниченіемъ власти желѣзнодорожныхъ правленій устанавливать желѣзнодорожные тарифы по ихъ усмотрѣнію. Но зло будетъ вырвано съ корнемъ лишь въ томъ случаѣ когда государство станетъ само полнымъ обладателемъ, собственникомъ своихъ желѣзныхъ дорогъ. Нѣтъ сомнѣнія что операція выкупа желѣзныхъ дорогъ есть операція сложная и требующая большихъ средствъ, но не такихъ уже большихъ какъ иные можетъ-быть полагаютъ. Нѣтъ причинъ почему русской казнѣ покупка русскихъ дорогъ обошлась бы дороже чѣмъ иностранцамъ. А всѣ знаютъ какъ дешево досталася, напримѣръ, кенигсбергскимъ банкирамъ купленная ими Либавская дорога. Вся наша желѣзно-дорожная сѣть построена преимущественно на казенныя деньги, которыя и числятся въ долгу за дорогами. Помимо того, за тѣми же дорогами числится масса выданныхъ имъ ссудъ. Не мало также остается въ рукахъ правительства акцій разныхъ дорогъ. Примите все это въ разчетъ, и увидите что требуемое государственными интересами изъятіе желѣзныхъ дорогъ обойдется казнѣ и народу не дороже противнаго государственнымъ интересамъ изъятія изъ народнаго обращенія кредитныхъ денегъ, при невозможности замѣнить ихъ никакими другими.

№ 235.

Москва, 24-го августа.

Постановленіе Швейцарскаго Союзнаго Совѣта объ изгнаніи революціоннаго агитатора Крапоткина изъ предѣловъ Швейцаріи вновь оживило толки по вопросу о такъ-называемомъ правѣ убѣжища для политическихъ преступниковъ. Этотъ и другіе факты, какъ осужденіе Моста въ Англіи и далеко не радушный пріемъ, который противъ ожиданія встрѣтилъ Гартманъ въ Америкѣ,—какъ бы свидѣтельствуютъ о благомъ поворотѣ во мнѣніяхъ о позорящемъ нашъ вѣкъ международномъ потворствѣ величайшимъ злодѣяніямъ; однако въ принципѣ этотъ вопросъ не подвинулся и даже не извѣстно признаетъ ли его дипломатія созрѣвшимъ для открытія переговоровъ объ установленіи обязательнаго для всѣхъ соглашенія по этому предмету. Офиціальный толчокъ къ международнымъ переговорамъ по вопросу объ убѣжищахъ открываемыхъ крамольникамъ и публичномъ подстрекательствѣ къ преступ-

ленію противъ одного государства, безнаказанно производимомъ въ предѣлахъ другаго, былъ данъ, какъ извѣстно, вскорѣ послѣ событія 1 марта Германскимъ рейхстагомъ, который по предложенію г. Виндтгорста постановилъ просить имперскаго канцлера войти по этому предмету въ соглашеніе съ прочими державами. Германскій рейхстагъ очень рѣдко вмѣшивается въ дѣла иностранной политики, и если это дѣлается, то можно быть увѣрену что князь Бисмаркъ самъ почему-либо нашелъ нужнымъ вызвать публичныя пренія по извѣстному вопросу, дабы такъ или иначе воспользоваться парламентскимъ рѣшеніемъ въ своихъ дипломатическихъ переговорахъ. И на этотъ разъ послѣ публичнаго обсужденія дѣла въ рейхстагѣ, всѣ были увѣрены что имперскій канцлеръ счелъ нужнымъ взять это дѣло въ свои руки и подвинуть оное, съ обычною ему энергіей, къ какому-либо положительному результату. Но видно и германскому канцлеру это было не по силамъ; ибо вотъ уже прошло пять мѣсяцевъ и нѣтъ ни малѣйшаго указанія чтобъ этотъ вопросъ считался нынѣ дипломатически открытымъ.

Недавно въ Кельнѣ происходилъ ежегодный съѣздъ, или такъ-называемый конгрессъ общества кодификаціи международнаго права, во главѣ котораго стоитъ почтенный гейдельбергскій профессоръ г. Блунчли. Конгрессъ этотъ обсуждалъ вопросъ о правѣ убѣжища для политическихъ преступниковъ и единогласно постановилъ что политическое убійство и покушеніе на оное не могутъ быть отнесены къ разряду преступленій только политическихъ, и что виновные подлежатъ выдачѣ безусловно то-есть независимо отъ того имѣется ли трактатъ о взаимной выдачѣ преступниковъ между государствомъ противъ котораго направлено преступленіе и тѣмъ въ чьихъ предѣлахъ укрывается преступникъ. Нѣтъ сомнѣнія что только въ этомъ видѣ и возможно правильное разрѣшеніе вопроса: нужно чтобы политическое убійство и публичное подстрекательство къ нему перестало быть предметомъ частнаго договорнаго права между отдѣльными государствами и чтобы наказуемость онаго была провозглашена принципомъ народнаго права, подобно наказуемости морскаго разбоя и торговли невольниками. Сколько извѣстно серіозныя препятствія къ установленію разъ навсегда такого всеобщаго международнаго соглашенія встрѣчались лишь со стороны Швейцарской республики и Англіи. Швейцарія однако фактически признала для себя обязательнымъ сказанный принципъ еще десять лѣтъ тому назадъ выдавъ Нечаева, хотя трактата о взаимной выдачѣ преступниковъ между ею и Россіей не было. Изгнаніемъ Крапоткина Швейцарія подтвердила свой взглядъ. Стало-быть единственнымъ противникомъ, упорно отстаивающимъ свои „традиціи," является Англія, которая ставитъ этому дѣлу препятствія, хотя для злоумышленниковъ противъ ея безопасности она не признаетъ такого права убѣжища. Англійское правительство имѣло смѣлость заявить въ парламентѣ что агитація ирландскихъ революціонеровъ въ Америкѣ служитъ однимъ изъ самыхъ могучихъ двигателей тѣхъ преступныхъ покушеній противъ англійскаго государственнаго порядка, кои въ послѣднее время приняли столь ужасающіе размѣры, причемъ англійскій министръ высказалъ надежду что Американское правительство не откажетъ Англіи въ содѣйствіи къ раскрытію и энергическому подавленію заговоровъ организуемыхъ на американской почвѣ. А въ то же самое время газеты, не исключая и англійскихъ, сообщаютъ что Крапоткинъ, изгнанный изъ Швейцаріи, направился въ Англію, и тѣ самые органы которые вполнѣ одобряютъ распоряженіе Швейцарскаго правительства жалѣя лишь о томъ что возобладавшій нынѣ болѣе здоровый взглядъ на международныя обязанности относительно проповѣдниковъ крамолы не былъ признанъ ранѣе, находятъ переселеніе Крапоткина въ Лондонъ въ порядкѣ вещей!

„Убіеніе Императора Александра II," замѣчаетъ французская газета *Constitutionnel*, „открыло глаза членамъ Швейцарскаго Союзнаго Совѣта. Они поняли что есть негодяи готовые исполнить на дѣлѣ свои ученія, есть люди которые, наслушавшись толковъ что цареубійство есть дѣло достойное похвалы, готовы взорвать желѣзную дорогу по коей проѣзжаетъ Императоръ и бросить динамитную бомбу. Мы спрашиваемъ всѣхъ здравомыслящихъ людей поступили ли правительства Франціи и Швейцаріи такъ какъ того требовала нравственность и международное право? Гартманъ и Крапоткинъ принадлежатъ къ одной и той же шайкѣ убійцъ, это знала вся Европа. Если бы правительство Фран-

цузской республики передало Гартмана въ руки русскаго правосудія, а правительство швейцарской республики выгнало Крапоткина и другихъ злодѣевъ изъ шайки нигилистовъ, быть-можетъ Императоръ Александръ II былъ бы живъ до сихъ поръ. Оба правительства, держась самыхъ дурныхъ демократическихъ преданій, въ прежнее время готовы были видѣть политику и свободу въ пропагандѣ убійства."

Все это справедливо, и утѣшительно что республиканскія французскія газеты проповѣдуютъ такія истины не только признавая гнусными убійцами людей кои еще такъ недавно провозглашались парижскою печатью „страдальцами за идею свободы," но соглашаясь и съ тѣмъ что между злодѣяніями и открытымъ подстрекательствомъ къ нимъ есть существенная связь.

Почему же, спрашивается, эти самые аргументы не могутъ быть обращены и къ Англіи? Если революціонная пропаганда, практикуемая въ наше время, есть организація убійства, если она ведетъ какъ къ прямому послѣдствію къ безпримѣрнымъ въ исторіи злодѣяніямъ, сама признавая динамитъ своимъ оружіемъ, то могла ли бы Англія уклониться отъ вопроса прямо ей поставленнаго, еслибы дипломатія собралась съ духомъ и потребовала чтобъ она присоединилась ко всеобщему соглашенію и отказала въ пріютѣ революціонерамъ, привыкшимъ смотрѣть на Англію какъ на вѣрное убѣжище для себя и какъ на свободную арену для продолженія своей преступной дѣятельности? Неужели Англія рѣшилась бы и теперь возразить противъ такого требованія указаніемъ на „свободныя британскія учрежденія?" Едва ли бы достало на это въ настоящее время смѣлости у англійскихъ государственныхъ людей. Но еслибы таковъ былъ англійскій отвѣтъ, то тѣмъ хуже для „гордыхъ сыновъ Британіи" кичащихся своими учрежденіями.

№ 236.

Москва, 25-го августа.

Все во всякой странѣ зависитъ отъ того какъ ея правительство понимаетъ и исполняетъ свои обязанности. Возникаетъ ли смута, колеблются ли законы государства, пріобрѣтаютъ ли свободу насиліе и обманъ, развращаются ли юныя поколѣнія въ школахъ, совершаются ли безчинства на публичныхъ путяхъ, отвѣтственность за все подобное главнымъ образомъ падаетъ на лица во власти. У кого власть въ рукахъ тѣ и отвѣчаютъ за все что̀ власть должна предотвращать и пресѣкать. Если она дремлетъ или неправильно понимаетъ свои обязанности, весь вредъ отъ того происходящій вмѣняется лицамъ служащимъ правительственному дѣлу. Напрасно и смѣшно обращаться съ сѣтованіями, упреками или назиданіями къ публикѣ и уговаривать ее вести себя благоприличнѣе. Причина отвѣчаетъ за дѣйствіе, а дѣйствіе свидѣтельствуетъ о причинѣ. Виноватъ не камень падающій вамъ на голову, виновата рука которая бросаетъ его съ умысломъ или безъ умысла.

Въ правительственныхъ сферахъ, также какъ и во всякомъ порядочномъ обществѣ, слышатся у насъ сѣтованія на злоупотребленіе публичнымъ словомъ. Не будемъ спорить что печать у насъ, въ общей сложности, представляетъ не хорошее зрѣлище, что она служитъ средою интригъ, что чрезъ нее распространяется въ обществѣ всякаго рода ложь, что она сбиваетъ съ толку и развращаетъ незрѣлые умы и что наконецъ она бываетъ полна грязи. Пусть такъ, но гдѣ же тому причина? Законъ 1865 года освободившій нѣкоторую часть печати отъ предварительной цензуры отнюдь не отнялъ у администраціи контроля надъ печатью. Освободивъ печать отъ предварительной цензуры, законъ удержалъ во всякомъ случаѣ административную цензуру post factum. Цензурное учрежденіе не только осталось, но и было усилено. Кромѣ цензурныхъ комитетовъ, создано новое, высшее цензурное учрежденіе, bureau de la presse, Главное Управленіе (по дѣламъ) Печати, со многочленнымъ совѣтомъ, съ особымъ начальникомъ. Создано такимъ образомъ большое, обширное, многоэтажное учрежденіе, сто̀ящее казнѣ не мало денегъ; отдѣльные цензоры, цензурные комитеты, Главное Управленіе Печати, ея начальникъ, надъ нимъ министръ: чего же больше для наблюденія надъ печатью, для пресѣченія всего что̀ оскорбляетъ общественную нравственность? Предоставляя печатающему самое дорогое, основное право всякой свободы, право самому за себя отвѣчать, и освобождая такимъ образомъ мысль и публичное слово отъ унизитель-

ной опеки, законъ однако вовсе не освободилъ администрацію отъ отвѣтственности за происходящее въ печати. Напротивъ, какъ мы видимъ, онъ усилилъ эту отвѣтственность. Если офиціальныя лица обязанныя наблюдать за печатью не могутъ и не должны отвѣчать за появленіе чего-либо недозволеннаго закономъ, то они не должны оставлять безъ послѣдствій то что съ точки зрѣнія государства и закона недозволительно, недопустимо, нетерпимо. Зло и вредъ заключаются не въ случайномъ и одиночномъ появленіи чего-либо предосудительнаго, а въ безнаказанности появившагося, слѣдовательно какъ бы въ одобреніи предосудительнаго. Не вѣрно понимая свои обязанности или не исполняя ихъ, правительственныя лица тѣмъ самымъ устанавливаютъ, узаконяютъ и вводятъ въ силу дурные обычаи и становятся виновниками общественной безнравственности. Если появленіе чего-либо дурнаго падаетъ на отвѣтственность автора или издателя, то все дурное, оставшееся безъ должныхъ послѣдствій, падаетъ на отвѣтственность администраціи. Всего хуже когда лица во власти, оставляя въ небреженіи долгъ своей службы и поощряя своимъ бездѣйствіемъ дурное, даютъ чувствовать однако всю силу данной имъ власти коль скоро дѣло касается ихъ самихъ. Законъ дозволяетъ вообще обсужденіе и законовъ, и правительственныхъ дѣйствій; стало-быть нельзя считать дѣломъ предосудительнымъ критику правительственныхъ мѣръ, хотя бы и рѣзкую, но добросовѣстную, то-есть не прибѣгающую къ пособію лжи и не выходящую изъ предѣловъ приличія. И долгъ предъ государствомъ, и либеральный духъ въ благородномъ смыслѣ этого слова обязываютъ облеченнаго властію администратора уважать и ограждать допущенную закономъ свободу мнѣнія, хотя бы въ данномъ случаѣ оно и противъ него было направлено. Онъ превыситъ свою власть если поступитъ иначе. Но какую мораль извлечетъ себѣ публика и какой видъ приметъ печать если наоборотъ, ограждая себя ото всякой критики, тотъ же администраторъ станетъ терпѣть и даже поощрять очевидно нечестныя выходки противъ другихъ? Не было ли бы это то же самое что вступать въ соглашеніе съ мошенниками и разбойниками, выговаривая себѣ безопасный и даже почетный проѣздъ и за то предоставляя этимъ рыцарямъ распоряжаться, по усмотрѣнію, со всѣми прочими проѣзжими и прохожими? Слава Богу, на улицахъ и дорогахъ въ цивилизованныхъ государствахъ ничего подобнаго не бываетъ, но въ печати, которая есть однако тоже общественный путь, въ печати, какъ въ дѣлѣ болѣе отвлеченномъ, подлежащемъ болѣе умственной нежели глазомѣрной оцѣнкѣ, нѣчто подобное бываетъ. Вотъ примѣръ: законъ строжайшимъ образомъ возбраняетъ личное оскорбленіе и диффамацію. Законъ не допускаетъ въ этомъ отношеніи никакого двоемыслія, никакого сомнѣнія. Воспрещается злословіе и оглашеніе о частной жизни лицъ какого бы то ни было позорящаго обстоятельства не только вымышленнаго, но и сопровождаемаго доказательствами. Никакіе факты въ подтвержденіе диффамаціи, по силѣ закона, равно обязательнаго во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, не могутъ быть приводимы ни въ печати, ни въ судѣ. Можетъ ли власть которой ввѣрено наблюденіе за печатью оставаться равнодушною, въ виду безчинствъ нарушающихъ основныя и строгія требованія закона, и не принимать мѣръ къ огражденію общественной безопасности и благочинія. Если полиція не можетъ бездѣйствовать въ виду уличныхъ скандаловъ, то нельзя ей бездѣйствовать и въ виду предусмотрѣннаго закономъ оскорбленія нравственности путемъ печати. Ссылка на судъ была бы только благовидною, или точнѣе, неблаговидною отговоркой. Правда, законъ о печати предусматриваетъ случаи подлежащіе судебной процедурѣ и опредѣляетъ мѣру наказанія. Но судебныя учрежденія у насъ (въ Англіи иначе) дѣйствуютъ только когда къ нимъ обращаются, между тѣмъ какъ административная власть призвана дѣйствовать по собственной инціативѣ. Дѣло общественной нравственности нельзя ставить въ зависимость отъ случайнаго расположенія лицъ возбуждать или не возбуждать судебное преслѣдованіе. Всякій воленъ въ своей обидѣ; но общественная власть не вольна дѣйствовать или не дѣйствовать въ виду явныхъ нарушеній нравственнаго порядка, въ точности предусмотрѣнныхъ и безусловно запрещенныхъ закономъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ злословія, диффамаціи и клеветы не всякій и рѣшится обращаться къ судамъ, тѣмъ болѣе что судебная процедура вела бы только къ вящему оскорбленію лицъ, къ злѣйшему поруганію общественной нравственности.

Наконецъ, судебная процедура требуетъ хлопотъ, заботъ, издержекъ, а нарушеніе закона ограждающаго общество отъ безчинствъ ни въ какомъ случаѣ не должно оставаться безнаказаннымъ. Законъ не лицепріятенъ; онъ долженъ быть чтимъ и соблюдаемъ не по отношенію къ тѣмъ или другимъ лицамъ, но самъ по себѣ, въ силу своей правды. Цензурное управленіе заходило бы ходенемъ еслибы появился пасквиль на лица стоящія во главѣ его, и тогда всѣ перуны которыми оно располагаетъ посыпались бы на виновныхъ. Вотъ почему виновныхъ въ подобныхъ преступленіяхъ и не оказывается, вотъ почему храбрые рыцари пасквиля и не дерзаютъ заходить въ эти сферы. Негодяи есть вездѣ и всегда будутъ. Но когда законъ въ рукахъ сильнаго, умнаго и честнаго правительства дѣйствуетъ неуклонно и нелицепріятно, негодяи исчезаютъ съ общественныхъ путей и нравственная атмосфера очищается.

А что̀ сказать еслибы сама полиція стала поощрять уличныя безчинства? Въ печати и это бываетъ. У насъ далеко не вся печать освобождена отъ предварительной цензуры. Законъ между прочимъ удержалъ подъ цензурой иллюстрированныя изданія, имѣя при этомъ въ виду главнымъ образомъ предотвращеніе квалифицированнаго злословія, пасквиля въ лицахъ, противъ котораго едва ли и возможно было бы искать судебной расправы. Какимъ же образомъ, въ нашихъ сатирическихъ изданіяхъ, часто появляются каррикатуры на извѣстныя лица съ прямымъ или косвеннымъ на нихъ указаніемъ, при томъ явно тенденціознаго свойства? Какое право имѣетъ цензоръ въ противность духу и буквѣ закона *одобрять* къ печатанію злословіе, пасквиль и личную каррикатуру? Любопытно было бы знать пропустилъ ли бы онъ пасквиль и каррикатуру на себя или на тѣхъ отъ кого по службѣ зависитъ?

№ 237.

Москва, 28-го августа.

Дѣло Либаво-Роменской дороги, несмотря на массу статей о немъ въ разныхъ газетахъ, попрежнему остается темнымъ и загадочнымъ. Нисколько не пролило на него свѣта и появившееся въ № 200 *Петербургскихъ Вѣдомостей* письмо одного изъ главныхъ участниковъ дѣла, директора Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка, г. Зака *). Письмо это поражаетъ только странностью своего содержанія и изложенія. Г. Закъ не отъ своего только имени, но отъ имени цѣлаго консорціума купившаго *всѣ* акціи Либаво-Роменской дороги протестуетъ противъ приписаннаго молвою всему этому дѣлу антипатріотическаго характера... Но заявляя этотъ протестъ, онъ не сказалъ ни одного слова которое могло бы придать ему какой-нибудь вѣсъ и значеніе; такъ, напримѣръ онъ не счелъ даже удобнымъ поименовать лица участвовавшія вмѣстѣ съ нимъ въ покупкѣ акцій. Между тѣмъ, лишь поименовкой всѣхъ этихъ лицъ могъ бы быть опровергнутъ встревожившій всѣхъ въ Россіи слухъ что дорога куплена кенигсбергскими и берлинскими банкирами. Умалчивая же ихъ имена, г. Закъ косвенно подтвердилъ эти слухи. Къ чему

---

*) Вотъ это письмо:

„М. Г.—Находясь въ настоящее время на водахъ въ Гомбургѣ, я лишь понемногу и, конечно, позднѣе другихъ узналъ о мнѣніяхъ высказанныхъ нѣкоторыми изъ нашихъ органовъ печати, а въ томъ числѣ и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, по поводу пріобрѣтенія мною вмѣстѣ съ другими лицами, всѣхъ акцій Либаво-Роменской желѣзной дороги.

„Чтобы не оставить общественное мнѣніе въ заблужденія считаю долгомъ протестовать противу придаваемаго этому дѣлу анти-патріотическаго характера и смѣю рѣшительно утверждать что ничего подобнаго тѣмъ тенденціямъ, которыя намъ приписываютъ, никому изъ насъ въ голову даже не приходило.

„Къ этому категорическому заявленію считаю достаточнымъ присовокупить что для достиженія подобныхъ вредныхъ цѣлей, въ коихъ насъ заподазриваетъ пресса, необходимо было бы, во всякомъ случаѣ, предпринимать цѣлый рядъ мѣръ, прямыхъ и косвенныхъ, для чего требовалось бы довольно продолжительное время, поэтому я просилъ бы пообождать сужденіями, а тѣмъ болѣе осужденіемъ, нѣсколько мѣсяцевъ.

„Этотъ періодъ времени, надѣюсь, дастъ настоящимъ владѣльцамъ акцій возможность доказать что Либавскій портъ и Либаво-Роменская желѣзная дорога, слѣдовательно и общегосударственные интересы, не только не проиграли, но значительно выиграли отъ перехода акцій въ ихъ руки.

„Покорнѣйше прошу напечатать настоящее письмо въ ближайшемъ № вашей уважаемой газеты и принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи вашего покорнаго слуги

„*А. Закъ.*

„Гомбургъ близь Франкфурта.
„17 (29) августа 1881.“

же въ такомъ случаѣ оправдывать покупщиковъ отъ кѣмъ-то взводимаго будто бы на нихъ нареканія въ недостаткѣ патріотизма? Кто же сомнѣвается въ томъ что покупка Либаво-Роменской дороги есть для германскихъ банкировъ дѣло серіознаго служенія интересамъ ихъ отечества и стало-быть весьма и весьма патріотическое.

Кромѣ голословнаго протеста противъ нареканія въ антипатріотичности совершившейся сдѣлки, г. Закъ въ своемъ письмѣ, точно также голословно, утверждаетъ что отъ перехода Либавскихъ акцій въ руки консорціума, коего онъ выступаетъ представителемъ, не только не проиграли, но значительно выиграли и Либавскій портъ, и Либаво-Роменская дорога, а слѣдовательно и общегосударственные интересы. Доказать это однако теперь онъ не можетъ. Онъ и его сотоварищи по покупкѣ акцій будутъ въ состояніи сдѣлать это лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. До тѣхъ же поръ онъ проситъ публику повременить сужденіями о дѣлѣ. Нынѣшнія сужденія о немъ, повидимому, пришлись г. Заку очень не по сердцу, и онъ находитъ ихъ преждевременными, можетъ-быть въ той же мѣрѣ въ какой находилъ преждевременнымъ оглашеніе своей сдѣлки съ покойнымъ Коммерческимъ Ссуднымъ Банкомъ въ Москвѣ другой знаменитый въ желѣзнодорожной сферѣ дѣятель.

Пріостановка на „нѣсколько мѣсяцевъ" всякихъ сужденій о Либаво-Роменскомъ дѣлѣ нужна гг. Заку и К° для того чтобы доказать что затѣянное ими дѣло есть дѣло хорошее. Но какъ видно изъ письма г. Зака, эта отсрочка въ нѣсколько мѣсяцевъ могла бы оказаться нужною и для кой-чего другаго. Утверждая что переходъ Либаво-Роменскихъ акцій изъ однѣхъ рукъ въ другія не ведетъ ни къ чему дурному, г. Закъ прибавляетъ: „для достиженія вредныхъ цѣлей.. необходимо было бы, во всякомъ случаѣ, предпринимать цѣлый рядъ мѣръ, прямыхъ и косвенныхъ, *для чего требовалось бы* довольно *продолжительное время*, *поэтому* я просилъ бы пообождать сужденіями, а тѣмъ болѣе осужденіемъ, нѣсколько мѣсяцевъ."

Что̀ это: невѣроятная обмолвка, или откровенная просьба дать покупщикамъ Либаво-Роменскихъ акцій время для принятія обычныхъ въ желѣзнодорожномъ мірѣ *прямыхъ и косвенныхъ мѣръ*, о характерѣ коихъ въ свое время далъ на судѣ весьма любопытныя показанія г. Струсбергъ?

Какъ не сказать что послѣ опубликованія письма г. Зака дѣло Либаво-Роменской дороги стало еще болѣе загадочнымъ чѣмъ было прежде? Нѣтъ, не такого разъясненія дѣла слѣдовало ожидать отъ г. Зака, котораго въ газетахъ прямо называютъ „homme d'affaires высокопоставленныхъ лицъ," „человѣкомъ отыскавшимъ во время Восточной войны пути въ Министерство Финансовъ и поставившимъ С.-Петербургскій Ссудный Банкъ въ положеніе втораго Государственнаго Банка по части эксплуатаціи Государственнаго Казначейства для частныхъ выгодъ..." Мы не придаемъ никакого значенія этимъ газетнымъ фразамъ и заключающимся въ нихъ намекахъ. Мы хорошо знаемъ что пословица „дыму безъ огня не бываетъ" не всегда оказывается справедливою. Но кромѣ фразъ, въ газетахъ сообщаются и факты въ подтвержденіе того что у нѣкоторыхъ стоящихъ во власти лицъ г. Закъ есть persona grata. Такъ, въ разныхъ газетахъ согласно разказывается о предпочтеніи которое было оказано г. Заку предъ покойнымъ г. фонъ-Дервизомъ при продажѣ принадлежавшихъ правительству акцій Курско-Кіевской дороги. И Дервизъ и Закъ давали за эти акціи одну и ту же цѣну. При такомъ равенствѣ, были, казалось, всѣ данныя въ пользу того чтобы продать Курско-Кіевскія акціи (если ужь дѣйствительно нужно было ихъ продавать) именно г. фонъ-Дервизу, и какъ человѣку уже владѣвшему массою акцій этой дороги, и какъ человѣку съ упроченною репутаціей въ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ, и какъ человѣку дѣйствительно оказавшему большую заслугу дѣлу построенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Если тѣмъ не менѣе предпочтенъ былъ г. Закъ, уже одно это, казалось бы, ставитъ ему въ обязанность, по отношенію къ лицамъ оказавшимъ ему сказанное предпочтеніе, не оставлять ничего не разъясненнымъ въ нынѣшнемъ дѣлѣ покупки акцій Либаво-Роменскихъ и не писать, взамѣнъ разъясненія, писемъ изъ Германіи съ загадками о „прямыхъ и косвенныхъ" мѣрахъ...

Мы уже передавали слухъ что вопросъ объ акціяхъ Либаво-Роменской дороги обсуждался недавно въ Комитетѣ Минист-

ровъ; теперь въ газетахъ передаютъ что результатомъ обсужденія было рѣшеніе не покупать этихъ акцій обратно въ казну. Не знаемъ вѣрить ли этому слуху, и если онъ справедливъ, не знаемъ, не имѣя въ виду всѣхъ подробностей дѣла, радоваться ли или нѣтъ такому рѣшенію. И помимо простой покупки, есть не мало иныхъ средствъ и путей взять Либаво-Роменскую дорогу непосредственно въ руки правительства.

Дорога эта, между тѣмъ, успѣла перемѣнить составъ своего правленія. На какомъ законно составленномъ собраніи акціонеровъ состоялся выборъ новыхъ членовъ правленія, неизвѣстно. Но въ газетахъ извѣщаютъ что эти неизвѣстно гдѣ, когда и кѣмъ выбранные члены должны на дняхъ съѣхаться въ Минскъ (по уставу, мѣстомъ пребыванія правленія назначена Москва), и что предсѣдателемъ правленія во вновь сформированномъ составѣ „избранъ“ директоръ Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка, г. Закъ. Затѣмъ, 31 августа, по газетнымъ свѣдѣніямъ, должно состояться чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ Либаво-Роменской дороги, созываемое, „по собственному усмотрѣнію правленія и по требованію акціонеровъ,“ для рѣшенія вопросовъ первой важности. Именно, въ числѣ докладовъ по которымъ собраніе должно дать свои заключенія, газеты поименовываютъ слѣдующіе:

1) Докладъ о перенесеніи мѣстопребыванія правленія изъ Москвы въ Петербургъ; 2) докладъ о выходѣ изъ состава правленія, по собственному желанію, двухъ директоровъ и двухъ кандидатовъ на должность директора; 3) докладъ о состояніи счетовъ Общества дороги съ наслѣдниками умершаго строителя дороги, дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Мекка, и о способахъ окончанія этихъ разчетовъ; 4) докладъ о покрытіи дефицита отъ эксплуатаціи дороги въ 1880 году и всѣ вопросы изъ него вытекающіе, и 5) докладъ о предоставленіи правленію права въ экстренныхъ случаяхъ, вызываемыхъ потребностями эксплуатаціи, испрашивать субсидію правительства и кредитоваться въ частныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ.

Всѣ эти доклады не лишены интереса; но въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе послѣдній изъ котораго усматриваются виды гг. Зака и К° на *правительственныя субсидіи*... Этого еще не доставало! Ужь не въ исходатайствованіи ли этихъ субсидій и будетъ заключаться то доказательство выгодности перехода дороги въ новыя руки, которое обѣщаетъ представить г. Закъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ?

Не лишено также значенія намѣреніе предоставить правленію дороги право кредитоваться въ частныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ. Это отличный путь обременить дорогу, не имѣющую средствъ покрывать даже расходы по эксплуатаціи, массой частныхъ долговъ, съ тѣмъ чтобы возложить въ послѣдствіи уплату этихъ долговъ, и дѣйствительныхъ и номинальныхъ, на правительство, которое, рано или поздно, должно же будетъ взять въ свои руки дорогу со всѣми числящимися на ней долгами. Это удобный путь, между прочимъ, и къ тому чтобы, напримѣръ, подъ видомъ разчетовъ съ наслѣдниками г. фонъ-Мекка, возложить на дорогу, а въ концѣ концовъ на казну, уплату даже той суммы которая, какъ сообщалось въ газетахъ, была выдана изъ С.-Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка новымъ хозяевамъ дороги подъ залогъ ея акцій, и такимъ образомъ вполнѣ обезпечить С.-Петербургскій Учетный и Ссудный Банкъ, на казенный счетъ, отъ всякихъ потерь по операціи пріема въ залогъ Либаво-Роменскихъ акцій. Если эти акціи и понынѣ остаются заложенными въ томъ же Банкѣ, забота объ этомъ можетъ оказаться нелишнею: въ моментъ когда Либаво-Роменскія акціи были приняты Банкомъ въ залогъ, онѣ не имѣли даже и той цѣны какую могли имѣть обезпеченія подъ которыя были выданы Струсбергу тѣ милліонныя ссуды которыя погубили Коммерческій Ссудный Банкъ въ Москвѣ, причинили столько хлопотъ и убытковъ его вкладчикамъ и пустили по міру многихъ изъ его акціонеровъ. Слѣдовало ожидать что г. Закъ, въ качествѣ директора Петербургскаго Учетнаго Ссуднаго Банка, прежде всего поставитъ себѣ долгомъ въ своемъ письмѣ опровергнуть всѣ сообщенія о томъ что купленныя имъ съ товарищами акціи были дѣйствительно заложены въ управляемомъ имъ банкѣ, и что этотъ банкъ дѣйствительно выдалъ подъ залогъ *ничего не стоящихъ акцій* нѣсколько милліоновъ рублей. Нѣтъ, никакого опроверженія по этому пункту не послѣдовало...

С.-Петербургскій Учетный и Ссудный Банкъ оказался, однако, счастливѣе покойнаго Коммерческаго Ссуднаго Банка въ Москвѣ. Акціи этого послѣдняго начали быстро падать при первыхъ слухахъ о залогѣ въ немъ Струсберговскихъ обезпеченій и потеряли всякую цѣнность какъ только слухи эти подтвердились. Акціи Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка нисколько не понизились вслѣдствіе извѣстія о выдачѣ имъ нѣсколькихъ милліоновъ подъ неимѣющее никакой цѣнности обезпеченіе. Напротивъ, почти въ самый моментъ совершенія этой операціи, акціи управляемаго г. Закомъ банка даже поднялись... Въ газетахъ былъ отмѣченъ странный фактъ что выходъ въ отставку бывшаго управляющаго Государственнымъ Банкомъ, Е. И. Ламанскаго, сопровождался пониженіемъ акцій Волжско-Камскаго и наоборотъ повышеніемъ акцій С.-Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка. Первый изъ этихъ двухъ фактовъ достаточно объясняется тѣмъ участіемъ которое г. Ламанскій принималъ въ управленіи Волжско-Камскаго Банка. Но второй фактъ — подъемъ акцій Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка,— признаемся, представляется намъ несовсѣмъ понятнымъ. Впрочемъ, можно, пожалуй, допустить такое объясненіе. Выходъ въ отставку г. Ламанскаго сопровождался усиленными толками о преобразованіи Государственнаго Банка въ акціонерный. Не полагали ли на биржѣ что г. Закъ устроитъ и съ акціями Государственнаго Банка такую же операцію какую совершилъ онъ съ акціями Либаво-Роменской дороги, и съ такимъ же успѣхомъ, особенно если русскій людъ будетъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ воздерживаться отъ всякихъ сужденій и тѣмъ дастъ достаточно времени и простора для принятія всѣхъ нужныхъ въ такомъ дѣлѣ „прямыхъ и косвенныхъ“ мѣръ?

№ 238.

Москва, 27-го августа.

Въ полученныхъ сегодня берлинскихъ газетахъ находимъ первые намеки на Данцигское свиданіе Императоровъ Всероссійскаго и Германскаго. Судя по этимъ извѣстіямъ, встрѣча Монарховъ не была неожиданностію. Мѣстная *Данцигская Газета*, на которую ссылается берлинская печать, передаетъ что „слухъ о свиданіи Императоровъ Александра и Вильгельма долженствующемъ послѣдовать въ пятницу, 9 сентября н. с., ходитъ въ Данцигѣ уже съ 3 сентября,“ то-есть съ минувшей субботы. *Данцигская Газета*, какъ видно изъ сокращенной передачи берлинской *Post*, воспроизвела однако не городскіе толки, а извѣстія полученныя изъ хорошаго источника; такъ она говоритъ что „Императоръ Александръ III прибудетъ на русскомъ военномъ пароходѣ и будетъ *вѣроятно* встрѣченъ германскою броненосною эскадрой и придворною яхтой *Гогенцоллернъ* на которой долженъ въ четвергъ (8 сентября) прибылъ изъ Киля въ Данцигъ адмиралъ фонъ-Стошъ. Мѣстнымъ властямъ Данцига даны уже надлежащія указанія касательно пріема обоихъ Монарховъ.“

Нельзя не замѣтить что оба близкіе германскому имперскому канцлеру органа *Сѣверо-Германская Газета* и *Post*, воспроизводя упомянутыя извѣстія, почти одними и тѣми же словами стараются ослабить ихъ значеніе. Такъ *Post* замѣчаетъ: „какъ мы слышали, еще не рѣшено состоится ли вообще свиданіе; если же оно будетъ условлено, то послѣдуетъ во всякомъ случаѣ не въ Данцигѣ.“ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* выражается же такъ: „если въ самомъ дѣлѣ послѣдуетъ свиданіе, то ужь конечно не въ Данцигѣ.“ Нумера только что названныхъ газетъ составлялись въ Берлинѣ 5 сентября, въ понедѣльникъ, когда тамъ уже было достовѣрно извѣстно что свѣдѣнія *Данцигской Газеты* начинаютъ подтверждаться на дѣлѣ. Такъ изъ Киля еще 3 сентября офиціозное телеграфное бюро Вольфа разослало депешу, въ которой значилось: „Учебная эскадра прибыла сегодня изъ Эккернфёрда и завтра идетъ въ Данцигъ, откуда вернется 10 сентября.“

Почти дословное сходство опроверженій о которыхъ идетъ рѣчь служитъ, съ одной стороны, доказательствомъ что обоимъ органамъ оно было прямо внушено свыше. Съ другой стороны, разладъ опроверженія съ фактами, начинавшими тогда уже совершаться, даетъ поводъ думать что германскій канцлеръ 5 сентября не былъ увѣренъ что свиданіе состоится, и что оно не входило въ его виды. Впрочемъ, можетъ быть что *Данцигская Га-*

зета, поспѣшивъ разгласить добытыя ею окольными путями свѣдѣнія, поступила нескромно. Пропустить безъ вниманія сообщеніе *Данцигской Газеты* было бы неудобно; молчаніе могло быть принято за подтвержденіе. Оставалось: представить дѣло сомнительнымъ, не рѣшеннымъ и почти неправдоподобнымъ по отношенію къ мѣсту на которое указывалось.

Телеграфное *Агентство Вольфа*, въ глухую пору не слишкомъ разборчивое, передаетъ что въ какой-то деревнѣ на Рейнѣ найденъ колорадскій жукъ, что у коммерческаго парохода *Вандаліи* въ Нѣмецкомъ морѣ сломался гребной винтъ, что̀ однако обошлось благополучно. Но агентство очень осторожно когда нужно скрыть извѣстіе или замедлить его распространеніе. На этотъ разъ оно вовсе не сообщило въ Россію ни напечатаннаго въ *Данцигской Газетѣ* извѣстія, ни о походѣ въ Данцигъ учебной германской эскадры, ни опроверженій помѣщенныхъ въ канцлерскихъ органахъ.

Относительно опроверженія напечатаннаго въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ* не мѣшаетъ обратить вниманіе и на внѣшнюю сторону: въ какомъ мѣстѣ и въ какой связи оно поставлено. Въ *Post* объ этомъ говорится во главѣ обычнаго ежедневнаго обозрѣнія, на первомъ мѣстѣ и крупнымъ шрифтомъ, а въ *Сѣверо-Германской* — въ самомъ концѣ „политическаго дневника" и притомъ мелкимъ шрифтомъ, наравнѣ съ идущею затѣмъ телеграммой „нѣмецкихъ патріотовъ изъ Тифлиса," провозглашающихъ „*hoch* храброй нѣмецкой арміи въ годовщину битвы при Седанѣ."

Нѣмецкая армія занята теперь осенними маневрами. Въ этомъ отношеніи нынѣшній годъ нѣсколько отличается отъ прошлаго: теперь впервые нѣмецкія сухопутныя войска обучались посадкѣ на суда и высадкѣ на берегъ, гдѣ они маневрировали какъ дессантъ; ученіямъ инженеровъ наводкѣ и разрушенію мостовъ, устройству переправъ были даны болѣе обширные размѣры; Германія обратила пристальное вниманіе и на свою кавалерію и ея тактику. Въ Коницѣ въ октябрѣ назначены обширные маневры, куда не будутъ допущены посторонніе. Маневры эти въ которыхъ примутъ участіе двѣнадцать кавалерійскихъ полковъ, то-есть силы равныя четыремъ нашимъ кавалерійскимъ дивизіямъ, будутъ происходить подъ руководствомъ принца Фридриха-Карла считающагося глубокимъ знатокомъ кавалерійскаго дѣла, по замѣчанію нѣмецкихъ газетъ, вполнѣ усвоившимъ духъ знаменитыхъ Цитена и Зейдлица, и мастерски умѣющаго приноровить ихъ тактику къ современнымъ требованіямъ. Подъ руководствомъ принца, маневры въ Коницѣ должны разрѣшить вопросъ объ организаціи кавалеріи въ крупныя единицы и объ употребленіи ея массами въ тылу и на флангахъ противника. Въ настоящее время въ Германіи имѣются только три отдѣльныя кавалерійскія дивизіи; вся остальная кавалерія раздѣлена мелкими частями по корпусамъ и пѣхотнымъ дивизіямъ. Такая организація обусловливалась принятымъ прежде всѣми государствами способомъ дѣйствій конницы на театрѣ войны. Теперь взгляды измѣняются. „Употреблять кавалерію какъ прежде, пишетъ военный корреспондентъ *Кельнской Газеты*, только для прикрытія своей арміи и для развѣдокъ смѣшно; говорятъ что въ этомъ случаѣ кавалерія служитъ *вуалью*, но не лучше ли эту вуаль набросить на голову противника." Дѣло идетъ о такихъ дальнихъ набѣгахъ какіе практиковались въ американскую междуусобную войну. „Еслибы, продолжаетъ названный корреспондентъ, „наша кавалерія послѣ Седана была брошена къ Парижу, то гарнизонъ его былъ бы лишенъ возможности заготовить продовольствіе; точно также можно было помѣшать и скомандованной Гамбеттой levée en masse, а тогда война кончилась бы гораздо ранѣе." Замѣтимъ кстати что кавалерія съ особеннымъ успѣхомъ можетъ производить такіе набѣги въ странахъ равнинныхъ и на мѣстности не слишкомъ пересѣченной. Впрочемъ, усиленная забота о кавалеріи въ Германіи является, такъ-сказать, вѣнцомъ дѣла. Теперь, за исключеніемъ кавалеріи, Нѣмцы вполнѣ готовы, въ случаѣ надобности, повернуть свой фронтъ одинаково быстро и къ востоку, и къ западу, порознь и вмѣстѣ. Фортификаціонныя сооруженія вездѣ почти готовы: на восточной границѣ не кончены только сухопутные верки Данцига.

№ 239.

Москва, 28-го августа.

Офиціозные органы въ Вѣнѣ и Пештѣ отъ времени до времени усиливаютъ свой неизмѣнно-враждебный тонъ противъ Россіи, доводя его до крикливости, и это обыкновенно служитъ признакомъ какой-либо новой затѣи Австро-Венгріи въ ея предполагаемой „миссіи на Востокѣ,“ —затѣи, которая, по крайней запутанности и искусственности какъ международныхъ, такъ и внутреннихъ отношеній, этой лишенной національности державы, не можетъ не встрѣтить препятствій съ той или съ другой стороны, отъ враговъ или друзей, ибо вопросъ о томъ кто врагъ и кто другъ Австро-Венгріи также измѣнчивъ и зыбокъ какъ и все прочее въ ея эквилибристической политикѣ.

Недѣли три тому назадъ, въ одной венгерской газетѣ, былъ обнародованъ циркуляръ венгерскаго министра-президента, г. Тисы, къ подчиненнымъ ему административнымъ начальникамъ, въ коемъ съ безцеремонностью усвоенною въ особенности Венгерскимъ правительствомъ возводятся всяческія небылицы на Россію. Панславистская агитація „руководимая графомъ Игнатьевымъ“ приняла де въ послѣднее время самые широкіе размѣры; сербскій митрополитъ Михаилъ, получивъ огромныя суммы изъ Россіи, служитъ де органомъ этой агитаціи на берегахъ Дуная; поэтому венгерскій министръ приглашаетъ своихъ подчиненныхъ быть насторожѣ. Спустя нѣсколько дней, офиціозная печать по ту и по сю сторону Лейты забила новую тревогу по поводу двухъ „тайныхъ военныхъ агентовъ Россіи,“ полковника Протопопова и подполковника Палицына, арестованныхъ въ Перемышлѣ и уличенныхъ будто бы въ томъ что они снимали планъ со вновь возведенныхъ въ этомъ городѣ укрѣпленій, при помощи мѣстнаго фотографа, который на нихъ и донесъ, убѣдившись въ томъ что заказанные ему фотографическіе виды предназначались для цѣлей враждебныхъ „отечеству.“ Полковника Протопопова и подполковника Палицына не оказалось, но самый фактъ ареста двухъ русскихъ офицеровъ въ Галиціи не подлежитъ сомнѣнію. Австрійскія газеты сами сообщаютъ что арестованные офицеры освобождены по приказанію императора Франца-Іосифа. Казалось бы что подобный фактъ насилія надъ русскими подданными, уже неоднократно повторявшійся на „свободной“ почвѣ Австрійской монархіи (припомнимъ арестъ г. Иловайскаго во Львовѣ), долженъ былъ послужить предметомъ рекламаціи со стороны Россіи. Но наемные крикуны австро-венгерской печати ничуть не смутились этимъ освобожденіемъ и продолжаютъ свои очевидно заказанные свыше толки о „проискахъ“ Россіи. Толки эти находятъ себѣ отголосокъ, хотя и значительно смягченный, въ корреспонденціяхъ изъ Вѣны помѣщаемыхъ въ берлинскихъ газетахъ. Вотъ, между прочимъ, любопытное объясненіе которое даетъ корреспондентъ *Національной Газеты:* онъ находитъ что дѣло о русскихъ офицерахъ, арестованныхъ въ Перемышлѣ, было раздуто безо всякой нужды. Корреспондентъ полагаетъ что арестованные офицеры быть-можетъ и занимались изученіемъ новыхъ австрійскихъ укрѣпленій; но въ этомъ нѣтъ де ничего предосудительнаго. При каждомъ военномъ министерствѣ, такъ объясняетъ корреспондентъ, заведено бюро фактическихъ справокъ о военныхъ силахъ и рессурсахъ иностранныхъ государствъ. Для пополненія этихъ справокъ каждое военное министерство отправляетъ ежегодно, преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы, надежныхъ офицеровъ генеральнаго штаба за границу, какъ бы для рекогносцировокъ. Въ сущности эти неофиціальные эмиссары лишь дополняютъ донесенія доставленныя офиціальными военными делегатами, постоянно состоящими при посольствахъ, и чрезвычайными военными представителями присутствующими на ежегодныхъ большихъ маневрахъ. По Австріи, какъ и по другимъ странамъ, разъѣзжаютъ де не одни русскіе, но и французскіе, нѣмецкіе и италіянскіе офицеры. Это хорошо знаютъ въ Вѣнѣ, и австрійскіе офицеры въ свою очередь совершаютъ лѣтнія экскурсіи въ чужія страны. Этими эмиссарами отмѣчаются всякія перемѣны въ дислокаціи войскъ и всякое вновь возводимое укрѣпленіе, и сообщаются ими непосредственно своему воинскому начальству, минуя военныхъ агентовъ при посольствахъ, такъ какъ свѣдѣнія этого рода неудобно хранить при находящихся посольствахъ за границей. Весьма де естественно что столь важныя крѣпостныя работы какъ тѣ которыя возводятся въ Перемышлѣ об-

ратили на себя вниманіе русскихъ военныхъ властей. „Можете быть увѣрены,“ прибавляетъ корреспондентъ, „что русское Военное Министерство знаетъ о всѣхъ военныхъ приготовленіяхъ производимыхъ на границѣ съ Германіей, и что ни одна новая пушка не доставляется въ Торнъ безъ того чтобъ объ этомъ не было извѣстно въ Петербургѣ. Но, съ другой стороны, не сомнѣвайтесь и въ томъ что генеральному штабу въ Германіи извѣстенъ каждый вновь возводимый равелинъ во всемъ районѣ Вислы. Пусть это будетъ шпіонствомъ, но во всякомъ случаѣ это есть взаимное наблюденіе, коимъ могутъ смущаться лишь несвѣдущіе въ военномъ дѣлѣ. Военные же люди отнюдь не приходятъ въ ужасъ если въ мирное время подобный эмиссаръ попадется. Дѣло ограничивается обыкновенно тѣмъ что эмиссаръ высылается за границу, причемъ подразумѣвается что такимъ же образомъ поступитъ въ этомъ случаѣ правительство высланнаго съ эмиссаромъ выславшаго правительства, если онъ попадется въ свою очередь.“

Кромѣ указаннаго частнаго случая съ русскими офицерами и агитаціи по поводу якобы чинимой тайной пропаганды панславизма на русскія деньги, австро-венгерская печать была очень занята въ послѣднее время Румыніей. Новосозданное на низовьяхъ Дуная „романское“ королевство подвергалось всяческимъ нареканіямъ за то что оно будто бы обмануло австрійскія надежды и подчинилось вліянію Россіи, „забывъ всѣ обиды перенесенныя имъ отъ послѣдней по окончаніи послѣдней Восточной войны.“ Придирки къ Румыніи со стороны Австріи приняли было довольно острый характеръ вслѣдствіе столкновеній на границахъ Трансильваніи, причемъ Венгерское правительство обвиняло Румынію въ намѣренномъ захватѣ полосы земли по сю сторону венгерской границы. Но и тутъ разслѣдованіе на мѣстѣ доказало неосновательность придирки, придуманной и раздутой лишь въ видахъ остраски противъ Румыніи, которая выказала нѣкоторую строптивость противъ притязаній Австріи по вопросу о судоходствѣ по Дунаю, въ послѣднее время вновь выдвинутому и служащему предметомъ оживленныхъ дипломатическихъ переговоровъ, причемъ требованія предъявленныя Австріей встрѣтили отпоръ не только со стороны второстепенныхъ придунайскихъ государствъ, но и Франціи и Англіи. Австрійская печать старается урезонить Румынію главнымъ образомъ на основаніи того аргумента что она должна служить оплотомъ противъ Россіи и ея панславистскихъ стремленій. Въ послѣднихъ числахъ августа, Румынскій дворъ посѣтилъ графъ Андраши, не занимающій нынѣ никакого служебнаго положенія, но разыгрывающій, по замѣчанію одной венгерской газеты, роль невидимаго руководителя австрійской политики, подобно г. Гамбеттѣ во Франціи. Ему повидимому удалось устранить недоразумѣніе между Румыніей и Австріей, хотя вѣнскія газеты намекаютъ на то что г. Гаймерле будто бы недоволенъ этимъ непрошенымъ вмѣшательствомъ своего предмѣстника и бывшаго покровителя, съ коимъ онъ въ послѣднее время не поладилъ. Пріемъ оказанный графу Андраши въ лѣтней резиденціи Румынскаго короля былъ самый радушный. Послѣ продолжительнаго совѣщанія съ румынскимъ министромъ Розетти, графъ Андраши имѣлъ бесѣду съ двумя корреспондентами венгерскихъ газетъ и сообщилъ имъ что нѣтъ повода къ несогласіямъ между Румыніей и Австріей, у коихъ имѣется де одна общая и великая цѣль—воспрепятствовать движенію Россіи впередъ на низовьяхъ Дуная. „Румынскій король,“ прибавилъ австрійскій дипломатъ, „ни въ какомъ случаѣ не можетъ предать въ славянскія руки свой латинскій островъ.“

Всѣ эти выходки противъ Россіи, кои расточаются австрійскими государственными людьми безо всякаго видимаго повода, лишь потому мало поражаютъ что онѣ стали явленіемъ обычнымъ съ тѣхъ поръ какъ Австрія цѣною русской крови пріобрѣла двѣ новыя провинціи и провозгласила себя универсальнымъ наслѣдникомъ Турціи.

Но нужно думать что свиданіе въ Данцигѣ послужитъ для черезчуръ расходившихся австрійскихъ политиковъ холодною струей воды.

№ 242.

Москва, 31-го августа.

Свиданіе въ Данцигѣ, какъ событіе первостепенной политической важности, пришлось весьма кстати большимъ органамъ

европейской печати доставивъ имъ, въ пору политическаго затишья, богатый матеріалъ для ихъ длинныхъ столбцовъ, которые очень трудно наполнить за неимѣніемъ отчетовъ о парламентскихъ засѣданіяхъ, повсюду теперь закрытыхъ. Толковъ по поводу этого неожиданнаго событія очень много, но газеты не знаютъ еще съ какой стороны къ нему приступить, не получивъ до сихъ поръ никакого указанія. Это въ особенности замѣтно по разсужденіямъ берлинской печати. Ея офиціозные органы на первыхъ порахъ положительно растерялись. Мы уже имѣли случай указать какъ странно отозвались по поводу слуха о свиданіи *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* и *Почта*, два органа въ одинаковой мѣрѣ служащіе отголоскомъ правительственныхъ сферъ въ Берлинѣ. И та и другая газета почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ *отрицали* свиданіе въ Данцигѣ — наканунѣ событія. А теперь, когда свиданіе совершилось, телеграфъ передаетъ замѣтку первой изъ названныхъ газетъ, въ которой сказано что германское общественное мнѣніе „взираетъ съ единодушнымъ сочувствіемъ на исполненное высокаго значенія событіе.“ „Оно справедливо ожидаетъ,“ сказано далѣе въ офиціозной замѣткѣ, „отъ свиданія Императоровъ самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій для поддержанія и упроченія европейскаго мира.“ Такъ какъ и до свиданія не было въ виду фактовъ кои могли бы считаться опасностью для европейскаго мира, то очевидно что послѣдняя фраза приведенной замѣтки есть общее мѣсто, обычно прикрывающее въ случаяхъ подобнаго рода безсодержательность офиціознаго заявленія.

Прочіе берлинскіе органы отнеслись тоже весьма сдержанно къ свиданію въ Данцигѣ; но въ нихъ болѣе проглянуло „больное мѣсто“ всячески проповѣдуемой въ послѣдніе годы германскою печатью политической комбинаціи: нѣмецкимъ газетамъ хочется во что бы ни стало изобразить австро-германскій союзъ на вѣки нерушимымъ. Вотъ почему въ нихъ замѣтно усиліе прежде всего устранить всякое въ этомъ отношеніи сомнѣніе: Россія можетъ де сблизиться съ Германіей лишь насколько отъ этого не пострадаетъ сердечная дружба Германіи съ Австріей. Въ Австро-Венгріи слишкомъ явственно стали выступать въ послѣднее время тенденціи крайне недружелюбныя къ Россіи, и хотя послѣдняя ничѣмъ не подала повода къ этимъ манифестаціямъ, тѣмъ не менѣе „вразумившіяся“ нѣмецкія газеты считаютъ виноватымъ не Австрію, а Россію, что и подтверждается де Данцигскимъ свиданіемъ. Вотъ, напримѣръ, разсужденіе высказываемое наименѣе непріязненнымъ къ Россіи изъ берлинскихъ органовъ, *Крестовою Газетой*:

„Свиданіе между Ихъ Величествами Императорами Германскимъ и Всероссійскимъ „въ Данцигѣ было принято повсюду и привѣтствовано какъ событіе весьма отрадное, свидѣтельствующее о неизмѣнномъ „продолженіи дружественныхъ отношеній „между обоими императорскими дворами. „Хотя встрѣча произошла лишь между двумя государями; но не можетъ подлежать „сомнѣнію что императоръ Францъ-Іосифъ, „высокій союзникъ императора Германскаго, какъ бы духовно участвовалъ въ свиданіи, какъ третій въ союзѣ. Когда государи Германіи и Россіи встрѣчаются „и подаютъ другъ другу руку, то этимъ „подтверждается и продолжающаяся интимность между Австро-Венгріей и Россіей. „Въ этомъ смыслѣ обсуждается, какъ мы „имѣемъ основаніе полагать, предстоящее „свиданіе во всѣхъ дипломатическихъ сферахъ, и поэтому оно считается счастливымъ знаменемъ дальнѣйшаго сохраненія „европейскаго мира и продолженія сердечныхъ отношеній между тремя имперіями.“

Еще яснѣе высказываются въ этомъ смыслѣ національ-либеральные органы. *Національная Газета* припоминаетъ происшедшее въ 1879 году между монархами Россіи и Германіи въ Александровѣ. Здѣсь, по словамъ упомянутой газеты, была сдѣлана послѣдняя попытка возстановить прежнія „привилегированныя“ отношенія между Россіей и Германіей; но оно привело лишь къ тому что эти отношенія стали менѣе острыми, и путешествіе предпринятое вслѣдъ затѣмъ княземъ Бисмаркомъ въ Вѣну стало началомъ иного политическаго положенія. „Отношенія между Германіей и Россіей,“ замѣчаетъ далѣе названная газета, „ничѣмъ въ настоящее время не омрачены: задача стало-быть можетъ лишь „заключаться въ томъ чтобы сохранить „ихъ таковыми и на будущее время. Но „агенты графа Игнатьева снова зашевелились на Балканскомъ полуостровѣ и на „Дунаѣ (?) и лишь это нѣсколько омрачаетъ положеніе.“ Берлинская газета думаетъ что Данцигское свиданіе „должно

принести успокоеніе въ этомъ отношеніи" и что путешествіе Русскаго Императора на западъ, послѣ недавней поѣздки на востокъ до Нижняго, служитъ де символическимъ указаніемъ на то что панславистскія тенденціи понесли пораженіе. Вотъ почему свиданіе въ Данцигѣ не можетъ де не считаться отраднымъ фактомъ, знаменующимъ поддержаніе добрыхъ отношеній между Россіей, съ одной стороны, и Германіей съ Австро-Венгріей, съ другой.

Мы вовсе не думаемъ чтобъ именно таковы были взгляды господствующіе въ правительственныхъ сферахъ Берлина; но мы приводимъ эти разсужденія какъ указаніе на то въ какомъ смыслѣ нѣмецкіе политики разныхъ оттѣнковъ желали бы эксплуатировать послѣднее политическое событіе. Послѣ окончанія культурной борьбы, „тѣснѣйшій союзъ съ Австріей" есть единственный нетронутый до сихъ поръ пунктъ въ ихъ прежней программѣ дружелюбнаго содѣйствія князю Бисмарку. Едва ли однако они чувствуютъ себя и съ этой стороны вполнѣ спокойными. По крайней мѣрѣ, въ Австріи нѣмецкая печать далеко не раздѣляетъ увѣренности въ томъ чтобы Германія ни въ какомъ случаѣ не могла изъ ближайшаго друга, обязаннаго прикрыть Австрію своею грудью во всѣхъ могущихъ постигнуть ее невзгодахъ, превратиться въ весьма равнодушнаго зрителя австрійскаго погрома. Нѣмецкая печать въ Вѣнѣ давно уже не говорила о Россіи въ тонѣ столь почтительномъ и заискивающемъ какъ именно въ послѣднее время, и это тѣмъ поразительнѣе что венгерская печать дошла до послѣдней крайности въ своей слѣпой враждѣ къ Россіи. Вѣнскія газеты рѣзко нападаютъ на венгерскую печать за ея агитацію противъ Россіи, которая въ послѣднее время вышла изо всякихъ предѣловъ приличія, а свиданіе въ Данцигѣ причинило въ Вѣнѣ совершенную панику и сильно пошатнуло увѣренность въ незыблемости австро-германскаго союза. „Дай Богъ," воскликнула на дняхъ *Neue Freie Presse*, газета, еще недавно стоявшая во главѣ враждебной Россіи печати, обращаясь вновь къ пештскимъ руссофобамъ, „чтобы свиданіе въ Данцигѣ открыло глаза нашимъ слѣпцамъ. Это свиданіе служитъ доказательствомъ что въ случаѣ столкновенія между Австро-Венгріей и Россіей Германія останется простымъ зрителемъ и что намъ придется бороться противъ мощной коалиціи, такъ какъ всѣ балканскіе народы, за исключеніемъ развѣ Румыніи, поднимутся противъ насъ съ величайшею радостью."

Вѣнская газета, подъ впечатлѣніемъ страха, высказала то что австро-венгерская печать обыкновенно тщательно умалчиваетъ, прикрывая свои опасенія чрезмѣрно вызывающимъ и самоувѣреннымъ тономъ. Но во всякомъ случаѣ дѣйствительность сказалась тутъ вѣрнѣе нежели въ вышеприведенныхъ берлинскихъ внушеніяхъ по адресу Россіи, приправленныхъ обновленною небылицей о „тайныхъ проискахъ панславизма." Вѣнская газета лучше всего доказала всю нелѣпость и искусственность этой нарочито-придуманной химеры о панславистской пропагандѣ, ибо если всѣ балканскіе народы съ радостью примкнули бы къ Россіи въ случаѣ ея борьбы съ Австріей, то изъ этого само собою явствуетъ что Россіи нѣтъ надобности прибѣгать къ тайнымъ проискамъ и искусственнымъ пріемамъ чтобы сохранить за собою то вліяніе которое принадлежитъ ей по праву на Балканскомъ полуостровѣ и котораго столь тщетно и столь насильственно добивается Австрія.

№ 243.

Москва, 1-го сентября.

Грозная туча собирается на Францію со стороны Африки. Къ Тунисскому и Алжирскому вопросу присоединился на дняхъ еще вопросъ Египетскій, въ которомъ сталкиваются интересы Франціи, Англіи, Турціи. Нерѣшительныя дѣйствія и полумѣры Французскаго правительства, противъ которыхъ такъ горячо ополчался полгода тому назадъ г. Гамбетта, привели Францію шагъ за шагомъ въ разставленныя ей сѣти. Германскій канцлеръ очень хорошо зналъ какія будутъ послѣдствія той злополучной тунисской экспедиціи къ которой онъ прошлою весной такъ дружелюбно ободрялъ Французское правительство. Французскій министръ, ученый старецъ Бартелеми-Сентъ-Илеръ, на слово повѣрилъ прусскому дружелюбію и даже выразилъ въ нѣмецкомъ журналѣ глубокую признательность со стороны Франціи за поданный княземъ Бисмаркомъ добрый совѣтъ. Теперь стало ясно каковы тѣ добрые совѣты которые сосѣдъ даетъ сосѣду.

Въ февралѣ текущаго года возникла въ Каирѣ ссора между арабскими и черкесскими офицерами египетскаго войска. Правительство хедива, желая прекратить ссору, приняло сторону Арабовъ, которые, имѣя во главѣ трехъ предпріимчивыхъ полковниковъ, воспользовались своею побѣдой надъ черкесскими товарищами для того чтобъ еще лучше упрочить свое положеніе въ египетской арміи. Они предъявили правительству новыя требованія касательно увеличенія мирнаго состава туземныхъ войскъ и расширенія правъ арабскихъ офицеровъ. Несмотря на предостереженія французскаго и англійскаго консуловъ, министерство хедива, желая доказать европейскимъ державамъ свою самостоятельность въ дѣлахъ внутренняго управленія, дабы скорѣе избавиться отъ англо-французской финансовой опеки, уступило требованіямъ арабскихъ офицеровъ, которые съ этой минуты пріобрѣли возможность дѣйствовать на хедива въ анти-европейскомъ смыслѣ. Учредилась въ Каирѣ военная олигархія изъ трехъ или четерехъ арабскихъ офицеровъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи почти всю египетскую армію и на своей сторонѣ все мѣстное мусульманское населеніе. Французское и Англійское правительства предложили хедиву замѣнить арабскихъ офицеровъ европейскими. Но хедивъ не хотѣлъ слышать объ этомъ и назначилъ особую коммиссію изъ египетскихъ офицеровъ чтобы водворить дисциплину среди арміи. Но полумѣры только усилили мятежный духъ египетскихъ солдатъ.

До послѣднихъ двухъ, трехъ недѣль критическое положеніе дѣлъ все усиливалось, не принимая еще характера серіозной опасности. Но оно сразу обострилось благодаря слѣдующему обстоятельству. Девятнадцать офицеровъ подавшихъ въ отставку для того чтобы не принимать участія въ противуправительственной агитаціи арабскихъ полковниковъ были привлечены ими къ военному суду по обвиненію въ клеветѣ противъ своихъ начальниковъ, и приговорены къ заключенію въ крѣпостяхъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ началѣ мусульманскаго поста, Рамазана, хедивъ воспользовался своимъ правомъ и помиловалъ заключенныхъ офицеровъ. Мѣра эта вызвала большое неудовольствіе среди Арабовъ. Нѣсколько дней спустя произошло другое событіе, обнаружившее характеристическимъ образомъ враждебное отношеніе войскъ къ хедиву. На одной изъ улицъ Александріи какой-то египетскій солдатъ былъ убитъ. Тотчасъ явились его товарищи, схватили его окровавленный трупъ, ворвались съ нимъ во дворецъ хедива, съ дикими криками и ругательствами требуя мщенія убійцамъ. Нѣкоторые изъ этихъ дерзкихъ крикуновъ были арестованы и приговорены военнымъ судомъ къ ссылкѣ на Бѣлый Нилъ. Арабскіе полковники, желая поддержать свою популярность среди войскъ, потребовали ихъ помилованія какъ справедливаго возмездія за помилованныхъ хедивомъ девятнадцать офицеровъ. Но хедивъ на этотъ разъ захотѣлъ выдержать характеръ и не уступилъ требованіямъ Арабовъ. Приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе. Тогда арабскіе офицеры рѣшились на открытое возстаніе. Въ прошлую пятницу, 28 августа, они окружили въ Каирѣ дворецъ хедива отрядомъ изъ 4.000 солдатъ, подъ прикрытіемъ 30 орудій, и потребовали отставки всѣхъ министровъ. Испуганный хедивъ согласился на это требованіе и въ тотъ же день министерство Ріазъ-паши подало въ отставку.

И вотъ является необходимость положить конецъ этому ненормальному положенію дѣлъ посредствомъ занятія Египта иностранными войсками. Съ этой минуты и возникъ египетскій вопросъ въ европейскомъ своемъ видѣ. Кто будетъ та иностранная держава которая займетъ Египетъ своими войсками?

Турція конечно не прочь была бы воспользоваться случаемъ для полнаго подчиненія себѣ Египта. Но европейскія державы не согласятся на турецкую оккупацію Египта. Что же касается Англіи и Франціи, то соперничество ихъ въ Средиземномъ морѣ дошло, благодаря Тунисскому вопросу, до такого напряженія что Англичане ни за что̀ не потерпятъ присутствія французскихъ войскъ въ Египтѣ, точно также какъ и Французы не согласятся на то чтобъ Англія утвердилась на сѣверномъ берегу Африки. Такимъ образомъ египетскій вопросъ грозитъ стать однимъ изъ самыхъ интересныхъ актовъ великой Восточной трагедіи, въ которой державы Запада наперерывъ стремятся захватить наслѣдіе подгнившаго и пошатнувшагося мусульманскаго міра. Англія заявляетъ что ей необходимо обладаніе Египтомъ для того чтобы свободно располагать Суэзскимъ каналомъ; Франція

въ свою очередь находитъ что „и ея интересы въ Египтѣ далеко не сентиментальнаго, а весьма реальнаго свойства, и что она сумѣетъ защитить ихъ отъ всякаго нападенія“ (*République Française* № 3.570.)

Такимъ образомъ, взоры Франціи снова невольнымъ образомъ отвлечены отъ Рейна и прикованы все къ тому же африканскому берегу, на который ей указалъ князь Бисмаркъ, подобно тому какъ онъ Австріи указалъ на Балканскій полуостровъ. Въ Африкѣ для Франціи наступило теперь время серіозныхъ заботъ въ виду все усиливающейся Тунисской войны и мятежа алжирскихъ Арабовъ, которые собираются теперь, послѣ Рамазана, начать всеобщее возстаніе и уже открыли враждебныя дѣйствія сожженіемъ около ста тысячъ гектаровъ пробковаго лѣса въ Константинской провинціи, причинившимъ Французамъ убытокъ слишкомъ въ семь милліоновъ франковъ. Ежедневно посылаютъ изъ французскихъ портовъ новыя войска въ Африку, гдѣ они страдаютъ и гибнутъ отъ невыносимыхъ жаровъ и эпидемическихъ болѣзней... А между тѣмъ германскій канцлеръ, потирая себѣ руки, мирно бесѣдуетъ съ Мольтке о наилучшемъ усовершенствованіи прусской кавалеріи...

№ 244.

Москва, 2-го сентября.

30 августа опубликованъ рядъ перемѣнъ по военному вѣдомству, перемѣнъ весьма важныхъ по своимъ послѣдствіямъ и въ то же время ярко намѣчающихъ дѣловую систему которая устанавливается въ этомъ вѣдомствѣ.

При самомъ вступленіи въ должность генерала Ванновскаго было предположено сократить военные расходы въ видахъ облегченія податныхъ силъ народа, но такъ чтобъ армія оставалась на высотѣ требуемой обстоятельствами. Военному Министерству удалось удовлетворить эти повидимому противоположныя требованія: и податныя силы облегчены, и расходы военнаго бюджета сокращены, и матеріальное положеніе офицеровъ улучшено, и армія не только не проиграла въ боевомъ отношеніи, но напротивъ выиграла.

Первое мѣсто въ ряду опубликованныхъ мѣръ занимаетъ утвержденное еще 23 августа сокращеніе числа призываемыхъ въ настоящемъ году къ отбыванію воинской повинности. Указомъ 5 мая контингентъ этотъ былъ опредѣленъ въ 235 тысячъ человѣкъ; указомъ 23 августа только въ 212 тысячъ. Въ экономіи у населенія остается 23 тысячи рабочихъ рукъ. Казалось бы что сокращеніе числа призываемыхъ на службу неизбѣжно уменьшитъ боевую силу арміи: меньше поступаетъ людей на службу, меньше при тѣхъ же срокахъ будетъ перечислено въ запасъ, а слѣдовательно меньше будетъ и числительная сила войскъ при переходѣ ихъ съ мирнаго положенія на военное. Но это только такъ кажется. Дѣйствительно, съ переходомъ на военную ногу, въ нашей арміи, при уменьшенномъ контингентѣ, на казенномъ пайкѣ окажется меньшее число людей, но уменьшеніе это совершится на счетъ небоеваго состава арміи, въ которомъ, какъ показалъ опытъ минувшей кампаніи, у насъ излишекъ, только вовлекающій населеніе и казну въ напрасные расходы. Въ нашей арміи въ мирное время содержалось не нужное число всякаго рода мастеровыхъ и нестроевыхъ чиновъ. Именно на счетъ сокращенія этихъ *некомбатантовъ* и уменьшено число призываемыхъ къ службѣ. Въ какой мѣрѣ было велико число нестроевыхъ оказывается изъ самыхъ сокращеній; напримѣръ, обозныхъ служителей состоитъ теперь въ полкахъ по 22 человѣка, а оказалось достаточно 12; еще въ большей мѣрѣ способствовало сокращенію призыва новое положеніе объ офицерской прислугѣ. Изъ строевыхъ чиновъ бросается въ глаза уменьшеніе числа унтеръ-офицеровъ; вмѣсто двѣнадцати человѣкъ на роту, приказано имѣть только по семи. Это сокращеніе вызвано однако указаніемъ опыта прошлой войны, когда съ призывомъ отпускныхъ въ ротахъ оказался такой сверхкомплектъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей что многимъ изъ нихъ, конечно ко вреду дисциплины, пришлось исполнять обязанности рядовыхъ. Сокращеніе сдѣланное теперь, правда, не устраняетъ сказаннаго неудобства вполнѣ, но оно значительно ослабляетъ его. Армія въ мирное время представляетъ и должна представлять только кадръ, остовъ военной организаціи и служитъ школою въ которой подготовляются бойцы. Слѣдовательно, штаты мирнаго времени должны быть соображены такъ чтобы съ призы-

вомъ отпускныхъ въ военное время войска получали такое число людей и такихъ чиновъ и профессій какъ нужно. Именно этотъ принципъ и положенъ въ основаніе тѣхъ „сокращеній и измѣненій въ штатахъ войскъ *по мирному* составу," кои изложены въ приказѣ по военному вѣдомству, отъ 30 августа, за № 243.

Эти сокращенія въ числѣ людей естественнымъ образомъ сопровождаются уменьшеніемъ расходовъ казны на ихъ содержаніе, составляющимъ уже прямую экономію. Экономія увеличивается сокращеніемъ числа казенныхъ лошадей состоящихъ въ войскахъ для хозяйственныхъ надобностей. Опытъ показалъ что въ значительной части этихъ лошадей въ мирное время при постоянной дислокаціи войскъ не бываетъ надобности, такъ что обычаемъ и отчасти даже закономъ установился тотъ порядокъ что эти излишнія лошади служили для личныхъ надобностей командировъ и чиновъ хозяйственнаго разряда. Этотъ порядокъ теперь долженъ прекратиться: казенныя лошади не будутъ появляться въ щегольской упряжи городскихъ экипажей.

Эти и другія болѣе мелкія сокращенія дали возможность увеличить содержаніе офицеровъ, норма котораго опредѣлилась десять лѣтъ тому назадъ и уже не соотвѣтствовала потребностямъ. До сихъ поръ, при всѣхъ увеличеніяхъ офицерскаго содержанія, обыкновенно бывало такъ что размѣръ прибавки увеличивался вмѣстѣ съ чиномъ, отчего и выходило что высшіе чины получали оклады далеко не соотвѣтственные таковымъ чиновъ младшихъ. Какъ разъ противное видимъ въ „табели новымъ окладамъ столовыхъ денегъ и добавочнаго содержанія" установленной приказомъ за № 244. Табель эта генераламъ оставляетъ прежніе оклады, и прибавка увеличивается не снизу вверхъ, а сверху внизъ: субалтернъ-офицерамъ оклады почти удвоены (вмѣсто 96 руб. 183), а командирамъ полковъ возвышены съ небольшимъ на 20 процентовъ: вмѣсто полутора тысячъ дано 1824 рубля въ годъ. Наибольшую прибавку въ содержаніи получили офицеры кавалеріи и артиллеріи: они избавляются отъ всякихъ расходовъ по заведенію лошади: приказано „на будущее время назначать подъ офицерское сѣдло казенныхъ лошадей," какъ это уже давно ведется въ Германіи. Офицеру не возбраняется имѣть и собственную лошадь которую казна будетъ содержать, но это есть право, а не обязанность.

Необходимость имѣть собственную верховую лошадь весьма ограничивала выборъ кавалерійскихъ офицеровъ; сверхъ всѣхъ требованій по образованію, являлось еще одно весьма затруднительное условіе: въ кавалеріи могли служить только люди со средствами. До крестьянской реформы удовлетворить этому требованію было легче. Кавалерійскіе офицеры затрудняются пріобрѣтеніемъ хорошихъ лошадей. Принимались мѣры помочь горю, составлялись въ конныхъ частяхъ особые ремонтные капиталы; но это были лишь паліативы. Кавалерійскіе офицеры входили въ долги. Не было недостатка въ ходатайствахъ и представленіяхъ начальствъ о назначеніи офицерамъ казенныхъ коней, но ходатайства оставлялись безъ послѣдствій, за недостаткомъ будто бы средствъ. Теперь эти средства найдены и, замѣчательно, казна не только не вовлечена въ излишній расходъ, но будетъ содержать въ мирное время на восемь верховыхъ лошадей въ полку меньше чѣмъ теперь.

Избавленіе офицеровъ отъ заботъ и расходовъ на лошадь облегчитъ надлежащій выборъ офицеровъ обязанныхъ служить на конѣ. И это показалъ опытъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ артиллеріи вынуждены были давать офицерамъ даже деньги на заведеніе лошадей чтобы не заставлять недостаточныхъ людей уклоняться отъ службы въ артиллеріи. Соотвѣтствующій выборъ кавалерійскихъ офицеровъ въ настоящее время весьма важенъ; отъ нихъ требуется далеко бóльшая военная подготовка чѣмъ прежде; они должны далеко болѣе пѣхотнаго офицера быть знакомы съ военными науками. Авторитетъ въ военномъ дѣлѣ, фельдмаршалъ графъ Мольтке, считаетъ необходимымъ чтобъ офицеры кавалеріи обладали даже серіозными стратегическими свѣдѣніями; безъ этого кавалерія не можетъ быть тѣмъ чѣмъ она должна быть, то-есть глазами и ушами арміи.

Принятыя теперь мѣры, помимо своего практическаго значенія, имѣютъ еще и другое. Ими не заканчивается рядъ задуманныхъ преобразованій. О будущемъ естественно судить по совершившемуся, а характеръ состоявшихся реформъ и способъ ихъ исполненія даетъ право съ увѣрен-

ностью ждать что и дальнѣйшія мѣры также поведутъ не къ ненужнымъ ломкамъ, а къ дѣйствительнымъ улучшеніямъ которыя поднимутъ боевыя качества арміи.

№ 245.

Москва, 8-го сентября.

Таинственность какою до послѣдняго времени было облечено дѣло перехода Либаво-Роменской желѣзной дороги изъ однѣхъ рукъ въ другія была причиной возникновенія множества разнообразныхъ слуховъ и предположеній, изъ которыхъ многіе, естественно, должны оказаться невѣрными. Такъ, между прочимъ, оказалось невѣрнымъ сообщенное въ *Кіевлянинѣ* извѣстіе о томъ что въ дѣлѣ покупки дороги отъ наслѣдниковъ г. фонъ-Мекка принимала участіе кенигсбергская фирма „Вдовы Симонъ съ сыновьями." Этотъ банкирскій домъ обратился циркулярно въ редакціи нѣсколькихъ русскихъ газетъ, въ томъ числѣ и къ намъ, съ категорическимъ заявленіемъ что онъ „ни въ какомъ отношеніи, *ни прямо, ни косвенно*, не заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ" продажи и покупки Либаво-Роменской дороги.

Изъ того что вышеупомянутая кенигсбергская фирма не принимала никакого участія въ этомъ дѣлѣ, отнюдь, впрочемъ, не слѣдуетъ чтобы въ немъ не принимали участія другія иностранныя фирмы, и чтобы Либавской дорогѣ не грозила опасность перейти въ ихъ собственность. Напротивъ, мы положительно знаемъ что покупка не могла обойтись безъ содѣйствія иностранныхъ капиталовъ и что значительное число акцій частію уступлено, частію заложено французскимъ и германскимъ банкирамъ. Правда, на долю иностранныхъ капиталистовъ приходится пока еще меньшая половина всѣхъ акцій, но это обстоятельство не заключаетъ въ себѣ ничего успокоительнаго. Еслибы въ настоящую минуту въ руки иностранцевъ не попало даже ни одной акціи, еслибы всѣ акціи были куплены исключительно русскими капиталистами, все равно не имѣлось бы никакой прочной гарантіи въ томъ что бо́льшая часть этихъ акцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и распоряженіе дорогой, не перейдетъ въ руки иностранцевъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, подобно тому какъ уже перешли въ ихъ руки болѣе трехъ четвертей всѣхъ акцій Главнаго Общества, почти всѣ безъ исключенія акціи Риго-Динабургской, Динабурго-Витебской, Варшавско-Бромбергской, Варшавско-Вѣнской и большинство акцій чуть не всѣхъ остальныхъ нашихъ дорогъ. Отъ такого перехода Либаво-Роменской дороги въ собственность иностранцевъ можетъ быть только одна дѣйствительная гарантія —пріобрѣтеніе этой дороги правительствомъ.

Сколько намъ извѣстно, въ настоящую минуту нѣтъ никакихъ серіозныхъ препятствій къ этому желательному исходу дѣла. Каково бы ни было участіе иностранныхъ капиталовъ въ покупкѣ Либаво-Роменскихъ акцій, и каковы бы ни были первоначальные виды и намѣренія консорціума который ихъ пріобрѣлъ, онъ нынѣ не прочь перепродать ихъ правительству. По крайней мѣрѣ мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать это заключеніе изъ слѣдующей телеграммы полученной нами изъ Парижа, отъ г. Ціона.

„Я уполномоченъ удостовѣрить васъ что ни одинъ германскій домъ не владѣетъ акціями Либаво-Роменской дороги. Закъ сохраняетъ за собою полное распоряженіе этими акціями и предложилъ ихъ нашему правительству на выгодныхъ условіяхъ."

Не имѣемъ никакихъ основаній не вѣрить извѣстію переданному въ такой формѣ, и можемъ только выразить желаніе чтобъ объявленное намѣреніе г. Зака возможно скорѣе осуществилось и не было отклонено подъ какими-нибудь предлогами, чтобы начавшаяся уже агитація противъ пріобрѣтенія Либаво-Роменской дороги въ собственность государства не имѣла успѣха.

Пущено въ ходъ не мало соображеній и аргументовъ съ цѣлію отклонить правительство отъ пріобрѣтенія у гг. Зака и К° Либаво-Роменскихъ акцій. Въ ряду этихъ аргументовъ, въ нѣкоторой части печати съ особенною настойчивостію подчеркивается тотъ что будто бы вся суть спекуляціи предпринятой гг. Закомъ и К° заключалась именно въ разчетѣ на барышъ отъ разницы между цѣной за какую пріобрѣтены акціи отъ наслѣдниковъ г. фонъ-Мекка и цѣной какую предположено выторговать за тѣ же акціи у правительства, для побужденія коего къ покупкѣ Либаво-Роменскихъ акцій и поднятъ де весь шумъ о грозящемъ переходѣ дороги въ ино-

странныя руки и о могущихъ произойти отъ того важныхъ невыгодахъ. Купивъ акціи, правительство будетъ де поймано на закинутую удочку, сыграетъ въ игру спекулянтовъ и броситъ нѣсколько милліоновъ за неприносящія никакого дохода и потому ничего де не стоящія бумаги; между тѣмъ, если акціи останутся на рукахъ купившихъ ихъ капиталистовъ, они понесутъ де большіе убытки, и такимъ образомъ гг. Закъ и К° будутъ наказаны за свою спекуляцію. Не думаемъ чтобы подобныя соображенія могли имѣть какой-нибудь вѣсъ въ государственномъ вопросѣ каковъ вопросъ о Либавской дорогѣ. Было бы болѣе чѣмъ странно еслибы правительство отказалось отъ рѣшенія его въ смыслѣ требуемомъ государственными интересами единственно изъ желанія насолить г. Заку и его товарищамъ, причинить имъ ущербъ и разорить ихъ. Покупка ими акцій у наслѣдниковъ Мекка вовсе не преступленіе, которое требовало бы наказанія; это операція законная и обычная какъ у насъ, такъ и повсюду. Можно и должно жалѣть что правительство не предупредило г. Зака и не купило само акціи у наслѣдниковъ Мекка; это было ошибкой, за которую приходится поплатиться нѣкоторою передачей при пріобрѣтеніи акцій изъ вторыхъ рукъ противъ цѣны за которую онѣ могли быть пріобрѣтены изъ первыхъ. Но, думаемъ, было бы еще большею ошибкой, не купивъ дороги изъ первыхъ рукъ, не купить ея и изъ вторыхъ: это можетъ повести въ послѣдствіи къ такому казенному расходу предъ которымъ та сумма за которую теперь можно купить дорогу окажется ничтожною.

Было бы, конечно слишкомъ начетисто для казны дать за Либаво-Роменскія акціи сколько бы за нихъ ни потребовали. Но мы полагаемъ что правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ средства ограничить чрезмѣрныя притязанія нынѣшнихъ владѣльцевъ акцій и побудить ихъ удовольствоваться за нихъ цѣною какая найдена будетъ справедливою. По всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ дорога въ послѣднее время управлялась такъ что правительство можетъ предъявить на нее большіе, милліонные начеты. Вся гражданская отвѣтственность по этимъ начетамъ возложена наслѣдниками г. фонъ-Мекка на новыхъ владѣльцевъ дороги, и это обстоятельство, естественно, должно сдѣлать ихъ сговорчивыми при переговорахъ о продажѣ ея государству. Но это не все. У правительства въ рукахъ еще болѣе сильное средство побудить ихъ ко сговорчивости. 28 марта 1880 года положеніемъ Комитета Министровъ было разрѣшено увеличить гарантированный облигаціонный капиталъ дороги на сумму до двѣнадцати милліоновъ рублей; въ счетъ этой суммы выданъ былъ до сихъ поръ авансомъ на работы одинъ милліонъ рублей; остальная сумма еще вовсѣ не тронута, и правительство можетъ пріостановить выдачу этихъ одиннадцати милліоновъ, а это перевернуло бы вверхъ дномъ всѣ разчеты нынѣшнихъ владѣльцевъ Либаво-Роменской дороги.

Другимъ аргументомъ противъ пріобрѣтенія Либавской дороги правительствомъ выставляется то что ему пришлось бы покупать у г. Зака, между прочимъ, тѣ самыя акціи которыя оно недавно отдало наслѣдникамъ Мекка даромъ. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія, но только само по себѣ а никакъ не въ качествѣ аргумента въ указанномъ смыслѣ.

Въ приложеніяхъ къ *Отчету Государственнаго Контроля* за 1879 годъ въ общей вѣдомости о расходахъ за счетъ суммъ желѣзнодорожнаго фонда (стр. 158—161), значится уплаченная правительствомъ изъ этого фонда крупная сумма 2.500.000 металлическихъ рублей *„по пріобрѣтенію акцій отъ строителя фонъ-Мекка.“* Изъ той же вѣдомости явствуетъ что къ 1 января 1880 года въ распоряженіи правительства находилось пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ Либаво-Роменскихъ акцій на номинальную сумму 5.000.000 металлическихъ рублей. Еслибъ эти пріобрѣтенныя правительствомъ акціи оставались въ его распоряженіи, вопросъ о томъ кто сталъ бы владѣльцемъ остальнаго слишкомъ вдвое меньшаго количества акцій не имѣлъ бы большаго значенія. Кто бы ни пріобрѣлъ ихъ, въ любую минуту хозяиномъ дороги могла сдѣлаться казна, владѣвшая болѣе чѣмъ двумя третями всѣхъ акцій, и владѣльцы остальной неполной трети должны были бы безпрекословно ей подчиняться. Должно полагать что были какія-нибудь уважительныя соображенія побудившія рѣшиться на такую мѣру какъ даровое отчужденіе крупной, стоившей многіе милліоны казенной собственности, въ то самое время когда уже были въ особенномъ ходу проекты о всевозможномъ соблюде-

нiи экономiи и сокращенiи расходовъ; когда повсюду въ ходу мысль о выкупѣ дорогъ государствомъ, мысль которая если еще и не усвоена окончательно, то можетъ быть усвоена нашимъ правительствомъ, въ виду чего во всякомъ случаѣ странно было бы безъ особенно уважительныхъ соображенiй принимать мѣры долженствующiя неизбѣжно затруднить дѣло выкупа, заставляя казну покупать въ послѣдствiи то чтò уже разъ было ею куплено. Нельзя допустить что правительство отдало наслѣдникамъ Мекка даромъ 40.000 акцiй единственно потому что онѣ ничего не стóятъ на биржѣ, и что поэтому нѣтъ повода дорожить ихъ обладанiемъ. По чему же нибудь наслѣдники Мекка добивались получить ихъ, стало-быть эти акцiи чего-нибудь да стоили, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ; для правительства же эти акцiи не только стоили заплаченныхъ за нихъ двухъ съ половиной миллiоновъ металлическихъ рублей, но имѣли еще значенiе какъ право полнаго распоряженiя государственною дорогой, на постройку которой израсходовано болѣе 60 миллiоновъ рублей. Точно также трудно допустить и то слышанное нами объясненiе что акцiи были отданы наслѣдникамъ Мекка съ цѣлiю склонить ихъ на полученiе двѣнадцатимиллiонной ссуды (то-есть на вышеупомянутое увеличенiе гарантированнаго облигацiоннаго капитала) на улучшенiе дороги и усиленiе ея провозной способности. Наслѣдники Мекка будто бы возражали противъ этой ссуды, доказывая что она невыгодна имъ какъ акцiонерамъ: чѣмъ больше облигацiонный капиталъ, тѣмъ бóльшая сумма изъ выручки по эксплуатацiи дороги должна идти на уплату процентовъ по облигацiямъ, и стало-быть тѣмъ дольше де ждать чтобъ изъ этой выручки пришлось что-нибудь въ дивидендъ по акцiямъ. Эти доводы будто бы убѣдили правительство, и казенныя акцiи были де отданы наслѣдникамъ Мекка въ возмездiе за мнимый ущербъ отъ предложенной имъ правительственной ссуды. Но правительственныя ссуды и увеличенiе облигацiонныхъ капиталовъ не только не причиняютъ ущерба акцiонерамъ, но напротивъ составляютъ прямой ихъ интересъ. Предъ нами лежитъ обязательно доставленная намъ брошюра о Либаво-Роменской дорогѣ въ которой свѣдущимъ спецiалистомъ обстоятельно разъясняется и доказывается что дополнительные капиталы употребляемые на увеличенiе пропускной и провозной способности дорогъ ведутъ къ такому увеличенiю ихъ доходности что именно на большой правительственной ссудѣ и основывается разчетъ что ничего не стóящiя нынѣ на биржѣ Либаво-Роменскiя акцiи могутъ получить въ недалекомъ будущемъ солидную цѣнность какъ доходная бумага. Ясно поэтому что ассигнованiе ссуды бывшимъ владѣльцамъ дороги могло служить поводомъ къ тому чтобы выговорить отъ нихъ какiя-либо уступки, а не къ тому чтобы дарить имъ 40.000 акцiй. Этотъ даръ представляетъ собою самый странный, самый непонятный фактъ во всей исторiи Либаво-Роменской дороги. Чтò побудило сдѣлать этотъ даръ, будетъ вѣроятно разъяснено Государственнымъ Контролемъ, права котораго по ревизiи всего касающагося финансовъ въ послѣднее время значительно расширены. Но каковы бы ни были соображенiя по которымъ были отчуждены 40.000 прiобрѣтенныхъ прежде правительствомъ акцiй, нельзя не признать что отчужденiе было ошибкой которую желательно исправить, и едва ли слѣдуетъ упускать представляющiйся нынѣ къ тому случай.

№ 246.

Москва, 4-го сентября.

Послѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ газетныхъ толковъ о Данцигскомъ свиданiи, наконецъ появилось первое офицiальное заявленiе по поводу этого событiя — циркулярная телеграмма изъ Данцига, отъ 28 августа, управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ къ дипломатическимъ представителямъ Россiи за границей. Офицiальный документъ очень кратокъ и комментарiи которые онъ вызоветъ будутъ относиться не столько къ тому чтò въ немъ сказано, сколько къ тому о чемъ онъ умолчалъ: въ немъ ни единымъ словомъ не упомянуто о „третьемъ въ союзѣ,“ объ Австро-Венгрiи. „Узы близкаго род„ства,“ сказано въ циркулярѣ, „и преем„ственная дружба соединяющiя *обоихъ* Мо„нарховъ достаточно объясняютъ побуди„тельныя причины вызвавшiя это свиданiе, „а также и характеръ его.“ Сердечная и искренняя встрѣча оказанная Государю Императору служитъ, какъ сказано далѣе,

„новымъ доказательствомъ прочности добрыхъ отношеній установившихся столь „счастливо между *двумя* государствами для „ихъ *обоюдной* пользы и для общаго мира.“ Берлинская же печать попрежнему старается эксплуатировать политическое значеніе свиданія въ духѣ „союза трехъ Императоровъ.“ „Свиданіемъ Императоровъ,“ замѣчаетъ берлинская *Провинціальная Корреспонденція*, „достигнуто полное соглашеніе и притомъ въ духѣ императора Австрійскаго (?). Союзъ трехъ Имперій въ „теченіе десяти лѣтъ доставлялъ миръ „Европѣ (но не Россіи, замѣтимъ въ скобкахъ). Этотъ миръ будетъ „сохраненъ и впредь.“ Какія же опасности угрожали однако европейскому миру и что̀ означаетъ таинственная фраза, которою оканчивается замѣтка берлинскаго правительственнаго органа что Данцигское свиданіе, „*если вообще въ немъ была необходимость*, открываетъ лучшіе виды на будущее?“ Отвѣтъ на это находимъ въ другомъ офиціозномъ берлинскомъ органѣ, газетѣ *Post*, которая старается объяснить почему берлинскіе правительственные органы опровергали извѣстіе о свиданіи наканунѣ самаго дня когда оно совершилось. Таинственность эта была де нужна для большаго эффекта. Имѣлось де въ виду посредствомъ неожиданно *для всѣхъ* согласованнаго свиданія разсѣять укоренившееся мнѣніе будто „панславизмъ“ руководитъ политикой Россіи. Еслибъ удалась внезапность событія, то „мгновеннымъ ударомъ“ разсѣялось бы убѣжденіе будто политика Россіи *рабски* подчиняется идеямъ панславизма. Эта попытка удалась лишь наполовину вслѣдствіе нескромности газетъ разгласившихъ заранѣе о предстоящемъ свиданіи. Производится де слѣдствіе дабы открыть виновнаго въ преждевременномъ разглашеніи. Странное объясненіе! Если панславизмъ есть тотъ врагъ который главнымъ образомъ имѣлось въ виду поразить, то почему успѣхъ замышленнаго удара зависѣлъ до такой степени отъ внезапности что врагъ долженъ считаться лишь наполовину сраженнымъ отъ того что „сюрпризъ“ не вполнѣ удался?..

Какъ бы то ни было, но побѣдную пѣснь надъ панславизмомъ хоромъ подхватила и австрійская печать, причемъ вѣнская *Neue Freie Presse* „особенно удивлена“ тѣмъ что нѣкоторыя изъ русскихъ газетъ, издающихся въ Петербургѣ, выразили мнѣніе что въ виду свиданія въ Данцигѣ „долженъ исчезнуть призракъ панславизма“ и должны разсѣяться „недоразумѣнія между Россіей и Австріей.“ Удивленіе выраженное по этому поводу вѣнскою газетой совершенно понятно: ей хорошо извѣстно что̀ собственно слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „панславизмъ.“ Этотъ терминъ означаетъ не то что̀ имъ непосредственно выражается, не завоевательные виды Россіи на всѣ славянскія племена, — виды, какихъ нѣтъ и никогда не было,—а русскую національную политику. Кто не знаетъ „петербургской прессы,“ тотъ сразу не пойметъ какимъ образомъ издаваемая въ Россіи и на русскомъ языкѣ газета можетъ усвоить себѣ мысли и желанія чуждой политики, и заранѣе затянуть ту самую мелодію которая, какъ бы по мановенію невидимаго капельмейстера, поется теперь унисономъ всѣми ея „добрыми друзьями.“

Само собою разумѣется что къ этому хору присоединились и англійскіе торійскіе органы, вѣрные традиціямъ политики Беконсфильда и ея „любви“ къ Австріи. „Какъ могла бы Германія,“ вопрошаетъ газета *Standard*, „этотъ другъ и союзникъ Австріи, предложить свой союзъ и дружбу, или хотя бы лишь свое сочувствіе, державѣ которая стала бы во главѣ панславистскаго движенія?... Если Россія желаетъ укрѣпить свои добрыя отношенія къ Германіи, то первымъ условіемъ для этого должно быть отреченіе отъ всего что̀ можетъ быть невыгодно или только *непріятно* для Австріи.“ Англійская газета утѣшаетъ себя тѣмъ что Австрія имѣетъ надежный оплотъ противъ всякихъ опасностей въ незыблемомъ союзѣ съ Германіей, занимающей де такое положеніе что она можетъ предписывать свои условія всѣмъ въ Европѣ (значитъ, и Англіи)?

Только пештскія газеты, — нужно имъ отдать въ томъ справедливость — продолжаютъ попрежнему относиться къ Россіи съ непріязнію не прикрытою лицемѣрными фразами.

Пештскій Ллойдъ ставитъ вопросъ прямо: эта газета не говоритъ пустаго о несуществующемъ русскомъ панславизмѣ, а предусматриваетъ неизбѣжное столкновеніе вслѣдствіе притязаній Австріи на исключительное обладаніе „ключомъ“ къ Востоку, вслѣдствіе чего она и не можетъ де довольствоваться никакими полюбовны-

ми сдѣлками или вознагражденіями. Будучи убѣждена въ томъ что Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ изъявить согласіе на подобную програму австрійской политики, усвоенную и всячески пропагандируемую венгерскою печатью со времени послѣдней войны, *Пештскій Ллойдъ* и не обольщаетъ себя надеждами и не думаетъ чтобы Россія, по чьему бы то ни было побужденію, могла отречься отъ самой себя. Но съ другой стороны венгерская газета твердо убѣждена что Австро-Германскій союзъ незыблемъ, что онъ выдержитъ и эту пробу, и что Австріи нѣтъ поэтому никакой надобности отрекаться въ чемъ-либо отъ *своей* „панславитской“ программы.

Изо всѣхъ этихъ разнообразныхъ толковъ одно пока ясно: это то что Тройной Союзъ былъ политическою ложью, и мы не можемъ не порадоваться тому что русскій циркуляръ отъ 28 августа не считалъ нужнымъ воскрешать эту официальную ложь, которая въ послѣднія десять лѣтъ пускалась въ ходъ именно тогда когда шла рѣчь о самыхъ важныхъ національныхъ интересахъ Россіи, и когда нужно было во что бы ни стало сбить ее съ пути.

№ 247.

Москва, 5-го сентября.

Въ нумерѣ *Русскаго Инвалида* отъ 2 сентября находимъ приказъ по военному вѣдомству, измѣняющій въ корнѣ всю систему нашихъ такъ-называемыхъ мѣстныхъ войскъ; тамъ же напечатана записка разъясняющая главныя основанія какъ этой, такъ и тѣхъ мѣръ о которыхъ мы говорили на дняхъ.

Изъ этой записки, между прочимъ, видно что министерство, получивъ указанія: „направить свои усилія къ сокращенію военныхъ расходовъ не нарушая боевой готовности арміи,“ „уменьшивъ“ ежегодный контингентъ новобранцевъ и „сообразивъ срокъ службы людей въ рядахъ съ дѣйствительными потребностями арміи,“ признало необходимымъ начать съ пересмотра штата войсковыхъ частей въ видахъ сокращенія числа *некомбатантовъ*, а затѣмъ „приступило къ соображенію объ уменьшеніи числа мѣстныхъ войскъ посредствомъ замѣны ихъ войсками резервными.“

Наши мѣстныя войска до послѣдней минуты представляли въ своей организаціи рядъ постепенныхъ наслоеній, подобныхъ геологическимъ формаціямъ; тутъ были и остатки стариннаго „корпуса внутренней стражи“ съ его гарнизонными (мѣстными) баталіонами, инвалидными (мѣстными) и этапными (то-есть конвойными) командами,—это войска исключительно *мирныя*; были и войска вновь сформированныя подъ названіемъ резервныхъ баталіоновъ кадроваго состава, долженствовавшія въ случаѣ мобилизаціи вревратиться въ четырехбаталіонные резервные полки; были и „кадры“ особыхъ запасныхъ баталіоновъ формируемыхъ въ военное время и составляющихъ на самомъ дѣлѣ резервы дѣйствующихъ полковъ.

Управляла этими мѣстными войсками многоэтажная администрація, состоявшая изъ начальниковъ мѣстныхъ войскъ въ округахъ губернскихъ и уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ съ ихъ управленіями, ложившаяся тяжелымъ бременемъ на государственный бюджетъ и обѣщавшая, какъ показалъ опытъ прошлой войны, весьма сомнительную пользу для дѣла мобилизаціи.

Приказъ отъ 30 августа полагаетъ конецъ такому порядку, замѣняя его инымъ, систематически развитымъ изъ одной основной мысли, болѣе правильнымъ и дешевымъ. За основаніе этого новаго порядка принято чтобы въ мирное время вовсе не содержать никакихъ частей не нужныхъ для быстраго и правильнаго перехода арміи на военное положеніе. Принявъ такое основаніе, неизбѣжно пришли къ упраздненію всѣхъ такъ - называемыхъ мѣстныхъ командъ въ числѣ 468. Ихъ замѣнятъ размѣщаемыя впредь по уѣздамъ роты кадровыхъ баталіоновъ; но такъ какъ число этихъ ротъ для названной цѣли оказалось не вполнѣ достаточнымъ, то часть командъ переформируется въ кадры запасныхъ баталіоновъ по особому штату. Для остальныхъ же запасныхъ баталіоновъ, при управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, должны находиться особыя кадровыя команды,—всего въ два десятка солдатъ — до сихъ поръ почему-то включавшіяся въ штатъ резервныхъ баталіоновъ. Мѣстныя команды прежняго состава указано формировать только на военное время.

Измѣнивъ такимъ образомъ организацію мѣстныхъ войскъ мирнаго времени, Военное Министерство нашло возможнымъ упро-

стить и ихъ администрацію. Начальство мѣстныхъ войскъ округа вовсе упразднено. Губернскихъ воинскихъ начальниковъ замѣнили управленія „мѣстныхъ бригадъ,“ числомъ всего 22. Такимъ образомъ двѣ трети личнаго состава высшихъ начальниковъ мѣстнаго военнаго управленія оказались излишними. Что̀ исполнялось доселѣ губернскимъ воинскимъ начальникомъ въ одной губерніи, сказано въ объяснительной запискѣ, то самое будетъ впредь исполняться начальникомъ мѣстной бригады въ двухъ-трехъ губерніяхъ, причемъ соединеннымъ подобнымъ образомъ губерніямъ присвоивается названіе *бригадныхъ районовъ*, — напоминающихъ округа прусскихъ ландверныхъ бригадъ.

Замѣна мѣстныхъ войскъ прежняго устройства резервными, сокращая цифру штатовъ мирнаго времени, уменьшая расходы казны, не окажетъ, какъ замѣчено въ запискѣ *Русскаго Инвалида*, „вліянія на составъ арміи по военному времени, ибо съ объявленіемъ мобилизаціи всѣ резервныя войска освобождаются отъ гарнизонной службы... Что же касается сохраненія боеваго достоинства резервныхъ частей, распредѣляемыхъ по уѣздамъ, то повелѣно принять мѣры чтобъ предоставить имъ возможность вести систематически строевыя занятія.“ Въ этихъ именно видахъ рѣшено значительно сократить расходъ людей на мѣстную службу, расходъ въ послѣднее время столь значительный. Здѣсь будетъ умѣстно обратить вниманіе на одно обстоятельство о коемъ говорили при самомъ учрежденіи резервныхъ баталіоновъ и на которое многіе вѣроятно укажутъ съ особымъ удареніемъ и теперь, какъ на промахъ: роты этихъ баталіоновъ располагаясь по уѣздамъ и занимаясь гарнизонною службой, почти вовсе теряютъ возможность бывать въ лагерныхъ сборахъ и принимать участіе какъ въ баталіонныхъ ученіяхъ такъ и въ маневрированіи болѣе крупныхъ войсковыхъ единицъ Но на резервный кадровый баталіонъ нельзя смотрѣть какъ на боевую *единицу*; онъ въ сущности есть полкъ, какъ каждая рота есть баталіонъ военнаго времени. Отсюда естественнымъ образомъ выходитъ что части эти выиграютъ очень не много отъ того будутъ ли онѣ часто участвовать въ совокупныхъ ученьяхъ: три четверти состава этихъ „военныхъ“ полковъ въ мирное время живутъ по домамъ и ни въ какихъ ученіяхъ не участвуютъ, а офицеры и будущіе командиры раскиданы по всей арміи. Въ резервныхъ баталіонахъ введено одиночное обученіе людей, хорошая дисциплинировка ихъ и приготовленіе изъ нихъ учителей кои въ короткое время сумѣли бы освѣжить въ призванныхъ на службу резервистахъ тотъ строевой навыкъ который они неизбѣжно до извѣстной степени утрачиваютъ въ мирное время. Можно сказать что въ этомъ отношеніи у насъ дѣлалось и дѣлается далеко больше нежели гдѣ-либо за границей. Требовать еще чего-то значитъ желать излишней роскоши, забывая что военная организація мирнаго времени должна стоить возможно дешевле. Ставъ на путь удовлетворенія такихъ излишнихъ требованій, можно придти и къ тому что вмѣсто содержанія въ мирное время арміи въ видѣ кадровъ будетъ лучше держать ее въ боевомъ составѣ или содержать даже двѣ арміи, одну для мирной, а другую для военной службы. Такъ дѣлалось прежде, но такіе порядки уже отжили свой вѣкъ. Послѣдніе остатки ихъ устраняются теперь приказомъ о которомъ идетъ рѣчь.

Мы указали на экономическую сторону утвержденныхъ уже реформъ; прибавимъ теперь что въ результатѣ онѣ даютъ *шесть съ половиною милліоновъ* чистаго сбереженія ежегодно, сверхъ сокращенія цифры ежегоднаго контингента, сокративъ штатную цифру войскъ мирнаго времени съ 863 тысячъ на 756, то-есть сбросивъ съ казеннаго пайка въ мирное время 107 тысячъ человѣкъ.

№ 249.

Москва, 7-го сентября.

Помѣщая ниже „Объясненіе правленія Общества Либаво-Роменской желѣзной дороги,“ не можемъ не выразить сожалѣнія что это объясненіе далеко не разъясняетъ вопроса котораго оно касается.

Либаво-Роменская дорога отъ наслѣдниковъ г. фонъ-Мекка перешла въ руки новыхъ владѣльцевъ. Вслѣдъ за этимъ переходомъ, назначается на 31 августа первое общее чрезвычайное собраніе новыхъ акціонеровъ дороги, отсроченное потомъ до второй половины сентября. Для обсужденія на этомъ собраніи, въ числѣ

другихъ докладовъ, изготовленъ, какъ значится въ опубликованной программѣ его занятій, „докладъ о предоставленіи правленію права въ экстренныхъ случаяхъ, вызываемыхъ потребностями эксплуатаціи, испрашивать субсидію правительства и кредитоваться въ частныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ."

Правленіе дороги своимъ „Объясненіемъ" подтверждаетъ что обсужденіе доклада именно такого содержанія входитъ въ программу перваго общаго собранія новыхъ акціонеровъ, но прибавляетъ что хотя этотъ докладъ и составленъ, но „никакихъ новыхъ субсидій у правительства не предполагалось испрашивать." Какъ согласить это заявленіе съ содержаніемъ доклада? Если не имѣется въ виду ходатайствовать ни о какихъ *новыхъ* субсидіяхъ, то какая же можетъ быть надобность предоставлять правленію carte blanche на испрошеніе субсидій въ „экстренныхъ случаяхъ?" зачѣмъ идетъ въ докладѣ рѣчь объ экстренныхъ потребностяхъ эксплуатаціи могущихъ подать поводъ къ испрошенію субсидіи?

Правленіе въ своемъ объясненіи даетъ понять что имѣется въ виду просить не „новыхъ" субсидій, а тѣхъ самыхъ о которыхъ „рѣшено" было ходатайствовать еще въ 1879 году, то-есть еще прежними владѣльцами дороги. Но изъ объясненія не видно было ли приведено это рѣшеніе въ исполненіе, то-есть просили ли прежніе акціонеры подразумѣваемой въ докладѣ субсидіи и была ли эта ихъ просьба уважена правительствомъ или нѣтъ. Если прежніе владѣльцы означенной субсидіи не просили, а нынѣшніе будутъ просить, это будетъ *новымъ* ходатайствомъ о субсидіи; если прежнимъ акціонерамъ въ этой субсидіи было отказано, а нынѣшніе опять будутъ просить ея, это также будетъ *новымъ* ходатайствомъ о субсидіи. Если же субсидія была дана вслѣдствіе ходатайства прежнихъ акціонеровъ и перешла въ наслѣдіе къ новымъ, то какой смыслъ просить того что̀ уже дано, и къ чему давать правленію полномочія на испрошеніе уже дарованнаго?

Ссылаясь на статью № 237 *Московскихъ Вѣдомостей*, правленіе дороги не сдѣлало никакой ссылки на нашу статью въ № 245, гдѣ было упомянуто о разрѣшенной 28 марта 1880 года правительственной ссудѣ въ двѣнадцать милліоновъ, и не пояснило относится ли проектированное въ его докладѣ испрошеніе субсидіи только къ этой ссудѣ, назначеніе коей на тѣ или иныя потребности Либаво-Роменской дороги, сколько намъ извѣстно, правительсто предоставило своему усмотрѣнію. Вѣдь кромѣ этой ссуды, кромѣ увеличенія облигаціоннаго капитала дороги на 12 милліоновъ рублей, въ началѣ 1880 года, то-есть послѣ состоявшагося въ 1879 году рѣшенія прежнихъ акціонеровъ просить субсидіи, шла рѣчь и о еще большемъ увеличеніи этого капитала на 24—28 милліоновъ рублей (считая въ такомъ случаѣ и постройку соединительной вѣтви Жеймы-Вилейки); сколько извѣстно дарованіе этой ссуды въ будущемъ было разрѣшено въ принципѣ 11 января 1880 года, хотя позднѣйшимъ мартовскимъ постановленіемъ Комитета Министровъ ссуда на первый разъ ограничена двѣнадцатью милліонами. Можетъ-быть и просьбу отпустить не ассигнованную еще пока дальнѣйшую ссуду 12—16 милліоновъ, сверхъ ассигнованныхъ уже двѣнадцати, правленіе Либаво-Роменской дороги также не сочтетъ испрошеніемъ *новой* субсидіи, сославшись на то что и объ этихъ суммахъ упоминалось въ рѣшеніи прежнихъ акціонеровъ 1879 года?

Разъясненіе всѣхъ этихъ пунктовъ между тѣмъ не лишено значенія при обсужденіи вопроса какую цѣну имѣютъ Либаво-Роменскія акціи, и требуютъ ли государственныя выгоды чтобъ эти акціи были въ настоящее время пріобрѣтены правительствомъ. Эти акціи признаютъ не приносящими никакого дохода и потому ничего не стоящими, и этимъ обстоятельствомъ объясняютъ почему правительство не задумалось отдать наслѣдникамъ Мекка свои 40.000 акцій, замѣнивъ ихъ въ портфелѣ желѣзнодорожнаго фонда, какъ мы слышали, нѣкоторымъ числомъ облигаціонныхъ обязательствъ Либаво-Роменской дороги точно также не приносящихъ никакого дохода и стало-быть въ равной мѣрѣ ничего не стоившихъ. Это же обстоятельство выставляютъ какъ аргументъ противъ немедленнаго выкупа правительствомъ Либаво-Роменской дороги у ея нынѣшнихъ владѣльцевъ. Затѣмъ правительству платить деньги за вещь ничего не стоящую? зачѣмъ ему покупать дорогу, когда она можетъ перейти въ его руки даромъ вслѣдствіе несостоятельности акціонернаго общества? Намъ кажется, однако, что такія

соображенія могли имѣть вѣсъ только до ассигнованія вышеупомянутыхъ субсидій. Пока ссуды не были даны, акціи дороги дѣйствительно не имѣли никакой цѣнности. Но когда стало извѣстно что многомилліонныя ссуды разрѣшены, акціи тотчасъ получили цѣнность и, по слухамъ, не одинъ, а нѣсколько консорціумовъ на перебой стремились купить дорогу, причемъ иные, какъ намъ разказывали, предлагали наслѣдникамъ Мекка за ихъ акціи даже высшую цѣну противъ предложенной г. Закомъ, но продавцы предпочли отдать акціи именно г. Заку потому что онъ нашелъ возможность безотлагательно заплатить всю предложенную сумму, тогда какъ другіе покупщики требовали разсрочки взносовъ. Ссуды еще не выданы, и акціи дохода не приносятъ. Но можно полагать что послѣ полученія ссудъ акціи начнутъ приносить доходъ, а увѣренность акціонеровъ въ полученіи субсидій такъ велика что именно ею, какъ явствуетъ изъ „Объясненія,“ мотивируется въ докладѣ предоставленіе правленію полномочія кредитоваться въ частныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ; на этой же увѣренности основывается и готовность разныхъ финансовыхъ учрежденій и банкировъ кредитовать новыхъ владѣльцевъ дороги въ весьма широкихъ размѣрахъ, безъ чего, пожалуй, самая покупка акцій г. Закомъ не могла бы состояться. Въ объясненіи правленія указывается на недостаточность оборотнаго капитала Либаво-Роменской дороги, ведущую къ тому что часть эксплуатаціонныхъ сборовъ употребляется на заготовку матеріаловъ и магазинныхъ запасовъ. По полученіи субсидій, эксплуатаціонные сборы не будутъ болѣе употребляться по такому назначенію, и гораздо большая часть ихъ пойдетъ въ чистый доходъ, а въ то же время предвидится большой ростъ этихъ эксплуатаціонныхъ сборовъ, какъ отъ массы грузовъ ожидаемыхъ въ виду нынѣшняго урожая (обстоятельство, въ виду котораго правительство, какъ извѣстно, обращалось чуть ли не циркулярно ко всѣмъ дорогамъ съ запросомъ не нуждаются ли онѣ въ субсидіяхъ для усиленія подвижнаго состава чтобы перевезти всѣ ожидаемые хлѣбные грузы), такъ и вообще отъ усиленія, благодаря субсидіи, пропускной и провозной способности Либаво-Роменской дороги. Да и въ настоящее уже время эта ея способность, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, вовсе не такъ недостаточна какъ полагаютъ, и далеко не та какою была еще недавно, когда, какъ говорятъ, Либаво-Роменская дорога могла принимать въ Бахмачѣ съ Курско-Кіевской дороги только 45—60 вагоновъ въ сутки, вмѣсто предлагаемыхъ 150, а съ Московско-Брестской въ Минскѣ только 30 вагоновъ вмѣсто предлагаемыхъ 100. Нынѣ Либаво-Роменская дорога имѣетъ, какъ мы слышали, до 5.000 запасныхъ вагоновъ съ соотвѣтственнымъ числомъ запасныхъ локомотивовъ, и чуть ли не на большей части ея протяженія уже совершилась замѣна старыхъ рельсовъ стальными.

На первомъ планѣ, противъ покупки Либаво-Роменскихъ акцій отъ гг. Зака и К° выставляется, какъ сказано, тотъ аргументъ что эта покупка не была бы выгоднымъ помѣщеніемъ казенныхъ денегъ, потому что эти акціи въ настоящую минуту не приносятъ никакого дохода. Мы привели сейчасъ нѣкоторыя данныя на основаніи которыхъ можно полагать что эти акціи, вѣроятно, скоро начнутъ приносить доходъ, который затѣмъ изъ года въ годъ будетъ возрастать. Но должно еще замѣтить что не одними соображеніями доходности руководятся правительства по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ, каналамъ и портовымъ сооруженіямъ и завѣдыванію ими. Не разчетъ на полученіе хорошихъ дивидендовъ побудилъ Англійское правительство купить у египетскаго хедива его акціи Суэзскаго канала; и переходъ Либаво-Роменской дороги въ руки правительства желателенъ не потому только что онъ былъ бы для казны выгодною аферой въ смыслѣ полученія дивидендовъ. Эта дорога, кромѣ важнаго народно-хозяйственнаго, имѣетъ еще большое стратегическое значеніе. А даже люди возстающіе вообще противъ выкупа желѣзныхъ дорогъ изъ частныхъ рукъ не находятъ возможнымъ возражать противъ примѣненія къ стратегическимъ дорогамъ исключительныхъ мѣръ немедленнаго выкупа ихъ казною. Затѣмъ народно-хозяйственное значеніе Либаво-Роменской дороги таково что въ управленіи ею на первомъ планѣ должно стоять не полученіе возможно большаго дохода, а удовлетвореніе тѣхъ интересовъ ради которыхъ она построена,—взглядъ, которымъ не могутъ руководиться никакіе частные владѣльцы дороги, и котораго можетъ держаться только правительство.

Говорятъ что пріобрѣтеніе этой дороги правительствомъ не нужно, потому что не предвидится де никакой опасности что оставаясь въ частныхъ рукахъ она можетъ сдѣлаться орудіемъ направленнымъ противъ Либавы въ пользу Кенигсберга, противъ русскихъ интересовъ въ пользу германскихъ. Всѣ возникшія въ этомъ смыслѣ опасенія оказались де преувеличенными. Кенигсбергскія банкирскія фирмы, которыя могли бы имѣть интересъ въ подрывѣ Либавы, пока не купили ни одной акціи этой дороги; не покупалъ этихъ акцій и служащій германскому канцлеру коммиссіонеромъ по разнымъ дѣламъ берлинскій банкирскій домъ Блейхредера; все его участіе въ дѣлѣ, сколько извѣстно, ограничилось лишь денежными ссудами сдѣланными покупщикамъ дороги. О чемъ же безпокоиться? Какая можетъ произойти особенная невыгода если даже всѣ акціи этой дороги перейдутъ къ иностранцамъ, подобно тому какъ перешли къ нимъ купленныя въ недавнее время г. Закомъ акціи Юго-Западныхъ дорогъ и Курско-Кіевскія? Даже еслибы бо́льшая часть будущихъ вліятельныхъ акціонеровъ дороги оказались случайно людьми заинтересованными болѣе въ успѣхахъ Кенигсберга чѣмъ Либавы, развѣ правительство не имѣетъ въ своихъ рукахъ средствъ положить границы всякимъ ихъ стремленіямъ направленнымъ въ ущербъ тѣмъ цѣлямъ которымъ должна служить Либавская дорога? Уставъ этой дороги предоставляетъ правительству широкія права контроля и вмѣшательства въ управленіе ею; опираясь на этотъ уставъ, правительство можетъ не только сузить предѣлы тарифной игры по этой линіи, но и потребовать во всякое время удаленія служащихъ на ней лицъ которыхъ признаетъ неблагонадежными.

Мы не полагаемъ, однако, чтобы можно было успокоиться на этихъ соображеніяхъ и въ виду ихъ махнуть рукой на то кто будутъ владѣльцами и хозяевами дороги, случайный личный составъ акціонеровъ или правительство. При оставленіи дороги въ частномъ владѣніи, какъ бы ни былъ предусмотрителенъ уставъ, на практикѣ всегда можно опасаться что право правительства останется только на бумагѣ и будетъ примѣняться лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обнаруженія особенно крупныхъ, явныхъ, исключительныхъ злоупотребленій; что несмотря на всѣ оговорки устава, всегда останется возможность привести дорогу въ такое положеніе какого пожелаютъ вліятельные акціонеры и дать ея дѣятельности преимущественно то направленіе какое они предпочтутъ. Вѣдь и уставы другихъ дорогъ не представляютъ неодолимыхъ препятствій къ устраненію существующихъ на нихъ злоупотребленій, вредной для государственныхъ интересовъ тарифной игры и вообще не соотвѣтствующей этимъ интересамъ желѣзнодорожной политики. Однако такъ ли идутъ на нашихъ дорогахъ дѣла какъ было бы желательно, и не дѣйствуютъ ли многія дороги, акціи коихъ принадлежатъ большею частію иностранцамъ, именно въ интересахъ иностранной торговли въ ущербъ внутренней? Дѣятельность Либаво - Роменской дороги подъ частнымъ управленіемъ можетъ принять невыгодное для страны направленіе совершенно такимъ же порядкомъ какъ это бываетъ на другихъ дорогахъ. Какъ на нѣкоторыхъ внутреннихъ дорогахъ случалось что, изъ разчетовъ возвысить дивидендъ и тѣмъ поднять цѣны акцій, оставался временно въ небреженіи должный ремонтъ дороги, такъ и матеріальная часть Либаво-Роменской дороги, по подобнымъ же соображеніямъ, можетъ быть запущена и очутиться въ недостаточно благоустроенномъ видѣ именно въ тотъ моментъ когда потребуется особенно усиленное по ней движеніе и когда заниматься ея ремонтомъ будетъ несвоевременно. Если Главное Общество Русскихъ Желѣзныхъ Дорогъ могло сдѣлаться въ Россіи силой служащею интересамъ Кенигсберга въ ущербъ Либавы, почему не предположить что и Либаво-Роменское желѣзнодорожное Общество можетъ сдѣлаться такою же силой, что и оно свяжетъ себя международными конвенціями прямаго сообщенія такого же свойства какъ и тѣ которыя заключаетъ и отстаиваетъ Главное Общество? Правленія дорогъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, очень изобрѣтательны въ пріисканіи прямыхъ и косвенныхъ мѣръ къ тому чтобы вести дѣла не такъ какъ нужно въ государственномъ интересѣ и какъ требуетъ правительство, а какъ имъ самимъ хочется или какъ требуютъ ихъ частныя выгоды. Давно ли миновало время когда грузы изъ Ромна направлялись въ Кенигсбергъ въ ущербъ Либавѣ, когда Ландварово-Роменская дорога по участію въ прямомъ международномъ сообщеніи съ Ке-

нигсбергомъ соперничала даже съ дорогами Главнаго Общества, оставляя далеко позади всѣ другія дороги отнимавшія грузы у русскихъ портовъ въ пользу прусскихъ? Гдѣ ручательство что оставаясь въ частныхъ рукахъ Либаво-Роменская дорога не будетъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи такъ же какъ дѣйствовала Ландваро-во-Роменская дорога въ 1875 — 1877 годахъ? Уже одно то обстоятельство что въ уставъ Либаво-Роменской дороги найдено было нужнымъ включить особыя ограничительныя условія, не встрѣчающіяся въ другихъ желѣзнодорожныхъ уставахъ, не служитъ ли указаніемъ что эта дорога имѣетъ исключительное значеніе, что къ ней не можетъ примѣняться мѣрка годная для другихъ дорогъ, что по отношенію къ ней нельзя допускать никакихъ случайностей?

Противъ покупки правительствомъ Либаво-Роменскихъ акцій есть еще тотъ доводъ что у насъ будто бы вообще не слѣдуетъ приступать къ выкупу желѣзныхъ дорогъ государствомъ, что правительство при нынѣшнихъ условіяхъ не справилось бы съ казеннымъ хозяйствомъ желѣзныхъ дорогъ. Было бы слишкомъ долго исчислять всѣ соображенія не позволяющія раздѣлять это мнѣніе. Сколько извѣстно, не раздѣляетъ этого мнѣнія и правительство, уже выкупившее Харьково-Николаевскую дорогу и рѣшившее строить и эксплуатировать безъ пособія акціонеровъ Криворогскую и Баскунчакскую дороги. Даже люди не расположенные къ выкупу дорогъ не отрицаютъ что было бы благоразумно брать въ казну желѣзнодорожныя линіи исподоволь и въ исключительныхъ случаяхъ. А положеніе Либаво-Роменской дороги есть именно исключительное, и принятіе ея въ казну несомнѣнно въ большей степени требуется государственными интересами чѣмъ казенное управленіе дорогами Харьково-Николаевскою, Криворогскою и Баскунчакскою.

Говорятъ еще: зачѣмъ выкупать дороги вообще и Либавскую въ особенности именно теперь, когда для большей части дорогъ, по ихъ уставамъ, не далѣе какъ чрезъ 7 — 9 лѣтъ самъ собою наступитъ срокъ выкупа. Но по какимъ же соображеніямъ отсрочить на нѣсколько лѣтъ выкупъ тѣхъ дорогъ которыя въ особенности не слѣдуетъ оставлять въ частныхъ рукахъ и которыя представляется возможнымъ выкупить теперь же? Указаніе на нынѣшнія финансовыя затрудненія въ этомъ случаѣ не имѣетъ значенія. Если эти затрудненія не препятствуютъ ассигнованію 12-милліонныхъ ссудъ частнымъ владѣльцамъ Либаво-Роменской дороги, то тѣмъ менѣе могутъ они служить препятствіемъ къ несравненно меньшему расходу на немедленное пріобрѣтеніе этой дороги въ полную государственную собственность. Отсрочка же пріобрѣтенія дѣйствительно можетъ создать для выкупа финансовыя затрудненія. Если своими ссудами правительство само дастъ возможность придать ничего не стоящимъ нынѣ акціямъ большую биржевую цѣнность, выкупъ ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ потребуетъ такого капитала надъ ассигнованіемъ коего пожалуй придется серіозно задуматься.

№ 251.

Москва, 9-го сентября.

Президента Соединенныхъ Штатовъ, Гарфильда, не стало. Три мѣсяца мучительно боролся онъ со смертью, три мѣсяца Сѣверная Америка слѣдила съ замирающимъ сердцемъ за этою потрясающею борьбой въ которой какъ бы знаменовалась борьба здоровыхъ элементовъ республики съ охватившею ее пагубною заразой. Надежды на врачебную науку оказались тщетными, и злое покушеніе политическаго негодяя пресѣкло жизнь одного изъ умнѣйшихъ и честнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Соединенныхъ Штатовъ и ввергло страну въ хаотическую борьбу партій. На мѣсто скончавшагося президента уже вступилъ политическій врагъ его, вице-президентъ Артуръ, орудіе партіи *коррупціонистовъ* или *взяточниковъ*, которые теперь употребятъ всѣ свои усилія для упроченія своего могущества въ Сѣверо-Американской республикѣ. Они называютъ себя *стальвартами*, то-есть *храбрыми* и *не уступчивыми*, и конечно постараются доказать свою храбрость въ энергическомъ водвореніи продажности и казнокрадства во всѣ отрасли политической жизни Сѣверной Америки. Но происки *коррупціонистовъ*, запятнавшихъ себя кровавымъ преступленіемъ совершеннымъ рукою *стальварта изъ стальвартовъ*, встрѣтятъ безъ сомнѣнія сильный и дружный отпоръ со стороны приверженцевъ

покойнаго Гарфильда, за которыми конечно стоитъ вся честная часть Сѣверо-Американскаго народа; завяжется отчаянная, непримиримая борьба между обѣими фракціями республиканской партіи въ которой и демократическая партія вѣроятно не останется праздною зрительницей, и если не явится желѣзная воля предъ которою должны притихнуть эгоистическія притязанія партій, намъ можетъ-быть придется присутствовать при новой разрушительной междуусобной распрѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Пожелаемъ чтобы смерть Гарфильда стала такимъ же знаменіемъ торжества честныхъ элементовъ въ Сѣверной Америкѣ какимъ была смерть Линкольна. Зараза внѣдрившаяся въ политическую жизнь Соединенныхъ Штатовъ, развивающаяся тамъ въ небывалыхъ для Европы размѣрахъ, не можетъ повидимому быть уничтожена безъ тяжкихъ искупительныхъ жертвъ. Побѣдивъ невольничество послѣ долгой кровопролитной войны съ Южными Штатами, республиканская партія принуждена была заплатить за свою побѣду кровью президента Линкольна. Ужасная кончина Гарфильда быть-можетъ откроетъ глаза Сѣвероамериканскому народу и освободитъ его отъ кошмара, овладѣвшаго имъ въ видѣ партіи *коррупціонистовъ*.

Чудовищнымъ и непонятнымъ для насъ, Европейцевъ, является существованіе цѣлой политической партіи почти открыто признающей продажность своимъ средствомъ и казнокрадство своею цѣлью. Если вѣрить нашимъ такъ-называемымъ либеральнымъ прожектерамъ, рекомендуемая ими конституція имѣла бы главнѣйшимъ образомъ то преимущество что при ней никто напримѣръ не осмѣлился бы коснуться пальцемъ драгоцѣнныхъ башкирскихъ земель. Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ ясно показываетъ намъ что конституціонная и даже республиканская форма правленія отнюдь не можетъ считаться гарантіей не только противъ случайныхъ, не вполнѣ заслуженныхъ наградъ, выдаваемыхъ правительствомъ своимъ чиновникамъ, но противъ самаго безсовѣстнаго расхищенія государственныхъ капиталовъ и доходовъ, возведеннаго въ принципъ цѣлой политической партіи. Впрочемъ, вся разница между этою партіей и парламентскими партіями западной Европы заключается собственно только въ большей откровенности и болѣе наглой безсовѣстности Американцевъ, не стѣсняющихся высказывать такія воззрѣнія которыя европейскіе политики считаютъ нужнымъ прикрывать громкими фразами о благѣ и волѣ народа. Въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ вредъ причиняемый парламентскимъ режимомъ не парализуется личною сильною волей государственнаго человѣка въ родѣ князя Бисмарка, мы постоянно видимъ что политическія партіи стремятся захватить правительственную власть и достигнувъ своей цѣли щедро раздаютъ своимъ приверженцамъ выгодныя и доходныя мѣста въ государствѣ. „Побѣдителю добыча!“ вотъ въ грубой, не прикрашенной формѣ принципъ европейскихъ политическихъ партій, выраженный впервые нью-йоркскимъ сенаторомъ Мерси и со времени президентства Джаксона постоянно примѣнявшійся сперва въ сѣверныхъ штатахъ, а послѣ ихъ побѣды надъ южными, во всей Сѣверо-Американской республикѣ [1]). Въ Европѣ этотъ принципъ примѣняется лишь на практикѣ, по теоріи онъ пока невозможенъ вслѣдствіе свойственнаго намъ почти прирожденнаго чувства приличія, незнакомаго американскому янки. Но нѣтъ сомнѣнія что если западная Европа будетъ продолжать свой политическій путь по правиламъ шаблоннаго парламентаризма, то и она скоро дойдетъ до офиціальнаго существованія партіи явныхъ хищниковъ и казнокрадовъ.

Уже теперь мы видимъ до какой степени явная продажность входитъ почти какъ нормальное явленіе въ политическіе нравы Англіи, Италіи и Австро-Венгріи напримѣръ во время парламентскихъ выборовъ. Уже теперь мы замѣчаемъ что назначеніе каждаго новаго министерства во Франціи влечетъ за собой поголовное измѣненіе чиновничьяго персонала, съ алчностью раздѣляющаго между собою въ качествѣ побѣдителей тучную государственную добычу и старающагося поскорѣе наполнить свои карманы до новой перемѣны министерства, то-есть до нашествія новыхъ побѣдителей. Уже теперь мы начинаемъ понимать что представителямъ якобы „народныхъ“ партій никакого нѣтъ дѣла до истинной пользы

---

[1]) Любопытныя свѣдѣнія о первомъ зарожденіи партіи коррупціонистовъ можно найти въ недавно вышедшемъ II томѣ *Конституціонной Исторіи Соединенныхъ Штатовъ Америки со времени администраціи Джаксона*, соч. нѣмецкаго профессора фонъ-Гольста (v. Holst).

народа, и что они прикрываются его именемъ лишь для того чтобы непримѣтнѣе обдѣлать свои частныя дѣла, между тѣмъ какъ американскіе *корупціонисты* обдѣлываютъ свои дѣла прямодушнѣе, безъ фарисейскаго народолюбства. Появленіе какъ тайныхъ такъ и явныхъ *корупціонистовъ* всегда будетъ естественнымъ и непремѣннымъ послѣдствіемъ слабости правительственной власти. Противъ американскихъ хищниковъ покойный Гарфильдъ вооружился было энергическимъ проявленіемъ своей законной власти. Пуля *стальварта* Гито направлена была на президента именно потому что *корупціонисты* усмотрѣли въ немъ непреклоннаго своего врага. Если же безсовѣстные люди теперь торжествуютъ надъ прахомъ президента Гарфильда, то это потому что они своимъ злодѣяніемъ сумѣли сломить сильную *личную* власть его. Отомстить за его смерть и избавить страну отъ позорной заразы *корупціонизма* можно будетъ также лишь посредствомъ энергическаго *личнаго* дѣйствія умнаго и честнаго государственнаго человѣка. Это личное сильное дѣйствіе ничего не можетъ имѣть общаго съ парламентаризмомъ, который можетъ стать лишь препятствіемъ въ успѣшной борьбѣ съ хищничествомъ если не будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ даровитаго государственнаго человѣка. Найдется ли теперь въ Сѣверной Америкѣ человѣкъ который сумѣлъ бы смѣлымъ образомъ дѣйствій истребить въ самомъ зародышѣ *корупціонизмъ?* Вотъ въ чемъ заключается весь вопросъ отъ рѣшенія котораго зависитъ будущность Соединенныхъ Штатовъ.

№ 252.

Москва, 10-го сентября.

Возвращаемся къ напечатанной на дняхъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* объяснительной статьѣ о реформѣ нашей военной организаціи.

Уже давно въ печати ходили толки объ измѣненіи сроковъ службы, въ смыслѣ сокращенія пребыванія подъ знаменами. Въ сущности толки эти оказываются вѣрными но изъ статьи *Русскаго Инвалида* видно что рѣчь идетъ не о прежнемъ сокращеніи этихъ сроковъ канцелярскимъ порядкомъ, а объ установленіи въ этомъ важномъ государственномъ дѣлѣ твердыхъ правилъ взамѣнъ шаткаго пріема удовлетворять лишь минутнымъ административнымъ видамъ и соображеніямъ.

Уставъ о воинской повинности (статья 17) опредѣляетъ каждому призванному, не пользующемуся льготами по образованію, *шесть* лѣтъ дѣйствительной службы, за исключеніемъ областей Семирѣченской, Забайкальской, Якутской, Амурской и Приморской, гдѣ солдатъ долженъ оставаться подъ знаменами *семь* лѣтъ. Однако, далѣе тотъ же Уставъ (ст. 21) предоставляетъ Военному Министерству право увольнять въ запасъ нижнихъ чиновъ „въ случаѣ представляющейся къ тому возможности“ и ранѣе выслуги этихъ сроковъ. Обстоятельства вынудили военное вѣдомство широко воспользоваться правомъ дарованнымъ этою статьей. Широкое развитіе системы резервовъ, намѣченное для нашей арміи штатами 1878 и 1880 годовъ и разчитанное на полный комплектъ запаса, — сказано въ *Русскомъ Инвалидѣ*, — вмѣстѣ съ желаніемъ ускорить накопленіе этого запаса, привело къ фактическому сокращенію сроковъ службы, а въ силу того и къ значительнымъ контингентамъ ежегодно взимаемымъ съ населенія. Размѣръ этихъ контингентовъ въ послѣднее время дошелъ до того что въ составѣ призванныхъ на службу оказался значительный процентъ лицъ которымъ уставъ о воинской повинности, въ виду ихъ семейнаго и экономическаго положенія, предоставляетъ особыя льготы на самомъ дѣлѣ необходимыя. Далѣе, фактически короткіе сроки службы, при долгосрочной по закону системѣ, породили „серіозныя затрудненія въ образованіи хорошаго унтеръ-офицерскаго состава.“

Такому порядку вещей одинаково обременительному для населенія, для государственнаго казначейства и для военнаго вѣдомства рѣшено теперь положить конецъ.

Прежде всего необходимо было сохранить, въ видахъ хотя бы уже одной экономіи, излишне сильный мирный составъ, что въ главномъ уже исполнено: остается только пересмотрѣть штаты госпиталей интендантскихъ транспортовъ и подобныхъ имъ служительскихъ командъ. Затѣмъ надлежало озаботиться устраненіемъ, по возможности, призыва на службу тѣхъ лицъ которымъ въ виду ихъ нуждъ законъ предоставляетъ особыя льготы, то-есть облегчить населенію отбываніе воинской повин-

ности. Достигнуть этой цѣли было возможно двумя способами: или, какъ это дѣлается въ Германіи, призывать къ жребію не одинъ возрастъ населенія, а три года подъ рядъ, предоставляя „льготнымъ“ возможность идти въ службу лишь при недочетѣ непользующихся льготою, или же устранить установившіеся фактически слишкомъ, какъ оказалось, короткіе сроки службы, не ладящіеся ни съ важными потребностями военнаго вѣдомства, ни съ основаніями нашей организаціи, основанной на призывѣ къ жребію лишь одинъ разъ въ жизни.

Военное Министерство остановилось на послѣднемъ способѣ. „Приступая къ рѣшенію вопроса о положеніи цифры ежегодно взимаемаго съ населенія контингента, замѣчаетъ *Русскій Инвалидъ*, и къ регулированію срока дѣйствительной службы въ рядахъ арміи, Военное Министерство, на основаніи вновь выработанныхъ штатовъ военнаго и мирнаго времени, пришло къ заключенію что *наиболѣе соотвѣтственный обстоятельствамъ срокъ службы будетъ пятилѣтній* для пѣхоты и пѣшей артиллеріи, и *шестилѣтній* для всѣхъ прочихъ войскъ, при ежегодномъ призывѣ для комплектованія арміи *и флота* 190 тысячъ человѣкъ.“ Устанавливаемый такимъ образомъ срокъ, правда, нѣсколько длиннѣе установившагося въ послѣднее время фактически, но за то онъ короче опредѣленнаго Уставомъ о воинской повинности и устраняетъ случайности въ распредѣленіи продолжительности службы, — случайности, благодаря коимъ въ иныхъ частяхъ войскъ люди служили больше, а въ другихъ меньше: теперь вводится *одинъ твердо установленный, постоянный* срокъ; каждый будетъ знать впередъ не только то какъ долго онъ будетъ на службѣ, но и сколько на самомъ дѣлѣ прослужитъ. Замѣтимъ что избранный теперь срокъ весьма немного продолжительнѣе установившагося de facto въ послѣднее время. Дѣйствительно, по послѣднему офиціальному отчету о состояніи войскъ въ 1874 году, видно что въ этотъ годъ уволены въ запасъ осенью люди „выслуживавшіе къ 1 января 1880 года шесть и пять лѣтъ, въ кавалеріи же, конной артиллеріи, а также въ войскахъ Кавказскаго округа годомъ больше указанныхъ сроковъ.“ Затѣмъ къ январю 1880 года въ войскахъ считалось почти 756 тысячъ прослужившихъ не свыше четырехъ лѣтъ и 97 съ половиною тысячъ прослужившихъ отъ пяти до семи лѣтъ, прослужившихъ менѣе пяти лѣтъ среднимъ числомъ приходилось на каждый возрастъ полтораста тысячъ, прослуживших пять лѣтъ было около пятидесяти шести тысячъ. Эти данныя указываютъ что вновь вводимая мѣра, не увеличивая замѣтно продолжительности службы de facto, сокращаетъ ее весьма существенно de jure, обезпечивая арміи болѣе правильное комплектованіе унтеръ-офицерами и уравнивая права людей призванныхъ на службу въ далекихъ окраинахъ съ тѣми коимъ посчастливилось служить въ центральныхъ губерніяхъ.

Но на этомъ Военное Министерство не остановилось. Имъ проектировано новое у насъ учрежденіе *однолѣтнихъ новобранцевъ*, имѣющее въ виду, съ одной стороны, предоставленіе возможно бо́льшихъ удобствъ такъ называемымъ льготнымъ, а съ другой, по словамъ *Инвалида*, „болѣе надежное обезпеченіе размѣра нашихъ силъ въ случаѣ большой европейской войны,“ призывая на укомплектованіе ихъ не ратниковъ ополченія, а людей уже подготовленныхъ.

На это послѣднее обстоятельство за границей уже давно обращено серіозное вниманіе: въ Германіи уже болѣе года назадъ правительство потребовало установленіе ежегоднаго призыва, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ, людей такъ-называемаго „рекрутскаго резерва“ (нашихъ ратниковъ) къ строевымъ упражненіямъ. Въ объяснительной по этому предмету запискѣ указывалось что того требуетъ тотъ характеръ который должны имѣть войны будущаго времени, исключающій всякую возможность подготовить предназначаемыхъ на укомплектованіе арміи людей во время самой войны. Авторитетъ въ военныхъ вопросахъ, фельдмаршалъ Мольтке, разборомъ сраженій и кампаній новѣйшаго времени наглядно показалъ всю необходимость такой мѣры, теперь уже окончательно установившейся въ Германіи. Вмѣсто установившагося тамъ ежегоднаго (на 2 мѣсяца) ученья, весьма, какъ оказывается, безпокоящаго призываемыхъ, у насъ Военное Министерство учреждаетъ разряды однолѣтнихъ новобранцевъ, для чего придется лишь нѣсколько увеличить ежегодный наборъ: это увеличеніе въ настоящемъ году ограничивается 22 тысячами; „при первой финансовой возможности, говорится въ статьѣ *Инвалида*, признано необходимымъ

повысить эту цифру," однако не много. Такимъ образомъ, въ общемъ результатѣ вновь проектированная у насъ военная организація, при меньшемъ противъ прежняго напряженіи податныхъ силъ народа, даетъ армію не только не менѣе, но болѣе готовую къ боевой дѣятельности.

Нельзя не порадоваться этому результату достигнутому въ столь короткое время и при столь значительныхъ сбереженіяхъ.

№ 253.

Москва, 11-го сентября.

Дѣло Либаво-Роменскихъ акцій не перестаетъ быть предметомъ оживленныхъ толковъ. Между прочимъ, намъ пишутъ изъ Петербурга слѣдующее: „Въ свѣдущихъ кругахъ утверждаютъ что опасенія относительно перехода акцій въ нѣмецкія руки лишены основанія. Разсказываютъ будто г. Закъ обращался къ управляющему Министерствомъ Финансовъ съ предложеніемъ пріобрѣсти акціи по сходной цѣнѣ. Но г. Бунге, находя сдѣлку невыгодною въ виду дурнаго состоянія дороги и предусмотрѣннаго уставомъ перехода ея въ собственность правительства чрезъ восемь лѣтъ, отклонилъ предложеніе. Когда толки, усилившись, вызвали даже въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій запросы обращенные къ министру Финансовъ, послѣдній, какъ слышно, категорически утверждалъ что распространяемые слухи объ анти-патріотической комбинаціи разчитаны намѣренно на принужденіе Русскаго правительства пріобрѣсти малоцѣнныя акціи по возвышенной цѣнѣ."

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ вопросъ: не были ли всѣ недавніе толки о Либаво-Роменской дорогѣ ложною тревогой, которая была искусственно вызвана ловкими людьми пытавшимися нажиться на счетъ казны? Не были ли вовлечены въ ошибку люди встревожившіеся возможностью перехода дороги въ нерусскія руки и не служили ли они, поддавшись обману, его орудіями?

Припоминая общій характеръ толковъ по этому дѣлу, нельзя не признать что въ нихъ отчасти сквозила фальшивая струя. Противъ сдѣлки имѣвшей результатомъ переходъ акцій изъ однѣхъ частныхъ рукъ въ другія раздавались странныя обвиненія въ непатріотичности. Эта сдѣлка вмѣнялась какъ бы въ преступленіе, чуть не въ государственную измѣну продавцамъ и покупщикамъ акцій, и иные готовы были заклеймить ихъ позорнымъ обвинительнымъ приговоромъ. Но продажа и покупка Либаво-Роменскихъ акцій совершенно такое же дѣло какъ и продажа и покупка всякихъ другихъ акцій и иныхъ цѣнныхъ бумагъ. Каждый продаетъ и покупаетъ цѣнныя бумаги, руководясь только своими разчетами, и всѣ подобныя сдѣлки не имѣютъ никакого отношенія къ патріотизму лицъ которыя ихъ совершаютъ. Смѣшно, поэтому, примѣшивать вопросъ о патріотизмѣ и къ обратившей на себя общее вниманіе продажѣ Либаво-Роменскихъ акцій. Всѣ толки придавшіе этой сдѣлкѣ какой-то антипатріотическій характеръ только напускали туманъ на дѣло и должны быть оставлены совсѣмъ въ сторонѣ когда имѣется въ виду разъяснить дѣйствительное значеніе вопроса. Но опасенія что дорога можетъ очутиться во власти нерусскихъ владѣльцевъ не уничтожаются устраненіемъ всякаго обсужденія сдѣлки съ точки зрѣнія патріотизма. Пока акціи и другія цѣнныя бумаги могутъ свободно переходить изъ рукъ въ руки, пока онѣ могутъ свободно обращаться какъ въ Россіи, такъ и за границей, никакіе свѣдущіе круги не могутъ поручиться что онѣ не очутятся въ рукахъ иностранцевъ. Если бо̀льшая часть акцій многихъ нашихъ дорогъ уже пріобрѣтены иностранными капиталистами, весьма возможно что точно также будутъ пріобрѣтены ими и акціи Либаво-Роменскія. Другой вопросъ, найдутъ ли иностранцы выгоднымъ для себя пріобрѣтать эти акціи, или станутъ уклоняться отъ этой покупки такъ же какъ уклонилось отъ нея, если вѣрить вышеприведенному слуху, наше Министерство Финансовъ. Это можетъ зависѣть отъ ихъ взгляда на выгодность обладанія акціями этой дороги,—взгляда, который можетъ и совпасть и не совпасть со взглядомъ приписываемымъ нашему финансовому управленію.

Согласно этому послѣднему взгляду покупка акцій правительствомъ представляется дѣломъ невыгоднымъ, потому что дорога находится де въ дурномъ состояніи. Въ какомъ состояніи дѣйствительно находится дорога въ настоящее время могутъ судить, конечно, только свѣдущіе въ дѣлѣ люди, имѣвшіе возможность близко съ нею ознакомиться. Финансовые результаты ко-

торые давала дорога за послѣдніе годы, сколько извѣстно, не могутъ служить основаніемъ для сужденій въ этомъ отношеніи. По общему признанію, при наслѣдникахъ покойнаго г. фонъ-Мекка хозяйство на дорогѣ велось такъ что она не могла дать удовлетворительныхъ финансовыхъ результатовъ даже въ томъ случаѣ еслибы находилась въ хорошемъ состояніи; кромѣ того, въ послѣдніе годы многія дороги жаловались на уменьшеніе количества грузовъ, что не могло не отзываться и на Либаво-Роменской дорогѣ, нисколько не свидѣтельствуя о дурномъ ея состояніи. Не свидѣтельствуютъ о дурномъ ея состояніи и дошедшія до насъ свѣдѣнія о томъ что чуть не на всемъ протяженіи дороги уже произведена замѣна старыхъ рельсовъ стальными, и что подвижной составъ дороги увеличенъ настолько что имѣется до 5.000 запасныхъ вагоновъ съ соотвѣтственнымъ этому количеству запаснымъ числомъ паровозовъ. Но допустимъ что дорога дѣйствительно находится въ дурномъ состояніи. Есть ли это доказательство въ пользу мнѣнія что правительству не слѣдуетъ брать дорогу въ свои руки, и что иностранцы также не пожелаютъ купить ея акціи?..

Если дорога дурна, то государственные интересы требуютъ чтобъ она была приведена въ возможно лучшее положеніе. Дорога долго находилась въ частномъ управленіи, и ея дурное состояніе есть результатъ этого управленія. Оставлять ли ее, поэтому, въ частномъ управленіи и на будущее время? Для улучшенія дороги, частнымъ владѣльцамъ были выданы огромныя субсидіи, а результаты этихъ субсидій оказались неутѣшительными. Такое ли это обстоятельство чтобы считать и впредь выдачу многомилліонныхъ субсидій частнымъ владѣльцамъ испытаннымъ средствомъ къ улучшенію дороги?

Приведеніе Либаво-Роменской дороги въ возможно лучшее положеніе во всѣхъ отношеніяхъ есть интересъ государственный. Но частные владѣльцы могутъ и не найти въ своихъ интересахъ улучшеніе дороги на всемъ ея протяженіи, напримѣръ на той ея части которая ведетъ къ Либавѣ. Въ той самой газетѣ которою давно уже высказанъ приписываемый нынѣ финансовому управленію взглядъ на дѣло, сообщается что какіе-то лѣсопромышленники скупили массу акцій Орловско-Витебской дороги чтобъ управлять ею къ выгодѣ своей лѣсной спекуляціи и въ ущербъ собственно-желѣзнодорожному хозяйству. Почему кому-нибудь не накупить Либаво-Роменскихъ акцій чтобы получить выгоды не въ видѣ дохода съ акцій, а иными путями, отъ оборотовъ, напримѣръ, Кенигсбергской хлѣбной торговли, успѣхъ коихъ можетъ быть связанъ именно съ тѣмъ чтобы дорога не удовлетворяла своему прямому назначенію? Для такого рода покупщиковъ, неудовлетворительное состояніе дороги можетъ, пожалуй, оказаться еще побужденіемъ къ пріобрѣтенію ея акцій.

По доставленнымъ намъ свѣдѣніямъ, однако, лица купившія акціи у наслѣдниковъ г. Мекка вовсе не имѣютъ подобныхъ видовъ. Они разчитываютъ сдѣлать выгодный оборотъ съ купленными ими акціями и нажить на нихъ хорошій барышъ, будутъ ли или не будутъ эти акціи куплены у нихъ правительствомъ. Они не смотрятъ на дорогу ни какъ на негодную, ни какъ на бездоходную. Если дорога давала до 7.000 рублей валоваго сбора до перемѣны рельсовъ при недостаточномъ подвижномъ составѣ вынуждавшемъ ее отказываться отъ пріема грузовъ съ примыкающихъ къ ней линій, она конечно будетъ давать гораздо большій сборъ имѣя, какъ выше сказано, до 5.000 вагоновъ. Доходность дороги должна будетъ возрасти когда будутъ употреблены на нее ожидаемыя многомилліонныя субсидіи, которыя уже разрѣшены 28 марта 1880 года, и за которыми могутъ послѣдовать дальнѣйшія согласно плану развитія дороги принятому въ принципѣ 11 января того же года. Продолженіе линіи отъ Роменъ до Полтавы также должно поднять доходность дороги. Въ виду всего этого, у нынѣшнихъ владѣльцевъ дороги можетъ быть разчетъ не торопиться продажей акцій, а выждать когда онѣ начнутъ приносить хорошій доходъ, и тогда уже сбыть ихъ по хорошимъ цѣнамъ. Если такъ, то въ ихъ виды едва ли можетъ входить распространеніе толковъ которые побудили бы правительство купить у нихъ теперь же ихъ акціи, и въ особенности такихъ толковъ которые заподазривали ихъ гражданскую благонадежность. Толки подобнаго рода могли быть на руку скорѣе ихъ конкуррентамъ по пріобрѣтенію акцій у наслѣдниковъ Мекка, конкуррентовъ, въ которыхъ, какъ мы слышали, не было недостатка и которые оста-

лись не довольны успѣхомъ соперниковъ. Что же касается людей разсчитывающихъ на большое увеличеніе доходности дороги въ близкомъ будущемъ, благодаря разрѣшеннымъ субсидіямъ и другимъ вышеуказаннымъ обстоятельствамъ, то въ ихъ интересахъ скорѣе должно быть именно поддержаніе такихъ толковъ и соображеній которые до времени удержали бы правительство отъ покупки акцій.

Выгодно ли, однако, правительству оставить дорогу въ частномъ владѣніи при подобныхъ условіяхъ и ждать опредѣленнаго уставомъ срока выкупа?

Если разчетъ на то что дорога станетъ приносить хорошій доходъ не вѣренъ; если несмотря на всѣ затраты которыя будутъ сдѣланы для усиленія дороги изъ ассигнованныхъ уже огромныхъ казенныхъ субсидій, она все-таки не дастъ никакаго дивиденда акціонерамъ въ восемь лѣтъ остающихся до опредѣленнаго уставомъ срока выкупа, дорога перейдетъ въ казну безъ всякой уплаты акціонерамъ за ихъ акціи. Но если дорога въ скоромъ времени начнетъ давать дивидендъ, казна можетъ дорого поплатиться за отсрочку выкупа. Все то что̀ будетъ сдѣлано для улучшенія и усиленія дороги не акціонерами, а именно казной, ея субсидіями, обратится въ пользу не казны, а акціонеровъ. Чѣмъ больше потратится казна на улучшеніе дороги, тѣмъ дороже должна она будетъ заплатить акціонерамъ, за то что они этими казенными субсидіями воспользовались..

№ 254.

Москва, 12-го сентября.

Въ только что вышедшей сентябрьской книжкѣ офиціальнаго *Военнаго Сборника* находимъ весьма интересную, помѣченную тремя звѣздочками, статью *Австрійское Интендантство*. „Австрійское интендантство,“ сказано въ началѣ статьи, „заслуживаетъ изученія, потому что его организація вполнѣ примѣнена къ потребностямъ военнаго времени и правительствомъ приняты серіозныя мѣры для *распространенія образованія* (спеціальнаго) между „чиновниками интендантства и подчиненныхъ ему вѣдомствъ... Усилія военнаго „министерства увѣнчались успѣхомъ, и „интендантство пользуется нынѣ вполнѣ „почетнымъ положеніемъ въ арміи.“

Совсѣмъ не то у насъ. Минувшая кампанія показала что наше интендантство по своей организаціи всего меньше приноровлено къ потребностямъ военнаго времени, да и въ мирное время приносимая имъ польза едва ли соотвѣтствуетъ расходамъ на содержаніе столь обширной и сложной машины. Съ самаго момента окончанія войны идутъ у насъ толки о коренномъ преобразованіи интендантства и разрабатываются разныя предположенія касательно этой реформы. Если дѣло пока не двигается, то лишь потому что его задерживаютъ перемѣны въ самой организаціи войскъ. Логика вещей указываетъ необходимость покончить прежде съ устройствомъ арміи, и уже потомъ взяться за учрежденія служебныя. Однако уже въ извѣстной статьѣ *Русскаго Инвалида*, о которой мы говорили не разъ, въ числѣ предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ реформъ упоминается о всѣхъ служебныхъ командахъ и между прочимъ объ интендантскихъ транспортахъ. Извѣстно также что госпитали и вся система довольствія войскъ предметами интендантскаго снабженія подлежатъ пересмотру.

При такихъ условіяхъ, статья *Военнаго Сборника* получаетъ особый интересъ, какъ указаніе на тѣ основанія которыя могутъ быть приняты у насъ и въ видахъ уменьшенія расходовъ на интендантское вѣдомство, и съ цѣлью приспособленія его къ удовлетворенію потребностей военнаго времени. Статья мѣстами не лишена и указаній на наши порядки. Нашему интендантству, сказано въ ней, въ Австро-Венгріи соотвѣтствуетъ цѣлая группа спеціальныхъ вѣдомствъ подчиненныхъ корпусу интендантовъ, а именно: обмундировальное, провіантское, военно-контрольное и казначейство; однако, кругъ дѣятельности австрійскаго интендантства съ подчиненными ему вѣдомствами „ограниченнѣе обязанностей нашего интендантства, благодаря „хорошей организаціи обозныхъ войскъ,“ штаты коихъ пересматриваются теперь и у насъ. Обозное вѣдомство въ Австріи отдѣлено отъ интендантства и въ мирное время содержится въ видѣ кадровъ; съ приведеніемъ арміи на военное положеніе, такъ-называемые обозные эскадроны распредѣляются по дивизіямъ и снабжаютъ какъ лошадьми, такъ и повозками всѣ

штабы, дивизіонные госпитали, полевую почту, телеграфъ и продовольственные транспорты. Полевые же провіантскіе магазины перевозятся на обывательскихъ или наемныхъ повозкахъ.

Интендантство, со всѣми подчиненными ему вѣдомствами, въ мирное время тоже не содержится въ полномъ составѣ и, съ переходомъ на военную ногу, подлежитъ такой же мобилизаціи какъ и войска, призывомъ офицеровъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ изъ запаса. Въ мирное время содержится на всю Австро-Венгерскую армію 958 офицеровъ и чиновниковъ съ полутора тысячами солдатъ.

Существенное отличіе австрійскаго интендантства отъ нашего, да и другихъ европейскихъ армій, заключается въ спеціальной подготовкѣ всѣхъ чиновниковъ, обходящейся правительству однако весьма дешево. Не подлежитъ сомнѣнію, замѣчаетъ *Военный Сборникъ*, что опытный интендантскій чиновникъ, получившій основательное теоретическое образованіе, приноситъ какъ въ военное, такъ и въ мирное время больше пользы чѣмъ чиновникъ механически изучившій только одну изъ отраслей интендантской службы, но совсѣмъ не понимающій дѣйствительнаго назначенія этого вѣдомства и тѣхъ задачъ съ коими ему придется встрѣчаться на войнѣ. Интендантство играло уже важную роль въ прежнія войны, когда сила армій едва ли достигала и половины настоящей ихъ численности, когда можно было цѣлыми мѣсяцами готовиться къ войнѣ, когда военныя дѣйствія развивались медленно, когда театры войнъ были не велики. Но уже съ Австро-Прусской, а особенно съ Франко-Германской войны выяснилось какое значеніе и какое вліяніе на самый ходъ военныхъ дѣйствій пріобрѣло правильное устройство службъ въ тылу арміи, т.-е. интендантства. Не менѣе ясно обнаружилось это и въ послѣднюю кампанію за Дунаемъ. Если прежде сама война, медленно и постепенно развивавшаяся, могла подготовлять дѣльныхъ и опытныхъ интендантовъ, то теперь настало время готовить ихъ заблаговременно. Австро-Венгрія первая сдѣлала шагъ въ этомъ отношеніи, разчитывая что не только въ военное, но и въ мирное время нельзя оставить безъ спеціальной подготовки вѣдомство чрезъ которое ежегодно проходитъ болѣе двухъ третей денегъ расходуемыхъ на содержаніе арміи. Въ Австріи это составитъ 60 милліоновъ гульденовъ, а у насъ вдвое, около 112 милліоновъ рублей по послѣднему отчету за 1879 г. Съ 1869 года въ Австро-Венгріи существуетъ особый двухлѣтній интендантскій курсъ (Intendanz-Curs), а съ 1877 года спеціальные курсы для провіантскаго и военно-контрольнаго вѣдомствъ; всѣ интендантскіе чины и всѣ въ этомъ вѣдомствѣ занимающіе должности штабъ-офицерскаго ранга обязаны пройти эти курсы. „Этому," замѣчаетъ статья *Военнаго Сборника* „нельзя не сочувствовать, тѣмъ болѣе что „подобныя заведенія существуютъ для „всѣхъ спеціальныхъ вѣдомствъ. Интендантство нуждается въ спеціальномъ образованіи не менѣе чѣмъ генеральный штабъ; „отъ его искусства въ значительной мѣрѣ „зависитъ успѣхъ кампаніи; хорошо образованное интендантство можетъ оказать „существенныя услуги главнокомандующему, а интендантскіе чиновники недостаточно подготовленные стѣснятъ полководца и разстроятъ лучшія его соображенія."

Надо замѣтить что въ австрійскомъ интендантствѣ вовсе нѣтъ, какъ у насъ, людей безъ военной подготовки. Чиновники всѣхъ отраслей интендантской службы прежде служили въ строю или офицерами или въ нижнемъ званіи и при поступленіи въ спеціальное вѣдомство подвергались особому экзамену. Собственно *интенданты* почти всѣ берутся изъ офицеровъ прослужившихъ въ строю не менѣе шести лѣтъ, особенно аттестуемыхъ начальствомъ, имѣющихъ чинъ капитана и окончившихъ полный курсъ для этого установленный; служащіе въ обмундировальномъ вѣдомствѣ исключительно офицеры. Любопытно прослѣдить чему обучаются офицеры поступающіе на интендантскіе курсы: военная администрація обнимающая основанія военнаго хозяйства и военнаго контроля, служба интендантская и организація главнѣйшихъ иностранныхъ армій сравнительно со своею; натуральное довольствіе войскъ въ техническомъ и административномъ отношеніяхъ; обозы, подвозъ запасовъ и продовольствованіе арміи въ военное время. Въ числѣ предметовъ вспомогательныхъ: химія и военная технологія, сравнительная статистика, торговое и вексельное право Австро-Венгріи примѣнительно къ военной администраціи.

Курсы провіантскаго и контрольнаго вѣдомства имѣютъ подобную же программу, но еще болѣе спеціализованную.

Благодаря спеціальной подготовкѣ, австрійская армія можетъ обходиться какъ въ мирное, такъ и въ военное время весьма ограниченнымъ, сравнительно съ прочими арміями, числомъ служащихъ по интендантству. Тамъ гдѣ въ другихъ арміяхъ, даже въ германской, сидятъ два и три чиновника, въ Австріи управляется одинъ, и управляется хорошо: „двѣнадцатилѣтніе труды военнаго министерства принесли отличные плоды, которые отразились и на духѣ новѣйшихъ хозяйственныхъ положеній Австро-Венгріи и на самомъ составѣ корпуса служащихъ.“ Дѣйствительно, чѣмъ меньше нужно чиновниковъ, тѣмъ тщательнѣе и осмотрительнѣе можетъ быть ихъ выборъ, тѣмъ труднѣе могутъ имѣть доступъ къ денежному ящику и вещевому запасу люди неблагонадежные, съ поползновеніями къ незаконной наживѣ.

Послѣднія реформы по военному вѣдомству предпринятыя у насъ съ достаточною ясностью раскрываютъ стремленіе Военнаго Министерства перейти къ такой системѣ организаціи арміи и всѣхъ созданныхъ для нея служебныхъ вѣдомствъ которая, обходясь возможно дешево въ мирное время, достаточно гарантировала бы быстрый переходъ на военную ногу. Организація австрійскаго интендантства какъ разъ отвѣчаетъ этому требованію, и надо думать что статья о немъ появилась въ офиціальномъ военномъ журналѣ не совсѣмъ случайно, тѣмъ болѣе что въ существѣ австрійская организація безъ особыхъ затрудненій примѣнима и у насъ. Кажется, далеко полезнѣе имѣть интендантскую спеціальную школу нежели военно-юридическую академію, спеціальность которой болѣе чѣмъ сомнительна.

№ 257.

Москва, 15-го сентября.

Заграничная печать продолжаетъ съ большимъ усердіемъ заниматься Данцигскимъ свиданіемъ. Нѣмецкая печать въ Берлинѣ и Вѣнѣ радуется событію. Мадьярская же напротивъ кажется опечаленною и озлобленною, такъ что составился двойной хоръ; изъ нихъ одинъ силится разсѣять мрачное настроеніе другаго, убѣждая недовольныхъ въ томъ что они черезчуръ ослѣплены своею ненавистью къ Россіи и не замѣчаютъ всей выгоды вновь созданнаго положенія.

Венгерская печать не ограничивается впрочемъ ворчливыми разсужденіями. Въ одной изъ пештскихъ газетъ *Egyertétés*, появились два конфиденціальные документа—телеграмма Государя Императора къ императору Францу-Іосифу въ отвѣтъ на тостъ въ торжественный для Россіи день Александра Невскаго, и еще донесеніе барона Гаймерле о разговорѣ который имѣлъ статсъ-секретарь Гирсъ съ австрійскимъ посломъ при С.-Петербургскомъ Дворѣ, графомъ Кальноки. Эти-то документы, а также упорно поддерживаемый слухъ о предстоящемъ свиданіи между Императорами Всероссійскимъ и Австрійскимъ, служатъ главною темою разговоровъ о совершившемся уже будто бы возстановленіи Тройнаго Союза къ вящему удовольствію нѣмецкой и къ великой досадѣ, по крайней мѣрѣ на словахъ, мадьярской печати.

Англійская печать, основываясь на тѣхъ же данныхъ, также дѣлаетъ свои выкладки съ увѣренностью въ возстановленіи Тройнаго Союза. Телеграфъ передалъ намъ сущность разсужденія въ которое вдается по этому поводу газета *Times* отъ 23-го сентября. Руководящій органъ Лондонскаго Города успокоиваетъ своихъ читателей и совѣтуетъ имъ смотрѣть на союзъ трехъ имперій не какъ на угрозу, а какъ на залогъ спокойствія Европы.

Но развѣ имѣлись какія-либо указанія на то чтобы миру Европы угрожала какая-либо опасность со стороны Россіи? спроситъ удивленный читатель. Съ другой стороны, не слишкомъ ли очевидна натяжка къ которой прибѣгаетъ берлинскій правительственный органъ, *Провинціальная Корреспонденція*, который, разсуждая о Данцигскомъ свиданіи, также выдвинулъ на первый планъ Тройной Союзъ, указавъ главную заслугу его въ томъ что онъ „былъ главнымъ оплотомъ мира?“ Даже въ Берлинѣ замѣтили невѣрность заключающуюся въ этомъ утвержденіи. „Возможно ли“, восклицаетъ *Національная Газета*, „предлагать подобныя разсужденія даже провинціальнымъ читателямъ. Тройной Союзъ обезпечивалъ во время своего

существованія миръ Европы! Но развѣ Шипка, Плевна, Адріанополь и Санъ-Стефано находятся внѣ предѣловъ Европы?" Либеральный берлинскій органъ считаетъ напраснымъ такое извращеніе истины. Не въ томъ дѣло, доказываетъ *Національная Газета*, будто Тройной Союзъ служилъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ предотвращенію всякой войны и всего менѣе войны на Востокѣ, чему лучшимъ опроверженіемъ служатъ самыя событія. Вся задача заключалась де лишь въ томъ чтобы перемѣны, неизбѣжность коихъ уже тогда сознавалась, совершились съ пользой для Австріи. Этотъ результатъ былъ достигнутъ вполнѣ, и нужно де быть слѣпымъ какъ Мадьяры въ ихъ ненависти къ Россіи, чтобы не замѣтить громадной разницы между 1875 годомъ, когда только что начали разыгрываться событія на Балканскомъ полуостровѣ и Россія располагала полною свободой дѣйствій, и тѣмъ положеніемъ которое создано ей Берлинскимъ трактатомъ установившимъ новую, точно опредѣленную сферу правъ и обязанностей Россіи. Правда, Россія далеко де не примирилась съ этимъ навязаннымъ ей въ Берлинѣ положеніемъ; вслѣдствіе этого недовольства Тройной Союзъ распался, и Россія очутилась въ „изолированномъ" положеніи. Положеніе это, по сужденію берлинской газеты, не столько было навязано Россіи извнѣ сколько создано ею самою, вслѣдствіе совершенно понятнаго и для берлинской газеты недовольства окончательнымъ результатомъ войны, стоившей столькихъ жертвъ и веденной съ такимъ успѣхомъ. Но Россія убѣдилась де что въ настоящее время нѣтъ возможности измѣнить положеніе созданное Берлинскимъ трактатомъ, и что на союзниковъ, которые могли бы быть ей въ помощь противъ Германіи, она пока разчитывать не можетъ. Вотъ почему де Россія рѣшилась выйти изъ уединеннаго положенія, въ которомъ она сама замкнулась послѣ Берлинскаго трактата. „Если нѣтъ возможности вступить съ могучимъ сосѣдомъ въ открытую борьбу, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выгодно оставаться въ натянутыхъ къ нему отношеніяхъ и встрѣчаться на каждомъ шагу и при всякомъ случаѣ съ его противодѣйствіемъ." То что Россія и „панславизмъ" въ этомъ убѣдились и составляетъ де самый важный результатъ Данцигскаго свиданія. Далѣе, берлинская газета считаетъ крайне поверхностнымъ мнѣніе высказанное нѣкоторыми органами австро-венгерской печати, будто сближеніе совершившееся между Россіей и Германіей въ Данцигѣ ослабило узы соединяющія Германію съ Австріей; но изъ того что австро-германское единеніе осталось вполнѣ незыблемымъ отнюдь не слѣдуетъ де что Германія должна и можетъ питать къ Росссіи лишь чувства непримиримой ненависти, подобно нѣкоторымъ ослѣпленнымъ австрійскимъ патріотамъ. Успѣхъ достигнутый Германіей въ Данцигѣ въ томъ де именно и заключается что она, ни въ чемъ не отступая отъ основаній своей политики, сумѣла заставить Россію примириться съ созданнымъ для нея положеніемъ. Этотъ успѣхъ Германіи есть де въ то же время важный успѣхъ и для Австріи.

Англійская печать спѣшитъ также дисконтировать въ свою пользу возстановленіе Тройственнаго Союза. Австрія, освобожденная нынѣ отъ всякихъ заботъ и опасеній насчетъ „панславистскихъ стремленій", потерпѣвшихъ пораженіе въ Данцигѣ, можетъ де отнынѣ спокойно продолжать предназначенную ей Берлинскимъ трактатомъ миссію на Востокѣ. А исполняя эту миссію, она дѣйствуетъ не только въ свою пользу, но и въ пользу Англіи. „Интересы Австріи на Востокѣ", разсуждаетъ *Times*, „за небольшимъ исключеніемъ также консервативны (?) какъ и наши. Связи соединяющія насъ съ нашимъ традиціоннымъ союзникомъ, надо надѣяться, не будутъ ослаблены вслѣдствіе новѣйшихъ событій или переговоровъ. Австрія поэтому можетъ считаться почти за представителя Англіи въ концертѣ трехъ державъ. Ея участіе въ немъ есть достаточная порука что Тройственный Союзъ не поведетъ къ подрыву британской политики на Востокѣ Европы."

Давно ли нынѣшній англійскій премьеръ обращался къ Австріи съ энергическимъ окрикомъ: „руки прочь!" А теперь ужь Австрія оказывается представительницей британскихъ интересовъ на Востокѣ!

Напрасно, однако, думаютъ наши друзья и не-друзья будто Россія нуждалась или нуждается въ какомъ бы то ни было союзѣ, хотя бы и тройственномъ. Что̀ называютъ изолированнымъ положеніемъ и чего страшатся другія державы, то для Рос-

сіи надежнѣе и лучше всякихъ союзовъ. Чѣмъ бо́льшую удерживаетъ она за собою свободу дѣйствій, тѣмъ сильнѣе ея международное положеніе и тѣмъ вѣрнѣе обезпечивается національный характеръ ея политики. Не имѣющій опредѣленнаго предмета, глухой и исключительный союзъ всегда былъ и всегда будетъ для Россіи служеніемъ чужому интересу во вредъ себѣ; всегда будетъ, какъ выразился графъ Нессельроде въ своей знаменитой депешѣ предъ началомъ Восточно́й войны 1853 г., „принесеніемъ въ жертву ея матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ.“ Національная политика Россіи никогда не имѣла и не можетъ имѣть угрожающаго спокойствію Европы, наступательнаго характера. Россія не входящая ни въ какія противъ кого бы то ни было соглашенія, ко всѣмъ равно доброжелательная и крѣпко стоящая лишь на стражѣ собственныхъ интересовъ, держащаяся обязательнаго между государствами правила: *donnant, donnant*, всего вѣрнѣе обезпечиваетъ и равновѣсіе Европы.

№ 258.

Москва, 16-го сентября.

Странное зрѣлище представляетъ намъ теперь политическое положеніе Франціи.

Съ 9 августа Французская республика наслаждается избыткомъ народнаго представительства. Не *одна* а *двѣ* палаты депутатовъ служатъ одновременно выраженіемъ „священной народной воли“, не пятьсотъ, а слишкомъ тысяча излюбленныхъ государственныхъ мужей имѣютъ право руководить судьбами своей страны. Но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ право воспользоваться своими правами до 16 октября, то-есть до того времени когда окончатся полномочія старой палаты депутатовъ и когда на ея мѣсто будетъ созвана избранная 9 августа новая палата. До тѣхъ поръ народное представительство, при всемъ своемъ избыткѣ, можетъ существовать лишь на бумагѣ и никакого практическаго значенія имѣть не можетъ. Старая палата сохранила за собой право на существованіе, но лишилась всякаго авторитета, а новая обладаетъ этимъ авторитетомъ, но еще не пріобрѣла права на существованіе. Вслѣдствіе этого, какъ та такъ и другая обречены на двухмѣсячное абсолютное бездѣйствіе. Президентъ республики могъ бы, повидимому, воспользоваться своимъ конституціоннымъ правомъ и немедленно распустить старую палату дабы скорѣе созвать новую; но этому препятствуетъ въ данномъ случаѣ буквальный смыслъ все той же конституціи, обязывающій президента въ теченіе ближайшихъ шести недѣль назначить выборы въ новую палату. А такъ какъ выборы уже произошли 9 августа, слѣдовательно *до* распущенія старой палаты (чего конституція не воспрещаетъ), то президентъ распустивъ старую палату принужденъ былъ бы тотчасъ же распустить и новую, и назначить въ теченіе шести недѣль выборы въ самоновѣйшую, третью палату. Сверхъ того, президентъ можетъ распустить палату только съ согласія сената. Сенатъ же въ свою очередь не можетъ дать свое согласіе, потому что не можетъ собраться безъ одновременнаго созванія палаты депутатовъ, а такъ какъ ни старой, ни новой палаты до 16 октября, по вышеизложеннымъ причинамъ, созвать невозможно, то и сенатъ до этого срока не имѣетъ права пользоваться своимъ правомъ. Такимъ образомъ Франція обладаетъ въ настоящее время двумя представительствами, но лишена возможности какъ созвать, такъ и распустить которую-либо изъ своихъ палатъ.

Затруднительное положеніе, вызванное совмѣстнымъ существованіемъ двухъ парализующихъ другъ друга палатъ и парализованнаго ими сената, имѣетъ однако не одно лишь формальное, но и весьма существенное практическое значеніе. По ученію шаблоннаго парламентаризма, правительство конституціоннаго государства должно сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ не съ *пользой*, а съ *волей* народа.. Эту „верховную“ волю народа правительство можетъ, по теоріи все того же парламентаризма, узнать лишь изъ устъ представителей народа, то-есть депутатовъ. Пока депутаты молчатъ, „честное“ правительство должно считать себя не знающимъ ни воли, ни пользы народной, и поэтому воздерживаться отъ самостоятельныхъ дѣйствій дабы не провиниться въ чемъ-нибудь предъ своимъ всемогущимъ властелиномъ и не совершить тяжкаго преступленія противъ народнаго величества (*crime de lèse-majesté du peuple*). Такимъ об-

разомъ, не только законодательная, но и административная власть во Франціи, по теоріи, принуждены свято соблюдать полное бездѣйствіе. Но такъ какъ на практикѣ абсолютнаго бездѣйствія не бываетъ, то администрація все-таки продолжаетъ дѣйствовать, только не такъ какъ должно, а спустя рукава и какъ попало. Такъ напримѣръ, правительство не посылаетъ въ Африку достаточно сильнаго отряда войскъ для быстраго и окончательнаго подавленія алжирскаго и тунисскаго возстанія, хотя эта мѣра давно уже признана безотлагательно необходимою. Г. Жюль Ферри и его министры не отваживаются въ отсутствіи парламента на такую рѣшительную мѣру; они предпочитаютъ переправлять ежедневно войска въ Африку небольшими, незамѣтными для народа, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для непріятеля, частицами, и этимъ затягивать войну, непроизводительно поглощающую милліонны франковъ, безполезно губящую жизнь французскихъ солдатъ и унижающую авторитетъ Франціи. Впрочемъ, эти нерѣшительныя и вредныя для страны полумѣры правительства вызываются однако не столько опасеніемъ нарушить какъ-нибудь конституцію, сколько желаніемъ скрыть отъ страны важность грозящей въ Африкѣ опасности и подолѣе сохранить въ своихъ рукахъ власть.

Но этимъ не ограничивается конституціонный хаосъ во Франціи. Партія *республиканской лѣвой*, во главѣ которой стоятъ гг. Греви и Ферри, спустившая наканунѣ выборовъ свой флагъ предъ партіей г. Гамбетты, носящей, какъ извѣстно, названіе *республиканскаго союза*, послѣ выборовъ снова подняла свою голову и надѣется удержать г. Ферри не въ качествѣ „лейтенанта“ г. Гамбетты, но какъ главу министерства. Эту надежду свою она основываетъ на томъ соображеніи что г. Ферри, слившій де предъ выборами свою политическую программу съ программой г. Гамбетты, теперь въ сущности ничѣмъ отъ сего послѣдняго не отличается, а потому и не имѣетъ надобности уступать ему свой правительственный постъ. „Отнынѣ,“ торжественно заявилъ г. Ферри въ своей послѣдней рѣчи въ Сенъ-Діэ, „уже не существуетъ партіи *республиканскаго союза*, имя которой мы теперь произносимъ въ послѣдній разъ; отнынѣ будетъ существовать только великая, единая республиканская партія, состоящая приблизительно изъ *трехъ сотъ* депутатовъ, которые, будучи выбраны по нашей программѣ, составятъ твердое большинство и не покинутъ правительство даже въ самыхъ трудныхъ и критическихъ обстоятельствахъ.“

Эти слова возбудили цѣлую бурю въ органахъ г. Гамбетты. „Какъ, восклицаетъ стоящая ближе всѣхъ къ нему *République Française*, *республиканскій союзъ* только что вышелъ побѣдителемъ изъ выборовъ, а теперь уже, до созванія палаты, ему предлагаютъ совершить надъ собою самоубійство и сойти съ политической сцены! Нѣтъ, теперь-то именно болѣе чѣмъ когда-либо наша партія войдетъ въ силу и добьется полнаго осуществленія своей программы, во главѣ которой стоитъ пересмотръ конституціи съ цѣлью преобразованія сената.“ И вотъ изъ-за сената снова возгорѣлась утихнувшая было предъ выборами полемика между органами *республиканской лѣвой*, какъ *Temps*, *Journal des Débats* и *Paix* съ одной стороны и *оппортунистскими* газетами *République Française*, *Union Républicaine*, *Paris* и *Rappel* съ другой. Ежедневно появляются длинныя и рѣзкія статьи за сенатъ и противъ него, и личный органъ г. Гамбетты уже договорился къ великому ужасу ферристовъ до того что призналъ возможность полнаго упраздненія сената въ томъ случаѣ если онъ будетъ помѣхой правительству опирающемуся на патату депутатовъ. Это категорическое заявленіе, приписываемое въ Парижѣ лично самому г. Гамбеттѣ, породило новую газетную борьбу которая уже не одного сената касается, а конституціоннаго режима вообще.

Какъ защитники, такъ и противники сената основываются въ своихъ преніяхъ на одной и той же доктринѣ „верховной народной воли“, но приходятъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Такъ, напримѣръ, *Journal des Débats* доказываетъ что воля народная выражается не только въ палатѣ депутатовъ, но и въ сенатѣ, потому что и онъ избирается народомъ. Если сенатъ отвергаетъ законъ принятый палатой, то это де только значитъ что одна часть народа не одобряетъ этого закона, который нравится другой части; это явный де признакъ что данный законъ еще не совершенъ, а потому и вреденъ, и мы должны де не порицать, а благодарить сенаторовъ за то что они отвергли его. Совсѣмъ иное говоритъ въ

свою очередь *République Française*. По ея мнѣнію, сенатъ можетъ дѣйствительно выражать народную волю, но въ томъ только случаѣ если сообразуется съ народною волей выраженною въ палатѣ депутатовъ. Если же сенаторы станутъ противиться желаніямъ депутатовъ, то они этимъ докажутъ только свою неспособность „прислушиваться къ народному голосу", а вмѣстѣ и безполезность своего политическаго существованія. Поэтому вопросъ о реформѣ сената долженъ де быть поставленъ первымъ на очереди въ будущей палатѣ, дабы устранить возможность оппозиціи сената въ какомъ бы то ни было законодательномъ вопросѣ. Только при этомъ условіи возможно де управлять государствомъ „согласно желаніямъ народа".

Въ самомъ дѣлѣ, управлять государствомъ, соблюдая его дѣйствительную пользу, трудно и при существованіи *одного* выборнаго законодательнаго собранія, каково же при двухъ выборныхъ собраніяхъ! Сдѣлать эти говорильни послушными орудіями своей воли и этимъ обезвредить ихъ, вотъ задача государственнаго человѣка поставленнаго обстоятельствами въ необходимость вѣдаться съ ними. Съ этою цѣлью г. Гамбетта такъ усиленно хлопоталъ о введеніи *баллотировки по спискамъ* при депутатскихъ выборахъ, съ этою же цѣлью онъ теперь ратуетъ за преобразованіе сената. Хотя новые депутаты и не *по спискамъ* выбраны, однако г. Гамбетта надѣется что найдетъ въ палатѣ сильное и преданное ему большинство. За то въ сенатѣ онъ чуетъ своего врага и поэтому употребляетъ всѣ старанія чтобъ укротить, а въ случаѣ надобности и раздавить его. Весь вопросъ слѣдовательно заключается въ томъ найдетъ ли онъ дѣйствительно въ будущей палатѣ ожидаемое имъ правительственное большинство. Ферристы отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно, опираясь на статистическія вычисленія и доказывая что 88 человѣкъ оппортунистовъ съ гг. Флоке и Локруа во главѣ будутъ подавать голоса чаще по указанію *несговорчиваго* г. Клемансо нежели по совѣтамъ г. Гамбетты. Эти статистическія вычисленія вызвали ожесточенный протестъ со стороны гамбеттистовъ, доказывающихъ что всѣ они солидарны между собою. Возгорѣвшійся по этому поводу споръ о будущемъ правительственномъ большинствѣ усиливаетъ путаницу, которой суждено продлиться еще болѣе мѣсяца, между тѣмъ какъ теперешніе министры будутъ попрежнему въ трепетномъ бездѣйствіи ожидать созванія новой палаты, не зная навѣрное изъ какихъ элементовъ составится правительственное большинство.

№ 259.

Москва, 17-го сентября.

Состоявшая подъ предсѣдательствомъ барона Розена особая коммиссія, на которую возложено было составленіе проекта новаго положенія по питейному дѣлу, уже окончила свои занятія, и чрезъ немного дней, 20 сентября, должно начаться обсужденіе подготовленнаго проекта при участіи свѣдущихъ людей приглашенныхъ изъ разныхъ мѣстъ Имперіи. Будемъ надѣяться что результатомъ этого обсужденія будетъ рѣшеніе питейнаго вопроса именно въ томъ направленіи какого требуютъ интересы народнаго благосостоянія, что господству кабака на русской землѣ будетъ положенъ конецъ, что противъ пьянства будутъ приняты мѣры не палліативныя, но способныя подсѣчь зло въ самомъ его корнѣ.

Вопросы по которымъ эксперты имѣютъ представить свои соображенія принадлежать къ числу весьма сложныхъ и трудныхъ и по множеству интересовъ которые въ нихъ замѣшаны, и по множеству разныхъ частностей которыя должны быть взвѣшены. Задача экспертовъ тѣмъ труднѣе что имъ пока неизвѣстно по какимъ именно пунктамъ должны они будутъ подавать свои мнѣнія, что̀ преимущественно должны они заблаговременно сообразить, по какимъ частямъ навести справки. Вызовъ ихъ состоялся лишь немного дней тому назадъ, что̀ конечно затруднитъ многихъ въ подготовкѣ тѣхъ статистическихъ и иныхъ относящихся къ дѣлу матеріаловъ которые имъ предложено захватить съ собою. Еслибъ имъ было извѣстно на чемъ именно остановилась правительственная коммиссія по питейному дѣлу, они знали бы какіе пункты наиболѣе нуждаются въ разъясненіи съ ихъ стороны, и поспѣшили бы подготовиться по крайней мѣрѣ по этимъ пунктамъ. Но сообщенныя экспертамъ двѣ записки, изъ которыхъ

одна составлена въ Министерствѣ Финансовъ, а другая въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, нисколько не оріентируютъ ихъ относительно предстоящей имъ дѣятельности. Самый же проектъ, который они должны обсуждать, будетъ сообщенъ имъ лишь по прибытіи въ Петербургъ, предъ самымъ приступомъ къ занятіямъ, для которыхъ они вызваны. Это обстоятельство не позволяетъ сказать что эксперты приглашенные принять участіе въ дѣлѣ столь важнаго государственнаго значенія стоятъ въ наилучшихъ условіяхъ для своей дѣятельности. Будемъ однако надѣяться что это обстоятельство не отзовется неблагопріятно на занятіяхъ экспертовъ, что какою бы неожиданностью ни были для нихъ иныя стороны проекта, они оправдаютъ общія ожиданія.

Желательно чтобы занятія экспертовъ не были облечены тою совершенно излишнею канцелярскою тайной какая соблюдалась относительно занятій подготовительной коммиссіи. При условіи возможно большей гласности, эксперты не будутъ имѣть недостатка въ разнородныхъ практически полезныхъ указаніяхъ со стороны людей близко стоящихъ къ народу и на основаніи знакомства съ нимъ способныхъ сдѣлать полезныя замѣчанія какъ на общія положенія, такъ и на частности проекта,— замѣчанія, которыми было бы жаль не воспользоваться.

Эти замѣчанія могутъ быть тѣмъ драгоцѣннѣе что въ настоящемъ дѣлѣ всякія разногласія возможны не относительно цѣли,— эта цѣль, противодѣйствіе неумѣренному употребленію вина, то-есть пьянству, твердо поставлена правительствомъ, — но лишь относительно практическихъ способовъ достиженія этой цѣли. А касательно этихъ послѣднихъ, при ограниченномъ кругѣ призванныхъ къ обсужденію вопроса лицъ, не имѣвшихъ притомъ возможности заблаговременно и всесторонне обсудить все къ нему относящееся, легко могутъ получить ходъ мнѣнія о пользѣ такихъ мѣръ которыя потомъ окажутся, пожалуй, не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ существующаго порядка.

Такъ, напримѣръ, въ настоящее время въ большомъ ходу мысль что было бы будто бы очень хорошо еслибы мѣсто питейныхъ заведеній устраиваемыхъ и содержимыхъ частными лицами, кабатчиками, заступили питейныя заведенія содержимыя самими крестьянскими обществами, на модныхъ „артельныхъ“ началахъ. Разными соображеніями доказывается что такими общественными питейными заведеніями вопросъ о кабакахъ былъ бы рѣшенъ будто бы наилучшимъ способомъ и для крестьянскаго благосостоянія, и для казенныхъ интересовъ. Учрежденіе общественныхъ кабаковъ будетъ де лучшимъ средствомъ противъ корчемства. Міръ, заинтересованный въ приносимыхъ мірскимъ кабакомъ доходахъ, будетъ всегда на стражѣ противъ нарушенія своихъ интересовъ частными лицами и не допуститъ, поэтому, тайныхъ шинковъ которые отбивали бы потребителей у общественнаго заведенія. Въ мірскомъ кабакѣ крестьяне будутъ пропивать только наличныя деньги; ни подъ залогъ движимости, ни просто въ долгъ, въ счетъ будущаго урожая и будущихъ заработковъ, мірской кабакъ отпускать вино не будетъ, и стало-быть такимъ образомъ будетъ де устранено одно изъ главныхъ золъ на которыя нынѣ такъ жалуются. Крестьяне будутъ пить много, казенный доходъ не уменьшится, а возрастетъ, но крестьяне все-таки будутъ де въ большомъ выигрышѣ. Изъ громадныхъ суммъ пропиваемыхъ нынѣ народомъ, лишь половина и даже менѣе идетъ въ казну, другая половина идетъ въ пользу громаднаго контингента лицъ занимающихся питейною торговлей. При учрежденіи общественныхъ кабаковъ, милліоны идущіе нынѣ въ руки кабатчиковъ пойдутъ въ пользу самихъ крестьянъ, въ ихъ мірской капиталъ, изъ котораго будутъ де уплачиваться нынѣшнія недоимки и подати и вообще производиться всякіе полезные мірскіе расходы.

Многіе добросовѣстные и умные люди увлекаются этими и подобными соображеніями, повидимому, не представляя себѣ въ какой мѣрѣ можетъ исказиться на практикѣ рисуемая ими въ воображеніи картина общественныхъ кабаковъ. Не говоримъ уже о томъ что интересы міра могутъ быть нарушаемы тѣми лицами которыя будутъ приставлены къ завѣдыванію общественными кабаками; что мірская кабацкая касса будетъ подвергаться частымъ растратамъ со всѣми ихъ печальными послѣдствіями; что мірскіе цѣловальники, если не на мірской, то на свой собственный страхъ, могутъ продѣлывать тѣ самыя операціи которыя составляютъ ны-

нѣ спеціальность кабатчиковъ и окажутся на дѣлѣ, пожалуй, не лучше ихъ. Не говоримъ о томъ что если въ мірскомъ кабакѣ и не будутъ принимать закладовъ, то едва ли учрежденіе такихъ кабаковъ помѣшаетъ появленію возлѣ нихъ своего рода негласныхъ ссудъ подъ залогъ движимости и будущихъ крестьянскихъ доходовъ, ссудъ которыя откроютъ крестьянамъ возможность пропиваться еще больше теперешняго. Допустимъ что все пойдетъ какъ по маслу именно такъ какъ о томъ мечтаютъ сторонники учрежденія общественныхъ питейныхъ заведеній. Будутъ ли проектируемые ими кабаки шагомъ къ лучшему?

На кабакъ въ его нынѣшнемъ видѣ всѣ смотрятъ какъ на очевидное зло. Разныхъ взглядовъ на него нѣтъ. Кабаки существуютъ, но лишь потому что пока не были пріисканы средства отъ нихъ отдѣлаться и не доставало на то рѣшимости. Иное будетъ дѣло если кабакамъ будетъ приданъ характеръ не разорительныхъ, а какъ бы благодѣтельныхъ для народа учрежденій, платящихъ за нихъ подати и недоимки. Такою постановкой дѣла не только не будетъ рѣшенъ вопросъ объ уменьшеніи пьянства, но напротивъ будетъ создано новое сильное препятствіе къ его рѣшенію. Вмѣсто мѣры противъ неумѣреннаго употребленія вина будутъ созданы условія поощряющія всякія въ этомъ отношеніи излишества. Явный порокъ, развратъ пьянства облечется въ одѣяніе добраго дѣла, дѣла служенія общественнымъ интересамъ деревенскаго „міра.“ Кто больше пропьетъ, тотъ больше принесетъ пользы обществу, кто не будетъ пить тотъ окажется нерадѣющимъ объ общей пользѣ, о приращеніи общественнаго кабацкаго дохода нужнаго для уплаты податей и недоимокъ. Стóитъ подумать о томъ въ какое отношеніе къ пьющимъ и не пьющимъ станетъ, при такихъ порядкахъ, сельскій міръ, съ присвоеннымъ ему огромнымъ вліяніемъ на каждаго изъ его членовъ. Не будетъ ли созданіе такихъ отношеній хуже нынѣшней эксплуатаціи крестьянъ кабатчиками, хуже всякаго корчемства, развитія коего у насъ такъ опасаются?

А между тѣмъ, вопросъ объ учрежденіи общественныхъ кабаковъ, по слухамъ, серіозно обсуждался въ подготовительной коммиссіи по питейному дѣлу и былъ будто бы разрѣшенъ тамъ въ смыслѣ положительномъ. Такъ ли это, неизвѣстно, но одна изъ офиціальныхъ записокъ розданныхъ экспертамъ не усматриваетъ никакого вреда отъ учрежденія общественныхъ кабаковъ.

Не знаемъ какъ взглянутъ на это дѣло призываемые въ Петербургъ свѣдущіе люди. Но едва ли оказали бы они добрую услугу странѣ еслибы остановились на подобной мысли. Усвоивъ эту мысль, мы вмѣсто противодѣйствія пьянству только оказали бы ему новое поощреніе. При господствѣ откупной системы, въ спаиваніи народа была заинтересована лишь небольшая группа откупщиковъ. Съ паденіемъ откупа, разореніе народа стало дѣломъ многочисленной орды кабатчиковъ. Съ учрежденіемъ общественныхъ кабаковъ, къ дѣлу народнаго разоренія были бы привлечены всѣ сельскія общества на которыя онъ разчленяется, самому народу было бы предоставлено усиленно работать надъ собственнымъ разореніемъ и развращеніемъ...

№ 260.

Москва, 18-го сентября.

Дипломатическія разоблаченія при нарушеніи „канцелярской тайны“ посредствомъ обнародованія такихъ документовъ которые для публики не предназначались стали повторяться въ послѣдніе годы такъ часто что трудно вѣрить случайности этихъ явленій, тѣмъ болѣе что при ближайшемъ разсмотрѣніи въ нихъ сказывается нѣкоторая система. Не поразительно ли въ самомъ дѣлѣ что самая значительная часть этихъ „неожиданныхъ“ и повидимому непріятныхъ для офиціальной дипломатіи раскрытій приходится на долю австро-венгерскихъ канцелярій, и притомъ преимущественно по тѣмъ дѣламъ гдѣ такъ или иначе замѣшана Россія? Такъ, мѣсяца два тому назадъ, одна „оппозиціонная“ венгерская газета обнародовала „секретный“ циркуляръ венгерскаго министра-президента, въ которомъ тотъ предписывалъ своимъ подчиненнымъ „строжайшее наблюденіе“ за агитаціей чинимой будто бы тайными агентами Босніи съ помощью „русскихъ рублей“ среди южныхъ Славянъ. Циркуляръ этотъ не былъ никѣмъ оспо-

ренъ въ его подлинности; разслѣдованіе предписанное австрійскими властями о виновникѣ „нескромности“ ни къ чему не привело. Но нельзя не пожалѣть что подобный, хотя бы и случайно получившій огласку документъ, заключавшій въ себѣ явное оскорбленіе и клевету на Россію, не былъ должнымъ образомъ и столь же публично опротестованъ.

Какъ бы ободренная этою безнаказанностью венгерская печать дозволила себѣ на дняхъ новую „нескромность.“ На этотъ разъ разоблаченіе не заключало въ себѣ ничего оскорбительнаго противъ Россіи; но за то венгерскія газеты почти открыто сознаются что тутъ *былъ* умыселъ, и что въ этомъ дѣлѣ обнаружилась та глухая борьба которая ведется венгерскимъ министерствомъ противъ австро-венгерскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, находящагося въ Вѣнѣ, каждый разъ когда вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, по внушенію дружественныхъ Россіи вѣнскихъ придворныхъ сферъ, принимаетъ направленіе не совпадающее съ мадьярскою непримиримою ненавистью къ Россіи. Мы говоримъ о двухъ конфиденціальныхъ документахъ, относящихся до Данцигскаго свиданія, коихъ обнародованіе въ венгерской газетѣ *Egyetértés* надѣлало на прошедшей недѣлѣ такой шумъ во всей печати, не улегшійся и до сихъ. Редакторъ упомянутой газеты привлеченъ къ отвѣтственности, и предварительное дознаніе показало что въ руки къ нему попалъ дешифрированный текстъ телеграммъ полученныхъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ во время пребыванія его въ военномъ лагерѣ подъ Мишкольцемъ; телеграммы эти какимъ-то непостижимымъ образомъ исчезли изъ портфеля императора, ключъ отъ котораго находился у него одного. Слѣдствіе наряженное по этому поводу, какъ уже предсказываютъ венгерскія газеты, не поведетъ ни къ чему. „Это комедія,“ замѣчаетъ пештскій корреспондентъ одной берлинской газеты, „которую Венгерское правительство поставило для публики; а когда наступятъ всѣ послѣдствія, кои имѣлись въ виду при обнародованіи документовъ, комедія будетъ забыта и никто не подумаетъ возобновить ее.“ Дѣло въ томъ, какъ объясняетъ корреспондентъ, что венгерское министерство всячески подкапывается подъ теперешняго австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Гаймерле, коего дни сочтены. Не видя возможности предотвратить сближенія Австріи съ Россіей, для котораго путь открытъ былъ въ Данцигѣ, Мадьяры напрягаютъ всѣ свои силы по крайней мѣрѣ къ тому чтобы баронъ Гаймерле не оставался въ главѣ иностранной политики Австріи, такъ какъ они мало надѣются чтобы нѣмецкій дипломатъ въ достаточной мѣрѣ ограждалъ при этомъ новомъ положеніи особые интересы Венгріи. Возстановленный Тройной Союзъ кажется де Мадьярамъ менѣе опаснымъ если во главѣ управленія иностранными дѣлами вновь станетъ ихъ землякъ, графъ Андраши.

Венгерская печать, впрочемъ, уже теперь старается представить положеніе дѣлъ въ такомъ свѣтѣ какъ будто свиданіе въ Данцигѣ было великимъ политическимъ пораженіемъ Россіи. Основываясь на донесеніи графа Кальноки о его разговорѣ со статсъ-секретаремъ Гирсомъ,—разговорѣ получившемъ огласку чрезъ газету *Egyetértés*,—*Пештскій Ллойдъ* старается доказать что Россія явилась въ Данцигъ „какъ въ Каноссу,“ съ раскаяніемъ и мольбой, и почувствовала облегченіе лишь когда убѣдилась что князь Бисмаркъ не пылаетъ противъ нея гнѣвомъ и вмѣсто угрозъ „неожиданно“ заговорилъ умѣреннымъ тономъ. Тѣмъ не менѣе венгерская газета не совсѣмъ успокоилась: ее пугаетъ извѣстіе о томъ что въ Данцигѣ была рѣчь о международныхъ мѣрахъ противъ происковъ революціонеровъ, и хотя князь Бисмаркъ, по сообщенію графа Кальноки, совѣтовалъ „великую осторожность и умѣренность“ при возбужденіи вопроса о международной охранѣ по этому предмету, тѣмъ не менѣе органъ пештскаго министерства опасается „вторженія въ область внутренняго законодательства“ и предсказываетъ г. Гаймерле полнѣйшій неуспѣхъ въ этомъ отношеніи, ручаясь что венгерскій парламентъ ни въ какомъ случаѣ не дастъ своего согласія на какія бы то ни было законодательныя нововведенія, противъ соціалистовъ и цареубійцъ „въ угоду Россіи“.

Весьма замѣчательно однако что разоблаченіе пештской газеты вызвало ропотъ противъ г. Гаймерле не въ однихъ мадьярскихъ кругахъ, но и въ Берлинѣ. Тамъ, именно, остались весьма недовольны тѣмъ что донесеніе графа Кальноки какъ будто указываетъ на нѣкоторую ин-

тимность между Россіей и Австріей установившуюся помимо Германіи, между тѣмъ какъ Германія оказывается тою стороной коей отношенія къ Россіи пришлось улучшать и вновь закрѣплять. Берлинскія газеты указываютъ въ укоръ Австріи на то что Германія, какъ видно все изъ того же донесенія графа Кальноки, не иначе соглашалась вступить вновь въ дружественныя отношенія къ Россіи какъ „подъ условіемъ столь же тѣснаго единенія съ Австріей".

„Какая картина запутанныхъ интригъ обнаружилась предъ нашими глазами въ этомъ разоблаченіи!" восклицаетъ одна изъ берлинскихъ газетъ.

Вся эта запутанная и еще не разъясненная „глава изъ современной исторіи" служитъ явнымъ доказательствомъ того какъ мало соотвѣтствуютъ истиннымъ интересамъ Россіи такъ-называемые „союзы" въ которые старается уловить ее политическая интрига.

№ 261.

Москва, 19-го сентября.

Свѣдущимъ людямъ приглашеннымъ для участія въ обсужденіи питейнаго вопроса, одновременно съ вызовомъ ихъ въ Петербургъ, какъ извѣстно, были разосланы двѣ записки, обѣ офиціальнаго происхожденія, но исходящія изъ разныхъ вѣдомствъ. Эти записки, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не даютъ никакого понятія о мѣрахъ проектируемыхъ въ видахъ противодѣйствія неумѣренному употребленію вина, но тѣмъ не менѣе онѣ заслуживаютъ самаго серіознаго вниманія. Онѣ свидѣтельствуютъ что въ правительственныхъ сферахъ есть два совершенно различные взгляда на дѣло, два совершенно противуположныя теченія съ которыми придется вѣдаться и вызваннымъ экспертамъ и затѣмъ высшимъ властямъ при окончательномъ законодательномъ рѣшеніи вопроса. Успѣхъ или неуспѣхъ этого рѣшенія будетъ зависѣть отъ того какой изъ этихъ взглядовъ одержитъ верхъ, какое изъ двухъ направленій возобладаетъ.

Одному изъ этихъ направленій служитъ выраженіемъ записка составленная въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Это направленіе то самое въ какомъ желаетъ и ожидаетъ рѣшенія вопроса вся страна, то самое которое выразилось въ безчисленныхъ ходатайствахъ земскихъ и городскихъ учрежденій о принятіи мѣръ противъ пьянства. Записка упоминаетъ лишь о немногихъ изъ подобныхъ общественныхъ заявленій, замѣчая что „жалобы на громадное развитіе пьянства и ходатайства о сокращеніи числа питейныхъ заведеній, какъ средствѣ помочь этому злу, составляютъ общее мѣсто всѣхъ поступившихъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ представленій по сему предмету земствъ и городскихъ обществъ," такъ что „упоминать о каждомъ подобномъ представленіи значило бы перечислить бо́льшую часть земскихъ и городскихъ учрежденій." „Несмотря на безконечное разнообразіе условій въ которыхъ находятся, на обширной территоріи нашего отечества, обширныя группы представляемыя городскими думами и земскими управами," читаемъ въ другомъ мѣстѣ записки, „представляется изумительнымъ съ какимъ единодушіемъ и съ какою энергіей высказывается одна и та же мысль о необходимости положить предѣлъ дальнѣйшему развитію пьянства въ народѣ повсемѣстнымъ сокращеніемъ питейныхъ заведеній. Оставляя въ сторонѣ теоретическія разсужденія о пользѣ свободной торговли виномъ, мыслящая часть населенія признаетъ настоятельную необходимость ограничить эту свободу." Этого же мнѣнія держится и само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, признающее, какъ явствуетъ изъ записки, что „неумѣренное потребленіе вина находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ числа мѣстъ продажи и условій въ которыя поставлена сія продажа." Важность рѣшенія вопроса именно въ общемъ смыслѣ земскихъ ходатайствъ записка признаетъ въ самой полной мѣрѣ. „Не подлежитъ сомнѣнію," писалъ 30 августа 1868 года бывшій министръ Внутреннихъ Дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ въ циркулярномъ письмѣ начальникамъ губерній, „*что отъ удачнаго въ практическомъ примѣненіи разрѣшенія питейнаго вопроса будетъ главнымъ образомъ зависѣть уничтоженіе той бѣдности въ которую впадаютъ низшіе классы*," и записка съ полнымъ сочувствіемъ приводитъ эти строки, печатая ихъ курсивомъ и присовокупляя что при удачномъ рѣшеніи вопроса, между прочимъ, „сократятся тѣ чудовищныя цифры, до которыхъ въ настоящее

время дошли недоимки по всѣмъ сборамъ." Освобожденіе населенія „отъ гибельнаго для него господства кабака," вотъ цѣль твердо поставленная въ запискѣ. Упоминаемыя въ запискѣ мѣры, какъ по ихъ свойству, такъ и по ихъ объему, далеко не всегда и не во всемъ соотвѣтствуютъ намѣченной цѣли, но на самую цѣль записка отнюдь не смотритъ какъ на недостижимую. Мало того, главныя препятствія къ ея достиженію записка видитъ не въ трудности пріисканія мѣръ къ уменьшенію пьянства и сокращенію размѣровъ распивочной торговли, а въ противодѣйствіи принятію этихъ мѣръ по извѣстнымъ фискальнымъ соображеніямъ.

Иными воззрѣніями на дѣло проникнута записка вышедшая изъ Министерства Финансовъ и напечатанная по распоряженію Департамента Неокладныхъ Сборовъ. Начинается она историческимъ обзоромъ мѣръ принятыхъ въ разное время противъ пьянства въ иностранныхъ государствахъ. Но этотъ обзоръ не есть самостоятельный трудъ, плодъ тщательнаго изученія дѣла, не есть сводъ данныхъ и заключеній изъ массы изслѣдованій по питейному вопросу, какъ можно было бы ожидать въ виду того что вопросъ о мѣрахъ противъ пьянства въ теченіе многихъ лѣтъ не сходилъ съ очереди. Нѣтъ, въ основу историческаго обзора, изо всей обширной иностранной литературы по этому предмету, взята всего только одна книга, сочиненіе бывшаго бельгійскаго министра финансовъ Фреръ-Орбана Въ „историческомъ обзорѣ" объясняется что Фреръ-Орбанъ принадлежалъ къ числу министровъ нерасположенныхъ къ принятію какихъ-либо стѣснительныхъ мѣръ противъ размноженія питейныхъ заведеній. Онъ былъ сторонникомъ отмѣны въ 1850 году тѣхъ мѣръ противъ пьянства которыя были приняты въ Бельгіи въ 1838 году, и затѣмъ противникомъ возстановленія отмѣненныхъ мѣръ потребованнаго въ 1865 году общинными совѣтами. Не трудно понять что написанная имъ книга имѣетъ значеніе не столько научнаго изслѣдованія, сколько полемическаго памфлета, оправдывающаго направленіе его министерской дѣятельности въ конституціонной странѣ. Почему, при такихъ обстоятельствахъ, именно его книга легла въ основу очерка, составленнаго въ руководство вызваннымъ экспертамъ, почему извлеченія изъ нея не дополнены извлеченіями изъ книгъ написанныхъ многочисленными авторами, которые приходили къ иного рода взглядамъ на дѣло; это секретъ авторовъ записки. Но результатъ этого выбора вышелъ самый печальный. Историческій очеркъ получилъ характеръ доказательства, во что бы то ни стало, того мнѣнія что никакія мѣры принимаемыя противъ пьянства нигдѣ и никогда не удавались. Экспертамъ, вызваннымъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи для обсужденія мѣръ противодѣйствія неумѣренному употребленію вина, предложенный имъ историческій очеркъ всѣмъ своимъ содержаніемъ какъ бы говоритъ: lasciate ogni speranza; всѣ возможныя мѣры испробованы, и всѣ онѣ ни къ чему не привели; и то что̀ вы придумаете будетъ такимъ же толченіемъ воды въ ступѣ. Уже чего строже тѣхъ мѣръ противъ пьянства которыя были приняты въ Америкѣ и извѣстны подъ именемъ Менскаго закона? А послушайте что̀ сказалъ по поводу его „одинъ (неизвѣстно какой) изъ вашингтонскихъ сенаторовъ," слова котораго приведены въ одномъ изъ донесеній (писанныхъ можетъ-быть въ угоду г. Фреръ-Орбану) бельгійскаго посланника въ Вашингтонѣ: „Мы были безумны, законы не въ силахъ удержать жителей сѣверныхъ странъ отъ употребленія спирта. Чѣмъ болѣе мы издавали законовъ, чѣмъ строже были эти законы, тѣмъ болѣе народъ пилъ."

Этими словами невѣдомаго вашингтонскаго оракула оканчивается историческій очеркъ мѣръ принимавшихся противъ пьянства. Непосредственно вслѣдъ за приведеннымъ изреченіемъ начинается уже историческій очеркъ мѣръ противодѣйствія пьянству въ Россіи, представляющихъ „много сходнаго съ мѣрами имѣвшими примѣненіе въ прочихъ европейскихъ государствахъ." Общее впечатлѣніе этого втораго очерка то же что̀ и перваго: всякія мѣры имѣвшія цѣлью уменьшеніе пьянства оказывались неудачными, и тѣ которыя принимались до отмѣны откуповъ, и тѣ которыя принимались позже 1863 года. Слѣдующее за историческими очерками описаніе положенія питейной торговли въ Имперіи есть въ сущности сводъ сѣтованій разныхъ акцизныхъ чиновниковъ на ограниченія свободы кабацкаго промысла кое-какими палліативными мѣрами которыя принимались по временамъ послѣ отмѣны откуповъ... Но мы не намѣрены излагать подробно содержаніе всей записки. Довольно и сказан-

наго чтобы составить себѣ понятіе о своеобразномъ отношеніи къ задуманной реформѣ, которому служитъ выраженіемъ записка изданная Департаментомъ Неокладныхъ Сборовъ.

Поразительна разница во взглядахъ на одно и то же дѣло проводимыхъ въ двухъ одновременно разосланныхъ экспертамъ офиціальныхъ запискахъ. Неизвѣстно который изъ этихъ взглядовъ преимущественно отразился при составленіи проекта новаго положенія о питейной торговлѣ выработаннаго подготовительною коммиссіей при Министерствѣ Финансовъ, и которая изъ двухъ записокъ произведетъ большее впечатлѣніе на людей имѣющихъ обсуждать этотъ проектъ. Они, безъ сомнѣнія, не преминутъ сравнить одну съ другою данныя имъ записки и оцѣнить не только сказанное въ нихъ, но и умолчанное. Нѣкоторыя изъ умолчаній встрѣчаемыхъ въ запискѣ напечатанной по распоряженію Департамента Неокладныхъ Сборовъ бросятся въ глаза даже и не экспертамъ. Не упускающая случая при каждой мѣрѣ направленной къ сокращенію кабаковъ сдѣлать замѣчаніе о какихъ-нибудь невыгодныхъ ея послѣдствіяхъ, эта записка почему-то не находитъ нужнымъ распространяться о послѣдствіяхъ расширенія кабацкой свободы. Въ ней, напримѣръ, ни слова не сказано о результатахъ той свободы которая предоставлена была питейной торговлѣ въ 1863 году; а казалось бы стоило упомянуть что эта свобода выразилась такимъ усиленіемъ пьянства что число скоропостижно умиравшихъ отъ него выразилось цифрой превосходившею *втрое* число опивавшихся при существованіи откупной системы. Вѣдь это фактъ бросающійся въ глаза и гораздо болѣе краснорѣчивый чѣмъ голословныя, не подтверждаемыя никакими числовыми данными заявленія что послѣ такой-то ограничивающей кабацкую свободу мѣры пьянство не уменьшилось. Характеристично также въ запискѣ разосланной отъ Министерства Финансовъ умолчаніе объ обстоятельствахъ при коихъ нѣкоторыя мѣры противодѣйствія пьянству оставались безуспѣшными. Мы не нашли въ ней, напримѣръ, ни одного слова о томъ какъ приводился въ исполненіе законъ 14 мая 1874 года о производствѣ питейной торговли Евреями, какъ обходился этотъ законъ на практикѣ, какъ относилось къ этимъ обходамъ закона акцизное вѣдомство и какъ благодаря потворству акцизныхъ чиновниковъ, вопреки всѣмъ стараніямъ администраціи, мѣра имѣвшая цѣлью сокращеніе содержимыхъ Евреями шинковъ повела къ вящему ихъ размноженію, — обстоятельство игравшее, можетъ-быть, не послѣднюю роль въ томъ неудовольствіи противъ Евреевъ, которымъ воспользовались подстрекатели во время недавнихъ безпорядковъ.

Обѣ офиціальныя записки, конечно, ни въ какомъ отношеніи не предрѣшаютъ общаго направленія въ которомъ имѣетъ послѣдовать рѣшеніе питейнаго вопроса. Но имѣвшіе возможность познакомиться съ содержаніемъ этихъ записокъ не могутъ не тревожиться видя подъ какими ауспиціями начинается обсужденіе этого наиважнѣйшаго изо всѣхъ очередныхъ вопросовъ.

№ 263.

Москва, 21-го сентября.

Нельзя сказать чтобы люди вызванные изъ разныхъ мѣстъ Россіи для участія въ рѣшеніи питейнаго вопроса были поставлены въ наилучшія условія для успѣшнаго исполненія порученнаго имъ дѣла. Они съѣхались въ Петербургъ безо всякаго даже приблизительнаго представленія о той постановкѣ которая дана этому дѣлу подготовительною коммиссіей, съ единственнымъ вынесеннымъ изъ двухъ предложенныхъ имъ офиціальныхъ записокъ свѣдѣніемъ что въ правительственныхъ сферахъ не установилось еще пока общаго взгляда по этому предмету, что между разными вѣдомствами господствуетъ въ этомъ отношеніи рѣшительный разладъ. Не какія-либо частности и мелкія подробности вопроса требуютъ разъясненія со стороны экспертовъ, но и основныя его положенія оказываются подлежащими спору. Вся работа подготовительной коммиссіи можетъ потребовать полной и всесторонней переработки. Между тѣмъ, для занятій экспертовъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, назначенъ всего трехнедѣльный срокъ считая со дня перваго засѣданія въ которое будетъ имъ сообщенъ проектъ правилъ и основныхъ положеній о питейной торговлѣ который былъ составленъ особою коммиссіей при Министерствѣ Финансовъ, протоколы этой коммиссіи, замѣчанія на про-

ектъ отъ разныхъ вѣдомствъ и соображенія многихъ частныхъ лицъ доставленныя въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Трехнедѣльныя занятія экспертовъ должны дать дѣлу постановку какой не могла дать многолѣтняя дѣятельность прежнихъ коммиссій. Задача трудная, требующая энергіи которая возможна лишь при сознаніи государственной важности дѣла и при условіи полной вѣры въ это дѣло и возможность его успѣха. Между тѣмъ, нельзя не видѣть какъ пускаются въ ходъ разныя средства поколебать эту вѣру въ предстоящее экспертамъ дѣло и выставить его несеріозною и пустою затѣей. Пока этотъ скептицизмъ проповѣдывался лишь извѣстною частью печати, включившею кабацкую свободу въ кругъ основныхъ „либеральныхъ началъ правоваго порядка," на него можно было не обращать вниманія. Но иное дѣло когда этотъ скептицизмъ получилъ офиціальную окраску, когда онъ нашелъ себѣ выраженіе въ запискѣ напечатанной по распоряженію вѣдомства непосредственно завѣдующаго всѣмъ питейнымъ дѣломъ. Въ виду такого факта, у экспертовъ могутъ опуститься руки, подобно тому какъ это случилось съ членами коммиссіи для пересмотра правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками которая была учреждена въ 1865 году, такъ же какъ и нынѣ съ цѣлью ограниченія народнаго пьянства. Многіе изъ собравшихся въ ту коммиссію съ самыми лучшими намѣреніями сразу убѣдились что она дѣло несеріозное какъ только увидѣли что ея занятія открылись чтеніями записокъ составленныхъ чиновниками питейно-акцизнаго управленія, записокъ въ которыхъ, вопреки всѣмъ имѣвшимся несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, отвергался самый фактъ увеличенія пьянства вслѣдъ за отмѣной откуповъ, и тѣмъ заранѣе подвергалась сомнѣнію потребность какихъ-либо мѣръ для прінсканія коихъ была созвана коммиссія. Въ настоящее время фактъ чрезмѣрнаго пьянства не отвергается такъ рѣшительно. Но за то, со стороны того же акцизнаго вѣдомства выражается сомнѣніе въ томъ что какія-либо мѣры противъ пьянства могутъ повести къ цѣли. Эксперты могутъ не раздѣлять этого мнѣнія. Они могутъ быть глубоко убѣждены въ томъ что есть средства уменьшить пьянство, что могутъ быть приняты мѣры которыя, при надлежащемъ ихъ примѣненіи, принесутъ великую пользу всему народу и въ нравственномъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Но они не могутъ не понимать что практическое значеніе всякихъ мѣръ вполнѣ зависитъ отъ того въ какое отношеніе становятся къ этимъ мѣрамъ ихъ исполнители. Всякая кампанія будетъ проиграна если планъ ея не по сердцу исполнителю.

При такихъ обстоятельствахъ, вопросъ о томъ кому, какому вѣдомству, какимъ учрежденіямъ должна быть поручена главная роль въ исполненіи мѣръ которыми должна быть достигнута поставленная правительствомъ цѣль сокращенія пьянства, самъ собою выдвигается на первый планъ. Это, можно сказать, предварительный вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ прежде обсужденія свойства и объема самыхъ мѣръ противъ спаиванія народа. Есть ли необходимость поручать исполненіе этихъ мѣръ непремѣнно акцизному вѣдомству? Должна ли питейная торговля и впредь, какъ донынѣ, оставаться въ его завѣдываніи? Взиманіе акциза съ вина и надзоръ за винокуреніемъ точно такъ же удобно могутъ быть отдѣлены отъ завѣдыванья питейною торговлей какъ взиманіе сахарнаго акциза и надзора за сахавареніемъ отъ завѣдыванья сахарною торговлей. Это отдѣленіе взиманія акциза отъ завѣдыванья питейною торговлей было бы большимъ облегченіемъ трудныхъ обязанностей лежащихъ на акцизномъ вѣдомствѣ; оно повело бы къ выгодному для дѣла сосредоточенію его силъ на существеннѣйшей его задачѣ,—пресѣченіи тайнаго винокуренія и многочисленныхъ злоупотребленій на винокуренныхъ заводахъ. Эта задача исполнялась бы акцизнымъ вѣдомствомъ гораздо успѣшнѣе чѣмъ нынѣ еслибы съ него снята была обуза надзора за правильностью питейной торговли, надзора, который оказался для этого вѣдомства дѣломъ непосильнымъ и несподручнымъ. Этотъ надзоръ, какъ извѣстно, крайне слабъ и недостаточенъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на это обстоятельство было обращено вниманіе и предлагалось принять мѣры къ усиленію надзора; но отъ бывшаго министра Финансовъ, статсъ-секретаря Рейтерна, послѣдовалъ на это предложеніе отвѣтъ что усилить надзоръ за питейною торговлей со стороны акцизнаго вѣдомства оказывается невозможнымъ. Не соотвѣтствуя тѣмъ цѣлямъ съ какими установлено закономъ наблюденіе за питейною

торговлей, не стоя въ уровень со своею задачей, и возлагая отвѣтственность за пресѣченіе злоупотребленій въ питейной торговлѣ на другія вѣдомства, надзоръ за нею со стороны акцизнаго вѣдомства, какъ показалъ опытъ, часто парализуетъ дѣятельность этихъ другихъ вѣдомствъ, ведетъ къ столкновеніямъ между органами правительственной власти, сопровождающимся весьма вредными для общаго хода дѣлъ послѣдствіями. Припомните къ какому длинному ряду столкновеній между губернаторами и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ одной стороны, и акцизными управленіями и Министерствомъ Финансовъ, съ другой, подало поводъ разное толкованіе одной и той же статьи закона 14 мая 1874. Припомните какъ долженъ былъ пострадать отъ этихъ столкновеній, въ населенныхъ Евреями мѣстностяхъ, столь необходимый для поддержанія порядка и пресѣченія всякихъ злоупотребленій авторитетъ губернаторской власти: предписанія основанныя на прямомъ смыслѣ закона были отмѣняемы по требованіямъ акцизныхъ властей, опиравшихся на изворотливомъ толкованіи буквы того же закона, толкованіи прямо противоположномъ цѣли съ какою законъ былъ изданъ.

Устраненіемъ акцизнаго вѣдомства отъ непосредственнаго наблюденія за питейною торговлей былъ бы устраненъ поводъ къ подобнымъ печальнымъ столкновеніямъ и прекращено вредное во всякомъ дѣлѣ двоевластіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новыя законоположенія были бы гарантированы отъ перетолкованій могущихъ лишить ихъ всякаго значенія, какъ это было съ упомянутымъ закономъ 14 мая 1874, а увѣренность въ этомъ, конечно, придала бы много энергіи людямъ призваннымъ нынѣ къ обсужденію питейнаго вопроса. Выгодное для прямыхъ задачъ самого акцизнаго вѣдомства устраненіе его отъ всякаго вмѣшательства въ ходъ питейной торговли представляется особенно удобнымъ въ виду той роли какую предположено дать по отношенію къ питейному дѣлу земскимъ, городскимъ и крестьянскимъ учрежденіямъ, какъ гласитъ телеграмма полученная нами въ эту ночь предъ опущеніемъ газеты въ печать.

№ 264.

Москва, 22-го сентября.

Офиціозный телеграфъ изъ Вѣны поспѣшилъ передать протесты офиціозныхъ австрійскихъ газетъ противъ корреспонденціи газеты *Times* касательно будущаго устройства Востока. Съ перваго раза трудно было понять какая муха укусила австрійское бюро печати и что собственно вызвало это торопливое заявленіе объ австрійской благонамѣренности; и не мудрено, ибо возраженіе поспѣло раньше нежели то противъ чего оно было направлено, такъ какъ телеграфъ изъ Лондона вовсе умолчалъ о корреспонденціи, вѣрнѣе корреспонденціяхъ газеты *Times*, столь не понравившихся въ Вѣнѣ. А эти корреспонденціи гораздо болѣе заслуживали такого вниманія нежели вѣнскія возраженія противъ нихъ. Эти корреспонденціи у насъ теперь предъ глазами, и телеграфное опроверженіе ихъ не только не умалило ихъ значенія, но придало имъ еще большій интересъ. Быть-можетъ и это не безъ умысла, какъ ни противоположны кажутся съ перваго взгляда источники столкнувшихся въ данномъ случаѣ интересовъ, ибо пути избираемые политическою интригой крайне извилисты, и то что представляется для публики подъ видомъ спора и антагонизма часто лишь служитъ прикрытіемъ уже положеннаго соглашенія.

Какъ бы то ни было, но сообщеніе лондонской руководящей газеты въ высокой степени любопытно: 27 сентября въ *Times* появилось письмо каирскаго корреспондента этой газеты, посвященное разбору теперешняго положенія дѣлъ въ Египтѣ, послѣ недавняго военнаго возмущенія, коего результатомъ была перемѣна министерства, назначеніе Шерифъ-паши, по указанію участниковъ *пронунсіаменто*, главой министерства. Наступившее полное успокоеніе и прекращеніе бунта египетскихъ „полковниковъ“ противъ хедива было только кажущимся. Корреспондентъ старается доказать что дѣла обстоятъ въ Египтѣ далеко не такъ благополучно какъ кажется. По его словамъ, бунтовщики совсѣмъ еще не смирились и не покорились власти своего собственнаго избранника, а скорѣе держатъ послѣдняго въ своихъ рукахъ, и весьма вѣроятно что будетъ новый взрывъ который можетъ разыграться

очень дурно не только для власти хедива, но и для англійскаго владычества надъ Египтомъ. Въ виду грозящей опасности англійскій корреспондентъ не считаетъ нужнымъ кривить душой и прикрывать истину. Въ Египтѣ существуетъ теперь управленіе, говоритъ онъ, „установленное нами при содѣйствіи Франціи, которое нужно правду сказать, не есть самостоятельное Египетское правительство, а представляетъ собою наше владычество надъ Египтомъ.“ Военное возмущеніе было ничѣмъ инымъ какъ взрывомъ озлобленнаго національнаго чувства противъ иноземнаго владычества. Неминуемо предстоящій вторичный взрывъ докажетъ де это еще болѣе наглядно, и Англіи нужно приготовиться къ одному изъ двухъ: или она должна будетъ вовсе удалиться изъ Египта и предоставить его самому себѣ, или же, если это невозможно въ виду громадныхъ интересовъ связанныхъ для нея съ властью надъ Египтомъ, то Англіи остается лишь завладѣть Египтомъ. Корреспондентъ настойчиво совѣтуетъ Англійскому правительству не терять времени и принять какое-нибудь рѣшеніе, котораго онъ впрочемъ не берется точнѣе указать.

Какъ бы въ дополненіе къ этому сообщенію изъ Каира постояннаго корреспондента *Times*, названная газета привела на другой день письмо „случайнаго“ корреспондента „недавно возвратившагося изъ Восточной Европы.“ Этотъ корреспондентъ начинаетъ съ того пункта на которомъ остановился предыдущій. Послѣдній допускалъ еще такую комбинацію чтобъ Англія не выдвигалась сама впередъ, а настояла бы на занятіи Египта турецкими войсками, съ тѣмъ чтобы чрезъ свое вліяніе въ Константинополѣ поддерживать свою власть надъ Египтомъ. Второй корреспондентъ рѣшительно это отвергаетъ; онъ напротивъ думаетъ что чѣмъ скорѣе Турки будутъ совершенно удалены отъ береговъ Краснаго Моря, тѣмъ лучше. Англія должна непосредственно наложить руку на Египетъ и закрѣпить его за собою безъ колебанія и замедленія. Только такимъ образомъ Англіи будетъ вполнѣ обезпеченъ свободный путь въ Индію а въ этомъ сосредоточивается де весь интересъ Англіи по Восточному вопросу. „Турецкая имперія можетъ со дня на день прекратить свое существованіе,“ замѣчаетъ корреспондентъ, „но какъ только Египетъ будетъ въ нашихъ рукахъ, это насъ не касается, и мы можемъ совершенно спокойно взирать на эту развязку.“ Корреспондентъ сообщаетъ какъ по его мнѣнію совершится эта развязка. Эта часть корреспонденціи всего интереснѣе, и она-то вызвала возраженія австрійской официозной печати, возраженія какъ бы напередъ опровергаемыя въ англійскомъ сообщеніи. „Кто подобно мнѣ“, замѣчаетъ корреспондентъ, „слѣдилъ шагъ за шагомъ и съ полнымъ знаніемъ людей и ихъ способовъ дѣйствія за поступательнымъ движеніемъ Австріи въ ея стремленіи завладѣть всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, тотъ не можетъ не считать совершенно нелѣпыми дипломатическія увертки и опроверженія коими указанное явленіе прикрывается, и тому совершенно ясно что всѣ интриги сопровождавшія послѣднее рѣшеніе Греческаго вопроса были направлены главными руководителями этого дѣла къ тому чтобъ облегчить Австріи окончательное завладѣніе Превезой и Салониками.“ Но такъ какъ Эпиръ и Македонія должны „неминуемо“ достаться Австріи, то это, по мнѣнію корреспондента, столь же неминуемо должно повести и къ подчиненію Греціи австрійскому владычеству. Греки не могутъ де при такихъ условіяхъ сохранить свою полную самостоятельность; а такъ какъ ихъ главнѣйшее національное стремленіе направлено къ объединенію греческой народности, то, по мнѣнію корреспондента, Греціи и не останется иного выбора какъ добровольно подчиниться Австріи, владѣющей Эпиромъ и Македоніей, за что̀ послѣдняя въ свою очередь можетъ предоставить вассальной ей Греціи всяческія льготы. Въ виду этой-то „неминуемой“ развязки Восточнаго вопроса и полнаго, безраздѣльнаго господства Австріи надъ сѣверными берегами Эгейскаго моря, корреспондентъ и совѣтуетъ Англіи поскорѣе обезпечить себѣ владѣніе Египтомъ, а на все остальное махнуть рукой.

Въ передовой статьѣ которою англійская газета сопровождаетъ указанныя двѣ корреспонденціи, возбужденный вопросъ обсуждается нѣсколько сдержаннѣе. Лондонскій органъ старается прежде всего ублажить Францію, совѣтуя ей примириться съ мыслью что политическая власть надъ Египтомъ должна принадлежать безраздѣльно Англіи, которая вполнѣ де признаетъ однако „неотъемлемое право фран-

цузскихъ акціонеровъ на дивиденды изъ доходовъ отъ сооруженнаго французскими руками Суэзскаго канала.“

Итакъ, къ чему приходитъ англійская политика въ виду возможнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса? Къ чему приходитъ она послѣ столькихъ изворотовъ, темныхъ интригъ и неистовыхъ бѣснованій, послѣ столькихъ причиненныхъ ею страшныхъ золъ и себѣ и другимъ? Она махнула рукой на Балканскій полуостровъ и требуетъ того что̀ ей дѣйствительно нужно, Египта, для обезпеченія своей Индійской имперіи. Но не это ли самое предлагалось Англіи императоромъ Николаемъ, предъ Крымскою войной, по сообщенію тогдашняго британскаго посла въ Петербургѣ? Умно ли и въ интересѣ ли своемъ поступила Англія, отвергнувъ тогда сдѣланное ей предложеніе?

Англія не поняла тогда своихъ собственныхъ интересовъ. Но теперь, когда Англія наконецъ додумалась, казалось бы что ей несравненно было бы легче согласовать свою политику съ интересами Россіи оживотворяющими Востокъ нежели съ подавляющими его стремленіями Австріи.

№ 265.

Москва, 23-го сентября.

Вчера телеграфъ передалъ во всѣ концы Европы рѣчь фельдмаршала Мольтке сказанную въ Килѣ, въ клубѣ морскихъ офицеровъ. Знаменитый стратегъ знаменитъ также своимъ искусствомъ сказать многое въ немногихъ словахъ, и теперь двумятремя словами онъ очертилъ всю систему обороны Германіи. Армія, сказалъ фельдмаршалъ, должна обезпечить счастливый исходъ войны внѣ границъ государства, тогда какъ флотъ играетъ главную роль у родныхъ береговъ; на него ложится вся тяжесть охраны длиннаго побережья сѣверной Германіи, для чего, какъ извѣстно, при началѣ войны 1870 года, потребовалось цѣлыхъ два корпуса. Но если армія и флотъ имѣютъ свои особыя задачи, то отсюда не слѣдуетъ еще что между арміей и флотомъ нѣтъ или не можетъ быть связи. Германская сухопутная армія обладаетъ уважительною силой, она вполнѣ готова къ бою, можетъ свободно повернуть свой фронтъ въ какую потребуется сторону, способна обороняться наступая. Графъ Мольтке уже не разъ заявлялъ что другаго способа обороны Германіи на сухомъ пути и быть не должно. Флотъ германскій находится въ иномъ положеніи. Онъ только еще нарождается, не исполненъ даже основной проектъ его организаціи, а между тѣмъ Германія окружена значительными морскими силами. При такихъ условіяхъ на долю флота выпадаетъ обороняться пассивно, искать прикрытія береговыхъ батарей противъ сильнаго противника, сохраняя за собою возможность быстро воспользоваться всякою его ошибкой. Ничто не должно быть упущено чтобъ обезпечить флоту возможность дѣйствовать именно такъ. „Военныя суда, сказалъ Мольтке, могутъ защищать родной берегъ лишь когда онъ представляетъ имъ, какъ птицѣ, гнѣздо надежное и прочное убѣжище. Вотъ здѣсь-то именно и выступаетъ тѣсная связь арміи съ флотомъ, и члены генеральнаго штаба въ Килѣ должны участвовать въ устройствѣ возможно лучшаго для моряковъ гнѣзда.“

Знаменитый фельдмаршалъ, какъ мы полагаемъ, намекаетъ здѣсь не на возведеніе прибрежныхъ укрѣпленій, а на нѣчто болѣе важное. Какъ бы сильны береговыя укрѣпленія ни были, они не представляютъ вполнѣ надежнаго гнѣзда. Сильная непріятельская эскадра всегда сумѣетъ запереть выходъ и парализуетъ силы укрывшагося за укрѣпленіями флота. Примѣръ нашего Севастополя и Черноморскаго флота доказалъ это наглядно. Другое дѣло хорошій морской каналъ который далъ бы германскому флоту возможность свободно переходить изъ одного моря въ другое, изъ Балтійскаго въ Нѣмецкое, выигрывая у противника вынужденнаго идти чрезъ Зундъ время или вынуждая противника раздѣлять силы и тѣмъ ослабляя ихъ. О такомъ каналѣ уже давно идетъ рѣчь въ Германіи. Имѣется не мало проектовъ такого канала, послѣдовательно смѣнявшихъ одинъ другой. Въ послѣднее время остановились по видимому на сѣверномъ направленіи, какъ наиболѣе удобномъ въ техническомъ отношеніи и ведущемъ прямо съ нижней Эльбы къ Килю. Лѣтомъ въ нѣмецкой печати было не мало толковъ объ этомъ каналѣ, постройка котораго въ принципѣ уже рѣшена. Не рѣшенъ только вопросъ о средствахъ и способѣ исполненія работъ. Говорилось и о томъ что ка-

налъ этотъ, помимо военно-морскаго и торговаго значенія, долженъ съ сухаго пути представить сильную оборонительную линію, безъ чего онъ не можетъ обезпечить флоту безпрепятственное по немъ движеніе въ военное время. Окончательный выборъ направленія канала, сообразно общимъ стратегическимъ задачамъ, начертаніе проекта непосредственной обороны канала, таковы задачи падающія на германскій генеральный штабъ въ дѣлѣ устройства флоту „надежнаго гнѣзда,“ въ которое онъ могъ бы укрыться отъ превосходныхъ силъ и откуда, свободно какъ птица, флотъ могъ бы вылетѣть на дѣло сулящее успѣхъ. Что именно такъ смотрятъ въ Германіи, что доказываетъ и самый составъ флота, его вооруженіе и обычныя упражненія. Въ германскомъ флотѣ есть и быстроходныя суда и сильные броненосцы, безъ которыхъ, по выраженію морскаго министра, адмирала Стоша, „флотъ не можетъ обойтись если не желаетъ быть запертъ въ гаваняхъ, т.-е. оставаться въ полномъ бездѣйствіи.“ Германскія суда носятъ сильную артиллерію; на нихъ, наконецъ, установлены приборы дозволяющіе пускать въ непріятеля пловучія торпеды даже во время боя и на ходу одинаково удобно какъ съ бока и кормы такъ и съ борта. Не далѣе какъ на дняхъ въ *Militär-Zeitung* было обращено вниманіе на такія торпеды *новой конструкціи*, составляющей де „исключительную собственность нѣмецкаго флота и содержимой поэтому въ секретѣ.“

Примѣръ Германіи заслуживаетъ вниманія и подражанія... Подражанія? Очень полезнымъ, конечно, окажется для Германіи предполагаемый каналъ который соединитъ оба моря омывающія ея берега: ужь не соединить ли и намъ, подражая Германіи, Балтійское море съ Чернымъ, посредствомъ канала ради объединенія нашего флота? Никто конечно въ здравомъ умѣ не предложитъ подобной нелѣпости. Но почему? Потому что нелѣпость здѣсь слишкомъ рѣзко бросается въ глаза. За то какъ часто въ другихъ случаяхъ серіозно предлагаются и даже приводятся въ исполненіе подражательныя нелѣпости ничѣмъ не лучше этой, но только ускользающія отъ глазомѣрной оцѣнки! Подражать въ хорошемъ смыслѣ не значитъ дѣлать то что̀ дѣлаютъ другіе, а часто дѣлать даже противное, но только не уступать другимъ въ умѣ и энергіи, приспособляясь къ своимъ потребностямъ и своимъ обстоятельствамъ. Мы не можемъ соединять нашихъ морей для объединенія нашихъ морскихъ силъ, но мы можетъ достигнуть уважительнаго морскаго значенія, напримѣръ, развивая наши силы въ Восточномъ океанѣ, гдѣ у насъ нѣтъ и не должно быть равносильныхъ соперниковъ. Мысль эта, когда-то скромно, но съ убѣжденіемъ высказанная, стала теперь для всѣхъ очевидностью и переходитъ въ дѣло. Дай Богъ чтобы ходъ этого дѣла былъ вполнѣ успѣшенъ, и чтобы Россія успѣла воспользоваться всѣми способами какіе представляетъ ей положеніе ея на дальнемъ Востокѣ. Намъ нуженъ тамъ, быть-можетъ, еще одинъ морской пунктъ, портъ никогда не замерзающій, для того чтобы вполнѣ обезпечить наше морское могущество. Сильные въ Океанѣ, мы вѣрнѣе и лучше всякихъ укрѣпленій защитимъ берега всѣхъ нашихъ морей, заставивъ морскія державы бояться нашего флага, а стало-быть и избѣгать съ нами ссоры.

Намъ нужно также обезпечить за собою ворота Чернаго моря, которое должно быть по преимуществу русскимъ моремъ. Только такое рѣшеніе Восточнаго вопроса, о которомъ теперь всѣ опять заговорили, можетъ быть принято Россіей...

№ 266.

Москва, 24-го сентября.

Мы только что прочли „Журналъ засѣданій учрежденнаго при Министерствѣ Финансовъ Совѣщанія для изысканія мѣръ противъ неумѣреннаго употребленія народомъ крѣпкихъ напитковъ“, печатаніе коего началось въ полученномъ сегодня здѣсь № 211 *Правительственнаго Вѣстника*, и находимся подъ живымъ впечатлѣніемъ этого чтенія.

Уже по одному личному составу этого „Совѣщанія“, въ которомъ было *семнадцать* представителей отъ одного Министерства Финансовъ и только *двѣнадцать* представителей ото всѣхъ прочихъ вѣдомствъ вмѣстѣ взятыхъ; уже потому что, при такомъ составѣ, всѣ вопросы въ „Совѣщаніи“ рѣшались по большинству голосовъ, мы не ожидали чтобы результатомъ его занятій могло быть что-нибудь кромѣ недѣйствительныхъ, палліативныхъ мѣръ

противъ губящаго народъ пьянства. Мы впередъ знали что въ рекомендуемыхъ „Совѣщаніемъ“ мѣрахъ, въ большей или меньшей полнотѣ, но неизбѣжно выразится тотъ взглядъ котораго искони держалось финансовое вѣдомство по отношенію къ питейному дѣлу. Этотъ взглядъ установился вѣками, это тотъ самый взглядъ въ силу коего еще въ до-Петровскія времена предписывалось „головамъ и цѣловальникамъ стараться чтобы Великаго Государя казнѣ во всемъ учинять прибыль и питуховъ съ кружечныхъ дворовъ не оттонять;“ это тотъ самый взглядъ который главное зло въ питейномъ дѣлѣ видѣлъ не въ разорительности его для народа, а въ томъ что (употребляя выраженіе одной записки поданной правительству въ 1844 году и имѣвшей результатомъ учрежденіе акцизно-откупнаго коммиссіонерства) „часть денегъ остается невыбранною изъ капитала обильно обращающагося въ народѣ“; это тотъ самый взглядъ въ силу котораго въ откупное время всевозможныя злоупотребленія откупщиковъ попускались и прикрывались, а всякому противодѣйствію этимъ злоупотребленіямъ придавался характеръ дѣйствій несогласныхъ съ государственною выгодой; это тотъ самый взглядъ который привелъ къ замѣнѣ откуповъ съ 1863 г. системой оставившею ихъ далеко позади себя по совершенству съ какимъ, помощію ея, выбираются почти безъ остатковъ всякіе обращающіеся въ народѣ капиталы. Въ духѣ этихъ взглядовъ воспиталась вся масса людей вѣдающихъ акцизно-питейное дѣло; они свыклись съ воззрѣніями сказаннаго порядка въ такой мѣрѣ, что всякія иныя воззрѣнія кажутся имъ легкомысленными и заслуживающими только иронической улыбки, мнѣніями людей не понимающихъ дѣла. Зная все это, мы, при всей увѣренности въ наилучшихъ намѣреніяхъ одушевлявшихъ членовъ учрежденнаго при Министерствѣ Финансовъ „Совѣщанія,“ вовсе не ожидали чтобъ оно въ изысканныхъ имъ мѣрахъ противъ неумѣреннаго употребленія народомъ крѣпкихъ напитковъ ушло далеко отъ тѣхъ началъ которыя такъ давно положены и понынѣ лежатъ въ основѣ питейнаго дѣла. Отсутствіе указаній въ журналѣ „Совѣщанія“ на сколько-нибудь серіозныя мѣры противъ пьянства нисколько бы насъ не удивило. Ничего кромѣ легкихъ незначащихъ уступокъ обнаружившемуся въ обществѣ и народѣ движенію противъ пьянства, ничего кромѣ палліативъ, повторяемъ, отъ журнала „Совѣщанія“ мы не ожидали.

Но не ожидая многаго, мы все-таки ждали хоть чего-нибудь. Какъ ни были скромны наши надежды, мы все-таки не думали чтобы результатомъ „Совѣщанія“ была рекомендація мѣръ которыя вмѣсто улучшенія поведутъ только къ ухудшенію дѣла, которыя вмѣсто сокращенія и уменьшенія неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ поведутъ къ распространенію и усиленію этого пагубнаго зла. А на дѣлѣ вышло именно такъ. Нѣтъ, не къ ослабленію пьянства повело бы проектированное „Совѣщаніемъ“ измѣненіе питейнаго устава, а лишь къ поразительному усовершенствованію способовъ безостановочнаго выбиранія изъ народа всякихъ вращающихся въ немъ капиталовъ, посредствомъ его развращенія. Мѣры предлагаемыя въ видахъ „сокращенія числа питейныхъ заведеній“ таковы что на дѣлѣ онѣ должны повести не къ сокращенію, а къ размноженію этихъ заведеній. Проектированныя „въ видахъ народной нравственности“ измѣненія и дополненія существующихъ правилъ о питейной торговлѣ таковы что примѣненіе ихъ на практикѣ лишь въ высокой степени усилило бы соблазнъ представляемый питейными заведеніями, увеличивъ привлекательность этихъ заведеній для народа.

Мы войдемъ въ подробное разсмотрѣніе проекта финансоваго „Совѣщанія,“ и не замедлимъ сдѣлать это; теперь же изъявимъ только надежду что дѣло не останется при результатахъ „Совѣщанія.“ Свѣдущіе люди приглашенные правительствомъ для разъясненія вопроса уже принялись за свою задачу. Можно надѣяться что участіе ихъ въ вопросѣ окажетъ существенное содѣйствіе его благотворному разрѣшенію; слѣдуетъ пожалѣть только о томъ что въ числѣ экспертовъ, какъ кажется, нѣтъ или почти нѣтъ тѣхъ кто болѣе всѣхъ заинтересованы вопросомъ и ради кого предпринимается самое дѣло,— нѣтъ или почти нѣтъ свѣдущихъ людей живьемъ взятыхъ изъ крестьянской среды. Вотъ что̀ разумѣли мы когда говорили что народную нужду слѣдуетъ разузнавать не посредствомъ прокураціи, не отъ какихъ-либо представителей, а живьемъ отъ тѣхъ

людей которые сами въ данномъ случаѣ нужду испытываютъ. Нѣсколько волостныхъ старшинъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи могли бы всѣхъ лучше и точнѣе своими показаніями разъяснить подробности вопроса къ пользѣ народныхъ массъ, которыхъ благо имѣется въ виду при изысканіи мѣръ противъ пьянства. Только никогда не надо изъ этихъ людей дѣлать говорильни и разсаживать ихъ въ собраніяхъ гдѣ говорятся спичи; вообще не надо выбивать ихъ изъ привычной колеи, не надо ставить ихъ на дыбы и лишать ихъ здраваго смысла, который только и нуженъ. Такихъ людей слѣдуетъ просто разспрашивать не стѣсняя ихъ никакими формальностями, и тогда каждое слово ихъ будетъ живымъ фактомъ, драгоцѣннымъ для законодателя. Нѣтъ сомнѣнія что люди изъ народа самымъ энергическимъ образомъ будутъ протестовать противъ доктринъ извѣстнаго лжелиберальнаго пошиба, рекомендующихъ поддерживать кабаки якобы для удовольствія народа, которому де они замѣняютъ клубы. Мы не сомнѣваемся что и самые горькіе пьяницы стали бы усердно просить объ избавленіи народа отъ этой губящей ихъ самихъ язвы...

№ 267.

Москва, 25-го сентября.

Говоря о проектѣ измѣненій питейнаго устава выработанномъ въ особомъ „Совѣщаніи,“ состоявшемъ при Министерствѣ Финансовъ, мы замѣтили что этотъ проектъ подъ видомъ „мѣръ противъ неумѣреннаго употребленія народомъ крѣпкимъ напитковъ“ рекомендуетъ въ сущности рядъ мѣръ которыя должны повести не къ ослабленію, а усиленію пьянства. Такое противорѣчіе между результатомъ „Совѣщанія“ и цѣлью для которой оно было назначено не представляетъ собою, впрочемъ, чего-нибудь безпримѣрнаго въ исторіи нашего питейнаго вопроса. Припомните, напримѣръ, 1868 годъ. И тогда также какъ теперь поставлялось правительственною задачей противодѣйствіе неумѣренному потребленію водки. Въ соединенныхъ департаментахъ Законовъ и Государственной Экономіи было прямо выражено и занесено въ журналъ мнѣніе что интересъ охраны народной нравственности требуетъ возможнаго ограниченія не только злоупотребленій по продажѣ, но и самой продажи, и что при рѣшеніи питейнаго вопроса должно имѣть въ виду преимущественно огражденіе общественнаго порядка и народной нравственности, не взирая на то что фискальный интересъ требуетъ содѣйствія питейной торговлѣ. А какими результатами завершилось обсужденіе вопроса по поставленной такимъ образомъ программѣ? До 1868 года штофныя лавки могли торговать только на выносъ; съ 1868 года имъ было предоставлено также и право распивочной продажи. До 1868 года открытіе питейныхъ заведеній на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ было строго запрещено законами; съ 1868 года питейныя заведенія стали невозбранно открываться и на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ. Хороши ограниченія питейной торговли въ видахъ порядка и народной нравственности! Еще бо́льшимъ противорѣчіемъ между цѣлью и средствами ознаменовалась коренная питейная реформа, замѣна откуповъ нынѣ дѣйствующею системой. Откупа, считавшіеся краеугольнымъ камнемъ русскихъ финансовъ и потому пользовавшіеся могущественною поддержкой и всяческими потворствами со стороны центральной финансовой администраціи, откупа, державшіе у себя на жалованьѣ чуть не всѣхъ болѣе или менѣе вліятельныхъ представителей власти въ губерніяхъ и потому не знавшіе ни предѣловъ, ни удержу своимъ злоупотребленіямъ, вызвали наконецъ этими злоупотребленіями столь общее противъ себя негодованіе, такія громкія жалобы на спаиванье народа и распространеніе въ немъ непробуднаго пьянства что удерживать откупную систему сдѣлалось невозможнымъ и замѣна ея иными порядками стала необходимостью. И реформа не заставила себя ждать. Цѣлью ея, какъ видно изъ журналовъ Государственнаго Совѣта, было постановлено водворить, на мѣсто пьянства, „умѣренное употребленіе“ питій, „не вредное для нравственности.“ Цѣль прекрасная, но какое средство было предложено для ея достиженія? Была пущена въ ходъ мысль будто при неограниченномъ числѣ мѣстъ распивочной продажи, когда распивочныя заведенія будутъ у каждаго подъ рукой, водка „войдетъ въ общее обыденное (чит. вседневное), но умѣренное употреб-

леніе, не вредное для нравственности...“ И вотъ, для того чтобы питейныя заведенія были у каждаго подъ рукой, было установлено правило что „продажа крѣпкихъ напитковъ составляетъ предметъ вольнаго промысла и числа мѣстъ сей продажи не назначается,“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „мѣры правительства въ отношеніи питейной торговли были направлены къ развитію оной.“ Было сдѣлано все возможное чтобы дать самый широкій просторъ питейной продажѣ, и ради ея процвѣтанія были сняты даже и тѣ преграды которыми хоть немного сдерживались кабацкія безобразія въ откупное время, такъ что напримѣръ кабакъ, не смѣвшій прежде приближаться къ храмамъ Божіимъ на четверть версты (125 саж.), былъ придвинутъ къ нимъ до 40-саженнаго разстоянія, а ничѣмъ не лучшіе кабаковъ трактиры получили возможность не стѣсняться никакимъ разстояніемъ отъ храмовъ и располагаться даже въ непосредственномъ ихъ сосѣдствѣ. Усилія направляемыя на размноженіе питейныхъ заведеній не остались безплодны. Эти заведенія росли какъ грибы и стали въ общемъ итогѣ считаться сотнями тысячъ; они умножились въ такой пропорціи что напримѣръ въ Тверской губерніи, вмѣсто 813 питейныхъ заведеній разныхъ наименованій (въ 1862), открылось ихъ 5.173 (въ 1863) Благодаря такому размноженію кабаковъ, ростъ казеннаго питейнаго дохода сразу превзошелъ всякія ожиданія, да и не мудрено, когда, напримѣръ, въ однѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ потребленіе водки сразу увеличилось слишкомъ вдвое (въ 1862, послѣднемъ году откупа, было выпито 7.218.191 ведеръ безводнаго алкоголя, а въ 1863, первомъ по отмѣнѣ откупа, году 14.681.714 ведеръ алкоголя), причемъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ потребленіе водки возрасло не только вдвое, а втрое и еще болѣе, напримѣръ въ Тамбовской на 215%, въ Пензенской на 281% и т. п. Не о водвореніи „умѣреннаго, вседневнаго“ потребленія свидѣтельствуютъ эти цифры; не на такое потребленіе указываетъ засвидѣтельствованный Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ фактъ что переходъ отъ откупной системы къ новой сопровождался увеличеніемъ *втрое* числа скоропостижныхъ смертей отъ пьянства; не о замѣнѣ неправильнаго потребленія правильнымъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ что, напримѣръ, въ Рязанской губерніи, при томъ числѣ питейныхъ заведеній какое допускалось при откупѣ, несмотря на всѣ его злоупотребленія, число людей ежегодно умиравшихъ отъ пьянства колебалось между 17 и 48, а съ наступленіемъ въ 1863 году кабацкаго царства стало умирать по 98 и 117 человѣкъ. Нѣтъ, тяжкій 19-лѣтній опытъ неопровержимо доказалъ что заведенія распивочной продажи не только не пріучаютъ народъ къ правильному, умѣренному потребленію питей, но напротивъ въ нихъ-то, въ соблазнѣ какой они представляютъ каждому кто въ нихъ завернулъ, и заключается главное препятствіе къ тому чтобы мѣсто пьянства заступило у насъ правильное ежедневное употребленіе вина умѣренными порціями. Послѣ этого тяжкаго опыта, завѣренія о томъ что широкая свобода распивочной продажи полезна для народа потеряли всякій кредитъ. Теперь всѣми признано что неумѣренное потребленіе вина находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ числа мѣстъ распивочной продажи; въ разновременныхъ заявленіяхъ земства то и дѣло указывалось на то что числящіяся на разныхъ волостяхъ недоимки по всѣмъ сборамъ прямо пропорціональны числу находящихся въ волостяхъ питейныхъ заведеній, а численность крестьянскаго скота обратно пропорціональна числу тѣхъ же заведеній. Всѣ убѣдились что не столько водка сколько мѣста распивочной продажи, служащія притономъ и школой разврата, дѣйствуютъ пагубно на всѣ экономическія и нравственныя стороны народнаго быта. Никто у насъ, въ благожелательныхъ стремленіяхъ оградить народъ отъ язвы разъѣдающей весь строй его жизни, не доходитъ до такого ригоризма чтобы воспретить потребленіе спиртныхъ напитковъ. Никто у насъ не думаетъ объ изданіи въ Россіи чего-нибудь подобнаго Мейнскому закону (Law of Maine), который бы совершенно запретилъ и винокуреніе, и всякую продажу питей для какого бы то ни было употребленія кромѣ медицинскаго и техническаго. Но всѣ наши лучшіе люди, всѣ благоразумные люди въ средѣ самого простонародья, даже пьяницы, въ минуты своего духовнаго просвѣтлѣнія, просятъ и молятъ, какъ о великой милости, объ избавленіи ихъ отъ заведеній *съ распитіемъ на мѣстѣ*, объ удаленіи отъ нихъ соблазна, противъ котораго они, по человѣческой слабости,

не въ силахъ устоять. Всякому непредубѣжденному уму стало ясно что только исполненіе этихъ просьбъ и было бы тѣмъ удачнымъ разрѣшеніемъ питейнаго вопроса отъ котораго зависитъ прекращеніе той нищеты и той нравственной приниженности въ которыя насильственно ввергаетъ ихъ дѣйствующая питейная система.

№ 270.

Москва, 28-го сентября.

Какъ только былъ опубликованъ государственный бюджетъ на текущій годъ, ни для кого, можно сказать, не оставалось сомнѣнія въ томъ что въ этомъ году правительство не обойдется безъ болѣе или менѣе крупнаго займа. Состоявшійся одновременно съ утвержденіемъ бюджета Высочайшій указъ возложилъ на Государственное Казначейство ежегодныя крупныя уплаты Государственному Банку для доставленія ему средствъ къ сокращенію бумажно-денежнаго обращенія. Исполненіе этого указа требовало отъ казны немедленной уплаты Банку отъ 17 до 20 милліоновъ рублей (дабы довести цифру текущаго долга Государственнаго Казначейства до установленной нормы 400 милліоновъ) и затѣмъ дальнѣйшей уплаты въ теченіе года, въ счетъ этой послѣдней суммы, еще 50 милліоновъ рублей. Между тѣмъ никакихъ суммъ для исполненія этихъ расходовъ въ бюджетъ внесено не было. Возможности покрыть этотъ расходъ изъ бюджетныхъ остатковъ также не предвидѣлось: государственная роспись была сведена съ 50 милліоннымъ дефицитомъ, на возмѣщеніе коего понадобилось употребить соотвѣтственную часть суммъ изъ прошлогодняго желѣзнодорожнаго займа. На поступленіе доходовъ въ размѣрахъ много превышающихъ ожиданія росписи также трудно было разчитывать: тяжелый въ экономическомъ отношеніи прошлый годъ неизбѣжно долженъ былъ вести не къ увеличенію, а къ уменьшенію казенныхъ сборовъ по крайней мѣрѣ въ двѣ первыя трети текущаго года. Въ виду всего этого, оставалось вопросомъ не то будетъ или не будетъ займа, а только когда онъ будетъ объявленъ и въ какую сумму опредѣленъ.

Этотъ давно ожидаемый заемъ теперь объявленъ. Главное назначеніе его—расплата одного казеннаго кармана, Государственнаго Казначейства, съ другимъ казеннымъ же карманомъ, Государственнымъ Банкомъ; собственно въ подкрѣпленіе средствъ казны на покрытіе текущихъ ея расходовъ пойдетъ лишь небольшая часть займа, немного болѣе четвертой доли тѣхъ денегъ (около 91 милл. р.) которыя онъ долженъ доставить.

Указанныя обстоятельства не могли не отозваться на самыхъ условіяхъ реализаціи новаго займа. Такъ какъ главную цѣль его составляетъ усиленіе средствъ не Государственнаго Казначейства, а Государственнаго Банка, который въ такомъ усиленіи не особенно нуждается, имѣя въ своихъ кассахъ наличность въ нѣсколько разъ превосходящую ту какою онъ довольствовался для своихъ оборотовъ въ недавніе годы, то не было необходимости ни торопиться помѣщеніемъ займа на рынкѣ, ни дѣлать въ этихъ видахъ условія займа особенно привлекательными для публики. Найдено возможнымъ обойтись безъ подписки на заемъ. Онъ, такъ сказать, весь оставленъ за собою Государственнымъ Банкомъ, который уже отъ себя продаетъ банковые билеты новаго 5-го выпуска во всѣхъ своихъ конторахъ и отдѣленіяхъ и въ Польскомъ банкѣ, не назначая напередъ срока когда таковая продажа окончится. На быстрый разборъ публикой новыхъ банковыхъ билетовъ Банкъ, повидимому, вовсе не разчитываетъ, ибо въ сдѣланномъ отъ него объявленіи нѣтъ никакихъ указаній на возможность разверстки, а имѣется въ виду лишь удовлетвореніе полностью всѣхъ требованій которыя могутъ быть предъявлены на новую цѣнную бумагу. Еслибы, вопреки этой увѣренности, публика предъявила усиленный спросъ на банковые билеты, въ размѣрахъ, напримѣръ, не ста, а ста пятидесяти милліоновъ, управленіе Банка очутилось бы въ большомъ затрудненіи; оно было бы обязано, въ силу своего объявленія, выдать банковые билеты всѣмъ владѣльцамъ временныхъ свидѣтельствъ и именныхъ квитанцій сдѣлавшимъ взносы ранѣе чѣмъ послѣдуетъ объявленіе о прекращеніи продажи билетовъ, но исполнить это обязательство Банкъ былъ бы не въ состояніи, не имѣя права выпустить банковые билеты на сумму большую противъ объявлен-

ной въ Высочайшемъ указѣ 22 сентября. Случись такой казусъ, управленію Государственнаго Банка пришлось бы пережить трудную четверть часа прежде чѣмъ ему удалось бы выпутаться изъ созданнаго имъ самимъ затрудненія. Но оно повидимому совершенно увѣрено въ томъ что распродажа новыхъ банковыхъ билетовъ пойдетъ туго, почему и не опасается возможности попасть въ затрудненіе.

Такая увѣренность можетъ основываться отчасти на положеніи въ какомъ находится нынѣ денежный рынокъ и отчасти на недостаточной привлекательности самыхъ условій займа. Положеніе денежныхъ рынковъ въ настоящую минуту, и у насъ и за границей, не представляется особенно благопріятнымъ для успѣшной реализаціи займовъ. Почти повсюду спросъ на деньги большой, а свободныхъ, ищущихъ помѣщенія капиталовъ не особенно много, что выражается подъемомъ учетнаго процента. На дняхъ получено извѣстіе что Голландскій банкъ повысилъ дисконтъ съ 3 до $3^1/_2$%, а Англійскій банкъ довелъ повышеніе дисконта до 5%. На нашихъ биржахъ дисконтъ стоитъ на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ чѣмъ на какомъ держался въ періоды подписокъ на Восточные займы. Наканунѣ объявленія Перваго Восточнаго займа дисконтъ на Петербургской биржѣ былъ отъ 5 до $5^3/_4$%, наканунѣ Втораго—отъ 4 до 5%, наканунѣ Третьяго—отъ $3^1/_4$ до 4%; наканунѣ нынѣшняго выпуска банковыхъ билетовъ, дисконтъ былъ въ Петербургѣ отъ $5^3/_4$ до 7%, въ Москвѣ отъ 6 до 7%. Такая высота учетнаго процента, свидѣтельствуя о потребности въ деньгахъ для торговыхъ оборотовъ, позволяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитывать что не особенно много найдется капиталистовъ которые употребятъ свои средства на покупку банковыхъ билетовъ новаго выпуска. Тѣмъ не менѣе возможность спроса на банковые билеты въ количествѣ большемъ суммы на какую они выпущены однимъ положеніемъ денежнаго рынка не устраняется. Какъ ни ослабленъ нашъ денежный рынокъ тѣмъ сокращеніемъ учетно-ссудныхъ операцій Государственнаго Банка которое имѣло результатомъ накопленіе въ его кассахъ громадной денежной наличности, свободныхъ суммъ все-таки далеко не такъ мало чтобъ у публики не оказалось средствъ быстро разобрать банковые билеты на сумму большую ста милліоновъ. Изъ того что 2 іюня не были сразу разобраны краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства на 50 милліоновъ вовсе не слѣдуетъ чтобы не могли быть быстро разобраны банковые билеты на вдвое большую сумму: краткосрочныя свидѣтельства приносятъ 4%, а банковые билеты бумага пятипроцентная; первыя пріобрѣтатель долженъ былъ оплачивать сразу, рубль за рубль; вторые могутъ быть оплачены въ семь сроковъ, по $92^1/_4$ рублей за сто, или по 90 р. 95 к. при единовременной досрочной уплатѣ. Притомъ самый выпускъ краткосрочныхъ свидѣтельствъ облегчаетъ покупку выпускаемыхъ нынѣ банковыхъ билетовъ. Хотя въ объявленіи Банка не сказано что эти свидѣтельства могутъ быть предъявляемы въ обмѣнъ на банковые билеты, какъ это было при послѣднихъ Восточныхъ займахъ, но эти краткосрочныя свидѣтельства, въ силу условій ихъ выпуска не трудно представить въ Банкъ для учета. Затѣмъ, кромѣ полученныхъ этимъ путемъ суммъ, на пріобрѣтеніе новыхъ банковыхъ билетовъ легко могутъ обратиться суммы акціонерныхъ банковъ лежащія на текущемъ счету въ Государственномъ, а этихъ суммъ къ 1 августа насчитывалось болѣе 47 милліоновъ. Затѣмъ со стороны частной публики потребовался бы уже весьма небольшой спросъ на банковые билеты для того чтобы поставить управленіе Государственнаго Банка въ невозможность выдать покупщикамъ, согласно объявленію, все купленное ими количество банковыхъ билетовъ.

Въ виду сказаннаго, надобно думать что разсчетъ Государственнаго Банка на тугой, небольшой и медленный разборъ публикой пущенныхъ сегодня въ продажу банковыхъ билетовъ 5-го выпуска основывается не столько на положеніи денежнаго рынка сколько на малой привлекательности условій покупки. Дѣйствительно, эти условія далеко не представляютъ участникамъ нынѣшняго займа тѣхъ выгодъ какія предоставлялись при прежнихъ займахъ. Прежде всего бросается въ глаза срокъ съ котораго начинается теченіе процентовъ по займу. Обычно такимъ срокомъ назначалась дата приблизительно на мѣсяцъ или болѣе предшествующая выпуску займа. Такъ, напримѣръ, при продажѣ облигацій Перваго Восточнаго займа, продолжавшейся съ 15 іюня по 15 іюля 1877, теченіе

процентовъ начиналось съ 1 іюня, такъ что покупщикъ получалъ даромъ проценты за время отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ мѣсяцевъ. Подписка на Второй Восточный заемъ происходила 17, 18 и 19 августа 1878, а проценты шли со 2 іюля, стало-быть получались даромъ слишкомъ за $1^1/_2$ мѣсяца. При Третьемъ Восточномъ займѣ, въ 1879, подпищики тоже выгадывали проценты почти за мѣсяцъ: проценты шли съ 1 мая, а подписка происходила 24—26 мая. При нынѣшнемъ займѣ, открытіе продажи банковыхъ билетовъ и срокъ теченія по нимъ процентовъ поставлены въ обратный прежнему порядокъ: продажа начата сегодня, 28 сентября, а проценты по билетамъ пойдутъ только съ предстоящаго 1 октября.

Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе и довольно высокая цѣна по которой выпускается на биржу новый заемъ сравнительно съ цѣнами соотвѣтственныхъ фондовъ. Предъ выпускомъ Втораго Восточнаго займа, облигаціи Перваго цѣнились выше 95 за сто: новыя облигаціи были выпущены по 93 съ разсрочкой, или, при единовременной оплатѣ, по 91 р. 67 к. за сто. Предъ выпускомъ Третьяго Восточнаго займа, облигаціи первыхъ двухъ тоже стоили по 95 и болѣе: новыя облигаціи были выпущены по $92^1/_2$, а при досрочной уплатѣ по 90 руб. 61 коп. за сто. Банковые билеты послѣднихъ трехъ выпусковъ цѣнились въ ближайшее къ объявленію новаго займа время ниже 94 за сто, на послѣдней пятничной биржѣ были даже сдѣлки по 93 за сто. Въ виду такого курса, новые банковые билеты пускаются въ продажу по $92^1/_4$ за сто съ уплатой въ семь ежемѣсячныхъ сроковъ (послѣдній, самый крупный взносъ приходится на 1 апрѣля будущаго года), или, при досрочной оплатѣ, почти по 91 р. (90 р. 95 к.).

Выгода на курсѣ при покупкѣ новыхъ банковыхъ билетовъ оказывается не большая, не такая которая могла бы обезпечить успѣхъ большаго займа въ нѣсколько сотъ милліоновъ; но выгода все-таки есть и въ виду ея можетъ случиться что не только всѣ предложенные къ продажѣ банковые билеты стомилліоннаго займа будутъ разобраны, но пожалуй ихъ не достанетъ для удовлетворенія спроса. Во всякомъ случаѣ, въ интересахъ публики желательно чтобы новые банковые билеты были раскуплены какъ можно скорѣе. Чѣмъ долѣе затянется распродажа новыхъ банковыхъ билетовъ, тѣмъ долѣе эта операція будетъ лежать тяжелымъ гнетомъ на курсахъ множества цѣнныхъ бумагъ, препятствуя ихъ повышенію, къ немалому ущербу ихъ владѣльцевъ. Наоборотъ, чѣмъ скорѣе и успѣшнѣе совершится реализація новаго займа, тѣмъ быстрѣе курсы бумагъ пойдутъ въ гору, къ общей выгодѣ владѣльцевъ фондовыхъ цѣнностей какъ прежде обращавшихся, такъ и вновь нынѣ выпущенныхъ.

№ 271.

Москва, 29-го сентября.

Главная трудность рѣшенія питейнаго вопроса заключается въ утвердившемся мнѣніи будто въ немъ интересы народнаго благостостоянія находятся въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ фискальнымъ интересомъ. Но легко убѣдиться въ неосновательности этого мнѣнія. Загляните въ отчеты Государственнаго Контроля, и вы увидите что существеннѣйшую часть казеннаго питейнаго дохода составляютъ акцизы съ питей, а не патентные сборы съ питейныхъ заведеній: эти послѣдніе составляютъ едва *десять процентовъ* въ общей суммѣ питейнаго дохода, и даже менѣе. Отсюда ясно что казна можетъ быть серіозно заинтересована въ сохраненіи 180—200 милліоннаго дохода отъ потребленія вина, но въ десять разъ менѣе заинтересована въ сохраненіи въ десять и болѣе разъ меньшаго дохода отъ продажи вина *съ распитіемъ на мѣстѣ*.

При такомъ положеніи дѣла между народнымъ интересомъ и доходомъ казны возникло бы существенное противорѣчіе лишь въ томъ случаѣ еслибы въ видахъ народнаго благосостоянія требовалось главнымъ образомъ противодѣйствіе *потребленію вина* народомъ. Но признано что главное зло заключается не въ самомъ потребленіи вина, а въ соблазнѣ представляемомъ распивочными заведеніями; требуется принятіе мѣръ не противъ правильнаго домашняго употребленія питей, а противъ питейныхъ заведеній. Еслибы даже казна поступилась всѣмъ доходомъ съ патентныхъ сборовъ, она принесла бы народному благу жертву не много бо́льшую той которая была принесена ею при отмѣнѣ соляного акциза. Но отъ казны не тре-

буется чтобъ она поступалась *всѣми* своими патентными сборами. Закрытіе массы заведеній съ распитіемъ на мѣстѣ не лишаетъ казны патентныхъ сборовъ съ заведеній для выдѣлки напитковъ и издѣлій изъ вина, съ заведеній для продажи питей на выносъ, и съ тѣхъ городскихъ трактировъ, буфетовъ и т. п., сохраненіе которыхъ не окажется въ противорѣчіи съ нравственными и экономическими интересами населенія. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что прекращеніе распивочной продажи отзовется и на размѣрахъ самаго потребленія водки. Но могущіе произойти отсюда недочеты казны, помимо другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ, могутъ быть удобно возмѣщены нѣкоторымъ дальнѣйшимъ повышеніемъ питейнаго акциза. Опасаются что такая мѣра усилитъ тайное винокуреніе и корчемство. Но противъ нихъ могутъ быть изысканы мѣры пересмотромъ относящихся къ этому предмету законоположеній и проектируемымъ привлеченіемъ къ участію въ питейномъ надзорѣ земскихъ и городскихъ учрежденій, а также частныхъ обществъ трезвости, приходскихъ попечительствъ и т. п.

Не находящееся въ прямомъ противорѣчіи съ бюджетными интересами, желательное рѣшеніе питейнаго вопроса заключается прежде всего въ освобожденіи народа отъ разоряющихъ и развращающихъ его заведеній съ распитіемъ на мѣстѣ, будутъ ли то кабаки или сельскіе трактиры. И только такое измѣненіе питейнаго устава которое послужитъ удовлетвореніемъ этому главному, предъявленному народною жизнью, требованію можетъ быть признано мѣрой ведущею къ поставленной правительствомъ цѣли противодѣйствія неумѣренному употребленію вина народомъ. Этому условію вовсе не удовлетворяетъ проектъ выработанный особымъ „Совѣщаніемъ" при Министерствѣ Финансовъ. Просьбы народа избавить его отъ питейныхъ заведеній, сократить ихъ число, не казались убѣдительными для большинства этого „Совѣщанія;" оно скептически отнеслось къ пользѣ сокращенія питейныхъ заведеній, не полагая чтобы путемъ такого сокращенія могли быть прекращены общія жалобы на кабакъ и пьянство. Уступая по наружности всеобщему требованію, финансовое „Совѣщаніе" поставило, правда, сокращеніе питейныхъ заведеній во главѣ выработанной имъ программы, но на самомъ дѣлѣ проектировало мѣры направленныя не къ тому чтобы сократить число питейныхъ заведеній, а чтобъ умножить ихъ, сдѣлавъ эти заведенія изъ ненавистныхъ любезными и сельскимъ населеніямъ, и всѣмъ кому возможно.

Совѣщаніе свѣдущихъ людей отнеслось иначе къ этому важнѣйшему пункту питейнаго вопроса. Какъ извѣстно, оно уже признало въ принципѣ сокращеніе числа питейныхъ заведеній дѣломъ существеннымъ и необходимымъ, и остается пожелать чтобъ эксперты не теряли изъ виду этого принципа и не отступали отъ него во все продолженіе своихъ занятій. Къ сожалѣнію, эксперты занялись предварительно обсужденіемъ моднаго вопроса объ общественныхъ кабакахъ и въ рѣшеніи его едва ли не погрѣшили противъ установленнаго ими самими вслѣдъ за тѣмъ принципа.

Однимъ изъ сильныхъ и наиболѣе дѣйствующихъ на умы аргументовъ противъ кабака и пьянства было то что благодаря имъ народъ не уплачиваетъ лежащихъ на немъ податей и сборовъ, что кабаки ведутъ къ накопленію недоимокъ. Снять съ кабаковъ этотъ укоръ, обратить ихъ изъ орудій накопленія недоимокъ въ орудія уплаты оныхъ; сдѣлать чтобы народъ именно путемъ пьянства уплачивалъ лежащія на немъ подати и сборы; словомъ, создать „общественныя питейныя заведенія," —будетъ ли это мѣрой ведущею къ сокращенію питейныхъ заведеній?

Въ настоящее время народъ видитъ въ кабакахъ и трактирахъ заведенія которыя тянутъ изъ него деньги и разоряютъ его для чужой наживы, что̀ заставляетъ его смотрѣть на нихъ не всегда дружелюбно. Хорошо ли обратить кабаки въ составную часть самого организма сельскаго міра, сдѣлать ихъ близкимъ, роднымъ ему, дорогимъ для него учрежденіемъ? Установите чтобы кабацкая прибыль, за отдѣленіемъ части на уплату податей, дѣлилась между членами сельскихъ обществъ, и вы сдѣлаете то что каждой деревнѣ будетъ лестно имѣть свой кабакъ, дабы часть пропиваемыхъ ею денегъ не шла въ пользу крестьянъ другой деревни. Вы этимъ создадите сильный двигатель къ замѣнѣ нынѣшняго порядка, при которомъ все число питейныхъ заведеній едва равняется половинѣ общаго числа населенныхъ пунктовъ страны, такимъ порядкомъ при которомъ, пожалуй, почти совсѣмъ не останется селеній безъ

своего „общественнаго питейнаго заведенія.“ Кабатчики заслужили себѣ худую славу; хорошо ли обратить самый народъ въ кабатчика?

Учрежденіе „общественныхъ питейныхъ заведеній“ составляетъ, можно сказать, главный пунктъ всего проекта выработаннаго финансовымъ „Совѣщаніемъ.“ Все его вниманіе, можно сказать, было обращено на то чтобъ обставить учрежденіе общественныхъ кабаковъ и трактировъ возможно бо̀льшими льготами. Имъ предоставлялось уплачивать патентный сборъ не единовременно за цѣлый годъ, а пополугодно; они совершенно освобождались отъ обязанности брать промысловыя и прикащичьи свидѣтельства; наконецъ, для сидѣльцевъ въ этихъ заведеніяхъ не требуется никакихъ одобрительныхъ свидѣтельствъ. Этого мало, на финансовомъ „Совѣщаніи“ предлагалось чтобы проектируемое возвышеніе цѣны патентовъ не распространялось на общественныя питейныя заведенія, и это предложеніе не прошло лишь въ разчетѣ на то что земскія собранія, установляя цѣны патентовъ въ указанныхъ имъ предѣлахъ, сдѣлаютъ сами все возможное для того чтобъ эти цѣны не были обременительны для крестьянскихъ обществъ и не стали препятствіемъ къ размноженію общественныхъ кабаковъ и трактировъ.

Совѣщаніе экспертовъ не пошло такъ далеко въ увлеченіи идеей общественныхъ кабаковъ; оно вычеркнуло изъ проекта придуманныя въ видахъ размноженія этихъ кабаковъ мѣры. Но тѣмъ не менѣе большинство *Совѣщанія* экспертовъ рѣшило дать широкій просторъ учрежденію общественныхъ питейныхъ заведеній. Признать ли это рѣшеніе зрѣлымъ? Не пожелать ли чтобъ эксперты вернулись еще разъ къ этому недостаточно разъясненному вопросу, ошибочное рѣшеніе коего можетъ повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ для всего крестьянскаго быта?

Но возвратимся къ проекту финансоваго „Совѣщанія.“ Ставя на словахъ своею цѣлью сокращеніе числа питейныхъ заведеній, этотъ проектъ на дѣлѣ предлагаетъ мѣры къ умноженію ихъ, къ устраненію препятствій для ихъ открытія. Такимъ препятствіемъ, напримѣръ, могло бы сдѣлаться съ формальной стороны то установленное закономъ правило что питейныя заведенія могутъ быть открываемы только въ „населенныхъ мѣстахъ,“ а „населенными мѣстами,“ по смыслу нашихъ законовъ, считаются собственно *лишь города и села*. Проектъ спѣшитъ оградить деревни и поселки отъ опасности остаться безъ кабака и трактира и устанавливаетъ правило чтобы въ питейномъ уставѣ, подъ выраженіемъ „населенное мѣсто“ впредь разумѣлись тѣ мѣстности „въ которыхъ находится не менѣе 5 дворовъ, а равно помѣщичьи усадьбы, фабрики и т. п. гдѣ проживаетъ не менѣе 50 душъ мужескаго пола.“ Вотъ какими мѣрами отвѣчаетъ проектъ на мольбы народа избавить его отъ одолѣвающей его массы питейныхъ заведеній!

Умноженныя въ числѣ, питейныя заведенія должны вмѣстѣ съ тѣмъ стать, по проекту, усовершенствованными, патентованными орудіями извлеченія изъ народа „обращающихся въ немъ капиталовъ.“ Кабакъ былъ хорошимъ, но не лучшимъ орудіемъ для этой цѣли. Законы издавна опредѣлившіе внутреннее устройство кабаковъ стремились именно къ тому чтобы сдѣлать пребываніе въ питейныхъ заведеніяхъ непривлекательнымъ для посѣтителей. Въ кабакъ идутъ худшіе, но отъ посѣщенія его воздерживаются лучшіе члены сельскаго общества, которые стыдятся пьянства и для кого кабацкая водка еще не представляетъ неодолимаго соблазна. Нужно завлечь въ кабаки и этихъ лучшихъ людей, заманивъ ихъ туда если не водкой, то чаемъ. Именно въ этихъ видахъ и проектировано разрѣшеніе въ сельскихъ питейныхъ заведеніяхъ продажи всякаго рода холодныхъ закусокъ и чая. Усиливая гибельный для народа соблазнъ питейныхъ заведеній, эта мѣра вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ благовидную форму сглаженія всякой разницы между питейнымъ домомъ и трактиромъ. Есть мнѣніе, — съ перваго взгляда оно покажется весьма одобрительнымъ,— будто зловредное дѣйствіе кабака уменьшится если онъ превратится въ трактиръ. Такъ думаютъ почти всѣ наши интеллигентные люди судящіе о трактирахъ по впечатлѣнію какое производятъ извѣстные имъ городскіе трактиры и преимущественно лучшіе изъ столичныхъ ресторановъ. Но не такъ думаютъ тѣ кто имѣли возможность близко приглядѣться къ сельскимъ трактирамъ и убѣдиться что тамошнія трактирныя безобразія не уступаютъ кабацкимъ, что по большей своей приманчивости трактиръ для деревни и разорительнѣе кабака, и вреднѣе въ нравственномъ отношеніи.

№ 272.

Москва, 30-го сентября.

На археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ нѣкоторые изъ пріѣзжихъ гостей, желая сказать пріятное радушнымъ хозяевамъ, выразили сочувственное пожеланіе чтобъ осуществилась мысль объ учрежденіи университета на Кавказѣ. Ярославское дворянство офиціально ходатайствуетъ если не объ обращеніи Демидовскаго Лицея въ университетъ, то объ открытіи при немъ рядомъ съ нынѣ существующимъ юридическимъ факультетомъ еще факультета естественныхъ наукъ, и ходатайство получило уже ходъ. Зданіе Сибирскаго университета достраивается и открытіе его вѣроятно состоится не въ далекомъ будущемъ. Можно надѣяться что будетъ наконецъ приступлено и къ обращенію Петербургскаго и Новороссійскаго университетовъ въ полные университеты чрезъ открытіе при нихъ медицинскихъ факультетовъ. Потребность въ этихъ факультетахъ дѣйствительно серіозная, сдѣлавшаяся настоятельною послѣ преобразованія Медико-Хирургической Академіи, исполненнаго, какъ у насъ нерѣдко бываетъ, въ одномъ вѣдомствѣ безъ соображенія съ другими, и породившаго между прочимъ такой наплывъ слушателей на медицинскіе факультеты что въ Московскомъ университетѣ пришлось прибѣгнуть къ учрежденію комплекта слушателей, мѣрѣ только разъ практиковавшейся въ исторіи нашихъ университетовъ, а именно въ эпоху гоненія ихъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Хорошо еще что мѣра принята самою „автономіей". Это обстоятельство въ соединеніи съ традиціоннымъ благоволеніемъ къ педагогической дѣятельности военнаго вѣдомства побудило „прессу" отнестись безучастно къ мѣропріятію, о которомъ чего-чего не было бы наговорено будь дѣло обставлено иначе. Попрежнему ведется рѣчь объ открытіи широкаго доступа въ университетъ ученикамъ реальныхъ училищъ, семинаристамъ безъ аттестатовъ зрѣлости и проч., хотя бы пріемъ фактически оказался невозможнымъ.

Въ правительственныхъ сферахъ ходатайства объ устройствѣ новыхъ разсадниковъ просвѣщенія встрѣчаются обыкновенно благосклонно. Всякому начальствующему лицу пріятно улыбается мысль связать свое имя съ какимъ-нибудь новымъ учрежденіемъ на пользу отечественнако просвѣщенія и роль ходатая въ этомъ отношеніи естественно считается благодарною. Заботитъ обыкновенно одно препятствіе — недостатокъ, при нынѣшнемъ финансовомъ положеніи государства, матеріальныхъ средствъ для осуществленія плановъ. Открой, предполагается, Государственное Казначейство свой сундукъ и можно было бы, пожалуй, удвоить или утроить число учрежденій назначенныхъ для высшаго обученія. Другая много серіознѣйшая трудность, сравнительно съ которою матеріальныя препятствія играютъ второстепенную роль, повидимому, не обращаетъ на себя вниманія. Мало построить зданіе, ассигновать хотя бы широкою рукой штаты, набрать студентовъ, а при недостаткѣ таковыхъ и принанять помощію стипендій; вся сила учебнаго заведенія въ его профессорской корпораціи, долженствующей внести духъ науки въ воздвигнутое учрежденіе, его стѣны обратить въ храмъ науки. Много говорятъ о новыхъ разсадникахъ высшаго знанія, но никто не хочетъ спросить гдѣ ученыя силы, достаточныя для того чтобы составить нѣсколько преподавательскихъ корпусовъ достойныхъ великаго дѣла къ которому они должны быть призваны. Это повидимому считается наименьшимъ изъ затрудненій. Мало того, условіемъ успѣха въ дѣлѣ приготовленія новыхъ научныхъ силъ поставляется чтобы привительство оставляло это дѣло внѣ своей заботы и своего вниманія, ограничиваясь казначейскою ролью. Существующія профессорскія корпораціи, предполагается, озаботятся не только о самопополненіи, но и о доставленіи требуемаго количества преподавателей для новыхъ учрежденій. Университеты оказались безсильными доставить достаточное количество приготовленныхъ учителей для гимназій и реальныхъ училищъ. Правительство вынуждено было прибѣгать къ разнымъ экстреннымъ мѣрамъ и не можетъ отъ нихъ отказаться если не желаетъ остаться въ банкротствѣ. Въ то же время затрудненій по части приготовленія профессоровъ принято не усматривать. Между тѣмъ требованія обращенныя къ профессору, если приводить ихъ даже къ самымъ скромнымъ размѣрамъ, весьма значительны. Отъ профессора требуется знаніе, пріобрѣтаемое не однолѣтнимъ трудомъ, требуется кро-

мѣ того даръ преподаванія, обнаруживаемый и пріобрѣтаемый въ преподавательской практикѣ (почему такъ и важенъ институтъ приватъ-доцентовъ); профессоръ вступающій въ самостоятельное обладаніе каѳедры долженъ имѣть заготовленный курсъ; вступленію должна предшествовать ученая извѣстность, доставляемая обнародованными учеными трудами. Вотъ сколько условій, безъ соблюденія которыхъ можно людей наименовать профессорами и все-таки остаться безъ дѣйствительныхъ профессоровъ. Не забудемъ что число каѳедръ на нашихъ факультетахъ весьма значительно, разчитано можно сказать на роскошь преподаванія. При составленіи новыхъ преподавательскихъ корпорацій необходимо болѣе легкимъ окажется наборъ силъ по второстепеннымъ отраслямъ и могутъ образоваться цѣлые факультеты съ такимъ преподаваніемъ главныхъ предметовъ что оно будетъ равносильно ихъ отсутствію. Вотъ сколько трудностей предстоитъ побороть чтобъ изъ новыхъ учрежденій не сдѣлать одного парада, а принести ими дѣйствительную пользу просвѣщенію страны. Трудности эти однако не смущаютъ ревнителей новыхъ учрежденій. А въ виду усерднаго охраненія нынѣ дѣйствующей системы обязательнаго правительственнаго безучастія и предоставленія всего дѣла высшаго обученія усмотрѣнію и произволу самоуправляющихся и самопополняющихся профессорскихъ корпорацій въ ихъ весьма случайномъ составѣ, можно подумать что и само правительство не даетъ указаннымъ трудностямъ особаго вѣса и считаетъ возможнымъ отказаться отъ мѣръ какія практиковались, напримѣръ, въ эпоху министерства Уварова, когда выборъ и приготовленіе профессоровъ были предметомъ особой правительственной заботы, увѣнчавшейся, какъ извѣстно, несомнѣннымъ оживленіемъ университетовъ.

Но странное дѣло. Съ той самой стороны на которой составленіе новыхъ ученыхъ корпорацій считается дѣломъ легко осуществимымъ можно услышать самыя рѣшительныя указанія на непреоборимыя будто бы трудности къ осуществленію дѣла сравнительно весьма легкаго. Мы говоримъ объ измѣненіи въ системѣ университетскихъ испытаній, заключающихъ въ себѣ ключъ всей университетской реформы. Никто не рѣшится утверждать что нынѣшніе экзаменные порядки удовлетворительны. Приходится сознаться что едва ли можно умышленно придумать что-нибудь болѣе неудовлетворительное. Съ этой стороны нечего возразить противъ единственно возможной въ нашихъ условіяхъ органической мѣры улучшенія студентскихъ испытаній, соединенныхъ съ государственными правами, противъ отдѣленія экзаменовъ отъ текущаго преподаванія, съ предоставленіемъ производства ихъ особымъ коммиссіямъ по назначенію правительства, какъ и было проектировано Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія полтора года тому назадъ. Аргументацію пришлось направить въ другую сторону. Указывается на непреоборимую будто бы трудность найти экзаминаторовъ для такихъ коммиссій, если де не составлять ихъ изъ тѣхъ же профессоровъ. Уступаютъ что съ грѣхомъ пополамъ можно еще устроить дѣло въ Петербургѣ, даже въ Москвѣ. Но въ провинціи? Какія де тамъ научныя силы! Проектъ объявляется неосуществимымъ. Составить, съ цѣлью проэкзаминовать студента изъ элементовъ науки, коммиссію изъ нѣсколькихъ свѣдущихъ людей, не устраняя принципіально и профессоровъ, которые въ качествѣ членовъ правильно устроенной коммиссіи явятся совсѣмъ иными экзаминаторами чѣмъ нынѣ, объявляется трудностью предъ которою надлежитъ остановиться по ея непреоборимости. А составить цѣлый университетъ, да и не одинъ, съ учащимъ персоналомъ въ восемьдесятъ и болѣе человѣкъ кажется дѣломъ не только осуществимымъ, но и вовсе не труднымъ. Если не всѣ преподающіе на факультетѣ будутъ испытывать студента изъ того что̀ вздумалось имъ прочесть и что̀ попало въ литографированные листы, заключающіе въ себѣ альфу и омегу требуемой на экзаменахъ мудрости, то, грозятъ, наука упадетъ, студентскія знанія низойдутъ съ высоты (полагать надо нынѣшней), старые экзаминаторы не поймутъ студента начиненнаго молодою наукой: и придется де звать на помощь опять весь факультетъ. Но что̀ представило бы собою цѣлое высшее учебное учрежденіе еслибы составить его изъ нѣсколькихъ десятковъ неопытныхъ, неготовыхъ, ничѣмъ не заявившихъ себя людей, не знающихъ сами своихъ силъ, не овладѣвшихъ научнымъ матеріаломъ, но наименованныхъ профессорами, долженствующихъ нести тягость высокаго

положенія съ правомъ учить, испытывать, выпускать магистровъ, докторовъ, пополнять свой составъ, возводить въ знаменитые ученые, раздавать дипломы и чины, самихъ себя производить въ чины и награждать, наконецъ, говорить отъ имени науки какъ ея патентованные представители—объ этомъ умалчивается.

Для правильности въ обмѣнѣ матеріальныхъ предметовъ люди придумали единицы мѣръ которыхъ и держатся строго. Что̀ стало бы съ куплей и продажей еслибы всякій имѣлъ въ карманѣ свой аршинъ и притомъ такой который можно было бы или сократить до вершка, или раздвинуть на версту? Въ нравственной области обмѣна мнѣній нельзя, къ сожалѣнію, установить постоянства мѣръ, и люди безцеремонные по части аргументовъ, прилаживающіе ихъ смотря по требованію, имѣющіе въ виду не дѣло, а стороннія дѣлу соображенія, мѣняютъ свои аршины и фунты, сообразно цѣлямъ, смотря по предмету какой требуется смѣрить или свѣсить... Думаютъ что это не замѣтно...

№ 274.

Москва, 2-го октября.

Важность вопроса объ „общественныхъ питейныхъ заведеніяхъ“ побуждаетъ насъ еще разъ возвратиться къ этому предмету, котораго мы уже касались въ №№ 259 и 271 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Извѣстно на какомъ рѣшеніи по этому предмету остановилось обсуждающее нынѣ питейный вопросъ *Совѣщаніе* „свѣдущихъ людей.“ Но едва ли можно смотрѣть на это рѣшеніе какъ на окончательное; есть обстоятельства заставляющія думать что оно было неожиданностью даже для многихъ членовъ самого *Совѣщанія*, не полагавшихъ что общественные кабаки будутъ допущены; есть основанія полагать что рѣшеніе въ пользу этого рода питейныхъ заведеній было результатомъ лишь случайнаго перевѣса голосовъ при баллотировкѣ производившейся подъ живымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ ораторскихъ рѣчей въ защиту общественнаго кабака, въ особенности подъ живымъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ фактовъ говорящихъ въ пользу этого рода заведеній, фактовъ принятыхъ на вѣру и неподвергавшихся никакой критикѣ, никакой провѣркѣ.

Особенно сильный эффектъ произведенъ былъ сообщеніями сдѣланными *Совѣщанію* двумя лицами не принадлежащими къ его составу, но приглашенными, въ качествѣ людей наблюдавшихъ за общественными кабаками на мѣстѣ, именно съ цѣлію ознакомленія „свѣдущихъ людей“ съ практическою стороною дѣла, непремѣннымъ членомъ Богородскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія г. Щепотьевымъ и богородскимъ купцомъ Тихомировымъ. Мы не имѣли бы никакихъ основаній заподозрить вѣрность сообщенныхъ этими приглашенными лицами свѣдѣній, еслибы не имѣли въ виду иного рода свѣдѣній, приводимыхъ въ помѣщаемой ниже статьѣ „Общественные кабаки въ Богородскомъ уѣздѣ.“ Эти послѣднія свѣдѣнія идутъ отъ лицъ едва ли менѣе компетентныхъ въ дѣлѣ чѣмъ гг. Щепотьевъ и Тихомировъ, едва ли не ближе ихъ стоящихъ къ тѣмъ самымъ общественнымъ кабакамъ о которыхъ повѣствовалось въ *Совѣщаніи*. Авторъ помѣщаемой ниже статьи, дѣйств. ст. сов. А. В. Симанскій — землевладѣлецъ именно въ той мѣстности Богородскаго уѣзда гдѣ процвѣтаютъ сказанные кабаки; сообщаемыя въ статьѣ свѣдѣнія идутъ отъ временно 2-й гильдіи купца Нахалова, крестьянина-фабриканта, *постоянно живущаго* въ селѣ Ямкинѣ, гдѣ существуетъ одинъ изъ такихъ кабаковъ, и всего въ десяти верстахъ отъ села Авдотьина (Ямкинской волости), гдѣ имѣется другой такой же общественный кабакъ. Провѣрка однихъ свѣдѣній другими не лишена интереса и значенія для порученнаго *Совѣщанію* дѣла.

Г. Щепотьевъ указалъ на блестящіе результаты полученные отъ общественныхъ кабаковъ въ двухъ селеніяхъ Богородскаго уѣзда. Отъ одного изъ нихъ крестьянскимъ обществомъ села Авдотьина получено въ десять лѣтъ 18.000 руб. барыша; отъ другаго, въ непоименованномъ селеніи, крестьянскій барышъ составлялъ 17.000 руб. Этимъ суммамъ дано наилучшее употребленіе. Между прочимъ, село Авдотьино употребило кабацкій доходъ на покупку 500 десятинъ земли.

Какими соображеніями можетъ быть поколеблена сила подобныхъ фактовъ? Не должны ли въ виду ихъ умолкнуть голоса людей глубоко убѣжденныхъ во вредѣ „общественныхъ питейныхъ заведеній?“ Но

вотъ факты другаго свойства, не имѣвшіеся въ виду „свѣдущихъ людей" въ моментъ постановленія ими рѣшенія по этому вопросу.

Для полученія отъ своего общественнаго кабака ежегоднаго дохода въ 900 рублей, крестьяне села Ямкина, въ числѣ 218 душъ, пропиваютъ не менѣе 5.000 руб. въ годъ, почти по 23 рубля съ души.

Несмотря на доходы отъ общественнаго кабака, щедро исчисляемые многими тысячами рублей, числящаяся за крестьянами села Ямкина оброчная недоимка не уплачивается.

Разорительный для самихъ ямкинскихъ крестьянъ, ихъ общественный кабакъ *довелъ до нищеты крестьянъ сосѣднихъ деревень* Починки и Соколова, на которыхъ и числятся огромныя недоимки.

Затѣмъ, самый фактъ покупки крестьянами села Авдотьина 500 десятинъ земли оказывается невѣрнымъ: эти 500 десятинъ куплены *не однимъ* этимъ селомъ, имѣющимъ общественный кабакъ, а въ складчину *пятью* селеніями: Авдотьинымъ, Пашуковымъ, Пятковымъ, Дяткинымъ и Воскресенскимъ.

Наконецъ, остается неизвѣстнымъ и для оцѣнки факта требуетъ еще разъясненія вопросъ о времени упомянутой покупки земли: состоялась ли она недавно, уже послѣ того какъ изъ кабацкихъ доходовъ накопилась нужная для покупки сумма, или сдѣлана давно, когда общественный кабакъ не успѣлъ еще оказать на крестьянъ своего разорительнаго дѣйствія? Было бы желательно чтобы по этому послѣднему пункту была наведена въ архивѣ Богородскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія точная справка чуждая такихъ погрѣшностей каковою представляется присвоеніе одному селенію того что пріобрѣтено пятью.

Въ виду сообщеній сдѣланныхъ г. Симанскимъ и купцомъ-крестьяниномъ Нахаловымъ, полагаемъ, будетъ не лишнимъ подвергнуть нѣкоторому разбору главные доводы побудившіе *Совѣщаніе* склониться въ пользу общественныхъ питейныхъ заведеній.

Однимъ изъ такихъ доводовъ было указаніе на обозначившуюся де на практикѣ потребность въ открытіи общественныхъ питейныхъ заведеній, потребность столь сильную что противъ нея оказались недѣйствительными и законъ, и министерскіе циркуляры, недопускавшіе открытія общественныхъ кабаковъ: вопреки имъ, общественные кабаки основались во многихъ мѣстностяхъ страны, и нѣкоторые изъ нихъ существуютъ уже около 20 лѣтъ. Убѣдителенъ ли этотъ доводъ? Мало ли въ чемъ оказывается на практикѣ потребность, мало ли что существуетъ вопреки законамъ и правительственнымъ требованіямъ, но слѣдуетъ ли отсюда что все такимъ образомъ существующее должно быть признано и одобрено? Путемъ подобной логики можно дойти до разрѣшенія не только общественныхъ кабаковъ, но даже игорныхъ домовъ и люпанарій. Фактъ открытія и долголѣтняго существованія нѣсколькихъ общественныхъ кабаковъ, по нашему мнѣнію, служитъ указаніемъ не на то что подобные кабаки должны быть впредь свободно открываемы, а лишь на слабость существующаго надзора какъ за питейною частью, такъ и за соблюденіемъ законовъ вообще. Этотъ фактъ указываетъ также на то какъ вредно отзывается на исполненіи законовъ несогласіе во взглядахъ различныхъ вѣдомствъ блюдущихъ одно и то же дѣло. Запрещаемое съ одной стороны, открытіе общественныхъ кабаковъ было поощряемо съ другой; не будь этого, общественные кабаки не имѣли бы той почти 20-лѣтней исторіи на которую не безъ паѳоса указываютъ ихъ сторонники.

Указаніе на нѣсколько фактовъ изъ этой исторіи было самымъ сильнымъ изо всѣхъ аргументовъ приведенныхъ въ защиту общественныхъ питейныхъ заведеній. Но убѣждающее значеніе фактовъ часто зависитъ отъ того освѣщенія въ какомъ фактъ выставляется, а также отъ степени сходства рисуемыхъ картинъ съ дѣйствительностью. А факты приводимые изъ практики въ пользу общественныхъ кабаковъ, какъ явствуетъ между прочимъ изъ примѣра Богородскихъ кабаковъ, вообще страдаютъ односторонностью освѣщенія. Обрисовкѣ этихъ фактовъ не достаетъ полноты необходимой для того чтобы составить объ нихъ надлежащее понятіе. Идетъ рѣчь о выгодахъ извлекаемыхъ обществами изъ учрежденныхъ ими кабаковъ, но не дается характеристики условій при которыхъ производится въ этихъ кабакахъ питейная торговля. Стоятъ ли эти кабаки въ такихъ пунктахъ гдѣ, по бойкости мѣста, главную массу посѣтителей ихъ составляютъ люди не принадлежащіе къ составу содержащаго

кабакъ общества, или же кругъ посѣтителей ограничивается преимущественно самими общинниками? Эта совсѣмъ неосвѣщенная сторона дѣла имѣетъ серіозное значеніе. Въ первомъ случаѣ, притокъ денегъ отъ стороннихъ „питуховъ" позволяетъ обществу не видѣть для себя ущерба въ томъ если его собственные члены мало пропиваютъ денегъ; оно, пожалуй, не прочь будетъ даже воздерживать тѣхъ изъ нихъ которые черезчуръ раскутятся. Но иное дѣло когда общественный кабацкій доходъ, при отсутствіи сторонней публики, будетъ зависѣть только отъ усерднаго посѣщенія кабака членами самого общества, когда недостатокъ усердія съ ихъ стороны можетъ повести, вмѣсто барышей, къ убыткамъ, и когда для общества является, такимъ образомъ, интересъ побуждать всѣми мѣрами своихъ членовъ, ради общей пользы, не забывать кабака своими посѣщеніями.

Далѣе, во всѣхъ указаніяхъ на общественные кабаки усиленно подчеркивается что въ этихъ кабакахъ не допускается тѣхъ злоупотребленій какими отличаются кабаки содержимые частными лицами: вино въ долгъ не отпускается, вещи и хлѣбъ подъ залогъ не берутся. Но важно не то, кабатчику или другому кулаку будетъ заложено крестьянское имущество; важно то что общественный кабакъ нисколько не устраняетъ возможности и соблазна пропивать и вещи, и будущій урожай, и будущіе заработки. Какое существенное значеніе имѣетъ непріемъ залоговъ въ кабакѣ при возможности получить деньги подъ эти залоги въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кабака? Да и въ самомъ ли дѣлѣ питейная торговля въ общественныхъ кабакахъ не сопровождается злоупотребленіями? При общеизвѣстномъ бездѣйствіи надзора, кабацкія злоупотребленія вообще рѣдко обнаруживаются, что̀ видно уже изъ того какою ничтожною цифрой выражается весь итогъ штрафовъ взыскиваемыхъ по всей странѣ за нарушеніе правилъ о питейной торговлѣ. Обнаруженіе же злоупотребленій въ общественныхъ кабакахъ тѣмъ труднѣе что, вопервыхъ, при поблажкахъ которыя имъ оказывались и которымъ они обязаны самымъ своимъ существованіемъ, на многое въ нихъ смотрѣлось сквозь пальцы, а вовторыхъ, сельскія власти и члены самихъ обществъ, состоя участниками въ содержаніи кабаковъ и будучи отвѣтственными за то что̀ въ нихъ происходитъ, уже этимъ самымъ сильно заинтересованы не въ обнаруженіи, а напротивъ въ сокрытіи всякаго рода злоупотребленій, хотя бы цѣной подкупа и даровагоˇугощенія тѣхъ кто могъ бы довести о нихъ до начальства. Притомъ малое число, даже, пожалуй, отсутствіе злоупотребленій въ общественныхъ кабакахъ до настоящаго времени въ значительной мѣрѣ могло зависѣть отъ самой нелегальности ихъ положенія. Не имѣя законнаго права существовать, только что терпимые, общественные кабаки должны были держать ухо востро, дабы не быть закрытыми при первомъ вызванномъ ими неудовольствіи. Но такъ ли будутъ они вести дѣло впредь, когда висѣвшій надъ ними донынѣ Дамокловъ мечъ будетъ снятъ предписаніемъ закона, когда они будутъ существовать на законномъ основаніи? Да и нынѣ въ общественныхъ кабакахъ нѣтъ недостатка въ злоупотребленіяхъ, которыхъ не отрицаютъ сами сторонники этого рода заведеній. Крестьяне вообще не умѣютъ вести свои общественныя дѣла въ должномъ порядкѣ, подтвержденіемъ чего служатъ тяжело ложащіяся на нихъ частыя растраты общественныхъ суммъ волостнымъ и сельскимъ начальствомъ. Кабацкія суммы нисколько не болѣе прочихъ гарантированы и, по сознанію самихъ сторонниковъ общественныхъ кабаковъ, „контрольная часть ихъ страдаетъ;" кромѣ того, сельское начальство, пользуясь своимъ положеніемъ, „попиваетъ даромъ вино, принадлежащее обществу." Въ виду этого, будетъ ли доброю услугой дѣлу крестьянскаго самоуправленія допустить въ деревняхъ общественные кабаки, гдѣ сельскіе власти, столь падкія на вино и не упускающія случая сорвать ведро, другое съ каждаго подвернувшагося имъ крестьянина, получать возможность пить его даромъ когда и сколько имъ угодно? Хорошо будетъ вѣчно пьяное самоуправленіе! Хорошо будетъ это самоуправленіе опирающееся на кабакъ и направленное всего болѣе на успѣхъ кабацкаго промысла!

Кромѣ общихъ соображеній, въ пользу общественныхъ кабаковъ приводятся еще соображенія мѣстнаго свойства. Общественные кабаки пропагандируются какъ средство для успѣшной борьбы съ еврейскою эксплуатаціей; учрежденіе этихъ кабаковъ должно довершить то чего не могъ достичь разгромъ еврейскаго имущества во

время недавнихъ безпорядковъ. Пусть общественные кабаки составляютъ зло, но это зло меньшее сравнительно съ еврейскою эксплуатаціей, которая, захвативъ въ свои руки всѣ питейныя заведенія въ обширныхъ районахъ, съ изумительною ловкостію пользуется ими какъ средствомъ спаиванія народа и высасыванія изъ него всѣхъ соковъ. Но есть ли, спросимъ мы, необходимость замѣнять одно зло другимъ, когда можно избавиться отъ него добрымъ порядкомъ? Вырвите орудіе спаиванія изъ рукъ Евреевъ, но не давайте его и въ руки сельскихъ обществъ. Избавить народъ отъ кабацкой эксплуатаціи дѣло доброе; но хорошо ли ставить самый народъ въ положеніе эксплуататора-кабатчика, хорошо ли узаконять порядокъ при которомъ каждое крестьянское общество отдавалось бы на жертву эксплуатаціи со стороны худшей его части?

Страннымъ явленіемъ въ нашемъ законодательствѣ было бы разрѣшеніе проектируемыхъ общественныхъ заведеній. Крестьянское общество, какъ юридическое лицо, не имѣетъ права вести никакой торговли никакими товарами. Производство всякой торговли дозволяется частнымъ лицамъ и товариществамъ, полнымъ, на вѣрѣ и акціонернымъ, но не крестьянскимъ обществамъ какъ юридическимъ лицамъ. Общаго измѣненія относящихся сюда законоположеній не предвидится; объ общемъ расширеніи торговыхъ правъ крестьянскаго общества, какъ юридическаго лица, нѣтъ и рѣчи. Эти права предполагается расширить только въ одномъ отношеніи, въ отношеніи кабацкаго промысла, только для одного этого промысла дѣлается исключеніе изъ общаго правила. Развитіе въ крестьянской средѣ всякаго рода выгодныхъ промысловъ, конечно, дѣло хорошее; но мы полагали до сихъ поръ что къ числу тѣхъ кустарныхъ и иныхъ промысловъ къ коимъ желательно пріохочивать крестьянъ кабацкій промыселъ вовсе не относится.

№ 275.

Москва, 3-го октября.

Недавняя манифестація газеты *Times* и ея таинственнаго корреспондента, прослѣдившаго, по его собственнымъ словамъ, на мѣстѣ и шагъ за шагомъ политическую интригу стремящуюся отдать весь Балканскій полуостровъ въ руки Австріи и предлагающаго помириться съ этою политикой лишь бы за Англіей было признано нераздѣльное господство надъ Египтомъ,— эта манифестація, какъ и слѣдовало ожидать, возбудила самые оживленные толки въ европейской печати. Эти толки не улеглись до сихъ поръ, несмотря на то что руководящій органъ англійской печати, довольствуясь произведеннымъ эффектомъ, что вѣроятно и имѣлось въ виду, попытался затѣмъ ослабить первое впечатлѣніе доказывая что все высказанное корреспондентами и въ передовой статьѣ *Times* „заключалось лишь въ томъ что на Средиземномъ морѣ предстоятъ перемѣны въ распредѣленіи власти и вліянія, и что для Англіи было бы желательно обезпечить ея путь въ Индію посредствомъ *новой* политики въ Египетскомъ вопросѣ.“ „Перетолковывать это,“ замѣчаетъ далѣе *Times*, „въ смыслѣ предложенія о раздѣлѣ Турціи есть больше чѣмъ недоразумѣніе; это значитъ противорѣчить фактамъ.“ Не знаемъ о какихъ „фактахъ“ говоритъ *Times*; но что касается корреспондента „пріѣзжаго съ Востока,“ который подалъ поводъ ко всѣмъ этимъ толкамъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія что онъ говорилъ именно о ликвидаціи Турецкаго наслѣдства, и если онъ не упомянулъ о „раздѣлѣ“ этого наслѣдства, то лишь потому что, по его мнѣнію, Австріи предстоитъ забрать въ свои руки *все* наслѣдіе Турціи и въ добавленіе къ этому установить свое владычество и надъ Греціей. Корреспондентъ именно рекомендовалъ Англіи *новую* политику, которая должна де заключаться въ томъ чтобы, махнувъ рукой на Босфоръ и предоставивъ Балканскій полуостровъ той участи какую готовитъ ему Австрія въ союзѣ съ Германіей, выговорить себѣ за это полную свободу дѣйствій въ Египтѣ. Если газета *Times* не такъ понимаетъ „новую“ политику, которую она и въ послѣдней своей статьѣ рекомендуетъ Англіи, то позволительно спросить въ чемъ эта новая политика должна заключаться? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе умѣстенъ что и г. Гладстонъ весьма энергически отрекся на дняхъ отъ прежней политики Англіи. Въ рѣчи произнесенной англійскимъ премьеромъ 9 октября въ Лидзѣ, онъ заявилъ что теперешнее Англійское правительство „отступилось нынѣ отъ безумныхъ и преступ-

ныхъ предпріятій“ прежняго кабинета и что ему удалось „изгладить нѣсколько самыхъ несчастныхъ воспоминаній, самыхъ скандалезныхъ страницъ въ лѣтописяхъ англійской исторіи.“ Менѣе всего мы, въ Россіи, будемъ спорить противъ такой характеристики внѣшней политики предмѣстника г. Гладстона. Но не забудемъ что лордъ Беконсфильдъ считалъ Берлинскій трактатъ своимъ величайшимъ тріумфомъ и что графъ Солсбери назвалъ „благою вѣстью“ тотъ наступившій вскорѣ послѣ заключенія этого трактата оборотъ политики который провозгласилъ Австро-Венгрію „универсальнымъ наслѣдникомъ“ Турціи. Правда, г. Гладстонъ протестовалъ, со свойственною ему горячностью выраженій, противъ такой политики и провозгласилъ своимъ девизомъ по отношенію къ австрійскимъ притязаніямъ на Востокѣ энергическій окрикъ „руки прочь!“ Но все это происходило когда г. Гладстонъ еще не былъ главою кабинета. По вступленіи же своемъ въ управленіе онъ не только офиціально отрекся отъ своихъ неумѣренныхъ нападокъ на Австрію, но приложилъ не мало стараній насчетъ „точнаго исполненія Берлинскаго трактата,“ о чемъ не преминулъ упомянуть и въ своей послѣдней рѣчи. А въ то же время газета *Times*, чьи постоянныя связи съ правительствомъ въ данную минуту находящимся во власти ни для кого не тайна, пускаетъ въ ходъ такой новый планъ относительно перехода всего наслѣдія Турціи къ Австріи на который едва ли согласился бы даже исконный другъ послѣдней, покойный лордъ Беконсфильдъ!

Мудрено ли что въ виду всего этого со всѣхъ сторонъ слышатся недоумѣнія относительно истинныхъ намѣреній Англіи, и что ей равно не довѣряютъ какъ тѣ кто считалъ Англію своимъ другомъ когда власть была въ рукахъ торіевъ, такъ и тѣ кто дѣйствительно разсчитывалъ на радикальное измѣненіе ея политики подъ властью г. Гладстона.

Одна лишь австро-венгерская офиціозная печать осталась вѣрна своей антипатіи къ теперешнему англійскому кабинету и не только не привѣтствовала тѣхъ блестящихъ видовъ которые открыты были Австріи первенствующимъ органомъ англійской печати, но поспѣшила отречься отъ этихъ приманокъ, восклицая *timeo Danaos et dona ferentes*. Берлинскія же газеты истолковали дѣло такимъ образомъ, будто бы заманчивыя для Австріи предсказанія газеты *Times* были лишь пробнымъ шаромъ пущеннымъ съ цѣлью открыть кому слѣдуетъ глаза насчетъ истинныхъ стремленій преслѣдуемыхъ австрійскою политикой и поселить раздоръ между державами ближе всего заинтересованными въ судьбахъ Востока. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, замѣчаютъ нѣкоторыя изъ берлинскихъ газетъ: вскорѣ послѣ свиданія въ Данцигѣ, та же газета *Times* выставляла Австрію такою державой которая, участвуя въ возстановленномъ Тройномъ Союзѣ, „заступаетъ въ ономъ не только свои интересы, но и интересы Англіи, потому что Австрія *столь же консервативна* по отношенію къ Востоку, какъ и Англія;“ и вотъ, спустя нѣсколько дней, та же Австрія, по словамъ той же газеты, оказывается замышляющею самый радикальный переворотъ на Балканскомъ полуостровѣ, причемъ и объ англійскомъ консерватизмѣ насчетъ Востока нѣтъ болѣе рѣчи, а напротивъ провозглашаются совершенно новые принципы и коренное измѣненіе прежнихъ способовъ и прежнихъ цѣлей.

Изо всего этого въ Берлинѣ выводятъ то заключеніе что новѣйшіе планы и предположенія газеты *Times* были пущены въ ходъ съ цѣлью возбудить тревогу въ Петербургѣ и Константинополѣ; лучшимъ тому доказательствомъ служитъ де протестъ всей австро-венгерской офиціозной печати противъ разсужденій англійской газеты.

Берлинская печать оставила, однако, безъ возраженія заявленія берлинскаго корреспондента газеты *Times*, который утверждаетъ что еще во время Берлинскаго конгресса князь Бисмаркъ, въ бесѣдахъ съ бывшими въ то время въ Берлинѣ дипломатами, не скрывалъ своего мнѣнія, по которому будущее Балканскаго полуострова принадлежитъ Россіи и Австріи, *или одной изъ нихъ*, и что Англія не имѣетъ никакого интереса противодѣйствовать этому, лишь бы только ей предоставлена была власть надъ Египтомъ. „Я могу подтвердить изъ достовѣрнаго источника,“ сообщаетъ далѣе корреспондентъ, „что князь Бисмаркъ до сихъ поръ не перемѣнилъ своего взгляда и что онъ не только не воспротивился бы осуществленію политики рекомендуемой вами, а напротивъ, одинъ изъ первыхъ содѣйствовалъ бы оной, такъ какъ она вполнѣ согласуется съ

исторіей и съ естественнымъ ходомъ вещей."

Замѣчательно что содержаніе этой корреспонденціи было передано по телеграфу далеко не точно. Въ телеграфномъ изложеніи взглядъ князя Бисмарка былъ переданъ такимъ образомъ какъ будто онъ считаетъ что Россіи должна принадлежать восточная, а Австріи западная часть Балканскаго полуострова. Въ текстѣ же корреспонденціи совсѣмъ не упоминается о такомъ „продольномъ" дѣленіи Балканскаго полуострова и допускается не только совмѣстное владычество Россіи и Австріи, но и одной изъ нихъ. А такъ какъ, по дальнѣйшему удостовѣренію корреспондента, князь Бисмаркъ охотно содѣйствовалъ бы осуществленію плана предложеннаго на столбцахъ лондонской газеты, плана, по которому Австріи должно достаться все наслѣдіе Турціи на Балканскомъ полуостровѣ, то и выходитъ будто бы князь Бисмаркъ считалъ именно этотъ планъ соотвѣтствующимъ „исторіи и естественному ходу вещей."

№ 277.

Москва, 5-го октября.

Какая цѣль подготовляемой нынѣ питейной реформы, въ чемъ ея главная задача? Она, конечно, не можетъ заключаться въ томъ чтобы въ теперешнихъ правилахъ о питейной торговлѣ сдѣлать лишь кое-какія урывки и урѣзки, какъ это не разъ дѣлалось, наложить нѣсколько заплатокъ на износившуюся питейную систему и подставить къ ней нѣсколько подпорокъ. Вести дѣло въ такомъ направленіи значило бы только дать противникамъ улучшеній въ питейномъ дѣлѣ новый поводъ торжествовать утверждая что зло неизлѣчимо, что никакія мѣры противъ него недѣйствительны, что остается только помириться съ нимъ и извлекать изъ него возможныя и невозможныя выгоды.

Задача реформы не можетъ также заключаться въ томъ чтобы насильственными мѣрами принудить народъ къ трезвости; въ ея задачу не входятъ ни ограниченіе свободы въ дѣлѣ потребленія спиртныхъ напитковъ, ни отнятіе у казны основанныхъ на этомъ потребленіи доходовъ, даваемыхъ едва ли не самымъ справедливымъ, едва ли не самымъ раціональнымъ изо всѣхъ косвенныхъ налоговъ.

Замѣна неправильнаго употребленія питей правильнымъ, вотъ одно что̀ требуется. Указать въ существующихъ порядкахъ то что̀ мѣшаетъ правильному потребленію, искусственно вызывая неправильное, соблазняя пить не тогда когда это дѣйствительно нужно, и притомъ, пить въ количествѣ несоразмѣрномъ съ потребностію организма и съ разумною волей пьющаго, — вотъ первая задача въ питейномъ вопросѣ. Затѣмъ вторая—предложить такую постановку для питейной торговли которая, не налагая невызываемыхъ необходимостью стѣсненій на продажу питей (съ коею связаны важные бюджетные интересы), устранила бы соблазнъ питейной торговли, увлекающій въ пьянство и людей преданныхъ этому пороку, и людей чуждыхъ ему, но не обладающихъ силой воли которая могла бы не поддаваться встрѣчающимся ежеминутно и на каждомъ шагу искушеніямъ.

Каждому ясно что вообще не въ самой продажѣ спиртныхъ напитковъ заключается губительный для народа соблазнъ, а въ продажѣ ихъ *съ распитіемъ на мѣстѣ*; что не въ винѣ, а въ кабакахъ и однородныхъ съ ними заведеніяхъ заключается зло которое необходимо устранить. Это мѣста заманивающія крестьянина зайти и выпить, хотя бы въ этомъ не было надобности и хотя бы это было противно его доброй разумной волѣ; это мѣста заманивающія человѣка, зашедшаго выпить на пятачекъ, пить затѣмъ еще и еще, то по примѣру и уговору другихъ, то принимая чужое угощеніе, то отплачивая за него своимъ, и кончать за частую потерей сознанія, причемъ уже безразчетно пропиваются всѣ достатки, и человѣкъ становится жертвой всякой преступной эксплуатаціи темнаго люда. Мѣста распивочной продажи—вотъ гдѣ истинный разсадникъ пьянства, главная причина народнаго разоренія, главная школа разврата, которую поневолѣ проходитъ народъ, осужденный нести на себѣ кабацкое иго, едва ли не болѣе тяжкое по своимъ послѣдствіямъ чѣмъ упраздненное крѣпостное ярмо.

Теперь спрашивается: въ томъ ли задача чтобы, не снимая съ народа кабацкаго ига, только передать его изъ однѣхъ рукъ въ другія, изъ рукъ кабатчиковъ въ руки многоголовыхъ кабацкихъ корпора-

цій—сельскихъ обществъ? Въ томъ ли задача чтобы только перемѣнить систему кабалы замѣнивъ кабацкую трактирною, замѣнивъ меньшій соблазнъ бо́льшимъ и болѣе губительнымъ? То ли, наконецъ, желательно чтобы бѣдствіе, отъ котораго терпитъ вся Русь, было устранено не вполнѣ, а лишь отчасти, чтобы кое-какимъ численнымъ сокращеніемъ кабацкихъ вертеповъ сдѣлана была лишь кое-какая уступка надоѣдливымъ на нихъ жалобамъ? Ради чего можетъ быть нужно бережно охранять и упрочивать эти гнѣзда заразы въ какомъ бы то ни было числѣ и въ какой бы то ни было формѣ? Гдѣ неодолимое препятствіе къ тому чтобъ устранить соблазнъ вполнѣ, вырвать зло съ корнемъ?

Такихъ препятствій нѣтъ ни въ финансовыхъ интересахъ государства, ни въ нуждахъ народа. Народу нужно вино, а не кабаки. Какъ ни опутана вся страна кабацкою сѣтью, какъ ни мелки ячейки этой сѣти, какъ ни часты ея узлы, все еще, слава Богу, остаются у насъ селенія не имѣющія въ себѣ ни кабаковъ, ни трактировъ; еще остались у насъ кое-гдѣ мѣстности гдѣ эти заведенія расположены на дальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Что́ же, бѣдствуютъ эти обойденныя кабаками селенія, терпятъ лишенія отъ неимѣнія ихъ у себя, нуждаются въ этихъ „деревенскихъ клубахъ“ облюбленныхъ нашими „либералами?“ Огромная масса селеній гдѣ на людской памяти вовсе не было ни кабаковъ, ни трактировъ нисколько не плакалась на недостатокъ въ нихъ. Не по ихъ желанію завелись у нихъ несчетные кабаки и трактиры, но вслѣдствіе законодательной ошибки сдѣланной при отмѣнѣ откуповъ, ошибки, которую нынѣ правительство желаетъ исправить. Не для удовлетворенія народной нужды появились въ деревняхъ распивочныя питейныя заведенія, а ради эксплуатаціи народа, ради наживы на его счетъ. Указываютъ на возникновеніе общественныхъ кабаковъ какъ на доказательство потребности въ нихъ. Но такъ ли это? Припомнимъ исторію ихъ возникновенія и обстоятельства тому предшествовавшія.

Прежде чѣмъ самому открывать кабаки, народъ сдѣлалъ все что́ могъ для ихъ закрытія. Онъ доказалъ свое желаніе отдѣлаться отъ кабаковъ хотя бы цѣною лишеній, цѣной отказа отъ вина. Безъ стороннихъ внушеній, не во исполненіе чьей-либо напередъ установленной програмы, но по собственной иниціативѣ народной вездѣ стали открываться общества трезвости. Всѣ помнятъ какіе широкіе размѣры приняло это движеніе въ сѣверо-западномъ краѣ, въ Ковенской и Виленской губерніяхъ. Но это движеніе не было мѣстнымъ, оно обнимало всю Россію. Въ то самое время какъ возникали общества трезвости въ Ковенской губерніи, подобныя же общества возникли за тысячи верстъ оттуда, въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской, въ Никополѣ Екатеринославской, и вскорѣ потомъ чуть не во всѣхъ губерніяхъ отъ Петербурга до Перми и Сибири. То и дѣло сообщались мірскіе приговоры объ учрежденіи обществъ трезвости, то и дѣло приходилось читать и слышать какъ въ разныхъ мѣстахъ крестьяне собирались въ церкви, служили молебны и затѣмъ давали зарокъ не пить водки. Письменныя обязательства въ этомъ смыслѣ подписывались цѣлыми деревнями, цѣлыми волостями, причемъ крестьяне сами опредѣляли штрафъ и тѣлесныя наказанія нарушителямъ зарока, выбирая особыхъ старшинъ для надзора за соблюденіемъ трезвости. Во многихъ селахъ мірскими приговорами не запрещалось пить водку, но постановлялось чтобы *пили ее дома, а не въ кабакѣ*. Это повсемѣстное движеніе, наканунѣ предстоявшаго освобожденія крестьянъ, росло быстро и въ такихъ размѣрахъ что не только множество кабаковъ, но и нѣсколько винокуренныхъ заводовъ должны были закрыться, нѣкоторые откупщики оказались несостоятельными, и нужно было посылать чиновниковъ для сбора акциза хозяйственнымъ способомъ. Церковь и ея служители подкрѣпляли народъ въ его добромъ начинаніи. Одна за другою посылались въ Петербургъ жалобы на священниковъ за то что они воздерживаютъ народъ отъ пьянства. Тогдашняя свѣтская администрація дала ходъ этимъ жалобамъ, препроводивъ ихъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Но Синодъ отвѣчалъ на нихъ благословеніемъ „священнослужителямъ ревностно содѣйствовать возникновенію въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина.“ Кабатчики потребовали отмѣны указа Св. Синода „ибо, при содѣйствіи его, общества трезвости разведутся повсемѣстно,“ и до-

бились своего. Сперва оберъ-прокурору Св. Синода было сообщено „что совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простаго народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній *не должно быть допускаемо*, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго потребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе." А затѣмъ сдѣлано было прямое распоряженіе: приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходокъ для сей цѣли нигдѣ не допускать...

Народное движеніе противъ кабаковъ было подавлено. Восторжествовавшій въ послѣдніе дни откуповъ кабакъ окончательно воцарился въ сельскомъ мірѣ съ ихъ отмѣною. Мѣсто церковныхъ увѣщаній о воздержаніи заступилъ соблазнъ повсемѣстно и изобильно предлагаемой народу „дешевки." Это было истинное нашествіе на Россію цѣлой арміи кабатчиковъ основавшейся болѣе чѣмъ въ 250.000 питейныхъ заведеній. Что оставалось дѣлать народу въ виду этого нашествія, въ виду невозможности избавиться отъ кабака? И вотъ, съ 1864 года начинаютъ приходить извѣстія объ учрежденіи крестьянами то тутъ, то тамъ общественныхъ питейныхъ заведеній... Нѣтъ, не стѣсненіемъ, а благодѣяніемъ для народа будетъ повсемѣстное прекращеніе продажи вина съ распитіемъ на мѣстѣ, за исключеніемъ лишь тѣхъ немногихъ, требующихъ строгаго опредѣленія, случаевъ гдѣ распивочная продажа (какъ, напримѣръ, въ буфетахъ, въ городскихъ трактирахъ, кое-гдѣ въ постоялыхъ дворахъ и корчмахъ) можетъ быть допущена.

Для государственныхъ финансовыхъ интересовъ сохраненіе или отмѣна распивочной питейной продажи не имѣетъ особенно серіознаго значенія. Патентный сборъ съ распивочной продажи играетъ такую малую роль въ бюджетѣ что повышенія акциза на одну копѣйку съ градуса (а не мѣшало бы поднять акцизъ въ гораздо большемъ размѣрѣ, въ пользу чего слышатся голоса изъ среды самого народа) болѣе чѣмъ достаточно чтобы съ лихвой покрыть даже полную потерю всѣхъ сборовъ нынѣ взимаемыхъ съ кабаковъ и трактировъ. Еслибы закрытіе массы распивочныхъ заведеній и повело къ нѣкоторому сокращенію питейнаго дохода, правительство, какъ извѣстно, заранѣе мирится съ такимъ исходомъ реформы, требуя лишь чтобы сокращеніе питейнаго дохода не было чрезмѣрнымъ, такимъ которое создало бы слишкомъ большія бюджетныя затрудненія *). Притомъ, всякіе казенные недочеты отъ прекращенія распивочной продажи, какъ можно предвидѣть, будутъ только временные. Съ устраненіемъ неправильнаго потребленія питей, развиваемаго распивочными заведеніями, начнетъ расти, подавляемое ими нынѣ, правильное, домашнее потребленіе вина. Съ поднятіемъ народнаго благосостоянія, коему мѣшаетъ нынѣ кабацкая чума, водка болѣе и болѣе будетъ входить въ кругъ обычнаго, правильнаго, ежедневнаго потребленія; не разоряясь и не развращаясь, народъ будетъ пить больше чѣмъ теперь, къ прямой выгодѣ казны.

Что же, въ виду всего этого, при такихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ къ совершенію самого благаго для страны дѣла, — условіяхъ столь не похожихъ на тѣ какія были въ полной силѣ двадцать лѣтъ тому назадъ,—мѣшаетъ нынѣ разъ навсегда покончить съ кабакомъ и съ подходящими къ нему заведеніями? Откуда эта робость предъ кабакомъ, боязнь поднять на него руку? Неужели, воспитанные при долговременномъ господствѣ кабака, мы настолько прониклись духомъ раболѣпія предъ нимъ что даже и въ мысли не въ силахъ отъ него освободиться? Или можетъ-быть, въ понятіяхъ иныхъ, кабакъ представляетъ собою такой государственный устой на которомъ все держится, безъ котораго все рушится, такъ что можно всего касаться, но только нельзя тронуть разоряющаго и губящаго народъ кабака?

Но если такого безсилія нѣтъ, если никакой робости предъ кабаками и быть не можетъ, если главная задача заключается въ освобожденіи народа отъ сосущихъ его кровь кабаковъ и кабатчиковъ, въ томъ чтобы смести съ земли эту саранчу, эту тлю,—къ чему въ такомъ случаѣ всѣ эти многорѣчивые толки о томъ кому спаивать народъ, кому содержать кабаки, частнымъ лицамъ или крестьянскимъ обществамъ, о

*) См. рѣчь управляющаго Министерствомъ Финансовъ при открытіи „Совѣщанія" свѣдущихъ людей. *Моск. Вѣд.* № 268.

томъ кому должно быть предоставлено право разрѣшать открытіе этихъ домовъ соблазна, разоренія и разврата? Не праздные ли это вопросы, отклоняющіе людей отъ тѣхъ сторонъ дѣла на которыхъ должно быть сосредоточено все вниманіе? Снять съ народа тяготѣющее на немъ вѣковое кабацкое проклятіе—дѣло неотложное, дѣло великое. И время благопріятно его совершенію. Неужели эта благопріятная минута, которая, пожалуй, не скоро вернется, будетъ упущена? Неужели великое дѣло будетъ размѣнено на мелочи?

Нѣтъ, быть не можетъ.

№ 278.

Москва, 6-го октября.

Еще съ весны возобновились у насъ толки о преобразованіи высшаго мѣстнаго военнаго управленія, то-есть военныхъ округовъ, или точнѣе — о замѣнѣ ихъ болѣе крупными единицами нѣсколько иного характера, на подобіе прусскихъ *инспекцій*.

Теперь предложенія въ этомъ смыслѣ начинаютъ осуществляться: въ Петербургѣ уже съѣхались высшіе военные начальники, призванные, какъ утверждаютъ, для обсужденія основаній предполагаемой военно-административной реформы, и нѣкоторыя указанія на близость ея можно найти даже въ послѣднихъ приказахъ по военному вѣдомству. Такъ, напримѣръ, приказомъ отъ 30 августа за № 246, упразднившимъ должности начальниковъ мѣстныхъ войскъ въ округахъ, обязанности этихъ начальниковъ по надзору за госпиталями возложены на начальниковъ окружныхъ штабовъ временно, „впредь до особаго распоряженія," которое должно измѣнить все дѣлопроизводство по этому предмету и самый составъ окружнаго штаба.

Реформа, о которой идетъ рѣчь, вызывается не какими-либо общими теоретическими соображеніями о переустройствѣ арміи; надобность въ ней указана самимъ дѣломъ, всею исторіей нашей военной организаціи послѣдняго времени.

До 1862 года наши войска и въ мирное время дѣлились на тѣ же административно-командныя части какъ и въ военное. У насъ были „арміи," и „корпуса," частію входившіе въ составъ армій, частію такъ-называемые „отдѣльные." Крымская кампанія, указавъ на нѣкоторые недостатки нашей организаціи, вызвала вопросъ объ ея измѣненіи. По мнѣнію Военнаго Министерства, изложенному во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1862 года, „устройство военнаго управленія отличалось крайнею централизаціей, которая уничтожала всякую иниціативу административныхъ органовъ, стѣсняла ихъ мелочною опекой и въ то же время лишала высшія власти возможности неупустительнаго, фактическаго контроля за дѣйствіями подчиненныхъ лицъ и установленій." Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія Военное Министерство признавало переходъ къ военно-окружной системѣ, причемъ въ лицѣ начальника округа могли быть слиты „обязанности и значеніе корпуснаго командира, генералъ-губернатора (по военной части) и начальника внутренней стражи." Вмѣстѣ съ этимъ предполагалось облегчить обязанности центральныхъ органовъ Министерства передавъ въ военные округа нѣкоторыя его обязанности, особенно по хозяйственной части.

Обстоятельства побудили перейти къ окружной системѣ ранѣе нежели предполагалось, такъ что лѣтомъ 1862 года были уже образованы округа Кіевскій, Виленскій и Варшавскій. Но положеніе объ округахъ было выработано только къ 1864 году и введено повсемѣстно лишь къ началу 1866 года. Затѣмъ къ началу 1871 года всѣхъ военныхъ округовъ считалось четырнадцать, число сохранявшееся до настоящаго года, когда упраздненъ округъ Оренбургскій. Съ учрежденіемъ военныхъ округовъ, въ мирное время крупными войсковыми единицами были оставлены только дивизіи, что, по мнѣнію Министерства, „представляло ту выгоду что вмѣстѣ съ мобилизаціей войска могли быть соединены въ корпуса и отряды такой силы и состава какіе признаны будутъ необходимыми, а штабы армій, корпусовъ и отрядовъ формировались бы выборомъ способнѣйшихъ офицеровъ изо всей арміи." Хотя старой системѣ, говорилось во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1862 года, „и приписывалась та выгода что въ случаѣ приведенія на военное положеніе армія имѣла уже готовые штабы и войска выступали въ походъ подъ начальствомъ знающихъ ихъ начальниковъ, однакоже выгоды эти не осуществились на практикѣ, и въ войну 1853—1856 годовъ *ни одинъ корпусъ не оставался въ полномъ составѣ*," тѣмъ болѣе что „опытъ нѣсколь-

кихъ послѣднихъ войнъ указалъ что наши корпуса слишкомъ крупны." Вообще же, по мнѣнію доклада, „средства которыя тратились въ мирное время на содержаніе корпусныхъ штабовъ не приносили пользы въ военное, а потому упраздненіе ихъ выгодно въ экономическомъ отношеніи, не заключая никакихъ неудобствъ въ отношеніи военномъ."

Такимъ образомъ по самой мысли введенія военно-окружной системы, она исключала совмѣстное существованіе корпусовъ какъ постоянныхъ войсковыхъ единицъ. Съ учрежденіемъ округовъ мы перешли ко французской территоріальной системѣ военнаго управленія, представлявшей, казалось, немалыя выгоды.

Но только что установилась у насъ военно-окружная система, едва прошло восемь лѣтъ съ перваго шага въ этомъ направленіи, какъ кровавый опытъ кампаніи 1870 года наглядно показалъ несостоятельность основныхъ началъ французской военной системы, подтвердивъ необходимость, именно въ видахъ быстрой и правильной мобилизаціи, держать войска и въ мирное время организованными какъ требуютъ военныя соображенія, т.-е. раздѣленными на арміи, корпуса и дивизіи. Намъ пришлось возвращаться назадъ или, точнѣе, перейти отъ французской военной системы къ германской, оказавшейся на опытѣ лучшею. Этотъ переходъ начался въ 1874 году изданіемъ „Устава о воинской повинности," за которымъ вскорѣ послѣдовали распоряженія объ учрежденіи бригадъ и корпусовъ. Распоряженія эти оставались однако на бумагѣ до самой войны 1877 года, когда постепенно одинъ за другимъ сформировались у насъ корпуса, сохранившіеся съ небольшими измѣненіями и до сихъ поръ. Всѣхъ корпусовъ у насъ девятнадцать.

Но рядомъ съ учрежденіемъ корпусовъ въ самый моментъ мобилизаціи сохранились во всей неприкосновенности и военные округа, что вноситъ двойственность въ наше военное управленіе и въ значительной мѣрѣ поднимаетъ его стоимость безъ особой пользы для дѣла, такъ какъ изъ сопоставленія цифры округовъ съ цифрою корпусовъ и вновь сформированныхъ мѣстныхъ бригадъ оказывается что командующій войсками въ округѣ, въ среднемъ выводѣ, есть начальникъ $1^1/_3$ корпуса и $1^1/_2$ мѣстной бригады.

Отсюда уже сама собою возникаетъ мысль о возможности и пользѣ замѣнить округъ болѣе крупными командными единицами. Подобными единицами въ Германіи являются инспекціи, которыхъ тамъ не тринадцать, какъ у насъ округовъ, а только пять.

Мысль эта, помимо финансовыхъ сбереженій кои она сулитъ, даетъ еще возможность большей децентрализаціи военнаго управленія, такъ какъ пяти или шести главнымъ начальникамъ такихъ инспекцій всегда могутъ быть предоставлены бо́льшія полномочія и болѣе обширный кругъ дѣятельности нежели командующимъ войсками въ округахъ, которые, по основному плану нашей военно-окружной системы, являлись не болѣе какъ корпусными командирами. Децентрализація эта, между тѣмъ, является существенно-необходимою, такъ какъ вслѣдствіе многочисленныхъ преобразованій и перемѣнъ по военному вѣдомству послѣдовавшихъ съ 1862 года, а также съ развитіемъ нашихъ военныхъ силъ, обязанности лежащія на центральныхъ органахъ Министерства весьма усложнились и увеличились. Въ Германіи это затрудненіе обойдено раздѣленіемъ военнаго министерства на двѣ самостоятельныя части, собственно военное министерство вѣдающее хозяйство войскъ, и управленіе начальника генеральнаго штаба, вѣдающее все остальное. Предположенія о такомъ раздѣленіи года два тому назадъ, вмѣстѣ съ вопросомъ о военныхъ округахъ, возникали и у насъ, но были признаны не вполнѣ соотвѣтствующими нашимъ обстоятельствамъ. Затрудненія кои встрѣчаетъ на каждомъ шагу наше Военное Министерство въ своей дѣятельности обусловливаются, помимо другихъ причинъ, обширностію нашей территоріи, возникающимъ отсюда разнообразіемъ мѣстныхъ условій, громадностью нашихъ разстояній и сравнительно слабымъ развитіемъ нашихъ средствъ сообщенія. Понятно что для устраненія этихъ затрудненій есть одно только вполнѣ надежное средство: бо́льшая децентрализація военнаго управленія, однажды уже приведшая насъ къ военно-окружной системѣ, объ измѣненіи и улучшеніи которой сообразно съ новою организаціей арміи и идетъ теперь дѣло.

№ 279.

Москва, 7-го октября.

Посѣтилъ ли Гамбетта князя Бисмарка въ Фарцинѣ, или не посѣтилъ? Вотъ вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго трудится въ настоящее время бо́льшая часть европейской печати. Казалось бы что надъ подобною „фактическою матеріей,“ какъ выражаются Англичане, нечего ломать голову, ибо одно изъ двухъ, либо свиданіе имѣло мѣсто, но участники рѣшились сохранить оное въ тайнѣ, либо его вовсе не было. Во всякомъ случаѣ „изысканія“ печати останутся сомнительными доколѣ со стороны князя Бисмарка, или г. Гамбетты, не послѣдуетъ прямаго подтвержденія, или опроверженія. Тѣмъ не менѣе изслѣдованіе производится усердно. Никакихъ прямыхъ доказательствъ до сихъ поръ не имѣется; косвенную же улику газеты усматриваютъ въ томъ что до сихъ поръ не послѣдовало опроверженія съ компетентной стороны. Независимо отъ этого, различные органы печати, особливо нѣмецкой, — которая первоначально, когда слухъ о свиданіи только что возникъ, отнеслась къ оному съ крайнею недовѣрчивостью,—произвели по этому предмету свое собственное дознаніе. Этимъ дознаніемъ несомнѣнно удостовѣрены, по словамъ нѣмецкихъ газетъ, по крайней мѣрѣ слѣдующіе факты: въ послѣднихъ числахъ сентября г. Гамбетта исчезъ изъ Парижа, и отсутствіе его продолжалось около двухъ недѣль. Это удостовѣрили парижскія газеты, коихъ сообщенія о пути по коему направился г. Гамбетта оказались невѣрными. Дальнѣйшія изслѣдованія нѣмецкихъ газетъ удостовѣрили что г. Гамбетта прибылъ 22 сентября въ Гамбургъ и пробылъ тамъ четыре дня, сохраняя полнѣйшее инкогнито. Въ гостиницѣ, гдѣ онъ остановился, онъ назвалъ себя „Массаби, адвокатъ изъ Парижа.“ Изъ Гамбурга таинственный незнакомецъ направился въ Любекъ. 1 октября его видѣли въ Данцигѣ; по дорогѣ изъ Любека на Штеттинъ въ Данцигъ онъ не могъ миновать станцію Шлаве, отъ которой по близости находится Фарцинъ, имѣніе князя Бисмарка; а такъ какъ между отъѣздомъ г. Массаби изъ Любека и появленіемъ его въ Данцигѣ прошло пять дней, тогда какъ эта поѣздка можетъ быть совершена въ одинъ день, то предположеніе объ остановкѣ въ Фарцинѣ, и притомъ довольно продолжительной, получаетъ, по мнѣнію нѣмецкихъ газетъ, большое вѣроятіе.

Новое и весьма важное подкрѣпленіе этихъ догадокъ, остающихся до сихъ поръ безъ всякаго опроверженія, усматривается въ интересномъ сообщеніи парижскаго корреспондента *Times*, извѣстнаго г. Бловица, коимъ и онъ съ своей стороны подкрѣпляетъ предположеніе о состоявшемся свиданіи между имперскимъ канцлеромъ и французскимъ эксъ-диктаторомъ, готовящимся принять въ свои руки управленіе дѣлами Франціи покамѣсть въ качествѣ президента совѣта министровъ. Вотъ что̀ передаетъ корреспондентъ лондонской газеты изъ своего неисчерпаемаго повидимому запаса воспоминаній о Берлинскомъ конгрессѣ. Въ іюлѣ 1878 онъ былъ приглашенъ къ обѣду у князя Бисмарка вмѣстѣ съ княземъ Гоэнлоэ, германскимъ посломъ въ Парижѣ, и членомъ того же посольства, барономъ Гольштейномъ. Въ присутствіи этихъ дипломатовъ, князь Бисмаркъ сказалъ г. Бловицу: „Гамбетта! Вотъ человѣкъ съ которымъ я желалъ бы свидѣться прежде нежели умру. Что̀ бы объ немъ ни говорили, это человѣкъ очень замѣчательный. Онъ цѣлою головой выше всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Мнѣ говорили что онъ отличается неотразимыми качествами какъ собесѣдникъ; но есть мнѣніе что тотъ кто обладаетъ даромъ очаровательнаго собесѣдника никогда не будетъ великимъ государственнымъ человѣкомъ.“ Въ теченіи обѣда князь Бисмаркъ еще разъ вернулся къ разговору о Гамбеттѣ, и вновь выразилъ желаніе съ нимъ свидѣться. Г. Бловицъ вынесъ убѣжденіе что князь Бисмаркъ не даромъ завелъ при немъ рѣчь о г. Гамбеттѣ и что этимъ ему косвеннымъ образомъ дано порученіе устроить это свиданіе, или по крайней мѣрѣ подготовить для онаго почву, „такъ какъ,“ прибавляетъ г. Бловицъ, „князь Бисмаркъ зналъ о моемъ знакомствѣ съ Гамбеттой и что по возвращеніи въ Парижъ я съ нимъ увижусь и передамъ ему то что̀ слышалъ о немъ отъ князя Бисмарка.“ Послѣ обѣда г. Бловицъ высказалъ князю Гоэнлоэ и барону Гольштейну какъ онъ понялъ слова князя Бисмарка и оба они не только подтвердили его предположеніе, но баронъ Гольштейнъ на другой день сообщилъ ему что князь Бисмаркъ дѣй-

ствительно имѣлъ въ виду поручить ему устроить свиданіе съ Гамбеттой и предложить послѣднему пріѣхать для этого въ Киссингенъ, куда князь Бисмаркъ предполагалъ отправиться по окончаніи конгресса. Свиданіе это должно было быть сохранено въ строжайшемъ секретѣ. При этомъ баронъ Гольштейнъ внушилъ г. Бловицу что ему слѣдуетъ вывѣдать отъ г. Гамбетты его сокровенныя мысли насчетъ того думаетъ ли онъ о возобновленіи войны между Германіей и Франціей. Во всякомъ случаѣ ему поручено было передать г. Гамбеттѣ что при свиданіи не должно быть рѣчи объ измѣненіи существующихъ трактатовъ.

По возвращеніи въ Парижъ, разказываетъ далѣе г. Бловицъ, онъ передалъ г. Гамбеттѣ о разговорѣ происходившемъ у князя Бисмарка и о послѣдующихъ своихъ переговорахъ съ барономъ Гольштейномъ. Г. Гамбетта изъявилъ согласіе вступить въ переговоры о свиданіи и, на вопросъ г. Бловица, считаетъ ли онъ возможнымъ сохранить въ тайнѣ свою поѣздку въ Киссингенъ, отвѣтилъ: „будьте покойны, я умѣю, когда мнѣ нужно, замести мой слѣдъ *(faire perdre ma piste)*.“ О согласіи г. Гамбетты вступить въ переговоры о свиданіи г. Бловицъ передалъ князю Гоэнлоэ, который просилъ его явиться къ нему за отвѣтомъ черезъ два дня. Но тутъ на г Бловица, согласно его разказу, напало вдругъ сомнѣніе, „долженъ ли онъ принять на себя отвѣтственность въ столь важномъ дѣлѣ.“ Сомнѣніе это привело къ тому что онъ къ г. Гамбеттѣ не пошелъ и не передалъ ему отвѣта князя Гоэнлоэ, а затѣмъ князь Бисмаркъ уѣхалъ изъ Киссингена, и корреспондентъ *Times* счелъ свое порученіе оконченнымъ. Выходитъ такимъ образомъ что свиданіе не состоялось въ 1878 только вслѣдствіе того что г. Бловицемъ овладѣло сомнѣніе. Но на основаніи всѣхъ изложенныхъ имъ фактовъ онъ думаетъ что свиданіе между княземъ Бисмаркомъ и г. Гамбеттой, о коемъ теперь говорятъ какъ о совершившемся фактѣ, весьма вѣроятно.

Было бы слишкомъ наивно думать что князь Бисмаркъ желалъ свиданія съ г. Гамбеттой съ тою цѣлью дабы насладиться „неотразимою прелестью“ личной съ нимъ бесѣды. Съ другой стороны, нельзя не имѣть въ виду что одинъ слухъ о подобномъ свиданіи, хотя бы и не подтвержденный неопровержимыми данными, легко можетъ быть обращенъ противъ г. Гамбетты, и его противники уже не преминули этимъ воспользоваться для новой и яростной агитаціи противъ него.

Что же могло бы побудить г. Гамбетту пренебречь этимъ и отправиться въ Фарцинъ, если онъ тамъ дѣйствительно былъ, и что могло бы заставить его облечь свою поѣздку въ такую непроницаемую доселѣ тайну?

Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ, повидимому, искать въ тѣхъ обстоятельствахъ при которыхъ г. Гамбетта готовится принять въ свои руки правительственную власть надъ Французскою республикой. Къ этой власти онъ терпѣливо и неустанно стремился въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, съ тѣмъ чтобы, захвативъ ее разъ въ свои руки, надолго съ ней не разставаться. Онъ потому только и отказывался нѣсколько разъ отъ нея что до сихъ поръ не вполнѣ былъ увѣренъ въ ея прочности. Онъ потому только и настаивалъ на преобразованіи системы депутатскихъ сенатскихъ выборовъ что желалъ создать себѣ въ обѣихъ палатахъ сильное, сплошное и вполнѣ преданное ему большинство. Одержавъ несомнѣнную побѣду на послѣднихъ выборахъ, г. Гамбетта считаетъ теперь что время его уже настало и что если только принять нѣкоторыя предосторожности, то будущее его министерство займетъ въ странѣ прочную и сильную позицію и дѣйствительно заслужитъ то прозваніе „великаго“ которымъ уже заранѣе окрестили его какъ друзья, такъ и противники. А предосторожности двоякаго рода: однѣ касаются внутренней, другія внѣшней политики.

Г. Гамбетта прежде всего не хочетъ брать на себя отвѣтственности за тѣ промахи которые за послѣднее время были сдѣланы министерствомъ Ферри какъ во Франціи, такъ въ особенности въ Африкѣ. Поэтому онъ при своемъ послѣднемъ свиданіи съ президентомъ республики рѣшительно отклонилъ отъ себя предложеніе составить новый кабинетъ до тѣхъ поръ пока не соберется новый парламентъ и пока министерство Ферри не отдастъ этому парламенту полнаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. По той же самой причинѣ онъ не хочетъ дать въ своемъ будущемъ министерствѣ никакого мѣста теперешнему министру-президенту Жюлю Ферри, изъ-

явившему готовность быть „лейтенантомъ“ г. Гамбетты, лишь бы только не разставаться со своимъ министерскимъ портфелемъ. Г. Гамбетта очевидно хочетъ начать свое правленіе съ совершенно новымъ министерствомъ, которое не было бы замѣшано въ созданіи нынѣшнихъ неурядицъ и затрудненій.

Но прочность будущаго кабинета г. Гамбетты едва ли бы была достигнута еслибъ онъ заранѣе не обезпечилъ себя со стороны внѣшней политики. Популярностью своею во Франціи бывшій диктаторъ обязанъ главнымъ образомъ своей защитѣ Франціи въ 1870—1871 году, а также тому обстоятельству что онъ одинъ изо всѣхъ государственныхъ людей Франціи имѣлъ рѣшимость отъ времени до времени напоминать Французамъ о необходимости возсоединенія отторгнутыхъ Альзаса и Лотарингіи. Таковъ былъ смыслъ его рѣчей произнесенныхъ прошлаго года въ Шербургѣ и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Бельвилѣ. Послѣ каждой изъ этихъ рѣчей, нѣмецкая печать приходила въ волненіе и начинала по всей линіи бить тревогу. Противники г. Гамбетты во Франціи пользовались этимъ всякій разъ чтобы выставлять его олицетвореніемъ войны съ Германіей, мысль о которой пугаетъ мирныхъ Французовъ. Поэтому легко можно было ожидать что переходъ правительственной власти въ руки г. Гамбетты вызвалъ бы новую воинственную тревогу въ Германіи, а слѣдовательно и новый паническій страхъ во Франціи. Положеніе г. Гамбетты могло бы тогда сдѣлаться весьма критическимъ, и ему можетъ-быть пришлось бы, для успокоенія страны или публично отречься отъ всякой идеи *реванша*, то-есть отказаться отъ популярности, ибо патріотизмъ Французовъ все-таки непремѣнно требуетъ реванша, но только безъ кровопролитія, — или же выпустить изъ рукъ правительственную власть, то-есть разбить свой политическій престижъ и можетъ-быть надолго, если не навсегда, отказаться отъ своихъ завѣтныхъ надеждъ и мечтаній. При такихъ обстоятельствахъ для г. Гамбетты могло быть дѣломъ простаго разчета: предъ принятіемъ правительственной власти заручиться благосклонностью Германіи, но безъ *публичнаго* предъ нею униженія. Этотъ разчетъ могъ побудить г. Гамбетту къ *тайному* свиданію съ княземъ Бисмаркомъ. Теперь эту тайну выставляютъ раскрытою, и на г. Гамбетту уже посыпались упреки со стороны французскихъ монархистовъ и радикаловъ. Всѣ они обвиняютъ его въ томъ что онъ „ѣздилъ въ Каноссу“ и что отнынѣ онъ находится „на службѣ у Прусскаго короля.“ Но такъ какъ эти господа въ своихъ обвиненіяхъ ни на чемъ положительномъ основываться не могутъ, то производимый ими шумъ только усиливаетъ популярность г. Гамбетты въ глазахъ массы французской публики, для которой во всякомъ случаѣ лестно что первый государственный человѣкъ XIX вѣка какъ равный съ равнымъ договаривается съ ея любимцемъ, котораго ставитъ „цѣлою головой выше его соотечественниковъ.“

Свидѣлся ли князь Бисмаркъ съ Гамбеттой мы не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ интересно что всѣ иностранныя газеты просвѣщаютъ насъ относительно видовъ побудившихъ Гамбетту желать свиданія съ княземъ Бисмаркомъ. Но почему князь Бисмаркъ пошелъ на это свиданіе, что̀ у него могло быть въ виду, какихъ выгодъ онъ желалъ достигнуть?

№ 280.

Москва, 8-го октября.

Всѣ говорящіе и пишущіе по питейному вопросу имѣютъ въ виду только народное благо. А въ чемъ видитъ это благо самъ народъ, наиболѣе компетентный судья въ этомъ близкомъ ему дѣлѣ?

„Соберите крестьянъ любой мѣстности и спросите ихъ почему они бѣдствуютъ: всѣ вамъ скажутъ что ихъ губятъ кабаки и раздѣлы,“ — вотъ общій отзывъ людей близко знакомыхъ съ крестьянскимъ бытомъ. „Великое благодѣяніе будетъ оказано крестьянству закрытіемъ кабаковъ,“ — вотъ смыслъ рѣчей самихъ крестьянъ, которые слышатъ отъ нихъ люди внушающіе имъ довѣріе и имѣвшіе случай бесѣдовать съ ними объ этомъ предметѣ. „Ни война, ни моръ, ни голодъ не могутъ сравняться по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ съ бѣдствіями проистекающими отъ пьянства: то бѣды скоропреходящія, а эта бѣда точитъ какъ червь и постепенно разрушаетъ благосостояніе, нравственность и здоровье простолюдина... Кабакъ есть разсадникъ не только пьянства, но

и воровства, и поджоговъ, и всякаго разврата... Спасите будущее поколѣніе Россіи пока еще не поздно... Спасите бѣдствующихъ и голодающихъ дѣтей. Спасите отъ пьяныхъ побоевъ женъ, матерей и отцовъ. Спасите поля Россіи отъ истощенія... Спасите нравственность, вѣру въ Бога, которая въ народѣ начинаетъ быстро изсякать въ районахъ около кабака.“ Вотъ что̀ читали мы въ коллективномъ письмѣ поданномъ недавно министру Внутреннихъ Дѣлъ за подписями многихъ мѣщанъ и еще бо̀льшаго числа крестьянъ.

Что рѣшеніе питейнаго вопроса согласно требованіямъ народнаго блага встрѣтитъ многія затрудненія и препятствія, этого нельзя было не предвидѣть. „Нечего скрывать что побороть эти противодѣйствія будетъ не легко. Около укоренившейся системы спаиванія, разоренія и развращенія народа давно уже успѣлъ образоваться цѣлый кругъ своеобразныхъ интересовъ, которые не сдадутся сразу, но горячо будутъ отстаивать себя, если не прямыми, то косвенными путями. Въ стремленіяхъ дать реформѣ ничтожные размѣры, подмѣнить серіозныя мѣры ни къ чему не ведущими полумѣрами, рекомендовать вмѣсто дѣйствительнаго лишь кажущееся улучшеніе существующаго положенія дѣлъ,— въ такихъ попыткахъ недостатка не будетъ. Можно быть увѣрену впередъ что будутъ пущены въ ходъ всевозможные софизмы чтобы выставить бѣлое чернымъ, и наоборотъ, и въ концѣ концовъ привести къ нулю предпринимаемый пересмотръ питейныхъ постановленій.“

Но трудно было ожидать препятствій и затрудненій съ той стороны откуда они появились. Наиболѣе сильнаго противодѣйствія можно было опасаться со стороны бюджетныхъ соображеній; эти опасенія возросли когда стало извѣстно содержаніе записки напечатанной по распоряженію Департамента Неокладныхъ Сборовъ, но они разсѣялись послѣ рѣчи управляющаго Министерствомъ Финансовъ предъ открытіемъ *Совѣщанія* свѣдущихъ людей. Затѣмъ, можно было ожидать нѣкотораго противодѣйствія со стороны земскихъ учрежденій, для которыхъ распивочныя заведенія составляютъ одинъ изъ предметовъ обложенія, одну изъ видныхъ статей дохода; ждать отсюда препятствій было тѣмъ естественнѣе что, какъ заявлено офиціально, „есть земскія собранія въ которыхъ болѣе третьей части гласныхъ имѣютъ питейныя заведенія“ *). Но приведенный въ изданной Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ запискѣ сводъ земскихъ ходатайствъ объ уменьшеніи пьянства устранилъ возможныя съ этой стороны опасенія. Въ общемъ своемъ смыслѣ, эти ходатайства нисколько не противорѣчатъ той телеграммѣ отъ Симбирскаго уѣзднаго земскаго собранія которая была получена *Совѣщаніемъ* свѣдущихъ людей въ засѣданіи 2 сего октября, и въ которой заявлено мнѣніе земства что *только прекращеніе распивочной продажи можетъ уничтожить зло кабаковъ*. Можно было, далѣе, ждать противодѣйствія со стороны многаго множества лицъ заинтересованныхъ въ сбытѣ вина и въ питейной торговлѣ, со стороны винокуренныхъ заводчиковъ, содержателей винныхъ складовъ, кабатчиковъ держащихъ питейныя заведенія на свое и чужое имя иногда на всю губернію и пр. Нѣтъ, и съ этой стороны противодѣйствія почти незамѣтно, по крайней мѣрѣ оно не проявляется открыто. Противодѣйствіе идетъ — кто бы могъ этого ожидать?—со стороны какой-то странной доктрины...

Народъ молитъ избавить его отъ распивочной продажи. Адепты упомянутой доктрины просятъ оказать народу милость— „не отнимать у него возможности общенія въ различныхъ питейныхъ заведеніяхъ.“ Народъ проситъ оградить его отъ разоренія, разврата и гибели, а навстрѣчу этимъ просьбамъ идутъ заботы объ его развлеченіяхъ и увеселеніяхъ въ питейныхъ заведеніяхъ, какъ будто кромѣ этихъ мѣстъ народъ уже никогда и нигдѣ не можетъ себѣ найти развлеченія и веселья.

Кабакъ слишкомъ грязенъ. Замѣнимъ грубый развратъ сравнительно болѣе утонченнымъ, замѣнимъ неудобную и отталкивающую обстановку кабака болѣе комфортабельною и привлекательною обстановкой трактира. Заведемъ по всей странѣ эти „сельскія гостиницы,“ и всякій ропотъ прекратится и народная нравственность процвѣтетъ.

Этотъ мало вѣроятный взглядъ такъ распространился что у насъ не кажутся слишкомъ наивными даже такія сужденія о пользѣ учрежденія сельскихъ трактировъ (не чайныхъ только, а съ продажею спирт-

*) См. опубликованный *Журналъ* коммиссіи состоявшей при Министерствѣ Финансовъ.

ныхъ напитковъ) какъ, напримѣръ, слѣдующее: „добрые нравы господствующіе въ трактирахъ благодѣтельно повліяють на дурные нравы пьяницъ, когда послѣдніе должны будутъ посѣщать благопристойныя заведенія съ порядочною публикой.“

Сельскіе трактиры какъ школа доброй нравственности, какъ средство исправленія людей испорченныхъ!

На такихъ сужденіяхъ не стоило бы останавливаться, еслибъ они не имѣли хода, еслибъ они не вошли въ моду, въ то самое время когда обсуждается питейный вопросъ, въ которомъ каждая ошибка можетъ повести къ глубоко печальнымъ послѣдствіямъ. При такихъ обстоятельствахъ, даже такія сужденія, которыя въ другое время показались бы только смѣшны, поневолѣ заставляютъ на себѣ остановиться. Вотъ что пишетъ намъ по ихъ поводу одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, близко знакомый съ народнымъ бытомъ:

„Какое незнаніе дѣла, какое незнакомство съ сельскими трактирами у людей рѣшающихся изрекать по этому предмету авторитетныя сужденія! Какимъ путемъ удостовѣрились эти господа въ ихъ благонравности и благопристойности? Можетъ быть они судятъ о сельскихъ трактирахъ по тѣмъ столичнымъ ресторанамъ которые посѣщаются такъ-называемою „порядочною публикой.“ Но смѣемъ ихъ увѣрить что ничего общаго съ этими ресторанами не имѣетъ даже большинство городскихъ трактировъ (внѣ ихъ „дворянскихъ отдѣленій“), съ ихъ бранью, грязью, распутствомъ и всякою мерзостью. Сельскіе же трактиры и того хуже. Сельскіе трактиры и — „добрые нравы,“ „благопристойность,“ „порядочная публика!“ Да вѣдь на дѣлѣ между кабакомъ и сельскимъ трактиромъ почти нѣтъ разницы. Есть разница только въ томъ что въ кабакъ идетъ не каждый, что многіе идти въ кабакъ стыдятся, что напримѣръ изъ женщинъ лишь немногія утратившія стыдъ рѣшаются быть его посѣтительницами. Обстановка же трактира устраняетъ ту нравственную преграду которая удерживаетъ часть населенія отъ прохожденія школы кабацкаго „общенія.“ Трактиръ — усовершенствованная школа этого рода, съ постепеннымъ переходомъ отъ чая къ пиву, отъ пива къ водкѣ, отъ водки къ пьянству... Каждый сколько-нибудь знакомый съ тѣмъ что такое сельскіе трактиры, каждый жившій въ близкомъ отъ нихъ сосѣдствѣ и не закрывавшій глазъ на то что вокругъ него происходитъ, можетъ привести не мало примѣровъ постепеннаго развращенія и гибели трактирныхъ посѣтителей. Представьте же себѣ какъ мы, свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ люди, относимся ко мнѣнію о томъ чтобы трактиръ кого-нибудь исправилъ и обратилъ на путь истинный.“

Дурно, безконечно дурно у насъ питейное дѣло. Разорительное и развратительное дѣйствіе кабака стоитъ внѣ всякаго спора. Но тѣ самые люди изъ среды народа которые возстаютъ противъ кабака съ такою силой убѣжденія и возмущеннаго нравственнаго чувства какъ въ вышеупомянутомъ адресѣ на имя министра Внутреннихъ Дѣлъ, — тѣ самые люди, въ виду намѣренія приблизить кабаки къ типу трактировъ или просто замѣнить ихъ трактирами, прямо говорятъ что „лучше оставить дѣло какъ оно нынѣ обставлено чѣмъ размножать трактирныя заведенія.“

Въ деревенскихъ клубахъ народъ не нуждается. Учрежденіе ихъ можетъ только отвлекать людей отъ провожденія досужнаго времени въ ихъ домахъ, среди ихъ семействъ, и тѣмъ подрывать прочность семейныхъ узъ, на которыхъ въ крестьянскомъ мірѣ все держится, съ ослабленіемъ коихъ все рушится. Остерегитесь считать развитіе „клубныхъ“ нравовъ и обычаевъ добрымъ цивилизующимъ началомъ. Но еще въ большей мѣрѣ остерегитесь заблужденія принять зло распространенія трактирныхъ нравовъ за нѣчто хорошее, тяжкую болѣзнь за здоровое состояніе. Если же вы хотите непремѣнно создать для народа мѣста „общенія,“ помимо взаимныхъ сосѣдскихъ посѣщеній, помимо обычныхъ крестьянскихъ сходокъ и совмѣстныхъ трудовъ, то что мѣшаетъ поощренію чайныхъ трактировъ и харчевень безъ продажи питей? Эти заведенія пока плохо прививаются и существуютъ лишь въ самомъ маломъ числѣ, но это не предлогъ къ тому чтобы взамѣнъ безвредныхъ заведеній учреждать вредныя. Да не потому ли и идетъ плохо развитіе чайныхъ и харчевенныхъ заведеній что ихъ подрываетъ непосильная имъ конкурренція заведеній распивочной продажи, со всѣми прелестями ея разгула?

№ 281.

Москва, 9-го октября.

Обсужденіе задуманнаго нынѣ преобразованія высшаго военнаго управленія обставлено много выгоднѣе преобразованія 1862 года. Къ обсужденію дѣла прямо призваны главные дѣятели военнаго вѣдомства, обладающіе знаніемъ и опытностью по всѣмъ отраслямъ управленія: въ составъ коммиссіи вошли и войсковые начальники, и руководители высшихъ канцелярій, и люди кабинетной науки. При такомъ составѣ коммиссіи естественно ждать что обсужденіе будетъ всестороннее, что принятыя рѣшенія не будутъ ломкой прежняго порядка въ угоду отвлеченнымъ умозрѣніямъ, а будутъ опираться на опытъ и вести къ удовлетворенію дѣйствительныхъ нуждъ.

Реформа 1862 года, напротивъ, была задумана и проведена чисто канцелярскимъ, форменнымъ порядкомъ. Въ половинѣ января 1862 года Военное Министерство составило сводъ главныхъ основаній реформы, и затѣмъ, по утвержденіи его безо всякихъ предварительныхъ обсужденій, приступило къ составленію *предварительныхъ* предположеній объ учрежденіи военныхъ округовъ. Работа эта была окончена къ маю и разослана въ числѣ 211 экземпляровъ „на заключеніе“ высшихъ военныхъ начальниковъ „и другихъ лицъ, отъ которыхъ министерство могло ожидать полезныхъ указаній и совѣтовъ.“ Отвѣты получены были въ сентябрѣ, и то не ото всѣхъ лицъ, а лишь отъ 134. Затѣмъ изъ этихъ отвѣтовъ обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ составленъ былъ „систематическій сводъ.“ Любопытно что изо 134 отзывовъ, 117 состояли лишь изъ „частныхъ замѣчаній относительно подробностей осуществленія основной мысли проекта,“ не касаясь самой ея сущности, а изъ остальныхъ—десять мнѣній „заключали въ себѣ возраженія противъ главныхъ основаній проекта“ уже заранѣе одобренныхъ, а семь предлагали перемѣны опять-таки въ *мелкихъ* мѣрахъ къ осуществленію основной мысли проекта, приведеніе коего въ исполненіе было уже начато. Такимъ образомъ, существенныя возраженія противъ реформы и ея исполненія должны были остаться въ сторонѣ, и на дальнѣйшую ея разработку повліяли лишь мелочныя указанія не имѣвшія особаго значенія.

Между тѣмъ, въ мартѣ 1863 года было уже приступлено къ законодательной работѣ по составленію самыхъ *Положеній*, причемъ „вынужденное политическими обстоятельствами предварительное учрежденіе четырехъ военныхъ округовъ дало возможность воспользоваться практическими указаніями опыта,“ впрочемъ весьма короткаго, такъ какъ учрежденіе округовъ началось только въ іюлѣ 1862; такимъ образомъ опытъ ограничивался всего *семью мѣсяцами*, въ теченіе коихъ машина еще не могла быть вполнѣ установлена и пущена въ ходъ.

При такихъ условіяхъ дальнѣйшая разработка законоположеній началась опять съ предварительныхъ работъ нѣсколькихъ такъ-называемыхъ спеціальныхъ коммиссій, во главѣ которыхъ стояли не войсковые начальники, а директоры департаментовъ и управленій министерства. Такъ коммиссія подъ предсѣдательствомъ директора Инспекторскаго Департамента, никогда крупною частью не командовавшаго, разрабатывала проектъ положенія по командной части, обсуждая будущія постановленія „о командующемъ войсками округа, объ управленіи дивизіями и мѣстными войсками.“ Коммиссія подъ предсѣдательствомъ директора Медицинскаго Департамента разрабатывала положеніе о медицинской и госпитальной частяхъ, гдѣ безпрестанно сталкиваются самые разнообразные интересы: хозяйственный, врачебный, командный. Всѣ эти частныя работы поступили затѣмъ въ общую редакціонную коммиссію, составленную подъ непосредственнымъ руководствомъ военнаго министра, изъ четырехъ лицъ; двое изъ нихъ были чины гражданскіе. Надо прибавить что эта коммиссія, помимо общей кодификаціи Положенія, должна была еще выработать вновь постановленія по хозяйственной части: о военно-окружномъ совѣтѣ и объ интендантствахъ.

Труды *редакціонной* коммиссіи перешли въ постоянную военно-кодификаціонную коммиссію, и въ то же время печатные экземпляры ихъ разсылались на заключеніе главныхъ начальниковъ, директоровъ департаментовъ и другихъ лицъ, знакомыхъ съ военною администраціей. Наконецъ, полученныя отъ этихъ лицъ замѣчанія, вмѣстѣ съ самыми проектами и заключеніемъ

кодификаціонной коммиссіи, т.-е. все-таки не проектъ закона, а только матеріалъ для него были окончательно обсуждены и исправлены Военнымъ Совѣтомъ.

Вся работа завершилась къ 6 августа 1864 года, т.-е. потребовала болѣе двухъ съ половиною лѣтъ. Теперь такого замедленія ждать нельзя, хотя бы уже потому, какъ выразился предсѣдатель коммиссіи при самомъ открытіи ея засѣданій, что „въ виду собранія компетентныхъ лицъ нѣтъ надобности разъяснять предлежащую задачу.“

Какъ ни кратокъ отчетъ о первомъ засѣданіи, онъ даетъ уже ясное понятіе о томъ дѣлѣ которое совершить призвана коммиссія. При реформѣ 1862 года, главныя основанія ея были всецѣло проектированы однимъ Военнымъ Министерствомъ, тогда какъ настоящая коммиссія призвана указать именно эти главныя основанія. Коммиссія будетъ разсматривать не проектъ заранѣе предрѣшенныхъ мѣропріятій, а самую ихъ сущность. Руководствуясь одною только *программой* вопросовъ, она коснется не только устройства высшихъ военно-административныхъ инстанцій, но и всѣхъ послѣдствій отсюда вытекающихъ, слѣдовательно положенія, круга, дѣятельности и отношеній центральныхъ органовъ министерства какъ между собою, такъ и къ войсковымъ управленіямъ. Живой обмѣнъ мыслей и опыта облегчитъ соглашеніе противоположныхъ взглядовъ, невозможное для составителя механическаго *свода* замѣчаній на какой-либо проектъ. Но важнѣе всего что при данныхъ условіяхъ, основанія реформы, а слѣдовательно и самый проектъ ея, не могутъ выйти сколкомъ, механическою копіей съ какого-либо иноземнаго образца. Въ этомъ отношеніи мы вступаемъ теперь на путь которымъ уже давно идутъ обсужденіе и разработка всѣхъ безъ изъятія военныхъ реформъ въ Германіи. Не канцелярія, и не какой-либо постоянный комитетъ руководитъ тамъ подобными дѣлами: они исполняются особыми, всегда ad hoc составленными коммиссіями, куда, смотря по важности и по существу дѣла, призываются не только высшіе, но даже и младшіе чины арміи. Послѣ войны 1870 года, въ заграничной литературѣ было не мало толковъ и указаній, напримѣръ, на коммиссію обсуждавшую измѣненія въ строевыхъ порядкахъ войскъ на основаніи боевого опыта: въ эту коммиссію были приглашены даже капитаны, ротные командиры. До какой степени въ Германіи признается важнымъ участіе высшихъ строевыхъ начальниковъ въ обсужденіи крупныхъ военныхъ вопросовъ видно даже изъ самаго учрежденія такъ-называемой „коммиссіи по высшимъ инженернымъ вопросамъ,“ созываемой разъ въ нѣсколько лѣтъ по особому повелѣнію императора: въ составъ ея, кромѣ спеціалистовъ, назначаются каждый разъ нѣкоторые корпусные командиры и даже начальники дивизій. Еще примѣръ: не болѣе полутора года назадъ зашла въ Берлинѣ рѣчь объ ускорителѣ стрѣльбы изъ ружей, который былъ предложенъ членомъ парламента, фабрикантомъ Лёве; разрѣшеніе этого вопроса было предоставлено не артиллерійскому вѣдомству, а коммиссіи во главѣ которой стояли два корпусные командира, и окончательное сужденіе произнесено не на опытномъ полигонѣ, а на осеннихъ корпусныхъ маневрахъ.

Вотъ въ чемъ кроется причина той практичности которою славятся военныя реформы Германіи; вотъ почему мѣра однажды тамъ принятая существуетъ десятки лѣтъ почти безо всякихъ перемѣнъ, дополненій и постоянныхъ разъясненій: достаточно указать на тотъ общеизвѣстный теперь фактъ что въ инструкціи стрѣльбы изданной въ ноябрѣ 1877 года германское военное министерство до сихъ поръ измѣнило всего двадцать, тридцать строкъ, тогда какъ, напримѣръ, наша инструкція, изданная позднѣе, въ 1879 году, по указаніямъ опыта войны, переработана въ настоящемъ году заново.

Прочность военныхъ учрежденій и законоположеній пріобрѣтаетъ между тѣмъ въ настоящее время, со введеніемъ общеобязательной воинской повинности, особое значеніе: люди остаются въ рядахъ не долго, учатся и уходятъ въ запасъ, откуда ихъ призываютъ снова на службу уже когда нужно дѣйствовать, а не переучиваться. Для усвоенія арміей всякаго нововведенія нужно время, и чѣмъ чаще появляются эти нововведенія, чѣмъ скоротечнѣе ихъ существованіе, тѣмъ продолжительнѣе долженъ быть самый срокъ службы солдата. Да и можетъ ли солдатъ пріобрѣсти прочный навыкъ въ дѣлѣ если ему въ теченіе его относительно короткой службы подъ знаменами приходится дважды переучиваться?

Если въ Германіи указанія высшихъ военныхъ начальниковъ, призываемыхъ изъ разныхъ ея концовъ, такъ много значатъ для успѣха дѣла, то у насъ, при обширности территоріи и крайнемъ различіи мѣстныхъ условій, такое содѣйствіе пріобрѣтаетъ еще большее значеніе. Наши войска не могутъ быть, какъ извѣстно, даже обмундировываемы одинаково: на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, въ Сибири, ихъ приходится одѣвать совершенно иначе, употребляя для этого разныя матеріи. Могутъ ли, наконецъ, положенія о хозяйствѣ, о сношеніяхъ военно-административныхъ лицъ, ихъ взаимная зависимость, размѣры власти каждаго, быть совершенно одинаковы въ Восточной Сибири и подъ Петербургомъ, на западныхъ окраинахъ и въ Поволжьѣ?

№ 282.

Москва, 10-го октября.

Вопросъ о томъ кто будетъ назначенъ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто внезапно умершаго барона Гаймерле составляетъ одинъ изъ открытыхъ вопросовъ текущей политики, коимъ живо интересуется не только австрійская, но и вся европейская печать. Собственно говоря, трудно понять почему замѣщеніе умершаго министра „подняло столько пыли,“ но повидимому оно дѣйствительно сопряжено съ немалыми трудностями, такъ какъ со смерти барона Гаймерле прошло уже двѣ недѣли, а преемникъ ему все еще не назначенъ. Баронъ Гаймерле, быть-можетъ, дѣйствительно обладалъ всѣми тѣми высокими качествами, о коихъ заявлено было въ обязательно-офиціозныхъ манифестаціяхъ по поводу его смерти. Но несомнѣнно и то что онъ вовсе не олицетворялъ собою никакой системы, и тѣ „руководящія идеи“ коими характеризуется внѣшняя политика Габсбургской монархіи за время его управленія принадлежали не ему. Баронъ Гаймерле участвовалъ въ качествѣ второстепеннаго уполномоченнаго Австро-Венгріи на Берлинскомъ конгрессѣ; а спустя годъ послѣ конгресса, то-есть въ 1879 году, онъ занялъ постъ графа Андраши. Что собственно побудило послѣдняго выйти въ отставку, это до сихъ поръ остается неразъясненнымъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то что увольненіе мадьярскаго руководителя австрійской политики вовсе не ознаменовалось какою-либо перемѣной въ ней. Всѣ признаютъ, напротивъ, что онъ, а не кто другой, подготовилъ комбинацію увѣнчавшую созданную имъ систему, которая, вмѣсто затаенной вражды и соперничества съ Германіей, поставила на австрійскомъ знамени полное отреченіе отъ мечтаній о возвращеніи къ прежнему преобладанію въ Германіи и тѣснѣйшій союзъ со счастливымъ соперникомъ Габсбургской династіи. Поѣздка князя Бисмарка въ Вѣну осенью 1879 года была лишь послѣднимъ актомъ запечатлѣвшимъ формальное установленіе этого союза подготовленнаго графомъ Андраши. Совершивъ это дѣло, послѣдній „удалился на покой,“ и баронъ Гаймерле сталъ его преемникомъ, главнымъ образомъ потому что графъ Карольи, рекомендованный графомъ Андраши, отказался занять это мѣсто. Но графъ Андраши и до сихъ поръ остался самымъ интимнымъ совѣтникомъ императора Франца-Іосифа, и нѣтъ ни малѣйшаго повода думать что назначеніе того или другаго лица на мѣсто барона Гаймерле отзовется какою-либо перемѣной во внѣшней политикѣ Австро-Венгріи. Этого никто и не думаетъ. Вопросъ о будущемъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ затрогиваетъ не столько внѣшнюю, сколько внутреннюю политику Габсбургской монархіи, или вѣрнѣе западной ея половины, такъ какъ въ мадьярской половинѣ, благодаря тому же графу Андраши, нѣтъ и рѣчи о преобладаніи той или другой національности. Вмѣстѣ съ радикальною перемѣной въ направленіи внѣшнихъ стремленій монархіи Габсбурговъ, Мадьяры, коихъ соглашеніе съ княземъ Бисмаркомъ было важнѣйшимъ условіемъ этой перемѣны, сумѣли оградить интересы своей національности какъ нельзя прочнѣе. Въ предѣлахъ Венгерскаго королевства національный вопросъ офиціально не существуетъ: и Славяне, и Нѣмцы, одинаково вынуждены тамъ склониться подъ мадьярскимъ ярмомъ. Въ Цислейтаніи же за послѣдніе три года произошла перемѣна, которая съ перваго взгляда можетъ показаться стоящею въ явномъ противорѣчіи съ основными принципами внѣшней политики. Борьба между славянскимъ и нѣмецкимъ элементомъ въ Цислейтаніи со времени установленія ав-

стро-венгерскаго союза не только не приняла болѣе благопріятнаго для Нѣмцевъ оборота, но напротивъ, именно съ 1879 года нѣмецкая партія утратила свое прежнее надо всѣмъ преобладающее значеніе. Министерство графа Таафе, впервые послѣ кратковременнаго управленія Гоэнварта въ началѣ 70хъ годовъ, сдѣлало попытку къ примиренію со Славянами, и какъ ни слаба и нерѣшительна была эта попытка, какъ ни ничтожны уступки коихъ добились до сихъ поръ Чехи, нѣмецкіе централисты никакъ не хотятъ примириться съ этими уступками и добровольно подчиниться примирительной по отношенію къ Славянамъ политикѣ.

Баронъ Гаймерле, хотя Нѣмецъ по происхожденію и ревностный приверженецъ идеи австро-германскаго единенія, не былъ однако противникомъ графа Таафе и, повидимому, находилъ вполнѣ возможнымъ согласовать свою внѣшнюю политику со „враждебною" цислейтанскимъ Нѣмцамъ системой графа Таафе. Будетъ ли преемникъ г. Гаймерле столь же сговорчивъ относительно графа Таафе? Вотъ вопросъ, коимъ задаются вѣнскія нѣмецкія газеты. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, разумѣется, тотъ что этого быть не можетъ; что „анти-нѣмецкая" политика внутри должна въ концѣ концовъ привести къ отчужденію отъ Германіи извнѣ. Поэтому вѣнская нѣмецкая печать усиленно агитируетъ въ пользу назначенія на мѣсто г. Гаймерле такого лица которое сумѣло бы постигнуть „всю пагубу" внутренней политики олицетворяемой графомъ Таафе, такъ что послѣдній вынужденъ былъ бы выйти въ отставку. Либеральная берлинская печать, съ своей стороны, высказывается въ томъ же смыслѣ, доказывая что теперешняя внутренняя политика Австріи ставитъ ея внѣшнюю политику „на слишкомъ шаткую почву"; что превращеніе цислейтанскихъ Нѣмцевъ, „этого жизненнаго элемента Габсбургской имперіи", въ партію національной оппозиціи есть „явленіе поистинѣ неслыханное," и что благоволеніе къ Чехамъ могло бы имѣть смыслъ еслибъ Австро-Венгрія рѣшилась послѣдовать совѣту чешскихъ газетъ, открыто проповѣдующихъ съ нѣкотораго времени тѣснѣйшій союзъ между Австріей и Россіей; но это „опасное" заигрываніе со Славянами не можетъ де продолжаться если единеніе съ Германіей признается единственнымъ залогомъ прочности и преуспѣянія монархіи Габсбурговъ.

Такъ разсуждаетъ либеральная печать въ Берлинѣ, потерявшая всякую связь съ княземъ Бисмаркомъ, который, какъ по всему видно, не находитъ ничего невыгоднаго для себя въ той комедіи панславизма которую разыгрываетъ въ Вѣнѣ министерство графа Таафе.

Что касается Мадьяръ, то каковъ бы ни былъ взглядъ новаго министра на внутреннія дѣла въ Цислейтаніи—это для нихъ вопросъ второстепенный, хотя весьма естественно что имъ не будетъ на руку если новый министръ выступитъ ярымъ приверженцемъ той или другой партіи въ Цислейтаніи и доставитъ ей преобладаніе. При внутреннихъ раздорахъ и пререканіяхъ въ Цислейтаніи Венгрія можетъ только выиграть. Мадьярскіе политики, повидимому, прекрасно это понимаютъ.

№ 284.

Москва, 12-го октября.

Послѣ долгихъ колебаній, какъ говоритъ большинство англійскихъ газетъ, Британское правительство нанесло крушительный ударъ ирландскому движенію. Четыре ирландскіе члена палаты общинъ—дѣло небывалое! — арестованы и, какъ государственные преступники, заключены въ Кильмангамскую тюрьму. Еще двумъ членамъ палаты только случай помогъ избѣгнуть той же участи: они бѣжали въ Америку. Въ числѣ арестованныхъ, какъ извѣстно, находится и руководитель Земельной Лиги, г. Парнеллъ. Вице-король Ирландіи издалъ прокламацію, которая воспрещаетъ Лигу и заявляетъ о рѣшеніи правительства употребить всю его власть и всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи средства чтобъ обезпечить подданныхъ королевы въ Ирландіи ихъ законныя права и добиться чтобъ они исполняли свои обязанности предъ закономъ. „Неписанный законъ Лиги," какъ его называли вожди ирландскаго движенія, открыто сталъ орудіемъ тиранніи. Вожди Лиги прикрывались интересами общественнаго блага, но послѣднія событія сорвали съ нихъ маску. Истинною цѣлью гомрулеровъ оказалось не благосостояніе Ирландіи, а стремленіе къ выдѣлу ея изъ Соединеннаго Королевства, а сред-

ствомъ же къ тому - не аграрная реформа, а организованное насиліе и терроръ.

Припомнимъ ходъ событій за послѣднее время.

Прошлогодніе безпорядки въ Ирландіи, начавшіеся довольно скромно „бойкотированіемъ“ землевладѣльцевъ, а затѣмъ перешедшіе въ цѣлый рядъ всевозможныхъ насилій, поджоговъ запасеннаго хлѣба и жилищъ, увѣченій хозяйскаго скота, покушеній на жизнь какъ самихъ землевладѣльцевъ, такъ и стоявшихъ на ихъ сторонѣ съемщиковъ и рабочихъ, вынудили правительство внести въ палату общинъ билль объ охранѣ имущества и личности въ Ирландіи, билль получившій въ послѣдствіи наименованіе „принудительнаго акта“. Извѣстно, какія затрудненія созданы были ирландскими членами парламента, съ г. Парнеллемъ во главѣ, при обсужденіи этого билля. Тактика гомрулеровъ, пріобрѣтшая печальную извѣстность подъ названіемъ „системы задержекъ“, состояла въ томъ, чтобы длиннѣйшими, не относящимися къ дѣлу рѣчами задерживать ходъ преній, не давать возможности приступить къ обсужденію внесеннаго билля и такимъ образомъ тянуть дѣло до безконечности, въ то же время усиливая подъ рукой агитацію по всей Ирландіи. Когда же г. Гладстонъ, въ виду этой уловки агитаторовъ, поставилъ вопросъ о времени, то-есть объ извѣстномъ часѣ послѣ котораго не дозволялось уже отвлекать палату отъ разсмотрѣнія билля, дѣло дошло до прямаго скандала, и ирландскихъ членовъ пришлось одного за другимъ выводить силой изъ залы засѣданій.

Но вотъ г. Гладстонъ внесъ въ палату свой земельный билль, коимъ обезпечивались ирландскимъ фермерамъ три пресловутые F составлявшіе предметъ ихъ давнишнихъ, завѣтныхъ желаній, а именно: прочность аренды (Fixity of tenure), безобидная арендная плата (Fair rent) и свободная продажа аренднаго права (Free sale). Извѣстно какое противодѣйствіе верхней палаты встрѣтилъ этотъ билль, съ судьбою коего г. Гладстонъ связалъ существованіе своего министерства. Послѣ упорной и ожесточенной борьбы за каждую статью, чуть не за каждое слово этого билля, послѣ троекратнаго возвращенія его изъ нижней палаты въ верхнюю, послѣ ряда взаимныхъ уступокъ, отнюдь впрочемъ не измѣнившихъ билля въ его существенныхъ чертахъ, настойчивость перваго министра преодолѣла всѣ затрудненія, и земельный билль сдѣлался земельнымъ актомъ.

Какъ отнеслись къ нему гомрулеры? Видя что въ случаѣ замиренія Ирландіи Лига потеряетъ свою raison d'être и что власть сама собою выскользнетъ у нихъ изъ рукъ, они сдѣлали отчаянное усиліе чтобы лишить Ирландскій народъ возможности избѣжать ига организаціи измышленной г. Девитомъ и въ совершенствѣ усвоенной г. Парнелломъ. 15 сентября былъ созванъ національный конвентъ Ирландской Земельной Лиги въ круглой залѣ Дублинской Ротонды, по стѣнамъ которой были развѣшаны ирландскія арфы и другія эмблемы національной независимости, между прочимъ и ирландскій зеленый флагъ безъ короны, на ряду со звѣзднымъ флагомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, откуда, какъ извѣстно, идутъ Лигѣ субсидіи феніевъ. Предсѣдатель конвента, г. Парнеллъ, въ цѣломъ рядѣ рѣчей проникнутыхъ страстною ненавистью къ Англіи предостерегалъ ирландскихъ фермеровъ чтобъ они не полагались на правительственный актъ, который имѣетъ де цѣлью сломить ихъ организацію, и убѣждалъ ихъ крѣпко держаться началъ Земельной Лиги. Ораторъ прямо заявилъ ея будто бы конечную цѣль: упраздненіе ландлордизма въ Ирландіи и мѣстное самоуправленіе; но въ то же время онъ болѣе чѣмъ прозрачно намекнулъ что Земельная Лига не выровняетъ пути поземельному акту и что, подъ предлогомъ нападенія на землевладѣльцевъ, сдѣлана будетъ попытка окончательно разорвать связь между Великобританіей и Ирландіей. Конвентомъ были получены отъ американскихъ вѣтвей Лиги телеграммы, въ которыхъ его умоляли развернуть знамя неплатежа ренты. Г. Парнеллъ призывалъ даже сельскихъ батраковъ примкнуть къ Лигѣ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы по данному знаку, притихшія было въ Ирландіи аграрныя преступленія внезапно возобновились съ новою силой. Въ послѣднія недѣли, англійскія газеты были переполнены извѣстіями о поджогахъ, взрывахъ и убійствахъ, которыя были тѣмъ большею неожиданностью, что правительство только что сдѣлало добровольную уступку гомрулерамъ, освободивъ изъ тюремнаго заключенія большую часть такъ-называемыхъ „подозри-

тельныхъ“ лицъ арестованныхъ на основаніи принудительнаго акта. Г. Парнеллъ продолжалъ проповѣдывать чтобы никто не платилъ недоимокъ и не снималъ земельныхъ участковъ съ коихъ фермеры удалены за неплатежъ ренты, совѣтовалъ не пользоваться земельнымъ актомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это можетъ повредить дѣлу Лиги и предлагалъ „бойкотировать“ даже англійское сырье на ирландскихъ мануфактурахъ. Затѣмъ на митингѣ 9 октября въ Вексфордѣ, онъ назвалъ г. Гладстона „не имѣющимъ себѣ равнаго клеветникомъ Ирландіи“, заявивъ что всѣ заботы его объ этой странѣ ограничились удаленіемъ двухъ тысячъ ирландскихъ семействъ за неплатежъ ренты, да наводненіемъ ея войсками и вооруженными полицейскими; наконецъ, 10 октября, тамъ же на банкетѣ г. Парнеллъ заявилъ что самыя строгія принудительныя мѣры не будутъ имѣть успѣха въ Ирландіи, такъ какъ де для благосостоянія этой страны необходимо упразднить англійскія злоупотребленія властью и возстановить самоуправленіе Ирландіи.

Мѣра долготерпѣнія Англійскаго правительства и общества переполнилась. Первымъ заговорилъ органъ консервативовъ, газета *Standard*, указавшая что истинный источникъ безпорядковъ въ Ирландіи есть Земельная Лига. „Ужели она останется неприкосновенною?“ спрашивала газета,— „а главное, неужели люди содѣйствующіе ея популярности будутъ безнаказанно разгуливать? Говоря проще, неужели г. Парнеллу предоставятъ свободу проповѣдывать Ирландскому народу грабежъ, систематическую безсовѣстность и бунтъ? И неужели правительственная власть, даже вооруженная принудительнымъ актомъ, безсильна противъ него, Парнелла?“

Правительство показало что оно способно не останавливаться предъ чрезвычайными мѣрами даже относительно членовъ парламента, арестовавъ четверыхъ изъ нихъ, гг. Парнелла, Диллона, Секстона и О'Келли, вмѣстѣ съ секретаремъ Лиги, г. Кинномъ, и издателемъ ея органа, газеты *United Ireland*, г. О'Брайеномъ. Телеграфъ приноситъ намъ извѣстія о послѣдовавшемъ за этими арестами возбужденіи и о начавшихся въ разныхъ мѣстахъ королевства безпорядкахъ, театромъ коихъ была, между прочимъ, и ирландская столица. Г. Парнеллъ съ компаніей написалъ въ тюрьмѣ манифестъ къ Ирландскому народу, и Земельная Лига поспѣшила дать ему ходъ. Трудно сказать во что можетъ выроcти это движеніе. Пока только видно что Британское правительство оставило прежній путь преслѣдованія мелкихъ агентовъ Лиги и рѣшилось отсѣчь у гидры крамолы ея головы.

Во всякомъ случаѣ становится яснымъ то что парламентаризмъ даже въ Англіи, въ своей колыбели, не въ состояніи предохранить государство не только отъ тайныхъ противуправительственныхъ обществъ, но и отъ открытаго народнаго мятежа. А еще болѣе ясно, ясно до осязательности, какая громадная разница между настоящими либералами, не робѣющими предъ строгими мѣрами когда дѣло идетъ о сохраненіи порядка и цѣлости государства и тѣми россійскими „либералами“ которые ратуютъ за предоставленіе полнаго простора крамолѣ стремящейся сокрушить и раздробить Россію!

№ 285.

Москва, 13-го октября.

Эра политическихъ свиданій еще не окончилась. Не успѣли замолкнуть толки о таинственномъ посѣщеніи г. Гамбеттой князя Бисмарка, свиданіи которое берлинскія газеты окончательно признаютъ фактомъ совершившимся, какъ телеграфъ возвѣщаетъ о предстоящемъ на этихъ дняхъ офиціальномъ свиданіи между королемъ Италіянскимъ и императоромъ Австрійскимъ. Нечего говорить что по поводу этого событія будутъ расточаться, и уже расточаются, громкія офиціозныя фразы о „важныхъ интересахъ связующихъ обѣ монархіи,“ о „взаимной дружбѣ“ коей это свиданіе „послужитъ лишь наружнымъ и торжественнымъ подтвержденіемъ“ и т. п. Ни для кого однако не тайна что предстоящее свиданіе между монархами Италіи и Австро-Венгріи, проектированное еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, хотя и слажено наконецъ, встрѣтило на первыхъ порахъ вновь много затрудненій, такъ что предположеніе о немъ считалось уже совершенно оставленнымъ, и это несостоявшееся свиданіе было истолковано какъ признакъ натянутыхъ отношеній между двумя сосѣдними державами. Какія обстоя-

тельства способствовали къ возобновленію оставленнаго предположенія, это конечно остается пока тайной дипломатическихъ канцелярій. Но если, съ одной стороны, услужливая берлинская печать спѣшитъ „учесть“ и это событіе въ пользу Германіи, намекая на то что и здѣсь обнаруживается одна изъ нитей клубка который держитъ въ своихъ рукахъ фарцинскій отшельникъ, то съ другой стороны имѣются указанія и на совершенно обратное толкованіе. Какъ ни усердны были старанія распространить убѣжденіе что Данцигское свиданіе ни въ чемъ не ослабило и не измѣнило „прочнаго единенія“ между Германіей и Австріей (злые языки говорятъ что даже пресловутая нескромность мадьярской газеты добывшей какимъ-то непостижимымъ образомъ изъ портфеля императора Франца-Іосифа и обнародовавшей извѣстные документы была дѣломъ умышленнымъ чтобы подкрѣпить это убѣжденіе), — въ самой Австріи отъ времени до времени раздаются голоса заставляющіе думать что тамъ не всѣ такъ думаютъ. Такъ еще недавно сербскій депутатъ въ венгерскомъ парламентѣ, г. Полить, указывалъ на то что Данцигское свиданіе должно бы убѣдить Австрійское правительство что Германія играетъ по отношенію къ Австріи двойную игру. Сами корреспонденты берлинскихъ газетъ не скрываютъ того что „истинные“ австрійскіе патріоты исполнены недовѣрія къ Германіи, что сближеніе съ Италіей, которое сказывается въ предстоящемъ свиданіи, можетъ быть истолковано какъ попытка со стороны Австріи усвоить себѣ вновь самостоятельную политику и отыскивать противовѣсъ противъ сближенія совершившагося на сѣверѣ. Что эти послѣдніе толки не совсѣмъ лишены основанія, видно изъ того что берлинскія газеты высказываютъ надежду что король Гумбертъ посѣтитъ и Германскій дворъ, но при этомъ прибавляютъ что о поѣздкѣ Италіянскаго короля въ Берлинъ далеко еще нельзя говорить съ увѣренностью, такъ какъ „нѣкоторыя затрудненія“ препятствующія этой поѣздкѣ еще на устранены.

Но каковы бы ни были тайныя побужденія, вслѣдствіе которыхъ прорвалась наконецъ „ледяная кора“ сковывавшая до сихъ поръ взаимныя отношенія между Италіей и Австріей, вопросъ въ томъ, можно ли повѣрить искренности тѣхъ офиціальныхъ фразъ объ „общности интересовъ“ коими сопровождается вѣсть о предстоящемъ свиданіи? Помимо старыхъ счетовъ между Италіей и Австріей, помимо вопроса объ италіянскомъ Тиролѣ, который Италіянцы до сихъ поръ считаютъ своимъ достояніемъ, послѣднія событія на Востокѣ и роль которую играла въ нихъ Австрія открыли новое поприще для соперничества между этими двумя державами и трудно представить себѣ такой компромиссъ, при коемъ Италія могла бы примириться съ австрійскими замыслами и добровольно предоставить ей полную свободу дѣйствій въ окончательномъ завладѣніи всѣмъ восточнымъ побережьемъ Адріатическаго моря.

А что таковы именно планы австрійской политики, это подтвердили недавнія разоблаченія корреспондента *Times*, надѣлавшія такъ много шума. По словамъ этого корреспондента, который настойчиво повторилъ и подтвердилъ свои первоначальныя сообщенія, вопреки всѣмъ протестамъ изъ Вѣны, виды Австріи не ограничиваются однѣми славянскими землями Балканскаго полуострова, но она мѣтитъ подчинить себѣ и Грецію, которую Италія всегда включала, правда болѣе въ теоріи нежели на практикѣ, въ сферу своего „законнаго преобладанія“ на Средиземномъ Морѣ.

Объ этихъ австрійскихъ планахъ насчетъ Греціи, впервые оповѣщенныхъ въ лондонской газетѣ, сообщилъ намъ нѣсколько интересныхъ дополнительныхъ свѣдѣній нашъ аѳинскій корреспондентъ. По словамъ нашего корреспондента, сообщеніе г. Стильмана (бывшаго аѳинскаго корреспондента *Times*) возбудило въ Греціи великое негодованіе, но не потому чтобы все имъ сообщенное считалось невѣрнымъ, а лишь потому что онъ не сдѣлалъ никакого различія между нынѣшнимъ Греческимъ министерствомъ и большинствомъ Греческой націи и приписалъ послѣдней то отсутствіе мужества, которое сказывается въ „преступномъ поведеніи“ министерства г. Кумундуроса. Едва ли кто можетъ усомниться что Греческій народъ отнесется съ негодованіемъ къ замыслу лишить его политической самостоятельности и подчинить Грецію владычеству Австріи. Этотъ замыселъ, и по мнѣнію лондонскаго корреспондента, остается пока лишь предположеніемъ. Но что такой планъ существу-

ётъ и что удалось склонить въ его пользу теперешнихъ руководителей судьбами Греціи, этого нашъ корреспондентъ не только не отрицаетъ, напротивъ, онъ подтверждаетъ это своимъ указаніемъ на поднявшуюся внезапно въ греческой офиціозной печати агитацію „противъ панславизма.“

Этого мало. Нашъ корреспондентъ сообщаетъ о разговорѣ который онъ имѣлъ на дняхъ съ однимъ изъ родственниковъ г. Кумундуроса. Послѣдній „съ радостью“ сообщилъ ему что Греціи предстоитъ въ недалекомъ будущемъ завидная участь на Востокѣ „подъ покровительствомъ Австріи.“ Подъ этимъ покровительствомъ Греція совершитъ де быстро и безпрепятственно свое объединеніе присоединеніемъ къ своимъ владѣніямъ Эпира, Македоніи, Ѳракіи съ Константинополемъ и островами. Съ помощью австрійскихъ силъ „Греція станетъ оплотомъ европейской цивилизаціи противъ славянскаго варварства.“ Какою цѣною купитъ Греція такую завидную долю? былъ вопросъ нашего корреспондента. На это его собесѣдникъ отвѣтилъ: „Совершенными пустяками. Иностранная политика Греціи и наши вооруженныя силы будутъ подъ вліяніемъ Австріи, за то во внутренней администраціи мы будемъ „совершенно независимы.“

„Бѣдная Греція, въ какія жалкія руки попалась ты на свою бѣду!“ восклицаетъ нашъ корреспондентъ, выражая не только свое личное мнѣніе о теперешнихъ правителяхъ Греціи, но и мнѣніе всѣхъ истинныхъ греческихъ патріотовъ.

Однако фактъ остается, и то что говорилъ родственникъ г. Кумундуроса не служитъ ли полнымъ подтвержденіемъ того что̀ сообщалъ корреспондентъ лондонской газеты о политической интригѣ подготовляющей втихомолку австрійскую гегемонію надъ Греціей?

№ 286.

Москва, 14-го октября.

Напечатанная въ № 274 *Московскихъ Вѣдомостей* замѣтка г. Симанскаго, на которую была сдѣлана ссылка въ передовой статьѣ того же нумера, вызвала возраженія. Одно изъ нихъ, идущее отъ г. Щепотева, читатели найдутъ ниже. Другое, доставленное купеческимъ сыномъ С. Г. Купріяновымъ и подписанное, кромѣ его самого, еще старостой деревни Молзина и 73 молзинскими крестьянами, мы сочли излишнимъ печатать, какъ не заключающее въ себѣ другихъ фактическихъ указаній кромѣ тѣхъ которыя уже приведены въ письмѣ г. Щепотева. Предоставляя себѣ, поэтому, напечатать свое возраженіе въ другой газетѣ, г. Купріяновъ, однако, оставилъ намъ съ него копію, дабы мы могли сослаться на него печатая письмо г. Щепотева.

Прежде всего изъ письма г. Щепотева оказывается что онъ на „совѣщаніи свѣдущихъ людей“ говорилъ не то что̀ приписано ему въ разныхъ газетахъ, между прочимъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 217), не то что̀ вызвало замѣтку г. Симанскаго. На вѣрность газетныхъ извѣстій вообще трудно полагаться, это давно извѣстно. Становится даже сомнительнымъ, точно ли въ засѣданіи экспертовъ 30 сентября одинъ изъ членовъ „развивалъ уже высказанное имъ мнѣніе о необходимости не отнимать у народа возможности общенія въ различныхъ хорошо обставленныхъ питейныхъ заведеніяхъ“ (*Правит. Вѣст.* № 221)...

По отношенію къ г. Щепотеву ошибка исправлена: изъ его письма мы узнаемъ что̀ именно говорилъ онъ въ коммиссіи экспертовъ; въ № 48 газеты *Русь* напечатана существенная часть самой записки г. Щепотева объ общественныхъ кабакахъ, которую онъ представлялъ московскому губернатору, министру Внутреннихъ Дѣлъ и предсѣдателю „совѣщанія“ экспертовъ; въ дополненіе къ приведеннымъ въ этой запискѣ аргументамъ въ пользу общественныхъ кабаковъ, г. Щепотевъ изложилъ въ своемъ письмѣ еще цѣлый рядъ новыхъ доводовъ.

Рѣчь идетъ главнымъ образомъ о двухъ общественныхъ питейныхъ заведеніяхъ въ деревняхъ Молзинѣ и Авдотьинѣ, Ямкинской волости, Богородскаго уѣзда Московской губерніи. Намъ не совсѣмъ ясно почему не другіе, а именно эти два общественные кабака обратили на себя исключительное вниманіе и стали предметомъ громкихъ и продолжительныхъ толковъ. Даже допуская что эти кабаки образцовые, что они представляютъ собою казовый конецъ рекомендуемаго товара, что благодаря исключительнымъ обстоятель-

ствамъ, крестьяне этихъ деревень благоденствуютъ, мы недоумѣваемъ почему указаніе на какіе-нибудь два кабака можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о томъ полезно или вредно устроеніе общественныхъ кабаковъ въ Россіи. Но если ужъ Молзинскій и Авдотьинскій кабаки получили почему-то серіозное въ питейномъ вопросѣ значеніе, будемъ говорить о нихъ, посмотримъ въ такой ли мѣрѣ они хороши и благодѣтельны какъ можетъ показаться при бѣгломъ чтеніи „записки" и письма г. Щепотева. Мы прочли ихъ съ полнымъ вниманіемъ, о чемъ могутъ свидѣтельствовать сопровождающіе письмо подстрочныя примѣчанія.

Въ своей офиціальной запискѣ г. Щепотевъ говоритъ что „при существованіи общественныхъ питейныхъ заведеній крестьянами получается чистаго дохода въ годъ на каждую ревизскую душу до 14 руб." *) Четырнадцать рублей дохода на душу производятъ сильное впечатлѣніе, но г. Щепотевъ не упомянулъ что такой доходъ даютъ не *всѣ*, а только *одинъ* изо всѣхъ извѣстныхъ ему общественныхъ кабаковъ, Авдотьинскій: даже образцовый Молзинскій кабакъ даетъ чистаго дохода не по 14, а всего по 5 р. 26 коп. на душу. Эту послѣднюю цифру г. Щепотевъ не счелъ нужнымъ привести ни въ своей запискѣ, ни въ помѣщаемомъ ниже письмѣ. Онъ указалъ что въ Авдотьинѣ кабацкимъ доходомъ уплачиваются сполна всѣ лежащія на крестьянахъ денежныя повинности, и еще затѣмъ остается по 3 р. 71 к. на душу **). Очень эффектно, особенно при окладѣ повинностей въ 12 р. 75 к. на душу. Но осталось не сказаннымъ что въ Молзинѣ кабацкаго дохода не достаетъ на уплату повинностей вдвое меньшаго размѣра (6 р. 80 к. съ души). Дѣло было бы яснѣе еслибы въ запискѣ получившей офиціальный ходъ было сказано что душевой кабацкій доходъ въ одной деревнѣ на 1 р. 54 к. меньше душеваго оклада повинностей, а въ другой деревнѣ больше таковаго оклада на 1 р. 46 к. Было бы также лучше еслибъ эта послѣдняя цифра (1 р. 46 к.) не превращалась въ запискѣ, благодаря двойной ариѳметической ошибкѣ въ дѣленіи и вычитаніи, въ болѣе эффектную цифру 3 р. 71 к.

*) См. № 48 *Руси* стр. 17.
**) См. тамъ же.

Далѣе, для разъясненія дѣла, нужно было бы указать на особыя обстоятельства дѣлающія возможнымъ для крестьянъ Молзина и Авдотьина полученіе кабацкаго дохода въ размѣрѣ четырнадцати или пяти рублей на душу. Въ своемъ письмѣ, г. Щепотевъ исчисляетъ цѣлый рядъ особенно благопріятныхъ условій (резиденція волостнаго правленія, бойкій трактъ, остановка у кабака вощиковъ дровъ изъ рощъ на фабрики, посѣщеніе кабака пришлыми рабочими роющими торфъ въ сосѣднихъ болотахъ) нужныхъ для того чтобъ Ямкинскій общественный кабакъ давалъ дохода по 4 р. 11 к. на душу. Какія же *исключительно* условія нужны для того чтобъ общественный кабакъ приносилъ дохода не по 4 р. 11 к., а по 5 р. 26 к. (какъ въ Молзинѣ) или по 14 р. 21 к. на душу (какъ въ Авдотьинѣ)? А въ своей запискѣ г. Щепотевъ говоритъ вообще, безо всякихъ оговорокъ, что „при существованіи общественныхъ питейныхъ заведеній, крестьянами получается чистаго дохода въ годъ на каждую ревизскую душу по 14 руб."!

Затѣмъ, въ „запискѣ" и въ письмѣ г. Щепотева говорится только о *доходахъ* приносимыхъ общественными питейными заведеніями; но для уясненія дѣла необходимо опредѣлить также цѣною какихъ крестьянскихъ *расходовъ* на вино достигается эта крупная доходность общественныхъ кабаковъ.

„При существованіи питейнаго заведенія содержимаго частнымъ лицомъ," пишетъ г. Щепотевъ въ своей запискѣ *), „расходъ крестьянъ на вино доходитъ до 12 р. въ годъ на каждую ревизскую душу." Но каковъ расходъ крестьянъ на вино не при частномъ, а при общественномъ питейномъ заведеніи? Г. Щепотевъ объ этомъ не говоритъ, но сообщаемыя имъ данныя позволяютъ приблизительно вычислить размѣръ этого расхода.

Говоря объ общественномъ кабакѣ въ селѣ Ямкинѣ, онъ заявляетъ что въ немъ „продано вина въ годъ на 6.200 рублей." Чистаго дохода этотъ кабакъ даетъ 900 рублей въ годъ. Разчислимъ, основываясь на такомъ отношеніи, до какой суммы должна доходить ежегодная продажа вина въ Авдотьинскомъ и Молзинскомъ общественныхъ кабакахъ.

*) См. тамъ же.

Чистаго дохода отъ нихъ получается: въ Молзинѣ — 963 р., въ Авдотьинѣ — 1.136 р. 95 к. въ годъ. Стало-быть, по вышеозначенной пропорціи, годовая продажа вина должна быть: въ Молзинѣ на 6.634 руб., въ Авдотьинѣ на 7.832 руб. 32 коп. *)

Заявленіе г. Щепотева что отъ Молзинскаго общественнаго кабака получено крестьянами въ одиннадцать лѣтъ 10.593 руб., а отъ Авдотьинскаго въ десять лѣтъ — 11.369 руб. произвело поразительный эффектъ. Но этотъ эффектъ блѣднѣетъ когда оказывается что для полученія десяти тысячъ дохода было пропито почти *семьдесятъ три тысячи* (72.974 р.) а для полученія одиннадцати тысячъ дохода было пропито болѣе *семидесяти восьми тысячъ* рублей (78.323 р. 20 к.).

Въ своей запискѣ г. Щепотевъ признаетъ крестьянскій расходъ на вино по 12 р. на душу слишкомъ крупнымъ и ставитъ этотъ расходъ, какъ разорительный, въ укоръ частнымъ кабакамъ. Но вотъ что̀ видимъ мы въ превозносимыхъ имъ общественныхъ питейныхъ заведеніяхъ:

Въ Молзинѣ ежегодно продается вина на 36 р. 25 к. на каждую изо 183 душъ.

Въ Авдотьинѣ ежегодно продается вина на 97 р. 90 к. на каждую изъ 80 душъ.

Едва ли, въ виду такихъ цифръ г. Щепотевъ сочтетъ возможнымъ сказать, словами своей записки, что разница между ними „безспорно рѣшаетъ вопросъ въ пользу“ общественныхъ питейныхъ заведеній. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе, въ виду громадныхъ пропиваемыхъ суммъ, могутъ имѣть выставленныя мизерныя выгоды отъ кабаковъ?

Скажутъ что разчитанный по числу душъ въ Молзинѣ и Авдотьинѣ расходъ на вино вовсе не значитъ чтобы крестьяне этихъ деревень пропивали въ годъ по 36 и по 97 руб. съ души. Но чего не пропили они сами, то пропили ихъ сосѣди, вообще люди заслуживающіе не меньшей заботы чѣмъ и крестьяне деревень открывшихъ у себя общественные кабаки. Въ частномъ кабакѣ эксплуататоромъ крестьянъ бываетъ кабатчикъ; общественный кабакъ обращаетъ основавшее его селеніе въ вампира который сосетъ кровь изъ цѣлой округи. Чѣмъ второе лучше перваго? А отнявъ у общественныхъ питейныхъ заведеній этотъ характеръ чужеядности, еслибъ это удалось, вы отнимете у нихъ и ихъ доходность, которою преимущественно были закуплены въ ихъ пользу люди предполагающіе что на нихъ можно смотрѣть какъ на нѣчто терпимое и даже полезное.

Да еще вопросъ, идутъ ли въ дѣйствительности получаемые крестьянами съ общественныхъ кабаковъ доходы всегда на хорошее употребленіе, не пропивается ли добрая доля этихъ доходовъ въ дающихъ оные кабакахъ. Кто живалъ въ деревнѣ тотъ знаетъ что сельскіе сходы рѣдко обходятся безъ доброй выпивки; а отличаются ли полною трезвостью ежемѣсячные сельскіе сходы собираемые въ Авдотьинѣ для провѣрки правильности общественной питейной торговли? сколько рабочаго времени отнимаютъ у крестьянъ эти спеціально-кабацкіе сходы? Это остается не сказанымъ. Въ запискѣ перечисляются разные виды полезнаго употребленія какое даютъ крестьяне полученнымъ отъ питейной торговли доходамъ, но перечисляются вообще глухо, огуломъ, да и не совсѣмъ вѣрно. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Молзину, гдѣ купецъ Купріяновъ, въ силу своего договора съ крестьянами (изложеннаго въ запискѣ г. Щепотева), держитъ ихъ, такъ сказать, подъ своею опекой по предмету расходованія ими получаемаго отъ кабака дохода, — могли бы быть представлены полныя и точныя свѣдѣнія о томъ на какія именно нужды и сколько именно на каждую израсходовано денегъ, съ подведеніемъ итога. На дѣлѣ же выходитъ вотъ что. Въ запискѣ г. Щепотева значится что крестьяне деревни Молзиной (гдѣ общественный кабакъ существуетъ *съ 1869 года*) часть 10-тысячнаго дохода полученнаго отъ кабака въ періодъ его 11-лѣтняго существованія, именно 5.000 р., употребили на покупку земли въ добавокъ къ ихъ надѣлу; затѣмъ г. Щепотевъ, въ засѣданіи экспертовъ 25 сентября, объяснилъ что на покупку земли, около 500 десятинъ, Молзинскіе крестьяне употребили часть своего кабацкаго дохода полученнаго именно *съ 1869 по 1880;* наконецъ, въ своемъ письмѣ, цѣлымъ рядомъ выраженій онъ подтверждаетъ что *1869 годъ* былъ первымъ годомъ существованія въ Молзинѣ общественнаго кабака. А въ postscriptum къ своему письму, написанномъ въ отвѣтъ на

*) По пропорціямъ: X : 6.200 = 963 : 900 и X : 6.200=1.136.95 : 900.

нашъ запросъ и присланномъ для напечатанія, читаемъ слѣдующее: „крестьяне деревни Молзиной, сверхъ надѣла у бывшей ихъ помѣщицы, жены генералъ-майора В. В. Воейковой, купили 488 десятинъ удобной земли, уплативъ за онную 4.800 р. въ два срока, въ 1868 и 1869 гг., и получили на онную данную 17 августа 1870 года.“

Какую связь съ общественнымъ кабакомъ имѣетъ покупка земли сдѣланная *до* его открытія? Зачѣмъ приводится эта покупка земли какъ аргументъ въ пользу общественнаго кабака, когда всѣ деньги за купленную землю уплачены частію до открытія этого кабака, частію въ годъ его основанія, прежде чѣмъ онъ могъ принести какіе-нибудь доходы?

Чтобы выйти изъ неловкаго положенія въ которое поставилъ г. Щепотева вопросъ о времени покупки земли Молзинскими крестьянами, онъ, вопреки прежнимъ увѣреніямъ, говоритъ что общественный кабакъ въ деревнѣ Молзиной существуетъ не съ 1869, а съ 1866 года (такъ ли?); онъ даетъ при этомъ понять что если Молзинскій кабакъ и ни при чемъ въ дѣлѣ покупки земли, то по крайней мѣрѣ, за время его существованія, съ 1870 по 1880, Молзинскіе крестьяне уплатили (неизвѣстно, впрочемъ, изъ кабацкихъ или изъ иныхъ суммъ) помѣщицѣ дополнительный выкупной платежъ въ количествѣ 2.796 р. 85 к., и затѣмъ перечисляетъ нумера купленныхъ крестьянами билетовъ лотерейнаго займа. Намъ кажется что г. Щепотевъ могъ бы выйти изъ затрудненія гораздо проще. Онъ могъ бы прямо признать свою ошибку, сознаться что говорилъ о дѣлѣ не ознакомившись со всѣми его подробностями, что его ввели въ заблужденіе приходо-расходныя книги Молзинскаго питейнаго заведенія, что онъ неумышленно попалъ въ просакъ, можетъ-быть не въ мѣру довѣрившись лицамъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ общественныхъ питейныхъ заведеній Богородскаго уѣзда.

Фактъ стоитъ твердо: во весь періодъ существованія общественнаго кабака о которомъ шла рѣчь въ запискѣ г. Щепотева и о которомъ онъ давалъ показанія предъ „свѣдущими людьми,“ Молзинскіе крестьяне земли *не покупали*. Но вотъ другой фактъ, котораго г. Щепотевъ можетъ быть не знаетъ, котораго г. Купріяновъ ему можетъ-быть не сообщилъ, но который сообщается въ помѣщаемомъ ниже письмѣ г. Симанскаго. По купчей совершенной 23 іюля 1879 года, общество Молзинскихъ крестьянъ, изъ пріобрѣтенныхъ прежде 484 десятинъ усадебной земли и полевыхъ угодій, *продало* Ивану и Өедору Антиповымъ Купріановымъ 35 десятинъ 1,913 квадр. саженъ.

Вотъ вамъ и хваленые общественные кабаки! До открытія общественнаго кабака, крестьяне покупали землю; чрезъ десять лѣтъ послѣ открытія начали купленную прежде землю продавать.

Помимо матеріальныхъ выгодъ для крестьянъ отъ общественныхъ питейныхъ заведеній, г. Щепотевъ указываетъ еще на „улучшеніе нравственности крестьянъ“ подъ вліяніемъ общественныхъ кабаковъ. Чтобы доказать это ихъ благотворное вліяніе, онъ приводитъ справку изъ книгъ волостнаго суда о судившихся тамъ молзинскихъ и авдотьинскихъ крестьянахъ. Но вотъ, къ сожалѣнію, предъ нами фактъ что иногда значатъ подобныя справки. Увлеченные своимъ кабацкимъ интересомъ, молзинскіе крестьяне (31 грамотныхъ и 42 неграмотныхъ), вмѣстѣ со своимъ старостой, идя по слѣдамъ купеческаго сына Купріянова, скрѣпляютъ своимъ рукоприкладствомъ бумагу содержащую въ себѣ неправду будто покупкой земли Молзино одолжено своему управляемому г. Купріановымъ, кабаку, то-есть полученнымъ отъ него въ *1869—1880* доходамъ..

Но довольно. Полагаемъ что вопросъ объ общественныхъ кабакахъ достаточно разъясненъ. Заключимъ нашу статью нѣсколькими словами изъ статьи г. Геркена въ № 280 нашей газеты:

„Всей Россіи извѣстно что наши государственные финансы запутались въ легкости съ которою ежегодно увеличивался доходъ казны отъ разоряющей народъ вольной продажи вина. Они запутались въ ней настолько что ограниченіе пьянства является въ настоящее время дѣломъ какъ будто бы не легкимъ, мѣрою героическою. Но, спрашивается, что же будетъ когда, кромѣ государственныхъ финансовъ, и денежныя средства множества сельскихъ общинъ запутаются въ дѣлахъ кабака? О, тогда будетъ конечно нанесенъ послѣдній ударъ всякой надеждѣ когда-либо положить предѣлъ спаиванію народа, и кабакъ сдѣлается полнымъ, всѣми признаннымъ хозяиномъ въ Россіи, и сдѣлается имъ

безо всякаго потрясенія его теперешняго устройства.

„Все выйдетъ очень просто. Наши споенные сельскіе сходы, находящіеся въ подчиненіи у кулаковъ или міроѣдовъ, сдадутъ, подъ рукой, кабаки нынѣшнимъ же кабатчикамъ, либо отдадутъ ихъ въ руки своихъ же руководителей, которые, распоряжаясь порядками въ нихъ, будутъ конечно, преслѣдовать свои пьянокорыстныя цѣли, а не цѣли общественной пользы и нравственности.“

№ 287.

Москва, 15-го октября.

Сегодня, въ четвергъ, имѣетъ состояться пріѣздъ короля Италіянскаго въ Вѣну. Его величество сопровождаютъ не только министръ иностранныхъ дѣлъ г. Манчини и президентъ кабинета министровъ г. Депретисъ, но и королева Маргарита. Пребываніе италіянской королевской четы въ Вѣнѣ продлится три дня.

Какъ можно было предвидѣть, и австрійская, и германская печать стараются выдвинуть это событіе на передній планъ и придать ему рѣшающее значеніе для „вновь слагающихся“ политическихъ комбинацій въ Европѣ. При этомъ замѣтно усиленное стараніе заглушить мнѣніе высказанное нѣкоторыми, преимущественно чешскими, органами, будто бы теперешнее свиданіе служитъ противовѣсомъ свиданію въ Данцигѣ. Вѣнскій министерскій органъ,—неизвѣстно впрочемъ какого министра, такъ какъ преемникъ г. Гаймерле до сихъ поръ не назначенъ,— *Wiener Abendpost*, удостовѣряя что вѣсть о свиданіи между королемъ Италіянскимъ и императоромъ Австрійскимъ „принята повсюду съ великимъ удовольствіемъ,“ объясняетъ это удовольствіе тѣмъ что „всякое расширеніе основанія на коемъ зиждется интимность между монархами Германіи и Австріи не можетъ не быть сочтено новою гарантіей мира и новымъ торжествомъ началъ коими знаменуется дружба между Германіей и Австріей.

Neue Freie Presse высказывается по этому поводу болѣе искренне. Органъ нѣмецкихъ централистовъ радуется сближенію Италіи съ Австріей не только потому что сближеніе это само по себѣ событіе желанное, но еще болѣе потому что, по мнѣнію названной газеты, предстоящее свиданіе замѣнило собою „другое свиданіе“ на границахъ Галиціи, о коемъ вѣнская печать еще недавно возвѣщала какъ о дѣлѣ рѣшенномъ и которое, по словамъ тѣхъ же газетъ, нынѣ оставлено. *Neue Freie Presse* припоминаетъ при этомъ что и свиданіе короля Италіянскаго съ императоромъ Австрійскимъ состоялось не безъ большихъ затрудненій. Уже два мѣсяца тому назадъ появилось извѣстіе объ этомъ свиданіи. Но рядомъ съ обязательнымъ въ этихъ случаяхъ „единодушнымъ“ выраженіемъ сочувствія, въ одной римской газетѣ, слывущей притомъ органомъ министра-президента Депретиса, появилась статья рѣзко критикующая предполагаемую поѣздку короля въ Австрію. Затѣмъ распространился слухъ что бывшій министръ-президентъ, г. Каироли, пользующійся большимъ довѣріемъ короля Гумберта, былъ главнымъ противникомъ поѣздки короля. Г. Каироли, правда, опровергалъ этотъ слухъ, но лишь спустя двѣ недѣли послѣ его появленія и въ выраженіяхъ довольно неопредѣленныхъ; однако толки о поѣздкѣ вскорѣ замолкли совсѣмъ, и всѣ думали что планъ свиданія окончательно разстроился; тѣмъ большее значеніе, по мнѣнію вѣнской газеты, имѣетъ теперь эта поѣздка, которая состоится де по настоянію Германіи, вслѣдствіе личнаго посредничества наслѣдника Германскаго престола. По другимъ слухамъ, главную посредническую роль игралъ здѣсь король Саксонскій, который недавно посѣтилъ со своею супругой Италіянскую королевскую чету въ Монцѣ. Какъ бы то ни было, но по мнѣнію вѣнской газеты, важнѣе всего въ этомъ событіи то что сближеніе между Австріей и Италіей „есть дѣло Германіи“.

Австро-германская печать, не довольствуясь этими общими выраженіями своего удовольствія, старается также объяснить въ чемъ именно заключается выгода которую извлечетъ Италія изъ тѣснѣйшаго сближенія со своими восточными сосѣдями. Италія нашла де теперь выходъ изъ того изолированнаго положенія въ коемъ она до сихъ поръ находилась. Отношенія ея ко Франціи становятся съ каждымъ днемъ все болѣе натянутыми; это обнаружилось де послѣ происшедшаго лѣтомъ избіенія Италіянцевъ въ Марсели; всего же болѣе затаенная вражда между

Италіей и Франціей усилилась со времени завладѣнія Франціей Тунисомъ, которое показало Италіянцамъ какъ не состоятельны были ихъ мечтанія о владычествѣ въ Средиземномъ Морѣ. Италіянские либералы, доказываетъ одна изъ берлинскихъ газетъ, издавна питаютъ великую симпатію къ г. Гладстону, и со времени его вступленія въ управленіе дѣлами Англіи, они возлагали великія надежды на союзъ и поддержку Англіи противъ неумѣренныхъ французскихъ притязаній на сѣверное побережье Африки. Но печальный опытъ показалъ де Италіянцамъ что ни дипломатическій вѣсъ, ни военное могущество Англіи недостаточны для того чтобъ отстоять, сверхъ спеціальныхъ англійскихъ интересовъ, и интересы Италіи. Въ случаѣ серіознаго столкновенія на Средиземномъ Морѣ, Англія едва ли могла бы удѣлить какую-либо часть своихъ сихъ на подмогу Италіи; не говоря ужь о томъ что колеблющаяся политика г. Гладстона по дѣламъ иностраннымъ придаетъ его дружбѣ весьма сомнительное значеніе. Въ скобкахъ замѣтимъ что берлинскія газеты никогда не упускаютъ случая выставить политику теперешняго англійскаго премьера въ весьма неблагопріятномъ свѣтѣ.

Итакъ Италія, по мнѣнію берлинскихъ газетъ, съ одной стороны не можетъ не предвидѣть возможности открытаго столкновенія съ одною изъ западныхъ великихъ державъ, другая же изъ нихъ оказывается союзникомъ ненадежнымъ. Въ виду этого Италія должна де была осмотрѣться и искать болѣе прочной опоры для своей политики. Эту-то опору она можетъ де найти въ сближеніи съ Австріей.

Въ чемъ же однако можетъ заключаться эта опора? Вышеизложенное разсужденіе, если и допустить его вѣрность, заключаетъ въ себѣ лишь отрицательную сторону дѣла. Дѣйствительно ли между Франціей и Италіей образовалась пропасть которую ничѣмъ восполнить нельзя, и франко-италіянскій союзъ, о которомъ до сихъ поръ мечтаютъ многіе во Франціи и Италіи, есть неосуществимая химера, или же искусная посторонняя рука сумѣла вовремя бросить между ними яблоко раздора, Тунисъ, дабы разстроить возможность такого союза, во всякомъ случаѣ никто не станетъ утверждать что именно Австрія есть тотъ союзникъ въ которомъ Италія можетъ найти помощь противъ Франціи въ случаѣ столкновенія съ нею и вообще для осуществленія своихъ притязаній на преобладаніе въ Средиземномъ Морѣ. Если Италія имѣетъ своимъ соперникомъ въ Средиземномъ Морѣ Францію, то Австрія является еще болѣе близкимъ и гораздо болѣе притязательнымъ соперникомъ ей въ Адріатическомъ Морѣ. Согласится ли Австрія, цѣною союза съ Италіей, уступить исключительное владычество надъ Адріатикой которую Италіянцы признаютъ италіянскимъ озеромъ? Или, наоборотъ, Италія отречется въ пользу Австріи отъ своихъ правъ на Адріатическое Море? Но такое отреченіе гораздо труднѣе нежели мирное соглашеніе съ Франціей относительно обширныхъ степей сѣверной Африки. Австрія, какъ извѣстно, не отступилась ни въ чемъ отъ своихъ обширныхъ политическихъ замысловъ: не только славянскія государства Балканскаго полуострова, но и самую Грецію она считаетъ подлежащими сферѣ своего могущества, а господство надъ Адріатикой признается однимъ изъ основныхъ принциповъ восточной политики не только Австріи, но и Германіи. Берлинскія газеты и теперь этого не скрываютъ. По поводу поѣздки короля Гумберта въ Вѣну, *Національная Газета* замѣчаетъ что эта поѣздка была бы безполезна (для Австріи конечно), если не будетъ найденъ способъ такъ связать Италію чтобъ она отказалась навсегда отъ своихъ притязаній на Адріатику и чтобъ она не могла очутиться при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ противъ Австріи.

Вотъ какою цѣною предлагаютъ Италіи купить союзъ съ Австріей. Но высказанное при этомъ берлинскою газетой опасеніе служитъ и лучшимъ указаніемъ на шаткость всѣхъ этихъ комбинацій. Эффекты, въ родѣ теперешняго торжества въ Вѣнѣ по случаю пріѣзда туда ихъ италіянскихъ величествъ, имѣютъ значеніе для дипломатіи, и пока она дѣйствуетъ на первомъ планѣ. При первомъ же пушечномъ выстрѣлѣ не только отступаетъ на задній планъ дипломатія, но большею частью исчезаютъ и всѣ ея выдумки.

№ 288.

Москва, 16-го октября.

Для правильнаго рѣшенія питейнаго вопроса необходимо прежде всего выяснить что̀ именно въ существующихъ порядкахъ особенно вредно и требуетъ устраненія; затѣмъ, установить иныя основанія для продажи питій.

Первая задача можно сказать исполнена. Для всѣхъ здравомыслящихъ людей ясно что главное зло требующее устраненія заключается въ продажѣ вина съ *распитіемъ на мѣстѣ*.

Но какъ достигнуть на практикѣ того чтобы торговля на выносъ не превращалась на дѣлѣ въ распивочную? Какъ сдѣлать чтобы рядомъ съ законною торговлей на выносъ не развилось въ широкихъ размѣрахъ корчемство, чтобы нынѣшніе привыкшіе къ своему промыслу кабатчики не продолжали спаивать народъ въ безчисленныхъ тайныхъ шинкахъ? Вотъ главная задача. Она долго представлялась столь трудною, даже неразрѣшимою, что многіе, при всемъ желаніи избавить народъ отъ кабака, при всемъ сознаніи причиняемаго имъ страшнаго зла, считали однако это зло неизбѣжнымъ, шли на сдѣлку съ нимъ, мечтая лишь о томъ чтобы хоть немного его ослабить или путемъ численнаго сокращенія питейныхъ заведеній, или преобразованіемъ ихъ по какому-нибудь мнимо-усовершенствованному типу.

Но точно ли эта задача не разрѣшима?

Если, запретивъ распивочную продажу, оставить въ силѣ всѣ прочіе существующіе порядки, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить торговлю спиртными напитками на выносъ наравнѣ съ прочими товарами изо всякихъ торговыхъ заведеній и мелочныхъ лавокъ, какъ предлагаютъ иные, никакого проку, конечно, не будетъ. Большинство мелочныхъ лавочекъ обратятся въ мѣста распивочной продажи, въ тѣ же кабаки, какъ это отчасти видимъ мы и нынѣ, не смотря на конкурренцію настоящихъ кабаковъ. Пресѣчь подобное зло однѣми мѣрами полицейскаго надзора было бы трудно, труднѣе чѣмъ теперь, ибо число мѣстъ продажи за которыми нужно слѣдить увеличилось бы до чрезвычайности, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обнаруженія злоупотребленій почти всегда возникалъ бы споръ точно ли продажа была распивочною, а не на выносъ. Но при рѣшеніи питейнаго вопроса ничто не побуждаетъ сохранять нынѣшніе признанные непригодными порядки, и тѣмъ болѣе ничто не побуждаетъ разрѣшать повсемѣстную изо всѣхъ лавочекъ продажу питей, что̀ было бы мѣрой равносильною искусственному поощренію корчемства и тайныхъ шинковъ. Повсемѣстная свободная торговля питіями хотя бы только на выносъ была бы почти также вредна какъ и кабацкая; благодаря ей оставался бы въ силѣ почти тотъ же соблазнъ который нынѣ мѣшаетъ замѣнѣ неправильнаго потребленія вина правильнымъ домашнимъ. Требуется не разбросанная, ускользающая отъ контроля, а концентрированная торговля питіями, въ ограниченномъ числѣ мѣстъ достаточномъ для того чтобы каждый безъ хлопотъ могъ достать себѣ вино для домашняго обихода, но не въ такомъ чтобъ эти мѣста попадались на каждомъ шагу въ каждомъ уголкѣ гдѣ живутъ люди. Внѣ опредѣленныхъ мѣстъ продажи не только торговля питіями, но и самое нахожденіе ихъ въ какомъ бы то ни было торговомъ помѣщеніи должно быть признаваемо нарушеніемъ питейнаго устава и судиться какъ корчемство.

Но какъ быть съ корчемствомъ? Какъ бороться съ этимъ зломъ противъ котораго, какъ утверждаютъ, въ теченіе вѣковъ, во всѣхъ странахъ были испытаны всѣ возможныя мѣры и которое все-таки ничѣмъ не могло быть сломлено? При самыхъ строгихъ мѣрахъ преслѣдованія корчемства, представляемыя имъ выгоды всегда оказывались такъ заманчивыми что занимающіеся имъ люди шли на всякій рискъ, и энергія преслѣдователей разбивалась о многочисленность нарушеній и нарушителей закона. У насъ даже откупщики, со всею арміей своихъ ничѣмъ не стѣснявшихся агентовъ и опираясь на всѣ силы усердно помогавшей имъ администраціи, не въ состояніи были искоренить корчемство хотя и наполняли тюрьмы массами арестантовъ, а суды безконечнымъ множествомъ дѣлъ о нихъ. Предоставленная въ 1863 году питейной торговлѣ широкая, почти полная свобода не только не убила корчемства, но напротивъ, содѣйствовала его распространенію прекративъ строгость надзора господствовавшую въ откупное время. Какъ ни дешевы были патенты, какъ ни слабъ былъ надзоръ, но торговать совсѣмъ безъ патентовъ, совсѣмъ

безъ надзора, было еще выгоднѣе. Эти выгоды росли по мѣрѣ возвышенія цѣны патентовъ, и вся исторія нашего питейнаго дѣла за послѣднія восемнадцать лѣтъ была, какъ видно изъ записки составленной Департаментомъ Неокладныхъ Сборовъ, исторіей постепеннаго усиленія и распространенія корчемства. Чувствуя себя безсильными бороться съ нимъ, содержатели законносуществующихъ питейныхъ заведеній во многихъ случаяхъ вступили въ союзъ съ корчемниками, при соблюденіи обоюдныхъ выгодъ, такъ что множество тайныхъ шинковъ сдѣлались какъ бы отдѣленіями патентованнаго кабака, и въ одномъ селѣ, на ряду съ кабакомъ, существовало по восьми шинковъ, не мѣшая его процвѣтанію. Въ настоящее время корчемство у насъ очень сильно, несмотря на обиліе кабаковъ. Во сколько же разъ оно усилится когда кабаки будутъ закрыты? Велика ли въ такомъ случаѣ будетъ польза отъ закрытія кабаковъ? Явное зло замѣнится еще горшимъ тайнымъ, болѣзнь будетъ вогнана внутрь организма. Можетъ ли это быть желательно? Вотъ голоса и отзывы которые приходится слышать со всѣхъ сторонъ.

Самымъ сильнымъ, радикальнымъ средствомъ противъ корчемства, какъ мы полагаемъ, было бы то которое лишило бы этотъ промыселъ его заманчивости, которое лишило бы корчемниковъ извлекаемыхъ изъ него выгодъ. Эти выгоды даетъ имъ главнымъ образомъ огромная разница между цѣной вина въ оптовой и розничной продажѣ, въ ведерной и чарочной, а затѣмъ возможность, разбавляя вино и подмѣшивая въ него разныя специи, брать деньги за ничего не стоящую воду. Попробуйте уничтожить по возможности всякую разницу между ведерною и чарочною цѣной вина, сдѣлайте чтобы сотая часть ведра продавалась за сотую часть цѣны ведра, а не за цѣну въ полтора раза и вдвое высшую, какъ нынѣ; дайте народу возможность получать въ раздробительной продажѣ вино по ведерной цѣнѣ, притомъ не балованное какъ у шинкарей и кабатчиковъ, а надлежащаго качества,—и посмотрите много ли останется у шинкаря побужденій, подвергаясь всякому риску, вести тайную торговлю водкой, много ли останется охотниковъ покупать у него дорогою цѣной разбавленное и подмѣшанное вино когда у каждаго будетъ возможность пріобрѣтать въ какомъ угодно количествѣ доброе вино по болѣе дешевой цѣнѣ. Будетъ ли развиваться тайная питейная торговля, если она будетъ лишена и барышей, и покупателей? Будетъ ли корчемство поставленное въ такія условія вознаграждать рискъ сопряженный съ этимъ промысломъ?

Сомнительно чтобъ уравненія чарочной и ведерной цѣны вина можно было достигнуть при оставленіи питейной торговли въ частныхъ рукахъ; равно сомнительно чтобы при частной продажѣ могли быть достаточно гарантированы надлежащія крѣпость и качества спирта. Это противорѣчило бы обычнымъ коммерческимъ разчетамъ. Всякій товаръ продается дешевле оптомъ нежели въ разницу. Затѣмъ въ питейной торговлѣ продажа вина не надлежащихъ крѣпости и качества не составляетъ специальности однихъ кабатчиковъ и корчемниковъ, но замѣчается и у многихъ содержателей винныхъ складовъ. Соблазнъ такъ великъ что при оставленіи питейной торговли въ частныхъ рукахъ надѣяться на возможность установленія условій нужныхъ для того чтобы подорвать корчемство, значило бы увлекаться пустою мечтою и видѣть людей не такими каковы они на самомъ дѣлѣ. Указанныя необходимыя для подавленія корчемства условія осуществимы, какъ мы полагаемъ, лишь при установленіи казенной монополіи питейной продажи.

Пугаться казенной монополіи въ этомъ дѣлѣ, думаемъ, нѣтъ никакихъ основаній. Казенная питейная монополія ни чуть не страшнѣе табачной, а эта послѣдняя въ полномъ ходу и даетъ хорошіе результаты во Франціи и въ Австріи, такъ что примѣру этихъ странъ готовится послѣдовать и Германія.

Установленіе у насъ казенной питейной монополіи ни въ какомъ отношеніи не было бы возвращеніемъ къ испытанному и осужденному исторіей „цареву кабаку“. Да и зло кабака состояло не въ томъ что онъ былъ „царевъ“, а въ томъ что онъ былъ мѣстомъ распивочной продажи. Требуется же не казенная распивочная продажа, а казенная продажа на выносъ, установленіе продажи вина на основаніяхъ подобныхъ тѣмъ какъ продается, напримѣръ, гербовая бумага.

Въ интересахъ дѣла, мы очень желали бы чтобъ эта мысль подверглась всесто-

ронней критикѣ. А мы чѣмъ болѣе вникаемъ въ дѣло, тѣмъ яснѣе представляются намъ выгоды какія могло бы принести и казнѣ, и народу установленіе казенной питейной монополіи. Мало того что такою мѣрой былъ бы существенно подорванъ корчемный промыселъ и такимъ образомъ были бы положены предѣлы спаиванію народа изъ корыстныхъ цѣлей людьми этимъ занимающимися; народъ не мало выигралъ бы и на цѣнѣ вина какъ предмета правильнаго домашняго употребленія. Нынѣ вино достается не одинаковою цѣной людямъ достаточнымъ и недостаточнымъ. Люди достаточные, наравнѣ съ кабатчиками покупающіе его ведрами, платятъ за него умѣренныя цѣны; люди могущіе брать вино только малыми мѣрами платятъ за него цѣны очень возвышенныя. На потребленіи вина народомъ лежитъ двойной налогъ: одинъ, необходимый, справедливый и равномѣрный для всѣхъ, въ пользу государства; другой, едва ли менѣе тяжкій, никакою надобностію не оправдываемый, не равномѣрный, падающій на бѣднаго много тяжеле чѣмъ на богатаго - въ пользу тунеяднаго класса людей занимающихся питейною торговлей. Этотъ послѣдній налогъ, въ видахъ облегченія коего пущена, между прочимъ, въ ходъ мертворожденная мысль объ учрежденіи общественныхъ кабаковъ, былъ бы совсѣмъ снятъ съ народа при учрежденіи казенной питейной монополіи. Казна была бы единственнымъ посредникомъ между производителями вина и его потребителями, единственнымъ покупщикомъ вина у винокуренныхъ заводчиковъ и единственнымъ продавцомъ вина народу. Всѣ выгоды винной торговли обращались бы въ пользу одного государства или, что̀ то же самое, всего народа.

Главная трудность питейной реформы, какъ всѣми признано, заключается въ трудности согласовать одинъ государственный интересъ — уменьшеніе пьянства, съ другимъ — необходимостію для казны полученія крупнаго дохода отъ потребленія вина народомъ, которое съ уменьшеніемъ пьянства должно, по крайней мѣрѣ временно, значительно сократиться. Установленіе питейной монополіи представляется намъ наилучшимъ средствомъ преодолѣть это затрудненіе. Благодаря этой монополіи акцизъ можетъ быть сильно поднятъ, почти удвоенъ, а между тѣмъ цѣна вина въ раздробительной продажѣ осталась бы та же что̀ и теперь, такъ что народъ повышенія акциза не почувствуетъ, за исключеніемъ болѣе достаточныхъ классовъ, для которыхъ такое повышеніе акциза будетъ впрочемъ лишь мѣрой уравненія податной тягости съ классами недостаточными. Потребленіе вина вслѣдствіе прекращенія распивочной продажи можетъ уменьшиться хоть вдвое, но казна при повышенномъ вдвое акцизѣ получитъ съ половиннаго количества тотъ же доходъ какой получаетъ нынѣ, такъ что питейная реформа не отозвалась бы невыгодой на государственномъ бюджетѣ. Само собою разумѣется что мы употребляемъ слово акцизъ лишь примѣнительно къ нынѣшнимъ порядкамъ: при казенной монополіи это слово не будетъ имѣть смысла. Мѣсто его заступитъ болѣе или менѣе высокій уровень продажной цѣны вина (одинаковой для ведерной и раздробительной продажи) или точнѣе величина разницы между продажною цѣной и тою по какой казна будетъ принимать вино отъ винокуренныхъ заводчиковъ. Назначеніе продажной цѣны будетъ вполнѣ зависѣть отъ правительства и, смотря по своимъ цѣлямъ, оно всегда будетъ имѣть возможность, безъ нарушенія казеннаго интереса, или понижать цѣну въ видахъ развитія домашняго потребленія вина, или повышать цѣну въ видахъ поощренія трезвости, въ пользу чего все громче и чаще раздаются голоса изъ среды народа.

№ 289.

Москва, 17-го октября.

Въ газетныхъ извѣстіяхъ о первыхъ засѣданіяхъ „совѣщанія" экспертовъ по питейному дѣлу, на ряду съ г. Щепотевымъ упоминался также купецъ Тихомировъ, вмѣстѣ съ первымъ приглашенный изъ того же Богородскаго уѣзда для сообщенія своихъ мыслей и мѣстныхъ свѣдѣній могущихъ имѣть значеніе для обсуждаемаго вопроса. Но извѣстія о томъ что̀ говорилось въ „совѣщаніи" были такъ отрывочны, не полны и сбивчивы что многіе были введены ими въ заблужденіе и могли думать что г. Тихомировъ излагалъ экспертамъ тѣ же взгляды которые развивалъ г. Щепотевъ. Въ эту ошибку впалъ меж-

ду прочимъ и авторъ петербургской корреспонденціи въ № 270 *Московскихъ Вѣдомостей*. На насъ лежитъ обязанность исправить эту ошибку. Предъ нами рядъ документовъ свидѣтельствующихъ что г. Тихомировъ явился на „совѣщаніе" не для пропаганды общественныхъ кабаковъ, а чтобы быть представителемъ крестьянъ многихъ деревень разныхъ волостей уполномочившихъ его всѣми мѣрами ходатайствовать объ избавленіи ихъ отъ питейныхъ заведеній, частныхъ и общественныхъ, кабаковъ и трактировъ—безразлично.

При всей несложности своего содержанія, упомянутые документы, простые и безыскусственные, заслуживаютъ полнаго вниманія. Въ нихъ выражены мысли людей не гоняющихся за ораторскими эффектами, не увлекающихся никакими теоріями, не подбирающихъ факты для подтвержденія модныхъ идей, но просто и прямо заявляющихъ свои нужды и указывающихъ на величайшее зло отъ котораго они терпятъ. Это заявленія людей которые безспорно должны быть наиболѣе свѣдущими въ дѣлѣ, наиболѣе компетентными въ немъ судьями, такъ какъ они на самихъ себѣ испытали всѣ бѣдствія проистекающія отъ тѣхъ порядковъ, устраненіе коихъ составляетъ предметъ ихъ желаній, и на самихъ себѣ должны будутъ испытывать тѣ новые порядки которые будутъ установлены взамѣнъ старыхъ. Это мнѣнія которыя преимущественно должны быть выслушаны и приняты въ соображеніе при обсужденіи питейной реформы если хотятъ чтобъ она достигла цѣли. Это не мнѣнія только, это вмѣстѣ и поступки. Эти документы представляютъ собою свидѣтельство что крестьянами сдѣлано все возможное для заявленія въ законной формѣ ихъ протеста противъ разоряющихъ и развращающихъ ихъ кабаковъ.

Первое мѣсто между этими документами принадлежитъ составленнымъ крестьянами Семеновской волости, Серпуховскаго уѣзда, изъ среды коихъ вышелъ самъ г. Тихомировъ. Прежде всего видимъ мы тутъ выданное ему изъ Семеновскаго волостнаго правленія, за его печатью, 15 іюня 1880 года, свидѣтельство (№ 346) о томъ что онъ, г. Тихомировъ, „принялъ на себя трудъ ходатайствовать объ уменьшеніи питейныхъ заведеній, на что̀ крестьяне Семеновской волости изъявили ревностное свое согласіе." Это стремленіе крестьянъ всей названной волости избавиться отъ кабаковъ, какъ оказывается, выразилось не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ приговорахъ по сему предмету. Одинъ изъ такихъ приговоровъ былъ напечатанъ еще въ № 2 газеты *Русь*, отъ 22 ноября 1880 года; въ другомъ подобномъ приговорѣ постановленномъ 18 декабря 1880 года, за подписомъ представителей крестьянскихъ обществъ всей волости, читаемъ между прочимъ слѣдующее:

„Для приведенія въ исполненіе нашихъ желаній, составляющихъ начало къ уменьшенію пьянства, отъ котораго замѣтно появляется бѣдность, а за ней и то тяжелое горе отъ котораго избавиться мы можемъ только при помощи начальства; а потому мы просимъ, для блага общественнаго, принять на себя трудъ, бывшаго нашего крестьянина, а нынѣ мѣщанина Богородскаго уѣзда, Павловскаго посада, Осипа Тимоѳеевича Тихомирова, изъявившаго уже свое согласіе съ ревностнымъ желаніемъ на пользу крестьянъ; причемъ уполномочиваемъ его, Тихомирова, съ правомъ передовѣрія по его усмотрѣнію, ходатайствовать по сему дѣлу, подавать за его подписомъ всякаго рода бумаги къ должностнымъ лицамъ, являться отъ лица нашего общества со словесными и письменными заявленіями по предмету объ уменьшеніи пьянства, истекающаго главнымъ образомъ отъ часто построенныхъ питейныхъ заведеній; и все что̀ онъ, Тихомировъ, или его повѣренный законно по сему сдѣлаютъ, спорить и прекословить не будемъ и утверждаемъ своимъ подписомъ."

Въ третьемъ документѣ, выданномъ изъ Семеновскаго волостнаго правленія отъ 25 января сего года, за № 49, на имя г. Тихомирова, читаемъ что означенное правленіе

„обратило вниманіе что при разстановкѣ питейныхъ заведеній въ 15-верстномъ разстояніи одно отъ другаго легко можетъ произойти и безпатентная торговля виномъ; въ виду этого, правленіе имѣетъ честь предложить вамъ и повѣренному вашему ходатайствовать и объ увеличеніи наказанія за безпатентную торговлю виномъ, въ виду того что подобный проступокъ составляетъ подрывъ государственнымъ доходамъ. Поэтому правленіе полагало бы возможнымъ ходатайствовать о наложеніи наказанія за безпатентную продажу вина болѣе строгаго, а именно на первый разъ штрафа до

500 р., а во второй — ссылки на поселеніе. Таковымъ наказаніемъ возможно будетъ прекратить безпатентную продажу виномъ."

Довѣренности на ходатайства о сокращеніи питейныхъ и трактирныхъ заведеній, такъ чтобъ одно отъ другаго находились не ближе какъ на 15 или на 20-верстномъ разстояніи, кромѣ Семеновской волости, въ полномъ ея составѣ, оказываются выданными еще 27 декабря 1880 года и отъ нѣкоторыхъ деревень Богородскаго уѣзда, какъ напримѣръ: отъ деревни Слѣдова, Буньковской волости, отъ деревни Авдакиной, и отъ деревни Мамотовой — той самой Ямкинской волости которая нежданно-негаданно получила громкую извѣстность благодаря многолѣтнему существованію въ ней будто бы благодѣтельныхъ для крестьянъ Авдотьинскаго, Молзинскаго и иныхъ общественныхъ кабаковъ.

Представивъ подлинники крестьянскихъ приговоровъ, съ сущностію коихъ знакомятъ вышеприведенныя выписки, довѣренное лицо постановившихъ эти приговоры крестьянъ, въ особомъ письмѣ къ намъ, заявляетъ что выраженная въ означенныхъ приговорахъ просьба сократить число питейныхъ заведеній не исчерпываетъ желанія крестьянъ касательно этого дѣла. Сущность ихъ желаній заключается въ совершенномъ прекращеніи питейныхъ заведеній. „Лучше было бы еслибы совсѣмъ не было кабаковъ," вотъ общее мнѣніе въ средѣ крестьянъ, по заявленію г. Тихомирова. „Легче было бы," говорили они ему, „платить что̀ придется съ души въ видѣ дополнительной подати, даже по пяти рублей съ души, нежели терпѣть кабаки и трактиры, разоряющіе насъ и подрывающіе у насъ нравственность и вѣру."

Какихъ еще нужно данныхъ чтобъ убѣдиться въ томъ какъ именно смотритъ народъ на предпринятую питейную реформу и чего ждетъ отъ нея? И какая огромная разница между народнымъ, живымъ пониманіемъ этого важнаго государственнаго дѣла и формальнымъ, бюрократическимъ отношеніемъ къ нему представителей нашей интеллигенціи, наглядно доказавшей своими сужденіями о питейной реформѣ всю свою несостоятельность. Въ какой мѣрѣ эта наша интеллигенція разошлась съ народомъ и утратила способность понимать его нужды, обнаружилось между прочимъ въ слѣдующемъ:

Заявленія сдѣланныя въ „совѣщаніи" чиновникомъ сочинившимъ по питейному дѣлу записку мало отступающую отъ шаблона по какому обыкновенно такія записки пишутся обратили на себя общее вниманіе. Этимъ заявленіямъ, хотя авторъ въ нихъ самъ себѣ противорѣчилъ, хотя поверхностность его знакомства съ дѣломъ сразу бросалась въ глаза, было придано самое серіозное значеніе. Наша интеллигенція увидала тутъ свое, родное, плоть отъ плоти своей. А рядомъ прошли незамѣченными, какъ бы не имѣющія никакого вѣса и значенія, заявленія идущія отъ представителя крестьянъ цѣлой группы деревень двухъ уѣздовъ, крестьянъ не съ чужихъ словъ и не изъ бумагъ знакомыхъ съ приносимыми кабакомъ плодами, крестьянъ вотъ уже болѣе года употребляющихъ всѣ доступныя имъ средства ходатайства предъ властями о томъ чтобъ ихъ избавили ото всякихъ кабаковъ и трактировъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, хотя бы цѣной поголовнаго обложенія новою прямою податью въ размѣрѣ всей суммы получаемой правительствомъ отъ питейныхъ сборовъ. Это наша интеллигенція пропускаетъ мимо ушей; это ей непонятно и чуждо. Не знаешь что̀ подумать въ виду такого грустнаго явленія. Невольно закрадывается въ голову вопросъ: серіознымъ или не серіознымъ дѣломъ представляется задуманная питейная реформа въ глазахъ людей которые, повидимому, такъ усердно изо дня въ день занимались ея обсужденіемъ?

№ 291.

Москва, 19-го октября.

Теперь выяснилось что въ числѣ вопросовъ предложенныхъ военной коммиссіи стоитъ на первомъ планѣ вопросъ „о недостаткахъ нынѣшняго устройства центральныхъ военныхъ управленій, и о томъ могутъ ли эти недостатки быть устранены частными измѣненіями нѣкоторыхъ подробностей въ устройствѣ министерства, или же необходимо измѣнить то коренное основаніе системы въ силу коего всѣ отрасли управленія войсками, хозяйственной частью и личнымъ составомъ сосредоточены въ одномъ лицѣ Военнаго министра, являющагося единственнымъ докладчикомъ Государю."

Военное Министерство учреждено у насъ впервые при Императорѣ Александрѣ I въ 1812 году и притомъ на началахъ далеко отличающихся отъ теперешнихъ. Управленіе войсками отдѣлялось тогда отъ управленія хозяйственною частью въ обширномъ смыслѣ; первое находилось въ вѣдѣніи начальника „Главнаго Штаба Его Величества,“ а послѣднее въ вѣдѣніи собственно Военнаго министра, подчиненнаго начальнику Главнаго Штаба. Несмотря на различныя частныя преобразованія, система эта продержалась почти четверть столѣтія. Только въ 1832 году Императоръ Николай I указалъ высшему военному управленію новое устройство, опредѣливъ подробно составъ, предметы занятій, обязанности, права, отношенія и отвѣтственность Военнаго Министерства. Новое положеніе утверждено 29 марта 1836 года. Съ тѣхъ поръ военный министръ является лицомъ вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ, а всѣ предметы подлежащіе вѣдѣнію Военнаго Министерства раздѣляются на два разряда: къ первому принадлежатъ личный составъ войскъ и всѣхъ мѣстъ военнаго управленія, размѣщеніе войскъ, движеніе, надзоръ за дѣйствіями всѣхъ мѣстъ и лицъ военнаго вѣдомства, а ко второму военное законодательство вообще и часть хозяйственная во всѣхъ ея видахъ и отношеніяхъ. Предметы перваго разряда принадлежатъ исключительному завѣдыванію Военнаго министра, а предметы послѣдняго разряда Военному Совѣту, подъ предсѣдательствомъ министра. Такимъ образомъ, въ лицѣ Военнаго министра сосредоточивалось высшее управленіе военно-сухопутными силами Имперіи. Система эта съ незначительными повидимому измѣненіями удержалась и по настоящее время, хотя съ 1862 года и замѣтно желаніе расширить права и полномочія Военнаго министра непосредственно подчинивъ ему и такія учрежденія какъ напримѣръ военно-учебныя заведенія, управленія генералъ-инспектора по инженерной части и генералъ-фельдцейхмейстера, кои до того были подчинены министру лишь косвенно, „въ порядкѣ высшаго управленія.“ Вмѣстѣ съ этими преобразованіями, вслѣдствіе введенія военно-окружной системы, отъ центральныхъ органовъ министерства отошелъ мелочный контроль за дѣйствіями всѣхъ чиновъ военнаго вѣдомства и часть хозяйственныхъ заботъ переданныхъ въ военно-окружные совѣты. Преобразованія эти, начатыя въ 1862 году, окончились лишь въ 1867 году, и въ 1869 году издано было новое положеніе о Военномъ Министерствѣ. Несмотря однако на заботу по возможности облегчить Военное Министерство, передавъ всю мелочную работу исполнительнымъ, второстепеннымъ инстанціямъ, кругъ дѣятельности Военнаго Министерства, а слѣдовательно и обязанностей Военнаго министра и Военнаго Совѣта, расширялся какъ по причинѣ развитія нашихъ вооруженныхъ силъ, такъ и вслѣдствіе внутреннихъ реформъ вообще и успѣховъ военнаго дѣла. Достаточно упомянуть что уже въ 1869 году пришлось при Военномъ Совѣтѣ учредить *пять* особыхъ комитетовъ, считая и реформированный комитетъ по устройству и образованію войскъ, учрежденный еще въ 1862 году. Подобнымъ же образомъ постепенно разростались устройство и дѣятельность подчиненныхъ Военному министру главныхъ управленій различными отдѣлами военнаго вѣдомства.

Ходъ дѣлъ указываетъ на необходимость облегчить положеніе Военнаго министра, снявъ съ него часть заботъ и передавъ ихъ мѣстнымъ военнымъ начальникамъ, раздѣливъ, сверхъ того, если окажется возможнымъ, обязанности лежащія на министрѣ между нѣсколькими самостоятельными высшими начальниками. Это приводитъ, съ одной стороны, къ дальнѣйшему развитію децентрализаціи въ военномъ управленіи, начало коей положено учрежденіемъ военныхъ округовъ, число коихъ имѣется теперь въ виду уменьшить и быть-можетъ придать имъ другой характеръ; а съ другой является вопросъ который должна была обсудить собранная теперь коммиссія „удобно ли примѣнить у насъ германскую систему, при которой въ лицѣ Военнаго министра сосредоточены всѣ распорядительныя дѣйствія касающіяся войскъ и хозяйственныхъ управленій, а въ лицѣ начальника Генеральнаго Штаба сосредоточено высшее завѣдываніе образованіемъ войскъ и специальными вопросами касающимися подготовки средствъ для веденія войны. При этой системѣ въ военномъ вѣдомствѣ является и третій докладчикъ, начальникъ военнаго кабинета Монарха, руководящій дѣлами по производству и назначенію на высшія должности.“

Говорятъ что три лица стоящія во главѣ военнаго управленія не могутъ быть

совершенно независимы другъ отъ друга, что предметы ихъ вѣдомствъ имѣютъ слишкомъ много точекъ соприкосновенія, и что, наконецъ, этимъ была бы создана система хроническихъ пререканій, особенно неудобная въ военное время. Примѣръ Германіи доказываетъ однако что всѣ эти возраженія и скрывающіяся за ними опасенія вовсе не серіозны. Германская военная система, съ ея тремя докладчиками Монарху, нисколько не нарушаетъ единства управленія арміей въ высшемъ значеніи. Она только приближаетъ строй военнаго вѣдомства мирнаго времени къ строю времени военнаго. Во главѣ управленія стоитъ Монархъ и власть его объединяетъ и направляетъ дѣятельность всѣхъ вѣдомствъ къ одной общей цѣли, точно такъ же какъ власть главнокомандующаго объединяетъ дѣятельность самостоятельныхъ органовъ его штаба.

№ 292.

Москва, 20-го октября.

Помѣщенные ниже отчеты о судебныхъ дѣлахъ разбиравшихся недавно въ разныхъ мѣстахъ нельзя оставить безъ замѣчанія, особенно дѣло объ убійствѣ 80-лѣтняго дѣда 18 лѣтнимъ внукомъ. Кровавыя преступленія между близкими родственниками стали повторяться въ послѣднее время страшно часто. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ также вниманія дѣло разбиравшееся въ Гжатскѣ о задушеніи мужа женою съ помощью наемнаго убійцы, причемъ и сынъ убитаго былъ оговоренъ убійцей какъ прямой участникъ въ преступленіи. Но тутъ главная виновница, хотя и получившая отъ „щедрыхъ на милость“ присяжныхъ снисхожденіе, подверглась по крайней мѣрѣ соотвѣтствующему по закону наказанію. Внукъ же убившій своего дѣда, самъ сознавшійся въ своемъ преступленіи, вышелъ изъ суда съ наказаніемъ столь ничтожнымъ что въ данномъ случаѣ оно почти равносильно оправданію.

Крестьянинъ Захаръ Васильевъ, Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи, былъ главою многочисленной и сравнительно зажиточной семьи. Кромѣ жены, у него былъ женатый сынъ, который въ свою очередь имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ 18-лѣтняго Алексѣя, который незадолго до преступленія женился. Старикъ Захаръ, оставаясь „большакомъ“ въ семьѣ, сдалъ управленіе хозяйствомъ сыну и внуку, котораго онъ особенно любилъ. Но въ послѣднее время отношенія старика къ семьѣ стали натянутыми вслѣдствіе его связи съ постороннею женщиной. Алексѣй былъ огорченъ поведеніемъ старика-дѣда, которое онъ считалъ срамомъ для всей семьи. По показанію свидѣтелей, онъ имѣлъ въ душѣ это огорченіе и не любилъ о немъ говорить. Но наконецъ скрытое озлобленіе прорвалось и разыгралось ужасною драмой. Внукъ вооружившись огромнымъ коломъ, подстерегъ старика-дѣда въ лѣсу, кинулся на него и положилъ его на мѣстѣ, раздробивъ ему черепъ на четыре части. По осмотру трупа оказалось еще что лѣвое ухо сорвано, лѣвый глазъ подбитъ и переломлены ключица и ребро. Присутствовавшій при убійствѣ пріятель Алексѣя свидѣтельствуетъ объ ужасающемъ по истинѣ хладнокровіи молодаго убійцы *послѣ* преступленія. Онъ позаботился о томъ чтобы скрыть дѣло рукъ своихъ и сталъ оттаскивать трупъ съ дороги. Трупъ оказался слишкомъ тяжелымъ, и онъ попросилъ пріятеля помочь ему, сказавъ при этомъ: „грузенъ, старый чортъ, одинъ не уволокешь.“

Всѣхъ этихъ фактовъ никто на судѣ не отрицалъ и самъ Алексѣй въ своемъ преступленіи сознался, хотя виновность его была раскрыта помимо его, и предварительное слѣдствіе первоначально, благодаря его стараніямъ скрыть слѣды преступленія, приняло фальшивое направленіе. Обвинитель старался доказать что мотивомъ преступленія была корысть, такъ какъ семья убитаго опасалась чтобы старикъ не обездолилъ ихъ въ пользу своей любовницы. На этой почвѣ споръ былъ возможенъ, тѣмъ болѣе что и свидѣтельскія показанія давали поводъ усомниться въ подобной цѣли преступленія. Но защита этимъ не ограничилась. Не довольствуясь и тѣмъ чтобъ исходатайствовать обвиняемому снисхожденіе, защитникъ перенесъ споръ на совершенно иную почву. Вопреки неоспоримымъ фактамъ, онъ сталъ доказывать что тутъ не было не только преднамѣреннаго, но и просто умышленнаго убійства, а было де лишь убійство въ запальчивости и раздраженіи. И присяжные засѣдатели утвердили эту вопіющую не-

правду своимъ приговоромъ, признавъ подсудимаго еще сверхъ того заслуживающимъ снисхожденія, а судъ пошелъ еще далѣе самихъ присяжныхъ...

По господствующимъ въ нашей адвокатурѣ пріемамъ и понятіямъ, защита Алексѣя была „благодарною" защитой. О подсудимомъ и его поведеніи были даны одобрительные отзывы; въ извѣстной степени сочувствіе къ нему могло быть возбуждено и вслѣдствіе его крайней молодости, хотя съ другой стороны нельзя было не принять во вниманіе и звѣрскаго ожесточенія и хладнокровія необычайныхъ въ столь юномъ возрастѣ. Но главнымъ образомъ защита была „благодарна" потому что было возможно „накинуться" на жертву преступленія. Предосудительное поведеніе старика, вотъ что̀ послужило самымъ обильнымъ источникомъ для адвокатскаго краснорѣчія. Таковъ установившійся у насъ обычный пріемъ. Какъ бы ни было тяжко преступленіе, но коль скоро окажется поводъ подвергнуть порицанію *жертву* преступленія, большинство нашихъ защитниковъ не преминетъ прибѣгнуть къ этому маневру. И, что̀ всего печальнѣе, присяжные подаются на эту ловушку и съ дѣтскою поспѣшностью и произвольностью умозаключенія убавляютъ, а иногда и вовсе отрицаютъ виновность подсудимаго, потому что лицо потерпѣвшее по той или иной причинѣ не заслужило ихъ симпатіи.

Но чѣмъ чаще повторяются на судѣ подобныя явленія уклоняющія правосудіе отъ его прямаго пути, тѣмъ настоятельнѣе обязанность суда предупреждать самую возможность подобнаго „уловленія" присяжныхъ. Присяжные разрѣшаютъ вопросы факта, но судъ руководитъ процедурой, имѣющею цѣлью разъясненіе, а не затемненіе фактовъ. Самая постановка вопросовъ зависитъ отъ суда и все то что̀ утверждается сторонами произвольно, а тѣмъ болѣе въ явное противорѣчіе съ обстоятельствами дѣла, твердо установленными, не можетъ служить предметомъ вопроса формулованнаго для присяжныхъ.

Въ разбираемомъ нами дѣлѣ судъ долженъ былъ устранить вопросъ о совершеніи убійства въ запальчивости и раздраженіи, ибо безспорныя обстоятельства дѣла не допускали такой квалификаціи. Очевидецъ и участникъ преступленія разказалъ о немъ въ такомъ смыслѣ что намѣренность и предумышленность убійства не подлежали сомнѣнію. Орудіе преступленія, колъ захваченный Алексѣемъ когда онъ пошелъ на встрѣчу дѣду, было предъ глазами судей и присяжныхъ. Самъ убійца сознался, и противъ показанія своего сообщника не возражалъ. Какой же поводъ имѣлъ судъ допустить постановку вопроса о запальчивости и раздраженіи, если судъ понималъ лучше чѣмъ присяжные что убійца долженъ былъ понести наказаніе именно за то что̀ было имъ содѣяно, и что порочное поведеніе дѣда не только по закону, но и по совѣсти и здравому смыслу, не могло послужить поводомъ къ тому чтобы вопреки истинѣ подмѣнить преступленіе тяжкаго характера другимъ несравненно менѣе важнымъ. Судъ не только допустилъ такое явное искаженіе факта, но примѣнилъ къ невѣрно понятому присяжными факту наказаніе еще болѣе поразительное по своей ничтожности и не соотвѣтствующее закону.

За убійство дѣда, если бы признана была предумышленность этого убійства, Алексѣй Васильевъ подлежалъ каторжной работѣ безъ срока, по ст. 1.451 Улож. о Нак. еслибъ онъ былъ совершеннолѣтнимъ; а такъ какъ ему было только 18 лѣтъ, то по ст. 139 Уложенія наказаніе это должно было быть смягчено до 20 лѣтъ каторги. За убійство въ запальчивости и раздраженіи, согласно рѣшенію присяжныхъ, судъ обязанъ былъ примѣнить къ подсудимому вторую половину ст. 1.455 Улож. о Нак. Самымъ низшимъ нормальнымъ наказаніемъ была въ этомъ случаѣ степень 7 ст. 19 Улож. о Нак., т.-е. каторжная работа отъ 4 до 6 лѣтъ, хотя судъ могъ принять за норму и 4-ю степень той же статьи, то-есть каторжную работу отъ 10 до 12 лѣтъ. Но присяжные дали подсудимому снисхожденіе; еслибы судъ положилъ наказаніе даже на двѣ (а не на одну степень) и притомъ сравнительно съ наиболѣе низкою изъ указанныхъ нормъ, то и тогда низкій предѣлъ до котораго могъ по закону дойти судъ при опредѣленіи наказанія была ссылка въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

А судъ приговорилъ убійцу дѣда къ трехгодичному тюремному заключенію безо всякаго лишенія правъ...

При этомъ попуститель злодѣянія взятъ за наказаніе на казенный прокормъ въ продолженіе мѣсяца.

№ 293.

Москва, 21-го октября.

У насъ принято всѣми на вѣру будто наша питейная система, при всѣхъ ея невыгодахъ для народа, за то очень выгодна для казны. Эта мысль такъ вкоренилась въ умахъ что въ предпринятой питейной реформѣ видятъ какъ бы нѣкое посягательство на казенные интересы, какъ бы нѣкую жертву которую казна должна принести на алтарь народнаго блага. Такъ смотритъ на дѣло и нынѣшній управляющій Министерствомъ Финансовъ, какъ видно изъ его рѣчи въ засѣданіи „свѣдущихъ людей“ 24 сентября, въ которой онъ, признавая „необходимость финансовыхъ жертвъ,“ считалъ однако нужнымъ сдѣлать оговорку что эти жертвы не должны выходить изъ „предѣловъ указываемыхъ необходимостью и благоразуміемъ, потому что финансовые интересы суть также интересы народные, и отъ разстройства финансовъ прежде всего терпитъ весь народъ.“

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, питейная реформа нужна сколько въ интересахъ народа, столько же и въ интересахъ казны. Преобразованіе питейнаго дѣла благодѣтельное для народа сопряжено не съ ущербомъ, а съ приращеніемъ казенныхъ доходовъ.

Разорительная для народа, существующая питейная система отнюдь не можетъ считаться удовлетворительною и съ точки зрѣнія казеннаго интереса. Казна получаетъ питейнаго дохода отъ 200 до 230 милліоновъ рублей въ годъ; но это далеко не maximum того дохода который она могла бы получать по той же статьѣ при несравненно меньшемъ отягощеніи народа. Не уплата 200—230 милліоновъ получаемыхъ казной обременяетъ и разоряетъ народъ,—эту сумму онъ могъ бы внести въ казну даже въ видѣ прямой подати дополнительной къ существующимъ сборамъ,—его разоряетъ и тяготитъ система посредствомъ которой означенная сумма съ него взимается; не цифра питейныхъ сборовъ тяжела, тяжело то что при существующей системѣ народъ долженъ тратить нѣсколько рублей для того чтобы въ казну попалъ изъ нихъ одинъ, а иногда ни одного. Одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ нашей питейной системы заключается именно въ томъ что она есть не столько способъ взиманія казеннаго налога, сколько средство эксплуатаціи народа несмѣтною ордой всяческихъ паразитовъ. Эти паразиты съ одной стороны поѣдаютъ народное достояніе, съ другой перехватываютъ въ свои руки не малую долю того что̀ должно было бы поступать въ казну. Питейная реформа устраняющая этихъ паразитовъ отъ питейнаго дѣла имѣла бы одновременнымъ результатомъ и увеличеніе государственнаго питейнаго дохода, и огражденіе народа отъ систематическаго разоренія и развращенія, коимъ онъ столь долгіе годы подвергается.

Не входя въ подробный анализъ всѣхъ недостатковъ нынѣшней питейной системы разсматриваемой съ чисто казенной, бюджетной точки зрѣнія, остановимся лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе бросающихся въ глаза, невыгодныхъ для казны сторонахъ этой системы. Начнемъ съ производства вина, съ условій въ которыя съ 1863 года поставлено у насъ винокуреніе.

Всѣ болѣе или менѣе знаютъ что̀ такое перекуръ и какое значеніе имѣетъ онъ для винокуренныхъ заводчиковъ. Но едва ли многіе знаютъ какимъ громаднымъ ущербомъ отзывается этотъ перекуръ на поступленіи государственныхъ доходовъ. Приблизительный разчетъ понесенныхъ казной отъ перекура убытковъ не трудно сдѣлать на основаніи тѣхъ свѣдѣній которыя сообщаются въ *Ежегодникахъ Министерства Финансовъ*, и по которымъ можно составить себѣ понятіе о ходѣ винокуреннаго дѣла по всей Имперіи (за исключеніемъ Привислинскихъ губерній) въ первыя шестнадцать лѣтъ дѣйствія нынѣшней системы, съ 1863 по 78 годъ. Размѣръ перекура не одинаковъ на разныхъ заводахъ, не одинаковъ и на одномъ и томъ же заводѣ въ разные годы. Но въ *Ежегодникѣ* приведена за каждый годъ средняя цифра выражающая процентное отношеніе освобождаемаго отъ акциза перекура къ прочему количеству выкуреннаго вина оплачиваемаго акцизомъ; взявъ эти процентныя отношенія и ежегодныя поступленія виннаго акциза, можно разчесть сколько слѣдовало, но не было взыскано акциза съ перекура. Мы сдѣлали этотъ разчетъ *) и оказалось что осво-

*) Для наглядности приводимъ самый разчетъ:

Годы.	Акцизъ съ вина.	Перекуръ въ %.	Недоборъ акциза съ перекура.
1863	122.822.692 р.	7,38	9.064.314 р.
1864	98.057.138 „	11,22	11.002.010 „

божденіе перекура отъ акциза обошлось казнѣ въ шестнадцать лѣтъ, по 1878, въ *двѣсти шестьдесятъ милліоновъ рублей* *).

Кромѣ акциза, въ питейномъ доходѣ, какъ извѣстно, играютъ видную роль еще патентные сборы. По этой статьѣ казна въ шестнадцать лѣтъ, съ 1863 по 1878, получила всего 201.318.850 руб. Цифра крупная; и однако казеннаго дохода отъ патентовъ оказалось недостаточно чтобы покрыть казенный ущербъ отъ перекура, превысившій на шестьдесятъ милліоновъ весь доходъ отъ патентовъ.

Казна потеряла на перекурѣ 260 милліоновъ рублей, но народъ отъ этого ничего не выигралъ; эти 260 милліономъ были имъ уплачены, только поступили не въ казну, а разошлись по карманамъ винокуренныхъ заводчиковъ. Можетъ-быть за то выиграла винокуренная промышленность? Винокуреніе важный промыселъ имѣющій право на поддержку и поощреніе по его тѣсной связи съ земледѣліемъ; оно обезпечиваетъ сбытъ значительной части земледѣльческихъ продуктовъ, продажа коихъ въ натурѣ иной разъ можетъ быть невыгодна или затруднительна; оно даетъ производительное употребленіе лежалому, попортившемуся, подгнившему хлѣбу, негодному для употребленія въ пищу. Если милліоны уплаченные народомъ, но потерянные казной, пошли на поддержку винокуренія въ интересахъ земледѣлія, съ этимъ можно было бы примириться. Но этого нѣтъ. Напротивъ, система перекуровъ порвала существовавшую до ея введенія тѣсную связь между винокуреніемъ и земледѣліемъ. Она убила мелкіе винокуренные заводы, особенно важные для земледѣлія какъ по вышеуказаной причинѣ, такъ между прочимъ и потому что на мелкихъ заводахъ побочный продуктъ винокуренія, барда, составляющая отличный кормъ для скота, шла на это свое назначеніе. Взамѣнъ мелкихъ заводовъ создались крупные, не на сельско-хозяйственныхъ, а на коммерческихъ основаніяхъ, заводы не заинтересованные въ томъ чтобъ утилизовать барду, которая между тѣмъ получается въ громадномъ количествѣ въ пунктахъ гдѣ въ ней нѣтъ надобности, гдѣ она имѣетъ очень ограниченный сбытъ или вовсе не имѣетъ сбыта, почему, какъ продуктъ по своей цѣнѣ не выдерживающій перевозки, бросается (на многихъ заводахъ просто вываливается въ рѣки) и пропадаетъ безплодно. Благодаря системѣ перекура, вмѣсто худшихъ, попорченныхъ, непригодныхъ для пищи сортовъ хлѣба, на винокуреніе пошли лучшіе сорта, въ ущербъ народному питанію у котораго были отняты. Ради усиленія выходовъ спирта изъ квасильныхъ чановъ опредѣленнаго размѣра, пошла въ эти чаны, между прочимъ, почти вся пеклевань, которую поэтому въ такъ-называемыхъ пеклеванныхъ хлѣбахъ стала все болѣе и болѣе замѣнять невысокаго качества пшеничная мука. Это не вина заводчиковъ, не какой-либо вредный умыселъ съ ихъ стороны: это прямой результатъ системы перекура, системы сдѣлавшей то что полученіе перекура стало для заводчика дѣломъ болѣе важнымъ чѣмъ производство всей прочей массы выкуриваемаго вина. Чтобъ это было ясно, возьмемъ для примѣра винокуренную кампанію 1876—1877 года. Въ одной губерніи въ эту кампанію было выкурено всего 571.768 ведеръ спирта. Еслибы перекуры не давали особыхъ барышей, денежная выгода заводчиковъ, за расходами производства, ограничивалась бы можетъ-быть всего какими-нибудь 20 к. съ ведра, а въ итогѣ съ небольшимъ 104 тысячами; но изъ общаго количества выкуреннаго спирта, 72.622 ведеръ спирта составляютъ перекуръ, и семирублевый акцизъ съ каждаго ведра идетъ въ пользу

Годы.	Акцизъ съ вина.	Перекуръ въ %.	Недоборъ акциза съ перекура.
1865	111.605.542 р.	10,05	11.216.356 р.
1866	106.142.681 „	12,18	12.928.178 „
1867	113.069.876 „	9,61	10.866.015 „
1868	113.441.486 „	10,71	12.149.583 „
1869	113.296.598 „	12,77	14.467.975 „
1870	138.044.363 „	13,13	18.125.224 „
1871	145.282.063 „	13,19	19.162.704 „
1872	144.968.857 „	15,26	22.122.247 „
1873	147 369.097 „	13,02	19.187.456 „
1874	163.330.070 „	13,85	22.621.214 „
1875	161.763.528 „	14,45	23.374.829 „
1876	153.911.436 „	13,94	21.455.254 „
1877	155.370.352 „	14,26	22.145.812 „
1878	176.723.274 „	9,68	17.106.813 „
	Итого въ 16 лѣтъ.....		266.995.984 р.

*) Говоримъ 260 вмѣсто 267 милліоновъ, потому что при введеніи въ 1863 нынѣшней питейной системы было оплачено акцизомъ не только вновь выкуренное вино, но и оставшееся отъ винокуреніи прежнихъ лѣтъ. Не зная сколько его оставалось, мы опредѣлили количество перекура въ 1863 выше дѣйствительнаго, и для исправленія этого невольнаго преувеличенія, скидываемъ семь милліоновъ съ подведеннаго итога акцизныхъ потерь по перекуру.

заводчика, а это составляетъ барышъ въ 510 тысячъ руб., впятеро большій правильнаго коммерческаго барыша отъ всего производства. Какъ же не гнаться за перекуромъ, какъ не употреблять всѣхъ мѣръ для того чтобъ его было возможно больше? Никто себѣ не врагъ. Но принятіе средствъ для полученія наибольшаго перекура дѣло сподручное заводчику-спеціалисту, а не сельскому хозяину, для котораго винокуреніе составляетъ лишь подспорье, а не главный предметъ занятій. И сельскіе хозяева въ большинствѣ должны были бросить винокуреніе, лишиться этого хозяйственнаго подспорья. Система перекура вырвала у нихъ изъ рукъ этотъ промыселъ чтобъ отдать его заводчикамъ-спекулянтамъ. Этого мало: система перекура отдала всю торговлю спиртомъ во власть немногихъ монополистовъ. Заводчики получающіе наибольшій перекуръ тѣмъ самымъ становятся господами рынка, и хозяева винокурень безъ перекура или съ малымъ перекуромъ должны, подъ страхомъ разоренія, безпрекословно имъ подчиняться. Иначе быть не можетъ. Заводчикъ при большомъ перекурѣ можетъ продать спиртъ гораздо дешевле чѣмъ онъ ему самому обходится и все-таки остаться въ большихъ барышахъ, между тѣмъ какъ заводчики не пользующіеся выгодами перекура должны были бы при такихъ цѣнахъ разориться. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ, заводчики могли бы отдать свой спиртъ даже даромъ потребовавъ отъ покупателя только одной уплаты казеннаго акциза, и все-таки не остались бы въ убыткѣ. Возможно ли правильное винокуреніе, возможна ли правильная питейная торговля при подобномъ условіи?

Тѣ же выгоды что и перекуръ даетъ заводчикамъ утайка спирта, а равно тайное винокуреніе, особенно развитое, сколько извѣстно, въ западномъ краѣ, гдѣ, между прочимъ, гонятъ тайно спиртъ изъ черной патоки получаемой какъ побочный продуктъ при сахаровареніи. До какихъ размѣровъ доходятъ злоупотребленія въ винокуреніи неизвѣстно; но что они громадны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Соблазнъ огромныхъ денежныхъ выгодъ такъ великъ что люди къ которымъ перешло занятіе винокуреніемъ съ трудомъ могутъ противъ него устоять. Въ борьбѣ съ этими злоупотребленіями безсильны всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры, между прочимъ и введенные на заводахъ контрольные снаряды Штумпе и Сименса-Гальске. Между тѣмъ потеря казны отъ этихъ злоупотребленій едва ли меньше потерь отъ перекура. Основанія на которыхъ зиждется винокуреніе таковы что всякая мѣра принимаемая правительствомъ къ сокращенію размѣровъ освобождаемаго отъ акциза перекура ведетъ за собою усиленіе злоупотребленій по утайкѣ спирта. А народу опять отъ этого не легче; онъ оплачиваетъ акцизъ и съ законно, и съ мошеннически выкуреннаго вина, только этотъ послѣдній акцизъ идетъ не въ казну, а въ карманы мошенниковъ. Дѣло стоитъ тѣмъ хуже что всякія злоупотребленія появившіяся на одномъ заводѣ распространяются силою самихъ вещей и по другимъ заводамъ, ибо при честномъ веденіи дѣла конкурренція часто становится невозможною, и заводчику остается на выборъ или закрыть заводъ, или дѣйствовать по примѣру своихъ собратій съ менѣе щепетильною совѣстью.

Къ указаннымъ потерямъ казны на акцизѣ должно присоединить еше ущербъ на винѣ ввозимомъ въ страну изъ-за границы путемъ контрабанды. Какъ великъ этотъ контрабандный ввозъ, конечно, не извѣстно. Но что онъ великъ, это хорошо извѣстно чинамъ таможенной стражи. Можно даже думать что весь спиртъ вывозимый отъ насъ за границу ввозится къ намъ обратно контрабандой, что самый отпускъ его за границу составляетъ часто лишь ловкій пріемъ къ освобожденію отъ акциза спирта не пользующагося правами перекура. И здѣсь опять ущербъ казны есть въ то же время и ущербъ для народа.

Но довольно о производствѣ, перейдемъ къ посредничеству между производствомъ и потребленіемъ, къ питейной торговлѣ.

При заводской цѣнѣ спирта въ 1 руб. даже въ 2 р. за ведро, при 7рублевомъ, даже при нынѣшнемъ 8рублевомъ акцизѣ, 40градусное вино должно бы продаваться отъ 3 р. 20 к. до 4 р. за ведро. Но вино даже оптомъ продается много дороже, среднимъ числомъ, какъ утверждаютъ компетентные въ дѣлѣ люди, по 5 р. По такой цѣнѣ идетъ въ продажу и вино оплаченное акцизомъ, и перекуръ, и тайно выкуренное вино, и привезенное изъ-за границы контрабандой, всего въ количе-

ствѣ minimum 75 милліоновъ ведеръ. Отъ 75 до 125 милліоновъ рублей поступаетъ такимъ образомъ ежегодно въ руки оптовыхъ торговцевъ и содержателей винныхъ складовъ. Отъ уплаты этой суммы народомъ казна ничего не выигрываетъ; но и народъ и казна много бы выиграли еслибъ упомянутая сумма раздѣлилась между ними, еслибы, напримѣръ, половина ея пошла на увеличеніе казеннаго питейнаго дохода, а другая половина осталась въ карманахъ потребителей вина. Не принимаемъ въ разчетъ злоупотребленій допускаемыхъ винными складчиками, разбавки вина водой и продажи вина меньшей крѣпости, причемъ вода идетъ за вино и, во вредъ казнѣ, ложится на народъ тяжелымъ налогомъ.

Въ раздробительной продажѣ цѣна 40 градуснаго вина поднимается съ 5 р. до 8 р. за ведро и выше. Если изъ потребляемыхъ ежегодно 75 милліоновъ ведеръ продается раздробительно 60 милліоновъ, то выйдетъ что разница между чарочною и ведерною продажей обходится народу ежегодно во 180 милліоновъ рублей. И народу стало бы легче, и государственные доходы получили бы большое приращеніе, еслибы казна взяла питейное дѣло въ свои руки и подѣлила бы между собой и народомъ эти 180 милліоновъ достающіеся нынѣ кабатчикамъ.

Но кабатчикамъ и шинкарямъ достается ежегодно не 180 милліоновъ, а много болѣе. По хорошей цѣнѣ продается народу вино почти безъ исключенія въ маломѣрной посудѣ, притомъ сильно разбавленное водой, а недостатокъ крѣпости въ безсовѣстно разбавленной водкѣ сплошь и рядомъ возмѣщается разными вредными и одуряющими примѣсями, купоросомъ, дурманомъ, настоемъ махорки и т. п. Неизмѣримъ вредъ причиняемый этимъ народному здоровью, не говоря уже о деньгахъ которыя при этомъ народъ тратитъ попусту. И народу было бы лучше, и казнѣ было бы въ прибыль еслибы выпиваемую нынѣ одурманенную воду заступило доброе небалованное вино продаваемое безъ обмѣра.

№ 295.

Москва, 23-го октября.

Обращаемъ вниманіе на помѣщаемое ниже письмо военнаго корреспондента изъ Германіи. Дѣло идетъ о предметѣ повидимому не важномъ, о расквартированіи Германской арміи, но сообщаемые корреспондентомъ факты (и нѣкоторыя умолчанія) таковы что даютъ возможность понять не только принятый въ этомъ дѣлѣ въ Германіи весьма поучительный порядокъ, но раскрываютъ и тѣ разнообразныя цѣли кои при этомъ преслѣдуются германскимъ военнымъ министерствомъ.

Письмо подоспѣло кстати, въ то время когда въ Петербургѣ одна военная коммиссія обсуждаетъ коренныя начала нашего военнаго устройства, а другая созванная только 19 октября, должна обсудить вопросъ о размѣрѣ, характерѣ и порядкѣ отбыванія войсками разнаго рода послугъ прочимъ вѣдомствамъ. Этотъ порядокъ находится въ непремѣнной и тѣсной связи не только съ дѣломъ расквартированія войскъ въ мирное время, но и съ вопросомъ о подготовкѣ успѣшнаго и быстраго перехода арміи отъ мирнаго положенія къ военному. Въ свою очередь, размѣръ и характеръ послугъ войска другимъ вѣдомствамъ оказываетъ дѣйствіе и на здоровье ихъ и на самую продолжительность сроковъ службы, или же, принимая послѣдніе неизмѣнными, на степень боевой ихъ подготовки: когда на эти послуги тратится слишкомъ много времени, то его остается мало на ученье. Въ такомъ положеніи находится это дѣло у насъ; въ Германіи смотрятъ иначе. Тамъ признается что армія прежде всего должна быть расквартирована такъ чтобы каждая часть могла удобно обучаться, вести хозяйство и соблюдать строгую дисциплину. Эта цѣль требуетъ чтобы такъ-называемыя „отдѣльныя части,“ полки, отдѣльные баталіоны и артиллерійскія бригады, располагались совокупно, „въ сборѣ.“ Къ достиженію этого уже много лѣтъ направлены заботы военнаго министерства въ Германіи, и теперь изо 161 пѣхотнаго полка только шестьдесятъ шесть расположены не совокупно, а полуполками и побаталіонно.

Всѣхъ „гарнизонныхъ пунктовъ,“ то-есть мѣстъ стоянокъ войскъ въ мирное

время, въ Германіи только 331, и войска распредѣлены между ними весьма неравномѣрно; при этомъ условіи германская армія не занимаетъ, какъ это дѣлается во что̀ бы то ни стало у насъ, всѣхъ городовъ, а стало-быть не несетъ и не можетъ нести большей части тѣхъ послугъ постороннимъ вѣдомствамъ какія несутъ наши войска.

Главная и почти исключительная послуга германскихъ войскъ гражданскимъ вѣдомствамъ заключается въ поддержаніи авторитета власти. Ради этого гарнизоны большихъ или особенно безпокойныхъ городовъ бываютъ сильнѣе, хотя для этого и приходится отчасти жертвовать удобствами обученія. И германское военное министерство жертвуетъ именно только *отчасти*, потому что даже въ Берлинѣ квартируютъ всего 19 баталіоновъ, 21 эскадронъ и двѣ артиллерійскія бригады.

Свободное отъ мелочныхъ послугъ гражданскимъ вѣдомствамъ, военное министерство приноровило мирную дислокацію войскъ къ требованіямъ быстрой мобилизаціи и къ удобному по окончаніи ея сосредоточенію войскъ на требуемомъ базисѣ военныхъ дѣйствій; массы войскъ расположены близко къ желѣзнымъ дорогамъ и занимаютъ преимущественно узлы ихъ, т.-е. пункты пересѣченія дорогъ, что̀ даетъ возможность легко и удобно направить въ случаѣ нужды войска въ любую сторону. Уже давно въ Германіи дѣйствуетъ правило чтобы планы мобилизаціи и перевозки войскъ къ театру войны вырабатывались въ мирное время и были бы такъ соображены чтобъ исполненіе ихъ не встрѣчало никакихъ препятствій. 1870 годъ доказалъ что Германскій генеральный штабъ обладаетъ въ этомъ дѣлѣ умѣньемъ доходящимъ до изумительной виртуозности. Сообщаемые корреспондентомъ факты относительно дислокаціи Германской арміи доказываютъ что и теперь эта армія также легко повернется фронтомъ куда укажутъ обстоятельства, какъ и въ 1870 году. Полтора года назадъ въ парламентѣ фельдмаршалъ фонъ-Мольтке указывалъ что Германія должна быть всегда готова къ къ этому, что ей можетъ даже представиться надобность повернуться фронтомъ на двѣ и притомъ даже на двѣ противоположныя стороны. Дислокація вполнѣ соотвѣтствуетъ такимъ комбинаціямъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, главныя массы германскихъ войскъ сосредоточены на западной границѣ по берегамъ Рейна, который послужитъ базисомъ въ случаѣ войны съ Франціей. На Рейнѣ, всего только въ 12 пунктахъ, расположена масса войскъ которая тотчасъ по окончаніи мобилизаціи составитъ около полутораста тысячъ подъ ружьемъ, подъ прикрытіемъ коихъ можетъ произойти окончательное сосредоточеніе всей арміи. Рядъ сильныхъ крѣпостей даетъ твердую опору этимъ передовымъ войскамъ на случай неожиданнаго наступленія противника до окончанія полнаго сосредоточенія нѣмецкой арміи. То же самое и на востокѣ Германіи, по русской границѣ. Здѣсь, почти какъ разъ по самой нашей границѣ, охватывая ее, расположена въ шести пунктахъ сила которая, по окончаніи мобилизаціи, составитъ въ первой линіи около ста тысячъ, за которыми въ ближайшемъ резервѣ, у Штетина, Берлина и Дрездена найдется до пятидесяти тысячъ кои весьма легко и безъ малѣйшей задержки могутъ быть перевезены по желѣзнымъ дорогамъ къ русской границѣ, на линію крѣпостей, окончательная перестройка и усиленіе коихъ теперь почти уже окончены. Не труднѣе для Германіи и поворотъ къ югу, къ сторонѣ Австро-Венгріи, хотя изъ расположенія войскъ замѣтно что такой поворотъ въ Берлинѣ до послѣдняго времени считался наименѣе вѣроятнымъ. Однако, и вдоль австрійской границы расположено въ шести пунктахъ около шестидесяти или семидесяти тысячъ, за которыми въ резервѣ, въ трехъ пунктахъ, расположено около тридцати тысячъ, готовыхъ немедленно поддержать передовыя войска.

Такимъ образомъ расквартированіе Германской арміи таково что всѣ дѣйствія съ момента объявленія мобилизаціи вполнѣ обезпечены отъ неожиданной помѣхи непріятеля, чего далеко нельзя сказать о дислокаціи ближайшихъ сосѣдей Германіи. Еще недавно всѣ видѣли съ какимъ трудомъ Франція снарядила экспедиціонный корпусъ для дѣйствій въ Тунисѣ, какъ мало было подготовлено Французское военное министерство къ мѣрамъ вызываемымъ объявленіемъ мобилизаціи. Въ свое время и у насъ было не мало толковъ какъ плохо обезпечено у насъ сосредоточеніе войскъ къ западной границѣ; было указано что незначительный германскій отрядъ двинувшись отъ Кенигсберга и Летцена надолго

можетъ остановить успѣшную перевозку по Петербурго-Варшавской дорогѣ.

Мы находимся въ мирѣ и дружбѣ съ Германіей, еще такъ недавно подтвержденной при Данцигскомъ свиданіи монарховъ, но дружественныя отношенія ни сколько не препятствуютъ усиленію нашей боевой готовности, улучшенію нашей военной системы. Что укрѣпленія на нашей западной границѣ, что расквартированіе и средства сосредоточенія нашихъ войскъ къ западному театру войны не вполнѣ отвѣчаютъ военнымъ требованіямъ, все это приписываютъ обыкновенно нашимъ громаднымъ разстояніямъ недостатку средствъ и необходимости величайшей экономіи въ государственныхъ расходахъ. Едва ли все это дѣйствительно такъ. Еще почти на дняхъ, въ нашемъ военномъ бюджетѣ оказалось возможнымъ сдѣлать сбереженія, суммы коихъ въ теченіе десятка лѣтъ съ избыткомъ достало бы на удовлетвореніе тѣхъ дѣйствительныхъ военныхъ нуждъ о которыхъ столько говорилось въ послѣдніе годы. Не въ томъ ли дѣло что въ Россіи не было особаго докладчика Монарху о мѣрахъ необходимыхъ для обезпеченія и развитія боевой готовности арміи, какимъ служитъ въ Германіи вполнѣ самостоятельный начальникъ генеральнаго штаба?

№ 296.

Москва, 24-го октября.

Казенная монополія есть единственно-вѣрное рѣшеніе питейнаго вопроса, равно выгодное и для казны и для народа.

Прежде всего, казенная монополія устранила бы нынѣшнюю неправильную постановку винокуренія и возстановило бы утраченную имъ столь важную связь съ земледѣліемъ. Съ упраздненіемъ системы перекуровъ, сельскіе хозяева получатъ возможность заниматься винокуреніемъ не страшась конкурренціи заводчиковъ-спекулянтовъ. Для спекуляціи винокуренное производство потеряетъ свою нынѣшнюю заманчивость неимовѣрныхъ барышей, болѣе приличныхъ лотереѣ или биржевой игрѣ чѣмъ правильной промышленности. Винокуреніе станетъ тѣмъ чѣмъ должно быть, подспорьемъ сельскаго хозяйства, средствомъ утилизовать земледѣльческіе продукты которые въ натурѣ не могутъ найти выгоднаго сбыта. При сельско-хозяйственныхъ винокурняхъ не будетъ пропадать и ихъ побочный продуктъ, барда, а пойдетъ на пользу столь важнаго въ сельскомъ хозяйствѣ скотоводства. Самыя винокурни распредѣлятся по странѣ болѣе равномѣрно, сообразно съ условіями земледѣлія. Винокуреніе, конечно, должно подлежать строгому надзору, дабы вино съ завода не поступало помимо казны въ продажу, но нѣтъ никакихъ поводовъ стѣснять его. Какъ бы ни былъ великъ избытокъ винокуреннаго производства, онъ, за удовлетвореніемъ внутренней потребности въ винѣ (которое, полагаемъ, по мѣрѣ развитія правильнаго домашняго потребленія и съ устраненіемъ замѣны вина отравленною водой, будетъ возрастать, а не умаляться), можетъ быть сполна сбываемъ за границу, или чрезъ посредство казны, или подъ ея наблюденіемъ, какъ будетъ признано удобнѣе. Въ усиленномъ отпускѣ спирта за границу страна получила бы новый источникъ обогащенія, новыя средства къ исправленію своего торговаго баланса, къ уменьшенію заграничныхъ денежныхъ платежей, большіе размѣры коихъ роняютъ наши курсы и вредно отзываются на всемъ нашемъ финансовомъ положеніи. Притомъ, вывозъ хлѣба въ видѣ спирта гораздо выгоднѣе чѣмъ въ зернѣ, вопервыхъ, потому что сбытъ всякаго продукта въ обработанномъ видѣ прибыльнѣе чѣмъ въ видѣ сырья, вовторыхъ, потому что при отпускѣ спирта не вывозились бы вмѣстѣ съ нимъ составные элементы необходимые для плодородія почвы, которыхъ страна безвозвратно лишается въ пользу другихъ, отпуская хлѣбъ въ зернѣ. Казна съ реформой винокуренія перестала бы нести ежегодныя огромныя потери на перекурѣ, и этимъ вполнѣ была бы вознаграждена за утрату получаемыхъ ею нынѣ патентныхъ сборовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, много сократились бы столь распространенныя теперь утайка спирта и тайное винокуреніе, ибо устранились бы главныя причины побуждающія къ этимъ злоупотребленіямъ и благопріятствующія ихъ сокрытію. Когда покупателемъ вина у заводчика будетъ только казна, заводчику будетъ слишкомъ рискованно сбывать тайно-выкуренное вино въ частныя руки. Теперь, какъ только контрабандно-выкуренное вино удалось вывести съ завода и доставить въ какой-нибудь складъ или въ питейное заведеніе,

такъ и концы въ воду. Тогда иное дѣло. Какъ только гдѣ-нибудь нашлось вино не въ казенной посудѣ, безъ казенной печати и бандероли, тотчасъ подозрѣніе, тотчасъ спросъ откуда взялось вино, и заводчику трудно будетъ увернуться отъ большаго штрафа, а при повтореніи злоупотребленія—и отъ закрытія завода.

Еще болѣе важные и выгодные результаты дало бы введеніе казенной монополіи по отношенію къ питейной торговлѣ. При продажѣ питей изъ казенныхъ штофныхъ лавокъ только на выносъ и ни подъ какимъ видомъ не распивочно; при продажѣ вина въ разномѣрной, непремѣнно стеклянной и металлической (для устраненія пробуравленія въ видахъ отлива и подмѣси къ вину иныхъ жидкостей), не только запечатанной (печати, какъ хорошо извѣстно акцизному надзору, слишкомъ легко подделываются, и глиняные слѣпки съ нихъ не разъ были отбираемы отъ кабачниковъ), но и обандероленной поверхъ печати посудѣ; при разливѣ вина лишь въ главныхъ казенныхъ складахъ, напримѣръ при винокуренныхъ заводахъ, въ присутствіи особыхъ надежныхъ комиссій изъ представителей разныхъ вѣдомствъ и земства; наконецъ, главное, при установленіи одинаковой цѣны вина какъ въ ведерной такъ и въ дробной продажѣ (разницу могла бы дѣлать только цѣна посуды, которая въ мѣстахъ продажи принималась бы отъ покупателей обратно по опредѣленной таксѣ, чѣмъ окончательно уравнивались бы ведерныя и чарочныя цѣны)—главная масса неудобствъ и злоупотребленій нынѣ существующаго порядка питейной торговли, накладнаго казнѣ и народу, была бы устранена. Народъ получалъ бы въ дробной продажѣ вино хорошаго качества и по пониженной противъ нынѣшняго цѣнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ казна получала бы съ *каждаго проданнаго ведра* (нынѣ съ огромнаго количества выпиваемаго народомъ вина казна вовсе не получаетъ никакого дохода) несравненно большій чѣмъ нынѣ доходъ,—доходъ достаточный и для покрытія всѣхъ издержекъ его взиманія, и для серіознаго усиленія бюджетныхъ средствъ. То сокращеніе потребленія вина котораго можно ожидать вслѣдствіе устраненія соблазна представляемаго нынѣшнею распивочною торговлей было бы въ значительной мѣрѣ возмѣщено увеличеніемъ домашняго потребленія, поощреннаго пониженіемъ цѣны вина въ дробной продажѣ противъ нынѣшнихъ чарочныхъ цѣнъ.

Корчемство было бы подсѣчено въ корню и сократилось бы до послѣдней возможности вслѣдствіе устраненія условій его вызывающихъ и ему благопріятствующихъ. Теперь, купивъ въ складѣ трехъведерный боченокъ, корчемникъ распродаетъ его въ розницу за двадцать четыре рубля, т.-е. наживаетъ (чему позавидуетъ самый завзятый ростовщикъ) въ короткое время 60% на капиталъ даже не прибѣгая къ разбавкѣ вина водою и къ подмѣсямъ, при помощи коихъ барышъ можетъ подняться до 100 и болѣе процентовъ. Сбытъ вина корчемнику обезпеченъ: онъ продаетъ вино не дороже чѣмъ продаютъ въ патентованномъ кабакѣ и даже дешевле, ибо ему не нужно выбирать денегъ на патентъ, котораго онъ не бралъ, и на другіе кабацкіе расходы, которыхъ онъ не дѣлалъ; если у него *балованное* вино, то вѣдь и въ кабакѣ оно едва ли много лучше. Но иное дѣло при вышеизложенномъ порядкѣ казенной продажи вина. Едва ли найдется много охотниковъ купить ведро за шесть рублей чтобы продать его въ розницу—искусство для искусства—тоже за шесть рублей; а платить дороже мало кто станетъ имѣя возможность покупать дешевле въ казенной штофной лавкѣ. Выгадать не на цѣнѣ, а на разбавкѣ водой и на подмѣсяхъ, опять мало разчета: кто же будетъ покупать дрянное вино, когда за тѣ же деньги можно купить хорошее? Изъ-за чего же будетъ подвергаться быть пойманнымъ въ корчемствѣ и понести за него строгое наказаніе? Игра не будетъ стоить свѣчъ.

Противъ установленія казенной питейной продажи только на выносъ, защитники частной и притомъ распивочной торговли не замедлятъ, конечно, выступить со своими обычными возраженіями. Какъ же, скажутъ они, напримѣръ, обойтись безъ кабака проѣзжему, промокшему или продрогшему въ дорогѣ? Заѣхать въ кабакъ, выпить тамъ стаканъ водки, наконецъ вытереться водкой,—вѣдь это при иныхъ обстоятельствахъ необходимость, иной разъ спасеніе здоровья, даже жизни. Хотя такіе случаи вообще не часты, но и ихъ, конечно, слѣдуетъ принять во вниманіе; только мы не можетъ понять почему такіе случаи могутъ требовать распивочной продажи вина. Чтобъ обогрѣться и

отдохнуть, проѣзжему нуженъ въ дорогѣ никакъ не кабакъ, лишенный всякихъ для того удобствъ, если не считать удобствомъ пьяный гамъ; проѣзжему нуженъ постоялый дворъ. И нѣтъ надобности чтобы на постояломъ дворѣ производилась питейная торговля; достаточно чтобы на проѣзжихъ трактахъ были устроены казенныя штофныя лавки въ тѣхъ деревняхъ гдѣ есть постоялые дворы. Ничто тогда не помѣшаетъ проѣзжему послать съ постоялаго двора въ штофную лавку за полуштофомъ, косушкой или шкаликомъ водки. Допущеніе на постоялыхъ дворахъ питейной торговли есть нововведеніе печальной памяти 1863 года, и извѣстно къ какимъ злоупотребленіямъ повело оно съ перваго же шага. До 1863 года продажа водки на постоялыхъ дворахъ не допускалась, и ни содержателямъ постоялыхъ дворовъ, ни проѣзжимъ никакого худа отъ того не было. Распивочная продажа — разумѣется частная, а не казенная — могла бы быть допущена только въ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ буфетахъ, въ клубахъ, табльдотахъ и пользующихся доброю репутаціей городскихъ ресторанахъ, которымъ, поэтому, въ виду исключенія, можетъ быть разрѣшаема земствомъ распивочная торговля. Даже городскіе трактиры, по настоящему должны бы быть мѣстомъ чайной и съѣстной, а не питейной торговли.

Далѣе, противъ введенія казенной питейной монополіи дѣлается еще возраженіе, будто это дѣло потребовало бы прiисканія „нѣсколькихъ десятковъ тысячъ идеальныхъ въ нравственномъ отношеніи людей“ для завѣдыванія онымъ. Но какія же это идеальныя нравственныя качества, какія особыя способности нужны для занятій менѣе сложныхъ и болѣе механическихъ чѣмъ разборка писемъ въ любой почтовой конторѣ? Продать покупателю по таксѣ ту посудину которую тотъ спрашиваетъ, и отмѣчать ежедневно въ книгѣ, въ особыхъ графахъ, сколько продано и сколько остается запечатанныхъ шкаликовъ, косушекъ, штофовъ и т. п., вотъ все что требуется отъ человѣка которому можетъ быть поручена штофная лавка, и нѣтъ никакой надобности поручать ее чиновнику. Мы желали бы чтобы намъ указали какому неодолимому соблазну подвергалось бы лицо, завѣдующее такою лавкой, какія могли бы быть съ его стороны неустранимыя злоупотребленія при вышеуказанной обстановкѣ продажи. Развѣ только онъ сталъ бы нарочно бить посуду съ виномъ; но за это онъ поплатился бы собственнымъ содержаніемъ, а пожалуй и мѣстомъ. Само собою разумѣется что онъ долженъ дорожить мѣстомъ, что для этого ему должно быть назначено достаточно-щедрое содержаніе, при которомъ онъ могъ бы принимать на себя случайный бой содержащей вино посуды, и которое побуждало бы людей ищущихъ подобнаго мѣста представлять залоги или поручительство, обезпечивающіе предъ казной цѣлость ввѣряемаго имъ казеннаго имущества. Опредѣленіе людей на такія мѣста, съ отвѣтственностью за нихъ, могло бы бы быть, между прочимъ, поручено земству если оно того пожелаетъ. Назначеніе хорошаго содержанія людямъ приставленнымъ къ казеннымъ штофнымъ лавкамъ не затруднитъ казны при тѣхъ огромныхъ доходахъ которые несомнѣнно дастъ ей питейная монополія.

Наконецъ, противъ установленія казенной питейной монополіи могутъ возразить что она уже была де у насъ испытана и въ стародавнія до-Петровскія времена, и въ текущемъ столѣтіи, въ періодъ 1817—1827 годовъ, но не привела къ добрымъ результатамъ. Такое возраженіе можетъ идти только отъ людей недостаточно понимающихъ дѣло о которомъ рѣчь и относящихся къ нему легкомысленно и поверхностно. Ни у насъ, ни гдѣ-либо никогда не была испытана казенная питейная монополія на тѣхъ основаніяхъ при которыхъ она дѣйствительно можетъ быть благотворною. У насъ практиковалась только казенная продажа питей „распивочно и на выносъ“, при томъ съ соблюденіемъ коммерческой разницы между ведерною и чарочною цѣной вина. Ни въ до-Петровскія времена, ни въ послѣдующія вплоть до настоящей минуты, наша питейная система въ сущности не измѣнялась *). При всѣхъ своихъ метаморфозахъ, она никогда не переставала быть *кабацкою*. Кабакъ на вѣрѣ смѣнялся кабакомъ откупнымъ, откупной казеннымъ, казенный опять откупнымъ, откупной вольнымъ, который хотятъ теперь замѣнить мірскимъ, общественнымъ; но при всѣхъ этихъ перемѣнахъ, кабацкое ярмо не переставало тяготѣть на народѣ, оди-

*) Измѣненіемъ ея нельзя считать даже указъ 1652, едва ли должнымъ образомъ исполнявшійся и въ 1659 году отмѣненный.

наково и неизбѣжно развращая и тѣхъ кто его налагалъ, и тѣхъ на комъ оно лежало. Кабакъ не переставалъ господствовать, мѣнялись только жрецы приносившіе жертвы этому Молоху на его поганыхъ алтаряхъ. Распивочная продажа и допущеніе разницы между ведерною и раздробительною цѣнами вина, это такія два условія при которыхъ и корчемство неизбѣжно, и нравственное растлѣніе служащихъ по питейному дѣлу людей, зараженіе ихъ всѣми свойственными кабацкой атмосферѣ пороками неустранимо.

Въ томъ видѣ какъ существовала у насъ казенная продажа питей въ 1817—1827 годахъ, она не могла держаться и должна была пасть. Она вызвала противъ себя общій ропотъ, справедливое негодованіе. Въ газетахъ дѣлаются ссылки, между прочимъ, на мнѣніе высказанное по этому поводу извѣстнымъ графомъ Мордвиновымъ; на то же мнѣніе сослался и чиновникъ составлявшій для „свѣдущихъ людей" записку Департамента Неокладныхъ Сборовъ. Но господамъ дѣлающимъ эти ссылки не мѣшало бы поучиться историческому безпристрастію хотя бы у Ивана Прыжова, автора *Исторіи кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей Русскаго народа*. Это одна изъ самыхъ тенденціозныхъ книгъ; историческое изложеніе служитъ въ ней лишь канвой для безконечныхъ горькихъ сѣтованій на объединеніе Русской земли подъ верховенствомъ Москвы, на созданіе въ ней царскаго единодержавія, отъ чего де и пошло все зло. Но при всей этой тенденціозности, столь понятной въ сподвижникѣ Нечаева, историческая часть книги составлена добросовѣстно, такъ что ею можно пользоваться какъ хорошимъ научнымъ матеріаломъ. Прыжовъ тоже ссылается на мнѣніе графа Мордвинова въ пользу вольной продажи вина, но приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ (стр. 272 и 273) слѣдующія подлинныя слова Мордвинова, предлагавшаго „вывесть изъ употребленія слово ка„бакъ или питейный домъ и замѣнить оныя „лавкою продажнаго вина. Съ уничтоже„ніемъ кабаковъ, мѣстъ сборныхъ для раз„вратныхъ людей и съ *воспрещеніемъ ча„рочной продажи*, гнусный порокъ пьян„ства въ значительной степени уменьшит„ся, безъ уменьшенія вѣроятно казеннаго „дохода, и тогда вино сдѣлается важною „для продажи потребностью и отраслью „для иностраннаго торга, а не упоеніемъ „до безчувствованія и *соединеніемъ пья„ницъ въ скопища*". Сторонникамъ таковыхъ скопищъ и собирающей оныя чарочной, т.-е. кабацкой, продажи не по сердцу эти слова въ которыхъ выражается сущность мнѣнія графа Мордвинова, и они ихъ опускаютъ. А между тѣмъ, въ интересахъ казны и народа нужно было именно послѣдовать его совѣту, съ устраненіемъ, однако, вольной продажи, въ виду невозможности предотвратить въ частныхъ рукахъ превращеніе продажи на выносъ въ продажу распивочную, кабацкую.

„Хотя при казенномъ управленіи," писалъ графъ Канкринъ по поводу опыта сдѣланнаго въ 1817—1827, „доходъ казны и усилился (съ 52 до 67 милліоновъ), но казенное управленіе показало то важное неудобство что *всѣ злоупотребленія по этой части обращались непосредственно въ упрекъ правительству*, и сословіе чиновниковъ развращалось." Для устраненія этихъ упрековъ, питейное дѣло было отдано въ руки откупщиковъ. Но цѣль не была этимъ достигнута. Злоупотребленія откупщиковъ точно также относились къ правительству и совершенно справедливо ставились ему въ упрекъ. Равнымъ образомъ, на немъ лежитъ отвѣтственность и за всѣ злоупотребленія нынѣ дѣйствующей системы, хотя всѣ выгоды отъ этихъ злоупотребленій достаются не казнѣ, а равно примкнувшей къ питейному дѣлу сволочи. Хотя не правительство спаиваетъ народъ, но именно правительству ставится въ укоръ спаиваніе народа, потому что это спаиваніе обусловливается установленною правительствомъ питейною системой. Этотъ укоръ можетъ быть снятъ съ правительства только упраздненіемъ ведущей къ злоупотребленіямъ системы, постановкой питейнаго дѣла въ такія условія при которыхъ устранялись бы существенные недостатки и нынѣшнихъ порядковъ, и порядковъ откупнаго царства, и порядковъ казеннаго питейнаго управленія 1817—1827 годовъ. Главнѣйшіе недостатки всѣхъ этихъ испробованныхъ системъ могутъ быть устранены введеніемъ казенной питейной монополіи на вышеизложенныхъ нами основаніяхъ. Но дабы казенная монополія была дѣломъ полезнымъ для казны и народа, необходимо чтобы продажа была только на выносъ и чтобы разницы въ оптовой и раздробительной цѣнѣ вина не было. Это главное условіе.

№ 298.

Москва, 26-го октября.

А.

Завтра, 27 октября, въ военной коммиссіи призванной обсудить основныя начала нашего военнаго устройства, послѣдуютъ заключительныя пренія и подача голосовъ по вопросу о военно-окружной системѣ. Дѣло это разсматривалось въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, и было ясно что „большинство склоняется въ пользу сохраненія теперешняго военно-окружнаго управленія, рядомъ съ дѣленіемъ арміи на корпуса.“

И это весьма естественно послѣ того какъ коммиссія, тоже *по большинству голосовъ*, высказалась за сохраненіе существующаго устройства Военнаго Министерства, въ тѣхъ видахъ что частыя измѣненія военнаго управленія подрываютъ довѣріе къ прочности учрежденій, уменьшаютъ необходимый для дѣла навыкъ исполнителей, и потому во всякомъ случаѣ обѣщаютъ лишь сомнительныя, „гадательныя“ выгоды...

Если мнѣніе большинства военной коммиссіи получитъ ходъ, если высшее военное управленіе и военно-окружная система будутъ сохранены въ настоящемъ ихъ видѣ, командующій войсками въ округѣ будетъ по прежнему начальствовать, какъ мы уже замѣтили (см. № 278 *Моск. Вѣд.*) $1^1/_2$ корпусомъ и $1^1/_2$ мѣстною бригадой. Это въ командномъ отношеніи вноситъ не оправдываемую необходимостью двойственность управленія и въ значительной мѣрѣ поднимаетъ его стоимость. Въ административномъ отношеніи, у насъ по прежнему сохранится дошедшая до чудовищныхъ размѣровъ бюрократія. Достаточно припомнить что весною настоящаго года, въ канцеляріяхъ и хозяйственныхъ учрежденіяхъ военнаго вѣдомства, числилось шесть тысячъ офицеровъ и почти десять тысячъ чиновниковъ; изъ этой массы полторы тысячи числилось въ центральныхъ учрежденіяхъ министерства, гдѣ въ Германіи нѣтъ и полутораста человѣкъ. Эта масса бюрократовъ ежегодно исписывала чуть не двадцать милліоновъ бумагъ. Какъ все это должно ложиться на государственный бюджетъ и отзываться на быстротѣ и энергіи дѣйствій всѣхъ учрежденій!

Желательно ли сохраненіе такого порядка? Даже *большинство* коммиссіи нейдетъ такъ далеко и признаетъ необходимость частныхъ улучшеній. Но коммиссія призвана не постановлять окончательныхъ рѣшеній по предложеннымъ ей вопросамъ, а лишь высказать свое мнѣніе о нихъ. Окончательное рѣшеніе вопроса будетъ принадлежать власти не обязанной сообразоваться съ тѣмъ кому принадлежитъ то или другое мнѣніе: большинству или меньшинству. Власть призвана взвѣшивать внутреннее достоинство сужденій и относительную компетентность въ извѣстномъ дѣлѣ лицъ подавшихъ то или другое мнѣніе. Составъ военной коммиссіи не обнародованъ. Въ ней, на ряду съ извѣстными своею военною опытностью войсковыми начальниками, засѣдаютъ и начальники высшихъ военныхъ канцелярій, представители кабинетной военной науки.

Противники коренныхъ преобразованій нашего военнаго управленія говорятъ что прочность того или другаго учрежденія служитъ залогомъ успѣшнаго дѣйствія его, что поэтому учрежденій мѣнять часто нельзя, что польза такихъ измѣненій „гадательна“. Правда, не слѣдуетъ колебать государственнаго, установленнаго вѣками строя, не слѣдуетъ легкомысленно мѣнять государственныя начала выработанныя исторіей народа; административные же порядки, напротивъ, необходимо измѣнять по мѣрѣ того какъ мѣняются вызвавшія ихъ условія. Административное учрежденіе не то лучше которое стародавнѣе, а то которое соотвѣтствуетъ требованіямъ дѣла, цѣли для которой оно создано, наконецъ, которое дешевле. Все это въ особенности примѣнимо къ учрежденіямъ военнымъ. Государственныя выгоды требуютъ чтобъ эти учрежденія стояли въ уровень съ современнымъ развитіемъ военнаго дѣла вообще и чтобъ они были не хуже учрежденій сосѣда. Если держаться воззрѣній господъ большинства военной коммиссіи, то намъ приходилось бы и теперь еще оставаться при стрѣлецкихъ учрежденіяхъ и при достопочтенныхъ пищаляхъ. Долголѣтнее существованіе учрежденія имѣетъ свои выгоды, но лишь въ томъ случаѣ когда оно въ своихъ основаніяхъ правильно и удовлетворительно, чего нельзя сказать о нашей системѣ военнаго управленія. Дѣло о преобразованіи ея возникло не вчера, оно тянется уже нѣсколько лѣтъ;

необходимость преобразованія уже признана и коммиссіи слѣдовало бы разсуждать не о томъ нужны или не нужны въ ней измѣненія, а подумать о способахъ какъ бы вѣрнѣе произвести необходимыя улучшенія. Противники коренной реформы объясняютъ что замѣчательное совершенство которымъ обладаетъ германская военная система достигнуто не коренными преобразованіями чрезъ каждыя десять или двадцать лѣтъ, а семидесятилѣтнимъ постепеннымъ усовершенствованіемъ подробностей военнаго устройства по указаніямъ опыта. Это справедливо, но основныя начала германской военной системы остаются безъ перемѣны только потому что оказались вѣрными и сообразными съ современными условіями военнаго дѣла. Въ Германіи никогда не воображали что военная система мирнаго времени можетъ быть одна, а военнаго другая. Въ Германіи военно-административная система не представляется какимъ-то рядомъ наслоеній, какъ у насъ, вслѣдствіе пересадки учрежденій часто даже лишенныхъ всякой связи между собою; тамъ власть высшаго войсковаго начальника не двоится и не парализуется лицомъ имѣющимъ въ командномъ отношеніи почти тотъ же кругъ дѣятельности. Въ Германіи не находятъ нужнымъ имѣть почти столько же военныхъ округовъ сколько корпусовъ; тамъ довольствуются всего пятью инспекціями, причемъ на инспекторѣ лежитъ только высшее направленіе дѣятельности войсковыхъ учрежденій, а не мелочныя административныя заботы.

По мысли реформы 1862 года, учредившей у насъ военно-окружное устройство, къ командующему войсками въ округѣ перешла вся власть прежнихъ корпусныхъ командировъ: корпуса были уничтожены и организовывать ихъ предполагалось только въ военное время смотря по надобности. Опытъ войны 1870 года показалъ что формировать корпуса въ моментъ самой мобилизаціи невозможно не подвергая крайнему риску успѣха всей кампаніи. Рѣшено было вновь сформировать корпуса, т.-е. возвратиться къ тому что̀ было до введенія военно-окружной системы. Вотъ еще когда на самомъ дѣлѣ были предрѣшены основанія нашего военно-административнаго устройства, и вотъ откуда нѣсколько лѣтъ назадъ возникъ вопросъ о военно-окружной системѣ, высказаться по которому приглашена военная коммиссія. Рѣчь идетъ объ упраздненіи учрежденій, несостоятельность которыхъ признана и которыя продолжаютъ существовать на прежнихъ основаніяхъ развѣ только потому что для отмѣны ихъ необходима борьба съ сильною числомъ и вліяніемъ военною бюрократіей, гдѣ по штатамъ на шесть офицеровъ приходится одинъ генералъ, между тѣмъ какъ въ строю одинъ генералъ полагается на пятьдесятъ офицеровъ.

Б.

Въ Сербіи совершилось на дняхъ дѣло возмутительной неправды. Кому на Руси неизвѣстно имя митрополита Михаила? Кто не помнитъ его воззваній, проникавшихъ во глубину Русскаго народа, о помощи Сербіи во дни горя и нужды? И вотъ, митрополита Михаила, ревностнаго сербскаго патріота и вѣрнаго друга Россіи, этого цѣлителя ранъ наносимыхъ православію въ сербскихъ земляхъ подъ игомъ Турціи и Австріи, *дреколіемъ* сгоняетъ съ его священнаго поста какое-то министерство, которое вчера родилось и завтра быть-можетъ исчезнетъ... Что̀ свидѣтельствуетъ этотъ фактъ? Не то ли что послѣ горькой памяти Берлинскаго конгресса поникъ на Востокѣ авторитетъ Россіи, померкло ея обаяніе, и продвинулись замыслы ея противниковъ, враговъ православія и славянства?..

Митрополитъ Михаилъ, окончивъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи со степенью магистра и прослуживъ нѣсколько лѣтъ профессоромъ въ Бѣлградской Духовной Семинаріи, еще въ 1854 году былъ хиротонисанъ во епископа Шабацкой епархіи. Въ 1879 году 14 октября исполнилось 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ онъ служитъ сербской церкви въ санѣ епископа. Когда праздновался юбилей его служенія, вся Сербія восторженно чествовала своего архипастыря. Изъ разныхъ концовъ Россіи и славянскаго міра летѣли привѣтствія. Русскій Государь, который среди всѣхъ православныхъ народовъ востока и славянскаго юга именуется Православнымъ Царемъ сопричислилъ тогда митрополита Михаила къ ордену Св. Александра Невскаго.

Митрополитомъ сталъ епископъ Михаилъ въ то самое время когда династія Обреновичей была вновь призвана народомъ на Сербскій престолъ. Съ тѣхъ поръ,

въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати трехъ лѣтъ, онъ занималъ этотъ высокій и многотрудный постъ...

Онъ помогалъ всякому приходившему къ нему Сербу, онъ поддерживалъ падавшій духъ у жителя Босніи и Герцеговины когда тотъ являлся къ нему съ горькими жалобами на турецкія гоненія, а въ послѣдствіи на австрійскія, онъ поддерживалъ надежды Сербскаго народа, онъ постоянно указывалъ своей паствѣ на великое сѣверное Славянское царство откуда лились благодѣянія на Сербскій народъ во всѣ времена съ тѣхъ поръ какъ начались связи между Россіей и Сербіей. Всякій Русскій находилъ у него пріютъ, помощь, ласковое, ободряющее слово. Русскіе люди вѣрили въ Сербіи лишь ея митрополиту, и главная помощь Сербамъ изъ Россіи шла чрезъ него.

Могъ ли быть благоугоденъ и пріятенъ Австріи такой человѣкъ? Попытки низложить его дѣлались уже давно. Еще въ 1875 году произошло столкновеніе между митрополитомъ Михаиломъ и тогдашнимъ министерствомъ, въ которомъ занималъ мѣсто тотъ же г. Стоянъ Новаковичъ; но тогда дѣло уладилось. Тогда было сильно наше вліяніе на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, тогда не было еще и въ виду Берлинскаго конгресса, тогда Сербы были еще вѣрны народнымъ преданіямъ и сербскіе министры боялись оскорбить народное чувство заискиваньями у Австріи, и разчитывали на поддержку Россіи. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось въ жизни Балканскихъ Славянъ. Занятіемъ Босніи и Герцеговины Австрія не только пріобрѣла новыя страны для эксплуатаціи, но и открыла новый путь для своихъ интригъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Она усилила свое вліяніе на полуобразованную славянскую интеллигенцію, она сумѣла, не брезгуя средствами, овладѣть легкими умами, то прельщая блескомъ богатства и аристократизма, то увлекая либеральными фразами слабыя души выродившихся юнаковъ сербскихъ войнъ за независимость. Австріи нужно было очистить Сербію ото всѣхъ сильныхъ народныхъ людей...

Митрополитъ Михаилъ горячій сербскій патріотъ, и вотъ чего Австрія ему простить не можетъ. Во всѣхъ его рѣчахъ и проповѣдяхъ, во всѣхъ его увлеченіяхъ и убѣжденіяхъ, слышенъ патріотъ сербской земли. Онъ однако не величался своимъ патріотизмомъ; не выставлялъ своихъ заслугъ; онъ скромно несъ тяготы своего положенія, и въ минуты горя и печальныхъ думъ о дѣлахъ родной страны искалъ утѣшенія въ вѣрѣ въ Россію, въ надеждѣ на русскую помощь. Въ этомъ отношеніи митрополитъ Михаилъ былъ вѣрнымъ выразителемъ духа балканскихъ славянъ.

Какъ должна отнестись Россія къ этому новому проявленію австроманіи министровъ князя Милана, который долженъ былъ бы понимать (увы, не понимаетъ!) что въ лицѣ митрополита Михаила его лишаютъ вѣрнѣйшей опоры дома Обреновичей.

Должна ли Россія предоставить дѣла въ Сербіи ихъ нынѣшнему ходу? Въ такомъ случаѣ оставалось бы, отозвавъ русскаго представителя изъ Бѣлграда, сноситься съ Сербіей черезъ посредство Вѣнскаго посольства, какъ со страною вассальною, откровенно подвластною Австро-Венгерской имперіи... Или же Россія должна дать почувствовать князю Сербскому и его министрамъ силу своей политики которой Сербія обязана своимъ существованіемъ и которая русскою кровью запечатлѣла ея независимость?..

№ 299.

Москва, 27-го октября.

А.

Офиціозный телеграфъ изъ Вѣны передалъ намъ вчера новый комментарій ко встрѣчамъ монарховъ какъ главнымъ событіямъ послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. На этотъ разъ объясненія даны были предъ Венгерскою делегаціей въ отвѣтъ на запросы по иностраннымъ дѣламъ. Какую цѣну слѣдуетъ придавать этимъ офиціознымъ телеграфнымъ сообщеніямъ и сколько въ нихъ правды видно изъ того что даже по сообщенію австрійскихъ газетъ баронъ Каллаи не прежде далъ свои объясненія по вопросамъ о Данцигскомъ свиданіи, о Дунайскомъ судоходствѣ и объ австрійскихъ видахъ на присоединеніе турецкихъ желѣзныхъ дорогъ къ австрійскимъ линіямъ, „какъ заручившись гарантіей со стороны делегатовъ что его сообщенія будутъ сохранены въ тайнѣ, и

что газеты воспроизведутъ эти сообщенія исключительно на основаніи составленнаго *ad hoc* въ канцеляріи министерства изложенія." Итакъ, въ телеграфныхъ сообщеніяхъ изъ Вѣны мы имѣемъ дѣло не съ тѣмъ что̀ было объяснено делегаціямъ, а что австро-венгерской дипломатіи желательно разгласить въ публикѣ. Баронъ Каллаи, согласно этому офиціозному изложенію, давалъ объясненіе не только о Вѣнскомъ, но и о Данцигскомъ свиданіи и притомъ почти въ тождественныхъ выраженіяхъ. При свиданіи въ Данцигѣ, повѣствуетъ телеграмма изъ Вѣны, не было рѣчи о „конкретныхъ политическихъ вопросахъ." Точно также и при посѣщеніи королемъ Гумбертомъ Вѣны „конкретныхъ политическихъ вопросовъ не имѣлось въ виду, и они не возбуждались."

Вѣнская и берлинская печать какъ независимая, такъ и офиціозная, отнеслись къ недавней встрѣчѣ монарховъ Италіи и Австріи совсѣмъ иначе. Пріѣзду Италіянской королевской четы въ Вѣну придавалось политическое значеніе первостепенной важности; вопросъ объ этомъ свиданіи былъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ около трехъ мѣсяцевъ, и разрѣшался то положительно, то отрицательно. Не было бы такихъ колебаній еслибы дѣло шло объ актѣ простой вѣжливости. И еще вотъ что: съ того времени какъ свиданіе въ Вѣнѣ стало дѣломъ рѣшеннымъ, во всей Италіи разомъ затихла агитація сообщества *Italia irredenta*, между тѣмъ какъ до того Италіянское правительство на всѣ жалобы со стороны Австріи по поводу этой агитаціи, прямо ей враждебной, всегда отвѣчало что оно не имѣетъ никакой возможности прекратить агитацію, такъ какъ де въ Италіи царствуетъ политическая свобода.

Впрочемъ, всѣ согласны что въ Вѣнѣ не было на этотъ разъ заключено никакого формальнаго союзнаго договора. Достаточно де было, по словамъ одного изъ вѣнскихъ корреспондентовъ, установить общность политическихъ интересовъ между обѣими монархіями и устранить всякую возможность столкновенія между ихъ стремленіями. Формальный союзъ можетъ де при такихъ условіяхъ быть заключенъ въ любую минуту, и нѣтъ надобности прежде времени оглашать посредствомъ торжественныхъ актовъ, условія союза. Притомъ, Вѣнское свиданіе и тамошніе переговоры еще не все покончили. Весьма замѣченная корреспонденція изъ Рима, появившаяся во время Вѣнскаго свиданія въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, указала на то что поѣздка короля Гумберта въ Вѣну имѣла въ нѣкоторомъ смыслѣ значеніе эпитемьи наложенной на Италію за грѣхи прошлаго. Италія, по словамъ берлинскаго офиціознаго органа, искала сближенія съ Германіей; но ей было указано что путь въ Берлинъ лежитъ на Вѣну. При существующихъ между Германіей и Австріей отношеніяхъ „болѣе нежели сердечныхъ и интимныхъ," Италія могла де сблизиться съ Германіей не иначе какъ загладивъ свои прегрѣшенія предъ монархіей Габсбурговъ. Ей нужно было доказать что она дѣйствительно и безо всякой задней мысли ищетъ сближенія съ двумя братски-соединенными монархіями. „То что начато въ Вѣнѣ," замѣчаетъ далѣе корреспондентъ берлинской офиціозной газеты, „будетъ продолжено въ Берлинѣ. По всему вѣроятію, за Вѣнскимъ свиданіемъ послѣдуетъ въ недалекомъ будущемъ свиданіе между монархами Италіи и Германіи въ Берлинѣ, и тогда быть-можетъ получитъ полную огласку присоединеніе Италіи къ австро-германскому мирному союзу."

Англійская газета *Economist* утверждаетъ, впрочемъ, что главныя условія этого будущаго единенія уже теперь установлены, и что они заключаются въ слѣдующемъ: Италія обѣщала де не протестовать, а въ случаѣ надобности и содѣйствовать походу Австріи на Салоники, который замышляется будто бы въ ближайшую весну; а въ замѣнъ этого Австрія и Германія гарантируютъ Италіи неприкосновенность ея владѣній и обязываются защищать ее противъ поползновеній Франціи въ Сѣверной Африкѣ.

Но помимо этихъ соображеній и догадокъ обще-политическаго свойства о значеніи Вѣнскаго свиданія, враждебныя Россіи вѣнскія, въ особенности мадьярскія, газеты находятъ и спеціальный поводъ радоваться сближенію Австріи съ Италіей. Теперешнюю политическую комбинацію онѣ противополагаютъ Тройному Союзу сѣверныхъ державъ о возобновленіи котораго заговорили было послѣ свиданія въ Данцигѣ, и ликуютъ по поводу того что Россія осталась внѣ теперь сложившагося единенія.

Удивительное ослѣпленіе! Мы не знаемъ насколько всѣ эти слухи вѣрны; но мы рѣшительно не понимаемъ чему радуются вѣнскіе и пештскіе руссофобы. Не имъ, а намъ надо радоваться тому что Россія остается свободною въ своихъ дѣйствіяхъ и что ее не удалось вновь втянуть въ комбинацію, несомнѣнно унизительную и противную ея существеннѣйшимъ интересамъ. Россія не имѣетъ надобности торопить событія; она не имѣетъ въ виду никакихъ предпріятій: это засвидѣтельствовалъ еще недавно князь Бисмаркъ, какъ видно изъ дипломатической переписки обнародованной на дняхъ въ австрійской *Красной Книгѣ*. Изо всѣхъ европейскихъ державъ монархія Габсбурговъ, толкаемая чужою рукою къ своей гибели, занята присоединительными планами; она ищетъ пріобрѣтеній рискуя изъ-за нихъ и растерять себя. Въ точности исполняя преподанную ей послѣ изверженія ея изъ Германіи программу, она „совершаетъ свою миссію на Востокѣ,“ довольствуясь пока „мирными“ путями дипломатической интриги. Но по самому свойству этихъ австрійскихъ замысловъ никто не отрицаетъ что рано или поздно они должны привести къ вооруженному столкновенію, которое быть-можетъ охватитъ пожаромъ всю Европу. Вотъ почему нельзя себѣ представить ничего лицемѣрнѣе увѣреній что австрійская политика есть политика „консервативная“ и что союзы ею заключаемые суть „гарантія мира.“ Какъ бы то ни было, но между интересами составляющими „жизненный вопросъ“ для теперешней Австріи и истинными интересами Россіи нѣтъ и не можетъ быть точекъ соприкосновенія и основаній для какихъ-либо сдѣлокъ. Стало-быть и всякое вступленіе Россіи въ какую бы то ни было политическую группировку совокупно съ Австріей не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ отреченіемъ отъ себя.

Пусть складываются союзы направленные къ тому чтобы прямо или косвенно пособить Австріи въ осуществленіи ея замысловъ. Доколѣ Россія сохраняетъ за собою полную свободу дѣйствій, эти союзы для нея не страшны. Требуется только, не спуская глазъ, слѣдить за вражьею интригой и быть во всякое время наготовѣ развернуть всю свою мощь...

Б.

Мысль что существующая питейная система, при всѣхъ ея вредныхъ послѣдствіяхъ для народа, выгодна для казны есть мысль совершенно ошибочная. Казнѣ выгоденъ и нуженъ питейный налогъ, а не порядокъ которымъ онъ взимается.

Нужный казнѣ питейный налогъ самъ по себѣ не только не вреденъ, но полезенъ для народа и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи. Въ нравственномъ отношеніи, питейный налогъ, возвышая цѣны напитковъ, тѣмъ самымъ ограничиваетъ размѣры ихъ потребленія, побуждая къ умѣренности и воздержанію. Въ матеріальномъ отношеніи онъ полезенъ тѣмъ что служитъ замѣной иныхъ болѣе тягостныхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, которые, не будь дохода съ вина, стали бы положительною необходимостью. Питейный налогъ тѣмъ справедливѣе что падаетъ на продуктъ вовсе не составляющій предмета необходимости, такъ что налогъ платитъ только тотъ кто хочетъ его платить, и притомъ въ томъ размѣрѣ какъ самъ желаетъ. Вопреки увѣреніямъ иныхъ мудрецовъ и между прочимъ того вашингтонскаго сенатора на котораго, вслѣдъ за бельгійскимъ министромъ, сослался авторъ изданной Департаментомъ Неокладныхъ Сборовъ записки, вопреки ихъ увѣреніямъ будто жители сѣверныхъ странъ не могутъ обойтись безъ спирта, человѣчество всѣхъ странъ, и сѣверныхъ и южныхъ, жило цѣлыя тысячелѣтія не имѣя о спиртѣ ни малѣйшаго понятія. Спиртъ изобрѣтенъ только въ средніе вѣка; въ Россіи онъ появился не ранѣе XV столѣтія; до половины XVI вѣка въ Россіи не было ни одного кабака, и лишь съ половины XVII столѣтія, подъ систематическимъ вліяніемъ кабаковъ, потребленіе водки вступило въ періодъ своего усиленнаго распространенія. Ясно что водка не составляетъ естественной потребности, а есть потребность привитая народу, искусственно въ немъ возращенная и воспитанная. Народъ привыкъ и пристрастился къ ней также какъ къ табаку, и пусть лучше онъ платится за эти свои привычки и пристрастія чѣмъ за право жить, двигаться и трудиться.

Зло не въ питейномъ налогѣ, а въ питейной системѣ основанной на *кабацкомъ* способѣ его взиманія. Этотъ безнравственный способъ одинаково вреденъ и убыто-

ченъ какъ для народа, такъ и для казны. Въ № 293 *Моск. Вѣд.* мы привели приблизительный цифровой разчетъ обоюдныхъ, казенныхъ и народныхъ, многомилліонныхъ убытковъ являющихся результатомъ кабацкой системы. Въ дополненіе къ сказанному тамъ, приведемъ еще нѣсколько соображеній.

Не питейный налогъ, дающій казнѣ ежегодно отъ 200 до 230 милліоновъ рублей, а кабакъ (разумѣя подъ кабакомъ и питейные дома, и трактиры, и всякія иныя мѣста распивочной продажи) виною тому что одинъ денежный расходъ народа на вино простирается далеко за 500, можетъ-быть за 600 милліоновъ рублей. Кабакъ отнимаетъ у рабочаго люда почти всѣ выгоды которыя онъ могъ бы извлекать изъ своего труда, препятствуетъ накопленію въ рукахъ народа сбереженій, безъ которыхъ общій подъемъ благосостоянія невозможенъ. Не питейный налогъ, а кабакъ виновенъ въ томъ что пропиваются не только наличныя деньги, но и домашній скарбъ, одежда, утварь, скотъ, необходимыя принадлежности хозяйственнаго инвентаря, хлѣбъ, строенія, пропивается не только все что есть, но и то чего еще нѣтъ, будущіе урожаи, будущій трудъ. Кабакъ же причиной того что за несоразмѣрнымъ со средствами расходомъ на водку, у крестьянина не остается денегъ на уплату податей и другія надобности, чѣмъ и создается та нужда которая заставляетъ его биться какъ рыба объ ледъ, входить въ долги на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, становиться жертвой эксплуатаціи кулаковъ при сдѣлкахъ найма на работы и продажи продуктовъ, наконецъ вести все свое хозяйство по образцу Тришкина кафтана. Тотъ же кабакъ, разстраивая весь крестьянскій бюджетъ, подрывая всѣ основы крестьянскаго хозяйства, крадетъ у рабочаго человѣка, кромѣ денегъ, и его рабочее время, его способность къ труду, его силы, его здоровье, заставляетъ терять ежегодно милліоны рабочихъ часовъ и дней въ пьяныхъ бесѣдахъ и сопровождающихъ ихъ похмѣльяхъ, понижаетъ достоинство и стоимость работъ производимыхъ нетрезвыми работниками, сокращаетъ и останавливаетъ трудъ вслѣдствіе болѣзней являющихся результатомъ пьянства, наконецъ совсѣмъ оставляетъ рабочаго безъ работы, дѣлая его голякомъ-пролетаріемъ. Порождаемое кабакомъ пьянство вноситъ разладъ въ семейный быть, поселяетъ вражду между родными братьями, между отцомъ и дѣтьми, вражду ведущую къ столь гибельнымъ въ крестьянскомъ быту раздѣламъ. Въ кабакѣ лежитъ главная причина того что ни одна мірская сходка не обходится безъ попойки, что водка стала зерцаломъ передъ которымъ творится крестьянскій судъ, что подъ ея вліяніемъ нравственность, совѣсть и правда болѣе и болѣе становятся чуждыми нынѣшнимъ крестьянскимъ распорядкамъ. Кабакъ плодитъ на Руси праздность, шатаніе, безсмысленныя переселенія изъ однихъ мѣстъ въ другія, разгулъ, развратъ, нищенство, воровство, пожары, поджоги и всяческіе проступки и преступленія, заваливаетъ слѣдователей массою слѣдствій, суды массою дѣлъ, и переполняетъ тюрьмы массой арестантовъ. Все зло отъ кабака, а не отъ питейнаго налога. Будучи бичомъ для народа, кабакъ въ то же время и самый страшный врагъ казнѣ. Кабакъ сокращаетъ размѣры питейныхъ сборовъ, которые казна могла бы получать безъ отягощенія народа; разоряя народъ, онъ подрываетъ основы государственныхъ финансовъ, лишаетъ всѣ источники государственныхъ доходовъ присущей имъ эластичности. Сокращая государственные доходы, кабакъ вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ разстройство и хаосъ во многія области народной жизни, благоустройство коихъ составляетъ государственную задачу, ради которой и налагаются на народъ разные налоги и повинности. Не будь кабака, задача государственнаго управленія сдѣлалась бы легче и благодарнѣе; правительство вышло бы изъ той мрачной тѣни какую набрасываетъ на него кабакъ, вселяя въ умы мысль будто спаиваніе, разореніе и развращеніе народа требуется самимъ правительствомъ и есть именно его дѣло.

Отдѣлаться отъ кабака для правительства можетъ-быть еще важнѣе и нужнѣе чѣмъ для народа. Сохраненіе нынѣшней питейной системы важно только для массы темнаго, не разборчиваго на средства наживы люда, который выросъ и воспитался на винокуренныхъ злоупотребленіяхъ и кабацкихъ мерзостяхъ. Эта орда паразитовъ живетъ кабакомъ и дрожитъ за его существованіе, съ которымъ связаны ея интересы. Эти интересы ни въ чьихъ глазахъ не могутъ быть уважительны, и потому-то употребляются всевозможныя усилія, пу-

скаются въ ходъ всевозможные софизмы чтобы выдать интересы кабацкаго лагеря за интересы государственные. Лишить эту саранчу вреднаго вліянія на народъ какое даетъ ей нынѣ питейная торговля, вырвать изъ рукъ этихъ развращенныхъ до мозга костей тунеядцевъ ни за что̀, ни про что̀ достающіеся имъ громадные неправильные барыши, было бы великимъ государственнымъ успѣхомъ, великимъ благодѣяніемъ для народа. Порвать всякія связи съ этимъ проклятымъ лагеремъ, содержаніе котораго ежегодно обходится странѣ дороже содержанія всѣхъ военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, устранить всякую мысль о возможности какой-либо солидарности между людьми этого лагеря и правительствомъ, снять съ правительства отвѣтственность за ту порчу которую они вносятъ во все до чего касаются,—вотъ желаемая цѣль которой должна достигнуть предпринимаемая питейная реформа если хотятъ чтобъ она была дѣломъ серіознымъ. И достиженіе этой цѣли путемъ установленія казенной питейной монополіи не только не сопровождалось бы какою-либо со стороны казны жертвой, а напротивъ повело бы къ такому приращенію государственныхъ доходовъ при которомъ стали бы возможны многія финансовыя и иныя реформы нынѣ откладываемыя по соображеніямъ бюджетнаго свойства.

№ 300.

Москва, 28-го октября.

Назадъ тому девять лѣтъ, въ 1872 году, была намъ доставлена статья подъ заглавіемъ: „О народномъ пьянствѣ. Причины его, ихъ историческое развитіе и мѣры къ ихъ устраненію.“ При бѣгломъ просмотрѣ, статья казалась соотвѣтствующею своему заголовку. Мы не нашли ничего противъ помѣщенія въ одномъ изъ нашихъ изданій статьи которая ставила весьма важный вопросъ. Въ пользу статьи говорило также и имя ея автора, А. Н. Аксакова. Она была помѣщена въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1872 годъ (стр. 142—201). Печатая ее, мы никакъ однако не думали что оказываемъ этимъ услугу давно начавшейся, несвѣдомо намъ и можетъ-быть самому автору, широкой систематической пропагандѣ общественныхъ кабаковъ въ Россіи; мы никакъ не полагали что статья эта гармонируетъ съ тогдашними *Общественными Записками*, помѣстившими въ декабрьской книжкѣ того же года статью С. Приклонскаго „Общественныя питейныя заведенія“, съ *Недѣлей*, *Голосомъ*, и другими газетами той же категоріи.

Вскорѣ мы совсѣмъ забыли статью г. Аксакова, сохраняя лишь смутное воспоминаніе объ ея содержаніи. Но недавно намъ доставили изданную имъ въ 1874 году брошюру: *Содержаніе питейныхъ заведеній сельскими обществами какъ простѣйшая мѣра противъ пьянства и нарушенія правилъ устава о питейномъ сборѣ. Съ приложеніемъ проекта договора сельскаго товарищества на вѣръ для производства питейной торговли.* Вмѣстѣ съ этою брошюрой доставленъ намъ изящно отпечанный крупнымъ курсивнымъ шрифтомъ экземпляръ циркулярнаго письма (дозволеннаго къ печати цензурой въ С.-Петербургѣ 24 мая, 1874 года), при которомъ А. Н. Аксаковъ разсылалъ ее по всей Россіи. Вотъ этотъ интересный документъ отъ слова до слова:

„Со дня введенія питейно-акцизной системы, сельскія общества не переставали дѣлать попытки къ открытію и содержанію питейныхъ заведеній отъ своего имени; они видѣли въ этомъ способѣ производства питейной торговли простѣйшую мѣру противъ пьянства и противъ злоупотребленій, неизбѣжно вытекающихъ изъ нынѣ существующаго порядка питейной торговли, отъ котораго они видимо разоряются. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и губернская администрація, усматривая въ содержаніи питейныхъ заведеній сельскими обществами явныя для сихъ послѣднихъ выгоды, какъ въ нравственномъ такъ и въ экономическомъ отношеніи, не переставали относиться съ полнымъ сочувствіемъ къ проявившемуся въ народѣ стремленію къ устройству подобныхъ заведеній. Движеніе это было пріостановлено въ 1871 году циркуляромъ министра Финансовъ, усмотрѣвшаго въ подобномъ домогательствѣ сельскихъ обществъ нарушеніе правилъ устава о питейномъ сборѣ.

„Въ ожиданіи разрѣшенія сего вопроса въ законодательномъ порядкѣ, я счелъ не безполезнымъ собрать о немъ возможно полныя свѣдѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать тотъ вполнѣ законный путь, слѣдуя

которому крестьянскія общества будутъ имѣть возможность теперь же продолжать открывать и содержать питейныя заведенія отъ своего имени — а именно посредстомъ образованія изъ себя, для производства питейной торговли, товариществъ на вѣрѣ, на общемъ торговомъ основаніи. Проектъ договора подобнаго товарищества помѣщенъ мною въ прилагаемой брошюрѣ.

„Въ полной увѣренности что вы не откажете въ содѣйствіи вашемъ для указанія сельскимъ обществамъ законнаго пути къ достиженію столь полезной цѣли, имѣю честь препроводить къ вамъ (100) экземпляровъ моей брошюры „О содержаніи питейныхъ заведеній сельскими обществами“, съ покорнѣйшею просьбой разослать ее по уѣздамъ: предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ земскихъ управъ, мировымъ посредникамъ (принимавшимъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ) и другимъ лицамъ которыя пожелаютъ въ настоящемъ случаѣ послужить народнымъ интересамъ“.

Такой циркуляръ, съ разрѣшенія властей поручавшій лицамъ стоящимъ во власти разсылать брошюру предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ земскихъ управъ, мировымъ посредникамъ и другимъ лицамъ, невольно заставилъ насъ обратить особое вниманіе на самую брошюру распространявшуюся при столь авторитетномъ внушеніи принять ее въ руководство. Внимательно прочитавъ ее, мы съ тѣмъ же вниманіемъ прочли и вышеупомянутую статью г. Аксакова въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, существенныя мѣста коей перепечатаны въ приложеніи къ брошюрѣ. Считаемъ долгомъ передать публикѣ впечатлѣнія вынесенныя нами изъ этого чтенія.

Прежде всего поразилъ насъ яркій свѣтъ бросаемый статьей и брошюрой А. Н. Аксакова на характеръ и значеніе нѣкоторыхъ „рѣшеній“ и (!) „постановленій“ (!!) большинства засѣдающихъ нынѣ въ С.-Петербургѣ „свѣдущихъ людей“. Отлагая до другаго времени оцѣнку ихъ по существу, остановимся на одномъ мало кому извѣстномъ обстоятельствѣ, представляющемъ нѣкоторый историческій интересъ.

Высказываясь за общественные кабаки, большинство „свѣдущихъ людей“ полагали что они служатъ выразителями „народныхъ стремленій“, что совѣтуя разрѣшать общественные кабаки они удовлетворяютъ народной потребности, столь сильной что ея не могли подавить никакія мѣры Министерства Финансовъ. Эта мысль играла видную роль въ ряду аргументовъ высказанныхъ на „совѣщаніи“. Эту мысль выражалъ и Иванъ Прыжовъ въ своей *Исторіи Кабаковъ* (стр. 317) указывая на открытіе нѣсколькихъ общественныхъ питейныхъ заведеній на Уральскихъ заводахъ въ 1864—66 годахъ, и замѣчая по этому поводу что „такимъ образомъ сама жизнь пыталась... выработать себѣ общественные питейные дома, въ которыхъ (?), нѣсколько вѣковъ назадъ, зародилась культура Русскаго народа (!!!)“. Г. Аксаковъ тоже высказывалъ, притомъ съ особенною настойчивостью, мысль о народномъ значеніи мірскихъ кабаковъ, и въ своей статьѣ помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и въ своемъ вышеприведенномъ циркулярномъ письмѣ, и въ своей вышеупомянутой брошюрѣ. Указывая на общественные кабаки какъ на средство лишить питейную торговлю ея зловреднаго характера, онъ прибавляетъ: „Средство это не придумано мною, а взято прямо съ натуры“. Доказывая затѣмъ что мірской кабакъ есть „органическая“ мѣра противъ общественнаго зла, онъ говоритъ: „мѣра „эта тѣмъ болѣе замѣчательна что она „является не навязанною извнѣ, но возник„шею въ самомъ народѣ, естественно вы„званною давленіемъ окружающаго зла“ *). „Движеніе къ устройству подобныхъ (общественныхъ питейныхъ) заведеній“, пишетъ А. Н. Аксаковъ въ своей брошюрѣ, „возникло въ самомъ народѣ и проявилось „за послѣднее десятилѣтіе въ 16 губер„ніяхъ, а въ послѣдніе полтора года (пи„сано въ 1874 году съ поразительною бы„стротой обнаружилось въ 12 губерніяхъ „и только остановлено выжиданіемъ рѣ„шенія этого вопроса въ законодательномъ „порядкѣ“ **).

Мысль ясна и поставлена твердо. Но по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, никто изъ увлекшихся этою мыслію не поставилъ себѣ вопроса, точно ли идея общественныхъ кабаковъ возникла въ са-

*) См. *Русск. Вѣстн.* 1872, ноябрь, стр. 189 и 193.

**) См. брошюру А. Н. Аксакова, стр. 33, а также стр. 1—14 и 34—40.

момъ народѣ? Точно ли идея общественнаго кабака не навязана сельскимъ обществамъ извнѣ? Точно ли эта идея получила широкое въ странѣ примѣненіе по собственно-народной инициативѣ, а не въ силу стороннихъ къ тому побужденій? Пусть Прыжовъ, видѣвшій въ питейныхъ домахъ источникъ русской культуры, не дѣлалъ себѣ такихъ вопросовъ, но какъ не задали ихъ себѣ А. Н. Аксаковъ и „свѣдущіе люди“, случайно, по непредвидѣнной игрѣ судьбы, очутившіеся на этотъ разъ въ одной съ Прыжовымъ компаніи.

Между тѣмъ, за отвѣтами на поставленные сейчасъ вопросы далеко ходить не нужно. Ихъ даютъ факты добросовѣстно переданные самимъ г. Аксаковымъ въ его брошюрѣ. Приведемъ эти факты, посмотримъ что̀ это было за *народное* движеніе, какъ выразилась въ немъ *народная* инициатива. Прослѣдимъ шагъ за шагомъ историческій очеркъ „стремленія крестьянскихъ обществъ къ открытію общественныхъ питейныхъ заведеній“.

Починъ дѣлу былъ положенъ въ Пермской губерніи, гдѣ горнозаводскимъ населеніемъ двухъ уѣздовъ въ 1863 году было открыто восемь общественныхъ кабаковъ. Само ли населеніе надумалось открыть ихъ, или же оно послѣдовало чьему-нибудь доброму совѣту,—это дѣло темное, неизслѣдимое, какъ и многое другое въ жизни нашего сельскаго люда, какъ напримѣръ причины широкаго развитія подрывающихъ народное благосостояніе крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Въ нихъ тоже видятъ проявленіе инициативы самого народа освобожденнаго отъ крѣпостной опеки. Допускаютъ также, но съ явною неохотой, побуждающее къ раздѣламъ, разлагающее семейный бытъ вліяніе кабацкаго пьянства. Но совсѣмъ оставляютъ въ сторонѣ гибельную административную мѣру которая подорвала родительскую власть и разнуздала въ крестьянскихъ семьяхъ всѣ дурныя страсти. Разумѣется *секретный* циркуляръ министра Внутреннихъ Дѣлъ, изданный вскорѣ послѣ эманципаціи, изъявшій изъ власти родительской право раздѣла и даже выдѣла младшихъ членовъ семьи при жизни стариковъ, передавшій это право „міру“, поставившій чужихъ людей судьями между отцомъ и сыновьями и внесшій рознь и шатаніе въ крѣпко сплоченный прежде и твердо стоявшій семейный бытъ, эту главную основу всего общественнаго быта...

Обстоятельства при которыхъ появились первые общественные кабаки въ Россіи—дѣло темное. Но отношенія въ которыя стали къ этимъ кабакамъ, тотчасъ по ихъ открытіи, разныя правительственныя вѣдомства должнымъ образомъ разъяснены г. Аксаковымъ. Пермское питейно-акцизное управленіе приняло немедленно мѣры къ закрытію общественныхъ кабаковъ. Пермское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, наоборотъ, усмотрѣло въ этомъ закрытіи актъ притѣсненія крестьянъ *) и поспѣшило аппеллировать къ министру Внутреннихъ Дѣлъ. Замѣтимъ кстати что личный составъ питейно-акцизныхъ управленій, на первыхъ порахъ послѣ отмѣны откуповъ, отличался строгимъ выборомъ людей. Между тѣмъ личный составъ служившихъ по крестьянскимъ учрежденіямъ Пермской губерніи далеко не совмѣщалъ въ себѣ тѣхъ качествъ которыя составляютъ славу крестьянскихъ учрежденій того времени въ срединной Россіи; окраску имъ давалъ въ Перми чиновничій элементъ, а не цвѣтъ русскаго дворянства.

Вслѣдъ за мѣстными властями не замедлили высказаться по поводу Пермскихъ кабаковъ и центральныя петербургскія власти. Если Министерство Финансовъ „не нашло со своей стороны возможнымъ „допустить учрежденіе общественныхъ питейныхъ заведеній“, то въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, наоборотъ, устройство таковыхъ заведеній „не только не было „найдено заслуживающимъ порицанія, но „прямо достойнымъ поощренія“ **).

Въ чемъ выразились эти „поощренія“ мы не знаемъ; но уже одно то что взглядъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлался извѣстенъ служащимъ по этому вѣдомству и по крестьянскимъ учрежденіямъ (изъ которыхъ, между тѣмъ, лучшіе, самостоятельные люди стали уходить и замѣняться угодливыми слугами) не могло остаться безъ результата.

Прежде всего это сказалось въ Уфимской губерніи, гдѣ въ 1865 году, на заводѣ Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, было рѣшено открыть съ 1866 года три общественные кабака. Офиціальный органъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, *Сѣверная*

*) См. тамъ же, стр. 4.
**) См. тамъ же, стр. 5—6.

Почта не замедлила привѣтствовать ихъ открытіе: мірской приговоръ объ этихъ кабакахъ со всѣми его условіями былъ напечатанъ въ № 69 *Сѣверной Почты* за 1866 *).

Едва дошла до Томскаго губернатора вѣсть о порядкѣ открытія общественныхъ кабаковъ въ Уфимской губерніи какъ онъ (въ 1866 году) уже „далъ мировымъ по„средникамъ и земскимъ исправникамъ „предписаніе о таковомъ порядкѣ откры„тія питейныхъ заведеній объявить обще„ствамъ ввѣренныхъ имъ округовъ, съ „тѣмъ что если они изъявятъ свое согла„сіе имѣть у себя питейныя заведенія на „означенныхъ условіяхъ, то составляли бы „о томъ приговоры и представляли бы та„ковые по принадлежности“ **).

Такого рода *народное движеніе* въ пользу общественныхъ кабаковъ готово было охватить всю Томскую губернію. Но оно было подавлено въ самомъ зародышѣ: предписаніе томскаго губернатора было отмѣнено постановленіемъ совѣта главнаго управленія Западной Сибири.

Счастливѣе томскаго оказался херсонскій губернаторъ, который, въ 1869 году, „указалъ крестьянскимъ обществамъ „на право ихъ содержать шинки отъ сво„его имени, назначая въ нихъ шинкарей „по своему выбору...“ „Общества воспользовались этимъ указаніемъ,“ и общественные кабаки стали открываться. Это „народное“ движеніе было поддержано Херсонскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ ***).

За Херсонскою губерніей послѣдовала Саратовская, гдѣ, по выраженію А. Н. Аксакова, „движеніе въ пользу открытія об„щественныхъ питейныхъ заведеній обна„ружилось наиболѣе правильно и *было „наиболѣе обнадежено мѣстною админи„страціей*“ ****). Вотъ какъ шло здѣсь дѣло:

Въ 1870 году, двѣ нѣмецкія колоніи, неизвѣстно по чьей именно иниціативѣ, рѣшили открыть каждая по общественному кабаку. Саратовская контора иностранныхъ поселенцевъ признала это дѣло колонистовъ „заслуживающимъ полнаго уваженія“ и составленные по сему предмету приговоры утвердила. Мѣстный управляющій акцизными сборами, вопреки примѣру поданному за семь лѣтъ предъ тѣмъ его пермскими сослуживцами, разрѣшилъ выдачу патентовъ на открытіе этихъ общественныхъ питейныхъ заведеній.

*) Тамъ же, стр. 6 и 7.
**) Тамъ же, стр 7.
***) Тамъ же, стр. 7 и 8.
****) Тамъ же, стр. 34.

Несмотря на примѣръ поданный Нѣмцами-колонистами, народное общественно-кабацкое движеніе шло вяло и разгоралось плохо. Лишь черезъ годъ, и то всего въ одной слободѣ Красномъ-Ярѣ, состоялся приговоръ объ открытіи двухъ мірскихъ кабаковъ. Нужно было подлить масла въ огонекъ, и масла подлили.

Мѣстный мировой посредникъ представляетъ приговоръ Красноярскихъ слобожанъ саратовскому губернатору, который съ своей стороны, „въ виду того что губернское „акцизное управленіе не встрѣтило пре„пятствія къ открытію общественныхъ пи„тейныхъ заведеній въ нѣмецкихъ коло„ніяхъ, сообщилъ мировому посреднику „что и ходатайство крестьянъ слободы „Краснаго Яра о томъ же предметѣ мо„жетъ подлежать исполненію.“ Затѣмъ о семъ „сообщено было для свѣдѣнія и про„чимъ мировымъ посредникамъ и уѣзднымъ „исправникамъ Саратовской губерніи.“ Далѣе, весь ходъ этого дѣла былъ опубликованъ въ офиціальныхъ *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 231, за 1871), обязательно получаемыхъ всѣми волостными правленіями. Наконецъ, весь ходъ этого дѣла былъ опубликованъ и въ № 268 *Правительственнаго Вѣстника* 1871 года *). Еслибы въ то время издавался *Сельскій Вѣстникъ* (который—увы!—не агитируетъ въ пользу мірскихъ кабаковъ, а наоборотъ печатаетъ по питейному вопросу цѣлую серію писемъ простыхъ людей, совершенно чуждыхъ такой агитаціи), то и онъ, конечно, послужилъ бы средствомъ толкнуть народъ на путь кабацкаго движенія.

Дѣло было сдѣлано. Народъ пошелъ по пути который былъ указанъ ему начальствомъ. Въ Саратовской губерніи мірскіе кабаки стали открываться одинъ за другимъ, и таковое „движеніе сельскихъ об„ществъ въ пользу открытія у себя об„щественныхъ питейныхъ заведеній“ быстро распространилось далеко за предѣлы Саратовской губерніи. „*Вслѣдствіе обна„родованія по этому предмету распоря„женія саратовскаго губернатора,*“ пишетъ

*) Тамъ же, стр. 8 и 9.

А. Н. Аксаковъ, „стремленіе это высказалось въ двѣнадцати губерніяхъ, въ самыхъ противоположныхъ концахъ государства, и по всей вѣроятности сдѣлалось бы всеобщимъ, еслибы не было остановлено своевременнымъ распоряженіемъ Министерства Финансовъ; мѣстныя же административныя власти: мировые посредники, губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, начальники губерній и само Министерство. Внутреннихъ Дѣлъ постоянно высказывались въ пользу этой мѣры“ *).

Разказывать ли какъ шло это *народное движеніе* въ упомянутыхъ сейчасъ двѣнадцати губерніяхъ? Упоминать ли какъ Екатеринославская губернская земская управа въ 1872 году „въ циркулярномъ сообщеніи всѣмъ волостнымъ правленіямъ предложила сельскимъ обществамъ, не признаютъ ли они нужнымъ послѣдовать благому примѣру крестьянъ Саратовской губерніи и составить приговоры объ открытіи питейной торговли въ незначительномъ числѣ заведеній на общественный счетъ, подъ строгимъ надзоромъ общества, что неминуемо должно послужить къ уменьшенію пьянства и слѣдовательно къ благосостоянію сельскаго общества?“ *). Входить ли въ подробности о томъ какъ въ 1872 году дѣйствовали по этой части наказной атаманъ Войска Донскаго, ставропольскій, олонецкій и другіе губернаторы, Ставропольское, Полтавское, Вологодское и иныя губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія? Пусть интересующіеся сами прочтутъ обо всемъ этомъ въ изданной А. Н. Аксаковымъ въ 1874 году брошюрѣ и обратятся прямо къ нему за тѣми фактами которые онъ успѣлъ собрать послѣ ея изданія. Разкажемъ еще только два факта, показывающіе что именно должно разумѣть подъ крестьянскою инищіативой въ дѣлѣ открытія мірскихъ кабаковъ.

Нѣкто господинъ Z. прислалъ въ газету *Недѣля* корреспонденцію объ открытіи общественныхъ питейныхъ заведеній въ Пермской губерніи. Эта корреспонденція перепечатывается въ офиціальныхъ *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*. Мировой посредникъ Пудожскаго уѣзда П. П. Петровъ, прочитавъ корреспонденцію, отправляется на волостные сходы, читаетъ ее тамъ выборнымъ крестьянамъ и предлагаетъ имъ „не хотятъ ли они, по примѣру пермскихъ крестьянъ, открыть питейныя заведенія на общественный счетъ.“ Двѣ волости отъ такого предложенія уклонились; но выборные одной волости, Вершинской, „благодарили посредника за то что онъ надоумилъ ихъ на полезное предпріятіе,“ и 4 ноября 1872 постановили приговоръ объ открытіи общественнаго кабака. Примѣру ихъ вскорѣ послѣдовали крестьяне двухъ сельскихъ обществъ Филимоновской волости того же Пудожскаго уѣзда *).

Мировой посредникъ 1-го участка Вытегорскаго уѣзда А. И. Гедримовичъ отправляется на волостной сходъ Чернослободской волости, захвативъ съ собой *Олонецкія Вѣдомости*, прочитываетъ крестьянамъ вышеупомянутую корреспонденцію *Недѣли* о Пермскихъ питейныхъ заведеніяхъ и предлагаетъ „не желаютъ ли крестьяне открыть одно заведеніе на свой собственный счетъ.“ Крестьяне послѣдовали указанію мироваго посредника и составили приговоръ объ открытіи общественнаго кабака, начинающійся слѣдующими словами:

„1871 года, ноября, 20 дня, мы нижеподписавшіеся, Чернослободской волости, семи сельскихъ обществъ, волостныя и сельскія должностныя лица и крестьяне выборщики, въ числѣ 80 человѣкъ, бывъ сего числа въ собраніи на волостномъ сходѣ, *по выслушаніи* на ономъ *газеты, корреспондента* (sic) *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей* относительно питейныхъ заведеній“ и т. д. **).

И печатая самъ все это, А. Н. Аксаковъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ что движеніе въ пользу общественныхъ кабаковъ *возникло въ самомъ народѣ*, что оно *не навязано* ему *извнѣ!* Вотъ какъ пишется исторія! Между тѣмъ ему должно быть хорошо извѣстно что Русскій народъ въ теченіи всей своей исторіи не только не оказывалъ стремленія къ учрежденію какихъ бы то ни было кабаковъ, но всегда, съ самаго ихъ появленія, видѣлъ въ нихъ страшное для себя бѣдствіе и многократно утруждалъ правительство просьбами о ихъ закрытіи. Прыжовъ, въ документаль-

*) Тамъ же, стр. 13 и 14.
**) Тамъ же, стр. 10 и 11.

*) Тамъ же, стр. 34 и 35.
**) См. тамъ же, стр. 36.

ной части своей исторіи, приводитъ нѣсколько такого рода крестьянскихъ прошеній относящихся къ концу XVI и къ XVII вѣку; особенно характеристично свѣдѣніе о томъ какъ въ 1676 году крестьяне Вѣницкаго Погоста просили уничтожить у нихъ кабакъ, а сумму питейнаго сбора разложить на нихъ по прежнему въ видѣ оброка *). Самъ г. Аксаковъ говоритъ что „сельскія общества, какъ свидѣтельствуетъ исторія, никогда не поощряли питейной торговли, а напротивъ были постоянно ея жертвою“ **). Ему извѣстна народная ненависть къ кабаку, выразившаяся въ послѣдніе годы откуповъ повсемѣстнымъ въ Россіи учрежденіемъ многочисленнымъ обществъ трезвости ***). Онъ самъ приводитъ длинный рядъ фактовъ относящихся къ 1872—74, когда народное движеніе въ сторону трезвости вновь обнаружилось въ широкихъ размѣрахъ во многихъ мѣстностяхъ отъ Урала до Невы и отъ Бѣлаго и до Чернаго Моря *) и свидѣтельствующихъ что какъ это, такъ и прежде бывшее народное движеніе было направлено именно противъ кабака, въ какой бы то ни было формѣ; народу былъ одинаково противенъ и откупной, и вольный кабакъ. Невольно бросается въ глаза поразительный контрастъ между быстрыми и широкими успѣхами этого двукратнаго дѣйствительнаго движенія къ трезвости и слабымъ, медленнымъ, жалкимъ успѣхомъ распространенія мірскихъ кабаковъ, несмотря на многолѣтнія усилія соблазнить народъ мнимыми отъ нихъ выгодами, несмотря на постоянное сочувствіе которое столь дѣятельно оказывалось этимъ кабакамъ цѣлою административною іерархіей отъ мироваго посредника до министра включительно. И въ виду всего этого г. Аксаковъ нашелъ возможнымъ усмотрѣть въ народѣ какое-то „стремленіе“ къ открытію кабаковъ, приписать его собственной самостоятельной волѣ то что ему было навязано систематическимъ давленіемъ сверху.

Подъ вліяніемъ многолѣтней пропаганды, засвидѣтельствованной фактами, вся наша не имѣющая царя въ головѣ интеллигенція была обморочена, повѣрила тому что идея мірскаго кабака есть плодъ народнаго творчества и, какъ стадо, послушно бросилась отстаивать общественные кабаки какъ дѣло народное. Разные дѣятели не переставали дѣлать попытки къ открытію общественныхъ кабаковъ, взводя на народъ наглый поклепъ будто онъ дѣлалъ эти попытки самъ, по собственному почину, подобно тому какъ люди мутящіе учащуюся молодежь, цвѣтъ и надежду Русскаго народа, клевещутъ на нее приписывая свои мерзости ей самой, ея собственному почину и настроенію.

*) *Исторія кабаковъ въ Россіи*, стр. 124 и125.
**) Брошюра А. Н. Аксакова, стр. 23 и 24.
***) *Исторія кабаковъ въ Россіи*, стр .290—296.
***) Брошюра, стр. 26 и 27.

№ 301.

Москва, 29-го октября.

А.

На дняхъ телеграфъ извѣщалъ насъ что Австрійское правительство рѣшилось учредить въ Босніи и Герцеговинѣ милицію, въ которой обязаны служить всѣ молодые люди этихъ провинцій достигшіе двадцатилѣтняго возраста. Австрійская почта, подтверждая на дняхъ это извѣстіе, сообщаетъ подробности факта которыя свидѣтельствуютъ что въ совѣтахъ Австро-Венгерскаго правительства рѣшено наконецъ ускорить развязку комедіи и откровенно присоединить къ своимъ владѣніямъ турецкія провинціи, якобы занятыя на время для водворенія въ нихъ спокойствія и долженствующія по трактату оставаться подъ верховною властію султана. Грубый фактъ не хочетъ оставаться таковымъ, и собирается прыгнуть въ область права. Близится моментъ, и уже приблизился, когда Австрія безъ оговорокъ облечется въ званіе восточной державы. Милости просимъ!

Численность войска учреждаемаго въ Босніи и Герцеговинѣ будетъ простираться до 40.000 человѣкъ, изъ коихъ 10.000 будутъ находиться на дѣйствительной службѣ, а 30.000 въ запасѣ. Полки будутъ раздѣляться на христіанскіе и магометанскіе. Назначеніе этого войска должно состоять въ томъ чтобы защищать предѣлы Босніи и Герцеговины при вторженіи *непріятеля* (чьего?). Что же касается организаціи этой босно-герцеговинской арміи, то пока извѣстно лишь что обѣ турецкія провинціи будутъ раздѣляться на военные

округа соотвѣтствующіе австрійскимъ и примыкать къ нимъ. Всѣ офицеры для нея будутъ назначаться изъ хорватскаго ландвера. А кому будутъ служить эти воины, кому они будутъ обязаны вѣрностью? Новобранцы обязаны присягать австрійскому знамени, это значитъ—Австрійскому императору. Команда будетъ производиться на нѣмецкомъ языкѣ, и вообще служебнымъ языкомъ будетъ нѣмецкій. Вотъ вкратцѣ свѣдѣнія заимствованныя нами изъ австрійскихъ газетъ.

Извѣстіе о введеніи воинской повинности въ Босніи и Герцеговинѣ поразило всѣхъ своею неожиданностью. Въ печати объ этой мѣрѣ, ранѣе офиціальнаго обнародованія, не сообщалось нигдѣ ни слова. Газеты большею частью утверждаютъ что рѣшеніе по вопросу введенія австрійской воинской повинности въ турецкихъ провинціяхъ состоялось только въ послѣднее время и было немедленно обнародовано дабы дать делегаціямъ возможность высказаться объ этой мѣрѣ; однако нѣкоторыя тенденціозныя газеты утверждаютъ что вопросъ этотъ уже полтора года, въ величайшей тайнѣ, обсуждался въ правительственныхъ сферахъ.

Какое впечатлѣніе произвело обнародованіе этой мѣры въ самой Австріи? Повидимому очень смутное и неблагопріятное. Всѣ какъ будто съ новою силой почувствовали что приближается кризисъ изъ котораго неизвѣстно чѣмъ выйдетъ расшатанная и сбродная монархія Габсбурговъ. Обрадовались только тѣ партіи которыя давно напираютъ на необходимость окончательнаго присоединенія Босніи и Герцеговины и дальнѣйшаго шествія Австро-Венгріи на Востокъ: долго ли только будетъ совершаться это шествіе безъ перелома въ составѣ? Оппозиціонныя газеты, въ особенности мадьярскія, сильно мятутся, рѣзко нападая на правительство, и съ недоумѣніемъ спрашиваютъ откуда оно возьметъ средства на содержаніе боснійской арміи, такъ какъ де парламенты не согласятся на увеличеніе военнаго бюджета. Гораздо серіознѣе другой вопросъ: какъ отнесутся къ этой мѣрѣ другія державы и какъ приметъ ее сама Турція. Въ послѣднемъ засѣданіи венгерской делегаціи, одинъ изъ присутствующихъ вспомнилъ было о Турціи, но имперскій министръ финансовъ, г. Слави, успокоилъ собраніе сообщеніемъ что Турція не протестовала, ибо ее объ этомъ не спрашивали.

Но австрійскія газеты особенно интересуются вопросомъ какъ отзовется Россія. Пражская *Politik*, офиціозный органъ новой, имѣющей произойти на свѣтъ Австріи, сообщаетъ что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Вѣны съ тревогой ожидаютъ какъ отнесется Россія ко введенію въ турецкихъ провинціяхъ австрійской воинской повинности. „Эта напряженность ожиданія, говоритъ офиціозный вѣнскій корреспондентъ газеты *Politik*, очень понятна, такъ какъ Австрійское правительство вводитъ въ Босніи милицію безъ предварительнаго соглашенія съ Россіей и такъ какъ всякій понимаетъ что введеніе милиціи въ Босніи послужитъ пробою, съ одной стороны, австрійскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, а съ другой, нашихъ отношеній къ Россіи. Это дѣйствіе Австрійскаго правительства послужитъ во всякомъ случаѣ къ тому чтобъ окончательно выяснить отношенія Австро-Венгріи къ Россіи." Конечно, фактъ достаточно крупный для того чтобы выяснить эти отношенія, если они еще не казались до сихъ поръ достаточно ясными. По крайней мѣрѣ то должно быть всякому давно уже ясно откуда и зачѣмъ возбуждены были въ послѣднюю половину минувшаго десятилѣтія событія на Востокѣ, которыя ознаменовались пролитіемъ столькой крови, столь славною для русскаго оружія войною и столь тягостнымъ для русскаго чувства Берлинскимъ трактатомъ.

Посмотримъ что̀ будетъ далѣе. Громадныя перемѣны въ наши дни совершаются съ удивительною быстротой. Но что̀ бы ни вышло, будущее несомнѣнно принадлежитъ живымъ и внутренно сильнымъ организмамъ. Имъ, какъ Иванушкамъ нашихъ сказокъ, все идетъ въ прокъ, даже неудачи и глупости, между тѣмъ какъ никакія хитрости не спасутъ то что̀ само собою валится и держится лишь на пружинахъ.

Итакъ, Австрія окончательно рѣшилась продвинуться на Востокъ. Посмотримъ какую фигуру она тамъ представитъ, и пойдутъ ли ей въ прокъ новыя стяжанія.

Б.

Франція готовится вступить въ новую фазу своего политическаго существованія.

Такъ - называемые консервативные республиканцы всѣхъ оттѣнковъ единогласно указываютъ на Гамбетту какъ на спасителя Франціи при громкихъ протестахъ *несговорчивыхъ* радикаловъ. То же самое явленіе которое произошло на дняхъ, 28 октября, когда наперекоръ всѣмъ парламентскимъ преданіямъ 317 депутатовъ изъ 364 выбрали г. Гамбетту временнымъ президентомъ палаты лишь для того чтобъ этою манифестаціей указать на него какъ на человѣка избраннаго націей, то же самое явленіе уже имѣло мѣсто 16 октября 1799 года, когда французскіе республиканцы привѣтствовали молодаго генерала покрывшаго себя славой въ Сѣверной Италіи и только - что вернувшагося изъ блестящей Египетской кампаніи; то же самое явленіе было и 10 декабря 1848 года когда Французы поголовною подачей голосовъ вручили свою судьбу принцу Лудовику - Наполеону чтобъ избавиться отъ послѣдствій февральской революціи.

Есть разница между корсиканскимъ генераломъ и генуезскимъ адвокатомъ, но именно въ томъ-то и интересъ что для одной и той же цѣли употребляются совершенно различныя орудія; въ томъ-то и сила что не военный геній, не обаяніе династіи были рѣшающей причиной сосредоточенія власти, а положеніе дѣлъ таково что брошенная власть сама неизбѣжно стремится сосредоточиться на комъ попало...

Г. Гамбеттѣ въ настоящее время обезпечена на четыре года поддержка вполнѣ преданной ему палаты депутатовъ; январскіе выборы доставятъ, безъ сомнѣнія, его партіи большинство и въ сенатѣ; а если онъ сумѣетъ сохранить свой престижъ въ теченіи этихъ четырехъ лѣтъ, то къ тому времени истечетъ срокъ президентства г. Греви, и г. Гамбетта на семь по крайней мѣрѣ лѣтъ сдѣлается президентомъ Французской республики; предъ нимъ открытъ, слѣдовательно, болѣе чѣмъ десятилѣтній періодъ почти полной и сильной личной власти. Но въ самомъ ли дѣлѣ за краснорѣчивымъ народнымъ трибуномъ кроется серіозный государственный человѣкъ?— вотъ тотъ вопросъ отъ разрѣшенія котораго зависитъ какъ его собственная судьба, такъ и связанная отнынѣ съ нимъ судьба Франціи.

Быть въ оппозиціи и критиковать дѣйствія правительства гораздо легче чѣмъ стоять во главѣ правительства и вести дѣла великой страны. Что правительство г. Гамбетты встрѣтитъ ожесточенную оппозицію со стороны радикальной партіи, въ этомъ сомнѣваться нельзя послѣ тѣхъ эпизодовъ которыми ознаменовалось время выборовъ и послѣдовавшій затѣмъ періодъ двухмѣсячнаго парламентскаго затишья. На выборахъ г. Гамбетта съ трудомъ получилъ требуемое количество голосовъ въ одномъ изъ округовъ Бельвиля, а въ другомъ принужденъ былъ уступить мѣсто своему противнику, радикалу Тони Ревильйону. Г. Гамбетта утратилъ слѣдовательно свою популярность среди подонокъ парижскаго населенія, которою онъ въ былыя времена такъ гордился и ради которой онъ сдѣлалъ столько опрометчивыхъ и непростительныхъ уступокъ радикализму. Разрывъ между нимъ и радикалами произошелъ еще въ то памятное августовское собраніе въ Шароннѣ, въ которомъ бывшій диктаторъ долженъ былъ отступить предъ громкими криками и ругательствами разъяренной черни. Онъ обозвалъ этихъ крикуновъ „пьяными рабами" и обѣщалъ отыскать ихъ „во глубинѣ ихъ логовищъ;" этихъ словъ радикалы ему никогда не простятъ. Двѣ недѣли тому назадъ они устроили нѣсколько митинговъ на которыхъ среди оглушительныхъ рукоплесканій раздавались воззванія къ мятежу и убіенію „генуезскаго измѣнника и кровопійцы Гамбетты." А когда въ его органѣ, въ *République Française*, появилась статья угрожавшая радикаламъ репрессивными мѣрами еслибъ они вздумали перейти отъ словъ къ дѣйствіямъ, то вся *несговорчивая* пресса обрушилась на г. Гамбетту, какъ на „человѣка стремящагося къ кровавой диктатурѣ." Если таковъ былъ образъ дѣйствій радикаловъ до вступленія г. Гамбетты во власть и во время парламентскихъ вакацій, то можно ожидать гораздо сильнѣйшей съ ихъ стороны оппозиціи когда онъ дѣйствительно предстанетъ предъ парламентомъ во главѣ своего министерства. Можно надѣяться что эта оппозиція окончательно оттолкнетъ г. Гамбетту отъ угожденія либеральнымъ доктринерамъ и еще болѣе утвердитъ его въ политикѣ *оппортунизма*, въ лучшемъ значеніи этого слова, сообразующей свои дѣйствія не съ абстрактными теоріями, а съ дѣйствительною, своевременною пользой страны. По силамъ ли г. Гамбеттѣ

эта задача, не знаемъ; но пока и не видно кто во Франціи представлялъ бы собою достаточное ручательство что можетъ ее исполнить.

№ 302.

Москва, 30-го октября.

Нѣмецкіе публицисты всѣхъ оттѣнковъ партій съ большимъ усердіемъ развиваютъ обыкновенно положеніе о незыблемости и прочности Германской имперіи какъ извнѣ, такъ и внутри. Каковы бы ни были ихъ разсужденія о политическихъ комбинаціяхъ данной минуты, исходною точкой этихъ разсужденій, аксіомой не требующею дальнѣйшихъ доказательствъ всегда выставляется то положеніе что Германская имперія есть фундаментъ и лучшій оплотъ консерватизма, а стало-быть и европейскаго мира. Она обладаетъ де такою мощью что всѣ попытки разрушить или пошатнуть могучее зданіе германскаго единства должны считаться безнадежными въ глазахъ даже злѣйшихъ враговъ ея. Поэтому никто болѣе Германіи не въ состояніи де оградить и остальную Европу отъ всякихъ воинственныхъ и завоевательныхъ замысловъ. Что же касается внутренняго строя, то и въ этомъ отношеніи порядокъ, созданный въ ней за тридцать лѣтъ предъ симъ, съ 1849 года, отличается де удивительною прочностью.

Такова обычно развиваемая доктрина. Но никто иной какъ самъ князь Бисмаркъ засвидѣтельствовалъ на дняхъ что не все обстоитъ такъ благополучно. Поводомъ къ этому заявленію имперскаго канцлера послужилъ результатъ недавнихъ выборовъ въ Германскій рейхстагъ. Князь Бисмаркъ, со свойственною ему откровенностью, не утаиваетъ, а напротивъ усиливаетъ неблагопріятное значеніе этихъ выборовъ, признавая что „стремленія прогрессистской партіи (которая достигла наибольшаго успѣха на выборахъ) заключаютъ въ себѣ, по его убѣжденію, опасность для императора и имперіи.“ Такъ выразился князь Бисмаркъ въ ответной телеграммѣ на соболѣзнующее заявленіе по поводу выборовъ посланныхъ ему берлинскимъ центральнымъ избирательнымъ комитетомъ консервативныхъ фракцій, причемъ комитетъ выразилъ твердую рѣшимость бодро продолжать борьбу противъ „клики прогрессистовъ.“

Съ другой стороны, нѣмецкія газеты, говоря о Россіи, любятъ указывать на то что русскій государственный строй „минированъ“ революціонною пропагандой, и когда заходитъ рѣчь объ обще-европейской политикѣ, дѣло всегда представляется ими такимъ образомъ будто Россія такъ связана „постоянною опасностью внутреннихъ смутъ и революціонныхъ взрывовъ“ что совершенно и надолго парализовано ея вліяніе въ Европѣ. Но что̀ такое горсть русскихъ революціонеровъ лишенныхъ всякой связи съ народомъ, порожденныхъ только недоразумѣніями и ошибками правительственныхъ лицъ,—въ сравненіи съ партіей германскихъ соціалъ-демократовъ, насчитывающею въ своихъ рядахъ не одинъ милліонъ рабочаго населенія? Несмотря на то что соціалъ-демократы не располагали ни однимъ изъ обычныхъ средствъ избирательной агитаціи, будучи лишены, на основаніи закона о соціалистахъ, права сходокъ, не имѣя ни одного печатнаго органа, и въ отсутствіи самихъ кандидатовъ, которые находятся въ изгнаніи, соціалъ-демократы явились конкуррентами не только въ Берлинѣ, но и во всѣхъ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ. На выборахъ, 27 октября, не прошелъ, правда, ни одинъ кандидатъ изъ соціалъ-демократовъ; но во всѣхъ тѣхъ округахъ гдѣ революціонная партія выставляла своихъ кандидатовъ, въ пользу ихъ были поданы тысячи, а иногда и десятки тысячъ голосовъ. Въ 27 мѣстахъ предстоятъ перевыборы между соціалъ-демократами и ихъ соперниками, большею частью изъ прогрессистовъ, а по послѣднимъ извѣстіямъ вторичная баллотировка, гдѣ таковая уже успѣла произойти, выпала въ пользу соціалъ-демократовъ, такъ что главные вожаки ихъ, какъ-то: Бебель, Либкнехтъ, Газенклеверъ, уже выбраны.

Но, къ счастію Германіи, во главѣ ея дѣлъ стоитъ человѣкъ который, при энергіи и умѣ, пользуется всѣмъ авторитетомъ вполнѣ довѣряющей ему верховной въ государствѣ власти. Благодаря этому соединенію могущества съ политическимъ разумѣніемъ, которое не остается празднымъ мнѣніемъ, но пускаетъ въ ходъ всѣ пружины для достиженія предположенныхъ результатовъ, совершаются событія измѣняющія лицо міра. Князь Бисмаркъ не укло-

няется отъ борьбы, не замазываетъ затрудненій, не прибѣгаетъ къ полумѣрамъ; напротивъ, онъ ищетъ борьбы, онъ идетъ на затрудненія; онъ вызываетъ ихъ, съ тѣмъ чтобы нанести рѣшительный ударъ врагу съ которымъ борется. Онъ не дается въ руки никакой партіи, пользуясь каждою для достиженія своихъ цѣлей, и руководится единственно интересомъ государства которому служитъ. Теперь онъ находится въ открытой и рѣшительной борьбѣ съ ложью парламентаризма, который задолго до него прокрался въ Германію и водворился въ ней, парализуя ея силы и угрожая ей гибелью. Князь Бисмаркъ совершалъ свои дѣла вопреки этому злу, постоянно борясь съ нимъ, постоянно подчиняя его себѣ. Вся исторія его правленія представляетъ непрерывную борьбу съ парламентаризмомъ и партіями имъ порожденными. Исторія эта исполнена и назидательныхъ, и комическихъ эпизодовъ. Теперь повидимому наступилъ моментъ для рѣшительнаго удара. Выборы въ германскій рейхстагъ произошли какъ бы по заказу для этой цѣли. Съ палатою вышедшею изъ этихъ выборовъ правительство становится невозможнымъ. Партіи такъ расщепились что ни одна не была бы въ силахъ образовать правительство. Прибавилось нѣсколько человѣкъ въ такъ-называемую прогрессистскую партію, но она какъ и прежде представляетъ собою въ цѣломъ все-таки ничтожное меньшинство, и никоимъ образомъ не можетъ претендовать на управленіе дѣлами. Націоналъ-либералы являютъ собою какъ бы обломки послѣ разрушительной бури. Католики-клерикалы остались попрежнему компактною массой, не дробясь на партіи и повинуясь общей командѣ; они пріобрѣли десятокъ лишнихъ голосовъ, но могутъ ли они служить основой правительству въ протестантской Германіи, имѣя всѣ партіи противъ себя? Такъ-называемыя консервативныя партіи остаются, какъ и прежде, ничтожными фракціями. Нѣтъ возможности составить большинство для какого бы то ни было созидательнаго дѣла; за то ежеминутно должны возникать чудовищныя стачки между разнородными и враждебными между собою партіями для того чтобы вредить и мѣшать всякому дѣлу....

Говорятъ что политика германскаго канцлера потерпѣла пораженіе на этихъ выборахъ; напротивъ, лучшаго результата не могла бы она пожелать для своихъ плановъ. Какъ всегда, въ рѣшительную минуту князь Бисмаркъ ставитъ вопросъ о себѣ. Онъ снова требуетъ полнаго къ себѣ довѣрія верховной власти для того чтобы совершить крутую и сильную операцію, необходимую въ его правительственныхъ планахъ. Еслибы довѣріе котораго онъ требуетъ ослабѣло и поколебалось, онъ долженъ былъ бы немедленно сойти съ поприща. Но если, какъ и всегда, это довѣріе пребудетъ незыблемо, если вся сила власти останется въ рукахъ устроителя Германіи, онъ не преминетъ воспользоваться, въ своемъ смыслѣ, результатами выборовъ. Этими выборами чему-то нанесено пораженіе. Чему? Если Бисмаркъ уйдетъ, пораженіе нанесено его политикѣ, а вмѣстѣ и Германской монархіи; если онъ останется, то пораженіе окажется нанесеннымъ шаблонному парламентаризму который разъѣдаетъ Германію. Судя по прошедшему, Бисмаркъ останется и воспользуется полнымъ разстройствомъ политическихъ партій какъ своею побѣдой. Заставитъ ли онъ ихъ, подъ давленіемъ необходимости, перестроиться и перетасоваться въ нынѣшнемъ рейхстагѣ, или разгонитъ ихъ, но что-нибудь рѣшительное должно послѣдовать.

Не въ соціалъ-демократизмѣ заключается корень зла съ которымъ приходится бороться, не въ революціонной партіи сила: она есть только признакъ общества парализованнаго и внутренно разстроеннаго игрою политическихъ партій. Если князю Бисмарку вполнѣ удастся задуманный имъ ударъ, то пораженъ будетъ корень зла, чего нельзя достигнуть палліативными мѣрами противъ такъ-называемой революціонной партіи...

№ 303.

Москва, 31-го октября.

Открытіе мірскихъ кабаковъ отнюдь не было народнымъ движеніемъ: это можно считать доказаннымъ. Нѣтъ, не изъ народнаго движенія вышелъ мірской кабакъ. Движеніе народное было сильное, но оно шло въ другую сторону. Припомнимъ послѣднее время откупа. Издавна болѣвшій кабакомъ, видѣвшій въ немъ, какъ въ Монгольскомъ игѣ, Божью кару, нашъ многотер-

пѣливый народъ потерялъ наконецъ терпѣніе. Начались протесты противъ кабаковъ и ихъ содержателей. По мѣстамъ этотъ протестъ проявлялся въ грубыхъ формахъ буйства и разбиванія кабаковъ. Но вскорѣ народное движеніе приняло спокойный и достойный характеръ. Одновременно, въ разныхъ на тысячи верстъ удаленныхъ одно отъ другаго мѣстахъ, во множествѣ и съ невѣроятною быстротой стали возникать общества трезвости. Увы, печальный исходъ имѣло это народное движеніе принявшее столь широкіе размѣры! Не помогли ни всеобщее ему сочувствіе, ни поддержка которую усердно оказывала доброму стремленію церковная проповѣдь, ни благословеніе Святѣйшаго Синода поощрявшее священнослужителей въ этой проповѣди. Кабакъ вышелъ побѣдителемъ. Все должно было преклониться предъ нимъ: и чистое, столь много обѣщавшее наканунѣ освобожденія крестьянъ движеніе народа, и голоса просвѣщенныхъ людей видѣвшихъ въ этомъ движеніи зарю свѣтлой будущности Россіи, и церковная проповѣдь...

Такой исходъ добраго, можно сказать великаго, дѣла не могъ не произвести гнетущаго впечатлѣнія на умъ и чувство русскихъ людей. За то крамольникамъ было выгодно указывать на неразрывный будто бы союзъ Русскаго правительства съ кабакомъ; имъ могло быть выгодно, въ ту пору когда польскіе ксендзы обращали храмы въ революціонные клубы, а религіозныя процессіи въ мятежныя манифестаціи и призывали къ бунту съ церковныхъ каѳедръ,—имъ было выгодно указывать на этихъ ксендзовъ какъ на истинныхъ друзей народа ведущихъ его къ добру и доказавшихъ это призывомъ его подъ высоко поднятое ими знамя трезвости, которое было ниспровергнуто „московскимъ наѣздомъ,“ предавшимъ де народъ въ жертву кабацкой эксплуатаціи и осудившимъ его на разореніе и развратъ пьянства. Но чѣмъ выгоднѣе могло быть все это крамольникамъ, тѣмъ тяжеле ложилось все это на душу русскимъ людямъ.

Общее негодованіе противъ одержавшаго побѣду откупа было такъ сильно что онъ не могъ пережить ея. День паденія откуповъ былъ днемъ всеобщей радости. Но эта радость не была продолжительна. Откупщиковъ не стало, но кабакъ, только перемѣнивъ хозяевъ, остался со всѣми его безобразіями. Не только не оправдались возлагавшіяся на отмѣну откуповъ надежды, но новое зло оказалось горше прежняго. Вмѣсто откупщиковъ, набросились на народъ тьмочисленныя орды не менѣе хищныхъ кабачниковъ, и пьянство съ его гибельными послѣдствіями приняло такіе ужасающіе размѣры что пришлось жалѣть даже объ откупахъ.

Что̀ оставалось дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? По истинѣ, было отъ чего придти въ отчаяніе. Всякая надежда избавиться отъ язвы кабака и порождаемаго имъ повальнаго пьянства была утрачена. У всѣхъ на свѣжей памяти были факты доказавшіе во очію что ничьей силѣ, никакому авторитету не одолѣть кабака. Казалось безспорнымъ что кабакъ на Руси есть одна изъ тѣхъ роковыхъ историческихъ необходимостей коимъ народъ долженъ волею-неволею подчиняться, вынося всю ихъ страшную тяготу ради удовлетворенія насущныхъ государственныхъ нуждъ. Какъ въ былыя времена, люди глубоко чувствовавшіе зло крѣпостнаго права тѣмъ не менѣе должны были уживаться съ его порядками пока не приспѣло время освобожденія, такъ и тутъ приходилось пріискивать modus vivendi съ нимъ. Могло, однако, возникать опасеніе какъ бы кабакъ не поселилъ розни между народомъ и государствомъ. Зародышъ такой розни усматривался въ стремленіяхъ народа къ трезвости, которыя, бывъ подавлены наканунѣ освобожденія крестьянъ, не замедлили вскорѣ опять проявиться съ новою силой. Что̀ будетъ если народъ, возставая противъ ненавистныхъ ему кабаковъ, повсемѣстно сговорится не пить вина? „Что такія стачки возможны,“ писалъ А. Н. Аксаковъ въ изданной имъ въ 1874 году брошюрѣ, „мы видѣли это еще недавно, въ „возникновеніи многочисленныхъ обществъ „трезвости и приговоровъ не пить вина; зна„емъ также и къ какому образу дѣйствій „было тогда вынуждено правительство. „Что такія стачки начинаютъ образовы„ваться и въ настоящее время, объ этомъ „уже появляются извѣстія.“ Указавъ затѣмъ на многія сотни крестьянскихъ приговоровъ въ смыслѣ подобныхъ „стачекъ“ постановленныхъ въ 1872 и 1873 годахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, А. Н. Аксаковъ продолжалъ: „очень быть мо„жетъ что когда составленіе подобныхъ „приговоровъ приметъ характеръ поваль„ный, они будутъ найдены незаконными и

„пріостановлены; одиночный фактъ подоб-„наго рода намъ уже извѣстенъ: когда въ „1872 году, на Павдинскомъ заводѣ, Бо-„гословскаго горнаго округа, Пермской „губерніи, состоялся приговоръ сельскаго „общества о недозволеніи открытія въ чер-„тѣ селенія продажи питей, приговоръ „этотъ не былъ утвержденъ губернскимъ „начальствомъ. Не приведетъ ли такой „порядокъ вещей къ странному и несо-„вмѣстному съ достоинствомъ государства „*опасенію трезвости?*“ *)

Да, странно и несовмѣстно съ достоинствомъ государства опасеніе трезвости; странно и несовмѣстно съ достоинствомъ государства приравнивать общества трезвости къ *стачкамъ* и клеймить такимъ прозвищемъ приговоры самихъ крестьянъ о пресѣченіи пьянства въ ихъ средѣ; странно и несовмѣстно съ достоинствомъ государства признавать такіе приговоры незаконными, видѣть въ нихъ посягательство на государственный интересъ и преслѣдовать ихъ какъ бы мятежъ и бунтъ. Не хорошо уже то что мы не заботимся отклонить народъ отъ пагубы и направить на добрый путь; еще хуже если мы потворствуемъ дурнымъ наклонностимъ для обращенія ихъ въ свою пользу; но уже ни съ чѣмъ не сообразно если мы, видя попытку людей очиститься отъ обуявшей ихъ скверны, станемъ противиться такой попыткѣ и насильно отталкивать людей въ пропасть откуда они стараются выкарабкаться. Тѣмъ-то и прискорбенъ въ особенности исходъ народнаго движенія въ сторону трезвости что онъ сопровождался урономъ государственнаго достоинства; что онъ ставилъ государство въ противорѣчіе съ самимъ собой, придавъ характеръ лицемѣрія всѣмъ идущимъ отъ правительства мѣрамъ противъ пьянства; что онъ выставилъ правительство какъ бы развратителемъ, придвинувшимъ дома соблазна почти къ самымъ храмамъ Божіимъ, въ которыхъ апостольское слово „братіе, не упивайтеся виномъ“ должно было впредь произноситься робко и бездѣйственно, заглушаемое шумомъ кабацкихъ вакханалій. Неизвѣстно сопровождалось ли распоряженіе о томъ чтобы „приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходовъ для сей цѣли нигдѣ не допускать,“ сопровождалось ли это распоряженіе какими-либо непріятными послѣдствіями для членовъ этихъ обществъ и для лицъ поощрявшихъ трезвое народное движеніе, подобно тому какъ пострадалъ преподобный Тихонъ Задонскій, который въ 1767 году долженъ былъ покинуть свою епископскую каѳедру и, провожаемый слезами народа, отправился „на покой“ вслѣдствіе доноса „что „онъ смущаетъ народъ, учитъ не пить „водки и тѣмъ подрываетъ казенный ин-„тересъ“ *). Но смущенному воображенію могли представляться всяческія экзекуціи дабы обратить народъ, въ интересахъ казны, на путь разоренія и разврата, съ котораго онъ уклонился. Подобныя представленія, конечно раздутыя и преувеличенныя, не могли не мутить совѣсть многихъ людей. Не здѣсь ли одна изъ причинъ той легкости съ какою многіе съ добрыми нравственными задатками уловлялись въ сѣти антиправительственной пропаганды, проникаясь озлобленіемъ противъ властей? Не отсюда ли почерпнулъ и Прыжовъ, авторъ *Исторіи кабаковъ*, свое враждебное къ правительству настроеніе которое бросило его въ объятія Нечаева и довело до политическаго убійства?

Итакъ была боязнь какъ бы стремленія трезвости и противодѣйствіе имъ не породили антагонизма между народомъ и правительствомъ. Людямъ поддавшимся такой боязни могло казаться дозволительнымъ всякое средство, лишь бы оно вело къ цѣли, лишь бы помощію его можно было предупредить этотъ антагонизмъ, предотвратить принятіе репрессивныхъ противъ трезвости мѣръ которыми онъ могъ быть вызванъ. Радикально измѣнить взглядъ народа на кабаки, заставивъ его видѣть въ нихъ источникъ не разоренія, а общихъ выгодъ, пріискать въ глазахъ народа оправданіе пьянству какъ дѣлу общей пользы, словомъ, создать общественныя питейныя заведенія и расположить народъ въ ихъ пользу, разукрасивъ елико возможно эти смердящіе гробы,—вотъ средство которое было пущено въ ходъ для достиженія вышеозначенной цѣли. „При допущеніи обще-„ственныхъ питейныхъ заведеній,“ пишетъ А. Н. Аксаковъ въ своей брошюрѣ, „пред-

*) Курсивъ подлинника. См. брошюру А. Н. Аксакова *Содержаніе питейныхъ заведеній сельскими обществами*, стр. 26 и 27.

*) *Исторія кабаковъ*. Стр. 265 и 295.

„ставляется рѣдкая возможность... устра-„нить экономическій антагонизмъ выгодъ „сельскихъ обществъ и государства, ибо „матеріальные интересы ихъ въ такомъ „случаѣ становятся обоюдными“ *).

Это главный доводъ въ пользу мірскихъ кабаковъ. Всѣ прочіе доводы походятъ на рѣчь адвоката, поставившаго себѣ задачей во что бы то ни стало защитить своего клиента, не смущаясь взаимнымъ противорѣчіемъ своихъ аргументовъ.

Такъ въ пользу учрежденій мірскихъ кабаковъ приводится тотъ аргументъ что открытіе ихъ поведетъ къ сокращенію числа питейныхъ заведеній, ибо благодаря имъ „уничтожаются всѣ прочіе питейные „дома въ томъ же селеніи, какъ потому „что уже общество не дастъ согласія своего „на ихъ открытіе, такъ и потому что они „уже не будутъ въ состояніи конкурри-„ровать съ мірскимъ кабакомъ **)“ Но затѣмъ, на ряду съ этимъ аргументомъ, признается что и конкурренція между нѣсколькими кабаками въ одномъ селеніи ведетъ на практикѣ къ установленію фактической монополіи, причемъ, однако, съ замѣной нѣсколькихъ кабаковъ однимъ, пьянство нисколько не уменьшается ***). А въ заключеніе вся эта аргументація обращается въ прахъ другимъ приводимымъ въ пользу мірскихъ кабаковъ аргументомъ что „съ сокращеніемъ излишняго числа „питейныхъ заведеній въ одномъ и томъ „же селеніи откроются на новомъ основаніи „таковыя въ такихъ селеніяхъ гдѣ до это-„го они никогда не были допущены;“ „ес-„ли предположить что въ каждомъ селеніи „откроется общественный питейный домъ— „что весьма возможно, ибо каждое селеніе „пожелаетъ имѣть столь выгодное для себя „заведеніе, и что нисколько не было бы „противно и видамъ правительства (?!),— „то очевидно что общее число питейныхъ „заведеній не только не уменьшится, но „даже увеличится вдвое****).“

Возьмемъ другой аргументъ приводимый въ пользу мірскихъ кабаковъ. Съ открытіемъ ихъ будто бы „поднимается зна-„ченіе питейной торговли и питейнаго до-„ма вообще: когда подобное заведеніе со-„держится отъ общества, то очевидно въ „сидѣльцы выбираются люди самые благо-„надежные, способные соблюсти и нрав-„ственные и экономическіе интересы обще-„ства, и идутъ въ сидѣльцы тѣ люди ко-„торые дѣйствительно желаютъ послужить „обществу. Ремесло кабацкое уничтожает-„ся *).“ А какого мнѣнія люди, столь полагающіеся на выбранныхъ міромъ кабацкихъ сидѣльцевъ, вообще о достоинствахъ лицъ выбираемыхъ крестьянами? Послушаемъ ихъ самихъ: „кто эти люди? Сель-„скій староста, волостной старшина, во-„лостные судьи? Къ сожалѣнію, многія изъ „этихъ лицъ сами предаются пьянству; „трудно поэтому ожидать чтобъ они же „могли быть и дѣятельными пособниками „въ борьбѣ съ этимъ зломъ**).“ Вообще крестьянскіе выборные люди плохи; только на одну должность міръ окажется способнымъ выбирать надежныхъ людей—на должность кабацкихъ сидѣльцевъ; только на этой должности выборные крестьяне окажутся усердными слугами обществу! Вѣковой опытъ показалъ что кабацкое ремесло развращаетъ всѣхъ имъ занимающихся, а тутъ вдругъ ожидаютъ „нравственныхъ результатовъ“ для міра и его выборныхъ отъ того что они будутъ заниматься кабацкимъ ремесломъ, которое при этомъ какъ-то уничтожится!

Возьмемъ еще примѣръ. Главный доводъ въ пользу мірскаго кабака, какъ мы видѣли, тотъ что міръ будетъ заинтересованъ въ выгодахъ отъ кабаковъ такъ же какъ доселѣ была заинтересована въ нихъ казна, что матеріальный интересъ міра, склонивъ его отъ трезвости въ сторону пьянства, тѣмъ самымъ устранитъ антагонизмъ между ними. На ряду съ этимъ твердо ставится тотъ принципъ что „ты-„сячеокій міръ,“ „никому не уступитъ своей „копѣйки,“ и что „бороться съ нимъ ни „одинъ изъ односельскихъ и не посмѣетъ.“ А непосредственно вслѣдъ за строками въ которыхъ изложенъ этотъ принципъ, какъ бы въ насмѣшку надъ здравымъ смысломъ, приводится слѣдующій новый аргументъ въ пользу мірскаго кабака: „Устанавли-„вается нравственная и хозяйственная опе-

*) См. брошюру А. Н. Аксакова, стр. 27.

**) Статья А. Н. Аксакова, въ *Русск. Вѣст.* 1872, ноябрь, стр. 191. Его же брошюра стр. 48.

***) *Р. В.* 1872, ноябрь, стр. 151 и 152.

****) Брошюра А. Н. Аксакова, стр. 28 и 54. *Р. В.* 1872, ноябрь, стр. 197.

*) Брошюра, стр. 49 и 50. *Р. В.*, 1872, ноябрь, стр. 192.

**) Статья Аксакова въ *Р. В.* 1872, ноябрь, стр. 157.

„ка надъ пьяницами, какъ несостоятель- „ными членами общества. Міру нѣтъ на- „добности разорять и спаивать своихъ „членовъ: неключимость каждаго изъ нихъ „всею тяготою своею ложится прямо на него; „никакой денежный барышъ не окупитъ „ему этой тяги—онъ знаетъ это хорошо; „поэтому онъ и приметъ чрезъ сидѣльца „своего надлежащія мѣры, чтобы пьяница- „недоимщикъ или гибнущій отъ пьянства „семьянинъ вовсе не допускался въ ка- „бакъ, или допускался при условіяхъ осо- „беннаго надъ нимъ надзора, удерживаю- „щаго его въ предѣлахъ умѣренности *).“ Интересно бы знать изъ какихъ наблюденій надъ собирающимися возлѣ кабака сельскими сходами выведена эта способность міра къ отеческой заботливости о каждомъ изъ его членовъ. Неужели изъ тѣхъ которыя дали А. Н. Аксакову богатый матеріалъ для изображеній поголовныхъ попоекъ, длящихся по цѣлымъ недѣлямъ, въ явное нарушеніе и интересовъ отдѣльныхъ лицъ, и общихъ мірскихъ интересовъ **)?

Приводится еще въ пользу общественнаго кабака то соображеніе что съ помощію его образуется „мірской капиталъ, „который, современемъ, можетъ дойти до „значительныхъ размѣровъ, и не только „облегчить, но и обезпечить общественные „крестьянскіе платежи; этотъ же капи- „талъ можетъ явиться источникомъ средствъ „для открытія народныхъ школъ, для устрой- „ства ссудныхъ кассъ, для обезпеченія „духовенства, и вообще для удовлетворе- „нія общественныхъ нуждъ и потребно- „стей ***).“ А между тѣмъ тотъ же авторъ, котораго такъ прельщаетъ образованіе мірскихъ капиталовъ, критикуя распоряженіе виленскаго генералъ-губернатора изложенное въ постановленіи Минскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія отъ 7 мая 1872 года, объ обращеніи получаемыхъ обществами отъ кабачниковъ арендныхъ денегъ въ мірскіе капиталы, порицаетъ такое распоряженіе, ибо оно „подъ благовиднымъ предлогомъ „приращенія мірскихъ капиталовъ ведетъ „не къ сокращенію, а къ поддержанію и „размноженію кабаковъ *).“ Тутъ авторъ противъ размноженія кабаковъ, а между тѣмъ введеніе мірскихъ питейныхъ домовъ рекомендуется между прочимъ потому что оно поведетъ къ увеличенію, даже къ удвоенію числа питейныхъ заведеній!

Не лучше и вся остальная аргументація въ пользу мірскихъ кабаковъ. Фальшивое дѣло только и можетъ держаться фальшивыми доказательствами. Изо всѣхъ явствуетъ одно: на мѣсто чиновниковъ и откупщиковъ спаивавшихъ народъ въ былое время, на мѣсто вольныхъ кабачниковъ спаивающихъ его нынѣ, ставится при мірскомъ кабакѣ „тысячеокій міръ“ который никому не уступитъ своей копѣйки, бороться съ которымъ ни одинъ изъ односельскихъ не посмѣетъ, и который высосетъ весь сокъ изъ народа чище всѣхъ своихъ предшественниковъ.

И такіе-то кабаки рекомендуются какъ „простѣйшая,“ „органическая“ мѣра противъ пьянства, тогда какъ на дѣлѣ эта органическая мѣра ведетъ къ сугубому спаиванію народа, къ окончательному развращенію народныхъ массъ, къ обращенію міра въ перваго врага своихъ членовъ, къ возведенію пьянства въ нѣкоего рода добродѣтель, къ превращенію грѣха, который народъ сознаетъ и въ которомъ кается, въ грѣхъ нераскаянный, къ растлѣнію народнаго духа.

Нѣтъ, ужъ лучше оставить народъ на жертву нынѣшнихъ кабатчиковъ, подъ гнетомъ нынѣ губящаго его зла. Но никакой необходимости въ этомъ нѣтъ. Напротивъ, съ замѣной кабацкой системы взиманія питейнаго налога казенною монополіей на разумныхъ основаніяхъ, питейный налогъ несомнѣнно можетъ возрасти. Народъ не противъ вина, а только противъ кабаковъ. Даже въ самый разгаръ народнаго движенія въ пользу трезвости, далеко не всѣ приговоры сельскихъ обществъ установляли безусловную трезвость. Напротивъ, многіе приговоры не запрещали пить вино, но постановляли пить его дома, а не въ кабакахъ.

---

*) Брошюра, стр. 49. *Р. В.* 1872, ноябрь, стр. 192.

**) *Р. В.* 1872, ноябрь, стр. 147—158.

***) Брошюра, стр. 50. *Р. В.* 1872, ноябрь, стр. 192.

*) *Р. В.*, 1872, ноябрь, стр. 148.

№ 305.

Москва, 2-го ноября.

Въ ночь, предъ выходомъ вчерашняго нумера, получили мы въ высшей степени важное сообщеніе, которое и поспѣшили передать публикѣ, о новоучрежденной, по всеподданнѣйшему докладу министра Внутреннихъ Дѣлъ, коммиссіи для пересмотра и соглашенія всѣхъ учрежденій мѣстнаго управленія, губернскаго и уѣзднаго. Мѣра эта соотвѣтствуетъ самой существенной потребности, и нѣтъ общественнаго класса въ нашемъ отечествѣ который не отозвался бы на нее съ живѣйшимъ сочувствіемъ и благодарностію, нѣтъ частнаго интереса который не пожелалъ бы чтобы предпринятое дѣло увѣнчалось наилучшимъ и полнымъ успѣхомъ. Добрымъ началомъ этому дѣлу послужатъ, надо надѣяться, свѣдѣнія и наблюденія собранныя назначенною въ прошломъ году сенаторскою ревизіей во многихъ губерніяхъ Россіи. Чѣмъ ближе и глубже войдемъ мы въ дѣйствительныя условія нашего государственнаго устройства и народнаго быта, тѣмъ умнѣе мы будемъ, тѣмъ менѣе будетъ оставаться мѣста недоразумѣніямъ и химерамъ которыя парализуютъ и мутятъ нашу жизнь.

Теперь хорошо заняться разчисткою поля и подвергнуть критикѣ нѣкоторыя ходячія у насъ фальшивыя полупонятія. Въ послѣднее время особенно много было у насъ толковъ о самоуправленіи, хотя не видно чтобы подъ этимъ словомъ разумѣлось что-либо ясное.

Теперь въ большой чести естественныя науки; всѣ радуются ихъ успѣху и восхваляютъ методъ которому онѣ слѣдуютъ. Но вся тайна естественныхъ наукъ, какъ и всякаго положительнаго изслѣдованія, состоитъ въ томъ чтобы не дѣлать легкомысленныхъ обобщеній и неосновательныхъ выводовъ. Неужели въ области политическихъ вопросовъ не требуется также тщательнаго изученія, обширнаго и осмотрительнаго наведенія, точнаго анализа, не допускающаго никакихъ сужденій безъ достаточнаго основанія?

О самоуправленіи очень много говорится въ одной хорошо написанной книжкѣ, вышедшей въ нынѣшнемъ году въ Лейпцигѣ, на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Письма о состояніи Россіи*. Изъ этой книжки мы узнаемъ, между прочимъ, что во времена оны, то-есть до Петра Великаго, Россія являла собою тѣсное соединеніе самодержавной власти съ самоуправляющимся народомъ, при земскихъ соборахъ; съ Петра Великаго началось де другое время: тутъ самодержавная власть разрознилась съ народомъ, между ними втѣснилась бюрократія которая раздѣлила ихъ и выросла наконецъ въ громадную всеподавляющую силу, вредоносную какъ для самодержавія, такъ и для народа и исполненную всякихъ неправдъ, хищеній, измѣны и крамолы. Теперь же наступила пора избавиться намъ отъ этого чудовища, возвратиться къ старому доброму порядку съ земскими соборами и самоуправленіемъ.

Какъ до Петра Великаго, такъ и послѣ него, было служилое государственное сословіе именуемое дворянствомъ, которое не только управляло, но и владѣло народомъ. Петръ Великій не только не отмѣнилъ помѣстнаго права и дворянской службы, но, какъ заявляетъ самъ авторъ брошюры, еще усилилъ крѣпостное состояніе въ которомъ находился народъ. До 19 февраля 1861 года крѣпостное состояніе было у насъ, какъ почти и вездѣ въ свое время, основой государственнаго быта. Все управленіе главнымъ образомъ находилось въ рукахъ помѣстнаго дворянства. Гдѣ же нашелъ авторъ бюрократію которая управляла народомъ и раздѣляла его съ самодержавною властью? Владѣя на правѣ частной собственности милліонами народа и управляя ими, помѣстное дворянство само управляло своими дѣлами. Бо́льшаго самоуправленія невозможно придумать. Но этого мало: помѣстное же дворянство давало судей для всей страны; оно же изъ своей среды выбирало и полицейскія власти.

19 февраля 1861 года крѣпостное право пало, а съ нимъ прекратилось и основанное на немъ дворянское самоуправленіе. Но бюрократія ли наслѣдовала помѣстному дворянству въ управленіи? Нѣтъ, вмѣсто дворянскаго самоуправленія явился цѣлый рядъ другихъ самоуправленій. Явилось крестьянское самоуправленіе, городское самоуправленіе, явились совершенно новыя земскія учрежденія, явилась также новая громадная судебная автономія. Явились желѣзнодорожныя администраціи въ которыхъ частныя компаніи

самоуправляются на казенный счетъ. Явились многочисленныя кредитныя учрежденія и разныя общества управляющіяся также сами собой. Самоуправительство достигло такихъ предѣловъ что и бюрократическія инстанціи не хотятъ знать никакой подчиненности и хотятъ управляться сами собой. Профессорскія коллегіи самоуправно распоряжаются образованіемъ и судьбой отборнаго юношества страны, которое какъ бы отдано имъ на эксплуатацію. Правительство не только не старалось расширить сферу своихъ дѣйствій, но само спѣшило слагать съ себя одну за другою свои обязанности и отрекаться отъ отвѣтственности за самые существенные интересы страны, народа и государства. Подъ видомъ развитія самоуправленія слабѣло дѣйствіе государственной власти, которая не должна допускать никакихъ государствъ въ государствѣ, а должна обезпечивать свободу въ истинномъ значеніи этого слова, то-есть ограждать людей отъ всякаго насилія и незаконнаго вынужденія. Чуть-чуть не узаконялись, по крайней мѣрѣ фактически возводились въ силу, революціонныя и противо-государственныя направленія...

О какой же бюрократіи говоритъ авторъ брошюры, бюрократіи будто бы все подавляющей, ко всему придирающейся, во все вмѣшивающейся со своею опекой и ферулой? До 1861 года было крѣпостное право и дворянское самоуправленіе. Съ 1861 года возникаютъ одно за другимъ всякія самоуправленія, и легальныя и нелегальныя; образуются разныя власти слишкомъ, къ сожалѣнію, независимыя отъ государства. Неужели всѣ эти учрежденія послѣдовавшія за отмѣной крѣпостнаго права, по мнѣнію автора, усиливаютъ администрацію и суть органы бюрократіи? Если онъ недоволенъ системою нашихъ самоуправленій, если онъ желаетъ чего-либо лучшаго, то мы перечить ему не станемъ; но зло очевидно состоитъ не въ чрезмѣрномъ развитіи въ государствѣ государственной администраціи. Мы отнюдь не будемъ спорить что въ департаментахъ и канцеляріяхъ у насъ гнѣздится не мало неблагонадежныхъ элементовъ. Но думаетъ ли почтенный авторъ что учрежденія другаго характера свободны отъ этихъ элементовъ? Полагаетъ ли онъ, напримѣръ, что судебный міръ, совершенно независимый отъ администраціи и на началахъ самоуправленія устроенный, составляетъ въ этомъ отношеніи счастливую противоположность бюрократическому міру? Отчего же когда приходится судить политическихъ преступниковъ оказывается нужнымъ, во избѣжаніе скандаловъ, прибѣгать къ судамъ другаго характера, болѣе близкимъ къ бюрократическимъ сферамъ и во всякомъ случаѣ болѣе подчиненнымъ государственному началу и болѣе имъ проникнутымъ? Что же касается хищеній и всякаго рода злоупотребленій, то было бы великою несправедливостію обвинять въ нихъ только бюрократическія учрежденія. Увы, наши самоуправныя и на выборномъ началѣ основанныя учрежденія вовсе не безгрѣшны въ этомъ отношеніи! Чуть не каждый день слышно о какомъ-либо нагломъ хищеніи или растратѣ въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Стало-быть причины не въ томъ, бюрократическій или не бюрократическій характеръ имѣютъ учрежденія; причины стало-быть въ чемъ-нибудь другомъ.

И не въ томъ отличіе Петра Великаго что онъ будто бы ввелъ или усилилъ выше всякой мѣры бюрократію. Государство требовало тогда усиленной службы; Россія завоевывала себѣ мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ. Петръ усилилъ и поставилъ надо всѣмъ службу государственную; онъ требовалъ чтобы всякій въ мѣру своихъ правъ былъ слугою государства, и самъ явилъ собою примѣръ неутомимой и преданной службы, подчиняя себя цѣлямъ государства до самопожертвованія.

Въ давнія, очень давнія времена, когда Россія какъ государство была почти вся впереди, города призывали къ себѣ князей дружинниковъ, главнымъ образомъ для внѣшней обороны, продолжая управляться своими властями по заведенному порядку; но между тѣми временами и нынѣшнею Россіей легла многовѣковая исторія. Изъ отдѣльныхъ и мелкихъ зачатковъ государства сложилось одно великое цѣлое. Отдѣльныя племена и населенія слились въ одинъ народъ, и русская земля есть русское государство и русское государство есть русская земля. Между народомъ и государствомъ не должно быть никакой розни. Русское государство есть государство Русскаго народа. Всякая дѣйствующая власть среди народа, всякое право соединенное съ обязанностями для

другихъ, все вынудительное и обязательное и стало-быть всякое управленіе должно восходить къ одной верховной власти, къ одному государственному началу, ему подчиняться и отъ него имѣть силу. Обезпечивая существованіе народа среди другихъ народовъ, государство имѣетъ своею дальнѣйшею задачей обезпеченіе личной свободы. Государство исполняетъ свое назначеніе когда каждому предоставляетъ свободу во всемъ что̀ касается его лично и не только предоставляетъ, но могущественно ограждаетъ личную свободу. Самоуправленіе, о которомъ такъ много рѣчи, имѣетъ смыслъ только какъ управленіе своими дѣлами, а не чужими, и только тѣ порядки могутъ назваться самоуправленіемъ въ точномъ смыслѣ этого слова, которые приближаются къ такому типу.

Указываютъ на Англію какъ на классическую страну самоуправленія. Въ чемъ состоитъ оно? Тамъ крѣпостное право не отмѣнялось, но преобразовывалось и утончалось, и изъ него выработался тотъ порядокъ самоуправленія на которомъ покоится весь государственный строй Англіи. Тамъ нѣтъ бюрократіи, какую видимъ на материкѣ Европы, по крайней мѣрѣ вовсе не было до весьма недавняго времени. Мѣстное управленіе, которое казнѣ не сто̀итъ ничего, все сосредоточивается въ рукахъ сельскихъ джентльменовъ, вотчинниковъ земли, и каждое графство, соотвѣтвѣтствующее по размѣрамъ нашему уѣзду, представляетъ собою корпорацію землевладѣльцевъ-вотчинниковъ. Владѣющія землею на правѣ собственности лица суть хозяева графства и связаны между собою общимъ интересомъ; на нихъ и лежатъ всѣ заботы объ охраненіи земскаго спокойствія въ ихъ графствѣ. Крестьянскаго сословія въ нашемъ смыслѣ тамъ нѣтъ, или почти нѣтъ, а есть съемщики земли (фермеры) и батраки. Первые занимаютъ средину и отчасти примыкаютъ къ землевладѣльцамъ, отчасти приближаются къ рабочему люду, который, какъ не вотчинникъ, не входитъ въ корпорацію и составляетъ массу управляемыхъ, а не управляющихъ. Всякій владѣющій на правѣ полной собственности землей дающею ренты не менѣе ста фунтовъ стерлингъ въ годъ имѣетъ право быть блюстителемъ мира, спокойствія и порядка въ предѣлахъ своего графства, то-есть мировымъ судьею. Мировые судьи въ Англіи, justices of the peace, не имѣютъ ничего общаго ни съ французскимъ чиновникомъ который именуется juge de paix, ни съ нашимъ мировымъ судьею который именуется этимъ словомъ не въ качествѣ охранителя спокойствія, а какъ вершитель мировыхъ сдѣлокъ: такъ былъ понятъ у насъ, по недоразумѣнію, англійскій терминъ. Но сельскій джентльменъ имѣющій право быть мировымъ судьею не можетъ пользоваться имъ пока не утвержденъ въ этомъ званіи центральнымъ правительствомъ. Мировой судья утвержденный въ этомъ званіи считается таковымъ по отношенію къ цѣлому графству, хотя фактически конечно приходится ему чинить свой судъ и расправу въ районѣ его мѣстожительства. Въ графствѣ не двое, не трое мировыхъ судей, даже не десятки, а сотни. Въ ихъ рукахъ нераздѣльно сосредоточиваются и судебная, и административная, и полицейская власти. Судятъ и распоряжаются они или единолично, или въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ совокупно двое, трое, наконецъ въ общихъ собраніяхъ; а массы беззежельнаго люда работающаго на ихъ поляхъ находятся подъ крѣпкимъ и сильнымъ управленіемъ которое относительно ихъ отнюдь не можетъ назваться самоуправленіемъ. Англійскіе джентльмены-вотчинники, по всему вѣроятію, умно пользуются своею властью. Надобно полагать что случаи самодурства и безсмысленнаго своеволія въ ихъ управленіи бываютъ рѣдко, по крайней мѣрѣ въ новѣйшія времена, тѣмъ болѣе что каждый находится подъ контролемъ корпораціи состоящей изъ лицъ благовоспитанныхъ, принадлежащихъ къ тѣмъ upper ten thousands которыя составляютъ вообще правительственный классъ въ Англіи, и изъ которыхъ вербуются обѣ ея законодательныя палаты. Но управляемые люди въ каждомъ графствѣ управляются, какъ сказано, крѣпко; имъ не спускается никакое нарушеніе закона, они строго дисциплинированы, въ нихъ подъ страхомъ грозныхъ каръ вкоренено изъ поколѣнія въ поколѣніе уваженіе къ собственности, къ положительнымъ правамъ, къ дѣйствующимъ законамъ. Сельскіе рабочіе считаются людьми свободными, но это фикція. Есть такъ-называемый законъ о бѣдныхъ, обязывающій каждую мѣстность заботиться о своихъ неимущихъ. Въ силу этой обязанности, безпріютные и неимушіе люди находятся подъ опекой. Такіе люди переходящіе изъ мѣста

въ мѣсто считаются бродягами, а бродягъ сажаютъ въ тюрьму гдѣ ихъ муштруютъ плетью. Вотъ подлинный фактъ, и кто хочетъ знать истину тотъ долженъ не въ отвлеченностяхъ носиться, а войти въ подробности факта.

Нѣтъ сомнѣнія что никакіе чиновники не могутъ такъ крѣпко обезпечивать установленный порядокъ въ странѣ какъ сами землевладѣльцы составляющіе всевластную корпорацію; никакая полиція не можетъ такъ зорко и бдительно дѣйствовать какъ сами хозяева пользующіеся всѣми полномочіями полицейской власти. Но всякій ясно видитъ что англійское самоуправленіе, этотъ self government, отнюдь не есть управленіе народа самимъ собою; напротивъ, оно есть управленіе однихъ другигими. Но въ наше время въ англійскихъ порядкахъ уже сдѣланы бреши, и слѣдующее поколѣніе быть-можетъ увидитъ глубокія перемѣны въ политическомъ и соціальномъ бытѣ Англіи. Любопытно то что либеральное направленіе въ Англіи клонится именно къ тому чтобъ ограничить сферу самоуправленія и расширить напротивъ область центральной администраціи.

Самоуправленіе въ томъ смыслѣ какъ оно остановилось въ Англіи, восходя отъ мелкой сельской единицы до вершинъ государственнаго управленія, составляетъ систему въ которой все тѣсно между собою связано, и нѣтъ ничего нелѣпѣе того конституціоннаго шаблона который снятъ съ англійскихъ учрежденій и гуляетъ по Европѣ подъ именемъ либеральныхъ учрежденій. Это одно изъ самыхъ жалкихъ недоразумѣній, одинъ изъ самыхъ грубыхъ обмановъ нашего времени. Чтобы перенести къ намъ изъ Англіи мѣстное самоуправленіе, вмѣстѣ съ ея парламентаризмомъ, нужно было бы возвратиться во глубину прошлаго, измѣнить поземельныя отношенія, придать нашему землевладѣнію политическій характеръ, что̀ при громадныхъ пространствахъ Россіи, при складѣ всего народнаго быта, не только неудобоисполнимо, но и неудобомыслимо.

Что̀ же намъ нужно? Намъ нужно не self government, не самоуправленіе въ томъ смыслѣ какъ оно исторически установилось въ Англіи, и только въ Англіи: намъ требуется *хорошее управленіе*, которое обезпечивало бы законный порядокъ, личную и имущественную безопасность. Совершенно справедливо что центральная власть не можетъ управлять такою громадною страной какъ Россія посредствомъ насылаемыхъ во всѣ ея мѣстности чиновниковъ. Но необходимо такъ организовать мѣстныя управленія чтобъ они были продолженіемъ государства; требуется чтобы государство отъ центра до мельчайшихъ мѣстныхъ обществъ, городскихъ и сельскихъ, составляло одинъ организмъ въ которомъ не должно быть и тѣни разновластія или антагонизма государства съ *землею*, какъ у насъ выражаются, чтобъ они не были двумя лагерями, чтобъ между ними въ принципѣ не могло возникать никакихъ счетовъ или спора о правахъ и интересахъ. Необходимо чтобы мѣстное управленіе, даже самое мелкое, было живою частью государства, проводникомъ его идеи исполнителемъ его задачъ.

А для того чтобъ у насъ могло установиться хорошее управленіе, un bon gouvernement, настоятельно необходимо прежде всего отдѣлаться отъ мысли о какихъ-то самоуправляющихъ властяхъ болѣе или менѣе независимыхъ отъ государства, и при этомъ оглянуться на всѣ наши новосфабрикованныя учрежденія со штемпелемъ самоуправленія. Мы не можемъ ни двинуться впередъ, ни придти въ порядокъ пока не поставимъ на мѣсто, не приведемъ въ разумъ, не упростимъ, не согласимъ съ потребностями народнаго блага и государственной пользы всѣ эти нагроможденныя одно на другое учрежденія, которыя, стѣсняя и парализуя себя взаимно, лишаютъ страну всякаго управленія. Чѣмъ проще управленіе въ своемъ механизмѣ, тѣмъ лучше. Надобно главнымъ образомъ отправляться не отъ отвлеченныхъ принциповъ, а имѣть въ виду данныя въ дѣйствительности условія и пользоваться не фантастическими, но существующими, исторически образовавшимися силами. Надобно чтобы въ своихъ преобразованіяхъ и новоучрежденіяхъ государство находило для себя не слабость, а новую силу, и чтобъ они дѣйствительно обезпечивали и земскій миръ, и личную законную свободу. Развѣ злоупотребленіе лучше отъ того что оно совершается не старомоднымъ, а новомоднымъ учрежденіемъ? Развѣ оскорбленіе общественной нравственности, грубое нарушеніе справедливости лучше когда оно совершается, напримѣръ, въ нынѣшнихъ судахъ по всѣмъ правиламъ искусства, чѣмъ въ старыхъ гражданскихъ и уголовныхъ палатахъ?

№ 306.

Москва, 3-го ноября.

По странной случайности, портфель министерства иностранных дѣлъ оказывается почти во всѣхъ великихъ европейскихъ государствахъ подлежащимъ переходу въ другія руки,—теперь когда, казалось бы, никакіе жгучіе международные вопросы не волнуютъ европейской политики. Эта странность наводитъ на объясненіе также очень странное: не внѣшняя, а внутренняя политика была причиной всѣхъ наступившихъ или предрекаемыхъ „канцлерскихъ“ кризисовъ. Такъ въ Англіи поговариваютъ объ отставкѣ лорда Гранвилля и о замѣнѣ его графомъ Дарби, окончательно порвавшимъ связь своей фамиліи съ торійскою партіей и готовящимся занять мѣсто въ кабинетѣ г. Гладстона, или даже заступить его мѣсто во главѣ партіи виговъ, такъ какъ есть слухъ что г. Гладстонъ снова рѣшается покинуть поприще политической дѣятельности и посвятить остатокъ дней своихъ литературнымъ занятіямъ. Во Франціи совершается важнѣйшій съ основанія республики кризисъ, такъ какъ г. Гамбетта счелъ наконецъ наступившимъ моментъ для принятія офиціальнаго руководства дѣлами своей страны, судьбою которой онъ давно уже управляетъ негласно и безотвѣтственно. Телеграфъ уже сообщилъ о составѣ его кабинета, и теперь достовѣрно извѣстно что въ него не войдетъ г. Бартелеми Сентъ-Илеръ. Въ Австро-Венгріи до сихъ поръ продолжаются тщетные поиски за преемникомъ барона Гаймерле: не легко видно найти охотника на этотъ многотрудный постъ исполнителя предначертаній графа Андраши, между тѣмъ какъ самъ виновникъ этихъ предначертаній, по какимъ-то таинственнымъ причинамъ, удалился въ полумракъ какъ разъ съ того времени когда имъ было положено начало „новой эры“ дѣятельной австрійской политики. Для полноты счета иностранныя газеты говорятъ, основываясь на какихъ-то слухахъ идущихъ будто бы изъ Петербурга, о назначеніи графа Игнатьева министромъ иностранныхъ дѣлъ, впрочемъ безъ тѣхъ „тревожныхъ“ комментаріевъ какими слухъ этотъ сопровождался прежде.

Но особенную сенсацію произвело въ Европѣ заявленіе въ газетѣ *Post*, офиціозномъ органѣ князя Бисмарка, о томъ будто бы онъ намѣренъ просить императора объ увольненіи. Заявленіе это, какъ извѣстно изъ передаваемаго по телеграфу содержанія замѣтки *Post*, мотивировано тѣмъ что князь Бисмаркъ „усталъ видѣть себя постоянною мишенью злобы, низкой вражды, клеветы и завистливыхъ инсинуацій накопляющихся среди 45-милліоннаго населенія.“ Еще во время Берлинскаго конгресса князь Бисмаркъ чувствовалъ де себя усталымъ и готовился передать свое дѣло въ болѣе молодыя руки; „но довѣріе коимъ почтила его въ то время вся Европа послужило ему поощреніемъ продолжать исполненіе поставленной имъ себѣ задачи.“ За границей лучше оцѣнили де заслуги князя Бисмарка нежели въ Германіи. По началамъ парламентаризма власть должна бы перейти послѣ него въ руки теперешняго большинства. Но большинство могло бы составиться изъ прогрессистовъ и партіи центра, совокупное дѣйствіе которыхъ совершенно невозможно. Вотъ почему князю Бисмарку приходится де совѣтовать императору чтобъ онъ склонился въ пользу ультрамонтанъ, такъ какъ съ помощью прогрессистовъ невозможно управленіе въ монархическомъ духѣ. Самому ему немыслимо, послѣ долговѣчной культурной борьбы, искать опоры въ партіи центра, и онъ долженъ уступить мѣсто другимъ лицамъ которыя непричастны этой борьбѣ и болѣе соотвѣтствуютъ идеаламъ газеты *Германія*, главнаго органа этой партіи.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе устрашительнаго манифеста, которому признанный правительственный органъ, *Провинціальная Корреспонденція*, придалъ еще большее значеніе перепечатавъ оное на своихъ столбцахъ. Никто, однако, въ Берлинѣ ни на минуту не повѣрилъ чтобъ эта угроза могла осуществиться. Органы либеральнаго, какъ и ультрамонтанскаго лагеря, съ одинаковою недовѣрчивостью отнеслись къ этому извѣстію. Не отрицая того что князь Бисмаркъ быть-можетъ и подастъ императору формальную просьбу объ отставкѣ, они высказываютъ убѣжденіе что императоръ попрежнему напишетъ на просьбѣ свое неизмѣнное „никогда.“ Всего любопытнѣе какъ приверженцы конституціоннаго порядка опровергаютъ серіозность угрозы князя Бисмарка основываясь на томъ соображеніи что „доктрина парламентаризма къ Германіи неприложи-

ма.“ Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ партіи сецессіонистовъ (приближающихся къ прогрессистамъ), знаменитый професcоръ Моммсенъ, высказалъ на дняхъ, въ одной изъ своихъ избирательныхъ рѣчей, что „нѣмецкіе либералы сознаютъ весь вредъ туманныхъ утопій прошедшаго и, къ счастію, отказались отъ вредной либеральной теоріи будто народное представительство можетъ съ пользой вліять на правительство и руководить имъ въ дѣлѣ верховнаго управленія интересами страны.“

Но если таково сознаніе самихъ нѣмецкихъ либераловъ, если они согласны что шаблонный парламентаризмъ, выработанный въ пору теоретическихъ увлеченій, можетъ причинить только вредъ; если, съ другой стороны, для нихъ самихъ ясно что государственный человѣкъ, коему Германія обязана своимъ теперешнимъ величіемъ, могъ только ради ироніи заговорить о парламентской системѣ, будто бы вынуждающей его уступить направленію противорѣчащему началамъ его прежней политики, то казалось бы что либераламъ остается лишь преклониться предъ необходимостью и отказаться отъ напрасныхъ попытокъ связать свободу дѣйствій человѣка стоящаго во главѣ правительства. Но въ томъ-то и вредъ искусственнаго разграниченія народа по политическимъ партіямъ что изъ-за себялюбивыхъ интересовъ вожаковъ этихъ партій забываются или отодвигаются на второй планъ общіе интересы страны и борьба продолжается ради борьбы, хотя бы безо всякой надежды на успѣхъ, а между тѣмъ страна истощаетъ свои силы въ безплодныхъ внутреннихъ волненіяхъ и значительная доля дѣятельности правительства непроизводительно тратится на эту борьбу...

Есть впрочемъ еще одно объясненіе послѣдней манифестаціи князя Бисмарка, идущее изъ Вѣны. По словамъ тамошней газеты *Presse*, князь Бисмаркъ дѣйствительно тяготится своимъ положеніемъ, но не изъ-за прогрессистовъ, коихъ успѣхъ на послѣднихъ выборахъ ничуть не устрашилъ его, а изъ-за враждебныхъ ему вліяній въ придворныхъ сферахъ. На этотъ разъ онъ столкнулся де съ прямымъ противодѣйствіемъ его планамъ со стороны наслѣднаго принца. Вотъ почему въ Вѣнѣ считаютъ де теперешній „канцлерскій кризисъ“ болѣе серіознымъ нежели когда-либо прежде. Этотъ слухъ находитъ себѣ косвенное подтвержденіе и въ берлинскихъ газетахъ, которыя недавно сообщали, въ видѣ предположенія, о предстоящемъ назначеніи наслѣднаго принца намѣстникомъ Альзасъ-Лотарингіи, причемъ офиціозные органы князя Бисмарка прямо не опровергали этого предположенія, а старались лишь доказать что канцлеръ могъ настаивать на этомъ назначеніи лишь съ согласія самого наслѣднаго принца, и что планъ этотъ не состоялся въ виду того что при существующихъ обстоятельствахъ невозможно придать этому посту блескъ подобающій наслѣднику Германскаго престола.

Какъ бы то ни было, но едва ли можно сомнѣваться что доколѣ живъ императоръ Вильгельмъ князь Бисмаркъ остается его совѣтникомъ несмотря ни на какія внушенія и вліянія. По мнѣнію *Кельнской Газеты*, статья газеты *Post* будетъ имѣть лишь то послѣдствіе что полномочія князя Бисмарка будутъ еще болѣе расширены.

№ 307.

Москва, 4-го ноября.

Во вчерашнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщена статья г. Мандельштамма, гдѣ излагается въ общихъ чертахъ мысль о казенной питейной монополіи, которая входитъ какъ составная часть въ обширный финансовый планъ заслуживающій серіознаго вниманія, и мы надѣемся въ непродолжительномъ времени познакомить съ нимъ читателей. Вообще число людей усвояющихъ мысль питейной монополіи понемногу растетъ, какъ мы видимъ, между прочимъ, изъ получаемыхъ нами съ разныхъ сторонъ писемъ.

Изъ этихъ писемъ видно, однако, что иныхъ смущаетъ положеніе въ какомъ, при казенной монополіи, очутилось бы винокуреніе. Когда казна будетъ единственнымъ покупщикомъ вина у заводчиковъ, какъ будетъ она заготовлять его, съ торговъ, или по развёрсткѣ требуемаго количества спирта между существующими заводами? Если съ торговъ, то всю поставку возьмутъ крупные, сильные заводы, а мелкимъ сельско-хозяйственнымъ ничего не достанется. Если же по развёрсткѣ, то каждая губернія будетъ снабжаться спиртомъ мѣстнаго винокуренія, и тогда ви-

нокурни устроенныя на широкую ногу должны будутъ закрыться, потому что имъ некуда будетъ сбывать вино производимое въ размѣрахъ далеко превышающихъ мѣстное потребленіе. Въ обоихъ случаяхъ, казенная монополія, вмѣсто поощренія винокуренія, можетъ оказать на него обратное дѣйствіе: или подорветъ мелкія сельскохозяйственныя винокурни, или заставитъ закрыться благоустроенныя винокурни и тѣмъ остановитъ улучшеніе винокуренной техники.

Но при казенной монополіи нѣтъ никакой надобности заготовлять вино ни съ торговъ, ни по разверсткѣ. Вмѣсто этихъ рутинныхъ способовъ, казна можетъ избрать другой, чуждый свойственныхъ имъ недостатковъ. Она можетъ заблаговременно, до начала ежегодной винокуренной кампаніи, раньше чѣмъ винокуренные заводчики приступаютъ къ заготовкѣ припасовъ и дѣлаютъ свои хозяйственные разчеты, объявлять впередъ цѣны по которымъ будетъ принимать спиртъ въ каждомъ районѣ (съ опредѣленною скидкой съ нормальныхъ цѣнъ въ случаѣ ненадлежащей очистки спирта), въ какомъ бы количествѣ ни былъ онъ выкуренъ въ предстоящій винокуренный періодъ. По объявленнымъ, для всѣхъ одинаковымъ, цѣнамъ будетъ приниматься спиртъ и съ простыхъ сельско-хозяйственныхъ и съ образцово-устроенныхъ винокурень, безъ обиды тѣмъ и другимъ и безо всякой съ ихъ стороны заботы о томъ, распродастъ ли казна принятое вино въ предѣлахъ района, или вывезетъ его въ сосѣднія мѣстности, а также за границу. Кому будетъ выгодно курить вино по объявленной цѣнѣ, тотъ будетъ курить, кому не выгодно — тѣ временно пріостановятъ или сократятъ производство (и нынѣ ежегодно значительное число винокурень не дѣйствуютъ). Бóльшія выгоды получатъ, конечно, тѣ кто употребляютъ усовершенствованные пріемы, и въ этомъ обстоятельствѣ заключается залогъ того что при казенной монополіи винокуренная техника не будетъ осуждена на застой. Напротивъ, она будетъ поставлена на путь дѣйствительныхъ улучшеній, отъ котораго отклоняетъ ее существующая система перекура. Теперь лучшими, „благоустроенными“ заводами считаются не тѣ гдѣ ведро спирта получается при наименьшихъ расходахъ производителя, а тѣ гдѣ получается наибольшій перекуръ, какою бы излишнею тратой припасовъ и денегъ ни достигался этотъ результатъ; всѣ техническія улучшенія направлены преимущественно только на усиленіе перекуровъ, а улучшеніе прочихъ сторонъ винокуренія пренебрегается. При казенной монополіи, техника перестала бы стремиться только къ такимъ „улучшеніямъ“ которыя обращаются въ прямой ущербъ казнѣ, народу и правильному ходу винокуренія, а направила бы свои усилія къ дѣйствительному улучшенію и удешевленію производства.

Путемъ заблаговременнаго назначенія цѣнъ по которымъ будетъ приниматься спиртъ въ казну въ каждомъ винокуренномъ періодѣ, правительство будетъ имѣть возможность регулировать все винокуренное производство. Пониженіе этихъ цѣнъ остановитъ чрезмѣрную выкурку вина если она превыситъ размѣры внутренняго потребленія и заграничнаго отпуска; наоборотъ, повышеніе цѣнъ расширитъ производство если оно окажется недостаточнымъ. Измѣненіемъ цѣнъ по винокуреннымъ районамъ правительство будетъ достигать наиболѣе правильнаго и выгоднаго для страны распредѣленія по ней винокурень, устраняя тѣмъ надобность привозить спиртъ издалека когда онъ можетъ быть приготовленъ на мѣстѣ и уравновѣшивая невыгоды дальней перевозки разницей въ пріемныхъ цѣнахъ спирта по разнымъ районамъ. Вообще назначеніе пріемныхъ цѣнъ спирта будетъ въ рукахъ правительства такимъ же регуляторомъ винокуренія какимъ признается повышеніе и пониженіе учетнаго процента въ области денежныхъ оборотовъ, съ тою однако разницей что колебанія учета, происходящія разновременно и иногда совсѣмъ неожиданно, зачастую нарушаютъ промышленные и торговые разчеты, тогда какъ назначеніе цѣнъ спирта одинъ разъ въ годъ на весь винокуренный періодъ (начинающійся съ наступленіемъ осени и оканчивающійся раннею весной) всегда давало бы винокуреннымъ заводчикамъ твердое основаніе для хозяйственнаго разчета. Каждый зналъ бы впередъ почемъ именно продастъ свое вино. Конечно, опредѣленіе цѣнъ спирта было бъ ежегодно для правительства серіозною задачей. Но правительство при этомъ не бродило бы въ потьмахъ, а всегда имѣло бы подъ руками статистическія данныя для возможно правильнаго рѣшенія этой

задачи; ему всегда были бъ извѣстны: запасы вина въ складахъ и въ штофныхъ лавкахъ, размѣры расходованія спирта за прежнее время, размѣры винокуренія при прежнихъ цѣнахъ какъ самого спирта такъ и припасовъ нужныхъ для его изготовленія, наконецъ виды на урожай и на зависящія отъ него цѣны винокуренныхъ припасовъ въ предстоящемъ періодѣ производства. Возможно что при всемъ внимательномъ изученіи относящихся сюда статистическихъ данныхъ, правительство можетъ ошибиться назначивъ въ однихъ районахъ слишкомъ высокія, въ другихъ слишкомъ низкія цѣны сравнительно съ таковыми ржи, кукурузы, картофеля, солода и другихъ припасовъ какіе установятся по окончаніи жатвы; но послѣдствія подобныхъ ошибокъ не таковы чтобы приходилось очень пугаться ихъ. Гдѣ неурожай подниметъ цѣны припасовъ и сдѣлаетъ винокуреніе при объявленныхъ цѣнахъ спирта мало выгоднымъ, тамъ оно сократится, и хорошо что сократится, ибо иначе на него пошелъ бы хлѣбъ нужный для народнаго продовольствія; да и для сельскихъ хозяевъ нѣтъ особаго интереса перекуривать въ вино земледѣльческіе продукты когда они находятъ хорошій сбытъ въ натурѣ, какъ это всегда бываетъ при неурожаѣ. Гдѣ изобиліе урожая уронитъ цѣны припасовъ и сдѣлаетъ выкурку вина по объявленнымъ цѣнамъ особенно выгодною, тамъ ея размѣры сильно возрастутъ, и хорошо что возрастутъ, ибо это сократитъ поступающій на рынки избытокъ хлѣба могущій уронить его цѣны до уровня невыгоднаго для земледѣлія. Вообще въ урожайные годы вина выкуривалось бы болѣе (причемъ увеличивались бы казенные запасы спирта), въ неурожайные меньше (причемъ дефициты винокуренія покрывались бы изъ казенныхъ запасовъ прежнихъ лѣтъ), какъ это и требуется. Регулируя винокуреніе, казенная монополія оказывала бы вмѣстѣ съ тѣмъ регулирующее дѣйствіе на цѣны хлѣба въ интересахъ земледѣлія и народнаго продовольствія.

Нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ также вопросъ о томъ въ чемъ выразится дѣятельность казны по отпуску спирта заграницу. Конечно, казна могла бы и сама вести заграничный торгъ спиртомъ, брать на себя поставки спирта иностранцамъ въ требуемыхъ ими количествахъ, подобно тому какъ Австрійское правительство много лѣтъ поставляло въ Россію соль по контракту заключенному въ 1851 году. Но нѣтъ никакой надобности чтобы казна сама занималась торговыми операціями по заграничному сбыту спирта. Достаточно если она учредитъ свои винные склады въ портовыхъ и пограничныхъ таможняхъ и, назначая, измѣняемыя отъ времени до времени, таксы продажныхъ цѣнъ спирта, предоставитъ каждому желающему брать по этимъ таксамъ спиртъ изъ своихъ складовъ для заграничнаго торга въ какомъ угодно количествѣ. Тутъ главная цѣль казны поощреніе замѣны менѣе выгоднаго отпуска зерна болѣе выгоднымъ отпускомъ спирта. Поэтому нормальныя отпускныя таксы спирта не должны превышать стоимости спирта для самой казны, считая цѣну уплаченную заводчику, расходъ по перевозкѣ до таможни и обычные накладные расходы. Но въ случаѣ надобности правительство можетъ и отступать отъ этого правила, дабы таксы служили въ его рукахъ орудіемъ регулированія заграничнаго сбыта: такъ, напримѣръ, оно могло бы повысить таксу еслибы чрезмѣрный спросъ на спиртъ изъ-за границы грозилъ опустошить внутренніе его запасы прежде чѣмъ они могутъ быть пополнены усиленнымъ развитіемъ винокуреннаго производства.

При такомъ порядкѣ смѣло можно разсчитывать что отпускъ спирта возрастетъ къ несомнѣнной выгодѣ нашего торговаго баланса, нашихъ денежныхъ заграничныхъ разчетовъ. Отпускъ спирта возрастетъ, потому что отпускная цѣна его понизится противъ нынѣшней. А она понизится, во первыхъ, потому что при казенной монополіи устранится масса посредниковъ между заводчикомъ и вывозителемъ, и стало быть на цѣну спирта не будутъ ложиться барыши пріобрѣтаемые посредниками; во вторыхъ, цѣны спирта понизятся потому что при казенной монополіи устранятся всѣ тѣ дорого стоящіе пріемы производства которые нынѣ требуются только для полученія большихъ перекуровъ. Хлѣбъ у насъ много дешевле чѣмъ въ другихъ странахъ, иначе его не вывозили бы отъ насъ, а привозили бы къ намъ; при дешевомъ хлѣбѣ мы можемъ производить спиртъ несравненно дешевле иноземныхъ винокуровъ, и для нихъ конкурренція съ нами въ этомъ отношеніи едва ли возможна. При такихъ обстоятельствахъ, толь-

ко существующіе донынѣ питейные порядки и созданная ими система перекуровъ мѣшали до сихъ поръ нашей заграничной торговлѣ спиртомъ принять подобающіе ей размѣры.

№ 308.

Москва, 5-го ноября.

A.

Стóитъ остановиться на четырехдневныхъ преніяхъ Французской палаты депутатовъ, окончившихся 9 ноября самосознаніемъ „избранниковъ народа“ въ своемъ ничтожествѣ предъ нараждающимся диктаторомъ...

Дѣло шло о злополучной Тунисской экспедиціи, начавшейся еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, поглотившей нѣсколько десятковъ милліоновъ франковъ, погубившей не одну тысячу французскихъ солдатъ, разстроившей добрыя отношенія Франціи къ сосѣдямъ, обнаружившей несостоятельность новой организаціи французской арміи, и до сихъ поръ еще не приведенной къ благополучному концу. Виновникомъ въ этихъ результатахъ легкомысленно предпринятой экспедиціи было министерство г. Жюля Ферри; ему слѣдовательно и предстояло дать торжественный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ предъ лицомъ вновь избранныхъ представителей Французскаго народа. Виновность свою министерство само сознавало до такой степени что г. Ферри заранѣе заявилъ что онъ со своими товарищами *во всякомъ случаѣ* откажется отъ власти тотчасъ послѣ того какъ отдастъ палатѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. При такихъ обстоятельствахъ, можно было ожидать что „верховный властелинъ Франціи,“ какъ на парламентскомъ жаргонѣ величается палата депутатовъ, подвергнетъ строгому взысканію своихъ легкомысленныхъ и преступныхъ слугъ, безсовѣстно пролившихъ де „безцѣнную кровь народа, растратившихъ дорогія произведенія народнаго труда и пошатнувшихъ довѣріе къ священному престижу Франціи.“ Теперь, думали многіе, всѣ поймутъ истинное значеніе „министерской отвѣтственности,“ этого перла демократической конституціи. Инымъ уже грезились образы несчастныхъ гг. Ферри, Фарра и Бартелеми, изнемогающихъ подъ бременемъ оковъ въ темницѣ на сырой соломѣ. Всѣ ждали небывалаго скандала. Ожиданія казались тѣмъ болѣе основательными что со многихъ сторонъ уже раздавались голоса обличавшіе виновниковъ Тунисской экспедиціи не только въ легкомысліи, но и въ преступныхъ своекорыстныхъ цѣляхъ, ради которыхъ они будто бъ и предприняли походъ противъ Туниса, въ угоду разнымъ биржевымъ спекуляторамъ высшаго полета.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, 5 ноября, въ день „великаго народнаго суда,“ какъ выражались демократическіе листки, всеобщее вниманіе во Франціи было съ лихорадочнымъ напряженіемъ обращено на палату депутатовъ гдѣ должна была разыграться роковая трагедія. Но уже самое начало этой трагедіи поразило всѣхъ своею странною неожиданностью. Вмѣсто грознаго голоса обвинителя, раздался прежде всѣхъ не жалобный, а горделивый, презрительный голосъ главнаго обвиняемаго, г. Жюля Ферри. Тономъ глубоко возмущенной невинности, г. министръ началъ громить своихъ обвинителей прежде чѣмъ они успѣли раскрыть свои уста, объявилъ всѣ ихъ будущія обвиненія гнусною клеветой, выставилъ себя чуть не спасителемъ отечества и свалилъ всю вину на бывшую палату депутатовъ, которая де одобрила Тунисскую экспедицію, онъ же, Ферри, съ товарищи, былъ только слѣпымъ исполнителемъ воли покойнаго парламента.

Рѣчь свою г. Ферри произнесъ съ такимъ *отвѣсомъ* что вызвалъ даже рукоплесканія своихъ грозныхъ судей. Но вотъ поднялась со своего мѣста Немезида, въ лицѣ нѣкоего, впервые избраннаго депутата, по имени г. Амага. Сей избранникъ священнаго „suffrage universel“ оказался такимъ напыщеннымъ фразеромъ что съ первыхъ же словъ палата разразилась неудержимымъ хохотомъ, превратившимъ сразу мрачную трагедію въ водевиль и давшимъ возможность депутатамъ разойтись по домамъ въ игривомъ настроеніи духа. Этимъ и кончился давно ожидавшійся день „великаго суда.“ Пренія были отложены на понедѣльникъ 7 ноября, но продолжались затѣмъ и во вторникъ 8 ноября и кончились лишь въ среду 9 ноября.

7 и 8 ноября выступили болѣе серіозные обвинители, гг. Наке, Ле-Форъ, Кле-

мансо. Обвиненія ихъ были дѣйствительно тяжкія. Предъ палатой развернулась вся некрасивая картина глубокой дезорганизаціи французской арміи, легкомысленное веденіе военныхъ дѣйствій находившихся въ зависимости отъ избирательной политики министерства, которое тщилось увѣрить самодержавный народъ наканунѣ выборовъ что въ Тунисѣ „все спокойно.“ Особенною убѣдительностью отличалась рѣчь г. Ле-Фора. Онъ съ цифрами въ рукахъ показалъ палатѣ какъ министерство, дабы не встревожить народа, посылало войска въ Африку ничтожными отрядами, отрывая ото всѣхъ почти расположенныхъ во Франціи полковъ по одному, четвертому, баталіону и доводя его мирный составъ до военнаго посредствомъ не мобилизаціи, а присоединенія къ нему солдатъ изъ мирнаго состава остальныхъ трехъ баталіоновъ; эти разрозненные баталіоны соединялись въ Африкѣ въ сводные полки съ новыми начальниками, а во Франціи между тѣмъ оставались призраки полковъ. Не желая тревожить безмятежнаго покоя французскихъ избирателей министерство скрывало отъ нихъ неудачи экспедиціи и не принимало тѣхъ серіозныхъ санитарныхъ мѣръ которыя требовались въ виду разразившейся въ рядахъ оккупаціонныхъ войскъ тифозной эпидеміи. Все та же чрезмѣрная забота о предстоящихъ выборахъ заставила правительство вернуть изъ Туниса войска въ то время когда тамъ только что начиналось обширное мусульманское возстаніе, которое потребовало затѣмъ усиленныхъ посылокъ новыхъ войскъ. На все это г. Ферри не отвѣчалъ ни слова.

Наступилъ наконецъ послѣдній день, среда 9 ноября. Обвиняемый министръ поднялся для произнесенія защитительной рѣчи. Но и здѣсь онъ всѣхъ поразилъ своею неожиданною аргументаціей. „Положимъ,“ сказалъ онъ, „что все это такъ. Положимъ что мы обманывали Францію дабы повліять на выборы. Положимъ что намъ это удалось. Но вѣдь тогда вы, гг. депутаты, избраны неправильнымъ образомъ и обвиненія обращенныя противъ насъ на самомъ дѣлѣ обращены противъ васъ; мои враги слѣдовательно ваши враги, они же и враги народа!“ Депутаты ошеломлены этимъ смѣлымъ софизмомъ и не знаютъ порицать ли имъ или поддерживать г. Ферри и его товарищей.

Но вотъ встаетъ съ правой стороны легитимистъ графъ де-Мёнъ (de Mun) и съ горькою ироніей указываетъ къ чему привелъ Францію республиканскій режимъ, которому трудно де поддержать достойнымъ образомъ національную честь Франціи. Эти слова поднимаютъ страшную бурю въ палатѣ. Республиканцы внѣ себя отъ негодованія; предсѣдатель требуетъ чтобы депутатъ взялъ назадъ свои слова; тотъ отказывается; новые крики, новые протесты; республиканцы чувствуютъ что надо поддержать г. Ферри несмотря на всѣ его непростительныя ошибки, ибо онъ въ настоящее время какъ бы „олицетворяетъ собой идею республики.“

Но вотъ пренія кончились; палатѣ предстоитъ изречь свой „верховный, священный, неумолимый вердиктъ,“ а палата не знаетъ что̀ сказать... Начинается томительная сцена безсмысленнаго хаоса. Г. Гамбетта предоставляетъ несчастныхъ депутатовъ ихъ собственной безпомощной растерянности, и покидаетъ залу засѣданія. Гг. Баллю и Клемансо требуютъ назначить слѣдствіе надъ министерствомъ. Палата отвергаетъ предложеніе перваго депутата 328 голосами противъ 171, предложеніе втораго—311 противъ 168. Г. Ланглуа требуетъ простаго перехода къ очереднымъ дѣламъ; это предложеніе отвергается 326 голосами противъ 135. Путаница возрастаетъ, никто ничего не знаетъ, никто ничего понять не можетъ. Дѣлаются самыя разнородныя предложенія: всѣ они забраковываются. Затѣмъ идутъ новыя предложенія, и они, какъ оказывается, не выражаютъ мнѣнія палаты. Происходитъ истое столпотвореніе Вавилонское, томительное и вмѣстѣ смѣшное до безобразія. Всѣ суетятся, говорятъ, кричатъ, предлагаютъ, отвергаютъ, негодуютъ, протестуютъ... Но вотъ новое предложеніе: г. Шово совѣтуетъ просто прекратить засѣданіе и не выражать никакого мнѣнія. Однако и эта оригинальная мысль отвергается 285 голосами противъ 203. Вся палата приходитъ въ какой-то острый кризисъ горячечнаго умопомѣшательства. Отвергаются еще два предложенія, гг. Андріё и Казиміра Перье. Палата объята безсмысленнымъ ужасомъ. Что̀ дѣлать? Какъ выйти изъ этого хаоса? Министры сидятъ въ тупомъ онѣмѣніи. Палата силится, тужится—и все напрасно! Никогда исторія французскаго

парламентаризма не видала болѣе глупаго положенія: съ одной стороны мертвое министерство, съ другой палата, которая занесла руку на живаго мертвеца и сама поражена въ туже минуту апоплексическимъ ударомъ.

Но вотъ отворяется дверь и является *deus ex machina*, самъ г Гамбетта. Всѣ свободно вздохнули. Г. Гамбетта всходитъ на трибуну и все предъ нимъ сразу умолкаетъ. „Я думаю,“ такъ начинаетъ онъ, „что общій интересъ всѣхъ партій требуетъ чтобы наши четырехдневныя пренія не кончились сознаніемъ нашей безпомощности.“ Раздались рукоплесканія, и г. Гамбетта предлагаетъ слѣдующую резолюцію: „Палата, рѣшившись въ точности исполнить трактатъ (съ Тунисскимъ беемъ) подписанный французскою націей, 12 мая 1881 года, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.“ Этого предложенія никто не ожидалъ, и всѣ, какъ министры такъ и республиканскіе депутаты, ожили и пришли въ восторгъ. Тотчасъ приступаютъ къ голосованію, и предложеніе г. Гамбетты принимается 355 голосами противъ 68. Никто не потрудился подумать что это предложеніе въ сущности не имѣетъ смысла, такъ какъ и вопроса не было о неисполненіи трактата 12 мая, такъ какъ оно не выражаетъ мнѣнія палаты о виновности министерства и такъ какъ, наконецъ, оно предписываетъ самой палатѣ исполнять этотъ договоръ, забывая что палата по конституціи есть власть законодательная и контролирующая, а не исполнительная... Но не въ этомъ дѣло: г. Гамбетта теперь ясно убѣдился что онъ располагаетъ въ палатѣ большинствомъ въ 355 человѣкъ, которые согласятся на всѣ его предложенія и пойдутъ за нимъ куда угодно...

Б.

Въ московскихъ газетахъ сообщается извѣстіе о „неожиданномъ,“ какъ онѣ выражаются, оборотѣ нашего дѣла съ ректоромъ Московскаго Университета. По свѣдѣніямъ *Русскихъ Вѣдомостей* дошедшимъ до этой газеты прежде чѣмъ до насъ самихъ, Правленію Университета будто бы „предписано изъ Петербурга“ прекратить, начатый отъ его имени, встрѣчный искъ противъ арендатора *Московскихъ Вѣдомостей*.

Кѣмъ же въ Петербургѣ могло быть дано предписаніе Правленію Университета? Конечно, его начальствомъ, а его высшее начальство есть министръ Народнаго Просвѣщенія, у котораго ректоръ просилъ разрѣшенія принести въ Судебную Палату жалобу на опредѣленіе Окружнаго Суда признавшаго ректорскій искъ не подлежащимъ судебному разсмотрѣнію. Министръ исполнилъ просьбу (хотя ректоръ нашелъ возможнымъ дать ходъ дѣлу и до его разрѣшенія) и прислалъ, дѣйствительно „неожиданно,“ по телеграфу, почти предъ самымъ засѣданіемъ Судебной Палаты заявленіе, которое согласовалось болѣе съ доводами ректорскаго адвоката чѣмъ съ истиной ик оторое, вопреки опредѣленію Окружнаго Суда, настоятельно требовало принятія университетскаго иска къ судебному разсмотрѣнію. Если затѣмъ министръ, справившись въ своемъ департаментѣ и Государственномъ Контролѣ, убѣдился что былъ введенъ своими подчиненными въ заблужденіе, то какъ же слѣдовало бы ему поступить? Чего иного можно было бы ожидать отъ правительственнаго лица, въ виду обнаружившагося незаконнаго дѣйствія его подчиненныхъ, какъ не предписанія прекратить это дѣйствіе? Можно было бы ожидать еще и того чтобы виновные въ незаконномъ дѣйствіи, и при томъ въ лживомъ донесеніи своему начальству, подверглись заслуженной отвѣтственности.

Въ одной московской газетѣ, которую изъ приличія не называемъ по имени, извѣстіе это сопровождается пасквилемъ на издателя *Московскихъ Вѣдомостей*, причемъ разказывается анекдотъ о какомъ-то судебномъ слѣдователѣ къ которому онъ не хотѣлъ будто бы явиться въ качествѣ свидѣтеля по какому-то дѣлу: нужно ли говорить что разказъ этотъ есть ложь достойная этой неприличной газеты?

№ 309.

Москва, 6-го ноября.

Новый Германскій рейхстагъ вчера открытъ. Вопреки ожиданіямъ, императоръ не присутствовалъ при открытіи; тронная рѣчь была прочитана имперскимъ канцлеромъ отъ имени его величества. Уже одно это обстоятельство служитъ доказатель-

ствомъ что тревога поднятая въ Германіи по поводу наступившаго будто бы канцлерскаго кризиса была ложною тревогой, и что всѣ разнообразные толки по этому поводу въ офиціозной печати клонились лишь къ тому чтобы подготовить почву для князя Бисмарка въ виду нѣкоторыхъ возможныхъ помѣхъ. Толки офиціозной печати противорѣчили одинъ другому; но толковалось много и шумно. Не довольствуясь туземными органами, князь Бисмаркъ сумѣлъ присоедить къ ихъ хору и вліятельнѣйшую изъ англійскихъ газетъ, *Times*, которая уже не въ первый разъ принимаетъ на себя роль добровольнаго прислужника германскаго имперскаго канцлера, за что онъ, еще во время Берлинскаго конгресса, особенно отличалъ корреспондентовъ этой газеты и даже возлагалъ на нихъ „деликатныя“ политическія порученія, какъ о томъ сообщилъ недавно г. Бловицъ по поводу толковъ о свиданіи князя Бисмарка съ г. Гамбеттой. Бываютъ минуты когда, по собственному выраженію князя Бисмарка, для него необходимо чтобы „всѣ собаки залаяли разомъ:“ этимъ лучше всего объясняется поднятый недавно шумъ о предположенномъ будто бы имъ выходѣ въ отставку. Но каковы бы ни были причины побудившія имперскаго канцлера прибѣгнуть вновь къ этому „драстическому“ средству, теперь можно съ достовѣрностью утверждать что смущеніе будто бы овладѣвшее имъ, по разказамъ офиціозной печати, вслѣдствіе неблагопріятнаго для правительства исхода послѣднихъ выборовъ, было притворнымъ смущеніемъ. Князь Бисмаркъ не потерялся и не отступилъ ни на одинъ шагъ въ сторону отъ предначертаннаго пути. Въ этомъ вполнѣ убѣждаетъ переданное по телеграфу содержаніе вчерашней тронной рѣчи. Несмотря на парламентскія неодобренія важнѣйшихъ изъ задуманныхъ княземъ Бисмаркомъ мѣръ еще въ прошедшія сессіи, несмотря на усилившуюся оппозицію, тронная рѣчь возвѣщаетъ о вторичномъ внесеніи всѣхъ этихъ законопроектовъ, именно о продленіи законодательнаго и бюджетнаго періодовъ, то-есть о четырехлѣтней, вмѣсто трехлѣтней, сессіи рейхстага, причемъ бюджетъ будетъ утверждаемъ лишь разъ въ два года. Сверхъ того, будетъ возобновлено предложеніе о страхованіи рабочихъ отъ увѣчій и о вспомогательныхъ кассахъ для больныхъ рабочихъ, о табачной монополіи, этомъ любимомъ дѣтищѣ князя Бисмарка, наконецъ объ участіи государства въ обезпеченіи престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ. Не довольствуясь перечисленіемъ всѣхъ этихъ законопроектовъ, достаточно характеризующихъ твердость намѣреній князя Бисмарка, тронная рѣчь добавляетъ что правительство вообще рѣшилось „строго держаться прежней экономической политики.“

Въ виду столь твердо и категорически заявленныхъ намѣреній правительства, нельзя не признать ироніей офиціозную замѣтку, появившуюся наканунѣ открытія рейхстага, въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, въ которой объявлялось о смиренной готовности князя Бисмарка подчиниться тому или иному парламентскому большинству. Князь Бисмаркъ, сказано было въ замѣткѣ, не просилъ императора объ отставкѣ, а желалъ лишь получить полномочія дабы вступить въ переговоры съ тѣмъ или другимъ большинствомъ рейхстага, католическимъ или либеральнымъ, „касательно того при какихъ условіяхъ они готовы будутъ принять въ свои руки управленіе имперіей.“ „Канцлеръ, сказано далѣе, не желалъ бы принимать на себя отвѣтственность за нежелательные кризисы, которыхъ, быть-можетъ, не было бы возможности избѣжать правительству меньшинства. Если большинство изъявитъ согласіе взять въ свои руки кормило правленія и вести государственный корабль окружнымъ путемъ, то рѣшенія императора надо ожидать послѣ собранія рейхстага.“ Иронія очевидна: не только князь Бисмаркъ, но и сами либералы сознаютъ что система парламентаризма въ Германіи не примѣнима, и что о передачѣ „кормила правленія“ въ руки случайнаго и измѣнчиваго парламентскаго большинства тамъ не можетъ быть и рѣчи. Извѣстно, сверхъ того, что князь Бисмаркъ никакихъ предварительныхъ переговоровъ ни съ одною изъ парламентскихъ фракцій не велъ; а между тѣмъ въ тронной рѣчи напередъ уже намѣчена совершенно опредѣленная и притомъ прямо враждебная либеральному большинству программа. Значитъ, рѣшеніе императора послѣдовало не послѣ, а до собранія рейхстага.

Съ перваго взгляда можно предположить что рѣзкій антагонизмъ относительно либеральной партіи, сказавшійся въ тронной рѣчи, заставляетъ думать что князь Бис-

маркъ окончательно привлекъ на свою сторону клерикальное большинство, или что онъ самъ уступилъ его требованіямъ и „пошелъ въ Каноссу.“ Но, не говоря ужь о томъ что отъ князя Бисмарка нельзя ожидать подобнаго отступленія отъ всего его политическаго прошлаго, сама клерикальная партія не такъ ведетъ себя чтобы можно было допустить вѣроятіе полнаго примиренія между сю и канцлеромъ. Нѣтъ сомнѣнія что клерикалы въ Германіи, такъ-называемая партія центра, есть единственная прочно организованная и хорошо дисциплинированная сила. Вотъ почему князь Бисмаркъ относится къ клерикаламъ уважительнѣе и осторожнѣе нежели къ бывшимъ своимъ преданнымъ слугамъ и союзникамъ либераламъ. Но отсюда до полнаго соглашенія еще весьма далеко. Клерикалы заявляютъ что они не будутъ довольствоваться ничѣмъ инымъ какъ пересмотромъ видоизмѣненной „майскими законами“ конституціи и полною отмѣной этихъ законовъ. Сверхъ того, клерикальные органы объявляютъ себя и теперь противниками по принципу табачной монополіи и проекта князя Бисмарка объ обезпеченіи инвалидовъ-рабочихъ средствами казны, на что̀ предполагается употребить табачный доходъ. Оппозицію со стороны клерикаловъ этой мѣрѣ объясняютъ тѣмъ что они не хотятъ уступить государству дѣло благотворенія, относимое ими исключительно къ церкви.

Такимъ образомъ ясно что князь Бисмаркъ никому существенныхъ уступокъ не сдѣлалъ, и если онъ въ отставку не подавалъ и не думалъ подавать, то еще менѣе можетъ быть рѣчи о томъ чтобъ онъ согласился подчиниться изволенію какого бы то ни было парламентскаго большинства и предоставилъ ему „управленіе имперіей.“ Вся поднятая его органами агитація имѣла повидимому лишь ту цѣль чтобы добиться новыхъ, еще болѣе обширныхъ, полномочій отъ императора.

Въ тронной рѣчи заслуживало еще вниманіе то мѣсто гдѣ говорится о мирныхъ знаменіяхъ настоящаго времени. Мирныя увѣренія повторяются почти стереотипно во всѣхъ тронныхъ рѣчахъ; въ германскихъ тронныхъ рѣчахъ эти увѣренія обычно сопровождаются указаніемъ на тѣсныя отношенія между тремя имперіями. Но на этотъ разъ, сверхъ того, прибавлено что „въ теченіе послѣднихъ *десяти лѣтъ* никогда до такой степени не было увѣренности въ сохраненіи мира какъ теперь.“

Такое заявленіе особенно знаменательно въ виду того что оно совпало со вступленіемъ въ управленіе дѣлами Франціи человѣка котораго до сихъ поръ не переставали считать олицетвореніемъ французскихъ затаенныхъ, но отнюдь не исчезнувшихъ, желаній отместки.

№ 310.

Москва, 7-го ноября.

Излагая не намъ однимъ принадлежащую мысль о томъ что установленіе казенной питейной монополіи есть наилучшее и наивыгоднѣйшее казнѣ и народу рѣшеніе питейнаго вопроса, мы вмѣстѣ съ тѣмъ выразили желаніе чтобъ эта мысль, въ интересахъ дѣла, подверглась всесторонней критикѣ, разумѣется серіозной и добросовѣстной. Какъ доброе начало такой критики, помѣщаемъ присланное намъ изъ Кіева письмо г. Балашева „О казенной питейной монополіи.“ Авторъ указываетъ рядъ затрудненій какія могли бы встрѣтиться въ случаѣ введенія монополіи на изложенныхъ нами основаніяхъ, и ставитъ вопросы о способахъ устранить эти затрудненія. Случайно вышло такъ что на бо̀льшую часть этихъ вопросовъ, прежде чѣмъ прочли ихъ, мы дали отвѣтъ въ № 307 *Моск. Вѣд.*, котораго г. Балашевъ не могъ имѣть въ виду когда писалъ свое письмо. Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ по тому изъ поставленныхъ г. Балашевымъ вопросовъ котораго мы до сихъ поръ не касались, — объ условіяхъ продажи спирта для промышленныхъ производствъ.

Это вопросъ довольно важный. Питейный налогъ долженъ взиматься съ потребленія, но не долженъ ложиться на производства и стѣснять ихъ. Къ сожалѣнію, дѣйствующій питейный уставъ очень не удовлетворителенъ въ этомъ отношеніи. Въ первые четыре года по отмѣнѣ откуповъ, безъакцизный отпускъ спирта для промышленныхъ цѣлей еще достигалъ значительныхъ цифръ (отъ 13.000 до 53.000 ведеръ въ годъ); но въ 1867 году этотъ отпускъ понизился до $2^1/_2$ тысячъ, а въ слѣдующіе за тѣмъ годы всего до нѣсколько сотъ ве-

деръ въ годъ; затѣмъ, начиная съ 1871 года, безъакцизный отпускъ спирта, какъ видно изъ *Ежегодника Министерства Финансовъ*, совсѣмъ прекратился, такъ что за весь восьмилѣтній періодъ 1871—1878 только въ одномъ 1875 году было освобождено отъ акциза ради промышленныхъ цѣлей, 849 ведеръ спирта. Нашъ питейный уставъ (стт. 272 — 283 по изданію 1876 года) ставитъ въ обязанности всѣмъ производителямъ лака, политуры, одеколона, духовъ и другихъ издѣлій пріобрѣтать нужный имъ спиртъ или вино не иначе какъ оплаченные акцизомъ; льготой пользуются только заводы взявшіе на себя по контрактамъ поставку жидкости для освѣщенія городовъ: спиртъ идущій въ такомъ случаѣ для выдѣлки освѣтительной жидкости, послѣ смѣшенія его со значительнымъ количествомъ скипидара и по соблюденіи другихъ формальностей, освобождается отъ акциза. Нельзя не пожелать установленія для упомянутыхъ производствъ болѣе льготныхъ условій, такъ какъ существующія очень неблагопріятны для ихъ развитія и становятся все тяжеле съ каждымъ повышеніемъ питейнаго налога (акциза). Дарованію этихъ льготъ мѣшаютъ опасенія чтобы спиртъ взятый для производства не былъ обращенъ на дѣлѣ въ продажу для питья; между тѣмъ, способовъ такой де натурализаціи спирта которая, оставляя его годнымъ для всякихъ промышленныхъ цѣлей, въ то же время дѣлала бы его негоднымъ для питья, пока не найдено. Это существующее нынѣ препятствіе къ дарованію льготъ нуждающимся въ спиртѣ производствамъ не будетъ вполнѣ устранено и въ случаѣ замѣны нынѣшней питейной системы казенною монополіей. Но преодолѣть его тогда все-таки будетъ легче, ибо вѣроятность того что лаковый или косметическій заводчикъ станетъ корчемничать взятымъ для производства виномъ очень уменьшится: при повсемѣстной продажѣ вина только въ казенной обандероленной посудѣ, появленіе въ продажѣ корчемнаго вина скорѣе будетъ замѣчено, подвергая виновныхъ законной карѣ.

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ серіозныхъ и добросовѣстныхъ замѣчаній къ какимъ можетъ подать поводъ мысль о казенной винной монополіи, скажемъ нѣсколько словъ о возраженіяхъ иной категоріи, то-есть недобросовѣстныхъ и несеріозныхъ.

Одно изъ подобныхъ возраженій идетъ отъ г. Кошелева, помѣстившаго въ № 49 газеты *Земство* свою статью „Казенная винная монополія и барыши винокуренныхъ заводчиковъ.“ Кому бы кажется какъ не г. Кошелеву сказать что-нибудь дѣльное и полезное по питейному вопросу? Онъ самъ вышелъ изъ питейнаго дѣла, онъ знаетъ опытнымъ образомъ всѣ его изгибы. Бывшій откупщикъ кабацкаго дѣла, онъ сверхъ того либералъ большой руки и выдаетъ себя радѣтелемъ о нуждахъ народныхъ. Свои познанія въ искусствѣ спаиванія народа, онъ, находясь теперь въ пристани, могъ бы употребить на дѣло его отрезвленія, на избавленіе его отъ кабака. Что̀ же дѣлаетъ г. Кошелевъ? Съ видомъ великаго знатока и тономъ непогрѣшимаго авторитета, онъ глумится надъ мыслью о казенной винной монополіи, называя ее „забавною“ и „потѣшною,“ и самъ потѣшается надъ нашею неопытностью въ питейномъ дѣлѣ. Но мы никогда не выдавали себя за мастеровъ этого дѣла, и отнюдь не считаемъ себя призванными организовать его на тѣхъ или другихъ основаніяхъ; мы охотно предоставляемъ спеціальнымъ людямъ разрабатывать подробности дѣла которое интересуетъ насъ только своимъ направленіемъ. Г. Кошелеву нѣтъ повода превозноситься надъ нами, и мы безъ обиды выслушали бы всѣ его поправки и замѣчанія еслибъ онъ относился къ дѣлу серіозно. Мы охотно признаемъ его компетентность, но тѣмъ хуже ему: значитъ онъ кривитъ совѣстью.

Ему удалось подмѣтить нѣкоторую неточность въ сдѣланномъ нами разчетѣ во сколько обошлось казнѣ освобожденіе отъ акциза такъ-называемаго перекура въ теченіи шестнадцати лѣтъ, съ 1863 по 1878. Онъ подхватываетъ эту неточность и, указывая на нее, восклицаетъ: „Дивитесь, читатель, и можете изъ этого вывести очень полезное заключеніе что между самоувѣренностью и знаніемъ дѣла—разстояніе громадное.“ Онъ не замѣтилъ только, читая статью на которую возражаетъ, что мы сами назвали нашъ разчетъ *приблизительнымъ*. Онъ замѣтилъ что въ нашемъ приблизительномъ разчетѣ совсѣмъ не принята во вниманіе та часть перекура которая не освобождается отъ акциза и, на этомъ основаніи, поспѣшилъ провозгласить что *Московскія Вѣдомости* „не вѣдаютъ того о чемъ говорятъ,“ не зна-

ютъ что безакцизный перекуръ ограниченъ извѣстными предѣлами. Онъ безъ памяти обрадовался открытой имъ неточности въ нашемъ приблизительномъ разчетѣ и поспѣшилъ провозгласить нелѣпостью самую мысль о казенной монополіи. Однако, въ самомъ ли дѣлѣ нашъ приблизительный разчетъ никуда не годится? Мы вывели изъ него что казна въ шестнадцать лѣтъ (1863—1878) потеряла на перекурѣ такъ много что эта потеря далеко не покрывается всѣмъ доходомъ отъ патентовъ за тѣ же годы. Развѣ это не такъ? Какъ бы кажется г. Кошелеву не знать что часть перекура оплачивавшаяся акцизомъ во весь указанный періодъ была такъ мала что можно ею пренебречь не опасаясь серіозной ошибки. Вотъ разчетъ сдѣланный на основаніи оффиціальныхъ данныхъ о количествѣ перекура выпущеннаго изъ заводскихъ подваловъ *безъ оплаты акцизомъ*:

Годы.	Безакцизный перекуръ.	Акцизъ съ ведра.	Потеря казны на перекурѣ.
1863	1.114.587 вед.	4 р.	4.458.348 р.
1864	2.352.724 „	5 „	11.763.620 „
1865	2.193.470 „	5 „	10.967.350 „
1866	2.340.803 „	5 „	11.704.015 „
1867	2.058.252 „	5 „	10.291.260 „
1868	2.134.535 „	5 „	10.672.675 „
1869	2.929.253 „	6 „	17.575.518 „
1870	2.854.976 „	6 „	17.129.856 „
1871	3.116.370 „	6 „	18.698.220 „
1872	3.483.820 „	6 „	20.902.920 „
1873	2.418.448 „	7 „	16.929.136 „
1874	2.842.335 „	7 „	19.596.345 „
1875	3.011.130 „	7 „	21.077.910 „
1876	2.804.570 „	7 „	19.631.990 „
1877	2.671.484 „	7 „	18.400.388 „
1878	2.200.089 „	7 „	15.400.623 „
		Итого въ 16 лѣтъ	245.200.174 р.

Это разчетъ тоже приблизительный, и мы не претендуемъ на безусловную его точность; между прочимъ, въ 1873 году, въ одно полугодіе былъ шестирублевый, въ другое семирублевый акцизъ, и неизвѣстно, по скольку ведеръ подошли подъ тотъ и другой. Но это не важно: мы можемъ сбросить со счета пять милліоновъ. Что̀ же выходитъ? Всѣ патентные сборы дали казнѣ въ 16 лѣтъ 200 милліоновъ, и въ тѣ же 16 лѣтъ казна подарила винокуреннымъ заводчикамъ на перекурѣ *двѣсти сорокъ милліоновъ!* „Забавенъ“ ли для г. Кошелева этотъ фактъ, отъ котораго никакимъ глумленіемъ не отвертишься? Какъ согласитъ онъ съ этимъ свое мнѣніе о перекурахъ?

Впрочемъ, г. Кошелевъ явно путается говоря о перекурѣ. То онъ утверждаетъ, вопреки очевидности, что въ барышахъ заводчиковъ „перекуръ не играетъ особенно важной роли,“ и что если многіе хозяева были вынуждены закрыть свое винокуреніе, то „виною этого не перекуръ.“ То онъ вдругъ, тутъ же рядомъ, заявляетъ что „перекуръ путаетъ разчеты заводчиковъ,“ особенно „маломочныхъ,“ что „многіе винокуренные заводчики, и не разъ, подавали министру Финансовъ записки объ отмѣнѣ перекура,“ и что „отмѣна перекура нисколько ихъ не огорчитъ, а напротивъ того упорядочитъ разчеты по винокуренію.“ Это послѣднее обстоятельство приводится чтобъ изумить насъ и окончательно развѣять по вѣтру всякую мысль о казенной монополіи. Нашъ оппонентъ и не догадывается что желаніе отдѣлаться отъ перекура именно и приводитъ къ мысли о казенной монополіи, какъ она нами изложена и какъ совершенно вѣрно понята г. Балашевымъ. Г. Кошелеву мерещится что кто-то хочетъ посягнуть на карманы въ которые уплыли сотни милліоновъ потерянные казной на перекурѣ, и онъ спѣшитъ защитить карманы винокуренныхъ заводчиковъ заявляя что туда попало очень мало изъ этихъ милліоновъ, что винокуренные барыши ничтожны, что винокурни большею частію едва влачатъ свое существованіе, что вино съ нихъ продается дешевле чѣмъ обходится самимъ заводчикамъ которые и покрываютъ убытокъ единственно выгодой отъ перекура. (Тутъ перекуръ, отъ котораго хотятъ избавиться заводчики, оказывается единственнымъ ихъ спасеніемъ.) Пусть успокоится г. Кошелевъ. Казенная монополія на изложенныхъ нами основаніяхъ ни сколько не была бы въ ущербъ винокуреннымъ заводчикамъ, а напротивъ предоставила бы имъ выгоды какихъ они теперь не имѣютъ. Подъ ея покровомъ, они не были бы вынуждены продавать вино дешевле чѣмъ оно имъ самимъ обходится; съ винокуренія были бы сняты тѣ тиски въ которыхъ оно нынѣ бьется, не смѣя ни измѣнять пропорцію вмѣстимости дрожжевой посуды ко квасильнымъ чанамъ, ни измѣнять количество затора, ни разнообразить, не спросясь, винокуренные припасы, ни длить по надобности процесъ броженія; съ винокуренными заводчиками не было бы тогда повода обращаться какъ съ отъ-

явленными ворами и мошенниками, налагая печати и пломбы на каждую щелку чрезъ которую можетъ быть украденъ спиртъ прежде чѣмъ онъ попадетъ въ контрольный снарядъ, и подвергая ихъ самому унизительному надзору: изъ стѣснительнаго внутренняго, этотъ надзоръ обратился бы въ простое внѣшнее наблюденіе чтобы выкуренный спиртъ не продавался въ частныя руки, чтобъ онъ не вывозился съ завода иначе какъ по распоряженію казны.

Г. Кошелеву кажется что казенная монополія, какъ мы ее понимаемъ, есть будто бы какая то, по его выраженію, „въ старые годы бывальщина." Пусть же онъ укажетъ когда и гдѣ была въ ходу казенная монополія основанная на тѣхъ пяти пунктахъ которые такъ сжато и ясно изложены г. Балашевымъ.

Изложивъ эти пункты, г. Балашевъ говоритъ: „Нельзя не увлечься мыслью о „той неизмѣримой суммѣ матеріальныхъ и „нравственныхъ благъ которыя Россія из„влечетъ изъ упомянутыхъ мѣръ если „удастся осуществить ихъ на дѣлѣ." Г. Кошелевъ, по поводу результатовъ къ которымъ должна привести казенная монополія, тоже говоритъ: „кто не прельстится такою идиллическою будущностью?" но немедленно вслѣдъ за этимъ прибавляетъ: „бѣда только въ томъ что она не осуществима."

Не осуществима! Но почему не осуществима? Для иныхъ и открыть Крыловскій ларчикъ было тоже дѣломъ неосуществимымъ.

Чѣмъ же однако доказываетъ г. Кошелевъ неосуществимость казенной монополіи? Тѣми же „жалкими" словами, тѣми же самыми истасканными отъ частаго повторенія, ходячими и утратившими смыслъ доводами которыми за нѣсколько дней передъ нимъ пробавлялся и авторъ легковѣсной статейки напечатанной, подъ заглавіемъ „Питейная монополія," въ №2.038 *Новаго Времени*. Какъ де можно отнять распивочную продажу у простаго народа, когда ее считается возможнымъ допустить въ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ буфетахъ, клубахъ, табльдотахъ и пользующихся доброю репутаціей городскихъ ресторанахъ? „За что такое различіе?" спрашиваютъ въ *Новомъ Времени*,—

Почему баринъ, гуляя по Невскому, можетъ зайти къ пользующемуся доброю репутаціей Борелю выпить рюмку коньяку, а продрогшій на шоссе извощикъ не имѣетъ права согрѣться шкаликомъ водки? Простирая такимъ образомъ свою опеку надъ народомъ, мы право пить водку дѣлаемъ какъ будто бы привилегіей высшихъ классовъ."

Но что же дѣлать если то въ чемъ „высшіе классы" видятъ привилегію имѣетъ совсѣмъ другое значеніе въ глазахъ простаго народа, знающаго что можно выпить шкаликъ и безъ распивочныхъ заведеній? Что дѣлать, если „высшимъ классамъ" кажется что безъ кабака и жизнь не въ жизнь, а простой народъ въ теченіи трехъ столѣтій, когда представлялась къ тому возможность, много разъ просилъ избавить его отъ навязаннаго ему кабака, и длиннымъ рядомъ фактовъ доказалъ что отлично можетъ безъ него обходиться!

Другая причина мнимой неосуществимости казенной монополіи еще куріознѣе. Гдѣ пріискать людей для продажи вина изъ штофныхъ лавокъ? И это выставляется неодолимымъ затрудненіемъ! Но вѣдь, при назначеніи хорошаго содержанія, охотниковъ занять такую должность, ничѣмъ не похожую на презрѣнную профессію цѣловальника, вездѣ найдется множество, и изъ отставныхъ грамотныхъ солдатъ, и изъ обширнаго класса лицъ идущихъ на разныя прикащичьи и конторскія мѣста. По условіямъ торговли изъ проектируемыхъ казенныхъ штофныхъ лавокъ, хорошее содержаніе тутъ нужно не какъ гарантія нравственныхъ достоинствъ, а какъ приманка для представленія залога или поручительства въ обезпеченіе казны отъ ущерба который конторщикъ штофной лавки можетъ причинить растратой вина и денежной выручки или порчей ввѣреннаго ему казеннаго имущества. Ссылка на безуспѣшность назначенія хорошаго содержанія акцизнымъ чиновникамъ оказывается тутъ поэтому совершенно неумѣстною. Никакого спеціальнаго контроля за конторщиками штофныхъ лавокъ со стороны земскихъ управъ тоже не требуется. Вообще прежде чѣмъ толковать о контролѣ надъ казенными штофными лавками и о томъ кому этотъ контроль поручить, надобно уяснить себѣ въ чемъ могутъ состоять злоупотребленія конторщиковъ въ этихъ лавкахъ. Но чтобы сказать дѣльное по этой части, нужно серіознѣе отнестись къ вопросу.

Въ томъ же родѣ и третье затрудненіе. „Сколько понадобится новыхъ чиновниковъ и земскихъ дѣятелей для одного разлива вина,“ спрашиваютъ насъ, „взявъ въ разсчетъ что въ Россіи нѣсколько тысячъ винокуренныхъ заводовъ,“ и воображаютъ что сказали что-то похожее на дѣло. Всѣхъ заводовъ дѣйствовавшихъ въ винокуренный періодъ 1878—1879, по свѣдѣніямъ Министерства Финансовъ, было 2.756 (считая съ Царствомъ Польскимъ и съ Сибирью), причемъ ни въ одной изъ великороссійскихъ губерній число дѣйствовавшихъ заводовъ не было болѣе 52, ни въ одной изъ балтійскихъ и изъ бывшихъ привилегированныхъ губерній число ихъ не было болѣе 136; много ли же придется на уѣздъ? Много ли затѣмъ понадобится коммиссій для пріемки и разлива вина, хотя бы число заводовъ возросло вдвое или втрое? Одна и та же коммиссія можетъ объѣзжать одинъ за другимъ заводы цѣлой болѣе или менѣе обширной группы, причемъ представители земства могутъ мѣняться по мѣрѣ передвиженія коммиссіи съ мѣста на мѣсто. Что же касается механической работы разлива, то едва ли есть основанія пугаться ея трудностей: эта работа еще лучше чѣмъ людьми можетъ быть исполняема машиной.

Не лучше и четвертая, послѣдняя неодолимая трудность въ дѣлѣ осуществленія питейной монополіи. Труденъ разливъ вина, но еще де труднѣе разсыропка и очистка спирта. Разчесть сколько нужно подлить отварной воды въ спиртъ крѣпостію въ 69 или 71% чтобы понизить крѣпость до 40%; сдѣлать эту операцію съ металлическимъ спиртомѣромъ въ рукахъ,—вотъ трудность о которую, какъ о нѣкую скалу, должна разбиться всякая попытка ввести казенную монополію! Надо полагать что очень немногія дѣла въ жизни казались г. Кошелеву легкими, если онъ приходитъ въ ужасъ отъ одной мысли о разсыропкѣ спирта.

Затѣмъ очистка спирта, промывка угля, устройство очистительныхъ машинъ,—какая сложная и трудная операція! Да не возьмутся ли за нее сами винокуренные заводчики, если будетъ поставлено условіемъ что казна будетъ принимать отъ нихъ только надлежащимъ образомъ очищенный спиртъ? Развѣ это труднѣе чѣмъ приноравливаться ко всевозможнымъ нормамъ и формальностямъ, благодаря которымъ винокуреніе до сихъ поръ походитъ на скачку съ препятствіями?

Вотъ и всѣ указанныя до сихъ поръ неодолимыя препятствія ко введенію казенной монополіи, въ виду которыхъ, по увѣренію г. Кошелева, правительству, еслибъ оно рѣшилось на такую мѣру, пришлось бы „вскорѣ закрыть лавочку!“

И это серіозныя рѣчи! И это люди считающіе себя для народа пригодными!

№ 312.

Москва, 9-го ноября.

Военная коммиссія окончила свои занятія. Въ результатѣ ихъ оказывается заключеніе не только не въ пользу сохраненія военныхъ округовъ въ настоящемъ ихъ видѣ и числѣ, но не въ пользу и военно-окружной системы вообще. Признана необходимость коренныхъ реформъ, и предстоитъ разработка окончательнаго проекта ихъ, для чего предположено созвать новую коммиссію. Главныя основанія реформы состоятъ въ образованіи четырехъ округовъ, съ тѣмъ чтобы совершить постепенный переходъ къ корпусной системѣ.

Еще весной сдѣлался извѣстнымъ въ главныхъ чертахъ проектъ раздѣленія Европейской Россіи на четыре большіе военные отдѣла или „арміи,“ съ присвоеніемъ начальникамъ этихъ отдѣловъ всѣхъ правъ и обязанностей теперешнихъ командующихъ войсками въ округахъ, съ тою лишь разницею что начальники отдѣловъ не могутъ быть въ то же время и генералъ-губернаторами.

Если въ проектѣ не была прямо выражена мысль о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ предполагаемой мѣры, о развитіи и реформѣ корпусныхъ управленій, о постепенномъ сложеніи съ начальниковъ отдѣловъ обязанностей командующихъ войсками въ округахъ и замѣнѣ этихъ обязанностей функціями инспекторовъ войскъ, коимъ, какъ въ Германіи, принадлежитъ только высшее направленіе службы и занятій войскъ, — то лишь потому что это разумѣлось само собою. И въ самомъ дѣлѣ: одна уже замѣна тринадцати хозяйственныхъ центровъ четырьмя предполагаетъ развитіе хозяйственныхъ органовъ въ подчиненныхъ имъ корпусныхъ управленіяхъ,

безъ чего вмѣсто упрощенія и улучшенія хозяйства получилось бы лишь его усложненіе, вмѣсто желаемаго усиленія контроля надъ хозяйственными операціями— ослабленіе фактическаго за ними надзора, вмѣсто поднятія значенія корпуснаго командира, въ чемъ и заключается сущность реформы, лишь умаленіе этого значенія.

Перейти отъ военно-окружной системы управленія къ корпусной далеко не такъ легко какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Переходъ этотъ потребуетъ полной перестройки всей системы, начиная съ порядка комплектованія войскъ въ мирное время и кончая порядкомъ ихъ мобилизаціи въ военное. Дѣло идетъ не о простомъ возвратѣ къ системѣ корпусовъ бывшихъ у насъ до 1862 года, когда войска корпуса были такъ-сказать гостями въ той или другой мѣстности, а о корпусахъ территоріальныхъ какъ въ Германіи. Начать съ того что корпуса у насъ не всѣ имѣютъ одинаковое устройство и силу. Далѣе, у насъ не мало войскъ въ составѣ корпусовъ не входящихъ и управляемыхъ на совершенно особыхъ основаніяхъ. Наша система резервовъ вовсе не находится въ связи съ корпусною организаціей, такъ что въ военное время, когда корпусъ оставилъ бы районъ своего расположенія, въ районѣ этомъ не имѣлось бы высшаго военнаго начальства, и это въ ту самую минуту когда военная машина должна дѣйствовать съ наибольшею отчетливостью, когда вновь формируются существующіе въ мирное время только на бумагѣ запасные баталіоны, а резервные кадровые развертываются. Итакъ, въ организаціонномъ отношеніи, задача перехода отъ округовъ къ корпусамъ заключается не въ переустройствѣ хозяйства, а въ согласованіи управленія и размѣщенія дѣйствующихъ войскъ съ управленіемъ и размѣщеніемъ войскъ резервныхъ.

Говорятъ что эпоха сосредоточенія массъ дѣйствующихъ войскъ преимущественно на границахъ миновала, что желѣзныя дороги устраняютъ необходимость подобныхъ мѣръ, но примѣнимо ли все это къ намъ при нашихъ разстояніяхъ, при относительной неразвитости сѣти желѣзныхъ дорогъ? Нѣтъ сомнѣнія что сосѣди наши всегда будутъ имѣть возможность окончить мобилизацію и сосредоточить свои войска на любой границѣ ранѣе насъ, можетъ-быть въ самый разгаръ нашей мобилизаціи и перевозки. Не возникаетъ ли отсюда прямая необходимость держать значительную часть нашихъ силъ на границахъ, чтобъ имѣть возможность подъ прикрытіемъ ихъ спокойно окончить сосредоточеніе остальныхъ? Для полнаго согласованія системы резервовъ съ системою дѣйствующихъ войскъ потребуется изученіе всѣхъ особенностей и условій созданныхъ нашими разстояніями, распредѣленіемъ населенности и этнографическимъ составомъ населенія окраинъ.

Реформа неизбѣжно вызоветъ не мало военно-административныхъ вопросовъ высшаго порядка. Рѣшенный въ принципѣ вопросъ о замѣнѣ военно-окружной системы корпусною и слѣдовательно объ увеличеніи числа военно-административныхъ единицъ заставитъ вновь заняться вопросомъ о высшемъ военномъ управленіи. Коммиссія не полагала нужнымъ предпринимать коренныя преобразованія въ устройствѣ Военнаго Министерства; но умноженіе числа административныхъ единицъ уже само по себѣ, и особенно при неизбѣжномъ разнообразіи ихъ организаціи, не облегчитъ и не упроститъ,—что желательно,—а усложнитъ трудъ высшаго управленія и всѣхъ его центральныхъ органовъ. Это съ особенною ясностью скажется въ то время когда на высшее управленіе лягутъ заботы военнаго времени, когда придется разомъ и снабжать дѣйствующія войска, и вѣдать замѣнившія ихъ резервныя части, вновь сформированныя и потому менѣе привычныя къ военно-административному ритуалу. Всѣ эти затрудненія дали уже себя чувствовать въ минувшую войну, вновь возбудивъ, давно уже повидимому забытый, вопросъ объ отдѣленіи высшаго административно-хозяйственнаго управленія отъ дѣла изысканія средствъ и способовъ подготовки войскъ и всѣхъ силъ страны къ войнѣ.

Ни въ какой администраціи, а тѣмъ болѣе въ военной нельзя допустить чтобы низшія инстанціи были устроены на одномъ, а высшія на другомъ началѣ. Если въ основаніе ближайшаго управленія войсками ляжетъ система территоріальныхъ но всегда готовыхъ къ войнѣ корпусовъ, то и высшее военное управленіе должно неизбѣжно превратиться въ высшій штабъ арміи, гдѣ докладчикомъ Государю не можетъ быть одно лицо. У насъ же въ настоящую минуту перепутаны даже органы

долженствующіе отчасти замѣнить этихъ докладчиковъ. Нашъ такъ-называемый Главный Штабъ, напримѣръ, вѣдаетъ организацію, комплектованіе, мобилизацію, перевозку войскъ, ихъ хозяйственныя отношенія къ казнѣ и земству и, въ тоже время, собираетъ свѣдѣнія о театрахъ войны, объ европейскихъ арміяхъ. Но этотъ же Главный Штабъ имѣетъ лишь косвенное вліяніе на разрѣшеніе вопросовъ о наилучшемъ устройствѣ и образованіи войскъ предоставленныхъ особому комитету, въ свою очередь имѣющему опять-таки лишь косвенное вліяніе на вооруженіе войскъ.

№ 313.

Москва, 10-го ноября.

А.

Полученный нами текстъ тронной рѣчи которою открытъ былъ въ прошедшій четвергъ Германскій рейхстагъ имѣетъ болѣе значительный интересъ нежели можно было предполагать по телеграфному сообщенію. Прежде всего поразительна небывалая до сихъ поръ форма въ которую облеченъ этотъ актъ: онъ названъ не „тронною рѣчью,“ а „императорскимъ посланіемъ.“ Вмѣсто обычной формулы: „господа депутаты рейхстага,“ посланіе начинается такъ: „Мы, Вильгельмъ, Божіею милостію, императоръ Германскій, король Прусскій thun Kund und fügen hiermit zu wissen.“ Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе необычайно торжественный тонъ съ которымъ императоръ обращается къ рейхстагу, увѣщевая оный принять реформы предположенныя княземъ Бисмаркомъ въ видахъ облегченія экономическаго положенія рабочихъ классовъ и прекращенія соціалистской пропаганды. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ сказано объ этомъ въ императорскомъ посланіи: „Еще въ февралѣ сего „года мы поручили высказать предъ вами „наше убѣжденіе въ томъ что для устра„ненія соціальныхъ бѣдствій недостаточно „бороться репрессивными мѣрами противъ „соціалистской агитаціи, но что необхо„димо стремиться положительнымъ путемъ „къ подъему матеріальнаго благосостоянія „рабочаго. Мы считаемъ своимъ импера„торскимъ долгомъ вновь положить эту за„дачу на сердце членамъ рейхстага. Съ „великимъ довольствомъ оглянулись бы мы „на всѣ успѣхи коими Господь видимо бла„гословилъ наше царствованіе, еслибы намъ „дано было унести съ собою сознаніе что „мы завѣщали нашей странѣ новыя и проч„ныя гарантіи внутренняго мира, а неиму„щимъ болѣе вѣрную и обильную подмогу „въ нуждѣ, на что имъ принадлежитъ не„сомнѣнное право.“ Перечисливъ затѣмъ уже извѣстные законопроекты, по внесенію въ рейхстагъ, „посланіе“ говоритъ далѣе: „найти нужныя средства и пути къ „удовлетворенію указанныхъ нуждъ“ (помощи неимущимъ и лишеннымъ возможности работать) „есть одна изъ труднѣйшихъ, „но въ то же время высочайшихъ задачъ „всякаго государства построеннаго на нрав„ственныхъ основахъ христіанскаго обще„житія.“ „Предполагаемыя экономическія „мѣры,“ сказано далѣе, „не заключаютъ „въ себѣ никакой ни фискальной, ни ре„акціонной задней мысли; вліяніе оныхъ „на политическую сферу должно заклю„чаться лишь въ томъ что мы передадимъ „будущимъ поколѣніямъ нашу имперію „укрѣпленною обильными и общими для „членовъ Союза источниками финансовыхъ „средствъ.“ Императоръ не надѣется, какъ сказано въ заключеніи отдѣла трактующаго о внутреннихъ дѣлахъ, чтобы всѣ предположенныя мѣры осуществились въ теченіе одной сессіи, но „онъ считаетъ своею обязанностью предъ Богомъ и людьми поставить эти задачи хотя бы безъ видовъ на немедленный успѣхъ.“

Таковы наиболѣе выдающіяся мѣста „посланія,“ которыя произвели громадную сенсацію въ Германіи. Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе что никто не ожидалъ чтобъ императоръ высказался столь рѣшительно и торжественно въ пользу князя Бисмарка. Настойчиво повторявшіеся слухи о подачѣ послѣднимъ прошенія объ отставкѣ, вслѣдствіе будто бы возникшихъ между имъ и императоромъ разногласій, заставляли ожидать тронной рѣчи совсѣмъ иного содержанія. Въ этомъ убѣжденіи еще болѣе укрѣпилось большинство нѣмецкой публики вслѣдствіе извѣстной уже офиціозной замѣтки *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, появившейся наканунѣ открытія рейхстага, въ которой указано было на то что князь Бисмаркъ рѣшился посовѣтовать императору попытку поручить управленіе парламентскому большинству, состоящему нынѣ изъ католиковъ и либе-

раловъ, такъ какъ онъ, князь Бисмаркъ, не желаетъ чтобы на него пала отвѣтственность за кризисы неизбѣжные де при теперешнихъ условіяхъ, когда правительство располагаетъ въ парламентѣ лишь слабымъ меньшинствомъ. Въ замѣткѣ было прибавлено что окончательнаго рѣшенія императора по поводу упомянутаго представленія князя Бисмарка слѣдуетъ ожидать лишь *послѣ* открытія рейхстага. И вдругъ императоръ, съ необычайною настойчивостью и съ рѣзкимъ удареніемъ на свои личныя убѣжденія, высказался при самомъ открытіи парламента въ пользу всѣхъ тѣхъ экономическихъ плановъ князя Бисмарка которые произвели столь глубокое броженіе между политическими партіями, и которые враждебными ему партіями выставляются въ качествѣ яко бы отвергнутыхъ страной, такъ какъ де выборы дали результатъ неблагопріятный для имперскаго правительства!

Ударъ нанесенный либераламъ былъ ловко разчитанъ и попалъ въ самую цѣль. Несмотря на революціонныя происки германскихъ соціалистовъ, въ Германіи, и особенно въ Пруссіи, монархическое чувство еще очень крѣпко, этимъ чувствомъ либералы кичатся не менѣе нежели консервативныя партіи, и имъ хорошо извѣстно что торжественное воззваніе маститаго монарха коимъ онъ какъ бы завѣщаетъ народу преобразованія предлагаемыя княземъ Бисмаркомъ произведетъ неизмѣримо болѣе глубокое впечатлѣніе нежели вся либеральная агитація противъ нихъ, и что борьба либераловъ предпринятая противъ князя Бисмарка становится еще гораздо труднѣе въ ту самую пору когда оппозиція уже считала себя наканунѣ побѣды.

Само собою разумѣется что либералы, проведенные такимъ образомъ, пришли въ ярость. Но они волей-неволей принуждены сдержать порывъ своего негодованія; они не могутъ не склониться предъ авторитетомъ императорскаго слова и не могутъ отнынѣ съ прежнею развязностью нападать на планы князя Бисмарка столь торжественно одобренные императоромъ. Чтобы хоть нѣсколько облегчить накопившуюся досаду либеральные органы прибѣгли къ весьма сомнительному аргументу. Не касаясь содержанія тронной рѣчи, они возлагаютъ „тяжкую отвѣтственность" на князя Бисмарка за ея форму: по правиламъ парламентаризма личность монарха должна де оставаться объективною и не можетъ быть замѣшана въ борьбу политическихъ партій; заявленія же императора представляютъ де собою безпримѣрное въ исторіи парламентаризма заступничество монарха за идеи своего министра. Но въ томъ-то и дѣло что либеральной доктринѣ еще не удалось до сихъ поръ пошатнуть крѣпкую историческую связь существующую въ Пруссіи между монархомъ и народомъ. Вотъ почему парламентаризмъ со всѣми его доктринами далеко не укоренился до сихъ поръ въ Германіи и за исключеніемъ либеральныхъ котерій вышеуказанный упрекъ едва ли произведетъ какое-либо впечатлѣніе, тогда какъ укрѣпленіе и расширеніе авторитета князя Бисмарка, послѣ императорскаго посланія, стало фактомъ для всѣхъ очевиднымъ.

Были еще толки о какихъ-то разногласіяхъ будто бы возникшихъ между княземъ Бисмаркомъ и наслѣднымъ принцемъ Германскимъ. Но теперь у противниковъ имперскаго канцлера отнята и надежда, которую они, на основаніи этихъ толковъ, возлагали на болѣе или менѣе отдаленное будущее. Наслѣдный принцъ принималъ весьма живое участіе въ совѣщаніяхъ и переговорахъ предъ открытіемъ рейхстага, результатомъ которыхъ было посланіе императора. Принцъ посѣтилъ князя Бисмарка послѣ пріѣзда его въ Берлинъ и пробылъ у него, какъ сообщаютъ берлинскія газеты, полтора часа; затѣмъ наслѣдный принцъ отправился къ императору, съ коимъ тоже имѣлъ продолжительное совѣщаніе. Словомъ, не подлежитъ сомнѣнію, какъ увѣряютъ тѣ же берлинскія газеты, что одобреніе предпріятій князя Бисмарка въ дѣлѣ экономическихъ и соціальныхъ реформъ исходитъ не только отъ императора, но и отъ будущаго его преемника на престолѣ, на что имѣются довольно ясныя указанія въ самомъ текстѣ императорскаго посланія.

Парламентское большинство, сложившееся послѣ выборовъ въ Германскомъ рейхстагѣ, напередъ лишено такимъ образомъ всякой жизненности. Любопытно будетъ зрѣлище его безсильной борьбы на почвѣ парламентаризма, который въ Германіи есть не болѣе какъ химера, съ министромъ облеченнымъ по довѣрію монарха всею полнотой власти.

Б.

Въ газетѣ *Порядокъ*, кто-то постоянно пишущій документальную ложь въ пользу г. Тихонравова, не преминулъ отозваться и по случаю „неожиданной" развязки, постигшей затѣянный симъ послѣднимъ знаменитый встрѣчный искъ къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей*. Онъ находитъ невѣроятнымъ чтобы министръ Народнаго Просвѣщенія, подтвердившій на судѣ доводы ректора и настаивавшій на принятіе судомъ его иска къ разсмотрѣнію дѣйствовалъ такъ по ошибкѣ въ которую былъ введенъ своими подчиненными.

Но какъ же иначе объяснить этотъ случай? Полагаетъ ли газета *Порядокъ*, или ея корреспондентъ, что министръ *завѣдомо* попускалъ, одобрялъ и поддерживалъ искъ начатый не на законныхъ основаніяхъ и неправильно, какъ оказалось по точной справкѣ? Здѣсь очевидная дилемма: не принимая нашего объясненія, газета *Порядокъ* очевидно позволяетъ себѣ инсинуацію, которую мы оставляемъ на ея совѣсти.

Тотъ же корреспондентъ утверждаетъ что ректоръ предпринималъ свой искъ къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей* изъ ревности объ интересахъ казны. Выходитъ что г. ректоръ Московскаго Университета пытался обогатить Государственное Казначейство (не университетскую кассу, куда не попало бы ни копѣйки) оттягавъ изъ чужаго кармана 21.669 руб. 88 коп. съ процентами. Trop de zèle! Достоинство казны не можетъ допустить чтобы, подъ видомъ ея интереса, кого-нибудь незаконно обирали. Увы, еслибы ректорская ревность объ интересахъ казны была не такъ чрезмѣрна, за то дѣйствовала бы должнымъ образомъ въ законныхъ предѣлахъ, то недоимки по сбору съ казенныхъ объявленій не доходили бы до громадной, засвидѣтельствованной Государственнымъ Контролемъ суммы. Еслибы г. ректоръ дорожилъ казенною копѣйкой, то онъ не сталъ бы, сверхъ значительнаго опредѣленнаго контрактомъ количества даровыхъ помѣщеній, печатать массу разныхъ сообщеній, повторяя иныя безъ надобности отъ 12 до 24 разъ. Еслибы...

Корреспондентъ полагаетъ что на судебномъ разсмотрѣніи всего лучше могло бы выясниться виновенъ ли ректоръ. Да, еслибъ онъ былъ отданъ подъ судъ.

Что касается 21.669 руб., которые неправильно взыскивались съ издателя *Московскихъ Вѣдомостей*, то теперь, когда его собственность не подвергается болѣе спору, онъ считаетъ возможнымъ объявить что жертвуетъ эту сумму въ пользу учрежденнаго имъ Лицея Цесаревича Николая, за вычетомъ какого можетъ потребовать Государственный Контроль.

№ 314.

Москва, 11-го ноября.

Среди тумана напускныхъ теорій, механически затверженныхъ и безсмысленно, но съ фанатизмомъ повторяемыхъ, пріятно встрѣтить всякій проблескъ мысли, всякую попытку взглянуть на окружающее своими глазами. Такую попытку представляетъ, между прочимъ, помѣщаемая ниже статья г. Черкасова „Денежные знаки въ Москвѣ."

Не мудрствуя лукаво, авторъ излагаетъ рядъ извѣстныхъ ему явленій въ денежномъ обращеніи и, не задаваясь мыслью о томъ какъ слѣдуетъ относиться къ нимъ „по научному," указываетъ на практическія послѣдствія тѣхъ фактовъ съ которыми познакомила его жизнь. Тѣмъ бóльшій вѣсъ имѣютъ его указанія на размѣры какіе приняло обращеніе купоновъ отрѣзаемыхъ отъ процентныхъ бумагъ. Кому не случалось получать различные купоны при денежныхъ разчетахъ, кому не случалось тяготиться ими? Но мало кто думалъ чтобъ это неудобство имѣло тотъ серіозный характеръ съ какимъ оно выступаетъ благодаря разъясненіямъ г. Черкасова. У насъ привыкли говорить о неудобствахъ бумажно-денежнаго обращенія, о несомнѣнной будто бы непригодности государственныхъ кредитныхъ билетовъ для денежныхъ разчетовъ. Къ какимъ только способамъ ни прибѣгали чтобы дискредитировать государственный кредитный рубль въ общемъ мнѣніи, какимъ поруганіямъ онъ ни предавался! Какой чиновникъ, отъ высшихъ до низшихъ, не считалъ своимъ долгомъ, въ офиціальномъ изложеніи по финансовой части, съ сожалѣніемъ и укоризной указать на кредитный рубль какъ на государственную язву? Какой профессоръ политической экономіи не громилъ и не язвилъ этотъ кредитный рубль предъ своей юною и довѣр-

чивою аудиторіей? Какой газетчикъ не разсыпалъ по поводу кредитнаго рубля своихъ дешевыхъ остротъ и не конкуррировалъ въ глумленіи надъ нимъ съ клоунами бравшими тотъ же государственный кредитный рубль предметомъ своего зубоскальства и кривляній въ городскихъ и загородныхъ увеселительныхъ мѣстахъ, а подчасъ и на подмосткахъ Императорскихъ Театровъ? Но вотъ вамъ, на ряду съ государственнымъ кредитно-денежнымъ, еще другое обращеніе, купонное. Которое лучше? Вотъ государственные кредитные билеты, которые каждый старается получить въ возможно большемъ количествѣ, и вотъ купоны которые принимаются лишь по необходимости и которые каждый старается сбыть скорѣе съ рукъ,—купоны, которые получатъ свою цѣнность лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и даже черезъ нѣсколько лѣтъ, а иногда и совсѣмъ не имѣютъ никакой цѣнности, и которые служатъ орудіемъ эксплуатаціи не только темнаго рабочаго люда, но и людей принадлежащихъ къ среднимъ классамъ. У насъ все твердятъ о чрезмѣрномъ будто бы избыткѣ обращающихся кредитныхъ денегъ; все хотятъ сократить денежное обращеніе, извлечь часть кредитныхъ билетовъ. Можетъ-быть оно такъ и слѣдуетъ. Но хорошо ли будетъ когда взамѣнъ изъятыхъ кредитныхъ билетовъ, на убылое мѣсто, поступятъ въ обращеніе разнообразные купоны на соотвѣтствующую сумму? Выиграетъ ли страна когда торговля купонами, уже нынѣ составляющая крупный промыселъ, разовьется, обниметъ всю Россію и будетъ считать свои обороты сотнями милліоновъ? А такая перспектива, въ случаѣ крупнаго изъятія кредитныхъ денегъ, болѣе чѣмъ вѣроятна. Въ купонахъ недостатка не будетъ: ихъ ежегодно предъявляютъ къ оплатѣ на суммму свыше полутораста милліоновъ. Стóитъ отрѣзать ихъ за нѣсколько лѣтъ, и получится денежный суррогатъ въ количествѣ совершенно достаточномъ чтобы возмѣстить всякую убыль въ кредитныхъ билетахъ, чтобы въ конецъ разстроить денежное обращеніе и причинить неизмѣримое зло народу. Не благоразумнѣе ли, прежде чѣмъ думать объ избавленіи народа отъ государственныхъ кредитныхъ денегъ, принять мѣры къ тому чтобъ избавить его отъ серіозныхъ неудобствъ и ущербовъ къ какимъ ведетъ купонное обращеніе?

Скажутъ что навязыванье купоновъ при разчетахъ есть не болѣе какъ злоупотребленіе, не находящееся ни въ какой связи съ общимъ денежнымъ обращеніемъ и не имѣющее никакого значенія для вопроса о томъ много или мало у насъ кредитныхъ билетовъ. Нѣтъ, это не такъ. Нѣтъ спора что навязыванье купоновъ есть злоупотребленіе, небывалое въ Россіи въ прежнее время, когда сбереженія помѣщались въ сохранныя казны, а не въ процентныя бумаги, и появившееся какъ скоро введена была купонная система оплаты процентовъ вмѣстѣ съ наводненіемъ страны массами процентныхъ бумагъ. Но и не переходя въ злоупотребленіе, всякое употребленіе купоновъ при денежныхъ разчетахъ имѣетъ серіозное значеніе для всего денежнаго обращенія. Что-нибудь одно: или кредитныхъ билетовъ недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей народнаго экономическаго оборота, и въ такомъ случаѣ купоны идутъ въ оборотъ какъ суррогатъ денегъ чтобы возмѣстить существующій въ нихъ недостатокъ; или кредитныхъ билетовъ много, и въ такомъ случаѣ, поступая въ оборотъ и вытѣсняя кредитныя деньги изъ тѣхъ сдѣлокъ въ которыхъ вмѣсто нихъ употребляются, купоны создаютъ вредный избытокъ бумажно-денежнаго обращенія. Странно было бы не знать и не понимать этого экономистамъ которые, составляя свои планы исправленія русской денежной системы извлеченіемъ кредитныхъ билетовъ, не забывали включать въ эти планы также извлеченіе серій, какъ бумаги которая обращается въ странѣ наравнѣ съ деньгами. Какъ же могутъ они не думать о купонахъ которые получили теперь характеръ бумажныхъ денегъ еще въ большей степени чѣмъ серіи? Неужели имъ не приходитъ въ голову мысль что отнявъ у народнаго оборота нѣсколько сотъ милліоновъ кредитныхъ билетовъ, они тѣмъ самымъ могутъ втолкнуть въ этотъ оборотъ массы купоновъ которые народъ, за недостаткомъ или подъ предлогомъ недостатка другихъ денегъ, по неволѣ будетъ принимать терпя всѣ неудобства и злоупотребленія сопряженныя съ купоннымъ обращеніемъ? Вѣдь въ такомъ случаѣ извлеченіе кредитныхъ билетовъ вовсе не сократитъ бумажно-денежнаго обращенія и не поправитъ курсовъ, а лишь вмѣсто однѣхъ кредитныхъ денегъ дастъ народу другія, несравненно худшія. Прак-

тическимъ результатомъ такой финансовой операціи, помимо другихъ экономическихъ невыгодъ, было бы, между прочимъ, появленіе въ свѣтъ новой массы процентныхъ бумагъ на нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, бумагъ которыя будутъ исполнять роль извлеченныхъ кредитныхъ денегъ при крупныхъ разчетахъ, между тѣмъ какъ купоны отъ нихъ пойдутъ въ оборотъ при мелкихъ расплатахъ; и вся эта финансовая операція, не приведя къ предполагаемымъ цѣлямъ, была бы просто работою Данаидъ, за которую народъ поплатился бы ежегодною надбавкой нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей къ лежащей на немъ податной тягости. Намъ кажется что обо всемъ этомъ стоило подумать.

Считая себя стоящими на высотѣ науки, мы на дѣлѣ стоимъ такъ далеко отъ разумѣнія окружающей насъ дѣйствительности что не можемъ заключить даже какой-нибудь стомилліонный заемъ не надѣлавъ ошибокъ. Къ этому предмету, котораго мы коснулись слегка въ передовой статьѣ № 270 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы можетъ-быть еще возвратимся, а пока замѣтимъ лишь что ошибки въ обширныхъ финансовыхъ планахъ и при ихъ исполненіи, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣйствительностію и отъ пренебрежительнаго къ ней отношенія, поведутъ къ послѣдствіямъ гораздо болѣе серіознымъ чѣмъ неосмотрительный распорядокъ реализаціи стомилліоннаго займа. Переданныя по телеграфу распоряженія немедленно пріостановить только что начавшуюся, согласно объявленію Государственнаго Банка, продажу банковыхъ билетовъ 5-го выпуска помогли выпутаться изъ затрудненія въ которомъ управленіе Банка очутилось бы еслибы сказанныя распоряженія запоздали хоть немного. Всѣ послѣдствія не обдуманной зрѣло операціи ограничились тѣмъ что реализація займа получила фиктивный характеръ, отдала въ немногія руки массу банковыхъ билетовъ которые могли разойтись въ публикѣ, отозвалась невыгодно на цѣнахъ нѣкоторыхъ фондовъ и вызвала ропотъ многихъ кто, не совсѣмъ безъ основанія, сочли себя обманутыми объявленіемъ Государственнаго Банка потерявшимъ силу въ ту минуту какъ публика думала имъ воспользоваться. Но и телеграфныя проволоки не могутъ устранить затрудненія какія могутъ создать на практикѣ обширныя, выработанныя кабинетнымъ путемъ, безъ согласія съ дѣйствительностію, финансовыя преобразованія задѣвающія весь экономическій бытъ.

Руководясь пересаженными на нашу почву доктринами, мы, между прочимъ, хотимъ лѣчить зло нашего денежнаго обращенія созданіемъ условій при которыхъ, до установленія непрерывнаго размѣна бумажныхъ денегъ на звонкую монету по неизмѣнному курсу, уже появилась бы въ народномъ обращеніи въ достаточномъ обиліи всякаго рода звонкая монета съ перемѣннымъ лажемъ. Но какихъ выгодъ мы этимъ достигнемъ? Мы только возвратимся къ описаннымъ г. Черкасовымъ явленіямъ денежнаго обращенія прежнихъ лѣтъ, когда ходившая съ лажемъ русская и иностранная звонкая монета была такимъ же орудіемъ эксплуатаціи темнаго рабочаго люда какимъ нынѣ купоны, и когда этотъ рабочій людъ, чтобы получить нужныя ему „бумажки", соглашался терять 10—20% своей заработной платы лишь бы обмѣнять навязанную ему звонкую монету на ассигнаціи. Нѣтъ, зло этимъ не ограничится. Помимо описанныхъ неудобствъ обращенія *монеты съ лажемъ*, мы водворимъ еще обращеніе металлическихъ купоновъ тоже съ лажемъ и со всѣми ихъ неудобствами въ квадратѣ. Принято ли это обстоятельство въ должное вниманіе составителями нашихъ финансовыхъ плановъ?

Позволимъ себѣ здѣсь высказать кстати одну мысль, имѣющую нѣкоторое отношеніе къ денежному вопросу и въ то же время къ обсуждаемому нынѣ питейному. Удачное разрѣшеніе этого послѣдняго, такое разрѣшеніе которое было бы выгодно и казнѣ и народу, увеличивъ питейный доходъ казны и вмѣстѣ оставивъ въ рукахъ народа часть пропиваемыхъ нынѣ суммъ, было бы болѣе вѣрнымъ и рѣшительнымъ шагомъ къ исправленію нашего денежнаго обращенія чѣмъ любая, самая смѣлая, спекулятивная операція придуманная въ этихъ видахъ. Съ одной стороны, возросшій питейный доходъ облегчилъ бы для казны усиленіе металлическаго фонда; съ другой, накопленіе въ рукахъ народа денежныхъ сбереженій, которому мѣшаетъ нынѣ кабацкая эксплуатація, имѣло бы своимъ результатомъ такое поглощеніе кредитныхъ билетовъ крестьянскими карманами, при которомъ исчезъ бы всякій поводъ говорить о мнимомъ излишкѣ этихъ билетовъ. Народъ какъ губка всосалъ бы въ себя

тѣ милліоны кредитныхъ билетовъ которые нынѣ праздно скопляются въ кассахъ банковъ, нарушая правильный ходъ дѣлъ на денежныхъ рынкахъ и вызывая многія рискованныя и дутыя спекуляціи, въ то самое время какъ народъ страдаетъ отъ безденежья, благодаря тому что кабацкая система выманиваетъ изъ его кармана всякую появившуюся въ немъ копѣйку не давъ ей ничего сдѣлать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастаніе народнаго благосостоянія повело бы и къ ослабленію злоупотребленій связанныхъ съ обращеніемъ купоновъ: не разоряемый кабаками, болѣе состоятельный народъ не такъ легко какъ нынѣ поддавался бы всякой эксплуатаціи; онъ вышелъ бы изъ того стѣсненнаго положенія которое вынуждаетъ его брать что̀ даютъ вмѣсто того что̀ ему нужно.

№ 315.

Москва, 12-го ноября.

А.

Въ только что полученной ноябрьской книжкѣ *Военнаго Сборника* находимъ интересное извлеченіе изъ отчета о занятіяхъ Главнаго Комитета по устройству и образованію войскъ за прошлый годъ. Большая часть этого извлеченія занята вопросомъ о снабженіи нашей арміи унтеръ-офицерами, причемъ Комитетъ предоставляетъ имъ такія матеріальныя преимущества какимъ позавидовали бы пожалуй многіе чиновники. Привилегіи эти сто̀ятъ вниманія. Но прежде нужна оговорка. Приказомъ по военному вѣдомству отъ 30 августа постановлено на будущее время имѣть въ ротахъ только по семи унтеръ-офицеровъ, считая тутъ и одного младшаго. Это именно та цифра унтеръ-офицеровъ, на которой остановился Комитетъ, но съ оговоркою что унтеръ-офицеры эти должны быть избираемы изъ остающихся на службѣ сверхъ срока и только въ случаѣ недостатка ихъ—изъ обязательно служащихъ.

Очевидно что рѣшенія Комитета были въ виду у Военнаго Министерства, и что вопросъ этотъ, не вполнѣ разрѣшенный приказомъ 30 августа, подлежитъ еще обсужденію, а при этомъ мнѣнія Комитета заслуживаютъ общаго вниманія, съ одной стороны, потому что прямо и очень крупною цифрой касаются бюджета, а вовторыхъ, по той причинѣ что обезпеченіе арміи надежными унтеръ-офицерами вездѣ признается важнѣйшимъ условіемъ правильнаго дѣйствія системы краткосрочной службы. Въ Германіи на этотъ предметъ обращено самое серіозное вниманіе. Тамъ унтеръ-офицеры поставлены высоко, имъ предоставлены большія преимущества какъ на службѣ, такъ и при отставкѣ; тамъ учреждены спеціальныя унтеръ-офицерскія школы, число которыхъ на дняхъ должно увеличиться еще новою, въ Страсбургѣ или Мецѣ. Во Франціи въ послѣднее время точно такъ же озабочены этимъ дѣломъ, и хорошимъ унтеръ-офицерамъ, по выслугѣ ими опредѣленнаго числа лѣтъ сверхъ обязательнаго срока, обѣщаны не безвыгодныя мѣста на службѣ по гражданскому вѣдомству.

Съ 1874 года, со введенія у насъ всеобщей воинской повинности, вопросъ о снабженіи нашей арміи унтеръ-офицерами занялъ видное мѣсто въ ряду заботъ военнаго управленія. Унтеръ-офицерамъ остающимся на сверхсрочной службѣ предоставлялись разновременно разнаго рода льготы и преимущества съ тѣмъ чтобы побудить ихъ оставаться въ рядахъ арміи. Несмотря на всѣ эти привилегіи, число такихъ унтеръ-офицеровъ было незначительно, и мѣры принятыя къ тому, какъ сознается отчетъ Комитета, „оказались мало дѣйствительными.“ Армія продолжала нуждаться въ унтеръ-офицерахъ и особенно въ унтеръ-офицерахъ хорошихъ. Чтобы помочь горю, Комитетъ полагалъ сократить комплектъ унтеръ-офицеровъ, возвысить ихъ положеніе и „предоставить остающимся сверхъ срока еще нѣкоторыя новыя преимущества.“ Вмѣстѣ съ прежними, эти преимущества сулятъ сверхсрочно служащимъ отъ 200 до 150 рублей годоваго жалованья на всемъ готовомъ, чтобы люди эти получали столько же сколько могутъ заработать „на частныхъ мѣстахъ тотчасъ по выходѣ въ запасъ.“ За 12 лѣтъ службы сверхъ срока обѣщается или единовременное пособіе въ тысячу рублей, или пожизненная пенсія въ 96 рублей, вмѣстѣ съ какимъ-нибудь мѣстомъ по военному или гражданскому вѣдомству. Самое содержаніе на службѣ должно, по мнѣнію Комитета, улучшиться: унтеръ-офицерамъ желательно дать и лучшее про-

довольствіе, и лучшій мундиръ, и отдѣльное отъ прочихъ нижнихъ чиновъ помѣщеніе.

Многіе войсковые начальники, какъ замѣчено въ журналѣ Комитета, желали бы и еще бо́льшихъ привилегій для сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, что́ де „немыслимо безъ отягощенія военнаго бюджета.“

Нельзя сказать чтобы при числѣ унтеръ-офицеровъ которое требуется для нашей арміи легко легли на бюджетъ и мѣры Комитета; но если это дѣйствительно необходимо, если такою затратой обезпечивается поддержаніе арміи на требуемой высотѣ обученія и дисциплины, то скупиться было бы дѣломъ очень не разчетливымъ. Въ томъ-то и дѣло что проектированныя мѣры сами по себѣ еще ничего обезпечить въ этомъ отношеніи не могутъ. Важно не то что унтеръ-офицеры у насъ будутъ, вопросъ не въ томъ сколько ихъ, а каковы они, сто́ятъ ли они тѣхъ привилегій которыя имъ предоставляются, оправдываетъ ли приносимая ими польза крупныя затраты?

Этотъ именно вопросъ и оставленъ безъ разсмотрѣнія. Между тѣмъ, даже на страницахъ того же офиціальнаго *Военнаго Сборника*, не разъ было говорено что подготовка нашихъ унтеръ-офицеровъ едва ли можетъ быть признана достаточною. Всѣ они учатся въ полковыхъ унтеръ-офицерскихъ командахъ въ сложности не болѣе десяти мѣсяцевъ и притомъ „чему-нибудь и какъ-нибудь,“ выходя изъ команды и малограмотными, со слабымъ разумѣніемъ своихъ обязанностей, и безо всякихъ свѣдѣній о многомъ что̀ имъ по ихъ званію будущихъ учителей солдата знать необходимо.

При такомъ положеніи было бы естественно обсудить мѣры для поднятія подготовки унтеръ-офицеровъ, поискать другаго источника снабженія ими арміи, тѣмъ болѣе что, несмотря на всѣ проектированныя льготы, Комитетъ не увѣренъ что потребность въ унтеръ-офицерахъ будетъ удовлетворена, а напротивъ допускаетъ что „желающихъ продолжать службу окажется все-таки не столько сколько ихъ нужно для арміи.“ Комитетъ пожалуй и указываетъ на „учрежденіе унтеръ-офицерскихъ школъ для молодыхъ людей такого возраста, при которомъ они по окончаніи курса достигали бы 20 лѣтъ установленныхъ для призываемыхъ къ службѣ,“ но указываетъ какъ на мѣру послѣднюю и желательную пока лишь „въ видѣ опыта.“

Совсѣмъ иначе на это дѣло смотрятъ въ Германіи. Тамъ учрежденіе сверхсрочно служащихъ унтеръ-офицеровъ и дарованныя имъ привилегіи находятся въ связи именно съ унтеръ-офицерскими школами гдѣ чуть не съ дѣтства готовятся будущіе служаки. Ихъ-то желательно заинтересовать оставаться на службѣ возможно долѣе, для нихъ то собственно и назначаются всѣ привилегіи которыми достигаются двѣ цѣли разомъ: и служаки эти задерживаются въ рядахъ арміи, и усиливается число желающихъ поступить въ школы до такой степени что приходится отказывать въ пріемѣ за недостаткомъ вакансій. Въ нѣмецкихъ газетахъ не рѣдко сообщаютъ къ какимъ уловкамъ прибѣгаютъ родители чтобы дать своимъ дѣтямъ возможность поступить въ унтеръ-офицерскую школу. Не далѣе какъ въ концѣ прошлаго года одинъ десятилѣтній мальчикъ подалъ прошеніе объ этомъ прямо императору, и только такимъ образомъ попалъ куда рвался самъ ли или по указанію родныхъ.

Комитетъ высказываетъ желаніе чтобъ у насъ „въ видѣ опыта“ была устроена хотя одна такая школа по образцу существующихъ въ Германіи; слово „въ видѣ опыта“ отнимаетъ бо́льшую часть значенія у этого желанія. „Опытъ этотъ въ сущности есть только отсрочка дѣла, а можетъ-быть даже предлогъ къ такому измѣненію указаннаго образца которое можетъ подорвать довѣріе къ особымъ унтеръ-офицерскимъ школамъ. И этому у насъ примѣры найдутся. Опытъ во всякомъ случаѣ потребуетъ по меньшей мѣрѣ десятка лѣтъ; но спрашивается, есть ли нужда испытывать вновь то что̀ уже давно испытано, есть ли надобность откладывать ради такого опыта въ долгій ящикъ дѣло существенно необходимое? Извиненіемъ могъ бы служить въ этомъ случаѣ развѣ недостатокъ средствъ, но всѣмъ извѣстно что на этотъ недостатокъ Военное Министерство въ прежнее время жаловаться у насъ не могло: у него находились же средства и на акушерскіе и женско-врачебные курсы, и на военно-юридическую академію, и на учительскую семинарію военнаго вѣдомства, и даже на своего рода педагогическій факультетъ.

Теперь, при сокращеніи военныхъ расходовъ, дѣло учрежденія унтеръ-офицерскихъ школъ можетъ быть труднѣе. Но и теперь можно удѣлить на это дѣло хоть часть тѣхъ средствъ кои предвидятся отъ упраздненія такъ-называемыхъ учебныхъ баталіона, эскадрона и батареи, кои предположено замѣнить, по слухамъ, офицерскими стрѣлковыми школами.

Надо думать что Военное Министерство не упуститъ это сдѣлать. Не даромъ съ весны, одновременно съ толками о сокращеніи бюджета, объ упраздненіи учебнаго баталіона и другихъ мѣрахъ экономіи заговорили вновь объ учрежденіи унтеръ-офицерскихъ школъ. Если теперь толки эти примолкли, то можетъ-быть это объясняется только болѣе крупными военно-организаціонными вопросами которые отодвигаютъ пока на задній планъ заботы объ улучшеніи подготовки не только унтеръ-офицеровъ, но и офицерскаго состава.

Б.

Новое французское министерство можетъ быть названо, въ полномъ смыслѣ слова, кабинетомъ Гамбетты. Рѣдкій министръ-президентъ обладалъ такимъ подавляющимъ, безусловнымъ вліяніемъ на свое министерство, какимъ заручился г. Гамбетта, окружившій себя въ видѣ министровъ лицами не имѣющими никакого самостоятельнаго политическаго значенія и составившими себѣ извѣстность только своею слѣпою преданностью бывшему диктатору. Четверо изъ нихъ, гг. Алленъ-Тарже, Антоненъ Пру, Поль Беръ и Гужаръ состояли до сихъ поръ дѣятельными сотрудниками газеты г. Гамбетты, извѣстной *République Française*, а главный ея редакторъ, г. Спюллеръ, занялъ въ новомъ кабинетѣ мѣсто ближайшаго помощника г. Гамбетты въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Остальные министры и ихъ товарищи еще менѣе извѣстны чѣмъ вышеупомянутые журналисты. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Вальдекъ-Руссо, молодой тридцати-четырехъ лѣтній адвокатъ, составилъ себѣ, правда, нѣкоторое имя въ палатѣ депутатовъ какъ пламенный защитникъ всѣхъ реформъ заслужившихъ одобреніе г. Гамбетты, но кто когда-либо слышалъ до сихъ поръ о политическихъ заслугахъ какихъ-то гг. Рувье, Рейналь, Леліевръ, Легилье, Казъ и Кампенонъ? Единственные два министра кабинета Ферри удержавшіе свое мѣсто и въ новомъ министерствѣ, гг. Казо и Кошери, также давно извѣстны какъ преданные друзья г. Гамбетты и вѣроятно будутъ исполнять его волю съ тою же предупредительною готовностью какъ и тѣ вышеназванные государственные люди которыхъ г. Гамбетта только что извлекъ изъ мрака неизвѣстности. Новое министерство во всякомъ случаѣ обладаетъ однимъ важнымъ преимуществомъ для всякой правительственной коллегіи—полнѣйшею *однородностью;* притомъ же оно составилось, по мѣткому выраженію газеты *Paix*, органа самого президента г. Греви, „не на основаніи какой-нибудь коллективной программы или идеи, а на основаніи одного коллективнаго имени.“ И дѣйствительно, при данномъ составѣ кабинета, можно сказать безо всякаго преувеличенія что отнынѣ во Франціи есть двѣнадцать министерствъ и одинъ только полновластный министръ—г. Леонъ Гамбетта.

Итакъ, бывшій диктаторъ достигъ наконецъ того, къ чему онъ съ такою терпѣливою энергіей стремился въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Какъ и въ 1871 году, онъ стоитъ одинъ во главѣ цѣлой Франціи которая благоговѣйно взираетъ на него какъ на своего спасителя. Но обстоятельства при которыхъ онъ нынѣ забралъ въ свои руки власть надъ своимъ отечествомъ совершенно не похожи на тѣ событія среди которыхъ г. Гамбетта впервые проявилъ свой организаторскій талантъ, создавъ въ теченіе мѣсяца изъ ничего стовосьмидесятитысячную вооруженную и снабженную провіантомъ армію. Тогда, десять лѣтъ тому назадъ, ему пришлось бороться съ сильнымъ побѣдоносным внѣшнимъ врагомъ, у котораго онъ успѣлъ только отвоевать лишь немножко чести для Франціи. Теперь ему предстоитъ борьба со внутренними врагами, бурбонистами, бонапартистами и безшабашными радикалами. Еще опаснѣе для него соперничество тѣхъ республиканцевъ которые отчасти изъ доктринерства, отчасти изъ зависти, со злобой смотрятъ на его грядущую диктатуру. Таковы, напримѣръ, бывшіе министры какъ Жюль Ферри, Фрейсине, Леонъ Сей, которые мечтали о новыхъ портфеляхъ въ министерствѣ г. Гамбетты; таковъ и новый президентъ палаты депутатовъ г. Бриссонъ, фанатикъ-якобинецъ, принимающій на себя роль Брута по отношенію къ Це-

зарю-Гамбеттѣ. Таковы и бывшіе друзья Гамбетты, какъ Флоке, Луи Бланъ и Клемансо, которые отшатнулись отъ него съ тѣхъ поръ какъ онъ пересталъ заигрывать съ соціализмомъ. Къ опаснымъ же противникамъ новаго министерства будетъ принадлежать и большинство республиканскихъ сенаторовъ съ г. Жюль Симономъ во главѣ, которые горой станутъ на защиту привилегій сената, противъ которыхъ новое министерство уже объявило свой походъ. Вотъ гдѣ находятся серіозные враги г. Гамбетты и къ нимъ, между прочимъ, принадлежитъ и самъ президентъ, г. Жюль Греви. Всѣ они увѣрены что министерство Гамбетты будетъ недолговѣчно и теперь уже спорятъ о будущей добычѣ, на которую надѣются послѣ его паденія. Они потому только и способствуютъ теперь своимъ бездѣйствіемъ его возвеличенію чтобы завести его на высоту съ которой паденіе было бы уничтоженіемъ. Всѣ въ настоящее время сговорились дать ему полную свободу дѣйствія чтобъ онъ не жаловался на какія бы то ни было стѣсненія, но чтобы за то на него пала вся отвѣтственность за будущіе промахи его правленія.

Г. Гамбетта не можетъ не видѣть грозящей ему съ этой стороны опасности и вѣроятно постарается воспользоваться предоставленною ему теперь полною свободой для принятія всѣхъ необходимыхъ мѣръ къ прочному укрѣпленію своей боевой позиціи. Имѣя съ одной стороны вполнѣ преданное ему министерство, съ другой прочное большинство въ палатѣ депутатовъ, а съ третьей пассивный нейтралитетъ президента республики, онъ безъ сомнѣнія сумѣетъ отразить всѣ будущіе приступы своихъ разношерстныхъ непріятелей и одержать надъ ними побѣду въ тѣхъ вопросахъ которые онъ поставилъ во главѣ своей программы. Съ цѣлью усилить свою личную власть посредствомъ реформы сенатскихъ и депутатскихъ выборовъ онъ надѣется въ недалекомъ будущемъ создать себѣ парламентъ который отличался бы такою же *однородностью* и такою же безусловною ему преданностью какими отличается его теперешнее министерство. Посмотримъ.

№ 316.

Москва, 13-го ноября.

Борьба между княземъ Бисмаркомъ и парламентаризмомъ въ Германіи, съ каждымъ днемъ все болѣе обостряющаяся, продолжаетъ сосредоточивать на себѣ почти исключительное вниманіе европейской печати, отодвигая на второй планъ даже тѣ перемѣны въ сферѣ международной политики которыя наступили съ перемѣной правительства во Франціи и которыя сказались видимымъ образомъ пока въ измѣненіяхъ личнаго состава французскихъ посольствъ при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ. И не удивительно что европейскій либерализмъ такъ живо заинтересованъ этою борьбой, придавая ей значеніе далеко выходящее за предѣлы Германіи. Не говоря уже о томъ что однимъ изъ главныхъ поводовъ столкновенія князя Бисмарка съ либеральными доктринерами была его смѣлая инціатива въ видахъ облегченія нуждъ рабочаго люда, вслѣдствіе чего противники имперскаго канцлера обвиняютъ его въ „демагогическихъ“ замыслахъ и въ „государственномъ соціализмѣ,“ который либераламъ чуть ли не болѣе ненавистенъ нежели бредни соціально-революціонной пропаганды, не говоря уже объ этихъ „опасныхъ“ замыслахъ князя Бисмарка, приверженцы шаблоннаго парламентаризма во всѣхъ страхъ чуютъ что въ лицѣ могучаго государственнаго человѣка Германіи на нихъ возсталъ врагъ какого они до сихъ поръ еще не имѣли. Вотъ почему всѣ взоры обратились на теперешнее столкновеніе въ Германіи.

А князь Бисмаркъ между тѣмъ продолжалъ побивать своихъ противниковъ ихъ оружіемъ. Онъ не объявляетъ себя противъ „представительства“ вообще; онъ не утверждаетъ даже чтобъ ему было все равно располагаетъ ли онъ или нѣтъ парламентскимъ большинствомъ. Совсѣмъ напротивъ. Наканунѣ открытія рейхстага въ органѣ его, *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, появилась замѣтка въ которой было заявлено объ его готовности подчиниться „рѣшенію страны,“ сказавшемуся на послѣднихъ выборахъ, и посовѣтовать императору образовать министерство изъ представителей теперешняго парламентскаго большинства. Заявленіе это показа-

лось всѣмъ злою насмѣшкой когда на другой день, при открытіи рейхстага, было прочитано извѣстное посланіе императора, такъ торжественно утверждающее программу внутренней политики князя Бисмарка во всѣхъ ея пунктахъ, программу противъ которой, какъ утверждаютъ прогрессистскіе органы, страна и высказалась на послѣднихъ выборахъ. Еще болѣе: на другой день послѣ обнародованія министерскаго посланія, князь Бисмаркъ лично повторилъ въ существенныхъ чертахъ все то что̀ заявилъ его офиціозный органъ наканунѣ открытія рейхстага. По своему обыкновенію, онъ избралъ способомъ для „откровеннаго“ объясненія застольную бесѣду во время обѣда который онъ далъ у себя членамъ Союзнаго Совѣта, причемъ въ газетахъ появилось, тоже обычнымъ порядкомъ, неизвѣстно кѣмъ составленное, но тождественное сообщеніе о содержаніи интимной бесѣды.

Князь Бисмаркъ, по этому сообщенію, приступилъ прямо къ вопросу о предполагаемой отставкѣ его и сказалъ что онъ не могъ рѣшиться покинуть въ настоящее время императора и еще менѣе могъ бы удалиться съ досады на результатъ выборовъ. Но и остаться де для него не легко, въ виду постоянныхъ нападокъ и того положенія которое создали послѣдніе выборы, лишившіе его надежнаго и преданнаго большинства въ парламентѣ. Поэтому ему остается де лишь одно: найти либо среди либераловъ, либо въ партіи центра, людей вліятельныхъ, которые сумѣли бы составить иную программу и взялись бы осуществить ее съ бо̀льшимъ нежели онъ успѣхомъ въ настоящемъ рейхстагѣ, получивъ предварительно отъ императора одобреніе на эту программу. Тогда онъ передастъ де въ эти счастливыя руки все внутреннее управленіе, оставивъ за собою только завѣдыванье иностранными дѣлами и заботу о поддержаніи добрыхъ отношеній къ европейскимъ державамъ. По всей вѣроятности, онъ потребуетъ де отъ рейхстага назначенія годичнаго жалованья въ 60.000 марокъ для вице-канцлера, который замѣститъ его по всѣмъ отраслямъ внутренняго управленія.

Итакъ, князь Бисмаркъ готовъ покориться неумолимому закону парламентскаго большинства... Не полное ли это торжество для его либеральныхъ оппонентовъ? Нѣмецкіе парламентаристы однако далеки отъ того чтобы праздновать побѣду. Они сразу поняли что предположеніе князя Бисмарка набрать кабинетъ изъ среды парламентскаго большинства есть не болѣе какъ маневръ чтобы довести до абсурда теорію политической ариѳметики и окончательно развязать ему руки. Ибо послѣ посланія императора рейхстагу уже не можетъ быть рѣчи о „программѣ князя Бисмарка.“ Самъ императоръ принялъ ее и торжественно возвѣстилъ какъ неизмѣнное рѣшеніе за себя и за „будущее поколѣніе,“ то-есть за своего ближайшаго преемника на престолѣ. Несомнѣнно что наслѣдный принцъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ при установленіи текста императорскаго посланія. Заручившись такою гарантіей и такимъ одобреніемъ всѣхъ своихъ предположеній и плановъ, князь Бисмаркъ сталъ „на почву парламентаризма“ какъ ея завоеватель и противники князя Бисмарка отлично понимаютъ это. Прежнія возраженія князя Бисмарка противъ попытокъ установить въ Германіи систему управленія чрезъ парламентское большинство заключались въ томъ что въ странѣ дѣйствительно монархической, какъ Германія, не можетъ быть стѣснена свобода главы государства. Теперь дѣло поставлено такъ что уже не можетъ быть и рѣчи объ измѣненіи торжественно, съ высоты трона, провозглашенной программы. Стало-быть совѣтники изъ среды большинства, коихъ намѣренъ рекомендовать князь Бисмаркъ, уже не могли бы навязывать коронѣ что-либо существенно отличающееся отъ того что̀ короной утверждено; имъ пришлось бы, наоборотъ, или принять установленную программу, или же отказаться ото всякихъ „лестныхъ“ предложеній. Для доктринеровъ всѣхъ лагерей дилемма эта до такой степени очевидна что изъ нихъ никто серіозно и не думаетъ о возможности сформированія, напримѣръ, либеральнаго кабинета и о вступленіи по этому предмету въ переговоры съ княземъ Бисмаркомъ, хотя никто не сомнѣвается что требованіе о назначеніи содержанія для „вице-канцлера“ будетъ заявлено въ скоромъ времени. Указываютъ и на лицо которое, по всей вѣроятности, займетъ эту должность. Это г. фонъ-Путткамеръ, теперешній прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, самый ревностный сотрудникъ князя Бисмарка съ тѣхъ поръ какъ онъ

порвалъ всякія связи съ либеральными партіями.

Но какъ же поступитъ князь Бисмаркъ дабы справиться со враждебнымъ ему большинствомъ рейхстага, которое вѣроятно станетъ ему поперекъ дороги по всѣмъ преобразованіямъ намѣченнымъ съ такою рѣшимостью въ тронной рѣчи императора? Берлинскія либеральныя газеты увѣрены что дни настоящаго оппозиціоннаго рейхстага изочтены, и что онъ будетъ распущенъ немедленно по вотированіи бюджета.

№ 319.

Москва, 16-го ноября.

Назначеніе австро-венгерскаго посла при С.-Петербургскомъ Дворѣ, графа Кальноки, министромъ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи, есть теперь уже совершившійся фактъ. Новый министръ не вступилъ еще въ управленіе дѣлами; онъ долженъ прежде побывать въ Петербургѣ для врученія своихъ отзывныхъ грамотъ. Черезъ нѣсколько дней, однако, долгое междуцарствіе въ управленіи иностранными дѣлами Австро-Венгріи кончится, и тамъ будетъ *настоящій* министръ иностранныхъ дѣлъ.

Не разъ уже намъ приходилось указывать что при назначеніи преемника барону Гаймерле парламентскія партіи въ Вѣнѣ и Пештѣ интересовались преимущественно тѣмъ какое положеніе займетъ новый министръ относительно внутренней политики Австро-Венгріи, въ особенности Цислейтаніи. Внѣшняя политика Австро-Венгріи, по общему отзыву австрійской печати, приведена прежними министрами, графами Андраши и Гаймерле, въ такое благопріятное положеніе что новому министру иностранныхъ дѣлъ придется де лишь рѣшать текущія дѣла и во всемъ слѣдовать своимъ предмѣстникамъ, обезпечившимъ Австро-Венгрію новыми союзниками, а европейскій миръ укрѣпленіемъ старыхъ союзовъ. Оставляя въ сторонѣ въ какой мѣрѣ вѣренъ такой взглядъ, посмотримъ сперва какъ политическія партіи Австро-Венгріи отозвались на новое назначеніе. Повидимому, оно не удовлетворило ни одной изъ цислейтанскихъ парламентскихъ партій, ни правительственной „автономистской,“ ни оппозиціонной „централистской“ или вѣрно-конституціонной. Графъ Кальноки, какъ и его предшественникъ, повидимому, не приметъ никакого участія въ борьбѣ партій и не будетъ даже косвеннымъ образомъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Австро-Венгріи. Органы правительственной партіи, поддерживавшіе кандидатуру графа Траутсманнсдорфа (состоящаго теперь предсѣдателемъ австрійской палаты господъ) пока еще опредѣленно не высказались о новомъ министрѣ. Они сообщили только что новый министръ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ министромъ-президентомъ графомъ Таафе, и что между обоими государственными дѣятелями достигнуто полное соглашеніе по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ. Конечно, это только фраза повторяемая офиціозными газетами обо всѣхъ министрахъ иностранныхъ дѣлъ. Что касается оппозиціонныхъ газетъ, то онѣ повидимому весьма разочарованы назначеніемъ новаго министра. Недовольство оппозиціи объясняется главнымъ образомъ разочарованіемъ что портфель иностранныхъ дѣлъ былъ ввѣренъ не графу Андраши, кандидатура котораго энергически поддерживалась вѣрноконституціонною партіей забывшею повидимому своею старую вражду съ графомъ Андраши и желавшею чтобъ управленіе иностранными дѣлами находилось въ рукахъ истаго Мадьяра, которому трудно было бы найти поддержку въ парламентскомъ большинствѣ, куда входитъ значительное число Славянъ, и который поэтому увидѣлъ бы себя вынужденнымъ вступать въ сдѣлки съ нѣмецкою, враждебною Славянамъ, оппозиціей. Отзывы мадьярскихъ газетъ о новомъ министрѣ пока весьма сдержанны. Для Мадьяръ рѣшительно все равно, будетъ ли графъ Кальноки вмѣшиваться во внутреннія дѣла Цислейтаніи или нѣтъ. Весь интересъ новаго назначенія, по словамъ мадьярскихъ газетъ, заключается въ томъ какъ новый министръ будетъ вести иностранную политику. Графъ Кальноки давно уже на дипломатической службѣ, но дѣятельность его никогда нн выдавалась. Мадьярскія газеты поэтому ограничиваются угрозами настоять на его удаленіи въ случаѣ если онъ не будетъ вести иностранную политику въ направленіи согласномъ съ интересами и желаніями Мадьяръ. Вѣнскія газеты, близкія къ правительству, со своей стороны, посвящаютъ обширныя статьи будущей дѣятельности графа Кальноки и

полагаютъ что она будетъ плодотворна. Главная задача новаго министра, по сужденію этихъ газетъ, состоитъ въ томъ чтобъ *улучшить отношеніе между Россіей и Австро-Венгріей*. Достигнуть этой задачи для графа Кальноки весьма де легко. Самое назначеніе его есть де актъ вѣжливости (Höflichkeitsact) относительно Россіи, такъ какъ графъ Кальноки былъ всегда *persona grata* при С.-Петербургскомъ Дворѣ. Нѣкоторыя газеты даже убѣждены что назначеніе графа Кальноки во всякомъ случаѣ поведетъ не только къ сближенію, но къ *тѣсному союзу* между Россіей и Австро-Венгріей, подобно тому какъ состоявшееся годъ тому назадъ назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ барона Гаймерле повело де къ тѣсному сближенію съ Италіей. Оппозиціонная печать, которая съ нѣкотораго времени также хлопочетъ о сближеніи съ Россіей, не вполнѣ раздѣляетъ сангвиническія надежды офиціозныхъ газетъ, но въ виду весьма натянутыхъ отношеній къ Россіи, также отчасти одобряетъ назначеніе графа Кальноки какъ лица болѣе другихъ способнаго улучшить эти отношенія.

Въ виду вышесказаннаго, неудивительно что и берлинскія офиціозныя газеты относятся къ новому назначенію графа Кальноки очень сочувственно. Такъ между прочимъ высказывается по этому поводу *Крестовая Газета:* „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что графъ Кальноки будетъ ревностнымъ приверженцемъ Австро-Германскаго союза и употребитъ всѣ усилія чтобы скрѣпить дружественныя отношенія къ Италіи и Россіи. Для Австро-Венгріи весьма важно чтобы во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стояло лицо имѣвшее случай отлично ознакомиться со внутренними дѣлами Россіи.“

Для Бисмарковской политики сближеніе Австро-Венгріи съ Россіей конечно весьма желательно. Ей было бы трудно, почти невозможно, упрочить дружественныя отношеніе Германіи къ двумъ державамъ, которыя другъ другу враждебны. Пришлось бы разойтись съ одною изъ нихъ, а это въ виду начинающейся почти диктатуры г. Гамбетты не выгодно для германской политики. Неожиданно любезный тонъ австрійскихъ газетъ и ихъ желаніе улучшить отношенія къ Россіи также весьма понятны и естественны. Вопросъ только въ томъ требуютъ ли національные интересы Россіи *тѣснаго* союза съ Австро-Венгріей и вообще съ какою бы то ни было державой?

№ 320.

Москва, 17-го ноября.

„Неужели наше крестьянское хозяйство достигло крайняго предѣла въ своемъ развитіи, далѣе котораго оно не способно двигаться? Неужели нѣтъ иного исхода для улучшенія быта крестьянъ какъ только обратиться къ переселенію?“

Эти вопросы, которые ставитъ г. Посашевъ въ помѣщаемой ниже корреспонденціи изъ Воронежа, слышатся со всѣхъ сторонъ. Они стали раздаваться все чаще и громче, по мѣрѣ того какъ вопросъ о переселеніяхъ изъ области болтовни сталъ переходить на практическую почву. Болѣе и болѣе замѣчается фальшь въ постановкѣ вопроса, то-есть мысль о крестьянскомъ малоземельи, о чрезмѣрной будто бы густотѣ населенія во многихъ мѣстностяхъ и особенно во всей черноземной полосѣ, какъ объ общей болѣзни отъ которой страдаетъ наше народное хозяйство и которую надо лѣчить переселеніями, колонизаціей зауральскаго Востока.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не подивиться какъ могло получить широкое распространеніе, какъ могло увлечь многихъ мнѣніе о какомъ-то будто бы у насъ малоземельи, о какой-то будто бы чрезмѣрной густотѣ населенія въ Россіи. Какъ странно звучатъ эти жалобы на малоземелье и на густоту населенія, когда слабая сторона нашего экономическаго быта и есть именно малонаселенность страны при ея необъятныхъ протяженіяхъ, недостатокъ рукъ для надлежащей обработки почвы и извлеченія изъ нея того что̀ она можетъ дать! О чемъ бы ни зашла у насъ рѣчь, объ организаціи ли военныхъ силъ и ихъ мобилизаціи, о постройкѣ ли желѣзныхъ дорогъ, о чемъ хотите, мы всегда наталкиваемся на чрезмѣрность пространства нашихъ территорій, на слишкомъ слабую ихъ населенность. Но многоземелье становится малоземельемъ, малонаселенность превращается въ густоту населенія, какъ только пойдетъ рѣчь о землевладѣніи. Тутъ земли оказывается недостаточно для прокормленія живущаго на ней населенія, которое

можетъ быть спасено только нарѣзкой ему новыхъ земель.

Было бы дѣломъ понятнымъ еслибы рѣчь шла только о крестьянахъ получившихъ даровые или вообще крайне малые надѣлы, или о тѣхъ кому достались въ надѣлъ скудныя, неплодородныя земли. Хотя и изъ такихъ крестьянъ далеко не всѣ поставлены въ затрудненіе недостаточностію собственнаго землевладѣнія при возможности обрабатывать чужія земли и промышлять иными способами; тѣмъ не менѣе, исключительное положеніе можетъ вызвать и заботу объ исключительныхъ мѣрахъ чтобы вывести изъ этого положенія тѣхъ кто въ немъ находятся. Но зло малоземелья выставляется общею болѣзнью чуть не всей массы русскаго населенія, особенно той ея части которая живетъ въ черноземной полосѣ, наиболѣе одаренной природою въ почвенномъ отношеніи. Эта-то полоса будто бы и страдаетъ всего болѣе избыткомъ рукъ; отсюда-то, чтобы мѣстному населенію стало просторнѣе, и должны главнымъ образомъ направляться партіи переселенцевъ для колонизаціи заволжскихъ и сибирскихъ пустынь. Наша черноземная полоса будто бы дошла уже до той степени густоты населенія при которой колонизація, какъ во многихъ мѣстностяхъ Западной Европы, становится необходимостью. А между тѣмъ мѣстному населенію еще далеко даже до той густоты какую мы видимъ въ Привислинскихъ губерніяхъ, гдѣ, однако, несмотря на гораздо болѣе скудную почву, вопросъ о переселеніяхъ не возбуждается, и куда напротивъ стремятся колонисты изъ сосѣднихъ, дѣйствительно густо населенныхъ, германскихъ земель. Въ число губерній которыя вслѣдствіе густоты населенія нуждаются будто бы въ выселеніи его избытка ставятся между прочимъ Кіевская, Подольская и Волынская, — и это въ то самое время когда Подольская и особенно Волынская губерніи служатъ именно мѣстностями куда стремится колонизація изъ другихъ странъ, и гдѣ, по свѣдѣніямъ газеты *Русь* (№ 51), число поселившихся Нѣмцевъ уже превышаетъ сто тысячъ душъ. Отчего, при такихъ условіяхъ, не поощрить русскихъ переселеній отсюда? Пусть эти переселенія расширятъ просторъ для наплыва чужестранцевъ, которые, какъ свидѣтельствуетъ *Русь*, переселяясь къ намъ, не становятся русскими подданными, состоятъ въ прусскомъ ландверѣ и представляютъ собою германскій военный авангардъ на нашей территоріи...

Дошло до того что къ губерніямъ гдѣ, по распространившейся теоріи, малоземелье и густота населенія вынуждаютъ народъ покидать насиженныя мѣста относили даже Вятскую, съ ея крестьянскими земельными надѣлами подходящими, по своимъ размѣрамъ, къ нормѣ которую самъ г. Янсонъ признаетъ достаточною, и откуда, однако, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, выселилось въ десять лѣтъ до 15.000 душъ. Даже Пермская губернія, превосходящая пространствомъ Англію, Шотландію и Ирландію вмѣстѣ взятыя, при населеніи на цѣлую треть меньшемъ населенія одной Шотландіи, оказалась вдругъ малоземельною и густонаселенною: оттуда въ десять лѣтъ тоже выселилось до 8.000 человѣкъ, болѣе чѣмъ сколько въ то же время выселилось изъ Курской. А что̀ сказать о переселеніяхъ изъ Самарской губерніи и Новороссійскаго края? Тутъ-то ужь, кажется, никакъ нельзя пожаловаться ни на малоземелье, ни на густоту населенія. А между тѣмъ изъ Самарской губерніи выселилось болѣе 14.000, изъ Новороссійскаго края до 35.000 человѣкъ. И въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, прямо указывая на нихъ, у насъ все-таки настойчиво стремятся объяснять народную потребность въ переселеніяхъ именно малоземельемъ и густотой населенія!

Нельзя отрицать ни растущей нужды у значительной массы крестьянъ, ни того что крестьянское хозяйство во многихъ мѣстностяхъ падаетъ и приходитъ въ разстройство. Но не густота населенія, не малоземелье, не скудость почвы тутъ главная причина. „Земля у насъ,“ пишетъ г. Посашевъ изъ Воронежской губерніи, которая стоитъ впереди всѣхъ другихъ черноземныхъ губерній по числу переселяющихся изъ нея крестьянъ, — „земля у насъ весьма плодородна отъ природы и имѣетъ однообразное наслоеніе отъ $^{1}/_{2}$ до 1 аршина въ глубину. Климатическія условія для произрастанія воздѣлываемыхъ хлѣбовъ весьма удовлетворительны. Но если нашему крестьянину приходится пользоваться со своихъ земель очень скуднымъ урожаемъ, то тутъ вина не въ малоземеліи, а въ неумѣломъ обращеніи съ землей. Такъ, напримѣръ, кто изъ нашихъ крестьянъ, будучи даже состоятельнымъ, подвер-

гаетъ свою землю тщательной и глубокой обработкѣ, кто изъ нихъ вывозитъ изъ года въ годъ накопленный навозъ на обрабатываемыя поля? Никто, или почти никто... Далѣе, замѣна одного хлѣба другимъ, болѣе производительнымъ, не практикуется вовсе, тогда какъ это условіе на много поднимаетъ доходность хозяйства. Посѣвъ и уборка предпринимаются довольно поздно, когда благопріятное время бываетъ пропущено, и въ результатѣ получается ясный недоборъ." Помимо всего этого, какъ на главные недостатки крестьянскаго хозяйства, г. Посашевъ указываетъ на плохое качество крестьянскаго скота, а также на неимѣніе краткосрочнаго кредита, который помогалъ бы крестьянамъ переживать невзгоды отъ падежей, пожаровъ и иныхъ бѣдствій. Вотъ въ чемъ, по мнѣнію г. Посашева, настоятельно требуется помочь крестьянамъ, указавъ имъ способы улучшить хозяйство и доставивъ имъ краткосрочный кредитъ, прежде чѣмъ поощрять ихъ къ переселеніямъ считая ихъ органическою мѣрой къ выходу изъ крестьянскихъ затрудненій.

Авторъ дѣльной, заслуживающей полнаго вниманія статьи „Крестьянскія нужды" (*Моск. Вѣд.* №№ 313—314), бывшій мировой посредникъ Д. Г., излагая вынесенныя имъ изъ опыта наблюденія и соображенія касательно быта крестьянъ, пришелъ въ сущности къ тѣмъ же заключеніямъ какъ и г. Посашевъ. Привѣтствуя извѣстный циркуляръ министра Государственныхъ Имуществъ объ отдачѣ казенныхъ земель въ аренду прямо крестьянамъ, и высказываясь въ пользу доставленія недостаточнымъ крестьянамъ возможности выкупать эти арендные участки въ собственность, г. Д. Г. вслѣдъ затѣмъ говоритъ:

„Но всякое увеличеніе крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ есть мѣра палліативная, временная: пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, населеніе увеличится, земли опять будетъ мало, и не откуда ея будетъ взять. Радикальною мѣрой противъ послѣдняго неизбѣжнаго явленія представляется только одно средство — научить крестьянъ изъ малаго количества земли извлекать больше доходу, оставить хищническое, небережливое трехпольное хозяйство замѣнивъ его многопольнымъ съ посѣвами кормовыхъ травъ и корнеплодныхъ растеній. Для этой цѣли Министерство Государственныхъ Имуществъ могло бы завести по нѣскольку въ каждомъ уѣздѣ земледѣльскихъ фермъ, въ самыхъ скромныхъ, соотвѣтствующихъ крестьянскимъ надѣламъ, размѣрахъ, на которыхъ нагляднымъ образомъ должна быть показана крестьянамъ вся выгодность правильнаго, раціональнаго хозяйства. Нашъ крестьянинъ недовѣрчивъ по природѣ; онъ вѣритъ только въ то что̀ самъ видитъ, и притомъ только когда видѣнное имъ легко можетъ быть примѣнено по размѣрамъ къ его собственному положенію, къ его быту, къ его средствамъ, къ его обстановкѣ. Вотъ почему существующія у насъ при земледѣльческихъ институтахъ и школахъ такъ-называемыя образцовыя фермы, съ ихъ роскошною обстановкой, съ ихъ грандіозными размѣрами, съ ихъ иностранными земледѣльческими орудіями и машинами, не производятъ на сосѣднихъ крестьянъ никакого дѣйствія, не вызываютъ въ нихъ никакого подражанія. Они видятъ что все это хорошо, но не по ихъ средствамъ, а потому, какъ о всемъ для нихъ недоступномъ, они о введеніи у себя такого хозяйства и не думаютъ: нельзя, такъ и не надо. Совсѣмъ другое вышло бы еслибы крестьяне увидѣли своего же брата односельца хозяйничающаго по сосѣдству на отведенномъ ему одинаковаго съ ними размѣра казенномъ участкѣ земли и извлекающаго изъ нея, благодаря другому сѣвообороту, гораздо бо̀льшіе доходы. Вотъ гдѣ представляется для вѣдомства Государственныхъ Имуществъ удобный случай раздавать свободныя казенныя земли въ аренду крестьянамъ мелкими участками по дешевой цѣнѣ и даже съ небольшимъ денежнымъ пособіемъ на обзаведеніе, но лишь съ непремѣннымъ условіемъ чтобъ эти участки обрабатывались, по указаніямъ казенныхъ агрономовъ, улучшеннымъ способомъ."

Съ большою убѣдительностью говоритъ г. Д. Г. и о важности для крестьянъ краткосрочнаго поземельнаго кредита, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на самыя суммы которыя могли бы идти на удовлетвореніе этой настоятельной крестьянской нужды, именно на мірскіе капиталы, имѣющіеся въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, по крайней мѣрѣ имѣвшіеся до упраздненія мировыхъ посредниковъ, почти въ каждомъ крестьянскомъ обществѣ. Но чтобъ эти капиталы были возстановлены и

могли вновь составляться и расти, необходимо прежде всего устраненіе господствующей въ крестьянскомъ управленіи безурядицы. На эту безурядицу, подтверждая свои слова цѣлымъ рядомъ вѣскихъ фактовъ, г. Д. Г. указываетъ какъ на одну изъ главныхъ причинъ того разстройства крестьянскихъ хозяйствъ которое служитъ столь долгое время предметомъ общихъ толковъ. И дѣйствительно, достатоточно хоть немного вникнуть въ дѣло чтобъ убѣдиться что вопросъ о лучшемъ управленіи неизмѣримо важнѣе вопроса о колонизаціи. Не въ улучшеніи ли существующихъ распорядковъ должно искать ключа и къ разрѣшенію вопроса о переселеніяхъ, въ смыслѣ устраненія причинъ которыми переселенія вызываются?

№ 321.

Москва, 18-го ноября.

А.

Заговорили было что Бисмаркъ выходитъ въ отставку; оказалось напротивъ что выходитъ въ отставку германскій парламентъ. Господа, сказалъ канцлеръ этому августѣйшему собранію въ которомъ онъ очутился безъ партіи, я не претендую чтобы вы мѣняли для меня ваши убѣжденія, но оставьте и меня при моихъ. Вамъ не нравятся мои планы, отвергайте ихъ, но я не поручусь вамъ что они не будутъ исполнены.

Что̀ можетъ быть рѣшительнѣе этихъ словъ брошенныхъ въ лицо партіямъ и фракціямъ, составляющимъ почти сплошную оппозицію правительству Бисмарка! Одинъ изъ либеральныхъ вожаковъ, депутатъ Рихтеръ, думалъ нанести ему чувствительный ударъ, доказавъ въ длинной рѣчи, которую онъ произнесъ въ четвергъ, что князь Бисмаркъ не имѣетъ за собой и не будетъ имѣть парламентскаго большинства. Это казалось доктринерамъ парламентаризма послѣднимъ аргументомъ послѣ котораго князю Бисмарку остается лишь одно: уступить мѣсто счастливому избраннику такого большинства, причемъ, въ воздаяніе его прошедшихъ заслугъ, ему пожалуй было бы удѣлено мѣсто въ новомъ кабинетѣ какъ руководителю иностранной политики, съ тѣмъ чтобъ онъ ни во что̀ болѣе не вмѣшивался и отрекся бы ото всѣхъ своихъ „пагубныхъ" замысловъ по части внутренней политики.

Какое заблужденіе! Оказывается, напротивъ, что парламентъ со своими партіями останется въ сторонѣ и его большинство не измѣнитъ теченія дѣлъ...

Князь Бисмаркъ отказался признать за парламентомъ рѣшающій голосъ. Онъ объявилъ безъ обиняковъ что высшимъ государственнымъ закономъ признаетъ свободу дѣйствій тѣхъ кому верховная власть вручила управленіе страной, а не то измѣнчивое сборище которое именуетъ себя политическими партіями и имѣетъ притязаніе замѣнить рѣшеніе живой воли сознающей себя и свою отвѣтственность предъ Богомъ и страной коллективнымъ рѣшеніемъ ариѳметическаго большинства, въ которомъ исчезаетъ для каждаго сознаніе личной отвѣтственности, эта вѣрнѣйшая гарантія политической честности, совѣсти и ума. „Положеніе занимаемое правительствомъ," сказалъ князь Бисмаркъ, „я считаю болѣе сильнымъ ручательствомъ за упроченіе государственнаго устройства чѣмъ парламентъ." Бросивъ этотъ вызовъ прямо въ лицо всѣмъ парламентскимъ партіямъ, князь Бисмаркъ тутъ же отрекся и отъ той награды которая бываетъ главною приманкой для государственныхъ дѣятелей низшей пробы. За популярностью онъ не гонится, и предоставляетъ ей гоняться за нимъ. Доколѣ власть ввѣренная ему главой государства у него въ рукахъ, онъ будетъ дѣйствовать согласно *своимъ* убѣжденіямъ не жертвуя ими ради дешевой популярности. Ему хорошо памятно что великія дѣла удалось ему совершить не при помощи парламентскаго большинства, а вопреки упорному противодѣйствію которое по очереди оказывала ему каждая изъ парламентскихъ партій.

Ставъ выше партій и въ самомъ принципѣ отвергнувъ ихъ право на рѣшительный голосъ въ руководствѣ дѣлами управленія, князь Бисмаркъ предоставилъ каждой примкнуть къ нему и принять участіе въ разработкѣ *его* программы. Онъ символически выразилъ это на обѣдѣ который давалъ въ четвергъ представителямъ парламентскихъ фракцій. За обѣдомъ онъ посадилъ около себя по одну сторону вожака національ-либераловъ, г. Бенигсена, а по другую главу клерикальной партіи, г. Франкенштейна. Тотъ или другой пред-

назначается княземъ Бисмаркомъ въ ближайшіе себѣ помощники, смотря по тому какая изъ представляемыхъ ими партій скорѣе примкнетъ къ объявленной имъ программѣ.

Въ чемъ же тайна силы князя Бисмарка и успѣховъ его политики? Вся сила его и вся тайна его успѣховъ заключается въ патріотической программѣ его политики и въ авторитетѣ который сообщается ему незыблемымъ довѣріемъ его государя. Еслибы между монархомъ и его совѣтникомъ не было единства видовъ и полнаго довѣрія, еслибы тотъ или другой колебался, исчезло бы обаяніе силы въ дѣйствіяхъ правительства, не было бы тѣхъ блистательныхъ успѣховъ какими возвеличилась въ послѣдніе годы Германія, не было бы великаго государственнаго дѣятеля какимъ вышелъ князь Бисмаркъ, а вмѣсто того былъ бы только задорный померанскій юнкеръ и безсильный спорщикъ, не было бы объединенной Германіи, не было бы императора Германскаго, могущественнаго, славнаго, исполнившаго завѣтъ стольких поколѣній своего народа. Исторія вмѣнитъ императору Вильгельму въ безсмертную заслугу то что онъ умѣлъ стать выше побужденій мелкаго тщеславія, выше личныхъ предпочтеній, выше придворныхъ вліяній, что онъ всѣ соображенія подчинилъ требованіямъ національной политики, что онъ былъ неколебимъ въ своихъ рѣшеніяхъ внушенныхъ долгомъ предъ своею страной, и что онъ создалъ для ней Бисмарка...

Б.

Германское правительство продолжаетъ принимать энергическія мѣры противъ пропаганды соціалистовъ. Такъ еще на дняхъ продолжено еще на годъ, постановленіемъ Союзнаго Совѣта, осадное положеніе въ Берлинѣ. А при открытіи рейхстага ему передана офиціальная записка содержащая въ себѣ отчетъ о мѣрахъ принятыхъ правительствомъ противъ соціальной пропаганды вообще. Изъ этой записки видно что осадное положеніе было объявлено въ прошедшемъ году въ Гамбургѣ, Альтонѣ и Лейпцигѣ. Нѣмецкіе соціалисты, не имѣя права издавать свои газеты въ предѣлахъ Германіи, ввозятъ массами тайные листки печатанные въ Швейцаріи и Англіи. Въ послѣднее время обнаруживались неоднократно попытки революціонной пропаганды проникнуть въ ряды арміи. Но противъ этого пагубнаго покушенія, какъ сказано въ запискѣ, приняты самыя дѣятельныя мѣры. Точно также правительство стало зорко слѣдить за тѣмъ чтобы чрезъ таможни не пробирались, подъ видомъ товаровъ, ввозившіяся прежде цѣлыми тюками заграничныя революціонныя изданія. Въ Лейпцигѣ и вообще въ Саксоніи, тайная организація соціалъ-демократовъ приняла широкіе размѣры; но правительство сумѣло вскорѣ раскрыть эту организацію, во главѣ которой стоитъ *исполнительный комитетъ* изъ 9 лицъ, сосредоточившій въ своихъ рукахъ нити соединяющія оный со всѣми группами соціалъ-демократовъ въ Германіи.

„Вся эта организація,“ сказано въ заключеніи записки, „является тѣмъ болѣе опасною что въ тайныхъ совѣщаніяхъ лейпцигскихъ соціалъ-демократовъ, какъ достовѣрно дознано, принимали въ послѣднее время живое участіе и многіе представители иностранныхъ, *преимущественно русскихъ*, революціонеровъ, и есть несомнѣнные признаки что между нѣмецкими соціалъ-демократами въ послѣднее время значительно созрѣли идеи (которыя большинство нѣмецкихъ соціалистовъ прежде отвергало) о необходимости насильственнаго переворота.

Не странно ли однако что, въ виду офиціально подтвержденной такимъ образомъ тѣсной связи между революціонерами и особенно между нѣмецкими и русскими нигилистами, вопросъ объ установленіи международныхъ карантиновъ противъ этой всесвѣтной заразы, впервые открыто возбужденный весной этого года въ германскомъ рейхстагѣ, до сихъ поръ не подвинулся ни на шагъ?

№ 322.

Москва, 19-го ноября.

Находящіяся на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта предположенія объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ крестьянами остающимися еще въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, вотъ самая крупная новость. Нельзя сказать чтобы проектируемая мѣра была неожиданностью. О ней говорили давно, и она стала въ общемъ мнѣніи дѣломъ неизбѣжнымъ когда, при наступленіи срока опредѣленнаго По-

ложеніемъ для переоброчки земель отведенныхъ въ пользованіе временно-обязанныхъ крестьянъ, рѣшено было эту переоброчку отсрочить. Такая отсрочка была нарушеніемъ буквы Положеній, но вызывалась общимъ ихъ направленіемъ. Въ случаѣ переоброчки, значительной массѣ населенія пришлось бы выкупать свои земельные надѣлы на иныхъ основаніяхъ, совсѣмъ не по тѣмъ цѣнамъ по какимъ выкупались совершенно такіе же надѣлы въ непосредственномъ сосѣдствѣ крестьянскими обществами приступившими къ выкупу какимъ-нибудь годомъ ранѣе. Въ глазахъ крестьянъ такое измѣненіе выкупныхъ цѣнъ могло́ бы получить характеръ несправедливаго неравенства. Тамъ гдѣ выкупныя цѣны были бы понижены сочли бы себя обиженными тѣ которые раньше пошли на выкупъ; наоборотъ, при повышеніи цѣнъ, оказались бы обиженными тѣ кому не удалось ранѣе выкупить надѣлы, можетъ-быть по обстоятельствамъ зависѣвшимъ не отъ однихъ крестьянъ. Ничего подобнаго не бываетъ въ области свободныхъ частныхъ сдѣлокъ купли и продажи земель: ни одинъ покупщикъ не въ правѣ роптать на то что земля пріобрѣтена имъ дороже чѣмъ его сосѣдомъ; но вѣроятно каждый сталъ бы роптать еслибъ онъ становился земледѣльцемъ не по своей, а по чужой волѣ и еслибы повинность пріобрѣтенія земли падала на него или на его сосѣдей неравномѣрною тягостью. А именно въ этомъ послѣднемъ положеніи находится вся масса освобожденныхъ крестьянъ. Не по личнымъ разчетамъ каждаго изъ нихъ, а въ силу постановленнаго государствомъ принципа вся масса ихъ должна была стать землевладѣльцами. Выкупные платежи получили вслѣдствіе этого значеніе какъ бы особой подати взимаемой ради обращенія массы населенія въ землевладѣльцевъ. Именно такъ и смотрятъ на свои выкупные платежи крестьяне въ большинствѣ случаевъ, включая оные въ общій итогъ падающихъ на нихъ сборовъ, и не дѣлая различія между составными частями изъ которыхъ этотъ итогъ образуется. Но первое условіе всякаго податнаго обложенія есть его уравнительность. Ради соблюденія этой уравнительности, найдено необходимымъ отсрочить переоброчку и затѣмъ устранить всякую въ ней надобность посредствомъ обязательнаго выкупа. Въ видахъ соблюденія той же уравнительности, нельзя было допустить пониженія выкупныхъ платежей въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ до уровня ходячей земельной ренты, какъ нельзя поднять выкупные платежи въ черноземной полосѣ до тамошняго уровня этой ренты. Извѣстная агитація, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ сряду, стремилась нарушить принципъ этой уравнительности, не обращая вниманія на тѣ послѣдствія къ которымъ это нарушеніе могло бы повести; она стремилась сдѣлать для одной части населенія то что̀ невозможно сдѣлать для другой, благодѣтельствуя части въ ущербъ цѣлому и заставляя однихъ завидовать другимъ. Но, слава Богу, эта агитація не имѣла успѣха. Вопросъ о выкупныхъ платежахъ рѣшенъ въ смыслѣ общаго уравнительнаго пониженія выкупной подати, съ исключительнымъ пониженіемъ ея лишь въ тѣхъ случаяхъ гдѣ она, по мѣстнымъ условіямъ, оказывается несоразмѣрною не съ уровнемъ арендныхъ цѣнъ на землю, а со средствами плательщиковъ. Эти проектированныя основанія пониженія выкупныхъ платежей предположено примѣнить и къ обязательному выкупу, бывшему предметомъ обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ.

Пониженіе выкупныхъ платежей есть льгота даруемая всѣмъ безъ исключенія крестьянамъ выкупившимъ свои надѣлы. Обязательный выкупъ распространяетъ эту льготу и на тѣхъ кто донынѣ оставались въ переходномъ положеніи временно-обязанныхъ отношеній. Земельные надѣлы перейдутъ въ ихъ собственность, безъ обиды сосѣдямъ, дешевле чѣмъ это бывало до сихъ поръ. Благодаря обязательному выкупу на проектированныхъ основаніяхъ, оброчные платежи замѣнятся болѣе легкими выкупными окладами.

Такой видъ имѣетъ дѣло обязательнаго выкупа по отношенію къ интересамъ крестьянъ; но такимъ ли представляется оно съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ? Серіознаго нарушенія этихъ послѣднихъ интересовъ въ обязательномъ выкупѣ мы не усматриваемъ. Напротивъ, намъ кажется что окончательное упраздненіе временно-обязанныхъ отношеній, носившихъ на себѣ какъ бы нѣкоторый отпечатокъ отшедшаго въ вѣчность крѣпостнаго права, есть дѣло неизбѣжное, требуемое интересами обѣихъ сторонъ. Когда отдалялся срокъ переоброчки, въ этой отсрочкѣ мож-

но было видѣть нѣкоторое нарушеніе того права собственности помѣщиковъ на отошедшія къ крестьянамъ земли которое было опредѣлено Положеніемъ. Но какъ только эта отсрочка стала фактомъ, сохраненіе номинальнаго права собственности на крестьянскія земли должно было въ значительной мѣрѣ утратить для помѣщиковъ значеніе реальнаго интереса. Ничей крупный интересъ болѣе не былъ препятствіемъ къ тому чтобы вывести эти земли изъ ихъ неопредѣленнаго, межеумочнаго положенія не то помѣщичьихъ не то крестьянскихъ, со всѣми обоюдными невыгодами къ какимъ можетъ вести, если не въ настоящемъ то въ будущемъ, подобная неопредѣленность. Эти соображенія позволяютъ думать что обязательный выкупъ будетъ встрѣченъ помѣщиками вообще какъ мѣра полезная и благовременная и не вызоветъ съ ихъ стороны общихъ возраженій. Но частныя возраженія возможны, и нѣкоторыя изъ нихъ можетъ-быть несправедливо было бы не принять въ уваженіе. Такъ, напримѣръ, въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ совершался большею частью не иначе какъ при условіи дополнительныхъ платежей, утрата права на эти послѣдніе платежи можетъ явиться серіознымъ ущербомъ для помѣщиковъ, и они могутъ спросить почему обязательный выкупъ, устанавливаемый въ общихъ государственныхъ интересахъ, долженъ лечь всею своею тягостью на нихъ однихъ, а не на все государство.

Обязательнымъ выкупомъ будетъ завершено рѣшеніе одной изъ задачъ поставленныхъ освобожденіемъ крестьянъ. Но множество другихъ задачъ того же порядка до сихъ поръ едва только намѣчены; къ рѣшенію нѣкоторыхъ не сдѣлано даже приступа. Государство взяло на себя обезпечить крестьянъ землей послѣ того какъ надѣлъ ихъ ею, вслѣдствіе отмѣны крѣпостнаго права, пересталъ входить въ интересы помѣщиковъ. Но при крѣпостномъ правѣ, крестьяне пользовались отъ помѣщика, для обезпеченія своего быта, не одною землей, но еще постоянною заботой о нихъ, поддержкой при всякихъ невзгодахъ, защитой отъ притѣсненій со стороны. Все это было однимъ изъ существенныхъ условій благосостоянія крестьянъ, и это утраченное условіе ихъ благосостоянія ничѣмъ по нынѣ не восполнено. Временнымъ восполненіемъ его, и то лишь отчасти, была власть мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Но благотворное дѣйствіе этой стоявшей въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ власти слабѣло по мѣрѣ того какъ, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, должность мироваго посредника теряла свое первоначальное значеніе, и исчезло совсѣмъ съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ и съ замѣною ихъ чуждыми непосредственныхъ связей съ крестьянствомъ бюрократическими учрежденіями — уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Между тѣмъ указанный пробѣлъ крайне вредно отзывается на всемъ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ это не разъ замѣчалось. „Нельзя не замѣтить пробѣла въ нашемъ земельномъ устройствѣ, выражающагося въ отсутствіи такихъ учрежденій которыя могли бы замѣнить благоразумнаго помѣщика поддерживавшаго крестьянъ въ ихъ борьбѣ съ несчастными случайностями, такъ тяжко отзывающимися на ихъ скромномъ хозяйственномъ бюджетѣ,“ писалъ г. Д. В., авторъ статьи „Крестьянское дѣло и его современная постановка,“ въ августовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за прошлый годъ. „Подобныя учрежденія, еслибъ ихъ удалось организовать,“ писали мы годъ тому назадъ по тому же поводу, „могли бы уменьшить вредное вліяніе на крестьянское хозяйство не только несчастныхъ случайностей, но и болѣе постоянныхъ причинъ ведущихъ къ разоренію, то-есть лѣни и пьянства, на которыя такъ горько жаловались гласные изъ крестьянъ Московскаго уѣзднаго земскаго собранія. Помощью такихъ учрежденій, вѣроятно, могли бы быть устранены и тѣ печальные результаты какими сопровождается часто ревность не по разуму при взысканіи податей и недоимокъ, когда цѣной временной очистки недоимокъ плательщики превращаются въ хроническихъ недоимщиковъ.“ Та же мысль высказывается многими, ее высказываетъ, между прочимъ, и хорошо знакомый съ крестьянскимъ бытомъ г. Д. Г., авторъ статьи „Крестьянскія нужды,“ на которую на дняхъ мы обращали особенное вниманіе читателей.

А безурядица въ крестьянскомъ самоуправленіи, значеніе которой такъ наглядно раскрываетъ авторъ этой послѣдней статьи? Много ли пользы принесутъ какія бы то ни было мѣры принимаемыя въ ви-

дахъ подъема крестьянскаго благосостоянія, пока не будетъ устранена безурядица парализующая ихъ силу? Проектирована, напримѣръ, рублевая скидка выкупныхъ платежей. Но гдѣ гарантіи того что вся льгота этой скидки не будетъ поглощена возрастаніемъ невѣдомо куда идущихъ мірскихъ сборовъ? А эти сборы, напримѣръ въ той мѣстности гдѣ дѣлалъ свои наблюденія г. Д. Г., въ краткій періодъ истекшій со времени упраздненія мировыхъ посредниковъ, успѣли увеличиться втрое, съ 20 коп. до 60 коп. на десятину, съ 2 р. до 6 р. на домохозяина. И на какія только небывалыя статьи расходовъ нейдутъ эти собираемые съ темнаго беззащитнаго крестьянскаго люда мірскіе сборы при господствующихъ и никого не заботящихъ безпорядкахъ въ крестьянскомъ управленіи! Помимо возрастанія и безконтрольнаго расходованія мірскихъ сборовъ, помимо расхищенія и мірскихъ капиталовъ, и общественныхъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, въ какихъ только видахъ не проявляется наглая эксплуатація крестьянъ органами крестьянскаго управленія! Спросите объ этомъ прежнихъ мировыхъ посредниковъ добросовѣстно исполнявшихъ лежащія на нихъ обязанности и имѣвшихъ возможность близко ознакомиться съ этою невзрачною стороной крестьянскаго быта. Тѣмъ съ бо́льшимъ упованіемъ смотритъ каждый кому дорого благо страны на возвѣщенный приступъ къ преобразованію крестьянскаго управленія, въ связи съ реформой всѣхъ частей мѣстнаго управленія въ уѣздахъ и губерніяхъ.

Но и съ желательнымъ преобразованіемъ крестьянскаго управленія далеко еще не будутъ рѣшены всѣ хотя бы только самыя главныя, настоятельнѣйшія задачи поставленныя совершившимся двадцать лѣтъ назадъ упраздненіемъ крѣпостныхъ отношеній и всѣхъ связанныхъ съ ними порядковъ. Много ли сдѣлано у насъ, напримѣръ, по предмету приспособленія кредита къ нуждамъ поземельной собственности въ ея новомъ распредѣленіи? А столько разъ возбуждавшійся и донынѣ не рѣшенный вопросъ о наймѣ рабочихъ, столь важный для всего населенія и въ которомъ равно заинтересованы какъ наниматели, такъ и нанимающіеся?

№ 323.

Москва, 20-го ноября.

Французскій сенатъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ 300 членовъ; изъ нихъ 75 пожизненныхъ или *несмѣняемыхъ* сенаторовъ выбираются самимъ сенатомъ, а остальные 225 назначаются на девятилѣтній срокъ представителями отдѣльныхъ департаментовъ Франціи. Выборъ этихъ *смѣняемыхъ* сенаторовъ происходитъ по третямъ, такъ что каждые три года 75 сенаторовъ, по заранѣе опредѣленной очереди, выбываютъ изъ сената, послѣ чего избравшіе ихъ департаменты или снова ихъ избираютъ или же замѣняютъ ихъ новыми сенаторами. Въ сенаторскихъ выборахъ участвуетъ не все народонаселеніе департамента, какъ это бываетъ при депутатскихъ выборахъ, а особая избирательная коллегія, состоящая: 1) изъ депутатовъ департамента, 2) изъ членовъ департаментскихъ и окружныхъ совѣтовъ и 3) изъ делегатовъ всѣхъ муниципальныхъ совѣтовъ департамента. Съ этою цѣлью каждый муниципальный совѣтъ (городская дума) выбираетъ за мѣсяцъ до дня назначеннаго для выбора сенаторовъ по *одному* делегату, но въ виду многочисленности городскихъ общинъ въ каждомъ департаментѣ, эти делегаты составляютъ значительное большинство въ департаментской избирательной коллегіи, такъ что по политическому характеру муниципальныхъ делегатовъ можно довольно вѣрно судить и о политическомъ значеніи предстоящихъ сенаторскихъ выборовъ.

Первая серія смѣняемыхъ сенаторовъ была обновлена 5 января 1879 года, а 8 января 1882 года должна обновиться вторая серія 75 сенаторовъ, принадлежащихъ къ 31 департаменту. Въ прошлое воскресенье 27 (15) ноября 1.333 муниципальныхъ совѣта этихъ департаментовъ выбрали своихъ делегатовъ для участія въ сенаторскихъ выборахъ, и теперь уже можно предвидѣть что большинство новыхъ сенаторовъ, а слѣдовательно и всего сената, будетъ въ пользу *пересмотра конституціи* и что такимъ образомъ г. Гамбеттѣ готовится новая побѣда на его пути къ фактической диктатурѣ.

Вопросъ о пересмотрѣ конституціи будетъ отнынѣ первенствующимъ вопросомъ французской внутренней политики.

Конституція 28 февраля 1875 года была результатомъ продолжительной и ожесточенной борьбы всѣхъ разнородныхъ партій, засѣдавшихъ въ Національномъ Собраніи, и могла возникнуть только вслѣдствіе цѣлаго ряда болѣе или менѣе вынужденныхъ компромиссовъ. Вслѣдствіе этого никто въ сущности не былъ ею доволенъ и всѣ партіи надѣялись въ скоромъ будущемъ пріобрѣсти настолько силы въ парламентѣ чтобъ измѣнить конституцію по своему личному вкусу. Такъ напримѣръ монархисты вполнѣ были увѣрены что во время президентства маршала Макъ-Магона они настолько успѣютъ пріобрѣсти вліяніе что въ 1880 году, когда кончилось бы семилѣтнее президентство маршала, имъ удастся пересмотрѣть конституцію въ томъ смыслѣ чтобъ изъ республики сдѣлать королевство или имперію. Но у маршала явился неожиданный противникъ въ лицѣ г. Гамбетты, который принудилъ его раньше срока сложить съ себя власть президента и уступить мѣсто республиканцу Греви. Надежды монархистовъ рушились, и толки ихъ о пересмотрѣ конституціи умолкли.

Но въ это время усилилась во Франціи другая партія, не участвовавшая въ созданіи конституціи 1875 года, партія радикальная, которая смѣнила монархистовъ въ роли реформаторовъ конституціи, но съ совершенно противоположною цѣлью. Представители этой партіи, гг. Клемансо, Бароде, Рошфоръ, Луи Бланъ и другіе, находили конституцію 1875 года слишкомъ консервативною и требовали пересмотра ея для совершеннаго устраненія правительственной власти въ лицѣ президента республики, для упрощенія законодательной власти посредствомъ уничтоженія сената и для предоставленія полной, почти неограниченной свободы отдѣльнымъ городскимъ и сельскимъ общинамъ.

Энергическимъ противникомъ этихъ коммунистическихъ требованій выступилъ тотъ же человѣкъ который одержалъ побѣду надъ монархическими требованіями—г. Гамбетта. Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года, во время своей извѣстной поѣздки въ Кагоръ, онъ самымъ категорическимъ образомъ выступилъ защитникомъ существующей конституціи вообще и сената въ особенности, противъ котораго въ то время ополчался г. Бароде во главѣ всей радикальной партіи. Но при этомъ г. Гамбеттой руководило не столько уваженіе къ существующимъ органическимъ законамъ, сколько болѣе личные разсчеты. Онъ стоялъ въ то время во главѣ преобразовательнаго движенія, долженствовавшаго подчинить депутатскіе выборы его личному вліянію, и рекомендованный имъ законъ о „выборахъ по департаментскому списку“ только-что былъ принятъ палатой депутатовъ и внесенъ въ сенатъ. Выступая защитникомъ сената г. Гамбетта надѣялся заручиться расположеніемъ сенаторовъ, которые изъ чувства благодарности должны были, по его разсчетамъ, одобрить дорогую ему избирательную реформу.

Но сенаторы, какъ извѣстно, не поддались на ласки г. Гамбетты и отвергли его законъ. Этого было достаточно. Въ одно мгновеніе г. Гамбетта изъ защитника превратился въ яраго противника сената. Онъ объявилъ его врагомъ демократической Франціи, и въ іюнѣ, въ своей турской рѣчи, потребовалъ пересмотра конституціи съ цѣлью „сообразовать сенатъ съ демократическимъ духомъ Франціи“.

Съ изумительною быстротой г. Гамбетта организовалъ во всей странѣ сильнѣйшую агитацію противъ сената. Когда въ іюлѣ мѣсяцѣ открылась избирательная кампанія предъ депутатскими выборами, то всѣ кандидаты принуждены были высказываться предъ своими избирателями *за* сенатъ или *противъ* него. Громадное большинство кандидатовъ дѣлало послѣднее заявленіе. Попробовалъ было бороться съ бывшимъ диктаторомъ тогдашній министръ-президентъ Жюль Ферри, возстававшій противъ всякаго измѣненія конституціи, но и онъ предъ самыми выборами понялъ всю силу своего противника и смиренно предъ нимъ склонился.

Происшедшіе при этихъ условіяхъ депутатскіе выборы дали для г. Гамбетты вполнѣ благопріятные результаты. Болѣе 400 депутатовъ стояло за пересмотръ конституціи съ цѣлью ограниченія правъ сената.

Но этого еще далеко не было достаточно для полнаго успѣха г. Гамбетты. По § 8 конституціи, пересмотръ ея возможенъ только въ томъ случаѣ если на это дадутъ согласія какъ палата депутатовъ, *такъ и сенатъ*. Весь вопросъ заключается слѣдовательно въ томъ, какимъ образомъ г. Гамбеттѣ удастся склонить самихъ сенаторовъ къ пересмотру конституціи и къ реорганизаціи сената?

По тому же параграфу конституціи палата депутатовъ и сената изъявивъ желаніе пересмотрѣть конституцію должна соединиться въ конгрессъ, который только и имѣетъ право измѣнять конституціонные законы. Въ этомъ конгрессѣ депутаты составляютъ почти двѣ трети (557), а сенаторы только одну треть (300) членовъ. Поэтому сенаторы вообще очень опасаются конгрессовъ, гдѣ они по необходимости принуждены во всѣхъ вопросахъ находиться въ меньшинствѣ. Теперь же г. Гамбеттѣ предстоитъ убѣдить сенаторовъ согласиться на конгрессъ, когда пересмотръ конституціи касается исключительно самихъ сенаторовъ и когда большинство этихъ сенаторовъ въ высшей степени озлоблены противъ г. Гамбетты. Не удивительно поэтому что многіе предсказывали полное фіаско предпріимчивому адвокату. Даже такая чисто республиканская газета какъ *Journal des Débats*, органъ либеральнаго сенатора и извѣстнаго журналиста Джона Лемуанна, доказывала съ полнѣйшею наглядностію что г. Гамбетта сдѣлалъ роковую ошибку предпринявъ походъ противъ сената и что онъ „сломитъ себѣ шею въ этомъ походѣ". „Главная опасность", писалъ г. Лемуаннъ, „заключается въ томъ что если соберется конгрессъ, то неизвѣстно когда онъ разойдется, ибо если онъ начнетъ пересматривать конституцію, то ему придется разсматривать такую массу различныхъ проектовъ и контръпроектовъ всѣхъ разнородныхъ партій, что надъ ихъ разборомъ придется просидѣть не одинъ мѣсяцъ; чѣмъ кончится этотъ пересмотръ, предвидѣть невозможно, но во всякомъ случаѣ онъ сильно пошатнетъ неуспѣвшую еще окрѣпнуть конституцію и подорветъ довѣріе къ ней; на это сенатъ никогда не согласится."

И что же оказалось? Г. Гамбетта неожиданнымъ образомъ предложилъ въ своей *République Française* такую простую, но замѣчательно ловкую комбинацію что на слѣдующій же день г. Лемуаннъ сразу прекратилъ свою пятимѣсячную полемику противъ пересмотра конституціи и открыто примкнулъ къ сторонникамъ г. Гамбетты.

Комбинація заключается въ слѣдующемъ: „Преобразованіе сената съ цѣлью устранить его оппозицію противъ палаты депутатовъ", говоритъ *République Française*, „находится въ прямой зависимости отъ системы сенаторскихъ выборовъ. Эта система опредѣлена конституціей, и перемѣнить ее можетъ только конгрессъ. А что если мы созовемъ конгрессъ съ тою спеціально опредѣленною цѣлью, чтобъ онъ призналъ систему сенаторскихъ выборовъ лишенною такого значенія и постановилъ опредѣлить ее обыкновеннымъ законодательнымъ путемъ, посредствомъ особаго избирательнаго закона, который, какъ и всѣ обыкновенные законы, сперва будетъ разсмотрѣнъ и принятъ палатой депутатовъ, а затѣмъ и сенатомъ? Для принятія такой резолюціи достаточно будетъ *одного* засѣданія конгресса, который, имѣя такую простую спеціальную задачу, не *будетъ имѣть даже права* пересматривать остальныя статьи конституціи; сенаторамъ слѣдовательно опасаться нечего, для нихъ даже выгоднѣе если сенатская реформа произойдетъ обыкновеннымъ законодательнымъ путемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ они пользуются одинаковыми правами съ палатой депутатовъ, тогда какъ въ конгрессѣ они всегда будутъ находиться въ меньшинствѣ."

Таково предложеніе г. Гамбетты, съ радостью встрѣченное всею республиканскою партіей какъ простѣйшій исходъ изъ запутаннѣйшаго положенія. Подъ впечатлѣніемъ этой радости произошли и выборы муниципальныхъ делегатовъ, такъ что, какъ мы уже сказали выше, новые 75 сенаторовъ, которые будутъ выбраны 8 января будущаго года, присоединятся въ сенатѣ къ друзьямъ г. Гамбетты, и вѣроятно въ январѣ же сенатъ склонится предъ волей своего могучаго противника и принесетъ повинную за свое майское неповиновеніе. Съ такимъ покорнымъ сенатомъ г. Гамбеттѣ управлять будетъ легко, такъ какъ въ покорности палаты депутатовъ ему сомнѣваться нечего. Если ему тогда удастся провести какъ сенаторскую, такъ и депутатскую избирательную реформу, то власть его будетъ обезпечена на долгое время.

№ 326.

Москва, 23-го ноября.

Печатая ниже замѣтку „Торговца" объ обращеніи досрочныхъ купоновъ и процентныхъ бумагъ съ отрѣзанными купонами, пользуемся случаемъ сказать нѣ-

сколько словъ по поводу толковъ вызванныхъ въ печати нашею статьей о томъ же предметѣ (№ 314 *Московскихъ Вѣдомостей*). Остановимся на посвященной вопросу о купонахъ передовой статьѣ въ № 288 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, гдѣ не рѣдко случается встрѣчать дѣльныя, заслуживающія полнаго вниманія сужденія по вопросамъ касающимся денежнаго обращенія.

Существеннаго разногласія между нашею газетой и *С.-Петербургскими Вѣдомостями* по вопросу о купонахъ нѣтъ. Также какъ и мы, онѣ усматриваютъ въ обращеніи купоновъ признакъ „неотраднаго явленія.“ Своимъ вопросомъ, „не желательно ли чтобы купоны представлялись въ казначейство вмѣстѣ съ процентною бумагой ихъ носящею,“ онѣ указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ путь которымъ на практикѣ, какъ онѣ полагаютъ, могъ бы быть пресѣченъ вредъ купоннаго обращенія. Но изъ дѣлаемой ими оцѣнки этого вреда и изъ отрицанія связи между купонами и процентными бумагами обращающимися вмѣсто денегъ, съ одной стороны, и общимъ денежнымъ обращеніемъ, съ другой, видно что *С.-Петербургскія Вѣдомости* упустили изъ вида нѣкоторыя стороны предмета, не лишенныя значенія. Онѣ справедливо замѣчаютъ что тѣ обращающіеся вмѣсто денегъ купоны по которымъ уже наступилъ срокъ уплаты не составляютъ придатка къ общему итогу обращающихся кредитныхъ билетовъ, ибо соотвѣтствующая таковымъ купонамъ сумма кредитныхъ рублей не обращается одновременно съ ними, а лежитъ въ казначействѣ въ ожиданіи предъявленія купоновъ къ размѣну. Но этого нельзя сказать ни о досрочныхъ купонахъ, ни вообще о процентныхъ бумагахъ употребляемыхъ какъ платежныя средства: эти послѣдніе составляютъ положительный придатокъ къ итогу обращающихся кредитныхъ билетовъ, который не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія при сужденіяхъ о нашемъ денежномъ обращеніи. Это должно быть хорошо извѣстно *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* весьма убѣдительными доводами доказывавшимъ, всего за 24 часа предъ отдачей въ печать статьи о которой рѣчь, почти повсемѣстно возрастающую „потребность въ мѣновомъ средствѣ, то-есть деньгахъ или платежныхъ знакахъ, независимо отъ ихъ внутренняго достоинства,“ — потребность, ради удовлетворенія коей, при тѣхъ размѣрахъ бумажно-денежнаго обращенія какіе были у насъ 25—40 лѣтъ тому назадъ, употреблялись какъ платежныя средства имѣвшіе твердую, постоянную цѣнность серіи и вкладные билеты ломбардовъ, а нынѣ пускаются въ оборотъ платежные знаки низшей пробы, купоны и процентныя бумаги съ ихъ измѣнчивою цѣнностію. И роль сихъ послѣднихъ во всякихъ расплатахъ должна у насъ становиться тѣмъ больше чѣмъ менѣе будетъ удовлетворять потребностямъ оборота итогъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Напримѣръ, если этотъ итогъ сократится на 417 милліоновъ рублей которые рѣшено уплатить Государственному Банку изъ средствъ Государственнаго Казначейства, и въ счетъ которыхъ 67 милліоновъ рублей уже уплачено; если эти уплаты пойдутъ на извлеченіе кредитныхъ билетовъ, то нужда заставитъ замѣнить эти отнимаемыя у народа платежныя средства иными, и къ числу нынѣ обращающихся вмѣсто денегъ купоновъ и процентныхъ бумагъ прибавить на 417 милліоновъ (или на бóльшую сумму если потребность въ деньгахъ возрастетъ) таковыхъ же цѣнностей, а пожалуй и еще менѣе годныхъ къ исполненію роли денегъ. Къ этому неминуемо должно привести извлеченіе кредитныхъ билетовъ, хотя, можетъ-быть, господа извлекатели, съ ихъ планами которые должны увеличить государственный долгъ на нѣсколько сотъ милліоновъ и наложить на народъ новый ежегодный налогъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, и строятъ воздушные замки касательно неясныхъ имъ самимъ будто бы добрыхъ результатовъ къ которымъ де приведетъ осуществленіе ихъ плановъ. *С.-Петербургскія Вѣдомости* цѣнятъ эти планы по ихъ достоинству, и мы вполнѣ раздѣляемъ высказанное ими въ № 277 мнѣніе о странной идеѣ заключенія тяжело ложащихся на бюджетъ займовъ для уплаты какого-то воображаемаго долга казны Государственному Банку, то-есть самой себѣ, называемаго долгомъ „только ради отчетности.“

Принявъ во вниманіе вышесказанное, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, полагаемъ, согласятся что порицаемое ими нынѣшнее обращеніе купоновъ и процентныхъ бумагъ не есть результатъ только одной выясненной ими причины—обращенія въ процентныя бумаги, на ряду со свободными капи-

талами, также и капиталовъ оборотныхъ необходимыхъ для разныхъ производствъ. Онѣ вѣроятно согласятся также что вредная сторона обращенія процентныхъ бумагъ и купоновъ заключается не въ одномъ томъ что эти бумаги и купоны конкуррируютъ съ векселями. Тутъ дѣло не въ конкурренціи съ векселями, а въ томъ что самая уплата по векселямъ дѣлается не деньгами, а ихъ суррогатомъ; что въ то самое время когда объявляется величайшимъ государственнымъ зломъ то что у насъ вмѣсто размѣнныхъ кредитныхъ рублей ходятъ кредитные рубли не размѣнные, оставляется безъ вниманія и признается чуть не хорошимъ дѣломъ то что вмѣсто бумажныхъ денегъ ходитъ бумага-товаръ, принимаемая въ платежи скрѣпя сердце за недостаткомъ и дороговизной другихъ средствъ расплаты. Кредиторъ или продавецъ товара поневолѣ берутъ вмѣсто денегъ купоны и процентныя бумаги, ибо иначе рискуютъ не продать товара и не получить въ срокъ долга. Должникъ и покупатель товара не изъ каприза только и не всегда по стремленію прижать, а также и по уважительному разчету расплачиваются не деньгами, а купонами и процентными бумагами: обмѣнъ ихъ на деньги сопровождался бы для нихъ чувствительнымъ убыткомъ; еслибы предъ всякою расплатой плательщики учитывали у мѣнялъ досрочные купоны и продавали въ конторахъ процентныя бумаги, то (по закону спроса и предложенія) цѣны бумагъ должны были бы сильно упасть, а учетъ купоновъ высоко подняться. Но развѣ и безъ того уже не достаточно высоко стоитъ нашъ учетъ, не достаточно низко цѣнятся наши фонды? И можно ли, вникнувъ въ дѣло, отрицать что одну изъ главныхъ причинъ этихъ печальныхъ фактовъ составляетъ именно недостатокъ въ странѣ денегъ, требуемыхъ производящимися въ странѣ оборотами въ гораздо большемъ количествѣ чѣмъ въ какомъ они находятся въ обращеніи? *С.-Петербургскія Вѣдомости*, рисуя невзрачную картину послѣдствій превращенія въ процентныя бумаги оборотныхъ капиталовъ необходимыхъ для производства, негодуютъ на производителей, которые будто бы пріобрѣтали займовыя облигаціи на оборотные капиталы, и обзываютъ ихъ за то спекулянтами. Но точно ли сами производители ухлопали свои оборотные капиталы на пріобрѣтеніе процентныхъ бумагъ? Не произошла ли во многихъ случаяхъ замѣна денежныхъ оборотныхъ капиталовъ фондовыми помимо и вопреки желанію производителей? Что же имъ было дѣлать когда по обстоятельствамъ отъ нихъ независящимъ, въ силу условій нашего стѣсненнаго денежнаго обращенія, всякіе затрачиваемые въ производство капиталы, и денежные и вещественные, возвращаются къ производителямъ (по крайней мѣрѣ въ значительной долѣ) въ видѣ процентныхъ бумагъ съ ихъ купонами? Не брать этихъ бумагъ и требовать денегъ? Да вѣдь при такой требовательности, пожалуй, и самое производство рухнетъ за недостаткомъ сбыта, подъ давленіемъ и туземной, и иностранной конкурренціи поощряемой таможеннымъ и желѣзнодорожными тарифами.

Далѣе, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, какъ намъ кажется, взглянули сквозь розовые очки на неудобства проистекающія для простаго народа отъ обращенія купоновъ вмѣсто денегъ. Имъ показалось что все зло тутъ ограничивается тѣмъ что крестьянинъ, получивъ вмѣсто денегъ досрочный купонъ, окажется обманутымъ когда захочетъ внести этотъ купонъ въ уплату податей; имъ кажется, затѣмъ, что это зло устранится само собою, что обжегшійся на купонахъ крестьянинъ впередъ уже ихъ самъ брать не будетъ. Но чтобы составить себѣ полное, отчетливое понятіе о вредѣ купоннаго обращенія въ народѣ надо помнить что мы имѣемъ тутъ дѣло съ массами темнаго, безграмотнаго люда, который, по своей простотѣ, легко становится жертвой всякой эксплуатаціи, всякаго надувательства. Неграмотному и малограмотному человѣку, не прошедшему сквозь огонь и воду, не только трудно, но почти невозможно освоиться со всѣми тонкостями купоннаго обращенія. Какъ требовать чтобъ онъ умѣлъ безошибочно отличать купонъ въ 2 р. 50 к. отъ купона въ 12 р. 50 к. и зналъ притомъ какого онъ года и мѣсяца и отъ благонадежной ли бумаги отрѣзанъ, когда и кредитные-то билеты различаются имъ главнымъ образомъ по привычнымъ цвѣтамъ и формату? Попробуйте-ка, въ подражаніе англійскимъ банковымъ билетамъ, сдѣлать кредитные билеты всякаго достоинства одной формы и одного цвѣта съ новыми, успѣвшими всѣмъ опротивѣть, 25-рублевыми билета-

ми, и посмотрите что вышло бы изъ такого эксперимента, какимъ бѣдствіемъ обрушился бы онъ на народъ и какой вызвалъ бы ропотъ. А вѣдь обращаться съ купонами дѣло гораздо болѣе мудреное; тутъ и грамотные люди зачастую попадаются въ просакъ: то возьмутъ въ теченіи десяти лѣтъ не предъявленный къ размѣну и потому потерявшій цѣнность купонъ, то не досмотрятъ какъ имъ подсунутъ купонъ по которому нужно десять лѣтъ ждать уплаты, то при всей осмотрительности возьмутъ купонъ отъ какой-нибудь облигаціи С.-Петербургскаго Частнаго Ломбарда, котораго потомъ съ рукъ не сбудешь; каково же вѣдаться со всѣмъ этимъ простому, неграмотному человѣку? Вы говорите что рабочій или крестьянинъ могутъ не брать купона, а требовать денегъ. Нѣтъ, въ огромномъ числѣ случаевъ они не могутъ ставить подобныхъ требованій, подъ опасеніемъ не получить ни денегъ, ни купона, когда деньги выпрашиваются впередъ, или слушать безконечное „приди завтра,“ когда требуются заработанныя деньги, или, наконецъ быть разсчтеннымъ и прогнаннымъ съ лишеніемъ навсегда работы, въ случаѣ взысканія денегъ съ помощію властей. Крестьянинъ привезетъ въ городъ и продастъ возъ дровъ, сложитъ ихъ на дворѣ покупателя и получитъ отъ него купоны; что ему дѣлать? не брать купоны, а накласть дрова опять на телѣгу и везти домой, гдѣ иной разъ деньги нужны до зарѣзу? Во всемъ этомъ, конечно, стоитъ на первомъ планѣ прижимка слабаго сильнымъ. Но осуждая этого сильнаго, нельзя не принять во вниманіе и смягчающихъ его вину обстоятельствъ. Честь и хвала тому коломенскому мочальному фабриканту который, получая досрочные купоны въ уплату за свой товаръ, разсчитываетъ своихъ рабочихъ не этими купонами, а деньгами, принимая на себя весь ущербъ отъ размѣна купоновъ на деньги, ущербъ простирающійся, по словамъ г. Черкасова, до пяти тысячъ рублей ежегодно. Но вѣдь иной фабрикантъ можетъ разсудить и такъ: я самъ принужденъ брать купоны вмѣсто денегъ, почему же не брать ихъ рабочимъ? чѣмъ они лучше меня? почему мнѣ одному должно быть худо? И такія разсужденія могутъ стать общимъ мнѣніемъ если, вслѣдствіе рекомендуемаго иными мудрецами изъятія кредитныхъ билетовъ, эти послѣдніе сдѣлаются столь рѣдкою и малодоступною внѣ большихъ биржъ и банкирскихъ и мѣняльныхъ конторъ вещью что по необходимости придется расплачиваться при крупныхъ счетахъ процентными бумагами, а при мелкихъ купонами.

Намъ остается сдѣлать по поводу статьи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, на которую мы отвѣчаемъ, только одно замѣчаніе. Неужели эта газета говоритъ не въ шутку о какой-то будто бы завязывающейся между нами и *Новымъ Временемъ* полемикѣ по вопросу о купонахъ? Неужели *С.-Петербургскія Вѣдомости* считаютъ серіозною и заслуживающею вниманія статью въ № 2.057 *Новаго Времени*, съ ея сужденіями о золотыхъ пошлинахъ и ихъ значеніи и тому подобными, куріозными по своей наивности, мнѣніями? Развѣ можно серіозно полемизировать съ газетой которая утверждаетъ что опытъ научитъ нашъ темный неграмотный людъ „разчислять цѣну купона съ учетомъ за годъ, за два года и т. д.“ что „очень быстро явятся мѣнялы которые научатъ его обмѣнивать купоны на деньги безъ потери,“ и что съ „потерями неизбѣжными при подобномъ обученіи“ должно мириться? Во всякомъ случаѣ, еслибы статья *Новаго Времени* и показалась на чей-нибудь взглядъ достойною возраженія, мы предоставляемъ честь полемизировать съ ея авторомъ самимъ *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ*. Онѣ имѣютъ къ тому ближайшій поводъ, перепечатавъ въ четвергъ безо всякой оговорки сужденія *Новаго Времени* о чекахъ и тому подобныхъ предметахъ уменьшающихъ потребность въ деньгахъ,—сужденія, которыя, въ интересахъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, не мѣшало бы согласовать съ тѣмъ что было высказано ими самими наканунѣ, въ середу.

Не вступая ни въ какой споръ съ *Новымъ Временемъ* по вопросу о купонахъ, мы находимъ однако не лишнимъ устранить дѣлаемые въ этой газетѣ намеки будто печатаемыя въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* передовыя статьи принадлежатъ не намъ, а какому-то „оригинальному экономисту.“ Намъ не разъ случалось заявлять что „*Московскія Вѣдомости* всегда были и донынѣ остаются непосредственнымъ органомъ только своего издателя, который и несетъ полную отвѣтственность за всѣ сужденія своей газеты излагаемыя въ ея передовыхъ статьяхъ“. Повторяемъ

это заявленіе, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній.

№ 327.

Москва, 24-го ноября.

Лживость увѣреній австрійскихъ газетъ что движеніе между Кривошіянами, а также среди православнаго населенія Босніи и Герцеговины, движеніе явившееся какъ прямое послѣдствіе введенія въ этомъ краѣ воинской повинности, не имѣетъ никакого серіознаго политическаго характера, съ каждымъ днемъ обнаруживается все болѣе и болѣе. Упомянутое распоряженіе Австрійскаго правительства, которое вопреки „образцовому конституціонализму“ господствующему въ Австро-Венгріи, не было вотировано ни въ одномъ изъ многочисленныхъ парламентскихъ собраній Габсбургской монархіи, сдѣлано ровно мѣсяцъ тому назадъ (4 ноября нов. ст.), и съ тѣхъ поръ волненіе въ Босніи и Герцеговинѣ и въ Бокѣ Которской не переставало возрастать, несмотря на осадное положеніе которое немедленно было объявлено, несмотря на посылку туда значительныхъ военныхъ силъ и на цѣлую флотилію блокирующую Которскій портъ, несмотря на смѣну барона Родича, бывшаго намѣстникомъ Далматіи въ теченіе многихъ лѣтъ. Преемникъ генерала Родича не „щадитъ никакихъ усилій“ чтобы положить конецъ этому „разбойническому,“ по увѣренію офиціозной австрійской печати, движенію. Бунтовщики разстрѣливаются десятками, жены и дѣти ихъ заключены въ тюрьму, многія селенія преданы полному разоренію мечомъ и огнемъ; словомъ, усердіе къ возстановленію порядка выказано полное, какъ разъ въ противоположность съ образомъ дѣйствій того же Австрійскаго правительства въ 1875 году.

Контрастъ этотъ весьма понятенъ. Въ то время еще только замышлялась для Австро-Венгріи та „миссія на Востокѣ“ которая такъ блистательно осуществилась для нея „порученіемъ ото всей Европы“ занять на время двѣ турецкія провинціи. Европейская дипломатія ничего, повидимому, такъ не желала въ то время какъ потушить искру грозившую разгорѣться всеобщимъ пожаромъ и предотвратить нежелательную будто бы постановку Восточнаго вопроса. Но всѣ натуги дипломатіи оказались тщетными. Частныя и официальныя конференціи представителей великихъ державъ въ Константинополѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ, ноты графа Андраши и пр., — ничто не помогло, и *das Bischen Herzegovina* стала исходною точкой великихъ событій. Русскимъ оружіемъ нанесенъ былъ смертельный ударъ турецкому владычеству на Балканскомъ полуостровѣ, и плоды русскихъ побѣдъ достались Австріи; ей поручено было отъ имени Европы водворять порядокъ въ Босніи и Герцеговинѣ, но съ сохраненіемъ верховной власти султана надъ этими провинціями. Австро-Венгрія „нехотя“ приняла на себя это порученіе, по крайней мѣрѣ мадьяро-нѣмецкая печать энергически протестовала противъ „непрошенаго приращенія“ австрійскаго владычества. Тѣмъ не менѣе, двѣ турецкія провинціи были отданы во власть Австріи, что̀ совершилось не безъ сопротивленія со стороны все того же неугомоннаго мѣстнаго населенія, не сумѣвшаго по варварству своему проникнуться просвѣщенными видами европейской дипломатіи и почитавшаго для себя австрійское иго не менѣе тягостнымъ чѣмъ турецкое. Однако и послѣ Берлинскаго конгресса прошло не мало времени, въ теченіе коего Австро-Венгрія еще не считала для себя удобнымъ сбросить маску лицемѣрія которую она носила во все продолженіе событій приведшихъ ее къ даровому приращенію ея могущества. Еще въ апрѣлѣ 1879, почти годъ послѣ подписанія Берлинскаго трактата, она заключила конвенцію съ турецкимъ султаномъ, въ которой самымъ положительнымъ образомъ признала верховныя права Порты надъ Босніей и Герцеговиной.

И вдругъ, неожиданно для всѣхъ, Австрійское правительство дѣлаетъ распоряженіе о томъ чтобы населеніе этихъ областей, безъ различія племени и вѣроисповѣданія, было привлечено къ исполненію воинской повинности, наравнѣ со всѣмъ прочимъ населеніемъ Габсбургской монархіи! Ожидать этого никакъ нельзя было въ виду конвенціи съ Портой. Для христіанскаго населенія Босніи и Герцеговины неожиданность эта была тѣмъ тягостнѣе что подъ владычествомъ Турціи христіане никогда не отправляли воинской повинности въ натурѣ; мусульмане же, какъ само собою разумѣется, не могутъ имѣть

желанія стать въ ряду защитниковъ австрійскаго „отечества,“ имѣя въ перспективѣ возможность войны между Австріей и Турціей. Вотъ почему мусульмане и православные христiане Босніи и Герцеговины, равно какъ и южные Далматы (Кривошіяне), до послѣдняго времени упорно отказывавшіеся отъ чести носить австрійскій военный мундиръ, подали другъ другу руку дабы воспротивиться деспотическому и противозаконному распоряженію Австрійскаго правительства. Цѣлый мѣсяцъ выдерживаютъ они отчаянную борьбу, и затушить движеніе не только не удалось, но по послѣднимъ извѣстіямъ оно еще усилилось. Понятно что Австро-Венгерскому правительству теперь приходится дѣйствовать какъ разъ противоположнымъ образомъ сравнительно съ тѣмъ какъ оно дѣйствовало семь лѣтъ тому назадъ. Въ то время устроена была торжественная поѣздка императора Франца-Іосифа въ южную Далматію, и славянскому населенію этого края, родственному и близкому христіанскимъ инсургентамъ возставшимъ противъ турецкаго ига, были оказаны особые знаки милости и вниманія. Намѣстникомъ Далматіи былъ назначенъ Славянинъ баронъ Родичъ, и ему же подчинены были послѣ Берлинскаго трактата Боснія и Герцеговина. Теперь напротивъ Австрійское правительство, по официальнымъ заявленіямъ, рѣшилось дѣйствовать съ безпощадною строгостью. Возставшее населеніе, несмотря на это, продолжаетъ сопротивленіе, а этому необходимо положить конецъ во что̀ бы то ни стало, ибо Австро-Венгрія и безъ того не совсѣмъ увѣрена чтобъ ея безцеремонное распоряженіе, коимъ Боснія и Герцеговина окончательно включены въ составъ Габсбургской имперіи, прошло безъ протеста. Въ Вѣнѣ по крайней мѣрѣ опасались этого гораздо болѣе нежели сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія. И какъ было не ожидать протеста со стороны участниковъ Берлинскаго трактата по смыслу котораго Боснія и Герцеговина отнюдь не были признаны неразрывною частью Австрійской имперіи! Не совсѣмъ выяснена до сихъ поръ исторія происхожденія австро-турецкой конвенціи отъ 21 апрѣля 1879, которою Австрія сама отреклась отъ этихъ провинцій; но самый фактъ заключенія подобной конвенціи служитъ доказательствомъ что два съ половиною года тому назадъ еще существовали очень вѣскія соображенія заставившія Австрію формально отречься отъ присоединенія временно занятыхъ ею провинцій, и едва ли можно допустить чтобъ Австрія уступила въ этомъ отношеніи только настояніямъ Турціи. Какъ бы то ни было, но въ виду этой конвенціи распоряженіе о введеніи въ Босніи и Герцеговинѣ воинской повинности является прямымъ нарушеніемъ международнаго обязательства, торжественно принятаго на себя Австріей. Если Босняки и Герцеговинцы продолжаютъ считаться подданными турецкаго султана, то совершенно немыслимо принужденіе ихъ стать въ ряды арміи, которая можетъ быть двинута противъ ихъ законнаго государя.

Стало-быть Австрія нарушила помянутую конвенцію, а также постановленіе Берлинскаго трактата, коимъ Боснія и Герцеговина переданы ей лишь для опредѣленной и временной цѣли — водворенія порядка.

Протестъ возможенъ со стороны каждаго изъ участниковъ Берлинскаго трактата, и этого-то всего болѣе опасались въ Вѣнѣ.

Но послѣдовалъ ли подобный протестъ?

№ 328.

Москва, 25-го ноября.

А.

Какъ видно изъ полученныхъ нами частныхъ писемъ, вопросъ объ обязательномъ выкупѣ уже началъ затрогивать иные интересы, которыхъ нельзя не принять въ уваженіе при его обсужденіи. По существу своему, проектируемая мѣра не вызываетъ никакихъ возраженій. До насъ пока не доходитъ ни одного голоса противъ полезности и своевременности этой мѣры; ни одного голоса въ защиту нѣкоторыхъ нарушаемыхъ и отмѣняемыхъ ею помѣщичьихъ правъ утвержденныхъ Положеніями 19 февраля. Но многіе въ значительной мѣрѣ смущены неизвѣстностью основаній на которыхъ обязательный выкупъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ что этотъ выкупъ есть мѣра не только справедливая, но и благодѣтельная по отношенію къ крестья-

намъ. Закрѣпляя за ними состоящія въ ихъ пользованіи земли, устраняя всякую возможность повышенія въ будущемъ оброчной ренты, а стало-быть и выкупныхъ платежей, обязательный выкупъ, по извѣстному проекту, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно понижаетъ платежи лежащіе нынѣ на временно-обязанныхъ крестьянахъ, коихъ считается болѣе полутора милліона душъ. Значительная часть изъ нихъ очутятся въ положеніи которому могутъ позавидовать ихъ сосѣди поплатившіеся за свои надѣлы, кромѣ выкупныхъ платежей, еще платежами добавочными. При обязательномъ выкупѣ не можетъ быть и рѣчи ни о какихъ добавочныхъ платежахъ, которые установлены Положеніемъ лишь для тѣхъ случаевъ когда выкупъ совершался по добровольному соглашенію или по инипіативѣ крестьянъ и былъ послѣдствіемъ заявленнаго ими желанія пріобрѣсти въ собственность свою усадебную осѣдлость. Нѣтъ крестьянской инициативы, нѣтъ добровольно выраженнаго съ ихъ стороны согласія на добавочный платежъ, нельзя съ нихъ его и требовать. Дополнительные платежи при такихъ условіяхъ были бы прямымъ нарушеніемъ Положенія, явною несправедливостью ко крестьянамъ. Но съ другой стороны было бы точно такимъ же нарушеніемъ Положенія и неменьшею несправедливостью по отношенію къ помѣщикамъ лишить ихъ права на добавочные (въ размѣрѣ четвертой части выкупной ссуды) платежи. Помѣщикъ лишался этого права лишь въ одномъ случаѣ, если односторонняя инициатива выкупа шла отъ него: требуя выкупа, онъ тѣмъ самымъ добровольно отказывался отъ полученія добавочнаго къ выкупной ссудѣ платежа. Но ни о какомъ добровольномъ отказѣ отъ дополнительныхъ платежей не можетъ быть рѣчи при обязательномъ выкупѣ, гдѣ помѣщикъ является не активнымъ, а пассивнымъ лицомъ. Итакъ, справедливость требуетъ чтобъ обязательный выкупъ совершился, вопервыхъ, безъ наложенія на крестьянъ какихъ бы то ни было дополнительныхъ платежей; вовторыхъ, безъ отнятія у помѣщиковъ права получить полностію дополнительные платежи слѣдующіе имъ по Положенію 19 февраля. Это ясно; но многихъ смущаетъ то что во всѣхъ толкахъ и сообщеніяхъ о предстоящемъ обязательномъ выкупѣ совершенно обходится вопросъ кѣмъ, когда и на какихъ основаніяхъ будутъ уплачены помѣщикамъ слѣдующіе имъ дополнительные платежи. Умолчанія по этому важному пункту даже порождаютъ въ иныхъ умахъ сомнѣніе будетъ ли оказана помѣщикамъ должная справедливость. Припоминая сужденія извѣстной части нашей печати, не упускавшей случая выставить помѣщиковъ въ возможно ненавистномъ видѣ, яко плантаторовъ и эксплуататоровъ крестьянскаго населенія; припоминая затѣмъ какъ нѣкоторыя тенденціозныя сужденія печати находили себѣ отголосокъ и выраженіе въ иныхъ проектахъ и объяснительныхъ къ нимъ запискахъ официальнаго происхожденія,— помѣщики по мѣстамъ готовы встревожиться какъ бы, по недосмотру, вопросъ объ обязательномъ выкупѣ не получилъ односторонняго рѣшенія съ полнымъ пренебреженіемъ интересовъ дворянъ. Въ полученныхъ нами письмахъ преимущественно указывается какъ несправедливо было бы пренебреженіе этихъ послѣднихъ интересовъ не требуемое никакими государственными выгодами и соображеніями.

Особый интересъ представляетъ одно письмо, въ которомъ авторъ, г. М., указываетъ какимъ результатомъ сопровождался бы для него обязательный выкупъ въ его имѣніи. Вотъ что̀ онъ, между прочимъ, пишетъ:

„Имѣніе находится въ Курской губерніи. Земли 927 десятинъ, и вся она безъ остатка въ надѣлѣ 265 душъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Надѣлъ очень хорошій, въ него входятъ обширные и цѣнные конопляники, много заливныхъ, при двухъ рѣкахъ, луговъ. Крестьяне вообще, благодаря Бога, зажиточны, такъ что сверхъ надѣльной земли ими самими куплено еще до 500 десятинъ разныхъ угодій. Выкупная сумма по Положенію 19 февраля въ уставной грамотѣ опредѣлена въ 39.750 рублей и при обязательномъ выкупѣ безъ дополнительнаго платежа, изъ нея теряется восемь тысячъ рублей. Утрата сама по себѣ не малая, но значеніе ея еще увеличивается, если принять во вниманіе что и остальныя 32 тысячи рублей (31.796 р.) будутъ получены вѣроятно въ пятипроцентныхъ билетахъ, что̀, даже при близкомъ къ теперешнему курсѣ, дастъ всего около 28 тысячъ рублей, т.-е. за десятину, которой дѣйствительно существующая цѣна выше 100 р., придется всего по 30 рублей.

„Но угрожающій мнѣ ущербъ будетъ еще болѣе ощутителенъ если сравнить доходъ нынѣшній, основанный на Положеніи 19 февраля, съ ожидаемымъ при обязательномъ выкупѣ. Теперь оброкъ съ этого имѣнія составляетъ 2.385 р., а 32.000 въ 5% билетахъ дадутъ 1.600 р., слѣдовательно получаемый доходъ уменьшится на цѣлую треть. А такъ какъ дѣйствительная цѣнность всякихъ имуществъ выражается въ нхъ доходѣ, то значитъ я лишаюсь третьей части своего имѣнія. Ущербъ тяжелый и тѣмъ болѣе осязательный что никакого другаго состоянія, кромѣ этого имѣнія, у меня нѣтъ.

„За что же, за какую провинность эта потеря третьей части всего состоянія, тогда какъ другимъ, большинству, пришлось получить все полностью, и многимъ даже далеко больше того что они за полученное ими дали сами?"

Замѣтимъ, съ своей стороны, что удовлетвореніе помѣщиковъ слѣдующими имъ по Положенію добавочными платежами обошлось бы государству вовсе не такою дорогою цѣной предъ какою въ такомъ дѣлѣ можно было бы серіозно задуматься. Дополнительные платежи, какъ извѣстно, имѣютъ большое значеніе въ черноземной полосѣ и почти вовсе не въ ходу въ губерніяхъ нечерноземныхъ; само собою разумѣется что при обязательномъ выкупѣ нѣтъ необходимости вознаграждать тѣхъ кто отъ этой мѣры на дѣлѣ никакого ущерба не понесетъ. Но еслибы даже потребовалось выдать единовременно добавочные платежи всѣмъ безъ исключенія помѣщикамъ у которыхъ остались временнообязанные крестьяне,— и въ такомъ случаѣ уплата этого несомнѣнно подлежащаго выдачѣ помѣщикамъ вознагражденія обошлась бы казнѣ дешевле даже одного годичнаго 50-милліоннаго взноса въ уплату мнимаго долга одного казеннаго кармана другому, Государственнаго Казначейства Государственному Банку.

Б.

Не странно ли, спросили мы на дняхъ, не странно ли что вопросъ объ установленіи международныхъ мѣръ противъ революціонной пропаганды, впервые открыто возбужденный весной этого года въ рейхстагѣ, до сихъ поръ не подвинулся ни на шагъ? Дѣйствительно, въ запискѣ представленной германскому рейхстагу нѣтъ ни слова о какихъ-либо международныхъ сношеніяхъ по этому предмету, рекомендованныхъ рейхстагомъ канцлеру. Это тѣмъ страннѣе что лѣтомъ и особенно осенью въ германской печати было не мало толковъ о переговорахъ по этому предмету между правительствами, причемъ начало каждый разъ приписывалось Россіи, а Германіи отводилась роль честнаго маклера. Одно время, именно предъ закрытіемъ прошлой сессіи рейхстага, настойчиво повторялось что сношенія между государствами по вопросу о мѣрахъ противъ пропаганды потерпѣли фіаско, хотя и Германія и Австрія были въ пользу этихъ мѣръ. Теперь предъ самыми выборами въ Германіи, заговорили какъ разъ противоположное. *Кельнская Газета*, а за нею и другія газеты, утверждаютъ что начавшіяся весною сношенія продолжаются. Между кабинетами происходитъ де дѣятельный обмѣнъ мыслей, причемъ основаніемъ переговоровъ служитъ извѣстная резолюція, принятая рейхстагомъ по предложенію Виндгорста, поддержанному вожаками всѣхъ партій за исключеніемъ соціалъ-демократовъ. Резолюція эта, какъ извѣстно, требуетъ чтобы канцлеръ вошелъ въ сношенія съ иностранными правительствами въ видахъ установленія всѣми странами наказуемости за преступныя дѣйствія противъ главы дружественнаго государства, за покушеніе къ тому, за подговоръ другихъ или за открытое на словахъ или на письмѣ подстрекательство. Требовалось далѣе чтобы виновный въ такихъ дѣяніяхъ, скрывшійся въ предѣлахъ участвующаго въ соглашеніи государства, былъ выдаваемъ правительству той страны гдѣ совершено преступленіе.

Резолюція рейхстага была встрѣчена сочувственно и въ Германіи, и за предѣлами ея. Естественно палатѣ желать освѣдомиться о положеніи возбужденнаго ею дѣла. Правда, въ Германіи нѣтъ обычая представлять палатѣ отчеты по иностранной политикѣ и особенно о дѣлахъ еще текущихъ, но въ данномъ случаѣ такого отчета и не требовалось. Правительство могло ограничиться краткимъ сообщеніемъ о положеніи дѣла, подобнымъ тому какое было сдѣлано палатѣ о сношеніяхъ съ папскою куріей.

Или можетъ быть Германское правительство придаетъ послѣднимъ болѣе важное значеніе? Записка говоритъ однако дру-

гое, заявляя что „между германскими соціалъ-демократами въ послѣднее время значительно созрѣли идеи о необходимости насильственнаго переворота“. Эти идеи выразились, между прочимъ, лѣтомъ нѣсколькими угрозами самому имперскому канцлеру, угрозами, по заявленію германской печати, „сдѣланными подъ очевиднымъ вліяніемъ соціально-демократическихъ листковъ“. Изъ году въ годъ Германское правительство продолжаетъ срокъ дѣйствія въ Берлинѣ малаго осаднаго положенія, дающаго ему право высылать изъ города вожаковъ революціонной партіи и препятствовать образованію революціонныхъ центровъ. Въ настоящемъ году малое осадное положеніе пришлось распространить не только на Гамбургъ и Лейпцигъ, но и на сосѣдніе съ первымъ города Гарбургъ и Альтону. Общее число высланныхъ изъ названныхъ городовъ и ихъ окрестностей довольно значительно: такъ изъ Берлина выслано 155, изъ Гамбурга и Альтоны 195 и изъ Лейпцига 70 человѣкъ. Весьма любопытны свѣдѣнія сообщенныя по этому дѣлу нѣмецкими газетами, хотя и не попавшія въ официальную записку. Малое осадное положеніе въ названныхъ городахъ введено не разомъ и не одновременно съ Берлиномъ не безъ особой причины. Еслибы, какъ передавала на дняхъ *Кельнская Газета*, мотивируя введеніе осаднаго положенія въ Гарбургѣ, близь Гамбурга, еслибъ осадное положеніе было введено разомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, то въ Германіи образовалось бы нѣсколько очаговъ заразы. Теперь случилось иначе. Бо́льшая часть изгнанныхъ изъ Берлина соціалистовъ перебралась въ Гамбургъ пользующійся богатыми средствами сообщенія со всѣми мѣстностями Германіи и въ то же время съ заграничными торговыми пунктами. Соціалистамъ дана возможность какъ бы основаться и утвердиться въ Гамбургѣ и затѣмъ нанесли имъ новый ударъ, вынудившій ихъ къ новому переселенію. Одни потянулись въ Гарбургъ и окрестности, другіе въ Лейпцигъ, третьи предпочли удалиться въ Америку. Вводя осадное положеніе въ Гарбургѣ и Лейпцигѣ, правительство вынуждало соціалистовъ къ новому переселенію и къ отправленію новой эмиграціи въ Америку. Эта система пересылки съ мѣста на мѣсто не только безпокоитъ соціалистовъ, но систематически разстраиваетъ денежныя средства партіи, безъ которыхъ они не въ силахъ ни поддерживать семействъ изгнанныхъ лицъ, ни распространять свои листки и брошюры, ни организовать сильныхъ, прикрытыхъ законными цѣлями, ассоціацій. Предполагая, далѣе, рядъ мѣръ къ улучшенію быта рабочихъ съ цѣлью окончательно вырвать ихъ изъ рукъ революціонной пропаганды Германское правительство, повидимому, находитъ для себя болѣе удобнымъ и выгоднымъ не торопиться установленіемъ международныхъ карантиновъ противъ заразы, въ тѣхъ именно видахъ чтобы не задержать этимъ тѣхъ своихъ революціонеровъ кои намѣреваются выселиться въ другія страны.

№ 329.

Москва, 26-го ноября.

Однимъ изъ выдающихся явленій въ области современной европейской политики нельзя не признать замѣтно усилившуюся притязательность и самоувѣренность папской куріи. Послѣ смерти воинствующаго папы Пія IX и избранія на папскій престолъ „кроткаго и миролюбиваго“ Льва XIII, всѣ были убѣждены что въ Европѣ стало меньше однимъ элементомъ раздора и несогласій какъ внутри государствъ, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ. Толковали о томъ что несогласіе воцарилось въ нѣдрахъ самого Ватикана, такъ какъ новый папа обнаруживалъ де склонность къ уступчивости и примиренію съ Италіей и Германіей, между тѣмъ какъ большинство кардиналовъ окружающихъ папскій престолъ, оставаясь вѣрны традиціямъ Пія IX, желали продолженія борьбы въ духѣ прежняго non possumus. Положеніе дѣлъ въ странахъ наиболѣе причастныхъ борьбѣ между государствомъ и Католическою Церковью казалось наиболѣе благопріятнымъ для стремленій „непримиримой“ партіи въ Ватиканѣ. Во Франціи пало правительство, которое явно подчинялось клерикальнымъ внушеніямъ, уступивъ мѣсто рѣшительнымъ республиканцамъ тотчасъ же принявшимся за отмѣну всего что̀ предшественники ихъ уступили въ пользу церковныхъ притязаній. Въ Бельгіи клерикальное министерство пало подъ ударами своихъ либеральныхъ противниковъ. А въ Германіи

католическая партія продолжала свою до крайности рѣзкую оппозицію правительству и при всякомъ удобномъ случаѣ вопила о „Діоклетіановскихъ“ гоненіяхъ на церковь. Первыя распоряженія Льва XIII какъ бы подтверждали мнѣніе что папская курія, убѣдившись въ невозможности восторжествовать въ борьбѣ, смирилась предъ необходимостью и рѣшилась уступить. Папа предписалъ французскимъ епископамъ быть какъ можно осторожнѣе и уступчивѣе относительно республиканскаго правительства, и не усиливать безплоднымъ образомъ раздраженія рѣзкими протестами противъ мѣропріятій подрывавшихъ въ корнѣ могущественное положеніе занятое духовенствомъ при министерствахъ Броля и Бюффе. Съ княземъ Бисмаркомъ велись какіе-то таинственные переговоры, которые, какъ всѣ были увѣрены, должны были привести къ принятію папскою куріей подчиненнаго положенія навязаннаго ей майскими законами и распоряженіями министра Фалька. Была рѣчь и о томъ что папа Левъ XIII готовъ примириться съ Италіянскимъ правительствомъ, и довольствуясь верховною властью надъ Ватиканомъ и его садами, отречься отъ Рима и бывшей Папской Области въ пользу Италіянскаго королевства.

Таинственные переговоры почти со всѣми кабинетами, не исключая (увы!) Россіи, продолжались три года не приведшіе ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ. Но мало-по-малу, почти незамѣтно для глазъ непосвященной публики, положеніе измѣнилось совершенно. Объ уступкахъ и примиреніи говорятъ и теперь; но уступающею стороной является уже не папская курія, а какъ разъ наоборотъ. Въ Германіи всего явственнѣе сказалась эта перемѣна. Исходною точкой послужилъ вопросъ казалось бы весьма отдаленный отъ церковныхъ интересовъ: князь Бисмаркъ перемѣнилъ направленіе внутренней экономической политики правительства, и это привело его въ столкновеніе съ фритредерами, тогда какъ партія центра оказала ему поддержку въ дѣлѣ новаго таможеннаго тарифа, мотивируя эту поддержку именно тѣмъ что въ этомъ дѣлѣ католической партіи нѣтъ никакой надобности расходиться съ правительствомъ, тѣмъ болѣе что протекціонизмъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ея убѣжденіямъ. Но экономическій вопросъ послужилъ только первымъ шагомъ къ сближенію. Съ тѣхъ поръ партія центра настолько же приблизилась къ князю Бисмарку насколько либеральныя фракціи отъ него удалились. Въ послѣднихъ же засѣданіяхъ рейхстага князь Бисмаркъ прямо заявилъ что, въ виду необходимости сдѣлать выборъ между либералами и партіей центра, онъ не колеблясь принимаетъ поддержку послѣдней. Всѣ заявленія единомыслія между имперскимъ канцлеромъ и ультрамонтанами, правда, касаются пока тѣхъ экономическихъ реформъ которыя не имѣютъ никакой связи съ „культурною борьбой.“ Но и самъ князь Бисмаркъ не отрицаетъ того что эта „культурная борьба“ отодвинулась для него нынѣ на второй планъ и что онъ не только склоненъ придти къ соглашенію съ папскою куріей, но ведетъ объ этомъ и теперь дѣятельные переговоры, на благопріятный исходъ которыхъ онъ твердо разчитываетъ. Это князь Бисмаркъ заявилъ въ засѣданіи рейхстага 30 ноября, и въ томъ же засѣданіи онъ высказался по поводу Италіи въ такихъ выраженіяхъ которыя поразительнымъ образомъ совпадаютъ съ тѣми, въ высшей степени аггрессивными, нападками коими въ послѣднее время газеты Ватикана стали осыпать Италіянское королевство. Органы Ватикана возобновили именно походъ въ пользу возстановленія свѣтской власти папы и главнымъ аргументомъ ихъ служитъ указаніе на недолговѣчность Италіянской монархіи, неудержимо стремящейся де къ разложенію и къ превращенію въ республику. То же самое высказалъ и князь Бисмаркъ въ засѣданіи 30 ноября. Прогрессисты упрекали его въ томъ что онъ возводитъ на нихъ обвиненіе въ республиканскихъ тенденціяхъ. На это имперскій канцлеръ отвѣтилъ обзоромъ всѣхъ конституціонныхъ странъ Европы, доказывая что парламентаризмъ вездѣ приводитъ, и не можетъ не привести рано или поздно, къ упраздненію монархіи. Такую судьбу князь Бисмаркъ предсказываетъ въ особенности Италіянской монархіи.

Замѣчаніе князя Бисмарка относительно Италіи газеты приводятъ въ связь со слухомъ упорно держащимся въ послѣдніе дни, будто папа имѣетъ намѣреніе покинуть Италію, и что онъ просилъ Германское правительство отвести ему для резиденціи городъ Фульда въ Баваріи. Подтвержденіемъ этого слуха, равно какъ и

того что объ этомъ идутъ теперь дѣятельные переговоры и что Германское правительство склоняется на предложеніе папы, послужила статья появившаяся надняхъ въ газетѣ *Post*. Офиціозная газета доказываетъ что для папы свѣтская власть есть необходимость, и что самымъ лучшимъ средствомъ добиться возвращенія Рима и окружающей его области во власть папы было бы, при настоящихъ обстоятельствахъ, самовольное изгнаніе. „Совершенно невѣрно мнѣніе,“ разсуждаетъ органъ князя Бисмарка, „будто папа перестанетъ быть папой коль скоро онъ покинетъ Римъ. Совсѣмъ наоборотъ; пока онъ въ Римѣ занимаетъ положеніе подданнаго Италіянской монархіи онъ будетъ во всякомъ другомъ мѣстѣ болѣе папой нежели въ Римѣ. Но самовольное изгнаніе не только послужило бы къ тому чтобъ освободить папу отъ положенія ставшаго невыносимымъ, *оно было бы могучимъ орудіемъ къ разрушенію Италіянской монархіи.*“ Газета *Post* убѣждена въ этомъ по тому что удаленіе папы изъ предѣловъ Италіи распалило бы до послѣдней крайности вражду между духовенстомъ и радикальными элементами. На первыхъ порахъ это быть-можетъ ускорило бы торжество республиканцевъ. Но въ концѣ концевъ, и быть-можетъ послѣ великой войны, въ которой на поддержку республики въ Италіи выступила бы Французская республика, дѣло окончилось бы побѣдой монархически - консервативнаго элемента и реставрація монархіи привела бы неминуемо и къ возстановленію свѣтской власти папы.

Таково мнѣніе проповѣдуемое нынѣ офиціозною печатью въ Берлинѣ; а что мнѣнія этого не чуждъ князь Бисмаркъ, это доказывается взглядомъ имъ самимъ высказаннымъ въ рейхстагѣ. Отсюда и выводятъ заключеніе что быть-можетъ весьма близко переселеніе Римскаго папы въ предѣлы Германской имперіи.

Замѣчательно что по свидѣтельству извѣстнаго г. Буша, въ его книгѣ о князѣ Бисмаркѣ, появившейся три года тому назадъ, уже въ 1870 году, тотчасъ послѣ паденія свѣтской власти папы, была рѣчь о его переселеніи въ Фульду. Предложеніе исходило отъ папской куріи, и князь Бисмаркъ, передавая объ этомъ своимъ приближеннымъ, во время стоянки въ Версали, находилъ этотъ планъ весьма осуществимымъ и для Германіи желательнымъ...

№ 330.

Москва, 27-го ноября.

Однимъ изъ немногихъ условій Санъ-Стефанскаго договора которыя Берлинскій конгрессъ удостоилъ своимъ утвержденіемъ было условіе о военныхъ издержкахъ, за которыя Турція обязалась вознаградить Россію въ суммѣ трехсотъ милліоновъ рублей. Россія, правда, и по Санъ-Стефанскому договору не послѣдовала примѣру данному въ 1871 году Германіей, образъ дѣйствій которой получилъ молчаливую санкцію Европы и можетъ почитаться нынѣ установленнымъ обычаемъ права войны, такъ какъ требованіе Франкфуртскаго трактата о пяти милліардахъ не только „вошло въ законную силу,“ но и было исполнено безпощадно и буквально. Россія не выговорила себѣ права удержать подъ секвестромъ извѣстныя провинціи побѣжденной страны доколѣ долгъ не будетъ уплаченъ. Мало того: представитель Россіи въ Лондонѣ еще до Берлинскаго конгресса далъ формальное увѣреніе лорду Солсбери что „Россія и въ мысляхъ не имѣла замѣнить денежное вознагражденіе территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ и готова дать въ этомъ ручательства.“ Когда затѣмъ на конгрессѣ былъ поставленъ вопросъ объ указанномъ пунктѣ Санъ-Стефанскаго договора, то графъ Шуваловъ заявилъ что „онъ уполномоченъ объявить отъ имени своего правительства что Россія ни въ какомъ случаѣ не будетъ домогаться замѣны денежнаго вознагражденія территоріальною уступкой.“ Такъ было записано въ одиннадцатомъ протоколѣ засѣданій конгресса съ добавленіемъ что заявленіе графа Шувалова принято конгрессомъ къ свѣдѣнію. Представитель Англіи не довольствовался и этимъ: онъ пожелалъ чтобы Берлинскій трактатъ вошелъ въ подробности по предмету военной контрибуціи и опредѣлилъ самый способъ погашенія на который можетъ претендовать Россія. Но князь Бисмаркъ прекратилъ пререканія по этому предмету, какъ сказано въ томъ же протоколѣ, замѣтивъ что окончательное улаженіе этого вопроса можетъ быть предоставлено будущему специальному соглашенію между Турціей и Россіей. Итакъ, что̀ же установилъ Берлинскій конгрессъ по предмету уплаты Турціей военной контрибуціи? Несомнѣнно что Турція

не единолично только, а такъ-сказать съ бланковымъ ручательствомъ Европы, хотя и безоборотнымъ, выдала Россіи денежное обязательство на опредѣленную сумму. Обязательство это не имѣло характера „займа съ обезпеченіемъ недвижимымъ имуществомъ,“ каковое обезпеченіе Германія признала единственно благонадежнымъ въ дѣлахъ подобнаго рода даже относительно такого вполнѣ кредитоспособнаго должника какъ Франція. Но во всякомъ случаѣ можно ли было предположить что спустя три года послѣ выдачи обязательства найдутся „юристы“ которые станутъ совсѣмъ отрицать обязанность Турціи платить и право Россіи требовать платежа?

А между тѣмъ таковъ именно общій крикъ внезапно, какъ по командѣ, поднявшійся во всѣхъ самыхъ „солидныхъ“ органахъ европейской печати. Сыръ боръ загорѣлся изъ-за того что Турція ведетъ нынѣ переговоры со своими частными кредиторами, владѣльцами облигацій по безчисленнымъ турецкимъ займамъ, о способахъ погашенія своихъ долговъ. Казалось бы, одно изъ двухъ: или Турція имѣетъ возможность расплатиться со всѣми, или она такой возможности не имѣетъ. Если она состоятельна къ платежамъ, или можетъ добиться отъ кредиторовъ добровольныхъ уступокъ которыя дали бы ей возможность „оправдать свои документы,“ то и толковать нечего. Если же средствъ къ платежамъ нѣтъ и мировая сдѣлка не состоялась, то остается одно: обратить взысканіе на имущество и удовлетворить всѣхъ по соразмѣрности недочета въ платежныхъ средствахъ сравнительно съ суммой долговъ. Въ частномъ быту такого рода операція сопровождается открытіемъ конкурса, который не только занимается ликвидаціей имущества и долговъ, но и становится опекуномъ надъ личностью банкрота, значительно суживая его гражданскую правоспособность, а иногда и личную свободу. Но Турція „независимая держава,“ и брать ее подъ стражу нельзя. Однако конкурсъ есть конкурсъ и, насколько дѣло идетъ о взысканіи долговъ съ наличнаго имущества, всѣ, не исключая и Турціи, согласны въ томъ что кредиторы имѣютъ право не довольствоваться долѣе новыми голыми обязательствами Турціи, тѣмъ что̀ въ коммерческомъ мірѣ называется „перепискою векселей,“ но что удовлетвореніе должно быть получено изъ того что̀ есть налицо. Турція ведетъ переговоры о томъ чтобы предоставить кредиторамъ самимъ распоряжаться извѣстными источниками ея доходовъ, и самое „конкурсное управленіе“ почти сформировано въ лицѣ административнаго совѣта образованнаго въ Константинополѣ изъ представителей владѣльцевъ турецкихъ облигацій.

Казалось бы что Россія, также состоящая крупнымъ кредиторомъ Турціи, заявивъ при такихъ обстоятельствахъ и о своихъ правахъ поступила строго юридически. Иначе не можетъ осуществиться никакая ликвидація долговъ, никакое уравновѣшеніе пассива съ активомъ; ибо нельзя чтобъ одни изъ кредиторовъ получили всю наличность, а другіе остались вовсе неудовлетворенными. Въ частномъ юридическомъ быту правило это соблюдается до такой степени что конкурсу вмѣняется въ обязанность вызвать всѣхъ кредиторовъ, въ томъ числѣ и тѣхъ чьи денежныя требованія *еще* не просрочены; другими словами, относительно кредитора неспособнаго къ платежу существуетъ въ полной силѣ правило по которому моментъ несостоятельности есть вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ наступленія всѣхъ сроковъ; коль скоро нужно довольствоваться тѣмъ что̀ есть и дѣлать разверстку, то разверстка эта должна быть сдѣлана одновременно. Таково юридическое правило, и никто не утверждаетъ чтобы примѣненіе онаго въ сферѣ международнаго права не могло быть допущено. Даже теперешніе заступники за интересы владѣльцевъ турецкихъ облигацій отнюдь не устраняютъ кого бы то ни было изъ должниковъ Турціи отъ участія въ предположенной разверсткѣ. Исключеніе проповѣдуется только относительно Россіи. Но почему? На этотъ вопросъ вы не найдете прямаго отвѣта въ протестаціяхъ европейской печати противъ требованій предъявленныхъ Россіей. Зато пущенъ въ ходъ обычный пріемъ употребительный по отношенію къ Россіи. Вопросъ переносится съ юридической почвы, на которую онъ поставленъ Россіей, на почву политики. Обыкновенное разсужденіе по этому поводу состоитъ въ томъ что Турція не имѣетъ и не будетъ имѣть никогда средствъ расплатиться съ Россіей: *стало-быть* Турціи придется уступить ей какую-либо часть изъ своей территоріи. Другіе же перескакиваютъ это умозаклю-

ченіе и уже прямо заявляютъ какъ фактъ будто бы Россія потребовала отъ Турціи чтобъ она уступила ей временно Эрзерумскій вилаетъ съ тѣмъ что Россія постепенно погаситъ долгъ доходами этой провинціи. Никакія официозныя опроверженія изъ Петербурга въ отвѣтъ на инсинуаціи газеты *Times*, играющей главную роль въ указанной агитаціи, не помогаютъ. „Слухъ" о честолюбивыхъ замыслахъ Россіи поддерживается и распространяется съ настойчивостью.

А почему бы Россіи, наскучивъ опроверженіями, не принять къ свѣдѣнію указанную „инсинуацію." Въ самомъ дѣлѣ, что же было бы противозаконнаго въ требованіи Россіи подобномъ тому противъ котораго заранѣе ополчается европейская печать; Россія обязалась не замѣнять своего денежнаго требованія требованіемъ территоріальнаго приращенія. Но развѣ секвестръ доходовъ извѣстной провинціи и временное принятіе этой провинціи въ свое вѣдѣніе съ этою спеціальною цѣлью равносильно окончательному присоединенію?

„Да," отвѣчаютъ на этотъ вопросъ вѣнскія газеты, „это равносильно присоединенію," и въ примѣръ указываютъ... На кого бы вы думали? На Австро-Венгрію, которая окончательно присвоила себѣ Боснію и Герцеговину, хотя и эта часть Турціи была ей отдана временно и для извѣстной опредѣленной цѣли...

№ 331.

Москва, 28-го ноября.

Дѣловые люди тяготятся парламентскою дѣятельностью. Имъ некогда вести по нѣскольку мѣсяцевъ въ году пустыя пренія, некогда заниматься политиканствомъ и интригами парламентскихъ партій. Вотъ почему во всѣхъ парламентахъ, а также въ Прусскомъ и въ Германскомъ имперскомъ, депутаты принадлежащіе къ торговымъ и промышленнымъ классамъ составляютъ ничтожное меньшинство; а это ведетъ къ тому что законы особенно важные въ практическомъ смыслѣ, законы примѣненіе которыхъ можетъ имѣть неотразимое и глубокое вліяніе на благосостояніе страны, обсуждаются не такъ какъ должно и почти безъ участія свѣдущихъ людей. Такъ говорилъ князь Бисмаркъ въ январѣ прошлаго года при открытіи Прусскаго Народно-Хозяйственнаго Совѣта, учрежденія составленнаго частью изъ лицъ выборныхъ отъ разныхъ промышленныхъ и торговыхъ учрежденій, частью изъ лицъ призванныхъ правительствомъ для предварительнаго подробнаго изученія законопроектовъ ранѣе внесенія ихъ не только въ ландтагъ, но даже въ Союзный Совѣтъ. Не разъ съ тѣхъ поръ приходилось германскому канцлеру отстаивать свою идею которой не посчастливилось ни въ Прусскомъ, ни въ имперскомъ парламентахъ, увидѣвшихъ въ проектируемомъ совѣтѣ опаснаго себѣ соперника. Въ Пруссіи князю Бисмарку удалось впрочемъ осуществить свою мысль, но прусскій совѣтъ не можетъ замѣнить обще-германскаго, а рейхстагъ упорно отказываетъ въ матеріальныхъ на это средствахъ, въ какихъ-то всего на все 85 тысячахъ марокъ.

Можно подумать что канцлеру на руку такое сопротивленіе, компрометтирующее парламентъ предъ страною. Чѣмъ убѣдительнѣе доводы канцлера, тѣмъ безсмысленнѣе и нелѣпѣе становится встрѣчаемая имъ оппозиція. Князь Бисмаркъ на дняхъ, 1 декабря, начертилъ предъ рейхстагомъ картину какъ возникаютъ, какъ разрабатываются и какъ утверждаются въ министерствахъ законопроекты. Министерство, сказалъ канцлеръ, хорошо сознаетъ что проектамъ его не достаетъ дѣловой и всесторонней разработки; не разъ то же самое высказывалось и палатой принимавшею на себя роль учителя критикующаго ученическую работу: „дурно, извольте передѣлать." Какъ же, однако, можетъ быть иначе? Вѣдь законопроекты очень часто не иное что какъ результатъ извѣстныхъ взглядовъ и убѣжденій какого-нибудь министерскаго докладчика, положимъ близко стоящаго къ дѣлу, положимъ спеціалиста, но спеціалиста" теоретика. Министръ, на разсмотрѣніе котораго поступаетъ такой проектъ, сплошь и рядомъ не обладаетъ и такими свѣдѣніями. Послѣ долгой борьбы, министръ рѣшается дать ходъ проекту, который тогда поступаетъ на обсужденіе министерскаго совѣта, положимъ прусскаго. Въ этомъ совѣтѣ членамъ приходится во всѣхъ спеціальныхъ дѣлахъ поневолѣ полагаться на своего сотоварища. „Господа, я говорю только на основаніи опыта," оговорился князь Бисмаркъ, и затѣмъ продолжалъ: „Предъ министрами груды бумагъ, иному

ихъ приходится подписывать по сотнѣ въ день; всѣ заняты этою работой, сходитъ предъ слушателями со стола одна кипа, выростаетъ другая, а между тѣмъ во все это время идетъ ровное, монотонное чтеніе проекта министерскимъ совѣтникомъ; предсѣдатель по обязанности слушаетъ, но развѣ можно услѣдить за всѣми подробностями проекта состоящаго, напримѣръ, изъ 120 параграфовъ! Итакъ проектъ принимается министерскимъ совѣтомъ въ увѣренности что онъ разсмотрѣнъ министромъ къ вѣдомству коего относится, а этотъ послѣдній подписалъ проектъ по довѣрію къ знанію дѣла своего совѣтника просидѣвшаго надъ проектомъ иногда даже не одинъ годъ. Работа и хороша, можетъ-быть, но она односторонняя." Князь Бисмаркъ прослѣдилъ судьбу германскаго законопроекта и далѣе, въ парламентѣ, хотя выраженія его въ этомъ случаѣ, „чтобы гусей не раздразнить," и были сдержанныя. „Рейхстагъ, говорилъ онъ, рейхстагъ или ландтагъ точно также нуждаются въ томъ чтобъ узнать мнѣнія и сужденія свѣдущихъ людей; нельзя же думать что депутатъ во время выборовъ таинственнымъ образомъ получаетъ какой-то особый даръ знать и понимать то чего прежде не зналъ и не понималъ?" Эти слова были уже не въ бровь, а въ глазъ палатѣ, гдѣ настоящихъ практическихъ дѣльцовъ всего на все три десятка, то-есть меньше, нежели одинъ изъ десяти.

Но палата рѣшилась во что бы ни стало отвергнуть требованіе; лѣвая сторона, къ которой пристали и клерикалы, дѣйствовала „какъ сомкнутая фаланга," и правительство осталось въ ничтожномъ меньшинствѣ. „Можетъ-быть, замѣтила одна изъ оппозиціонныхъ газетъ, другому министру и была бы вотирована требуемая сумма, Бисмарку же нѣтъ." Но сказать это прямо, открыто, большинство не рѣшилось; это было бы слишкомъ безтактно и могло бы дурно отозваться на будущихъ выборахъ, которыхъ—и это въ палатѣ понимаютъ — придется ждать вѣроятно не такъ долго. Пущены были въ ходъ всевозможныя уловки. Правительству предлагали ассигновать деньги на созваніе свѣдущихъ людей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, указывали на безполезность народно - хозяйственнаго постояннаго совѣта въ странѣ „гдѣ существуетъ такое большое число органовъ самоуправленія," разумѣя подъ этимъ именемъ общинныя сходки и провинціальные ландтаги, ссылались на существованія такъ-называемыхъ торговыхъ палатъ которыя могутъ де своимъ совѣтомъ помочь горю, рекомендовали даже enquête и другіе пріемы того же рода. Все что угодно, но только не постоянный совѣтъ, который не представляетъ де никакихъ ручательствъ ни въ безпристрастіи, ни въ томъ что онъ не сдѣлается молчаливымъ исполнителемъ желаній имперскаго канцлера.

Правительству оставалось на выборъ или принять какое-либо изъ этихъ предложеній или понести пораженіе. Идти на компромиссъ не въ духѣ князя Бисмарка. Какъ и прежде, палата встрѣтила энергическій отпоръ своимъ притязаніямъ и полное разоблаченіе своихъ затаенныхъ мыслей. „Напрасно бояться что Народно-Хозяйственный Совѣтъ можетъ стать соперникомъ рейхстагу. Подобныхъ страховъ не питала даже Французская палата. И правительство вовсе не имѣетъ въ виду создавать такого соперника." У насъ де, сквозило въ словахъ канцлера, изобиліе говорильнь и безъ того; правительство хочетъ де создать не новую говорильню, а дѣловаго совѣтника. Но по этой-то именно причинѣ оно не можетъ довольствоваться содѣйствіемъ людей созванныхъ ad hoc. „Съ успѣхомъ могутъ заниматься такимъ дѣломъ только люди получившіе навыкъ и притомъ имѣющіе къ тому охоту и время. Только въ рукахъ такихъ людей дѣло будетъ дѣлаться толково, скоро и безъ лишнихъ разглагольствій. Вотъ почему постоянный совѣтъ имѣетъ всѣ преимущества предъ совѣщаніемъ такъ-называемыхъ свѣдущихъ людей созванныхъ случайно и о которыхъ нельзя даже съ увѣренностію сказать что они вполнѣ готовы и вполнѣ склонны заняться дѣломъ." Не довольно думать что за дѣло посажены свѣдущіе люди, надо имѣть еще ручательство что эти „свѣдущіе" дѣйствительно свѣдущи и что они умѣютъ взяться за дѣло, умѣютъ быстро въ сложномъ проектѣ схватить его сущность, сообразить и взвѣсить надлежащимъ образомъ главное и подробности. Помимо всего нужно имѣть увѣренность что свѣдущіе люди безпристрастны, что они не руководятся ни выгодами своего, напримѣръ торговаго, сословія, ни предвзятыми идеями и взглядами.

Князь Бисмаркъ увѣренъ что если не теперь, то при третьемъ чтеніи бюджета,

если не тогда, такъ въ будущую сессію, но настойчиво проводимый имъ проектъ будетъ принятъ.

№ 333.

Москва, 30-го ноября.

„Всѣ наши бѣды отъ того что у насъ обращается слишкомъ много кредитныхъ билетовъ,“ —вотъ постоянный припѣвъ который каждому приходилось слушать нѣсколько лѣтъ сряду. А между тѣмъ оказывается что недостатокъ кредитныхъ билетовъ въ тѣхъ оборотахъ гдѣ они нужны вызвалъ не совсѣмъ-то здоровое обращеніе процентныхъ бумагъ и ихъ купоновъ, какъ суррогата денегъ. Затѣмъ, въ Министерствѣ Финансовъ, если вѣрить газетѣ *Новости*, получено такое извѣстіе: Во многихъ губерніяхъ Сибири, равно какъ и на Уралѣ, не только не чувствуется обилія въ бумажныхъ деньгахъ, но напротивъ ощущается сильный недостатокъ въ нихъ, такъ что нѣкоторыя казначейства вынуждены выдавать чиновникамъ жалованье мѣдью.

Не удивительно что при такихъ обстоятельствахъ вопросъ о денежномъ обращеніи вновь обращалъ на себя вниманіе и становится предметомъ общихъ толковъ. Нельзя не пожелать чтобъ эти толки подали поводъ къ пересмотру того что̀ многими необдуманно сочтено рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ. Денежное обращеніе въ Россіи есть одна изъ наименѣе изслѣдованныхъ сторонъ ея экономическаго быта. Правда, самодовольное безсмысліе мнитъ что тутъ и изслѣдовать нечего, что все уже извѣстно какъ дважды два четыре, что остается только примѣнять добытые выводы къ рѣшенію государственныхъ вопросовъ о валютѣ, о вексельныхъ курсахъ, о бумажныхъ деньгахъ, о кредитныхъ учрежденіяхъ и т. п. Будутъ ли продиктованныя воображаемымъ знаніемъ мѣры соотвѣтствовать дѣйствительнымъ условіямъ денежнаго обращенія въ странѣ, какого рода явленія въ немъ могутъ быть вызваны этими мѣрами, какъ отзовутся онѣ на народѣ, объ этомъ иные всезнайки не хотятъ и думать. Зачѣмъ думать, зачѣмъ ломать голову, когда другіе сдѣлали это раньше насъ, когда мы можемъ пользоваться чужимъ умомъ не утруждая своего. Вмѣсто усвоенія духа научной пытливости, мы рабо̀лѣпно приняли на вѣру одну изъ одностороннихъ доктринъ, выработанную экономистами выдающими себя за учениковъ Адама Смита, но отъ которыхъ отвернулся бы учитель. Эту доктрину—которая, своею односторонностью и тѣмъ слѣпымъ упорствомъ съ какимъ стараются подчинить ей не подходящія подъ нее явленія жизни, вызвала, какъ противовѣсъ себѣ, соціалистическія ученія со всѣми ихъ послѣдствіями, —эту доктрину болѣе двадцати пяти лѣтъ силились мы водворить въ Россіи, ломая и разрушая въ русской жизни все что̀ подъ эту доктрину не подходитъ. Но не пора ли пріостановиться въ этой ломкѣ, оглянуться кругомъ и обсудить къ чему эта ломка насъ привела?

Нельзя не замѣтить того отраднаго явленія что въ послѣднее время увлеченіе экономическими доктринами, бывшее прежде общимъ, начинаетъ проходить. Чаще и чаще встрѣчаются у насъ попытки самостоятельнаго изслѣдованія нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ, между прочимъ и денежнаго обращенія. Мысль о чрезмѣрномъ будто бы множествѣ находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ какъ о главной причинѣ нашихъ финансовыхъ и экономическихъ золъ мало-по-малу перестаетъ считаться аксіомой. Отъ времени до времени мы уже встрѣчаемъ въ печати дѣльныя статьи убѣдительными цифровыми и фактическими доводами доказывающія что размѣры нашего бумажно-денежнаго обращенія вовсе не такъ велики какъ принято было утверждать съ чужихъ словъ; что эти размѣры не болѣе, а развѣ менѣе существующей въ странѣ потребности въ денежныхъ знакахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и болѣе входитъ въ общее сознаніе мысль что не въ кредитныхъ рубляхъ, а въ иныхъ обстоятельствахъ находятся причины неудовлетворительности нашей финансовой и экономической обстановки. И дѣйствительно, чѣмъ глубже вникаемъ мы въ дѣло, чѣмъ больше сторонъ его принимаемъ въ соображеніе, тѣмъ болѣе убѣждаемся что экономическая болѣзнь которою страдаетъ страна есть результатъ не бумажно-денежной системы, а преимущественно тѣхъ лѣкарствъ которыя были прописаны ей доктриной.

Въ тотъ моментъ когда эта доктрина стала впервые открыто проповѣдываться въ Россіи, увлеченіе ею было дѣломъ понятнымъ и извинительнымъ. Стройность си-

стемы, строгая последовательность экономической теоріи, кажущаяся истинность и неопровержимость ея положеній и выводовъ не могли не плѣнять умовъ и не увлекать на указуемый этою теоріей путь къ лучшему устройству экономическихъ отношеній и финансовыхъ дѣлъ, путь по которому раньше насъ пошли другія государства, столь опередившія насъ во многомъ. Двинуть Россію по этому пути казалось дѣломъ патріотическимъ. Люди хлопотавшіе о ликвидаціи прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленій и о замѣнѣ ихъ Государственнымъ Банкомъ устроеннымъ по образцу Французскаго банка; люди возстававшіе противъ заимствованій изъ бывшихъ кредитныхъ установленій и рекомендовавшіе, взамѣнъ того, систему внутреннихъ и особенно внѣшнихъ государственныхъ и общественныхъ займовъ; люди ожидавшіе для Россіи всякаго добра отъ возникновенія въ ней обширныхъ акціонерныхъ предпріятій и стремившіеся вообще перевернуть многое въ нашихъ финансахъ и экономической жизни на заграничный ладъ: всѣ эти люди большею частію искренно заботились о благѣ страны и народа, въ твердомъ убѣжденіи что предлагаемыя ими мѣры послужатъ на пользу государству. Но вотъ минулъ длинный рядъ лѣтъ. Посѣянныя сѣмена выросли и принесли плоды. Теперь уже нельзя довольствоваться одною вѣрой въ теоріи; настала пора критическаго къ нимъ отношенія. Простительно было увлекаться, но не позволительно нынѣ коснѣть въ заблужденіяхъ. Таможенная реформа 1857 года могла въ свое время казаться дѣломъ хорошимъ, но не таковою представляется она теперь; когда обозначилось что результатомъ ея былъ подрывъ нашей промышленности, что она убила обнаружившееся у насъ послѣ Крымской войны экономическое оживленіе и наклоненіемъ торговаго баланса не въ нашу сторону поколебала прочность нашихъ вексельныхъ курсовъ и нашей валюты. Въ свое время, реформа государственныхъ кредитныхъ установленій могла казаться дѣломъ благоразумія; но теперь разъяснилось что разгромъ этихъ установленій поставилъ въ безвыходное положеніе русское дворянство въ самый критическій для него моментъ и лишилъ русское землевладѣніе всякой возможности денежнаго кредита именно въ ту пору когда этотъ кредитъ былъ особенно необходимъ по случаю замѣны дароваго труда наемнымъ, хозяйства основаннаго на крѣпостныхъ отношеніяхъ хозяйствомъ денежнымъ; теперь разъяснилось что этотъ разгромъ развѣялъ по вѣтру накопленныя про черный день русскими людьми сбереженія, и можетъ-быть даже поколебалъ довѣріе къ государственнымъ кредитнымъ деньгамъ, которыя правительство, не переставая выпускать, стало принимать обратно лишь въ размѣрѣ итога податей, а не попрежнему, въ мѣру надобностей тѣхъ въ чьихъ рукахъ скопляются денежныя сбереженія. Слѣдуя указаніямъ доктрины, Россія пошла по пути непрестаннаго возрастанія своихъ государственныхъ и общественныхъ заграничныхъ долговъ, и это поставило русскіе финансы въ зависимость отъ иностранцевъ, измѣнило въ самую невыгодную для насъ сторону характеръ всѣхъ нашихъ международныхъ денежныхъ разчетовъ и сдѣлало нашъ вексельный курсъ и нашу валюту игрушкой въ рукахъ иностранныхъ банкировъ управляющихъ биржевыми спекуляціями. Въ угоду доктринѣ совершилось насажденіе въ Россіи тьмочисленныхъ акціонерныхъ предпріятій, на которыхъ у насъ столь многіе обожглись и разорились, которыя открыли множеству паразитовъ широкое поле для наживы на чужой счетъ, и благодаря которымъ началось у насъ процвѣтаніе небывалой прежде биржевой игры со всѣми ея пагубными матеріальными и нравственными послѣдствіями. Но всего сдѣланнаго у насъ по указкѣ не подходящей къ нашимъ условіямъ доктрины не перечислишь; зло причиненное ею Россіи такъ велико что въ сравненіи съ нимъ отодвигаются далеко на второй планъ даже всѣ финансовыя тягости которыя неизбѣжно налагались на народъ войнами. Будемъ ли мы и впредь допускать у себя господство этой доктрины, вносящей разложеніе въ самобытный организмъ нашего государственнаго тѣла?

Полководцы калифа Омара, слѣпо преданные ученію Магомета, шли неуклонно впередъ истребляя все на своемъ пути во славу Пророка и предавая огню Александрійскую библіотеку, говорили:

> Груду нелѣпыхъ письменъ сожжемъ предъ Кораномъ:
> Сходное съ нимъ безполезно, несходное вредно.

Такъ и наши доктринеры, не внемля ничему несогласному съ ихъ вѣроученіемъ

и готовые принести все въ жертву своему экономическому корану, понынѣ не покидаютъ мысли перевернуть вверхъ дномъ все денежное обращеніе въ Россіи, что̀ бы изъ этого ни вышло, и ждутъ только удобной минуты чтобы произвести въ странѣ, какъ in anima vili, этотъ свой новый экспериментъ. Но должна ли страна попрежнему подвергаться подобнымъ экспериментамъ, вотъ вопросъ имѣющій не теоретическое только, но и практическое значеніе, въ виду обсужденія бюджета на предстоящій 1882 годъ. Быть или не быть требуемому доктриной извлеченію кредитныхъ билетовъ изъ обращенія? Платиться или не платиться народу за эту затѣю доктринеровъ, которая едва ли къ чему доброму можетъ привести?

№ 334.

Москва, 1-го декабря.

На дняхъ обнародовано весьма важное узаконеніе, вносящее коренную перемѣну въ систему уголовныхъ наказаній, коимъ до сихъ поръ подвергались по нашему Уложенію о Наказаніяхъ несовершеннолѣтніе не достигавшіе 21 года. Мы говоримъ о Высочайше утвержденномъ 27 октября мнѣніи Государственнаго Совѣта *о замѣнѣ для несовершеннолѣтнихъ ссылки на житье и отдачи въ исправительныя арестантскія отдѣленія и рабочіе дома другими наказаніями*. Узаконеніе это тѣмъ замѣчательнѣе что измѣненіе онымъ вводимое можетъ быть лишь мѣрой временною въ виду ожидаемой въ скорости полной и коренной переработки всего нашего уголовнаго кодекса, о которой нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ заявлено офиціально и надъ которою, по слухамъ, усердно работаютъ лица къ тому призванныя.

Существенное содержаніе новаго закона заключается въ значительномъ смягченіи наказаній положенныхъ Уложеніемъ для несовершеннолѣтнихъ привилегированныхъ, то-есть неподатныхъ сословій. Смягченіе распространено и на несовершеннолѣтнихъ податнаго состоянія, ибо всякое различіе между податными и неподатными по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ преступникамъ уничтожено; но молодые преступники податнаго состоянія и до сихъ поръ подвергались срочнымъ наказаніямъ (отдачѣ въ арестантскія роты или заключенію въ рабочій домъ по высшей мѣрѣ на четыре года) въ тѣхъ случаяхъ когда дворяне, купцы и дѣти духовныхъ лицъ подвергались *пожизненной* ссылкѣ въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, причемъ эта ссылка отличалась еще воспрещеніемъ выѣзда изъ мѣста ссылки въ другія *сибирскія* губерніи на время отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ. Теперь ссылка на житье и отдача въ арестантскія роты и въ рабочій домъ замѣнены для несовершеннолѣтнихъ, безъ различія состояній, заключеніемъ въ тюрьму на тѣ сроки кои положены въ законѣ для содержанія преступниковъ податныхъ сословій въ арестантскихъ ротахъ и въ рабочихъ домахъ.

Въ Уложеніи о Наказаніяхъ установлена двоякаго рода ссылка: въ каторжныя работы и въ Сибирь *на поселеніе*. Это наиболѣе тяжелая категорія наказаній, которой новый законъ не коснулся. Ссылаемые въ каторгу поселяются въ Сибири навсегда послѣ отбытія срока работы. Льгота для несовершеннолѣтнихъ, приговариваемыхъ къ каторгѣ, заключается въ томъ что срокъ работъ, положенный въ законѣ за данное преступленіе, сокращается для нихъ на одну треть, а за такія преступленія кои по закону влекутъ за собою пожизненную каторгу несовершеннолѣтніе приговариваются къ каторжной работѣ на 20 лѣтъ. Ссылка на поселеніе въ Сибирь, причемъ ссыльные этого разряда приписываются на мѣстѣ къ сословію ссыльно-поселенцевъ есть наказаніе которое по свойству своему для несовершеннолѣтнихъ не смягчается вовсе. Со времени отмѣны наказаній плетьми, коему подвергались ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы изъ податныхъ состояній, въ этой категоріи наказаній (уголовныхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) не было различій между податными и неподатными. Дальнѣйшія же ступени нашей лѣстницы наказаній (такъ-называемыя по Уложенію наказанія исправительныя) сохранили до сихъ поръ двойственный характеръ кары смотря по тому примѣняется ли она къ лицамъ привилегированныхъ или податныхъ состояній; а новый законъ уничтожилъ это различіе лишь по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ. Въ прежнее время, когда отдача въ арестантскія роты и въ рабочій домъ сопровождалась для податныхъ тѣлеснымъ наказаніемъ,

еще существовала хотя нѣкоторая равномѣрность между этимъ наказаніемъ и пожизненною ссылкой для привилегированныхъ, кои отъ тѣлесныхъ наказаній были изъяты, хотя и при этомъ явная аномалія заключалась въ томъ что пожизненное наказаніе признавалось наказаніемъ *исправительнымъ*.

Ссылка на житье и соотвѣтствующая ей отдача въ арестантскія роты и въ рабочій домъ сопровождаются, сверхъ того, для совершеннолѣтнихъ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, то-есть чиновъ, орденовъ и всѣхъ сословныхъ привилегій. Этимъ еще болѣе нарушается равномѣрность наказаній постигающихъ за одно и то же преступленіе лицо неподатнаго и податнаго состоянія, ибо для податныхъ такое лишеніе въ большинствѣ случаевъ есть наказаніе номинальное.

Все это осталось безо всякаго измѣненія для совершеннолѣтнихъ впредь до изданія новаго уголовнаго кодекса, который долженъ подвергнуть коренному измѣненію всю существующую лѣстницу наказаній, ибо это не есть какая-либо цѣльная хотя бы и устарѣвшая система. Наказанія кои наше уголовное правосудіе примѣняетъ въ настоящее время суть не что̀ иное какъ случайные остатки системы которая въ 1845 году, при первомъ изданіи Уложенія о Наказаніяхъ, была задумана худо ли хорошо ли, какъ нѣчто цѣльное, постепенное и послѣдовательное. Послѣ же отмѣны въ 1863 году тѣлесныхъ наказаній, по суду, причемъ все остальное въ лѣстницѣ наказаній осталось нетронутымъ, постепенность и послѣдовательность исчезли, всякая градація нарушена, и системы нѣтъ никакой.

Новый законъ изданъ повидимому вслѣдствіе сознанія неотложной потребности сгладить и смягчить шероховатости нынѣ существующія въ уголовномъ законѣ по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ. Нельзя не сочувствовать этому улучшенію если смотрѣть на оное какъ на мѣру переходную и очень кратковременную. Кромѣ значительнаго смягченія наказаній постигающихъ нынѣ огромное число подсудимыхъ свыше мѣры справедливости, ибо пожизненная ссылка есть наказаніе слишкомъ строгое, напримѣръ за простую кражу, мошенничество и растрату на 400 рублей (что̀ до сихъ поръ влекло за собою ссылку на житье для лицъ привилегированныхъ совершеннолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ), кромѣ, говоримъ мы, устраненія этой чрезмѣрной строгости по крайней мѣрѣ для несовершеннолѣтнихъ, новая мѣра должна отозваться значительнымъ облегченіемъ бремени лежащаго на казнѣ и на администраціи завѣдующей перевозкой ссыльныхъ и исправительными мѣстами заключенія. Въ преступленіяхъ противъ права собственности составляющихъ наибольшее число преступленій вообще и караемыхъ преимущественно по разбираемой нами категоріи „исправительныхъ“ наказаній, преступники возраста 17 - 21 года составляютъ не менѣе одной трети. Но если представить себѣ что за извѣстное преступное дѣяніе молодой человѣкъ 20 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ подвергается заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ, а другой имѣющій отъ роду 20 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ будетъ подлежать за то же самое преступленіе пожизненной ссылкѣ, то станетъ очевиднымъ что новый законъ, указавъ большую справедливость одной долѣ подсудимыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе нарушилъ общую справедливость, которая въ дѣлѣ уголовнаго правосудія обусловливается постепенною и равномѣрною градаціей всей лѣстницы наказаній.

Не слѣдуетъ при этомъ забывать и того что наши присяжные, между которыми рѣдко встрѣчаются люди знакомые хотя бы въ общихъ чертахъ съ установленною лѣстницей наказаній, почти никогда не принимаютъ во вниманіе того что несовершеннолѣтіе уже само по себѣ есть обстоятельство смягчающее кару. Молодые преступники, хотя бы самые закоренѣлые, что̀, къ сожалѣнію, встрѣчается у насъ слишкомъ часто, почти безъ исключенія получаютъ отъ присяжныхъ снисхожденіе и наказаніе имъ смягчается не только по закону, но и на основаніи вердикта присяжныхъ. Во многихъ же случаяхъ бываетъ еще хуже; присяжные оправдываютъ явно виновныхъ преступниковъ единственно „по молодости ихъ лѣтъ.“

Разительный примѣръ тому представляетъ дѣло разбиравшееся надняхъ въ Московскомъ Окружномъ судѣ о разбоѣ въ Сокольникахъ, отчетъ о которомъ сообщенъ въ № 333 нашей газеты. Трое молодыхъ людей напали во второмъ часу дня на одного изъ жителей Сокольниковъ, и одинъ изъ грабителей нанесъ ему при

этомъ рану кинжаломъ, коимъ онъ запасся съ цѣлью грабежа. Нанесшій рану во всемъ сознался и показалъ что онъ пошелъ грабить, подговоривъ къ этому другихъ; двое остальныхъ также не отрицали факта и намѣренія грабить съ коимъ они отправились въ Сокольничью рощу, утверждая лишь что они не знали ничего о кинжалѣ. Нашъ репортеръ сообщаетъ что „всѣ трое подсудимыхъ очень молодые люди (двоимъ по 18, а третьему 17 лѣтъ), почти мальчики, худые и на видъ смирные, запуганные.“ Этотъ-то наружный видъ подсудимыхъ послужилъ единственнымъ основаніемъ (ибо другаго и не могло быть) къ *полному оправданію* всѣхъ *трехъ* подсудимыхъ, въ томъ числѣ и того который съ ножомъ въ рукахъ совершилъ разбой въ Сокольникахъ среди бѣла дня!

№ 335.

Москва, 2-го декабря.

А.

Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кальноки, возвратился изъ своей поѣздки въ Петербургъ и Берлинъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, уже вступилъ въ управленіе иностранными дѣлами. Обстоятельства при которыхъ графъ Кальноки былъ призванъ къ управленію иностранными дѣлами Австро-Венгріи, кажется, очень благопріятны. Отношенія къ Германіи самыя дружественныя. Италія или, по крайней мѣрѣ, ея правительство сближается со своимъ давнишнимъ врагомъ: отношенія къ Россіи также говорятъ улучшились, а Турція покорилась своей участи и предоставляетъ Австро-Венгріи набирать себѣ армію въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ Сербіи австрійское вліяніе господствуетъ. Графу Кальноки, говорятъ вѣнскія офиціозныя газеты, надо будетъ исключительно стараться объ упроченіи дружественныхъ отношеній къ старымъ союзникамъ, и дѣла разноплеменной Австро-Венгерской имперіи пойдутъ де какъ нельзя лучше.

Въ послѣднее время радужныя мечты австрійскихъ политиковъ помрачились однимъ событіемъ не лишеннымъ значенія и для насъ Русскихъ. Мы говоримъ о такъ-называемомъ Дунайскомъ вопросѣ и о столкновеніи между Румыніей и Австро-Венгріей. Столкновеніе это приняло острый характеръ, а потому считаемъ не лишнимъ припомнить исторію этого вопроса, тѣмъ болѣе что окончательное рѣшеніе его должно показать на какія изъ великихъ державъ можетъ разчитывать Австро-Венгрія въ своемъ стремленіи къ преобладанію на Востокѣ.

Въ одномъ изъ параграфовъ Берлинскаго трактата значится, между прочимъ, что международная Дунайская коммиссія должна выработать регламентъ для судоходства, рѣчной полиціи и надзора за Дунаемъ на протяженіи отъ Желѣзныхъ Воротъ до Галаца.

Австрійское правительство предложило учредить „смѣшанную“ коммиссію (commission mixte) делегатовъ отъ прибрежныхъ къ Дунаю государствъ, и потребовало чтобы въ этой коммиссіи предсѣдала Австрія, такъ чтобъ ей принадлежалъ рѣшающій голосъ въ случаѣ раздѣленія поровну. Проектъ этотъ былъ принятъ державами не совсѣмъ сочувственно. Германія дружески видоизмѣнила его и предложила чтобы рѣшающій голосъ принадлежалъ Австро-Венгріи только при вопросахъ „административныхъ“; „принципіальные же вопросы, по исправленному проекту, въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну, должны поступать на обсужденіе международной коммиссіи. Послѣ долгихъ колебаній, Австрійское правительство примирилось съ этою поправкой и снова предложило свой проектъ на обсужденіе международной коммиссіи. Но тутъ явилось новое затрудненіе: трудно опредѣлить какіе вопросы считать „административными“, какіе „принципіальными“. Австрійское правительство оттого, повидимому, и согласилось на видоизмѣненіе проекта что само хорошо понимало невозможность предварительно опредѣлить значеніе предлагаемыхъ на рѣшеніе „смѣшанной“ коммиссіи вопросовъ и разчитывало распоряжаться на всемъ протяженіи Нижняго Дуная по своему усмотрѣнію. Однако международная коммиссія не приняла видоизмѣненнаго проекта, и вопросъ о немъ до настоящаго времени не подвинулся впередъ ни на шагъ. Болѣе другихъ возставалъ противъ Австрійскаго проекта делегатъ Румыніи, мнѣнія котораго, какъ заявилъ г. Каккои въ венгерской делегаціи, энергически поддерживались делегатомъ Англіи. Надо полагать что и нѣкоторыя другія державы, чьи интересы могли бы

пострадать отъ преобладанія Австро-Венгріи на Нижнемъ Дунаѣ, также высказались противъ Австрійскаго проекта. Послѣ трехъ сессій международной Дунайской коммиссіи, вопросъ объ Австрійскомъ проектѣ все еще остается нерѣшеннымъ. Въ послѣднее время, между державами снова происходилъ живой обмѣнъ мнѣній касательно австрійскаго проекта. Французскій делегатъ международной Дунайской коммиссіи, г. Баррерь, предложилъ чтобы въ засѣданіяхъ „смѣшанной" коммиссіи постоянно участвовалъ одинъ изъ делегатовъ международной коммиссіи, и чтобы делегатъ этотъ рѣшалъ „принципіальнаго" ли свойства разбираемый вопросъ, или же „административнаго". Какъ видно изъ австрійскихъ офиціозныхъ газетъ, Австрія высказалась противъ этого предложенія, что̀ явно доказываетъ ея желаніе распоряжаться на всемъ протяженіи Нижняго Дуная. Австрійцы негодуютъ на Румынъ защищающихъ свои права, а сами находятъ для себя малымъ административное господство на той части Дуная которое не омываетъ береговъ Австро-Венгріи и на которой она имѣетъ не большее право распоряжаться чѣмъ Россія, которая послѣ войны также стала дунайскою державой.

Чѣмъ кончится распря между Румыніей и Австро-Венгріей, какая участь постигнетъ „смѣшанную" коммиссію? Судя по отзывамъ печати, Англія и Франція выскажутся противъ чрезмѣрныхъ притязаній Австро-Венгріи. Германія, быть-можетъ и Италія, будутъ на сторонѣ Австро-Венгріи Остается Россія, положеніе которой безспорно будетъ имѣть большой вѣсъ при рѣшеніи этого международнаго вопроса. Нѣкоторыя петербургскія газеты выражаютъ желаніе чтобы Русское правительстао поддержало австрійскія требованія и этимъ доказало бы свое искреннее расположеніе къ „дружественной" Австро-Венгріи. Но во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Австро-Венгріи onus probandi лежитъ отнюдь не на Россіи. Пусть прежде Австро-Венгрія постарается доказать искренность своей дружбы къ Россія. Да и было бы странно еслибы Россія стала доказывать свою дружбу къ Австріи передавая ей интересы и самостоятельность балканскихъ государствъ, созданныхъ русскими усиліями и кровью. Австрія никакихъ особыхъ правъ не можетъ имѣть на теченіе Дуная отъ Желѣзныхъ Воротъ до Галаца: почему же она хочетъ въ этой части господствовать? Въ административныхъ же вопросахъ по судоходству въ этой части Дуная, которой она не прибрежна, она, повторимъ, не болѣе имѣетъ правъ чѣмъ Россія, которая прикосновенна къ Дунаю ниже Галаца.

И честь, и интересы Россіи требуютъ чтобъ она поддержала Румынію въ ея справедливомъ отказѣ подчиниться притязаніямъ Австро-Венгріи...

Б.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатанъ приказъ по военному вѣдомству отъ 21 ноября (№ 318), устанавливающій новыя правила о чинопроизводствѣ офицеровъ въ частяхъ мѣстныхъ войскъ, управленій и заведеній находящихся въ Европейской Россіи и въ областяхъ Уральской и Тургайской. Измѣненіе этихъ правилъ вызвано частію реформой мѣстныхъ войскъ исполненною въ сентябрѣ, а частію полнымъ отсутствіемъ положеній о производствѣ въ кадрахъ запасныхъ баталіоновъ, учрежденныхъ не давно, и въ мѣстныхъ лазаретахъ, для которыхъ установленъ штатъ только въ 1879 году.

Но дополняя имѣвшіеся въ законѣ пробѣлы, упрощая и приводя къ большему однообразію державшіеся до сихъ поръ по этому предмету порядки, приказъ 21 ноября вводитъ нѣсколько новыхъ принциповъ, замѣчательныхъ въ системѣ нашего чинопроизводства, особенно въ виду давно уже замышляемаго полнаго ея пересмотра.

Всѣ отрасли службы приказъ раздѣляетъ на двѣ категорія. Въ первой изъ нихъ, куда отнесены всѣ мѣстные баталіоны Европейской Россіи, производство устанавливается по вакансіямъ, по особой линіи въ каждой части отдѣльно, „со строгимъ учетомъ вакансій по штатамъ," но безо всякихъ дальнѣйшихъ, существовавшихъ прежде, ограниченій. Къ другой категоріи отнесены всѣ мѣстныя команды, кадры запасныхъ баталіоновъ, дисциплинарные роты и баталіоны, и управленія начальниковъ мѣстныхъ бригадъ. Здѣсь установлено не существовавшее до сего времени производство *на вакансіи за выслугу лѣтъ*. Недостаточно чтобы въ части была вакансія, необходимо еще чтобъ офицеръ который по очереди можетъ ею воспользоваться прослужилъ въ своемъ послѣднемъ чи-

нѣ установленное, впрочемъ небольшое, число лѣтъ.

Задерживая такимъ образомъ слишкомъ быстрое чинопроизводство офицеровъ разнаго рода командъ и канцелярій, приказъ 21 ноября устраняетъ въ то же время зло существовавшее у насъ многіе годы — лишеніе всѣхъ этихъ офицеровъ всякой возможности безостановочнаго служебнаго повышенія въ чины, не входящіе штаты этихъ мелкихъ командъ. До сихъ поръ было такъ что добравшись до штабсъ-капитанскаго или въ крайнемъ случаѣ до капитанскаго чина, эти офицеры оставались въ немъ навсегда если не имѣли *особаго случая* перемѣнить родъ службы. Никто не запрещалъ имъ, конечно, перейти въ любой полкъ или отдѣльный баталіонъ, но на самомъ дѣлѣ это было невозможно безъ особыхъ ходатайствъ такъ какъ принятіе офицера въ каждую часть зависитъ отъ ея командира. Желающій долженъ былъ слѣдовательно знать какого-либо ближайшаго начальника отдѣльной части который согласился бы принять его, а для этого согласія требовалось очень не мало при дѣйствующей у насъ вакансіонной системѣ чинопроизводства. Проситься могли лишь офицеры старшихъ оберъ-офицерскихъ чиновъ, какъ говорится, „садившійся на плечи“ весьма многимъ офицерамъ той части куда переводились, и потому рѣдкій командиръ соглашался на переводъ. Въ результатѣ выходило что у насъ были поручики, штабсъ-капитаны и капитаны вполнѣ достойные производства, но доживавшіе въ этихъ чинахъ до глубокой старости или выходившіе въ отставку по прослуженіи 35 лѣтъ, съ ничтожною пенсіей? Этотъ порядокъ естественно долженъ былъ вызывать съ одной стороны недовольство среди этихъ офицеровъ, а съ другой поощрялъ ихъ вовсе не слѣдить за военнымъ дѣломъ, такъ что этими офицерами государство въ случаѣ военной надобности не могло бы удобно воспользоваться: на половину они становились уже мирными гражданами.

Этому порядку положенъ теперь конецъ; всѣмъ этимъ офицерамъ предоставлено теперь право „по прослуженіи трехъ лѣтъ въ старшемъ субалтернъ-офицерскомъ чинѣ, въ теченіе перваго года по выслугѣ этого срока просить о переводѣ въ дѣйствующія или резервныя части своего военнаго округа.“ Отыскивать желающаго принять ихъ командира нѣтъ надобности, такъ какъ переводы будутъ дѣлаться не по представленіямъ этихъ командировъ, а „по представленіямъ начальниковъ военныхъ округовъ.“ Новый законъ видимо покровительствуетъ такимъ переводамъ, опредѣляя что офицеры эти назначаются не только въ такія части „въ коихъ имѣется некомплектъ офицеровъ соотвѣтствующаго чина,“ то-есть не только въ такія гдѣ есть вакансія, но и туда гдѣ ея нѣтъ, гдѣ существуетъ „наименьшій (въ округѣ) сверхкомплектъ.“

Устраняя такимъ образомъ существовавшую относительно этихъ офицеровъ несправедливость и прямой вредъ службѣ, приказъ 21 ноября понуждаетъ офицеровъ всѣхъ войскъ обратиться отъ прежнихъ чисто эгоистическихъ основаній полковаго товарищества къ основаніямъ болѣе широкимъ: уже нельзя сѣтовать на офицера переведеннаго въ часть, хотя бы и въ ущербъ временной выгодѣ нѣсколькихъ лицъ. Эти эгоистическія воззрѣнія не разъ бывали причиной многихъ вредныхъ для дѣла несогласій въ войсковыхъ частяхъ, несогласій кончавшихся иногда даже непріятными военно-судебными процессами.

Отмѣтимъ еще одну особенность приказа. Въ концѣ его оговорено чтобы впредь на должности старшихъ адъютантовъ въ управленіяхъ начальниковъ мѣстныхъ бригадъ и дѣлопроизводителей въ управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ „вовсе не назначать офицеровъ въ чинѣ прапорщика.“ Этимъ устанавливается тотъ принципъ чтобы на канцелярскія должности не назначались офицеры не знакомые или мало знакомые со строевою службой. Офицеръ попадающій въ канцелярію прежде долженъ близко и на дѣлѣ ознакомиться со службой и бытомъ войскъ. Недостатокъ этого знакомства, сплошь проходящій чрезъ всѣ наши штабы и канцеляріи помимо другихъ, несомнѣнно важныхъ, причинъ, не мало способствовалъ развитію у насъ того чудовищнаго канцеляризма на который указывали въ послѣднее время. Приказомъ 21 ноября сдѣланъ первый шагъ къ искорененію этого зла и, прибавимъ, сдѣланъ помимо того общаго порядка какимъ идетъ наша военная кодификація, какъ это видно изъ самаго приказа, гдѣ прямо сказано: „вмѣстѣ съ этимъ Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть: на должности эти на будущее время

вовсе не назначать офицеровъ въ чинѣ прапорщика."

№ 336.

Москва, 3-го декабря.

Въ такой по преимуществу земледѣльческой странѣ какъ Россія, ходъ всякихъ хозяйственныхъ дѣлъ, а стало-быть и положеніе финансовъ, находится въ большой зависимости отъ степени урожая. Такъ, урожай истекшаго года, безъ сомнѣнія, много облегчаетъ теперь заботы Министерства Финансовъ о поддержаніи равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ. Наоборотъ, недостаточно обильный урожай 1880 года создалъ въ свое время немалыя затрудненія и при составленіи смѣты на истекающій 1881 годъ, и въ особенности по исполненію бюджета въ тяжеломъ 1880 году. Только-что вышедшій въ свѣтъ *Отчетъ Государственнаго Контроля за 1880 годъ* даетъ возможность составить нѣкоторое понятіе о томъ какъ отозвались невыгодныя условія того года на нашихъ финансахъ.

Какъ видно изъ этого отчета, наше финансовое положеніе въ 1880 году далеко не было блестящимъ. Оставляя въ сторонѣ чрезвычайные расходы вызванные военными потребностями, а равно спеціальный бюджетъ желѣзнодорожнаго фонда, 1880 годъ по исполненію одного обыкновеннаго бюджета завершился дефицитомъ почти въ 43½ милліона рублей. Цифра крупная. Но такого ли дефицита можно было ожидать судя по набату который била почти вся печать годъ тому назадъ, когда были пущены въ ходъ чудовищные толки о размѣрахъ постигшаго страну неурожая и о хроническомъ голоданіи народа?

Крайняя раздутость этихъ толковъ выясняется даже при бѣгломъ просмотрѣ главыхъ частей контрольнаго отчета по исполненію росписи 1880 года. Ни въ одинъ изъ предыдущихъ годовъ казна не обращалась еще къ странѣ со столь большими денежными требованіями какъ въ 1880. Смѣта доходовъ по бюджету была опредѣлена слишкомъ въ $650\frac{7}{8}$ милл. руб., на $33\frac{1}{8}$ милл. болѣе чѣмъ въ 1879, на $92\frac{3}{8}$ милл. болѣе чѣмъ въ 1878 году. И что же? обманулось ли финансовое вѣдомство въ своихъ ожиданіяхъ касательно поступленія доходовъ? Нѣтъ, несмотря на необильный урожай, доходовъ поступило свыше 651 милл. Дефицитъ оказался результатомъ не недобора въ доходахъ, а разныхъ передержекъ по бюджетнымъ расходамъ и сверхсмѣтныхъ ассигнованій.

Недостаточный урожай, конечно, долженъ былъ чувствительно отозваться на поступленіи прямыхъ податей и выкупныхъ платежей. Послѣднихъ, напримѣръ, поступило не 44.136.234 руб., какъ въ 1879, а только 41.486.310 руб., на 2.649.924 руб. менѣе. Но такой недоборъ выкупныхъ платежей и увеличеніе выкупной недоимки съ небольшимъ на три милліона рублей (цифра этой недоимки поднялась съ 17.371.825 р. до 20.404.156 рублей) нисколько не затруднили выкупной операціи. Не только не понадобилось коснуться запаснаго капитала этой операціи, а напротивъ, за покрытіемъ всѣхъ требуемыхъ ею ежегодныхъ расходовъ, послѣдовало еще не малое приращеніе запаснаго выкупнаго капитала, помимо ежегоднаго увеличенія его отъ нарощенія процентовъ. Какъ велика цифра этого капитала, до сихъ поръ въ точности неизвѣстно ни публикѣ, ни самому правительству. Фактъ невѣроятный, но засвидѣтельствованный офиціально. Какъ могло быть это допущено лицами и учрежденіями завѣдывавшими громаднымъ оборотомъ выкупной операціи, тоже неизвѣстно. Гдѣ именно и въ одномъ ли мѣстѣ накопленный годами изъ крестьянскихъ взносовъ запасный выкупной капиталъ хранится, цѣлъ онъ или расхищенъ, пока нельзя сказать утвердительно. Счетоводство по этой части постоянно ускользало отъ Государственнаго Контроля. Годъ тому назадъ, Контролемъ была выражена надежда что онъ будетъ имѣть возможность представить полныя свѣдѣнія о запасномъ капиталѣ по выкупной операціи въ отчетѣ по исполненію росписи за 1880 годъ. Но истекъ годъ, и въ новомъ контрольномъ отчетѣ мы читаемъ: „Что касается запаснаго капитала выкупной операціи, то полныхъ свѣдѣній о немъ Государственный Контроль не имѣлъ возможности привести въ отчетѣ за 1880 „годъ, такъ какъ ко времени составленія „этого отчета отъ Государственнаго Банка не было получено тѣхъ отчетныхъ „данныхъ которыя онъ обязанъ былъ доставить по установленіи въ 1879 году

„особою, назначенною по соглашенію Министерства Финансовъ съ Государственнымъ Контролемъ, коммиссіей правилъ „счетоводства и отчетности по запасному „капиталу." Должно, однако, надѣяться что, въ виду такого заявленія, будутъ приняты мѣры чтобы понудить управленіе Государственнаго Банка къ скорѣйшему исполненію лежащей на немъ по выкупной операціи обязанности. Приведеніе въ ясность счетовъ по выкупной операціи есть дѣло серіозное и настоятельное. Это не какая-нибудь ликвидація мнимаго долга казны Государственному Банку, нисколько для страны не нужная и только налагающая на нее новыя излишнія тягости долговъ и податей.

Заговоривъ о вліяніи неурожая 1880 года на поступленіе выкупныхъ платежей, нельзя не замѣтить, между прочимъ, что несмотря на этотъ неурожай, сумма взносовъ въ *досрочную* уплату капитальнаго выкупнаго долга крестьянъ не только не уменьшилась въ 1880 году противъ предшедшаго года, но напротивъ превысила милліонъ рублей, то-есть поднялась до цифры какой прежде, кажется, еще ни разу ни достигала.

Что касается прямыхъ податей, играющихъ послѣ питейнаго налога самую видную роль въ бюджетѣ (выкупные платежи никакой роли въ немъ не играютъ), то они поступили въ 1880 году въ суммѣ на $8^1/_4$ милліоновъ меньшей противъ ожиданій бюджета, и на $6^7/_8$ милліоновъ меньшей противъ поступленія предшедшаго года. Но сокращеніе податныхъ сборовъ не было результатомъ только неурожая; тутъ имѣло также нѣкоторое участіе и сложеніе податныхъ недоимокъ по Высочайшему указу 19 февраля 1880, данному по случаю 25-лѣтняго юбилея царствованія въ Бозѣ почившаго Государя. Затѣмъ, недоборъ въ податяхъ не былъ повсемѣстнымъ. Онъ дошелъ до крупныхъ цифръ только въ дѣйствительности постигнутыхъ неурожаемъ Самарской и Саратовской губерніяхъ и въ немногихъ другихъ, гдѣ сельское хозяйство потерпѣло отъ вредныхъ насѣкомыхъ и другихъ неблагопріятныхъ причинъ.

На питейномъ налогѣ недостаточность урожая отозвалась еще менѣе чѣмъ на податяхъ. Питейные сборы дали 222 милліона вмѣсто ожидавшихся по росписи 225, то-есть только на три милліона менѣе противъ ожиданій или на $5^7/_8$ милліоновъ менѣе противъ предшедшаго года: прямое доказательство чрезмѣрно преувеличеннаго значенія какое придавалось неурожаю разными газетами или ихъ направителями. Да и вышеозначенное небольшое сокращеніе питейныхъ сборовъ было результатомъ не одного только недорода хлѣба, а также многихъ иныхъ причинъ, въ числѣ коихъ контрольный отчетъ въ особенности указываетъ на изданныя въ декабрѣ 1878 правила объ акцизѣ съ водокъ и о продажѣ водочныхъ издѣлій. На прочихъ статьяхъ доходовъ вліяніе неурожая отозвалось еще слабѣе, причемъ недочеты по однѣмъ были покрыты увеличеніемъ поступленій по другимъ статьямъ, такъ что въ общемъ итогѣ, какъ сказано, поступленіе доходовъ нѣсколько превзошло бюджетныя ожиданія. Оно лишь на 11 милл., то-есть менѣе чѣмъ на два процента, понизилось противъ исключительно обильнаго поступленія доходовъ въ предшедшемъ 1879, оставаясь все-таки на 25 милл. выше чѣмъ въ 1878 году, который по всей справедливости можетъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ финансовомъ отношеніи.

По части расходовъ, недостаточность урожая вызвала экстренныя продовольственныя пособія пострадавшимъ мѣстностямъ, что легло на бюджетъ выдачей 7.200.000 руб. (въ видѣ ссуды) въ подкрѣпленіе продовольственнаго капитала, растраченнаго, какъ извѣстно, не совсѣмъ осмотрительными ассигнованіями изъ него въ предшедшіе годы. Но не этою семимилліонною ссудой, конечно, можетъ быть объясненъ $43^1/_2$-милліонный дефицитъ. Онъ былъ преимущественно результатомъ, во-первыхъ, искусственной дороговизны созданной разыгравшеюся спекуляціей, во-вторыхъ—нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, ускользающаго отъ контроля еще въ большей степени чѣмъ выкупная операція, и втретьихъ, вообще особаго обилія сверхсмѣтныхъ расходовъ которымъ ознаменовался 1880 годъ сравнительно съ предшедшими годами. Общій итогъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій превысилъ 56 милліоновъ рублей—цифра какая давно уже не встрѣчалась въ контрольныхъ отчетахъ. Не будь этихъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, не было бы и дефицита.

Самую крупную статью въ ихъ итогѣ составляютъ „расходы исчисляемые по смѣ-

тамъ въ приблизительныхъ размѣрахъ, которые, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ и другихъ обстоятельствъ, оказались недостаточными." Эта статья легла на бюджетъ передержкой $24^1/_2$ милліоновъ. Не разыграйся поощренная тенденціозно-либеральными воплями о голодѣ спекуляція вызвавшая дороговизну, дефицитъ, вѣроятно, былъ бы менѣе оказавшагося на дѣлѣ.

Но едва ли не дороже чѣмъ эта спекуляція обошлось казнѣ наше хаотическое желѣзнодорожное хозяйство. Уплата по гарантіямъ дошла до небывалой цифры $19^1/_2$ милліоновъ рублей. Уплата процентовъ по желѣзнодорожнымъ облигаціямъ, обычно падающая на казну въ гораздо большой мѣрѣ чѣмъ на дороги, также была въ 1880 году особенно тягостною. Дороги далеко не дали даже той малой доли платежей по облигаціямъ которая отъ нихъ ожидалась по бюджету, такъ что по этой статьѣ бюджетныхъ доходовъ оказался недоборъ болѣе чѣмъ въ $7^1/_2$ милліоновъ рублей. Между прочимъ, дороги Харьково-Николаевская, Козлово - Воронежско - Ростовская, Новгородская, Либаво - Роменская, Ростово-Владикавказская, Моршанско-Сызранская, Лозово-Севастопольская и Фастовская вовсе не внесли процентовъ и погашенія на свои облигаціонные капиталы. Возвратъ казенныхъ ссудъ, отъ котораго дороги вообще воздерживаются, шелъ въ 1880 году еще хуже чѣмъ прежде, такъ что, даже по той малой цифрѣ взносовъ которая ожидалась отъ нихъ по бюджету, образовалась новая недоимка въ 1.161.635 рублей.

Но тяжесть какою ложится на казну желѣзнодорожное хозяйство въ его нынѣшнемъ видѣ не можетъ быть опредѣляема только тѣмъ вліяніемъ которое оказываетъ оно на сокращеніе доходовъ и на возрастаніе расходовъ въ обыкновенномъ бюджетѣ. По этой части имѣется еще свой особый, спеціальный бюджетъ желѣзнодорожнаго фонда, изъ котораго ежегодно сыплются щедрою рукой десятки милліоновъ рублей въ ссуды обществамъ желѣзныхъ дорогъ, въ ссуды, которыхъ уплата едва ли и ожидается. Въ одномъ 1880 году долгъ лежащій на желѣзныхъ дорогахъ увеличился слишкомъ на 83 милліона рублей. Къ 1 января 1880 года итогъ этого долга былъ 450.700.000; къ 1 января 1881 года онъ составлялъ уже 534.100.000 рублей. Что̀ значатъ, въ сравненіи съ долгами и недоимками числящимися на желѣзныхъ дорогахъ, недоимки въ податяхъ и выкупныхъ платежахъ крестьянъ, на которыя постоянно обращается особенное вниманіе? Какъ много выиграло бы наше государственное хозяйство если бы на взысканіе желѣзнодорожныхъ долговъ и недоимокъ была обращена хоть малая доля той энергіи съ какою взыскиваются недоимки съ крестьянскихъ обществъ! Но казенный интересъ, столь строго соблюдаемый при взысканіи податныхъ сборовъ и недоимокъ, отступаетъ далеко на задній планъ когда сталкивается съ интересами желѣзнодорожныхъ обществъ съ ихъ преимущественно иноземными акціонерами. Какъ соблюдается у насъ иногда государственный интересъ при операціяхъ съ государственнымъ фондомъ, можно судить по извѣстной, но до сихъ поръ не вполнѣ разъясненной исторіи Либаво-Роменскихъ акцій. Было израсходовано $2^1/_2$ милліона (металлическихъ) наличныхъ казенныхъ денегъ на покупку акцій. Затѣмъ желѣзнодорожное общество (фиктивное) покупаетъ эти самыя акціи у казны обратно, но не на свои деньги, а на средства желѣзнодорожнаго фонда. Въ приложеніяхъ къ контрольному *Отчету* за 1880 годъ (стр. 146), въ графѣ озаглавленной: „Правительство обязалось уплатить обществамъ, строителямъ и другимъ лицамъ", мы находимъ 2.500.000 (металлическихъ рублей). На какой предметъ обязалось правительство уплатить эту сумму? Какъ вы полагаете? „На пріобрѣтеніе Обществомъ Либаво-Роменской желѣзной дороги акцій этой дороги принадлежавшихъ казнѣ",—вотъ отвѣтъ который даетъ на этотъ вопросъ Государственный Контроль. Эту принятую на себя обязанность правительство исполнило еще до 1880 года, выдавъ наличными деньгами 3.012.800 р. 69 к. (кредитныхъ), какъ значится въ томъ же *Отчетѣ* Контроля. Какъ понимать это опубликованное Государственнымъ Контролемъ свѣдѣніе? Покупка акцій обошлась правительству слишкомъ въ три милліона рублей (кредитныхъ); обратная продажа ихъ обошлась казнѣ тоже въ три милліона рублей. Выгодная покупка, выгодная продажа! Признаемся, мы не постигаемъ разчета которымъ руководились распорядители желѣзнодорожнаго фонда совершившіе такую операцію. Неужели это обычный, не требующій объясненія

способъ распоряженія этимъ фондомъ? Если такъ, то не удивительно что въ теченіе многихъ лѣтъ всѣ попытки сколько-нибудь привести въ ясность и распутать счеты и разчеты желѣзнодорожнаго фонда оставались, какъ и понынѣ остаются, тщетными.

Кромѣ специальнаго желѣзнодорожнаго, внѣ общаго бюджета ведется еще у насъ, начиная съ 1876 года, особый бюджетъ „расходовъ чрезвычайныхъ, вызванныхъ военными потребностями". Въ 1880 году по этому специальному бюджету были израсходованы уже не такія крупныя суммы какъ въ предшедшіе годы, а всего 54.818.163 р., считая въ томъ числѣ 10.771.799 руб. истраченныхъ „по принятію мѣръ предосторожности при переговорахъ съ Китаемъ", окончившихся заключеннымъ недавно миромъ, и 16.287.991 р. „по экспедиціи въ Закаспійскій край" (въ 1879 году на расходы по экспедиціи въ Текинскій оазисъ было израсходовано 4.686.090 р.).

Покрытіе чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, вмѣстѣ съ дефицитомъ въ 43.488.631 р. по обыкновенному бюджету, потребовало въ 1880 году внѣбюджетныхъ средствъ въ количествѣ 98.306.794 рублей. Въ счетъ этой суммы пошли, вопервыхъ, свободные остатки доходовъ какъ 1879 (20.029.234 р.) такъ и 1874, 1875 и 1876 годовъ (2.441.285 р.), вовторыхъ, оставшіяся еще неизрасходованными суммы 3-го Восточнаго займа (12.081.991 р.), и втретьихъ, 33.475.607 р. изъ суммъ желѣзнодорожнаго займа 1880 года; затѣмъ остальные 30.278.675 рублей подлежали отнесенію на счетъ позаимствованій изъ Государственнаго Банка.

Таковы, въ главныхъ общихъ чертахъ, финансовые результаты 1880 года. Общее впечатлѣніе производимое вышедшимъ контрольнымъ *Отчетомъ* то что въ указанныхъ результатахъ главную роль играли не недостаточный урожай и исключительныя обстоятельства того года, а способы распоряженія государственными финансовыми средствами, заставляющіе, между прочимъ, усомниться въ полезности выдѣленія изъ общаго особыхъ специальныхъ бюджетовъ. Наши специальные бюджеты вообще отличаются крайнею запутанностью счетовъ. Это ярко обозначилось и по выкупной операціи, и по желѣзнодорожному фонду. Не лучше ли было бы включить ихъ въ одинъ общій бюджетъ?

№ 337.

Москва, 4-го декабря.

А.

Состоявшееся упраздненіе Кавказскаго намѣстничества есть послѣдній актъ долговременной и многотрудной исторіи, распространявшей и утверждавшей въ этихъ мѣстахъ владычество Россіи. Вчера обнародованное по этому предмету Высочайшее повелѣніе есть событіе которымъ окончательно и вполнѣ сливается съ Россіей эта часть ея владѣній. Война съ горными племенами Кавказа давно уже кончилась; но пока Кавказъ управлялся на особыхъ основаніяхъ, пока кавказскія и закавказскія губерніи оставались сгруппированными въ особое намѣстничество, край этотъ не былъ въ положеніи нормальномъ. Онъ казался какъ бы отдѣльнымъ царствомъ только прикованнымъ къ Россіи: теперь онъ входитъ въ ея составъ какъ ея живая, органическая часть. Все то хорошо что̀ выходитъ изъ двусмыслія и приходитъ къ болѣе точному, болѣе правильному и истинному выраженію. Это органическое сліяніе съ Россіей ея восточной окраины, исполненной неистощимыхъ природныхъ богатствъ и населенной разнообразными племенами которыя могутъ гармонически и плодотворно слиться между собою лишь на русской почвѣ, послужитъ во благо и Россіи, и Кавказу. Дай Богъ только чтобы новая жизнь для этихъ областей началась при условіяхъ вполнѣ благопріятныхъ, при свѣтѣ твердыхъ государственныхъ воззрѣній. До сихъ поръ Кавказъ былъ для Россіи только заботой, тяготою, повинностью, которую она несла въ силу исторической необходимости и которая стоила ей тяжкихъ жертвъ. Да будетъ же онъ впредь однимъ изъ обильныхъ источниковъ общаго благосостоянія и да процвѣтетъ онъ самъ всѣми своими великими, кроющимися въ немъ, силами! Въ ущельяхъ его все теперь спокойно, окрестъ его царствуетъ полная безопасность. Не требуется напряженныхъ усилій чтобы держать и охранять его. Переходное состояніе послѣдовавшее за покореніемъ Кавказа благополучно совершило свое дѣло. Теперь для этого края, въ полномъ единеніи съ великимъ цѣлымъ, наступила пора гражданственности и спокойнаго развитія.

Почти въ одно время съ упраздненіемъ Кавказскаго комитета, упраздненъ и комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго. Крестьянскія и другія дѣла въ этой западной окраинѣ Русской державы подчинены соотвѣтственнымъ центральнымъ управленіямъ Имперіи. Вопреки всѣмъ возгласамъ враждебныхъ партій, никогда благосостояніе привислинскихъ провинцій не стояло такъ высоко какъ по упраздненіи въ немъ намѣстничества и при сліяніи его съ Имперіей. Населенія этого края ожили, и никогда производительныя силы его не развивались такъ обильно и плодотворно...

Все было бы хорошо еслибы не закравшаяся къ намъ крамола, которая ознаменовала себя неслыханными въ нашемъ отечествѣ ужасами. Грустно подумать что эта крамола не имѣющая никакихъ корней въ самомъ народѣ нашемъ, явно враждебная нашему отечеству, продолжаетъ держаться, не отстаетъ отъ своихъ замысловъ, не слабѣетъ въ своихъ попыткахъ, несмотря на принимаемыя противъ нея мѣры. Что̀ же это означаетъ? Не то ли что мѣры принимаемыя противъ зла не касаются причинъ его, а имѣютъ дѣло только съ послѣдствіями, только обрываютъ листья, но не касаются корней?

Послѣ такого страшнаго событія какъ дѣло 1 марта, крамола, какъ бы для того чтобы заявить свою живучесть, снова выслала одного изъ уловленныхъ въ ея сѣти, порабощенныхъ и загубленныхъ ею людей на дѣло убійства. „При изслѣдованіи," сказано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, совершившагося 13 минувшаго ноября покушенія на жизнь товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-майора Черевина, подтвердилось что при учиненіи помянутаго преступленія виновные, дѣйствуя подъ вліяніемъ превратныхъ лжеученій, руководствовались побужденіями исключительно политическаго свойства."

Упорное существованіе крамолы и возобновляющіяся попытки ея не служатъ ли признакомъ какихъ-либо аномалій въ нашихъ дѣлахъ, какихъ-нибудь неправильностей въ нашемъ правительственномъ организмѣ, чего-либо недосказаннаго или не ясно сказаннаго въ нашемъ законодательствѣ? Не сюда ли должно быть направлено наше вниманіе? Принимая необходимыя репрессивныя мѣры противъ злоумышленниковъ и ихъ рабовъ, не слѣдуетъ ли оглянуться вокругъ и провѣрить все ли благополучно, все ли правильно поставлено въ нашихъ учрежденіяхъ, въ нашихъ реформахъ, въ нашихъ нагроможденныхъ одинъ на другой порядкахъ? Нѣтъ ли тутъ роковыхъ недоразумѣній и внутреннихъ противорѣчій? Государство русское стоитъ незыблемо и твердо. Оно могущественнѣе чѣмъ когда-либо во всѣ эпохи своей исторіи. Государственная власть, собранная и утвержденная трудомъ и кровью столькихъ поколѣній, не утратила ни въ чемъ полноты своей. Откуда же эта всеобщая прострація, этотъ маразмъ, эта немощь, наконецъ это безлюдіе въ тѣхъ сферахъ гдѣ прежде всего требуется здравый смыслъ и твердый характеръ? Если почва подъ нами тверда, то почему ноги наши стоятъ на ней не твердо? Если мы здоровы физически, то не отъ болѣзней ли мнѣнія слѣдуетъ намъ полѣчиться? Характеристическій признакъ нашего общества въ настоящее время есть праздномысліе и неистощимая болтовня. Никто не хочетъ дѣлать попросту свое дѣло; у всякаго свой проектъ на языкѣ, если не на умѣ, каковой не у всѣхъ имѣется. Это называется либерализмомъ, но это есть растлѣніе, и въ такомъ растлѣніи какъ же не заражаться и не дѣйствовать всякой крамолѣ?..

Б.

Пожаръ вѣнскаго Рингъ-Театра, повергшій въ прошедшій четвергъ въ ужасъ и отчаяніе милліонное населеніе „веселой" столицы Габсбургской монархіи, не могъ не произвести удручающаго впечатлѣнія и во всемъ остальномъ мірѣ. Этотъ пожаръ, бѣдственныя послѣдствія котораго выяснились не сразу во всѣхъ своихъ страшныхъ подробностяхъ, былъ не только потрясающимъ несчастіемъ, но и знаменательнымъ предостереженіемъ и притомъ вторымъ въ теченіе одного года. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сгорѣлъ театръ въ Ниццѣ, около 150 людей стали жертвами этого пожара. Но Ницца городъ небольшой; средства тушенія были тамъ не велики; самый театръ былъ построенъ очень плохо, какъ большинство французскихъ театровъ, и можно было еще успокоиться мыслію что при другихъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для борьбы съ огнемъ и при менѣе небрежномъ отношеніи театральной администраціи и полиціи къ охраненію безопас-

ности, не могло случиться того что̀ было въ Ниццѣ. Но вотъ театръ построенный всего семь лѣтъ тому назадъ (въ 1874 г.), на одной изъ самыхъ широкихъ и великолѣпныхъ улицъ въ мірѣ, въ столицѣ кичащейся своимъ образцовымъ городскимъ управленіемъ и усовершенствованными способами для борьбы съ огнемъ, огромный театръ построенный по всѣмъ правиламъ техническаго искусства и со всѣми приспособленіями какія только придуманы въ новѣйшее время для предохраненія отъ огня и для моментальнаго прекращенія вспыхнувшаго пожара: по свидѣтельству мѣстныхъ газетъ, тамъ были такіе громадные резервуары воды что при открытіи крановъ для тушенія огня, показавшагося во время спектакля, скорѣе можно было бы опасаться что публика подвергнется опасности утонуть: для изолированія сцены отъ зрительной залы въ случаѣ пожара имѣлась особая желѣзная завѣса. Но люди особо приставленные для того чтобы пустить въ ходъ всѣ имѣвшіяся средства борьбы съ огнемъ, въ минуту опасности, потеряли голову и разбѣжались; ни одинъ кранъ не былъ открытъ; желѣзная завѣса осталась не опущенною, и огонь охватилъ все зданіе театра въ теченіе 15—20 минутъ; пожарные прибыли въ то время, когда проникнуть внутрь горѣвшаго зданія уже не было никакой возможности, и тѣ кто не успѣли выбраться въ первыя минуты пожара погибли задушенные въ дыму, задавленные толпой, безумно метавшеюся ища выхода, или сгорѣвшіе живыми. Болѣе тысячи человѣкъ погибли такимъ образомъ, а спаслась едва одна треть публики, ибо въ театрѣ было всего 1.700 мѣстъ, и хотя всѣ мѣста были проданы на этотъ вечеръ, но не всѣ еще собрались, а пожаръ вспыхнулъ до поднятія занавѣса. Верхніе ярусы и галлереи однако уже были переполнены, и эта-то часть публики почти поголовно сдѣлалась жертвой. Всего ужаснѣе было то, что кому-то пришла въ голову несчастная мысль закрыть резервуаръ газа дабы предупредить взрывъ въ газопроводахъ. Всѣ корридоры къ выходамъ, куда ринулась публика, мгновенно погрузились въ совершенную темноту. Въ вѣнскихъ театрахъ постановлено обязательное правило чтобы въ корридорахъ постоянно горѣли, сверхъ газовыхъ рожковъ, резервныя масляныя лампы. Но ни одна изъ такихъ лампъ не горѣла, и люди, объятые паническимъ страхомъ, толкались и бѣжали въ абсолютной темнотѣ, не зная гдѣ искать выхода. Ужасающія сцены должны были разыграться въ этой толкотнѣ и давкѣ среди мрака. Немногимъ крѣпкимъ мущинамъ удалось выбраться, и они-то разказываютъ ужасающія вещи о тѣхъ минутахъ которыя имъ пришлось пережить и которыя показались имъ вѣчностью. Но еще ужаснѣе свидѣтельствуютъ о давкѣ многіе изъ найденныхъ подъ развалинами труповъ. Многіе оказались совершенно раздавленными, не имѣя ни одного цѣлаго ребра; во многихъ мѣстахъ трупы оказались до такой степени сплетенными между собою что ихъ невозможно было разнять; въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ пунктахъ корридоровъ образовались баррикады изъ наваленныхъ одно на другое человѣческихъ тѣлъ. Падая отъ натиска людей напиравшихъ сзади, передніе гибли подъ ногами заднихъ и въ свою очередь становились причиною гибели для тѣхъ кому они своими тѣлами преграждали путь...

Само собою разумѣется что обезумѣвшее отъ горя и отчаянія вѣнское населеніе во что̀ бы то ни стало желаетъ отыскать прямыхъ виновниковъ несчастія, и что этихъ виновниковъ оказывается не мало. Виновна администрація театра не наблюдавшая за тѣмъ чтобы предосторожности, по заведенному разъ навсегда порядку, были дѣйствительно приняты; виновны люди на коихъ было возложено принятіе мѣръ къ прекращенію огня и которые всѣ растерялись и ничего не сдѣлали когда еще была полная возможность все спасти; виновна полиція которая не удостовѣрилась предварительно все ли въ порядкѣ по части пожарныхъ предосторожностей въ театрѣ; виновна наконецъ пожарная команда, которая по своей ли медлительности, или потому что пожарный сигналистъ не извѣстилъ ее вовремя, прибыла на мѣсто почти полчаса послѣ начала пожара, когда все зданіе театра уже было объято пламенемъ и бо̀льшая часть остававшихся въ зданіи людей уже задохлись въ дыму или были задавлены.

Но, помимо всѣхъ этихъ мѣстныхъ причинъ и преступныхъ упущеній, имѣются еще причины общія всѣмъ вообще театрамъ и многолюднымъ сборищамъ, и вопросъ въ томъ достаточно ли обращено до сихъ поръ вниманіе на опасность отъ огня всегда присущую театрамъ въ большей мѣрѣ

нежели инымъ зданіямъ. На театральныхъ сценахъ всегда скоплено большее количество горючаго матеріала нежели гдѣ-либо: кулисы, декораціи, снаряды и машины всякаго рода, множество веревокъ, бумаги, дерева и холста, и среди всего этого много огней, нужныхъ для освѣщенія, а сверхъ того еще разнаго рода огни нужные для сценическихъ эффектовъ. Можно ли сказать чтобы гдѣ-либо существовала спеціальная система, всесторонне обдуманная и строго исполняемая для предохраненія театровъ и публичныхъ зрѣлищъ отъ пожаровъ, такая система которая расширялась бы и совершенствовалась бы вмѣстѣ съ развитіемъ техники театральнаго дѣла, вѣчно „играющей съ огнемъ?“

Исторія пожаровъ въ театрахъ лучше всего доказываетъ что опасность эта не уменьшается, а возрастаетъ. Вѣнскія газеты ссылаются на книгу написанную спеціально по этому предмету нѣкіимъ Фельшемъ (къ сожалѣнію не приведено точное заглавіе оной), разработавшимъ печальную статистику театральныхъ пожаровъ. За послѣднее столѣтіе онъ насчитываетъ такихъ пожаровъ (не считая пожаровъ въ концертныхъ залахъ) 460, и въ томъ числѣ *сто двадцать* за послѣднія одиннадцать лѣтъ! По разчету названнаго автора, въ настоящее время приходится до 13 театральныхъ пожаровъ въ годъ, и замѣчается движеніе этой цифры къ повышенію, что̀ весьма естественно; ибо въ старину театры освѣщались плохо, и часто не отапливались вовсе. Теперь же газъ, электричество и всякаго рода искусственный свѣтъ играютъ огромную роль въ сценическомъ дѣлѣ, а усовершенствованное отопленіе не только доставляетъ зрителямъ необходимое тепло, но отлично сушитъ все что̀ въ театрѣ и безъ того представляетъ обильную пищу для огня. А между тѣмъ законодательныя мѣры и служебныя инструкціи для полиціи, кои должны служить противовѣсомъ этой возрастающей опасности, далеко отстали и большею частію устарѣли совсѣмъ, будучи разчитаны на иныя условія, а главное остаются мертвою буквой или же исполняются съ крайней небрежностью.

Дай Богъ чтобы страшный урокъ заключающійся въ вѣнской катастрофѣ послужилъ и для насъ предостереженіемъ!

№ 338.

Москва, 5-го декабря.

Со дня на день ожидается рѣшеніе вопроса объ обязательномъ выкупѣ земельныхъ надѣловъ крестьянами остававшимися до нынѣ на положеніи временно-обязанныхъ. Въ настоящую минуту это, можно сказать, самый животрепещущій вопросъ, невольно привлекающій къ себѣ вниманіе.

Въ принципѣ обязательный выкупъ уже минувшею весной былъ дѣломъ окончательно рѣшенымъ. Экспропріація земельныхъ надѣловъ еще не выкупленныхъ крестьянами у помѣщиковъ должна совершиться, и срокомъ ея, сколько извѣстно, назначено 1 января 1883 года. Но всякая экспропріація должна сопровождаться справедливымъ вознагражденіемъ тѣхъ чья собственность, чьи права отчуждаются. Большею частію такія вознагражденія погрѣшаютъ излишнею щедростью, оцѣнкой отчуждаемыхъ имуществъ и правъ выше того что̀ они сто̀ятъ въ дѣйствительности. Извѣстно какъ щедро вознаграждались владѣльцы при перестройкахъ Парижа производившихся при Наполеонѣ III, и къ какимъ спекуляціямъ подавали поводъ разчеты на эту щедрость въ кварталахъ подвергавшихся перестройкѣ. У насъ, при отчужденіяхъ собственности вызываемыхъ, напримѣръ, постройкой желѣзныхъ дорогъ, интересы частныхъ лицъ тоже вообще старательно ограждались, такъ что эти отчужденія для собственниковъ, большею частію, не только не были печальною необходимостью, а напротивъ были счастливою случайностью. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать чтобъ и при предстоящей экспропріаціи имущества и правъ предоставленныхъ помѣщикамъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года, затрогиваемые ею интересы частныхъ лицъ были пренебрежены или уважены въ меньшей мѣрѣ чѣмъ при отчужденіяхъ въ другихъ случаяхъ. Государственный интересъ требуетъ чтобъ обязательный выкупъ былъ мѣрою благодѣтельною для крестьянъ, чтобъ онъ былъ совершенъ на возможно болѣе льготныхъ для нихъ условіяхъ. Но въ государственные интересы вовсе не входитъ придать обязательному выкупу значеніе мѣры карательной для помѣщиковъ и совершить его на условіяхъ для нихъ разорительныхъ. Объ этомъ, кажется, было бы даже из-

лишне упоминать, еслибы не имѣлось въ виду странныхъ сужденій по этому предмету высказываемыхъ въ нашей печати.

Такъ, рекомендуется произвести обязательный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ у русскихъ помѣщиковъ чуть ли не на тѣхъ же основаніяхъ какъ былъ онъ произведенъ въ западномъ краѣ въ силу указовъ 1 марта, 30 іюля и 2 ноября 1863 года. Но къ тому чтобы примѣнить къ помѣщикамъ центральной Россіи мѣру которая была вызвана въ ея западной окраинѣ, во время послѣдняго польскаго мятежа, извѣстными политическими обстоятельствами столь же мало основаній, какъ и къ тому чтобъ обложить русскихъ помѣщиковъ тѣмъ десяти- или пяти-процентнымъ сборомъ какимъ обстоятельства вынудили въ свое время облагать помѣщиковъ польскаго происхожденія. Въ виду исключительныхъ политическихъ обстоятельствъ, при которыхъ происходилъ обязательный выкупъ въ западныхъ губерніяхъ, устраненіе всякихъ добавочныхъ платежей не только не было нарушеніемъ справедливости, но требовалось ею. Но чѣмъ могло бы это быть оправдано при нынѣшнихъ обстоятельствахъ во всей центральной Россіи?

Помѣщикамъ ставится въ вину, за которую будто бы нужно ихъ покарать, то обстоятельство что они де изъ своихъ разчетовъ тормозили выкупныя сдѣлки. Еслибъ это и было совершенно справедливо относительно всѣхъ помѣщиковъ у которыхъ земельные надѣлы до сихъ поръ не выкуплены крестьянами, вмѣняемое помѣщикамъ обстоятельство вовсе не имѣетъ такого характера которымъ могла бы быть оправдана предлагаемая притѣснительная для нихъ мѣра. Пользоваться правами предоставленными закономъ не есть преступленіе влекущее за собой наказаніе. Ни одинъ помѣщикъ не былъ обязанъ, въ виду освобожденія крестьянъ, приносить жертвы свыше тѣхъ которыя были потребованы отъ него Положеніемъ 19 февраля. Это Положеніе вовсе не налагало на помѣщиковъ обязанности торопиться заключеніемъ выкупныхъ сдѣлокъ. Помѣщикамъ предоставлялось на выборъ, или пользоваться оброкомъ въ установленныхъ размѣрахъ, или требовать обязательнаго выкупа съ отказомъ отъ дополнительнаго платежа, или входить съ крестьянами въ полюбовныя выкупныя сдѣлки съ полученіемъ добавочныхъ къ выкупной ссудѣ платежей. И то, и другое, и третье было равно законнымъ средствомъ пользованія землей, которая, будучи отведена въ надѣлъ крестьянамъ, не переставала быть помѣщичьею собственностью. Каждый избиралъ изъ указанныхъ закономъ средствъ то которое было ему удобнѣе и выгоднѣе. Казалось бы что оброкъ для помѣщика всего выгоднѣе: доходъ отъ процентныхъ бумагъ которыя получалъ онъ при выкупѣ значительно менѣе дохода отъ оброка. Но значительныя оброчныя недоимки и трудность ихъ взысканія при разныхъ неустройствахъ по этой части были для помѣщиковъ сильнымъ побужденіемъ къ ускоренію выкупа, въ видахъ замѣны большаго, но невѣрнаго дохода меньшимъ, но вѣрнымъ. Другимъ побужденіемъ къ ускоренію выкупа было желаніе капитализовать доходъ получаемый съ крестьянскихъ надѣловъ, получить разомъ болѣе или менѣе круглую сумму. На ускореніе и замедленіе выкупа не оставалось также безъ нѣкотораго вліянія ожиданіе переоброчки: въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля хуже и дешевле, оно побуждало торопиться выкупомъ; въ черноземныхъ, гдѣ земля дорога, оно могло служить побужденіемъ воздерживаться отъ выкупа. Неодинаковость условій и разчетовъ въ разныхъ мѣстностяхъ вела къ тому что въ иныхъ губерніяхъ, преимущественно нечерноземныхъ, былъ болѣе въ ходу обязательный выкупъ по требованію помѣщика, то-есть отъ добавочныхъ къ выкупной ссудѣ платежей; въ другихъ же губерніяхъ, особенно въ черноземныхъ, преобладали выкупныя сдѣлки съ добавочными платежами. Тормозить или не тормозить ходъ выкупа не было ни грѣхомъ, ни особенною заслугой со стороны помѣщиковъ, точно также какъ не было грѣхомъ со стороны крестьянъ когда они, не соглашаясь на дополнительные платежи тамъ гдѣ безъ нихъ выкупныя сдѣлки по мѣстнымъ условіямъ вообще не заключались, задерживали тѣмъ общій ходъ выкупа. Но часто выкупъ тормозился обстоятельствами не зависящими ни отъ крестьянъ, ни отъ помѣщика. Однимъ изъ такихъ тормозящихъ условій была во многихъ мѣстностяхъ черезполосность владѣній; это зло которымъ чуть не на половину уменьшается цѣнность тѣхъ имѣній гдѣ оно существуетъ, особливо въ черноземныхъ губерніяхъ. До самаго из-

данія правилъ 25 декабря 1879 года, черезполосность была формальнымъ препятствіемъ къ выкупу, мѣшавшимъ полученію выкупныхъ ссудъ даже тѣми помѣщиками которые домогались обязательнаго выкупа безъ добавочныхъ платежей. Въ мѣстностяхъ же гдѣ выкупныя сдѣлки заключались обыкновенно не иначе какъ съ добавочными платежами, самыя правила 25 декабря 1879 не могли уже дать толчокъ дѣлу выкупа, ибо почти вслѣдъ за ихъ изданіемъ пронеслись первые слухи объ обоюду-обязательномъ выкупѣ. Формальный тормазъ выкупа, черезполосность постоянно задерживала его, такъ сказать, по самому своему существу: кому желательно закрѣпить и увѣковѣчить, посредствомъ выкупа, создаваемое черезполосностью тяжкое положеніе? На эту сторону дѣла въ разныхъ газетахъ, вообще не привыкшихъ относиться къ обсуждаемымъ вопросамъ серіозно, не было обращено никакого вниманія. Дешевый либерализмъ требуетъ чтобы землевладѣльцы терпящіе отъ черезполосности были еще наказаны лишеніемъ дарованнаго имъ закономъ права на дополнительные къ выкупной ссудѣ платежи, наказаны за то что наслѣдованная отъ прежняго времени черезполосность не позволяла имъ до сихъ поръ заключать выкупныя сдѣлки съ временно-обязанными крестьянами.

Справедливое желаніе помѣщиковъ чтобъ у нихъ не было отнято право на дополнительные платежи (равняющіеся четвертой части выкупной ссуды) выставляется нашими либерами какою-то крѣпостническою претензіей. Этимъ господамъ кажется дикимъ приведенное въ № 328 *Московскихъ Вѣдомостей* заявленіе одного курскаго помѣщика что обязательный выкупъ безъ добавочнаго платежа сократилъ бы весь получаемый имъ съ имѣнія доходъ почти на цѣлую треть, съ 2.385 р. до 1.600 р. Такъ молъ и надо, и сожалѣть о такой потерѣ дохода есть крѣпостничество. Этотъ помѣщикъ цѣлыхъ 20 лѣтъ пользовался оброкомъ, который много крупнѣе дохода отъ выкупныхъ процентныхъ бумагъ. Еслибъ у него выкупъ былъ сдѣланъ 20 лѣтъ назадъ, то полученная выкупная ссуда съ дополнительнымъ платежемъ, плюсъ проценты съ выкупныхъ бумагъ за 20 лѣтъ, дали бы въ итогѣ не болѣе того что̀ составятъ выдаваемая при предстоящемъ обязательномъ выкупѣ выкупная сумма плюсъ полученный въ теченіи 20 лѣтъ оброкъ. Стало-быть давать добавочный платежъ не слѣдуетъ!? По мнѣнію нашихъ либераловъ, лица пользовавшіяся прежде достаточнымъ доходомъ отъ своего имущества уже тѣмъ самымъ заслужили чтобы впредь ихъ заставили жить въ проголодь. Они при этомъ ни подъ какимъ видомъ не должны считать себя обиженными сравнительно, напримѣръ, съ ихъ сосѣдями которые успѣли заключить выгодныя сдѣлки за годъ или за два предъ симъ и, пользовавшись въ теченіе 18—20 лѣтъ оброкомъ, получили сверхъ того и дополнительные платежи. Слѣдуя проповѣдуемой теоріи вознагражденій при экспропріаціи, доходная Рязанская дорога могла бы быть нынѣ взята въ казну безо всякаго вознагражденія акціонеровъ. Это было бы столь же справедливо какъ и лишеніе помѣщика добавочныхъ къ выкупной ссудѣ платежей: тѣ доходы которые получены въ теченіе многихъ лѣтъ акціонерами составятъ сумму не меньшую той какую получили бы акціонеры въ случаѣ выкупа дороги въ самый моментъ ея открытія.

Для правильнаго взгляда на дѣло и въ видахъ соблюденія справедливости въ его рѣшеніи, не излишне принять въ соображеніе сообщенныя въ газетѣ *Новости* свѣдѣнія о совѣщаніяхъ коммиссіи по вопросу о чиншевикахъ. Эти свѣдѣнія, неизвѣстно въ какой степени достовѣрныя (они, однако, нигдѣ не опровергнуты), могутъ дать поводъ помѣщикамъ Курской, Тульской, Орловской, Полтавской и иныхъ великорусскихъ и малорусскихъ губерній сравнить свое положеніе съ положеніемъ помѣщиковъ Ковенской и Виленской губерній. Первымъ, въ случаѣ выкупа, предстоитъ полученіе денегъ за земли отходящія ко временно-обязаннымъ крестьянамъ, вторымъ за земли отходящія отъ чиншевиковъ; тѣмъ и другимъ—при посредствѣ правительства. Но за превосходныя земли, напримѣръ Курской губерніи, въ случаѣ отказа въ дополнительныхъ платежахъ, было бы дано помѣщику въ вознагражденіе тридцать, или съ небольшимъ тридцать, рублей за десятину; а за много худшія земли Ковенской губерніи тамошнему помѣщику по 60 или 70 рублей за десятину. Однимъ этимъ неравенство не ограничивается. Въ Виленской и Ковенской губерніи предполагается одновременно съ выкупомъ положить конецъ черезполосному

владѣнію переселеніемъ вольныхъ людей на границы имѣній. Но и во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ черезполосица не менѣе вредна и не менѣе требуетъ прекращенія. Послѣ обязательнаго выкупа неизбѣжно должны возникнуть затрудненія при „окончательномъ разверстаніи помѣщичьихъ и крестьянскихъ угодій" (ст. 71 Мѣстн. Полож. для губ. Великор., Нов. и Бѣл.). Почему вопросъ о выкупѣ не соединенъ съ принятіемъ экстренныхъ мѣръ къ ускоренію размежеванія, въ видахъ устраненія столь вредной въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ черезполосицы, повсемѣстно, а не въ одномъ Западномъ краѣ? Вѣдь вопросы о временно-обязанныхъ крестьянахъ и о чиншевикахъ въ сущности однородны. Чиншевики de facto тѣ же временно-обязанные, только бывшіе таковыми съ болѣе давняго времени. Разницы между дѣйствительнымъ положеніемъ тѣхъ и другихъ въ настоящее время почти никакой нѣтъ; да и въ прошломъ, если взять съ одной стороны этихъ чиншевиковъ, а съ другой временно-обязанныхъ бывшихъ оброчными изстари (въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне состояли на оброкѣ со времени Петра Великаго), особенно замѣтной разницы между тѣми и другими не окажется.

Оставленіе за помѣщиками права на добавочные платежи ни въ какомъ отношеніи не было бы уступкой какой-то помѣщичьей партіи, противополагаемой партіи крестьянской. При обязательномъ выкупѣ, добавочные платежи не были бы возложены на крестьянъ, а были бы приняты на себя казной. Для казны это не было бы серіознымъ отягощеніемъ, такимъ въ виду котораго по необходимости пришлось бы потребовать отъ помѣщиковъ экстренной жертвы въ пользу государства, отказа отъ значительной части ихъ имущественныхъ правъ, подобно тому какъ это было сдѣлано въ моментъ освобожденія крестьянъ. Еслибы признано было справедливымъ выдать единовременные добавочные платежи всѣмъ безъ исключенія помѣщикамъ у которыхъ остались временно-обязанные крестьяне (настоятельность и справедливость такихъ выдачъ не одинакова въ разныхъ мѣстностяхъ), и въ такомъ случаѣ они составили бы въ общемъ итогѣ сумму меньшую тѣхъ 50 милліоновъ которые въ текущемъ году уплачены казной Государственному Банку, хотя ни справедливость, ни настоятельныя государственныя нужды не требовали этого расхода, ради коего заключенъ былъ недавній стомилліонный заемъ. Не скупясь на ежегодныя громадныя субсидіи нашимъ полуиностраннымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, — субсидіи далеко не всегда требуемыя дѣломъ и часто не достигающія цѣли,—слѣдуетъ ли отказывать въ справедливомъ русскому помѣстному дворянству?

№ 340.

Москва, 7-го декабря.

Этимъ лѣтомъ, по поводу суда надъ Мидхадъ-пашой, германская печать не мало волновалась отъ мнимаго усиленія въ Константинополѣ такъ-называемой русской партіи, политика которой, якобы отводя Турцію отъ необходимыхъ для нея реформъ, клонитъ ее къ распаденію и возбуждаетъ мысль о раздѣлѣ турецкаго наслѣдства. Теперь вдругъ оказалось обратное: господствуетъ де въ Константинополѣ не русская, а *нѣмецкая* партія, пользующаяся особымъ покровительствомъ султана, основаннымъ не на минутномъ успѣхѣ какого-нибудь любимца, а на прочныхъ завоеваніяхъ германской политики. Въ этомъ теперь съ торжествомъ сознается нѣмецкая печать, лѣтнія сѣтованія которой, какъ мы и замѣтили тогда, были разчитаннымъ маневромъ.

На дняхъ прибыло въ Берлинъ особое посольство султана для поднесенія императору Вильгельму ордена *Нишани-Имтіазъ*. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, султанъ уже второй разъ обращается лично къ императору Германскому. Сначала султанъ письмомъ просилъ указать ему „нѣсколько благонадежныхъ нѣмецкихъ чиновниковъ и офицеровъ которымъ онъ могъ бы поручить исполненіе задуманныхъ реформъ;" теперь, послана для поднесенія ордена блестящая депутація, составъ которой подобранъ такъ чтобы доставить особое удовольствіе императору. Посольство это вызвало не мало догадокъ; говорили что „муширу" стоящему во главѣ посольства дана важная дипломатическая миссія, что онъ уполномоченъ сдѣлать какія-то предложенія. Германская печать поспѣшила опровергнуть эти догадки, и въ первые дни пребыванія этого посольства въ Берлинѣ упорно твердила что оно не

имѣетъ никакого политическаго значенія, что посольство это просто вѣжливость, а орденъ—знакъ личнаго уваженія султана къ императору Вильгельму. Теперь пошли однако другія рѣчи. Раскрывается настоящій характеръ этого посольства. Оно де не привезло никакихъ предложеній, но потому только что въ нихъ надобности нѣтъ; оно отправлено не за тѣмъ чтобы проложить новые пути, а чтобы торжественнѣе заявить объ установившихся уже отношеніяхъ. „Посольство султана, читаемъ мы въ близкой къ турецкимъ политическимъ сферамъ *Кельнской Газетѣ*, имѣетъ для Нѣмцевъ особое значеніе, такъ какъ является представителемъ не только его величества султана въ Германіи, но германскаго направленія въ Турціи.“ Состоящій при посольствѣ, частный секретарь султана, Решидъ-бей, есть одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ совѣтниковъ въ Турецкомъ правительствѣ и главный возбудитель тѣхъ реформъ кои ввѣрены нѣмецкимъ рукамъ. О реформахъ въ Турціи говорятъ не съ послѣдняго времени, а многіе годы; до сихъ поръ, всѣ обѣщанія въ этомъ родѣ были только обѣщаніями; „слыша ихъ Европа со справедливымъ недовѣріемъ пожимала плечами,“ очень де хорошо зная что Турки всегда начинали говорить о реформахъ какъ только требовалось реализовать заемъ. Нынѣ дѣло поставлено иначе; султанъ понялъ де что измѣненіе всего строя турецкаго управленія есть положительная необходимость, жизненный вопросъ Турецкой имперіи. Призвавъ къ дѣлу Решидъ-бея и нѣмецкихъ чиновниковъ, рекомендованныхъ поименно изъ Берлина, султанъ пріобрѣлъ де себѣ надежныя орудія для исполненія реформъ. Обращеніе его съ этими орудіями доказываетъ что султанъ имѣетъ „серіозное и правильное понятіе о самомъ характерѣ лѣченія.“ И нѣмецкіе дѣльцы, и Решидъ-бей пользуются де неограниченнымъ довѣріемъ и поддержкой султана. Между докладами представленными султану его новыми совѣтниками, говоритъ названная газета, были такіе которые возбуждали опасеніе что султанъ вознегодуетъ на столь рельефное, ничѣмъ не прикрашенное изображеніе существующихъ золъ; опасенія однако оказались напрасными: султанъ выразилъ только благодарность составителямъ докладовъ. Лично принявъ участіе въ дѣлѣ консолидированнаго долга, султанъ доказалъ де что умѣетъ цѣнить совѣты доброжелателей Турціи; въ важнѣйшихъ дѣлахъ онъ прямо свое властью поддерживаетъ проекты рекомендованнаго ему Германіей совѣтника Веттендорфа, и устраняетъ всякую возможность противодѣйствія имъ со стороны чиновниковъ Порты.

Понятно что такой образъ дѣйствій Турецкаго правительства не можетъ не встрѣтить полнаго одобренія въ руководящихъ сферахъ Германіи, и блестящій пріемъ оказанный въ Берлинѣ турецкому посольству есть признакъ благоволенія со стороны Германіи. Но въ какой мѣрѣ прочно это благоволеніе? Не обусловлено ли оно только тѣмъ что на службѣ Порты состоятъ нѣмецкіе чиновники рекомендованные султану Германіей офиціально, путемъ дипломатическихъ сношеній? „Нѣтъ, отвѣчаетъ нѣмецкая газета, благоволеніе Германіи къ Турціи зависитъ отъ продолженія реформъ, отъ желанія дѣйствительно довести ихъ до конца. Еслибы попрежнему оказалось что задуманныя реформы должны остаться не исполненными, германская политика сейчасъ перемѣнится. Упорное, настойчивое проведеніе программы коренныхъ реформъ, устраненіе всякихъ затрудненій и помѣхъ въ этомъ дѣлѣ, со стороны ли личной интриги или отъ противодѣйствія цѣлой клики,—вотъ чего требуетъ Германія... Безъ этого, еслибы Порта пригласила къ себѣ и вдвое большее число Нѣмцевъ, они были бы не въ силахъ сохранить за Турціей симпатію и поддержку Германіи.“

Итакъ, Германіи нужно чтобъ ея дѣльцы въ Турціи пользовались полною властью, и вели бы Порту прямо по командѣ изъ Берлина. А если этого не будетъ, если служилая нѣмецкая колонія въ Константинополѣ „будетъ лишена возможности найти то чего ищетъ, возможности дѣйствовать,“ то германская политика не только откажетъ Турціи въ благоволеніи, но отшатнется отъ нея и объявитъ что „Турція неисправима, что она должна быть предоставлена собственной участи, и что она не имѣетъ права на нравственную поддержку со стороны Германіи.“ Это тѣ же рѣчи которыя говорились нѣмецкою печатью лѣтомъ: или Турція дѣлай чего хотятъ въ Берлинѣ, или придется подумать о раздѣлѣ...

Въ Константинополѣ это поняли. Склонить Турцію къ такой, согласной съ гер-

манскими видами, политикѣ, вотъ въ чемъ состояла заслуга германскаго посла графа Гатцфельдта, который, въ награду за то, послѣ регулированія дѣла о греческой границѣ, назначенъ управлять, подъ руководствомъ канцлера, текущими иностранными дѣлами Германіи. При такихъ условіяхъ, появленіе чрезвычайнаго турецкаго посла въ Берлинѣ, долженствующаго представлять собою, говоря словами *Кельнской Газеты*, не только султана въ Берлинѣ, но и германское направленіе въ Турціи, и поднесеніе императору Вильгельму высокаго, богато-украшеннаго турецкаго ордена, перестаютъ быть знакомъ только личнаго уваженія къ монарху; это манифестація, дѣйствительно имѣющая такой же смыслъ какъ и личное свиданіе султана съ императоромъ, по многимъ причинамъ неудобное. Привлечь Турцію къ тѣсному сближенію съ Австріей и Германіей, упрочить такимъ образомъ положеніе и вліяніе Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, и тѣмъ подготовить ея преобладаніе тамъ, развѣ это не тотъ „залогъ мира," какого въ Берлинѣ ищутъ со времени Берлинскаго конгресса? Выгоденъ ли Россіи этотъ залогъ, и полезнѣе ли для самой Турціи реформы по нѣмецкой программѣ чѣмъ по программѣ той партіи Османовъ которую въ Берлинѣ зовутъ „русскою," до этого германской политикѣ, конечно, нѣтъ дѣла.

№ 341.

Москва, 8-го декабря.

Въ Берлинѣ очень интересуются общею перемѣною въ персоналѣ представительства Франціи при значительныхъ европейскихъ державахъ. Это пока единственные, и притомъ весьма замѣтные факты, коими, помимо словъ и отчасти вопреки словамъ, ознаменовалось вступленіе во власть г. Гамбетты, взявшаго въ свои руки портфель иностранныхъ дѣлъ. Въ Берлинѣ слѣдятъ съ большимъ вниманіемъ не только за тѣмъ кто назначается, но и за тѣмъ кто изъ прежнихъ представителей Франціи отозванъ; слѣдятъ и за всѣми замѣчаніями какія по этому поводу высказываются за границей. Въ этомъ отношеніи отъ наблюденія берлинской печати ничего не ускользаетъ. Даже датская печать подверглась строгой цензурѣ. Какая, казалось бы, важность въ томъ что думаетъ иная датская газета по случаю отзыва г. де-Санъ-Валье изъ Берлина? Но и это не упускается изъ виду. Копенгагенская газета *Dagbladet* посвятила на дняхъ нѣсколько замѣчаній г. Сенъ-Валье и торжественнымъ проводамъ устроеннымъ ему въ Берлинѣ. Датская газета припомнила какимъ нападкамъ г. Сенъ-Валье подвергся въ прошедшемъ году отъ патріотическихъ органовъ французской печати за письмо его къ редактору *Deutsche Revue* исполненное любезностей по адресу Германіи; самое письмо перепечатано по этому поводу въ *Dagbladet*. „Мы припомнимъ Даніи эту выходку," замѣчаетъ *Національная Газета* въ Берлинѣ, „теперь же мы желали бы лишь указать Датчанамъ что имъ едва ли можетъ быть выгодна ссора между Германіей и Франціей, ибо извѣстно что, при столкновеніи между большими, платятся малые." Русская пословица выражаетъ эту мысль рельефнѣе: паны дерутся, а у хлоповъ чубы болятъ.

Видимое удовольствіе доставилъ за то берлинской печати *Journal de St.-Pétersbourg* замѣткой по поводу назначенія графа Шодорди французскимъ посломъ въ Петербургъ на мѣсто генерала Шанзи. Замѣтка эта была передана въ Берлинъ по телеграфу, и удостовѣреніе что новый представитель Франціи въ Петербургѣ „убѣдится какая высокая цѣна придается политикѣ мира и прямодушнаго согласія" послужило для берлинской печати нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ томъ что выборъ палъ именно на графа Шодорди, прошлое котораго выставляется въ Берлинѣ въ свѣтѣ не совсѣмъ благопріятномъ. *Journal de St.-Pétersbourg* значительно содѣйствовалъ успокоенію тревоги которую назначеніе графа Шодорди возбудило въ Берлинѣ. Вообще о личности новаго посла при Императорскомъ дворѣ берлинскія газеты отзываются очень несочувственно. Прежде всего либеральнымъ органамъ не нравится въ немъ то что онъ имѣетъ репутацію „завзятаго ультрамонтана." Клерикализмъ графа Шодорди превосходитъ де лишь его непримиримую ненависть къ Германіи, которую онъ высказывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ 1870 году, онъ былъ помощникомъ Жюля Фавра въ организовавшемся тогда временномъ правительствѣ въ

Турѣ, а затѣмъ въ Бордо. Имѣется нѣсколько циркуляровъ къ европейскимъ кабинетамъ, подписанныхъ графомъ Шодорди и проникнутыхъ великою враждой къ Германіи. Эта вражда къ воевавшей въ то время противъ Франціи державѣ ставится теперь въ большую вину графу Шодорди. Усилія графа Шодорди были направлены къ тому чтобы побудить Англію къ дипломатическому вмѣшательству въ пользу Франціи; онъ настаивалъ на томъ чтобъ Англія предложила князю Бисмарку, чрезъ своего представителя въ Версальскомъ лагерѣ, г. Одо Росселя, выборъ между слѣдующими тремя исходами: или перемиріе для созыва національнаго собранія, или немедленное заключеніе мира безо всякаго умаленія французской территоріи, или наконецъ европейскій конгрессъ. Предложенія эти не только вмѣняются графу Шодорди въ вину, но выставляются какъ доказательство его политической недальновидности, хотя берлинскія газеты сами при этомъ сознаются что виды на вмѣшательство Англіи не были совсѣмъ безнадежны, и что помѣхой къ ихъ осуществленію было лишь то что въ декабрѣ 1870 года произошла перемѣна въ Англіи, доставившая власть г. Дизраэли. Послѣ заключенія мира, графъ Шодорди былъ назначенъ сначала посланникомъ въ Швейцарію, а затѣмъ въ Мадридъ, откуда онъ былъ отозванъ г. Ваддингтономъ вслѣдствіе обнаруженныхъ имъ рѣшительно антиреспубликанскихъ убѣжденій. Затѣмъ онъ былъ снова призванъ на службу, когда французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ сталъ герцогъ Деказъ, который, „какъ извѣстно, направлялъ всѣ свои усилія къ тому чтобъ установить тѣсное сближеніе между Франціей и Россіей.“ Въ это время сталъ разыгрываться Восточный вопросъ, и графъ Шодорди былъ посланъ французскимъ уполномоченнымъ на собравшуюся въ 1875 году Константинопольскую конференцію. Здѣсь графъ Шодорди оказывалъ будто бы поддержку русскому послу, что̀, на взглядъ берлинскихъ газетъ, составляетъ чуть ли не тягчайшее изъ его прегрѣшеній. Теперешнее его назначеніе въ Петербургъ главнымъ образомъ по этой причинѣ представляется подозрительнымъ, такъ какъ де графъ Шодорди долженъ тамъ вновь встрѣтиться съ графомъ Игнатьевымъ. Тутъ кстати цитуется берлинскими газетами мнѣніе высказанное одною изъ радикальныхъ парижскихъ газетъ, которая опасается чтобы назначеніе графа Шодорди въ Петербургъ не было истолковано въ смыслѣ возвращенія Франціи къ политикѣ тѣснаго сближенія съ Россіей, что̀ можетъ де неблагопріятно отозваться на безопасности Франціи.

Радикальная французская печать въ своей разнузданности и слѣпой ненависти къ „ренегату“ Гамбеттѣ и не такія вещи высказываетъ. Французскіе коммунары вообще очень мало заботятся о выгодныхъ для Франціи дипломатическихъ комбинаціяхъ, помышляя только о новомъ опытѣ Парижской коммуны. Анти-національный духъ парижскихъ радикаловъ всего рельефнѣе сказался на дняхъ въ оправдательномъ вердиктѣ французскихъ присяжныхъ по дѣлу о доказанной клеветѣ Рошфора на представителя Франціи въ Тунисѣ.

№ 342.

Москва, 9-го декабря.

Постоянно напоминающіе о себѣ вопросы о деньгахъ, о размѣрахъ и порядкѣ денежнаго обращенія въ послѣднее время стали вновь обращать на себя усиленное вниманіе и сдѣлались предметомъ оживленныхъ толковъ. Какъ общая нота, во всѣхъ этихъ толкахъ звучитъ недовольство существующимъ положеніемъ денежныхъ дѣлъ, принятыми основаніями денежныхъ оборотовъ. Всѣми чувствуется что нужно что-то сдѣлать, что-то измѣнить. Но что̀ именно? Самымъ простымъ, неголоволомнымъ выходомъ изъ затрудненій представляется многимъ, какъ всегда и во всемъ, водвореніе у насъ порядковъ принятыхъ за границей. Но пригодны ли намъ эти порядки, годится ли намъ кафтанъ съ чужихъ плечъ? Этого вопроса коснулся, между прочимъ, г. Геллеръ въ своей статьѣ „По вопросу о денежномъ обращеніи“ помѣщенной въ № 340 *Московскихъ Вѣдомостей*. Высказанныя имъ по этому предмету соображенія заслуживаютъ полнаго вниманія.

„Наши финансисты,“ замѣчаетъ г. Геллеръ, „не могутъ выдумать для нашего спасенія ничего лучшаго какъ учрежденіе у насъ какого-нибудь привилегированнаго частнаго, или получастнаго полуказеннаго

оборотнаго банка.“ Дѣйствительно, создать взамѣнъ нынѣшняго Государственнаго Банка учрежденіе подобное Англійскому Банку, вотъ въ чемъ видятъ у насъ многіе цѣль къ которой должно стремиться чтобы наши денежныя дѣла получили правильный ходъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего, казалось бы, лучше? Вмѣсто неразмѣнныхъ кредитныхъ, у насъ, какъ иные воображаютъ, вдругъ появились бы банковые билеты безостановочно размѣняемые на звонкую монету; вмѣсто орудій мѣны удобныхъ только для внутреннихъ оборотовъ, мы получили бы другія, одинаково пригодныя и для оборотовъ международныхъ, не теряющія своей цѣны при заграничныхъ расплатахъ. Вмѣсто размѣровъ денежнаго обращенія опредѣляемыхъ игрою случая, возникновеніемъ чрезвычайныхъ государственныхъ нуждъ требующихъ экстренныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, мы получили бы, какъ за границей, размѣры денежнаго обращенія опредѣляемые дѣйствительными потребностями оборотовъ вызываемыхъ ходомъ экономическихъ дѣлъ. Банковые билеты отпускались бы въ обращеніе лишь взамѣнъ векселей и подобныхъ имъ бумагъ; ихъ количество въ обращеніи всегда соотвѣтствовало бы количеству дѣйствительныхъ сдѣлокъ. Прекратились бы всѣ сѣтованія и на раздутость бумажно-денежнаго обращенія, и на непрочность нашей валюты. Все въ этомъ отношеніи стало бы у насъ на ту же ногу на какой стоитъ въ Англіи...

Но точно ли достигли бы мы такихъ результатовъ? „Аналогично ли,“ спрашиваетъ г. Геллеръ, „наше теперешнее положеніе съ положеніемъ другихъ европейскихъ государствъ въ моментъ дарованія ими банковыхъ привилегій частнымъ капиталистамъ?“

Въ государствахъ которыя ставятся намъ какъ примѣръ для подражанія промышленность и торговля находятся на высокой степени развитія; ихъ интересы господствуютъ тамъ надо всѣми другими въ области народнаго хозяйства. Система денежнаго обращенія приноровленная къ нуждамъ торговли и промышленности является, поэтому, достаточно удовлетворительною для всего народно-хозяйственнаго организма. Чрезъ посредство широко распространенной и дѣятельной торговли и промышленности деньги распредѣляются по всѣмъ частямъ этого организма, постоянный приливъ и отливъ ихъ совершается съ большею или меньшею правильностію повсемѣстно, на подобіе кровообращенія. Таково ли положеніе дѣлъ у насъ? Имѣютъ ли въ нашей преимущественно земледѣльческой странѣ торговля и промышленность такое значеніе какое принадлежитъ имъ безспорно въ иныхъ государствахъ? Развѣ въ торговлѣ и промышленности главный центръ нашей народно-хозяйственной жизни изъ котораго все исходитъ и къ которому все возвращается? Въ такой ли степени повсемѣстно и равномѣрно раскинуты по нашей странѣ промышленные и торговые узлы, чтобы можно было разсчитывать что при ихъ посредствѣ все денежное обращеніе получило бы у насъ правильный ходъ безъ излишнихъ притоковъ денегъ къ однимъ пунктамъ, безъ крайняго недостатка въ деньгахъ въ другихъ? Для питанія народно-хозяйственнаго организма, для правильности отправленій всѣхъ его органовъ, деньги имѣютъ почти то же значеніе что̀ кровь въ тѣлѣ. Но торговля и промышленность не представляетъ у насъ собою такой сѣти артерій и венъ помощію которой могло бы совершаться необходимое хозяйственному организму питаніе, и только кто не хочетъ видѣть этого можетъ считать пригоднымъ у насъ устройство для регулированія денежнаго обращенія оборотнаго банка на подобіе Англійскаго. „Какой смыслъ,“ спрашиваетъ г. Геллеръ, „можетъ имѣть *торговый* оборотный банкъ въ государствѣ по преимуществу земледѣльческомъ?“ „Представьте себѣ для примѣра,“ присовокупляетъ онъ, „обширное частное имѣніе съ большимъ количествомъ хорошей пахотной земли, хорошими лугами, лѣсами и пр., при довольно хорошихъ условіяхъ для сбыта всѣхъ продуктовъ, при немаломъ числѣ рабочаго народа, но безъ необходимаго оборотнаго капитала. При этомъ же имѣніи есть и мелочная лавочка, которая могла бы отлично существовать при нормальномъ положеніи хозяйства, доставляя владѣльцу нужные ему товары и пріобрѣтая отъ него сырые продукты. Что̀ бы мы сказали про лицо назначенное управлять этимъ имѣніемъ еслибъ оно заботилось только о прiисканіи, на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, капитала исключительно для оборотовъ по лавочкѣ?“

Вмѣсто оборотнаго торговаго банка, г. Геллеръ предлагаетъ организацію поземельнаго оборотнаго кредита. Мы не имѣемъ

въ виду теперь же входить въ разборъ проектируемыхъ имъ общихъ основаній учрежденія имѣющаго дать странѣ этотъ кредитъ въ которомъ она несомнѣнно всего болѣе нуждается. Должны ли быть приняты эти основанія, или иныя, объ этомъ, полагаемъ, пока еще судить преждевременно. На первый разъ было бы достаточно еслибы была принята во вниманіе основная мысль г. Геллера, несомнѣнно согласная съ дѣйствительнымъ положеніемъ нашихъ дѣлъ и изъ него вытекающая, и еслибы во вниманіе къ ней перестали увлекаться проектами тѣхъ экспериментовъ съ нашимъ Государственнымъ Банкомъ и денежнымъ обращеніемъ о которыхъ минувшимъ лѣтомъ возникли настойчивые толки, съ тѣхъ поръ не прекращающіеся.

Въ такомъ важномъ дѣлѣ какъ государственный кредитъ и связанное съ нимъ денежное обращеніе не должны быть допускаемы никакія опрометчивыя и одностороннія мѣры. Опытъ уже долженъ былъ достаточно научить насъ во что̀ такія мѣры обходятся. Не шагомъ къ улучшенію были тѣ эксперименты, результатомъ коихъ явилась замѣна прежнихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій Государственнымъ Банкомъ. Дальнѣйшимъ шагомъ не къ лучшему, а къ худшему было бы и преобразованіе его на манеръ Англійскаго Банка. Въ интересахъ страны, думаемъ, была бы такая реформа Государственнаго Банка которая придала бы ему всѣ хорошія стороны прежнихъ упраздненныхъ ломбардовъ, безъ тѣхъ недостатковъ которые были имъ несвойственны, такая реформа при которой Банкъ въ равной мѣрѣ удовлетворялъ бы нуждамъ и казны, и земледѣлія и торгово-промышленныхъ интересовъ. Какъ государственный банковый кредитъ, такъ и вся система денежнаго обращенія, должны быть согласованы не съ однимъ какимъ-нибудь, а со всѣми этими интересами. Въ недостаткѣ такого согласованія при существующихъ порядкахъ и заключается, какъ намъ кажется, главная неправильность нынѣшняго положенія дѣла ведущая ко многимъ невыгоднымъ послѣдствіемъ.

Странно и ошибочно думать что только одинъ торгово-промышленный міръ имѣетъ право требовать услугъ государственнаго банковаго учрежденія (казеннаго или привилегированнаго частнаго все равно), что только дѣлами этого міра должна быть опредѣляема потребность въ деньгахъ и въ денежныхъ знакахъ въ цѣлой странѣ, особенно въ такой странѣ какъ Россія, съ ея обширнымъ земледѣліемъ и крайне слабымъ развитіемъ торгово-промышленной жизни, о которой нельзя судить только по тому что̀ видно въ столицахъ. По части снабженія кредитомъ предпочтительно одного только торгово-промышленнаго міра мы погрѣшаемъ уже болѣе двадцати лѣтъ, и нельзя сказать чтобы торговля и промышленность достигли процвѣтанія отъ этой односторонности. Искусственно питать одинъ органъ, отказывая въ достаточномъ питаніи всему тѣлу, плохая діэтетика; разстройство всего организма отъ недостаточнаго питанія не можетъ не отзываться вредно и на обильно питаемой части; въ ней, при такихъ обстоятельствахъ, не могутъ не развиваться болѣзни. Сосредоточеніе главной массы денежныхъ средствъ въ немногихъ пунктахъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ эти средства иногда не находятъ полезнаго употребленія и устремляются на путь спекулятивной игры, между тѣмъ какъ цѣлыя обширныя мѣстности, откуда эти средства вытянуты, страдаютъ отъ безденьжья, вотъ общее явленіе съ которымъ мы въ настоящее время имѣемъ дѣло. Правда, было бы ошибочно основать всю систему кредита и денежнаго обращенія примѣняясь только къ потребностямъ сельскаго хозяйства и землевладѣнія, оставляя безо всякаго вниманія торгово-промышленный міръ. Въ эпоху господства у насъ системы ломбардовъ, торгово-промышленные интересы могли справедливо сѣтовать на недостаточное къ нимъ вниманіе, а съ тѣхъ поръ эти интересы много выросли, хотя и не получили такого значенія какое имѣютъ въ другихъ государствахъ. Не могутъ быть точно также оставляемы въ пренебреженіи и нужды казны, нужды правительства. Банкъ открывающій кредитъ торговцу, промышленнику, земледѣльцу и отказывающій въ немъ государству, безъ поддержки коего самъ не можетъ существовать; банкъ выпускающій деньги въ размѣрахъ требуемыхъ нуждами земледѣльческихъ и торгово-промышленныхъ интересовъ и отказывающій въ выпускахъ денегъ требуемыхъ нуждами правительства, — такой банкъ былъ бы у насъ, полагаемъ, неправильнымъ, уродливымъ явленіемъ. На чемъ основано предположеніе что только въ частныхъ рукахъ отпускаемыя банкомъ средства получатъ производительное употребленіе, а

въ рукахъ правительства непремѣнно непроизводительное? Развѣ практика не представляетъ на каждомъ шагу примѣровъ траты денежныхъ средствъ частными лицами еще болѣе непроизводительной чѣмъ въ казенномъ хозяйствѣ? Развѣ, съ другой стороны, правительство не способно ни на какое иное употребленіе денежныхъ средствъ кромѣ непроизводительнаго? Требуется улучшеніе казеннаго хозяйства, искорененіе неразчетливости и хищеній; это необходимо независимо отъ способовъ кредита какими можемъ пользоваться казна для пополненія своихъ денежныхъ средствъ въ уровень возникающихъ потребностей. Но несовершенства въ организаціи казеннаго хозяйства еще не причина закрывать казнѣ доступъ къ банковымъ кассамъ, открытый частному лицу и спекулятору.

№ 343.

Москва, 10-го декабря.

Въ только что полученной декабрьской книжкѣ *Военнаго Сборника* напечатана небольшая, но весьма содержательная статья начальника Кавказскаго военно-топографическаго отдѣла, генерала Стебницкаго, *Русско-Турецкая граница въ Малой Азіи*. Къ статьѣ приложена совершенно новая, подробная карта.

Генералъ Стебницкій былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по проведенію этой границы. Подъ его руководствомъ произведены всѣ пограничныя съемки и изготовлены карты, по которымъ устанавливалась эта граница; онъ былъ участникомъ въ переговорахъ и соглашеніяхъ о направленіи границы, происходившихъ въ особыхъ коммиссіяхъ въ Константинополѣ, въ 1879 и 1880 годахъ. Наконецъ, генералъ Стебницкій состоялъ русскимъ делегатомъ въ первой коммиссіи по разграниченію, окончившей свои занятія въ іюлѣ 1881 года.

Эти обстоятельства даютъ особый вѣсъ статьѣ г. Стебницкаго и не малую поучительность тому коротенькому очерку исторіи этой границы которымъ начинается статья. Существовавшая до послѣдней Турецкой войны граница между Россіей и Турціей въ Азіи была та которая обозначена статьей IV Адріанопольскаго мирнаго договора. „Граница эта, пишетъ г. Стебницкій, несмотря на неоднократно собиравшіяся, послѣ заключенія договора, коммиссіи, *не была въ точности опредѣлена* на всемъ ея протяженіи,“ вслѣдствіе чего до самой Крымской войны постоянно возникали между Россіей и Турціей недоразумѣнія и пререканія, устраненныя только разграниченіемъ произведеннымъ въ силу статьи 30 Парижскаго трактата, опредѣлявшей что линія границы нашей съ азіятскою Турціей должна быть осмотрѣна и повѣрена коммиссарами Россіи, Турціи, Англіи и Франціи. Эти „осмотръ и повѣрка“ потребовали полтора года времени: коммиссія, начавъ свои работы въ іюнѣ 1857, кончила ихъ только въ концѣ 1858.

Казалось бы что всѣ эти хлопоты должны были внушить нашей дипломатіи большую осторожность въ пограничныхъ вопросахъ. Оказывается однако что въ теченіе двадцати лѣтъ мира мы успѣли основательно забыть уроки прошлаго. „Граница Россіи съ Турціей (въ Азіи) опредѣленная статьей XIX Санъ-Стефанскаго договора была проектирована по естественнымъ рубежамъ“ (хребтамъ), и проведеніе ея на мѣстѣ не представляло никакихъ затрудненій, а самое направленіе — никакихъ поводовъ къ пререканіямъ; но граница эта не удержалась, и „на Берлинскомъ Конгрессѣ, добавляетъ г. Стебницкій, подверглась, на основаніи соглашенія графа Шувалова съ лордомъ Солсбери, урѣзкѣ по прямымъ линіямъ, что̀ и опредѣлено было въ весьма общихъ выраженіяхъ статьей 58 Берлинскаго трактата.“

Какъ и всѣ прочія пограничныя обозначенія Берлинскаго трактата, сдѣланныя сплошь, въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, это повело къ новымъ переговорамъ и къ значительной проволочкѣ времени. „Такое опредѣленіе границы въ высоко-нагорной мѣстности, говоритъ генералъ Стебницкій, а также неопредѣленное допущеніе къ разграниченію британскаго делегата, при другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, много породило затрудненій по соглашенію о направленіи и утвержденію границы на мѣстѣ,“ которыя могли быть устранены окончательно только по прошествіи трехъ лѣтъ, и то лишь съ „большими усиліями и стараніями.“

Только въ этомъ году, въ іюлѣ, мы окончательно узнали что̀ именно пріобрѣтено

русскимъ оружіемъ въ Азіи, а пріобрѣтено не мало: „присоединенная къ Россіи Батумская область имѣетъ пространство въ 6.031 квадратныхъ верстъ, а Карсская 16.299 кв. верстъ; всего 22.330 кв. верстъ или 461 кв. географическихъ миль.“ Дѣло однако не въ пространствѣ вновь присоединенныхъ земель, а въ ихъ значеніи, въ бо́льшихъ удобствахъ новой границы сравнительно съ прежнею. „Новая граница, говоритъ г. Стебницкій, совершенно закругляетъ владѣнія Россіи,“ и въ общемъ, несмотря на значительныя пріобрѣтенія, короче прежней. Прежняя сухопутная граница, отъ берега Чернаго Моря (постъ Св. Николая) до пункта между большимъ и малымъ Араратомъ, тянулась на 589 верстъ; новая отъ Чернаго Моря, къ западу отъ Батума, до того же пункта у Арарата только 521¾ версты, т.-е. на 67¼ верстъ меньше; но за то отъ рѣки Чороха до мыса Компушъ прибавилось 57 верстъ береговаго пространства съ такимъ важнымъ пунктомъ каковъ Батумъ, считающійся удобнѣйшимъ портомъ въ восточной части Чернаго Моря.

Еще до Берлинскаго конгресса начала выясняться важность пріобрѣтенія Батума; но въ полной мѣрѣ цѣнность его опредѣлилась только теперь, при окончательномъ установленіи границы: онъ важенъ для насъ не только въ экономическомъ, но и въ военномъ отношеніи, хотя въ угоду Англіи мы почему-то отказываемся отъ устройства военнаго порта въ Батумѣ. Въ мирное время Батумъ былъ главнымъ складомъ контрабанды, которая, за отсутствіемъ морскаго таможеннаго надзора съ нашей стороны и при покровительствѣ Турокъ, съ легкостью распространялась вглубь Закавказья; въ военное же время Батумъ дѣлался сборнымъ пунктомъ для турецкихъ войскъ кои, при недостаткѣ у насъ военнаго флота въ Черномъ Морѣ, удобно и скоро перебрасывались въ Сухумъ или на цихедзирскія позиціи, откуда, какъ это было въ Крымскую войну, вторгались въ наши предѣлы. Правда, что въ восьми часахъ плаванія отъ нашей границы есть у Турокъ Трапезунтъ, но онъ, замѣчаетъ г. Стебницкій, „далеко не представляетъ для нихъ такого удобства какъ прежде Батумъ.“ Далѣе, наша прежняя граница по рѣкѣ Чороху была совершенно открыта и удобна для турецкаго вторженія; это заставляло насъ при каждой войнѣ съ Турціей имѣть на ней значительный корпусъ, совершенно отдѣленный отъ прочихъ войскъ. Наступательный же образъ дѣйствій для этого корпуса представлялъ большія затрудненія въ виду необходимости брать почти недоступныя цихедзирскія позиціи. Теперь отъ берега моря до рѣки Чороха, граница наша представляетъ сплошную стѣну высокаго альпійскаго хребта съ едва проходимыми горными дорогами; „защищать эту границу удобно и небольшимъ числомъ войскъ.“ Вообще же вся граница до города Ольты, т.-е. половина ея западнаго протяженія, со стороны Турціи доступна весьма мало, такъ какъ тутъ нѣтъ „сколько-нибудь удобныхъ дорогъ въ наши предѣлы,“ а пути по рѣкѣ Чороху изъ Байбурта или по рѣкѣ Тортуму, отъ Эрзрума, проходимы только для вьюковъ. Правда, за этою частью границы лежатъ Ардаганъ, Ардanучъ, Артвинъ и Ольта, имена которыхъ безпрестанно повторялись въ минувшую кампанію; но въ томъ-то и дѣло что всѣ сношенія дѣйствовавшихъ тутъ турецкихъ войскъ шли главнымъ образомъ чрезъ Батумъ, который теперь въ нашихъ рукахъ. Не менѣе удачна и наша граница съ Турціей въ Карсской области: эта плоская возвышенность ограждена Саганлугскимъ хребтомъ, всѣ перевалы чрезъ который входятъ въ наши предѣлы, такъ же какъ и верхнія части западныхъ спусковъ съ хребта. Это даетъ неисчислимыя выгоды и въ случаѣ обороны границы, и въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій изъ Карсской области въ Анатолію: для наступленія Турокъ къ намъ всѣ пути закрыты; необходимо съ боемъ лѣзть на горы; для насъ же открыта широкая дорога чрезъ горы, и съ турецкою обороной мы встрѣтимся только спустясь съ хребта. Такимъ образомъ, во вновь пріобрѣтенныхъ нами областяхъ мы имѣемъ отличный плацдармъ съ двумя оборонительными линіями: первую составляетъ собственно граница, а вторую Батумъ, Ардаганъ, Карсъ.

Остальная часть нашей границы съ Турціей, южная, идетъ по высокому непрерывному хребту между рѣками Араксомъ и восточнымъ Евфратомъ; хребетъ этотъ только въ восточной своей оконечности имѣетъ удобные горные пути со стороны Баязета въ Эриванскую губернію. Это самый слабый пунктъ нашей границы, такъ какъ Турки и впредь могутъ удобно уда-

рить сюда пройдя къ Баязету или отъ озера Ванъ, или по исторической долинѣ Алашкерта, гдѣ пролегаетъ самый удобный торговый путь изъ Турціи въ Персію. Нужно впрочемъ замѣтить что эта уязвимая часть нашей границы осталась прежняя, какая была до войны, и отвѣтственность за это падаетъ не на пограничную коммиссію (вторую) которая сдѣлала свое дѣло, а развѣ на дипломатію...

Въ числѣ важныхъ выгодъ представляемыхъ новыми границами, г. Стебницкій указываетъ на устраненіе такихъ несообразностей прежней пограничной черты какъ напримѣръ та что турецкія владѣнія въ упоръ подходили къ берегу Арпачая, причемъ „турецкій берегъ былъ слишкомъ на 12 саженъ выше крѣпости Александрополя, которая теряла отъ этого если не всѣ, то важнѣйшія свои достоинства."

Итакъ, новая наша граница съ Турціей дѣйствительно закругляетъ владѣнія Россіи въ Малой Азіи, „но, справедливо говоритъ г. Стебницкій, пріобрѣтенныя земли требуютъ не мало заботъ и мѣропріятій для ихъ устройства по населенію и по водворенію правильнаго экономическаго порядка."

№ 344.

Москва, 11-го декабря.

На европейскомъ горизонтѣ поднимается снова вопросъ о свѣтской власти римскаго первосвященника, и кто же поднимаетъ этотъ вопросъ? Германскій канцлеръ, князь Бисмаркъ! Вотъ теперь кому понадобилась свѣтская власть папы, его международная самостоятельность! Вотъ какъ обертывается колесо политики въ недремлющихъ рукахъ!

Въ Италіянскомъ парламентѣ, быть-можетъ самомъ болтливомъ изо всѣхъ парламентовъ Европы, очень много времени тратится ежегодно на пренія по иностраннымъ дѣламъ. Тутъ всего удобнѣе нанести чувствительный ударъ противнику во власти, котораго требуется свергнуть чтобы сѣсть на его мѣсто. Ежегодно, при обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, Италіянскій парламентъ задаетъ себѣ этотъ „праздникъ." Предъявляется цѣлый рядъ вопросовъ объ иностранной политикѣ, и затѣмъ въ теченіе недѣли и болѣе идутъ нескончаемыя пренія, которыя разумѣется ни къ чему не приводятъ кромѣ вящаго обнаруженія безсилія Италіи.

Все это повторилось и въ этомъ году. Рядъ интерпелляцій предъявленныхъ теперешнему министру иностранныхъ дѣлъ, г. Манчини, вертѣлись главнымъ образомъ около недавней крутой перемѣны въ политикѣ Италіи и ея сближенія съ Австріей и Германіей. Многіе факты, послѣдовавшіе за свиданіемъ между монархами Италіи и Австріи, указывали на то что сближеніе это находится еще въ томъ періодѣ когда дѣло не совсѣмъ созрѣло для публичнаго разбирательства и не можетъ быть вынесено, безъ вреда для успѣха переговоровъ, изъ дипломатическихъ канцелярій на парламентскую трибуну. Достаточно припомнить съ какимъ высокомѣріемъ и скептицизмомъ отозвался графъ Андраши о союзѣ съ Италіей, спустя нѣсколько дней по отъѣздѣ короля Гумберта изъ Вѣны. Еще чувствительнѣе и еще обиднѣе былъ отзывъ который далъ затѣмъ князь Бисмаркъ объ Италіи въ Германскомъ рейхстагѣ, когда онъ, безо всякой видимой причины, мимоходомъ замѣтилъ что Италія неудержимо идетъ къ республикѣ и разложенію. Несмотря на эти, во всякомъ случаѣ несовсѣмъ любезныя, выходки со стороны союзниковъ, г. Манчини разсыпался въ любезностяхъ предъ Австріей и въ особенности предъ Германіей. Сближеніе съ Австріей онъ называлъ началомъ ясной и твердой политики для Италіи, засвидѣтельствовавъ при этомъ что истинною цѣлью поѣздки короля въ Вѣну было „интимное единеніе" съ Германіей, по указанію и совѣту которой эта поѣздка и состоялась. Не довольствуясь этимъ, противники правительства пожелали выслушать объясненія и по поводу нелестнаго мнѣнія объ Италіи высказаннаго публично княземъ Бисмаркомъ. Дѣлать нечего, пришлось держать отвѣтъ и за князя Бисмарка. Какъ и слѣдовало ожидать, объясненіемъ по этому поводу было только усугублено униженіе Италіи. Италіянскому министру пришлось доказывать что князь Бисмаркъ сдѣлалъ это строгое внушеніе отнюдь не изъ чувства вражды къ Италіи, а напротивъ изъ любви къ ней и вслѣдствіе дружелюбныхъ заботъ о будущности ей угрожающей. Въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій, въ которомъ все

еще продолжались эти нескончаемыя пренія объ иностранныхъ дѣлахъ, г. Манчини „имѣлъ удовольствіе“ заявить что князь Бисмаркъ по телеграфу поблагодарилъ его за вѣрное истолкованіе смысла сдѣланнаго имъ на счетъ Италіи замѣчанія, которое было де ему внушено ничѣмъ инымъ какъ именно „заботой и опасеніями за будущность“ Италіи.

Но этихъ „объясненій“ было еще недостаточно. Пошло дѣло на „разоблаченія,“ и все по поводу тѣхъ же отношеній князя Бисмарка къ Италіи. Г. Криспи, бывшій самъ прежде главою кабинета, сталъ доказывать что Германія хотя и домогается союза съ Италіей, но въ то же время замышляетъ кое-что не совсѣмъ для нея дружелюбное. Уже въ 1875 году, говорилъ г. Криспи, князь Бисмаркъ признавалъ что отношенія между папскою куріей и Итальянскимъ правительствомъ касаются не одной Италіи, и что въ немъ заинтересована вся остальная Европа, такъ какъ за папой признаны права независимаго монарха, и это право гарантировано италіянскимъ закономъ, но не международнымъ актомъ. Въ 1875 году князь Бисмаркъ желалъ отмѣны этого закона, съ тѣмъ чтобы Германія имѣла возможность вступить съ папой въ открытую войну и дать ему почувствовать послѣдствія той вражды которую въ то время проповѣдывалъ Пій IX противъ Германской имперіи. Съ этою цѣлію князь Бисмаркъ обратился тогда съ нотой къ Италіянскому правительству, требуя чтобъ оно измѣнило упомянутый законъ о гарантіи папской верховной власти. Князь Бисмаркъ, какъ припоминаетъ г. Криспи, заявилъ тогда публично что онъ послалъ бы военныя суда съ десантомъ въ Чивита-Веккію и направилъ бы военный отрядъ прямо на Ватиканъ. Въ настоящее время дѣло измѣнилось радикальнымъ образомъ. Князь Бисмаркъ не только уже не считаетъ папу воюющею стороной по отношенію къ Германіи, но, напротивъ, состоитъ въ самыхъ дружелюбныхъ къ Ватикану отношеніяхъ и готовъ оказать папѣ содѣйствіе къ возстановленію его свѣтской власти. Органы князя Бисмарка нынѣ опять заводятъ рѣчь объ италіянскомъ „законѣ гарантіи,“ но уже не въ томъ смыслѣ какъ въ 1875 г., то-есть не съ тѣмъ чтобы папа былъ лишенъ того призрака верховныхъ правъ который за нимъ признанъ и Италіей, а дабы доказать что папа не можетъ не быть владѣтельнымъ государемъ, и что во всякомъ случаѣ вопросъ о папской власти есть вопросъ международный и обще-европейскій, а не внутренній италіянскій.

Г. Манчини и президентъ палаты употребили всѣ усилія чтобы замять эту крайне деликатную матерію. Но берлинская газета *Post*, которую князь Бисмаркъ обыкновенно избираетъ для того чтобы пустить въ ходъ какой-либо свой новый замыселъ, въ цѣломъ рядѣ статей доказываетъ какъ разъ то самое на что указывалъ въ Италіянскомъ парламентѣ г. Криспи.

Заботясь о папѣ въ Римѣ, германскій канцлеръ не забываетъ и султана въ Константинополѣ. Вотъ интересныя свѣдѣнія которыя говорятъ сами за себя:

Константинопольскій корреспондентъ *Times* подтверждаетъ извѣстіе что чрезвычайная турецкая миссія, пребывающая нынѣ въ Берлинѣ, не поѣдетъ въ Римъ, а вернется восвояси чрезъ Вѣну. Эта перемѣна, какъ слышалъ корреспондентъ изъ достовѣрнаго источника, была дѣломъ князя Бисмарка, который думаетъ что положеніе какое приметъ Италія въ будущихъ событіяхъ не такъ важно, лишь бы только Порта обезпечила себѣ дружеское содѣйствіе Австріи. „Лица хорошо освѣдомленныя, продолжаетъ корреспондентъ, говорятъ даже что тройственный союзъ Германіи, Австріи и Турціи уже заключенъ, и что посѣщеніе турецкою миссіей Вѣны только скрѣпитъ состоявшуюся сдѣлку. Въ случаѣ серіозныхъ столкновеній Германіи съ Франціей или Россіей, Турція де должна дѣйствовать въ сѣверной Африкѣ или на Кавказѣ. Султанъ давно уже втайнѣ велъ эту рискованную политику, но лица облеченныя его довѣріемъ теперь только разгадали его намѣренія, и тѣ изъ приближенныхъ кои одобряютъ эту политику проникнуты удивленіемъ и благоговѣніемъ предъ глубиною политической мудрости выказанной его величествомъ.“ Отказъ султана въ помощи Тунису и уступка территоріи Грекамъ теперь совершенно объясняются, присовокупляетъ корреспондентъ. Султанъ дѣйствовалъ де по совѣту Германіи.

Съ другой стороны, берлинскій корреспондентъ той же газеты утверждаетъ что каковы бы ни были надежды султана или

стамбульскихъ пашей, чрезвычайная миссія не сообщила де князю Бисмарку ни одного изъ тѣхъ *безумныхъ* (?) предложеній которыя она должна была передать. „Члены миссіи обѣдали у князя Бисмарка, говоритъ корреспондентъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ совѣщанія съ канцлеромъ, и единственною причиною промедленія миссіи въ Берлинѣ была внезапная болѣзнь Али-Низамъ-паши. Не будь этого, оттоманская миссія уже нѣсколько дней тому назадъ улетучилась бы со своими Красными Орлами, потсдамскими впечатлѣніями и неудовлетворенными стремленіями къ союзу съ Германіей дабы выгнать Французовъ изъ Туниса и Австрійцевъ изъ Босніи и Герцеговины, если только миссія дѣйствительно питала подобные замыслы. Но этому не вѣритъ никто сколько-нибудь понимающій дѣло.“

Qui s'excuse s'accuse. Какъ бы то ни было, замѣчательна внутренняя тождественность этихъ двухъ телеграммъ изъ Константинополя и Берлина, несмотря на ихъ наружное разногласіе.

Въ *Пештскій Ллойдъ* также сообщаютъ изъ Константинополя что дружественный пріемъ оказанный въ Берлинѣ чрезвычайному турецкому посольству которое вручило императору Вильгельму знаки высшаго турецкаго ордена, возбудилъ въ высшихъ турецкихъ сферахъ большія иллюзіи. Во дворцѣ султана только и рѣчи что о предстоящемъ заключеніи между Германіей и Турціей наступательнаго и оборонительнаго союза, направленнаго де главнымъ образомъ противъ Франціи. Султанъ повидимому раздѣляетъ надежды своихъ сановниковъ, и недавно устроилъ для членовъ германскаго посольства парадный обѣдъ, послѣ котораго онъ торжественно заявилъ своимъ министрамъ что дни испытанія и страданія для Турціи кончились, что наступаютъ счастливыя времена. Турецкіе министры теперь положительно разсчитываютъ на осуществленіе германо-турецкаго союза. Цѣлью этого союза будетъ де единовременное нападеніе на Францію на Маасѣ и въ сѣверной Африкѣ. Въ благополучномъ исходѣ этого нападенія никто де въ Турціи не сомнѣвается. Во всякомъ случаѣ судить трудно; но несомнѣнно что вліяніе Германіи въ Константинополѣ въ настоящее время преобладаетъ. Несомнѣнно также что Германія пользуется своимъ вліяніемъ, чтобъ улучшить по возможности отношенія между Турціей и Австро-Венгріей и убѣдить Порту что она много выиграетъ оставаясь въ добрыхъ отношеніяхъ къ этой державѣ. „Совѣты Германіи, говоритъ венгерская офиціозная газета, повидимому не прошли безъ слѣда. Чрезвычайное турецкое посольство возвращается въ Константинополь чрезъ Вѣну, гдѣ оно остановится на нѣкоторое время для переговоровъ съ Австро-Венгерскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.“

№ 345.

Москва, 12-го декабря.

Вопросъ о выкупныхъ платежахъ, давшій поводъ ко множеству разнообразныхъ тенденціозныхъ толковъ, можно считать отнынѣ закрытымъ. Онъ уже прошелъ всѣ стадіи обсужденія въ законодательномъ порядкѣ, и теперь остается лишь ожидать обнародованія состоявшагося рѣшенія. Какъ извѣстно, еще 20 апрѣля сего года, въ Государственномъ Совѣтѣ состоялось заключеніе по дѣлу о выкупѣ, о пониженіи выкупныхъ платежей и о выкупныхъ недоимкахъ. Это поспѣшное и недостаточно зрѣлое заключеніе было представлено на Высочайшее усмотрѣніе, но, одобренное въ принципѣ, не было утверждено во всѣхъ частностяхъ. Въ видахъ болѣе подробной разработки вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, 20 мая было Высочайше повелѣно: 1) составленіе соображеній относительно способовъ пониженія выкупныхъ платежей и размѣровъ сего пониженія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ возложить на Особое Совѣщаніе изъ министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ и управляющаго Министерствомъ Финансовъ, при участіи экспертовъ по ихъ выбору, и 2) заключеніе упомянутаго Совѣщанія внести на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта къ 15 сентября. Во исполненіе сего повелѣнія, были вызваны въ Петербургъ, для принятія участія въ обсужденіи вопроса, тринадцать земскихъ экспертовъ, которые почти въ полномъ составѣ принимали участіе въ четырехъ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія, 3, 9, 28 и 29 іюня, и сверхъ того обсуждали представленные на ихъ разсмотрѣніе вопросы въ ежедневныхъ част-

ныхъ собраніяхъ. Результаты этихъ обсужденій были изложены въ рядѣ докладовъ Особому Совѣщанію отъ лица всѣхъ или большинства и меньшинства экспертовъ, а также въ особыхъ мнѣніяхъ отдѣльныхъ экспертовъ какъ по главному вопросу о способѣ пониженія выкупныхъ платежей, такъ и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, которыхъ эксперты сочли необходимымъ коснуться въ виду ихъ тѣсной связи съ главнымъ вопросомъ. Всѣ мнѣнія экспертовъ были затѣмъ разсмотрѣны министрами на которыхъ это дѣло было возложено, и заключенія къ которымъ они пришли поступили наконецъ въ Государственный Совѣтъ. Въ общемъ собраніи дѣло разсматривалось въ понедѣльникъ 30 минувшаго ноября. Въ самую послѣднюю минуту сдѣлана была попытка затормозить дѣло, отсрочить рѣшеніе вопроса. Но эта попытка не имѣла успѣха, и повела лишь къ тому что дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ было покончено недѣлей позже, въ минувшій понедѣльникъ.

Было бы преждевременно говорить что-нибудь о дѣлѣ, пока оно не рѣшено Высочайшею Властію, не обнародовано и неизвѣстно во всѣхъ подробностяхъ. Можно лишь пожелать чтобъ обнародованіе принятой мѣры не замедлило. Продолжительная неизвѣстность въ этомъ отношеніи можетъ повести ко многимъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ. Смутные толки проникшіе въ народъ по этому предмету, благодаря продолжительной агитаціи, не могутъ не вредить успѣшности поступленія выкупныхъ платежей и не содѣйствовать возрастанію выкупныхъ недоимокъ, въ нарушеніе разчетовъ сдѣланныхъ при обсужденіи вопроса. Чѣмъ скорѣе будетъ положенъ конецъ этимъ толкамъ, тѣмъ лучше и для казны, и для крестьянъ. Чѣмъ скорѣе узнаютъ всѣ въ чемъ именно дѣло, тѣмъ менѣе останется мѣста для возбужденія несбыточныхъ ожиданій въ темныхъ средахъ, во вредъ и имъ, и всему государству.

Всякая серіозная мѣра вызываетъ рядъ другихъ, тѣсно съ нею связанныхъ; рѣшеніе одного вопроса само собою ставитъ новыя задачи. Въ связи съ вопросомъ о выкупныхъ платежахъ стоитъ вопросъ объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ тѣми крестьянами которые до сихъ поръ оставались въ положеніи временно-обязанныхъ. Установлены или еще не установлены окончательно въ подробностяхъ всѣ основанія предстоящаго обязательнаго выкупа одновременно съ рѣшеніемъ вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, мы пока не знаемъ. Но хотя бы все въ этомъ дѣлѣ касающееся интересовъ крестьянъ и было рѣшено, само собою разумѣется что не могутъ быть оставлены безъ вниманія и затронутые обязательнымъ выкупомъ интересы помѣщиковъ. Не касающійся крестьянъ, но важный и для массы землевладѣльцевъ, и для самого правительства вопросъ о 20% дополнительныхъ платежахъ самъ собою становится на очередь. Обсужденіе его требуется не какъ измѣненіе или поправка состоявшагося рѣшенія, каково бы оно ни было, а какъ прямое его дополненіе, какъ необходимый, вызываемый имъ результатъ. Въ трезвой части печати на вопросъ о дополнительныхъ платежахъ уже обращено должное вниманіе. Онъ не замедлитъ, конечно, стать предметомъ обсужденія и въ дворянскихъ собраніяхъ. Но едва ли нужно ожидать какихъ-либо ходатайствъ для приступа къ разсмотрѣнію вопроса о дополнительныхъ платежахъ въ законодательномъ порядкѣ. Изъ того что объ этихъ платежахъ не было до сихъ поръ рѣчи нельзя заключать что эта сторона дѣла забыта или упущена изъ виду. Когда обсуждается важный вопросъ строить или не строить желѣзную дорогу и какъ ее строить, нѣтъ надобности усложнять задачу обсужденіемъ условій вознагражденія владѣльцевъ за отходящія отъ нихъ подъ дорогу земли. Необходимость этого вознагражденія подразумѣвается сама собой, и уже послѣ того какъ главный вопросъ о постройкѣ дороги рѣшенъ, наступаетъ очередь принятія мѣръ къ вознагражденію за экспропріацію. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, всего важнѣе было рѣшить вопросъ объ обязательности и объ условіяхъ выкупа находящихся въ прямой зависимости отъ большаго или меньшаго пониженія выкупныхъ платежей въ разныхъ мѣстностяхъ. Лишь когда это сдѣлано, становится необходимымъ перейти къ вопросу о вознагражденіи тѣхъ чья собственность отчуждается.

Далѣе, въ виду рѣшенія вопроса о выкупныхъ недоимкахъ, самъ собою обращаетъ на себя вниманіе другой, аналогичный вопросъ о лежащихъ на тѣхъ же

крестьянахъ недоимкахъ оброчныхъ. Рѣшить его одновременно съ первымъ было бы трудно, можетъ-быть даже невозможно. За иными предметами привлекавшими къ себѣ главное вниманіе, тяготѣющія на крестьянахъ оброчныя недоимки слишкомъ долгое время оставались въ тѣни, и забота о нихъ, можетъ-быть по необходимости, откладывалась въ долгій ящикъ. Едва ли имѣются на лицо даже сколько-нибудь удовлетворительныя статистическія данныя по этой части, безъ которыхъ, конечно, затруднителенъ самый приступъ къ обсужденію этого вопроса. А между тѣмъ вопросъ этотъ очень важенъ. Въ прошлое время, самый ходъ выкупной операціи, то-есть процессъ признанной необходимою замѣны оброковъ выкупными платежами, часто и во многихъ мѣстахъ тормозился именно оброчными недоимками. Крестьяне не находили для себя выгоднымъ переходить съ оброка на выкупные платежи, не только въ тѣхъ случаяхъ когда эти послѣдніе въ совокупности съ дополнительными платежами равнялись цифрѣ оброка, но и въ тѣхъ случаяхъ когда съ выходомъ на выкупъ ежегодные крестьянскіе платежи должны были сократиться. Они упрямо отказывались отъ выкупа, отъ пониженія слѣдующихъ съ нихъ платежей, въ виду практически знакомой имъ разницы въ строгости взысканія оброковъ и выкупныхъ платежей. Власти почти повсемѣстно строго слѣдили за тѣмъ чтобы выкупные платежи, наравнѣ съ податями, поступали безнедоимочно; недоимки по этимъ платежамъ взыскивались съ возможною, часто неразумною строгостью; каждая взысканная или недовзыскнная тутъ копѣйка заносилась въ офиціальныя донесенія и въ концѣ концовъ учитывалась Государственнымъ Контролемъ. Взысканіе оброковъ и оброчныхъ недоимокъ контролю не подлежало, а потому мало кого, кромѣ самихъ помѣщиковъ, особенно интересовало, и производилось какъ бы спустя рукава. Многократныя повторительныя просьбы помѣщиковъ о понужденіи крестьянъ къ платежамъ часто не вели ни къ какимъ результатамъ, кромѣ формальной переписки. Если же по отношенію къ неисправнымъ плательщикамъ и принимались понудительныя мѣры, напримѣръ продажа части крестьянскаго имущества, то помѣщикъ далеко не всегда отъ этого выигрывалъ: вырученная отъ продажи сумма прежде всего обращалась на покрытіе податей и другихъ сборовъ, и лишь остатокъ выдавался помѣщику. Не мудрено что при такихъ порядкахъ крестьяне, по мѣстамъ, предпочитали болѣе высокій, но на практикѣ иногда только номинальный оброкъ пониженнымъ, но за то строго взыскиваемымъ выкупнымъ платежамъ; не мудрено что оброчныя недоимки во многихъ мѣстностяхъ выросли до крупныхъ суммъ. Эти недоимки тяготѣютъ не на тѣхъ только крестьянахъ которые понынѣ остаются на оброкѣ, онѣ лежатъ не малою тягостію и на крестьянахъ уже вышедшихъ на выкупъ. Это обстоятельство, въ виду предстоящаго пониженія выкупныхъ платежей и сложенія выкупныхъ недоимокъ, заслуживаетъ самаго серіознаго вниманія, ибо оно можетъ надолго парализовать благодѣтельное дѣйствіе сказанныхъ мѣръ. Облегченные съ одной стороны, крестьяне въ равной мѣрѣ могутъ быть отягчены съ другой. Чѣмъ менѣе будетъ съ нихъ взыскиваться выкупныхъ платежей и недоимокъ, тѣмъ настоятельнѣе пойдетъ взысканіе недоимокъ оброчныхъ, въ накопленіи коихъ виновны не одни крестьяне, а едва ли не въ большей мѣрѣ административные распорядки. Сложить эти недоимки, какъ могутъ быть сложены недоимки казенныя и выкупныя, нельзя, также какъ нельзя вобще объявить что ни одинъ должникъ не обязанъ платить своихъ законно образовавшихся долговъ. Повсемѣстно практиковать господствовавшую по мѣстамъ систему поблажекъ въ неплатежѣ оброчныхъ недоимокъ было бы дѣломъ недостойнымъ правительства и вмѣстѣ мѣрой къ развращенію народа. Принять уплату оброчныхъ недоимокъ на казенный счетъ тоже едва ли было бы раціональнымъ выходомъ изъ затрудненія, не говоря уже о неизвѣстности размѣровъ той, вѣроятно довольно крупной, суммы которая потребовалась бы для этого. Но правительство могло бы принять на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ между помѣщиками и крестьянами. Оно могло бы помочь тѣмъ и другимъ посредствомъ своего кредита. Ссуда крестьянамъ въ размѣрѣ итога ихъ оброчныхъ недоимокъ была бы для нихъ большимъ облегченіемъ; она избавила бы ихъ отъ тѣхъ взысканій которымъ иначе они должны подвергаться и которыя иной разъ могутъ подорвать ихъ благосостояніе. Каждому

пришлось бы платить только копѣечный процентъ на упомянутую ссуду, а эта приплата и не почувствовалась бы ими при ожидаемыхъ рублевыхъ скидкахъ съ выкупныхъ платежей. О томъ въ какой мѣрѣ помѣщики были бы благодарны правительству за подобныя ссуды, избавляющія ихъ отъ безконечныхъ, раздражающихъ по своей безрезультатности, хлопотъ по взысканію своихъ денегъ, едва ли нужно говорить. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы устраненъ поводъ ко взаимнымъ столкновеніямъ и неудовольствіямъ между двумя земледѣльческими сословіями въ Россіи, помѣщичьимъ и крестьянскимъ.

Совершеніе обязательнаго выкупа, для котораго срокомъ, сколько извѣстно, назначено 1 января 1883, должно поставить вопросъ еще объ одной мѣрѣ, весьма важной въ качествѣ подготовительнаго шага къ общей податной реформѣ. Пока съ однихъ крестьянъ взимаются выкупные платежи, а съ другихъ оброки, тѣ и другіе сборы естественно не подходятъ подъ общую категорію лежащихъ на населеніи податей. Но когда оброки будутъ повсемѣстно замѣнены выкупными платежами, которые притомъ будутъ понижены примѣнительно къ платежнымъ средствамъ крестьянъ, почти всякая разница между этими платежами и податями исчезнетъ. Серіознаго препятствія къ слiянію тѣхъ и другихъ не будетъ. Выкупные платежи могли бы быть въ такомъ случаѣ присоединены къ общему государственному бюджету, а погашаемые этими платежами долги могли бы быть внесены въ государственную долговую книгу. Сдѣлать это побуждаетъ, между прочимъ, уже то обстоятельство что выкупная операція, съ пониженіемъ выкупныхъ платежей, перестанетъ быть самостоятельною, идущею внѣ бюджета: она ежегодно будетъ требовать приплатъ изъ общихъ бюджетныхъ средствъ. А какъ только выкупная операція становится дѣломъ общаго бюджета, нѣтъ основаній держать ее внѣ его, въ видѣ бюджета спеціальнаго. Наши спеціальные бюджеты, какъ давно замѣчено, вообще тяжело отзываются на общей государственной экономіи и ведутъ лишь къ запутанности счетовъ и несовершенству контроля. Единство кассъ было важнымъ шагомъ впередъ въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ. Единство бюджетовъ, полагаемъ, было бы вторымъ, не менѣе важнымъ шагомъ, который много облегчилъ бы финансовыя реформы, имѣющія цѣлію облегченіе лежащей на народѣ податной тягости.

№ 347.

Москва, 14-го декабря.

Новая французская палата депутатовъ окончила 4 (16) декабря свою первую, чрезвычайную сессію, продолжавшуюся всего полтора мѣсяца и представлявшую интересъ не законодательными работами, которыя были совершенно ничтожны, а тѣми отношеніями которыя мало-по-малу устанавливались между депутатами и новымъ кабинетомъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное „великимъ министерствомъ“ на палату, было разочарованіе. Всѣ ожидали что г. Гамбетта составитъ свой кабинетъ изъ корифеевъ республиканской партіи и обнародуетъ подробную программу предполагаемыхъ имъ реформъ; но г. Гамбетта предпочелъ окружить себя не столько извѣстными сколько безусловно преданными ему людьми и не разглашать слишкомъ рано своихъ будущихъ плановъ. Большую часть министровъ онъ взялъ изъ редакціи своей *République Française*, а программа прочитанная имъ въ палатѣ депутатовъ была наполнена лишь общими фразами.

Разочарованіе депутатовъ смѣнилось выжидательнымъ настроеніемъ. Депутаты полагали что г. Гамбетта, не объявивъ подробно о своихъ реформахъ въ министерской программѣ, тотчасъ же, однако, приступитъ къ ихъ осуществленію. Отъ „великаго министерства“ ожидали великихъ преобразованій. Но ожиданія оказались напрасными: г. Гамбетта не предложилъ палатѣ ни одного преобразовательнаго закона, опасаясь оппозиціи не обновленнаго еще сената, а потребовалъ лишь сверхсмѣтныхъ кредитовъ для продолженія злополучной Тунисской экспедиціи и для организаціи двухъ новыхъ учрежденныхъ имъ министерствъ. Этотъ образъ дѣйствій новаго министра превратилъ выжидательное настроеніе прямо въ недовольное. Членъ лѣваго центра, г. Рибо, выразилъ порицаніе г. Гамбеттѣ за то что онъ учредилъ новыя министерства (земледѣлія и изящныхъ искусствъ) не испросивъ на то согласіе палаты и, предлагая отпустить на

этотъ разъ требуемыя деньги, высказалъ въ своемъ докладѣ желаніе чтобы на будущее время новыя министерства учреждались лишь путемъ законодательнымъ. Эта рѣчь была покрыта такими единодушными рукоплесканіями всѣхъ депутатовъ безъ различія партій какія, по единогласному отзыву французской печати, давно не слышались въ палатѣ. Г. Гамбетта понялъ значеніе этой направленной противъ него демонстраціи, и попросилъ г. Рибо вычеркнуть изъ его доклада упомянутое выше желаніе Среди гробоваго молчанія сошелъ г. Гамбетта съ каѳедры, но когда г. Рибо учтивымъ образомъ отказался исполнить просьбу г. Гамбетты, то вся палата снова огласилась громомъ рукоплесканій. Кредиты на новыя министерства были, разумѣется, приняты палатой; но она была внѣ себя отъ восторга что выразила „платоническое неодобреніе“ великому министру.

За то крайняя лѣвая не ограничилась этою академическою вылазкой противъ г. Гамбетты. Она съ самаго начала выступила противъ него съ нескрываемою ненавистью, которая съ каждымъ днемъ принимала все большіе размѣры и достигла своего апогея въ скандальной выходкѣ г. Маре (Maret) въ засѣданіи 1 (13) декабря. Одинъ изъ самыхъ радикальныхъ членовъ крайней лѣвой, народный поэтъ Кловисъ Гюгъ (Hugues), обвинялъ новое министерство въ томъ что оно подготовляетъ государственный ударъ назначая на высокіе военные посты такихъ реакціонеровъ и „враговъ отечества“ какъ бонапартиста маршала Канробера, генерала Галлифе, усмирителя коммуны, и генерала Мирибеля, замышлявшаго де государственный ударъ въ пользу маршала Макъ-Магона. Военный министръ, генералъ Кампенонъ, принялъ подъ свою защиту названныхъ трехъ генераловъ, и объявилъ что считаетъ ихъ наиболѣе опытными въ военномъ дѣлѣ и способными оказать Франціи великія услуги. На эти слова министра, г. Гюгъ замѣтилъ саркастически что г. Гамбетта только реакціонеровъ считаетъ способными и опытными. Когда генералъ Кампенонъ услышалъ эти слова, онъ снова бросился къ трибунѣ, но былъ остановленъ г. Гамбеттой, который крикнулъ ему со своего мѣста: „Не отвѣчайте!“ Вся крайняя лѣвая пришла въ неописанное волненіе, и одинъ изъ ея членовъ, г. Маре, закричалъ на всю палату: „Слышите? Цезарь вамъ запрещаетъ говорить!“ А когда г. Гамбетта, обратившись къ нему, протестовалъ противъ этого сравненія съ Цезаремъ, г. Маре, намекая на тучность г. Гамбетты, спросилъ его такимъ же пронзительнымъ голосомъ: „Хотите ли вы лучше чтобъ я сказалъ: Вителлій?“ При этихъ словахъ г. Гамбетта, внѣ себя отъ гнѣва, потребовалъ отъ предсѣдателя палаты чтобъ онъ призвалъ г. Маре къ порядку. Но г. Бриссонъ счелъ нужнымъ заявить что за происшедшимъ шумомъ не слыхалъ словъ г. Маре, а потому предложилъ г. Гамбеттѣ повторить ихъ. Когда же тотъ естественнымъ образомъ отказался отъ этого, а предоставилъ повторить ихъ тому кто сказалъ, тогда г. Бриссонъ поспѣшилъ объявить пренія оконченными и заявилъ что слова г. Маре не будутъ помѣщены въ офиціальномъ протоколѣ. Это конечно не помѣшало имъ появиться на другой день во всѣхъ неофиціальныхъ газетахъ, къ великой потѣхѣ Парижанъ и къ немалому торжеству крайней лѣвой. Теперь она въ своихъ листкахъ иначе не называетъ г. Гамбетту какъ „Вителліемъ.“

Другимъ блестящимъ торжествомъ той же партіи *несговорчивыхъ* послужилъ извѣстный процессъ Рошфора. Процессъ этотъ былъ возбужденъ французскимъ министромъ-резидентомъ въ Тунисѣ г Рустаномъ, обвинявшимъ г. Рошфора въ клеветѣ, такъ какъ въ газетѣ послѣдняго *Intransigeant* печатались „разоблаченія“ тунисскихъ дѣлъ бросавшія тѣнь на доброе имя г. Рустана и выставлявшія его взяточникомъ и биржевымъ афферистомъ, затѣявшимъ французскую военную экспедицію для достиженія своекорыстныхъ, чисто личныхъ цѣлей. Нечего и говорить что все это было клевета, любимое оружіе Рошфора. Начавъ процессъ противъ этого безсовѣстнаго памфлетиста, г. Рустанъ былъ вполнѣ увѣренъ что ему легко будетъ доказать свою невинность и подвергнуть клеветника законной карѣ. Но по новому закону всѣ процессы по дѣламъ печати судятся во Франціи съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. И эти присяжные, несмотря на явныя улики, изъ принципа свободы печати, оправдали наглаго клеветника и этимъ осудили оклеветаннаго. Вердиктъ этотъ вызвалъ конечно всеобщее негодованіе всей республикан-

ской печати за исключеніемъ органовъ крайней лѣвой. Интересно было сравнить разсужденія либеральныхъ органовъ какъ *Temps* и *Journal des Débats* съ тѣми ликующими статьями какими они, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, встрѣтили новый законъ о печати. Первая изъ этихъ газетъ сознается теперь что „невозможно требовать отъ присяжныхъ, то-есть въ сущности отъ *suffrage universel*, того чего они не могутъ дать: ясной и обдуманной оцѣнки такихъ предметовъ которые имъ недоступны и еще долго останутся недоступными.“ А *Journal des Débats* прямо говоритъ: „мы нарушаемъ самыя простыя правила здраваго смысла заставляя двѣнадцать гражданъ, какъ бы честны они ни были, изображать собою просвѣщенное общественное мнѣніе.“ Но вѣдь вся теорія суда присяжныхъ основана на этой фикціи. Само собою разумѣется что теперь г. Рошфоръ разыгрываетъ роль спасителя отечества, осыпаетъ г. Рустана новыми еще болѣе возмутительными клеветами и безсовѣстно издѣвается надъ нимъ, а въ особенности надъ покровителемъ г. Рустана, ненавистнымъ ему „Вителліемъ.“

Эта рѣзкая оппозиція крайней лѣвой партіи имѣетъ и свою хорошую сторону. Г. Гамбетта все болѣе освобождается отъ радикально-либеральнаго доктринерства, невольно становится осмотрительнѣе и этимъ все болѣе пріобрѣтаетъ симпатіи среди благоразумной и даже монархической части французскаго общества. Буржуазія начинаетъ смотрѣть на него какъ на своего спасителя, и онъ ею болѣе не гнушается. Избѣгая поспѣшности въ проведеніи тѣхъ самыхъ реформъ которыхъ онъ такъ неотступно требовалъ пока былъ простымъ депутатомъ, онъ теперь предпочитаетъ укрѣплять основы существующаго порядка вещей. Осторожность и обдуманность начинаютъ смѣнять въ немъ прежнюю порывистую поспѣшность, и онъ все болѣе преобразуется изъ народнаго трибуна котораго покойный Тьеръ называлъ *fou furieux* въ серіознаго государственнаго человѣка. Онъ очень хорошо знаетъ что пока онъ не добьется избирательной реформы для обѣихъ палатъ, и пока посредствомъ этой реформы не преобразуетъ парламента по своему усмотрѣнію, положеніе его всегда будетъ шатко. Поэтому онъ объявилъ что прежде всего онъ, въ будущемъ январѣ, предложитъ конгрессу измѣнить статьи конституціи опредѣляющія выборную систему сенаторовъ и депутатовъ, и лишь потомъ, въ случаѣ успѣха, примется за судебную, военную и податную реформы. Удастся ли ему произвести пересмотръ конституціи въ томъ именно видѣ какъ онъ этого желаетъ? Много, если не все, будетъ зависѣть отъ предстоящихъ 8 января выборовъ, которыми обновится одна треть смѣняемыхъ сенаторовъ. Если большинство новыхъ 75 сенаторовъ будетъ *за* пересмотръ конституціи, то едва ли г. Гамбетта встрѣтитъ серіозныя препятствія для исполненія задуманнаго имъ плана. Что же касается палаты депутатовъ, то невинная оппозиція ея, о которой мы говорили выше, была вызвана болѣе всего скукой. Въ дѣйствительно же важныхъ дѣлахъ большинство ея остается въ полномъ распоряженіи г. Гамбетты.

№ 348.

Москва, 15-го декабря.

Рядомъ съ вопросами текущей политики, какихъ въ Германіи на очереди болѣе нежели достаточно, берлинская печать находила въ послѣднее время неоднократные поводы къ ретроспективной оцѣнкѣ Берлинскаго трактата. Казалось бы что этотъ международный актъ менѣе всего подлежитъ нынѣ спору; казалось бы что Германія, игравшая въ созданіи этого договора лишь роль посредника и притомъ „совершенно безкорыстную,“ менѣе всего должна бы обнаруживать чувствительность еслибы здѣсь и тамъ и раздавались теоретическія сѣтованія по поводу сдѣлки, въ которой Германія была заинтересована менѣе всѣхъ прочихъ: такъ по крайней мѣрѣ неоднократно заявлялъ самъ „честный маклеръ.“ Но не таковы рѣчи которыя раздаются теперь. Изо всей европейской печати, берлинская ревностнѣе всѣхъ оберегаетъ неприкосновенность трактата 1878 года, и даже проводитъ параллель между Берлинскимъ и Франкфуртскимъ трактатомъ. Параллель эта въ самомъ дѣлѣ не лишена назидательности. Тотъ и другой договоръ завершили собой двѣ громадныя и побѣдоносныя войны. Во Франкфуртскомъ трактатѣ Германія предписала побѣжден-

-ному *свои* условія, и эти условія были приняты противникомъ, а затѣмъ всею Европой безъ пререканій и протеста. Берлинскій же трактатъ не былъ заключительнымъ актомъ войны Россіи противъ Турціи. Русскія побѣды получили свое выраженіе въ иномъ трактатѣ, непосредственно заключенномъ между побѣдителемъ и побѣжденнымъ. Что̀ Россія выговорила при этомъ, то она выговорила не для себя, а для другихъ. Какъ бы то ни было, но процессъ между Россіей и Турціей былъ оконченъ въ Санъ-Стефано; въ Берлинѣ же начался новый процессъ собственно противъ Россіи. Она была здѣсь отвѣтчикомъ; она посажена была на скамью обвиняемыхъ, и теперь де надо ей радоваться что приговоръ поставленный надъ нею былъ слишкомъ для нея снисходителенъ, и съ признательностью помышлять что она обязана этимъ адвокату принявшему на себя защиту ея интересовъ предъ неумолимымъ европейскимъ ареопагомъ. Русской печати ставится въ тяжкую вину если она осмѣливается при случаѣ пикнуть что судъ наряженный надъ Россіей-побѣдительницей былъ явленіемъ необычайнымъ и для Россіи тяжко оскорбительнымъ...

Какъ смѣютъ однако въ Россіи высказывать подобныя сужденія и не признавать сколь многимъ она обязана князю Бисмарку? Таковъ смыслъ замѣчаній высказанныхъ *Сѣверо-Германскою Всеобщею Газетой* по поводу разсужденій о Берлинскомъ трактатѣ, появившихся въ нѣкоторыхъ русскихъ органахъ. А либеральныя, нынѣ оппозиціонныя князю Бисмарку, газеты прибавляютъ къ этому: „изъ этихъ выходокъ панславистской печати, князь Бисмаркъ, столь много сдѣлавшій для Россіи въ 1877 и 1878 году, долженъ вывести заключеніе что онъ быть-можетъ слишкомъ много постарался въ пользу Россіи.“

Русскія газеты, высказывая свои сужденія о Берлинскомъ трактатѣ, спѣшили оговориться что онѣ далеки отъ мысли взывать къ нарушенію его, признавая что не время теперь затѣвать что-либо на Востокѣ. Берлинскія газеты еще пуще озлобились, находя что эти разсужденія напоминаютъ французскіе толки по поводу Франкфуртскаго трактата. Во Франціи также де толкуютъ о томъ что придетъ время когда восторжествуетъ справедливость, и что Франція получитъ обратно то что̀ у нея отнято. Но если Французамъ еще простительно, какъ побѣжденнымъ, мечтать о возвратѣ потеряннаго, то Русскимъ, по мнѣнію берлинскихъ либераловъ, слѣдовало бы помнить что Россія получила послѣ Турецкой войны весьма значительныя выгоды, „хотя и не такія какія она вздумала было сама себѣ присвоить.“ Но Германія сумѣетъ и оградить свои пріобрѣтенія полученныя ею какъ плодъ побѣдъ надъ Франціей, и отстоять неприкосновенность Берлинскаго трактата отъ поползновеній „панславистовъ.“

Намъ кажется напраснымъ и суетнымъ словопреніе по вопросамъ которые рѣшаются не словами, а событіями. Россія исполнила Берлинскій трактатъ и ничего не предпринимаетъ къ нарушенію установленнаго имъ statu quo, и не она виновата если на Востокѣ кое-что теперь шевелится. Не ея вина, или не ея заслуга, если на Востокѣ тихонько готовятся событія которыя могутъ измѣнить данное положеніе. Когда такія событія прорвутся и дѣла выбьются изъ Берлинскаго трактата, тогда будетъ пора и говорить, и дѣйствовать...

А что событія зрѣютъ на Востокѣ и что рано или поздно они прорвутся, въ этомъ кажется нѣтъ сомнѣнія какъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ что они не Россіей подготовляются...

Берлинскія газеты находятъ что положеніе дѣлъ внутри Россіи не таково чтобы съ ея стороны было возможно какое-либо сильное дѣйствіе. Однако нетрудно было бы доказать, да и берлинскія газеты, полагаемъ, не забыли того что крамола въ Россіи провалилась сквозь землю послѣ Кремлевской рѣчи Государя, когда поднялся народный духъ, во все продолженіе войны, и что именно, съ заключеніемъ Берлинскаго трактата, во время глубокаго упадка народнаго духа въ правительственной политикѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ обществѣ, крамола подняла голову. Убійство генерала Мезенцова совершилось спустя нѣсколько недѣль послѣ подписанія Берлинскаго трактата...

Желая отдать себя подъ покровительство Германіи, султанъ отправилъ недавно спеціальное посольство въ Берлинъ. Офиціальные органы Вѣны и Берлина стараются, правда, увѣрить что въ Берлинѣ были приняты очень холодно предложенія сдѣланныя посольствомъ. Константинопольскій корреспондентъ *Политической Корреспонденціи* очень невинно замѣчаетъ что

единственнымъ практическимъ результатомъ турецкой миссіи въ Берлинѣ будетъ новое приращеніе числа нѣмецкихъ чиновниковъ поступившихъ на службу Турціи. Между тѣмъ нѣкоторые, черезчуръ поспѣшные, турецкіе органы откровенно выставляютъ турецкое посольство въ Берлинѣ какъ враждебный шагъ противъ Россіи. *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* не соглашается съ этимъ, но какова истинная цѣль чрезвычайной миссіи отъ султана, это до сихъ поръ держится въ большомъ секретѣ.

№ 349.

Москва, 16-го декабря.

Недавно мы указали на первый шагъ военнаго вѣдомства къ уменьшенію канцеляризма отъ котораго страдаетъ наша военная система. Теперь приходится отмѣтить вторую и болѣе рѣшительную мѣру въ томъ же направленіи.

Приказомъ по военному вѣдомству отъ 8 декабря, напечатаннымъ въ № 272 *Русскаго Инвалида*, „впредь до окончательнаго пересмотра дѣйствующаго положенія о перепискѣ“ рекомендовано къ руководству нѣсколько правилъ долженствующихъ значительно упростить и сократить дѣло военныхъ канцелярій, содержаніе которыхъ обходится вѣдомству свыше десяти милліоновъ рублей, не считая расходовъ почтоваго вѣдомства, такъ же довольно крупныхъ.

Борьба съ развитіемъ переписки и канцеляризма занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нашего военнаго министерства. Въ *Историческомъ обозрѣніи военно-сухопутнаго управленія съ 1825 по 1850 годъ*, составленномъ подъ наблюденіемъ тогдашняго военнаго министра, князя Чернышева, указывается что одною изъ причинъ вызвавшихъ реформу въ устройствѣ центральныхъ управленій было значительное увеличеніе переписки, затруднявшее дѣйствія высшаго военнаго начальства. Несмотря на мѣры принятыя тогда противъ этого зла, оно не только не уменьшилось, но значительно развилось, такъ что послѣ Крымской кампаніи, въ министерство генерала Сухозанета, рѣшено было вновь принять энергическія мѣры къ его искорененію и указаны новыя основанія для войсковой переписки и отчетности, направленныя къ тому чтобъ упразднить лишнія канцелярскія должности и даже цѣлыя канцеляріи, существованіе которыхъ не оправдывалось крайнею надобностью. Основанія эти, утвержденныя въ 1857 году до 1862 года, остались почти безъ исполненія, а затѣмъ съ послѣдовавшими по военному министерству общими реформами, число канцелярій и занятыхъ въ нихъ чиновъ, а вмѣстѣ и переписка не только не сократились, но напротивъ увеличились въ небывалахъ до того размѣрахъ. И, замѣчательно, съ развитіемъ у насъ канцеляризма, развивались не канцелярскія тонкости дѣлопроизводства, а лишняя болтовня и бумагомаранье, прямо вопреки закону. Вслѣдствіе этого, приказъ о которомъ говоримъ вынужденъ напоминать „о точномъ и неуклонномъ исполненіи“ нѣкоторыхъ основныхъ правилъ дѣйствующаго положенія о перепискѣ. Такъ законъ запрещаетъ кому бы то ни было изъ начальствующихъ лицъ произвольно устанавливать новыя срочныя донесенія, а между тѣмъ это дѣлается сплошь и рядомъ. Законъ требуетъ, сказано въ приказѣ, „чтобы дѣловыя бумаги писались кратко, сжато, безъ прибавленія словъ неидущихъ къ дѣлу,“ а между тѣмъ бумаги отличались многословіемъ пораждающимъ неясность и слѣдовательно неизбѣжно увеличивающимъ переписку „въ разъясненіе и дополненіе;“ установлено чтобы на поляхъ каждой бумаги непремѣнно рукой дѣлопроизводителя прописывалось краткое содержаніе, но этого или не дѣлалось вовсе, или содержаніе прописывалось писаремъ, хотя названная мѣра была установлена именно въ тѣхъ видахъ чтобы побудить дѣлопроизводителей сочинять только дѣйствительно нужныя бумаги.

Этихъ примѣровъ довольно чтобы видѣть до какихъ размѣровъ дошло зло канцеляризма и какъ не легко опредѣлить теперь сразу какимъ числомъ чиновниковъ и писарей дѣйствительно могли бы обходиться наши канцеляріи. Это становится еще виднѣе если обратить вниманіе на первые пункты приказа 8 декабря. Оказывается что всѣ войска, канцеляріи и управленія каждый издаваемый ими ежедневный приказъ переписываютъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ для представленія по начальству и въ Главный Штабъ, гдѣ благодаря этому должны скопляться ежедневно такіе вороха этихъ приказовъ что не только нельзя было по

каждому изъ нихъ сдѣлать какія-либо замѣчанія (для чего они присылались), но и прочитать. Далѣе, на каждаго произведеннаго въ теченіе года унтеръ-офицера составлялся для представленія, опять-таки въ Главный Штабъ, особый такъ-называемый послужной списокъ, въ которомъ съ подробностью прописывалось откуда и когда этотъ унтеръ-офицеръ поступилъ на службу, какъ служилъ рядовымъ, холостъ или женатъ и т. п. Главный Штабъ не имѣлъ никакой возможности не только провѣрять, но даже и просматривать этихъ ненужныхъ ему свѣдѣній, тѣмъ болѣе что и производство въ унтеръ-офицеры, и лишеніе этого званія совершаются помимо не только главнаго, но даже окружнаго штаба, властью начальника дивизіи.

Все это теперь устранено, но все это могло дѣлаться лишь при незнаніи главными канцелярскими начальниками основаній войсковой переписки и при недостаткѣ близкаго знакомства этихъ начальниковъ даже съ трудомъ лично подвѣдомыхъ имъ учрежденій.

Еще поразительнѣе слѣдующія слова приказа 8 декабря: „Въ отмѣну существующаго правила, вся дѣловая переписка во всѣхъ случаяхъ должна производиться на полулистѣ обыкновенной необрѣзной бумаги сложенномъ вдвое.“ До сихъ поръ всѣ очень хорошо знали и видѣли что половина бумаги остается бѣлою, знали и то что расходъ на бумагу доходитъ почти до полутора милліоновъ рублей, но поддерживали порядокъ вовлекающій казну въ непроизводительный расходъ, достигающій, вмѣстѣ съ почтовою пересылкой, до милліона въ годъ. „Надо бы наконецъ понять, сказано въ напечатанной въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* статьѣ *О сокращеніи военной смѣты*, „надо бы понять что уваженіе не измѣряется форматомъ бумаги,“ но понять это нашимъ канцеляріямъ, какъ видно, было не легко если порядокъ этотъ существовалъ у насъ во всякомъ случаѣ около полустолѣтія и пережилъ даже усовершенствованія въ бумажной фабрикаціи. Когда размѣръ листа писчей бумаги на фабрикахъ увеличился, канцеляріи озаботились завести у себя желѣзную линейку для обрѣзанія бумаги по прежнему формату, а между тѣмъ если взять массу ежегодно исписываемой, слѣдовательно и обрѣзаемой во всѣхъ нашихъ канцеляріяхъ бумаги, то вѣсъ этихъ обрѣзковъ теперь выбрасываемыхъ достигъ бы значительной цифры цѣнности.

Мы указываемъ на эти мелочи приказа 8 декабря не безъ особой причины: именно вниманіе ко всѣмъ этимъ мелочамъ, составляя характеристическую особенность приказа, показываетъ что въ настоящемъ случаѣ за дѣло искорененія канцеляризма вовлекающаго казну въ излишніе, довольно крупные расходы, взялись серіозно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. А это служитъ ручательствомъ что разъ поставленная цѣль будетъ дѣйствительно достигнута, и что теперешнія попытки сократить переписку, а слѣдовательно и число и штаты канцелярій, будутъ имѣть лучшую участь чѣмъ всѣ прежнія начинанія этого рода.

№ 350.

Москва, 17-го декабря.

Германскій канцлеръ ведетъ дѣятельные переговоры съ папскою куріей; говорятъ что и наша дипломатія также возобновляетъ съ нею переговоры. Не знаемъ какой успѣхъ будутъ имѣть какъ для Германіи такъ и для Россіи эти попытки поладить съ Римскимъ или, теперь лучше сказать, съ Ватиканскимъ владыкой; но обстоятельства у насъ и у Германіи, относительно этого вопроса, во многомъ сходствуютъ, только у насъ дѣло это могло бы быть улажено легче и успѣшнѣе чѣмъ тамъ, еслибы только мы прямѣе и яснѣе взглянули на него.

Какъ въ Германіи такъ и у насъ римско-католическій вопросъ связанъ съ элементами враждующими противъ государственнаго единства. У насъ римскій католицизмъ слился съ польскою національностію вслѣдствіе нашей политики, дѣйствовавшей въ этомъ случаѣ совершенно заодно съ польскою идеей. Вѣроисповѣданіе стало національнымъ символомъ, римско-католическая церковь стала польскимъ политическимъ учрежденіемъ, и притомъ въ краѣ который хотя и былъ когда-то соединенъ съ Польшей, но никогда не былъ Польшей и населенъ по преимуществу Русскимъ народомъ. Русское правительство, руководясь правиломъ вѣротерпимости, оказываетъ покровительство допускаемымъ законами вѣроисповѣданіямъ. Оно обезпечивало и обезпечиваетъ римско-

католическую церковную организацію; но такъ какъ эта церковь въ Россіи существуетъ какъ польское учрежденіе, — а таковое Русскимъ правительствомъ не допускается, — то отсюда возникаетъ грубое противорѣчіе которое поддерживаетъ и питаетъ смуту въ государствѣ. Принимая мѣры противъ польскихъ притязаній, правительство находитъ себя вынужденнымъ принимать мѣры и противъ церкви на которую они опираются. Политическая борьба фальшиво принимаетъ характеръ борьбы вѣроисповѣдной ко вреду какъ государства, такъ и религіи.

Въ Германіи послѣ событій объединившихъ ее и создавшихъ имперію, Римская церковь возбудила, въ двигателѣ этихъ событій, опасеніе какъ бы вокругъ нея не сгруппировались внутренніе враждебные германскому единству элементы. Отнюдь не въ вѣроисповѣдномъ смыслѣ предпринята была германскимъ правительствомъ такъ-называемая „культурная борьба", но исключительно въ политическомъ. Требовалось ослабить положеніе Римской церкви въ Германіи для того чтобъ отнять чрезъ это опору у *партикуляристовъ* и крѣпче упрочить единство имперіи. Но культурная борьба имѣла своимъ послѣдствіемъ усиленіе такъ-называемой партіи центра, въ которой гнѣздятся и къ которой примыкаютъ всѣ элементы не желающіе упроченія Германской имперіи. Въ этой свалкѣ, чѣмъ сильнѣе были удары наносимые дѣлу вѣры тѣмъ болѣе принимала она политическій характеръ, и тѣмъ болѣе усиливала враговъ имперіи. Закрывались церкви, изгонялись епископы и священники, массы населенія лишались церковныхъ требъ, дѣти оставались некрещенными, браки невѣнчанными: могло ли это не усиливать коалицію враговъ правительства и не возбуждать надеждъ въ противникахъ германскаго единства? Клерикальная партія стала силой съ которою приходилось считаться. Для возстановленія церковнаго мира приходилось вѣдаться съ врагами имперіи и дѣлать имъ уступки. Партикуляристы уже заранѣе торжествовали свою побѣду. Они надменно настаивали на своихъ требованіяхъ и ждали съ часу на часъ что правительство имперіи сдатся имъ на капитуляцію. Что̀ же дѣлаетъ германскій канцлеръ? Вмѣсто того чтобы продолжать счеты съ домашнею клерикальною партіей, которая въ сущности есть коалиція партикуляристовъ, онъ прямо обращается къ папѣ и вступаетъ съ нимъ самимъ въ переговоры. Пусть кричатъ что онъ „пошелъ въ Каноссу", что онъ призналъ себя побѣжденнымъ въ борьбѣ, что онъ преклонился предъ папой. Ничего этого конечно нѣтъ, но князь Бисмаркъ воспользовавшись обстоятельствами, а между прочимъ и гоненіемъ на церковь поднятымъ во Франціи, поспѣшилъ разорвать связь вѣроисповѣднаго вопроса съ политическимъ. Вступая въ непосредственные переговоры съ Римскою куріей, германское правительство переноситъ вопросъ на церковную почву, и тѣмъ отнимаетъ силу у своихъ политическихъ противниковъ. Въ церковномъ отношеніи между Германскимъ правительствомъ и папскою куріей не можетъ быть никакихъ споровъ. Такъ какъ большинство населенія въ Германіи исповѣдуютъ лютеранство, то Германское правительство не можетъ опасаться и догмата папской непогрѣшимости въ сферѣ Римской церкви, а также не имѣетъ основанія противиться въ принципѣ даже свѣтской власти непогрѣшимаго владыки. Независимость папы какъ государя, пожалуй, могла бы даже согласоваться съ интересами и видами германской политики. Лучше имѣть дѣло съ независимымъ и слабымъ государемъ, который былъ бы озабоченъ интересами своего свѣтскаго владѣнія и своими международными отношеніями, нежели съ непогрѣшимымъ владыкой который можетъ стать орудіемъ сильной державы или враждебной политической партіи.

Наши отношенія къ папѣ несравненно проще и не требуютъ широкихъ и мудреныхъ соображеній для того чтобы стать на правильныя основанія. У насъ сфера дѣйствія римскаго первосвященника еще тѣснѣе, несравненно тѣснѣе, чѣмъ въ Германіи. Отношенія нашего правительства къ Римской куріи не могли бы подать повода ни къ какимъ серіознымъ затрудненіямъ, ни къ какимъ пререканіямъ, лишь бы только римско-католическое церковное учрежденіе, согласно его собственному характеру, освободилось отъ всякой національной примѣси въ Россіи. Для этого есть одно и притомъ самое простое средство: снятіе запрета на русскій языкъ въ церковномъ дѣлѣ для русскихъ населеній римско-католическаго закона. Дѣло до сихъ поръ стоитъ такъ: съ русской сто-

роны боятся опоганить русскій языкъ, съ клерикально-польской —опоганить свое молитвословіе. Съ одной стороны, ревнители православія пугаютъ насъ что православная церковь поколеблется и падетъ когда въ нѣкоторыхъ уголкахъ Россійской Имперіи русскіе католики будутъ *Отче нашъ* читать по-русски. Съ противной стороны, пугаютъ папу расхищеніемъ его паствы коль скоро русскіе католики будутъ молиться не по-польски. Если дѣйствительно начались или продолжаются серіозные переговоры у насъ съ Римскою куріей, то не слѣдуетъ ли прежде всего положить конецъ этому грубому недоразумѣнію съ обѣихъ сторонъ?

№ 351.

Москва, 18-го декабря.

Австро-румынскій *инцидентъ* окончился къ „обоюдному удовольствію,“ какъ заявляетъ австрійская офиціозная печать, а вѣрнѣе глубокимъ уничиженіемъ новаго придунайскаго королевства. Въ исторіи европейской дипломатіи мало примѣровъ такого безпощаднаго давленія великой державы на слабое государство. Телеграфъ передалъ намъ вчера текстъ извинительной депеши Румынскаго правительства, врученной графу Кальноки 15 декабря, по поводу тронной рѣчи Румынскаго короля отъ 27 ноября, которою Австрія сочла себя оскорбленною до того что прервала съ Румыніей дипломатическія сношенія и не довольствуясь извиненіями уже принесенными недѣли двѣ тому назадъ румынскимъ министромъ-президентомъ Братіано въ публичномъ засѣданіи румынской палаты представителей, грозила отозваніемъ своего посланника если публичное покаяніе не будетъ принесено именно въ той формѣ въ какую оно облечено теперь, то-есть въ формальномъ дипломатическомъ документѣ обнародованномъ, согласно требованію Австріи, немедленно по врученіи онаго въ Вѣнѣ.

Австрійская дипломатія получила такимъ образомъ полное удовлетвореніе, да и для Румыніи этотъ урокъ былъ не безполезенъ. Если припомнимъ съ какою заносчивостью и какимъ вызывающимъ тономъ то же министерство Братіано трактовало дѣло о возвращеніи Россіи принадлежавшей ей части Бессарабіи, за которую Румыніи было дано болѣе нежели достаточное территоріальное вознагражденіе, то нельзя не согласиться что теперешній урокъ не только вполнѣ ею заслуженъ, но очень для Румыніи назидателенъ. Румынія имѣетъ теперь всѣ данныя для того чтобы судить какой участи она можетъ ожидать для себя еслибъ она въ самомъ дѣлѣ рѣшилась измѣнить вѣковымъ преданіямъ своей исторіи, и еслибы, забывъ что она обязана Россіи, и только Россіи своимъ существованіемъ, связала бы свою судьбу съ монархіей Габсбурговъ и съ ея политикой.

Припомнимъ обстоятельства подавшія поводъ къ пресловутому *инциденту*. Въ тронной рѣчи, которою король Румынскій открылъ 27 ноября сессію румынскихъ палатъ, было сказано по поводу судоходства по Дунаю, между прочимъ, слѣдующее: „Необходимость привлечь въ наши „придунайскіе порты торговыя суда и флаги всѣхъ націй становится съ каждымъ „днемъ ощутительнѣе, тѣмъ болѣе что „нашъ вывозъ чрезъ сухопутныя границы „встрѣчаетъ постоянно разнаго рода препятствія, а въ послѣднее время эти границы были совсѣмъ для насъ заперты „подъ предлогомъ скотскаго падежа.“ (Намекъ на послѣдовавшее не задолго до того распоряженіе Австро-Венгерскаго правительства, воспрещавшее всякій вывозъ рогатаго скота изъ Румыніи чрезъ австрійскую границу). „Жизненные интересы Румыніи предписываютъ намъ заботиться по „крайней мѣрѣ о томъ чтобы на Дунаѣ „мы не очутились въ такихъ условіяхъ „которыя могли бы парализовать развитіе „нашей торговли и чтобы выговоренное „для насъ право свободнаго плаванія по „Дунаю не превратилось въ иллюзію. Судьба Румыніи всегда была и теперь остается тѣсно связанною со свободой Дуная. Румыны всегда были благодарны „тѣмъ кто содѣйствовалъ освобожденію „великой рѣки отъ чьего бы то ни было „исключительнаго преобладанія. Это чувство благодарности имѣло своимъ источникомъ глубокое убѣжденіе въ томъ что „свобода Дуная есть важнѣйшее условіе политическаго и экономическаго развитія Румыніи. Въ силу этого убѣжденія мы обязаны уклониться отъ вступленія въ какую бы то ни было комбинацію коей послѣдствіемъ могло бы быть

„подчиненіе судоходства отъ Желѣзныхъ „Воротъ до Галаца преобладающему дѣйствію одной державы. Мы не желаемъ „никому вредить; но мы стремимся и должны стремиться къ абсолютной свободѣ „судоходства по Дунаю по крайней мѣрѣ „въ предѣлахъ нашихъ владѣній, и мы „готовы принести всякія жертвы для достиженія этой цѣли. Пусть будутъ приняты строгія мѣры для наблюденія за „точнымъ исполненіемъ установленнаго для „судоходства по Дунаю регламента; но мы „желаемъ чтобы въ предѣлахъ Румыніи „наблюденіе это возложено было на румынскихъ должностныхъ лицъ. Если даже оставить въ сторонѣ существующія „по сему предмету международныя соглашенія, для всякаго очевидно что никто „болѣе насъ не заинтересованъ въ сохраненіи свободы и въ возможно большемъ „развитіи судоходства по Дунаю.“

Вотъ вполнѣ то мѣсто изъ румынской тронной рѣчи, за которое весь сыръ-боръ загорѣлся. Есть ли тутъ что-нибудь оскорбительное для Австріи? Вся приведенная выше тирада могла бы цѣликомъ войти въ дипломатическій документъ по поводу нескончаемыхъ переговоровъ о Дунаѣ затянувшихся до сего времени вслѣдствіе неумѣренныхъ и ни на чемъ не основанныхъ притязаній Австріи, притязаній противъ которыхъ возражаетъ довольно энергически даже берлинская печать. Не поразительно ли въ самомъ дѣлѣ что Австро-Венгрія настойчиво домогается чтобъ ей предоставленъ былъ первенствующій голосъ, или вѣрнѣе, чтобы въ ея исключительное распоряженіе было отдано сухоходство по Дунаю отъ Желѣзныхъ Воротъ до Галаца, то-есть въ той именно части рѣки у береговъ которой нѣтъ ни одной пяди австрійскихъ владѣній? Можно ли находить оскорбительнымъ что Румынія, для которой этотъ вопросъ есть вопросъ жизни, протестовала противъ подобныхъ притязаній? Тѣмъ не менѣе, въ Вѣнѣ поднялся страшный гвалтъ по поводу румынской тронной рѣчи, и болѣе мѣсяца дипломатическія сношенія съ Румынскимъ дворомъ были прерваны, а офиціозная печать въ Вѣнѣ и Пештѣ угрожала Румынамъ чуть не войной. На Румынію разсердились не за оскорбленіе, котораго въ сущности не было, а за то что ея правительство не оправдало ожиданій. Послѣ безтактныхъ и дѣйствительно неприличныхъ протестовъ Румыніи противъ Россіи по поводу возвращенія ей части Бессарабіи, въ Вѣнѣ укоренилось убѣжденіе что Румынія, „навѣки порвавъ всякую связь съ Россіей,“ не можетъ не вступить въ вассальныя отношенія къ Австріи. На этомъ убѣжденіи и опиралась главнымъ образомъ та настойчивость съ которою Австро-Венгрія домогалась прибрать въ свои руки все теченіе Дуная вплоть до устьевъ. Предполагалось что Румынія, которая не могла быть довольна такимъ планомъ со стороны Австріи, пожалуй будетъ возражать и спорить, но что протестъ ея ограничится дипломатическою перепиской, оглашеніе которой не трудно предупредить. А между тѣмъ протестъ этотъ оглашенъ былъ въ актѣ торжественномъ, въ тронной рѣчи, изъ чего обнаружилось, во-первыхъ, что Румынія намѣрена отстаивать свои интересы съ большею энергіей нежели прежде ожидали, а вовторыхъ, что рѣшившись на столь „смѣлый шагъ“ она очевидно не совсѣмъ примирилась съ предназначенною ей въ Вѣнѣ ролью покорнаго вассала.

Наружнымъ образомъ дѣло теперь вполнѣ улажено, Румынія съ подобающимъ смиреніемъ извинилась предъ Австріей. Но и вѣнскія газеты признаютъ что дешевая дипломатическая побѣда, одержанная Австріей, имѣетъ свою оборотную сторону. Тотъ фактъ что Румынія не совсѣмъ охотно сгибалась подъ ярмомъ подготовленнымъ для нея Австріей не только остался во всей своей силѣ, но и то публичное уничиженіе къ которому была принуждена Румынія отнюдь не привязало ее къ Австріи ..

№ 352.

Москва, 19-го декабря.

Въ ряду правительственныхъ задачъ, въ концѣ каждаго года, на первомъ планѣ стоитъ всегда составленіе приходо-расходныхъ смѣтъ на предстоящій годъ. Это дѣло, въ которомъ болѣе или менѣе заинтересованы всѣ вѣдомства и вся страна, въ настоящую минуту близко къ завершенію. По всѣмъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ уже заключены предварительныя соображенія въ какомъ размѣрѣ можетъ быть ожидаемо поступленіе доходовъ по разнымъ

статьямъ, какіе расходы признаются необходимыми и какіе могутъ быть сокращены. Сводъ этихъ отдѣльныхъ смѣтъ уже составленъ и, по полученнымъ изъ Петербурга свѣдѣніямъ, внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Еще немного дней, какія-нибудь полторы недѣли, и государственный бюджетъ на 1882 годъ получитъ силу закона.

Въ послѣдніе мѣсяцы въ публику проникало не мало слуховъ о принимаемыхъ правительствомъ мѣрахъ къ возможному сокращенію расходовъ въ видахъ возстановленія равновѣсія между доходами и расходами, которое не могло быть достигнуто при составленіи бюджета истекающаго 1881 года. Газеты испещрялись цифрами касающимися новыхъ бюджетныхъ соображеній. Вчера сообщили мы итоги главныхъ цифръ относящихся къ новому бюджету, составляющіе сводъ всѣхъ проникшихъ въ публику слуховъ по этому предмету. Въ сущности, эти слухи сводятся къ сокращенію расходовъ по нѣкоторымъ вѣдомствамъ, въ особенности по Военному (слишкомъ на 14 милліоновъ) и по Министерству Финансовъ (почти на 8 милліоновъ), и къ нѣкоторому увеличенію доходовъ, въ общей сложности съ небольшимъ на 10 милліоновъ. Если вѣрить всѣмъ этимъ слухамъ и цифрамъ, государственный бюджетъ, въ томъ видѣ какъ онъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, не представляетъ полнаго уравновѣшенія предвидимыхъ расходовъ ожидаемыми доходами. Первые превышаютъ семьсотъ милліоновъ, вторые не достигаютъ этой цифры, такъ что Государственному Совѣту предстоитъ, между прочимъ, обсужденіе мѣръ къ покрытію предполагаемаго дефицита.

Этотъ предполагаемый дефицитъ не великъ, менѣе пятнадцати милліоновъ или двухъ процентовъ всего бюджетнаго итога, и, конечно, не можетъ служить серіознымъ поводомъ къ какой-либо тревогѣ о нашемъ финансовомъ положеніи. Это далеко не тотъ дефицитъ съ какимъ имѣла дѣло страна при обнародованіи бюджета на истекающій 1881 годъ. Тогда недостатокъ доходовъ на покрытіе расходовъ опредѣленъ былъ слишкомъ въ пятьдесятъ милліоновъ, и сверхъ того на Государственное Казначейство возложена была обязанность немедленно уплатить Государственному Банку 19.600.000 р. и затѣмъ въ теченіе года еще 50 милліоновъ. Со включеніемъ этихъ суммъ, дефицитъ выросталъ до 120 милліоновъ рублей. Неизбѣжность крупнаго займа была очевидна, и затѣмъ оставалось лишь порадоваться что состоявшійся минувшею осенью заемъ былъ менѣе тѣхъ размѣровъ какихъ можно было ожидать. Послѣ крупнаго 120 милліоннаго дефицита, переходъ къ 15 милліонному былъ бы такимъ громаднымъ финансовымъ успѣхомъ что на первыхъ порахъ, во избѣжаніе разочарованія, благоразумнѣе отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ слухамъ предвѣщающимъ подобный результатъ. Это сомнѣніе можетъ опираться между прочимъ на передаваемые слухами размѣры предполагаемаго сокращенія расходовъ и увеличенія доходовъ: эти размѣры слишкомъ далеки отъ тѣхъ какіе необходимы чтобы понизить дефицитъ со 120 до 15 милліоновъ. Для того чтобы такое желательное пониженіе стало дѣломъ возможнымъ, необходимо было бы снятіе съ казны обязанности уплачивать ежегодно по пятидесяти милліоновъ Государственному Банку, то-есть отмѣна указа 1 января 1881 года. Рѣшено ли отмѣнить дѣйствіе этого указа?

Это одинъ изъ самыхъ серіозныхъ вопросовъ для нашего современнаго финансоваго положенія. Мѣра принятая 1 января сего года носитъ на себѣ очевидные слѣды недостаточной обдуманности. Если финансовое вѣдомство будетъ на ней настаивать, странѣ долго не освободиться отъ искусственно созданныхъ хроническихъ дефицитовъ, отъ послѣдовательнаго ряда займовъ на ихъ покрытіе при обстоятельствахъ не представляющихъ собою ничего чрезвычайнаго. Между тѣмъ достиженіе цѣли, ради коей изданъ указъ 1 января, болѣе чѣмъ сомнительно. Въ этомъ достаточно убѣждаетъ опытъ истекшаго года.

Припомнимъ, въ главныхъ чертахъ, исторію этой мѣры, которая легла столь значительною тяжестію на наши финансы. Она была принята въ ту пору когда въ нашихъ правительственныхъ сферахъ временно получила ходъ мысль что въ дѣлахъ правленія необходимо сообразоваться съ мнѣніями выражаемыми въ нашей псевдолиберальной печати, голосу коей придано было вовсе не принадлежащее ей значеніе общественнаго мнѣнія. Вся эта печать, чуть не въ одинъ голосъ, кричала противъ кредитныхъ билетовъ вообще и противъ выпусковъ сдѣланныхъ во время Восточ-

ной войны. Эти выпуски, давшіе государству возможность съ честію выдержать Восточную войну и сопровождавшіе ее финансовыя испытанія, выставлялись какъ величайшее зло, съ которымъ ничто не можетъ идти въ сравненіе. Въ теченіе нѣскольнихъ лѣтъ, изо дня въ день, требовалось чтобы правительство разъ навсегда, и по возможности самымъ торжественнымъ образомъ, отказалось отъ принадлежащей ему прерогативы выпуска государственныхъ кредитныхъ денегъ и отъ заимствованій нужныхъ ему суммъ изъ своего-же банка. Пусть пользуется средствами Государственнаго Банка кто угодно, лишь бы не правительство; пусть кто угодно, лишь не оно, выпускаетъ въ обращеніе кредитныя деньги и пользуется выгодами такихъ выпусковъ. Пусть правительство само осудитъ себя на громадныя, хотя бы безвыходныя, затрудненія въ экстренныхъ случаяхъ, подобныхъ тому который представился въ началѣ послѣдней Восточной войны, когда необходимыхъ для нея средствъ нельзя было достать путемъ займовъ, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ; пусть откажется оно отъ прерогативы которая тогда развязала ему руки, и безъ которой Россіи пришлось бы склониться предъ Турціей. Въ соотвѣтствіе тогдашнему настроенію, найдено было нужнымъ, на ряду съ другими уступками, сдѣлать и уступку упомянутымъ требованіямъ. Государственный Банкъ такъ сказать офиціально признанъ былъ учрежденіемъ съ которымъ казна должна считаться какъ бы со стороннимъ кредиторомъ: уплата долга одного казеннаго кармана другому казенному же карману была вмѣнена правительству въ неустранимую, священную обязанность. Предположено было установить „болѣе правильныя отношенія“ Государственнаго Казначейства къ Государственному Банку, то-есть чтобы казна впредь не позволяла себѣ заимствованія изъ Государственнаго Банка, хотя бы въ немъ лежали безъ употребленія десятки и сотни милліоновъ наличныхъ денегъ, а напротивъ уплатила бы этому банку въ теченіе восьми лѣтъ всѣ сдѣланныя у него прежде заимствованія, чего бы это ни стоило, какія бы ни пришлось для этого наложить тягости на народъ, и хотя бы банкъ для своихъ оборотовъ вовсе въ уплатахъ казны не нуждался. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство должно было безусловно отказаться на будущее время отъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, а Государственный Банкъ долженъ былъ сокращать количество уже выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, „по мѣрѣ возможности.“ Цѣлью всего этого ставилось, во первыхъ, „усиленіе средствъ Государственнаго Банка для доставленія ему возможности производить изъ своихъ наличныхъ суммъ какъ платежи по распоряженію Государственнаго Казначейства (но не въ въ видѣ ссудъ казнѣ), такъ и ссуды для воспособленія торговлѣ и промышленности,“ во вторыхъ, „постепенное упроченіе денежной единицы безъ внезапнаго стѣсненія денежнаго рынка и происходящихъ отъ сего промышленныхъ и торговыхъ затрудненій.“ Всѣ эти предположенія съ 1 января вступили въ силу. Съ тѣхъ поръ прошелъ почти цѣлый годъ, и въ теченіе его успѣли обозначиться нѣкоторые результаты принятой мѣры. Въ чемъ состоятъ эти результаты, могутъ ли они служить побужденіемъ къ тому чтобы держаться закона 1 января и на будущее время?

Правительство въ точности исполнило принятую имъ на себя обязанность. Несмотря на затруднительное финансовое положеніе, бывшее результатомъ недостаточно обильнаго урожая въ предшедшемъ году, 19.600.000 были уплачены Государственному Банку немедленно по изданіи указа 1 января. Затѣмъ, къ 1 октября, была сдѣлана и другая обязательная уплата пятидесяти милліоновъ. Чтобы добыть средства для этихъ уплатъ, былъ сдѣланъ пятый стомилліонный выпускъ банковыхъ билетовъ увеличившій государственные расходы болѣе чѣмъ на пять милліоновъ рублей ежегодно, въ то самое время когда дѣлаются всевозможныя усилія для сокращенія расходовъ, когда, напримѣръ, недостаточные чиновники лишаются тѣхъ наградныхъ денегъ которыя обычно получались ими къ праздникамъ изъ такъ-называемыхъ остаточныхъ суммъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство строго подчинялось возложенному имъ на себя стѣсненію. 2 іюня ему понадобились на короткое время, такъ-сказать, на перехватъ, пятьдесятъ милліоновъ рублей. Въ Государственномъ Банкѣ лежала въ то время громадная масса наличныхъ денегъ не находившихъ употребленія, почти 130 милліоновъ рублей. До какой степени такая сумма превосходитъ потребность Банка въ

наличныхъ средствахъ можно судить по тому что, въ недавнее время, онъ довольствовался наличностію въ 30 и менѣе милліоновъ рублей безъ стѣсненія своихъ оборотовъ. Взять изъ Государственнаго Банка нужные казнѣ 50 милліоновъ, съ возвратомъ по минованіи надобности, было при такихъ обстоятельствахъ дѣломъ самымъ простымъ, самымъ выгоднымъ, не причиняющимъ никому и ничему никакого вреда и ущерба. И за выдачей казнѣ 50 милліоновъ ссуды, въ кассахъ Банка оставалось бы около 80 милліоновъ, то-есть далеко болѣе того сколько нужно для обезпеченія его оборотовъ. Вмѣсто заимствованія изъ своего переполненнаго кармана, правительство сдѣлало краткосрочный заемъ у публики, который легъ на бюджетъ совершенно излишнимъ, ничѣмъ кромѣ формальнаго требованія не оправдываемымъ, милліоннымъ расходомъ. Кромѣ лишней денежной траты, правительство подверглось при этомъ и. нѣкоторой нравственной непріятности. Краткосрочныя обязательства на сумму какихъ-нибудь 50 милліоновъ не были разобраны сразу, что̀ было истолковано на биржахъ какъ финансовое фіаско, въ ущербъ нашему государственному кредиту.

Всѣ эти тягости казна и страна выносили въ видахъ усиленія средствъ Государственнаго Банка, для доставленія ему возможности дѣлать ссуды торговлѣ и промышленности. А между тѣмъ нынѣшній годъ ознаменовался именно сокращеніемъ размѣровъ даже тѣхъ услугъ которыя оказывались банкомъ торговлѣ и промышленности въ прежнее время. Банкъ не только не понизилъ въ желаемой мѣрѣ своего непомѣрно высокаго учета, къ чему, кажется, была полная возможность при громадной наличности, а напротивъ, систематически сокращалъ свою учетно-ссудную операцію, въ такой мѣрѣ что подалъ поводъ къ толкамъ о готовящейся ликвидаціи его коммерческихъ оборотовъ. Затѣмъ, самая уплата банку 50 милліоновъ къ 1 октября вовсе не повела къ усиленію средствъ банка: его наличность послѣ этой уплаты не только не возрасла, но напротивъ значительно сократилась, и притомъ главнымъ образомъ именно вслѣдствіе займа который былъ сдѣланъ правительствомъ для расплаты съ банкомъ. Подписчики на банковые билеты 5го выпуска пріобрѣли ихъ чуть не сполна на средства заимствованныя у самого же Государственнаго Банка.

Ни малѣйшаго шага къ упроченію денежной единицы упомянутыми операціями не сдѣлано. Къ сокращенію количества выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ также не могло быть приступлено. Общій ходъ денежныхъ дѣлъ показываетъ что такое сокращеніе не можетъ быть сдѣлано безъ созданія серіозныхъ затрудненій какъ для промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, такъ и вообще для всей народно-хозяйственной жизни. Не о сокращеніи бумажно-денежнаго обращенія нужно думать когда изъ нѣкоторыхъ казначействъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, за недостаткомъ другихъ денегъ, приходится выдавать жалованье мѣдью, и когда въ частныхъ разчетахъ, за недостаткомъ кредитныхъ билетовъ, искуственно стягиваемыхъ въ кассы банка, гдѣ они лежатъ безо всякой пользы, приходится терпѣть въ частныхъ разчетахъ всѣ неудобства обращенія досрочныхъ купоновъ и безкупонныхъ процентныхъ бумагъ, какъ суррогата денегъ. Такихъ условій, при которыхъ, „по соображенію съ потребностію въ денежномъ обращеніи", было бы возможно уничтожать кредитные билеты по мѣрѣ накопленія ихъ въ кассахъ банка, и въ настоящее время нѣтъ, и не предвидится.

Какія же могутъ быть основанія къ тому чтобъ удерживать еще въ теченіи семи лѣтъ тягости наложенныя на бюджетъ закономъ 1 января 1881, тягости которыя изъ года въ годъ должны возрастать по мѣрѣ постепенной уплаты тѣхъ 350 милліоновъ которые еще продолжаютъ числиться долгомъ казначейства банку? Чѣмъ, какою государственною пользой, могла бы быть оправдана эта столь дорого обходящаяся странѣ и никому ненужная расплата одного казеннаго кармана съ другимъ?

№ 354.

Москва, 21-го декабря.

Папа и „Римскій вопросъ," вотъ что̀ занимаетъ теперь европейскую печать, правду сказать, по подсказу изъ Берлина. Утверждаютъ что вопросъ о международномъ положеніи папы если не сдѣлался уже, то въ непродолжительномъ времени сдѣлается предметомъ дипломатическихъ сношеній

между державами, и именно вслѣдствіе представленій Германіи, заинтересованной такъ или иначе прилично вознаградить Римскаго первосвященника за прекращеніе „культурной борьбы“ или даже за поддержку имперскаго правительства къ борьбѣ съ партикуляризмомъ. *Крестовая Газета* замѣчаетъ: „Мы увѣрены что канцлеръ, изъ видовъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, стремится къ международному регулированію положенія папы, но вопросъ этотъ находится, сколько намъ извѣстно, въ періодѣ подготовительныхъ сношеній между державами, а потому все что̀ обращается въ печати объ этомъ—только пробные шары, сигнальные выстрѣлы.“ Газета *Post* служащая весьма часто органомъ князя Бисмарка, и особенно по дѣламъ церковной политики, сообщая о порученіи которое дано было канцлеромъ лицу къ нему близкому и довѣренному, г. Бушу, замѣтила что назначеніе этого дипломата для переговоровъ съ папой показываетъ что намѣренія канцлера идутъ гораздо далѣе нежели лѣтомъ. „Теперь дѣло очевидно коснулось вопросовъ высшаго порядка; если соглашеніе между Германіей и папой состоится, если папа рѣшится отдѣлить свою политику отъ политики германскихъ партикуляристовъ, то Германія въ свою очередь въ долгу не останется. Какъ только католическая церковь въ Германіи отдѣлитъ свои интересы отъ интересовъ партикуляризма, ей можетъ быть предоставлена не только полная свобода, но Германія можетъ даже содѣйствовать измѣненію отношеній папы къ Италіи, разрѣшенію Римскаго вопроса, что̀ конечно не можетъ не оказать обширнаго вліянія и на всю европейскую политику.“

Однако, чтобы не сдѣлать чего-либо непріятнаго Италіи, германская политика не можетъ касаться не только собственно Римскаго вопроса, но и вопроса о гарантіяхъ свободы и независимости папы, такъ какъ Италія считаетъ эти вопросы своими „внутренними вопросами“ и, какъ увѣряетъ италіянская печать, скажетъ рѣшительно „нѣтъ“ на каждое представленіе по этому дѣлу.

Любопытно то что поѣздка Буша въ Италію почти совпала съ министерствомъ Гамбетты. Дѣйствительно, послѣ лѣтнихъ переговоровъ между Шлёцеромъ и папскою куріей казалось въ отношеніяхъ Пруссіи и Ватикана все было улажено; оставалось только заключить формальную сдѣлку, окончательно установить въ подробностяхъ modus vivendi. Дипломатъ которому были поручены эти лѣтніе переговоры вернулся въ Берлинъ и уѣхалъ въ Америку чтобы вручить тамъ свои отзывныя грамоты; возвращеніе Шлёцера изъ Америки ожидается въ январѣ, для него созданъ даже новый постъ прусскаго „посланника“ въ Ватиканѣ (для чего въ прусскій бюджетъ уже внесена довольно крупная сумма), въ папскихъ сферахъ Шлёцеръ въ полномъ смыслѣ persona grata, — и вдругъ, неожиданно, Бушу было поручено немедленно возобновить въ Ватиканѣ переговоры, но „не окончательные.“ О чемъ же могъ бы вести онъ переговоры когда уже все казалось было кончено? Естественно, онъ могъ вести подготовительные переговоры только по вопросамъ высшей политики, которыхъ не касался Шлёцеръ, но которые должны обезпечить податливость папы и ускорить сдѣлку. Такъ, и оказалось потомъ.

Франція и германскіе партикуляристы, прикрывающіеся именемъ „клерикальнаго“ центра, всѣхъ болѣе были озабочены замыслами князя Бисмарка. Всякое сближеніе между Германіей и папою конечно невыгодно для Франціи, но еще болѣе опасно оно для нѣмецкихъ партикуляристовъ опиравшихся на содѣйствіе католическаго клира. Лѣтомъ когда переговоры велъ Шлёцеръ, когда дѣло шло только о смягченіи борьбы, партія центра оставалась спокойна. Поѣздка Буша измѣнила все. Партикуляристы поняли что надъ ними занесенъ ударъ, что канцлеръ нейдетъ въ Каноссу и что ему въ этомъ надобности нѣтъ; онъ получитъ и безъ того какія нужно уступки отъ куріи и заплатитъ за нихъ, какъ и говорилъ однажды въ палатѣ, „не такою монетой какая въ Германіи чеканится.“ Вожакъ партикуляристовъ, г. Виндтгорстъ, немедленно внесъ въ рейхстагъ предложеніе объ отмѣнѣ закона 4 мая 1874 года дающаго правительству право водворять духовныхъ подъ надзоръ полиціи и высылать за границу. Законъ этотъ служитъ обезпеченіемъ для всѣхъ остальныхъ майскихъ законовъ, и правительство конечно никогда не согласилось бы на его отмѣну прежде окончательной сдѣлки съ куріей, а въ такомъ случаѣ, какъ замѣтила *Кельнская Газета*, предложеніе было излишне если партія центра не разчитывала такимъ маневромъ помѣшать переговорамъ между

Берлиномъ и Ватиканомъ. Можетъ-быть такое намѣреніе и было, можетъ-быть графъ Прашма ѣздившій недавно въ Римъ по порученію партіи Виндтгорста имѣлъ именно такую задачу, но она не удалась. Для чего же, спрашиваетъ *Кельнская Газета*, Виндтгорстъ продолжаетъ настаивать чтобы предложеніе его обсуждалось въ палатѣ несмотря даже на то что всѣ безъ исключенія партіи уже заранѣе высказались противъ него? „Вѣрнѣе всего что это предложеніе есть не иное что̀ какъ замаскированный запросъ о порученіи данномъ г. Бушу и о положеніи переговоровъ между Пруссіей и папскою куріей. Но и эта цѣль не можетъ быть достигнута, такъ какъ канцлеръ не коснется въ рейхстагѣ дѣлъ чисто прусскихъ.“

Впрочемъ, утопающій хватается за соломинку; такъ и германскіе партикуляристы. Они предвидятъ не только прекращеніе культурной борьбы, но ждутъ что всѣ силы собственно клерикаловъ перейдутъ на сторону правительства и станутъ противъ нихъ.

Вотъ что̀ значитъ политика ясно видящая свои цѣли и умѣющая пользоваться своими средствами. А мы до сихъ поръ не умѣемъ у себя отдѣлить папу отъ нашихъ партикуляристовъ, церковный католическій вопросъ отъ національнаго польскаго...

№ 355.

Москва, 22-го декабря.

„У насъ такъ мало дѣльныхъ людей!“ — вотъ обычная жалоба которую приходится слышать отъ людей самыхъ различныхъ профессій и мнѣній. Многіе у насъ не только берутся не за свое дѣло, но и вообще никакого дѣла не могутъ считать дѣйствительно *своимъ*. А потому, не желательно ли чтобы люди какъ можно глубже, то-есть какъ можно ранѣе, съ дѣтства, приготовлялись къ дѣлу? Чѣмъ раньше, чѣмъ основательнѣе, чѣмъ спеціальнѣе люди будутъ подготовляться къ своему призванію, тѣмъ болѣе въ нихъ будетъ дѣльности, тѣмъ плодотворнѣе и успѣшнѣе будетъ ихъ дѣятельность. Поэтому всякая мѣра клонящаяся къ улучшенію и усиленію *профессіональнаго* характера нашихъ школъ должна бы встрѣчать единодушное сочувствіе.

Что̀ же мы видимъ однако? Та часть нашей печати которая почему-то именуетъ себя „либеральною“ накидывается на правительство каждый разъ когда оно старается улучшить наши школы и придать имъ болѣе серіозный, болѣе дѣльный характеръ. Всѣмъ еще памятны тѣ громкіе крики порицанія которыми эти „либералы“ встрѣтили, десять лѣтъ тому назадъ, учебную реформу, посредствомъ которой нашимъ гимназіямъ придавался подобающій имъ спеціальный характеръ учебныхъ заведеній подготовляющихъ молодыхъ людей къ университетскимъ занятіямъ. Тѣ же самые протесты послышались и въ то время когда вопросъ шелъ объ организаціи реальныхъ училищъ какъ заведеній готовящихъ къ среднимъ практическимъ профессіямъ. Тѣ же самые вопли раздаются и теперь когда правительство, повидимому, наконецъ, обратило серіозное вниманіе на тѣ, по меньшей мѣрѣ странныя учебныя заведенія которыя были преобразованы изъ бывшихъ кадетскихъ корпусовъ и получили безсмысленное названіе „военныхъ гимназій.“

Мы не разъ указывали на необдуманность этого преобразованія, превратившаго военноучебныя заведенія въ училища лишенныя возможности готовить своихъ воспитанниковъ къ какому бы то ни было серіозному призванію. Теперь Военное Министерство старается исправить ошибку допущенную при прежнемъ управленіи и возвратить военнымъ училищамъ ихъ прежній профессіональный характеръ.

И вотъ эта вполнѣ разумная мѣра встрѣчаетъ громкіе протесты въ рядахъ нашихъ петербургскихъ газетныхъ просвѣтителей. Вотъ что̀, напримѣръ, пишетъ *Порядокъ*, „передовой“ органъ „правовой партіи.“

„Оказывается что въ новой инструкціи данной военно-учебнымъ начальствомъ директорамъ военныхъ гимназій указывается что образованіе въ этихъ заведеніяхъ, главнымъ образомъ, должно быть направлено къ цѣлямъ военной службы, для которой большинство воспитанниковъ подготовляется. Другими словами, учебнымъ заведеніямъ, имѣющимъ *по названію* общеобразовательное назначеніе (!?), предполагается придать профессіональное направленіе, въ предположеніи что каждый воспитанникъ можетъ съ дѣтства опредѣлить свою будущую дѣятельность и то что офицерамъ арміи,

попадающимъ потомъ и на другія отрасли государственной и общественной службы, можетъ повредить основательное общее образованіе, какъ прочная основа для тѣхъ спеціальныхъ курсовъ которые они потомъ проходятъ въ нарочито-устроенныхъ для того учебныхъ заведеніяхъ.“

Тутъ, прежде всего, читателя поражаетъ смѣлое увѣреніе будто *военная* гимназія уже *по своему названію* имѣетъ *обще*образовательное значеніе. Что подобный абсурдъ неописка, это доказывается другимъ мѣстомъ той же статьи, гдѣ либеральный авторъ пресеріозно поучаетъ своихъ читателей какія школы слѣдуетъ понимать подъ названіемъ общеобразовательныхъ заведеній. „Какъ извѣстно,“ говоритъ онъ,—

„къ числу среднихъ общеобразовательныхъ заведеній причисляются у насъ военныя гимназіи, со времени преобразованія ихъ изъ бывшихъ кадетскихъ корпусовъ имѣвшихъ черезчуръ спеціальное назначеніе. Военныя гимназіи, реальныя училища, классическія гимназіи, духовныя семинаріи — таковы типы нашей средней школы имѣющей общеобразовательное значеніе.

Если это такъ, то почему же эти „гимназіи“ называются *военными*, почему онѣ принадлежатъ къ *военно*учебнымъ заведеніямъ, и почему онѣ состоятъ въ вѣдомствѣ *Военнаго* Министерства? Если военныя гимназіи не подготовляютъ къ военной службѣ, то не называйте ихъ военными; если онѣ подготовляютъ къ другой службѣ или профессіи, то назовите ихъ другимъ именемъ. А вотъ если онѣ *ни къ чему* своихъ воспитанниковъ не готовятъ, если изъ нихъ выходятъ тѣ именно люди которые никакого дѣла не могутъ считать дѣйствительно *своимъ*, и стало-быть всегда будутъ браться не за свое дѣло,—желательно ли это?

Изъ школы должны выходить не люди „вообще,“ а люди подготовленные къ какому-нибудь призванію. Такъ изъ гимназій выходятъ молодые люди получившіе не только „общее образованіе,“ но образованіе спеціально подготовившее ихъ къ занятіямъ наукой въ высшемъ значеніи этого слова, къ факультетамъ университета. Изъ военныхъ училищъ должны выходить молодые люди не „вообще“ только образованные, а образованные для военной службы. Такъ ведется дѣло воспитанія въ той странѣ которая обладаетъ и самыми лучшими университетами, и образцовою военной организаціей. Прусскія гимназіи и прусскіе кадетскіе корпуса даютъ своимъ воспитанникамъ не какое-нибудь только общее, *разговорное* образованіе, а воспитываютъ первыя—дѣльныхъ студентовъ, а вторые—дѣльныхъ офицеровъ. Гимназіи дисциплинируютъ преимущественно *умъ* своихъ питомцевъ, такъ какъ плодотворная научная дѣятельность безъ дисциплины ума невозможна. Кадетскіе корпуса дисциплинируютъ главнымъ образомъ *волю* своихъ воспитанниковъ, что всего болѣе требуется военною службой. И та и другая дисциплина можетъ войти въ плоть и кровь молодыхъ людей лишь въ томъ случаѣ если они привыкнутъ къ ней съ малолѣтства, а не въ томъ если они, по выходѣ изъ какой-нибудь школы „вообще,“ приступаютъ на двадцатомъ году къ научной или военно-служебной дѣятельности.

Но, скажутъ намъ, повторяя слова *Порядка*, развѣ можетъ каждый воспитанникъ съ дѣтства опредѣлить свою будущую дѣятельность? Конечно нѣтъ, да и не воспитанники опредѣляютъ съ дѣтства свою будущую дѣятельность, а опредѣляютъ или ихъ родители, или просто обстоятельства, иногда съ перваго же дня ихъ рожденія. Иногда родители ошибаются, и мы знаемъ много примѣровъ что, противъ ихъ ожиданія, дѣти ихъ не оставались въ предназначенной имъ карьерѣ, а выбирали себѣ другую профессію. Но педагогическая практика всѣхъ странъ и временъ показываетъ что громадное большинство дѣтей преспокойно продолжаютъ и оканчиваютъ курсъ учебныхъ заведеній избранныхъ родителями, и затѣмъ переходятъ съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ къ соотвѣтствующей этимъ учебнымъ заведеніямъ дѣятельности.

Но если предположимъ что учившійся въ гимназіи не пойдетъ въ университетъ, а ученикъ кадетскаго корпуса не поступитъ на военную службу, то неужели мы сочтемъ этихъ молодыхъ людей потерянными для общества вслѣдствіе того что тотъ и другой получили дѣльное образованіе? Неужели серіозно дисциплинированный умъ и хорошо дисциплинированная воля не составляютъ драгоцѣнныхъ сокровищъ какими должно дорожить всякое цивилизованное общество? Неужели эти качества, выражаясь словами *Порядка*, могутъ повредить людямъ попадающимъ потомъ и

на другія отрасли государственной или общественной службы? Воспитанный умъ и воспитанная воля нужны для каждаго человѣка и отдать ребенка въ одно изъ учебныхъ заведеній основательно развивающихъ эти качества вовсе не значитъ пагубно предрѣшать его будущность. Совершенно иное дѣло еслибы мы безо всякаго основанія обрекли его съ ранняго дѣтства на какую-нибудь артистическую профессію, такъ какъ онъ никогда не могъ бы сдѣлаться хорошимъ музыкантомъ, живописцемъ или ваятелемъ безъ особаго прирожденнаго таланта. Но умъ и воля есть у всякаго человѣка, это не случайные таланты, это коренныя свойства, общія всему человѣчеству, а потому учебныя заведенія спеціально развивающія умъ и волю человѣка поистинѣ могутъ быть названы общеобразовательными заведеніями, хотя далеко не въ томъ смыслѣ какъ это понимаетъ *Порядокъ*.

Въ той же статьѣ этой газеты сказано: „Слишкомъ очевидно что всѣ эти среднія учебныя заведенія имѣютъ теперь скорѣе спеціальный или спеціализированный характеръ, нежели общій, удовлетворяющій тому кругу необходимыхъ знаній *который съ древнихъ временъ и назывался гимназическимъ*."

Съ какихъ же это такихъ *древнихъ временъ*? Въ древней Греціи гимназическое воспитаніе было исключительно *гимназическое*, а начиная со Среднихъ Вѣковъ и до настоящаго времени гимназіи всегда имѣли *спеціальный* характеръ училищъ подготовляющихъ своихъ воспитанниковъ къ научнымъ занятіямъ въ факультетахъ университета. Лишь нашему отечеству было суждено создать, среди другихъ педагогическихъ абсурдовъ, особый, нигдѣ не виданный, типъ какихъ-то *военныхъ* гимназій.

№ 356.

Москва, 23-го декабря.

Вопросъ о сверхсмѣтныхъ кредитахъ, по извѣстіямъ изъ Петербурга, вновь обратилъ на себя вниманіе. Этому нельзя не порадоваться, и нельзя не пожелать чтобъ обсужденіе этого важнаго въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ вопроса привело къ лучшимъ результатамъ чѣмъ это было до сихъ поръ. Сверхсмѣтныя ассигнованія постоянно имѣютъ у насъ наклонность къ такому широкому развитію что противъ нихъ давно уже слѣдовало бы принять серіозныя мѣры. Конечно, обойтись совершенно безъ сверхсмѣтныхъ расходовъ невозможно. Какъ бы предусмотрительно ни составлялась роспись расходовъ на будущій годъ, предположенія легко могутъ разойтись съ дѣйствительностью, и всегда въ теченіе года могутъ встрѣтиться неизбѣжные расходы на удовлетвореніе непредвидѣнныхъ настоятельныхъ нуждъ. Но всему есть мѣра, а у насъ сверхсмѣтныя ассигнованія, можно сказать, иногда выходятъ изо всякихъ границъ, и едва ли есть другая страна гдѣ исполненіе государственной приходо-расходной смѣты на дѣлѣ въ такой мѣрѣ разнилось бы отъ бюджетныхъ предположеній какъ это почти постоянно бываетъ въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ. Оставляя въ сторонѣ разные спеціальные бюджеты, и останавливая вниманіе только на бюджетѣ такъ-называемой смѣты обыкновенныхъ расходовъ, мы изъ года въ годъ видимъ одно и тоже явленіе что эти расходы никакъ не укладываются въ предначертанныя для нихъ рамы. Передержки противъ смѣты ежегодно достигаютъ такихъ крупныхъ размѣровъ что и составленіе ежегодныхъ бюджетовъ, и всѣ заботы о сокращеніи расходовъ въ видахъ достиженія бюджетнаго равновѣсія теряютъ большую долю своей серіозности. Между тѣмъ, сокращеніе сверхсмѣтныхъ ассигнованій до размѣровъ при которыхъ они не становились бы причиной дефицитовъ едва ли можетъ быть признано дѣломъ невозможнымъ даже слишкомъ труднымъ. При меньшей чѣмъ у насъ легкости испрашиванія сверхсмѣтныхъ кредитовъ, тѣ которые дѣйствительно необходимы, полагаемъ, могли бы быть покрываемы экономіей по тѣмъ статьямъ расхода которыя въ теченіе года требуютъ меньшихъ суммъ противъ назначенныхъ по бюджету. Эти экономическія суммы, какъ видно изъ отчетовъ Государственнаго Контроля, образуются ежегодно и составляютъ не малыя суммы. Такъ, напримѣръ, въ десятилѣтіе предъ послѣднею Восточною войной, свободныхъ рессурсовъ изъ обыкновенной расходной смѣты оставалось:

Въ 1866 году		12.784.616 р.
„ 1867 „		13.696.499 „
„ 1868 „		18.218.443 „

Въ	1869 году	14.636 847	р.
„	1870 „	13.778.726	„
„	1871 „	10.879.568	„
„	1872 „	10.298.945	„
„	1873 „	6.333.555	„
„	1874 „	10.895.726	„
„	1875 „	6.143.353	„

Помимо подобныхъ средствъ которыя всегда могутъ быть обращаемы на покрытіе непредвидѣнныхъ расходовъ, безо всякаго нарушенія бюджетнаго равновѣсія, на тѣ же непредвидѣнные расходы ежегодно вносится въ самый бюджетъ солидная цифра четырехъ милліоновъ. Неужели этого мало, неужели въ обыкновенные, не выходящіе изъ ряда вонъ годы, нельзя довести цифру сверхсмѣтныхъ ассигнованій до такихъ размѣровъ чтобъ они могли покрываться указанными бюджетными средствами? А между тѣмъ, что̀ мы видимъ? Вотъ итоги сверхсмѣтныхъ расходовъ въ предѣлахъ обыкновеннаго бюджета, начиная съ 1865 года:

Въ	1865 году	36.216.000	р.
„	1866 „	49.945.768	„
„	1867 „	32.573.695	„
„	1868 „	30.019.591	„
„	1869 „	37 181.880	„
„	1870 „	35.801.426	„
„	1871 „	35.698.066	„
„	1872 „	34 488.164	„
„	1873 „	26.367 822	„
„	1874 „	23 695.125	„
„	1875 „	15.703.821	„
„	1876 „	21.616 803	„
„	1877 „	32.892 074	„
„	1878 „	20 552.907	„
„	1879 „	38.657 911	„
„	1880 „	56.201.790	„

Мудрено ли что сверхсмѣтныя ассигнованія допускаемыя въ такихъ размѣрахъ ведутъ къ дефицитамъ? А между тѣмъ едва ли въ подобныхъ ассигнованіяхъ настояла и настоитъ дѣйствительная надобность. Это явствуетъ уже изъ самой исторіи нашихъ бюджетовъ. Послѣ того какъ сверхсмѣтные кредиты достигли въ 1866 году почти 50милліоннаго итога, Государственный Контроль началъ дѣлать по этому предмету настойчивыя представленія, и энергія съ какою они дѣлались не осталась безъ результатовъ. Съ 1869 года сверхсмѣтные расходы стали уменьшаться изъ года въ годъ, и въ 1875 году достигли размѣра при которомъ перестали грозить всякою опасностью бюджетному равновѣсію. Но, какъ это часто случается у насъ чуть не во всякомъ дѣлѣ, энергія съ какою заботились о введеніи сверхсмѣтныхъ ассигнованій въ должныя границы скоро ослабѣла, и въ 1880 году итогъ сверхсмѣтныхъ расходовъ дошелъ до небывалой прежде цифры 56 милліоновъ слишкомъ. Неправильность финансовыхъ распорядковъ, допустившихъ такое возрастаніе сверхсмѣтныхъ ассигнованій, бросилась въ глаза. Вопросъ о противодѣйствіи финансовому злу возникъ, такъ сказать, самъ собою. Важность его не подлежитъ сомнѣнію. Старательно урѣзывать бюджеты разныхъ вѣдомствъ въ концѣ года, при составленіи бюджета, и затѣмъ предоставлять этимъ вѣдомствамъ широкую возможность наверстать съ лихвой въ теченіе года все что̀ у нихъ было урѣзано, значило бы уничтожать одною рукой все что̀ сдѣлано другою и обращать всѣ старанія о сокращеніи государственныхъ расходовъ въ толченіе воды. Судя по свѣдѣніямъ нашего петербургскаго корреспондента, вопросъ поставленъ правильно. Предположеніе поставить въ обязанность всѣмъ вѣдомствамъ тщательно соразмѣрять ихъ распоряженія по своимъ хозяйственнымъ частямъ съ открытыми имъ по смѣтамъ кредитами, не выходя изъ ихъ предѣловъ безъ крайней въ томъ надобности, заслуживаетъ полнаго одобренія. Еще важнѣе предполагаемое опредѣленіе условій испрашиванія сверхсмѣтныхъ кредитовъ въ исключительныхъ случаяхъ, когда они должны быть допускаемы. Вмѣнить каждому вѣдомству въ обязанность разъяснять, при каждомъ такомъ случаѣ, какъ причины почему размѣръ или предметъ испрашиваемаго кредита не могъ быть предвидѣнъ при составленіи смѣты, такъ и причины почему именно разрѣшеніе испрашиваемаго кредита не можетъ быть отложено до утвержденія смѣты слѣдующаго года, — это мѣра противъ которой не можетъ быть возраженій: можно развѣ подивиться какъ могли быть разрѣшаемы сверхсмѣтные кредиты въ прежнее время безъ соблюденія этого необходимаго условія. Предположеніе имѣющее цѣлію покрытіе необходимыхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ преимущественно экономическими средствами (остатками суммъ разрѣшенныхъ по бюджету, но не израсходованныхъ сполна на предметы на которые онѣ были предназначены), въ случаѣ надлежащаго его исполненія, было бы также несомнѣнно серіознымъ шагомъ къ лучшему въ дѣлѣ нашихъ финансовъ.

Нельзя не пожелать чтобы всѣ эти предположенныя мѣры поскорѣе вступили въ силу и исполнялись неукоснительно и безъ послабленій. Но нельзя не замѣтить, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онѣ получили бы несравненно большее значеніе для государства еслибы примѣненіе ихъ, не ограничиваясь смѣтами входящими въ общій бюджетъ, было распространено и на бюджеты спеціальные. Составленіе и исполненіе спеціальнаго желѣзнодорожнаго бюджета идетъ у насъ самымъ страннымъ порядкомъ, отзываясь на общемъ положеніи нашихъ финансовъ гораздо тяжеле чѣмъ сверхсмѣтные кредиты обыкновеннаго общаго бюджета. Эти послѣдніе очень велики, но все же они составляютъ лишь извѣстный процентъ смѣтныхъ расходовъ. Въ желѣзнодорожномъ бюджетѣ наоборотъ: смѣтныя, предвидимыя при составленіи бюджета, ассигнованія составляютъ лишь небольшую долю ежегодно производимыхъ расходовъ, а главную, въ нѣсколько разъ бо́льшую, массу этихъ расходовъ составляютъ ассигнованія сверхсмѣтныя, такія которыхъ будто бы при составленіи бюджета предвидѣть невозможно. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но это такъ. Назначается по государственной росписи, какъ напримѣръ въ 1878 году, израсходовать 12.153.709 р., а въ дѣйствительности расходуется въ $5^1/_2$ разъ больше—66.811.238 р. Въ 1879 году расходы изъ желѣзнодорожнаго фонда опредѣляются по росписи въ 9 367.766 р., а на дѣлѣ расходуется почти вчетверо болѣе—35.711.227 руб. Въ 1880 году бюджетный 13милліонный расходъ точно также выростаетъ при исполненіи въ 44милліонный. Правильный ли это порядокъ? Выгодно ли вообще выдѣленіе изъ общаго государственнаго бюджета спеціальныхъ государственныхъ расходовъ по желѣзнодорожной части, расходовъ къ которымъ не примѣняются общія правила государственной экономіи ни при ихъ ассигнованіи, ни при контролированіи ихъ исполненія? Реформа по этой части содѣйствовала бы упорядоченію нашихъ финансовъ еще въ большей мѣрѣ чѣмъ предположенное сокращеніе сверхсмѣтныхъ кредитовъ общаго бюджета.

№ 357.

Москва, 24-го декабря.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Парижѣ возникло новое финансовое предпріятіе, извѣстное подъ названіемъ *Union générale*, во главѣ котораго сталъ г. Бонту, извѣстный въ финансовомъ мірѣ какъ ловкій спекулянтъ, но не обладающій солиднымъ капиталомъ для поддержанія своихъ обширныхъ по программѣ предпріятій. Акціи этого общества, выпущенныя на биржу со взносомъ по 150 франковъ на каждую, пошли однако весьма быстро въ гору, что̀ возбудило соревнованіе и завиcть „князей“ Парижской биржи, рѣшившихся во что̀ бы то ни стало сокрушить смѣлаго конкурента. Но никакія усилія дома Ротшильдъ и прочихъ крупныхъ банкировъ, старавшихся уронить цѣнность акцій *Union générale*, не повредили ихъ курсу, который продолжалъ возрастать съ изумительною быстротой и достигъ въ скоромъ времени 3.000 фр., то-есть цифры происходившей въ двадцать разъ денежный взносъ акціонеровъ. Домъ Ротшильдъ и прочіе „солидные“ банкиры увидѣли себя наконецъ вынужденными прекратить борьбу и вступили въ миролюбивую сдѣлку съ г. Бонту, выплативъ ему огромную разницу на курсѣ его акцій, которыя они, съ цѣлію уронить ихъ цѣнность, продавали *in blanco*, между тѣмъ какъ г. Бонту постоянно ихъ покупалъ. Домъ Ротшильдъ одинъ выплатилъ, какъ говорятъ, до 30 милліоновъ франковъ этой разницы, и злые языки добавляютъ что смерть г. Джемса Ротшильда, главы Парижскаго дома этой фирмы, послѣдовавшая вскорѣ по окончаніи этой операціи, была будто бы послѣдствіемъ обидной и убыточной сдѣлки. Но такъ какъ выдержать подобную борьбу и выйти изъ ней побѣдителемъ было бы невозможно еслибы г. Бонту не располагалъ соотвѣтствующими средствами, то возникъ вопросъ откуда же почерпалъ онъ тѣ громадные капиталы, простиравшіеся на сотни милліоновъ, которые были необходимы чтобы выдержать борьбу съ Ротшильдомъ и прочими финансовыми тузами. Оказалось что г. Бонту имѣетъ въ своемъ распоряженіи капиталы французскаго католическаго духовенства, равно какъ капиталы принцевъ Орле-

анскаго дома, обладающихъ, какъ извѣстно, большими богатствами.

Въ чемъ же собственно заключались тѣ предпріятія которыя давали столь колоссальные барыши? Одною удачною спекуляціей на биржѣ, которую съ такимъ успѣхомъ выдержалъ г. Бонту, цѣнность бумагъ *Union générale* не могла бы очень долго продержаться. Требовалось доказать что дѣло не ограничится одною биржевою спекуляціей, но что капиталъ акціонеровъ будетъ употребленъ на такія предпріятія которыя могутъ дѣйствительно дать громадные барыши соотвѣтствующіе биржевой цѣнѣ акцій. Такихъ предпріятій долгое время не было видно, и акціи *Union générale* стали уже замѣтно колебаться. Въ это-то время, на подмогу къ г. Бонту, приспѣло Австрійское правительство въ лицѣ цислейтанскаго министра финансовъ, г. Дунаевскаго (Поляка). Въ Парижѣ возвѣщено было объ основаніи въ Вѣнѣ на капиталы *Unin générale* обширнаго „земельнаго“ банка, который заручился де особеннымъ покровительствомъ Австрійскаго правительства, дозволившаго ему принять титулъ „императорско-королевскаго земельнаго банка.“ Еще не успѣлъ помѣститься въ публикѣ первый выпускъ акцій этого банка, какъ министръ Дунаевскій внесъ въ палату представителей предложеніе объ удвоеніи количества этихъ акцій. По этому поводу возгорѣлись очень горячія пренія, и тутъ-то, въ пылу парламентской полемики, была отчасти раскрыта закулисная сторона этого дѣла. Ораторы оппозиціи прямо обвиняли правительство въ желаніи оказать поддержку тому дѣлу для котораго г. Бонту снабженъ былъ большими финансовыми средствами, и прямо намекалось на то что имѣется какая-то таинственная связь между домомъ Габсбурговъ и союзомъ іезуитовъ съ французскими претендентами и происками польской эмиграціи. Внезапная катастрофа въ Рингъ-театрѣ поглотила все вниманіе австрійской печати, и пререканія по поводу земельнаго банка на время заглохли. Но на прошедшей недѣлѣ императоръ Францъ-Іосифъ подалъ лично поводъ къ возобновленію прежнихъ толковъ. Ему представлялась депутація изъ Тироля, въ составѣ которой были три члена палаты представителей цислейтанскаго рейхсрата, принадлежащіе къ партіи централистовъ. Обращаясь къ этимъ депутатамъ, императоръ неожиданно для всѣхъ коснулся образа дѣйствій партіи находящейся въ оппозиціи теперешнему кабинету графа Таафе, и въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ депутатовъ за ихъ „враждебную“ оппозицію. Упреки эти тѣмъ болѣе поразили всѣхъ что императоръ Францъ-Іосифъ обыкновенно строго держится роли „конституціоннаго монарха,“ и никогда не высказывается прямо о предметахъ о коихъ идетъ борьба въ парламентѣ. Офиціозная печать не замедлила разъяснить что раздраженіе императора относится именно къ оппозиціи по поводу финансовыхъ предпріятій Бонту...

Во всякомъ случаѣ фактъ интересный.

№ 360.

Москва, 28-го декабря.

Въ Военномъ Министерствѣ разсматривается теперь предположеніе упразднить многія изъ существующихъ при Министерствѣ особыхъ коммиссій по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ, и поставить остающіяся на болѣе реальную почву. Дѣло это находится въ очевидной связи съ мѣрами направленными противъ канцеляризма, такъ какъ содержаніе коммиссій, хотя бы даже и временныхъ, неизбѣжно ведетъ къ увеличенію штатнаго состава центральныхъ управленій, откуда во всѣ эти коммиссіи назначаются члены и дѣлопроизводители. Въ послѣдніе годы число коммиссій при Военномъ Министерствѣ разраслось до крайности; можно сказать что ни одинъ вопросъ не разрабатывался у насъ иначе какъ въ какой-либо коммиссіи или особомъ, нарочито организованномъ комитетѣ. Срока занятій коммиссіямъ обыкновенно не назначалось; нѣкоторыя занимались десятки лѣтъ и постепенно обратились въ постоянныя учрежденія, какъ это совершилось, напримѣръ, съ комиссіей по устройству и образованію войскъ, съ комитетомъ по улучшенію штуцеровъ и ружей, и другими. Благодаря такому порядку не только разрастались штаты министерства, но въ немъ образовывались чуть не цѣлыя особыя вѣдомства какимъ подобныхъ нигдѣ нѣтъ, которыя не входили въ основной планъ управленія и отчасти до сихъ поръ находятся въ самыхъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ главнымъ учрежденіямъ Военнаго Министерства, умно-

жая переписку и усложняя до крайности ходъ дѣлъ.

Положить конецъ такому порядку было необходимо. Въ этомъ году впервые, хотя впрочемъ не въ Военномъ Министерствѣ, коммиссіямъ стали назначаться сроки занятій; но этого недостаточно, да и такая мѣра возможна не во всякомъ дѣлѣ. На разсмотрѣніе какого-нибудь проекта, на выработку какихъ-нибудь правилъ, срокъ назначить не трудно; иное дѣло когда коммиссіи поручается выработать образецъ, положимъ, повозокъ военнаго обоза всѣхъ родовъ и видовъ. Это дѣло техническое, зависящее отъ случая, отъ удачи: коммиссіи придется можетъ-быть проектировать десятки образцовъ и произвести многочисленные опыты прежде нежели она остановится окончательно на какой-нибудь системѣ. Коммиссія можетъ работать долгіе годы и не придти къ удовлетворительному рѣшенію. Спрашивается, однако, могутъ ли, или, точнѣе, должны ли быть подобные вопросы поручаемы коммиссіямъ? Коммиссія можетъ конечно рѣшить годенъ или негоденъ проектированный какимъ-нибудь техникомъ образецъ, но она не можетъ сама вырабатывать образцы.

Итакъ, дѣло заключается прежде всего не въ упраздненіи только существующихъ, тѣхъ или другихъ, коммиссій, а въ установкѣ общихъ основаній устройства и дѣятельности коммиссій, въ опредѣленіи характера вопросовъ какіе могутъ быть отдаваемы на рѣшеніе или обсужденіе коммиссій и въ указаніи какъ онѣ должны относиться къ постояннымъ учрежденіямъ министерства.

Безъ коммиссій обойтись нельзя, и онѣ имѣются вездѣ: въ военномъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, встрѣчается не мало вопросовъ требующихъ участія специалистовъ какихъ нѣтъ въ составѣ постоянныхъ учрежденій вѣдомства. Сверхъ того, вопросы имѣющіе законодательный или распорядительный характеръ не всегда могутъ быть передаваемы на разработку тому департаменту который будетъ приводить ихъ потомъ въ исполненіе: опытъ показалъ что департаментъ въ этомъ случаѣ всегда склоненъ рѣшить дѣло сообразуясь не съ общими выгодами, а главнымъ образомъ со своими удобствами.

Въ Германіи не менѣе часто чѣмъ у насъ составляются разныя коммиссіи, но почти никогда не случается чтобы нѣсколько коммиссій занимались одновременно. Нѣмецкія коммиссіи работаютъ скоро потому что имъ никогда не ставятъ неопредѣленныхъ, слишкомъ широкихъ задачъ. Прошлымъ лѣтомъ, напримѣръ, была созвана коммиссія для разсмотрѣнія предложеннаго членомъ парламента, фабрикантомъ Лёве, *ускорителя* стрѣльбы. Коммиссія окончила занятія въ два или три мѣсяца, а между тѣмъ она произвела обширные опыты и состояла изъ немногихъ лицъ. Отзывъ коммиссіи былъ не совсѣмъ благопріятный, *ускоритель* Лёве не принятъ, но дѣло не оставлено, хотя коммиссія и распущена. Иное было бы еслибы коммиссія занялась усовершенствованіемъ переданнаго на ея усмотрѣніе прибора. Несомнѣнно что коммиссія эта стояла на дѣйствительно реальной почвѣ и занималась посильнымъ ей дѣломъ. Этимъ лѣтомъ окончила занятія другая коммиссія, которая должна была выработать первоначальный проектъ обще-германскаго военнаго судоустройства и судопроизводства. У насъ такой коммиссіи поручили бы пожалуй выработать общія соображенія, главныя основанія, словомъ, заняться вопросами отвлеченными, на разсмотрѣніе которыхъ во многочисленномъ собраніи можетъ потребоваться очень долгое время. Въ Германіи поступили иначе. Коммиссія, куда вошли представители Пруссіи, Саксоніи и Баваріи, должна была, по возможности, согласить существующія въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи узаконенія по этому предмету, не входя въ обсужденіе пунктовъ разногласія. Въ Баваріи военный судъ гласный, въ Пруссіи при закрытыхъ дверяхъ. Коммиссіи не было поручено рѣшать какую изъ этихъ формъ предпочесть: ей прямо было указано приноровить дѣлопроизводство къ системѣ прусской.

Итакъ, коммиссіи въ Германіи поставлены на реальную почву, имъ предоставляется разрѣшать опредѣленные вопросы, отвѣчать на то что̀ ихъ спрашиваютъ. Всѣ онѣ созываются или для того только чтобъ окончательно рѣшить годится или нѣтъ данная вещь, или для того чтобы доставить извѣстную справку, въ видѣ мнѣнія свѣдущихъ лицъ.

При такихъ условіяхъ, коммиссіямъ вовсе нѣтъ надобности въ болѣе или менѣе обширныхъ канцеляріяхъ, въ значительномъ числѣ чиновниковъ-дѣлопроизводителей и писарей. Если встрѣчается пись-

менная работа, то она, по существующему въ германскомъ военномъ вѣдомствѣ обычаю, исполняется самими членами коммиссіи.

Любопытно обратить вниманіе и на самый составъ коммиссій. Онѣ почти никогда не составляются изъ однихъ спеціалистовъ, особенно техниковъ. Въ составѣ ихъ всегда имѣются опытные люди изъ числа строевыхъ начальниковъ. Судьбу *ускорителя* для стрѣльбы изъ ружей рѣшила коммиссія составленная не изъ артиллеристовъ, а смѣшанная, въ которой главную роль играли два корпусные командира. Нѣтъ также надобности въ коммиссіяхъ составленныхъ исключительно изъ однихъ высшихъ чиновъ. Когда, напримѣръ, послѣ войны 1870—1871 годовъ, въ Германіи обсуждались перемѣны въ строѣ и обученіи войскъ, вызываемыя указаніями боеваго опыта, въ составъ коммиссіи были назначены строевые офицеры всѣхъ чиновъ поровну. Это въ свое время обратило на себя общее вниманіе и вызвало не мало толковъ и въ нашей, и въ заграничной печати. Нѣмецкія газеты указывали тогда что, по мнѣнію германскаго военнаго министерства, такой составъ коммиссіи есть главнѣйшее ручательство практичности принимаемыхъ ими рѣшеній, практичности ведущей къ тому что принимаемыя по указаніямъ коммиссій мѣры не потребуютъ пересмотра, измѣненій и дополненій. А это, въ свою очередь, облегчаетъ трудъ центральныхъ управленій и сокращаетъ канцелярскую переписку всегда весьма обширную какъ только дѣло коснется пересмотровъ существующаго въ извѣстномъ дѣлѣ порядка.

Нельзя не пожелать чтобы подобные пріемы нашли примѣненіе и у насъ, такъ какъ они составляютъ единственную гарантію что разъ упраздненныя за ненадобностью коммиссіи не народятся снова, въ ущербъ дѣлу и въ обремененіе военнаго бюджета.

№ 361.

Москва, 29-го декабря.

Нѣсколько замѣчаній по поводу указа 1 января 1881, высказанныхъ въ № 352 *Московскихъ Вѣдомостей*, обратили на себя вниманіе и вызвали полемику между нѣкоторыми петербургскими газетами. Хорошо было бы еслибъ эта полемика послужила къ разъясненію дѣла, о которомъ многіе имѣютъ лишь смутное понятіе. Пока выяснилось одно: крайняя слабость аргументовъ въ пользу уплаты Государственнымъ Казначействомъ его мнимаго долга Государственному Банку.

Нельзя не платить долговъ; для государства неудобно брать въ основаніе финансовой системы теорію Фигаро что „имѣть долги и ихъ не платить, все равно что ихъ не имѣть“: вотъ главный афоризмъ приводимый въ защиту финансовой мѣры принятой 1 января 1881. Но когда же это Россія, въ лицѣ своего правительства, задолжала Государственному Банку, и что̀ она заняла у него?

Была война, требовавшая чрезвычайныхъ расходовъ, внѣ бюджетныхъ средствъ для ихъ покрытія. Чтобы найти эти средства, правительство заключало займы и кромѣ того пустило въ обращеніе сколько понадобилось кредитныхъ билетовъ сверхъ тѣхъ которые уже прежде обращались въ народѣ. Но при чемъ былъ тутъ Государственный Банкъ, на чемъ можетъ быть основано его право получить съ казны всю ту сумму которую добыла она выпускомъ кредитныхъ билетовъ, что въ дѣйствіяхъ правительства возлагаетъ на него обязанность непремѣнно уплатить эту сумму Банку?

Еслибы нѣсколько сотъ милліоновъ которые въ счетахъ Банка записываются „текущимъ долгомъ Государственнаго Казначейства“ были взяты изъ капиталовъ Банка необходимыхъ для обезпеченія его оборотовъ или изъ суммъ ввѣряемыхъ Банку публикой, изъ суммъ которыя публикой всегда могутъ быть потребованы обратно, казна, конечно, была бы должникомъ Банка, на ней несомнѣнно лежала бы обязанность расплатиться съ нимъ. Въ теченіи войны было нѣсколько случаевъ такихъ заимствованій въ небольшихъ размѣрахъ, но при всѣхъ такихъ случаяхъ казна спѣшила расплачиваться, и давно уже дѣло стоитъ такъ что ни одной копѣйки ни изъ основнаго и запаснаго капиталовъ Банка, ни изъ суммъ ввѣренныхъ Банку публикой за казной не числится. Что̀ же ссудилъ Банкъ Казначейству? откуда взялся долгъ, уплата коего поставляется правительству въ непремѣнную обязанность?

По распоряженію правительства, Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ изготовляла кредитные билеты. Эти билеты могли быть сданы прямо въ Государственное Казначейство или разосланы по уѣзднымъ, безъ всякаго посредства Государственнаго или какихъ бы то ни было иныхъ банковъ. Прохожденіе ихъ чрезъ Банкъ ни для правительства, ни для страны ни въ какомъ отношеніи не требовалось. Кредитъ не какого-либо банка, а государства далъ этимъ билетамъ значеніе денегъ. Во всей операціи выпуска кредитныхъ билетовъ роль Банка была не важнѣе роли пятаго колеса въ телѣгѣ. Но выпуская свои, а не банковые, кредитные билеты, правительство, вмѣсто того чтобы прямо разсылать ихъ по своимъ казначействамъ, вручало созданныя его кредитомъ деньги Государственному Банку, такъ сказать вносило ихъ на текущій счетъ, съ тѣмъ чтобы потомъ Банкъ производилъ изъ этихъ денегъ уплаты по правительственнымъ ордерамъ. Въ настоящую минуту, итогъ казенныхъ денегъ ввѣренныхъ сказаннымъ способомъ Государственному Банку равняется 417 милліонамъ рублей. Итогъ же уплатъ произведенныхъ Банкомъ изъ этихъ суммъ по правительственнымъ ордерамъ составляетъ 350 милліоновъ. Спрашивается кто кому долженъ, правительство ли Банку или Банкъ правительству?

Насъ хотятъ увѣрить что должникомъ оказывается правительство. Если вамъ случится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ внести въ какой-нибудь банкъ на текущій счетъ 417 тысячъ; если въ теченіе того же времени этотъ банкъ уплатитъ по вашимъ чекамъ 350 тысячъ, не воображайте что у васъ есть капиталъ въ 67 тысячъ лежащій въ банкѣ. Нѣтъ, вы не кредиторъ банка на эту сумму, а должникъ его на всю сумму выданныхъ вами чековъ, и если вы не будете биться какъ рыба объ ледъ для того чтобы расплатиться съ этимъ мнимымъ долгомъ, если вы не примете экстренныхъ мѣръ для того чтобы заплатить Банку 350 тысячъ, хотя бы для этого вамъ пришлось привести въ разстройство ваши дѣла, васъ не замедлятъ обвинить въ томъ что вы руководитесь безнравственною теоріей Фигаро!

Наше Государственное Казначейство должно уплачивать числящійся за нимъ по книгамъ Государственнаго Банка долгъ потому что Французское правительство тоже сочло себя обязаннымъ уплачивать Французскому Банку заимствованныя у него во время Франко-Прусской войны суммы. Но имѣетъ ли подобный аргументъ хоть тѣнь убѣдительности? Есть ли какая-нибудь аналогія между отношеніями Французскаго правительства къ Французскому Банку и нашего правительства къ нашему Государственному Банку?

Французскій Банкъ ссужалъ правительство своими деньгами, помогалъ ему своими средствами, своимъ кредитомъ. Не правительствомъ, а банкомъ были выпущены банковые билеты данные въ ссуду французскому казначейству. Не на правительствѣ, а на Французскомъ Банкѣ лежала обязанность сдѣлать эти билеты безостановочно размѣнными на звонкую монету, какъ только минуютъ обстоятельства потребовавшія установленія обязательнаго курса этихъ билетовъ. При всей зависимости Французскаго Банка отъ правительства, этотъ банкъ есть предпріятіе не казенное, а частное, его касса не казенный, а частный карманъ, карманъ акціонеровъ Банка, не смѣшивающихъ своихъ интересовъ съ государственными. Должники Французскаго Банка суть должники его акціонеровъ, а не государства, кредиторы этого Банка точно также имѣютъ дѣло съ его акціонерами, а не съ государствомъ. Случись съ Французскимъ Банкомъ такой же крахъ какому въ 1875 году подвергся Коммерческій Ссудный Банкъ въ Москвѣ, или недавно банкирская контора Бліоха, Французское правительство могло бы пожалуй умыть руки, оставивъ акціонеровъ раздѣлываться съ публикой какъ они знаютъ. Иное дѣло нашъ Государственный Банкъ. Онъ совершенно такое же казенное учрежденіе, такой же казенный карманъ какъ Государственное Казначейство и какъ всякая другая правительственная касса. Его капиталы суть капиталы казенные; его должники и кредиторы суть должники и кредиторы казны. Все довѣріе къ Государственному Банку основано единственно на довѣріи къ казнѣ, къ государству. Люди довѣрившіе Государственному Банку сотни милліоновъ денегъ, отдавшіе ему на храненіе массу разныхъ бумагъ и документовъ цѣнностію болѣе чѣмъ на милліардъ рублей, не боятся никакихъ краховъ отъ которыхъ могло бы пострадать

ихъ достояніе, и спятъ спокойно не потому что Банкъ имѣетъ такой-то основной и запасный капиталъ и управляется такими-то лицами и по такому-то уставу, а потому что они имѣютъ дѣло прямо съ государствомъ. Что бы ни случилось съ Банкомъ, за все отвѣтственна казна, и публика ничего не потеряетъ. Всякое противоположеніе Государственнаго Банка казнѣ есть не болѣе какъ фикція, миражъ, оптическій обманъ: нашъ Государственный Банкъ не болѣе какъ одно изъ отдѣленій Государственнаго Казначейства. На этомъ зиждется кредитъ Государственнаго Банка, и всякая попытка сдѣлать его частнымъ, акціонернымъ будетъ у насъ потрясеніемъ этого кредита. Скорѣе можетъ быть желательно полное сліяніе Государственнаго Банка и его отдѣленій съ Государственнымъ Казначействомъ и его провинціальными кассами. И въ той, и въ другой категоріи кассъ необходимо различеніе казенныхъ и частныхъ суммъ. Но взаимные счеты между казенными карманами, между одною и другою казенными кассами, характера государственныхъ долговъ имѣть не могутъ. Какія бы суммы ни были выданы изъ Саратовскаго Казначейства за счетъ Кіевскаго, это не будетъ государственнымъ долгомъ, для уплаты котораго требовались бы государственные займы и налоги. Какой бы долгъ ни насчитывалъ Государственный Банкъ на Государственномъ Казначействѣ, это долгъ казны самой себѣ, вовсе не требующій уплаты, развѣ только казной были бы затрачены деньги не составляющія казенной собственности.

Можно, конечно, смотрѣть на выпуски кредитныхъ билетовъ какъ на государственный долгъ. Но это долгъ правительства всей странѣ, а не Государственному Банку, и уплатой 350 милліоновъ Государственному Банку этотъ долгъ не будетъ уплаченъ. Неуплата Государственному Банку 350 милліоновъ нисколько не задержитъ улучшенія валюты и возстановленія размѣна когда обстоятельства сдѣлаютъ это возможнымъ; съ другой стороны уплата этихъ милліоновъ Банку ни на шагъ не приблизитъ насъ къ размѣну и къ упроченію валюты. Какими путями нужно идти къ этимъ цѣлямъ, показалъ примѣръ Америки, на который у насъ положительно не хотятъ обращать вниманія, можетъ-быть именно потому что это примѣръ наиболѣе подходящій къ нашимъ обстоятельствамъ. Сдѣлать рядъ займовъ для того чтобъ уплатить Государственному Банку 350 милліоновъ, возложивъ на народъ тяжесть ежегодныхъ платежей процентовъ и погашенія по этимъ займамъ, дѣло не хитрое и никакихъ особыхъ финансовыхъ способностей не требующее. Но представляютъ ли себѣ сторонники этихъ займовъ въ достаточной ясности къ какимъ результатамъ приведетъ вся эта тяжкая для государственнаго бюджета операція? Что выиграютъ отъ нея страна и правительство? Окрѣпнетъ ли наша валюта послѣ уплаты 350 милліоновъ, начнемъ ли мы пользоваться выгодами размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, замѣнится ли дороговизна дешевизной, наступятъ ли лучшія времена для нашихъ земледѣлія и промышленности? Вотъ вопросы на которые должны дать отвѣтъ защитники финансовой мѣры 1 января 1881 года, для того чтобы мнѣнія ихъ получили серіозное значеніе. Подождемъ, посмотримъ не удастся ли имъ доказать что отстаиваемая ими мѣра должна повести къ чему-нибудь хорошему.

№ 362.

Москва, 30-го декабря.

А.

Мы нѣсколько промедлили сообщеніемъ отчета о публичномъ засѣданіи V Департамента Правительствующаго Сената 26 ноября по дѣлу о бывшемъ минскомъ губернаторѣ Токаревѣ, членѣ совѣта министра Внутреннихъ Дѣлъ генералъ-лейтенантѣ Лошкаревѣ и другихъ. Отчетъ этотъ приведенъ нами во вчерашнемъ и сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты. Мы разчитывали на опубликованіе состоявшагося по этому дѣлу рѣшенія Сената, которое одно могло бы дать настоящее освѣщеніе этому дѣлу и осмыслило бы слишкомъ сухое канцелярское изложеніе, каковымъ является стенографическое воспроизведеніе *доклада* секретаря, замѣняющаго въ старомъ порядкѣ судопроизводства обвинительный актъ. Рѣшеніе Сената до сихъ поръ не опубликовано, и мы воспроизводимъ докладъ съ опущеніемъ лишь ненужныхъ повтореній. За неимѣніемъ окончательнаго

вывода изъ дѣла, каковымъ было бы рѣшеніе, трудно судить о степени дѣйствительной виновности привлеченныхъ къ отвѣтственности лицъ, трудно потому что мы имѣетъ предъ собой лишь сырой матеріалъ и не можемъ знать въ какой мѣрѣ согласны съ истиной показанія свидѣтелей и насколько доводы приведенные обвиняемыми въ свое оправданіе заслуживаютъ вниманія.

Сущность дѣла, насколько она обнаруживается изъ фактовъ неоспариваемыхъ самими обвиняемыми, заключалась въ слѣдующемъ:

Лѣтъ десять тому назадъ у мѣщанъ мѣстечка Логишино, Минской губерніи, былъ отобранъ и записанъ въ казну участокъ земли въ 2.631 десят., коимъ мѣстное городское общество владѣло въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ на правѣ собственности по „привилегіямъ" польскихъ королей, подтвержденнымъ въ послѣдствіи, по переходѣ Западнаго края во власть Россіи, Русскою верховною властью. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, приведеннымъ въ докладѣ, на тогдашняго минскаго губернатора, г. Токарева, падаетъ обвиненіе въ томъ что онъ изъ личныхъ, корыстныхъ видовъ побудилъ мѣстныхъ чиновниковъ завѣдывавшихъ казенными имуществами совершить этотъ актъ юридическаго насилія надъ темнымъ людомъ мѣстечка Логишино, и что затѣмъ, когда высшія инстанціи по дѣламъ о казенныхъ имуществахъ, будучи введены въ заблужденіе неправильнымъ отзывомъ мѣстнаго предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ о принадлежности Логишинскаго участка казнѣ, губернаторъ Токаревъ ставилъ логишинскимъ мѣщанамъ всяческія преграды къ выясненію истиннаго положенія дѣла и къ возстановленію ихъ нарушеннаго права и добиться даже того что пятеро изъ мѣщанъ мѣстечка Логишино, наиболѣе хлопотавшихъ по дѣлу были сосланы административнымъ порядкомъ, по распоряженію министра Внутреннихъ Дѣлъ, и пробыли въ ссылкѣ до 1876, а одинъ изъ нихъ до 1879 года. Между тѣмъ, отобранный у мѣщанъ мѣстечка Логишино въ казну участокъ земли былъ предоставленъ губернатору Токареву на льготныхъ условіяхъ за 14.000 р. въ видѣ награды за его усердную службу. Представленіе о наградѣ было сдѣлано тогдашнимъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ Потаповымъ, какъ утверждаетъ послѣдній, вслѣдствіе просьбы о томъ самого г. Токарева, что г. Токаревъ со своей стороны рѣшительно отрицаетъ, доказывая что инниціатива принадлежала самому генералъ-адъютанту Потапову, который первый предложилъ ему эту награду, а онъ, Токаревъ, только изъявилъ согласіе на принятіе оной. Какъ бы то ни было, но въ февралѣ 1874 года логишинская земля была укрѣплена за г. Токаревымъ, на основаніи послѣдовавшаго о томъ представленія виленскаго генералъ-губернатора, и г. Токаревъ введенъ во владѣніе. Не довольствуясь этимъ, г. Токаревъ потребовалъ отъ логишинскихъ мѣщанъ третьей части собраннаго ими въ предшедшемъ 1873 году хлѣбнаго урожая и сѣна, и когда Логишинцы въ этомъ ему отказали, г. Токаревъ предъявилъ къ нимъ, чрезъ повѣреннаго, искъ, требуя денежной уплаты въ 474 руб. за самовольную пастьбу скота на его лугахъ и о понужденіи Логишинцевъ къ возвращенію ему луговъ, коими тѣ продолжали пользоваться, отказываясь подчиниться неправильному, по ихъ мнѣнію, акту отчужденія ихъ собственности. Судебный приставъ, явившійся въ Логишино съ исполнительными листами объ удовлетвореніи означенныхъ требованій, встрѣтилъ сопротивленіе со стороны мѣстныхъ обывателей, которые прогнали и военную команду явившуюся по призыву пристава къ нему на подмогу. По доведеніи объ этомъ сопротивленіи до свѣдѣнія министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ Логишино былъ командированъ генералъ-лейтенантъ Лошкаревъ для возстановленія порядка и приведенія мѣстныхъ обывателей къ повиновенію. Генералъ Лошкаревъ прибывъ на мѣсто въ октябрѣ 1874 года распорядился о командированіи въ Логишино баталіона солдатъ и двухъ сотенъ казаковъ. Минскій уѣздный исправникъ полковникъ Кангеръ, командированный губернаторомъ Токаревымъ въ распоряженіе генерала Лошкарева, прибывъ въ Логишино ранѣе генерала Лошкарева, заготовилъ тамъ два воза розогъ и, угрожая мѣщанамъ чрезвычайными строгостями, побудилъ ихъ выслать на встрѣчу генералу Лошкареву депутацію съ изъявленіемъ покорности и согласіемъ исполнить всѣ его требованія. По вступленіи въ Логишино войска и прибытіи туда генерала Лошкарева началась „экзекуція." Съ мѣщанъ

потребована была не только уплата присужденныхъ съ нихъ 474 р. и признанія что они неправильно присваиваютъ себѣ право на не принадлежащую имъ землю, но еще уплата въ пользу г. Токарева суммы въ 5.000 руб. за урожай 1873 года, которые никакимъ судомъ присуждены не были, но была опредѣлена „полицейскимъ порядкомъ,“ и притомъ первоначально въ 12.000 р. Г. Токаревъ сбавилъ эту сумму до 5.000 р., „по великодушію,“ какъ заявилъ Логишинцамъ генералъ Лошкаревъ, потребовавъ немедленной раскладки и уплаты этой суммы. Жители мѣстечка бросались добывать деньги у мѣстныхъ Евреевъ за огромные проценты и продавали за безцѣнокъ свой скотъ и прочее имущество; а тѣ изъ нихъ которые медлили уплатой были подвергаемы полковникомъ Капгеромъ тѣлесному наказанію. Такимъ образомъ, требуемая сумма была взыскана; генералъ Лошкаревъ въ принятіи оной выдалъ квитанцію и удалился вмѣстѣ съ войскомъ, поблагодаривъ жителей за выказанное ими смиреніе и покорность. Полковникъ Капгеръ и прочіе чиновники сопровождавшіе генерала Лошкарева были имъ представлены къ наградамъ, которыя и получили. Въ донесеніи своемъ министру генералъ Лошкаревъ умолчалъ о томъ что нѣкоторыя изъ жителей были подвергнуты тѣлесному наказанію.

Логишинскіе мѣщане не вполнѣ однако подчинились вразумленію генерала Лошкарева и несмотря на заявленное ему раскаяніе, продолжали отстаивать свои права на отнятую землю судебнымъ порядкомъ. Въ 1876 году состоялось рѣшеніе Минской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, по которому отнятая земля вновь признана собственностью Логишинцевъ, а купчая выданная г. Токареву уничтожена. Это рѣшеніе утверждено Сенатомъ. Одновременно съ этимъ производилось и разрѣшено было и уголовное дѣло о сопротивленіи властямъ жителей мѣстечка Логишино, изъ коихъ 26 человѣкъ содержались 9 мѣсяцевъ подъ стражей. V Департаментъ Правительствующаго Сената призналъ необходимымъ ходатайствовать о смягченіи участи подсудимыхъ вмѣненіемъ имъ въ наказаніе девятимѣсячнаго содержанія подъ стражей. Вмѣстѣ съ тѣмъ V Департаментъ обратилъ вниманіе на незаконныя и произвольныя дѣйствія мѣстной администраціи и генерала Лошкарева по всему этому дѣлу, вслѣдствіе чего возникло обвиненіе противъ прикосновенныхъ къ логишинской расправѣ лицъ, восходившее на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. Комитетъ потребовалъ формальнаго слѣдствія о дѣйствіяхъ администраціи по этому дѣлу, выразивъ мнѣніе что „строгое и законное отношеніе правительства къ подобнымъ дѣйствіямъ своихъ органовъ составляетъ прямую обязанность правительства.“ Утвердивъ это заключеніе Комитета Министровъ 8 декабря 1878 года, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ подчеркнулъ приведенныя слова изъ заключенія Комитета, и собственноручно написалъ на поляхъ „*Разумѣется.*“ Послѣ произведеннаго предварительнаго слѣдствія въ I Департаментѣ Правительствующаго Сената 1 апрѣля сего года состоялось опредѣленіе о преданіи суда гг. Токарева, Лошкарева, Севастьянова и Капгера, которое Высочайше утверждено 3 іюля.

Такова сущность дѣла, подавшая „либеральнымъ“ органамъ нашей печати поводъ къ нескончаемымъ толкамъ, направленнымъ разумѣется къ тому чтобы доказать несостоятельность „существующаго режима.“ Нужды нѣтъ что изъ самаго дѣла видно что въ концѣ концовъ правда восторжествовала и если были злоупотребленія, то виновники подвергнуты отвѣтственности и что многознаменательное „разумѣется,“ начертанное рукой Государя, служитъ прямымъ опроверженіемъ этихъ лицемѣрныхъ возгласовъ. То что дѣло происходило въ западномъ краѣ разумѣется еще болѣе усиливаетъ эффектъ „либеральныхъ“ рекламацій. Опускается и обходится молчаніемъ лишь одно: съ паѳосомъ излагаются обстоятельства мѣста, но не времени. Припомнимъ же не только *гдѣ*, но и *когда* происходило дѣло. Оно началось въ 1870 году, въ то именно время когда администрація западнаго края была отдана въ руки людей задавшихся мыслью о „легальности,“ и во имя этой легальности поправшихъ все то что было прежде предпринято въ интересахъ русскаго государственнаго начала въ борьбѣ съ мятежомъ и крамолой. Это было время когда масса русскихъ дѣятелей, призванныхъ при генералъ-губернаторахъ Муравьевѣ и Кауфманѣ, съ позоромъ изгонялась изъ края, когда русское имя было вновь затоптано въ грязь, когда русскихъ крестьянъ хо-

тѣли опять выдать головой панамъ, и газета *Вѣсть* проводила подъ консервативнымъ флагомъ тѣ самыя враждебныя Русскому государству и русскому историческому складу воззрѣнія какія нынѣ проводятся съ неменьшимъ усердіемъ подъ флагомъ либерализма. *Вѣсть* протестовала противъ „радикальныхъ" мѣръ, кои были принимаемы администраціей предшествовавшею генералъ-губернаторству Потапова, и съ горячностью заступалась за неприкосновенность „принципа собственности" нарушеннаго будто бы по отношенію къ польскимъ панамъ участвовавшимъ въ открытомъ мятежѣ. Но при всемъ усердіи выказанномъ тогда партіей *Вѣсти* въ раскрытіи злоупотребленій никто ни разу не осмѣлился утверждать чтобы мѣры генерала Муравьева или Кауфмана были предприняты въ какихъ-либо иныхъ видахъ какъ въ интересахъ Русскаго государства, какъ они ихъ понимали, чтобъ ими руководили иныя побужденія кромѣ *salus reipublicae*. Но именно въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ возобладало иное вѣяніе и открыто проповѣдывалось что и насущная потребность государственной цѣлости и безопасности, и борьба противъ крамолы не можетъ служить оправданіемъ чрезвычайныхъ мѣръ... Польскіе паны вздохнули свободно. Но изъ дѣла г. Токарева и другихъ мы можемъ во всякомъ случаѣ судить какъ администрація того времени примѣняла принципы легальности къ коренному русскому населенію края.

Б.

Газета *Страна* сдѣлала на дняхъ неожиданное и чрезвычайно важное открытіе. Она нашла „сѣмяна (sic) того стремленія къ наживѣ которое создало и создаетъ дѣльцовъ, совмѣстителей, банковыхъ, земскихъ, городскихъ и иныхъ *хищниковъ*." Она, сверхъ того, нашла одно явленіе въ нашей жизни которое „оказывается *всестороннимъ общественнымъ* зломъ, порчей и растлѣніемъ нравовъ." Это явленіе заключается въ томъ что у нѣкоторыхъ изъ нашихъ гимназистовъ есть очень бѣдные родители. „Мы знаемъ," трагически восклицаетъ петербургская газетка,

„отцовъ и матерей, которые сидятъ въ холодной комнатѣ, питаются *черезъ день* теплою пищей, закладываютъ и продаютъ послѣднее только для того чтобы какими-нибудь путями сколотить рублей 20 въ мѣсяцъ для уплаты репетитору. Мы знаемъ *ужасный* случай: мать не имѣвшая чѣмъ платить репетитору (сынъ ея былъ въ IV классѣ) рѣшилась *украсть* 60 руб. чтобы дотянуть три мѣсяца до каникулъ и перевести сына въ V классъ."

Этотъ „ужасный случай," извѣстный впрочемъ только редакціи *Страны*, подалъ ей мысль изслѣдовать это *всестороннее общественное зло*, и вотъ при этомъ изслѣдованіи она и нашла тѣ „сѣмяна" которыя „создали и создаютъ дѣльцовъ, совмѣстителей и т. д." Оказывается что ученики старшихъ классовъ гимназій, видя бѣдность своихъ родителей, по мѣрѣ силъ своихъ помогаютъ имъ, давая кое-какіе частные урочки и репетируя со своими младшими, малоуспѣвающими товарищами. Вотъ что̀ по этому поводу говоритъ *Страна:*

„Не говоря уже о томъ что репетиторство *всегда* (?!) совершается насчетъ умственныхъ занятій и образованія самихъ репетиторовъ, эти юноши VI—VIII класса, незамѣтно для себя, *растлѣваются первыми зернами стремленія къ наживѣ и къ совмѣстительству*. Совершенно не сложившійся еще, не окрѣпшій нравственно юноша 16—18 лѣтъ самими воспитателями и образователями своими вводится въ соблазнъ наживы, искушается „яко діаволомъ" запасомъ денегъ и удобствами полнаго кошелька.

„Вслѣдствіе этого юноши *мечутся какъ угорѣлые* предъ „начальствомъ," лакействуютъ предъ преподавателями, даже подличаютъ, только бы достать „рекомендацію," а съ нею побольше „кондицій." И вотъ вмѣстѣ съ „аттестатомъ зрѣлости" юноши наши получаютъ изъ гимназій прочныя сѣмяна того стремленія къ наживѣ которое создало и создаетъ дѣльцовъ, совмѣстителей, банковыхъ, земскихъ, городскихъ и иныхъ хищниковъ. Такимъ образомъ не въ семьѣ, а въ гимназіяхъ, въ репетиторствѣ кладется начало тѣхъ деморализирующихъ элементовъ которыми такъ богата наша „общественная" жизнь."

Но *Страна*, въ своемъ патріотическомъ порывѣ, на этомъ не останавливается. Она „адресуется къ управленію народнаго просвѣщенія" и ставитъ ему ультиматумъ состоящій изъ пяти пунктовъ. Если управленіе приметъ эти пять пунктовъ, Россія

спасена; если нѣтъ, Россія погибнетъ отъ „растлѣнія нравовъ." Вотъ эти пункты:

„Уменьшеніе на добрую половину курса древнихъ языковъ.

„Уничтоженіе VIII класса.

„Презрительное отношеніе начальства къ лакейству преподавателей.

„Больше снисхожденія *къ дѣтямъ*, меньше придирчивости на экзаменахъ.

„Больше *человѣчности*."

Какъ видитъ читатель, средства предлагаемыя *Страной* къ прекращенію „всесторонняго общественнаго зла" отличаются такою же неожиданностью какъ и открытіе самого зла. Въ какомъ напримѣръ отношеніи находится существованіе VIII класса къ существованію „бѣдныхъ родителей," а также „банковыхъ, земскихъ, городскихъ и иныхъ хищниковъ?" Неужели у насъ прекратятся банковыя кражи если только, согласно желанію *Страны*, *Порядка* и другихъ подобныхъ имъ патріотическихъ газетъ, въ нашихъ гимназіяхъ будутъ учиться на добрую половину *меньше* и *хуже?* А вѣдь этого только и добиваются эти честные педагоги и патріоты...

Коль скоро бѣдные ученики, по мнѣнію *Страны*, суть зло, то выходило бы что бѣдныхъ учениковъ допускать въ гимназіи не слѣдуетъ. Но *Страна*, взявъ все ей нужное съ бѣдности учениковъ и ихъ родителей и проливъ вдоволь крокодиловыхъ слезъ о злѣ которое отъ сего происходитъ для общества, мгновенно повертываетъ оглобли, и какъ ни въ чемъ не бывало начинаетъ вопить противъ гимназій и требовать ихъ разрушенія. Тутъ нѣтъ смысла, за то тутъ очевидно наглое наругательство надъ смысломъ. Далѣе: дѣти неимущихъ родителей, доучившись въ гимназіяхъ до высшихъ классовъ, стараются добыть себѣ средства честнымъ трудомъ и ищутъ урочковъ. Это великое зло! Лучше пусть они нахально попрошайничаютъ, какъ описываетъ нашъ харьковскій корреспондентъ. Молодые люди ищутъ пріобрѣсти довѣріе и расположеніе своихъ преподавателей стараясь хорошо учиться и вести себя, — ибо чѣмъ другимъ какъ не добрымъ поведеніемъ и ученіемъ могутъ они расположить къ себѣ преподавателей? И это зло и подлость! Надо чтобъ ученики не старались заслужить доброе мнѣніе своихъ воспитателей, а доказывали имъ свою самостоятельность такимъ напримѣръ образомъ какъ сообщаютъ намъ изъ Нѣжина.

Сколько пережила наша несчастная русская школа потрясеній въ послѣдніе годы управленія графа Толстаго, когда требовалось свалить его! Сколько ударовъ постигло ее послѣ, въ эпоху „диктатуры сердца" и „новыхъ вѣяній." Наступило наконецъ другое время; но что̀ „новыя вѣянія" оставили, то и доселѣ остается... Духъ тлѣнія и упадка, внесенный ими въ школу, продолжаетъ свое дѣло. Школа наша внутренно гніетъ и разлагается, ученіе упало, о дисциплинѣ запрещено и думать, поощряются напротивъ лѣнь, небреженіе, дурныя страсти. Не ученики должны заботиться объ исполненіи требованій своихъ наставниковъ, а эти послѣдніе должны угождать ученикамъ и трепетать предъ ними. Деморализація полная. Все вверхъ дномъ и на вывороть. Куда же мы идемъ, или когда же мы опомнимся?

Въ самомъ дѣлѣ, когда же мы опомнимся? Посмотрите, ежедневно, всенародно совершается надъ нашимъ бѣднымъ русскимъ обществомъ дѣло вражды, которая завладѣла русскимъ словомъ. Возьмите, напримѣръ, газету *Порядокъ*. Каждый листокъ ея отъ первой строки до послѣдней, кромѣ чисто фактическихъ газетныхъ сообщеній, исполненъ систематическаго глумленія надъ нашимъ отечествомъ подъ видомъ либерализма. Изо всего извлекается ядъ, все служитъ средствомъ морока, разсчитаннаго на возбужденіе страстей, на затемнѣніе здраваго смысла. Возьмемъ, напримѣръ, безо всякаго выбора, сегодня полученный нумеръ этой газеты (отъ 29 декабря). Вотъ въ политическомъ обозрѣніи первая статейка, въ которой *Порядокъ* полемизируетъ съ какою-то другою петербургскою газетой, замѣтившею что восточные Славяне для которыхъ Россія такъ много сдѣлала и принесла столько жертвъ платятъ ей за это неблагодарностію. *Порядокъ* въ свою очередь замѣчаетъ: „Въ „усиленіи или ослабленіи къ намъ симпа„тіи со стороны Славянъ играетъ большую „роль также и недовѣріе внушаемое имъ „отчасти нашими *внутренними порядками* „и *нашими отношеніями къ окраинамъ*..." Вотъ мораль въ которой заключается вся сила замѣтки *Порядка*. Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько словъ о предположеніи барона Корфа учредить воскресныя повторительныя школы для народа. *Порядокъ* находитъ эти воскресныя повторительныя школы необходимыми. Но присовокупляетъ:

„Трудно, даже почти невозможно осуществиться этому, пока искусственно будетъ удерживаться рознь между классомъ образованнымъ и не образованнымъ, пока *право учиться и учить для каждаго* (?) будетъ существовать только на бумагѣ." Далѣе, слѣдуетъ юмористическая выходка противъ какой-то „игры въ народъ." Въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ* сообщается что крестьянинъ Сорокинъ, участвовавшій въ совѣщаніяхъ „свѣдущихъ людей" разсуждавшихъ о пьянствѣ въ качествѣ уполномоченнаго отъ одного изъ сельскихъ обществъ, вовсе не крестьянинъ, а купецъ и притомъ кабатчикъ, и что онъ, требуя недопущенія кабаковъ ближе пятнадцативерстнаго разстоянія одинъ отъ другаго, руководился лишь своимъ интересомъ, въ тѣхъ видахъ чтобъ его кабакъ господствовалъ безъ конкурренціи въ районѣ пятнадцати верстъ. Что̀ же отсюда слѣдуетъ если что-либо слѣдуетъ? Не то ли что такъ-называемое выборное начало оказывается несостоятельнымъ? Если все вышеприведенное правда, то выходитъ что выбранный крестьянскимъ обществомъ депутатъ дѣйствовалъ не въ ихъ интересѣ, а въ свою пользу и во вредъ своимъ избирателямъ. А между тѣмъ *Порядокъ* тѣшится надъ затѣянною будто бы кѣмъ-то „игрою въ народъ" и „привозомъ русскаго мужика" въ столицу, и заключаетъ такимъ нравоученіемъ: „Иное дѣло отстаиваніе народныхъ интересовъ (въ *Порядкѣ?*), иное дѣло *игра въ народъ* съ постановкою на сценѣ *пейзанъ*."

Слѣдуетъ статья о выкупѣ владѣльческихъ городовъ. Есть въ юго-западномъ краѣ восемь уѣздныхъ городовъ обложенныхъ частнымъ владѣльческимъ правомъ. Издавна предполагалось упразднить эти права посредствомъ выкупа, что̀ въ Царствѣ Польскомъ въ 1864 году и сдѣлано, но здѣсь аномалія эта по разнымъ причинамъ продолжаетъ и доселѣ свое существованіе И вотъ, вслѣдъ за глумленіемъ надъ *игрою въ народъ*, это обстоятельство даетъ *Порядку* поводъ къ слѣдующему назидательному разсужденію.

„Къ числу тѣхъ сбивчивыхъ понятій которыя усиленно распространяются въ настоящее время, принадлежитъ утвержденіе извѣстной части печати, будто законодательныя учрежденія образованныхъ государствъ представляютъ только непріятную обузу, затрудняющую ходъ государственной машины, замедляющую правильное удовлетвореніе потребностей. Тамъ де приходится убѣждать, спорить, бороться, подвергаться голосованію, тогда какъ въ тѣхъ немногихъ государствахъ гдѣ сохраняется еще бюрократически-полицейскій режимъ сто̀итъ только приказать или подписать бумагу чтобъ порѣшить самое сложное дѣло. Неизвѣстно ради какой надобности распространяются подобные софизмы, но на каждомъ шагу не трудно найти имъ самое вразумительное опроверженіе."

Спустимся на той же страницѣ въ нижній ярусъ, и заглянемъ въ фельетонъ гдѣ помѣщена статья *Обзоръ русскихъ историческихъ журналовъ*. Въ *Русской Старинѣ* печатаются записки извѣстнаго гравера Пожалостина, который вышелъ изъ крестьянъ и безхитростно разказываетъ свою жизнь. Обозрѣвателю *Порядка* особенно понравился эпизодъ о его женитьбѣ, который онъ и выписываетъ. Дѣло въ томъ что молодаго деревенскаго парня полюбила дѣвушка которую онъ оцѣнилъ слишкомъ поздно, когда она уже вышла за другаго, а его женили на дѣвицѣ которой онъ не зналъ, женили не спросясь ни его, ни ея сердца. Выписавъ этотъ эпизодъ, обозрѣватель *Порядка* восклицаетъ:

„Какъ многое объясняютъ эти семейные нравы и въ самомъ политическомъ строѣ Московскаго государства (каково!) на которое теперь иные любомудры указываютъ какъ на идеалъ не только образованнымъ классамъ изъ Великоруссовъ которые уже ушли отъ этихъ нравовъ, но и *цѣлымъ народамъ Россіи* (мы не могли не подчеркнуть этихъ словъ), которые давно уже выработали другіе „устои" семейнаго быта какимъ должны соотвѣтствовать и другіе устои быта общественнаго!"

Авторъ повидимому свѣдущій человѣкъ; онъ не можетъ не знать что браки въ простомъ быту и вездѣ заключаются подобнымъ образомъ. А во Франціи не только въ простомъ быту, но и въ образованномъ и высшемъ обществѣ браки иначе не заключаются какъ по соглашенію родителей, помимо молодыхъ людей, которые нерѣдко узнаютъ о своей участи впервые свидѣвшись другъ съ другомъ. Но обозрѣватель *Порядка* пользуется выхваченнымъ эпизодомъ для того чтобъ извлечь изъ него каплю яда и противопоставить варварство Русскаго (великорусскаго) народа другимъ *народамъ* Россіи. И это говорятъ намъ прямо въ лицо! Но какіе же это другіе на-

роды, механически связанные въ составѣ Россійской имперіи?

По поводу печатаемыхъ въ томъ же журналѣ донесеній Фока къ Бенкендорфу о состояніи общественнаго мнѣнія, обозрѣватель восклицаетъ:

„Какъ мало при способахъ военно-патріархальнаго надзора правительство могло знать истинное настроеніе общества видно, напримѣръ, на донесеніи князя Паскевича къ только что вступившему на престолъ Императору Александру II отъ 20 февраля 1855 года. „Поляки, писалъ онъ, несмотря на безпокойный характеръ, не могли, сравнивая свое положеніе съ Галиціею и Познанью, не чувствовать признательности къ Государю, милосердію котораго Польша обязана своимъ вторымъ существованіемъ и спокойствіемъ. Смѣю сказать что горесть между Русскими общая и искренняя, а между Поляками такова что, не видавъ, я бы не повѣрилъ ей. Въ Царствѣ Польскомъ все спокойно.“

Но мудрено ли что князь Паскевичъ въ то время былъ обманутъ Поляками въ Варшавѣ, если и въ наше время, послѣ событій 1863 года и разоблаченій которыя они принесли съ собою, мы такъ легко даемся въ обманъ, которому органомъ, какъ мы видимъ, служитъ и печать?

Въ той же *Русской Старинѣ* помѣщены записки одного лица бывшаго когда-то губернаторомъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Изо всего о чемъ въ этихъ запискахъ разказывается фельетонистъ *Порядка* съ жадностію выхватилъ лишь нѣсколько словъ относящихся къ русскимъ должностнымъ лицамъ. Авторъ записокъ посѣтовалъ на то что не всѣ должностныя лица равно усердно исполняли свой долгъ и вообще на уклоненія свойственныя человѣческой природѣ вездѣ и во всѣ времена. Только это и понадобилось *Порядку* для того чтобы дополнить эти строки своими прикрасами. Но по извлеченіи капли яда изъ записокъ, онъ злобно обрушивается на ихъ автора за все остальное, усматривая въ немъ русскаго патріота, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывается о немъ, называя его любомудромъ.

„Не самые ли вредные „утописты,“ эти любомудры, которыхъ въ послѣднее время встрѣчаемъ довольно часто, встрѣчаемъ въ печати, и къ которымъ очевидно принадлежитъ и г. А. К.,—которые послѣ собственныхъ обличеній „чудовищнаго центра чиновничества“ набрасываются на всѣ стремленія образованнаго міра, но давши себѣ даже труда опредѣлить, что̀ они разумѣютъ подъ таковыми, и, въ концѣ концовъ, сводятъ всѣ свои идеалы къ нулю или къ фикціи?“

Но надо остановиться и ограничиться полутора страницами сегодняшняго нумера *Порядка*.

Говорятъ что публика наша слишкомъ равнодушно относится къ дурному въ печати, что она позволяетъ глумиться надъ собою и морочить себя. Но ее ли, ежедневно отравляемую патентованнымъ ядомъ, винить въ равнодушіи? Что̀ же ей дѣлать?

Цѣна 3 руб.

Складъ изданія въ конторѣ типо-литографіи В. В. Чичерина, Москва, Мясницкая улица, домъ Духовной Консисторіи.